

От автора

У нас в стране наука настолько политизирована, что люди как-то забывают, что истина и сама по себе интересна.

Фазиль Искандер

Эта книга появилась достаточно неожиданно — как бы сама собой.

Во всяком случае, я не планировал писать именно этот текст.

Так получилось, что 23 декабря 2010 г. в рамках проекта «Полит.ру» я прочел лекцию на тему «Голодный экспорт» в истории Российской Империи¹. Расшифровка ее стенограммы несколько затянулась, поскольку с самого начала 2011 г. начались конференции, посвященные 150-летию Великой реформы, а затем разного рода мероприятия, связанные с памятью П. А. Столыпина.

В сумме они дали достаточно полное представление о современном состоянии историографии. С одной стороны, было немало интересных и притом ярких докладов, которые наглядно показали, насколько далеко ушла часть исторического сообщества от догматизма советской эпохи. А с другой стороны, во многих выступлениях доминировали взгляды, знакомые мне с начальной школы и трактующие революции начала XX в. как «голодные бунты», как результат возмущения народа, доведенного до отчаяния своим безысходным положением.

Это было одновременно и предсказуемо, и возмутительно, и отчасти грустно — все-таки оставалась надежда, что за последнюю четверть века, когда в научный оборот было введено множество новых источников, когда появились десятки квалифицированных работ, обоснованно опровергающих привычные марксистско-ленинские подходы, что-то изменится в этом собрании историографических окаменелостей. Увы...

Трудно было также не заметить, что эта активность приверженцев традиционных подходов подпитывается тем, что в обществе и медиа-пространстве в течение нескольких лет методично насаждается аналогичный негативистский взгляд на пореформенную Россию. В этом смысле показательным был 150-летний юбилей Столыпина; о пресловутых «галстуках», надо сказать, в наших СМИ можно услышать куда чаще, чем о сталинских «тройках» и о том, что И. В. Сталин и В. М. Молотов в один день 12 сентября 1938 г. подписали 3173 смертных приговора — больше, чем было казнено по приговорам военно-окружных и военно-полевых судов в 1905–1913 гг.²

¹ Давыдов М. А. «Голодный экспорт» в истории Российской Империи. Источник: электронная публикация <http://polit.ru/article/2012/06/26/hunger/> Дата обращения 08.09.2015.

² АП РФ. Оп. 24. Д. 418, Л. 2, 25, 36, 50, 56, 61, 109, 125, 132, 141, 153, 163, 169, 174, 202, 213, 219, 225, 253. Подсчеты автора. В 1905–1913 гг. военно-окружными и военно-полевыми судами был приговорен к смерти 6871 человек, из числа которых казнен 2981 (т. е. 43,4%), в среднем — 331 человек в год. (Русское богатство. 1909. № 4. С. 80–1; Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. Пг., 1914. С. 41; Полянский Н. Н. Царские суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 215). А вот статистика другой эпохи: «По имеющимся данным, в 1937–1938 гг. были арестованы около 1,6 млн человек, из них около 700 тыс. расстреляно и неизвестное нам количество людей убито во время следствия в застенках НКВД. Хотя эти цифры нуждаются в дальнейшем уточнении, в целом они отражают масштабы Большого террора. На протяжении неполных полутора лет каждый день расстреливали до 1500 «врагов», не говоря о тех, кого посылали в лагерь». (Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 214–215).

Все те же «старые песни о главном» — об общине. Все тот же примат проблемы распределения доходов в российском сельском хозяйстве над проблемой производства народного богатства. Все те же набившие оскомину возгласы на тему «недоедим, а вывезем», все тот же поверхностный взгляд (с эсеровско-комбедовским прищуром) на сложнейшие проблемы отечественной истории, все та же лексика и уровень аргументации, что и в учебниках истмата для техникумов.

И в который раз стало ясно, что наше общество по-прежнему лишено элементарной нравственной системы координат.

В какой-то момент я понял, что мне необходимо поделиться своим собственным видением обсуждаемых проблем и что рамки текста публичной лекции совершенно недостаточны для того, чтобы выразить тот комплекс чувств, который я испытывал.

В итоге расшифровка стенограммы 45-минутного выступления — на волне не до конца высказанных в живой полемике эмоций — как-то сама собой превратилась в углубленное исследование тематики, затронутой в лекции и в большой мере представленной в данной работе. Сначала был написан текст «Пореформенная модернизация России: статистика и идеология», помещенный на сайте «Полит.ру»¹, а затем появилась эта книга.

Она не является академическим трудом в привычном смысле данного термина, — хотя в тексте множество страниц, написанных той смесью «Устава гарнизонной и караульной службы» с «Поваренной книгой», которая у нас — так уж повелось — нередко именуется научным языком.

И все же книга не академична, и было бы странно, если бы оказалась таковой, поскольку мною двигали эмоции вполне определенного накала.

Полагаю, настало время, когда, во-первых, совершенно необходимо уяснить или, по крайней мере, задуматься над тем — что хорошо и что плохо, что белое и что черное в нашей истории и почему мы путаем одно с другим.

А во-вторых, пора сказать об этом достаточно ясно и четко и начать, наконец, лечиться от этого «исторического дальтонизма».

К тому же я на собственном опыте давно убедился, что оппоненты слышат тебя только тогда, когда ты говоришь с ними, цитируя одного знаменитого генерала, «для удобнейшего понятия — в самых простых выражениях»².

* * *

Строго говоря, живучесть точки зрения о том, что главной причиной революции 1917 г. было якобы бедственное положение народных масс после 1861 г., неудивительна, тем более, что в последние годы прежде всего вследствие рестаилинизации эта тематика «вдруг» стала весьма актуальной.

Такой подход имеет давнюю традицию.

Отгалкивающий, негативный образ пореформенной России был сформирован еще в народнической публицистике, «родоначальнице» всей дореволюционной оппозиционной литературы. Позже он в дополненном и исправленном виде вошел в советско-марксистское объяснение отечественной истории, артикулированное Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а затем только уточнявшееся.

¹ Давыдов М. А. Пореформенная модернизация России: статистика и идеология. Источник: электронная публикация: http://polit.ru/media/files/2012/11/01/Mikhail_Davydov_2012.pdf Дата обращения 08.09.2015.

² Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816–1826. СПб., Журнал Звезда. 2015. С. 56.

Народнический анализ пореформенной действительности (позже к нему приобщились и марксисты), по определению предвзятый и некорректный, породил громадную литературу, которую я в предыдущей своей книге назвал, используя мысль выдающегося русского экономиста 1-й трети XX в. Н. П. Макарова, «плачущей», а точнее — «ноющей историографией» российской деревни¹.

Почти весь пафос этой литературы заключался в доказательстве безотрадного и беспросветного положения российского крестьянства, которое, впрочем, сохраняло шансы на светлое будущее в виде уравнилельно-передельной общины, «эмбриона» нового социального строя.

Об этом писались сотни книг, брошюр и статей, весьма часто находившихся в прямом противоречии с действительностью, что вовсе не смущало их авторов. Власть была объявлена виновной в ограблении крестьян в ходе Великой реформы, и это в огромной мере определяло всю общественную атмосферу эпохи.

Не слишком утрируя, можно сказать, что у русской революционно-демократической интеллигенции, характеризовавшей, кстати, саму себя как «народолюбивую» без кавычек, был главный и за все дурное ответственный враг — самодержавие, в борьбе с которым хороши были все средства: от тенденциозных (а то и сфальсифицированных) текстов до взрывчатки. Это во-первых. А во-вторых, у нее был главный и всегда страдающий по милости этого самодержавия объект почитания, заботы и даже любви — народ, понимаемый прежде всего как крестьянство, которому она, интеллигенция, сильно задолжала за то, что умеет писать, читать не по складам, и знает, кто такой Леонардо да Винчи. Долг этот она возвращает, борясь тем или иным образом с самодержавием, и со временем вернет, выведя народ к светлому социалистическому будущему.

Важно заметить, что «плач» над участью крестьянства, который был одним из главных компонентов пресловутого «народолюбия», был отнюдь не бескорыстным. Взамен интеллигенция² присвоила себе право говорить от имени народа, приписывая, точнее, навязывая ему свои взгляды (выдавая, как говорил Н. П. Макаров, «свою социалистически-этическую точку зрения» за крестьянскую).

Словом, в пореформенной общественной мысли народники первыми разыграли классический «треугольник Карпмана», где роль «жертвы» была отведена народу, роль «преследователя» — самодержавию и помещичьему дворянству (чуть позже к ним добавилась и буржуазия), а «спасителя» играла народолюбивая интеллигенция.

Поскольку «ноющая историография» несла в себе очень мощный критический заряд по отношению к царизму, она в этой своей ипостаси вошла в советскую историографию, где обросла марксистско-ленинскими дополнениями и уточнениями. В результате этого «синтеза» появился современный негативистский, пессимистический подход к пореформенной эпохе. Его метафорой вполне может служить картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге».

Этот взгляд исходил и исходит из того, что революция была логическим, «закономерным» завершением порочного в целом пути развития страны, следствием которого было перманентное ухудшение положения народа в пореформенное время. После

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. Алетея. С. 23–24.

² В этом тексте, как и в других своих работах, под интеллигенцией пореформенной эпохи я, исходя из известного определения П. Н. Милокова, подразумеваю политически активное меньшинство образованного класса, прежде всего левых народников и марксистов, а также радикальную часть кадетов. П. Н. Милоков. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 298–299.

«буржуазных реформ» Россия вступила в затяжной системный кризис, вызванный в первую очередь «грабительскими» условиями освобождения крестьян и сохранением помещичьего землевладения. Крестьянство нищало, угнетаемое помещиками, непомерными податями и выкупными платежами, «малоземельем» (что неявно вызывало вопрос — может быть, крестьянам было бы лучше оставаться крепостными?), нарождающийся пролетариат нещадно эксплуатировался буржуазией и т. п.

В рамках этого подхода вся жизнь страны трактуется с точки зрения «презюмции виновности» правительства во всех мыслимых и немыслимых изъянах и недостатках развития пореформенной России. Правительство буквально **все** делало неправильно, оно априори было виновато во **всем**, кроме, условно говоря, смены времен года (степень условности, замечу, здесь не слишком велика). Масштабы этой массовой психопатии потомкам представить очень трудно.

Общество как будто мстило государству за века вотчинно-крепостнической истории, за которую Александр II определенно не отвечал.

В силу подобной логики в массовом сознании образованного класса покушения на царя вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обрели характер чуть ли не обыденного явления, морально-этическая оправданность которого была настолько очевидна, что как бы и не обсуждалась.

Россия — в полном соответствии с пресловутым сталинским тезисом о ее полукOLONиальной зависимости от Запада — по-прежнему «навсегда» отставала от передовых держав, положение населения непрерывно ухудшалось, его недовольство нарастало, и Первая Мировая война стала предопределенным финалом закономерного процесса краха Империи; непонятно, правда, почему она при этом в 1913 г. уверенно входила в пятерку ведущих стран по многим из важных показателей экономического развития.

До 1917 г. такое видение эпохи должно было объяснять и оправдывать борьбу оппозиции против «ненавистного царизма», а для советской историографии — не только оправдывать, но и легитимизировать переворот 25 октября 1917 г., Гражданскую войну и «обычную» советскую жизнь.

Зачем и почему о нем вспомнили в наши дни — это отдельный вопрос, на который я отвечу ниже.

Противоположный подход к пореформенной эпохе, который разделяется рядом историков, в том числе и мной, можно назвать оптимистическим, «позитивным».

Согласно ему, Великие реформы дали стране мощный импульс для успешного развития, значительно усиленный затем «модернизацией Витте-Столыпина», а также принятием в 1905 г. конституции.

Это отнюдь не означает, что у нас «все было хорошо», что Россия была страной без сложных проблем (таких стран в истории не бывает), однако эти проблемы не относились к числу **принципиально** нерешаемых. Для масштабной реализации потенциала модернизации требовались пресловутые «20 лет покоя внешнего и внутреннего». Однако принявшая неизвестный дотоле человечеству масштаб Первая Мировая война и вызванные ею трудности стали главной причиной русской революции 1917 г.

В основе данного взгляда лежит тот факт, что поражение в тотальной войне само по себе — достаточная причина для революции и не может быть решающим аргументом при оценке успеха или неуспеха предшествовавшей модернизации страны.

Революции, как известно, не всегда происходят после проигранных войн, но весьма часто это случается, потому что при прочих равных они **демографируют** нацию и явно

демонстрируют несостоятельность Власти (в данное конкретное время, конечно, а не в течение всей истории государства). Обоснованность этой точки зрения подтверждается, в частности, крушением Германской и Австро-Венгерской империй в 1918 г., благоприятный исход модернизации в которых сомнению не подвергается.

Предвижу возражение — эти две империи действительно распались *после* поражения в войне, а Российская — до него. Ответ таков — революция 1905 г. также началась *до того*, как Россия де-факто потерпела поражение в войне с Японией — 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.) Порт-Артур капитулировал. Несложно представить, с каким настроением страна встречала Рождество Христово, а затем и Новый год. Третьего января началась забастовка на Путиловском заводе, а 9(22) января 1905 г. народ двинулся к Зимнему дворцу, — последующие события слишком хорошо известны. Ни Мукден (февраль 1905 г.), ни Цусима (май 1905 г.) никак не способствовали оздоровлению морального климата в стране и повышению престижа правительства.

В 1914–1916 гг. войну с Германией (не с Австро-Венгрией) Россия безнадежно проигрывала, и этого оказалось достаточно, чтобы возник заговор ЦВПК во главе с Гучковым, приведший к падению монархии¹.

Крайне важно, что разница между пессимистическим и оптимистическим подходами к пореформенной истории России заключается вовсе не в противоположной оценке одних и тех же фактов.

«Пессимисты» унаследовали от народников такие концепты, как «обнищание народных масс», «малоземелье», «голодный экспорт», «непомерные платежи», «провал Столыпинской аграрной реформы» и пр., которые давно считаются аксиоматичными и лишь варьируются в том или ином виде.

Однако при ближайшем рассмотрении эти якобы «бесспорные факты» оказываются либо большими или меньшими фикциями, либо не весьма корректными упрощениями. Источниковая база, которой оперируют сторонники второго подхода, несравненно шире, не говоря уже о более высоком методологическом и методическом уровне исследований, а потому их выводы, несмотря на непривычность, с научной точки зрения куда более обоснованы.

Так, исходная, отправная точка работ историков-негативистов — это «разоренный» после 1861 г. крестьянин, который выступает как своего рода идеальная личность, ставшая жертвой внешних обстоятельств жизни (малых наделов, огромных налогов и выкупных платежей и т. п.).

Он как бы априори обладает максимальным трудолюбием, усердием, владеет всем богатством агрономических знаний и арсеналом соответствующих навыков и не имеет при этом вредных привычек, мешающих его пуританскому быту и рационально организованному уравнильно-передельной общиной производственному процессу. И только антинародная политика царизма и корыстолюбие помещиков, создавших ему невыносимые условия, не позволяют этому воплощению человеческого совершенства реализовать столь выдающийся потенциал.

Понятно, что в силу такой логики все, выходящее за эти рамки, все, что не вписывается в данную схему, — традиционной историографией либо принижается, либо попросту замалчивается.

¹ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. СПб., 2009. С. 115–183.

Однако данный подход уж слишком обедняет и упрощает жизнь населения России после 1861 г.

Эта жизнь, как показывают источники, отнюдь не уместается в узком пространстве между тезисами о «малоземелье», «непосильных платежах» и огромных недоимках, о «голодовках» и «голодном экспорте», «провале Столыпинской аграрной реформы» и т. п., рассуждая о которых, «пессимисты» подводят читателей к идее о неизбежности социалистического переворота.

Эта жизнь была неизмеримо сложнее, и ее невозможно понять, в частности, без анализа государственной продовольственной помощи, динамики вкладов населения в государственные сберегательные кассы, развития кооперации, исследования транспортной и пассажирской статистики, объективного изучения аграрной реформы Столыпина, расходов населения на алкоголь и других феноменов, игнорируемых негативистской историографией.

И, полагаю, не нужно быть С. М. Соловьевым или В. О. Ключевским, чтобы понимать столь очевидные вещи.

Поэтому цель настоящей работы — доказать, что пессимистическая, негативистская схема трактовки истории пореформенной России неверна, как неверен и взгляд, сто лет выводивший причины русских революций из «бедственного» положения народных масс.

Хотя — с внешней стороны — Февральские события начались с возмущения женщин в хлебных очередях Петрограда, но попытка представить революцию 1917 г. как «голодный бунт», в роде породивших Смуту катаклизмов 1601–1603 гг., совершенно несостоятельна. Поражения в войнах актуализируют у населения эмоции совсем другого порядка, чем голодные спазмы. Как и революция 1905 г., революция 1917 г. произошла, условно говоря, «от головы», а не «от желудка».

Первую и наиболее важную (масштабную) свою задачу я вижу в том, чтобы на основании как известных, так и — по преимуществу — новых материалов, прежде всего статистических, продемонстрировать несостоятельность ряда вышеуказанных постулатов традиционной историографии. И соответственно, показать, насколько примитивизирует традиционный взгляд дореволюционную Россию, — мне хочется несколько расширить представление о мире, в котором жили наши весьма близкие предки.

Вторая задача состоит в том, что показать сугубую неправомочность, более того, — порочность вновь возникшей моды на сопоставление Российской Империи и СССР, продемонстрировав разницу в подходах правительства последних Романовых и советской власти к решению ряда однотипных социально-экономических проблем.

В последние годы интерпретация истории России конца XIX — начала XX вв., помимо строго академической, приобрела свою крайне уродливую вненаучную специфику.

До Перестройки любое сопоставление дореволюционной России и СССР имело целью подчеркнуть «исторические свершения государства рабочих и крестьян».

Я прошу прощения у людей, которые были взрослыми в 1986 г., за кое-какие знакомые, хотя, возможно, и подзабытые банальности. Однако молодым людям, не заставшим советскую власть, нужно хотя бы в общих чертах знать следующее.

По крайней мере с начальной школы, а часто и раньше, советский ребенок узнавал о том, что до 25 октября 1917 г. в его стране все было плохо¹, а после 25 октября 1917 г. все стало не просто хорошо, а лучше, чем у всех других людей в мире.

¹ Кроме великой русской культуры, но и то — с разбором; кто великий, а кто нет, решали образованцы во власти.

Правда, это обстоятельство многим злодеям не давало покоя — «наш народ» и «наша партия» всегда боролись с многочисленными врагами, принципиальных отличий между которыми не было. Я точно помню, что для меня даже в 9–10 классах практически не было никакой разницы между эсерами и меньшевиками, Деникиным и Бухариным, Махно и Троцким. Главным было то, что они — **не наши**, они выступали **против «нашей партии»**, с которой мы все себя идентифицировали, и, по крайней мере, очень многие вполне искренне.

При этом сильнейшее воздействие на формирование негативного образа дореволюционной России у жителей СССР сыграла (и в том или ином виде продолжает играть) идея о том, что Россия была полуколонией Запада.

В. И. Бовыкин пишет: «Как известно, этот тезис стал внедряться в историческую науку и массовое сознание в середине 30-х годов. В то время успехи социалистического строительства в СССР оценивались в сравнении с уровнем индустриального развития России на 1913 г. После провала первой пятилетки Сталин и его окружение, чтобы создать видимость успехов, прибегли к очередной фальсификации истории. Под его воздействием во вновь выходящих книгах были существенно уменьшены показатели валовой продукции промышленности страны и ее удельного веса в мировом промышленном производстве. Эти цифры до сих пор широко используются в исторической литературе. С того же времени при характеристике российского народного хозяйства акцент стал делаться на технико-экономической отсталости страны и ее зависимости от иностранного капитала. Новое звучание тезису о полуколониальном характере экономики России придала печально известная кампания конца 40-х годов по борьбе в космополитизмом: иностранный капитал был объявлен главным виновником отсталости страны, умышленно тормозившим ее развитие.

Во второй половине 50-х гг., когда развернулась критика культа личности Сталина, тезис о полуколониальной зависимости России постепенно утратил свой прежний императивный характер. Это открыло возможность для подлинно научного изучения роли иностранного капитала в России и процессов ее интеграции в мировое хозяйство»¹.

Однако вскоре по идеологическим соображениям экономическая отсталость России вновь стала преувеличиваться, поскольку это якобы делало неизбежной социалистическую революцию. В частности, один главных идеологов брежневской эпохи С. П. Трапезников писал: «Россия прозябала в тисках отсталости. Ей угрожала непосредственная национальная гибель. Россия спасла Великая Октябрьская социалистическая революция, превратив ее в могучую социалистическую державу мира». Комментируя это и подобные мнения, В. И. Бовыкин замечает: «Нашим современникам, исторические представления которых формировались под воздействием этого мифа (о безнадежной отсталости дореволюционной России, обусловившей ее переход к социализму — М. Д.), трудно, разумеется, представить, что Россия в конце XIX — начале XX вв. была одной из наиболее динамично развивавшихся держав мира»².

Сопоставление достижений советской власти с показателями 1913 г. сопровождало советских людей от роддома до погоста; помню анекдот о сравнении выпуска цветных телевизоров в годы 7-й пятилетки и в 1913 г. (при этом число, например, заключенных на 1000 жителей и оправдательных приговоров на 1000 судебных разбирательств почему-то не сравнивалось).

¹ Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., РОССПЭН. 1996. С. 3.

² Там же. С. 4.

На утверждение этой парадигмы работал мощнейший пропагандистский аппарат, радио, пресса, кино, телевидение, культура и искусство, но главное — вся образовательная система. В 1981 г. в СССР было около 143,2 тыс. общеобразовательных школ и 7378 ПТУ¹; а сколько насчитывалось десятков тысяч учителей истории, имевших право учить только так, как велено?²

Если представить нашу страну от Владивостока и Петропавловска-Камчатского до Риги, Бреста и Кишинева и от Мурманска и Архангельска до Еревана, Кушки и Улан-Удэ, а потом вспомнить, что в *каждом* институте (в 1981 г. — 891) и техникуме (в 1981 г. — 4393) преподавались такие brutальные предметы, как История КПСС (Ч. 1 и Ч. 2), политическая экономия капитализма (Ч. 1) и социализма (Ч. 2), марксистско-ленинская философия в виде диалектического материализма (Ч. 1) и исторического материализма (Ч. 2), а также венец всех наук — научный коммунизм, то легко вообразить численность армии преподавателей, доказывавших, как тяжело было народу до 1917 г. и как стало хорошо после революции, как чудесно живут сейчас, в наши дни, люди в мире социализма, и как плохо там, за «железным занавесом», в «мире чистогана и капитала» простым труженикам.

Поскольку действительность разительно отличалась от того, что нам внушали, опять же с детства большинство усваивало, что можно обсуждать на людях, а что нельзя.

В итоге вслух говорилось одно, с друзьями — другое, а дома — третье. Не уверен, кстати, что все солдаты, офицеры и генералы упомянутой выше армии пропагандистов искренне верили в то, что говорили, но знаю, что многие верили; почему — отдельный вопрос психологии личности в тоталитарном обществе.

Ложь сопровождала миллионы людей с детства, и это не могло пройти бесследно. История была важным полем, где утверждалась и проявлялась эта двойная система ценностей, без которой СССР был немислим; не зря большая часть населения всему верила и ни в чем не сомневалась. Была известная острота о человеке, который «всегда колебался вместе с генеральной линией партии».

Существовавшей политической системе правда не была нужна. Что бывало с людьми, которые говорили и писали правду даже в 1960–1980-е гг., мы хорошо знаем.

Так продолжалось до Перестройки, когда хлынул поток информации, прежде недоступной и большинству историков.

Уже в конце 80-х гг. стали выходить работы, о появлении которых и думать нельзя было 5 лет назад. За период конца XX — начала XXI вв. «свершения» и «достижения» «государства рабочих и крестьян» явно девальвировались, и в то же время выяснилось, что и до 1917 г. в России не все было «так запущено», как нас долго уверяли.

Однако советская историография, на время притихшая после отмены цензуры, не собиралась сдаваться (об этом еще напишут не одну книгу!).

Переждав временную непопулярность «старых песен о главном», новые/старые коммунисты и их союзники сменили тактику. Если раньше они резко *противопоставляли* царскую Россию и СССР буквально *во всем*, то теперь они начали выдавать советскую власть за логическое и притом естественное продолжение предшествовав-

¹ Ежегодник БСЭ. Вып. 26. М., Советская Энциклопедия. 1982. С. 96.

² Помню, как зимой 1985/1986 учебного года родители учеников школы № 274 в Медведковке, где я работал, приходили жаловаться на меня директору за то, что я, дескать, критикую Сталина. А я отвечал, что «Постановление о культе личности» и материалы XXII съезда КПСС никто не отменял.

шей истории России. Царская Россия и СССР стали уравниваться в «негативе», чтобы оттенить то, что апологеты «Отца всех народов, кроме репрессированных», считают «позитивом».

Сторонников этого подхода немало, и это вполне понятно. Мы отчасти увидим на примере пореформенной России, как трудно расстаются люди со своим прошлым, с тем, что впитано с «молоком матери». А жителями СССР впитано было немало, и сложно было рассчитывать, что открытие архивов в последние 25 лет **глобально** поколеблет результаты 75-летней, а в действительности — куда более длительной пропаганды.

Жуткие реалии советского времени стали механически переноситься на пореформенную эпоху. Имперская власть теперь представляется чуть более смягченным вариантом советского режима. В частности, на центральных каналах ТВ начали всерьез сравнивать голод и террор в СССР и в имперской России, цитируя распространяемые в интернете фальшивки о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при Столыпине (!!!), и т. д.

Вновь оказались востребованы так называемые «эксперты», которые в СМИ и на телевидении занимаются привычным ремеслом фальсификации по курсу «Истории КПСС» Пономарева, вводя в заблуждение такую аудиторию, которая в силу недостатка знаний объективно не в состоянии поймать их за руку. Впрочем, у этой возрастной публики есть и прилежные молодые ученики — это явно говорит о наличии спроса на такие фальсификации.

Сказать, что подобные сравнения Российской Империи и СССР — наглое вранье, значит не все сказать. Это еще и чистой воды сознательная манипуляция общественным сознанием, которая имеет целью приучить людей — прежде всего молодых — примерно к такому «силлогизму». Россия всегда была страной объективно бедной, прежде всего из-за климата и отсутствия природных ресурсов (фактически до Петра I). Народ в ней **всегда** жил трудно, он столетиями угнетался правительством, но не потому, что правительство было «плохим», а потому, что «прибавочного продукта» было очень мало, без насилия его было не изъять, и, соответственно, стране не устоять под натиском врагов. Нужда и голод — постоянные компоненты русской истории, это наша карма, однако только при советской власти, несмотря на «исторически оправданные» людские потери, мы были великой державой и нас все боялись.

Эта конструкция находит своих слушателей потому, полагаю, что многим нынешним россиянам хочется гордиться своей страной в каком угодно формате, даже в таком.

Отсюда ясно, насколько важно для современного «агитпропа» уравнивать Российскую Империю и СССР по уровню государственного произвола и числу жертв в голодные годы.

Успех этой манипуляции капитально облегчается воистину неандертальским невежеством немалого числа людей относительно собственной истории. Особенно тех, кто родился в 1980–1990-х гг. и учился в эпоху развала школьной системы.

Однако История — не ток-шоу, и здесь модный фокус со всенародным якобы голосованием не проходит.

Дело в том, что прегрешения царизма были весьма подробно описаны и расписаны в обычных советских школьных учебниках, найти которые и сейчас не очень сложно. И о **миллионах** людей, умерших от голода после 1861 г., там не найти ни слова. Хотя советская власть была **очень** заинтересована во всемерном обличении самодержавия

и не слишком церемонилась с историей, в этом смысле порядочности у авторов советских учебников было больше, чем у современных «идеологов» несостоявшегося «светлого будущего».

При этом советскую власть хотят выдать за спасительницу 150 миллионов жителей Империи от нищеты, голодания и «полуколониального» прозябания — в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Стремление это понятное, но уж больно бесстыжее. Мы ведь никогда не узнаем, что на этот счет думают десятки миллионов людей, погибших после 1917 г., а также их неродившиеся дети, внуки, правнуки и праправнуки, с которыми мы все могли бы быть знакомы лично. Кстати, по независимым подсчетам демографов, не будь 1917 г. — к середине XX в. население России (имперской или республиканской) равнялось бы минимум 280–350 млн чел. вместо примерно 180 млн.

Я рассчитываю на конкретных примерах показать, что «надо обладать очень медным лбом или очень крупным невежеством, чтобы смешивать два такие разнородные ... понятия»¹, как пореформенная абсолютная монархия, с одной стороны, и тоталитарный режим с мощнейшим репрессивным аппаратом, с «Большим скачком», «Большим террором» (не говоря о «среднем» и «малом»), с ГУЛАГом и т. д., с другой.

Ниже мы убедимся в том, что многие расхожие представления о дореволюционной России имеют мало общего с тем, что говорят многочисленные источники.

Сам по себе негативистский подход, как говорилось, — продукт начавшегося еще в 1870-х гг. народническо-марксистского анализа пореформенной эпохи.

Однако примерно с 1930-х гг. в его (подхода) формировании стала участвовать и другая причина — преднамеренное игнорирование фактора, условно говоря, «семантической инфляции». Под нею я подразумеваю тривиальный факт изменения с течением времени семантики, смыслового наполнения множества терминов, в том числе и самых простых, которые изменились потому, что принципиально иной стала сама жизнь.

Изучение этого фактора — *третья* задача моей работы.

На этом обстоятельстве нужно остановиться особо.

Будущие историки с первых курсов должны усваивать банальную, но притом коварную в своей кажущейся простоте истину — при обращении к любому историческому периоду необходимо постоянно помнить о том, что с течением времени многие простые понятия меняют смысловое наполнение. «Презентизм», т. е. механическое проецирование (перенесение) нашего сегодняшнего понимания отдельных явлений, терминов и т. д. на прошлое, недопустим, поскольку способен извратить понимание истории.

Не случайно, например, И. Н. Данилевский начинает свою работу «Киевская Русь глазами современников и потомков (IX–XI вв.)» разделом «Понимаем ли мы автора древнерусского источника?», убедительно показывая, что происходит это довольно редко.

И применительно к другим эпохам русской истории споры о значении тех или иных терминов в историографии ведутся иногда буквально столетиями.

По ряду причин пореформенной эпохе в этом отношении чрезвычайно не повезло, хотя, казалось бы, она была совсем недавно.

Между тем, как будет показано ниже, люди того времени, т. е. не самые далекие наши предки, в понятия «голод», «голодовка», «нужда», «непосильные платежи», а также «насилие», «произвол» и др. вкладывали не совсем тот смысл, который вкладываем мы сейчас.

¹ Головин К. Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика? СПб., 1895. С. 216–217.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально **иным** и неизмеримо более трагичным.

У каждого времени свой «среднестатистический» порог печали и страданий. Многие тысячи страниц, опубликованных до 1917 г., изображали «тяжелое», «бедственное» и т. д. положение российского народа. Хотя в этой литературе и публицистике было немало явных спекуляций, вместе с тем, думаю, значительная часть писавших об этом была искренна. Трудно предполагать, например, что кривил душой В. Г. Короленко, когда в 1891–1892 писал свой «Голодный год», или Л. Н. Толстой, постоянно и активно участвовавший в помощи пострадавшему населению, и многие другие достойные люди, наблюдавшие народную нужду.

Разумеется, никто не оспаривает факт этой нужды. Однако людям в начале XXI в. хорошо бы знать при этом, что в 1891–1892 г. казначейство ассигновало в имперский продовольственный капитал, т. е. на продовольственную помощь нуждающимся жителям страны, гигантские средства, сопоставимые с оборонным бюджетом страны (см. ниже).

Тем не менее в рамках представлений своего времени, в тогдашней системе нравственных координат «плохо/хорошо», когда голодом категорически именовался не только реальный голод 1891–1892 гг., но и любой позднейший неурожай, а правительство **было обязано** помогать голодающим **по закону**, а не только из соображений нравственности, дореволюционные авторы, если они старались быть объективными, нередко были правы. Правы потому, что оценивали окружающий мир, исходя из накопленного Россией исторического опыта.

Все эти описания фактически одновременно обесценились с введением «красного террора», продовольственной диктатуры, продотрядов и продразверстки, людоедства периода Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., не говоря о коллективизации и голоде 1932–1933 гг.

Переворот 25 октября 1917 г. создал новую, чудовищно жестокую систему координат во всех сферах бытия, и старые представления о страдании очень часто соотносились с ней примерно так же, как обиды ребенка и трагедия человека, идущего на эшафот.

Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории России можно забыть.

Что написал бы по поводу карточной системы времен «военного коммунизма», например, А. И. Шингарев, сделавший себе имя на брошюре «Вымирающая деревня» (1901), если бы его не растерзал «революционный караул» в 1918 г. ? А как оценил бы плакат Моора «Помоги» (1922) умерший в 1919 г. в горе и раскаянии А. А. Кауфман?

Короленко умер в декабре 1921 г., а летом того же года его избрали почетным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, и он написал Горькому, что «у нас голод не стихийный, а искусственный»¹. Он, безусловно, успел не только ощутить себя в новой системе ценностей, но и высказать свое к ней отношение — к ярости Ленина, к стати.

Однако «негативисты» этого не замечают или делают вид, что не замечают (впрочем, мера их искренности меня не очень занимает).

Они по-прежнему — как нечто само собой разумеющееся — используют лекси-

¹ *Кристалин А. М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф. канд. дисс. М., 1997. С. 25.

ку дореволюционной публицистики, например, оборот «разорение деревни» и т. п. почему-то всегда в отношении пореформенного крестьянства и никогда — применительно к крестьянству после 1917 г., пережившему (не считая 15 миллионов жертв) Гражданскую войну, военный коммунизм и перечисленные выше катаклизмы.

Они по-прежнему твердят о «голодовках крестьян в царской России» и, как мы увидим, весьма недовольны, когда в научный оборот вводятся факты, разрушающие привычные штампы. Например, информация о том, что во время «голода» 1906–1907 гг., когда правительство выделило на продовольственную помощь 169,8 млн руб., жители наиболее пострадавших губерний тратили гигантские суммы на алкоголь¹, а в сберегательных кассах тех же губерний росла наличность и т. д.

Может быть, этим историкам стоит задуматься над тем, почему их оценки подобных «голодовок» не совпадают с мироощущением жителей России конца XX — начала XXI вв. ?

Ведь во время голода 1920–1921 гг., а затем 1932–1933 гг. и 1946–1947 гг., у миллионов людей, *действительно умиравших от голода*, от того, что просто *нет еды*, не было возможности выбирать между хлебом и спиртным.

Однако «пессимисты» эти элементарные вопросы, повторюсь, предпочитают игнорировать.

Их работы, инкриминирующие царизму все несовершенства мира, кроме шарообразности земли, — это обвинительные акты с отработанной за 150 лет структурой, выверенными интонациями, умелым нагнетанием праведного обличительного пафоса и т. п., имеющие целью задним числом подверстать 1917 г. под парадигму кризиса и пауперизации.

Как говорилось, главный их персонаж — это народ-страдалец, некая абстрактная конструкция, некое роботоподобное, надрывающееся в тяжелом труде существо, своего рода одушевленная функция от внешних условий жизни — малоземелья, «непосильных платежей» и пр. Для описания его жалкого существования используются слова соответствующего эмоционального спектра: «разорение», «голодовка», «нищета», «бедствия» и т. п.

Они изображают положение этого народа настолько безотрадным и безысходным, что плачевный финал 200-летней Империи не вызывает у большинства читателей ни малейшего сомнения в своей предопределенности, никакого чувства внутреннего противодействия.

Хотя, как и многие коллеги, я иначе объясняю причины революции 1917 г., но предположим, что верен подход «негативистов».

Однако тут сам собой возникает некий парадокс, или, скорее, несуразность.

Допустим, что до 1917 г. народ жил все хуже и хуже и, в конце концов, не выдержал, покончил с плохой жизнью и исполнил вековую мечту — отнял, наконец, у помещиков землю.

А что же было потом?

Началась ли у народа лучшая жизнь?

Закончились ли для него «разорение», «голодовка», «нищета», «бедствия»?

---

¹ А. В. Островский непостижимым для меня образом решил, что, приводя эти данные, я упрекаю крестьян в подрыве обороноспособности страны (!?). Воистину, каждый все понимает в меру испорченности своей фантазии (Островский А. В. «Пьяная деревня»: домыслы и факты /Новейшая история России. 2013 № 2. С. 149).

Почему-то в работах этих историков ответа на это нет.

Они как будто захлопывают конспект и говорят, что лекция окончена.

Им словно бы неизвестно, что страна с конца 1917 г. просто очутилась в другом мире, в другой реальности, в которой перечисленные слова так непоправимо и страшно материализовались. Они как будто и не знают о том, что произошло с Россией *потом*. Такой вот «принцип историзма и объективности».

Остаются, тем не менее, вопросы и в том числе вопросы терминологии.

Если дореволюционные неурожаи, сопровождавшиеся правительственной продовольственной помощью, именовать «голодом», то как называть перечисленные выше трагедии, а также голод блокадного Ленинграда?

Если Столыпинская аграрная реформа была «насилием», то как квалифицировать коллективизацию и методы, которыми она проводилась?

Если дореволюционная деревня была разорена, то какими терминами мы будем характеризовать раскулаченную деревню с законом «о колосках» и другими подобными «шедеврами» «социалистического гуманизма»?

Сказанное, понятно, не делает нужду и недоедание людей во время неурожаев конца XIX — начала XX вв. фикцией, однако показывает, что они должны оцениваться в контексте *всех* наших знаний и в своем истинном масштабе.

Историк должен понимать цену словам, которые он употребляет, иначе изучение Прошлого во многом теряет смысл.

Если мы претендуем на цельное понимание своей истории, если мы хотим трактовать ее как единый глобальный и непрерывный процесс, то мы обязаны выработать четкие критерии, четкую терминологию для обозначения различных градаций одних и тех же константных исторических явлений — так, чтобы история не представлялась, условно говоря, собранием отдельных «картин»-эпох, а была бы цельным полотном.

Нельзя заниматься историей, не видя ближайшей перспективы объекта изучения, потому что история — прощу прощения за банальность — непрерывна.

* * *

Автор очень благодарен друзьям и коллегам, помогавшим ему в работе над этой книгой.

Я бы хотел почтить память своего покойного научного руководителя, профессора В. И. Бовыкина, который познакомил меня с данной тематикой.

Я искренне признателен Л. И. Бородкину, И. М. Гарсковой, Е. А. Елпатьевской, Б. Н., Миронову, А. Б. Каменскому и Е. П. Красносельской за ценное научное сотрудничество и не менее важную поддержку.

Особая благодарность — моей дочери Евгении Давыдовой, моему первому читателю и вдумчивому редактору; ее помощь — неоценима.

Введение

В этой книге я хочу показать, как развивалась Российская Империя в те 20 лет, которые отделяли ее и все человечество от коллективного самоубийства, начатого 100 лет назад, в августе 1914 г., когда погибли представления, выросшие из эпохи рыцарей Круглого Стола, и выяснилось, что людей можно просто травить газом.

Я отношусь к числу тех историков, которые считают, что в целом пореформенная модернизация протекала успешно и что к 1913 г. Россия в значительной степени преодолела то отставание от передовых стран Запада, которое фиксируется в середине XIX в. Страна, как мы увидим, сильно изменилась в течение рассматриваемого периода, и подзаголовок книги отражает тот факт, что эти перемены неразрывно связаны с комплексом реформ, проводившихся С. Ю. Витте с конца 1880-х гг. до начала 1900-х гг., которые в свою очередь сделали возможными реформы П. А. Столыпина, прежде всего аграрную.

Эти преобразования, придавшие новый мощный импульс развитию Империи, при всех сложностях были настолько значимы и эффективны, что позволяют, на мой взгляд, выделить внутри пореформенной модернизации России особый период и назвать его модернизацией Витте-Столыпина.

Однако эти успехи, несомненно, могли бы быть еще большими, если бы не априорное неприятие модернизационной модели значительной частью общества и элит (в том числе и правительством страны), а также их достаточно активное сопротивление как идеям указанных реформ, так и их проведению.

Данную мысль, полагаю, проще всего пояснить следующим сопоставлением.

В 1860-х гг. две страны — Россия и Япония — уязвленные, точнее, униженные, хотя и в разной степени, более развитыми государствами, начали реализовывать собственные варианты экзогенной модернизации.

Как считается, они хотели воспользоваться плодами достижений Запада — промышленных, научно-технических, культурных и т. д. — в сходных целях: Россия для того, чтобы вернуть статус великой державы, а Япония — чтобы его получить.

При этом обе страны дорожили своим прошлым, своими традициями и не собирались их отбрасывать. Ни Россия, ни Япония не хотели превращаться ни в «коллективный Запад», ни в какую-то условную «специально» западную страну. Однако ключевые понятия — «великая держава» и «сохранение самобытности» — в мировоззрении российских и японских элит сочетались по-разному.

Напомню, что реализация «Клятвы пяти пунктов»¹ привела к следующим результатам. В 1871–1873 гг. Япония покончила с феодальной раздробленностью, круп-

---

¹ Шестого апреля 1868 г. император Муцухито (Мэйдзи) принес знаменитую «Клятву пяти пунктов»:

«1. Будут организовываться общественные собрания, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением.

2. Правители и управляемые одинаково должны посвящать себя служению народу.

3. Военным и гражданским чинам, а также простому народу будет предоставлена возможность проявить личную предприимчивость и активность.

4. Будут устранены все дурные обычаи прошлого, и все действия будут проводиться на основе справедливых законов.

5. Полезные знания будут заимствоваться во всем мире, и таким путем будут укрепляться основы империи». История Японии. В 2 т. М., Институт востоковедения РАН. 1998. Т. 2. С. 31.

ным феодальным землевладением, упразднила сословное неравенство, легализовало сделки на землю, стала всемерно поощрять частное предпринимательство, что в совокупности создавало необходимые предпосылки для быстрого развития капитализма. В 1872 г. введена всеобщая воинская повинность, которая должна была окончательно подорвать позиции самураев. Создана стройная административно-бюрократическая система управления, основанная на равенстве сословий, на усилении роли казны и единой финансовой системы страны, на подчиненных центру регулярных воинских подразделениях. В ходе аграрной реформы было ликвидировано крупное феодальное землевладение, выкупленное государством на выгодных для знати условиях. В 1872 г. был легализован принцип частной собственности на землю: разрешена купля-продажа земли и проведена поземельная перепись, в ходе которой владельцы вместе с документами получали землю в собственность. Все крестьяне юридически были объявлены собственниками, хотя не все ими остались. В 1872 г. был принят либеральный закон об образовании¹, по которому мужчины и женщины всех сословий получили равное право получить образование². В начале 1880-х появились первые политические партии, а в 1889 г. — парламент.

Россия пошла другим путем.

Результаты обе страны сверили в 1904–1905 гг., и Япония, в считанные годы проведшая масштабные реформы, закончившие ее долгое Средневековье, доказала состоятельность *своего* подхода к подобным преобразованиям.

Почему так произошло? Ведь исходные позиции этих стран казались несопоставимыми!

На этот вопрос можно ответить по-разному. Я хочу познакомить читателей с моим видением проблемы.

В 2011 г. на одной из конференций, посвященных 150-летию отмены крепостного права, С. В. Мироненко выступил с докладом, само название которого — «Великая, но неудачная. К 150-летию Крестьянской реформы 1861 года» — достаточно резко диссонировало с официально приподнятым настроением собравшихся.

Автор полагает, что Великой реформа была хотя бы уже потому, что освободила миллионы крестьян от крепостного права. Она дала мощный толчок развитию страны и открыла дорогу модернизации, став первой среди других Великих реформ.

При всем том Мироненко отказывается считать ее успешной, поскольку она не создала условий для предотвращения новой — и несравненно более страшной — реставрации крепостничества в нашей стране: «Зададим себе простой вопрос: а может ли быть признана удачной крестьянская реформа, если российские крестьяне через почти семьдесят лет после ее начала оказались в еще худшем рабстве? Правда, в рабстве не у отдельного хозяина, а у государства. Я имею в виду сплошную коллективизацию и сталинские колхозы. На рубеже 1920-х — 1930-х годов крепостное право в нашей стране было возобновлено с невиданной ни в XVII, ни в XVIII, ни тем более в XIX веках силой... Сталинское руководство сумело посадить на месячину, т. е. на

¹ История Японии. В 2 т. М., Институт востоковедения РАН. 1998. Т. 2. С. 29–76. См. также: Дацъиен В. Г. Новая история Японии. 2007. Красноярск. 2007. С. 113–134; Дейноров Э. История Японии. М., АСТ: Астрель. 2011. С. 552–615. Севастеев В. В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хаисмото Рютаро. Владивосток. Издательство Дальневосточного университета. 2008. С. 154–161; Теймс Ричард. Япония. История страны. М., Эксмо. СПб., Мидгард. 2009. С. 178–190.

² В 1886 году было принято обязательное 4-летнее начальное образование, которое с 1900 года стало бесплатным. К концу XIX века уже около 85% японских детей получали обязательное начальное образование. По этому показателю к началу XX века Япония сравнялась с Великобританией.

трудодни всю страну, чего не было в самые страшные времена крепостного права. Возьмите любой учебник отечественной истории и вы увидите, что месячина, т. е. такое положение, при котором крестьянин получал определенное месячное содержание за выполняемую на помещика работу, считалась высшим проявлением помещичьего произвола. Но на месячину, как правило, переводились дворовые крестьяне, и их число измерялось десятками долями процента от общего числа крепостных. Здесь же счет шел на десятки миллионов. Добавьте к этому, что крестьяне были лишены свободы передвижения. У них совсем, как при господстве крепостного права, были отобраны паспорта, а отлучка без паспорта с места жительства была равносильна получению приговора¹.

Причины этого С. В. Мироненко видит в условиях проведения реформы.

Крепостное право пало, несмотря на то что «кризис крепостнической системы» был не слишком заметен, в стране отсутствовал капиталистический уклад, не было третьего сословия, а большинство дворян было против освобождения.

Крестьянская, а затем и остальные Великие реформы были проведены либеральной бюрократией, «тем, сначала очень небольшим, а затем довольно значительным кругом людей, которые были во власти, которые понимали необходимость преобразований и осуществляли реформы», во главе которого стоял император Александр II и его брат, великий князь Константин Николаевич.

Однако государство сумело осуществить задуманные преобразования только насильем: «Реформа была насильем и по отношению к помещикам, и по отношению к крестьянам. Крестьян и не думали спрашивать, какого освобождения они хотят. Помещиков же с самого начала приступа к реформе заставляли принимать все, что считало нужным делать правительство... Помещики не хотели освобождения крепостных крестьян, но их заставили-таки принять условия, выработанные либеральной бюрократией. Однако выработанные принципы решения крестьянского вопроса оказались компромиссом между двумя возможными путями. И компромиссом, как показало время, неудачным»².

Реформа не создала условий для прогресса ни крестьянского, ни помещичьего хозяйства, и в результате «в России не возник средний класс, который мог бы служить основой для создания нового демократического государства».

Нельзя не согласиться с выводом автора: «Я глубоко убежден, что либеральная бюрократия, при всем ее обаянии, неспособна на коренные реформы. Она все-таки плоть от плоти старого общества. Но уничтожить строй, который ее и породил, она была не в состоянии, и это предопределило неудачу крестьянской реформы 1861 года»³.

А теперь познакомимся с вариантом ответа на заданный выше вопрос, принадлежащим известному российскому экономисту Б. Д. Бруцкису: «Причина русского аграрного кризиса... это медленный темп экономического развития России, не соответствующий ни международному положению ее, ни темпу разрастания ее населения. Россия вынуждена в военном отношении тянуться за самыми передовыми государствами мира, ее господствующие классы усваивают себе все потребности европейских верхов.

¹ Мироненко С. В. Великая, но неудачная. К 150-летию крестьянской реформы 1861 года // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России: Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права.: Изд-во РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, М., 2011. С. 17–18.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

Ее население в связи с невысоким уровнем культуры отличается исключительно высоким процентом рождаемости; между тем режим реакции, прочно утвердившийся... с 70-х гг., не дал возможности крестьянству использовать рыночные конъюнктуры для интенсивирования хозяйства, он не стимулировал прогресса и крупного хозяйства, он не обеспечивал широкого развития промышленности, которая могла бы вызвать отток избыточного населения от земли; наконец, в течение трех десятилетий он упорно задерживал колонизацию окраин, и почти до настоящего дня он бессмысленно тормозил и эмиграцию за океан.

При таких условиях быстро размножающееся особенно при господстве порядков общинного землевладения крестьянство скоплялось на своих наделах и, меняя очень медленно свои системы хозяйства, создавало избыточное предложение рабочих рук и избыточное количество едоков»¹, **«самые основы сословно-тяглового строя правительство по прежнему оберегало, как свой палладиум.** По-прежнему у правительства не было настоящего доверия ни к общественной, ни к индивидуальной самодеятельности, и существовала определенная боязнь просвещения.

Социально-экономический процесс привел к тому, что в огромной стране, правительство которой при этом желало играть одну из первых ролей в мировой политике, основное производство, на котором зиждилось все благосостояние страны, лежало в руках крестьянства. А между тем **отрицались все предпосылки**, которые дали бы крестьянам возможность покончить с пережитками натурального хозяйства и стать культурными сельскими хозяевами»².

Над словами Бруцкуса, раскрывающими, на наш взгляд, то, что в силу ограниченности объема осталось за рамками доклада С. В. Мироненко, нужно думать. Можно не соглашаться с определением «режим реакции», с термином «кризис» и степенью его всеобщности, которая подразумевается эпитетом «русский» и т. д.

Однако мне не случалось встречать столь удачного и емкого — буквально в нескольких строках — описания едва ли не главного парадокса пореформенной истории России, который заключался в глубоком несоответствии между уровнем амбиций элит и теми средствами, с помощью которых они воплощали эти амбиции в реальную жизнь.

Попробуем несколько «осовременить» и, возможно, «договорить» за автора какие-то слова, именно слова, поскольку его мысли предельно ясны.

Есть огромная страна, 80% жителей которой занимаются сельским хозяйством, и ежегодно их число увеличивается на 1,5%, причем ее правительство стремится к статусу великой державы. Подобное стремление необходимо требует от правительства проведения адекватной политики в социальной, экономической и культурной сферах и, в частности, максимально эффективного использования рабочей силы растущего сельскохозяйственного населения.

Это естественно подразумевает интенсификацию аграрного сектора, с одной стороны, и колонизацию громадных незаселенных пространств — с другой. В то же время во второй половине XIX в. невозможно быть мировой державой, не имея развитой промышленности.

Между тем, констатирует Б. Д. Бруцкус, политика правительства России, точнее, «режима реакции», во-первых, не позволила интенсифицировать ни мелкое крестьян-

¹ Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917 г. С. 8.

² Он же. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 70. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит их авторам, а выделение жирным шрифтом — мне (М. Д.)

ское, ни крупное частновладельческое хозяйства, хотя объективные условия для этого были («рыночные конъюнктуры», включая железные дороги).

Во-вторых, она не дала возможности индустриализации набрать такие темпы, чтобы фабрики и заводы, как это было на Западе, оттянули бы из деревни избыточную рабочую силу, которая скопилась в ряде регионов из-за демографического взрыва, поощряемого общинным режимом.

В-третьих, до середины 1890-х гг. (до строительства Транссибирской магистрали) она препятствовала переселению крестьян в Азиатскую Россию и «бессмысленно тор-мозила» эмиграцию («бессмысленно» — потому, что эмигранты не могли состояться в России).

Во втором фрагменте Бруцкус раскрывает едва ли не главную причину подобного положения вещей — сохранение правительством «сословно-тяглового строя как своего палладиума» — и отмечает отсутствие у него доверия к населению своей страны и «определенную боязнь просвещения»; напомню, что Россия была единственной из великих держав, в которой не было обязательного начального образования.

Что касается слов об отрицании **«всех предпосылок**, которые дали бы крестьянам возможность покончить с пережитками натурального хозяйства и стать культурными сельскими хозяевами», то здесь, полагаю, нет двух мнений. Автор говорит об искусственной поддержке общинного режима и нежелании предоставить крестьянам право собственности на обрабатываемую землю, которое во всех странах является основой цивилизованного порядка и благосостояния населения.

Из мыслей Б. Д. Бруцкуса со всей очевидностью вытекает тезис о недостаточной квалифицированности правительства Российской Империи, оказавшегося не на высоте поставленных им перед собой задач, не сумевшего или не захотевшего понять, какими средствами в рассматриваемую эпоху борются за мировое лидерство.

За всем этим стоит простая, но удивительно точная мысль — если вам (правительству) безразлично, какое место вы занимаете на мировой арене, то вы можете проводить какую угодно политику. Если же вы хотите быть великой державой, то это желание должно подкрепляться соответствующей *стратегией*, учитывающей опыт передовых стран, а также пониманием того, что общеэкономические законы действуют и на подвластной вам территории.

Другими словами, Россия, безусловно, могла себе позволить идти каким угодно путем, в том числе и «самобытным», как она и делала полтора века, став от Полтавской битвы и до подавления революции в Венгрии в 1849 г. реальным и важным участником европейской политики, несмотря на крепостное право. Можно было продолжать идти той же дорогой и после Крымской войны, и даже после завоевания Средней Азии.

Однако во второй половине XIX в. было достаточно наивно реанимировать амбиции образца 1815-1853 гг. и сохранять прежний масштаб претензий к карте мира, не понимая, за счет чего конкуренты опережают нас, и имея при этом в качестве государственного базиса общинный вариант крепостничества.

Принципиально важный момент: мы должны помнить, что у «режима реакции» на обрисованном Бруцкусом долгом пути отрицания государственного здравого смысла рядом часто был надежный союзник (иногда — сообщник) — *большая часть общественности*, в том числе и так называемой передовой¹ (этот для многих, возможно,

¹ Понятно, что Бруцкус как человек своего времени из соображений «политкорректности» в 1917 г. говорить

неожиданный тезис я постараюсь доказать ниже).

Что имеется в виду?

Как известно, модернизация в классическом смысле подразумевает процесс перехода от аграрного общества к индустриальному.

Парадокс российского варианта экзогенной модернизации состоял, в отличие от японского, в том, что ни правительство, ни общество по многим причинам не желали подобного перехода. Они видели Россию страной земледельческой, но отнюдь не промышленной, в том числе и потому, что заводы и фабрики рождают такой опасный феномен, как пролетариат.

И до, и после 1861 г. публицисты спорили о том, нужна или не нужна России крупная промышленность, превентивно горя над тяжелой участью будущих пролетариев, и в большинстве своем склонялись к мысли, что страна обойдется без индустриализации¹. Промышленность десятилетиями воспринималась в России как своего рода досадный нарост на земледельческом теле страны, как случайный бастард ее самобытного развития.

Но и проблемы аграрного развития страны решались отнюдь не в модернизационном ключе, чему были глубокие причины.

Здесь я хотел бы коснуться одного из наших неявных заблуждений.

Иногда 1861 г. (а шире — все Великие реформы) воспринимается как своего рода купированный, урезанный 1789 г., когда «деспотизм» сменяется свободой и равноправием такого уровня, что лейтенант Буонапарте имеет шансы стать императором Наполеоном, а сын трактирщика Мюрат — маршалом и королем и т. д.

То есть, согласно этому взгляду, после 1861 г. Россия в некотором роде становится если не обществом равных возможностей, то обществом, которое хочет быть таковым.

Отчасти это, безусловно, верно. После 1861 г. социальная мобильность в России выросла неизмеримо, и примеров тому множество.

Вместе с тем к большей части населения подобная аналогия имела весьма отдаленное отношение.

Разумеется, после 19 февраля 1861 г. перед русским народом открывалась возможность совсем другой, новой жизни.

Но эта перспектива во многом была заслонена тем, что в самом Положении 19 февраля имелся ряд ограничений, противоречивших идее гражданского равноправия крестьян с остальными сословиями и заметно стеснявших их свободу.

Да, крестьяне стали свободны от власти помещиков, но их сразу же подчинили деспотической власти уравнительно-передельной общины и опеке чиновников. Притом же в правовом отношении бывшие помещичьи крестьяне были уравнены не с высшими, а с другими податными сословиями, — правительство не намеревалось отказываться от сословно-тяглого строя. А податные сословия, как мы помним со школы, в общегражданском смысле отнюдь не были свободны — в первую очередь из-за тогдашней податной системы, требовавшей установления круговой поруки, которая сильно ограничивала свободу передвижения.

Кроме того, поскольку государство было кровно заинтересовано в сохранении платежеспособности податных единиц, т. е. обложенных податями людей, то понятно, что оно стремилось контролировать их хозяйственную состоятельность. Отсюда админи-

---

об этом не мог; в его работах 1920-х гг. этот мотив уже звучит вполне внятно.

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 487–521.

стративная и правительственная опека, урезавшая право крестьянина отказываться от земельного надела и, таким образом, серьезно препятствовавшая свободному выбору им рода занятий.

Крепостное право, отмененное 19 февраля 1861 г., полностью противоречило идеям свободы и равенства, как они зафиксированы в Декларации прав человека и гражданина. Но и все российские варианты освобождения крестьян от крепостничества отнюдь не имели эту Декларацию в качестве образца для подражания, а исходили из других, более осязаемых, материальных факторов.

Николай I создал девять Секретных комитетов для подготовки освобождения крестьян. Однако неверно думать, что он собирался делать из крепостных свободных людей, обладающих полнотой гражданских прав (такowymi в его царствование не были и дворяне!) — «он желал лишь простереть над ними благодетельную длань государственной власти»¹. То есть, сделать их государственными крестьянами.

Безусловно, члены Редакционных Комиссий — либеральные бюрократы — в большинстве своем были искренними и убежденными противниками крепостничества, которые придерживались гуманных и либеральных принципов. Однако в своей деятельности они исходили не из прав человека, «а из сознания необходимости реформы с государственной, патриотической и, если можно употребить здесь этот термин — народнической точки зрения (см. ниже — *М. Д.*). В их соображениях над вопросами свободы личности преобладали, с одной стороны, вопросы благосостояния крестьян, с другой, интересы государства, России.

Они имели перед собой определенного врага; этот враг был — крепостное право. Поскольку дело шло о его упразднении, они являлись, разумеется, либералами; но в созидательной своей деятельности они не могли вполне отрешиться от той системы опеки, в которой они были воспитаны. Чем сильнее стремились они оградить крестьянина от произвола прежнего его господина-вотчинника, тем необходимее казалось им поставить его под опеку чиновника, хотя некоторые из них отлично понимали вредные стороны такого исхода дела»²; при этом крестьяне оказались в тяжелой зависимости от новой уравнильно-переделной общины.

Народническая точка зрения, о которой упоминает А. А. Корнилов, — это, коротко говоря, приоритет прожиточного минимума над правами личности. Тут крепостническая Россия идейно смыкалась с «социалистической» Европой, к чему дело шло всю 2-ю четверть XIX в.

При этом необходимо подчеркнуть, что и в 1860 г. было немало людей, придерживавшихся совсем других взглядов на будущее крестьян. Вот как формулировали задачи крестьянской реформы 37 депутатов 2-го призыва, упрекая Редакционные Комиссии в нежелании развязать крепостные отношения между каждым отдельным крестьянином и общиной: «Обязательные отношения отжили свой век. Правильное регулирование их невозможно: необходимо совершенно отменить их. Для крестьян нужно полное освобождение; нужна полнота гражданских прав, отмена всякого недобровольного прикрепления и свобода перехода; необходима личная независимость, не связанная властью мира, условиями общинного владения и круговой ответственности; потребна

¹ Христоворов И. А. Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности. Российская история. 2011, № 2, С. 94.

² Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 160–161.

совершенная свобода в избрании образа жизни и занятий»¹. Однако Редакционные Комиссии высокомерно проигнорировали эти идеи.

Вместе с тем очевидно, что в перспективе крестьянская реформа могла и должна была открыть путь к появлению в России общегражданского строя (напомню, что в Японии сословия де-юре были ликвидированы уже в 1872 г.). Ведь «Положение 19 февраля 1861 г.» наметило для крестьян перспективу — по завершении выкупа они могли стать частными собственниками своих земель.

Поэтому А. А. Корнилов с полным основанием писал, что «логическим продолжением реформы с их (реформаторов — М. Д.) точки зрения должны были явиться уничтожение самого понятия «податного состояния» вместе с отменой подушной подати, и полное падение системы административной опеки над личностью и самоуправлением освобожденных крестьян»².

Однако — означала ли ликвидация понятия «податное состояние» уничтожение сословного строя вообще?

Были ли реформаторы к этому готовы?

Было ли готово к этому русское общество?

Не секрет, что для успеха модернизации нужна свобода (или возможно большее число степеней свободы для жителей страны), снятие — пусть и постепенное — всех правовых и иных барьеров, которые препятствуют проявлению людьми инициативы, в том числе и творческой, свободному развитию потенциала каждой личности и общества в целом — в максимально широком диапазоне.

Большая часть российского образованного класса этого не хотела изначально. Получив в 1860-х гг. гражданские свободы, она требовала теперь свобод политических — но только для себя. Европейская модель развития, основанная на бессословности, на общегражданском строе, была неприемлема для нее — вне зависимости от партийных пристрастий — в принципе. Несмотря на постоянно и разнообразно декларируемое «народолюбие», русские образованные люди в массе были органически не способны рассматривать крестьянство как равноправного социального партнера — ни в настоящем, ни в будущем. Слишком сильным оказалось наследие крепостничества, не говоря о том, что «прикрепощенное» к уравнильно-передельной общине крестьянство было уж очень соблазнительным объектом управления и для правительства, и для либералов, и для радикальных социалистов.

Что имеется в виду?

Отмена крепостного права серьезнейшим образом изменила Россию в целом и положение всех страт населения, в частности.

Страна начала новую жизнь.

Однако из всех сословий крестьянство оказалось к ней наименее подготовленным и потому самым беспомощным — речь идет, прежде всего, об адаптации к созданной реформой 1861 г. системе крестьянского самоуправления.

В действительности 19 февраля стало, по существу, лишь началом настоящего освобождения. Крестьянство и до 1861 г. как бы обитало на отдельном «материке», было обособлено от остального населения, и по логике вещей такое положение надо было ликвидировать. Однако и после реформы эта обособленность не только не исчезла, но

¹ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн на Рейне 1862. Т. 1–2. С. 575.

² *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа... С. 161.

со временем едва ли не увеличилась, причем правительство это делало сознательно.

Тот факт, что наделная земля стала собственностью не отдельных домохозяев, а всей общины, связанной по податям и повинностям круговой порукой, закономерно подчинило крестьянина практически во всех сферах его хозяйственно-экономических интересов и даже гражданских прав власти «мира», который в своих действиях руководствовался к тому же *не* писанным *законом, а обычаями*, — по спорному мнению Редакционных Комиссий, они будто бы повсеместно существовали в сознании народа, несмотря на двести лет крепостничества. Поскольку наличие обычая подтверждалось приговором сельского схода, то понятно, что обычай стал синонимом произвола (пусть и «позитивного»). Обычным правом должен был руководствоваться и волостной суд, разрешая разнообразные крестьянские споры семейного и имущественного характера.

При всем том община, полновластно решавшая судьбы своих сочленов, была полностью зависима от местных властей, которые больше всего были озабочены поступлением податей и отбыванием повинностей. Важно отметить, что пределы компетенции и полномочий этих властей в отношении крестьян законом также определялись не вполне ясно.

Трудно спорить с тем, что века русской истории, в том числе и 200 лет крепостного права, были не лучшей школой нравственности для *всех* жителей нашей страны вне зависимости от социального статуса, в силу чего сложно было ожидать, что после 19 февраля 1861 г. их психология претерпит существенные изменения.

Поэтому крестьяне по-прежнему воспринимали власть как силу, которая действует не по закону, а так, как ей удобно. Органы же власти — от уездных до Кабинета министров — смотрели на крестьян в первую очередь как на источник бюджетных поступлений; то, что трактовка понятия «податное сословие» правительством и после 1861 г. осталась неизменной, лучше всего подтверждают запланированные «Положением 19 февраля» меры принудительного взыскания недоимок, совершенно крепостнические по духу.

Все это в совокупности никак не могло повысить уровня правосознания большинства жителей страны. Законность была на далекой периферии как в отношениях крестьян между собой (приговоры сельских сходов и волостных судов, не регламентированные положительным правом), так и в отношениях к ним органов местной власти.

Однако это не все.

Тот факт, что выкупные платежи обеспечивались круговой порукой всех членов общины, которая одновременно как распорядитель земли получила право передела выкупаемых наделов, вносил в созданную «Положением 19 февраля» общину взаимосключающие принципы.

Выкупные платежи за землю уплачивались каждым общинником в соответствии с размером выкупаемого им участка. Поэтому крестьянин с каждым годом приобретал все большее и большее право на выкупаемую им землю и в момент завершения выкупной операции должен был стать ее собственником (выкупная операция по сути была ипотекой).

Однако если до окончания выкупа происходил общий передел и надел крестьянина уменьшался (например, из-за изменения численности семьи), то тем самым община несправедливо отнимала, точнее, экспроприировала у него идеальную долю собственности, которую он уже приобрел многолетними выкупными платежами. Среди многих

несправедливостей, вытекавших из общинного режима, передача постороннему лицу земли, в значительной мере (иногда на 50% и более!) уже выкупленной платежами человека, у которого ее отняли, была едва ли не главной.

В общине личность — в широком смысле термина — была принесена в жертву коллективному началу, и это не могло не иметь многообразных последствий как для психологии крестьянства, так и для его хозяйственного положения, а соответственно, и всего аграрного сектора страны.

Возникает закономерный вопрос: почему же Редакционные Комиссии, включавшие, как считается, цвет отечественных интеллектуалов, сознательно создали для крестьянства столь неудачный модус вивенди, причем неудачный не по нашим только «постфактум-критериям», но — что куда важнее — и по мнению многих современников, которые еще в 1860 г. предупреждали реформаторов об априорных изъянах проектируемой ими действительности?

Полный ответ на этот вопрос требует, полагаю, не одной диссертации.

Краткий ответ таков — потому что пресловутое «открытие общины» вестфальским бароном Августом фон Гакстгаузенем в 1843 г. радикально изменило идейную жизнь русского общества, да и всю интеллектуальную атмосферу в стране.

Предоставим слово идеологу Столыпинской аграрной реформы К. А. Кофоду: «Есть веские основания предполагать, что если бы русская община не стала приблизительно в середине прошлого столетия, предметом особого внимания как со стороны правительства, так и со стороны общества, то она умерла бы кроткой и спокойной смертью, так же незаметно, как и жила. Но этого не произошло.

Как часто случалось до и после этого в русской истории, «немец» разрушил идиллию и обратил внимание всей страны на проблему. Судьбе именно было угодно, чтобы один ученый немец, барон фон Гакстхаузен, получил разрешение, под надлежащим контролем, ездить по России и собирать сведения об ее экономическом и социальном положении.

Он обнаружил общину, которую описал как феномен, происходящий из русского народного характера, заслуживающий того, чтобы его заботливо сохраняли, так как он, этот феномен, защищает сельское население от пролетаризации¹.

Не так уж много страниц было об этом в отличном трехтомном труде Гакстхаузена, но то, что он написал об этом, стало водой на мельницу сильной в то время панславистской партии. Гакстхаузеновские путевые очерки стали одной из тех книг, которые никто не читает, но о которых все говорят. Говорили, конечно же, только о тех нескольких страницах, на которых рассказывалось о «мирском» правопорядке, но представлялось это так, как будто во всем труде речь шла только об этом.

Если этот ученый-иностранец, говорилось, считает, что правопорядок «мира» является достойным восхищения чисто русским явлением, которое может помешать про-

¹ «Принципом, основой русского общинного устройства, Гакстгаузен признает постоянно возобновляющееся наделение всей наличной земли в пользование поровну между всеми членами общины, приписывая этому учреждению самые благодетельные социальные, моральные и политические последствия для самой общины, для народа и правительства. Гакстгаузен приписывает общине даже христианские черты... Главная выгода ее для России в том, что она предохранит ее от пауперизма, пролетариата и революции, которые грозят Европе. «Все страны Западной Европы подрыты предвестниками социальной революции против богатства и собственности,—отмена права на наследство, равномерное разделение земли — таковы ее лозунги. В России такая революция невозможна, так как эта утопия европейских революционеров там уже существует, вполне обоснованная в народной жизни». (Герье В. II. Второе раскрепощение крестьян. М., 1911. С. 6.)

летаризации сельского населения, значит, это так и есть, и мы должны защищать этот порядок всеми способами.

Совсем уж неадекватными стали настроения после того, как один из наиболее известных дипломатов того времени, граф Кавур, который слышал кое-что о книге Гакстгаузена, обращаясь к известному русскому революционеру Бакунину, человеку с очень богатой фантазией, высказался примерно так: «Вам, русским, повезло, вы же в вашем мирском самоуправлении имеете палладиум против пролетаризации сельского населения!»¹.

Теперь уже все порядочные люди в России, независимо от того, были славянофилами или нет, считали, что община — это табу. Горе тому, кто поднимет на нее руку!»².

М. И. Туган-Барановский как социалист подчеркивает другой и не менее важный аспект влияния Гакстгаузена: «Гакстгаузен, человек очень образованный и умный, изъездил в течение года всю Россию, причем пользовался во время своего путешествия особой предупредительностью властей, давшей ему возможность увидеть много такого, что было недоступно обыкновенному путешественнику...

Книга Гакстгаузена удостоилась одобрения императора Николая, была напечатана на счет сумм, отпущенных русским правительством... и в то же время оказала огромное влияние на выработку того радикально-романтического направления нашей общественной мысли, которому суждено было играть столь широкую роль в нашей истории.

Известно, как сильно содействовал Гакстгаузен идеализации русской земельной общины... Взгляды прусского барона на общину, артель и многие другие особенности хозяйственного строя России были восприняты Герценом и вообще той школой общественных деятелей и публицистов, в которой Герцен и Чернышевский являются самыми яркими именами.

Как и славянофилы, Гакстгаузен считает главным преимуществом России перед Западной Европой отсутствие в России пролетариата.

«Во всех других странах Европы глашатаи социальной революции ополчаются против богатства и собственности: уничтожение права наследства и равномерное распределение земли — вот лозунг этих революционеров. **В России такая революция**

¹ Надо заметить, что при всем неоспоримом богатстве своей фантазии, Бакунин некоторые явления окружающей действительности оценивал вполне реалистично. Так, однажды он задал Герцену и Огареву вопрос, на который те едва ли смогли ответить внятно: «Вы все готовы простить, пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, так косвенно, лишь бы оставалось неприкосновенным ваша мистическая святая святых — великорусская община, от которой вы мистически ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. Вы загнулись за русскую избу, которая сама загнулась, да так и стоит века в китайской неподвижности со своим правом на землю.

Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого гнусного рабства?

Гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира и жестокая бесцеремонность его отношений к каждому бессильному и небогатому члену, его систематичная притеснительность к тем членам, в которых проявляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки — вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская община». (Цит. по: *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 282–283).

Бакунин, как мы убедимся ниже, в середине XIX в. точно определяет большинство пороков общинного строя, о которых позже будут говорить противники общины и о которых слышать не хотели ее адепты. Он хорошо видел крепостническую «генетику» в функционировании общины, которая после 1861 г. проявится во всей красе.

² *Кофод К. А.* 50 лет в России. М. Права человека., 1997. С. 50, 52. В дореволюционных публикациях инициалы Кофода — А. А.

невозможна, так как утопия европейских революционеров в этой стране получила в народной жизни свое полное осуществление».

Эта фраза рисует нам всего Гакстгаузена. Западноевропейский консерватор нашел в России панацею от социальных бед, угрожавших Западной Европе.

Крепостная Россия Николая I оказалась воплощением мечтаний французских революционеров, и каким удивительным воплощением! Не только не угрожающим гибелью порядку, собственности и монархическим принципам, но, наоборот, являющимся самым крепким оплотом реакционной Европы, страной самой сильной власти и самого образцового порядка»¹.

Так впервые гласно был поставлен фактический знак равенства — пусть и примерного равенства — между русским крепостным правом и западным социализмом (хотя Гакстгаузен и считает крепостное право в целом «сен-симонизмом навыворот»²). Другими словами, по Гакстгаузену, Россия Николая I в некоторой степени живет как бы при социализме.

Однако — что такое полностью «осуществленная», пусть и революционная, «утопия»? Это — земной рай, это Аркадия. Кто же по своей воле бежит из рая?

Поэтому «такой удивительный строй заслуживает того, чтобы позаботиться о его сохранении», а внедрение в России западных форм промышленности неизбежно разрушит его, считает Гакстгаузен. В силу этого он категорически против индустриализации России. Ошибочно считая, что русские кустари работают артелями, он приходит в восторг от кустарных промыслов: «Это — свободные промышленные ассоциации, напоминающие об ассоциациях сенсимонистов. Такая промышленная организация доставляет этим общинам большие выгоды»³.

М. И. Туган-Барановский резюмирует: «Эта цитата вполне разъясняет сен-симонизм Гакстгаузена. Национально-русская форма фабрики, которой он так сочувствует, не что иное, как посессионная фабрика, основанная на принудительном труде! Неудивительно, что крепостная Россия вызывала такое восторженное отношение к себе нашего своеобразного сен-симониста.

Поклонник общины и артели оказывается прежде всего поклонником крепостного права. Враг западноевропейского капитализма, он предпочитает бездушной денежной связи предпринимателя с рабочими... восточноевропейскую власть помещика над крепостным!»⁴.

Итак, враг капитализма может быть в одно и то же время поклонником Сен-Симона (пусть своеобразным) и крепостного права.

А вот как характеризует проблему И. В. Мозжухин: «В 1847–1852 гг. появляются в свет «Исследования» бар. Гакстгаузена. Мастерски набросанными чертами автор рисует громадное социально— политическое значение общины как оплота России от пролетариата, пауперизма, социалистических и коммунистических доктрин, от которых столь сильно страдает Западная Европа. В сравнении с этим положительным значением общины возможные вредные влияния ее на прогресс сельского хозяйства ему представляются совершенно ничтожными...

Мысли, развитые Гакстгаузенем, предопределили содержание всех спо-

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика ... С. 303–304.

² Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2-х т. СПб., 1888. Т. 2. С. 439.

³ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика ... С. 305.

⁴ Там же. С. 304–305.

ров об общине в течение последнего полувека. Мы не будем здесь следить за перипетиями этого спора, начавшегося полемикой Чернышевского с Вернадским, гимнами общине Герцена, возведением ее к высотам русского национального духа у Герцена и славянофилов, провидением в ней больше, чем в чем-либо другом, то опоры для социалистических надежд, как у Чернышевского и его последователей, то оплота существующего строя, как у Гакстгаузена, Победоносцева и других. Широкие социальные горизонты, раскрываемые общинным владением, затушевывали в глазах защитников его некоторые темные стороны с точки зрения сельскохозяйственного прогресса»¹.

Итак, Мозжухин констатирует, что, община оказалась фокусом, в котором удивительным, хотя и странным, образом сошлись чаяния противоположных общественных сил.

На первый взгляд — парадокс.

С одной стороны, община — «оплот России от пролетариата, пауперизма, социалистических и коммунистических доктрин» и «оплот существующего строя» — отнюдь не демократичного по своей сути.

С другой стороны, она — «опора для социалистических надежд», которая «открывает широкие социальные горизонты»; она — *уже* начало социализма.

Как такое может быть одновременно?

Как можно в одно и то же время защищать Россию от социализма и коммунизма, т.е. гарантировать существование государственной системы, построенной на лишении большинства населения гражданских прав, и вместе с тем давать надежду на построение в стране этого самого социализма?

Можно, если существующий строй и социализм рассматривать не как антитезу, не как противоположные «субстанции», в чем нас активно уверяли последние 150 лет, а как ипостаси одного и того же феномена, в основе которого лежит гражданско-правовая неполноценность основной массы жителей страны. Только в одном случае эта неполноценность как бы оправдывается особыми путями русской истории, а в другом — интересами «трудового народа».

Другими словами, — вопреки всем пленительным словесным декорациям — грядущий социализм, подобно существующему после 1861 г. строю, применительно к большинству населения России мыслится здесь как модифицированный, «улучшенный» вариант крепостничества.

И в силу этого разница между первым и вторым вариантом развития страны не столь велика, как между, скажем, картинами «Арест пропагандиста» и «Торжественное заседание Государственного Совета», написанными, кстати, одним и тем же художником — И. Е. Репиным.

А ключевой вопрос, следовательно, состоит в том, кто, условно говоря, заседает в «Государственном Совете», — Герцен с Чернышевским или Плеве с Победоносцевым. Вот и все².

Именно в этом смысле, полагаю, Д. А. Столыпин отмечал, что барон Гакстгаузен первым «под влиянием социалистических идей на Западе открыл у нас общину. Восхваление общины, к чему стремились коммунисты того времени и что, казалось, было осуществлено крепостною общиной в России, — идея прямо пришедшая к нам с Запа-

¹ Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. Очерк реформы крестьянско-землевладения. М., 1917. С. 61–63.

² Я, конечно, слегка утрирую, но именно слегка.

да, такую ее и выставил барон Гакстгаузен Западной Европе. До тех пор мы все знали общину на практике, и никто из современников, могу это утверждать, не думал о ее восхвалении до появления книги барона Гакстгаузена. Для всякого беспристрастного лица увлечение общиной есть увлечение западными воззрениями на социализм»¹.

Поэтому идейный фон, на котором происходило освобождение крестьян, останется неясным без учета его социалистической «грунтовки» 1840–1850-х гг. Дело в том, что в России середины и второй половины XIX в. социалисты были во всех лагерях. Условно говоря, ярко-красными в России были не все представители образованного класса, но оттенков красно-розового и просто розового цвета было великое множество.

У нас сегодня как-то подзабыли, например, что утопический социализм в Россию принесли и пропагандировали прежде всего славянофилы, о чем писали еще А. И. Герцен² и П. В. Анненков. Напомню, что в 1830-х и особенно в 1840-х гг. под чары социализма подпали не только славянофилы и такие западники, как, например, В. Г. Белинский и Н. Т. Грановский, но и молодые люди 1820-х годов рождения, как, например, Ф. М. Достоевский и Б. Н. Чичерин. Не слишком известна трактовка С. С. Дмитриевым славянофильства как варианта христианского социализма³.

Для понимания «замечательного десятилетия» 1838–1848 гг. в этом контексте очень важна следующая информация П. В. Анненкова: «Кому не известно, что, собственно, *русский* социализм или то, что можно назвать народными экономическими представлениями, заключался в очень ясных и узких границах, состоя из учения об общинном и артельном началах, то есть из учения о владении и пользовании сообща орудиями производств.

В этом скромном, ограниченном виде, данном всей нашей историей, *русский* социализм и был поставлен впервые на вид славянофилами, с прибавкой, однако ж, что он может служить не только образцом экономического устройства для всякой сельской и ремесленной промышленности, но и примером сочетания христианской идеи с потребностями внешнего, материального существования.

На эту-то прибавку именно западники наши и не согласились: они отвергали ее самым положительным образом, признавая, что русская община спасает интересы народа в настоящую минуту и дает ему средство бороться с несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общинным владением они не признавали никакого всеобщего экономического принципа, который мог бы быть годен для всякого хозяйства»⁴.

Понятно, как укрепило «открытие» Гакстгаузена славянофилов в своей правоте⁵. Й. Цвайнерт справедливо полагает, что концепция Гакстгаузена об общине как истин-

¹ *Столыпин Д. А.* Арендные хутора. Пенза. 1997. С. 171.

² *Герцен А. И.* Собрание сочинений. Т. VII, С. 248.

³ *Дмитриев С. С.* Раннее славянофильство и утопический социализм // Вопросы истории. М., 1993. № 5. С. 24–40; *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–96.

⁴ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., Художественная литература. 1983. С. 260–261.

⁵ В историографии вопрос о приоритете в этом «открытии» общины до сих пор остается предметом дискуссии (см. *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905. М., Издательский дом ГУ ВШЭ. 2008. С. 175–176; *Эткинд Александр.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., НЛЮ. С. 216–222), однако для нашего изложения данный сюжет не слишком важен. В. И. Герье говорит, что «писатели славянофильской школы, конечно, и до знакомства с книгой Гакстгаузена превозносили общину, но лишь в этическом, а не в аграрном смысле. Сам Кошелев засвидетельствовал в 1858 году, что 20 лет пред тем общинное земледелие было неизвестно в литературе и «первые статьи о нем были встречены с недоумением и даже с насмешкой и пренебрежением». С тех же пор и земледельческая община вошла для многих в неизменный инвентарь национальных святынь, подлежащих охранению». (*Герье В. И.* Второе раскрепощение... С. 8.)

ной выразительнице «народного духа» России после выхода в свет его труда стала «поворотным и стержневым пунктом социально-экономической идеологии славянофилов»¹.

Я далек от излишней «демонизации» А. фон Гакстгаузена (хотя и принижать его роль было бы неверно). Важнее понять, почему его мысли оказались так востребованы.

Представляется, что едва ли «проект Гакстгаузен» имел бы такой оглушительный успех, если бы он одновременно не *угадал* и не *угодил*. То есть, если бы он не соответствовал мыслям и желаниям — тайным и явным — весьма значительной части русского общества видеть в своей стране нечто большее, чем просто задавленное самодержавием громадное пространство. Это очень большая тема. Для нас сейчас важна идея о том, что это нечто в будущем позволит России дать человечеству, в числе прочего, образец новых братских взаимоотношений между людьми.

Ведь то глобальное значение, которое славянофилы придавали «русскому социализму», — т. е. общине, дающей «всесветный» пример сочетания «христианской идеи с потребностями внешнего, материального существования», — не только получало в трактовке Гакстгаузена подтверждение, но и во многом новое, более масштабное звучание.

Россия, по мнению Гакстгаузена, была мировым уникамом, но ведь и славянофилы говорили о том же. И отсюда — естественная в рамках этой логики — мысль о том, что Россия может указать и укажет путь остальному человечеству к оптимальному построению совершенно новой, по-настоящему духовной системы взаимоотношений между людьми.

Так, волшебным образом Россия переставала быть «задворками Европы» и оказывалась впереди всего мира.

Эти идеи были крепко усвоены поколениями российского образованного класса и стали мифом национального самосознания.

Не будем забывать о том, что именно тогда, на рубеже 1840–1850-х гг., Герцен, отчасти переосмыслив идеи славянофилов и Гакстгаузена, выдвинул теорию «общинного социализма»². Она, среди прочего, обещала России переход к социализму, минуя капитализм как тяжелую для народа стадию развития и к тому же бесполезную — ведь Западу по дороге к неизбежному социализму еще предстоит обобществить средства производства, в частности, землю, а у нас ею *уже* распоряжается община.

Эти мысли о возможности прямого перехода России к социализму развил и углубил затем Н. Г. Чернышевский, что обеспечило уравнильно-передельной общине еще большую популярность. Так окончательно оформилось народничество; не случайно, надо думать, Корнилов в приведенном выше отрывке характеризует мотивы Редакционных Комиссий как «народнические».

Констатация воплощения западноевропейских социалистических идеалов в русской крепостной общине была, конечно, достаточно приятным многообещающим сюрпризом для русского общества, и не могла не отразиться, в числе прочего, на освобождении крестьян. Кстати, роль Гакстгаузена не ограничилась тем, что он в 1847–1852 гг. как бы поставил «знак качества» на воззрениях славянофилов. Н. М. Дружинин сообщает, что в период подготовки освобождения крестьян Гакстгаузен издал брошюру, в которой повторно изложил свое мнение об уникальном экономическом и «морально-политическом значении» общины. Гакстгаузен решительно отвергал мысль о передаче

¹ Цвайнерт Й. История экономической мысли... С. 177.

² М. Малия отказывает ему в оригинальности и считает популяризатором их идей.

крестьянам земли в частную собственность, к чему склонялись некоторые помещики: «Он утверждал, что Россия — единственная европейская страна, в которой сохранилось общинное землевладение, крепкая основа религиозно-нравственной цивилизации. Разумный государственный деятель не должен покушаться на этот замечательный институт, который имеет огромное значение «для всего мира и для России в особенности». Дружинин считает, что аргументы Гакстгаузена, по-видимому, «произвели большое впечатление на председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева. После оживленного обмена мнений Редакционные комиссии заняли компромиссную позицию, которая в известной мере должна была удовлетворить и сторонников, и противников общины». Община оставалась, однако была зафиксирована возможность перехода крестьян к подворно-наследственному землевладению и «постепенной ликвидации общинного землепользования и закрепления земельных наделов в частную собственность»¹.

Вообще надо сказать, что упреки в проведении «коммунистических начал», которые члены губернских комитетов второго приглашения предъявляли Редакционным Комиссиям, выглядят отнюдь не беспочвенно, как бы иронизировала над этим историография². Современники это прекрасно чувствовали, но, возможно, не понимал уже Корнилов.

Великая реформа, насильственно отобравшая у помещиков землю, — это некоторым образом социализм в действии.

Полагаю, что из вышесказанного отчасти вытекает мрачная оценка Великой реформы С. М. Соловьевым: «Александр II не спрашивал об этом (об освобождении крестьян — М. Д.) у России, и конечно, если б вопрос был подвергнут тайной всеобщей подаче голосов (исключая, разумеется, крепостных), то ответ, надобно полагать, вышел бы отрицательный...

Голоса помещиков были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной в столицах. Дело было произведено революционным образом: употреблен был нравственный террор; человек, осмелившийся поднять голос за интересы помещиков, подвергался насмешкам, клеймился позорным именем крепостника, — а разве у него была привычка поддерживать свое мнение?

Пошла мода на либеральничание: люди, не сочувствовавшие моде, видевшие, что нарушаются их самые близкие интересы, пожимали плечами или втайне яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смели и молчали. Как бы то ни было, переворот был совершен с обходом самого трудного дела — земельного.

Крестьян наделили землей, заплативши за нее помещикам.

Красные торжествовали: у прежних землевладельцев отняли собственность и по-

¹ Дружинин Н. М. Гакстгаузен и русские революционные демократы // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 445–446.

² Вот мнение 34-х членов губернских комитетов второго приглашения: «Редакционные Комиссии, не отвергая законного права собственности помещика на землю, вместе с тем считают более справедливым или более нужным признать право крестьян на ту же землю. Несовместимость двух прав на одно и то же имущество не останавливает их. Им казалось очень просто: помещику оставить это право на словах, а крестьянам передать его на самом деле. «Коммунистические начала» очень искусно проведены во всех главах Хозяйственного Отдела; но, несмотря на то, нельзя не заметить, что в основании системы их лежит отрицание прав собственности, т. е. разложение и распадение общества, которого цель и существование определяются охранением всех личных и имущественных прав, а средства для этого охранения заключаются в законности всех мер, всех действий и распоряжений правительства. Филантропические воззрения при всей благонамеренности их едва ли приведут к правильному разрешению вопросов о собственности, потому что такими воззрениями можно оправдать всякое отнятие имущества потребностью одних лиц, доказывая необходимость взять собственность или часть оной у других лиц». *Скребицкий А.* Крестьянское дело... Бонн., 1868. Т. 4. С. 846.

делили между народом, замазавши дело выкупом, но выкуп был насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: им нужно было провести общинное землевладение!»¹.

В конечном счете в российском обществе утвердился самый настоящий культ общины, разделявшийся подавляющим большинством образованного класса страны, впрочем, как мы знаем, по разным мотивам. По точному замечанию Й. Цвайнерта, **«учение об общине стало пунктом притяжения для всех общественных течений, которые отвергали рыночный путь развития и связанную с ним социальную дифференциацию»**².

Чрезвычайно интересно то, что «открытие общины» оказалось фиктивным.

Ключевой момент в панегирической оценке общины Гакстгаузеном — уравнительные переделы земли, которые, по его мнению, не дадут никому ни разориться, ни чрезмерно разбогатеть. Поскольку у всех есть «право на землю», то это и есть гарантия от пролетаризации. Он вслед за славянофилами, которые в Москве рассказывали ему об общине, был убежден в том, что так было всегда.

Однако Б. Н. Чичерин в работе «О происхождении русской сельской общины» еще в 1856 г. показал и доказал, что в свободной русской общине крестьяне располагали тяглыми землями по своему усмотрению: их наследовали, их продавали, их делили между детьми, ими менялись и т. д. Уравнительно-передельных функций, столь важных, по Гакстгаузену, для предотвращения пролетаризации, община *не имела*. Важнейшую роль в их появлении сыграло крепостное право и особенно — введение подушной подати в 1718–1724 гг.

Другими словами, в основе идейного развития нашей страны с середины XIX в. лежит **Большое Недоразумение**, приобретшее силу догмата. В истории так бывает, и тем не менее данное обстоятельство — само по себе достаточно важная характеристика пореформенного общества. Забегая вперед, отметим, что «открытие» Гакстгаузена стало органической частью тех теоретических воззрений, которые с середины XIX в. определяли духовную жизнь страны, причем, в силу враждебности, определяли зачастую с прямо противоположных позиций. Оно в конечном счете, безусловно, оказала влияние и на концепцию освобождения крестьян, и на последующие подходы не только к аграрному вопросу, но, по сути, к самим основам жизни страны.

Выводы Чичерина, противоречившие романтическому представлению о древности и самобытности общинных порядков и трактовке переделов как проявления «присущего народному духу идеала христианской любви», путем научной полемики опровергнуть не удалось. Но это было и не нужно — данные сюжеты для очень многих стали вопросом не знания, но веры.

Именно в этом духе Редакционные Комиссии в 1860 г. упоминали, явно имея в виду Чичерина, что «в исторической литературе некоторые, наиболее критически относящиеся к мирскому быту писатели, утверждают, что устройство это было создано самим правительством и преимущественно с фискальной целью», и тут же смешивали, точнее, подменяли общину как форму общежития общиной уравнительно-передельной³. Кстати, убежден, что большинство читающей публики не дифференцирует эти различ-

¹ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Сочинения. Кн. 18. М., Мысль, 1995. С. 648–649.

² Цвайнерт Й. История экономической мысли... 176.

³ Скребицкий А. Крестьянское дело... Т. 1. С. 829.

ные социальные феномены и в наши дни.

И хотя Редакционные Комиссии действительно хотели в конечном итоге, чтобы крестьяне — когда-нибудь в отдаленном будущем — стали мелкими собственниками-хозяевами¹, в реальной жизни и правительство, и общество согласно отходили от духа, а затем и буквы Великой реформы.

В «Записке по крестьянскому делу» (СПб., 1904) С. Ю. Витте раскрывает казуистический механизм использования Сенатом недостаточно проработанных мест «Положения 19 февраля 1861 г.» в целях укрепления общинного режима, показывает, каким образом временные ограничения отдельных крестьянских прав, неизбежные в момент освобождения, становились постоянными, укрепляя крепостническую составляющую крестьянской жизни.

«Положение 19 февраля даровало» крестьянам свободу, — писал Б. Н. Чичерин, — «но занятое исключительно разрешением вековых уз, оно оставило нетронутыми многие черты прежнего быта. Еще менее думало оно подробно регламентировать новые отношения. Все это благоразумно предоставлялось дальнейшему движению жизни и законодательства.

Но время шло, отношения осложнялись, вопросы накапливались во множестве, неопределенность прав настойчиво требовала установления юридических норм, а законодательство не только не удовлетворяло насущной потребности, но в своих отрывочных постановлениях как будто шло не вперед, а назад, и вносило новые замешательства в этот мир, еще не вышедший из хаотического состояния. Никто не знает, какого направления следует держаться», «самое толкование существующего закона идет в совершенно разные стороны, смотря по тому, какого взгляда придерживается губернское присутствие» (по крестьянским делам — М. Д.)².

К. Ф. Головин вспоминает: «Сенат своими толкованиями много содействовал укреплению мирского начала. Всего более, конечно, эта склонность была присуща второму департаменту, где усердным и зорким стражем полной сохранности общины был обер-прокурор Хвостов... Николай Алексеевич был твердо убежден, что мирское владение — один из верных устоев русского государства и прикасаться к этому устою он не позволял.

Помню, как он часто мне говорил, что одна община нам, помещикам, обеспечивает полевых рабочих, которых не хватило бы при подворном заселении. Допуская даже, что личная польза помещиков может приниматься в расчет при решении такого крупного государственного вопроса, мне думается, что Хвостов пользу от общины несколько преувеличивал. Как бы то ни было, Сенат сослужил России сомнительную службу своими толкованиями, сплошь и рядом заменявшими простую интерпретацию настоящим законодательствованием»³.

Отдавая должное тонкой иронии Головина в оценке мотивов действий обер-прокурор Хвостова при решении «такого крупного государственного вопроса», согласимся с тем, что именно эти «толкования» привели к полнейшему хаосу и неразберихе в ключевых понятиях о крестьянском праве, касавшихся едва ли не каждой крестьянской семьи персонально.

По мере приближения срока окончания выкупа крепостнические тенденции в

¹ Захарова Л. Г. Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861–1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начало XX в. / Составитель С. В. Мироненко М., Политиздат. 1991. С. 313.

² Чичерин Б. Н. Пересмотр законодательства о крестьянах // Вопросы политики. М., 1904. С. 52, 65.

³ Головин К. Ф. Мои воспоминания. 1881–1894 гг. В 2-х тт. СПб., Т. II. С. 245.

осмыслении аграрного вопроса и правительством, и общественностью резко усилились, и, констатируя это, мы должны учитывать следующий очень важный момент, который находится на периферии внимания историографии.

После 1848 г. все новейшие западные экономические доктрины, к восприятию которых так чувствительно было русское общество, в большей или меньшей степени были замешаны на социализме. Соответственно, они требовали активизации участия государства в социально-экономической жизни.

Однако если на Западе правительства нужно было подталкивать в этом направлении, то в России этого совсем не требовалось. Доминирующая роль правительства — одна из констант российской истории. Тем не менее подобные идеи серьезно стимулировали часть элит на создание российского варианта государственного социализма.

Как и на Западе, где после 1848 г. появились различные течения в социализме, так и в России был социализм народнический — в традиционном советском понимании, был марксистский, был и земский, но был и бюрократический. Поэтому — по аналогии с термином «социализм кафедры» — я ввожу термин «социализм департамента».

Социализм (разумеется, в варианте Бисмарка, а не Маркса) не слишком тайно исповедовался российской бюрократией. Это было вполне в духе времени. «Бисмарковский» подход к социализму, адаптированный к российской специфике, был весьма привлекателен для тогдашней бюрократии, поскольку открывал принципиально новые возможности для усиления своей роли в стране.

На деле это было равнозначно недвусмысленному росту официального патернализма, который подавался как возвращение к традиционным «духовным скрепам» и пр., однако имел другое, более современное идейное обоснование. Чего стоит брошенное С. Ю. Вите замечание о том, что «после проклятого 1 марта реакция окончательно взяла верх» и «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературой славянофилов и социалистов»¹.

В 1894 г. К. Ф. Головин писал: «Ученые, даже просто чиновники, занятые социальным вопросом и более или менее носящие казенное клеймо, обнаруживают сильные поползновения к урезыванию поземельных прав. Наиболее опасные враги землевладения насчитываются не среди революционеров, а в числе таких деятелей, которых прикрывает очевидная благонамеренность, их верность государственному началу.

В самом деле, нередко приходится выслушивать из очень чиновных уст, что целью аграрной политики должна быть национализация поземельной собственности. **Лица, облеченные властью, с легким сердцем высказывают такие чисто социалистические взгляды, потому что поглощение личной собственности государством им кажется одним из пунктов той современной нам политической программы, которая поставила себе задачей усиление государственного вмешательства...**

С тех пор, как у нас был поднят вопрос о влиянии выкупной операции на крестьянское землевладение, в официальных сферах неоднократно высказывалось мнение, что выкупные платежи не должны вовсе подлежать погашению, а что их, напротив, следует обратить в постоянный налог, превращая таким образом крестьянские наделы в государственную собственность»².

Головин был прав — об этом писал, например, действительный тайный советник

¹ Там же. С. 42.

² К. Ф. Головин. Социализм как положительное учение. СПб., 1894. С. 186–187.

Н. П. Семенов¹, один из немногих еще живых в 1890-х гг. сотрудников Редакционных Комиссий. Однако за отмену выкупных платежей и фактическую экспроприацию выкупавшейся крестьянами свыше четверти века земли ратовал и такой, казалось бы, либеральный деятель как К. Д. Кавелин, убеждая своих читателей в том, что сделать это совсем несложно².

Это мнение Кавелина, кстати, воочию демонстрирует неполную адекватность наших представлений о российском либерализме. Среди других примеров такого рода, особого внимания, на мой взгляд, заслуживает следующий.

Как известно, крепостное право, в числе прочего, было нацелено на поддержание равенства между крестьянами³. Например, Т. П. Текутьев в инструкции, составленной в 1754–1757 гг., особо отмечал, «что все мужеския души положены в платеж, и землю снабжены, и в работе и в **прочем в равенство положены**, и радеть, и жить надобно всем **равно**, и потому друк от друга обиды и тягости не было»⁴.

В. И. Семевский сочувственно излагает мысли князя М. М. Щербатова из работы с говорящим названием «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений», описывающей ужасы, которые непременно выпадут на долю крепостных крестьян и самого государства, если их сделают собственниками земли, особо выделяя неизбежную значительную имущественную дифференциацию: «развитие имущественного неравенства, кабала бедных, тяжба из-за земли и драки из-за перекосов, перепашек и т. п., вот каковы следствия введения участкового землевладения... Этот отдел труда неизвестного автора⁵ делает честь его проницательности, и под всеми приведенными у нас местами могли бы подписаться и все современные защитники общины, прибавив только, что в настоящее время крестьянский мир еще лучше может распоряжаться землею, после того как устранено вмешательство помещика в распоряжение землею, данною крестьянам»⁶. А затем выделяет курсивом слова Щербатова: *«Ибо польза государственная не в том состоит*

¹ «Следует устранить выкупную операцию как бывших владельческих, так и для государственных и прочих наименований крестьян, превращением ежегодных **выкупных** платежей в вечные **оброчные** платежи за предоставленные крестьянам в **неотчуждаемое** владение земли...

Замену выкупа оброчными платежами облегчится участь крестьян бывших крепостных, так как их оброчные взносы могут быть приравнены к оброчным платежам бывших государственных крестьян, и нет сомнения в том, что если некоторое общее уменьшение крестьянских платежей, за приобретение ими в собственность их наделных участков, теперь же неотложно последует, хотя и под условием замены прав собственности **неотчуждаемостью** землевладения, то **крестьяне останутся довольны этой облегчающей их переменой**, и она пройдет тем незаметнее, чем значительнее будет возможное понижение для них платежей, **ибо наш крестьянин предпочитает всегда ближайшую и непосредственно представляющуюся ему выгоду — отдаленным, хотя и большим выгодам, для него неосознательным**. С этим согласится всякий, кто только знает русский народ». (Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Выводы и заключение. СПб., 1894. С. 65.)

² «Личные расчеты крестьян между собою очень запутаны; сверх того, далеко не все крестьяне имеют **«ясное» (!)** понятие о юридическом характере выкупных взносов. Твердо они знают только то, что взносом выкупных платежей они приобретают землю в собственность, но какую именно, частную и личную, или общественную — об этом они в большинстве случаев имеют лишь сбивчивое и неясное представление». (Цит. по: П. Д. Дошен. Наша деревня. М., 1900. С. 297.)

³ О том, что помещики стремились утвердить «равенство» и равную способность крестьян нести тягло, а также о действиях общин по разверстке повинностей см.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 181–241; Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 49.

⁴ Смиланская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). М., Наука. 1998. С. 56.

⁵ Тогда работа Щербатова еще не была атрибутирована.

⁶ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2-х тт. СПб., 1888. Т. 1. С. 192.

чтоб некоторое количество богачей в нем было, а прочие б в бедности стнали, но в том, чтоб сокровищи его поколику возможно равнее были разделены»¹.

Не забывая дежурно называть Щербатова крепостником, Семевский замечает: «Но зато в другой части своего мнения он говорит: «если дать в собственность земли» (т. е. на участковом праве) — «благо ли сие? и не одно ли сие имя, а не самое действие есть? И ныне крестьяне **обще селениями таковой собственности не имеют ли?»** и делает к этим словам следующее примечание: «Вот эту-то последнюю мысль — о полезности общинного владения — и приходится защищать современным исследователям от нынешних **освободителей** крестьян, но только не от крепостного права (об уничтожении которого они не скорбят лишь потому, что экономическая зависимость может быть еще сильнее юридической), а от желающих любезно освободить **земледельца** от земли»².

Семевский даже не понимает, как он, ненавистник крепостной неволи, защитник крестьян и т. д., выглядит, когда в конце XIX в. в борьбе против предоставления крестьянам земли в собственность сочувственно цитирует самого образованного русского крепостника XVIII в. и поучает его примерами противников общины. Точка зрения В. И. Семевского, ученого с устойчивой либеральной репутацией, в 1888 г. защищающего эту систему, показывает, что российское образованное общество в чем-то очень важном не слишком далеко ушло от эпохи Екатерины II.

Но ведь и созданная в 1861 г. система крестьянского самоуправления также была нацелена на поддержание равенства между общинниками, просто из-за дефектов конструкции она, как мы увидим, обернулась своей противоположностью.

Голод 1891–1892 гг., усугубленный эпидемией холеры, огромные финансовые и другие затраты правительства на продовольственную и иную помощь жертвам катаклизма, с одной стороны, и широчайшее участие общественности, с другой, показали, что правительство и общество могут сплотиться в минуту Беды. Вместе с тем ликвидация последствий голода наглядно продемонстрировала бездну непонимания, которая лежала между народной массой и образованным классом страны в целом.

Трагедия 1891 г., как известно, всколыхнула российское общество. Во главе участковых и приходских попечительств, которые густой сетью покрыли пострадавшие уезды, стояли помещики, управляющие именьями, священники и волонтеры, которые участвовали в благотворительной помощи населению.

А. С. Ермолов пишет: «Народная нужда нашла себе таким образом широкий отклик среди всех классов населения России, без различия национальности, вероисповедания, местожительства. Все шли на встречу этой нужде и помогали, жертвовали, кто сколько и чем мог.

Это был порыв, охвативший все русское общество, который несомненно помог населению пережить тяжелую годину.

Вот что, между прочим, говорится об этом в отчете Особого Комитета (для организации помощи голодающим — *М. Д.*): «не одними денежными жертвами оказывали помощь нуждающимся. Многие лица посвятили все свое время и труд для лучшей организации этой помощи и много положили любви и заботы на дело благотворения. Повсюду проявлялась прекрасная и самоотверженная деятельность этих добровольных благотворителей. Люди различных положений и состояний с замечательным единоду-

¹ Щербатов М. М. Избранные труды. М., РОССПЭН, 2010. С. 165.

² Семевский В. И. Крестьянский вопрос... С. 193.

шим стремились оказать помощь нуждающимся. Воодушевленные самым искренним стремлением помочь нужде, жертвуя для этого материальными средствами и личным трудом, частные благотворители умели применять виды и способы вспомоществования к наиболее ощутительным в каждой местности потребностям.

Особенно поместное дворянство оказалось на высоте своего положения. Многие из помещиков, не живущих постоянно в своих имениях, вернулись туда, для организации у себя благотворительной помощи. Благотворительность эта, широко действовавшая, несмотря на тяжелые условия, в которых находилось большинство помещичьих хозяйств, обнаружила тесную связь, существующую между поместным дворянством и крестьянами, и **нет сомнения**, что крестьяне на многие годы сохранят благодарное воспоминание о тех лицах, которые жертвовали средствами и трудом для облегчения их положения»¹.

Ермолов говорит, что «как очевидец и до некоторой степени участник благотворительной помощи населению в 1891–1892 гг.» он может подтвердить «полную справедливость этих строк... И тем не менее последствия не оправдали тех надежд, которые здесь высказаны, на закрепление в будущем моральной связи между крестьянами и приходившими им на помощь высшими классами населения.

Скорее наоборот. Многих из бескорыстных и самоотверженных деятелей того времени постигло горькое разочарование, благодаря... отношению крестьян к оказываемой им помощи и к тем лицам, которые ее оказывали, иногда на свой личный счет, без всякого пособия со стороны.

В бескорыстие их крестьяне не только не верили, а, напротив, заподозрили их в том, что присланные им якобы от Царя деньги они утаивали, обра- щали в свою пользу.

Хотя эти лица действовали, конечно, не в расчете на благодарность крестьян, такое к ним отношение охладило их пыл и в последующее годы этот подъем духа, этот широкий размах частной благотворительности никогда уже в таких размерах, как после неурожая 1891 года, более не повторились»².

Что здесь сказать?

Каждый образованный житель страны имел свой личный опыт общения с народом, накопленный в обычной повседневной жизни. Однако в 1891–1892 гг. был получен — и, увы, не осознан, не осмыслен до конца — уникальный опыт **коллективной** коммуникации «сословий», причем в экстремальной ситуации, которая сообщает истинную цену многому из того, что скрыто в обычное время.

И информация, полученная умеющими читать людьми в ходе этого общения, определенно была поводом для серьезных размышлений. В частности — над тем, как совместить уродливую крепостническую средневековую психологию подавляющего большинства населения страны со стремлением ее правительства быть великой державой и соперничать с мировыми лидерами.

Однако этого не произошло. Власть ответила на кризис хотя и не вполне стандартно, но в рамках привычного патернализма — она начала списывать продовольственные долги, полагая тем самым, в частности, что демонстрирует народу, кто о нем действительно заботится, кто его настоящий друг и покровитель.

Следствием такой политики стал быстрый и мощный рост иждивенческих настроений населения. При этом сформированную крепостнической эпохой психологию кре-

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. В 2-х тт. СПб., 1909. Т. 1. С. 116–117.

² Там же. С. 117–118.

стьянства это не поколебало и не могло поколебать, ибо бесплатная продовольственная помощь — дар Царя-батюшки — вполне вписывалась в то, что мы привычно именуем «царистскими иллюзиями» русского народа с той лишь разницей, что «Царский паек» был вполне осязаем.

На прежних позициях относительно жизни крестьян оставалось и большинство представителей общественности. Среди множества примеров, подтверждающих это, своей откровенностью выделяется точка зрения того же Н. П. Семенова, высказанная в 1894 г. и учитывающая как громадную помощь государства голодающим, так, видимо, и начавшееся прощение продовольственных долгов: «В истории жизни русского народа суровой нитью проходит прежде всего старание правительства о прикреплении крестьян к земле...

У государства нет личных интересов. Единство, могущество и процветание его неразрывно связаны с благосостоянием всего его населения. У нас громадное его большинство составляют крестьяне, менее других имущие и менее развитое просвещением сословие, следовательно, нуждающееся предпочтительно перед другими в попечении о нем, а в тяжкие години — и в материальной помощи государства.

Ограждать **верно понятую свободу** (! — М. Д.) этого сословия и соблюдать по отношению к нему закономерную справедливость принадлежит государственной власти. Под ее опекой государственные крестьяне владели всегда принадлежащими государству неотчуждаемыми от них землями.

Возвращая государству крепостных крестьян, эта власть возвратила в его распоряжение и земли, составлявшие их наделы у помещиков. **Если крестьяне останутся и на будущее время настоящей рабочей силой государства, то это лишь в том смысле, в каком лица всех других сословий, соответственно их положению, где бы они ни были, должны пребывать слугами своего государства, и нет опасности, чтоб они сделались его крепостными.** (ср. выше мнение С. В. Мироненко! — М. Д.)

Мы знаем, что неимущие и малоимущие нередко попадают в кабалу частных лиц и под гнет капитала, но чтоб кто-либо попал в кабалу к государству — это дело неслыханное, следовательно, нет причины изменять в основании сословный быт государственных крестьян. Между тем у нас предполагается теперь отчуждение в частную собственность посредством выкупа крестьянами земель, принадлежащих государству и обращение во что бы то ни стало не только освобожденных, но и государственных крестьян в мелких земельных собственников; но при этом закон несколько не ограждает эту мелкую собственность во дни народных бедствий от скупки ее за ничтожную цену или даже за кусок хлеба людьми, вышедшими из того же крестьянского сословия, которые успели обзавестись какими-нибудь деньгами и известны в народе под названиями *кулаков* и *мироедов*; не ограждает закон эту мелкую собственность и от продажи ее людям всякого звания...

Отчуждение государственной земли при водворении на ней враждебных государству элементов составляет, во всяком случае, потерю части государственной территории¹. При этом он не забывает добавить, что крестьяне-собственники вряд ли могут рассчитывать в тяжелые времена на помощь государства.

Такова логика государственного мужа, каковым Семенов считался и, несомненно, считал себя сам. Большинство образованных людей искренне не понимало, чем чревато для страны отстранение десятков миллионов ее жителей от элементарных гражданских прав, от простых человеческих ценностей. Им казалось вполне естественным

¹ Семенов Н. П. Освобождение крестьян... С. 53–56.

держат народ в обстановке, в которой никто из них никогда бы жить не захотел.

В учебниках не пишут о том, что «аграрные контрреформы» Александра III (исключая введение института земских начальников) в значительной степени были реализацией требований левых и либералов, вполне совпадавших с точкой зрения тех, кто принимал решения в правительстве. Так или иначе, но Власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т. е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая (и не только!) интеллигенция, — фактическую отмену 165 ст. Положения, неотчуждаемость крестьянской надельной земли, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Не случайно образованные русские люди в конце XIX — начале XX вв. ратовали за предоставление крестьянам разнообразных прав — кроме права собственности на обрабатываемую ими землю. И возможность приступить к решению этой фундаментальной важности задачи появилась лишь с началом аграрной реформы Столыпина.

Однако эта реформа обрела не актуальность даже, а самую настоящую злободневность только после того, как правительство и общественность получили, наконец, ответ на вопрос — в какой мере интересы бюджета и вся полувековая словесная эквилибристика вокруг уравнильно-передельной общины, столь приятная для национального самолюбия, оправдывали нравственные и психологические потери, понесенные после 1861 г. тремя поколениями русского народа, выросшими в новом общинном режиме.

Ответ был дан в 1905–1906 г., когда десятки тысяч крестьян, не имевших своей собственности и не ценивших поэтому чужую, начали аграрные погромы. Кстати, о таком исходе социальных экспериментов с общиной *непартийные* специалисты давно предупреждали и правительство, и общество; весьма характерно, что большая часть образованного класса России и этот более чем ясный ответ не смогла или не захотела осознать в полном объеме.

В. И. Гурко, автор указа 9 ноября 1906 г., вполне откровенно констатирует провал 45-летнего движения по пути неверно понятой самобытности: «С этого дня (17 октября 1905 г. — *М. Д.*) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. Тот **государственный социализм**, которым в течение долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, **должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц.**

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то, несомненно, лишь теми же способами, которыми со временем, несомненно, станут на этот путь народы Западной Европы, а именно после высокого культурного развития преобладающего большинства всего населения. Такое развитие само собою приведет к организации сообществ на кооперативных началах»¹.

Сформулировано, что и говорить, недвусмысленно. Ясно, что под политикой «государственного социализма» Гурко имеет в виду не только аграрную политику Алексан-

¹ Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. 1906 г. С. 38–39.

дра III и Николая II, в частности, контрреформы и продовольственную помощь, но и понижение выкупных платежей и их последующую рассрочку, отмену подушной подати, прощение недоимок, помимо продовольственных и т. д.

Аграрная реформа Столыпина во многом была подготовлена преобразованиями С. Ю. Витте, причем я имею в виду не только Особое совещание 1902–1904 гг., но — в первую очередь — весь комплекс реформ, проведенных им в конце 1880 — начале 1900-х гг. Они во многом изменили условия функционирования народнохозяйственного механизма России, содействовали тем самым подъему крестьянского хозяйства, начавшего преодолевать кризисные явления и создавшего внутренний потребительский рынок для промышленности. Аграрная реформа Столыпина, уравнивавшая крестьян в правах с остальным населением и предоставившая им право собственности на землю, в свою очередь дала сильнейший импульс масштабным изменениям не только в народном хозяйстве, но и в жизни страны в целом.

Реальная история пореформенной индустриализации демонстрирует тот же консерватизм и желание определять развитие экономики, исходя из внеэкономических и даже идеологических представлений, часто дореформенного времени, а в сущности, — то же отсутствие у Власти должной энергии и стратегического видения этой проблематики. В самом начале 1860-х гг. правительство признавало, что «находится в совершенном неведении о средствах к упрочению и развитию промышленных интересов страны»¹, кроме усиленного строительства железных дорог, начавшегося уже во второй половине 1850-х гг. Яростным филиппикам общественности в адрес индустриализации, которые и тогда — в эпоху уже начавшегося соревнования наций — выглядели неуместно, соответствовала робкая, невнятная политика правительства в торгово-промышленной сфере, что подтверждается, в частности, почти трагикомическими перипетиями становления производства рельсов и подвижного состава в России.

Подобный подход к перспективам развития страны во многом вытекал из того, что значительная часть образованного класса вступила в пореформенное время, как, надеюсь, понятно из изложенного выше, со специфическим идейным багажом, разбирать который подробно сейчас мы не имеем возможности.

Отмечу лишь, что его значимыми компонентами были выраженные антикапиталистические, антибуржуазные настроения (критика раннего капитализма в России была воспринята слишком серьезно), «антимещанство», антиевропеизм, неявная ориентация на автаркию и т. д. В этом багаже внезапно большое место получила «ненависть к эксплуатации человека человеком» — для вчера еще крепостнической страны это была весьма пикантная и в то же время забавная форма нравственного как бы покаяния. И тут были едины и Н. Г. Чернышевский, и модный тогда публицист князь А. И. Васильчиков, владевший не одной сотней крепостных душ.

Словом, это была причудливая смесь славянофильства и «смутно социалистических» идей (Б. Н. Чичерин). При этом новейший социализм удивительно гармонично сочетался с привычным российским патерналистско-крепостническим восприятием окружающего мира, что, впрочем, неудивительно, ибо в основе обоих явлений лежит принуждение и насилие.

В подтверждение сказанному достаточно, полагаю, привести следующую, например, мысль: **«Гнет капитала невыносим для свободного духа человека. В сравнении с этим гнетом бывшая у нас крепостная зависимость крестьян пред-**

¹ Шенелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., Наука. 1981. С. 33.

ставляется легкою (!!! — *М. Д.*), и если правительство думало бы когда-нибудь серьезно вести Россию по пути, в конце которого стоит обнищание народных масс, то стоило ли бы поднимать столько хлопот для освобождения крестьян, чтобы променять путавшую их веревку на железные цепи, надеваемые на настоящие рабочие руки эгоизмом и бездушием собирателей капитала?

Для нас должен быть поучителен опыт развития капитализма со всеми уже видимыми его последствиями в государствах Западной Европы и за океаном. Он у всех перед глазами... И если вообще желательно устранить господство капитализма над строем человеческих обществ, то мы едва ли нашли бы более простой и естественный противовес ему, чем наше историческое общинное и неотчуждаемое крестьянское владение или пользование государственными землями»¹.

Эти гневные строки написаны в 1896 г. все тем же д. т. с. Н. П. Семеновым. А ведь под некоторыми из его слов подписались бы и Плеханов с Лениным!

Идейно-психологическим фоном подобных взглядов была абсолютная убежденность в самобытности не только прошлых, но и будущих путей развития России. Значительная часть общества сохраняла весьма самонадеянную уверенность в том, что именно нашей стране предстоит указать человечеству путь к светлому будущему.

У многих людей в России всегда была склонность путать самобытность и отсталость.

Десятилетия после 1861 г. прошли в бесплодных дискуссиях о преимуществах артели, ассоциаций, кустарного производства перед фабрикой, которые (дискуссии) вполне наглядно демонстрируют инфантилизм общественного сознания и непонимание большей частью образованного класса особенностей ежедневно меняющегося мира. Нельзя здесь не вспомнить мысль, высказанную М. И. Туган-Барановским по этому же примерно поводу: «Общий строй русской жизни не благоприятствует успеху слишком трезвенных, реалистических программ»².

Как ни парадоксально, реальное течение модернизации в России во многом определял именно этот смутный идейный багаж, а не объективные потребности развития страны, претендующей на роль мировой державы, поскольку с общественностью во многом было солидарно и правительство. Соответственно, вопрос о том, как оно при этом собиралось возвращать и поддерживать статус великой державы, оставался (и остается!) открытым. Во всех ведущих странах соответствующие духу времени военные реформы подкреплялись созданием промышленности, способной производить новейшее вооружение для армии и флота. Однако совокупность имеющихся фактов показывает, что у российских элит не было сколько-нибудь ясного понимания этого пласта проблем.

В свете данной информации не кажется случайностью, что во время войны 1877–1878 гг. Россия, в отличие от Турции, оказалась без флота. А ради чего тогда вся внешняя политика 15 лет строилась вокруг отмены условий Парижского трактата, которая с большой помпой произошла в 1871 г.? Помпой все и ограничилось — войну Россия фактически встретила, в отличие от Турции, без современного флота на Черном море. Не случайно будущий адмирал, а тогда лейтенант, С. О. Макаров выдвинул героическую идею атаки турецких бронированных кораблей шестовыми минами с паровых катеров, которую успешно реализовал.

Вот как оценивается уровень технической подготовки русской армии к этой войне:

¹ *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. О будущем крестьянского сословия и России. СПб., 1896 г. С. 17–18.

² *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика... С. 518.

«Слабость русской военной промышленности замедляла начатое в 60-х годах перевооружение русской армии. Только 20% солдат имели усовершенствованные винтовки «бердан № 2». У остальных были менее дальнобойные винтовки или даже ружья старого образца, заряжавшиеся с дула... Производство патронов не отвечало потребности, и нехватка их в ходе войны сковывала боевые действия русских войск... Не было стальных пушек повышенной дальнобойности и тяжелых орудий, способных навесным огнем разрушать окопы и другие земляные укрепления противника»¹.

Станным образом этот «антииндустриализм» русского общества в нашей историографии обделен вниманием², и во многом именно поэтому, полагаю, так невнятно в отечественной литературе описывается история промышленности до 1890-х гг., где все сводится к трудностям ее «мучительной перестройки» после 1861 г. на новый лад.

Между тем несколько строк, написанных С. Ю. Витте в 1907 г. (!), объясняют это положение лучше долгих рассуждений: «Вообще вопрос о значении промышленности в России еще не оценен и не понят. Только наш великий ученый Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику. Надеюсь, что его книга по этому предмету принесет пользу русскому обществу. Конечно, когда он был жив, говорили, что он пишет так, потому что подкуплен, заинтересован»³, «даже распускали инсинуации, что будто бы он, поддерживая в различных своих статьях и книгах промышленность и видя в ней всю будущность России, находится чуть ли не на откупе у некоторых промышленников, что, конечно, была злостная клевета!»⁴.

Очень показательно в данном контексте приводимое Н. И. Вавиловым мнение В. И. Ковалевского, дополняющее слова С. Ю. Витте и показывающее, в какой идейно-психологической обстановке проводилась индустриализация России: «Как общее руководящее начало экономической политики надлежит знать, что только равновесие сельскохозяйственной и промышленной деятельности народа является залогом мощи и независимости государства.

Страны исключительно земледельческие в конечном своем результате обречены на бедность и политическое бессилие. Мириться с положением колоний и житниц можно лишь под давлением жестокой необходимости. Поэтому исключительная земледельческая идеология должна быть, под углом зрения народного хозяйства, отвергнута, как сулящая нам печальное будущее»⁵.

Комментируя эти строки, Л. Е. Шепелев подчеркивает, что «свою практическую деятельность, особенно на посту директора Департамента торговли и мануфактур, Ковалевский рассматривал не просто как посильное служение делу экономического развития России, но и как напряженную борьбу против консервативных сил в правительственных сферах»⁶. Эта борьба Витте и Ковалевского освещена в литературе⁷.

Таким образом, «исключительную земледельческую идеологию» с Н. Г. Чернышев-

¹ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., Наука. 1968. Т. 5. С. 250.

² Poleмика Г. В. Плеханова и В. И. Ленина с народниками как-то не связывается с этим сюжетом.

³ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. В 2-х тт. СПб., Дмитрий Буланин. 2003. Т. 2. Рукописные заметки. С. 48.

⁴ Там же. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Книга 1. С. 134–135.

⁵ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., Наука. 2008. Т. 4. Кн. 1. С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 193–253; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., Дмитрий Буланин. 1999. С. 67–122; и др.

ским и Н. К. Михайловским разделяли и многие представители «правительственных сфер», упорно сохранявшие вынесенные из эпохи гладкоствольной артиллерии представления об основах мировой политики, о том, что такое статус великой державы и каким образом он поддерживается в индустриальную эпоху.

Многолетняя ожесточенная критика промышленной политики С. Ю. Витте представителями разных идейно-политических течений¹, а затем — еще более яростная — и преобразований П. А. Столыпина, прежде всего, аграрной реформы, с одной стороны, свидетельствует об архаичности мышления русского общества, а с другой, позволяет квалифицировать модернизацию Витте-Столыпина как «модернизацию вопреки», которая тем не менее обеспечила России мировое первенство по темпам роста в рассматриваемое 20-летие — 6,65% в год.

При этом не подлежит сомнению, что мы говорили бы теперь об ином варианте развития Российской Империи, если бы не то, что можно назвать «чудом Витте», т. е. поразительные обстоятельства его прихода во власть, сопоставимые, на мой взгляд, лишь с «чудом Сперанского». Мы как-то забываем обо всей не лишенной элементов мистики истории возвышения С. Ю. Витте, а между тем она никак не вытекала из его предшествовавшей жизни и деятельности.

Во всяком случае, в том, что С. Ю. Витте стал министром, как, впрочем, и П. А. Столыпин, присутствует значительный элемент случайности. И, напротив, во многом закономерен то, что они смогли сделать далеко не все из того, что было ими задумано.

* * *

Я, разумеется, не претендую на сколько-нибудь полное освещение всей проблематики рассматриваемого периода — это было бы по меньшей мере наивно.

Равным образом, в мои задачи не входит и подробный рассказ о государственной деятельности С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Что касается Витте, ему посвящен ряд весьма квалифицированных работ, которые, хотя и несут отпечаток воззрений их авторов, но все же достаточно объективны². В этом контексте особо следует отметить предпринятое Институтом экономики РАН фундаментальное академическое издание пятитомного собрания сочинений и документальных материалов С. Ю. Витте, причем каждый том включает несколько книг и частей!

Иное дело — П. А. Столыпин. Ни один государственный деятель в русской истории, кроме, пожалуй, Ивана Грозного (да и то с оговорками), не вызывает столько ожесточенных споров и дискуссий. С царем, однако, куда проще. Вполне понятно, почему новая волна апологетики Ивана Грозного весьма сильно коррелирует с очередным приступом ностальгии по Сталину, который, как известно, был большим его поклонником, и с подъемом «государственничества», в идеале трактуемого как опричнина с компьютером. Удивительно другое — адепты Ивана Васильевича странным образом почему-то уверены, что их фамилии в «черном списке» этого компьютера никогда не появятся. Между тем судьбы отца и сына Басмановых, Василия Грязного, Афанасия Вяземского и множества других опричников разных эпох и народов

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб, 2003. С. 47–48.

² *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., Дмитрий Буланин. 2000; *они же.* С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., Дмитрий Буланин, 1999; *Ильин С. В.* Витте. М., Молодая гвардия. 2012. (ЖЗЛ); *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., Терра. — Книжный клуб. 1998.

ясно говорят об обратном.

Сослаться на работы, в которых подробно и с приемлемой степенью объективности, как в случае с Витте, излагается жизнь и деятельность П. А. Столыпина, непросто¹.

Впрочем, об оценках фигуры Столыпина мы поговорим позже. Пока же замечу, что научной биографии Петра Аркадьевича у нас до сих пор нет. Равным образом полагаю, что настоящая история его аграрной реформы еще не написана. Необходимо отметить, однако, чрезвычайно полезную деятельность Фонда изучения наследия П. А. Столыпина, возглавляемого П. А. Пожигайло, который финансировал публикацию значительной части документального наследия Столыпина² и издал Энциклопедию «Петр Аркадьевич Столыпин» (М., РОССПЭН. 2011). Заметное место в историографии преобразований заняли работы К. И. Могилевского, К. А. Соловьева, В. В. Шелохаева³.

В моем понимании преобразования Витте и Столыпина — не просто два сменяющих друг друга периода реформ в истории России конца XIX — начала XX вв., а две взаимосвязанные и взаимообусловленные стадии процесса модернизации страны, прямо связанных с увеличением уровня свободы ее жителей и повышением их благосостояния.

Исходя из сформулированных выше задач, я буду говорить о последствиях этих реформ и для населения страны, и для России в целом, о том, как они повлияли на реальную жизнь людей. Многое в предвоенном 20-летию остается за рамками внимания историков или отодвинуто на его периферию, что обедняет наши знания.

Чтобы продемонстрировать ущербность парадигмы кризиса и пауперизации и одновременно показать тот вектор развития Российской империи, который был задан преобразованиями Витте-Столыпина, я намерен сначала проанализировать некоторые из перечисленных выше штампов, этих своего рода «священных коров» традиционной историографии, а затем — ряд новых источников, прежде всего статистических.

Полагаю, мы сможем убедиться в том, что, условно говоря, содержание «священных коров» — убыточный вид животноводства, и будем лучше представлять ту реальную Россию, от которой нас отгородила стена «ноющей историографии».

Еще одна тема данной книги — власть и подданные. Я считаю, что в эти годы в их взаимоотношениях происходят важные изменения, хотя обеим сторонам они даются

¹ Многообразие *корректных* подходов к фигуре П. А. Столыпина вполне отражено в следующих работах: *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России М., 2004; *Кабытов П. С.* П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007; *Пожигайло П. А.* и *Шелохаев В. В.* Петр Аркадьевич Столыпин: интеллект и воля. М., РОССПЭН. 2005, 2011; *Рыбас С. Ю.* Столыпин. М. 2004; *Сидорович Г. П.* П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. М., 2002; *Степанов С. А.* Столыпин. Жизнь и смерть за Россию. М., 2006. См. также: *Шевырин В. М.* П. А. Столыпин: Библиографический указатель. 2002; *Федорова Н. А.* П. А. Столыпин. Библиография. Энциклопедия. М., 2011. С. 727–730.

² *П. А. Столыпин.* Программа реформ: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2002–2003; Тайна убийства Столыпина. М.: РОССПЭН, 2003; П. А. Столыпин: Переписка. М.: РОССПЭН, 2004; П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М.: РОССПЭН, 2006; П. А. Столыпин. Биохроника. М.: РОССПЭН, 2006; П. А. Столыпин глазами современников. М.: РОССПЭН, 2008.

³ *Могилевский К. И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства М., РОССПЭН. 2008; *Могилевский К. И., Соловьев К. А.* П. А. Столыпин: личность и реформы. М.: РОССПЭН, 2011; *Соловьев К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011; *Соловьев К. А.* Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX вв. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М.: Издательство МГУ, 2011. С. 74–160; *Соловьев К. А., Шелохаев В. В.* История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013; *Соловьев К. А.* Глава II. Практика деятельности обновленных учреждений // Конституционная реформа в России в начале XX века: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 129–241.

с огромным трудом. Речь идет прежде всего о начале разрыва патерналистской традиции, неотделимой от российской истории. Я намеренно не касаюсь взаимоотношений С. Ю. Витте и П. А. Столыпина и слишком пристрастной оценки первым политики второго. Подобно тому, как Витте реализовывал в своей политике ряд идей и наработок своих предшественников, Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского, так и Столыпину выпало претворять в жизнь реформу, во многом задуманную и подготовленную Витте, однако оставшуюся в истории — и справедливо — как Столыпинская. Витте, увы, не смог смириться с этим.

Важное предупреждение — хочется быть правильно понятым. Я никак не оспариваю самобытности России, как, впрочем, и любой другой страны. Однако мне не по душе, когда под эту самобытность странным образом подверстывается все то, что является прямым наследием крепостничества, все то, что лишает человека элементарных прав — будь то в индустриальную или в постиндустриальную эпоху.

Я же, в числе прочего, вижу нашу уникальность в том, что именно Россия остановила Наполеона, в том, что она — при не самых благоприятных условиях — подарила миру удивительную культуру и уже в начале XX века имела лауреатов еще не девальвированной Нобелевской премии, и имела бы больше, если бы элиты не боялись просвещать народ; сказанным список, понятно, не исчерпывается.

В данном тексте неизбежным было обращение к моим предыдущим работам, но всякий раз я старался его минимизировать.

Иногда от коллег приходится слышать заявления о том, что «цифры ничего не доказывают». Не задавая бестактного вопроса о том, каким же радаром тогда — в отсутствие статистики — они улавливают «системный кризис самодержавия», я отсылаю их к С. Ю. Витте. Он понимал и видел функционирование экономики страны примерно так же, как врач-физиолог или анатом видит работу человеческого организма и однажды написал: «Статистические данные о росте нашей промышленности и торговли обрисовывают лишь количественное развитие нашего народного богатства, но они не должны заслонять собою того крупного явления, что **каждая новая цифра движения нашей производительности и торговли означает собой привлечение к общей промышленной жизни новых слоев населения, оживление и вступление в общий оборот новых местностей**, что в настоящее время промышленность и торговля отражают в себе экономическую жизнь всей страны, всего сложного и разветвленного русского народного хозяйства»¹.

Из такого взгляда я и исходил, работая над этой книгой. Иными словами, нужно понимать, в частности, что производство, перевозка и продажа *каждого* из тысяч и мил-лионов пудов, которые в изобилии фигурируют в этой книге, были оплачены, и не всегда единожды. Равным образом, за *каждым* из миллионов рублей на сберкнижках и на счетах кооперативов стоит потенциальная покупка чего-либо и т. д.

В конечном счете все исследования социально-экономического развития России после 1861 г., включая мои собственные, так или иначе вносят свою лепту в понимание причин революции 1917 г.

Вместе с тем я рассчитываю на нечто большее — на то, что читателям станет понятнее та Россия, которая закончилась 2 марта 1917 г.

---

¹ *Bumme C. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М. Наука, 2006. Т. 4. Кн. 1. С. 72.

1. ПРОБЛЕМА «ГОЛОДНОГО ЭКСПОРТА»

Оборот «голодный экспорт», вообще говоря, может существовать только как реплика в обыденном бытовом разговоре, в таком приблизительно контексте — «у нас люди голодают, а они хлеб вывозят». Примерно с таким же основанием в современной России можно говорить, что мы, мол, мерзнем, а они газ экспортируют. Как будто плохо топят от того, что газ качают в Мюнхен или в Донецк, и если трубу перекроют, то немедленно станет тепло!

С точки зрения политической экономии «голодный экспорт» — полная бессмыслица.

В стране *с рыночной экономикой*, а пореформенная Россия таковой и была, экспорт — часть процесса обмена, часть торговли, течение которой определяется соотношением спроса и предложения — и только. Товар идет туда, куда его притягивает цена. Если произведенные товары не могут быть реализованы в своей стране, поскольку внутренний рынок уже насыщен ими, то они продаются за границей. Это элементарно. Товары, конечно, могут продаваться и в убыток и не продаваться вовсе, оставаясь на складах. Однако работа в убыток, насколько мне известно, не является целью бизнеса.

Поскольку продавцу важно достичь наилучшей цены, ему безразлично, куда будет отправлен его хлеб, это «решает» рынок. Продавец часто и не знает этого — он продает свою продукцию и получает живые деньги.

В конце XIX — начале XX вв. за оборотом «голодный экспорт» стояла та мысль, что из-за «непосильных податей» крестьяне *вынуждены* продавать свой хлеб на рынке в ущерб собственному питанию.

Чтобы согласиться с этой идеей, мы должны убедиться, во-первых, в том, что у крестьян не было иных статей расходов, кроме значительных выплат государству, во-вторых, — что в стране существовала очень жесткая система взимания платежей, и, в-третьих, что вывоз хлеба играл все возрастающую роль в хлебном хозяйстве страны.

Ниже на все три вопроса дается отрицательный ответ.

Я считаю, что идея «голодного экспорта» хлеба из России, согласно которой хлеб вывозился в ущерб питанию населения страны — это миф, не имеющий подтверждения в статистике производства, транспортировки и экспорта хлебов. Одновременно это — нелепость и с точки зрения элементарного здравого смысла.

В 2003-ем году я писал, что «сама постановка вопроса о голодном экспорте имеет вполне провокационный характер, поскольку подразумевает некий, пусть и не всемирный, но заговор против российского крестьянства. Если довести идею народнической публицистики до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской Империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. Для этого, в числе других средств, оно использовало экспорт хлеба. Нельзя не заметить, что такой подход делает экспорт хлеба не просто главной, но чуть ли не единственной причиной недоедания российских крестьян. То есть, если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально»¹.

¹ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. М., 2003. С. 211–212.

Я наивно думал, что подобные нелепости вместе с политизированной историографией остались в XX веке, когда тезис о «голодном экспорте», наряду с другими подобными, усваивался миллионами наших соотечественников со школьной скамьи, включая и многих из читателей.

Как ни удивительно, но эта идея и сейчас не потеряла «права гражданства», и есть люди, почему-то именующиеся историками, которые вполне сознательно продолжают ее эксплуатировать¹.

Сама по себе данная проблема, подобно другим мифам национального самосознания, заслуживает отдельного социально-психологического и даже философского исследования. Но в любом случае его необходимо предварить исследованием историко-статистическим, которое должно верифицировать этот феномен, с помощью имеющихся источников. Он проведен мной в монографии «Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика» (СПб., Алетейа, 2010). Но прежде, чем изложить его основные результаты, необходимо остановиться на проблеме источников.

1.1. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню?

Есть три комплекса источников, которые позволяют ответить на вопрос о роли экспорта в хлебной торговле России конца XIX — начала XX вв. Прежде всего, это таможенная статистика; статистика урожайности Центрального статистического комитета МВД (далее — ЦСК МВД) и транспортная статистика, т. е. «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» и статистика речных перевозок МПС.

Проблема достоверности содержащейся в статистических источниках информации в каждом конкретном случае имеет различную остроту.

Считается, что таможенная статистика касающаяся, по крайней мере, массовых товаров и грузов, в общем достоверна², и поэтому в любых вариантах анализа ее данные являются четким и достаточно надежным ориентиром. Весьма надежной является и созданная С. Ю. Витте «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам», тарифная статистика Министерства финансов. Статистика речных перевозок МПС, по мнению самих составителей, недоучитывала четверть перевозок по внутренним водным путям.

Для тех, кто интересуется этой темой, не секрет, что наибольшие и вполне обоснованные сомнения — в силу самой методики сбора данных — вызывает урожайная статистика МВД (статистика Министерства земледелия и земская еще менее надежны).

В последние годы вновь актуализировалась проблема достоверности русской урожайной статистики — в первую очередь в связи с дискуссией о причинах революций в России.

Такие исследователи, как С. А. Нефедов и А. В. Островский³ убеждены в достовер-

¹ Нефедов С. А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 42–44.

² Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., Наука. 1979. С. 346 и далее.

³ Там же. С. 31–34 и др.; Нефедов С. А. К дискуссии об уровне потребления в предреволюционной России // Российская история. 1911. № 1. С. 73–86; Островский А. В. О модернизации в книге Б. Н. Миронова — Вопросы истории, 2010, № 10. С. 119–140; Он же. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 129–144.

ности данных ЦСК МВД, в то время как П. Грегори, Б. Н. Миронов и автор этих строк¹, напротив, не считают «Урожай 18... года» репрезентативным источником.

Поскольку эта проблема стала предметом довольно оживленной полемики², то я минимизирую изложение.

Лично у меня еще на 4-м курсе Истфака МГУ работы Д. Н. Иванцова и монография «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., Наука, 1979) породили естественный скепсис в отношении достоверности урожайной статистики ЦСК МВД — источника, не позволявшего адекватно исследовать задачи, для решения которых он был создан.

Во время работы над докторской диссертацией я все больше убеждался в том, что сомнения в отношении статистики ЦСК МВД, видимо, вполне справедливы. Об этом свидетельствовали нарративные источники, об этом писали такие авторитетные специалисты, как, например, А. С. Ермолов и А. А. Кауфман. А когда обнаружилось, что в неурожайные годы отправление зерна иногда превышает урожай данного года по сведениям ЦСК³, для меня это стало важным дополнительным индексом намеренного занижения составителями статистики величины сборов. Ведь большинство губерний, о которых идет речь (прежде всего Нижне- и Средневожские, некоторые губернии ЦЧР), были активными получателями государственной продовольственной помощи, для чего им требовалось заявить о серьезном неурожае (см. ниже). При этом спорных показателей нет, например, в Юго-Западных и Малороссийских (за одним исключением) губерниях, не обремененных продовольственными долгами и недоимками.

Я пришел к выводу о том, что урожайная статистика ЦСК МВД, едва ли достоверная и в обычное время, в неурожайные годы намеренно уменьшала размеры сборов ради перспективы получения де-факто безвозвратных правительственных пособий. Как говаривал С. Ю. Витте, «это слишком по-человечески».

В 2003 г. я писал: «Урожайная статистика России — своего рода Пизанская башня отечественной исторической науки, которая, в отличие от оригинала, радует глаз не столько красотой, сколько удобством, несмотря на очевидное отклонение от нормы. Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо известна ее сомнительность. Однако комфортность применения данного источника **всегда** перевешивала сомнения»⁴.

Здесь важно отметить, что слабым местом транспортной статистики была регистрация речных перевозок. Если в основе железнодорожной статистики лежали официальные документы — железнодорожные накладные на перевозимые грузы, то речные перевозки учитывались путем опроса капитанов. Вследствие этого МПС вынуждено

¹ П. Грегори. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111; Б. Н. Миронов. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах Русской революции. С. 118–125; *Он же*. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 279–297; *Давыдов М. А.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX — начале XX века // Российская история, 2009, № 2; *Он же*. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., Алтейа, 2010. С. 68–73, 231–233.

² *Давыдов М. А.* Можно ли выпрямить Пизанскую башню? // Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012. М., РОССПЭН. 2012. С. 149–189; *Кузнецов И. А.* Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Там же. С. 190–228; *Давыдов М. А.* О границах здравого смысла (ответ И. А. Кузнецову) // Там же. С. 229–244; *Кузнецов И. А.* Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики // Вопросы истории. 2013. № 6.

³ *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 68–74.

⁴ *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003. С. 62–63.

был из года в год признавать, что «как и в предшествующих аналогичных выпусках Статистического Сборника, таковые не выражают собою абсолютно всего количества перевезенных товаров, так как при существующей системе регистрации перевозимых товаров учитывается только более или менее значительная часть товаров, составляющих, **вероятно**, около $\frac{3}{4}$ всего количества перевезенных товаров», однако никто этого не проверял. Статистики МПС полагали, что размеры недоучета, видимо, колеблются и по отдельным годам, и по бассейнам рек и губерниям.

Безусловно, доля перевозок от урожаев в Новороссийских губерниях была еще выше, чем показывают мои данные. С одной стороны, огромную роль в транспортировке хлеба играл гужевой подвоз к портам Черного и Азовского морей, о чем известно немного. С другой стороны, до недавнего времени я был убежден, что часть хлеба, перевозимого из Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний по Днепру и Южному Бугу просто ускользала от регистрации.

Для того, чтобы получить более точное представление об этой проблематике, было проведено исследование данных сюжетов на основании материалов таможенной, железнодорожной и речной статистики, а также статистики перевозок малым каботажом (см. Приложение II). Оно в целом подтвердило мысль о том, что процент перевозок от урожаев в Новороссийских губерниях был еще выше, чем показывает железнодорожная и речная статистика; соответственно, полагаю, выше были и размеры урожая.

Анализ показал, во-первых, что гужевая транспортировка действительно занимала видное место в снабжении портов Черного и Азовского морей, особенно средних и малых, а во-вторых, что данные статистики водных перевозок оказались надежнее, чем представлялось раньше.

Как представляется, информация нарративных источников и литературы, дополняемая указанными статистическими данными, в совокупности достаточно наглядно иллюстрирует недостоверность данных ЦСК МВД.

Эта точка зрения встретила возражения И. А. Кузнецова¹, который объяснил мое недоумение тем, что в перевозках участвовало зерно прошлых урожаев, причем его вторая статья целиком посвящена доказательству этого вполне очевидного момента.

Признаюсь, я сам дал повод для этого неудачной фразой о том, что, хотя «разумеется, зерно прошлого урожая перевозилось и в следующем за ним году», но, по мнению П. И. Лященко, не было элеваторов, которые могли бы вместить «такие объемы хлеба»².

То, что это просто неверная формулировка, подтверждается тем фактом, что в своих работах я привожу данные П. И. Лященко, которые свидетельствуют ровно об обратном (см. ниже). Кузнецов, безусловно, знающий это, мог бы, вероятно, тактично мне указать на эту несообразность, как, несомненно, сделали бы многие коллеги по цеху, в том числе и я. Однако он с энтузиазмом воспользовался моей оговоркой, чтобы подробно объяснить, насколько я неправ, приводя в доказательство хорошо знакомые и частью цитированные мной фрагменты монографии Лященко «Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России».

Тем не менее статьи И. А. Кузнецова показали необходимость дальнейших изысканий, которые расширили источниковую базу и, соответственно, аргументацию моей позиции.

¹ См. выше.

² Давыдов М. А. Можно ли выпрямить Пизанскую башню? ... С. 154.

1.1.1. Перевозки хлеба в неурожайные годы

Прежде всего, должен заметить, что я нигде и никогда не утверждал, что хлеб прошлых урожаев не перевозили в данном конкретном году.

Более того, в своей монографии, объясняя предлагаемую мной методику учета переправок, я пишу: «Для данной работы преодоление этих трудностей совершенно необходимо. Сначала, впрочем, ознакомимся с этой проблемой на реальных фактах и в качестве примера возьмем Самарскую губернию, в которой было две пристани, соединявшиеся с рельсовыми путями, — Самара и Покровская Слобода.

Из таблицы 1.1 следует, что в 1901 г., например, со станций Самарской губернии было отправлено 18607 т. п., а с пристаней — 29878 тыс. пуд., т. е. в сумме 48485 тыс. пуд. пшеницы. Эта цифра точна постольку, поскольку характеризует работу транспортной сети на территории Самарской губернии. Однако она несомненно превышает количество пшеницы, которое перевозилось по смешанному железнодорожно-водному пути, поскольку дважды учитывает одно и то же зерно. Оно сперва было отправлено по железной дороге в Самару и Покровскую Слободу как из самой Самарской губернии, так из других губерний и областей (Оренбургской, Уфимской, Уральской, Тургайской), и **уже** зафиксировано как отправленное из них, а затем, после перегрузки на воду, посчитано еще раз, и вновь как отправленное.

Так, по данным таблицы 1.1, в 1901 г. Самара получила по железной дороге 8031 тыс. пуд. пшеницы. Согласно данным «Сводной статистики», из них 4609 тыс. пуд. приходилось на Самарскую губернию, 3346 тыс. пуд. — на Оренбургскую и 34 тыс. пуд. — на Уфимскую губернию. С пристаней Самары в том же году отправлено 8654 тыс. пуд. пшеницы. В Покровской Слободе в том же году было получено 8017 тыс. пуд. пшеницы, из которых 6314 тыс. пуд. было отправлено со станций Самарской губернии, а остальные — из Уральской области (1649 тыс. пуд.) и Саратовской губернии (54 тыс. пуд.). С пристани Покровская Слобода отправлено 6497 тыс. пуд. **Конечно, определенная часть зерна прибывала после закрытия навигации и могла остаться на складах и в амбарах до весны¹. Лященко пишет, что кроме 21 склада общего пользования емкостью в 1,5 млн пуд., в Самарской губернии много складов частного пользования и завозных по линиям железных дорог, особенно Рязанско-Уральской, а также на пристанях «сообразно характеру торговли» частных амбаров и складов в Самаре на 12–15 млн пуд., а в Покровской Слободе — на 7–8 млн пуд. Характерно его замечание: «Но все же всех этих складов временами бывает недостаточно»².**

Таблицы 1.1–1.3 показывают, что размеры железнодорожного получения пшеницы в Самаре и Покровской слободе и водного отправления с их пристаней не совпадают, что неудивительно и может объясняться самыми разными причинами. Прежде всего, мы не знаем размеров гужевого подвоза зерна к этим (и другим) пристаням, а он имел место и был весьма значителен, как считает Лященко³. **Затем, зерно, прибывшее по железной дороге, совершенно необязательно должно было сразу же переправляться по внутренним водным путям; в этой губернии «у зажиточных помещиков и при хороших урожаях зерно сохраняется иногда очень долго;**

¹ Лященко П. И. Хлебная торговля... С. 304–305.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 301–304 и далее.

бывают случаи, что оно хранится 15–18 лет»¹. Понятны и хронологические несовпадения — «Сводная статистика» все отправления данного года, хотя бы зафиксированные в 23 ч. 59 мин. 31 декабря, определяла как **прибывшие** в том же году, а навигация на Волге, как известно, заканчивается несколько раньше. **Так что ежегодно по рекам отправлялась часть урожая прошлого года.** Часть полученного зерна, безусловно, перемальвалась в Самаре, одном из крупнейших центров мукомолья в стране. Статистика показывает, что речное отправление муки из Самары стабильно превышает показатели железнодорожного получения ее в этом пункте»².

Итак, что говорят источники?

Да, конечно, были ситуации, когда размеры неурожая были таковы, что в данном году из губернии отправлялся практически только хлеб прошлых лет. Так, в «Своде отчетов податных инспекторов по Оренбургской губернии за 1911 г.» говорится: «О вывозе же хлеба за пределы губернии не могло быть и речи; во много раз сократился сбыт зерна и на местные мукомольные мельницы, и последние ограничивались почти одним перемолом зерна на местные нужды продовольствия, почему производство их сильно уменьшилось, некоторые мельницы должны были и совсем ликвидировать свои дела. Полным неурожаем хлебов объясняется и такое редкое явление, что часть хлебопромышленников за неимением на местах зерна для торговых оборотов, занялась скупкой для продажи животных продуктов»³. И это не единственное подобное свидетельство.

Однако источники содержат примеры противоположного рода.

1. В «Объяснительном тексте к отчету за 1901 год по 1-му участку Новоузенского уезда» Самарской губернии читаем: «Уборка хлебов и трав в участке производится главным образом, с помощью сельскохозяйственных машин, число которых с каждым годом увеличивается а в особенности жнеек и косилок, которые сильно сокращают спрос на рабочие руки, цены на которые вследствие этого, а также и потому, что урожай был плохой, рабочих же было много, были невысокие.

Продажа хлеба началась тотчас после уборки хлебов и самый сильный подвоз был в августе и сентябре месяцах; пути сообщения были удобные вследствие хорошей неждливой погоды. Хлеб крестьянами привозится главным образом, на два хлебных рынка» на Рязанско-Уральской железной дороге⁴.

2. «Общий обзор к отчетам г.г. податных инспекторов Саратовской губернии за 1901 год» свидетельствует: «Отчетный год для Саратовской губернии оказался весьма неблагоприятным: вновь посетил ее недород хлебов, а местами и полный неурожай. Неурожай, главным образом, постиг яровые хлеба....

Уборка хлебов в отчетном году производилась при самых благоприятных условиях. Вследствие жаров, все хлеба созрели очень рано и в некоторых местах к половине июля были убраны и свезены с полей, а в некоторых местах «хваченный» жаром хлеб крестьяне поспешили убрать на корм скоту. Недостатка в рабочих силах нигде не замечалось...

Сбыт хлебов в отчетном году находился в тех же самых условиях, как и в предыдущие годы. Сеть линий Рязанско-Уральской железной дороги, прорезавшая почти что

¹ Там же. С. 317.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 50–52.

³ РГИА, Ф. 573, Оп. 25, Д. 768, Л. 7.

⁴ Там же. Д. 1011, Л. 82.

все уезды губернии и, кроме того, сплавной путь по р. Волге давали полную возможность к беспрепятственному вывозу хлебов»¹.

3. Инспектор 1-го податного участка Камышинского уезда: «Уборка хлебов в минувшем году благодаря раннему созреванию их вследствие сильных жаров и засухи — была закончена очень рано; местами даже была скошена на корм скоту еще в первых числах июня, а ко второй половине июля хлеба были убраны и свезены с полей; качество полученного зерна большей частью оказалось неудовлетворительным, хотя местами пшеница получилась натурою выше, чем в 1900 г. (129–136 зол(отников)).

Реализация собранного с полей хлеба началась тотчас же по окончании молотбы и уже в начале августа наблюдался значительный подвоз зерна на базары, составлявший (в городе) 14–16 тыс. пуд. за день, преимущественно пшеницы; сбыт хлебов был выгоднее, чем в предыдущем году, так как цены на главнейшие хлеба местного района держались довольно устойчиво на сравнительно высоком уровне, однако благодаря подвозу зерна с линии железной дороги и гужевым трактом из пределов Области Войска Донского слишком значительного повышения цен не наблюдалось»².

4. Податной инспектор Петровского уезда Саратовской губернии отмечает, что «главным пунктом для сбыта хлебов служит г. Петровск, откуда по железной дороге хлеб направляется в разные места назначения... Кроме того, крестьяне северных волостей уезда, отстоящих на значительном расстоянии от г. Петровска, возят свой хлеб на продажу в г. Пензу и на станцию Камаевку Сызрано-Вяземской железной дороги, крестьяне западных волостей продают хлеб в с. Екатериновке и Лопуховке Аткарского уезда при станции Рязанско-Уральской железной дороги, и крестьяне южных волостей сбывают свой хлеб в с. Карбук Саратовского уезда при станции Вольско-Аткарской ветки Рязанско-Уральской железной дороги.

Подвоз хлебов на базары в 1901 г. был слабее сравнительно с 1900 г. Самые большие подвозы были в промежутке времени между 1 и 15 августа, с ноября месяца стало заметно уменьшение в размерах подвоза, ввиду истощения запасов у крестьян»³.

5. Податной инспектор Сердобского уезда той же губернии пишет: «Вследствие неудовлетворительного урожая хлебов и трав цены на оные естественно должны были повыситься по сравнению с тем же периодом предшествующего года... При этом не мешает заметить, что **на базарах появлялся исключительно крестьянский хлеб**; частные же владельцы от продажи воздерживались: очевидно, они поджидали значительного повышения цен, чего, однако, не произошло — с одной стороны, вследствие прекрасных видов на урожай озимых, как показали всходы, а с другой, — и самое настроение рынка в конце отчетного года являлось донельзя тихим и не оживленным по случаю слабого требования на хлеб в порты Ревель и Ригу и Либаву, куда более всего имеет тяготение здешний край»⁴.

Инспектор 2-го податного участка Алатырского уезда Симбирской губернии отмечает в 1901 г., «хлебная торговля (экспортная) сократилась наполовину»⁵; от себя добавлю — но все же имела место, равно как и в 1911 г.: «Сбыт хлеба осенью и зимой отчетного года ввиду недорода хлебов сильно сократился»⁶.

В то же время на 2-м податном участке Ардатовского уезда, как сообщает инспек-

¹ Там же. Д. 1032, Л. 6, 11-11об.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 111-111об.

⁴ Там же. Л. 123об-124.

⁵ Там же. Д. 1088, Л. 55об.

⁶ Там же. Л. 37.

тор, хлеб сбывался «на базарах местным жителям, а также на базарах и на станциях Атяшево и Чамзинка местным хлеботорговцам-скупщикам и на паровую мельницу при станции Чамзинка. Отправка хлеба с означенных станций была незначительна ...ржи 23 вагона (в 10 раз менее 1900 г.) овса — 31 (втрое меньше), и там была часть урожая 1900 г.»¹; опять-таки — незначительная, но не нулевая.

Одновременно их коллега из Курмышского уезда фиксирует неплохой урожай и неплохие же закупки на пристанях².

Податной инспектор 2-го участка Тамбовского уезда сообщает, что поскольку сельское население было уверено «в выдаче продовольственного пособия, о необходимости которого началось обсуждение с момента подсчета итогов урожая 1901 г.», то **«крестьяне, надеясь на пособие, стремились реализовать последние остатки своего скудного урожая»**³. То есть, все же «реализовали»!

Инспектор 1-го податного участка Борисоглебского уезда пишет: «Борисоглебск, находясь в центре богатого черноземного края, ведет обширную экспортную торговлю сельскохозяйственными продуктами в виде зерна, муки, масла, подсолнечных жмыхов, отрубей и продуктов животноводства: битой птицы и яиц... В минувшем году (т. е. 1901 г. — М. Д.) на двух паровых мельницах было переработано около 4 млн пуд. пшеницы. Из полученных продуктов размола, муки и отрубей только незначительная часть осталась на месте, большая же часть продана в подмосковные и западнорусские города, а отруби за границу»⁴.

В то же самое время совместное действие взаимоисключающих, казалось бы, процессов — требования взимать подати и оказывать продовольственную помощь населению, переживающему неурожай, — делало путь хлеба на рынок иногда несколько специфичным. Инспектор соседнего 2-го участка Борисоглебского уезда отмечает «всеобщее среди крестьян недоумение, вызванное признанием в одно и то же время и необходимости в продовольственной помощи, и неотложности взыскания повинностей», так что **«никто из них не мог понять, почему одной рукой легко давали, а другою брали с неумолимой строгостью»**. А потому не было ничего удивительного в том, что нередко продовольственный хлеб оказывался вывезенным на базар ради уплаты взыскиваемых платежей; к тому же простая арифметика подсказывала крестьянину всю выгодность этой операции: он продавал в то время хлеб по дорогой цене (70 коп./пуд), очень близкой к стоимости продовольственного хлеба, тогда как уплата правительственной ссуды, особенно же семенной, возврат которой потребует немедленно после снятия первого урожая, будет реализовываться при цене скорее низкой, чем высокой»⁵.

Инспектор Усманского уезда: «Отчетный год в хозяйственном отношении был далеко неудовлетворителен для крестьянского населения, вследствие того, что урожай яровых хлебов получился много ниже среднего... Так как погода стояла жаркая и сухая, то условия для жатвы и возки с полей хлебов были благоприятны. Сбыт хлеба в общем произведен при благоприятных условиях, как в отношении стоявшей погоды, так и спроса на него со стороны местных и приезжих торговцев, отправлявших хлеб в Ригу, Петербург и другие места»⁶.

¹ Там же. Л. 69.

² Там же. Л. 126.

³ Там же. Д. 1191, Л. 20.

⁴ Там же. Л. 28-29.

⁵ Там же. Л. 45об.

⁶ Там же. Д. 1191, Л. 139.

Инспектор 2-го податного участка Сердобского уезда сообщает в 1906 г., что «сбывался хлеб в Сердобск и на железнодорожные станции хлебным торговцам, а также на мукомольные мельницы, которые в значительном количестве имеются в уезде»¹.

Инспектор 1-го податного участка Бугурусланского уезда Самарской губернии отмечает в 1906 г., что «поднявшиеся цены на хлеб затруднили вывоз его за пределы уезда, в места экспортной торговли вследствие высоты тарифной платы»²; затруднили, но не парализовали!

Инспектор 2-го податного участка Ставропольского уезда тогда же сообщает, что «в отношении сбыта хлебных продуктов 2-й податной участок находится в благоприятных условиях. Главным рынком для сбыта крестьянами хлеба является посад Мелекесс, где имеются две паровые мукомольные мельницы с миллионным оборотом, и скупаемый у крестьян хлеб идет частью на размол этих мельниц, а частью отправляется из посада Мелекесса по железной дороге на станцию Часовня, находящуюся при Волге, а там уже грузится на баржи и отправляется по р. Волге в Рыбинск. Другим рынком для сбыта хлеба является село Старая Майна, расположенное при р. Волге, с хлебной пристанью, откуда скупленный хлеб отправляется также по Волге в Рыбинск... Вследствие полного неурожая хлебов, подвоз хлеба крестьянами на упомянутые рынки значительно сократился в 1906 г. против 1905 года»³; опять-таки — сократился, но не прекратился.

В 1911 г. в отчетах инспекторов Самарской губернии, с одной стороны, можно встретить замечание о том, что «торговля во второй половине стала совершенно замирать»⁴. Но с другой, эта губерния была слишком велика, чтобы на территории, чуть большей площади современных Болгарии и Дании вместе взятых, ситуация с урожаем везде была одинаковой.

Так, инспектор 1-го податного участка г. Самары, сообщая в отчете за 1911 г., что «вообще торговля в г. Самаре зависит в значительной мере от степени урожая хлебов, но зависимость эта в более сильной степени отражается» именно на его участке, «где сосредоточена зерновая торговля и находится большинство крупных мельниц для производства крупчатки», добавляет, что в отчетном году «на экспорт зерновых хлебов отправлялось мало, ибо на месте стояла высокая цена. По сравнению с 1910 г., в отчетном году довольно оживленно торговали мучными товарами; но благодаря высоким ценам на пшеницу во второй половине 1911 г. крупчатные мельницы работали не все. Сбыт крупчатки был по преимуществу на месте»⁵; тем не менее, заметим, он все же имел место.

То же мы видим на 1-м податном участке Новоузенского уезда: «Вывоз пшеницы, служащий главным предметом экспорта, сократился в 4 раза. Так, с железнодорожной станции Новоузенск в 1911 г. было вывезено всего 1000000 пудов пшеницы, тогда как в 1910 году вывезено 4000000 пуд. Хлеб на Новоузенский базар подвозился почти исключительно из одной Куриловской волости»⁶; на 2-м участке того же уезда: «на крестьянское хозяйство это повышение цен несколько благоприятно не отразилось, так как крестьянину вследствие минимального урожая ничего реализовать на рынке

¹ Там же. Д. 1037, Л. 107об.

² Там же. Д. 1016, Л. 64.

³ Там же. 160об-161.

⁴ Там же. Д. 1021, Л. 88.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 117об.

не пришлось, а если и пришлось, то вырученные деньги шли на уплаты новых долгов... Покровская хлебная биржа в отчетном году отметила купленного хлеба на 5,5 млн пуд. менее, чем в 1910 году»¹.

Инспекторам, понятно, так или иначе нужно было объяснять начальству причины слабого поступления податей даже и в неурожайные годы. Инспектор 3-го участка данного уезда, сообщая, что из 21278 домохозяев участка лишь 5104 не получали продовольственной помощи и семенной ссуды, называет также две из «побочных», помимо недорода, причин уменьшения поступлений в 1911 г. Во-первых, «низкопробность уродившегося зерна, спрос на которое в крупных центрах, куда обыкновенно отправлялся хлеб, был весьма незначителен, а это заставляло скупщиков понижать елико возможно при покупке цены, что при реализации урожая сильно отразилось на материальном благосостоянии населения», и, во-вторых, «полное отсутствие дорог до конца ноября месяца, результатом чего явился тот факт, что у населения часть хлеба до конца года оставалась непроданною, и только с установлением санной дороги хлеб начал вывозиться на продажу, а потому некоторые взносы на покрытие оклада запоздали и поступили лишь в текущем году»².

То есть население участка продавало хлеб урожая неудачного 1911 г., пусть даже и в 1912 г. И будь зерно выше качеством, спрос на него был бы сильнее. Таким образом, мы снова видим, что факт недорода сам по себе не означал, что новый хлеб не будет сбываться на рынке, в том числе и в крупные центры.

Список подобных свидетельств можно умножить — материалы фонда 573 (и не только) в РГИА, полагаю, предоставляют такие возможности.

Итак, в зависимости от конкретной ситуации хлеб из пострадавших от неурожая уездов и губерний в разных количествах в разные годы мог поступать на широкий рынок, но мог и не поступать.

Таким образом, мой тезис о том, что превышение отправления над урожаем — индекс занижения статистикой величины сборов в годы недородов, архивные материалы отнюдь не опровергают.

Однако проблема не в этом.

Кузнецов во второй статье представляет дело так, будто проблема достоверности урожайной статистики фактически сводится к вопросу о перевозках хлеба прошлого года. При этом он рассуждает в рамках весьма странной дилеммы — либо новый хлеб в неурожайные годы вывозили, и тогда статистика урожаев неверна, либо не вывозили, и тогда она достоверна.

А между тем вопрос стоит совсем иначе — хлеб в неурожайный год могли и не вывозить, однако это не означало, что статистика ЦСК сообщала верные сведения о величине сборов, притом, что сам Кузнецов утверждает, что крестьяне на этот счет «лгали» всегда (см. ниже).

Во второй статье, повторяюсь, Кузнецов просто проигнорировал все мои аргументы и соображения о степени надежности существовавшей системы сбора данных, как будто их не существует.

Рассмотрим проблему еще раз, тем более, что теперь в нашем распоряжении есть некоторые новые материалы.

¹ Там же. Л. 126-126об.

² Там же. Л. 135-135об.

1.1.2. И все-таки она недостоверна! — 1: аргументы теоретические и эмпирические

Однако сначала надо ответить на ключевой вопрос — а возможна ли в принципе точная сельскохозяйственная статистика урожайности?

Нет, невозможна.

Уместно здесь привести мнение Б. Н. Миронова: «При оценке точности данных любой статистики, в том числе сельскохозяйственной, нужно принимать во внимание, что абсолютно надежных данных не бывает в принципе. Колебания данных в разных источниках закономерны и, если они в пределах 10–20%, то они приемлемы для научного анализа.

При современном учете, неизмеримо более совершенном, чем 100–200 лет назад, точных данных также не существует. Английский статистик О. Моргенштерн установил, что в США статистические данные, разрабатываемые двумя главными центрами сельскохозяйственной статистики, Бюро цензов и Министерством сельского хозяйства, в 1950-е гг. отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от +0,6 до –24,6%, по производству — от +6,0 до –13,4%»¹.

Цену подобным процентам можно проиллюстрировать следующим примером. Кузнецов, подытоживая свое исследование, делает вывод о том, что «вопрос о точности абсолютных значений урожайности остается открытым», предполагая при этом, что «средний уровень урожайности... мог быть выше уровня ЦСК в пределах 5%»², ничем, правда, не обосновывая эту цифру³.

Замечу, что и одна двадцатая — совсем не пустяк. Так, 5% от суммарного урожая только главных хлебов 63-х губерний по данным ЦСК МВД в 1913 г., равного 4506 млн пуд., составляют 225,3 млн пуд. Это на 3 млн пуд. больше величины изъятого большевиками по продразверстке хлеба в 1919–1921 гг. в 12 губерниях Поволжья и Приуралья, из-за чего они стали главным очагом страшного голода 1921–1922 гг.⁴

Мой вывод о недостоверности данных ЦСК МВД в новом ракурсе подчеркивает то, о чем хорошо было известно еще до революции, — источники, так или иначе связанные с *опросом населения*, недостоверны едва ли не *принципиально*, поскольку респонденты в массе не были заинтересованы в сообщении правдивых сведений⁵. Речь идет об элементарных для статистики вещах.

¹ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М., Весь мир. 2012. С. 228–229.

² *Кузнецов И. А.* Русская урожайная статистика... С. 223–224.

³ Там же он делает новаторское для источниковедения замечание о том, что «точная статистика посевных площадей вообще вряд ли возможна без аэрофотосъемки».

⁴ *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 440. Автор пишет: «По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44%». Губернии — Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии и Татарская республика.

⁵ Иногда это происходило ненамеренно, считает П. П. Фирсов: «Если при инструментальной съемке дач допускаются определенная даже законом «невязка фигур», то что же мы должны сказать об измерении участков земли теми «палками» и «веревками», какие обыкновенно употребляются для этого крестьянами почти повсюду?

Но и этого мало.

Да позволено будет нам высказать здесь некоторую «ересь». В среде статистиков принято думать, что крестьяне вообще настолько «точно» распределяют между собою свою мирскую землю, что точнее их не делает этого даже и землемер.

Подобный взгляд на дело распространился с легкой руки московских статистиков. Мы не думаем, конечно, отрицать фактов, но думаем, что делать известные обобщения из данного ряда фактов нужно крайне осторожно, так как неосмотрительные обобщения часто приводят лишь к заблуждениям...

Еще в 1809 г. Карл Герман, один из первых российских статистиков, писал, что «каждое статистическое исчисление, производимое правительством... в первых годах бывает обыкновенно ошибочно и неверно. Нижние чиновники почитают для себя такие новые труды тягостями», «обыватели имеют при том различные опасения, а потому те и другие согласны между собой в том, чтобы трудное и неприятное такое препоручение кончить только как можно скорее». А. А. Кауфман так комментирует эти мысли: «Мы узнаем здесь с полною ясностью выраженный принцип современной методологии, касающейся влияния «привычки населения» на качество получаемых статистических данных. Основное правило критики последних сводится к тому, что «чем более для людей может быть выгодно скрывать истину», тем статистик «должен быть недоверчивее к показаниям их»¹.

Тем не менее, несмотря на недостоверность данных ЦСК МВД, мы вынуждены их использовать — за неимением других столь же масштабных. Ведь исследование, охватывающее, как минимум, 63 губернии, должно основываться, по возможности, на однотипных источниках, обрабатываемых по единой методике, поскольку в такой работе особенно необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени и пространстве. К тому же вектор искажения урожайности изве-

---

У нас очень многими принято думать, между прочим, что «русский мужик без науки всякую науку прошел». Нам кажется, что статистики должны быть крайне осторожны в своих обобщениях. Наша речь клонится к тому, чтобы ограничить приведенный выше взгляд на верность крестьянских измерений земли, — взгляд, по нашему мнению, ошибочный, если его станут применять везде и всюду без оглядки.

Бесспорно, что во многих случаях, особенно же тогда, когда размеры крестьянских мирских дач незначительны, крестьяне довольно равномерно распределяют между собою свою землю и при помощи тех грубых приемов измерения площадей, которые пока только и доступны им в большинстве случаев, за отсутствием, в среде их соответствующих познаний.

Но в то же время есть факты, которые свидетельствуют, что задача эта не всегда по силам нашему крестьянину. Так, например, в тех нередких случаях, когда мирская земельная дач велика (пространство мирского землевладения, как известно, иногда заключает в себе десятки тысяч десятин), крестьяне вполне сознают свое бессилие, и для того, чтобы распределить между собою землю равномерно, приглашают для этого специалиста — землемера, которому платят за эту работу иногда немалые деньги — тысячи рублей. На подобного рода факты указывают, например, казанские статистики. Вообще же в трудах земских статистиков нередко можно встретить указания на то, что распределение земли между отдельными домохозяевами при крупном мирском землевладении часто бывает крайне неравномерно; крестьяне знают это, но не могут устранить несправедливости этого рода, так как сами не умеют этого сделать, а нанять землемера не хватает средств...

Но и этого мало. Лично нам не раз приходилось наталкиваться на факты следующего рода. При расспросах крестьян нередко обнаруживалось, что они «равняют» между собою душевые полосы не по площади их, а по сумме длины и ширины, т. е. оказывалось, что полоса, например, в 100 саж. длины и 6 саж. ширины приравнивалась к полосе в 60 саж. длины и 46 саж. ширины, на том простом основании, что $100 + 6 = 60 + 46$.

Такие факты особенно часто обнаруживались при расспросах о количестве высеваемых семян, причем нередко оказывалось, что один хозяин «на душу» высевает, положим, 4 пуда ржи, в то время как другой на ту же самую «душу» высевает 6–7 пудов ржи.

На вопрос о причине столь значительной разницы, хозяева всегда отвечали, что «рука не одинаково берет», а между тем при ближайшем рассмотрении дела оказывалось именно, что душевые полосы у них не одинакового размера.

С подобными фактами особенно часто приходилось сталкиваться в среде инородческого населения Казанской губернии (среди чуваш, вотяков и черемис). Нередко также и среди коренного русского населения случалось наталкиваться на факты такого рода. По показанию крестьян о длине и ширине их душевых полос и о количестве высеваемого ими на такую полосу зерна ржи, выходило, что на казенную десятину высевается ржи 40 пудов. Когда им указывалась такая несообразность, они искренно недоумевали, и только из дальнейших расспросов дело объяснялось весьма просто тем, что они не знают истинного выражения длины и ширины своих полос в сажнях, так как при дележе мерили веревкой, длина которой, конечно, не переводилась на сажени.

Из всего предыдущего, как нам, по крайней мере, кажется, несомненно следует, что при суждении о распределении крестьянской мирской земли по душам ли, по сортам ли почвы и т. д., нужно быть крайне осторожным». (Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель как предмета земского обложения (историко-критический этюд). Херсон. 1894. С. 90–93). При цитировании текстов Фирсова в скобках приводятся только его замечания.

¹ Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. М., 1922. С. 8–9.

стен. Нужно лишь понимать, что в действительности вывозилась куда меньшая часть урожая, чем следует из таблицы 3.

Каким образом можно использовать урожайную статистику подобным образом **в принципе**, еще в 1899 г. показал К. Ф. Головин, попутно очертив круг предубеждений чисто психологического характера, связанных с урожайной (и не только) статистикой.

Критикуя тех, кто оспаривал мнение о перепроизводстве хлеба в годы мирового аграрного кризиса, он пишет: «Статистика, говорят они, дает точные цифры для мирового урожая и для ввоза хлеба в потребляющие страны. Цифры эти неотразимо показывают, что хлеба не хватает, что, с одной стороны, рост его производства, а с другой — ввоз его в западноевропейские государства отстает от роста населения.

Не приходило в голову им одно лишь — усомниться в верности и убедительности этих цифр. А всякий раз, что точные вычисления приводят к нелепому выводу, следовало бы задаться вопросом, не вкралась ли в это вычисление две ошибки: одна — фактическая, касающаяся цифровых данных, другая — логическая, кроющаяся в оценке этих данных.

И, становясь на эту почву, **мы не можем не усомниться в достоверности статистики урожая**. Допустим, что в странах, где статистика эта ведется издавна, и где аппарат для собирания сведений усовершенствован, словом — в наиболее культурных странах Западной Европы, сведения о собранных урожаях близки к истине.

Для таких стран, как Испания, Италия и балканские государства, не говоря уже о Турецкой империи, сомневаться в этом позволительно. Возможен скептицизм и по отношению к Соединенным Штатам, где, во-первых, население большинства западных хлебобродных штатов очень скудно и малообразованно, а во-вторых, обнародование официальных данных об урожаях находится под прямым воздействием крупных экспортеров, часто заинтересованных в их искажении.

А что сказать о прочих американских государствах, о Канаде, где площадь засеваемых земель среди незаселенных степей Манитобы растет не по дням, а по часам, о Чили, об Аргентине, о Мексике? Что сказать, наконец, об Индии и Австралии?

Неужели есть люди, серьезно верящие, что существует точная регистрация хлебного производства на всем пространстве Индостана, среди его полуварварского населения, или в пустынях Австралии? (Полагаю, это намек на А. Ф. Фортунатова, издавшего в 1898 г. книгу «Население и хозяйство Австралии» — М. Д.)

Признаемся, наконец, что и в нашем отечестве статистика оставляет поле для сомнений, хотя бы уже ввиду того, что эта статистика у нас многоглавая, и каждое ведомство имеет свои, конечно, весьма точные, но далеко не тождественные данные.

Несомненно одно — за последнюю четверть века и засеваемая площадь, и хлебный экспорт у нас выросли в очень крупных размерах. Едва достигший в конце 80-х годов 250 млн пуд., вывоз нашего зерна за трехлетие, с 1894—1896 гг., выразался цифрой, близкой к 630 млн пуд.

Сколько бы ни говорили, что русский мужик недоедает — и понижение цен несомненно влечет за собою усиленную распродажу крестьянского зерна, — недоедание имеет свои пределы.

Если население, возросшее за 25 лет с 90 мил. душ до 130, тем не менее вывозит почти втрое больше хлеба, нельзя не признать, что производство этого хлеба растет еще быстрее, чем населенность.

Что это именно так, видно из статистики урожая, составляемой в министерстве

земледелия. Об этой статистике мы, конечно, должны сказать то же, что повторяли не раз по отношению ко **всем** официальным цифрам, так усердно собираемым нашими ведомствами: **она обладает достоверностью лишь очень относительной.**

Но когда, тем не менее, она в целом ряде данных указывает на одно и то же постоянное явление, ей можно верить, если не безусловно, то, по крайней мере, признавая в ней несомненного указателя на наличие такого явления.

И вот, если взять цифры урожая за весь период с 1883–1898 гг., нельзя не остановиться перед одним поразительным фактом. За два несомненно урожайных года — 1887 и 1888 г., когда ни одна из внутренних губерний не пострадала от недорода, хлеба было собрано в Европейской России—в первом из этих годов 2541 млн пуд., а во втором 2453 млн. Между тем, для двух далеко не благополучных годов — 1897 и 1898, когда в целом ряде черноземных губерний обнаружился прямой недостаток в продовольствии, соответствующие цифры были 2451 млн пудов и 2793 млн пудов.

Таким образом, истекший год, во время которого несколько уездов Казанской, Симбирской и Самарской губерний голодали, даже превысил по валовому сбору зерна высокоурожайный 1887 г. **Это несомненно показывает, что сравниваются неодинаковые величины и что площадь посевов в настоящее время гораздо значительнее, чем десять лет назад.** И если бы в истекшем году урожай был повсеместным, как в 1887 и 1888 гг., мы получили бы, вероятно, около 3,5 миллиарда пудов хлеба и не знали бы, куда его девать, то есть продавали бы по тем же ценам, как в 1894 и 1895 гг., надолго загромоздив амбары всей Европы запасами на будущее время»¹.

Эти строки, на мой взгляд, — прекрасный пример компетентного суждения о проблемах, решаемых на массовом статистическом материале. Головин хорошо показывает несуразность истовой, как бы механической веры в кажущуюся точность **любых** цифр. Он отмечает также принципиальную связь между достоверностью урожайной статистики, с одной стороны, и размерами территории той или иной страны, уровнем культуры ее населения и способами собирания информации, с другой.

И это указывает на две из причин, по которым ни правительству, ни земствам не удалось сделать урожайную статистику добротным и репрезентативным источником.

Первая из них — российские просторы, вторая — методика сбора данных. Мы как-то не очень задумываемся о том, насколько в принципе сама по себе масштабна и сложна задача — наладить сбор полноценной массовой статистики, причем не в Бельгии, например, площадь которой меньше площади одного Новоузенского уезда Самарской губернии, а в самой большой стране в мире! Головин не был одинок в своем мнении, как мы увидим ниже.

И одновременно он объясняет, почему об основных тенденциях развития изучаемых процессов можно судить, используя и не вполне репрезентативные данные, если известен вектор искажения. Особо хочется отметить актуальную мысль о том, что «недооценка имеет свои пределы».

Сказанное относится, разумеется, не только урожайной статистике МГИ, но и к статистике МВД, и к статистике как «явлению мироздания» вообще, если она собирается корреспондентским способом.

Для большинства современников недостоверность урожайной статистики, в том числе и ЦСК МВД, была такой же **банальностью**, как для советских людей — приписки в этой советской жизни вообще и в колхозах, в частности, только с обратным

¹ Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. 101–104.

знаком. В колхозах показатели завышались, а до революции урожаи, численность поголовья скота и т. д. занижались.

Занижение урожаев статистикой МВД закономерно вытекало из самой системы сбора сведений о них. Напомню, что ЦСК МВД рассылал в волостные правления (и землевладельцам) специальные опросные листки. Путем анкетирования выяснялась площадь посевов и высота урожайности на единицу площади, а затем умножение первого показателя на второй давало величину валовых сборов культур в отдельной волости. Сумма волостных данных принималась за урожай уезда, а сумма данных по уездам — за урожай губернии.

Между тем крестьяне, прежде всего, из «податных опасений» негативно, а иногда и агрессивно воспринимали разного рода опросы, анкетирование и т. п., направленные на выяснение истинного положения дел в их хозяйстве. Они по-прежнему ассоциировались у населения с переписями-ревизиями времен крепостного права, т. е. с податями, и иногда вызывали неадекватную реакцию крестьян. Так, например, Аннин, агроном по образованию, в самом начале своей карьеры собирал сведения о кустарных промыслах — «обследования велись хотя и в центральной губернии, но глушь и дичь — духовные, конечно, — здесь были непроглядные. В одно селение я приехал как раз в разгар свадебной попойки. Меня окружила пьяная толпа с вопросами: кто такой я и зачем приехал? После моего объяснения один из компании заявил: «Знаем мы этих кустарников, будто собирает сведение, а сам норовит с нашего брата рублевку в карман сцапать. Бей его!». Только начальственная рука старосты избавила меня от дикой расправы»¹.

Вот, например, что пишут агрономы Землеустроительных комиссий Области Войска Донского о своих попытках провести элементарное обследование крестьянских хозяйств: «Цель обследования была более глубокой: нам хотелось выяснить, как относятся крестьяне вообще к анкетам и различным обследованиям; опыт убедил нас в том, что с этим нужно быть поосторожнее. В противном случае можно столкнуться с явлениями, при которых у обследователя опускаются руки и отпадает всякая охота к дальнейшим шагам в этом направлении (несложно, полагаю, догадаться, что имеется в виду — М. Д.). Темнота, невежество и предрассудки многих крестьян заставляют последних относиться с недоверием к настойчивым расспросам для выяснения тех или иных областей сельского хозяйства»; «Для правильной ориентировки настоящего и будущего агрономического персонала: на местах я считаю необходимым произвести статистическое обследование, вначале хотя бы в небольших размерах, экономическом и сельскохозяйственном отношении отдельных поселений Кагальницкого участка; в противном случае характер участка является довольно туманным, и деятельность местного агронома в некоторых случаях направляется по ложному пути. Не скрою, что обследование сопряжено с громадными трудностями, благодаря косности невежества отдельных групп крестьян, но отсутствие статистических данных является громадным тормозом для продуктивного и целесообразного развития агрономической помощи населению»; «Массовые обследования до настоящего времени не производились и вряд ли в ближайшее время будут произведены. Причин, которые служат тормозом к такого рода начинанию, много. Главная же из них та, чтобы не породить в среде крестьян нелепых слухов и тем самым не заставить их облечься вновь в броню недоверия и боязни вообще к агрономическому персоналу и, в частности, к проводимым мероприятиям.

¹ Аннин. Из записок агронома. Владимир, 1908. С. 8.

Утверждать, что везде будет именно так, а не иначе, — я не берусь, но все же в большинстве случаев, несмотря ни на какие разъяснения и объяснения, с подобными явлениями, пожалуй, встретиться придется»¹.

Крестьяне не доверяли статистике во всех ее видах — напомним, что и земская статистика в первую очередь была статистикой оценочной, и от нее зависела величина земских налогов. Крестьяне, понятно, стремились платить как можно меньше, и несложно поэтому представить их отношение к людям, от мнения (оценок) которых прямо зависели размеры платежей. Очевидно, что статистика не воспринималась крестьянами как нечто, призванное облегчить им жизнь.

Кстати, не нужно думать, что только российские крестьяне не жаловали оценочную статистику. Едва ли иначе к ней относились и помещики. В мировой истории и те, и другие вовсе не уникамы: уклонение — в той или иной форме — от уплаты налогов, как известно, сюжет всеобщий.

Автор книги «Из записок агронома» так рисует начало своей деятельности в качестве члена статистического отделения губернской земской управы в N губернии, «губернии чисто крестьянской»: «К сожалению, с первых же шагов пришлось столкнуться с недоверием к нашему брату: «статейщикам», «грунтовщикам». **Всем было ясно, что сведения собирались для целей оценки, поэтому такое отношение являлось вполне естественным.** В начале получение достоверных данных было делом крайне нелегким. Иногда ответы крестьян доводили прямо до отчаяния, поражая своею несообразностью; особенно с инородцами трудно было иметь дело. Если начнешь спрашивать одного хозяина, он показывает так, как есть в действительности, но когда их соберется десяток-другой, разговор принимает совсем иной оборот. Спрашиваешь, например: «Сколько высеваеете ржи на душу?» Отвечают: «Десять пудов». — «Сколько нажинаете на душу?». — «Один овин». — «А сколько намолачиваете с овина?» — «Пуда три». И как ни убеждаешь, что этого не может быть, что это — явная нелепость, они стоят на своем. «Но ведь тогда незачем и сеять?» — «Да и действительно», — говорят — «незачем; если мы и занимаемся земледелием, то только потому, что отцы и деды им занимались, а что выгоды нет никакой, одни убытки»...

В других местах, наоборот, неизвестно по каким соображениям, крестьяне показывали урожаи выше действительных»². Постепенно Аннину удалось наладить контакт с крестьянами и устранить «фантастический элемент» из их сообщений, однако произошло это не сразу. Он описывает оскорбившие его «неприятные инциденты», которые, конечно, на территории 34 земских губерний происходили не только с ним³.

¹ Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г. Новочеркасск, 1914. С. 67, 70, 75.

² Аннин. Из записок агронома... С. 8.

³ Мне памятен один из праздничных дней, когда поездка по селениям лишена была смысла, и я волей-неволей должен был коротать время на земской станции. Вскоре после обеда ко мне является хозяин дома, сильно выпивший, и обращается с предложением понизить показанное в бланке достоинство земельных угодий: он говорил с односельчанами, и решили мне за труды четвертную. Трудно описать чувство глубокой обиды и негодования, охватившие меня. Однако я сдержался и заметил, что и без того получаю за свои труды, изменить же записей не могу. — «А, так ты не хочешь добра ни себе, ни нам, начинает горячиться мой собеседник: что тебе стоит понизить на разряд нашу землю? Ничего. А для нас это большое дело: будет меньше сходить податей, да и тебе 25 рублей пригодятся, — поди, жалование небольшое получаешь, а небось, жена есть, дети... Нам и старики заказывали помнить межевщину». Кончилось тем, что я перебрался в волостное правление.

В другом селении имел место аналогичный же случай. Тоже в праздничный день приехал я в инородческое селение. Один из бойких хозяев, несомненно, выдавший виды и имевший дело с начальством всякого рода, отправляется со мною в качестве провожатого для осмотра «грунта земли», — в целях проверки показаний крестьян у нас было принято производить личный осмотр полевых, а иногда и луговых угодий.

Для нас в этой информации показательно не только то, что его общение с крестьянами завершилось человеческим и профессиональным «хэппи-эндом», а их первая, естественная, рефлекторная реакция на статистику и статистиков, которая ясно показывает, что не в этой сфере следует искать абсолютной точности.

Соответственно, и опросные анкеты ЦСК МВД о размерах посевов и урожайности и бюджетные обследования трактовались крестьянами (в том числе и волостными писарями, ведавшими этими анкетами) в этом же контексте. Дискуссия о способах преодоления недоверия и настороженности крестьян занимает видное место в земской статистической литературе¹.

А. А. Кауфман писал: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики *для земства* — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии *населения*.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения; раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других,—отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо-недружелюбное отношение населения** является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики»².

Кауфман считает, что **«можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в составе корреспондентов, давать сознательно неверные сведения: реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще—в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями»**³.

И. А. Кузнецов пишет, что «правительственная урожайная статистика до революции никогда не использовалась в фискальных целях»⁴, видимо, считая, что это опровергает тезис о «податных опасениях» крестьян. Не думаю, что данный аргумент основателен. Население России было настолько жестко воспитано предшествующей историей страны, что ему вполне хватало и сознания потенциальной возмож-

Проводник мой, недолго думая, обращается ко мне с вопросом: «Господин, а господин, нельзя ли с вами обойтись?» И все время, пока мы ездил, он надоедал с этим вопросом, несмотря на самый энергичный отпор.

Конечно, это были единичные случаи. Нравственная и деловая физиономия каждого лица, появляющегося в деревне, очень скоро выясняется и становится известною на значительное расстояние: всякие сведения и слухи распространяются здесь поразительно быстро. Поэтому и успех дела в большой степени зависит от того, с какой стороны исследователь сразу же покажет себя населению, какое произведет первое впечатление. В конце концов отношения с крестьянами устанавливались самые простые и дружелюбные». (Аннин. Из записок агронома... С. 10–11).

¹ Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель как предмета земского обложения (Историко-критический этюд). Херсон, 1894; Кауфман А. А. К вопросу о бюджетных исследованиях // Кауфман А. А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика М., 1915; Там же. Земская статистика и статистическая методология.

² Кауфман А. А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара. 1916. С. 4–5.

³ Там же. С. 17–18.

⁴ Кузнецов И. А. Русская урожайная статистика... С. 201.

ности такого использования, чтобы приберегать проявления искренности для других случаев.

Об этом позволяют, в частности, судить материалы, весьма далекие, казалось бы, от сельскохозяйственной статистики. В «Отчете тайного советника Плющик— Плющевского, уполномоченного, по Высочайшему повелению, для объединения действий местных учреждений по первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях» недостатки переписного материала разделяются на две группы. Одни связаны с «неведением или непониманием вопроса опрашиваемыми». Однако в вопросе о роде занятий «к этим причинам искажения действительности присоединяется еще другая, быть может, еще более важная — именно умышленное уклонение населения от дачи показания о занятиях «из опасения налогов и других направленных к обложению мероприятий»: «Во многих селениях (Угличского уезда) крестьяне буквально сговорились ничего не показывать, кроме земледелия, так что ответ на этот вопрос пришлось получать или от старосты, или от более добросовестного человека, по всей деревне от одного». «Труднее всего было получить (в Новоторжском уезде) ответы о главных и второстепенных занятиях: от одних — по неопределенности и изменчивости этих занятий, от других — вследствие желания скрыть их, из боязни дурных для себя последствий». «Сын какого-нибудь домохозяина или сам домохозяин (в Ярославском уезде) живет в Петербурге, получая приличное жалованье, иной — столько в год, сколько не заработает вся его семья в деревне. Казалось бы, что такое занятие следует показывать главным, как доставляющее главные средства к жизни, однако домашние члены семьи настаивали на том, чтобы главным занятием таких отсутствующих лиц записывать земледелие, которым они почти не занимаются, а если занимаются, то только 3–4 месяца в 2–3 года, когда приезжают в деревню на побывку. Такие показания объясняются боязнью, чтобы не было каких-нибудь налогов на доход тех, которые живут на отхожих промыслах». «Крестьяне, по возможности, скрывали (в Даниловском уезде) свой промысел, занятия и т. п., давая ответы, что он только каменщик, рабочий и земледelec, между тем как некоторые из них имели мельницы, мастерские и т. п.». «Вообще крестьяне скрывали (в Ветлужском уезде) свои побочные занятия, боясь обложения налогом». «С наибольшей трудностью (в Костроме) получались ответы о средствах к жизни, в особенности от лиц, живущих на проценты с капитала; они указывали преимущественно лишь второстепенные занятия»... В некоторых местах Кашинского уезда «все, не имеющие определенных занятий, не хотели сказать правды о тех средствах, коими живут, а женщины, работающие в одиночку, например, портнихи, швеи и т. п. работницы прямо просили не записывать их род занятий, опасаясь, что их запишут в цех и Ремесленная управа будет брать с них налог»¹.

То есть люди в подобных случаях (и только ли в подобных?) не доверяли власти и, не понимая логику ее действий (а зачем ей вообще нужны эти сведения?), объясняли последнюю, исходя из собственной картины мира.

О том, насколько сильно было приучено население страны опасаться Власти — неважно, на всякий ли случай или просто по привычке, — в этом смысле (и только ли в этом?) говорит сообщение правительственного инспектора сельского хозяйства Воронежской губернии о том, что «во многих местах население боялось брать казенный ин-

¹ *Осипов Н.* О причинах промедления в разработке переписи 28 января 1897 г. и преждевременного израсходования ассигнованных на нее кредитов, а также о мерах к ускорению и удешевлению разработки означенной переписи. СПб., 1901. С. 9–12.

вентарь (с прокатных станций сельхозмашин и орудий в годы аграрной реформы Столыпина — М. Д.), убежденное, что за пользование им последуют какие-то налоги»¹.

О том, что перед нами именно устойчивая система взглядов, а не спонтанные вспышки недоверия к власти, наглядно свидетельствуют фиксируемые в Отчетах по мелкому кредиту опасения крестьян вкладывать деньги в новые кредитные кооперативы: «Лишь на первых порах, пока население не освоилось с организацией народного кредита, не убедилось еще как в безопасности передачи ей своих излишков, так, между прочим, и **в неприкосновенности тайны вкладов**, территориальная близость кредитных учреждений несколько парализуется большей в глазах вкладчиков **возможностью огласки наличности у них свободных средств**, когда последние помещены в своей местной кассе.

На немаловажность этого момента указывает опыт устройства государственных сберегательных касс при волостных правлениях. Возможно также, что в числе причин слабого развития вкладной операции в сословно-общественных кассах старой формации, построенных на основе общего крестьянского управления, нашел себе место и указанный момент — **опасения податных требований**, связанные с близостью к счетам кредитной организации органов местной власти. В дальнейшем, однако, известные из практики мелкого кредита случаи, когда вкладчики без всяких иных видимых и объективных оснований помещают деньги не у себя в селе, а вне его и иногда довольно далеко, должны встречаться реже»².

Для данной темы интересен и важен рассказ правительственного агронома Виленской губернии К. П. Рудзита, руководившего в 1913 г. обследованием единоличных хозяйств в Трокском уезде этой губернии для переписи ГУЗиЗ. Крестьяне с тревогой и недоумением восприняли приезд агрономов, связывая его с новыми податями. «Впоследствии, когда счетчики выехали на места обследований, приходилось слышать боязливые вопросы в роде того, что не по той ли цене, что сейчас записывают в опросных листках, от них будут брать лошадей, а также скотину на мясо в случае войны.

Разговоры эти, однако, скоро прекратились. Дело в том, что во главе каждой партии обследователей находилось по одному правительственному агроному»³, которые для крестьян были «едва ли не единственными людьми, которым они **более или менее доверяют**. Все же по отчетам крестьян и по тому раздумью, с каким давались эти ответы, нетрудно было догадаться, что **в душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы...**

Крестьянин действительно очень часто не знает в точности высеваемого им количества зерна, а если к этому прибавить еще **стремление его всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния**, то становится понятными вся медлительность и все ухищрения хуторянина при подаче ответов.

Подобное же явление наблюдается и при подсчете урожая. Здесь крестьянин первоначально начинает говорить, что плохо уродилось, затем уменьшает количество собранных копен или возов, а в конце концов уменьшает и умолот с копны или с воза. В одном случае, со слов крестьянина, выходило так, что он собрал гороха осенью ме-

¹ Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. В 2-х ч. СПб., 1913. Ч. II. С. 488.

² Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 78.

³ *Юрьевский Б.* Возрождение деревни. Пг., 1914 С. 162–163.

нее, чем на другую весну посеял; на вопрос, где покупал семена гороха и по какой цене, он ответил, что своих семян хватило. Становилось ясным, что опять урожай заведомо преуменьшен. После этого, говорит Рудзит, начинаешь убеждать крестьянина говорить правду и не хитрить, но вряд ли можно быть убежденным, что последующие после этого ответы не будут опять преуменьшены. Причину скрывания хуторянами действительных урожаев нельзя искать только в одной боязни относительно увеличения податей, так как, помимо этого, среди крестьян еще сложилось и такое мнение, что бедному всегда скорее оказываются всякие льготы и помощь, что по бедности же, может, скостят еще и недоимки»¹.

Ключевые слова в этом сообщении — «стремление его (крестьянина — М. Д.) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»². Нельзя не отметить также весьма органичного соединения в сознании крестьян «податных опасений» с социальным иждивенчеством, воспитанным к 1913 г. 20-летней правительственной политикой списывания долгов и недоимок.

Уже эти мнения ясно очерчивают первый круг вопросов, связанных с проблемой репрезентативности урожайной статистики и бюджетных обследований.

Можно достаточно уверенно констатировать, что значительная, как минимум, часть населения страны воспринимала разного рода опросы, анкеты, обследования и т. п. в контексте угрозы возможного повышения платежей, и уже в силу этого стремилась так или иначе преуменьшить размеры своего благосостояния, в какой бы форме оно не фиксировалось.

Однако для нашего изложения важно, как этот устойчивый тренд проявлялся при неурожаях.

1.1.3. И все-таки она недостоверна! — 2: урожайная статистика в годы неурожая

И. А. Кузнецов в своей первой статье следующим образом оспаривает мой тезис о занижении урожайности респондентами ЦСК МВД в такие годы: «Увы, эта догадка противоречит опыту земских статистиков, который показывал, что скорее следует ожидать занижения, наоборот, в урожайные годы. А. Ф. Фортунатов (в 1893 г. — М. Д.) писал: «Год исследования влияет на степень лганья и на степень охоты, с какой даются показания. И в Московской, и в Нижегородской губернии было, например, замечено, что в неурожайные годы крестьяне с большею охотой дают сведения об урожаях, и сведения эти ближе к истине, чем в годы урожайные». Впрочем, сам факт «лганья» крестьян при опросах статистики никогда не отрицали»³.

Эта интересное мнение, и не менее любопытна его интерпретация Кузнецовым.

Вчитаемся повнимательнее в приведенную цитату.

Что же из нее следует?

- 1) крестьяне **всегда** сообщают сведения об урожаях без охоты, без желания;
- 2) крестьяне, говоря на эту тему, лгут **всегда**, но в разные годы лгут в разной степени;

¹ Там же. С. 164–168.

² Там же. С. 166–168.

³ Кузнецов И. А. Русская урожайная статистика .... С. 193–194.

3) Однако, по мнению Фортунатова, в неурожайные годы «степень охоты» повышается, а «степень лганья» уменьшается, и тогда «сведения эти ближе к истине, чем в годы урожайные».

То есть, Фортунатов всего лишь обсуждает *меру недостоверности заведомо лживой информации* и считает, что в годы недородов крестьяне Московской и Нижегородской губерний лгут меньше. Насколько меньше?

Можно ли считать это серьезным аргументом в пользу опровержения моего тезиса о сознательном занижении сборов?

При этом Кузнецов напрасно уравнивает показания крестьян в двух совершенно разных не только с хозяйственной, но и с психологической точки зрения ситуациях. В год хорошего урожая крестьяне (как и землевладельцы) привычно опасаются увеличения налогов и у них доминирует психология людей, которые, условно говоря, на всякий случай не хотят, чтобы им завидовали.

Неурожайный год рождает совсем другое психологическое настроение — они хотят, чтобы их «пожалели», вошли в положение, поскольку рассчитывают получить продовольственную помощь (как крестьяне Трокского — и не только — уезда в 1913 г.).

Понятно также, почему у крестьян в хорошем году «степень лганья» больше, а охоты говорить об успехах меньше — ведь в урожайный год преуменьшить благосостояние проще и легче, чем в неурожайный преувеличить нужду. Возможно, они принимали во внимание и квалификацию земских специалистов, находящихся в их селении в данный момент, обмануть которых было, надо думать, несколько труднее, чем далекое уездное и губернское начальство, они-то могли оценить «меру лганья»!

Наконец, я искренне не понимаю, что И. А. Кузнецов хотел сказать заключительной фразой своего пассажа: «Впрочем, сам факт «лганья» крестьян при опросах статистики никогда не отрицали». Это тоже довод в пользу достоверности их сообщений? Или просто фигура речи, вроде формулы перехода — а «засим Дума перешла к следующим делам»?

Я не случайно отметил, что мнение Фортунатова датируется 1893 г. Начиная с 1891 г., в России, как говорилось, на невиданном прежде уровне развернулась правительственная продовольственная помощь, которая с 1892–1893 гг. стала сопровождаться списанием многих десятков (в сумме — сотен) миллионов рублей долгов. Это быстро и радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью. Поэтому у крестьян появился дополнительный стимул преуменьшать размеры урожаев — поскольку объем этой помощи зависел от сведений о величине сборов, они отнюдь не стремились представить их в истинном свете (замечу на полях, что по времени этот процесс совпал со становлением урожайной статистики ЦСК МВД).

Об этом как об обыденном факте говорят современники. Так, председатель Темниковского уездного Комитета Красного Креста, кн. Н. Н. Енгальчев писал, в частности, на этот счет: «Неурожай 1906 года коснулся как озимой ржи, так и яровых хлебов, и особенно трав. **К сожалению, сведений об урожае не удалось получить своевременно ни правительственным органам, ни земским управам.**

Получение более или менее точных данных действительно связано с большими трудностями, вследствие неудовлетворительной постановки у нас сельскохозяйственной статистики. К очередным уездным земским собраниям в конце сентября 1906 года были представлены **весьма гадательные подсчеты** о количестве хлеба и корма, необходимых для продовольствия населения и прокормления скота. Объясняется это

отчасти тем, что население приучено последними годами к широкой раздаче пособий, к мысли, что стоит только заявить о нужде, как помощь посыплется как из рога изобилия. **Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород**¹.

Государственный Совет и Дума в 1907–1908 гг. обратили внимание на «чрезвычайную неполноту сведений» МВД, на основании которых оно просило о продовольственных кредитах для ряда местностей. Деньги тем не менее были отпущены, однако А. С. Ермолов заявил в Государственном Совете, «что **при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может**»².

За этими мнениями компетентных современников, своего рода верхушкой айсберга, стоит их немалый практический опыт, который они не имели возможности изложить в немногих строках. Поэтому сейчас мы попытаемся увидеть, что они имели в виду, рассмотрев несколько конкретных ситуаций, связанных с продовольственной помощью.

№ 1. податной инспектор Тетюшского уезда Казанской губернии в отчете за 1897 г. пишет, что **«настроение властей играет решающую роль при определении размеров продовольственной помощи»**, и в подтверждение этого рассказывает о трех волостях, в которых, по его мнению, подкрепленному мнениями земских начальников и земской управы, «предполагались лишь самые незначительные недостатки по одному селению в каждой волости... **Так как, однако, о недороде в уезде говорилось много, и отклонение ходатайства (о предоставлении продовольственной помощи — М. Д.) требует основанного на подробном изучении дела убеждения в его неосновательности, с другой же стороны, на выдачу ссуд из продовольственных запасов многие смотрят, как на случай освежить эти запасы, то по всем этим волостям продовольствие было выдано по всем решительно селениям за исключением 2-х селений Шимбулхчинской волости, которые, однако, земским начальником и волостным правлением были представлены в управу как нуждающиеся**, но при проверке списков членами управы от получения его наотрез отказывались.

Сама проверка списков производилась лишь формально, и если никто из присутствующих на сходе, возмущенный наглостью просителя, не заявлял о том, что у него есть две или три скирды старого хлеба, то он получал, чего желал.

Желали же одни, потому что всегда рады занять, другие же из боязни, что при существующей круговой поруче или вследствие возможных ошибок в счетоводстве им придется возратить и в том случае, когда они не возьмут, почему предпочитали взять, не нуждаясь, благо цены на хлеб стояли высокие.

Не подлежит сомнению, что лучше выдавать лишнее, чем заставить голодать, что освежение запасов желательно и необходимо, а **тщательная проверка и изучение дела для отказа хлопотливо и затруднительно**, но дело в том, что запасные магазины существуют на случай таких бедствий, как голод 1891 года, и **такие** выдачи

¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос ... Т. 1. С. 378–379.

² Там же. С. 540–541.

хлеба из этих магазинов в середине осени и притом такой осени, когда озими уходили под снег молодыми и внушили опасения, может привести к крайне нежелательным результатам. Если после такой выдачи продовольственных запасов без нужды наступит действительный неурожай, он будет вдвое чувствительнее для населения, так как придется хлеб покупать по очень высоким ценам и привозить его из отдаленных мест, что значительно увеличит его стоимость»; в одной волости были «огромные запасы старого хлеба и нуждающиеся отдельные двory могли легко занять, купить или заработать его у соседей. Это тем более верно, что у многих чувашей скирды лежат с 1892 года и от времени, непогоды и мышей только портятся»¹.

Итак, мы видим, что степень нужды крестьян определяли волостные правления, а затем земские начальники либо подтверждали их мнение, либо нет. Ясно, что правлениям, заявляющим о нехватке хлеба, нужно было называть конкретные цифры урожайности этого года, и эти цифры не должны были вызывать вопросов у вышестоящих инстанций. При этом показатели урожайности, судя по тексту, несложно было уменьшить еще больше и тем самым расширить объем помощи.

Таким образом, «освежить запасы» довольно легко — надо лишь немного исправить величину урожайности, притом, что «отклонение ходатайства требует основанного на подробном изучении дела убеждения в его неосновательности», а «тщательная проверка и изучение дела для отказа хлопотливо и затруднительно».

Эта история подтверждает приводимые выше мнения кн. Енгальчева и Ермолова.

№ 2. Податной инспектор 2-го участка Николаевского уезда Самарской губернии Н. Никольский сообщает в своем отчете за 1901 г.: «Засуха летом 1901 г. прерывалась довольно редкими дождями, которые обыкновенно проходили узкими полосами. Вследствие этого неудовлетворительный урожай в общем в действительности был неурожай».

В самом богатом обществе и даже в хороший год всегда может оказаться известный процент захудалых домохозяев, еле способных и даже вовсе неспособных дотянуть до нового урожая. В истекшем году неудовлетворительный урожай трав в общем и хлебов значительно увеличил процент таких домохозяев и вызвали необходимость семенной, продовольственной и кормовой ссуд.

Но при этом значение народного бедствия на первых уже порах было значительно преувеличено»².

№ 3. В 1906 г. страну постиг сильный неурожай, для ряда губерний повторный, по некоторым параметрам превзошедший бедствие 1891 г. и сопровождавшийся громадной продовольственной помощью — порядка 170 млн руб., или 6,6% суммарных расходов бюджета Империи в 1907 г., впоследствии списанной правительством.

Вот как описывает положение в деревне Сводный отчет податных инспекторов Саратовской губернии за 1906 г.; в этой зарисовке явственно ощущается привкус только что закончившихся аграрных погромов: «Но наряду с надорванностью материальных средств на поступление окладных сборов имели влияние и причины морального свойства. К ним следует отнести явления, порожденные смутным временем, — понижение в крестьянской массе чувства законности и сознания долга в

¹ РГИА, Ф. 573, Оп. 25, Д. 337, Л. 77об-78об.

² Там же, Д. 1011. Л. 75об-76.

выполнении своих гражданских обязанностей. Некоторые не платили сборы в смутном ожидании какого-то Манифеста о прощении всех недоимок, другие — более зажиточные, из опасения, как бы им не пришлось платить за малоимущих домохозяев, неправильно, иногда даже намеренно, толкуя закон 12 марта 1903 года, отменивший круговую поруку.

Добровольно крестьяне, за немногими исключениями, в истекшем году не платили никаких повинностей... Большое отрицательное значение в деле поступления окладных сборов имело полное бездействие сельской администрации. Крестьянская масса под влиянием политических событий недавнего прошлого была настолько деморализована, что волостные старшины и сельские старосты потеряли для нее всякий авторитет власти и не могли потому оказывать должного влияния на поступление сборов.

Были даже случаи открытого сопротивления и угроз по отношению к указанным должностным лицам при малейшей с их стороны попытке понудить к уплате денежных повинностей. Считаясь с возбужденным настроением населения и его крайней нуждой, податным инспекторам пришлось осторожно отнестись к принудительным мерам взыскания¹; «в отчетном же году рельефно выяснилась полная беспомощность органов податного надзора в деле взыскания сборов. Слова население не слушает, применение мер, указанных в законе, оказывалось бесполезным. И если бы не вмешательство полиции... которая являлась на помощь по требованию земского начальника или податного инспектора, весь оклад 1906 года перешел бы к 1 января 1907 г. в недоимку»².

О том, насколько подобная атмосфера способствовала поддержанию примет обычной «нормальной» жизни, можно судить по следующему фрагменту отчета податного инспектора Аткарского уезда: «Вследствие постигшего повторного неурожая продовольственная, кормовая и семенная ссуды выдавались крестьянам Аткарского уезда и вообще Саратовской губернии в самых широких размерах, причем неудовлетворительность существующей у нас системы продовольственного обеспечения, о чем я уже писал в предыдущих своих отчетах, остается по-прежнему **действующим средством для дальнейшей деморализации крестьянской массы, которая благодаря щедрым продовольственным подачкам за целый ряд недородных и неурожайных годов при современном политическом движении естественно отвыкает от сознания необходимости выполнять какие-либо обязательства** пред правительством и земством, и вместе с тем в сознании крестьян систематически разрушается уверенность в собственных силах.

Постоянные неурожай в настоящее время уже не беспокоят крестьян, которые уверены, что их казна накормит, а такая уверенность незаметно ведет крестьян к нищете, которую, может быть, уже в недалеком будущем трудно будет парализовать государственными мерами.

Продовольственные списки по-прежнему составляются сельскими писарями и чинами сельской администрации и в большинстве фактически оставались непроверенными на местах земскими начальниками, вследствие чего в продовольственных списках записывались все без исключения домохозяева обществ и, хотя Аткарский уездный съезд возвращал такие списки земским начальникам для личной проверки и пересоставления их, тем не менее, ввиду общей неудовлетвори-

¹ Там же. Д. 1037. Л. 9-9об.

² Там же. Л. 11.

тельности существующей продовольственной системы, пересоставленные списки все же далеко не соответствовали истине.

Необходим новый порядок более строгой проверки экономического положения каждого двора, тогда лучше обеспечивались бы действительно недоедающие семьи, которых немало было в большинстве селений уезда и губернии, и, с другой стороны, масса получавшегося без нужды продовольственного хлеба не пересылалась бы крестьянами в винные лавки и купеческие склады.

Множество крестьян, получая ярлыки на ссуду и в действительности не нуждаясь в ней, получали от контрагентов Губернского присутствия вместо хлеба деньги, которые быстро проживались, купцы же, получавшие от присутствия по 90 коп. за пуд ржи и уплачивавшие по ярлыкам ненуждающимся крестьянам по 60 коп, конечно, быстро наживались, случалось, что один пуд можно было продать несколько раз. Были примеры и такие, что некоторые домохозяева продавали от своих посевов (посевных ссуд — М. Д.) Губернскому присутствию по 1000–1500 пудов и более и по спискам после получали несколько пудов на обсеменение.

Итак, неосторожное кормление народа должно быть признано злом, от которого необходимо скорее освободиться: народ пьет, но часто не работает, и состояние физической праздности есть безусловное бедствие для мужика¹.

Подобные свидетельства раскрывают иногда положение в деревне (и не только) лучше долгих рассуждений. Социальное иждивенчество, порожденное развращающим влиянием продовольственной помощи, ставшей фактически безвозмездной, — проблема, явно обделенная вниманием историографии.

Нас сейчас, однако, больше интересует тот подтверждающий мнения А. С. Ермолова и Н. Н. Енгальчева факт, что — «продовольственные списки по-прежнему составляются сельскими писарями и чинами сельской администрации и в большинстве фактически оставались непроверенными на местах земскими начальниками» и что даже «пересоставленные списки все же далеко не соответствовали истине».

Вопрос — в какой мере обрисованная этим источником психологическая атмосфера, во-первых, предполагает ведение «сельскими писарями и чинами сельской администрации» достоверной статистики урожайности, а, во-вторых, в какой степени способствует этому процессу?

№ 4. Инспектор 1-го податного участка Николаевского уезда Самарской губернии в 1906 г. рисует тревожную картину жизни губернии, в которой необходимость вести продовольственную кампанию в год повторного недорода и одновременно собирать подати с крестьянского населения совпала с недавними аграрными погромами и возвращением солдат с «несчастной» (С. Ю. Витте) японской войны: «Упорная уверенность вернувшихся запасных, что, по 29 ст. Воинского устава, с них не следует взыскивать никаких сборов, уверенность населения, что никакого взыскания окладных сборов не может быть с населения, которое сплошь продовольствуется и обсеменяется за счет казны и, должно сознаться, **бездействие волостных и сельских должностных лиц, местами запуганных и подчиняющихся требованиям общества и не руководимых в должной мере г. г. земскими начальниками**, тоже сыграло свою роль в деле поступления окладных сборов.

Во многих случаях и сами земские начальники подчинялись мнению и

¹ Там же. Л. 51-52.

требованиям сельских обществ. Осимой, например, семенной ссуды и ссуды продовольственной по первоначальным сообщениям некоторых земских начальников совершенно не требовалось. **Впоследствии же,** даже после установления уездным съездом количества ссуд, потребных на уезд, **от этих же земских начальников стали получаться заявления о необходимости ссуд в громадных размерах, доходящих до нескольких сот тысяч пудов»¹.**

Мы уже знаем, что оценки урожая, на которых базировались первичные требования о продовольственной помощи, предоставлялись, как правило, волостными правлениями².

Вопрос первый — почему изменилась позиция земских начальников? На основании каких новых сведений они стали ходатайствовать об увеличении продовольственной помощи? Ведь и первоначальный отказ от продовольственной помощи, и позднейшее ее требование должны были основываться на какой-то статистической информации.

Что изменилось больше — настроение населения, настроение волостных правлений, зависимых от него, настроение земских начальников, характер статистики? И почему изменилось?

Вопрос второй — в какой мере обрисованная источником почти анархическая ситуация в деревне 1906 г. с запуганным крестьянством должностными лицами и даже земскими начальниками, с готовыми идти на конфликт в сознании своего права запасными, вернувшимися из Маньчжурии, способствовала нормальному ведению статистической отчетности, связанной с возможностью получения сотен тысяч пудов дармового хлеба?

№ 5. Помощник управляющего Земским отделом МВД В. В. Ковалевский в своем докладе Министру внутренних дел о командировке в Оренбургскую губернию в продовольственную кампанию 1912–1913 гг. отмечает, что «подворно-экономические списки нуждающихся составлялись должностными лицами волостных и сельских правлений. По тщательном ознакомлении с этими списками выяснено, что в них почти повсеместно вносились все домохозяева, как нуждающиеся, так и не нуждающиеся. Всем исчислялась продовольственная и семенная помощь, так как урожай хлеба показывался в них, по заявлению просителей, значительно ниже, чем определялся по пробным умолотам»³. О занижении урожая при составлении списков нуждающихся Ковалевский упоминает и в докладе о командировке в Тургайскую область во время той же кампании 1912–1913 гг.⁴

Таким образом, приведенные архивные материалы, на наш взгляд, определенно подтверждают сообщения современников о том, что в неурожайные годы на местах — в расчете на получение продовольственной помощи — занижалась величина сборов. Ниже этот вывод получит дополнительное подкрепление.

1.1.4. Урожайная статистика и проблема социального заказа

Состояние российской сельскохозяйственной статистики было таково, что правительственные органы вплоть до Первой Мировой войны зачастую не имели объективной картины положения на местах.

¹ Там же. Д. 1016, Л. 102-102об.

² См также — Д. 1032. Л. 92.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Д. 375. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 62об-63об. Выражаю глубокую признательность Е. В. Белокурову, любезно сообщившего мне эти факты.

В издании «Производство, перевозки и потребление хлебов России в 1909–1913 гг.» говорится: «Наибольшие возражения, по-видимому, вызывают комитетские данные (т. е. данные ЦСК МВД — М. Д.) о посевных площадях. **Есть немало авторитетных статистиков, которые готовы были считать эти данные чуть ли не за случайный набор цифр и, во всяком случае, не за статистические величины, пригодные для обоснования тех или иных выводов.** С противоположной стороны раздавались **иногда** осторожные указания на то, что по большим сравнительно совокупностям (уездам и губерниям) волостные данные дают в общем результаты, близкие к результатам экспедиционных обследований»¹. Преуменьшить урожай было проще всего за счет снижения размеров посевов.

Вместе с тем в конце XIX — начале XX вв. были экономисты, считавшие данные ЦСК «достаточно надежными». Они подчеркивали «положительное значение однообразия и устойчивости в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравнивались»².

На позиции этих специалистов нужно остановиться особо.

На мой взгляд, люди, обращающиеся к статистике, делятся на три категории (оставляя в стороне бухгалтерию).

Одни с ее помощью *хотят* лучше понять прошлое или настоящее.

У других задача прагматическая, утилитарная — им *нужно* доказать то, что хочется или требуется, неважно по каким причинам.

Полагаю, что именно в результате осмысления первыми усилия вторых и увидела свет известная мысль о статистике как одном из видов лжи. О третьем типе пользователей я скажу ниже.

Урожайная статистика еще в XIX в. стала предметом продолжающейся до наших дней дискуссии³ не только по причинам, так сказать, академическим.

В специфических российских условиях уже с 1870-х гг. данные урожайной статистики перестали быть нейтральной, т. е. справочной статистической информацией, поскольку аграрное развитие России из проблемы хозяйственно-экономической превратилось в проблему также и политическую.

Заведомо заниженная статистика урожая — а иной она и не могла быть — как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И, соответственно, начиная с Янсона, она сразу же начала играть важную роль в публицистической борьбе народников с правительством — утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения, о «недоедании», удивительным образом не имеющем «пределов», были краеугольным камнем оппозиционных пропагандистских кампаний (в тех же целях ее использовала и советская историография).

Н. Осипов замечает по этому поводу: «Со времен Тенгоборского принято считать, что вычисляемый урожай примерно на 10% ниже действительности; и мнение это подтверждается, между прочим, тем обстоятельством, что в некоторые годы разность между чистым сбором и вывозом хлебов, при разделении этой цифры на численность населения, **давала такую потребительную норму, которая послужила даже по-**

¹ Производство, потребление и перевозки хлебов России в 1909–1913 гг. Пг., 1916. С. X.

² Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 251.

³ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 279–295.

водом к утверждению, что в России будто бы происходит массовое недоедание (Николай-он, «Очерки нашего пореформенного хозяйства»), — мнение, к счастью, до сих пор не подтвержденное никакими прямыми и бесспорными фактами»¹.

Нельзя не вспомнить, как характеризует данный труд Николай-она (Н. Ф. Даниэльсона) М. И. Туган-Барановский: «Эта работа долгое время считалась у нас образцом статистического искусства и знания. Но позднейшая критика обнаружила, что статистика г. Н-она, несмотря на свой более научный вид, столь же неудачна, как и статистика г. В. В. (В. П. Воронцова — М. Д.) Отличительной чертой статистических построений обоих этих авторов — и даже г. Н-она еще более, чем г. В. В. — является крайне некритическое отношение к статистическим источникам, к которым они прибегают, соединенное с весьма небрежным пользованием этими источниками. **Оба они не только верят любой цифре, помещенной в официальных изданиях, как бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядом не вникают в имеющиеся в этих самых источниках разъяснения относительно того, что именно изображают эти цифры.** Поэтому они нередко сравнивают абсолютно несравнимое. Получаются фантастические статистические построения, дошедшие до своего апогея в трудах профессоров Карышева и Каблукова. Ввиду этого о статистике г. Н-она лучше умолчать»².

Даниэльсон был марксистом, Воронцов и др. — народниками, однако манера обращения их со статистикой была равно неприемлемой — она была *ниже* дилетантизма. М. И. Туган-Барановский в своих работах вдоволь посмеялся над их «обратившими на себя общее внимание» опусами.

Не смешно, однако, было то, что эти люди имели большой авторитет у «передовой» читающей публики, которая глотала все, что угодно, лишь бы это было состряпано по социалистическим рецептам. Правда ей была не нужна, и профессиональную критику Туган-Барановского (кстати, тоже социалиста) она пропускала мимо ушей.

В 1884 г. К. Ф. Головин, иронически оценивая стремление народнических экономистов доказать — без учета фактора плодородия почвы, — что в общинных губерниях урожайность выше, чем в подворных, писал: «Наконец, а это главное, самые цифры, на которых основан этот фактический материал, заслуживают мало доверия, так как данные, относящиеся к одной и той же губернии, но взятые из различных источников, расходятся между собою гораздо сильнее, чем цифры, получаемые одним и тем же ведомством из различных губерний.

Нельзя, в самом деле, без смеха читать глубокомысленные соображения иных исследователей, ломающих себе голову, отчего это в таком-то уезде средняя урожайность ржи на какую-нибудь десятую часть четверти ниже, чем в другом, соседнем, и объясняющих это все возможными условиями, климатическими, почвенными, культурными и даже этнографическими. А настоящее объяснение, между тем, зачастую лишь в том, что обе средние цифры урожаев попросту неверны. Смешно это кропотливое добывание выводов из сомнительных, по меньшей мере, статистических данных, и невольно оно приводит на память ироническое замечание графа Толстого, когда по поводу административной деятельности Алексея Александровича Каренина он говорит, что на каждый запрос правительственного лица всегда получаются ответы самые точные и не допускающие сомнения. Искусственная точность всегда была

¹ Осипов Н. К вопросу о статистике урожаев. СПб., 1901. С. 20.

² Туган-Барановский М. И. Русская фабрика ... С. 514–515.

идеалом бюрократии; жаль, что за последнее время ее стали добиваться и ученые исследователи»¹.

С 1880–1890-х гг. народнически настроенные авторы начали осторожно проводить мысль о том, что урожайная статистика ЦСК может считаться приемлемой, поскольку размеры занижения ею сборов велики не принципиально. Полагаю, что не в последнюю очередь данный тезис был связан с пропагандистскими «удобствами» этих цифр.

В этом смысле очень показательна популярная в свое время книга П. И. Лященко «Очерки аграрной эволюции России» (1908), самая марксистская из его дореволюционных работ.

Лященко, в частности, должен был показать, как разоряется крестьянство под влиянием наступившего капитализма и вовлечения в сельскохозяйственный рынок. Для марксистов, в отличие от народников, этот процесс был не предметом скорби, а естественным и позитивным проявлением «непреложных закономерностей» исторического развития, по поводу чего этикет, однако, требовал пролить скупую марксистскую слезу.

П. И. Лященко, безусловно, был по-настоящему крупным ученым, прекрасно знавшим предмет исследования и хлебный рынок, в частности, однако изначальная *идеологическая* заданность вектора исследования и соответствующая ограниченность его пространства на пользу еще никому не шли. И поэтому профессионал в нем постоянно борется с марксистом.

Сначала он обозначает уровень сложности решаемых проблем: «Непосредственный статистический учет, например, хлеботоргового обмена — главного вида обмена в хозяйстве сельского населения — т. е. статистический учет размеров хлебных продаж сельским производительным населением, с одной стороны, и размеров хлебного снабжения несельского потребляющего населения, с другой, **представляется гораздо более трудным, чем даже учет общего хлебного производства, также весьма несовершенный**»².

Это вступительное заявление абсолютно справедливо, как и мысль о том, что урожайная статистика «весьма несовершенна». Однако тут же автор дает такую характеристику ее репрезентативности: «Наша урожайная статистика имеет свою весьма обширную критическую литературу; в ней достаточно уже выяснено, насколько точными должны считаться собираемые официальными органами сведения и подводимые на основании их абсолютные итоги урожая».

Вместо господствовавшего прежде огульного осуждения волостной статистики, на основании которой Центральный статистический комитет строит свои данные, такие компетентные исследователи, как Янсон, Фортунатов, Грасс и другие далеко не разделяют взгляды о полной непригодности волостной статистики. Для нас, однако, более важен не столько вопрос об абсолютной точности урожайных данных, сколько вопрос об относительной их точности, т. е. о сравнимости их на протяжении ряда лет между собою и с другими статистическими данными об условиях и характере хлебных цен»³.

Этот абзац, с одной стороны, показывает диапазон существовавших мнений о достоверности урожайной статистики, а с другой, демонстрирует те противоречия, которые в полной мере проявятся в дальнейшем анализе Лященко.

¹ Головин К. Ф. Разрешен ли крестьянский вопрос? // Русское обозрение 1894 г. С. 211–212.

² Лященко П. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. Т. 2. С. 279.

³ Там же, С. 283–284.

На одном полюсе — «огульное осуждение волостной статистики», на другом — мнение народнически настроенных авторов, которые «далеко не разделяют взгляды о **полной непригодности** волостной статистики». Даже если Лященко не совсем точно сформулировал свою мысль, из этой последней фразы следует что угодно, но только не тезис о том, что эта статистика достоверна.

Автор не говорит об «абсолютной точности урожайных данных» — ему очевидна их неточность. Однако при этом Лященко важно иметь хоть какую-то точку отсчета, чтобы анализировать данные о перевозках. Понятно, что комфортнее при этом в своих изысканиях отталкиваться не от взгляда о полной «непригодности волостной статистики», а от мнения Янсона, Фортунатова и Грасса о том, что она не так уж плоха.

Однако тут же возникает не самый удобный вопрос — а насколько она все-таки плоха? Сколько у статистики может быть степеней «непригодности», пусть не «полной»? Какую из них следует предпочесть исследователям и т. д. ?

Излагая историю становления урожайной статистики после 1861 г., Лященко резюмирует: «Таким образом, данные ЦСК даже на протяжении последних 15 лет не отличаются полным однообразием ни по способу собирания, ни по способу обработки сведений, ни по району, который они охватывают. **Особенно важным внутренним недостатком является отсутствие правильных данных о посевных площадях, ставящее и все дальнейшие исчисления на зыбкую почву**»¹.

Это — вывод профессионала, в дальнейшем, однако, побеждаемого «партийностью». С одной стороны, Лященко постоянно извиняется за то, что делает категорические и притом «глобальные» выводы на очень куцем материале, источниковедческую уязвимость которого и сам прекрасно сознает, но, с другой стороны, он упорно их делает!

Получается довольно забавно.

Автор предпринимает «статистическое изучение» внутреннего сельскохозяйственного рынка на основании торговой, урожайной, транспортной и ценовой статистики, **неустанно говоря при этом о слабости своей статистической базы**. Так, описывая отношения крестьянского хозяйства к рынку и наоборот, Лященко вновь заранее оговаривается, что в его распоряжении нет «каких-либо общих, исчерпывающих статистических данных» на этот счет, а лишь «ряд описательных иллюстраций из богатой в этом отношении земской литературы, хотя, конечно, уже несколько устаревшей по этому живому вопросу»². Тем не менее «описательные иллюстрации» становятся поводом для жестких заключений: российские крестьяне вынуждены продавать не только излишки урожая, но и тот хлеб, «который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»³ и т. д.

Увы, Лященко был не первым и не последним, кто создал и признавал неточность урожайной и бюджетной статистики, несовершенство и даже ущербность используемой для оценки потребления населения методики, однако делал, тем не менее, с их помощью весьма широкие (как бы «макроисторические»), а главное — пессимистические обобщения.

Эта порочная метода — типичная черта работ оппозиционных авторов. Особенно обидно видеть ее не у доморощенных «экономистов» типа Даниэльсона или Воронцова, которые **просто не понимали статистики**, а у профессионалов высшей квалифика-

¹ Там же. С. 286

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 398, 416.

ции, подобных А. А. Кауфману или П. И. Лященко, загнанных партийными симпатиями в неприемлемую для настоящего ученого ситуацию — писать то, чего не думаешь, восполняя отсутствие значимой информации публицистичностью.

Характерно и притом интересно, что в последующих работах Лященко, написанных до 1917 г. и сохраняющих научное значение и сегодня, либо и намек нет на этот агитационный стиль, либо он очень сильно сглажен¹.

В 1915 г. Д. Н. Иванцов опубликовал свою знаменитую работу «К критике русской урожайной статистики», актуальную и в наши дни. Причины, побудившие его взяться за перо, таковы: «Оправданием настоящей критической попытки служат следующие довольно общеизвестные обстоятельства. С выхода в свет монументальных трудов Л. И. Грасса и А. Ф. Фортунатова прошло более 20 лет, и содержащаяся в них оценка пореформенной урожайной статистики не удовлетворяет современного исследователя уже по тому одному, что затрагивает первые ее шаги, когда физиономия главных источников едва успела сложиться.

Новейшие же авторы или оперируют с территориально узким материалом, лишаящим их выводы общего значения, или сосредотачиваются на чисто методологических изысканиях и отдают числовому анализу ничтожное место. Мало этого: в своих итогах они нередко категорически расходятся с Л. И. Грассом и А. Ф. Фортунатовым, и, таким образом, не заменяя их трудов, еще дискредитируют их...

Как известно, заключения *Грасса* и *Фортунатова* носят довольно оптимистический характер. В противоположность этому, Гудзь пишет («Труды Комиссии по вопросам земской статистики»): «Нынешний тип регистрации урожаев должен считаться совершенно непригодным, по крайней мере, для двух весьма важных отраслей земского хозяйства, какими являются оценочная статистика и продовольственное дело». Составитель XV-й главы материалов «Комиссии 16 ноября 1901 г.», констатируя значительный рост сборов за 40-летие 1861–1900 гг., отказывается придавать соответствующим цифрам серьезное значение, подчеркивая подавляющее воздействие на них формально-статистического момента. *Осинов*, предлагая свой проект реорганизации урожайной статистики, даже не аргументирует ее настоятельности, как будто непригодность существующих данных уже доказана или ясна без доказательств. В. Г. Михайловский заявляет на XII съезде Естествоиспытателей и врачей: «В общем насчитывается не меньше 15 различных источников сведений об урожае, и несмотря на такое перепроизводство урожайной статистики, в конце концов нельзя даже с уверенностью сказать, каковы результаты в данном году, большой ли у нас урожай или голодный год»².

Сопоставляя размеры ежегодных урожаев по разным источникам, выявив существенные различия между ними, «Д. Н. Иванцов пришел, видимо, к **справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации**... Наконец, Д. Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей... Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя»³. Важно подчеркнуть, что эти заключения делает И. Д. Ковальченко.

¹ *Лященко П. И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912.; *Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением.* Пг., 1915.

² *Иванцов Д. Н.* К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915.

³ *Массовые источники*.... С. 256–257.

Среди недостатков статистики ЦСК МВД Иванцов выделяет «исключительную роль, выпадающую при собирании материала на долю низшей сельской администрации, — заваленной другими делами, в массе случаев невежественной, при всем желании не способной удовлетворительно выполнять возложенные на нее статистические функции; полное отсутствие контроля и недостаточную тщательность и аккуратность при разработке собранного материала». Этим «далеко не исчерпываются слабые стороны комитетской статистики, **но очевидно, что и их одних достаточно, чтобы породить резкое недоверие к комитетским данным**, и особенно к данным о площадях посевов, в применении к которым даже руководители Центрального Комитета находят свой метод «не строго научным и притом спешным»¹.

Работа Иванцова стала важной вехой в изучении российской урожайной статистики. Напомню мнение П. Грегори, справедливо считающего, что «основной предмет обсуждения» дореволюционной сельскохозяйственной статистики — «это так называемые «исправления Иванцова», которые использовались Госпланом в середине 1920-х гг. для того, чтобы скорректировать цифровые данные Центрального статистического комитета, повысив их на 19%. Можно себе представить, что столь значительная корректировка данных создает большую разницу в оценках выпуска и рынков продукции». Есть увеличивающая поправка в 10%, к которой склоняется Б. Н. Миронов. Сам Грегори обосновывает цифру в 7%².

В 1925 г. вышла статья Н. М. Виноградовой «Русская урожайная статистика», также ставшая в своем роде рубежной в историографии вопроса.

Виноградова ставит проблему следующим образом: «Уже одно то обстоятельство, что в литературе нередко вся острота спора о пригодности или непригодности сведений ЦСК сосредотачивалась на квалификации волостных писарей, как органов статистической службы, заставляет и нас поставить вопрос о том, к чему же на практике сводилось участие волостных писарей в собирании данных об урожаях?»³.

После сравнительного анализа методики сбора данных об урожаях Департаментом земледелия, земствами и ЦСК в 1883–1915 гг. она приходит к следующему выводу: «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета **устанавливали уровень урожая очень близко к действительности**»⁴. И это — заслуга волостных писарей, поскольку, по мнению автора, сообщения, поступавшие в ЦСК, «в огромном большинстве случаев основывались на субъективных оценках среднего урожая, сделанных волостными правлениями применительно к условиям данной местности и данного типа хозяйства»⁵.

Роль волостных писарей, нарушавших инструкцию, по ее мнению, «не сводилась к простой передаче полученных от хозяев и исключительно последними заполнявшихся бланков об урожае. И именно последнему обстоятельству следует приписать **доброкачественность** данных Центрального Статистического Комитета и в то же время

¹ Иванцов Д. Н. К критике ... С. 3.

² П. Грегори. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111.

³ Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925 г. № 10–12. С. 38.

⁴ Она же. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926 г. № 1-6. С. 90

⁵ Она же. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925 г. № 10-12. С. 39

признать, что **в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае»¹**.

А. Л. Вайнштейн сразу же откомментировал данное заключение: «Этот вывод Н. Виноградовой сам по себе очень интересен, ибо наносит сильный удар общепринятому в настоящее время положению о необходимости поправок, и очень значительных, к абсолютному уровню довоенной урожайности, по данным ЦСК»².

На деле удар оказался не сильным, а попросту сокрушительным, т. к. после него упомянутые поправки исчезли из отечественной литературы и историографии как факт.

Однако при всем уважении к качеству статистического анализа, проведенного Виноградовой, я не могу согласиться с ее выводом по двум, как минимум, соображениям (не касаясь того, что число губерний, по которым проводится исследование, на мой взгляд, недостаточно для полноценных заключений).

Во-первых, он кажется умозрительным, поскольку не слишком убедительно вытекает из предыдущего авторского изложения. У меня нет возможности проводить здесь текстологический анализ обширной статьи Н. М. Виноградовой. Однако ее непредвзятые читатели должны согласиться с тем, что вся она, по сути, посвящена ответу на поставленный мной выше, применительно к рассуждениям П. И. Лященко, вопрос о том, каким числом процентов можно измерить «непригодность», пусть и «неполную», имеющейся урожайной статистики, в том числе и волостной.

Ведь задача Виноградовой сводилась к определению того, какой из трех источников *надежнее* других. А задачу выяснить, какой из них *«настоящий»*, она и не могла себе ставить, ибо такового среди них не было изначально. Это было хорошо известно научному сообществу того времени, и, если она взялась опровергать общепринятую точку зрения, то ей следовало мотивировать это более серьезно.

В результате своего анализа она выбрала из трех заведомо недостоверных источников тот, который заслуживает большего доверия, — урожайную статистику ЦСК МВД (с чем я согласен). Но из этого никак не следует мысль о том, что «данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*». Здесь явно не хватает уточнения — «насколько мы можем представить себе действительность по этим источникам».

Да, Н. М. Виноградова определила более качественный, чем два других, динамический ряд данных, но и только! Однако она ничем *не* доказала, что он соответствует «действительности»!

Во-вторых, она не разбирает возражения критиков статистики ЦСК МВД по существу вопроса, а просто постулирует тезис о том, что «в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае». Подобный вывод был бы неоспорим, если бы в ее (и нашем) распоряжении были нарративные источники, его подтверждающие, но как итог *сугубо статистического* исследования он неубедителен. Вспоминается мысль Дж. Коллингвуда о том, что статистика для историка хороший слуга, но плохой господин.

Сам по себе переход от «общепринятого» мнения о «необходимости поправок, и очень значительных» к урожайной статистике ЦСК к утверждению *о полной досто-*

¹ Она же. Русская урожайная статистика// Вестник статистики. 1926. № 1-6. С. С. 99

² Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем. // Избранные труды. Советская экономика в 20-е годы. М., 2000. Кн 1. С. 293.

верности источника выглядит уж очень неожиданным и однозначно требует куда более солидного обоснования, чем то, которое дает Виноградова, притом, что и в рамках ее текста, повторяюсь, это утверждение не кажется вполне логичным.

Виноградова продолжает «оптимистическую» линию в отношении данных ЦСК, начатую Грассом и Фортунатовым и поддержанную П. Лохтиным и Ляшенко, и повторяет аргументы Лохтина, подводя определенную статистическую базу под идею о том, что писари как исполнители были не так уж и плохи. Они давно несли государственные обязанности, в которые входило и предоставление статистики вышестоящим инстанциям, следовательно, они привыкли это делать, механизм был уже отлажен и т. п.

Спора нет — и механизм был отлажен, и статистику «наверх» они подавали десятилетиями, хотя само по себе это слабая гарантия ее надежности. Вопрос в том, **как** они делали это? Можно ли говорить о том, что и остальные свои «государственные» обязанности они выполняли «доброкачественно»?

Ясно, что о всех писарях примерно в 15 тысячах волостей мы судить не можем, но можем использовать свидетельства компетентных современников о том, что для них было очевидно и понятно.

Не могу сказать, что дореволюционная литература подтверждает мысли Виноградовой. Совсем наоборот.

1.1.5. И все-таки она недостоверна! — 3: волостные писари как гаранты репрезентативности русской урожайной статистики

В 1887 г. К. Ф. Головин, рассуждая о том, что община вовсе не спасает крестьянство от пролетаризации, писал: «Статистических сведений о числе безлошадных дворов по губерниям у нас чрезвычайно много. И как оно всегда бывает с нашей статистикой, сведения эти довольно разноречивы... Наша статистика, и правительственная и земская, в конце концов, не может обходиться без просвещенного содействия волостных писарей; а всем достаточно известно, до какой степени эти почтенные деятели фантазируют, когда им приходится отвечать на официальные запросы. До какой степени перепись скота и лошадей дело нелегкое, даже при полной добросовестности исследователей, мы видим из отчета г. Армфельда о скотоводстве во Владимирской губернии Г. Армфельд приводит четыре различные цифры о числе голов рогатого скота в этой губернии. И крайнее колебание этих цифр превышает 100000 голов»¹.

В 1895 г. тот же автор констатирует: «Статистика вообще очень неверное зеркало экономического быта, а там, где она вынуждена полагаться на показания волостных писарей, ей нельзя доверять и подавно»².

Возможно, кто-то упрекнет Головина в чрезмерно строгих оценках деловых качеств последних. Однако с ним солидарны многие современники.

Так, Б. Н. Чичерин не раз упоминает «официальные сведения, собранные волостными правлениями и часто вовсе не соответствующие действительности»³, «мнимые статистические сведения, собираемые через волостные правления или сочиняемые в канцеляриях губернаторов, и официальные отчеты, в которых все обстоит благополуч-

¹ Головин К. Ф. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 153–154.

² Он же. Мужик без прогресса или прогресс без мужика. СПб., 1895 г. С. 71.

³ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., ГПИБ. 2002. С. 56–57.

но, тогда как действительность представляет картину совершенно противоположного свойства»¹.

Волостные писари, исключая Н. М. Астырева, вообще не являются положительными героями литературы того времени, будь то воспоминания С. Т. Семенова «25 лет в деревне» (за одним, впрочем, изъятием) или специальная монография Н. К. Бржеского «Недоимочность и круговая порука сельских обществ». Из нее, например, никак не заметна озабоченность писарей, в основном занятых своими житейскими проблемами, предоставлением каких бы то ни было качественных статистических материалов. Напротив, через всю книгу проходит мысль о «полной беспорядочности», о «крайне беспорядочном состоянии», о «запутанности» податного счетоводства вследствие ли «безграмотности старшин», или же того, что «взимание податей существенно зависит от волостных писарей — людей часто весьма мало пригодных»². А ведь податное дело априори было куда более важной сферой деятельности волостных писарей, чем ведомственная статистика урожая.

В 1901 г. один из податных инспекторов Саратовской губернии отмечает, что «в течение прошлого года при применении нового податного закона приходилось считаться с некоторыми весьма важными неудобствами... Первое неудобство — это крайне неудовлетворительное ведение во многих селах податного счетоводства, что служит источником значительной путаницы в лицевых счетах и тормозит нормальный ход податного дела. Практика показала, что ни сельский староста, ни сборщик податей в большинстве случаев в силу своей безграмотности не могут вести лицевых счетов, той обязанности, которая на них возлагается новым законом.

Возложить эту обязанность на волостное правление, и без того заваленное всякого рода работой, — опять таки — не представлялось никакой возможности. Вследствие этих причин пришлось отступить от прямых указаний закона. Таким образом, сельское податное счетоводство практически очутилось в руках сельских писарей.

В целом это — единственные лица, от которых можно требовать более или менее сознательного отношения к делу. К сожалению, контингент сельских писарей комплектуется крайне небрежно из лиц малограмотных, сомнительной репутации, пьяниц и т. п. Крайне мизерное вознаграждение этих лиц, а также неудовлетворительное служебное положение является причиной этого явления»³.

В 1906 г. другой податный инспектор этой же губернии не без сарказма констатирует: «Наш крестьянин, очевидно, еще не ясно определяет значение и ценность труда полуграмотного и нетрезвого писаря по сравнению с трудом подготовленного, аккуратного и трезвого человека, который конечно, не пойдет работать за 8–10 руб. месячного вознаграждения, между тем увеличивать таковое вознаграждение сельским писарям до 20–25 руб. в месяц сельские сходы находят невыгодным»⁴.

В 1901 г. известный статистик Н. Осипов представил Статистическому совещанию при Министерстве финансов свой проект реформы урожайной статистики, который по распоряжению председателя этого совещания был опубликован в брошюре «К вопросу о статистике урожая». Это тот самый проект, о котором упоминает Д. Н. Иванцов.

¹ *Он же*. Курс государственной науки. М., 1894. Т. 3 С. 333.

² *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897. С. 215, 240, 251 и др.

³ РГИА. Ф. 573, Оп. 25. Д. 1032. Л. 86об-87.

⁴ Там же. Л. 54.

Реформа должна была основываться на коренном изменении самой системы сбора различными ведомствами местной статистической информации через волостных писарей. Соответственно, автор, с одной стороны, должен был продемонстрировать недостатки статус-кво, а с другой, убедить читателей, что предлагаемое им преобразование возможно. Сейчас нас больше интересует первое.

Оценивая проблемы урожайной статистики в целом, Осипов говорит, что даже в странах Запада сведения о посевах и урожаях «крайне неточны». В подтверждение этой мысли он приводит мнение статистика Конрада, вообще усомнившегося «в полезности статистики урожая». А ведь на Западе они собираются в «до бесконечности» более легких, в сравнении с Россией, условиях, прежде всего, за счет неизмеримо меньшей территории и несравненно более высокой культурности населения.

Неудивительно, принимая во внимание те условия, в которые поставлена российская урожайная статистика, «что статистика посевов и урожаев является у нас крайне неточной и — по нашему глубокому убеждению — должна таковою оставаться еще долгое время — до тех пор, пока не изменятся те условия, неизменным результатом которых эта неточность является»¹.

Что же это за условия?

«Огромность и разбросанность культурного пространства, миллионы и даже десятки миллионов независимых сельских хозяев, их почти поголовная неспособность дать письменные ответы на письменные же вопросы, наконец, собиранье сведений о посевах и урожае хлебов главным образом **для правительственных целей**—таковы коренные условия организации статистики посевов и урожаев в России, условия—очевидно непохожие на западноевропейские и североамериканские и игнорирование которых может привести к совершенно напрасной трате сил и материальных средств без достижения цели»².

Вместе с тем автор считает, что недостатки нашей статистики постепенно могут быть устранены, но для этого нужна разумная реформа и время (возможно, не один десяток лет).

Осипов называет 4 пункта, на которых базировалось мнение исследователей о занижении величины урожая:

«1). Сведения об урожае собираются волостным правлением — учреждением, имеющим близкое соприкосновение с органами фиска и потому не располагающим население к откровенности в отношении размеров его благосостояния, главным определителем которого является урожай.

2). Заведомая небрежность волостных писарей в составлении всякого рода сведений, вследствие которой всего вероятнее ожидать пропусков, чем прибавлений.

3). Отсутствие у населения записей о площадях посевов и урожаев, вследствие чего, даже при желании населения дать добросовестные показания и при полной аккуратности волостных писарей, все-таки возможны по причине естественной забывчивости более или менее крупные пропуски в площадях посева, ведущие, конечно, к преуменьшению урожая.

4). Наконец, нет никаких поводов ни у населения, ни у волостных писарей преувеличивать показания об урожаях.

Что касается до частных владельцев, которые сами доставляют полицейским чинам сведения об урожае, то к ним, за немногими исключениями, вполне применимы пп. 2, 3

¹ Осипов Н. К вопросу о статистике урожая... С. 19.

² Там же. С. 15.

и в значительной степени — по крайней мере к мелким землевладельцам из недворянских сословий — п. 1. Случаи, когда частные владельцы преувеличивают достоинство своих земель, очень немногочисленны вообще — это именно при закладе и при продаже земель — и притом не имеют никакого отношения к ежегодному определению урожаев.

...Можно признать за достоверное, что существующие сведения об урожаях преуменьшены против действительности в более или менее значительной степени; но как велико это преуменьшение — на 10 ли процентов, как полагал Тенгоборский, более или менее — положительных данных на это нет»¹.

Отметим, что упрек в небрежности предъявляется не только волостным писарям, но и землевладельцам — это необычно и заслуживает внимания.

Содержание пунктов 1-го и 4-го раскрывает следующая мысль Осипова: «Регистрация (сведений об урожаях — *М. Д.*) в глазах населения долгое время, если не навсегда, сохранит **фискальный характер**; да и в действительности она, без сомнения, имеет таковой оттенок, так как, в конце концов, главнейшая ее цель — по крайней мере в России — заключается или в определении податной силы населения... или в выяснении продовольственных потребностей. Далее, какие бы формы ни были придуманы для регистрации... все-таки регистрация эта будет вторжением в частнохозяйственную жизнь населения, которое равно неприятно как для регистраторов, так и для населения; и это последнее всегда будет относиться к ним, по меньшей мере, недружелюбно»².

Очень интересно его мнение о главных действующих лицах предлагаемой им реформы: «О волостных писарях вообще и, в частности, как статистиках существует столь всеобщее и столь давнишнее предубеждение, что об этом предмете необходимо высказаться с полной подробностью... Старый тип волостного писаря — невежественного, нетрезвого, трусливо-плутоватого, живущего взяточничеством, вымогательством и вообще незаконными доходами, рабски подчиненного всем уездным начальствам и вместе с тем крестьянству — хорошо всем известен»³.

Хотя этот «прежний тип... в настоящее время уже выводится», «тем не менее», — продолжает автор, — «отнодь не следует самообольщаться относительно истинных свойств этого разряда должностных лиц волостного управления. Без сомнения, они далеко выше прежнего; но не подлежит также сомнению, что они далеки и от того, чем бы должны быть».

Все-таки огромное большинство волостных писарей рекрутируется из неудачников на других поприщах службы или деятельности, преимущественно по причине недостаточности образования...

Это представление о волостном писаре... почти никогда не принимается в расчет при требованиях, обращенных к волостному правлению в области статистики, а между тем оно-то и должно быть положено в основу при обсуждении вопроса, какие статистические сведения может — а потому и должно дать волостное правление, и каких, напротив, оно не может дать, а потому, если оно дает их, то о них заведомо можно сказать, что они вздорные, и если могут быть верными, то лишь при особо благоприятных условиях и притом случайно»⁴.

¹ Там же. С. 20–21.

² Там же. С. 47–48.

³ Там же. С. 27–28.

⁴ Там же. С. 28–30.

Дальнейшее изложение подводит читателя к ключевой мысли: «Волостная статистика в настоящее время плоха не потому, что волостной писарь не может быть низшим статистическим агентом, а потому, что она совершенно дезорганизована.

Дезорганизация заключается в том, что многие статистические программы выше интеллектуального уровня волостных писарей, что последние никем не инструктируются, не контролируются и потому совершенно безответственны в отношении собирания статистических сведений; наконец, благодаря тому, что нет ведомства, которое не обращалось бы в волостные правления чрез своих местных агентов, писаря чрезвычайно обременены статистической работой и вынуждены исполнять ее небрежно»¹.

Осипов колоритно описывает обстановку, в которой происходит статистическая деятельность волостных писарей.

Почти во всех министерствах с удивительной легкостью и быстротой составляются разнообразные статистические программы, большая часть которых просто непонятна волостным писарям «вследствие невозможности уложить в заранее придуманную программу все разнообразие жизненных явлений...

О добром старом времени рассказывается случай, что на вопрос одной программы: «каковы в данной местности фауна, флора и климат» получился убежденный ответ: «ни флоры, ни фауны нет, а вместо климата — один только зной палящий». Весьма вероятно, что это — статистический анекдот, о котором, однако, можно сказать: *Si non e vero, e ben trovato*»².

Осипов приводит конкретный пример программы для сбора сведений об общинном землевладении в Сибири, на основании которой писались научные работы. Он лично видел в волостных правлениях черновики ответов на вопросы этой программы, сам собирал аналогичные сведения, и «может удостоверить, что ничего похожего на действительность он в этих черновиках не нашел. И причина этого была совершенно ясна и понятна: волостной писарь в программе ровно ничего не понимал. Он видел перед собой слова и предложения, но смысла их не понимал — не понимал самого первого слова этой программы: «община» — слово, которое нигде, кроме науки и литературы, не употребляется. Обязанный отвечать на поставленные вопросы, он в каждое слово их влагал, после долгих догадок и обдумываний, свой собственный смысл и на него-то уже писал ответ, в котором чувствовалось что-то похожее на действительность, но что ни в каком случае не было ею и на чем, конечно, нельзя было делать ни выводов, ни обобщений, ни заключений, потому что все это, взятое в общем, было, в сущности, какой-то фантазмагорией»³.

До сих пор, пишет автор, к волостным правлениям постоянно обращаются с вопросами, которые превышают «их обычный интеллектуальный уровень». Беда, однако, в том, что «от этих безрассудных статистических требований страдают» не только те, кто придумывает эти программы, — «страдает вся статистика, базируемая на волостном писаре. Отвечая решительно на всякую программу и видя, как все это сходит с рук, волостной писарь, сначала с уважением относящийся к статистическим программам, **постепенно делается развращеннейшим (sic!) в статистическом отношении существом (!)**: для него нет трудностей, нет неисполнимых программ, нет недобываемых сведений. И если бы он получил вопрос определить, «какое, примерно,

¹ Там же. С. 72.

² «Если это и не правда, то хорошо придумано» (*ит.*). Там же. С. 30–31.

³ Там же. С. 31–32.

число лучей, падающих на землю от Сириуса, приходится на каждого жителя N-ской волости», то он нимало не затруднился бы ответить на этот вопрос».

Мнение Осипова живо перекликается с воспоминаниями Н. М. Астырева, служившего волостным писарем в Воронежской губернии в 1881–1884 гг.: «Волостной писарь — это связующее звено крестьянства со всеми и со всем, что похоже на начальство; все, что имеет что-нибудь приказать, предписать, объяснить, объявить, все, кто нуждается в какой-нибудь справке или цифре, — все эти и все это обращается в волость, т. е. к волостному писарю как единственному источнику, могущему доставить все необходимое.

Земская управа спрашивает, сколько уродилось хлеба, сколько его будет поедено и сколько останется; казенная палата — каков оборот на ярмарке; крестьянское присутствие — каковы мотивы, вызывающие переселение; исправник — каковы причины обеднения населения, сопряженного с возрастанием недоимок; губернский статистический комитет — нет ли в пределах волости каких-либо антиков, курганов и т. п.; кто-нибудь из них, или все вместе — каковы могут быть заработки населения в виду постигшего край неурожая, и проч., и проч...

В волостном правлении ведутся дела из областей ведения шести министерств — внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ; и только благодаря отдаленности иностранных держав и окияновморей от волостных правлений центральной России (об окраинах судить не смею), их не касаются министерства иностранных дел и морское...

И все эти сорок шесть — я на досуге как-то сосчитал — начальственных мест и лиц требуют верных, точных и, главное, немедленных исполнений и донесений о предметах самых разнообразных; понятно, что одному человеку, к тому же никогда не слышавшему о статистике, экономике, археологии, гигиене и проч., не разорваться, и поэтому к делу он относится самым формальным образом.

Если приходит предписание, на которое ответа не требуется, то оно спокойно подшивается «к делу»; если предписание требует ответа об исполнении, то до подшита его к делу берется бланк и пишется донесение: «во исполнение предписание в(ашего) (высокородия, имею честь донести» и проч., — словом, что все исполнено»¹.

Осипов, имевший «очень много... дела с волостными писарями», говорит, что «первое, что нужно было сделать, чтобы пользоваться их услугами, — это искоренить в писаре убеждение, что он может доставить какие угодно сведения. Нужно было сначала до осязательности ясно показать писарю, до какой степени «не просто» дать ответ на самый простой вопрос, например, о числе дворов или домохозяев в данном селении? Чего, кажется, проще — а между тем сколько недоразумений может быть из-за этого коротенького, в 5 букв, словечка.

Во-первых, число дворов (домохозяев) можно считать соответствующим числу домов — но тогда будут сосчитаны все непринадлежащие к составу данного общества и те из принадлежащих к нему (например, безнадельные семьи), связь которых с обществом ограничивается только наличием собственных жилищ; с другой стороны, пропущены будут крестьяне, живущие почему-либо в чужих домах, в соседних селениях и вообще на стороне, — вообще крестьяне, не имеющие собственных жилищ, но имеющие полное право именоваться «домохозяевами», так как, получая от общества наделы и отбывая все натуральные и денежные повинности, самостоятельно распоряжаясь своей землей и имеют право присутствовать на сельских сходах.

¹ Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 136–137.

Во-вторых, число домохозяев может пониматься в смысле административно-податном, т. е. как число лиц, получающих от общества землю, отбывающих все повинности и участвующих в самоуправлении; но тогда будут пропущены все двory, имеющие жилища, но отказавшиеся от своих наделов или лишенные таковых по постановлению сельского схода; пропущены будут, далее, двory, находящиеся в долговременной отлучке и сдавшие свои наделы односельчанам с обязательством платить все денежные сборы и отбывать службы и натуральные повинности. Затем, могут возникнуть частные вопросы — считать ли за два двора разделившихся фактически домохозяев, но раздел коих не утвержден в установленном порядке? Считать ли за двор вдову, имеющую усадебную оседлость и один лишь сенокосный надел и т. д. и т. д.

Словом, это маленькое словечко «двор» может поставить в тупик самого опытного регистратора, а между тем в какой программе нет графы о числе дворов? И до сих пор не существует правильной цифры числа домохозяев, потому что один писарь берет это число из страховой тетради, другой — из податной тетради, третий — из списка домохозяев, имеющих право голоса на сходе, четвертый составляет из этих трех цифр новую и т. д.

Вышеприведенный вопрос, будучи в высшей степени простым и ясным, когда его писарю объяснят (или когда это из самой программы очевидно), дает образец того, с какой осторожностью надо задавать даже элементарнейшие вопросы, не говоря уже о сколько-нибудь сложных, превышающих или степень умственного развития писарей, или их образовательный уровень»¹.

Пример, как можно видеть, из ряда весьма впечатляющих.

Писарей необходимо отучить от «зловредной мысли, что статистика не требует ни ума, ни знания и есть не что иное, как только разграфленная бумага, наполненная цифрами, которые могут обозначать что угодно». Именно с этого нужно начинать исправление волостной статистики².

Пока же существует «такое нелепое положение, что несколько ведомств, получив от подчиненных им органов различные донесения об одном и том же явлении, например, об урожае, вступают между собой в пререкания, взаимно стремясь опорочить цифры другого ведомства» (с этим сюжетом историография, кажется, не знакома).

Единственным источником информации для всех них (кроме корреспондентов МГИ) является волостное правление.

Казалось бы, сведения «должны бы быть тождественны».

А между тем это не так, во-первых, из-за различия в формах анкет, а во-вторых, по причине «небрежности или недальновидности волостных писарей: **аккуратный или умный писарь всегда будет подгонять** (что, впрочем, не всегда возможно) **сведения к первоначально посланным им куда-нибудь сведениям, небрежный писарь будет их выдумывать, а недальновидный — вновь собирать по новой форме**».

И разницей между сведениями разных министерств об урожае, и «шаткость этих сведений» вытекают также из того, что волостное правление, буквально заваленное «всевозможными статистическими требованиями», одновременно «лишено всякого живого инструктирования по этой части». Все вышестоящие инстанции считают себя вправе требовать любые сведения, но инструктировать волость в этом отношении полагают не обязательным.

Кроме того, практическое отсутствие контроля и ответственности волостных пи-

¹ Осипов Н. К вопросу о статистике урожая... С. 33–34.

² Там же. С. 36.

сарей за представленную информацию также не идут на пользу делу. Простота и понятность статистических программ, даже и «хорошо разъясненных исполнителям», все равно не гарантируют успеха: «Как показывает всеобщий опыт, можно ожидать ошибок, происходящих от тупости или недобросовестности исполнителей. Контроль в статистике столь же полезен, как и во всяком деле, хотя бы даже он не давал непосредственно-осязательных результатов — самое бытие его уже полезно, возбуждая в тупых усилия понять дело, а в недобросовестных — исполнительность. **В настоящее время волостной писарь что захочет, то и напишет, и ошибки его будут замечены разве в том случае, если он площадь измерит часами, а время аршинами.** Какие бы сведения волостные правления ни доставили—они без проверки подсчитываются в том учреждении, которое их требовало, без всякой гарантии какого бы то ни было сходства этих сведений с действительностью. Само собой разумеется, что одно это обстоятельство способно деморализовать даже добропорядочных волостных писарей и в значительной степени парализовать благие последствия осуществления двух первых условий упорядочения волостной статистики»¹.

Хотя волостные правления обременены сбором различной статистики, но «в лестнице обязанностей волостных писарей» эта обязанность «считается очень второстепенной». Им важно вовремя представить необходимые сведения, и они «заботятся лишь о чистоте переписки, — смотря по начальству, которому сведения должны быть представлены. **Что же касается до верности самых цифр, то об этом писаря всего менее заботятся, и они верны лишь постольку, поскольку вообще это возможно при нынешнем состоянии волостной статистики**»².

Н. М. Астырев поступил на службу в 1881 г., когда ЦСК МВД впервые разослал на места опросные листы для получения сведений о посевных площадях под различными культурами, и, видимо, чаще отвечал на запросы других ведомств о величине сборов. Его описание методики сбора данных об урожаях весьма колоритно: «Если, наконец, требуется (от волостного писаря — М. Д.) обстоятельное донесение с цифрами и проч., то половина их нахватывается из прошлогодних дел, а половина присочиняется сообразно обстоятельствам.

Требуются, например, сведения об урожае; писарь как местный житель видел при разъездах и слышал из разговоров в «Центральной Харчевне», что «рожь ноне ни лучше, ни хуже прошлогодней, овсы погорели, а проса слава Богу». Недолго думая, он берет донесение об урожае прошлого года и смотрит, как велики там цифры: ржи значилось собранной 29351 четверть — он напишет 29845 ч., овса было 41200 ч., появится 27630 ч., проса было 3823 ч., в новом донесении окажется 4655 ч. и т. п.

Затем будет также «примерно» исчислено, сколько требуется на прокормление людей ржи, картофеля и пшена, а для скота и лошадей — овса и сена, а вычтя вторые количества из первых, нетрудно уже получить математически точные «данные об излишках хлебных запасов по такой-то волости, такого-то уезда, Воронежской губернии»... Идите, пожалуйста, по дворам, поверяйте сами, коли не верите!...

Должен, однако, оговориться; конечно, цифре 29351 ч. нельзя доверять; гораздо более вероятности имели бы цифры с четырьмя нулями; но писаря «не смеют» ставить таких огульных величин, потому что — какая же это выйдет статистика, наука, как известно, требующая особой точности?

¹ Там же. С. 40–41.

² Там же. С. 41–42.

Но как ни смешно писарское остроумие, а совершенно бесполезным его считать нельзя; надо только крайне осторожно относиться к цифрам и брать не столько абсолютные, как относительные их величины, которые в большинстве случаев достаточно верны.

Дело в том, что, благодаря многолетним комбинациям, основные цифры, из которых черпают писаря свои отчеты, сложились довольно счастливым образом и очень недалеко от истины; **умышленно же исказить правду писарям в большинстве случаев нет никакого расчета;** и стараются они обыкновенно производить изменения в прошлогодних данных уже не вовсе с бухты-барухты, а более или менее согласно с действительностью.

Был, например, урожай ржи в прошлом году сам-8, как значится в ведомости волостного правления; в действительности-то, Бог его знает, может быть, он был сам-7, а, может быть, сам-9, но дело в том, что центральному учреждению, собирающему справки, уже известно до некоторой степени, каково при данном урожае было экономическое благосостояние населения.

Вдруг писарь, потолковав с Козьмой и узнав, что у него копна дает ноне только 2,5 меры, когда в прошлом году давала 5 мер, и с Трофимом, у которого рожь вышла еще хуже, дав только 2 меры с копны, — вдруг писарь уменьшает цифру урожая до сам-3,5. Кто его знает, как оно выйдет в общей сложности; может быть, сам-3,5, может быть, сам-2,5, а может быть, сам-4, но дело в том, что урожай нынешнего года несомненно ниже прошлогоднего, и можно даже с уверенностью сказать, что он около двух раз менее прошлогоднего.

Соображаясь с другими данными, которые у собирателя сведений имеются, конечно, под руками, можно-таки, по-моему, прийти к какому-либо заключению, очень недалекому от истины, о затруднениях, которые придется переносить населению при нынешнем неурожае»¹.

Отметим, помимо явной интонационной близости описаний Астырева и Осипова, два момента. Во-первых, мнение автора о том, что в большинстве случаев волостные писари не заинтересованы в умышленном искажении правды (если таковой может считаться обрисованная Астыревым ситуация). Во-вторых, в описываемое им время стратегия правительства в отношении продовольственной помощи была ровно противоположной той, которая начала доминировать с 1892 г. В то время «всякая идея безвозвратных пособий, даровой кормежки, самым энергическим образом отвергалась — население получало ссуды под ответственностью земств, которым было предоставлено их распределение среди нуждающихся, — и фактически их возвращало»². Однако с 1891–1892 гг. ситуация изменилась, и, как мы уже знаем, степень заинтересованности в «искажении правды» у волостных писарей значительно повысилась.

Осипов в 1901 г. пишет, что ЦСК сейчас «с величайшей поспешностью и с таким же количеством ошибок» выпускает ежегодно два издания с урожайной статистикой. Для большей оперативности он «получает все сведения о посевах и урожаях непосредственно от волостных правлений и чинов уездной полиции. **Сколько в этих листочках пишется вздору — это хорошо известно** не только Центральному Статистическому Комитету, не только лицам, занимающимся сельскохозяйственной статистикой, но всем землевладельцам, всем становым, всем волостным писарям»³.

¹ Астырев Н. В волостных писарях... С. 137–138.

² Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 1. С. 96–97.

³ Осипов Н. К вопросу о статистике урожаев... С. 71, 67.

Информация об урожае «озимовых» поступают в ЦСК к 15 сентября, а об урожае яровых — к 15 октября. Но к этому времени «получается лишь сырой и непроверенный материал; худо ли, хорошо ли, но Центральный Статистический Комитет делает этому материалу некоторую проверку в том хотя бы направлении, чтобы исключить из подсчета **сведения явно вздорные или прямо нелепые**, на что, конечно, уходит немало труда и времени». После этого ЦСК проводит огромную работу по перемножению площадей на урожаи и по суммированию этих произведений по волостям и уездам¹.

«В результате — когда, на основании таким образом собранного материала, ЦСК начинает делать свои выводы об урожаих, в полученных цифрах является общая неуверенность, не исключая самого ЦСК. Эта неуверенность остается, обыкновенно, без последствий, так как в годы хорошего и среднего урожая к цифрам, публикуемым ЦСК, относятся без должного внимания.

Напротив, в годы неурожая цифры эти подвергаются справедливой критике, получается общая сумятица, и сам ЦСК теряет под собой почву, так как не может опереться на свидетельство местных начальств, мимо которых прошел весь основной цифровой материал и которые, **при малейшем затруднении в продовольственном деле, начинают вновь собирать сведения об урожае, решительно игнорируя сведения ЦСК, который, в свою очередь, и сам не решается на них настаивать**»². В итоге отсутствие местной проверки сведений об урожаих, которая приносится в жертву скорости получения их ЦСК, «лишает их всякой полезности именно тогда, когда они всего нужнее, т. е. в годы неурожая».

Разумеется, слова Осипова не могут поголовно относиться ко всем 15-ти тысячам волостных писарей, среди которых, как мы уже знаем, есть и «аккуратные» и «умные», и «добропорядочные», и те, кто «сначала с уважением относится к статистическим программам», однако тенденцию эти негативные мнения, полагаю, демонстрируют вполне отчетливо.

Проект Осипова относится к 1901 г., однако нет оснований считать, что в дальнейшем ситуация исправилась, о чем мы уже отчасти осведомлены. По окончании продовольственной кампании 1906–1907 гг. МВД затребовало отзывы местных крестьянских учреждений о необходимости реформы продовольственного дела. Отзывы были получены из 23-х губерний Европейской России: «**Почти отовсюду** указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае... При этом указывается **на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей**»³.

В 1915 г. А. А. Кауфман вновь высказывает уже знакомую нам мысль: «Никакими разъяснениями нельзя устранить того несомненного факта, что крестьянину и целому крестьянскому обществу так-таки **выгодно**, или может быть выгодным, давать неверные показания, преуменьшать размеры своей земельной обеспеченности и своего имущественного благосостояния, ибо их показания, без всякого сомнения, **могут** отразиться на размерах обложения, повлиять на исход тех или других земельных ходатайств, предпринять размер продовольственной помощи или отказ в ней и т. п.»⁴.

¹ Там же. С. 69–70.

² Там же. С. 67–68.

³ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 2. Приложение. С. 6.

⁴ Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 466.

В своем учебнике «Теория и методы статистики» Кауфман пишет, что «о крестьянском скотоводстве и земледелии мы получим несравненно более полные и достоверные данные, если прибегнем к специальному, правильно организованному опросу, чем, если обратимся к не представляющим **никаких гарантий достоверности реестрам, которые ведутся в волостных правлениях...** Весьма различною может оказаться степень пригодности материалов вторичной статистики и в зависимости от их характера. **Трудно надеяться извлечь достоверные сведения об урожаях из записей волостных правлений**»¹, поскольку писари, «при достаточной добросовестности, со своей стороны опрашивают некоторое число попадающихся им, так сказать, под руку крестьян».

Но мы уже знаем, что далеко не все писари были добросовестными, а у крестьян не всегда были основания сообщать им правду, не говоря о том, что чаще всего они выступали единым фронтом, когда была возможность получить что-то даром от «начальства».

Уже упоминавшийся В. В. Ковалевский, тогда помощник управляющего Земским отделом МВД, в своем рапорте Министру внутренних дел от 6 ноября 1908 г. отмечает, что в Черниговской губернии «проверка доставленных волостными правлениями сведений путем личного осмотра полей (земскими начальниками — М. Д.) в большинстве случаев не производится. С своей стороны последние ограничивают свою деятельность опросом сельских старост и арифметическим помножением показываемого ими сбора с десятины на количество посева. Благодаря такой постановке дела характеристика урожая дается или в неопределенных выражениях — “плохой”, “средний”, “хороший”, или изображается в цифрах, далеких от действительности»².

В его же докладе о командировке в Оренбургскую губернию в кампанию 1912–1913 гг. говорится, что «при ознакомлении на месте с постановкой продовольственного дела установлено, что статистика волостных правлений о произрастании хлебов в большинстве случаев ведется небрежно и без должного надзора со стороны земских начальников»³.

Еще один пример. В 1912 г. правительственные агрономы, работавшие при Саратовской губернской землеустроительной комиссии, сопоставили, как это очень часто бывало в те годы в разных губерниях, урожаи на показательных полях и в соседних крестьянских хозяйствах. Специфика этого сравнения состояла в том, что агрономы в отчете привели две оценки крестьянского урожая — свою собственную, с одной стороны, и губернской земской управы, с другой. Эти сопоставления занимают несколько страниц.

Автор отчета приходит к следующему заключению: «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожая на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях — по определениям агрономического персонала — со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 г. — на основании сообщений волостных правлений.

Только в двух случаях для ржи и одном для проса средний урожай по статистическим сведениям превышает таковой же по наблюдениям агрономов; во всех остальных случаях (порядка сотни — М. Д.) по отношению ко всем пяти главным хлебам, наобо-

¹ Там же. С. 257.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1908 г. Д. 67. Л. 75-75об.

³ Там же. Оп. 132. 1912 г. Д. 375. Л. 42-42об.

рот, высота среднего урожая по данным статистики гораздо меньше зарегистрированного агрономами урожая на соседних (с показательными) крестьянских полях, причем разница нередко достигает до **100** и даже **150%**...

Приведенный факт, по нашему мнению, **лишний раз подтверждает общеизвестное явление — неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов»¹.**

Явление это действительно было общеизвестным.

Как мы уже знаем, в основе ходатайств о предоставлении продовольственной помощи лежала информация волостных правлений, точнее, волостных писарей. Земские начальники могли принимать ее или не принимать — все зависело от конкретной ситуации в данной местности. Как правило, источники ставят нас перед фактом требования пособий или отказа от них.

Тем ценнее свидетельства, которые раскрывают работу реального механизма предоставления помощи.

Первое из них относится к Тетюшскому уезду в 1897 г. Податной инспектор, чей отчет уже цитировался выше, отмечает, что крестьяне не отнеслись безразлично к перспективе плохого урожая — в отход ушло 16662 человека, или 11,3% сельского населения уезда². Далее инспектор сообщает о том, как он намеревался выполнять свои функциональные обязанности, т. е. собирать подати: «Так как урожай был крайне пестрый не только в разных волостях, но и по отдельным селениям каждой волости, то составление сметных предположений по волостям, как это делается обыкновенно, ни к чему бы не привело, и пришлось определять платежные средства каждого селения отдельно.

Хотя размеры урожая изучены были мною насколько возможно подробно, для чего я объехал несколько раз весь уезд, я тем не менее не ограничился данными, добытыми мною лично, отчасти для более точного определения урожая, отчасти для избежания впоследствии разногласий и пререканий, как с полицией, так и с земскими начальниками, обратился к исправнику и Председателю уездной земской управы с предложением рассмотреть добытые мною данные совместно.

По получении их согласия в Земской управе было образовано совещание из Председателя управы, трех членов, исправника и меня. В двух заседаниях совещание это рассмотрело данные об урожае в каждом селении отдельно, причем обсуждался урожай каждого хлеба отдельно. Исправленные и дополненные в совещании данные были мною препровождены затем к соответствующим земским начальникам на заключение.

Большинство из них согласилось с мнением совещания, некоторые же прислали свои замечания и **возражения, которые, однако, принимались совещанием во внимание тогда только, когда основаны были на сведениях, добытых земским начальником лично, а не через волостное правление.** На основании добытых таким образом данных мною была составлена подробная смета относительно каждого селения, причем приняты были во внимание не только урожай хлебов, но и доход от куроводства, оброчных статей и отхожих промыслов»³.

¹ Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 г. Саратов, 1913. С. 71–72.

² РГИА. Д. 337. Л. 71; Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991, С. 107.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 337. Л. 72об-73.

Такие свидетельства редки — судя по тексту, инспектор был человеком неравнодушным к своему делу, ведь многие его коллеги не утруждали себя подобным образом. Для нас сейчас важно недвусмысленное заявление о том, что совещание, образованное в уездной земской управе, **не рассматривало данные об урожайности, предоставляемые волостными правлениями, как достоверные.**

Второе свидетельство содержится в отчете инспектора 1-го податного участка Хвалынского уезда за 1906 г. Этот документ не вполне обычен — прежде всего в силу выраженного личностного начала, далеко не всегда проявляющегося в материалах такого рода: «Положив перед собою составленные таблицы цифровых сведений годового отчета о причитавшихся окладах разных категорий сборов, поступлениях и оставшихся недоимках — результат своей годовой служебной деятельности, таблицы, далеко не блещущие успехами поступлений, — невольно задумываешься перед изложением объяснительного текста к этим цифрам — собственным — если так позволено будет выразиться, — самосудом и — как бы — является сомнение — использованы ли были все имевшиеся под руками меры и средства, все ли было сделано для того, чтобы было лучше, но пережив заново минувший год — приходится сказать, что сделано было все, что возможно и что требовалось законом, нежелательный же результат получился от исключительно сложившихся обстоятельств.

Постараюсь — так сказать — реабилитировать эти цифры.

Так как объяснительный текст к годовому отчету должен представлять собою обзор отчетного года в хозяйственно-податном отношении — применительно рекомендованной Департаментом окладных сборов программе, в первом пункте которой стоит характеристика урожая хлебов и цен на них, то и приступлю к этому пункту.

Характеристика эта, к сожалению, должна выразиться в весьма кратких словах: минувший 1906 г. дал полный неурожай, в силу же его, а равно — ограниченности запасов хлеба по причине минувших недородов — хотя и держались сравнительно высокие цены на хлеба, но они не могли играть существенной и вспомогательной роли в смысле поддержки средств крестьянского населения — так как продавать было нечего.

Что это факт, не требующий для себя никаких подтверждений, — говорить не приходится, так как Департаменту окладных сборов известно, что населению 1-го податного участка выдавалась и сейчас выдается хлебная ссуда, выдавалась ссуда на обсеменение полей.

Естественно является вопрос — была ли в действительности нужда в этой помощи?

На это приходится ответить, что нужда в помощи была неотложно необходима и в самых широких размерах.

Так как в решении вопроса относительно удовлетворения выяснившейся нужды в продовольственно-правительственной помощи населению 1-го Хвалынского податного участка я принимал личное участие, то позволю себе доложить подробности в решении вопроса об определении суммы, требовавшейся для продовольствия и обсеменения»¹.

Затем инспектор сообщает, что губернское по крестьянским делам присутствие предложило «уездному съезду составить списки нуждающихся в продовольственной и семенной ссудах, а со стороны господина Управляющего Саратовской казенной палатой было предложено податным инспекторам, объехав участки, — определить урожай и выяснить степень нужды, а затем, составив приблизительную смету, — явиться на

¹ Там же. Д. 1037, Л. 124-124об. Стилистика документа сохранена.

общее совещание для **окончательного** выяснения размеров продовольственной и семенной ссуд.

Выполнив порученное, присутствуя на предварительных совещаниях с земскими начальниками при участии командированного чиновника по продовольственной части, — пришлось лично установить небольшое разногласие между г. г. членами совещаний относительно количества уродившегося хлеба, а именно: **дал ли урожай действительно те цифры, которые показывали волостные правления, — или же немного больше.**

В ведомости, своевременно представленной в Департамент окладных сборов об урожае, мною доносилось, что с крестьянских земель, с 54742 десятин — уродилось 158125 пудов, что составляло 2,89 пуда с казенной десятины¹.

Итак, совещание, в котором участвуют земские начальники, податные инспекторы и чиновник МВД по продовольственной части, должно окончательно выяснить необходимый населению объем продовольственной помощи. При этом инспектор, сколько можно судить, уже «своевременно» отослал в Петербург информацию о том, что средняя урожайности на его участке составила 2,89 пуда с десятины, и теперь у членов совещания возникло сомнение в том, что эта цифра верна. Ситуация для инспектора слегка двусмысленная.

Дальнейшее изложение чрезвычайно интересно: «Категорически утверждать, что цифра эта безукоризненна — я не могу, так как вполне убежден, что если бы податной инспектор сам лично имел возможность произвести по одному пробному умолоту в каждой деревне своего податного участка — и взять среднюю этих цифр, то и тогда эта цифра не была бы строго справедливой, так как справедливой средней должна быть та цифра, которая взята на основании возможно большего числа слагаемых из одной площади, а не по одному-два от каждой, что практически, конечно, невыполнимо, и поэтому, имея дело с показаниями сведущих добросовестных людей, сопоставляя их с донесениями волостных правлений и своими собственными сведениями, а также показаниями лиц, совершенно незаинтересованных в этом вопросе, — показанная выше средняя цифра урожая 1906 г. близка к истине (в документе логический пропуск — нечто вроде «можно прийти к выводу, что показанная выше цифра...» — М. Д.).

С другой стороны, если признать, что цифра эта в данный год заслуживает неполного доверия, считаясь с **несомненной тенденцией понижать цифры урожая, когда это, по известным соображениям, выгодно для населения** той или другой волости, допустив даже уменьшенное для сгущения красок уменьшение **хотя бы вдвое**, то и эта цифра урожая может быть поднята до 6 пудов в общем для всех хлебов (ржи-пшеницы), но никак до 10 пуд., как о том говорилось некоторыми г. г. членами, так как, во-первых, свои соображения они обосновывали на экстренном объезде целого уезда в 7–8 дней и, во-вторых, судили о могущем быть результате после прошедших дождей, а такое поверхностное обследование с тарантаса, хотя и около опытных посевщиков, и гадательное предположение, которое к тому же страдало неточностями (дожди прошли не всюду, не в одинаковом количестве, а, главное, засуха картину после изменила), — едва ли может конкурировать с показаниями волостных правлений.

Выяснение этого вопроса было весьма важно, приходилось подсчитать — сколько каждый из крестьян получил от своего поля, насколько ему хватило своего хлеба и

¹ Там же. Л. 125.

сколько потребуется ему дать из продовольственной ссуды, в общем, вопрос сводился к экономии, тем более, что приходилось считаться с максимумом, который мог быть отпущен на продовольствие и обсеменение, другими словами, с рамками, из которых выходить не представлялось возможным.

Имея сведения, собранные лично, а также и участниками уездного съезда, списки, из которых, по возможности, были исключены все сомнительные и ненуждающиеся, предварительная сумма для вверенного мне податного участка была определена в размере 747400 пуд. для продовольствия и 159440 для обсеменения»¹.

Нетрудно видеть, что перед нами документ в некотором роде уникальный. Из возможных выводов, которые он позволяет сделать, важны, на наш взгляд, следующие:

1. Как следует из текста, получить «безукоризненные» данные об урожайности в конкретных условиях жизни тогдашней российской деревни «практически, конечно, невыполнимо», и вся информация, которой мы располагаем, приблизительная, о чем говорилось выше.

2. В данном случае инспектор доверился волостным правлениям, сопоставив их данные с «показаниями сведущих добросовестных людей, сопоставляя их ... с(о) своими собственными сведениями, а также показаниями лиц, совершенно незаинтересованных в этом вопросе»; кто эти «люди» и «лица» — мы не знаем.

3. При этом — **что особенно важно для нашей темы** — он признает за волостными правлениями «несомненную тенденцию понижать цифры урожая, когда это, по известным соображениям, выгодно для населения той или другой волости».

4. В силу этого в данном случае инспектор готов допустить, что «для сгущения красок» величина урожая уменьшена «хотя бы вдвое», т. е. с 6 до 2,9 пуд., но никак не в 3,5 раза, что бы ни говорили другие участники совещания, которые наблюдали поля «с тарантаса, хотя и около опытных посевищиков», т. е. людей также «сведущих» и вряд ли заинтересованных — как и те, кто был согласен с данными волостных правлений.

5. Как можно видеть, элемент субъективности во всей этой истории (и сотнях подобных, о которых мы не знаем), несомненно, был весьма силен. К тому же нет уверенности в том, отстаивал ли инспектор свое мнение из самолюбия или других мотивов такого рода, или же просто хотел помочь крестьянам, зная о жестких рамках, в которые была поставлена в данном случае продовольственная помощь.

6. Отметим также, что не всегда и не везде вопрос о продовольственной помощи решался быстро и легко, как в Свяжском уезде в 1897 г. Не все представители администрации разных уровней были склонны доверять статистическим сведениям с мест.

Кажется, в этой истории еще не все ясно. За скобками остается вопрос о том, зачем инспектор рассказывает всю эту историю начальству, когда дело уже явно сделано?

* * *

Почему-то эта «общеизвестная» и «несомненная» тенденция волостных правлений занижать урожайность Н. М. Виноградовой просто игнорируется без всяких объяснений, равно как и другая приведенная выше аргументация, хотя, как минимум, с частью ее она, безусловно, была знакома. С одной стороны, это и понятно, поскольку данные свидетельства показывают явную несостоятельность ее тезиса о «достаточно надеж-

¹ Там же. Л. 125–126.

ном аппарате волостных писарей». Но, с другой стороны, лично для меня во всем этом есть безусловная странность.

Напомню о трех категориях людей, работающих со статистикой.

Для двух первых статистика — источник сведений, необходимых либо для удовлетворения своей любознательности, либо для выполнения «личного» или социального заказа. Исходя из этого, Д. Иванцова, например, я отношу к первой категории, а П. Лященко в 1908 г. — ко второй.

При этом в обоих случаях речь идет о людях с повышенной степенью *личной* заинтересованности, сейчас неважно, по каким мотивам.

Но есть и третья категория тех, кто пользуется и пользовался статистикой. Они по роду деятельности должны были применять свои навыки в обработке статистических материалов, ибо такова их профессия.

Они приходили на службу, допустим, в середине и второй половине 1920-х гг. «в Главк», и за жалованье должны были подсчитывать что угодно — от импорта грузов через Ленинградскую таможню и добычи угля в Сталино, например, до урожаев в Ульяновской и Центрально-Черноземной областях и т. д. По роду своей деятельности им приходилось также иногда сравнивать эти данные с ввозом товаров через таможню Санкт-Петербурга, добычей угля в Юзовке и урожаями в Симбирской, а также Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях в 1913 г.

Мало того, что при этом им приходилось тысячи пудов переводить в тонны, — ведь в случае с урожайностью нужно было еще учитывать, какие уезды после 1917 г. отрезали от указанных губерний или включили в них. Несложно представить, что в этих условиях пересчет валовых сборов с дополнительной поправкой мог вызывать у множества статистиков, работавших в советских экономических учреждениях, элементарную идиосинкразию. Тем более, что в 1920-е гг. эти данные потеряли житейскую, повседневную, если так можно выразиться, актуальность и, по большому счету, после 1917–1922 гг. не были важны — Та жизнь ушла. Этим людям, безусловно, было удобнее открыть источник и просто брать оттуда цифры. Тут, конечно, тоже есть личная заинтересованность, но в несколько ином варианте.

Разумеется, я не настаиваю на этом предположении, но, думаю, что оно имеет право на существование именно как предположение. Лично я склоняюсь к нему, потому что, на мой взгляд, исследовательский уровень Виноградовой сам по себе и вся стилистика ее статьи не предполагают такого неожиданного и как бы нарочито скомканного вывода о «надежности» волостных писарей.

Как будто виртуоз вышел на сцену и закончил «Кампанеллу» «Собачьим вальсом».

С этой версией логически связана еще одна.

То, что зрелая советская историография не испытывала потребности в правдивой дореволюционной урожайной статистике, понятно. Но, может быть, уже в 1925 г. в связи с надвигающимся построением социализма в «одной отдельно взятой стране» повышенные сборы зерна в конце XIX — начале XX вв. тоже начали кому-то мешать? Было ли это эпизодом известного противостояния между Госпланом и ВСНХ, или чего-то в этом роде?

Пока это неизвестно. Но помнится, что в советское время вот так — выходом одной категорической, «приговорной» статьи — нередко заканчивались дискуссии по острым вопросам. В любом варианте — даже если это и не входило в планы Виноградовой — здесь был именно такой случай.

Советская историография после ее статьи перестала сомневаться в достоверности данных ЦСК МВД. Б. Н. Миронов показал, как влияли «идеологические» моменты на обсуждение проблем урожайности на примере, в частности, дискуссии о губернаторских отчетах¹.

Разумеется, не случайно, что в наши дни идея о *полной* достоверности урожайной статистики снова возникла из небытия, когда оказалась востребованной пессимистическая версия причин русских революций. Понятно, что увеличивающие поправки к статистике урожая ЦСК МВД в нее не вписываются. Ведь тогда другим будет душевное потребление хлеба и фуража, а это такой, на первый взгляд, неотразимый аргумент в пользу квалификации русской революции как голодного бунта, а не как следствия проигрываемой тотальной войны!

Не касаясь «метафизических» аспектов проблемы абсолютной достоверности, хочется, перефразируя К. Ф. Головина, спросить: «Неужели есть люди, серьезно верящие, что существует точная регистрация хлебного производства на всем пространстве необъятной России?»

Неужели в профессиональном сообществе нужно всякий раз специально доказывать, что изучаемые масштабные процессы фиксируются лишь на уровне тенденции — больше или меньше?

Видимо, нужно.

Подведем некоторые итоги.

Урожайная статистика ЦСК МВД, по моему мнению, не является достоверным источником. Но это не значит, что «Пизанскую башню», условно говоря, нельзя выпрямить или хотя бы уменьшить «угол наклона». При *квалифицированном* профессиональном обращении данные ЦСК, безусловно, могут использоваться в исследованиях.

Поэтому мой вывод таков — введение современными авторами (П. Грегори и Б. Н. Мироновым) в проводимых ими исследованиях поправок к сведениям ЦСК МВД об урожаях с источниковедческой точки зрения необходимо и оправданно.

1.2. Значение экспорта в хлебной торговле России конца XIX — начала XX вв.

Рассмотрим структуру хлебного экспорта России в конце XIX — начале XX века.

Таблица 1

Среднегодовой экспорт хлеба из России за 1889–1913 гг. (тыс. пуд.)*

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В среднем за 1889–1893	54534	157357	65543	49043	3407	2496	332381	42776	375157
В среднем за 1894–1898	78384	210468	107765	59505	4005	4188	464315	69500	533815
В среднем за 1899–1903	83415	160712	91128	62335	4268	9080	410956	81911	492867

¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 279–295.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В среднем за 1904–1908	51035	205238	146593	61289	5142	7832	477127	85344	562471
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В среднем за 1909–1913	39995	258776	227014	66429	7253	7195	606644	121086	727730

Источники: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922; Лященко П. И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.

То же в процентах к общему вывозу:

Таблица 2

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					ржаная	пшенич.			
1889–1903	14,5	41,9	17,5	13,1	0,7	0,9	88,6	11,4	100
1894–1898	14,7	39,4	20,2	11,1	0,8	0,8	87,0	13,0	100
1899–1903	16,9	32,6	18,5	12,6	1,8	0,9	83,4	16,6	100
1904	9,3	43,3	23,4	8,3	1,8	1,0	87,1	12,9	100
1905	8,6	42,1	19,8	18,3	1,0	0,8	90,6	9,4	100
1906	11,1	37,2	25,2	11,8	1,3	1,0	87,6	12,4	100
1907	9,6	28,0	28,2	5,6	1,3	0,9	75,7	24,3	100
1908	6,2	22,2	39,9	7,3	1,5	0,8	77,8	22,2	100
1904–1908	9,1	36,3	26,2	10,9	1,4	0,9	84,8	15,2	100
1909	4,7	41,3	28,8	9,8	0,9	0,8	86,2	13,8	100
1910	4,8	44,1	28,8	9,9	0,8	0,6	89,0	11,0	100
1911	6,5	29,2	31,9	10,3	1,2	0,9	80,0	20,0	100
1912	5,5	29,2	30,6	9,4	1,1	1,2	76,9	23,1	100
1913	6,1	31,2	36,8	5,6	1,1	1,5	82,3	17,7	100
1909–1913	5,5	35,6	31,2	9,1	1,0	1,0	83,4	16,6	100

Из таблиц 1–2 следует, что вплоть до предвоенного пятилетия пшеница с большим отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, но доля в хлебном экспорте постепенно падала: с 42% в 1889–1903 гг. до 29–31% в 1911–1913 годах. Экспорт муки был незначителен, что отражало определенную — до поры — неразвитость России в этом отношении. Например, США до 50% своего хлеба вывозили в виде муки, что, конечно, стоило дороже.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям, и к началу Первой Мировой войны ячмень стал главной экспортной культурой страны.

Вывоз ржи устойчиво снижался и по абсолютной величине, и в относительном выражении с 16,9% в 1899–1903 гг. до 5,5% в 1909–1913 гг.

Вывоз овса по пятилетиям растет, но экспорт его наименее стабилен.

Экспорт второстепенных хлебов, большую часть которых составляли кукуруза, отруби и жмыхи, увеличивался как в количественном, так и в относительном выражении. В отдельные годы он превышал 20%.

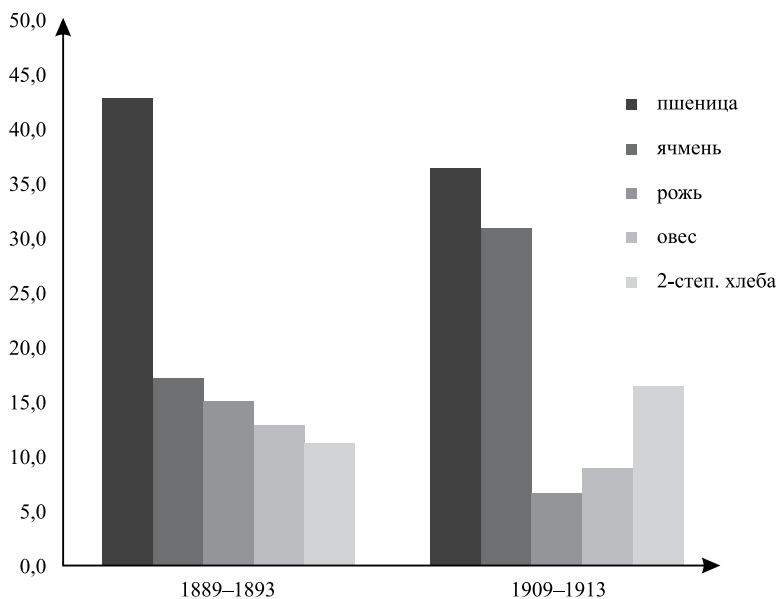

Диаграмма 1. Структура хлебного экспорта России в 1889–1893 и 1909–1913 гг. (%). Источник: см. таблицу 1

Структура хлебного экспорта в 1889–1893 гг.

Структура хлебного экспорта в 1909–1913 гг.

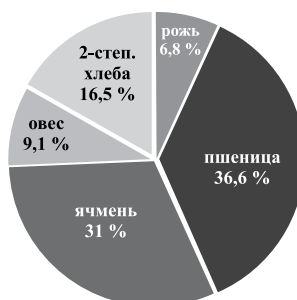

Диаграмма 2. То же

Очевидна явная неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще. Перепады в отдельные годы иногда достигают 300% и более.

Таблица 3

**Соотношение урожаев (63 губернии) и экспорта главных хлебов¹
(тыс. пуд. и %)**

годы	рожь			пшеница			ячмень			овес		
	урожай	экспорт	Доля экспорта от сбора	урожай	экспорт	Доля экспорта от сбора	урожай	экспорт	Доля экспорта от сбора	урожай	экспорт	Доля экспорта от сбора
1893	1119282	37053	3,3	709718	160455	22,6	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	1342544	85671	6,4	697675	209762	30,1	351272	153139	43,6	673910	94395	14
1895	1215225	95541	7,9	626017	242752	38,8	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	1190026	83717	7,1	606512	224633	37	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	969889	78837	8,2	475589	218327	45,9	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	1107297	71418	6,5	678029	183564	27,1	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893–1898	1157377	75373	6,6	632257	206582	32,7	354863	108342	30,5	620992	59055	9,5
1899	1365292	67097	4,9	653989	112224	17,2	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	1401717	104063	7,5	657550	122979	18,7	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	1145822	92692	8,1	667132	143853	21,6	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	1387010	109395	7,9	931437	190701	20,5	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	1364438	94273	7,0	916678	262372	28,6	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899–1903	1332856	93504	7,1	765357	166426	21,7	364115	91128	25	696888	62335	8,9
1904	1516554	73377	4,9	1033855	289368	28	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	1098970	67588	6,2	944168	301726	32	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	990394	73725	7,5	749260	228184	30,5	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	1200538	52213	4,4	727345	147065	20,2	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	1176490	31775	2,7	812723	94127	11,6	491606	161389	32,8	739447	29374	4,0
1904–1908	1196589	59736	5	853470	212094	24,9	452384	146593	32,4	745505	61289	8,2
1909	1360221	43288	3,2	1182093	322154	27,3	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	1308322	47758	3,7	1162046	381526	32,8	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7
1909–1913	1378941	47990	3,5	1103040	286016	24,3	599216	226994	37,9	869798	66421	7,6

Источники: см. табл. 1.

* Ржаная и пшеничная мука переведены в зерно в пропорции соответственно 90% и 75% процентов выхода муки из пуда зерна.

¹ Ржаная и пшеничная мука переведены в зерно в пропорции соответственно 90% и 75% процентов выхода муки из пуда зерна.

Данные таблицы 3, в которой сопоставляются урожаи и экспорт главных хлебов, позволяют сделать следующий вывод: урожаи продолжали расти, но доля вывоза в урожае всех главных хлебов, за исключением ячменя, уменьшалась, причем иногда и в абсолютном выражении. Реально же процент экспортируемого из страны хлеба был еще ниже — во-первых, потому что урожаи были выше, чем показывает статистика ЦСК МВД, а во-вторых, из-за того, что мы не учитываем сборы в Азиатской России; то есть вывоз хлеба из Томской, например, губернии зафиксирован, а урожаи в ней — нет.

Данные транспортной статистики вполне позволяют конкретизировать вывод о снижении значения экспорта. В конце XIX — начале XX вв. основными поставщиками товарного хлеба на рынок оставались черноземные губернии. Для того, чтобы понять направление эволюции хлебного рынка, я проанализировал данные о железнодорожных перевозках *всех* хлебных грузов и, соответственно, о соотношении вывозного и внутреннего отправления 26-ю черноземными губерниями¹.

Поясню терминологию. Для каждого года у нас есть определенная величина учтенных «Сводной статистикой» перевозок хлеба (или других грузов) по сети русских железных дорог. Это — *общее отправление*. Часть перевозок фиксируется прибытием в пункты, в которых имеются таможни, и этот объем принимается за *вывозное (экспортное) отправление*. Разница между объемом всех перевозок, т. е. общим отправлением, и вывозным отправлением считается *внутренним отправлением*. То же относится и к речным перевозкам.

Среди вывозных пунктов были и обычные железнодорожные станции, маленькие порты, а были и весьма крупные центры, такие, как Петербург, Рига, Ревель, Одесса, Ростов и т.д. Ясно, что часть грузов, прибывавших в такие пункты, потреблялась на месте, но в большинстве случаев мы можем вычленить эту часть только весьма приблизительно. Однако ясно, что потребности Петербурга составляли десятки миллионов пудов хлеба в год. Важно отметить, что, по ряду причин, фиксируемое источниками вывозное отправление каждого из главных хлебов *всегда* меньше величины его экспорта.

Таблица 4

**Среднегодовые приросты отправления всех хлебных грузов
в 1894–1895 гг. (I период), 1901–1903 гг. (II период) и 1908–1911 гг. (III период)**

Район	Общего			Вывозного			Внутреннего		
	II/I	III/II	III/I	II/I	III/II	III/I	II/I	III/II	III/I
ЦЧР	44073	23425	67498	-28	-245	-273	44101	23670	67771
Поволжье	62245	59784	122029	6073	34886	40959	56172	24898	81070
Новороссийский	44504	71534	116038	18720	57277	75997	25784	14257	40041
Юго-Западный	27353	-15614	11739	105	-8204	-8099	27248	-7410	19838
Малороссийский	31675	15069	46744	10539	-3149	7390	21136	18218	39354
Предкавказский	25479	44420	69899	6795	31406	38201	18684	13014	31698
26 губерний	235329	198618	433947	42204	111971	154175	193125	86647	279772
Империя	264932	268591	533523	27411	128824	156235	237521	139767	377288

Источник: Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 167–168, 169.

Сопоставление данных о вывозном отправлении для первого и третьего периодов дает общую картину его эволюции. Как можно видеть из таблицы 4, общий прирост экспортного отправления с 1894–1895 гг. по 1908–1911 гг. составил 156,2 млн пуд. Из

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 162–172.

этого количества 127,8 млн пуд., или 81,8%, приходится на Донскую и Кубанскую области, Екатеринославскую, Херсонскую, Ставропольскую, Самарскую и Саратовскую губернии¹. **То есть экспорт хлеба из России увеличивался в конце XIX — начале XX вв. прежде всего за счет лишь восьми губерний степной полосы.**

При этом в Курской, Орловской, Тульской, Рязанской и всех Юго-Западных губерниях общее снижение экспортного отправления составило 18988 тыс. пуд.

Совсем иная картина возникает при сопоставлении внутреннего отправления в первом и третьем периодах. Его прирост в Курской губернии составил 12035 тыс. пуд. (тогда как абсолютные размеры среднегодового вывозного отправления снизились на 1702 тыс. пуд.); схожая картина наблюдается в Орловской (соответственно 6704 и минус 3170 тыс. пуд.), Тульской (6565 и минус 2402 тыс. пуд.), Рязанской (4863 и минус 765 тыс. пуд.), Киевской (10281 и минус 1505 тыс. пуд.), Подольской (4411 и минус 9444 тыс. пуд.) губерниях. То есть даже в тех губерниях, общее отправление которых уменьшалось, это происходило не за счет внутреннего отправления, а за счет сокращения перевозок в таможенные пункты.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления. Подобная картина наблюдается в таких губерниях, как Харьковская (17393 против 2384 тыс. пуд.), Полтавская (20413 против 4658 тыс. пуд.), Оренбургская (18493 и 5182 тыс. пуд.), Самарская (24924 и 14534 тыс. пуд.), Воронежская (18898 и 6865 тыс. пуд.), Саратовская (24703 и 9800 тыс. пуд.), Тамбовская (18706 и 901 тыс. пуд.), Терская (14334 и 3660 тыс. пуд.). Существенный рост значения внутреннего рынка и падение роли рынка внешнего абсолютно очевидны.

Замедление и даже снижение темпов перевозок хлеба отражает рост плотности населения и вытекающий из него рост местного потребления производимых хлебов. Кроме того, это позволяет говорить о завершении экстенсивного этапа развития зернового хозяйства. Данная ситуация совершенно обычна для всех зернопроизводящих стран. Например, был момент, когда США стали активным экспортером, но затем сократили объем вывоза хлебов, потому что увеличился приток эмигрантов и не было смысла везти хлеб за границу, поскольку он размещался внутри страны.

Таблица 5

**Среднегодовое железнодорожное отправление
всех хлебных грузов (в млн пудов)²**

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1195	545	45,3	650	54,7
1912–1913	1273	515	40,5	758	59,5
1908–1913	1221	527	43,2	694	56,8

Источники: Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог. СПб, 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб, 1914. Ч. 1; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг. Петроград, 1916.

¹ Проведенный анализ (см. Приложение II) де-факто добавляет к ним Таврическую губернию.

² Без перевозок внутри Одесского железнодорожного узла.

Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко не равноценным. Половину всей ржи в стране отправляли только 8 губерний, овса — 7, пшеницы — 5, ячменя — 2 губернии. Это показывает, насколько далеко зашла специализация отдельных губерний на товарном производстве хлебов. Приведенные данные говорят, что соотношение внутреннего и внешнего вывозного рынков — насколько его можно восстановить по железнодорожной статистике — в целом зеркально меняется, в сравнении с концом 80-х и началом 90-х годов XIX века.

Теперь я бы хотел коротко охарактеризовать каждый из рынков главных хлебов.

Пшеница была главной экспортной культурой. В рассматриваемый период мировое производство пшеницы составляло около 6 млрд пуд. Россия, собиравшая в среднем примерно 1 млрд пуд., занимала среди производителей второе место после США. Пшеницей было занято около четверти посевов всех полевых культур, и такую же примерно часть суммарного сбора главных хлебов составлял ее урожай. При этом около трети сбора падало на озимую пшеницу, остальное количество — на яровую.

В 1909–1913 гг. главными производителями пшеницы были Донская, Кубанская области и Самарская губерния, за которыми шли Ставропольская и Новороссийские губернии (но без Бессарабской, где важнее было производство кукурузы). В отдельные урожайные годы к ним примыкали соседние Саратовская, Воронежская, Харьковская, Полтавская, Киевская, Подольская и Бессарабская губернии. Характерно, что к 1909–1913 годам в число зерновых лидеров выходит и Томская губерния, которая активно участвует не только во внутренней российской торговле, но и поставляет часть зерна на экспорт.

В 1909–1913 гг. доля пшеницы в потреблении главных хлебов составляла 28,3% в целом по стране и 24,1% в Европейской ее части. В 34 из 87 губерний на нее приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ потребления, причем 22 из этих 34 губерний располагались в Азиатской России. Две столичные губернии и Ферганская область поглощали 22,1% общего недостатка пшеницы, равного 216208 тыс. пуд., а 22 губернии с нехваткой от 3 до 10 млн пуд. — 56,2%. Более слабая, в сравнении с рожью, концентрация — по числу губерний — нехватки пшеницы отражает, полагаю, относительную ограниченность ареала производства товарной пшеницы, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 492,2 млн пуд. распределялся между 32 губерниями. Почти $\frac{3}{5}$ его концентрировалось в Донской и Кубанской областях и Самарской губернии, 27,6% — в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а 22,4% в пяти губерниях с избытком от 10 до 25 млн пуд. То есть, 89,5% «лишней» пшеницы приходилось на 11 губерний.

В таблице 6 помещены данные о средних сборах, вывозе и остатке пшеницы в стране (урожай минус экспорт), сгруппированные по периодам большей или меньшей урожайности. Колебания сборов, как можно видеть, достаточно велики. Хотя доля вывоза от урожая, на первый взгляд, меняется незначительно, но ее количественное выражение вполне красноречиво. Из сопоставления показателей 1909–1913 гг. и 1897–1901 гг. следует, что из 476,6 млн пуд. среднегодового прироста сборов ушло за границу 112,3 млн пуд., или 23,6% прироста, а 364,3 млн пуд., или 76,4%, осталось внутри страны.

При иной периодизации картина не изменится. В 1893–1898 гг. среднегодовая величина остатка равнялась 425,7 млн пуд., а в 1909–1913 гг. — 834,6 млн пуд., то есть **средний ежегодный остаток пшеницы за эти годы практически удвоился (!)**. Только за десятилетие с 1899–1903 по 1909–1913 гг. он вырос на 39,3%, почти на две пятых.

Таблица 6

**Динамика средних сборов, вывоза и остатка пшеницы
в 1897–1913 гг. (тыс. пудов и%)**

Период	Средний сбор	Средний вывоз	Средний остаток	Динамика роста			Доля вывоза от урожая, %	Доля остатка от урожая, %
				сред. сбора	вывоза	остатка		
1897–1901	626457	156189	470268	100	100	100	24,9	75,1
1902–1905	956535	261042	695493	152,7	167,1	147,9	27,3	72,7
1906–1908	763109	156459	606650	121,8	100,2	129,0	20,5	79,5
1909–1913	1103040	268447	834593	176,1	171,9	177,4	24,3	75,7

Источники: Урожай 18... года; Обзор внешней торговли России...

В действительности он был еще выше, так как, во-первых, мы оперируем данными лишь по 63 губерниям Европейской России. Картина станет рельефнее, если рассмотреть соотношение урожая и экспорта пшеницы для всей Империи, что возможно сделать, однако, начиная лишь с 1906 г. Как можно видеть из таблицы 7, привлечение общеимперских данных уменьшает долю вывоза от урожая в пределах от 2,6% в 1908 г. до 7% в 1911 г., в сравнении с аналогичным показателем по 63 губерниям (то же относится и к другим главным хлебам). Во-вторых, мы помним, что статистика урожайности занижена.

Таблица 7

**Доля экспорта пшеницы от урожая в 63 губерниях
и по Империи в 1906–1912 гг. (тыс. пудов и%).**

Год	Урожай в 63 губ.	Урожай в Империи	Экспорт	Доля экспорта от урожая	
				63 губ., %	Империя, %
1906	749260	902966	228184	30,5	25,3
1907	727345	932536	147065	20,2	15,8
1908	812723	1042895	94127	11,6	9,0
1909	1182093	1405871	322154	27,3	22,9
1910	1162046	1389383	381526	32,8	27,5
1911	742738	936208	250348	33,7	26,7
1912	1036356	1331655	169511	16,4	12,7
1913	1391966	1707420	216540	15,6	12,7

Источники: см. таблицы 1, 3; Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 176–177.

Таблица 8 показывает, что если в 1882–1884 гг. соотношение внутреннего и вывозного железнодорожного отправления пшеницы составляло 36,6% и 63,4%, то в 1908–1913 гг. ситуация зеркально изменилась — 66,2% и 33,8%. При этом протяженность железнодорожной сети за эти годы увеличилась с 23,8 до 69,2 тыс. км.

Сопоставление темпов роста отправления дает вполне ясную картину: экспортное отправление увеличивается в 1,4–1,6 раза, а внутреннее — в 4,7–4,2 раза в зависимости от точки отсчета.

Таблица 8

Железнодорожные перевозки пшеничных грузов (тыс. пудов и%)

Годы	Отправл.					Темпы роста отправления			
	внутр.	вывоз.	общее	доля внутр.	доля вывоз.	внутр.	вывоз.	внутр.	вывоз.
1882–1884	78656	136155	214811	36,6	63,4	100	100	""	""
1889–1891	88099	113572	201671	43,7	56,3	112	83,4	100	100
1893–1895	139053	119069	258122	53,9	46,1	176,8	87,5	157,8	104,8
1901–1903	268546	133697	402243	66,8	33,2	341,4	98,2	304,8	117,7
1908–1913	368531	188413	556944	66,2	33,8	468,5	138,4	418,3	165,9
1908–1911	342324	202377	544701	62,8	37,2	435,2	148,6	388,6	178,2
1912–1913	421528	159906	581434	72,5	27,5	535,9	117,4	478,5	140,8

Источники: Дополнения к Статистическому сборнику МПС № 1, 2, 3; Материалы по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов в 1896 г. СПб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией... Ч. 1; «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам»; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.

Полагаю, в рассматриваемый период экспорт пшеницы достигает своего потолка. Это, конечно, не означает, что, не начавшись в 1914 г. Первая мировая война, показатели 1913-го или даже 1910 года, рекордного по вывозу, не были бы превзойдены. Просто наши данные красноречиво говорят о масштабах роста внутреннего рынка пшеницы в конце XIX — начале XX вв. и его потенциале. Кстати, прогресс в ее потреблении заметен не столько по перевозкам зерна, сколько по перевозкам муки. Любопытный момент.

Рожь. Применительно к ней тезис о «голодном экспорте» выглядит совсем неубедительно, поскольку вывоз составлял небольшую часть урожая, притом же основная часть экспортного отправления ржи приходится на Новороссию, где рожь исторически не была популярна (лишь в Гражданскую войну она заменила пшеницу).

Рожь доминировала среди сельскохозяйственных культур в России. Она считается «главным крестьянским хлебом» — 36,3% потребления по стране в целом; 40,0% в Европейской России. Она занимала свыше четверти всей посевной площади в стране, и на нее приходилась почти треть общего сбора зерновых хлебов, причем площадь, занимаемая рожью, относительно постепенно снижалась.

В 50 из 63 губерний Европейской России на рожь приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ потребления главных хлебов, притом в 28 губерниях — более 50%. Нехватка ржи фиксируется в 51 губернии из 87, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105352 тыс. пуд. Более трети (35%) этого количества приходится на Петербургскую и Московскую губернии, 39,2% — на Владимирскую, Петроковскую, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Костромскую, Калужскую и Ярославскую, которые ввозили от 3 до 8 млн пуд. ржи. Таким образом, почти $\frac{3}{4}$ нехватки ржи в Империи было сосредоточено в 10 из 87 губерний.

В свою очередь, область избытков ржи почти разрезает Европейскую Россию строго в направлении с северо-востока на юго-запад. Граница проходит по линии северного чернозема (с изъятием Волынской и Орловской губерний). Общая величина избытков составляет 151,6 млн пуд., 35,9% которых сосредоточили Уфимская, Тамбовская, Самарская губернии. Всего же 9 губерний производили 70,5 % всей «лишней» ржи в стране. Концентрация достаточно высокая.

Таблица 9

Железнодорожные перевозки ржаных грузов

Годы	Отправление			Темпы роста отправления			Доля	
	внутр.	вывоз.	общее	внутр.	вывоз.	общее	внутр.	вывоз.
1889–1891	54252	49154	103406	100	100	100	52,5	47,5
1893–1895	70549	49299	119847	130,0	100,3	115,9	58,9	41,1
1901–1903	108839	68706	177544	200,6	139,8	171,7	61,3	38,7
1908–1913	133116	40797	173912	245,4	83,0	168,2	76,5	23,5
1908–1911	132122	39787	171908	243,5	80,9	166,2	76,9	23,1
1912–1913	134109	41807	175916	247,2	85,1	170,1	76,2	23,8

Источники: см. табл. 8.

Как следует из таблицы 8, транспортировка ржи по железной дороге достигает пика в 1901–1903 гг., а затем начинает снижаться. Рожь теряла былое товарное значение. При этом внутренние перевозки безусловно доминируют, доля их возрастает на четверть; напомним, что перевозки в Петербург, например, относятся к вывозным.

Схожую картина дает рынок **овса**. Россия со своим урожаем примерно в 1 млрд пуд. (это порядка ¼ мирового производства) занимала второе место после США. На овес приходилось порядка ¼ потребления главных хлебов и в стране в целом, и в Европейской России.

Главные недостатки овса ожидаемо приходится на губернии с развитым городским населением: на Петербургскую, Московскую, Варшавскую губернии, а также на Петроковскую — центр Лодзинского промышленного района. Избытки овса концентрировались прежде всего в ЦЧР, который и давал основную массу вывозимого овса.

Из таблицы 10 очевидно, что, как и в случае с пшеницей, соотношение внутреннего и вывозного отправления в начале и конце рассматриваемого нами периода меняется зеркально: 41%–59% и 58%–42%. Внутренние перевозки уверенно растут.

Таблица 10

Железнодорожные перевозки овса

Годы	отправление			Доля внутр. отправления	Доля вывоз. отправления	Темпы роста отправления		
	внутреннее	вывоз.	общее			внутр.	вывоз.	общего
1889–1891	35077	50291	85368	100	100	100	41,1	58,9
1893–1895	35204	70563	105767	100,4	140,3	123,9	33,3	66,7
1901–1903	64479	62642	127121	183,8	124,6	148,9	50,7	49,3
1908–1913	86868	62093	148961	247,6	123,5	174,5	58,4	41,6
1908–1911	80956	69512	150468	230,8	138,2	176,3	53,8	46,2
1912–1913	92780	54674	147454	264,5	108,7	172,7	62,9	37,1

Источники: см. табл. 8.

Ситуации с **ячменем** самая простая. В начале XX века Россия была мировым лидером по производству этого хлеба — порядка 30% всего производства.

Ячмень успевал вызревать даже в Архангельской губернии. Производили его везде, но суммарный недостаток его номинален — 9 млн пуд. Однако в северной половине Европейской России ячмень был не слишком востребован, здесь роль главной

кормовой культуры играл овес. Ячмень был популярен в южно-черноземных районах, в Новороссии, Предкавказье, Закавказье, не говоря о Средней Азии. 85,5% из 236,9 млн пуд. внушительных избытков ячменя сосредоточены в пяти Новороссийских губерниях и Кубанской области, откуда они через порты Черного и Азовского морей шли на экспорт.

Таблица 11

Железнодорожные перевозки ячменя

Годы	Отправление			Доля внутр. отправления	Доля вывоз. отправления	Темпы роста отправления		
	внутр.	вывоз.	общее			внутр.	вывоз.	общего
1889–1891	6621	25080	31701	100	100	100	20,9	79,1
1893–1895	12226	55882	68108	184,7	222,8	214,8	18,0	82,0
1901–1903	21110	43441	64551	318,8	173,2	203,6	32,7	67,3
1908–1913	28128	97398	125526	424,8	388,3	396	22,4	77,6

Источники: см. табл. 8.

Еще раз подчеркну, что роль ячменя как экспортной культуры в пореформенное время неуклонно возрастала. К 1914 г. он вышел на первое место, обогнав в 1911–1913 гг. даже и пшеницу. Доминанта вывозного отправления очевидна, как показывает таблица 10. В то время как значение внешнего рынка для ржи, пшеницы, овса постепенно падало, для ячменя оно, напротив, возрастало, притом необычайно активно. Ячмень стал лидером по темпам роста посевных площадей и приростам урожая.

В результате прежняя многокультурная сельскохозяйственная композиция Юга России изменилась на самую выгодную в товарном отношении комбинацию — пшеницу и ячмень.

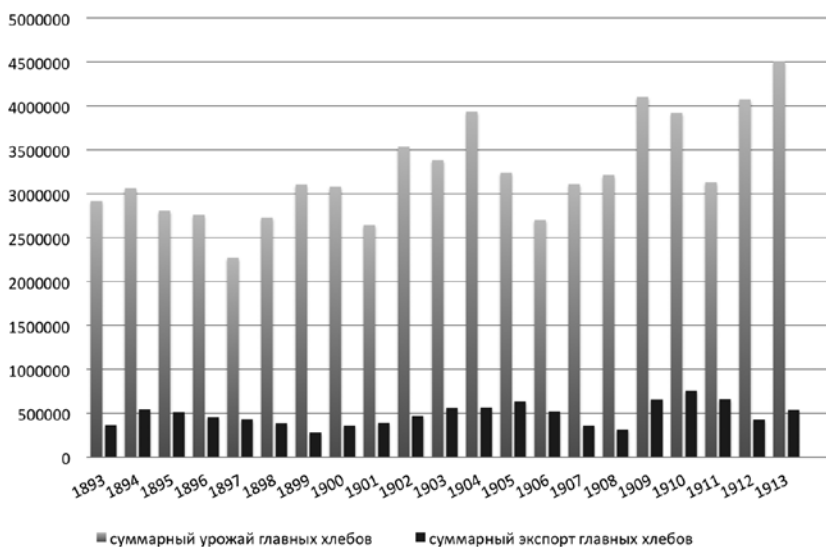

Диаграмма 3. Суммарный урожай и экспорт главных хлебов в 1894–1913 гг. (тыс. пуд.). Источник: см. таблицу 3

Диаграмма 3, полагаю, дает ясное представление о том, что экспорт хлеба явно не был угрозой, как сейчас модно выражаться, «продовольственной безопасности» Российской империи. Вывоз был именно частью процесса обмена, торговли — не более того!

В процессе изучения данной темы я проанализировал 26 динамических рядов, содержащих данные о размерах урожаев, экспорта и остатков каждого из главных хлебов, их перевозке по железной дороге, а также стоимости хлебного вывоза, питейного дохода, акцизных доходов с сахара, табака, нефтепродуктов, спичек за предвоенное 20-летие.

Для каждого показателя вычислялись средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов динамических рядов, а также средние арифметические для периодов промышленного подъема 1894–1900 гг., кризиса и депрессии 1901–1908 гг. и предвоенного подъема 1909–1913 гг., т.е. 1890-х гг. (таблица 12).

Таблица 12

**Урожай, экспорт, остаток и перевозки главных хлебов
и акцизные сборы в 1894–1913 гг. (тыс. пудов и тыс. руб.).**

<i>Показатели</i>	<i>Тренд 1894–1913</i>	<i>Среднее 1894–1900</i>	<i>Среднее 1901–1908</i>	<i>Среднее 1909–1913</i>	<i>1894–1900 за 100%</i>	<i>Среднее 1901–1908</i>	<i>Среднее 1909–1913</i>	<i>1909–1913 к 1901–1908</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рожь — урожай	8364	1227427	1235027	1378941	100	100,6	112,3	111,7
Рожь — экспорт	-2741	83763	74380	47990	100	88,8	57,3	64,5
Рожь остаток	11106	1143664	1160647	1327445	100	101,5	116,1	114,4
Рожь — перевозка по ж. д.	3323	137716	182470	179297	100	132,5	130,2	98,3
Овес — урожай	14073	654040	710824	869798	100	108,7	133,0	122,4
Овес — экспорт	-193	58005	63701	66421	100	109,8	114,5	104,3
Овес — остаток	14266	596035	647123	803378	100	108,6	134,8	124,1
Овес — перевозка по ж. д.	3282	102791	131786	155698	100	128,2	151,5	118,1
Пшеница — урожай	29445	627909	847825	1103040	100	135,0	175,7	130,1
Пшеница — экспорт	2784	187749	207175	268016	100	110,3	142,8	129,4
Пшеница — остаток	26661	440160	640650	835024	100	145,5	189,7	130,3
Пшеница — перевозка по ж. д.	19234	288253	433070	587555	100	150,2	203,8	135,7
Ячмень — урожай	17177	329605	435409	599216	100	132,1	181,8	137,6
Ячмень — экспорт	7854	95293	132548	226994	100	139,1	238,2	171,3
Ячмень — остаток	9322	234313	302861	372223	100	129,3	158,9	122,9
Ячмень — перевозка по ж. д.	5362	49231	77861	136762	100	158,2	277,8	175,6
Все главные хлеба — урожай	69059	2838981	3229085	3950996	100	113,7	139,2	122,4
Все главные хлеба — экспорт	7704	424810	477803	609420	100	112,5	143,5	127,5
Все главные хлеба — остаток	61355	2414171	2751281	3341576	100	114,0	138,4	121,5
Все главные хлеба — перевозка по ж. д.	31201	577992	825187	1059312	100	142,8	183,3	128,4

Окончание таблицы 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Хлебный экспорт (тыс. руб.)	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4	151,7
Питейный доход (тыс. руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0	134,7
Сахарный доход (тыс. руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0	147,1
Табачный доход (тыс. руб.)	1953	36426	50694	62703	100	139,2	172,1	123,7
Нефтяной доход (тыс. руб.)	1608	22435	32893	45836	100	146,6	204,3	139,3
Спичечный доход (тыс. руб.)	802	7197	11278	18764	100	156,7	260,7	166,4

Источники: Урожай 189...года. Спб.; Ежегодник Министерства финансов на 189.. год Спб.; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С. 14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

Таблица 13 дополнительно иллюстрирует вышесказанное о хлебном рынке России в конце XIX — начале XX вв.

Таблица 13

**Суммарные урожаи, экспорт,
остаток и железнодорожные перевозки главных хлебов,
а также их средние ежегодные приросты
в 1894–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Хлеб	Урожай	Экспорт	Доля экс-порта (%)	Остаток	Перевозки	Прирост урожаев	Прирост экспорта	Прирост остатка	Прирост перевозок
Рожь	25366913	1421332	5,6	23945581	3320258	8364	-2742	11106	3323
Овес	14613866	1247751	8,5	13366115	2552317	14073	-193	14266	3282
Пшеница	16693158	4311716	25,8	12381442	8420111	29445	2784	26661	19234
Ячмень	8786588	2862397	32,6	5924191	1651315	17177	7854	9322	5362
4 главных хлеба	65460525	9843196	15,0	55617329	15944001	69059	7703	61355	31201

Источники: см. таблицы 3, 12.

Как можно видеть, применительно ко ржи и овсу вывоз играл незначительную роль, составив за 1894–1913 гг. лишь 5,6 и 8,5% фиксируемых ЦСК МВД сборов, притом, что экспорт ржи ежегодно уменьшался в среднем на 2742 тыс. пуд., а экспорт овса — на 193 тыс. пуд. В контексте темы «голодный экспорт хлеба из России» отрицательные тренды вывоза ржи и овса — главных крестьянских хлебов — выглядят, полагаю, достаточно красноречиво. В то же время была вывезена четверть урожаев пшеницы и почти треть — ячменя, производство которых тогда наращивалось примерно так же, как добыча энергоресурсов в наши дни.

Однако в масштабах зернового хозяйства Империи вывоз хлеба в конце XIX — начале XX вв. играл сугубо вспомогательную, в сущности, роль. За 20-летие было вывезе-

но лишь 15,0% всех собранных главных хлебов, а суммарный среднегодовой прирост экспорта главных хлебов составлял лишь 11,1% суммарного же прироста заниженных урожаев, и то лишь за счет ячменя.

Таким образом, мы вновь убеждаемся, что в конце XIX — начале XX вв. отечественное сельское хозяйство определено не «работало на Запад».

Мифологический характер тезиса о «голодном экспорте» весьма наглядно выступает при сопоставлении стоимости хлебного экспорта и величины питейного дохода. Диаграмма 4, составленная на основании данных таблицы 14, заставляет, как мне кажется, задуматься о многом в наших знаниях и представлениях о своей истории.

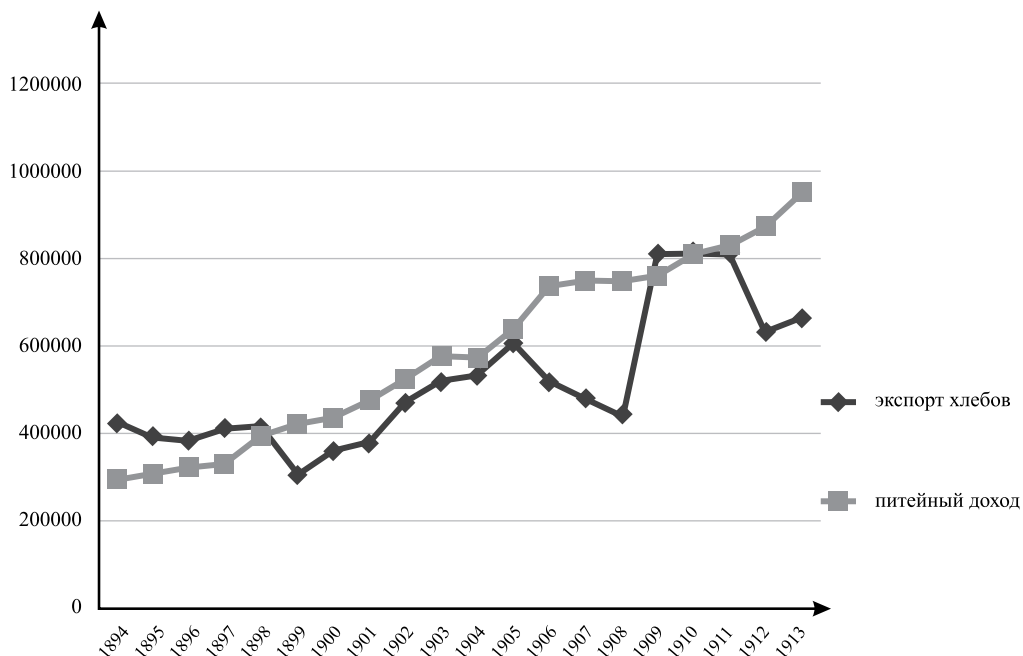

Диаграмма 4. Сопоставление стоимости экспорта всех хлебов и питейного дохода в 1894–1913 гг. (тыс. руб.).
Источник: см. таблицу 14

На графике питейный доход сравнивается с суммарной стоимостью экспорта хлебов, семян и жмыхов, которые в «Сводной статистике» относятся к хлебным грузам; я хочу избежать возможных упреков в занижении показателей вывоза.

Традиционная историография более ста лет уверяет читателей, что из-за вывоза хлеба, который был главной статьёй имперского экспорта, народ вынужден был голодать. Действительно, за предвоенное 20-летие (1894–1913 гг.) Россия выручила от продажи всех хлебных грузов 10361,7 млн руб., — это три годовых бюджета России в 1913 г., огромные деньги!

Таблица 14

**Сопоставление ценности хлебного экспорта
и размеров питейного дохода в 1893–1913 гг. (тыс. руб.)**

Годы	Экспорт хлебов	Вывоз семян и жмыхов	Сумма вывоза с семенами	Величина питейного дохода	Вывоз хлеба к питейному доходу (%)	Вывоз хлеба с семенами к питейн. дох. (%)
1893	295776	38960	334736	260729	113,4	128,4
1894	381387	42649	424036	297281	128,3	142,6
1895	335897	56456	392353	308896	108,7	127,0
1896	322455	61298	383753	321803	100,2	119,3
1897	353876	58122	411998	332483	106,4	123,9
1898	370911	42063	412974	391929	94,6	105,4
1893–1898	343384	49925	393308	318853	107,7	123,4
1899	260377	43509	303886	420947	61,9	72,2
1900	306404	53504	359908	434493	70,5	82,8
1901	345030	33417	378447	476007	72,5	79,5
1902	433002	36075	470077	523483	82,7	89,8
1903	480217	38093	518310	576461	83,3	89,9
1899–1903	365006	40920	406126	581533	62,8	69,8
1904	496679	34973	531652	573278	86,6	92,7
1905	568456	35515	603971	639135	88,9	94,5
1906	472222	46368	518590	736898	64,1	70,4
1907	430789	47966	478755	748258	57,6	64,0
1908	379849	59231	439080	748058	50,8	58,7
1904–1908	469599	44811	514410	689125	68,1	74,6
1909	749593	58691	808284	759045	98,8	106,5
1910	747705	67515	815220	811048	92,2	100,5
1911	739065	74308	813373	830796	89,0	97,9
1912	551509	81879	633388	873591	63,1	72,5
1913	593986	69690	663676	952810	62,3	69,7
1909–1913	676472	70417	746788	845458	80,0	88,3

Источники: Ежегодник Министерства финансов на 189... год; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С. 14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб.

Однако, за те же 20 лет питейный доход казны составил 11756,7 млн руб. То есть, голодающий, по мнению «пессимистов», народ выпил водки на сумму, превышающую стоимость вывезенного за счет его голодного желудка хлеба на 13,5%. Среднегодовая цена хлебного экспорта составила соответственно 518,1 млн руб., а питейного дохода — 588,3 млн руб.

При этом средний ежегодный прирост стоимости вывезенных хлебов равнялся 20,9 млн руб., а питейного дохода — 35,1 млн руб., т. е. в 1,7 раза больше.

Эта информация дополняет диаграмму 4, показывающую, что оба процесса раз-

вивались схожим образом — по нарастающей, однако потребление водки росло энергичнее.

До 1899 г. питейный доход составлял порядка 80–95% стоимости хлебного экспорта; после 1899 г. лишь в годы больших урожаев — 1909 и 1910 гг. — цена вывезенного хлеба слегка превысила цену выпитой водки. При этом я не учитывал ввоз спиртного из-за границы. Если положение, при котором цена выпитой населением водки составляет не 10 и не 20%, а свыше 80–90% стоимости вывозимых вторым экспортером хлебов в мире, а затем свыше 10 лет намного ее превосходит, может именоваться «голодным экспортом», тогда в толковых словарях русского языка что-то нужно исправлять.

Как можно видеть, в 1913 г. питейный доход достиг астрономической цифры в 952,8 млн руб., т. е. был лишь на 16 млн руб. (примерно 1,5%) меньше суммарного бюджета министерств военного, морского и народного просвещения, притом что бюджет страны в 1913 г. составлял порядка 3,4 млрд руб. Замечу, что «Большая флотская программа», которая к 1930 г. должна была вернуть России статус морской державы, стоила 430 млн руб.

Напомню также, что по потреблению алкоголя Россия при этом отнюдь не находилась в числе мировых лидеров.

Я, разумеется, не буду сейчас обсуждать феномен удовлетворения человеческих потребностей, столь же сложный, сколь и интересный для понимания любой исторической эпохи. Однако приведенная информация, полагаю, сама по себе показывает, что в *этом* контексте более чем вековые народническо-марксистские причитания о несчастной доле жителей Империи и прежде всего крестьян стоят недорого. Во всяком случае, куда дешевле экспорта картофельной муки.

Впрочем, данные таблицы 14 более чем красноречивы.

Итак, тезис о «голодном экспорте», точнее о негативном воздействии экспорта хлеба на питание населения России и, в частности, крестьян не находит подтверждения в статистике производства, вывоза и перевозки хлебных грузов, а также других источниках. Преобладающую, и притом перманентно возрастающую роль в торговле хлебом играл внутренний рынок, что абсолютно естественно вытекает из законов рыночной экономики.

При этом закономерный характер большого хлебного экспорта России людям компетентным был ясен и в то время. А. Н. Челинцев, классик жанра, в общем виде рассматривал вопрос о динамике соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков за 1880/1884 — 1907/1910 гг. По его подсчетам, чистый привоз в области недостатков за эти годы увеличился в 2,2 раза, а все избытки хлеба — в 2,8 раза: «Предложение южной половины страны перегоняло, таким образом, рост спроса в северной половине Европейской России. И избыток хлеба должен был находить все больший сбыт за границей. Вывоз за границу с 262,4 млн пуд. в 1880/1884 гг. вырос до 585,1 млн пуд. в 1907/1910 гг., т. е. на 322,7 млн пуд. Итак, несмотря на рост, внутренний рынок не мог поглотить того предложения хлеба, которое вырастало... более всего в южно-черноземных губерниях. И в результате Южная Россия и Россия в целом стали в большей мере заинтересованы во внешнем рынке, чем 25–30 лет тому назад»¹.

¹ Челинцев А. Н. Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913.

Развивая эти мысли, исследователь писал: «Рост индустрии городов и неземледельческого населения вообще не был достаточен для поддержания объема сельскохозяйственного производства на достаточной высоте... Занятое сельским хозяйством население удерживалось в побочных занятиях для пополнения заработка от собственного сельского хозяйства, выселялось, уходило на временные сельскохозяйственные заработки и пр.

Но не только в этом можно было видеть недостаточность объема внутрирусского сельскохозяйственного рынка, которая задерживала должное расширение сельского хозяйства. Ограниченность внутреннего сельскохозяйственного рынка была очевидной из того, что уже при достигнутом в России уровне производительности сельского хозяйства, часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России. Как земледельческая по преимуществу страна, она могла размещать свои продукты, лишь прибегая к загранице. Другими словами, сложившийся объем русского сельского хозяйства поддерживался в известной своей части сбытом на этот заграничный рынок... Увеличивался вывоз тех хлебов, культура которых была... главной в редкозаселенных южных, юго-восточных и восточных районах с быстрым расширением хлебной площади, т. е. ячменя и пшеницы»¹.

Приведенные мной данные, в числе прочего, показывают, что направление эволюции потребления зерновых хлебов и факторы, влияющие на нее, были в России теми же, что и во многих странах Европы.

Повсюду основной первоначально является та культура, которая оптимально соответствует природным условиям, а значит, обходится дешевле. С этим, в частности, связано преобладание ржи в Нечерноземье и в северно-черноземных губерниях. Население степного Юга России (как и Южной Европы) питалось пшеничным хлебом. Хлеб дополнялся кашами и крупами из пшеницы, ячменя, гречихи, проса, кукурузы, а также бобовыми, прежде всего горохом.

Рост благосостояния населения приводит к постепенной замене ржаного хлеба пшеничным. Англия, в которой рожь когда-то была основным хлебом, в рассматриваемый период питалась уже исключительно пшеничным хлебом. В Германии доля пшеницы в рационе быстро росла, хотя ржаной хлеб еще преобладал². Ф. Бродель говорит о том, что во Франции «господство» белого хлеба «устанавливалось **медленно**, и окончательно он восторжествовал **не раньше конца XIX века**. До тех пор он оставался роскошью, не доступной городской бедноте, а для деревенских жителей зачастую и вовсе невиданной»³.

Статистические данные о росте внутреннего потребления пшеницы в конце XIX — начале XX вв., приводимые мной в данной работе, ясно говорят, что аналогичные процессы начались и в России, с понятной региональной «поправкой».

Итак, идея «голодного экспорта» оказалась весьма удобной пиар-находкой из ряда — «чем нелепее, тем лучше», и успешно эксплуатируется свыше ста лет, поскольку в течение этого периода потребность в негативном имидже имперской России была высока.

С экспортом связано также несколько «родственных» недоразумений, по-своему

¹ Челинцев А. Н. Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923. С. 6–7.

² Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин. 1923. С. 126–127 и далее.

³ Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997. Т. 2.2. С. 133.

отчасти понятных, но плохо сочетающихся с реальной жизнью. Одно из них — идея запрета экспорта в голодные (и не только) годы, которая неоднократно дискутировалась как в России, так и в Европе в соответствующих ситуациях. Это «слишком по-человечески». Екатерина II, к слову, осудила ее еще в XVIII в.

Однако во второй половине XIX в. за критикой экспорта стояло не только стремление *запретить*, т. е. рефлекторный и понятный порыв защититься от угрозы, свойственный людям во все времена, но и вполне конкретное желание *распределить* вывозимые товары, которое и тогда уже имело совершенно социалистическую окраску. Ведь начиная с Чернышевского, русская интеллигенция всюду мечтала о государстве распределения, точнее, мечтала *сама* распределять.

Другими словами, речь шла о том, что государство может прекратить экспорт и распределять хлеб (и вообще все на свете) внутри страны «сверху», подобно тому, как это будет при «военном коммунизме», а потом при «плановом социалистическом хозяйстве», игнорируя не только законы рыночной экономики, но и законы человеческой природы.

По сути, содержанием термина «голодный экспорт» в этом контексте является мысль о том, что нельзя что-то вывозить за рубеж, если не все жители страны потребляют экспортируемые продукты в достаточной степени. Сообразно с этой логикой Германия, условно говоря, должна прекратить экспорт «Мерседесов», поскольку часть немцев ездит на «Фольксвагенах», а некоторые и вовсе ходят пешком.

А, собственно говоря, почему это должно быть так? Если считать это требованиями морали, нравственности, то, на мой взгляд, такие мораль и нравственность весьма сомнительны. Распределяют между рабами и крепостными. А люди *свободные* должны сами зарабатывать на то, что хотят потреблять.

Апологеты распределительной системы считают, что если, предположим, у кого-то не хватает молочных продуктов для ребенка, то вывоз масла за границу аморален. Точка зрения не слишком основательная.

Во-первых, сначала нужно выяснить структуру бюджета недоедающей семьи, определить, на что она тратит деньги, понять уровень понимания родителями своих обязанностей по отношению к детям и меру их ответственности за свою семью, а уже потом переходить к обобщениям макроисторического и макроэкономического масштаба. Кто не знает людей, которые обожают жаловаться на свою трудную жизнь, но при этом далеко не используют те возможности, которые есть у них для того, чтобы эту жизнь улучшить. Всегда есть те, кому проще оправдывать свои недостатки несовершенством окружающего мира.

Во-вторых, наивно думать, что количество товаров на рынке не зависит от степени уверенности производителей в том, что они продадут свою продукцию. Кто сказал, что при отсутствии сколько-нибудь гарантированного рынка сбыта, объем производства того или иного товара будет на том же уровне, что и при наличии такового? Что, например, то масло, которое вывозится якобы в ущерб чьему-то питанию, было бы выработано?

Спрос рождает предложение. И когда у сибирского маслоделания на рубеже веков появился новый рынок сбыта в Англии, чем сибиряки до сих пор с полным основанием гордятся, это стало приносить больший доход тем крестьянам, которые его производили. Подобные примеры есть под рукой у всех нас — вспомним, хотя бы варианты придорожных торговли и питания, что на шоссе, что на железных дорогах. Кто будет строить шашлычную на проселке?

Возьмем историю хлопководства в Средней Азии. Когда, наконец, был определен сорт американского хлопка, который мог успешно культивироваться в Туркестане, потребовались прицельные усилия правительства, в первую очередь в таможенной и податной сферах, чтобы сделать хлопок экономически привлекательной для дехкан культурой. Как только были созданы условия, сделавшие производство хлопка более прибыльным, чем выращивание хлеба и кормовых трав, — появилось отечественное хлопководство (см. ниже).

Еще раз повторю, что рынок, неважно — внешний или внутренний — создает для крестьян стимул производить, работать больше и пр. Они готовы приложить дополнительные усилия, если они будут хоть как-то вознаграждены, а если нет — зачем работать? Кровавый кризис продрозверстки и переход к НЭПу, а также все кризисы хлебозаготовок в 1920-е годы, кажется, доказали это более, чем определенно.

А какой процент потребляемых в советское время продуктов давали приусадебные участки!?

Кстати, пореформенная Россия имела опыт запрета экспорта хлеба, и он оказался весьма поучительным. С началом голода 1891 г. министр финансов И. А. Вышнеградский вынужден был «под напором общественного мнения и под влиянием тех же газет, которые так недавно еще поощряли усиленный экспорт хлеба, прибегнуть к таким чрезвычайным мерам, как воспрещение вывоза за границу не только ржи в зерне, ржаной муки и отрубей, но затем, в октябре и ноябре того же года, и всех прочих хлебов и вырабатываемых из них продуктов. Трудно, однако, сказать, чтобы эти меры, тогда же сопровождавшиеся потрясением всей нашей хлебной торговли и еще пагубнее отразившиеся на ней впоследствии, оказали сколько-нибудь благотворное влияния на хлебные цены, которые продолжали расти неудержимо вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, невзирая на то, что до нового урожая было еще далеко»¹ — так комментирует указанную акцию один из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству конца XIX — начала XX вв. А. С. Ермолов, министр земледелия Александра III и Николая II. Итак, запрет экспорта не снизил цены на внутренних рынках — они поднимались вплоть до весны, когда выяснились хорошие виды на урожай, и обнаружилось (!) большие запасы хлеба. Если бы не запрет вывоза, то, возможно, часть этих запасов ушла бы за границу, однако Ермолов сомневается в этом, поскольку тогда внутренние цены были выше зарубежных.

После 1891 и 1892 гг. был ряд сравнительно благоприятных урожайных лет, но сельское хозяйство страны еще долго переживало последствия одной из самых радикальных мер для борьбы с неурожаем 1891 г. — запрещения вывоза хлеба за границу, в связи с последовавшей вскоре затем таможенной войной с Германией.

Германия и Англия были важными потребителями русского хлеба (в Германию поставлялись рожь и овес, а в Англию — преимущественно пшеница). В эти годы основным конкурентом России на европейских рынках были США, которые до 1890-х гг. предпочитали производить и экспортировать более дорогую пшеницу, нежели рожь. Пшеничный рынок Европы Россия делила с США, однако в отношении овса и в еще большей степени ржи Россия была вне конкуренции, особенно на германском рынке.

В 1880-х гг. Германия, защищая интересы своего сельского хозяйства под влиянием аграриев, а отчасти в ответ на повышение российских таможенных пошлин на ряд германских товаров, прежде всего, на металлические изделия, наложила пошлину на

¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 1. С. 104–105.

русские хлеба. Россия, тем не менее, приступила к пересмотру таможенного тарифа в смысле еще большего усиления протекционизма, и в Германии обсуждалась идея еще большего повышения пошлин на ввозимый из нее хлеб.

«Однако германское правительство», — пишет Ермолов — «колебалось осуществить эту меру, опасаясь того, что она может вызвать неудовольствие со стороны потребителей русского хлеба в Германии вследствие чрезмерного повышения цен на него, без нашего хлеба там не считали возможным обойтись. Но вот наступил голодный 1891 год и мы сами запретом вывоза нашего хлеба сыграли Германии в руку. Русский хлеб исчез с ее рынков, как и с английских, но наше место немедленно же заняла на них Америка, которая скоро и рожь начала более прежнего производить и вывозить, чтобы завладеть рынком германским. Тогда и Германия, убедившись, что она может обойтись без нашего хлеба, перестала с нами церемониться и в конце 1891 года заключила ряд торговых договоров на базисе понижения хлебных пошлин со всеми конкурирующими с нами странами, ввозящими на германские рынки зерновой хлеб. После этого наши рожь и пшеница стали оплачивать при ввозе в Германию пошлину в 11 коп. с пуда, а овес на 10 коп. большую, нежели хлеба других стран.

В отместку за это Россия ввела двойные таможенные тарифы на ввозимые к нам германские товары, и началась так называемая таможенная война наша с Германией. Немцы ответили дальнейшим на 50% повышением хлебных ставок на русские хлеба, и нам пришлось оплачивать рожь и пшеницу пошлиною на 31 к. с пуда, а овес на 25 к. более высокою, нежели наши конкуренты; важнейший для нашей хлебной торговли германский рынок был для нас почти совершенно закрыт. А за это время положение Америки на нем все более и более упрочивалось. Когда же запрещение заграничного вывоза было у нас отменено, и, начиная с 1893 года, вступил ряд высоко урожайных лет, **когда мы вновь получили возможность вывозить свои громадные в ту пору хлебные избытки за границу**, то оказалось, что за время приостановки нашего экспорта торговые конъюнктуры на заграничных рынках совершенно и к полной нашей невыгоде изменились.

Многие из рынков были почти потеряны, и России пришлось их завоевывать заново. Для этого ей, с одной стороны, пришлось пойти на серьезные уступки в пользу Германии в своем таможенном тарифе, чтобы добиться некоторых от нее уступок в хлебных тарифах в свою пользу, что и было зафиксировано в таможенном договоре с Германией 1894 г., а, с другой стороны, значительно понизить цену на свой хлеб, что, естественно, «самым пагубным образом отразилось на нашем сельском хозяйстве»¹.

«Таким образом», — подытоживает Ермолов — «наши сельские хозяева, как землевладельцы, так и крестьяне, большинство которых во всех хлебобородных местностях России тоже ставит свой хлеб на рынок, потерпели колоссальные убытки и под влиянием неурожая 1891 и отчасти 1892 года, когда большинству из них продавать было нечего, а напротив, самим приходилось покупать и хлеб, и корма, — и от непомерного, ниже стоимости производства, падения цен на хлеба, когда запрет вывоза был снят, но заграничные рынки оказались уже в значительной мере и надолго для нас потерянными, а затем под влиянием повышенных германских тарифных ставок на наш хлеб.

В течение многих лет мы из этих крайне для нашего сельского хозяйства невыгодных условий выбраться не могли и долгие годы нам пришлось расплачиваться за такую меру, как воспреещение вывоза русского хлеба, которое ожидаемую от него пользу в

¹ Там же. С. 136–139.

голодный год едва ли принесло, но зато самым пагубным образом отозвалось на нас же впоследствии. И надо надеяться, что к подобной мере, совершенно основательно... осужденной еще в XVIII столетии, мы уже никогда, ни при каких условиях возвращаться не будем»¹.

Применительно к стране, живущей по законам рыночной экономики, идея сформулирована и раскрыта вполне внятно.

А теперь позволю себе коротко напомнить о том, что произошло, когда после 1917 г. призрак вождя «государства всеобщего благоденствия», воплощения уравнилельно-распределительных мечтаний русской интеллигенции и апогея *нерыночной* экономики стал реальностью.

Надо сказать, что *наша история дает воистину страшные примеры материализации лживых мыслей и слов.*

Настоящий голодный экспорт был тогда, когда Сталин ограбил крестьянство в коллективизацию так, как никаким татаро-монголам вкупе с крепостническим государством не снилось, и вывез изъятый хлеб за границу, чтобы купить заводы, заплатить Альберту Кану и др., уморив голодом миллионы людей. А до этого, напомню, во время Гражданской войны была своего рода репетиция коллективизации — продовольственная диктатура, комбеды и продразверстка, когда хлеб также реквизируют «за бесплатно», обрекая людей на голодную смерть. Ленин звучно именовал это «непосредственным переходом к коммунистическому производству и распределению».

В несколько меньшем масштабе ситуация повторилась в 1946–1947 гг., когда «государство рабочих и крестьян» сознательно пошло на голод, накапливая запасы для отмены продовольственных карточек и предстоящей денежной реформы 1947 года. При этом из «соображений престижа» оно не только отказалось от международной гуманитарной помощи, но и вывезло 2,5 млн тонн зерна в страны Восточной Европы (см. ниже).

Вернемся, однако, к России в конце XIX — начале XX вв. *Уже* приведенные факты требуют корректировки привычных представлений о покупательной способности населения.

¹ Там же. С. 139–140.

2. О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ

Логичным представляется после доказательства мифологического характера тезиса о «голодном экспорте» обратиться к смежному сюжету — продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая; с ней мы уже несколько знакомы по главе об урожайной статистике.

Продовольственная помощь — система мероприятий, призванная обеспечить питание населения в неурожайные годы.

Народники, затем советская историография, а теперь и новая генерация поклонников «Отца всех народов, кроме репрессированных», обожают рассуждать о «голодовках» в царской России, однако упорно игнорируют наличие в стране продовольственной системы, продовольственного законодательства, которое обеспечивало питание жителей страны в неурожайные годы. Игнорируют, понятно, для удобства — «антинародное» государство, обрекающее свое население на нищету, по определению не может заботиться об этом населении.

Любой, кто не знаком с этой проблематикой специально, но со школы знает о народных страданиях, о «голодном экспорте» (а кто о них не знает?), совершенно естественно полагает, что «ненавистное» царское правительство выкачивало из деревни хлеб — наподобие того, как это делала советская власть — обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботилось о борьбе со *стихийными* бедствиями в виде частых неурожаев. На деле же имперская власть тратила значительную часть государственного бюджета на продовольственную помощь, чего русская интеллигенция как бы и не замечала, точнее, обращала на это свое высокое внимание, как мы увидим, лишь для того, чтобы снова и снова обличать Власть в некомпетентности. И этот разговор молчания, как и идея «голодного экспорта», оказался вполне успешным.

Между тем без учета феномена продовольственной помощи понять пореформенную Россию невозможно¹. И я рад отметить тот факт, что данная тема начала обретать популярность среди молодых исследователей, став предметом серьезного научного анализа².

Продовольственная помощь существовала при крепостном праве. На барине, по закону, лежало две основных обязанности в отношении крестьян — он не должен был допускать их до нищенства и обязан был кормить в голодные годы. Поэтому слова

---

¹ Относительно подробное описание его я дал в работе «Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв.», а сейчас хочу лишь напомнить — с рядом дополнений — некоторые важные его характеристики.

² Прежде всего, речь идет о работах Е. В. Белокурова: *Е. В. Белокуров. Продовольственная кампания 1911–1912 годов в России: власть и общество в борьбе с голодом*. СПб., 2014. (магистерская диссертация). <https://www.academia.edu/9649702/> Дата обращения: 20.09.2015; *Он же. Продовольственная кампания 1901–1902 годов: к вопросу об организации продовольственного дела в России (конец XVIII — начало XX века)* // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6. С. 27–38; *Он же. Продовольственная кампания 1901–1902 годов: неурожай 1901 года и меры правительства по борьбе с ним* // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1. С. 45–53; *Он же. Продовольственная кампания 1901–1902 годов: итоги и последствия* // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 181–187; *Он же. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.)* <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=101> Дата обращения: 20.09.2015.

княжны Марьи, сказанные крестьянам во время «Богучаровского бунта» о том, что они могут брать хлеб, следует понимать в контексте эпохи, т. е. не нужно видеть в этом предложении что-то из ряда вон выходящее. При этом князья Болконские были, судя по «Войне и миру», хорошими помещиками (хотя старый князь едва ли сделал бы богучаровских мужиков «вольными хлебопашцами», подобно князю Андрею, воспользовавшемуся Указом 1803 г.).

При этом правительство задолго до отмены крепостного права было озабочено «устранением вредной мысли поселян о безусловном праве их требовать пособие от правительства» в неурожайные годы. Еще в 1833 г. Государственный Совет во время обсуждения вопроса об организации работ констатировал наличие «превратного мнения, укоренившегося у крестьян», будто бы правительство **обязано** продовольствовать нуждающихся из них, причем требуя настоятельно пособия, они в то же время продают собственные свои запасы и отказываются от работ у помещиков, домогаясь безусловной дачи им хлеба. События такого рода и бывшие даже при том беспорядки убеждают в необходимости принятия заблаговременно мер, кои, побуждая нерадивых и беспечных к трудолюбию, постепенно истребили бы вредную для государства и для собственного благосостояния поселян мысль о праве их на пособие от владельцев и правительства»¹.

То есть, настроения, которые позже назовут иждивенческими, вполне отчетливо проявлялись у крестьян и до 1861 г., и это естественно, ибо они (настроения) были прямым порождением крепостничества. Ход рассуждений крестьянства был примерно таким: мы от вас (помещиков и правительства) **полностью** зависим, вы за нас решаете **все** — как нам жить, когда жениться, когда ложиться спать, идти ли в рекруты и т. п. Поэтому будьте любезны кормить нас, если Бог не дал урожая.

При создании после 1861 г. продовольственной системы правительство понимало стратегическую опасность подобных ожиданий крестьянства. Поэтому Комитет Министров и другие правительственные органы много лет словом и делом убеждали население в том, что Власть «в годину неурожая оказывает ему временную помощь, но не иначе, как в виде ссуды, которую ему, во всяком случае, придется потом возместить. Всякая идея безвозвратных пособий, даровой кормежки, самым энергическим образом отвергалась — население получало ссуды под ответственностью земств, которым было предоставлено их распределение среди нуждающихся, — и фактически их возвращало... За весь этот период продовольственный фонд во всех его видах был в действительности фондом оборотным, и правительство, приходя в тяжелые годы на помощь пострадавшему населению, оказывало ему такую помощь только заимообразно, отнюдь не принимая на себя даже и в эти годы дарового его прокормления.

То начало, что ресурсы государственного казначейства, пополняемые за счет всего русского населения, не могут служить для содержания одной его части на средства, собираемые с другой, стояло твердо, а потому твердо стояла и вся основанная на этом начале продовольственная система»².

В 1864–1890 гг. продовольственный устав, с некоторыми дополнениями, действовал в полном своем объеме, без принципиальных отступлений от его духа.

Черту под сравнительно благоприятным 25-летним периодом руководства земствами продовольственным делом в России подвел страшный по тем временам голод 1891 г.

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 1. С. 56–7.

² Там же. С. 96–97.

Бедствие в разной степени затронуло 27 губерний, и А. С. Ермолов оценивает сумму казенных ассигнований на помощь населению, которую ему удалось подсчитать, в 172 млн руб. Для сведения — это составило 30,9% военных расходов Империи (555,9 млн руб., их которых 462,3 млн руб. пришлось на военное министерство и 93,7 млн руб. — на морское), или 7,7% всех ее бюджетных расходов (2241,1 млн руб.) за 1891–1892 гг.¹

Для понимания многого из того, что случится в стране в последующую четверть века, и, в частности, специфики формирования иждивенческой психологии крестьянства в конце XIX — начале XX вв., о которой так много пишут *ненароднические* дореволюционные авторы, крайне важно следующее.

Несмотря на стремление властей соблюдать определенные принципы (правила) в продовольственной помощи, «весть о «способии», о «Царском пайке», широко распространялась по всему пространству пострадавших губерний и внушила населению глубоко в него внедрившуюся мысль о том, что оно имеет право на пособие, что Правительство обязано его кормить, и притом кормить всех крестьян без разбора. На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение на злоупотребление.

Более того, во многих местах распространялось убеждение, что Царь прислал деньги на помощь всем, поровну, а если кому не дают, то это значит чиновники, либо помещики, часть Царских денег утаили, себе присвоили. Бывали случаи самых назойливых со всевозможными угрозами, требований от лиц, заведовавших раздачей хлебных ссуд и даже оказывавших населению благотворительную помощь на частные, иногда собственные средства»².

Голод был тяжелым испытанием для страны. Трудным было и положение, в котором оказалась Власть. И она вступила на путь, который органично укладывался в привычную патерналистскую схему ее отношений с подданными, — она начала облегчать условия возврата продовольственных ссуд, точнее, разнообразными способами списывать задолженность.

Высочайшее повеление 23 июля 1892 г. установило, что продовольственные ссуды, выданные по случаю неурожая 1891 года, крестьяне могут возвращать, по своему желанию, либо деньгами, соответственно заготовительной цене хлеба, или натурой из расчета пуда за пуд полученного хлеба. В числе прочего, это означало, что за полученный правительством с населения натурой хлеб из общей суммы земских продовольственных долгов казне списывалась сумма, равная стоимости полученного хлеба, **но по той цене, в какую он обошелся земству.**

Через год, 20 июня 1893 г., вышел Высочайший Указ, согласно которому для дальнейшего облегчения уплаты продовольственных ссуд, выданных в предшествующие годы, эти ссуды взыскивались не по заготовительным ценам на хлеб, а сообразно к средним ценам на рожь и овес за последнее десятилетие.

Не вдаваясь в детали этих законодательных актов (важные сами по себе), отмечу, что на их основании было тогда же списано с населения до 52 млн руб. лежавших на нем долгов³.

¹ Министерство финансов. 1802–1902. В 2-х тт. СПб., 1902. Т. 2. С. 642.

² Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С. 107–108.

³ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 1. С. 134–136.

14 ноября 1894 г. Высочайшим Манифестом, изданным по случаю свадьбы Николая II, с населения было сложено еще около 50 млн руб. продовольственных долгов¹.

Все это радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью.

А. С. Ермолов: «Эти меры, благодетельные по своим намерениям, так как ими имелось в виду снять с населения лежавшие на нем тяготы, освободив его от обязанности возврата долгов, зачисленных за ним в бедственные годы неурожаев, **внушили, однако, крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь оказывается им безвозвратно, что продовольственных ссуд с них обратно взыскивать не будут.** Нужно ли говорить о **гибельных последствиях этого воззрения, глубоко теперь укоренившегося в народ?**»².

Так появилась почва, на которой выросли те настроения крестьян, комментируя которые официальный Отчет Управления сельской продовольственной частью МВД констатировал: «Население все более и более приучалось смотреть на предъявляемые к нему местными крестьянскими учреждениями требования об уплате продовольственных долгов как на исполнение пустой формальности, а на полученные им ссуды как на безвозвратное пособие — **«Царский паек»**»³.

Чем такая политика обернулась в перспективе позволяет судить уже цитированная выше мысль одного из податных инспекторов: «Постоянные неурожаи в настоящее время уже не беспокоят крестьян, которые уверены, что их казна накормит, а такая уверенность незаметно ведет крестьян к нищете, которую может быть уже в недалеком будущем трудно будет парализовать государственными мерами»⁴.

Под знаком изменившейся политики Власти прошли 1891–1900 гг. Продовольственное дело формально еще оставалось в ведении земств, однако фактически руководство им все больше уходило к правительственным органам — центральным и местным.

Сложение долгов не отменяло и других мер, облегчавших положение нуждающихся, таких, как закупки правительством лошадей для крестьян (однажды — без малого 70 тысяч), неоднократное разрешение Министерством земледелия и государственных имуществ крестьянам пасти скот в казенных лесах, косить сено, а также к заготовке веток лиственных пород на корм скоту, к сбору мха, хвои и листьев на подстилку скоту и к добыче песку, камня и гальки на казенных землях за соответствующий отработок и многое другое⁵.

За 1891–1900 гг. из средств Казначейства и из общеимперского продовольственно-го капитала на поддержку населения в годы неурожаев, на поддержание крестьянского скотоводства и на организацию общественных работ было отпущено 230 млн руб. (не считая 1,6 млн руб. лесного ведомства), т. е. в среднем за год — более 23 млн руб.⁶

Из этих почти 232 млн руб. порядка 90% — 211 млн руб. — подлежали возврату (ссуды продовольственные и семенные, на прокорм скота, на покупку лошадей и пр.). Меньшая часть, израсходованная на общественные работы и другие надобности, затрачивалась безвозвратно.

На деле же население вернуло лишь около 19 млн руб., а большая часть долгов была аннулирована Всемилодивейшими манифестами, Именными указами и Высо-

¹ Там же. С. 142–143.

² Там же. С. 143.

³ Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. ... С. 109, 110.

⁴ РГИА, ф. 573, оп. 25, д. 1037, л. 51–52.

⁵ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 1. С. 142–174.

⁶ Там же. С. 176.

чайшими повелениями. Из одних только ссуд по неурожаю 1891–1892 гг. сложено было, как говорилось уже, свыше 100 миллионов рублей. Остальное составляли расходы безвозвратные, долги губернским капиталам, долги за отпущенных лошадей и пр., также в основном позже сложенные¹.

Напомню, что бюджет страны в эти годы составлял порядка 1440 млн руб.² Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы.

Как кажется, обзор продовольственной помощи в 1900-х гг. целесообразно предварить следующей информацией, которая содержится в учебнике Истории России, выпущенном МГПУ, и которая позволит лучше представить финансовый масштаб обсуждаемых проблем.

«По сведениям фабрично-заводской инспекции, средняя по России зарплата за год составляла: в 1900 г. — 194 руб., в 1908 г. — 245, в 1913 г. — 263 руб. У металлистов, металлургов она доходила в 1913 г. до 500 (на Путиловском заводе — 610, у металлистов Петербурга — 546 руб.). Самые низкие зарплаты были у текстильщиков — 215 и у пищевиков — 240 руб. Таким образом, средние месячные зарплаты колебались в 1913 г. от 18 (у ткачей) до 50 руб. (у металлистов). Начинающие рабочие получали ниже средней зарплаты, квалифицированные — выше.

У рабочих, не относящихся к фабрично-заводской инспекции, заработки в 1913 г. были следующие: чернорабочие — 30 руб. в месяц, строители (столяры, штукатуры, слесари и др.) — 56, монтеры — 70–80, машинисты на железной дороге — 80–100 руб. В среднем с 1908 г. по 1913 г. зарплаты рабочих по стране поднялись на 7,5%, а индекс всех розничных цен — на 5,3%, т. е. росла и реальная зарплата. Доплаты к зарплате увеличивали ее примерно на 10–60%.

...Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле (несравненно дешевле! — М. Д.), в Петербурге — чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный —	5	Вино (1 л) —	40
Хлеб белый —	12	Ситец (1 м) —	18
Мука ржаная —	6	Сукно (1 м) —	2,8 руб.
Мука пшеничная —	7	Ботинки женские —	4 руб.
Картофель —	2	Полуботинки мужские —	3 руб.
Говядина выс. сорта —	50	Сапоги —	7 руб.
Молоко (1 л) —	8	Полушубок —	15 руб.
Колбаса вареная —	35	Билет в Большой театр —	32 коп.
Колбаса копченая —	75	Билет в кино —	18–20
Чай (фунт) —	150	Визит к врачу —	20
Масло растит. (1 л) —	32	Плата за обучение ребенка в школе —	2 руб. в мес.
Масло сливочное —	70–90	Сервиз фаянсовый на 12 человек —	10 руб.
Крупа гречневая —	9		
Водка(1 л) —	30		

¹ Там же. С. 176–177.

² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 538.

На питание тратилось в среднем, по материалам бюджетных обследований, у низкооплачиваемых одиноких мужчин 46% заработка, у среднеоплачиваемых — 33, у семейных — 57 и 45% соответственно. Более половины питалось дома, это считалось дешевле и вкуснее. Преобладала пища хлебно-овощная (щи, каша, хлеб, картошка, капуста). В рацион входило мясо, жиры, рыба, сахар. Фрукты почти отсутствовали, молочные продукты покупались главным образом семейными, имеющими детей.

Второе место занимали расходы на квартиру, отопление и освещение. Можно было снять по сравнительно дешевым ценам: «угол» (1 руб. в месяц в 1913 г. в Москве, в центре — дороже), комнату (от 3 руб. и выше; в центре с прислугой — 11 руб.), снять или купить квартиру (квартплата в среднем 20 коп. за 1 метр квадрат.) или дом.

Приведенные цены и зарплаты показывают, что в среднем рабочие могли неплохо питаться и найти жилье, но в то же время малооплачиваемые жили в плохих условиях в казармах, на мелких предприятиях часто ночевали в рабочих помещениях, а их питание, по отзывам санитарных врачей, было недостаточным. Водку пили почти все рабочие, но среднее потребление (5 л чистого алкоголя в год на душу населения) было не выше, чем в других странах¹.

В 1901 г. произошел новый неурожай, потребовавший новых значительных расходов. Ситуация в сельском хозяйстве страны оставалась такой, что несмотря на то, что 1902–1904 гг. были вполне благоприятными, каждый год происходили очередные «инъекции» из Государственного Казначейства на подкрепление общеимперского продовольственного капитала, и из этого капитала на помощь отдельным губерниям².

Долг населения по продовольственным ссудам на начало 1901 г. составлял 52,7 млн руб., а вернуло оно к 1905 г. лишь 771 тыс. руб. Между тем за те же годы во исполнение различных актов о предоставлении населению облегчений по взысканию с него продовольственных ссуд было списано со счетов долгов продовольственному капиталу 24,9 млн руб.

И все же, несмотря на это, к 1 января 1905 г. долги снова возросли до 127,6 млн руб., т. е. увеличились за 4 года на 74,9 млн руб.³

25 июня 1904 г. вышло Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров о порядке взыскания продовольственных долгов по ссудам, выданным до 1 января 1901 г., продолжавшее «облегчительную» тенденцию прежних лет.

11 августа 1904 г. последовал Высочайший манифест, изданный по случаю крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, содержавший новые и воистину царские милости подданным.

В частности, со всех вообще крестьян манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания. Очень серьезное облегчение — даже в сравнении с предыдущими актами — вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожая⁴.

¹ Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов в 2-х тт. Под редакцией А. Ф. Киселева и Э. М. Щагина. том. 1. М. 1998, С. 30–33.

² Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 1. С. 230–266.

³ Там же. С. 266–267.

⁴ Там же. С. 267–268.

Высочайший указ Сенату от 5 апреля 1905 г., изданный во исполнение положений Манифеста 11 августа, продолжил ту же линию, т. е. был направлен, как и предыдущие, на облегчение бремени продовольственных долгов, лежащих на населении.

Наиболее значительные «послабления» заключались в следующем. Из общей суммы продовольственных долгов населения *всем* существующим продовольственным капиталам по ссудам, выданным в неурожай 1891–1892 гг., и за время 1894–1904 гг. (от свадьбы Николая II по день рождения наследника Алексея Николаевича), повелевалось сложить в Казанской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерниях и в Терской области две трети, а в прочих губерниях половину всех долгов. Списание задолженности решено было производить для всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от продовольственных долгов те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией.

Общая сумма указанной задолженности составляла тогда 116,7 млн руб. Согласно положениям Указа должно было быть сложено порядка 72,9 млн руб., после чего общее количество долгов, оставшихся за населением и подлежащих взысканию, определялось в сумме 47,7 млн руб.

На деле сложено было гораздо больше. Согласно отчету ведомства Государственного Контроля за 1905 г. было исключено со счетов общеимперского продовольственного капитала долгов казне 90,7 млн руб. В долгах же населения этому капиталу осталось на 1 января 1906 г. 46,9 млн руб.

Долг населения общественным капиталам равнялся 9,4 млн руб. деньгами и хлебозапасным магазинам натурой 45 млн пуд. озимого и 22 млн пуд. ярового хлеба. Эти долги не были сложены и подлежали взысканию полностью. Однако дальнейшие положения того же Указа серьезно смягчали режим взыскания этой задолженности.

Последним пунктом Указа 5 апреля 1905 г. списывался долг общеимперского продовольственного капитала Государственному Казначейству в размере 75,1 млн руб¹.

По закону право на помощь из общего по Империи продовольственного капитала имело население только тех местностей, которые участвовали в его образовании (за счет особых сборов). Очень важно отметить следующее — когда капитала стало не хватать и деньги для него начало выделять Государственное Казначейство, это правило во многом утратило свое значение.

Так, в 1900-х гг., особенно с началом аграрной реформы Столыпина ссуды стали получать, во-первых, жители регионов, не участвовавших в его образовании, и, во-вторых, такие категории крестьян, которые не имели права на ссуды из этого капитала, например, переселенцы²; нравственная и социальная значимость данного факта понятна.

¹ Там же. С. 269–273.

² «Из числа переселенцев правом на ссуды пользуются лишь те, положение которых окончательно определялось на местах нового водворения, так как между ними и прочим крестьянским населением Империи в отношении права на продовольственную помощь не существует никакой разницы. Однако в последние продовольственные кампании помощь оказывается и прочим категориям переселенцев, находившихся в периоде водворения и даже новоселам, вовсе не производивших посевов на местах нового поселения. Попечение о новоселах составляет обязанность Главного Управления Землеустройства и Земледелия на основании 42 и 48 статей правил о переселении, в силу коих оказание помощи переселенцам в течение первых трех лет возложено на Главное Управление из особых кредитов на домообзаводство. Недостаток этих кредитов в связи с острой нуждой переселенцев побуждал МВД выдавать продовольственные и сменные ссуды и переселенцам указанной категории с разрешения Совета министров». (Отчет по продовольственной кампании 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 150.)

О динамике движения размеров общеимперского капитала можно судить по таблице 15.

Даже этот очень краткий обзор продовольственной помощи в конце XIX — начале XX вв. позволяет судить о направлении вектора социальной политики правительства, и оно, как можно видеть, имеет очень мало общего с привычными штампами традиционной историографии.

Таблица 15

**Ассигнования Казначейства
в имперский продовольственный капитал (млн руб.)**

<i>Годы</i>	<i>Сумма</i>
1881	3,2
1891–1892	146,5
1897–1898	35,0
1900	0,7
1901	20,0
1902	18,6
1903	5,0
1904	1,5
1905–1906	71,2
1906–1907	169,7
1907–1908	24,0
Всего	495,4

Источник: Отчет по продовольственной кампании 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 151

Главный вывод, который можно сделать из изложенного выше таков: ***правительство не просто спасало десятки миллионов людей от последствий неурожая. Оно фактически приняло на себя ответственность за стихийные бедствия.***

Населению пореформенной России продовольственная помощь была необходима. Вот, например, одно из многих свидетельств, подтверждающих это: «Последствия неурожая (1911 г. — М. Д.) отразились бы на местном населении еще сильнее, упадок и разорение хозяйств стали бы полными, если бы не оказана была своевременно помощь правительственною ссудюю хлеба на посев, продовольствие и прокорм скота. Без помощи невозможно было бы прожить местному крестьянскому населению так сравнительно благоприятно, как оказалось на деле: зима и весна пережиты без эпидемиологических болезней, развивающихся в местах голода, без падежа скота — с сохранением части его даже у недостаточных домохозяев или, вернее, бывших недостаточными домохозяевами и до года неурожая, поставившего всех в число недостаточных; население засеялось и снова ждет милости Божией урожая, своего кормильца. Не будь помощи со стороны казны, картина бедствия в крае от последствий неурожая была бы ужасною. К этой помощи пришлось прибегнуть населению в минувшем году почти поголовно»¹.

¹ РГИА, ф. 573, оп. 25, д. 1016, л. 147. Отчет податного инспектора 3-го податного участка Новоузенского уезда Самарской губернии за 1911 г.

Но только ли стихия была повинна в том, что неурожаи превратились в обыденный факт российской жизни конца XIX — начала XX вв.?

К. Ф. Головин в 1887 г. писал о быстром росте недоимок перед казной за ссуды на продовольствие и обсеменение полей, что не имело аналогов не только в Европе, но даже и в крепостной России. Это явление он условно называет «продовольственным банкротством крестьян». «Плачевное» руководство земством продовольственным делом к этому времени прошло, по его мнению, три стадии: «расхищение хлебных магазинов, растрату губернских продовольственных сумм и хронические заимствования на государственного продовольственного капитала. Не проходит года, даже самого урожайного, в который к правительству не обращались бы за ссудой несколько земств. Есть уезды, где эти займы повторяются из года в год. На крестьян все тяжелее ложится многомиллионная недоимка, быстро превращающаяся в неоплатный долг. И нет повода думать, чтобы в будущем это дело исправилось. Пока не устранена причина зла, — все более частое повторение неурожая, — нарушенное равновесие не может быть восстановлено.

Либеральная печать обыкновенно и в этом вопросе ссылается на малоземелье как на источник дефицита. Но, как бы назло ей, заимствования у казны всего чаще встречаются в губерниях наиболее многоземельных».

И затем Головин указывает: «Есть у нас целая обширная область, где займы из продовольственного капитала бывают лишь как редкое исключение или даже не встречаются: вовсе. Это — весь Западный край и Прибалтийские губернии. Финляндия при скудости своей почвы прибегала к этому средству крайне редко. Привислинские губернии, несмотря на густоту своего населения, не прибегали к нему никогда.

Есть, стало быть, в способе ведения хозяйства великорусскими крестьянами **не-что**, способствующее частому повторению неурожая и, заметим это мимоходом, чем более они обладают земельным простором, тем более рискованно и шатко их хозяйство»¹.

Искомое «нечто», как нетрудно догадаться, — уравнильно-передельная община, порождаемый ею хозяйственный строй, который формирует определенный тип экономического поведения крестьянства.

Головин в 1887 г. не мог знать, что «неоплатный долг» крестьянства после 1891 г. примет на себя «антинародная» Власть, которая, сама того, видимо, не желая, встало на путь поощрения социального иждивенчества, регулярно прощая населению продовольственные долги, пытаясь по-своему вновь показать ему — **кто** на самом деле заботится о нем.

Среди попыток осмыслить причины голода 1891–1892 гг. совершенно особое место заняла книга А. С. Ермолова «Неурожай и народное бедствие» (СПб., 1892), «первые однозначно связавшая неурожай и голод, потрясшие Россию, с характерными особенностями общинного землевладения и, по существу, поставившая дилемму: «или ликвидация общинных порядков, или периодическое возвращение голода на русскую землю»².

¹ Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 148–149.

² Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. — Тула, 1999. С. 33.

Вот как излагает взгляд Ермолова О. Г. Вронский: «Волна уравнильных переделов, прокатившаяся по Центрально-Земледельческому району в середине 80-х гг. XIX в., нарушившая видимую поземельную стабильность общинного землевладения, резко активизировавшая уравнильные тенденции в общине бывших государственных крестьян, потеснившая общину ревизских душ общиной наличных душ у крестьян бывших помещичьих, не выполнила задачи «земельного поравнения», не продвинула общину по пути к всеобщему равенству.

Негативные же последствия возвращения переделов как массового явления в общину земледельческого центра страны были весьма серьезными: несколько лет борьбы за передел, ожидание передела привели к ухудшению обработки земли, к сокращению ее удобрения, неумело произведенные переделы потребовали ежегодных «поправок» в виде свалок-навалок и переверсток, принципиальная возможность передела дамокловым мечом висела даже над беспередельными общинами. В предельно жесткой форме охарактеризовал ситуацию поземельной нестабильности рубежа 80–90 гг. XIX в. А. Ермолов, впрямую связав ее с беспомощностью русского крестьянского хозяйства перед лицом неурожая и голода 1891–1892 гг.: «Переделы, которые повторяются в неопределенные сроки, по усмотрению сельского схода, ставят крестьян в полную неуверенность относительно продолжительности пользования ими данными участками земли, — писал Ермолов, — у крестьян наших черноземных губерний прочного хозяйства теперь... нет вовсе, а есть одна спекуляция — землю, заработками, скотом, — спекуляция, основанная на возможности удачи в благоприятные годы и которая приводит... к полному экономическому расстройству, к нищенству и голоданию в годы выходящего из ряда неурожая». Публикация книги А. С. Ермолова буквально скандализовала русское образованное общество своей яркой антиобщинной направленностью, плохо согласующейся с общим духом «народного самодержавия» Александра III»¹.

В последующие годы «фактор общины» продолжал оказывать все более сильное влияние на проблему неурожая. В 1909 г. в двухтомной монографии с красноречивым названием «Наши неурожай и продовольственный вопрос» Ермолов резюмировал свои исследования и свое видение этой линии жизни страны.

В составленной по материалам этой работы таблице 16 систематизированы по губернские сведения о неурожайных годах за период 1867–1908 гг. Из нее следует, что реже всего — 1–2 раза за более чем 40 лет — неурожай официально отмечались в 10 губерниях, в числе которых три Юго-Западных, две Прибалтийских, две Литовских, одна Белорусская, одна Малороссийская; исключение — Ярославская губерния. За 43 года ни единого раза не получали ссуд из *общемперского* продовольственного капитала губернии Гродненская, Курляндская, Минская и Московская, а также 10 польских губерний, в которых полных неурожаяев не было вовсе².

¹ Там же. С. 85–86.

² Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 2, С. 6.

Таблица 16

Неурожайные годы в 1867–1908 гг.

Губернии	Число неурожайных лет			Губернии	Число неурожайных лет		
	1867–1890	1891–1908	1867–1908		1867–1890	1891–1908	1867–1908
Таврическая	11	10	21	Тверская	4	4	8
Самарская	7	12	19	Калужская	1	6	7
Пензенская	12	6	18	Курская	0	7	7
Оренбургская	8	9	17	Рязанская	2	5	7
Новгородская	6	11	17	Витебская	1	5	6
Вятская	3	12	15	Харьковская	1	5	6
Саратовская	4	11	15	Ставропольская	1	4	5
Псковская	7	8	15	Владимирская	1	4	5
Казанская	5	9	14	Черниговская	3	2	5
Симбирская	4	10	14	Астраханская	1	3	4
Екатеринославская	6	7	13	Архангельская	1	3	4
Херсонская	6	6	12	Костромская	0	4	4
Орловская	3	8	11	Донская	0	3	3
Уфимская	3	8	11	Виленская	1	1	2
Воронежская	0	10	10	Полтавская	0	2	2
Нижегородская	2	8	10	Волынская	0	1	1
Смоленская	7	3	10	Киевская	0	1	1
Тамбовская	1	9	10	Ковенская	1	0	1
Вологодская	6	3	9	Могилевская	1	0	1
Олонецкая	4	5	9	Лифляндская	0	1	1
Тульская	0	9	9	Подольская	0	1	1
Бессарабская	1	7	8	Эстляндская	1	0	1
Пермская	0	8	8	Ярославская	0	1	
Петербургская	4	4	8	Всего	130	256	386

Источник: Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 2. С. 4–6.

Таблица 16 показывает, что за пореформенный период область все чаще повторяющихся неурожаев сместилась с северных и северо-западных губерний на восток и юго-восток Европейской России, захватив и ЦЧР. В Малороссии и Юго-Западном крае неурожай бывали только спорадически, а в Новороссии повторялись чаще.

Число неурожайных лет не позволяет, однако, судить о масштабах недородов в отдельных губерниях. Так, Таврическая губерния за 21 год получила 4008 тыс. руб., а Самарская губерния за 19 лет — 64473 тыс. руб.

Поэтому более показательными являются сведения, во-первых, о величине ассигнований из общеимперского продовольственного капитала для борьбы с неурожаями, и, во-вторых, о сумме задолженности губерний этому капиталу, особенно с учетом **«целого ряда оказанных населению милостей, в виде сложения с него, в силу Царских манифестов и Высочайших указов, большей части лежавших на нем продовольственных долгов»**¹.

¹ Там же.

Таблица 17

**Губернии, получавшие наибольшие ассигнования
на продовольственную помощь в 1891–1908 гг.**

Губернии	Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства		Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.		Вся совокупность долгов населения губернии на 1 января 1909 г.		Задолженность населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6	25030	12,0
Саратовская	60709	12,4	23131	11,0	28732	9,3	22181	10,7
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3	20195	9,7
Симбирская	32134	6,6	12714	6,0	16742	5,4	12533	6,0
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4	9687	4,7
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5,0	9228	4,4
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2	12093	5,8
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8	12340	5,9
Пензенская	24495	5,0	10957	5,2	13870	4,5	10131	4,9
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8	9775	4,7
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1	5457	2,6
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7	9580	4,6
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8	6180	3,0
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9	2514	1,2
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1	1286	0,6
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7	3537	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7	3917	1,9
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1	755	0,4
Всего в 18 губерниях	456343	93,5	188667	89,5	249267	80,5	176419	84,8
Сумма по Империи	488145	100	210750	100	309500	100	208116	100

Источник: Ермолов А. С. Неурожаи и продовольственный вопрос... Т. 2. С. 7–28; Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб. 1912. С. 102–103.

Таблица 17 дает представление о размерах правительственных ассигнований на продовольственную помощь в наиболее нуждавшиеся 18 губерний, которые получили в 1891–1908 гг. более 5 млн руб., а также сведения о задолженности этих губерний общеимперскому продовольственному капиталу и общей сумме их продовольственных долгов, дополненные информацией Управления сельской продовольственной частью МВД о долгах продовольственным капиталам на 1 января 1912 г.

Все эти губернии образуют единый массив, охватывающий ЦЧР, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье (за его пределами остаются лишь Псковская и Херсонская губернии). Ермолов пишет, что население этого региона «всего чаще и всего больше пользовалось казенными восполнениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении», получив 93,5% зафиксированной Ермоловым гигантской суммы продовольственной помощи в без малого полмиллиарда

рублей¹. (Напомню, что «Большая флотская программа» оценивалась в 430 млн руб.). И хотя жителям этих губерний были прощены и списаны со счетов громадные суммы, на них приходилось почти 90% долга общеимперскому капиталу и свыше 80% общей продовольственной задолженности населения Европейской России.

Комментируя данный список, Ермолов акцентирует тот факт, что преобладают в нем земледельческие черноземные губернии, в которых **«господствует среди крестьян общинная форма землевладения»**.

И, напротив, губернии, не получавшие помощи от правительства, — в подавляющем большинстве губернии с подворным землевладением (Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского, на которые «впрочем, и не распространяются никакие правила нашего продовольственного устава»² Они же были самыми исправными налогоплательщиками, занимая последние позиции по размерам долгов, по недоимкам³ (см. ниже). В Западных губерниях еще с конца 1870-х гг. начался стихийный процесс землеустройства, и сотни деревень разверстались на хутора и отруба⁴.

Резюме Ермолова таково — общая сумма долгов и разнообразных пособий, получаемых от правительства **«тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения»**⁵.

Здесь уместно попытаться взглянуть на рассматриваемые сюжеты в более широком контексте. Из мировой истории известно, что до определенной стадии в развитии сельского хозяйства неурожай и смертный голод являются неизбежными спутниками того или иного народа.

Поскольку поведение людей во время голода, в общем, схоже в разных странах в разные периоды истории, то и способы борьбы с ним были более или менее одинаковыми. В Европе, как и в России, тоже создавали хлебозапасные магазины, принимали жестокие меры против спекулянтов, фиксировали цены, запрещали не только экспорт хлеба, но и вывоз его в другие провинции.

При этом даже в новой истории Европы, не говоря о средневековье и античности, имел место смертный голод. Достаточно вспомнить, что во время голода, поразившего Германию в 1771–1772 гг. в Саксонии погибло примерно 150 тыс. чел., а в Богемии — от болезней, возникших вследствие его — 180 тыс. чел. В Шлезвиге в 1847–1848 гг. от голодного тифа население сократилось на 10%. Болезнь картофеля в Ирландии в 1846–1847 гг. унесла жизни более 1 млн чел⁶.

Однако все это — факты истории европейского Старого мира, мира без железных дорог и пароходов. К концу XIX в. подобные явления остались в прошлом. Агрικultura перешла на новый, очень высокий уровень. Никакой продовольственной органи-

¹ «Общий итог этих сумм дает цифру в 488 145 000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15 000 000 р., отпущенных в 1901 и 1902 г. г. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891–1892 гг. на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей». (Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 2. С. 9.)

² Там же.

³ См. напр.: Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб. 1891. С. 79–178; Гурко В. И. Устои народного хозяйства. СПб., 1902. С. 1–19.

⁴ Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. СПб. 1905.

⁵ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 2. С. 32–33.

⁶ Там же. С. 138.

зации в Западной Европе, в отличие от России, не было. При этом, естественно, там случались засухи, недороды и пр., но голодная смерть ушла в предания. Население научилось само справляться с проблемами, а если, крайне редко, бедствие принимало экстраординарный характер, то правительство помогало ему, но совсем иначе, чем в России.

В огромной степени это было связано с начавшимся в странах Запада с середины XIX в. агрономическим просвещением крестьянства, инициатором которого выступило государство.

В России очень долго — фактически вплоть до Столыпинской аграрной реформы — ни у правительства, ни у общества не было понимания необходимости и сугубой важности ликвидации агрономической «безграмотности» крестьянства (см. ниже).

В России общественное мнение, как справедливо говорил Головин, за редкими исключениями главную причину участвовавших с 1891 г. неурожаев, часто привычно именовавшихся «голодовками», видело в малоземелье крестьян, получивших в 1861 г., как считалось, недостаточные для ведения хозяйства наделы.

Однако азбучная истина состояла в том, что в Австрии средний надел составлял 5,1 дес., во Франции — 4,4 дес., в Германии — 4,1 дес., и крестьяне там преуспевали. В России аналогичный показатель равнялся 10,2 дес. (11 га), а жила деревня несравненно хуже.

Наша общественность, обожавшая фиксировать отставание России от Запада, если ей это было выгодно, — очень часто, когда нужно было показать несостоятельность правительства в той или иной области, — в данном случае почему-то не ссылалась на западные реалии, настаивая на решающей роли малоземелья. Полемический прием-долгожитель.

Другие причины неподготовленности крестьян к неурожаям, связанные с их экономическим поведением, как, например, трудовая этика, производительность крестьянского труда, уровень крестьянского земледелия — чаще всего не рассматривались. О весьма неубедительных попытках — и тогдашних, и современных — связать плачевное положение сельского хозяйства с природно-климатическими условиями я писал в предыдущей книге¹.

Между тем проблема малоземелья — это, условно говоря, «проблема 53-го бензина».

Попробуем представить, что в самый простой *современный* автомобиль мы залили бензин с октановым числом 53, а затем подумаем над тем, насколько эффективно можно будет передвигаться на такой машине.

Номер бензина в данном случае — это, во-первых, сумма агрономических знаний крестьян и, во-вторых, возможность их рационального применения в случае, если они существуют.

Знания крестьян оставались на уровне средневековья (современники иногда писали, что на уровне эпохи Гостомысла), и для их увеличения в России вплоть до 1909 г. делалось очень мало. Но даже если они и были, то режим средневекового же общинного землепользования с принудительным севооборотом и чересполосицей, а также периодическими переделами земли в большинстве общин не позволял их успешно использовать. Между тем в общине третья часть земли ежегодно простаивала под паром (при малоземелье, замечу), и одно только введение многопольных севооборотов могло

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 310–350.

на *треть* повысить площадь обрабатываемой земли безо всякой ее национализации или «отчуждения за справедливую цену».

Однако и это объясняет не все. В основе неподготовленности крестьянства к неурожаям лежал сложный комплекс хозяйственно-экономических привычек, порожденных предшествующей историей страны.

В этом смысле показательно наблюдение податного инспектора 1-го участка Орского уезда Оренбургской губернии в отчете за неурожайный 1911 г.: «Обычно усиленный сбыт происходит в сентябре-октябре, а также в декабре по зимнему пути. В отчетном году много запасного хлеба вывезено было в начале июня, когда виды на урожай были хорошие; и в июле, даже августе, когда поднявшиеся вдвое цены соблазнили многих, рассчитывавших на авось, что хорошая осень поправит поздние хлеба...

Вообще **население крайне беспечно, о будущем думать не привыкло**, — огромные массы хлеба урожайных лет продает за бесценок с тем, чтобы в недород почти поголовно требовать продовольственной помощи. Таковая помощь оказывалась в отчетном году в форме ссуд»¹.

Отсутствие привычки думать о будущем — важная характеристика экономического поведения крестьян, к которой мы еще вернемся. Интересно продолжение этой мысли в источнике, показывающее, что, несмотря на «почти поголовное» получение продовольственной помощи, население этого участка в неурожайном году едва ли можно считать повально бедствующим: «Приблизительная доходность, полученная населением от сбора хлебов, может быть определена по средним рыночным ценам до 2 млн руб. — от картофеля, конопли, подсолнечников и т. п. — до 200 тыс. руб. от сена до 800 тыс. руб., общая доходность от земледелия — до 3 млн руб., на душу населения — 23–25 руб., на двор — 120–140 руб. Наиболее хлебородна одна волость Новопокровская, на каждый двор которой приходится свыше 30 дес. собственной земли чернозема со средней урожайностью до 100 пуд с дес. Данные по этой волости всегда значительно повышают средние цифры по отношению ко всему податному участку»².

Трудно не согласиться с тем, что данная информация нюансирует расхожее представление о «голодовках». И теперь мы должны попытаться понять механизм формирования подобных представлений.

2.1. Как рождался миф о голоде

Учащение неурожаяв давало общественности новые желанные поводы для обвинения правительства в несостоятельности, и она использовала эти возможности весьма продуктивно.

Широчайшая продовольственная помощь, которой ведало МВД, была для СМИ неиссякаемым источником самых разнообразных инсинуаций антиправительственного характера. Не принижая значения частной благотворительности, замечу, что она составляла считанные проценты и даже доли процента того, что давала Власть, реально обеспечивавшая питание иногда **десятков** миллионов граждан России во время недородов.

Как же создавались те стереотипы «вечнологодной» России, которые, как показало время, почти не поддаются исторической «коррозии»?

Я попробую проиллюстрировать это явление на примере неурожая 1906–1907 гг.,

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 25, Д. 768. Л. 75об.

² Там же.

самого крупного после 1891–1892 гг. Данная продовольственная кампания имела ту особенность, что общая ситуация недорода была радикально ухудшена аграрными программами предшествовавших месяцев, в результате чего крестьяне потеряли возможность заработать в тех самых имениях, которые они недавно сожгли.

В январе 1907 г. А. С. Ермолов принял предложение возглавить весьма представительный по составу Центральный Комитет по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению пострадавших губерний. Активно работая на этом поприще, он, в частности, лично ознакомился с положением дел на местах и то, о чем пишет, знал не понаслышке.

Анализируя устойчивое стремление прессы укрупнить в сознании читателей масштабы последствий неурожая 1906–1907 гг. и заодно опорочить продовольственную помощь правительства, весьма подробно разбирая недобросовестные приемы, к которым она для этого прибегала¹, особый раздел своей монографии Ермолов назвал «Преувеличенность слухов о голодании населения».

Обращаясь «к тем страшным проявлениям голода — до голодных смертей и самоубийств включительно, о которых тоже так много писали и кричали», он говорит следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что было много случаев смертей от болезней, развивавшихся на почве недоедания, преимущественно от разных видов тифа. Были местами вспышки скарлатины, уносившей, быть может, и более жертв, нежели обыкновенно при этой болезни, потому что как тиф, так и скарлатина, поражали уже ослабленные организмы. Были, хотя очень редко, смертные случаи и от цинги, которая тоже очень ослабляет организм и иногда на долгие месяцы, от опухания конечностей, калечит людей.

Но, согласно сообщению всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов местной врачебной администрации, — если уже не верить чинам администрации общей, — **ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде.**

Все такого рода случаи, о которых сообщалось в газетах — всегда очень глухо, без точного указания места, селений и без о(бо)значения имен лиц, якобы умерших от голода или прибегнувших к самоубийству, или убийству детей — расследовались на местах, насколько это было возможно при неопределенности указаний, и нигде не подтверждались, если, конечно, не считать смертей от болезней на почве недостаточного, плохого питания, и еще более многочисленных детских смертей от недостатка молока у матерей, от продажи или падежа крестьянской кормилицы — коровы, от отсутствия за больными детьми не только врачебного, но и всякого вообще ухода. Подобные случаи, к несчастью, очень обычны у крестьян и в нормальные годы, — неудивительно, что в год полного неурожая они во много раз возросли»².

Одним из доказательств «страшного голодания населения в газетах отмечались частые будто бы случаи продажи крестьянскими бабами и девками своих кос», продолжает Ермолов, «чтобы ценою их купить себе и детям хлеба на пропитание». Он не оспаривает того, что «подобные факты, вероятно, бывали, но они бывают всегда и, очевидно, не составляют явления необычного, исключительно вызванного голодовкою. Более того, я скажу, что в прежнее время, когда наши дамы почти все носили

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай ... Т. 1. 408–414.

² Там же. С. 414–415.

шиньоны, покупка у крестьянских женщин кос и отправка их целыми партиями в города составляла широко распространенный промысел». Он лично был знаком с одним крестьянином-мордвином, привозившим в Петербург «целый транспорт такого товара». Ермолов резонно замечает, что «в Париже, как известно, женщины из простонародья и зубы свои вырывают и их продают дантистам, чтобы несколько франков таким путем заработать, но ставить подобные явления на счет правительства едва ли там кому-нибудь приходит в голову»¹.

Еще менее основательными были «газетные рассказы о продаже татарами в Казанской губернии своих дочерей чуть не в рабство, и во всяком случае «на вывоз», чтобы избавить их от мук голодной смерти дома и самим на вырученные за них деньги прокормиться». Поскольку, в отличие от «обычных корреспонденций» такого рода, в данных публикациях были указаны населенные пункты и «даже поименованы отцы, будто бы продавшие своих дочерей», оказалось возможным проверить на местах все имеющиеся сообщения об этом. У Ермолова были копии с показаний, данных самими отцами при расследовании, — во всех указанных случаях речь о калыме, который жених-мусульманин выплачивал семье невесты².

Ермолов пишет: «Газетные сообщения о продаже девушек безусловно ложны и опровергаются собранными на местах сведениями. Были только обычные случаи выдачи невест замуж за так называемый «калым», или выкуп, уплачиваемый женихом родителям невесты. На этот счет мне удалось добыть протокол произведенного расследования, за подписью самих родителей, будто бы продавших своих дочерей из-за нужды. Следует притом заметить, что все случаи, на которые было указано в газетах, имели место еще, весной 1906 г. и даже в 1905 г. (т. е. до начала кампании — М. Д.). Вот что, между прочим, говорится в составленных протоколах: «Мы, нижеподписавшиеся такие-то, дали настоящий отзыв в том, что предъявленные нам газетные корреспонденции совершенно ложны, так как продажи дочерей туркменам, или отправки на Кавказ не было, и, по магометанскому шариату, нам это не позволено. Дочери наши не проданы, а выданы замуж с получением «калыма», как это делается по нашему закону каждым. Такой нужды, чтобы торговать детьми, мы благодаря Богу не терпим. Замуж выданы (а не проданы) нами за туркменов: Биби-Сапрон за туркмена Ставропольской губернии, повенчана 25-го мая 1906 г. в нашей деревне и увезена мужем, получено калыма 50 р.; Гизель-Банат выдана замуж за туркмена той же губернии в 1905 г. Второго сентября повенчана местным муллой, увезена мужем, калыма получено 50 р.: Шамфай — была просватана за туркмена в мае месяце 1906 г., калыма получено 50 р. деньгами и товару на одежду и платья дочери на 30 р., дочь препровождена к мужу с местным крестьянином. Лайли-Бадар-Зайнулина, вдова, уехала в Ставропольскую губернию сама и там вышла замуж». Один татарин Тетюшского уезда показал, что в июле 1906 г. им была просватана дочь Биби-Хафиза в деревню Идыл-Бай Ставропольской губернии за туркмена, дочь была им отправлена к жениху с двоюродной сестрою ее, состоящей в замужестве за туркменом той же деревни более 3-х лет. Деньги, 100 р., действительно получены, но не за продажу, а в калым, из них более 30 р. израсходовано на одежду дочери. Такой нужды, чтобы продавать детей, благодаря Богу не терпим. Дочь, как известно, живет хорошо, часто шлет письма и деньги, весной же ожидается приезд ее с мужем к родителям в гости.

¹ Там же.

² Там же. С. 416.

Такого же рода были и разные другие сенсационные сообщения о голодовках, питании разными суррогатами, влекшими за собой если не смерть, то заболевания и т. п. Профессор доктор Высоцкий удостоверяет, что и в Казанской губернии хлеб пушной, или желудевый большею частью делался напоказ, для экспорта, в виде доказательства отчаянного будто бы положения населения и с этой же целью предьявлялся в разных собраниях, но ни одного случая действительного питания населения таким хлебом, по его словам, констатировано не было»¹.

Еще один эпизод, знаковый в исторической ретроспективе. Курьезной, но в определенном ракурсе и глубоко символичной, может показаться история раздачи в Казанской, Нижегородской, Самарской и Симбирской губерниях кукурузы, которую купили по цене намного ниже ржи.

В конечном счете этот опыт дал весьма позитивные результаты. Однако поначалу жители этих губерний, которым кукуруза была «совершенно незнакома», просто не знали, что с ней делать. А. С. Ермолов комментирует: **«Этим опять воспользовались газетные корреспонденты, усмотревшие в факте раздачи кукурузы чуть не преступление со стороны администрации.** Не только люди — ни одна даже скотина кукурузы будто бы не ест, и только куры ее глотают и от нее даже жиреют, а лошади и скот прямо отворачиваются. Это я сам читал во многих газетах.

И действительно, крестьяне пользоваться кукурузой сперва не умели, и скот от нее отворачивался. Но ведь известно, что, например, степные лошади, никогда не видавшие овса, или лошади южных стран, привычные к ячменю или к той же кукурузе, на первых порах и от овса отворачиваются, — нельзя же из этого заключить, что овес — корм для лошадей непригодный?

Точно также всякий сельский хозяин знает, как трудно приучить скот ко всякому новому, непривычному для него корму — к корнеплодам, к тыкве, к силосованной кукурузе; несколько дней приходится с ним биться — морду воротит, не ест, а потом все коровы ревут от радости, когда воз силосованного корма въезжает во двор и начинается раздача. Точно также и при переходе с подножного корма на сухой зимний, коровы с тела спадают, молока убавляют, пока не привыкнут.

Для многих южных народов, даже у нас, на Кавказе, в Бессарабии, не говоря уже про Болгарию, Румынию, Италию, кукуруза составляет любимую, главную пищу сельского населения, **а у нас крестьяне с голоду умирают, но есть ее не могут.** Повторяю, на первых порах крестьяне не знали, как к ней приступить, пока их не научили, что кукурузу надо молоть, так же, как и всякий другой хлеб, на мельницах. Правда, что при размоле сухой и твердой кукурузы жернова требуют частой насечки, и мельники брали ее поэтому в размол неохотно. Затем из кукурузной муки действительно хлеба печь нельзя, — из нее делают лепешки или едят ее в виде каши (мамалыга — в Бессарабии, полента в Италии).

До этого крестьяне, которые будто бы питались желудевым и пушным, с виду похожим на навоз, хлебом, — не дошли и сами кукурузы почти не ели, невзирая даже на присылку из Бессарабии особых инструкторов, которые должны были показать, как с нею обращаться, но зато стали с большим успехом давать ее в корм скоту, который, отказываясь есть ее в натуральном, неразмолотом виде, только добрел, когда начали употреблять ее в виде подсыпки к соломенной резке. Таким образом, эта охаянная

¹ Ермолов А. С. Отчет о деятельности Центрального Комитета по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению пострадавших от неурожая 1906 года губерний. СПб., 1908. С. 75–77.

крестьянами и газетными корреспондентами кукуруза населению впрок пошла и сослужила ему полезную службу, если не для пищи людям, то в виде подсобного корма для скота»¹.

Да уж, долгий путь прошла Россия от 1906 г. и до момента, когда полвека спустя ее руководителя будут именовать «кукурузником» и когда кукурузу только что за Польшаным кругом не будут сеять!

А вот нижеследующая информация далека от курьеза: «Бывали случаи, когда крестьяне предъявляли хлеб, наполовину почти смешанный с мякиной, годный только в пищу скоту. Действительно, такие случаи бывали, но что же оказывалось? Расследования показывали, что крестьяне розданный им доброкачественный продовольственный хлеб нередко продавали на сторону, а тот, действительно наполовину иногда смешанный с мякиной или отрубями хлеб, который раздавался им для прокормления скота, предъявляли как розданный будто бы на продовольствие.

Бывали заявления и о том, что крестьяне получали в продовольствие хлеб чуть не на половину смешанный с землей, с песком. По расследованию оказалось, что крестьяне — возчики по пути между железнодорожной станцией или складом, откуда им отпускался хлеб, и селением, куда он отправлялся, часть хлеба продавали и досыпали землей или песком, а затем, по приезде домой, уверяли своих односельчан, что такой негодный хлеб был им отпущен, что, разумеется, вызывало массу жалоб, а затем и корреспонденции в газетах. В Самарской губернии несколько таких случаев было проверено, причем возчики хлеба были уличены в продаже хлеба дорогою и привлечены к законной ответственности»².

Разумеется, и в последующие годы уничижительная в отношении продовольственных кампаний тональность СМИ не изменилась.

Е. В. Белокуров, специально изучавший борьбу с неурожаем в 1911–1912 гг., пришел к выводу о том, что «продовольственная кампания 1911–1912 гг. была весьма успешной. Несмотря на значительный масштаб неурожая 1911 г., показатели смертности и заболеваемости населения как в России в целом, так и непосредственно в пострадавших губерниях практически не увеличились. Однако этот вывод нельзя с уверенностью распространить на те регионы страны, где была значительной доля кочевого населения, практически не охваченного статистикой. Неурожай также неблагоприятно отразился на благосостоянии крестьянского, казачьего и инородческого населения: в некоторых губерниях существенно сократилось поголовье скота, а также уменьшились посевные площади зерновых.

Несмотря на успешность продовольственной кампании, оппозиционная общественность расценила ее как несомненный провал. На страницах контролируемых ею периодических изданий звучала резкая, нередко несправедливая и пристрастная, критика всех мероприятий, инициируемых правительством»³.

В Отчете по продовольственной кампании 1911–1912 гг. есть специальный раздел «Периодическая печать», в котором наглядно демонстрируются приемы российской прессы того времени. Подробно анализировать его здесь нет возможности, хотя, право, он того заслуживает.

За ходом начавшейся кампании внимательно следил П. А. Столыпин, «требовав-

¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 1. С. 412–414.

² Там же. С. 411–412.

³ Белокуров Е. В. Продовольственная кампания 1911–1912 годов... С.119.

ший самого внимательного отношения к указанным сообщениям». В отчете приводится одна из его резолюций, «положенная им за несколько дней до мученической его кончины, по поводу газетной корреспонденции: «В. Э. Фришу. Обратите внимание на сегодняшнюю статью о положении Зауралья (Челябинский уезд) и на телеграмму из Симбирска. Что же касается заволжской голодовки, то тут нам надо приложить максимум энергии, надо обследовать все уголки. Для нас это дело совести»¹.

В ноябре и особенно в декабре 1911 г. число газетных сообщений с информацией и суждениями о ходе продовольственной кампании и положении дел на местах резко возросло, и «во многих из этих корреспонденций положение продовольственного дела представлялось в извращенном виде». Преемник П. А. Столыпина, Макаров, «признавая вполне естественным проявляемый обществом интерес к вопросам такой огромной важности», решил, что «правительство не может, тем не менее, мириться с допускаемым при этом некоторыми органами печати искажениями истины и обязано принимать меры против вовлечения читающей публики в заблуждение сообщениями неверных данных по вопросу столь выдающегося значения». МВД решило бороться с фальсификациями и начало внимательно следить за ходом освещения продовольственной кампании в печати. В январе 1912 г. Управлением сельской продовольственной части МВД было сделано 52 сообщения и опровержения, в феврале — 39, в марте — 31 и в апреле — 22.

Е. В. Белокуровым найдены свыше 150 запросов губернаторам по поводу газетных публикаций, касающихся голода, из которых более 50 «касаются материалов газеты «Русское слово» и почти столько же — «Речи». Корреспонденции «Нового времени» были опровергнуты менее 10 раз. Остальные запросы распределялись между материалами «Биржевых ведомостей», «Голоса Земли» и «Русских ведомостей», а также некоторых других газет, в число которых попали даже (по 1 разу) «Земщина» и «Россия»².

Трудно не согласиться с его мнением о том, что в «ожесточенной информационной борьбе между властью и оппозицией», которая велась на страницах газет во время продовольственной кампании 1911–1912 гг., «правительство оказалось в невыгодном положении: оно преимущественно оборонялось, а опровержения, печатавшиеся нередко через несколько недель или даже месяцев после опровергаемой корреспонденцией, тонули в массе нового критического материала»³.

Белокуров пока обнаружил лишь один случай конфискации газетного номера из-за публикации о «голоде», однако чрезвычайно символический: «За публичный призыв «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (п. 2. ст. 129 Уголовного уложения 1903 г.) пострадала легальная большевистская газета «Звезда». Отметим, что содержание не понравившейся властям статьи «Голодный вопрос» было аналогичным речам социал-демократических депутатов в Государственной Думе: «только демократизация всего государственного строя России и наделение крестьян землей без выкупа даст решение крестьянского вопроса вообще и вместе с ним решит “голодный вопрос”». Можно усмотреть некую иронию в том, что автором статьи был В. М. Молотов, печально известный своей ролью в коллективизации и последовавшем за ней голоде 1932–1933 гг.»⁴.

¹ Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. СПб., 1913. Кн. 1. С. 580.

² Белокуров Е. В. Продовольственная кампания 1911–1912 годов... С. 75–76.

³ Там же. С. 79–80.

⁴ Там же. С. 80.

Нехитрая тактика тогдашних СМИ в отношении действий правительства коротко описывается не вполне академичным присловьем: «Что ни делает дурак, все он делает не так!». Что бы ни предпринимало правительство, газеты были недовольны — шла ли речь об организации общественных работ для многих тысяч людей (в эту кампанию они развернулись в несравненно более широком масштабе, чем прежде.) или о рытье канав вокруг поселков в Тургайской области. Не было *буквально* ни одной правительственной меры, которая не была бы опорочена, или — в лучшем случае — не объявлена сомнительной.

Так, «продолжая настаивать на том, что общественные работы не могут удовлетворить нужды населения, печать ссылалась на ничтожность предоставляемого заработка, каким считался, например, подневный заработок работницы в 30 коп.; причем указывались и заработки за сдельные работы в 10 коп. — но таковые сообщения исследованием не подтвердились. Например, по проверке сообщения о том, что в Шадринском уезде были уволены с общественных работ крестьяне села Полевского за то, что жаловались на незначительность заработка, доходившего до 10 коп. в день на человека, оказалось, что Полевские крестьяне совсем в работах не участвовали, заработок же пешего рабочего в Шадринском уезде ниже 45 коп. в день не опускался. Точно также не подтвердилось и сообщение о малом заработке по Спасскому уезду, где пеший рабочий при сдельной работе в действительности получал в день от 50 до 70 коп....

В виду неоднократных, настойчивых, указаний газет на то, что тяжелые экономические условия заставляют население не только на много лет вперед в громадном количестве сдавать землю в аренду, но и продавать свои душевые наделы, Министерство Внутренних Дел, помимо запросов по поводу отдельных сообщений признало необходимым, полнее выяснить вопрос, и затребовало сведения о числе сделок по продаже наделной земли и о количестве проданных десятин с 1 сентября 1911 года по 1 февраля 1912 года и за то же время в предыдущем году. Согласно полученным сведениям, по 10-ти наиболее пострадавшим губерниям Европейской России в 1911—1912 гг. число сделок против 1910—1911 гг. было больше на 2283, а земли продано более на 13797 дес., причем, по сообщению Губернаторов, если и были единичные случаи продажи земли нуждающимися, то громадным большинством продавцов являлись крестьяне, проживавшие на стороне и не занимающиеся хозяйством». В этом смысле показательно «газетное сообщение», в котором говорилось, что два авторитетных наблюдателя, «объехавшие 60 селений Бузулукского уезда», установили, что их жители продали около 100 тыс. дес. наделной земли. А уездный съезд и местные нотариусы ответили на запрос МВД, что «количество проданной земли по всему Бузулукскому уезду за время с 12 августа 1911 года по 1 февраля 1912 г. равнялось всего лишь 4947 дес.»¹.

Уменьшение поголовья скота — обычный спутник (и признак) неурожая, которое бывает следствием продажи его за бесценок, падежа от бескормицы или эпидемий, суровой зимы. Правительство действовало в этих условиях по закону — либо принимало излишний по местным условиям скот к зачету, либо выдавало корма в ссуду или продавало по заготовительной цене. Однако «эта точка зрения не разделялась многими органами печати, ставившими каждое уменьшение скота в вину правительству, совершенно забывая, что к помощи владельцу 8-10 голов скота в неурожайной губернии в числе других был бы привлекаем плательщик податей — житель других губерний, подчас не имеющий и двух голов». Весьма характерное замечание.

¹ Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. ... С. 584, 586—587.

Главным для прессы было обличение правительства. При этом, кроме информации из киргизских степей, большинство сообщений о падеже скота оказалось неверными. Например, сообщалось, что в с. Старо-Борисовском, Спасского уезда Казанской губернии, от бескормицы пало 600 голов скота, а на поверку оказалось, что из общего количества в 1657 голов в данном селе пала всего одна лошадь из 24-х, переболевших мытом.

Но что такое одно село? Не тот масштаб.

Согласно газетному сообщению, по подсчету Самарской губернской земской управы, с лета по 15 октября у жителей губернии убыло 2,2 млн лошадей и коров, в то время как в предыдущем году за тот же период времени прирост составил около 3 млн голов.

«Запрошенная местным Губернатором Самарская губернская земская управа уведомила, что указанных сведений у нее нет. Сведения о численности скота по губернии земством собираются два раза в год — 15 апреля и 15 октября. По этим данным на 15 апреля 1911 года в губернии было лошадей и крупного скота всего 2212951 голова: на 15 октября 1911 года осталось 1735608 — только на 18594 головы менее того, что состояло на 15 октября 1910 года. Таким образом, за 6 месяцев 1911 года общее количество скота по губернии уменьшилось на 477343 головы, а за тот же период времени, т. е. с 15 апреля по 15 октября, в 1910 году скота в губернии тоже не прибавилось, а убыло 93909 голов»¹.

С декабря 1911 г. в СМИ стали «появляться телеграммы о случаях смерти от недоедания, а также о самоубийствах, вызванных голодом, и, наконец, было сообщено о распродаже голодными крестьянами детей киргизам. По сообщениям этим производились самые тщательные проверки не только местным губернским начальством, но проверялись они и при командировках на места чинов центральных учреждений, на которых возлагались особые поручения по продовольственному делу. Все эти сообщения оказались неверными.

Так, например, крестьянин Леонтий Павлов, якобы три дня просившийся на общественные работы и не принятый, умерший к вечеру третьего дня от голода, как оказалось, долгое время страдал одышкой, и, имея сына — хорошего работника и не нуждаясь, сам от работ по болезни отказался; умер скоропостижно.

Оказалось неверным и сообщение о смерти, удостоверенной якобы вскрытием, от питания одной гнилой картошкой трех детей с. Киязлы. Ничего общего с голодом не имели также причины смерти крестьян Березкина и Куликова.

Не подтвердилось и известие о смерти двух детей от голода в с. Сокуре. Духовенство, земский врач, смотритель земского училища и члены волостного попечительства заявили, что таких случаев не было, а размер оказанной населению Сокур помощи указывает, что таких случаев и не могло быть.

Сообщения о смерти от голода в поселке Грузинове, Саратовского уезда, проверить не удалось, так как такого поселка в данной местности не оказалось(!)².

Белокуров пишет: ««Ситуация, когда события, описанные в газетных корреспонденциях, происходили в не существующих, подобно «поселку отрубников Грузинову», деревнях и даже волостях, не была единичной. Например, в газете «Свет» от 25 декабря была помещена статья «Поездка на праздники», где описывалось бедствие

¹ Там же. С. 587–588.

² Там же. С. 588–589.

посещенных автором пострадавших от неурожая деревень. Сообщалось, в частности об отсутствии помощи, о высокой смертности от тифа. Однако Управление сельской продовольственной частью не смогло проверить сообщение, поскольку в корреспонденции не было указано ни название губернии, ни название уезда, а единственная привязка — упомянутая железнодорожная станция Клитниково в списке станций указателя железнодорожных сообщений не значилась. В «Русских ведомостях» 28 декабря 1911 г. была перепечатана заметка «Волжско-Камской Речи» из Спасского уезда, в которой утверждалось, что в селе Старо-Бариновском от бескормицы пало 600 голов скота, в особенности лошадей. Однако села Старо-Бариновского в уезде не оказалось. В наиболее похожем по названию селе Старый Баран никакого массового падежа лошадей не было. 18 февраля 1912 г. «Голос земли» напечатал телеграмму из Челябинска о том, что в башкирских волостях происходит массовая распродажа крестьянских земель. В одной Толстубаевской волости Крестьянским Банком было якобы куплено 9 тыс. десятин земли по 24 рубля за десятину. УСПЧ отметило, что Толстубаевской волости в Оренбургской губ. нет. В единственной похожей по названию Султаевской волости Челябинского уезда за 1911 г. Крестьянскому Банку было продано 1037 дес. наделной земли, а в 1912 г. — 925 дес. в среднем по 37 руб. 33 коп. за десятину»¹.

Равным образом, говорится в Отчете МВД, не подтвердились и корреспонденции о самоубийствах от голода: «Крестьянин Калмыков, о котором сообщалось, что он, голодая, пошел «в кусочки», а ничего не собрав, вернулся домой и повесился, оказался рабочим, живущим на готовых харчах в экономии помещика Устинова, получающим жалованье и совершенно не нуждающимся и никогда нищенством не занимавшимся. В виду семейного разлада и в сильно нетрезвом виде, Калмыков взял веревку и заявил, что пойдет вешаться, но его во время успели остановить.

Порезнов, о котором сообщалось, что он повесился, оказался жив и заявил, что о своем якобы покушении на самоубийство он узнал из газет...

Ничего общего с неурожаем, конечно, не имело и самоубийство алкоголика-живописца, покушавшегося на самоубийство в г. Саратове.

Большое впечатление произвела телеграмма из Оренбурга следующего содержания. «Врач отряда официально сообщает о том, что в поселке Денисовском Кустанайского уезда голодные крестьяне, не получая помощи, в отчаянии распродают своих детей киргизам».

Оказалось, что указанное сообщение действительно было сделано, но не врачом отряда, а переселенческим пунктовым фельдшером Сатуниным, который сделал его, побывав в конце ноября в поселках Денисовском, Коломенском, Гришинском и Карпыковском.

Дознанием, проведенном во всех посещенных Сатуниным поселках, установлено, что случаев продажи переселенцами своих детей киргизам ни одного не было, разговор же об этом возник в виду того, что крестьянин поселка Карпыковского, Михаил Перетянин, явившись 7 ноября в сельскую управу, требовал выдачи ему продовольственного пособия, назначенного в виду производившихся в то время общественных работ только семьям, не имеющим рабочих. И получив отказ, демонстративно грозил продать своего двенадцатилетнего сына бывшему у него в гостях киргизу Аяцкой волости Мандобеку Калманову, будто бы согласившемуся на эту покупку.

¹ Белокуров Е. В. Продовольственная кампания 1911–1912 годов... С. 77.

Этот прием понравился всему поселку, включившему 8 ноября эту угрозу в свой приговор, представленный крестьянскому начальнику 14 ноября, с ходатайством о выплате продовольствия. Поселок Карпыковский, имеющий 182 двора, заработал в течение осени 4156 руб. 76 коп. на общественных работах, а с 19 декабря, как и все перечисленные выше, получал продовольственную ссуду. В течение же первой половины 1911 года получил 31500 рублей деньгами домообзаводственных ссуд.

Крестьянин Перетянин перед описанным случаем два месяца служил возчиком казенного обоза, получая 18 рублей в месяц казенного жалованья. Фельдшер Сатунин объяснил, что основанием для донесения ему послужил случай с крестьянином»¹.

О подобных мистификациях сообщает и Белокуров: «“Голос земли” от 11 января и “Русское слово” 10 января 1912 г. сообщили о попытке самоубийства крестьянина Гладкова, который, приехав из голодающей деревни в Саратов и не найдя там работы, “в отчаянии нанес себе пятнадцать ран ножом в живот [!!! — Е. Б.]”. В реальности Гладков, который действительно нанес себе неопасные раны, оказался не голодающим крестьянином, а пензенским алкоголиком.

Двадцать третьего октября 1911 г. “Русское слово” рассказало о том, что в одном из селений голодающего Бузулукского уезда некий крестьянин, обремененный семьей из 8 человек, был вынут из петли. По сведениям самарского губернатора, такого случая ни в указанном, ни в окрестных селениях не было, а поводом к сообщению послужило то, что один крестьянин, “...обращаясь за помощью к частному лицу, сказал: “Живется так тяжело, хотя петлю на шею”. Материальное положение этого крестьянина не выделяется особенно нуждой, и он, будучи работоспособным, не пожелал участвовать в общественных работах”.

Вымыслом оказалась и корреспонденция, напечатанная в газетах «Раннее утро» от 5 января и “Речь” от 6 января 1912 г., в которой сообщалось о том, что заведующим одним из переселенческих участков Тургайской области Батмановым зарегистрирован случай смерти от голода целой семьи из трех человек. Запрошенный тургайским губернатором Батманов, однако, заявил, что “...случай смерти от голода ему не известен, о таковом [он] газетам сведений не давал и разговора о том не имел”»².

Вот так российская пресса формировала у читателей картину окружающего мира.

Создается впечатление, что в редакциях была матрица с описанием болевых точек любой продовольственной кампании, качество заполнения которой зависело от уровня способностей конкретных репортеров. Совершенно очевидно, что советская журналистика родилась не в пустыне.

Кстати, в свете сказанного особенно ясна несостоятельность идеи о том, что правительство пренебрегало общественным мнением — поскольку в стране была реальная свобода слова, то власть постоянно была под микроскопом и под прицелом одновременно.

Однако становление гражданского общества — процесс двусторонний. Но о чем можно говорить, если каждый мелкий промах власти фиксировался со злорадным удовлетворением, если журналистская доблесть виделась в нагнетании апокалиптической атмосферы?!

При этом Отчет показывает взвешенность позиции МВД, которая проста и разу-

¹ Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. ... С. 589–590.

² Белокуров Е. В. Продовольственная кампания 1911–1912 годов... С. 78.

мна: «Заканчивая настоящий очерк, нельзя не признать заслуг прессы в тех случаях, когда ею были указаны недостатки, всегда возможные в таком большом деле, особенно при наших громадных расстояниях, малой населенности и недостаточном количестве администрации.

Внимательно относясь к голосу печати и стремясь к одной цели — удовлетворению действительной нужды, правительство имело возможность устранить эти недочеты. Если немало было сообщений, не соответствующих действительности и сильно преувеличенных, то далеко не всегда, надо полагать, они являлись следствием намеренной тенденциозности газет, и появление их объясняется часто многими другими обстоятельствами.

Размер разразившегося стихийного бедствия не мог не повлиять на психику населения; создалась почва весьма благоприятная для распространения всевозможных слухов. Легенда о распродаже детей киргизам служит тому примером.

Известной долей впечатлительности не могли не заразиться и корреспонденты, особенно если они являлись городскими жителями (!). Печальная действительность бедной русской деревни не могла не вызвать в человеке, мало знакомом с крестьянским бытом, чувства жалости. Для многих корреспондентов трудно было разобраться в ее причинах, когда налицо ближайшая из них — неурожай. Трудно было для них определить пределы той помощи населению, которая в данном случае возлагалась законом на Министерство внутренних дел...

Трудно было разобраться и в справедливости жалоб и заявлений самого населения.

Громадное впечатление на всю читающую Россию произвело напечатанное в газетах воззвание Епископа Дионисия, в котором говорилось: «К Оренбургскому епархиальному начальству голодающие обращаются с просьбами о совершении последней литургии: — исповедуемся, пишут несчастные, — «и причастимся, чтобы встретить голодную смерть... Подобные известия не единичны».

На посланные по поводу вышеприведенного возвания и Председателем Совета Министров, и Министром внутренних дел запросы епископ Оренбургский объяснил, что сообщение об обращении голодающих с просьбами о совершении последней литургии основано на словах прошения крестьян Петропавловского поселка. Кустанайского уезда от 5 октября, в котором крестьяне, прося о помощи, пишут, что приготовились к смерти. Других прошений такого содержания не было.

Из донесения Тургайского губернатора выяснилось, что в Петропавловском поселке осенью были открыты работы на всю сумму продовольственной потребности населения, а именно на 17908 руб., причем до 27 октября было уже заработано 3688 руб.

Будем надеяться, что, если Господу Богу угодно будет подвергнуть русских земледельцев новому тяжелому испытанию, то печать выяснением действительных нужд населения и указанием на всегда возможные недочеты в деле оказания помощи пострадавшим, еще более поможет правительству в достижении его единой цели: в пределах, указанных законом, облегчить положение населения. Чем строже будет относиться сама печать к делаемым ею сообщениям, тем авторитетнее будет ее голос, тем ценнее ее указания»¹.

¹ Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. ... С. 590–591.

Таким образом, МВД, признавая важность сотрудничества с прессой и приводя примеры достоверных газетных публикаций, благодарит ее за участие в важнейшем общем деле — помощи голодающим.

Министерство просит лишь некомпетентных людей, оперирующих с информацией, в прямом смысле слова касающейся жизни людей, быть осторожнее и щепетильнее, не делать предвзятых масштабных обобщений и тем более не заниматься фальсификациями. А людей безответственных — идет ли речь о фельдшере Сатунине или о епископе Оренбургском — хотя бы несколько задумываться о последствиях своих действий.

Это полное невеселой иронии заключение, сделанное сотрудниками самого крупного из центральных ведомств Империи, примечательно. Занимаясь спасением миллионов людей от нужды, оно вынуждено было одновременно занимать круговую оборону и постоянно оправдываться перед людьми, сделавшими поношение властей своей профессией.

Вместе с тем приведенная выше информация наглядно демонстрирует, в какой мере можно доверять «апокалиптическим» сообщениям дореволюционных СМИ. И, соответственно, актуализирует такую источниковедческую проблему, как проблема достоверности материалов прессы конца XIX — начала XX вв.

2.2. Повседневность неурожайного года

Вернемся, однако, к продовольственной кампании 1906–1907 гг.

Вот как резюмирует ее итоги А. С. Ермолов: «Скажу, однако, что **все эти опровержения заявленных, извращенных или преувеличенных фактов** приводятся мною не для того, чтобы доказать отсутствие в посещенных мною губерниях нужды и народного бедствия — несомненно, что нужда была, она была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания, и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов — обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать.

Надо, наоборот, отметить, что благодаря принятым мерам, благодаря широкому ассигнованию денежных средств правительством, благодаря деятельности Красного Креста, земства, Общеземской организации, Вольного Экономического и Пироговского обществ и множества других учреждений, и развитию, хотя гораздо менее широкому, нежели в 1891 году, частной благотворительности, с бедою удалось совладать и население пережило тяжкую годину с меньшими потерями и жертвами, нежели этого можно было даже ожидать»¹.

Нельзя не сказать о том, что драматический пафос опровергаемых Ермоловым газетных публикаций, как множества аналогичных сообщений о массовом переходе крестьянства России «от постоянного недоедания к полной голодовке», заметно снижается некоторыми статистическими данными, прежде всего расходами населения на водку в неурожайные годы.

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 1. С. 416–417.

Таблица 18

Средний душевой расход на водку в 1904–1907 гг.

Территория	Средний душевой годовой расход на вино в коп.			Увеличение в 1906–1907 г. в % сравнительно с	
	1904–1905*	1905–1906*	1906–1907*	1904–1905	1905–1906
В 32 губерниях	457	486	498	7	2
В остальных губерниях	387	429	464	19	8
По Империи	416	453	478	15	5

Источник: Продовольственная кампания 1906–1907 гг. по данным материалов МВД. СПб. 1908. Т. 1. С. 342.

* С 1 июля текущего по 1 июля следующего года.

Из таблицы 18 следует, что душевое потребление водки в 32-х губерниях и областях, на которые распространялась продовольственная кампания 1906–1907 гг., было выше, чем в остальных губерниях и чем по Империи в целом, однако под влиянием неурожая относительно оно увеличилось меньше.

В таблицах 19 и 20 губернии разделены в зависимости от того, выросли или уменьшились в 1906–1907 г. в сравнении с 1905–1906 г. расходы их жителей на спиртное.

Таблица 19

Губернии, в которых душевой расход на водку с 1 июля 1906 по 1 июля 1907 г. сравнительно с 1905–1906 сельскохозяйственным годом увеличился (коп. на душу)

Губернии и области	1	2	3	Губернии и области	1	2	3
Витебская	310	36	679	Оренбургская	513	23	1288
Вятская	330	22	1480	Костромская	519	33	1062
Казанская	332	0	1064	Орловская	524	34	1584
Псковская	370	38	604	Харьковская	535	12	2036
Акмолинская	390	18	386	Архангельская	540	72	272
Воронежская	414	24	1635	Нижегородская	541	3	1263
Новгородская	415	46	815	Смоленская	572	46	1308
Пензенская	456	15	1013	Владимирская	591	60	1332
Тамбовская	461	6	1895	Тульская	655	54	1378
Калужская	500	6	851	Екатеринославская	741	14	2588
Ставропольская	500	14	703	Астраханская	1001	40	982
Рязанская	501	42	1355	Петербургская	1391	54	4332

Источник: Продовольственная кампания 1906–1907 гг. по данным материалов МВД. СПб. 1908. Т. 1. С. 343. Значения пунктов 1–3 первой строки:

1. Средний душевой расход на водку с 01.07.1906 по 01.07.1907 г.
2. Увеличение сравнительно с 1905–1906 сельскохозяйственным годом.
3. Потребление водки в губернии в тысячах ведер с 01.07.1906 по 01.07.1907 г.

Таблица 20

**Губернии, в которых душевой расход на водку
с 1 июля 1906 по 1 июля 1907 г. сравнительно
с 1905–1906 сельскохозяйственным годом уменьшился (коп. на душу)**

<i>Губернии и области</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>Губернии и области</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Тургайская	123	127	79	Симбирская	387	2	891
Уральская	153	13	138	Саратовская	427	11	1555
Уфимская	319	67	1083	Таврическая	518	20	1199
Самарская	376	56	1584	Донская	532	37	2122

Источник: Продовольственная кампания 1906–1907 гг. по данным материалов МВД. СПб. 1908. Т. 1. С. 343.

Значения пунктов 1–3 первой строки:

1. Средний душевой расход на водку с 01.07.1906 по 01.07.1907 г.
2. Уменьшение сравнительно с 1905–1906 сельскохозяйственным годом.
3. Потребление водки в губернии в тысячах ведер с 01.07.1906 по 01.07.1907 г.

Цифры и увеличения, и снижения потребления водки, как можно видеть, различны (в Казанской потребление осталось на прежнем уровне), но лишь для Уфимской, Самарской и особенно Тургайской уменьшение достаточно заметно, в остальных же губерниях оно исчисляется несколькими процентами.

Средний душевой расход на водку в 1906–1907 г. по Империи был равен 478 коп., и из таблиц 19–20 следует, что в 15 губерниях из 32 расходы на водку оказались ниже этой цифры, а в 17 — выше.

Ермолов, в свою очередь, использует абсолютные погубернские цифры дохода от продажи питей, и картина, которую рисуют эти показатели, впечатляет. Он приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской. За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130505 тыс. руб., за тот же период 1905–1906 г. — 129943 тыс. руб., за тот же период 1904–1905 г. — 115454 тыс. руб. соответственно.

Таким образом, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс. руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс. руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г. Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 тыс. руб. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 тыс. руб., т. е. на 2176 тыс. руб. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей»¹.

Оценить масштаб этих цифр будет проще с учетом того, что крейсер «Варяг» обошелся России в 4,2 млн руб², что броненосец типа «Полтава» стоил 10,7 млн руб., а типа «Бородино» — 14,6 млн руб. В «Истории СССР с древнейших времен» говорит-

¹ Там же. С. 417–418, 421.

² Мельников Р. М. Крейсер Варяг. Л., 1983. С. 22.

ся, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд рублей¹. К. Ф. Шацилло определял стоимость потерянных кораблей в 230 млн руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура — в 255 млн руб². То есть, порядок затрат понятен.

Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что для большинства этих губерний оба года были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость большинства боевых кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи, участвовавших в войне с Японией, вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре и др.

Это определенно не согласуется с сообщениями оппозиционных СМИ «о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях», и в еще большей степени противоречит представлениям советского времени о том, что такое «голод». Безусловно, нищета имела место, равно, как и голодание, однако они не касались большей части населения.

Безусловный интерес представляет объяснение, которое МВД дало росту расходов на спиртное в 1905–1906 гг. В принципе размер душевого потребления водки в России после 1861 г. находился в зависимости главным образом от размера акцизной ставки, а следовательно и стоимости водки: чем ниже была акцизная ставка (в 60-х годах — 4–5 коп. за градус спирта) и, соответственно, дешевле водка, тем выше было душевое потребление и наоборот. В 1890-х годах потребление вина упало почти наполовину (акцизная ставка была 9,25 коп. и 10 коп.). Аналогичные явления отмечались и в других странах (Бельгия, Франция и т. д.)

Следующим по значимости фактором был урожай хлебов. С середины 1880-х гг. наибольшее падение потребления водки (с 0,57 вед. до 0,50 вед.) совпало с неурожайным 1891 г., и затем уровень потребления колебался явно в зависимости от урожая. Однако с 1905 года душевое потребление водки начало возрастать, несмотря на следовавшие один за другим (1905 и 1906 г. г.) неурожай.

Вот как составители Отчета интерпретируют это явление: «Несомненно, что появились новые, поднявшие душевое потребление вина, причины, в значительной степени обессилившие влияние не только неурожая, но и других неблагоприятных экономических условий. Таковыми, по данным Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей следует признать прежде всего приподнятое настроение (sic!), в котором находилось население под влиянием политических событий последних лет, сопровождавшихся местами аграрными беспорядками, погромами, разбоями, грабежами, уклонением от платежей государственных и земских повинностей, выборкой вкладов из сберегательных касс вследствие революционных воззваний и т. п. Кроме того, в городах, где главным образом и замечалось повышение потребления вина, немалую роль сыграл праздничный отдых приказчиков торговых заведений и ломовых извозчиков. Наконец, отмена выкупных платежей, сократив расходы сельского населения, тоже до некоторой степени способствовала усилению потребления вина, равно как и прилив в деревню денег в виде пособий, выдававшихся вследствие общей мобилизации.

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 523.

² Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М. 1968. С. 44.

На перечисленные причины ссылаются большинство управляющих акцизными сборами в своих донесениях Министерству Финансов.

Некоторые из них останавливаются при этом также на небывалом увеличении количества крестьянских свадеб, в зависимости от возвращения с войны запасных, в нередких случаях привезших с собою денежные сбережения, причем указывают и на наплыв в деревню рабочих, работавших на стороне и вернувшихся в родные деревни вследствие закрытия фабрик и заводов.

При неурядицах и смутах, охвативших сельскую жизнь, указывают отчеты управляющих акцизными сборами, крестьяне, совершенно выбитые из обычной колеи и крайне возбужденные всякого рода слухами об улучшении тем или иным путем их материального благосостояния, вполне естественно отбросили мысль о сбережении копейки про черный день, нередко тратя на вино даже последние деньги. Нельзя, наконец, обойти молчанием имевшие место, по свидетельству управляющих акцизными сборами, случаи реализации продовольственных ссуд и употребления получавшихся при этом денег на приобретение спиртных напитков»¹.

Инспектор 2-го податного участка Камышинского уезда Саратовской губернии в своем Отчете за 1906 г. подтверждает эти рассуждения: «Свое предположение о возможности более серьезных результатов от податной деятельности 1906 года я основываю на блестящих результатах винной монополии, давшей по сравнению с спокойными годами некоторые излишки. Мне кажется, благодаря падению дисциплины в крестьянской среде среди крестьян усилилось пьянство и ими были пропиты и те деньги, которые в покойное время они, может быть, обратили бы на исполнение своих податных обязанностей. Противодействовать этому злу податная власть была бессильна»².

Анализируя причины безуспешного поступления окладных сборов, инспектор Сердобского уезда добавляет к этой информации важные нюансы: «Одна из них — это настроение крестьян, продолжавшее оставаться, как и в 1905 г., приподнятым, беспоконным и недоверчивым; ни один крестьянин, даже вполне состоятельный, не хотел платить добровольно, указывая, что и другие не платят, что взыскание — должно производиться со всех; многие надеялись, что недоимки в конце концов будут сложены. Надежда на прощение податей почему-то была распространена среди крестьян многих селений»³.

В плане характеристики положения населения заслуживают также внимания сведения о потреблении населением остальных предметов косвенного обложения, таких, как пиво, спички, сахар, нефть (керосин) и махорка. Поступление этих налогов в государственные доходы является не менее важным показателем благосостояния населения, чем расходы на водку, поскольку расширяет спектр его жизненных потребностей, который традиционной историографией неявно (а некоторыми ее адептами — и вполне явно!) сводится к потреблению углеводов и воды из колодезев.

¹ Продовольственная кампания 1906–1907 гг. по данным материалов МВД. СПб., 1908. Т. 1. С. 344–345.

² РГИА, Ф. 573, Оп. 25. Д. 1037 л. 70.

³ Там же. Л. 108–108об.

Таблица 21

**Душевое потребление и душевой расход
на предметы косвенного обложения в 1904–1907 гг.**

Годы	Пиво		Сахар		Махорка		Спички		Нефть		Всего на душу коп.
	1	2	3	2	3	2	4	2	3	2	
1904	38	41	13,3	169	1,07	24	2,1	21	11,2	35	290
1905	42	47	14,5	184	1,02	22	2,0	20	15,0	52	325
1906	50	58	14,7	187	1,09	24	2,3	23	14,0	46	338
1907	51	60	15,6	197	1,04	23	2,6	26	16,0	52	358

Источник: Продовольственная кампания 1906–1907 гг. по данным материалов МВД. Спб. 1908. Т. 1. С. 343. Значения пунктов 1–4 первой строки:

1. Потребление на душу в ведрах
2. Душевой расход в копейках
3. Потребление на душу в фунтах
4. Потребление на душу в коробках (пачках)

Из таблицы 21 можно видеть, что суммарный душевой расход населения на указанные предметы составил в 1904 г. 290 коп., в 1905 г. — 325 коп., в 1906 г. — 338 коп. и в 1907 г. — 358 коп.¹ Это значит, что если в 1904 г. семья из шести человек (средняя семья по переписи 1897 г.) тратила на эти товары 17,4 руб. в год, то в 1907 — уже 21,48 руб., т. е. на 23,4% больше.

При этом расходы на махорку и нефть не увеличиваются. Но первый факт объясняется не сокращением потребления табака, а ростом потребления дешевых папирос (20 штук за 5 и 6 коп.) «не только среди ремесленников, мастеровых и крестьян, проживающих в городах, но и среди сельского населения», показатели продаж которых ежегодно растут². Нефтяная же промышленность России переживала в это время трудности, усугубленные активным участием Баку в революции 1905 г.

Статистика поступления косвенных налогов по губерниям и месяцам велась только для «вина», а для указанных продуктов — только по Империи и по календарным годам. Тем не менее приведенные данные показывают, что потребление предметов косвенного обложения ни в 1906, ни в 1907 г., несмотря на неурожай, постигший большую часть страны, не сократилось.

Далее.

Понятно, насколько важной характеристикой экономического состояния населения является брачность. Из 12-ти наиболее пострадавших губерний снижение брачности в 1906–1907 г. отмечается в четырех — в Нижегородской, Оренбургской, Самарской, и Уфимской, а в остальных — Казанской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской брачность в 1906–1907 г. в той или иной степени повышается³.

Не нужно специально пояснять также, насколько важны и интересны данные о динамике вкладов населения в сберкассах — самом массовом и демократичном виде сбережений (процентными и иными ценными бумагами владела тогда очень небольшая часть жителей страны), тем более в периоды, подобные 1906–1907 гг.

¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. I. С. 423.

² Продовольственная кампания 1906–1907 гг. ... С. 346.

³ Там же. С. 329–341.

А. С. Ермолов считает важным подчеркнуть, что «наряду с такой печальной стороной русской народной жизни, как потребление вина на десятки миллионов рублей в то самое время, когда более или менее значительная часть населения находилась в состоянии полной нищеты и даже голодала, и, во всяком случае, не могла обходиться без правительственной и частной помощи», зафиксировано поступление больших сумм в тех же пострадавших от неурожая губерниях, денег в сберегательные кассы»¹.

Вот лишь некоторые данные, относящиеся к тем же 12 неурожайным губерниям за период с 1 мая 1906 по 30 апреля 1907 г. К началу этого года в сберкассах этих губерний находилось вкладов на сумму 154700 тыс. руб.

В течение 12 месяцев было внесено 103700 тыс. руб.

За то же время востребовано вкладов на 86600 тыс. руб.

Наличность вкладов на 1 мая 1907 г. 171800 тыс. руб.

Итого прирост за 12 месяцев 17100 тыс. руб.

Среди 12 губерний, к которым относятся эти данные, нет ни одной, где сумма выданных вкладов превышала бы поступления, хотя размер прироста вкладов был неодинаков.

Ермолов отказывается «основывать какие-либо определенные выводы на этих данных», он понимает при этом, что из армии возвращались запасные солдаты, что деньги в сберкассы откладывали, конечно, не те крестьяне, у которых не было хлеба не то что на продажу, а и на собственную еду. Да и неурожай на всей территории пострадавшего района был «пестрым», а не сплошным. Тем не менее, «во всяком случае, заслуживает полного внимания тот факт», что к началу августа, когда неурожай был уже налицо, население 32 пострадавших губерний и областей «встретило этот бесхлебный год с запасом сбережений от прежних лет в 533,6 млн руб., а к 1 июля следующего за тем года, не только этого запаса не истощило, а еще увеличило его на 66,5 млн руб.»²

Мы вслед за А. С. Ермоловым не будем делать обобщений, но задумаемся о проблеме «семантической инфляции».

Что же следует из описания продовольственной кампании 1906–1907 гг. ?

В первую очередь нужно отметить, что приведенные выше факты рисуют картину, разительно отличающуюся от того, что мы знаем о 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг.

Источники говорят о том, что на фоне неурожая 1906 г. и нужды части — но отнюдь не всего — населения даже и в пострадавших губерниях «происходит жизнь» во всей своей полноте. Причем в 1905–1906 гг. она далеко выходит за пределы нормы — не только из-за «аграрных беспорядков, погромов, разбоев, грабежей», вызвавших своеобразную «приподнятость населения», но и в связи с окончанием бессмысленной войны, с возвращением солдат с фронта, со свадьбами и многим другим. Люди, несмотря на неурожай, продолжают печалиться и радоваться, как они это и делают всегда.

Да, есть болезни, которые всегда возникают при истощении организма и с которыми борются медики, но нет смертей от голода. И главное — нет населения, брошенного своим правительством на произвол судьбы, населения, оставленного один на один с природным (а не созданным специально) катаклизмом, как это было в 1932–1933 гг.

Представление о правительственной политике в отношении пострадавшего от стихийных бедствий населения не будет полным без упоминания о том, что в случае неурожая железнодорожные перевозки производились по льготным и пониженным тарифам. Так, в 1891 г. хлеб в пострадавшие районы транспортировался по ставке $1/100$

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. I. С. 425.

² Там же. С. 427–428.

с пуда и версты, по свидетельствам земских управ и правительственных учреждений или со скидкой в 52% с общей формулы без предъявления таких свидетельств, а перевозка кормов (сено, солома, барда, дробина, гуща и выжимки) стоила 3 коп. с вагона в 610 пудов со свидетельствами и 6 коп. в случае их отсутствия; по аналогичным тарифам перевозились рогатый скот, лошади и дрова. Льготами пользовались лица, уезжавшие из пострадавших районов на заработки. Грузы, отправлявшиеся учреждениями общества Красного Креста, епархиальными комитетами и губернаторами, транспортировались бесплатно.

Когда в 1892 г. началась эпидемия холеры, чрезвычайными тарифами была сделана скидка в 75% с общих тарифов для проезда врачей, студентов-медиков 4-го и 5-го курсов, фельдшеров и фельдшериц, сестер милосердия и других лиц санитарного и медицинского персонала, а также на транспортировку необходимых для борьбы с холерой оборудования и медикаментов. Но уже с 1894 г. все такие перевозки стали бесплатными¹.

И в последующие годы правительство придерживалось той же линии.

Итак, во второй половине XIX — начале XX вв. продовольственная помощь в разнообразных формах была очень важной частью государственной политики. Правительство Империи тратило огромные средства на организацию помощи пострадавшим от неурожая жителям и, в отличие от Совнаркома СССР, не заставляло людей в одиночку бороться с нуждой.

---

¹ Министерство финансов. 1802–1902... Т. 2. С. 264–265.

3. СТАТИСТИКА ПРОТИВ ПУБЛИЦИСТИКИ: ПЛАТЕЖИ И НЕДОИМКИ

В нашем распоряжении есть и другие данные, которые не совмещаются с негативистским подходом к жизни пореформенной России.

Первый их комплекс касается «непосильных платежей» крестьянства. Сетования на них, как и на «постоянные голодовки», были неотъемлемым атрибутом картины народных страданий, которую создавала оппозиционная литература. При этом известные всем в то время факты уменьшения государством налогового бремени, лежащего на населении, получали предвзятую интерпретацию, сознательно преуменьшались или даже игнорировались.

После 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходят важные изменения. Начавшийся переход к общегражданскому строю не мог не сказаться на структуре податного обложения. Значение прямых налогов в бюджете постепенно снизилось с 33,0% в 1867 г. до 14,5% в 1897 г., к уплате налогов стали привлекаться категории жителей, ранее свободные от нее, усилилось обложение имущих классов, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение и т. д. Александр II отменил соляной налог (1880 г.), Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать, а Николай II с 1907 г. — и выкупные платежи. Все это в совокупности резко уменьшило обременение податного населения налогами¹.

Эти сюжеты освещаются в современной историографии², однако для понимания логики дореволюционной оппозиции нам следует обратиться к статье о налогах, помещенной в репринтном издании «Россия», собранном в 1991 г. из материалов 54 и 55 томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (далее: Энциклопедический словарь «Россия»).

Таблица 22

Структура прямых налогов в 1867–1897 гг. (млн руб.)

Вид налогов	1867	1877	1887	1897
Подушные подати	37,2	56,8	1,1	1,3
Оброчная подать	34	33,8	2,4	2,4
Налоги местные с земель и других недвижимых имуществ и личные	10,6	16,4	19,9	16,5
Налог на недвижимые имущества в городах	2,1	4,3	6,3	7,8
Гос. поземельн. налог	нет	7,7	12,4	8,0
Промысловый налог	9,5	15	28,9	46,6
Налог с денежн. капиталов	Нет	Нет	11,7	15,6
Квартирный налог	Нет	Нет	Нет	3,2
Итого	93,5	133,9	81,3	101,4

Источник: Энциклопедический словарь «Россия». Л. 1991. С. 199.

¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. 324–325 и др.

² Петров Ю. А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002 М., 2003; Шаццлло М. К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002 М., 2003; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццлло М. К. История налогов в России: IX — начало XX в. М., 2006.

Таблица 22, детализирующая компоненты прямых налогов в пореформенной России, комментируется следующим образом: «В 1867 г. прямые налоги, лишенные словесного характера (т. е. падавшие не на одних крестьян, а на все классы), приносили только 22,2 млн руб., в 1877 г. — 43,4, в 1887 г. — 78,7 в 1897 — уже 97,7 млн руб. Из сравнения цифр за 1877 и 1897 г. видно важное значение податной реформы, осуществленной Бунге и его преемниками: из податной системы исключено на 90,6 млн руб. налогов, лежавших на одном крестьянском населении, и увеличено на 54,3 млн руб. обложение, падающее на все классы населения, в большем или меньшем соответствии с их платежной способностью. Необходимо, однако, помнить, что оброчная подать, исключенная из состава податной системы, продолжает поступать в увеличенном размере в виде выкупных платежей с бывших государственных крестьян, так что действительное облегчение тяжести сборов, лежавших исключительно на крестьянах, представляет гораздо меньшую сумму, чем указано выше»¹.

Здесь мы видим один из стандартных демагогических приемов оппозиционной публицистики — нехотя констатировать имевшие крупнейшее значение действия правительства в пользу крестьян и тут же их дезавуировать, считая при этом выкупные платежи налогом, а не выплатой ссуды!

Далее, в разделе «Выкупные платежи» в статье говорится, что они «по своему происхождению представляют уплату крестьянами процентов и погашения по выданной казною ссуде, но по способу взимания и раскладке и по установившемуся на них воззрению плательщиков (!) они ничем (!?) не отличаются прямых налогов. Так на них смотрит и правительство...»². Это, конечно, — неотразимые аргументы в пользу того, чтобы считать ипотеку прямым налогом!

В 1867 г. поступления от выкупных платежей составили 23,6 млн руб., в 1877 г. — 41,1 млн руб., в 1887 г. — 92,0 млн руб., 1892 г. — 77,1 млн руб., в 1895 г. — 101,3 млн руб., в 1897 г. — 88,5 млн руб.³.

Далее в статье развивается начатая уже идейная линия: «Составляя обложение, и притом весьма высокое, одного только класса населения, выкупные платежи играют в усиленной степени ту же роль, какую прежде играли подушные сборы, поддерживая деление народа на привилегированные и непривилегированные классы. Уже в 1881 г. было признано, что облегчение в выкупных платежах для многих местностей должно иметь большее значение, чем отмена подушного налога. С тех пор экономическое положение крестьянского населения во многих местностях значительно ухудшилось.

Противоречие, существующее между платежной способностью крестьян и высотой обложения, выражается в постоянном росте недоимок. Таблица 23, заимствованная из труда Н. Бржежского («Недоимочность и круговая порука сельских обществ»), рисует рост недоимок по окладным сборам с сельских обывателей:

¹ Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 199.

² Там же. С. 201.

³ Там же.

Таблица 23

Оклады и недоимки в конце XIX вв.

<i>Пятилетия</i>	<i>Оклад</i>	<i>Поступление</i>	<i>Недоимка</i>	<i>Доля недоимок к окладу</i>
1871–1875	134669	134466	30061	22,3
1876–1880	143453	140701	31744	22,1
1881–1885	136129	126583	40423	29,7
1886–1890	103835	102633	43478	41,9
1891–1895	103011	93016	98144	95,2

Источник: Энциклопедический словарь «Россия» Л., 1991. С. 201.

Итак, несмотря на понижение оклада, недоимки постоянно увеличиваются и абсолютно и относительно, особенно за последнее десятилетие, что служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени. Особенно сильное влияние на рост недоимок оказал голодный 1891-й г. в пострадавших губерниях... В 1897 г. сумма недоимок составила 105,2 милл. руб., т. е. достигла 108% оклада»¹.

В целом этот текст — типичная для того времени вариация на тему вины правительства за народные страдания, а заодно — по факту — и за собственное существование.

Любопытно сопоставить эти цифры и комментарий к ним, полный патетического сострадания, со средней величиной питейного дохода в 1891–1895 гг., составившей 276,6 млн руб.

Другими словами, несмотря на грядущий народнический Апокалипсис, имеющий будто бы воспоследовать из материализации таблицы 23, несмотря на «непосильность для населения лежащего на нем податного бремени», питейный доход в казну поступал исправно и даже в размерах, втрое превышавших задолженность крестьян казне.

Кстати, непредвзятые современники прекрасно видели лицемерие «народолюбиво-го» подхода к выкупным платежам. Так, когда Мологский комитет Совещания Вите среди причин «малокультурности» населения назвал «обремененность населения платежами, из которых выкупные составляют две трети всех платежей», уездный податной инспектор Хомутов заметил, что «выкупные платежи надо рассматривать как платежи по обязательствам и что население, расходуя до 450 тыс. руб. на вино, вполне естественно в состоянии уплачивать по своим обязательствам, достигающим суммы не свыше 252 тысяч»². Однако «непосильность платежей» для довольно широкого круга людей давно уже стала обязательной фигурой речи в рассуждениях о деревне, своего рода опознавательным маркером «свой/чужой».

А теперь приглядимся к этой ситуации поближе. Ведь 106 млн руб. — это 7,5% всех доходов Империи в 1895 г. — огромные деньги для России конца XIX в.

В таблице 24 содержатся данные о величине всех окладных сборов, в том числе и выкупных платежей, составлявших свыше 80% окладных сборов, а также недоимок по ним, с распределением по категориям крестьян на 1 января 1898 г. в 18-ти наиболее задолженных губерниях Европейской России.

¹ Там же.

² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XLIX. Ярославская губерния. СПб., 1903. С. 111.

Таблица 24

Губернии с наибольшей величиной недоимок по окладным сборам и выкупным платежам на 1 января 1898 г. (тыс. руб. и%) и средние крестьянские наделы в них (дес.)

Губернии	ОКЛАДНЫЕ СБОРЫ						НЕДОИМКИ						средний надел на 1 двор, дес.
	Всего окладных платежей	Всего выкупных платежей	Баланс выкупных платежей (%)			По всем окладным платежам	По выкупным платежам	Баланс по выкупным платежам			средний надел на 1 двор, дес.		
			Бывшие гос. крест.	Бывшие помещ. кр.	Бывшие удельн. кр.			Бывшие гос. крест.	Бывшие помещ. кр.	Бывшие удельн. кр.			
Казанская	3765	3493	89,8	8,8	1,4	12911	12865	87,2	11,9	1	8,6		
Самарская	3506	3197	77,3	8,4	14,2	10728	10662	77,9	10,2	11,8	18,8		
Воронежская	4960	4587	82,2	17,8	0	9064	8987	81,2	18,8	0	9,6		
Нижегородская	2438	2208	32,6	62,6	4,8	8214	8158	32,9	63,9	3,3	7,4		
Орловская	3473	3149	45,7	50,1	4,2	6520	6345	56,2	43,3	0,5	7,0		
Тамбовская	4774	4384	68,1	31,9	0	6249	6120	63,4	36,6	0	7,0		
Пензенская	2715	2499	62,1	37,9	0	5540	5522	59,6	40,4	0	7,5		
Тульская	2730	2480	23,3	76,7	0	5361	5307	28,3	71,7	0	6,3		
Московская	4074	2123	39,2	55,5	5,3	4725	4637	29,3	67,1	3,6	7,5		
Рязанская	3145	2897	44,7	55,3	0	4637	4595	47,1	52,9	0	6,7		
Саратовская	3278	3283	67,6	28,4	4	4619	4547	66,9	28,5	4,6	9,0		
Симбирская	1987	1770	11,6	43,0	45,4	4092	4081	16,5	48,2	35,3	6,8		
Оренбургская	885	797	95,1	4,5	0,4	3904	3881	93,1	6,3	0,6	20,7		
Пермская	3283	3118	81,0	17,4	1,5	3713	3691	97,9	2	0,1	15,3		
Курская	4423	4106	68,6	31,4	0	3424	3382	82,2	17,8	0	7,3		
Уфимская	932	797	69,0	22,7	8,3	2848	2831	65,5	32,7	1,8	12,8		
Харьковская	4419	3666	79,4	20,6	0	1985	1942	93,9	6,1	0	7,3		
Псковская	1143	1051	44,5	55,5	0	1111	1101	35,1	64,9	0	9,2		
Всего 18 губ. (т. р.)	55930	49605	31237	16462	1906	99645	98654	63053	32024	3577			
Всего 18 губ. (%)		100	63	33,2	3,8	100	100	63,9	32,5	3,6			
Доля 18 губ. (%)	49,3	51,3	59,2	40,2	64,3	93,9	95,1	96,2	92,8	98,2			
Всего 50 губ. (т. р.)	113448	96731	52774	40991	2966	106133	103707	65548	34517	3642			
Всего 50 губ. (%)	100	100	54,6	42,4	3,1	100	100	63,2	33,3	3,5			

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 102–113, 117; Статистика землевладения. 1905. СПб., 1906. Подсчеты автора.

Как только начинается «персонификация» задолженности, картина становится более внятной и обретает иной масштаб убедительности. Недоимки, как показывает таблица 24, по территории страны распределяются отнюдь не равномерно.

Шесть губерний — Казанская, Самарская, Воронежская, Нижегородская, Орловская и Тамбовская, — которые должны были платить 20,2% всех окладных сборов и 21,7% всех выкупных платежей в 1897 г., сосредоточили соответственно 50,6% и 51,2% недоимок по этим сборам (53,7 и 53,1 млн руб.).

Всего же на 18 губерний с задолженностью свыше 1 млн руб. приходится 93,9% всей суммы недоимок по окладным сборам и 95,1% по выкупным платежам 50 губерний Европейской России.

Из этого следует, что к остальным 32 губерниям сказанные слова о «непосильности» податного бремени прямого отношения не имеют, что важно само по себе.

Данная картина верна не только для 1897 г. Аналогичные таблицы я построил и для каждого из 1897–1901 гг., но здесь нет смысла их приводить. Оклады выкупных платежей почти не меняются, меняется — как правило, в сторону увеличения — размер недоимок в тех же самых губерниях.

Нетрудно видеть, что этот список почти идентичен списку губерний с самым сильным общинным режимом, получавших наибольшие объемы продовольственной помощи (таблица 17); пока ограничимся этой констатацией.

Даже по этим самым общим данным таблицы 24 можно видеть, на каком эфемерном основании стоит едва ли не любимейший миф традиционной историографии о малоземелье как решающем факторе развития крестьянского хозяйства после 1861 г.

Положим, наличие губерний ЦЧР и Средневожских в списке главных должников можно трактовать как следствие малоземелья, но о каком же малоземелье можно говорить в Самарской, Уфимской или Оренбургской губерниях?

И в связи с этим попутно рассыпается не менее популярный стереотип о прямой связи между размерами наделов и уровнем жизни отдельных категорий крестьянства, пропагандисты которого и сегодня с апломбом невежества считают, исходя из условий освобождения, государственных крестьян благополучными, а помещичьих — бедствующими¹.

Как известно, в ходе Великой реформы помещичьи крестьяне получили в среднем 3,4 дес. на душу, удельные — 4,9 и государственные — 5,7 дес. на душу.

И что же?

Таблица 24 показывает, что в 11-ти из 18-ти губерний-должниц доля государственных крестьян и в окладе, и в недоимках превышает 60% (в Пензенской — 59,6%).

Государственные крестьяне накопили заметно большую долю недоимок в сравнении с окладом в Курской, Орловской, Пермской, Харьковской губерниях, а помещичьи — в Московской и Псковской. В остальных губерниях баланс оклада и баланс недоимок в общем совпадают.

Таким образом, об особом «благополучии» государственных крестьян говорить не приходится, о чем, впрочем, не раз писали неангажированные специалисты и в то время.

В то же время эти данные ставят весьма важный вопрос о том, существует ли зависимость между площадью крестьянских наделов и размерами недоимок. Строго говоря, уже данные о средних наделах по губерниям дают в общем виде отрицательный ответ на него.

Тем не менее необходимо (и интересно!) оценить картину на конкретных данных по губерниям и уездам.

¹ Нефедов С. А. О причинах Русской революции // О причинах русской революции... С. 44–45.

3.1. Связаны ли размеры наделов и недоимки?

С целью ответа на этот вопрос для каждой из 18 губерний я сопоставляю средние поуездные наделы по разрядам крестьян и поуездные размеры недоимок по окладным сборам за 1897 и 1901 гг. (оба года неурожайные).

В подавляющем большинстве случаев свыше 95% недоимок по окладным сборам составляли недоимки по выкупным платежам, поэтому такое сравнение вполне допустимо. То есть, недоимки по выкупным платежам позволяют весьма точно судить об общей задолженности губернии.

Исходные сведения о числе дворов и площади крестьянского землевладения взяты из «Статистики землевладения» 1905 г. Для всех губерний проводилась проверка данных и выявленные опечатки приводятся в примечаниях.

Погубернские данные о величине окладов и недоимок, выкупных платежей и недоимок по ним с указанием доли каждого разряда крестьян, содержащиеся в «Ежегодниках Министерства финансов», приведены в таблице 24.

Таблицы построены следующим образом. Помимо данных о средней величине наделов на 1 двор по разрядам крестьян, приводятся данные о доле, которую составляют хозяйства менее чем с пятью десятинами на двор (далее такие дворы именуются мало-земельными) в общем числе хозяйств, данные о поуездных окладах в 1897 г. и недоимках в 1897 и 1901 гг., а также о доле недоимок к окладу в 1897 и 1901 гг.; оклады практически не менялись.

Помимо статистических данных я использую выпущенный в 1894 г. Министерством финансов в рамках серии «Материалы для пересмотра узаконений о взимании окладных сборов» весьма интересный труд «Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям, доставленным податными инспекторами за 1887–1893 годы»¹ (далее сокращенно: «Сведения инспекторов»).

По распоряжению С. Ю. Витте в мае 1893 г. податным инспекторам 50 губерний Европейской России была разослана подробная анкета, призванная внести ясность в установившийся на местах порядок «применения узаконений о взимании окладных сборов с крестьян». Она должна была стать источником для созданного в Министерстве финансов Совещания по пересмотру податного законодательства. Материалы анкеты были обработаны по руководством А. А. Рихтера и опубликованы.

Они, разумеется, близки к ежегодным отчетам податных инспекторов, хранящимся в РГИА (ф. 573, оп. 25), богатейшему и маловостребованному пока источнику, который, подобно другим документам такого рода (отчетам агрономов, например), — нередко содержит интереснейшую информацию о жизни российской деревни и многое говорит об их авторах.

Часть инспекторов отправляла в Петербург типичные отписки — телеграфного стиля тексты, в которых недоимки глобально объяснялись в традиционном народническом ключе — малыми наделами, плохой почвой и пр., а ситуативно — неурожаями, градобитием и т. д. Другие инспекторы подходили к обязанностям творчески и создавали настоящие социально-экономические «новеллы», в которых, как будет показано ниже, содержатся иногда очень ценные сведения о самых разных аспектах жизни крестьян.

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям податных инспекторов. М., 1894. Вып. 1–2.

Подробный анализ «Сведений инспекторов» — дело будущего, однако кое-что мы сможем использовать и сейчас.

Итак, существует ли связь между землеобеспечением крестьян и их задолженностью? Начнем с лидера по объему недоимок — Казанской губернии.

Казанская губерния¹

В 1897 г. все окладные сборы с губернии равнялись 3765 тыс. руб., оклад выкупных платежей составлял 3493 тыс. руб. (92,8%), 89,8% которых должны платить государственные крестьяне (эпитет «бывшие» из стилистических соображений в дальнейшем опускаю), 8,8% — помещичьи, 1,4% — удельные крестьяне. Надельная земля распределялась между разрядами крестьян в пропорции 89,6% — 8,7% — 1,7%.

Общие недоимки в 1897 г. равны 12911 тыс. руб., а по выкупным платежам — 12865 тыс. руб. (99,6%), которые распределялись между разрядами крестьян примерно в той же пропорции (87,2% — 11,4% — 1,0%).

Обратимся к поездным данным.

Таблица 25

Землеобеспечение крестьян Казанской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хозяйств	1897				1901		
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки, тыс. руб.	доля уезда	недоимки к окладу, %	недоимки, тыс. руб.	доля уезда
Казанский	9,5	7,3	10,2	9,3	5,1	481	12,8	1922	14,9	399,6	2273	14,0
Козьмодемский	9,0	5,2		8,9	1,7	202	5,4	303	2,3	150,0	399	2,5
Лаишевский	9,0	5,5	8,3	7,6	16,7	296	7,9	1329	10,3	449,0	1602	9,9
Мамадыжский	10,0	4,0	6,7	9,9	4,0	323	8,6	1246	9,7	385,8	1637	10,1
Свияжский	8,1	7,5		7,9	12,1	239	6,3	1261	9,8	527,6	1472	9,1
Спасский	10,0	5,8	10,8	8,6	17,1	306	8,1	1191	9,2	389,2	1642	10,1
Тетюшский	7,6	4,9	8,1	7,4	9,7	337	9,0	1628	12,6	483,1	2099	12,9
Царевококш-ский	9,8	7,8	5,6	9,8	1,6	170	4,5	211	1,6	124,1	312	1,9
Цивильский	7,5	2,5		7,4	9,2	323	8,6	353	2,7	109,3	433	2,7
Чебоксарский	7,2	3,0		7,0	16,6	185	4,9	440	3,4	237,8	504	3,1
Чистопольский	11,3	4,9	9,8	10,5	7,1	567	15,1	2375	18,4	418,9	2929	18,0
Ядринский	7,4	4,2		7,3	94,6*	336	8,9	652	5,0	194,0	941	5,8
Всего	9,0	5,8	9,2	8,6	8,7	3765	100	12911	100	342,9	16243	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 7. С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 105; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 95.

* Явная опечатка, скорее всего, должно быть 9,4% или 9,6%.

¹ Обнаруженные опечатки: в Казанском уезде у удельных крестьян вместо 10,2 дес. напечатано 9,3, в Тетюшском вместо 8,1 — 8,2, а в итогах Козьмодемьянского — вместо 8,9 — 9,0 дес.

Недоимки составляли 342,9% оклада губернии, а по уездам — от 109,3% (Цивильский) до 527,6% (Свияжский); по абсолютной величине — от 211 тыс. руб. (Царевококшайский) до 2375 тыс. руб. (Чистопольский).

То есть в Казанской губернии задолженность велика во всех уездах, но при этом в 4 из 12 уездов — Козьмодемьянском, Царевококшайском, Цивильском и Ядринском — она несколько меньше (менее двух годовых окладов); к ним, возможно, следует отнести и Чебоксарский. В семи остальных они колеблются от 1,2 до 2,4 млн руб. в 1897 г. и от 1,6 до 2,9 млн руб. в 1901 г., причем в это число входят три из четырех наиболее обеспеченных земель уездов — самый многоземельный Чистопольский (в среднем 10,5 дес. на двор) — одновременно лидер по сумме долгов, Мамадыжский (9,9 дес.), Казанский (9,3 дес.).

К наиболее задолженным относится и Тетюшский уезд с 7,4 дес. на двор, но таков же показатель Цивильского и Чебоксарского уездов (в последнем он даже ниже — 7,0 дес.).

Доля малоземельных дворов в губернии вообще невелика.

Таким образом, данные Казанской губернии говорят об отсутствии зависимости между площадью наделов и величиной недоимок.

Самарская губерния¹

В 1897 г. весь оклад губернии равнялся 3506 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3197 тыс. руб. (91,2%), 77,3% которых должны платить государственные крестьяне, 8,4% — помещичьи, 14,2% — удельные. Общая площадь наделных земель составляла 5,5 млн дес., из которых 4,4 млн дес. (79,9%) обрабатывались государственными крестьянами, 284,1 тыс. дес. (5,2%) помещичьими и 824,1 тыс. дес. (15,0%) удельными.

Общие недоимки в 1897 г. равны 10728 тыс. руб., по выкупным платежам — 10662 тыс. руб. (99,4%), которые распределяются между категориями крестьян в пропорции 77,9% — 10,2% — 11,8%.

Сам по себе факт нахождения этой многоземельной губернии на 2-м месте по величине недоимок должен был бы в принципе закончить все споры о дурном влиянии площади наделов на состояние крестьянского хозяйства. Средний надел государственных крестьян, на которых приходились 77,3% оклада и 77,9% недоимок в 1897 г., равнялся 22,8 дес. (2,5 кв км!), помещичьих — 7 дес., удельных — 13,8 дес. Тем не менее сторонники традиционного взгляда на аграрный вопрос как бы не замечали этого.

Недоимки составляют 306,0% оклада по губернии, а по уездам — от 112,2% (Новоузенский) до 517,3% (Бузулукский), по абсолютной величине — от 322 тыс. руб. (Бугульминский) до 3580 тыс. руб. (тот же Бузулукский).

Из таблицы связь между площадью наделов и величиной недоимок в Самарской губернии не заметна. Более того, 77,7% недоимок губернии падали на три уезда из восьми, из которых Николаевский и Бузулукский занимают 2-ю и 3-ю позиции по размерам землеобеспечения в губернии (23,0 и 21,5 дес. на двор).

¹ Обнаруженные опечатки: в итогах Самарского уезда вместо 14,6 дес. напечатано 14,5 дес.

Таблица 26

Землеобеспечение крестьян Самарской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Самарский	19,5	6,7	14,6	13,7	12,3	356	10,2	829	7,7	232,9	998	7,9
Бугульминский	15,3	7,1	16,3	14,5	2,2	285	8,1	322	3,0	113,0	576	4,5
Бугурус-ланский	19,3	8,5	10,2	17,6	3,7	506	14,4	1919	17,9	379,2	2457	19,3
Бузулук-ский	23,8	6,4	15,9	21,5	4,6	692	19,7	3580	33,4	517,3	3958	31,2
Николаев-ский	26,6	6,7	15,5	23,0	5,5	745	21,2	2834	26,4	380,4	2978	23,4
Новоузен-ский	30,4	10,5	24,7	29,2	0,9	584	16,7	655	6,1	112,2	844	6,6
Ставро-польский	15,8	6,1	12,3	11,3	8,8	338	9,6	589	5,5	174,3	893	7,0
Всего	22,8	7,0	13,8	18,8	5,1	3506	100	10728	100	306,0	12704	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып.. 28, С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

А на Ставропольский уезд с минимальным для губернии средним наделом — 11,3 дес. — приходится лишь 5,5–7,0% всех недоимок.

Доля малоземельных хозяйств в большинстве уездов невелика, и явно не они были главными неплательщиками.

Воронежская губерния¹

В 1897 г. общий оклад губернии равняется 4960 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 4587 тыс. руб. (92,5%), самый большой из 18-ти губерний, 82,2% которых должны платить государственные крестьяне, а 17,8% — помещичьи. Структура землевладения — 84,0% — 15,8%, и 0,2% — у удельных, которые, впрочем, не включены в список плательщиков².

Недоимки в размере 9064 тыс. руб., недоимки по выкупным платежам — 8987 (99,2%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции (81,2–18,8).

¹ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Бобровском уезде вместо 8,8 дес. напечатано 8,5, в Валуйском вместо 11,1 дес. — 10,9, в Нижнедевицком вместо 11,0 — 11,1 дес., а для помещичьих крестьян в Бирюченском уезде — вместо 5,6 дес. — 5,5.

² Удельные крестьяне не отмечены в списке в «Ежегоднике МФ» как плательщики, но в «Статистике землевладения» фигурируют 412 дворов в Валуйском уезде и 113 дворов в Задонском, которые вместе владели почти 6,7 тыс. дес.

Таблица 27

**Землеобеспечение крестьян Воронежской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%)
в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недо- имки	доля уезда	недоим. к окладу	недо- имки	доля уезда
Воронежский	10,1	5,7		9,3	8,9	519	10,5	971	10,7	187,1	1073	11,7
Бирюченский	10,3	5,6		7,6	30,5	365	7,4	493	5,4	135,1	439	4,8
Бобровский	8,8	4,1		7,5	22,1	460	9,3	743	8,2	161,5	539	5,9
Богучарский	15,2	6,4		14,5	5,1	722	14,6	1489	16,4	206,2	1457	15,9
Валуйский	11,1	6,3	13,7	8,6	20,8	193	3,9	290	3,2	150,3	334	3,6
Задонский	8,4	5,6	9,3	7,6	17,4	221	4,5	368	4,1	166,5	420	4,6
Землянский	9,6	6,0		8,6	8,8	456	9,2	1452	16,0	318,4	1792	19,5
Коротоякский	11,5	6,8		11,3	1,1	359	7,2	514	5,7	143,2	459	5,0
Нижнедевицкий	11,0	4,1		10,4	7,4	403	8,1	1474	16,3	365,8	1448	15,8
Новохоперский	11,6	6,1		10,3	4,5	406	8,2	69	0,8	17,0	49	0,5
Острогжский	13,4	6,9		11,0	15	549	11,1	750	8,3	136,6	713	7,8
Павловский	7,9	3,7		6,5	31,7	307	6,2	450	5,0	146,6	447	4,9
Всего	11,1	5,6	12,7	9,6	14,5	4960	100	9063	100	182,7	9170	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 5, С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 103–104; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 93–94.

Недоимки по губернии составляют 182,7% оклада, по уездам они колеблются от 17,0% (Новохоперский) до 365,8% (Нижнедевицкий), а по абсолютной величине от 69 тыс. руб. (Новохоперский) до 1489 тыс. руб. (Богучарский).

Как можно видеть, к числу уездов с наибольшими долгами относится Богучарский с самым крупным в губернии средним наделом — 14,5 дес., Нижнедевицкий с 4-м по величине наделом — 10,4 дес., Воронежский с 6-м — 9,3 дес. и Землянский с 8-м — 8,6 дес. Доля малоземельных хозяйств в 4 уездах с наибольшей задолженностью колеблется в пределах 8,9%–5,1%; это лишь 7–10-е позиции.

В то же время Павловский, например, уезд с минимальным для губернии средним наделом в 6,5 дес., в котором 31,7% хозяйств имели менее 5 дес. на двор, концентрировал всего 4,9–5,0% недоимок.

Итак, данные по Воронежской губернии также не показывают связи между землеобеспечением и недоимками.

Нижегородская губерния¹

В 1897 г. общий оклад губернии равнялся 2438 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 2208 тыс. руб. (90,6%), 32,6% которых должны платить государственные крестьяне, 62,6% — помещичьи, 4,8% — удельные. Надельная земля распределялась в такой пропорции — 38,6–55,1–6,4.

Общие недоимки равнялись 8214 тыс. руб., по выкупным платежам — 8158 тыс. руб. (99,3%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции, что и платежи (32,9–63,9–3,3%).

Таблица 28

Землеобеспечение крестьян Нижегородской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Нижегородский	7,7	7,2		7,3	24,8	337	13,8	471	5,7	139,8	437	4,8
Ардатовский	10,7	6,1	8,1	6,8	25,8	185	7,6	690	8,4	373,0	913	10,1
Арзамасский	12,2	6,8	8,3	8,1	16,9	249	10,2	1484	18,1	596,0	1724	19,0
Балахнинский	4,5	7,0	8,6	6,2	41,1	149	6,1	25	0,3	16,8	16	0,2
Васильсурский	7,4	5,6	8,7	6,5	26,6	235	9,6	297	3,6	126,4	283	3,1
Горбатовский	9,3	5,7		6,0	36,2	199	8,2	210	2,6	105,5	204	2,2
Княгининский	10,6	6,2	9,1	7,0	22,8	207	8,5	850	10,3	410,6	910	10,0
Лукояновский	11,8	6,2	7,6	9,1	11,1	331	13,6	1983	24,1	599,1	2186	24,1
Макарьевский	10,0	7,9	7,4	8,4	16,8	162	6,6	732	8,9	451,9	757	8,3
Семеновский	13,6	8,0	7,8	11,0	12,5	129	5,3	143	1,7	110,9	173	1,9
Сергачский	7,6	4,5	5,8	5,7	33,2	254	10,4	1329	16,2	523,2	1470	16,2
Всего	9,7	6,3	8,1	7,4	24,1	2437	100	8214	100	337,1	9073	100

Источники: Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 21, С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 107; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 97.

Недоимки по губернии в целом равны 337,1% оклада, по уездам они колеблются от 0,3%, т. е. 25 тыс. руб. (Балахнинский), до 599% оклада, т. е. 1983 тыс. руб. (Лукояновский).

Крупнейшим должником (почти 2 млн руб. в 1897 г. и 2,2 млн руб. в 1901 г.) является Лукояновский уезд, стоящий с 9,1 дес. на 2-м месте в губернии, затем идет Арзамасский с 8,1 дес. (4-я позиция) и Сергачский с наименьшим наделом в 5,7 дес., в котором 33,2% хозяйств имели менее 5 дес. на двор.

Большие недоимки, в 4,5–3,7 раза превышающие оклад 1897 г., были накоплены в Макарьевском (8,4 дес.), Княгининском (7,0 дес.) и Ардатовском (6,8 дес.) уездах, которые занимали соответственно 3-ю, 6-ю и 7-ю позиции по землеобеспечению.

¹ Обнаруженные опечатки: в Ардатовском уезде для государственных крестьян вместо 10,7 дес. напечатано 10,6, в Балахнинском для них же вместо 4,5 дес. — 4,4, для помещичьих вместо 7,0–6,6 и в итоге по уезду вместо 6,2 дес. — 6,0.

Однако Балахнинский уезд с наделом в 6,2 дес. и 41,1% таких хозяйств является практически безнедоимочным, а в Горбатовском уезде со средним наделом в 6,0 дес. и 36,2% малоземельных хозяйств недоимки относительно общей ситуации в губернии относительно невелики и равны окладу.

Таким образом, и данные по Нижегородской губернии не подтверждают тезис о зависимости между площадью наделов и уплатой выкупных платежей.

Орловская губерния¹

В 1897 г. общий оклад губернии был равен 3473 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3149 тыс. руб. (90,6%), 45,7% которых должны платить государственные крестьяне, 50,1% — помещицы, 4,2% — удельные. Структура землевладения схожа — 45,4% — 47,2% — 7,4%.

Общие недоимки — 6520 тыс. руб., по выкупным платежам — 6345 тыс. руб. (97,3%) распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции (56,2% — 43,3% — 0,5%).

Таблица 29

**Землеобеспечение крестьян Орловской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Орловский	8,3	5,8	8,0	6,7	18,8	326	9,4	422	6,5	129,4	503	6,1
Болховский	8,1	5,6		6,0	28,4	228	6,6	298	4,6	130,7	382	4,7
Брянский	10,2	7,0		7,8	17,6	171	4,9	18	0,3	10,5	22	0,3
Дмитровский	8,8	7,2	8,0	7,3	6,9	185	5,3	267	4,1	144,3	396	4,8
Елецкий	7,0	5,0	0,0	6,3	25,7	546	15,7	1860	28,5	340,7	2347	28,7
Карачевский	10,1	6,0	0,0	7,2	23	204	5,9	113	1,7	55,4	157	1,9
Кромский	8,0	6,0	8,7	6,8	16,2	234	6,7	256	3,9	109,4	265	3,2
Ливенский	8,0	5,2	0,0	7,0	19	647	18,6	1865	28,6	288,3	2458	30,0
Малоархангельский	9,1	5,5	0,0	7,1	43,9	393	11,3	950	14,6	241,7	1023	12,5
Мценский	9,1	5,7	0,0	6,2	26,5	180	5,2	455	7,0	252,8	596	7,3
Севский	9,6	6,3	8,0	7,7	10,7	209	6,0	3	0,0	1,4	4	0,0
Трубчевский	10,7	6,5	8,6	8,4	20,4	150	4,3	14	0,2	9,3	37	0,5
Всего	8,3	5,9	8,3	7,0	19	3473	100	6521	100	187,8	8190	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 24, С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 108; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 98.

¹ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Болховском уезде вместо 8,1 дес. напечатано 8,2 дес., в Дмитриевском — вместо 8,8 — 8,7, а в Орловском для помещичьих крестьян вместо 5,8 дес. — 5,7.

Недоимки Орловской губернии равнялись 187,8% оклада, по уездам недоимочность колебалась от 1,4%, или 3 тыс. руб. в Севском до 340,7%, или 1860 тыс. руб., в Елецком; в Ливенском они были равны 1865 тыс. руб.

Из 12-ти уездов губернии три — Елецкий (6,3 дес.), Ливенский (7,0 дес.) и Малоархангельский (7,1 дес.) сконцентрировали 71,7% недоимок в 1897 г. и 71,2% в 1901 г., в денежном выражении 4675 тыс. руб. и 5828 тыс. руб. в 1901 г.

По землеобеспечению они занимают 7-е, 8-е и 10-е места в губернии, т. е. находятся во второй половине списка уездов, но не на последних позициях. В Малоархангельском уезде наивысший в губернии процент хозяйств менее чем с 5-ю дес. на двор — 43,9%, однако при этом и недоимок у него вдвое меньше, чем у лучше обеспеченных земель Елецкого и Ливенского уездов.

В «Сведениях инспекторов» в характеристике Орловской губернии читаем: «Западные уезды нечерноземные или с небольшими пространствами чернозема резко отличаются по исправному поступлению окладных сборов от восточных черноземных уездов. В Трубчевском, Севском и Карачевском уездах недоимки до 1892 г. не превышали 6% оклада и только за этот год они несколько поднялись, однако не выше 16% (по Карачевскому уезду). В Брянском уезде они составляли в 1888–1892 г. от 12% до 31% оклада. К этим же уездам следует причислить уезды Орловский и Мценский, где недоимки были ничтожны до 1892 г., когда они сразу поднялись до 80% оклада.

В остальных уездах недоимки накопились за крестьянами много ранее последних неурожаев, а за 1891 и 1892 гг. они значительно увеличились. В Кромском, Болховском и Ливенском уездах они превышают годовой оклад (141% в Ливенском уезде); в Малоархангельском они составляют 258,6% оклада, в Елецком — 270%...

В Мценском и Елецком уездах более исправны бывшие помещичьи крестьяне, нежели лучше обеспеченные землею бывшие государственные. В первом уезде это объясняется тем, что бывшие помещичьи крестьяне нанимаются к землевладельцам на работы, у которых в случае плохого урожая берут деньги взаймы, отчасти для уплаты повинностей. Государственные же крестьяне не занимаются к владельцам, имея достаточно земли и даже сдавая часть ее в аренду.

В Елецком уезде помещичьи крестьяне более трудолюбивы и более радеют о своем хозяйстве, нежели государственные. Напротив того, в Ливенском уезде более исправны государственные крестьяне; у бывших помещичьих крестьян мало земли — притом это народ распушенный и более порочный...

Во многих случаях причиной накопления недоимок оказывается недеятельность сборщиков и старост, выбираемых иногда из числа недоимщиков (Дмитровский уезд), бездействие должностных лиц и отсутствие всякой податной отчетности в волостях до 1887 г. (Болховский уезд); также трудность уследить одному сборщику в больших селениях за получением домохозяевами денег (Ливенский уезд)...

В уездах Карачевском, Севском и Мценском случаи накопления недоимок за зажиточными домохозяевами не встречаются. В Малоархангельском они нередки, отчасти вследствие круговой поруки (Ливенский, Орловский и Болховский уезды), отчасти вследствие попустительства волостного и сельского начальства (Елецкий и Малоархангельский)¹.

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 2. С. 33–35.

Как видим, податные инспекторы рисуют довольно сложную картину. В 1897 г. указанная разница в поступлении платежей между западными и восточными уездами сохранилась. При этом землеобеспечение разрядов крестьян играет роль в их податной исправности, однако в Елецком уезде не меньшую роль играет трудолюбие, а в Ливенском также и «нравственность» крестьян. Некоторые моменты изложенного я прокомментирую ниже.

Тамбовская губерния¹

В 1897 г. общий оклад губернии был равен 4774 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 4384 тыс. руб. (91,8%), 68,1% которых должны платить государственные крестьяне, 31,9% — помещичьи. Структура землевладения такова — 70,3% земли у государственных крестьян и 29,7% у помещичьих.

Общие недоимки равны 6249 тыс. руб., недоимки по выкупным платежам 6120 тыс. руб. (97,9%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в пропорции 63,4 — 36,6%.

Таблица 30

**Землеобеспечение крестьян Тамбовской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Тамбовский	7,9	4,9	6,7	27,4	741	15,5	481	7,7	64,9	347	6,0	6,1
Борисоглебский	8,9	5,2	8,1	9,5	593	12,4	1180	18,9	199,0	983	17,1	4,7
Елатомский	6,6	5,4	5,5	54,4	204	4,3	92	1,5	45,1	112	1,9	0,3
Кирсановский	8,6	5,0	6,6	27,1	473	9,9	1288	20,6	272,3	1467	25,5	4,8
Козловский	8,2	4,8	7,1	25	681	14,3	606	9,7	89,0	342	6,0	28,7
Лебедянский	8,4	5,0	7,7	20,9	298	6,2	425	6,8	142,6	533	9,3	1,9
Липецкий	8,1	4,0	7,6	14,7	322	6,7	99	1,6	30,7	38	0,7	3,2
Моршанский	7,7	5,3	6,5	27,9	503	10,5	407	6,5	80,9	304	5,3	30,0
Спасский	10,4	4,9	8,5	19	176	3,7	123	2,0	69,9	153	2,7	12,5
Темниковский	7,7	4,0	5,8	44,9	139	2,9	128	2,0	92,1	154	2,7	7,3
Усманский	8,8	5,1	8,1	10,6	405	8,5	1030	16,5	254,3	836	14,6	0,0
Шацкий	8,4	5,3	5,8	34,5	240	5,0	390	6,2	162,5	475	8,3	0,5
Всего	8,4	5,0	7,0	25,1	4775	100	6249	100	131,0	5744	100	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 20. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 111; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 101.

Недоимки в Тамбовской губернии составляли 131,0% оклада, по уездам недоимочность колебалась в пределах от 30,7% в Липецком уезде до 272,3% в Кирсановском,

¹ Обнаруженные опечатки: в Тамбовском уезде для государственных крестьян вместо 7,9 дес. напечатано 7,8

а по абсолютной величине от 92 тыс. руб. в Елатомском до 1288 тыс. руб. в том же Кирсановском. При этом в семи уездах недоимок накопилось менее оклада.

Пять уездов из 12-ти имеют недоимок более 1 оклада — Борисоглебский (средний надел 8,1 дес.), Усманский (8,1 дес.), Козловский (7,1 дес.), Кирсановский (6,6 дес.) и Шацкий (5,8 дес.). Они сосредоточили почти две трети недоимок в 1897 г. — 65,7% и 63,2% в 1901 г. По величине наделов они занимают соответственно 2–3-ю, 6-ю, 8-ю и 11-ю позиции, а по доле малоземельных хозяйств — соответственно 12-ю, 11-ю, 7-ю, 6-ю и 3-ю.

При этом Елатомский уезд со средним наделом 5,5 дес. и 54,4% малоземельных хозяйств и Темниковский со средним наделом 5,8 дес. и 44,9% таковых накопили недоимок 45,1% и 92,1%, или 92 и 128 тыс. руб. соответственно, т. е. в 10–11 раз меньше, чем Борисоглебский с наделом 8,1 дес.

Это не позволяет увидеть зависимость между уплатой выкупных платежей и размерами землеобеспечения.

Пензенская губерния¹

В 1897 г. жители губернии должны были заплатить 2715 тыс. руб. окладных сборов, из которых выкупные платежи составляли 2499 тыс. руб. (92,0%), 62,1% которых падали на государственных крестьян и 37,9% на помещичьих. Первые пользовались 66,7% наделной земли, вторые — 33,3%.

Недоимки по окладным сборам равнялись 5540 тыс. руб., а по выкупным платежам — 5522 (99,6%), из которых 59,6% приходилось на государственных, а 40,4% — на владельческих.

Таблица 31

Землеобеспечение крестьян Пензенской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Пензенский	8,6	5,2	6,0	31,5	237	8,7	322	5,8	135,9	331	5,8	6,1
Городищенский	10,8	6,2	8,4	13,8	258	9,5	867	15,6	336,0	1002	17,4	4,7
Инсарский	9,5	5,5	7,9	16,3	377	13,9	519	9,4	137,7	503	8,8	0,3
Керенский	9,0	5,8	7,6	17,5	221	8,1	424	7,7	191,9	390	6,8	4,8
Краснослободский	10,7	4,6	9,4	21,6	341	12,6	829	15,0	243,1	888	15,5	3,2
Мокшанский	7,9	5,0	5,5	45,6	187	6,9	313	5,6	167,4	295	5,1	30,0
Наровчатский	8,5	5,4	7,9	9,8	252	9,3	454	8,2	180,2	437	7,6	12,5
Нижнеомовский	9,2	5,6	7,9	12,1	303	11,2	750	13,5	247,5	765	13,3	7,3
Саранский	9,5	4,0	6,4	39,2	257	9,5	629	11,3	244,7	711	12,4	0,0
Чембарский	8,1	5,9	6,8	30,6	282	10,4	435	7,8	154,3	421	7,3	0,5
Всего	9,4	5,4	7,5	33	2715	100	5542	100	204,1	5743	100	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 22. С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 108–109; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 98–99.

¹ Обнаруженные печатки: итог по Чембарскому уезду — 6,7 вместо 6,8 дес.

Недоимки в Пензенской губернии составили 204,1% оклада. Уезды с долгами менее 1 оклада отсутствуют.

Четыре уезда из десяти имеют недоимок от 243,1 до 336,0%. Это Краснослободский и Городищенский уезды с самыми крупными в губернии средними наделами с 9,4 и 8,4 дес., а также Нижнеломовский и Саранский, стоящие с 7,9 и 6,4 дес. на 5-й и 8-й позициях соответственно. Доля малоземельных хозяйств в них равна 21,6%, 13,8%, 12,1% и 39,2%.

При этом Мокшанский уезд со средним наделом 5,5 дес. и 45,6% малоземельных хозяйств и Пензенский с 6,0 дес. и 31,5% малоземельных дворов накопили недоимок намного меньше.

Следовательно, и тут — на фоне общей недоимочности — не видно связи между землеобеспечением и недоимочностью.

Тульская губерния¹

В 1897 г. жители губернии должны были заплатить 2730 тыс. руб. окладных сборов, из которых выкупные платежи составляли 2480 тыс. руб. (90,8%). Государственные крестьяне хозяйствовали на 27,3%, а владельческие — на 72,7% наделной земли; первые должны были платить 23,3% оклада выкупных платежей, вторые — 76,7%.

Общие недоимки по окладным сборам равнялись 5361 тыс. руб., по выкупным платежам — 5307 тыс. руб. (99,0%), из которых 28,3% падало на государственных, а 71,7% — на помещичьих.

Таблица 32

**Землеобеспечение крестьян Тульской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Тульский	7,4	4,9	5,4	46,8	235	10,6	49	0,9	20,9	31	0,5	6,1
Алексинский	9,4	6,6	6,8	19,1	142	6,4	226	4,2	159,2	309	4,9	4,7
Богородицкий	7,5	5,8	6,1	20,9	248	11,2	770	14,4	310,5	974	15,3	0,3
Белевский	10,0	5,7	6,5	32,9	131	5,9	23	0,4	17,6	7	0,1	4,8
Веневский	8,0	5,7	6,2	25,9	182	8,2	385	7,2	211,5	456	7,2	28,7
Епифанский	9,4	5,1	5,2	51,1	188	8,5	469	8,8	249,5	567	8,9	1,9
Ефремовский	10,2	5,2	7,0	30,1	223	10,0	1181	22,0	529,6	1411	22,2	3,2
Каширский	7,0	6,7	6,7	16,5	132	5,9	267	5,0	202,3	310	4,9	30,0
Крапивенский	6,5	5,8	5,9	27,3	169	7,6	252	4,7	149,1	306	4,8	12,5
Новосильский	9,2	6,0	7,5	13,7	253	11,4	1038	19,4	410,3	1155	18,2	7,3
Одоевский	6,9	5,4	5,8	35,6	153	6,9	63	1,2	41,2	44	0,7	0,0
Чернский	8,5	6,0	6,2	18,0	164	7,4	637	11,9	388,4	787	12,4	0,5
Всего	8,7	5,7	6,3	28,1	2220	100	5360	100	241,4	6357	100	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 32, С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

¹ Редкий случай, когда опечатки мной не обнаружены.

Тулская губерния накопила в 1897 г. недоимок в размере 241,4% оклада, по уездам они колеблются в диапазоне от 17,6%, или 23 тыс. руб. в Белевском до 529,6% оклада, или 1181 тыс. руб. в Ефремовском

Главные неплательщики — Новосильский, Ефремовский, Чернский и Богородицкий уезды, которые сконцентрировали 67,7% недоимок по выкупным платежам в 1897 г. и 68,1% в 1901 г.

При этом по величине наделов они занимают соответственно 1-е, 2-е, 6-е и 8-е места в губернии — 7,5, 7,0, 6,2 и 6,1 дес. при доле малоземельных хозяйств 13,7%, 30,1%, 18,0 и 20,9%.

Замечу, что Крапивенский, Одоевский, Тульский, Епифанский уезды с землеобеспечением 5,9 — 5,2 дес. и процентом малоземельных дворов 27,3% 35,6%, 46,8% и 51,1% на этом фоне могут считаться малонедоимочными.

Московская губерния¹

В 1897 г. оклад выкупных платежей губернии равнялся 2123 тыс. руб., 39,2% которых должны платить государственные крестьяне, 55,5% — помещичьи, 5,3% — удельные. Земля распределялась между разрядами крестьян в пропорции 41,7% — 53,3% — 4,9%.

Общие недоимки составляли 4725 тыс. руб., по выкупным платежам — 4637 тыс. руб. (98,1%), из которых 29,3% приходилось на государственных крестьян, 67,1% на помещичьих и 3,6% на удельных.

Таблица 33

Землеобеспечение крестьян Московской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Богородский	7,1	4,9	3,5	5,4	48,2	234	11,1	450	10,1	192,3	438	9,7
Бронницкий	7,6	5,0	5,4	5,4	54,3	185	8,8	534	12,0	288,6	546	12,0
Верейский	12,7	8,6	7,4	10,0	3,6	100	4,7	205	4,6	205,0	204	4,5
Волоколамский	9,9	8,0	0,0	8,7	5,5	169	8,0	16	0,4	9,5	18	0,4
Дмитровский	11,8	8,2	8,0	10,5	1,4	232	11,0	344	7,8	148,3	345	7,6
Звенигородский	9,5	6,3	8,0	7,9	16,7	175	8,3	748	16,9	427,4	745	16,4
Клинский	9,3	7,3	0,0	8,3	5,8	238	11,3	190	4,3	79,8	216	4,8
Коломенский	7,4	6,8	0,0	7,0	25,4	196	9,3	361	8,1	184,2	378	8,3
Можайский	10,7	8,7	9,3	9,3	3	104	4,9	246	5,5	236,5	256	5,6
Подольский	8,6	7,6	7,2	7,8	9,2	166	7,9	529	11,9	318,7	536	11,8
Рузский	10,3	8,6	10,2	9,2	3,4	133	6,3	685	15,4	515,0	710	15,7
Серпуховский	7,6	8,8	3,5	8,4	14,7	174	8,3	127	2,9	73,0	144	3,2
Всего	9,4	7,0	5,7	7,7		2106	100	4435	100	210,6	4536	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 1. С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 107; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 97.

¹ Выпуск 1 «Статистики землевладения» с данными по Московской губернии изобилует ошибками в принципе; можно думать, сказывалась спешка с изданием материалов, и я бы рекомендовал исследователям самим пересчитывать вторичные данные, проверив сначала данные исходные.

Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Рузском уезде вместо 10,3 напечатано 10,4, для помещичьих в Московском вместо 4,9 — 4,8, в итогах по Верейскому уезду — 10,0 вместо 10,1 и в Рузском — 9,2 вместо 10,3.

Московская губерния — интересный случай (Московский уезд из анализа исключен, поскольку в силу столичного положения на нем лежал оклад в 2 млн руб.)

В 1897 г. на губернии числилось недоимок в размере 210,6% оклада, при этом в двух уездах недоимки были меньше оклада (Клинский и Серпуховский), а один — Волоколамский — был практически безнедоимочным.

5 уездов из 12-ти — Рузский, Звенигородский, Подольский, Богородский и Бронницкий — сосредоточили 66,3% и 65,6% недоимок в 1897 и 1901 гг. соответственно.

Они занимают соответственно 4-ю, 8-ю, 9-ю, 11-ю и 12-ю позиции по средним размерам наделов и 10-ю, 4-ю, 6-ю, 2-ю и 1-ю — по доле малоземельных хозяйств.

Пожалуй, в этой губернии в большей степени, чем в тех, о которых мы рассуждали, кроме Орловской, можно говорить об определенной связи неплатежей и размера наделов.

Правда, с одной существенной оговоркой — если бы крестьяне этих уездов вели только земледельческий образ жизни. В начале XX в. лишь 6% крестьянских хозяйств губернии занимались исключительно земледелием¹. Подробнее о Московской губернии мы поговорим ниже.

Рязанская губерния²

Общий оклад губернии равнялся в 1897 г. 3145 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 2897 тыс. руб. (92,1%), 44,7% которых должны платить государственные крестьяне, а 55,3% помещичьи; при этом первые пользовались 42,8% надельной земли, вторые — 57,2%.

Вся недоимка губернии составляла 4637 тыс. руб., а по выкупным платежам — 4595 тыс. руб. (99,1%), из которых на государственных крестьян падало 47,1%, а на владельческих — 52,9%.

Таблица 34

**Землеобеспечение крестьян Рязанской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Рязанский	5,6	5,6	5,6	45,9	296	9,4	51	1,1	17,2	70	1,4	9,7
Данковский	8,7	6	7,1	19,9	241	7,7	278	6,0	115,4	370	7,1	12,0
Егорьевский	6,3	6,5	6,4	26,5	207	6,6	91	2,0	44,0	86	1,7	4,5
Зарайский	8,3	5,6	6,6	24,1	218	6,9	459	9,9	210,6	483	9,3	0,4
Касимовский	10,5	7,6	8,2	14,0	255	8,1	22	0,5	8,6	28	0,5	7,6
Михайловский	7,2	5,3	6,2	22,2	325	10,3	890	19,2	273,8	1079	20,8	16,4

¹ Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий. (1907–1908 гг.). СПб., 1909. С. 18.

² Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Егорьевском уезде вместо 6,3 напечатано 6,0, в Касимовском вместо 10,5 — 10,3, в Ранenburgском вместо 8,7 — 8,6. Для помещичьих в Рязанском уезде вместо 5,6 дес. — 7,8, в Касимовском вместо 7,6 -7,5, в Ранenburgском вместо 5,5 — 5,4, в Спасском вместо 7,6 — 6,8. В итогах три ошибки — в Ранenburgском вместо 6,9 — 6,8, в Сапожковском — вместо 7,5 — 7,4, в Спасском вместо 7,6 — 7,1.

Окончание таблицы 34

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Пронский	0	6,5	6,5	23,9	216	6,9	762	16,4	352,8	770	14,9	4,8
Раненбургский	8,7	5,5	6,9	23,2	329	10,5	443	9,6	134,7	546	10,5	8,3
Рязский	7,6	5	5,9	29,8	259	8,2	353	7,6	136,3	345	6,7	5,6
Сапожковский	10,3	5,3	7,5	25,9	288	9,2	319	6,9	110,8	322	6,2	11,8
Скопинский	6,1	5,4	5,9	26,1	304	9,7	940	20,3	309,2	1049	20,2	15,7
Спасский	7,7	7,6	7,6	33,5	205	6,5	30	0,6	14,6	33	0,6	3,2
Всего	7,7	6,1	6,7	26,6	3143	100	4638	100	147,6	5181	100	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 4. С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

Относительно других губерний Рязанская накопила сравнительно немного недоимок — 147,6%. В 4-х уездах — Рязанском, Егорьевском, Касимовском и Спасском — задолженность составляла 8,6 — 44% оклада, в остальных же она колебалась от 110,8% (Сапожковский) до 352,8% (Пронский).

5 уездов из 12-ти — Скопинский с 5,9 дес., Михайловский с 6,2, Пронский с 6,5 дес., Зарайский с 6,6 дес., Раненбургский с 6,9 дес. — занимают 11-е, 9-е, 7-е, 6-е и 5-е места по землеобеспечению, причем доля малоземельных хозяйств в них колеблется от 22,2 до 26,1%.

Но при этом Рязанский уезд с 45,9% таких хозяйств и Спасский с 33,5% таких хозяйств являются безнедоимочными. Следовательно, и здесь тезис о связи наделов и недоимок не имеет ясного подтверждения.

Саратовская губерния¹

Общий оклад губернии в 1897 г. был равен 3728 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3283 тыс. руб. (88,1%), 67,6% которых должны были платить государственные крестьяне, 28,4% — помещичьи, 4,0% — удельные. Структура землевладения была такой — 66,8% — 27,4% — 5,8%.

Все недоимки равны 4619 тыс. руб., по выкупным платежам 4547 тыс. руб. (98,4%) в пропорции 66,9% — 28,5% — 4,6%.

Таблица 35

Землеобеспечение крестьян Саратовской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Саратовский	11,8	3,9	11,7	7,5	37,1	390	10,5	331	7,2	84,9	534	8,4
Аткарский	14,3	6,1	13,5	9,6	21,3	429	11,5	669	14,5	155,9	830	13,0

¹ Обнаруженные опечатки // в Саратовском уезде для государственных крестьян вместо 11,8 — 11,7 дес., в Царицынском — для государственных вместо 18,2 дес. — 17,2, для удельных — вместо 10,5 — 18,4 дес.

Окончание таблицы 35

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Балашевский	13,1	5,8	10,5	9,1	18,6	535	14,4	553	12,0	103,4	561	8,8
Вольский	10,7	3,6	10,4	7,5	33,0	241	6,5	341	7,4	141,5	516	8,1
Камышинский	15,6	4,9	7,8	11,0	10,3	582	15,6	1131	24,5	194,3	1429	22,4
Кузнецкий	9,7	4,9		7,5	24,5	271	7,3	528	11,4	194,8	729	11,4
Петровский	11,3	5,6	4,8	8,9	21,9	426	11,4	311	6,7	73,0	340	5,3
Сердобский	10,9	6,3	10,9	7,8	16,9	370	9,9	8	0,2	2,2	37	0,6
Хвалынский	11,4	5,2		9,5	14,0	373	10,0	739	16,0	198,1	1358	21,3
Царицынский	18,2	3,8	10,5	14,6	21,2	111	3,0	9	0,2	8,1	36	0,6
Всего	12,5	5,3	9,8	9,0		3728	100	4620	100	123,9	6370	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 2. С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

Вся недоимка губернии — 123,9% оклада, колебания по уездам — от 2,2% с 8 тыс. руб. Сердобском до 194,8% оклада и 528 тыс. руб. в Кузнецком уезде и 194,3% и 1131 тыс. руб. в Камышинском.

Главные недоимщики — Камышинский, Аткарский, Хвалынский и Балашевский уезды — занимали по землеобеспеченности места со 2-го по 5-е, а Кузнецкий делил позиции 8–10.

Характерно, что в Камышинском уезде, на который падала почти четверть всех недоимок, малоземельные хозяйства составляли лишь 10,3%, а в Хвалынском, почти сравнявшемся с ним в 1901 г., — 14,0%.

Таким образом, связи между размерами недоимок и землеобеспечением в этой губернии не наблюдается.

Симбирская губерния¹

Оклад губернии в 1897 г. равен 1987 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 1770 тыс. руб. (89,1%).

Структура надельного землевладения в этой губернии необычна — государственные крестьяне пользовались 8,9% надельной земли, помещичьи — 32,0, удельные — 59,1%. Соответственно, и из 1770 тыс. руб. оклада выкупных платежей в 1897 г. 11,6% должны были платить государственные крестьяне, 43,0% — помещичьи, 45,4% — удельные.

Общие недоимки составляли 4092 тыс. руб., по выкупным платежам — 4081 тыс. руб. (99,7%) и распределялись между разрядами крестьян в пропорции 16,5%–48,2%–35,3%.

¹ Странным образом — без опечаток

Таблица 36

**Землеобеспечение крестьян Симбирской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недо- имки	доля уезда	недоим. к окладу	недо- имки	доля уезда
Симбирский	7,4	7,4	8,5	8,0	12,3	320	15,3	636	15,5	198,8	915	17,0
Алатырский	3	4,2	7,2	5,8	34,7	294	14,1	364	8,9	123,8	456	8,5
Ардатовский	5,2	5,1	7,1	6,5	22,3	238	11,4	885	21,6	371,8	1034	19,2
Буинский	6,6	5,7	7,2	6,9	12,3	238	11,4	484	11,8	203,4	695	12,9
Корсунский	8,8	6,2	7,1	6,7	24,5	313	15,0	685	16,7	218,8	940	17,4
Курмышский	4,7	4,7	5,1	4,9	50,1	236	11,3	657	16,1	278,4	777	14,4
Сенгилейский	12,5	7,2	10,5	9,2	15,1	208	10,0	163	4,0	78,4	268	5,0
Сызранский	11,9	4,8	9,1	6,7	31,8	240	11,5	218	5,3	90,8	308	5,7
Всего	6,5	5,6	7,7	6,8	21,1	2087	100	4092	100	196,1	5393	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 12, С. 44–45; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 111; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 101.

В 1897 г. задолженность Симбирской губернии составляла 196,1% оклада.

Лишь 2 уезда губернии из 8-ми накопили недоимок меньше оклада — Сенгилейский с наибольшим средним наделом — 9,2 дес. и Сызранский, который делит 4-5 позицию с Корсунским. Доля малоземельных дворов в первом составляет 15,1%, во втором — 31,8%.

При этом в Симбирском, Ардатовском (лидере по величине недоимок), Буинском и Корсунском доля таких дворов колеблется от 12,3 до 24,5%. Это и не позволяет считать, что в губернии наблюдается выраженная зависимость между недоимками и размерами наделов.

Вместе с тем очевидно, что отсутствие связи между величиной наделов и объемом задолженности в данном случае не столь ясно, как в случае Саратовской губернии.

Поэтому мы снова обратимся к «Сведениям инспекторов»: «Независимо от общей причины недоборов последнего времени в черноземной полосе — неурожая, образование недоимок по отдельным местностям Симбирской губернии объясняется:

1) малым размером и плохим качеством наделов — в Сызранском, Сенгилеевском и Буинском уездах. В Сызранском уезде бывшие помещичьи крестьяне с наделом от 1 до 4 дес., почти вдвое более недоимочны, нежели крестьяне бывшие государственные с наделом от 4 до 8 дес.¹

Почти в каждом уезде Симбирской губернии есть селения, где недоимки... вызываю-
ются несоответствием платежей доходности наделов²;

¹ В Буинском уезде при малых наделах по всем волостям (в среднем от 0,7 до 1,6 дес. на наличную душу) наименее недоимок за бывшими удельными крестьянами в северной и северо-западной лесистых частях уезда, где урожай 1891 и 1892 гг. были хорошие или средние

² В Корсунском уезде особенно выдаются селения Степная Дурасовка и Румянцево. За недоброкачественностью наделов многие крестьяне этих селений находятся в безвестной отлучке или перечислены в другие губернии (в Степной Дурасовке — из 462 душ состоит в безвестной отлучке 156 душ). Недоимки дошли до 8566 р. в Дурасовке и до 28669 р. по Румянцеву с 910 ревизскими душами.

2) малой хозяйственностью и недостатком трудолюбия... населения объясняется накопление недоимок в ... селениях Буинского, Курмышского и Сызранского уездов; в последнем есть селения, где недоимки, несмотря на удовлетворительный надел, дошли до семи годовых окладов;

3) разноплеменный состав сельских обществ, ведущий к раздорам и плохому порядку общественных дел, также вызывает недоимки;

4) несвоевременное и неправильное взимание окладных сборов признается одной из причин накопления недоимок в Сызранском уезде. Образование недоимок в этом уезде приписывается также неравномерному распределению наделной земли при разверстке ее по ревизским душам, а не по числу работников...

Случаи недоимочности зажиточных домохозяев довольно часты в большинстве уездов. Объясняются они желанием состоятельных крестьян избежать применения к ним круговой поруки и слабостью понуждения их к уплате. В Ардатовском уезде числится около 2000 состоятельных недоимщиков с общей суммой недоимки в 80000 р. (общая сумма недоимок уезда в 1897 г. — 885 тыс. руб.)

Недоимки за крестьянскими должностными лицами бывают редко. В Сенгилеевском уезде эта недоимочность объясняется тем, что многие из них служат без жалования или за ничтожное вознаграждение...

Разница в поступлении окладных сборов между крестьянами общинниками и подворными владельцами замечается только в Сызранском уезде — в пользу последних»¹.

Эта информация интересна. Как можно видеть, ситуация в губернии была непростая.

Известно, что почти 20% крестьян Симбирской губернии получили дарственный надел, и неудивительны указания инспекторов на плохие и малые наделы, не окупающие лежащих на них платежей. Вместе с тем мы видим, что проблема недоимок оказывается значительно сложнее и не сводится только к землеобеспечению. Факторами роста задолженности являются и мера трудолюбия, и «национальные раздоры», и плохая организация счетоводства, неправильное взимание податей и, наконец, большие недоимки, лежащие на богатых крестьянах.

Оренбургская губерния²

Всего окладных сборов в 1897 г. назначено 885 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 797 тыс. руб., 95,1% которых должны платить государственные крестьяне, 4,5% помещичьи, 0,4% — удельные. Структура землевладения схожа — 93,5%–6,4%–0,1%.

Общие недоимки составляли 3904 тыс. руб., по выкупным платежам — 3881 тыс.

В Ардатовском уезде недоимки в четырех селениях б. помещичьих крестьян с крайне плохим песчаным наделом достигли почти восьми годовых окладов — 31982 р. недоимки при 4117,77 р. оклада (деревни Редкодубье, Палгуши, Суродеевка и Трепавловка).

В Алатырском уезде недоимки селения бывшей Сиявской волости (присоединенные к Порецковской волости) также наделены песчаной землей, с которой доходы не покрывают платежей, — вследствие чего к 1891 г. на них накопилась недоимка в 151% оклада, тогда как на всех остальных волостях или вовсе не было недоимок или они составляли от 1 до 26%.

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 1. С. 73–74.

² Обнаруженные опечатки: в Челябинском уезде для государственных крестьян вместо 25,9 дес. напечатано 25,8 и в Оренбургском для помещичьих — вместо 17,4 — 17,5 дес.

руб. (99,4%) распределяются между категориями крестьян в пропорции 93,1%–6,3%–0,6%.

Таблица 37

**Землеобеспечение крестьян Оренбургской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Оренбургский	22,8	17,4	18,4	22,2	0,7	288	32,5	1508	38,6	523,6	1599	41,5
Верхне-уральский	0,0	0,2	0,2	0,23	37	9	1,0	7	0,18	77,8	1	0,0
Орский	15,6			15,6	6,5	8	0,9	4	0,1	50,0	3	0,1
Троицкий	1,7	4,5		4,1	36	12	1,4	5	0,13	41,7	9	0,2
Челябинский	25,9	19,2		25,6	1	568	64,2	2381	61	419,2	2243	58,2
Всего	24,3	6,6	18,4	20,7	8,8	885	100	3905	100	441,2	3855	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 45. С. 40–41; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 108; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 98.

Из пяти уездов губернии три безнедоимочны. Задолженность концентрируется в Оренбургском и Челябинском уездах, где, собственно говоря, и жили в массе выкупавшиеся крестьяне — в них находилось 1923,4 тыс. дес. из 1952,1 тыс. дес. наделной земли и 79742 дворов из 84128, зафиксированных переписью 1905 г.

В первом из них средний надел равнялся 22,2 дес., во втором — 25,6 дес., поэтому вопрос о неплатежах крестьян этих уездов лежит вне проблемы их землеобеспечения.

Пермская губерния¹

Всего окладных сборов 3283 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 3118 тыс. руб. (95,0%), 81,0% которых должны платить государственные крестьяне, 17,4% — помещицы, 1,5% — удельные. Структура землевладения такова: 78,8%–19,9%–1,3%.

Общие недоимки составляли 3713 тыс. руб., по выкупным платежам — 3691 тыс. руб. (99,4%), которые распределяются между категориями крестьян в пропорции 97,9%–2,0%–0,1%. Нетрудно видеть, что помещицы крестьяне в этой губернии платили лучше государственных.

Губерния накопила недоимок 113,1% оклада, что относительно немного в сравнении с другими губерниями. Из 12 уездов в 8 недоимки много меньше оклада.

¹ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Осинском уезде вместо 18,9 напечатано 18,8, в Оханском вместо 16,6 — 16,7 и в Шадринском вместо 19,8 — 20,0. Для помещичьих крестьян в Ирбитском вместо 12,0 — 12,1 и для удельных в Осинском же вместо 14,0 -14,2 дес.

Таблица 38

**Землеобеспечение крестьян Пермской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Пермский	12,6	10,7		11,0	14,5	244	7,4	5	0,1	2,0	4	0,1
Верхотурский	17,1	7,0		12,7	40,4	108	3,3	9	0,2	8,3	10	0,2
Екатеринбургский	11,5	3,2		7,8	57,5	206	6,3	414	11,1	201,0	515	12,1
Ирбитский	23,2	12,0		23,0	0	357	10,9	8	0,2	2,2	16	0,4
Камышловский	17,2	0,0		17,2	6,2	491	15,0	539	14,5	109,8	478	11,3
Красноуфимский	19,0	9,0		16,7	23,5	267	8,1	384	10,3	143,8	534	12,6
Кунгурский	18,3	12,6		17,9	0,4	164	5,0	0,9	0,0	0,5	6	0,1
Осинский	18,9	11,1	14,0	17,1	4	289	8,8	160	4,3	55,4	328	7,7
Оханский	16,6	11,4	10,0	12,7	6,3	306	9,3	0,8	0,0	0,3	26	0,6
Соликамский	23,0	11,1		13,5	16,2	163	5,0	20	0,5	12,3	32	0,8
Чердынский	27,6	14,7		27,3	0,4	37	1,1	1	0,0	2,7	1	0,0
Шадринский	19,8	0,0		19,8	0,3	652	19,9	2172	58,5	333,1	2292	54,0
Всего	18,58	9,1	12,9	15,3	16,9	3284	100	3714	100	113,1	4242	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. вып. 40. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 109; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 99.

В таблице обращают на себя внимание показатели Екатеринбургского уезда; здесь недоимки составляли 201,0% оклада, 57,5% дворов были малоземельными, а надел был наименьший в губернии — 7,8 дес. В этом уезде 65,4 тыс. дворов имели 507,5 тыс. дес., причем у 35,9 тыс. дворов (54,9%) государственных крестьян было 413,6 тыс. дес. (81,5%), а у 29,5 тыс. дворов (45,1%) помещичьих крестьян — лишь 93,9 тыс. дес. В силу этого средний надел государственных крестьян в уезде равнялся 11,5 дес., а владельческих — лишь 3,2 дес., редкий случай на востоке Европейской России.

Однако свыше 50% недоимок (2,2–2,3 млн руб.) Пермской губернии сосредоточил Шадринский уезд, в котором малоземельные хозяйства составляли лишь 0,3%. В нем жили только государственные крестьяне — со средним наделом в 19,8 дес., и тут трудно уловить связь между недоимками и неплатежами. То же относится к Камышловскому и Красноуфимскому уездам с наделами 17,2 и 16,7 дес. и долей малоземельных хозяйств 6,2% и 23,5%.

При этом Верхотурский уезд, где малоземельные дворов составляли 40,4% всех дворов, недоимок практически не имел.

Курская губерния¹

Общий оклад губернии в 1897 г. был равен 4423 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 4106 тыс. руб. (92,8%), 68,6% которых должны платить государственные крестьяне, 31,4% — помещичьи. Структура землевладения была такова: 71,8% и 28,2%.

Общие недоимки составляли 3424 тыс. руб., по выкупным платежам — 3382 тыс. руб. (98,8%), и распределяются между категориями крестьян в пропорции 82,2% — 17,8%.

Таблица 39

**Землеобеспечение крестьян Курской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недо- имки	доля уезда	недоим. к окладу	недо- имки	доля уезда
Курский	8,0	5,0	7,3	24,7	394	8,9	116	3,4	29,4	25	0,7	0,1
Белгородский	7,8	3,9	6,6	35,8	320	7,2	372	10,9	116,3	451	13,5	0,2
Грайворонский	9,1	4,4	6,2	44,4	297	6,7	12	0,4	4,0	12	0,4	12,1
Дмитриевский	10,6	6,5	7,5	21,1	210	4,7	4	0,1	1,9	2	0,1	
Корочанский	8,9	6,9	8,5	19,0	347	7,8	272	7,9	78,4	210	6,3	
Льговский	7,5	4,6	5,5	41,1	213	4,8	71	2,1	33,3	49	1,5	
Новооскольский	9,8	4,3	7,3	26,8	318	7,2	114	3,3	35,8	103	3,1	0,4
Обоянский	11,3	5,1	10,1	11,2	423	9,6	850	24,8	200,9	912	27,4	11,3
Путивльский	5,7	3,8	4,2	68,4	213	4,8	8	0,2	3,8	0,6	0,0	12,6
Рыльский	5,9	4,2	4,4	76,0	229	5,2	0,6	0,0	0,3	0,8	0,0	0,1
Старооскольский	9,9	5,7	8,5	16,3	283	6,4	552	16,1	195,1	486	14,6	7,7
Суджанский	8,8	4,1	7,4	40,8	284	6,4	8	0,2	2,8	7	0,2	0,6
Тимский	12,6	6,3	11,0	7,2	310	7,0	676	19,8	218,1	740	22,2	0,8
Фатежский	9,2	5,0	8,3	15,5	275	6,2	177	5,2	64,4	208	6,2	0,0
Щигровский	9,1	5,5	7,7	15,6	307	6,9	190	5,6	61,9	127	3,8	54,0
Всего	9,3	4,8	7,3	31,6	4423	100	3423	100	77,4	3333	100	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 37. С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 106; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 96.

Курская губерния накопила недоимок 77,4% к окладу, причем лишь в 4 из 15 уездов они превышали годовой оклад. Это уезды Тимский и Обоянский — лидеры по величине наделов — 11,0 и 10,1 дес., Старооскольский с 8,5 дес. (3-4 позиция) и Белгородский с 6,6 дес. — 11-е место. При этом доля малоземельных дворов в этих уездах составляла соответственно 7,2%, 11,2%, 16,3% и 35,8%.

В то же время Грайворонский, Льговский, Путивльский, Рыльский и Суджанский, в которых процент таких хозяйств равнялся соответственно 44,4%, 41,1%, 68,4%, 76,0% и 40,8%, были практически безнедоимочными.

То есть и в Курской губернии связь между площадью наделов и размером недоимок отсутствует.

¹ Без опечаток.

Уфимская губерния

Общий оклад в 1897 г. равен 932 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 797 тыс. руб. (85,5%), 69,0% которые должны платить государственные крестьяне, 22,7% — помещичьи, 8,3% — удельные. Структура землевладения схожа — 67,0% — 26,4% — 6,6%.

Общие недоимки составляли 2848 тыс. руб., по выкупным платежам — 2831 тыс. руб. (99,4%) и распределялись между категориями крестьян в пропорции 65,5% — 32,7% — 1,8%.

Таблица 40

Землеобеспечение крестьян Уфимской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Уфимский	12,9	4,7	10,0	7,4	20,5	163	17,5	338	11,9	207,4	462	12,2
Белебеевский	15,5	8,8	11,0	14,0	11,8	145	15,6	527	18,5	363,4	687	18,1
Бирский	24,6	17,8	12,9	19,4	4,3	127	13,6	4	0,14	3,1	21	0,6
Златоустский	18,0	0,0	0,0	18,0	15,5	32	3,4	0,4	0,01	1,3	2	0,1
Мензелинский	9,8	9,1	11,3	9,7	2,6	371	39,8	1596	56	430,2	2178	57,5
Стерлитамакский	9,7	6,4	12,1	8,0	16,4	94	10,1	383	13,4	407,4	440	11,6
Всего	14,3	10,2	11,5	12,8	10,3	932	100	2848	100	305,6	3790	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 36. С. 42–43; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

Всего губерния накопила недоимок 305,6% оклада.

В Уфимской губернии самые многоземельные уезды — Бирский и Златоустовский — безнедоимочны.

На «плодородный» Мензелинский уезд¹ с наделом в 9,7 дес. и 2,6% малоземельных дворов падает 56,0% недоимок в 1897 г. (1,6 млн руб.) и 67,5% в 1901 г. (2,2 млн руб.). За ним идет Белебеевский уезд с наделом 14,0 дес. (недоимки равны 527–687 тыс. руб.), Стерлитамакский с наделом 8,0 дес. и Уфимский с наделом 7,4 дес. Доля малоземельных хозяйств в них составляет соответственно 11,8%, 16,4% и 20,5%.

Из изложенного выше мы уже знаем, что это — далеко не худшие показатели в Европейской России; следовательно, и здесь связи между величиной наделов и недоимок не прослеживается.

Харьковская губерния

Общий оклад губернии в 1897 г. был равен 4419 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3666 тыс. руб. (82,9%), 79,4% которых должны платить государственные крестьяне, 20,6% — помещичьи; «Вестник Министерства финансов» не показывает

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов ... вып. 1. С. 57

платежей удельных крестьян, но в переписи 1905 г. они фигурируют в Богодуховском уезде.

Структура землевладения схожа: 71,2% — 28,8% — 0,02%.

Общие недоимки составляли 1985 тыс. руб., по выкупным платежам — 1942 тыс. руб. (97,8%), которые распределяются между разрядами крестьян в пропорции 93,9 и 6,1%.

Таблица 41

**Землеобеспечение крестьян Харьковской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Харьковский	5,0	4,1		4,6	60,9	549	13,2	13	0,7	2,4	47	2,4
Ахтырский	6,2	3,5		5,4	46,5	239	5,8	0	0	0,0	3	0,2
Богодуховский	6,7	5,0	4,4	6,0	41	260	6,3	2	0,1	0,8	6	0,3
Валковский	4,4	3,8		4,2	72,2	219	5,3	0,2	0,01	0,1	4	0,2
Волчанский	7,6	6,4		6,9	18,9	310	7,5	63	3,2	20,3	51	2,6
Змиевский	7,8	4,7		7,1	22,7	412	9,9	47	2,4	11,4	91	4,6
Изюмский	9,5	5,6		7,5	26,9	403	9,7	2	0,1	0,5	23	1,2
Купянский	10,6	6,9		9,7	9,3	452	10,9	228	11,5	50,4	169	8,5
Лебединский	5,4	3,9		4,6	66,3	275	6,6	0,8	0,0	0,3	1	0,1
Старобельский	13,2	10,7		12,6	5,6	787	19,0	1629	82,1	207,0	1595	80,1
Сумский	4,8	3,6		4,0	88,2	244	5,9	0,3	0,02	0,1	0,3	0,0
Всего	8,5	5,5	4,4	7,3	36,3	4150	100	1985	100	47,8	1990	100

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 33. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

Харьковская губерния накопила 47,8% недоимок к окладу — рекордно низкий показатель для изучаемых губерний.

В этой губернии ситуация довольно простая и прямо противоречащая тезису о зависимости недоимок от землеобеспечения. Как будто назло такому примитивному взгляду, свыше 80% недоимок губернии сконцентрировал самый многоземельный Старобельский уезд с 12,6 дес. на двор и лишь с 5,6% малоземельных дворов, накопивший недоимок более 16-ти (!!!) годовых окладов, а еще 11,5% пришлось на 2-й по размеру наделов уезд — Купянский с 9,7 дес. и 9,3% малоземельных хозяйств.

Псковская губерния

Общий оклад равен 1143 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 1051 тыс. руб. (92,0%), 44,5% которых должны платить государственные крестьяне, 55,5% — помещичьи. При этом государственные крестьяне пользовались 38,7% надельной земли, а помещичьи — 61,3%.

Общие недоимки составляли 1111 тыс. руб., по выкупным платежам — 1101 тыс. руб. (99,1%), из которых 35,1% приходилось на государственных крестьян и 64,9% на владельческих.

Таблица 42

**Землеобеспечение крестьян Псковской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз. хоз-в	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоим. к окладу	недоимки	доля уезда
Псковский	10,0	7,8	9,5	1,8	277	24,2	164	14,8	59,2	209	22,3	2,4
Великолукский	10,0	7,8	8,3	1,2	100	8,7	25	2,3	25,0	18	1,9	0,2
Новоторжский	8,1	8,7	8,5	0,6	119	10,4	84	7,6	70,6	55	5,9	0,3
Опочецкий	8,3	8,5	8,4	2,8	137	12,0	82	7,4	59,9	48	5,1	0,2
Островский	9,8	8,9	9,4	0,1	186	16,3	100	9,0	53,8	59	6,3	2,6
Порховский	9,0	7,9	8,0	0,5	187	16,4	302	27,2	161,5	290	30,9	4,6
Торопецкий	15,3	11,5	11,8	0,5	62	5,4	87	7,8	140,3	88	9,4	1,2
Холмский	14,5	11,7	12,2	0,2	75	6,6	267	24,0	356,0	170	18,1	8,5
Всего	9,8	8,8	9,2	1,1	1143	100	1111	100	97,2	937	100	0,1

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 31, 44–45; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 109–110; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 99–100.

Губерния в 1897 г. накопила недоимок в размере 97,2% оклада.

И здесь мы не видим искомой связи, поскольку в число главных неплательщиков входят уезды и с самым большим наделом (Холмский — 12,2 дес.), и с самым маленьким (Порховский — 8,0 дес.), а также 3-й по этому параметру — Псковский (9,5 дес.); недоимки составили 140,3% оклада в Торопецком уезде, занимавшем 2-е место по величине надела.

Подведем некоторые итоги.

В рамках традиционной историографии недоимки, как мы знаем, являются важнейшим свидетельством упадка крестьянского земледелия, который связывается прежде всего с «грабительской» реформой и выросшим на ее почве малоземельем.

Проведенный анализ опровергает тезис о зависимости недоимок, а значит, и благосостояния крестьян от землеобеспечения.

В частности:

1. В Казанской губернии больше всего недоимок накопил самый многоземельный Чистопольский уезд с 10,5 дес. на двор.

2. В Самарской лидер по недоимкам — Николаевский уезд — занимает с 23,0 дес. 2-е место по землеобеспечению, а стоящий на 2-й позиции по недоимкам Бугурусланский уезд с 17,6 дес. на двор является третьим по площади надела.

3. В Воронежской губернии Богучарский уезд с 14,5 дес. — «дважды лидер», т. е. и по площади наделов и по размерам недоимок.

4. В Нижегородской губернии самый задолженный Лукояновский уезд имеет 2-й показатель по землеобеспечению — 9,1 дес.

5. В Тамбовской стоящие соответственно на 2-м и 3-м местах по объему долгов

Борисоглебский и Усманский уезды делят между собой те же 2-3-и места по размерам наделов — 8,1 дес.

6. В Пензенской губернии главный должник — Городищенский уезд, имеющий 2-й надел в губернии — 8,4 дес., а следующий недоимщик — самый многоземельный Краснослободский уезд — 9,4 дес.

7. В Тульской точно такая же картина — применительно к Ефремовскому (7,0 дес.) и Новосильскому (7,5 дес.) уездам.

8. В Саратовской губернии самые задолженные уезды — Камышинский со 2-м по величине наделом в губернии (11,0 дес.) и Хвалынский с 3-м (9,5 дес.).

9. В Оренбургской губернии Челябинский уезд является с 25,6 дес. на двор «дважды лидером», а Оренбургский с 22,2 дес. стоит следующим по задолженности.

10. В Пермской губернии лидер по недоимкам — Шадринский уезд с 19,8 дес. на двор — занимает 3-ю позицию в губернии.

11. В Курской губернии та же ситуация, что и в Пензенской и в Тульской. Самый недоимочный уезд — Обоянский с 10,1 дес. — стоит на 2-й позиции по землеобеспечению, а за ним идет Тимский уезд, самый многоземельный в губернии (11,0 дес.).

12. В Уфимской губернии, как и в Пермской, больше всех долгов имеет 3-й по площади наделов Белебеевский уезд (14,0 дес.).

13. В Харьковской губернии «дважды лидером» является Старобельский уезд с 12,6 дес. на двор.

14. В Псковской губернии самый недоимочный уезд — Холмский с 12,2 дес., т. е. 2-м показателем по губернии.

Лишь в отношении Орловской, Московской, Рязанской и Симбирской губерний эта тенденция не проявляется столь ярко. Однако даже из приведенных характеристик причин, влияющих на накопление недоимок в Орловской и Симбирской губерниях, можно видеть, что среди этих факторов фигурируют отнюдь не только количество и качество земли.

Мы видим, что в числе главных недоимщиков самые многоземельные уезды встречаются куда чаще самых малоземельных.

Хочу быть правильно понятым. Конечно, в каждом из уездов были «маломочные» хозяйства с небольшими наделами, в том числе дарственными, были крестьяне, которые действительно испытывали трудности и чей уровень благосостояния был низок. Но не они определяли жизнь русской деревни.

Попутно замечу, что остальные окладные сборы население платит лучше, чем выкупные платежи.

Однако мой статистический анализ не закончен.

Теперь, когда мы имеем некоторое представление о неравномерности распределения недоимок, можно еще больше сузить проблему недоимочности.

К интересным результатам приводит поуездный анализ величин оклада всех прямых налогов и выкупных платежей, а также и недоимок в 1897 и 1901 гг. в указанных 18-ти губерниях. И оклады, и недоимки по уездам одной и той же губернии, как мы знаем, распределялись неравномерно. В ряде случаев доля уезда в окладе губернии и в недоимках примерно соответствуют друг другу, а иногда и нет, и размеры этого несоответствия довольно значительны.

Поскольку поуездная концентрация недоимок в отдельных губерниях не была одинаковой, я выделил те уезды, доля которых в недоимках в 1897 или 1901 году составила не менее 10% (с рядом исключений).

Всего в 18 губерниях насчитывалось 187 уездов, не считая Московского. Для анализа, результаты которого представлены в таблице 43, был отобран 71 уезд.

Таблица 43

**Уезды с наибольшей задолженностью
по окладным сборам на 1 января 1898 г.**

<i>Губерния</i>	<i>Уезды</i>	<i>Оклад, тыс. руб.</i>	<i>Доля в окладе губернии</i>	<i>Недоимки 1897 г., тыс. руб.</i>	<i>Доля в недоимках</i>	<i>Недоимки 1901 г., тыс. руб.</i>	<i>Доля в недоимках</i>
1	2	3	4	5	6	7	8
Казанская	Казанский	481	12,8	1922	14,9	2273	14
«	Лаишевский	296	7,9	1329	10,3	1602	9,9
«	Мамадыжский	323	8,6	1246	9,7	1637	10,1
«	Свияжский	239	6,3	1261	9,8	1472	9,1
«	Спасский	306	8,1	1191	9,2	1642	10,1
«	Тетюшский	337	9	1628	12,6	2099	12,9
«	Чистопольский	567	15,1	2375	18,4	2929	18
Самарская	Бугурусланский	506	14,4	1919	17,9	2457	19,3
«	Бузулукский	692	19,7	3580	33,4	3958	31,2
«	Николаевский	745	21,2	2834	26,4	2978	23,4
Воронежская	Воронежский	519	10,5	971	10,7	1073	11,7
«	Богучарский	722	14,6	1489	16,4	1457	15,9
«	Землянский	456	9,2	1452	16	1792	19,5
«	Нижнедевицкий	403	8,1	1474	16,3	1448	15,8
Нижегородская	Арзамасский	249	10,2	1484	18,1	1724	19
«	Княгининский	207	8,5	850	10,3	910	10
«	Лукояновский	331	13,6	1983	24,1	2186	24,1
«	Сергачский	254	10,4	1329	16,2	1470	16,2
Орловская	Елецкий	546	15,7	1860	28,5	2347	28,7
«	Ливенский	647	18,6	1865	28,6	2458	30
«	Малоархангельский	393	11,3	950	14,6	1023	12,5
Тамбовская	Борисоглебский	593	12,4	1180	18,9	983	17,1
«	Кирсановский	473	9,9	1288	20,6	1467	25,5
«	Усманский	405	8,5	1030	16,5	836	14,6
Пензенская	Городищенский	258	9,5	867	15,6	1002	17,4
«	Исарский	377	13,9	519	9,4	503	8,8
«	Краснослободский	341	12,6	829	15	888	15,5
«	Нижнеломовский	303	11,2	750	13,5	765	13,3
«	Саранский	257	9,5	629	11,3	711	12,4
Тульская	Богородицкий	248	11,2	770	14,4	974	15,3
«	Ефремовский	223	10	1181	22	1411	22,2
«	Новосильский	253	11,4	1038	19,4	1155	18,2
«	Чернский	164	7,4	637	11,9	787	12,4

Окончание таблицы 43

1	2	3	4	5	6	7	8
Московская	Богородский	234	11,1	450	10,1	438	9,7
«	Бронницкий	185	8,8	534	12	546	12
«	Звенигородский	175	8,3	748	16,9	745	16,4
«	Подольский	166	7,9	529	11,9	536	11,8
«	Рузский	133	6,3	685	15,4	710	15,7
Рязанская	Михайловский	325	10,3	890	19,2	1079	20,8
«	Пронский	216	6,9	762	16,4	770	14,9
«	Раненбургский	329	10,5	443	9,6	546	10,5
«	Скопинский	304	9,7	940	20,3	1049	20,2
Саратовская	Аткарский	429	11,5	669	14,5	830	13
«	Балашевский	535	14,4	553	12	561	8,8
«	Камышинский	582	15,6	1131	24,5	1429	22,4
«	Кузнецкий	271	7,3	528	11,4	729	11,4
«	Хвалынский	373	10	739	16	1358	21,3
Симбирская	Симбирский	320	15,3	636	15,5	915	17
«	Ардатовский	238	11,4	885	21,6	1034	19,2
«	Буинский	238	11,4	484	11,8	695	12,9
«	Корсунский	313	15	685	16,7	940	17,4
«	Курмышский	236	11,3	657	16,1	777	14,4
Оренбургская	Оренбургский	288	32,5	1508	38,6	1599	41,5
«	Челябинский	568	64,2	2381	61	2243	58,2
Пермская	Екатеринбургский	206	6,3	414	11,1	515	12,1
«	Камышловский	491	15	539	14,5	478	11,3
«	Красноуфимский	267	8,1	384	10,3	534	12,6
«	Шадринский	652	19,9	2172	58,5	2292	54
Курская	Белгородский	320	7,2	372	10,9	451	13,5
«	Обоянский	423	9,6	850	24,8	912	27,4
«	Старооскольский	283	6,4	552	16,1	486	14,6
«	Тимский	310	7,0	676	19,8	740	22,2
Уфимская	Уфимский	163	17,5	338	11,9	462	12,2
«	Белебейский	145	15,6	527	18,5	687	18,1
«	Мензелинский	371	39,8	1596	56	2178	57,5
«	Стерлитамакский	94	10,1	383	13,4	440	11,6
Харьковская	Купянский	452	10,9	228	11,5	169	8,5
«	Старобельский	787	19	1629	82,1	1595	80,1
Псковская	Псковский	277	24,2	164	14,8	209	22,3
«	Порховский	187	16,4	302	27,2	290	30,9
«	Холмский	75	6,6	267	24	170	18,1
	Всего 71 уезд	25075		73940		84554	

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 г. СПб., 1901. С. 102–113; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1904 г. СПб., 1905. С. 92–103; Подсчеты автора.

Итак, на 71 уезд с суммарным окладом в 25075 тыс. руб., что составляло 22,1% оклада 50-ти губерний, пришлось 73940 тыс. руб., т. е. 69,7% всех недоимок по окладным сборам 1897 г., и 84554 тыс. руб., или 67,6% суммы недоимок 1901 г.

71 уезд — это 14,1% общего их числа в 50 губерниях. И, полагаю, намного ближе к истине утверждение, что задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии (18 из 50).

Это, разумеется, не означает, что в остальных 430 уездах текли молочные реки с соответствующими берегами. Но это означает, что при оценке положения крестьянства пора перестать заниматься демагогией и порочить всю правительственную политику только потому, что она правительственная.

Пора перестать при изучении процессов такого масштаба вводить «круговую поруку» и делать крестьян остальной России ответственными за долги своих компатриотов, уверяя, что неплатежи части крестьян говорят о бедственном положении *всего* крестьянства, как делалось в бесчисленных оппозиционных текстах и продолжает делаться в наши дни.

3.2. Как возникают недоимки?

Главный вопрос, тем не менее, заключается в том, почему в 71 уезде, на которые падает лишь чуть больше пятой части оклада 50-ти губерний по выкупным платежам, сосредоточено более двух третей недоимок?

Мы уже знаем, что причина этого явления заключается не в малоземелье.

А в чем же тогда?

За ответом, полагаю, следует обратиться к Н. К. Бржескому, автору самых серьезных работ по данной тематике, на статистические данные которого ссылается цитируемая статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона.

Н. К. Бржеский (1860–1910), ученый, доктор финансового права, в 1889 г. перешел из Петербургского университета на службу в Департамент окладных сборов, стал затем его вице-директором, а позднее — управляющим делами Финляндской Е. И. В. канцелярии¹. Именно он, кстати, был главным редактором весьма полезного юбилейного издания «Министерство финансов».

По должности он имел доступ к служебной (закрытой, как сказали бы сейчас) информации и сумел использовать это обстоятельство весьма эффективно — он взял на себя нелегкий, но важный и почетный труд осмыслить громадный массив специфических данных о жизни населения России, который был в его распоряжении. В итоге им написан ряд очень ценных научных работ, не очень-то популярных у современников, однако в полной мере сохраняющих свое научное значение и в наши дни².

Сравнительная малоизвестность Бржеского объясняется, конечно, его объективным, т. е. непартийным подходом к изучаемым проблемам. Будучи человеком неангажированным, он был убежден в том, что уравнильно-передельная община в ее современном виде — глобальное зло для страны, и не только по соображениям экономическим, но и социально-психологическим, а значит, и политическим. В тогдашнем обществе, для которого эта община была началом и концом русской жизни, такая позиция не могла быть популярной.

¹ Министерство финансов. 1802–1902... Т. 1. С. VI.

² Помимо цитируемых ниже: Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1905. Круговая порука. СПб., 1899.

Итак, как же отвечает Н. К. Бржеский на вопрос о происхождении крестьянской задолженности?

Его ответ, замечу сразу, с привычной народнической трактовкой проблемы недоимок общего имеет не больше, чем дяк Крякутный с историей российского воздухоплавания.

Уже на *первой* странице Введения своей монографии Бржеский дает совершенно непривычную интерпретацию явному парадоксу, когда несмотря на уменьшение суммы взимаемых правительством налогов недоимки продолжают расти. Если проследить динамику государственных окладных сборов по пятилетиям с 1861 г. до 1896 г., отмечает он, то окажется, что задолженность крестьянства росла безостановочно, невзирая на экономическую конъюнктуру. Удивительно при этом, что *чем меньший* размер платежей устанавливало государство, *тем хуже шло их поступление* в казну и тем больше становились недоимки.

Бржеский пишет: «Если бы в росте податной задолженности сельских обществ видеть доказательство идущего соответственно такому росту упадка народного благосостояния, то следует прийти к довольно неожиданному заключению, будто понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и соляного налога, а равно сложение с крестьян многомиллионных недоимок по манифестам 1880 и 1883 гг. (47 млн руб. — М. Д.), — все благодетельные меры первой половины 80-х годов не привели ни к чему другому, как к ослаблению платежных сил сельского населения, так как оно во второй половине 80-х годов стало еще менее исправным в отбывании повинностей, чем было в эпоху обременительных платежей»¹. К этому нужно добавить, что нигде в мире, по его мнению, податные льготы в административном порядке не предоставлялись населению так широко, как в России².

Бржеский «оживляет» данные таблиц 24 и 43: «Рассматривая данные о податной задолженности крестьянского населения в любом из уездов Европейской России, невольно поражаешься значительными колебаниями размера недоимочности по волостям и отдельным сельским обществам в пределах одной и той же волости, находящимся в заведомо одинаковых хозяйственных условиях. Сплошь и рядом встречаются селения, не только не обремененные недоимками, но даже совершенно от них свободные, наряду с такими, задолженность которых достигает 5, 6 и даже более годовых окладов, причем напрасно было бы на почве экономических условий искать разгадку этого явления.

Нередки случаи, когда в одном сельском обществе крестьяне пользуются значительным достатком, имеют хорошие наделы или прибыльные заработки на стороне, и тем не менее недоимка в этом обществе достигает значительных размеров, а крестьяне другого общества с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством. **Указанные явления настолько заурядны и общеизвестны, что нет даже надобности иллюстрировать их подходящими примерами.**

Действительно, при существующей постановке податного дела в сельских обществах недоимочность отнюдь не служит доказательством хозяйственного слабосилия плательщиков, а исправное пополнение оклада и отсутствие податной задолженности

¹ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897. С. I–II.

² Там же. С. 397.

вовсе не свидетельствует о хозяйственном достатке крестьян и соразмерности платежей с доходностью надела»¹.

Это мнение, разительно противоречащее выводам всей негативистской литературы, делает вопрос о причинах недоимок еще более интригующим.

Если что и является «вполне доказанным», продолжает автор, то это факт накопления крестьянских недоимок «безотносительно и к хозяйственным условиям отдельных платежных единиц, и к податной тяготе, которая теперь отнюдь не сильнее, чем это было в эпоху крепостного права, когда недоимки составляли лишь несколько более 2% оклада».

Отсюда следует совершенно логичный вывод о том, что «существует некая общая причина, обуславливающая у нас непрерывный рост податной задолженности сельских обществ и явившаяся вместе с крестьянской реформой».

Эта общая причина — принципиальное несовершенство созданной в 1861 г. системы крестьянского самоуправления, неотъемлемой частью которой стало податное дело.

На этом следует остановиться подробнее, поскольку капитальные различия между до- и пореформенной общиной большинству читателей, сколько я могу судить, не очень-то понятны, равно как и — без преувеличения — роковые для нашей страны последствия этих перемен.

В общих чертах суть их (различий) такова.

Пореформенная община была сходна с крепостной только в некоторых внешних проявлениях общинного землепользования, чем далеко не исчерпывалось содержание общинного быта. В то же время с государственной и хозяйственной точки зрения роль общины после 1861 г. радикально изменилась.

Раньше ее государственное значение было невелико в силу того, что ее компетенция ограничивалась крестьянскими сословными интересами. Решение общиной земельно-податных вопросов контролировал помещик или окружной начальник (для государственных крестьян), которые в большинстве случаев защищали отдельных крестьян от злоупотреблений сельских властей и от насилия сходов.

Община не могла производить по своему желанию общие переделы земли и практически не могла — за редчайшими исключениями — отбирать наделы за недоимки (у государственных и удельных крестьян). У помещичьих крестьян круговой поруки не было, а у государственных была, но они не обязаны были «заводить у себя сложные по самому своему существу податные порядки, предполагающие наличность в народной массе не только элементарной грамотности, но и некоторых более специальных знаний»².

Принципиально важно то, что вступившие в рабочий возраст крестьяне получали землю из состава свободных помещичьих или казенных земель, и занималась этим, понятно, отнюдь не община.

После 19 февраля 1861 г. изменилось в первую очередь государственное значение общины, которая стала низшей административной единицей. С развитием и усложнением задач местного управления соответственно расширялась и усложнялась сфера компетенции сельских обществ в делах, имевших государственное значение.

В силу этого должностные лица крестьянского самоуправления превратились в

¹ Там же. С. 218–219.

² Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная не обеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. VI.

правительственных агентов, а их сословно-крестьянские обязанности, которые были главными до 1861 г., отошли на второй план.

Еще заметнее были перемены в хозяйственной роли земельной общины. В ее руках оказалась и крестьянская земля, и крестьянские подати, что имело самые негативные последствия для отечественной деревни: «Земля и подать — эти два могущественных фактора хозяйственного преуспевания сельского населения России с изданием Положения 19 февраля 1861 г. переданы были в полное распоряжение сельских обществ. Устроителем хозяйственного быта своих сочленов явилась община; разверстывая по своему усмотрению и землю, и подать, община получила ту силу воздействия на хозяйственный достаток каждого из домохозяев, какой она никогда не имела и не могла иметь при дореформенных порядках.

Каковы были последствия применения на практике этой силы?

На поставленный таким образом вопрос нет двух ответов.

Все без исключения и правительственные, и земские материалы сходятся на том, что хозяйственная, в широком смысле этого слова, деятельность пореформенной общины дала отрицательные результаты»¹.

Прежде чем продемонстрировать, на чем основан этот вывод, следует заметить, что подобный итог многие здравомыслящие люди предвидели и до 19 февраля 1861 г.

Так, 36 членов губернских комитетов второго приглашения констатировали, что «если одна категория постановлений Административного отдела, в которых излагается в общих чертах, без всяких подробностей, будущее устройство сельского управления, представляет много неопределенного, то совершенно обратное замечается в другой категории постановлений того же отдела, в которых отчетливо и последовательно развивается мысль: **устроить местное самоуправление исключительно на общинном начале, устраняя от всякого участия в делах консервативный элемент личной собственности**.

Сюда относятся:

1) Устройство хозяйственной общины во всех помещичьих имениях, даже и там, где господствует участковая (подворная — М. Д.) система пользования;

2) предоставление одним только членам хозяйственной общины права участия в сходах и в выборе должностных лиц;

3) присвоение этим лицам и депутатам от домохозяев общины всей полноты административной и хозяйственно-распорядительной власти, с устранением всех личных собственников, в том числе и помещиков от участия в делах, касающихся общества;

4) обширное письмоводство, требующее, за безграмотством крестьян, беспрестанного надзора со стороны чиновников;

5) огромная судебная власть, предоставленная домохозяевам, призываемым по очереди для заседания в волостном суде;

6) дозволение крестьянскому сходу нарушать, по своему усмотрению, права состояния каждого из членов общества без всякого судебного разбирательства;

7) трудность избавиться от произвола общества и воспользоваться правом выхода при существовании личной круговой поруки в податях и повинностях.

Простой перечень этих постановлений уже не оставляет никакого сомнения в том, каким образом Редакционные Комиссии понимают будущее устройство сельского на-родонаселения.

¹ Там же. С. VII–VIII

Но что же, спрашивают эти члены, выиграет крестьянин, променяв прежнюю крепостную зависимость от помещика на такую же, если не более тяжелую зависимость от своего общества?

Какое улучшение последует в его домашнем быту — при подчинении его исключительному произволу старшины или старосты, от самоуправства которых он в прежнее время искал и находил защиту у помещика?

Наконец, сколько потеряет он, лишившись безвозмездного разбирательства и суда помещика, в замену которого ему предлагают безграмотный суд очередных домохозяев чужой деревни, которым предоставлено вершить без апелляции гражданские иски до 300 руб. сер., т. е. большею частию на все достояние крестьянина?...

Из сказанного видно, что предлагаемая Редакционными Комиссиями система не ограждает ни личных, ни имущественных прав крестьянина, оставляя его, вопреки общему ожиданию, под тяжестью двойной крепостной зависимости...

Обращаясь к рассмотрению вопроса как будет действовать новая организация в связи с существующими ныне общими государственными учреждениями, 36 членов останавливаются в совершенном недоумении перед картиной, которая им представляется в будущности.

Они с трудом могут вообразить нынешнее крепостное народонаселение России, распределенное на десять тысяч каких-то республик (по числу волостей — М. Д.), с избранным от сохи начальством, которое вступает в управление должностей по воле народа, не нуждаясь ни в чьем утверждении»¹.

36 членов губернских комитетов второго призыва «на каждом шагу в трудах Редакционных Комиссий» встречают «отвлеченную» «систему с ее резкими догматическими требованиями», систему, не принимающую в расчет ни исторического быта, ни местных условий», которая «требует, чтобы действительная жизнь подчинялась началам, которые не вытекают из самой жизни, а в иных случаях и прямо ей противоречат.

Между тем жизнь показывает, что «непременным последствием отвлеченных законоположений обыкновенно бывает: **бесполезное стеснение** в самых невинных и ежедневных сношениях; **общее неудовольствие и стремление обойти требования регламента, одинаково враждебные для всех интересов**». Видя «самый яркий пример противоречия между печатным законом и действительностью» «в неудачном создании ведомства государственных имуществ», 36 членов призывают Редакционные Комиссии к тому, чтобы «этот последний опыт навсегда предохранил Россию от опасного увлечения теориями и чтобы при введении нового сельского устройства были, прежде всего, приняты во внимание действительные нужды и условия каждой местности, **тесно связанные с историческим и умственным развитием ее жителей**»².

Оставляя пока в стороне оценку реформы П. Д. Киселева, заметим, что ценность этих возражений общинным симпатиям Редакционных Комиссий, по многим причинам трудно преувеличить. Читатель, в числе прочего, имеет, таким образом, возможность убедиться в том, что мой текст — это не «критика постфактум».

Жизнь, к сожалению, подтвердила опасения 36 членов губернских комитетов второго призыва.

¹ Скребицкий Александр. Крестьянское дело в царствование императора Александра II... Т. 1. С. 811–813.

² Там же. С. 813–814.

Итак, с одной стороны, община получила право полного распоряжения надельной землей и могла, в числе прочего, устраивать общие и частные переделы, которые стали тормозом аграрного прогресса, — в частности, потому, что из-за неустойчивости права владения (пользования) улучшать надельную землю стало невыгодно и рискованно — вложения можно было легко потерять при очередном переделе.

С другой стороны, созданная Положениями 19 февраля 1861 г. податная система, призванная обеспечивать исправное поступление крестьянских платежей, представляла собой законченный тип круговой поруки. Сельское общество стало полностью самостоятельным в податном деле, т. е. оно разверстывало и собирало подати, взыскивало недоимки, либо применяя различные меры принуждения к неплательщикам (вплоть до лишения недоимщиков их наделов), либо раскладывая — в силу круговой поруки — ее на остальных общинников, вносило деньги в казначейство, контролировало должностных лиц, определяло по своему усмотрению порядок податного счетоводства и отчетности¹.

Принципиально важный момент — все эти широчайшие полномочия община получила, как мы знаем, не в рамках твердого законодательства. Ее решения должны были основываться на «обычае», который, по весьма дискуссионному мнению Редакционных Комиссий, якобы существовал в каждой конкретной местности.

Вновь созданная податная система была рассчитана на разумное и сознательное отношение крестьян к уплате налогов. Однако ожидать этого от вчерашних крепостных было, по меньшей мере, наивно, поскольку они просто не знали, что это такое, и их невозможно в этом винить — предшествующая история страны таких знаний не предполагала.

Неудивительно, что данная система привела к результатам, которых менее всего ожидали члены Редакционных Комиссий. Я остановлюсь на трех из них, безусловно, взаимосвязанных.

1. Крестьяне быстро отвыкли от порядков старого времени, когда правильное исполнение их податных обязанностей контролировалось помещиками. Налоги перестали платиться вовремя, а из-за круговой поруки даже вполне зажиточные крестьяне стали максимально затягивать платежи, резонно опасаясь, что вовремя внесенная подать станет основанием для дополнительного платежа за соседей-недоимщиков. Запоздывание с уплатой стало формой своего рода самозащиты крестьян от несправедливости податной системы. Платили теперь только по настоятельным требованиям властей.

Неудивительно, что «недоимка при таких условиях стала явлением обычным, сделалась как бы неотъемлемою принадлежностью крестьянского податного дела; в большинстве случаев она вовсе не знаменует собою расстройств платежных сил населения и... не находится в строгом и правильном соответствии ни с размерами обеспечения крестьян надельною землею, ни со степенью обременения их платежами.

Очевидно, что первичное появление недоимки (а также и дальнейшее ее накопление — *М. Д.*) обуславливается совершенно равнодушным отношением сельских обществ к выполнению обязанностей, которые на них возложены законом по наблюдению за исправным отбыванием повинностей каждым из членов общества»².

А едва ли не главная причина этой индифферентности — недостатки крестьянского самоуправления, неудовлетворительный состав сельских сходов, приниженное не-

¹ Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность... С. 16.

² Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 398.

редко (но не всегда!) положение должностных лиц крестьянского управления, прежде всего, сельских старост.

2. Кроме того, право общины лишать недоимщиков земли и применять иные меры воздействия сделало ее мощным фактором прямого воздействия на земельный и материальный достаток ее членов, на их благосостояние и на углубление имущественного неравенства внутри сельского общества.

Исключение писаного закона («положительного права») из сферы земельно-податного дела ставило решения по этим ключевым вопросам крестьянской жизни в зависимость от «благоусмотрения» сельских сходов, т. е. от их спонтанного, ничем, кроме нередко мифического «обычая», не регламентируемого волеизъявления. Сельские же сходы, которые ни по своему качественному составу, ни по интеллектуальному развитию большинства участников не соответствовали представлениям и ожиданиям реформаторов, зачастую были удобным объектом манипулирования со стороны должностных лиц крестьянского самоуправления или влиятельных членов общества.

Поскольку Положениями 19 февраля 1861 г. отдельные общинники — в отличие от крепостной эпохи — никак не защищались от возможного произвола общины, то это, естественно, предоставляло должностным лицам и сельским сходам большие возможности в ущемлении их интересов.

Круговая порука стала «отличным средством для всякого рода прижимок» беднейшей части общинников «исправными», зажиточными домохозяевами: «Под предлогом круговой поруки менее исправные домохозяева получают нередко менее того количества земли, на которое они имеют право; вдовы, с малолетками или юношами сыновьями, почти всегда обижены при разделе земли; земля лучших качеств тоже достается более зажиточным крестьянам. При возражении со стороны обиженных слышится всегда один и тот же ответ: «ты недоимщик слабосильный, а мы за тебя плати подати и отбывай повинности», после чего обиженный молчит, хотя на самом деле его же, обиженного, в первую голову наряжат для исполнения какой-либо натуральной повинности, а недоимки и текущие платежи взыщут, если возможно, с него же, не уплатив ни одного гроша за обиженного землей при разделе ее по домохозяевам»¹.

Один из податных инспекторов Саратовской губернии писал в 1901 г.: «Большим тормозом к успешному ведению дела взимания окладных сборов служит круговая порука. До настоящего времени она часто не применялась, и только теперь «на склоне своих лет» возымела силу. Боясь круговой поруки, многие крестьяне-плательщики, имея полную возможность уплатить сборы, не желали погашать недоборы в том расчете, что если сами они своевременно уплатят причитающийся с них оклад, то все равно придется платить за других, т. е. придется платить два раза. Были случаи, что крестьяне, уплатившие по настоянию властей причитающиеся с них сборы, не хотели подавать на сходке голос за приговор с ходатайством о льготах другим их соплательщикам и в то же время не принимали, вопреки 64 ст. Положения, мер против неисправных плательщиков. Эти же общества, понятно, не пожелали потом и применить ст. 69 Положения о разверстке образовавшихся за ними недоборов»².

Но и это не все.

3. Прогрессировавшее обезземеление части крестьянства после 1861 г. в огромной степени связано с предоставлением общине права отбирать наделы за недоимку, зна-

¹ Там же. С. 412.

² РГИА, Ф. 573. Оп. 25, Д. 1032. Л. 47об-48.

чимось которого (права) резко усиливалась пробелом законодательства — полным отсутствием в Положениях 19 февраля какой-либо регламентации отношений между обществом и его отдельными членами в вопросах, связанных с землей.

Если до реформы подрастающие поколения земель, как мы знаем, наделял помещик, то после 1861 г. этим занималась община, исходя из неизменяемой площади надельной земли, полученной ею в собственность. Поскольку демографический взрыв увеличивал спрос на землю, то борьба за нее неизбежно должна была встать — и встала — на повестку дня, особенно в районах с наибольшей густотой населения, т. е. на северном черноземе.

Не нужно специально пояснять, что в этой борьбе решающим фактором зачастую становилась позиция должностных лиц сельского самоуправления, которые, продвигая решение земельно-податных вопросов сообразно своей личной выгоде и в ущерб интересам отдельных общинников, могли при этом, однако, прикрываться безответственностью сельских сходов.

Итак, созданная в 1861 г. податная система, основанная на круговой поруке, в условиях общинного режима прямо провоцировала недоимки и обезземеление крестьян.

3.3. Общинный романтизм и действительность: сельские сходы

Теперь необходимо раскрыть то, что схематично изложено выше и что в первую очередь ставит естественный вопрос — а почему же была построена столь неэффективная податная система?¹

В «весьма несовершенной», по мнению Бржеского, деятельности Редакционных Комиссий в податной сфере не слишком органично соединились различные, подчас противоположные идейные подходы к реформе, которые исповедовались членами Редакционных Комиссий.

С одной стороны, они стремились оградить финансовые интересы как казны, так и помещиков, поставленных реформой 1861 г. в принципиально иные условия ведения хозяйства. Это и обусловило введение, во-первых, круговой поруки крестьян за исправное выполнение повинностей даже там, где не было общинного землепользования, а во-вторых, целой системы принудительных мер взыскания, совершенно крепостнических по духу и по содержанию. Данные меры ставили личную ответственность недоимщика выше имущественной и полностью подчиняли его «благоусмотрению мира», перед любыми действиями которого в важнейших вопросах своей жизни, связанных с землей и податями, он оказывался совершенно беззащитным.

С другой стороны, «среди реформаторов были люди, идеализировавшие крестьянскую общину, полагавшие, что достаточно отменить крепостное право, чтобы крестьянин сумел воспользоваться благами широкого самоуправления, чтобы «мир» разумно и справедливо управлял хозяйственными общественными делами, чтобы крестьянские должностные лица заботливо относились к выполнению своих обязанностей как вообще, так, в частности, по наблюдению податного дела.

Отсюда те широкие основы самоуправления, которые намечены Положениями 19 февраля; основы, нисколько не согласованные с развитием народной массы,

¹ Во введении мы отчасти касались этого сюжета.

только что вышедшей из векового рабства, отвыкнувшей от понимания прав личности и частной собственности, невежественной настолько, что (и) теперь, спустя 35 лет после реформы, большинство даже должностных лиц крестьянского управления безграмотны»¹.

Из этого общинного романтизма вытекало, среди прочего, **нежелание** Редакционных Комиссий регламентировать быт пореформенного крестьянства, в том числе и предоставление сходам полной самостоятельности в податном деле, закончившееся полным провалом. Общину как бы пустили в свободное плавание, которое должно было доказать состоятельность теоретических построений барона А. фон Гакстгаузена и славянофилов с Герценом.

Русская деревня середины XIX в. была достаточно замкнутым и в большой мере патриархальным образованием. «Старики» были авторитетны как носители житейского опыта и народных обычаев, а сходы блюли обычай в области имущественно-правовых отношений крестьян, и круг дел, которым они ведали, был связан с общественным хозяйством и невелик по объему. Считается, что поскольку в помещичьей деревне не было круговой поруки, сходы не могли наносить ущерба ничьим материальным интересам, да и близкая власть помещика, как правило, охраняла отдельных крестьян от произвола большинства.

Редакционные Комиссии пришли к выводу, что после 19 февраля 1861 г. сходы должны стать центральными органами крестьянского самоуправления, собранием, где будет обсуждаться и разрешаться **весь** комплекс проблем данного конкретного общества. Хозяйственные дела сход отныне решал по своему усмотрению, и правительственные органы в его распоряжения по существу вмешиваться не могли, они были вправе лишь отменять приговоры схода, составленные с формальными нарушениями.

В итоге сходы получили объем компетенции, который не имел прецедентов не только в дореформенной России, — по мнению Бржеского, даже «в странах с весьма развитым самоуправлением местных союзов нет органа самоуправления, которому предоставлены были бы столь обширные права и столь широкий круг ведомства, как это сделано в Положениях 19 февраля 1861 г. относительно сельского схода»².

Надо сказать, что подобная позиция Редакционных Комиссий и в то время, и позднее в целом пользовалась поддержкой по меньшей мере значительной части образованного класса страны. К Зайцев пишет: «С удивлением приходится убедиться в том, что, за исключением отдельных голосов, не имевших непосредственного решающего значения, политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярых революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными соображениями, **все восторженно отнеслись к идее какого-то особого русского национального крестьянского права**.

Так называемое **народничество** нельзя представлять, как узкую партийную революционную догму; это было весьма **широкое и могучее духовное течение**, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность. Обычно считают, и вполне обоснованно, что одна из причин революции — это разрыв между правительством, интеллигенцией и народом. Но нельзя забывать, что аграрная идеология рос-

¹ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука ... С. 376–377.

² Там же. С. 228.

сийской интеллигенции, известная как народничество в широком смысле этого слова, на самом деле была просто несколько **отполированным вариантом крестьянского правового мировоззрения, в какой-то мере связанного с правительственными мероприятиями и основанного на тексте закона.** Таким образом, как раз по тому вопросу, неудачное решение которого свалило и разрушило Россию, правительство, общество и народ были вполне едины¹.

Как говорилось, после 1861 г. сход, помимо прочего, стал полным распорядителем общинной земли, который проводил и первоначальную разверстку земли между членами общества, и все последующие ее переделы, причем не только в смысле периодической переверстки земли между членами общества, но и в плане оперативной скидки и накидки тягол. Круговая порука сделала сельское общество полностью самостоятельным в податном деле. Все это в сочетании со своеобразным дистанцированием правительства от постоянного наблюдения за податным делом привело к негативным результатам.

Весьма быстро выяснилось, что людей, за столетия приученных к тому, что их постоянно контролируют, нельзя внезапно предоставлять самим себе, — тогда автоматически включаются те механизмы коллективной психологии, которые пробуждают в этих людях отнюдь не лучшие душевные качества.

Романтическим надеждам Редакционных Комиссий на то, что сходы останутся справедливыми хранителями заветного обычая, о котором придававшие ему воистину мистическое значение реформаторы, а часто и сами крестьяне, имели, надо сказать, весьма смутное представление, не было дано осуществиться.

Члены Комиссий не до конца понимали, что создаваемое ими крестьянское самоуправление и те способы, какими они думали гарантировать исправное поступление в казну платежей, мало соответствовали интеллектуальному и правовому развитию миллионов вчерашних крепостных. И уж тем более, реформаторы не могли знать, как эта система управления будет функционировать в дальнейшем.

Вот что писал об этом младший современник освобождения К. Ф. Головин: «За тридцать пять лет с лишком, истекших со дня освобождения, внутренняя работа жизни глубоко, хоть и медленно, пересоздала быт деревни. И в то же время ежедневная практика дала возможность судить, насколько законодательный акт 19 февраля расходился с требованиями действительности при самом своем издании. Говорим это не в укор его составителям. Перед началом 60-х годов крестьянская жизнь была так же незнакома лучшим из тогдашних людей, как внутренность Африки.

Помещики, целый век прожившие в деревне, обладали странным свойством не видеть зрячими глазами, не сознавать явлений, постоянно вокруг них происходивших. И славянофилы, и западники смотрели на мужика сквозь призму своих идеалов, и сведения о нем почти исключительно почерпали из книги барона Гакстгаузена.

Теперь нам трудно даже себе представить, до какой степени порядки мужицкой жизни были в то время чем-то отвлеченным для людей, считавшихся знатоками деревни. Увлечение сельской общиной у одних, желание других внести в мирские порядки начало западного индивидуализма, — все это было навеяно теоретическими взглядами, а не изучением действительности.

И Общее Положение явилось результатом компромисса между этими двумя противоположными желаниями. Немудрено, что оно могло дать формулы только для от-

¹ Цит. по: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. Париж. 1980. С. 202–203.

влеченных принципов общинного и подворно-наследственного владения, а не для тех реальных фактов, которые оставались незамеченными для законодателей, скрытые от их глаз ширмами теории.

И не менее трудно нам теперь, когда уже немного осталось в живых современников крепостного права, выяснить себе другую точку зрения авторов Общего Положения, его временный, так сказать, боевой характер.

Тогда думали об одном лишь — поскорее развязать запутанное отношение мужика к барину, не представляя себе, чем станет этот мужик, когда он вполне освободится, и надел будет за ним закреплен. Переходный 9-летний период в 60-х годах казался целою вечностью, и за пределы его заглядывали лишь робко»¹.

Это очень важная информация, подтверждающая, что основополагающие моменты важнейшей из Великих реформ в немалой степени были плодом «отвлеченного», по мнению 36-ти членов второго приглашения, теоретизирования, а не взвешенного анализа существовавшей в российской деревне ситуации.

Жизнь очень быстро внесла коррективы в ту патриархальную картину, из которой исходили Комиссии. В десятках тысяч обществ дореформенная община деформировалась. Сельский сход, в решениях которого воплощалась воля общины, по мысли реформаторов, должен был быть «собранием, где обсуждаются и решаются все дела, учреждающие и постоянно обновляющие общественное и хозяйственное управление крестьян», постановления которого «тесно связаны с обеспечением и выгодами каждого отдельного лица в обществе»².

В сходах участвовали представители всех дворов данной общины, причем никаких требований к личности участников схода Положения 19 февраля 1861 г. не выдвигали (у государственных крестьян участвовали своего рода депутаты от нескольких дворов). При этом права и интересы отдельных общинников от более чем возможного произвола схода законом, как мы знаем, никак не защищались; деятельность схода вообще не регламентировалась *никак*. Реформаторы очень рассчитывали на то, что в новых условиях община проявит присущую ей, по их мнению, мудрость и справедливость.

Прекрасно сказал об этих иллюзиях в 1893 г. граф И. И. Воронцов-Дашков: «Мне думается, что века крепостной зависимости, в той или другой форме предшествовавшие реформам 1861-го года, нельзя... признать исторической подготовкой к современному общинному землевладению и крестьянскому самоуправлению.

Крестьянин, будучи крепостным, обществом (т. е. общиной — *М. Д.*) не владел землею, он сам был объектом владения и, уже по одному этому, ничем владеть не мог ни единично, ни в составе той деревни или села, которых он был членом.

Он жил обществом — это верно, но никакой собственности ни он, ни общество не имели и не могли иметь. Крестьянин пользовался той землей, которую давал ему владелец с целью поддержать свою платежную и рабочую силу. И пользовался он ею постольку, поскольку владелец его находил это для себя полезным и нужным. Исключений я не принимаю во внимание.

Ради этих же целей, ради удобства владельца его селили обществами, а не он сам селился так. В основании строя всей его жизни лежало подчинение воле владельца, безразлично, была ли этим владельцем казна, удел или помещик. Эта воля и только

¹ Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898... С. 208–209.

² Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность... С. 20.

она одна руководила его деятельностью, способами пользования его имуществом, как движимым, так и недвижимым, даже его семейной жизнью и составом его семьи.

Очевидно, что его исторической привычкой было быть руководимым во всех проявлениях его жизни, а не руководиться в них самому. Эта же привычка была и его бытовой особенностью.

О веками сложившемся каком бы то ни было праве, он понятия не имел, да и не мог иметь, так как в действительности, в жизни, он никаких прав не имел.

Жизнь его в обществах в целях и видах владельца, конечно, не могла зародить в нем понятия об том, что эта-то жизнь и будет впоследствии служить основанием подчинить его этому обществу и в составе этого общества не только руководить самим собою, но и своими собратьями.

Логической последовательностью такой жизни была бы замена повелителя — руководителем, замена произвола над ним владельца — дарованием ему прав, пользоваться коими ему следовало под руководством законной, правительственной власти.

Только постепенное воспитание его в уважении к правам других и в умении пользоваться своими собственными правами, в ясном понимании того, что законно и что незаконно, что можно и чего нельзя, могли приготовить его к тому, чтобы стать по праву гражданином земли русской. Община не могла удовлетворить этим требованиям, сама не имея об них никакого понятия»¹.

Поскольку в своих решениях сходы должны были исходить из «обычая», то на деле «обычай», как говорилось, стал эвфемизмом для обозначения сиюминутных решений «случайно образовавшегося» на сходе большинства (в некоторых общинах кворума не могли собрать годами); понятно, кстати, что сотни тысяч сельских сходов при решении однотипных вопросов нередко принимали совсем разные решения.

Большинство сходов в средних и крупных общинах постепенно перестало быть носителями народно-правовых обычаев, если даже и было таковыми прежде. Они стали объектами манипуляции со стороны «мироедов», во множестве селений перевес получили «наиболее вредные элементы общества», которые стали использовать сход в своих целях и захватили в свои руки все мирское хозяйство. Именно этим объяснялись многие «беспорядки в сельском управлении, выбор на общественные должности людей слабых и неспособных, санкционирование неправильных мирских расходов (на вино), нарушение прав отдельных членов общества, преимущественно беднейших»².

Бржеский пишет: «При таких условиях сельский сход очень скоро оказался лишенным того нравственного авторитета, без которого не может успешно работать никакой орган самоуправления; не имея возможности поставить серьезный отпор всем вредным влияниям на мирские дела извне и из среды самого крестьянства, сход сам стал послушным орудием в руках всех тех, кому это было выгодно и нужно»³.

В течение всего пореформенного времени множество источников самого разного происхождения в один голос говорят о капитальном ухудшении качественного со-

¹ *Воронцов-Дашков И. И.* Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражение на нее МВД И. Н. Дурново. Издание М. Б. Эллипина, Garouge (Geneve). 1894. С. 8–9.

² *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука... С. 229.

³ *Он же.* Общинный быт и хозяйственная необеспеченность... С. 21.

става сходов, что во многом связано с начавшейся имущественной дифференциацией крестьянства¹.

Уже в 1873 г. Комиссия Валуева фиксирует значительные недостатки в работе органов крестьянского самоуправления. В частности, в докладе Комиссии указывается на частые неправильные и несправедливые приговоры сельских сходов, «которые не ограничены никаким законом и которыми часто руководит один произвол. Дела на сходах решают не лучшие и добропорядочные хозяева, а те, которые чаще принадлежат к худшим людям в селениях. Хозяева, которые ведут дурно и распущенно свое хозяйство, которые не платят государственных и общественных повинностей, заставляя за себя платить других, являются главными деятелями и решителями на сельских сходах, направляя эти решения в ущерб домовитых и заботливых хозяев. Сельские и волостные сходы редко обходятся без попок и даже отправление правосудия в волостных судах сопровождается вином»².

В дальнейшем ситуация только ухудшалась. В начале 1880-х гг. сенатор Мордвинов после ревизии Воронежской и Тамбовской губерний отмечал: «Крестьянское самоуправление находится в полном распадении повсеместно... Сельские и волостные сходы, составляющие по Положению 19 февраля 1861 г. краеугольный камень крестьянского самоуправления, потеряли всякое значение; собираемые из людей, соединяющихся под условием угощения водкой, эти сходы служат только орудием писаря или другого влиятельного лица в обществе для достижения противозаконных целей... Во многих селениях дошло до того, что сход без угощения определенным количеством водки не составляет приговор, например, о приеме крестьянина, отбывшего наказание, и напротив того, за несколько ведер водки отбирает у недоимщика землю и отдает ее в аренду за ничтожную плату...

Таким образом, встречая в сельском и волостном своем начальстве или совершенное бездействие и бессилие, или — в лице волостного старшины и писаря — произвол и притеснения; на сельских и волостных сходах односельцев, равнодушных к общему благу... или, напротив того, шумную толпу людей, закупленных угощением; в волостном суде лицепрятание по тем же побуждениям, а в уездном присутствии чисто формальное и поверхностное отношение к его правам и нуждам, крестьянин не находит защиты против притеснения сильного, как своего односельца, так и начальства в разных его видах, **и должен окончательно потерять веру в правосудие**, в правительство и в представленное ему Положением 19 февраля 1861 г. самоуправление, к которому он при этом может сделаться неспособным»³.

Эти мысли, в том числе и тезис о потере веры в правосудие, о неизбежности торжества несправедливости в подобных условиях, в разных вариациях повторяются затем в различных правительственных документах и во множестве мемуаров современников. Так, МВД, обосновывая в Государственном совете необходимость введения института земских начальников в 1887 г., указывает: «Волостные и сельские сходы, которым обычай и закон вверяют охрану интересов самоуправляющихся крестьянских обществ и контроль над выборными должностными лицами, обратились почти везде в послушные орудия мироедов, кулаков и кабатчиков. Лучшие элементы крестьянства утратили в борьбе с означенными выше лицами всякое влияние на крестьянскую среду.

¹ Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. В 3-х т. СПб., 1897. Т. 1. С. 1–82, 179–275 и др.

² *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука ... С. 230.

³ Там же. С. 230–231.

Мироеды и кулаки, опираясь на многочисленную категорию обедневших и задолжавших им крестьян, которых они держат в тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, действительными руководителями всех решений общественных сходов, назначают и сменяют по своему усмотрению выборных должностных лиц, покрывают злоупотребления сих последних и при их содействии устраивают свои личные дела, нередко в ущерб интересам целого общества. **Обыкновенным способом воздействия на мир в руках их служит угощение вином, без которого не решается ни один сельский или волостной сход. При посредстве вина самые возмутительные** несправедливости, самые явные, даже преступные нарушения прав бедных и слабых членов общества в пользу богатых и сильных их сочленов утверждаются сходом и беспрепятственно приводятся в исполнение благодаря потворству выборных властей»¹.

«На сходах, — как бы резюмирует эти отзывы Б. Н. Чичерин, — господствуют горланы и мироеды, в должности выбираются люди, совершенно к ним непригодные, права не обеспечены, твердых правил нет, многое совершается вопреки закону. Решения случайны и произвольны, нередко они происходят под влиянием попойки и т. д.»².

Хотя понятно, как сильно действительность разошлась с планами Редакционных Комиссий, думаю, нет нужды специально оговаривать, что вышесказанное не относится ко *всем* общинам Российской Империи, особенно небольшим по числу членов. Вместе с тем к большей их части — относится.

3.4. Общинный романтизм и действительность: организация податного дела

Совокупность источников говорит о том, что крестьяне были не очень озабочены надлежащей постановкой податного дела.

Что подразумевается под нею в конкретных условиях пореформенной деревни?

Во-первых, что общество правильно разверстало подати и собирает их своевременно.

Во-вторых, что общество завело надлежащие податное счетоводство и отчетность.

В-третьих, что общество, взимая налоги, в применении мер принуждения идет постепенно, по возрастающей и старается избежать хозяйственного расстройтва недоимщиков.

В-четвертых, что должностные лица крестьянского управления помогают обществу в его податной деятельности, разумно направляя и контролируя ее с точки зрения законности, соблюдения сроков и т. д.

Так все задумывалось, но так не случилось.

1. Приговоры обществ о разверстке налогов обычно готовились в волостном управлении и лишь затем предъявлялись сходу, который делил всю сумму платежей по душам и тем самым определял оклад каждого отдельного двора.

На практике, пишет Бржеский, абсолютно обычной была ситуация, когда сумма сборов, которую должны были платить домохозяева, зависела «исключительно от благоусмотрения сельских властей и полиции, от большей или меньшей напряженности

¹ Там же. С. 231.

² Чичерин Б. Н. Пересмотр законодательства о крестьянах // Вопросы политики. М., 1904. С. 67.

взыскания», и «в сущности, никто из домохозяев не знал заранее, сколько с него потребуют в уплату повинностей»¹.

Многочисленные случаи нарушения интересов отдельных плательщиков при раскладке обычно оставались без обжалования, поскольку тягаться с миром крестьянам было «себе дороже» из-за слишком сильной зависимости от него. К тому же закон обходился молчанием способы такого обжалования. Земский начальник с 1889 г. мог отменить общественные приговоры, составленные с нарушением интересов отдельных лиц, но лишь по жалобе потерпевших, а жаловаться осмеливались немногие.

При этом приговоры о раскладке податей далеко не всегда и не везде составлялись в письменном виде, что способствовало злоупотреблениям должностных лиц, равно как и запутанность и беспорядочность податного счетоводства, вытекавшие из разновременности раскладок по казенным, земским и мирским сборам.

Степень непонимания реформаторами крестьянской психологии достаточно наглядно выступает при сопоставлении созданной в 1861 г. податной системы с теми порядками, которые были установлены для государственных крестьян законом 28 ноября 1833 г.; И. Х. Озеров называл его «кульминационным пунктом» в истории круговой поруки в России².

Основные требования любой разумно организованной податной системы состоят, в числе прочего, в том, что законом точно определяются — сумма налога, основания раскладки налога и способы ее обжалования, время взимания и ответственность за несвоевременный платеж.

Крестьянское податное дело после 1861 г. этим критериям не соответствовало.

У государственных крестьян *буквально все* аспекты податного дела были подробно регламентированы законом, причем права и обязанности сельского схода и должностных лиц сельского и волостного управления были строго разграничены.

У помещичьих крестьян после 1861 г. закон не устанавливал никаких правил по раскладке и сбору повинностей — и то, и другое было попросту отнесено к обязанностям сельского схода, который должен был также принимать «меры к предупреждению и взысканию недоимок», а права и обязанности сельского старосты и волостного старшины по податной части дублировались, что часто порождало безответственность у обоих.

Равным образом закон тщательно и подробно устанавливал порядок ведения податного счетоводства и отчетности у государственных крестьян, который неукоснительно контролировался палатой государственных имуществ.

У помещичьих же крестьян порядок счетоводства и хранения собранных сумм определялся самим обществом, равно как и порядок контроля за действиями старосты и/или сборщика податей в отношении собранных ими денег; никакому постороннему «вышестоящему» контролю эта сфера деятельности общества не подвергалась.

Все платежи государственных крестьян, — казенные, земские и мирские — **производились по одним и тем же правилам**, причем порядок распределения поступающих от плательщиков взносов между отдельными видами повинностей был установлен в законе.

У помещичьих крестьян картина была ровно обратной. Выкупные платежи, регулируемые особыми правилами, курировали мировые посредники, а за взыскание

¹ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 238–239.

² Озеров И. Х. Основы финансовой науки. М., 2008. С. 151–152.

казенных податей и недоимок отвечала полиция. Земскими сборами ведали земские учреждения, а взыскание также производилось полицией. Мирские сборы находились в исключительном ведении органов крестьянского самоуправления.

При этом точных правил для распределения поступающих от плательщиков денег между разными видами повинностей не было, что прямо провоцировало произвол со стороны причастных к податному делу должностных лиц — как крестьянских, так и правительственных. Понятно, какого уровня неразбериха (иногда — просто хаос) была закономерным следствием подобной ситуации. Замена мировых посредников в 1874 г. присутствиями по крестьянским делам, введение института земских начальников в 1889 г. реально положения дел не изменили.

У государственных крестьян правительственный надзор за податным делом был полностью в руках подчинявшегося палате государственных имуществ окружного начальника, который и отвечал за успешное поступление крестьянских платежей.

У бывших помещичьих крестьян надзорные функции, а равно и ответственность за поступление податей, были раздроблены между должностными лицами крестьянского управления, мировыми посредниками и полицией, позже земскими начальниками и податными инспекторами. При этом несогласованность прав и обязанностей этих инстанций, как и всегда в таких случаях, нередко приводила к конфликтам между ними. Это в свою очередь давало крестьянам свободу маневра между двумя «начальствами», т. е. возможность не платить вовремя.

За платежами бывших помещичьих крестьян формально наблюдала казенная палата, которая, однако, не имела права самостоятельного распоряжения, в силу чего она «сосредотачивалась исключительно на переписке с органами, ей не подведомственными и не подчиненными».

Строгий правительственный контроль за податным делом у государственных крестьян был нацелен **на своевременную выборку** текущего оклада платежей, что успешно препятствовало образованию и накоплению недоимок.

У бывших помещичьих крестьян деятельность мировых посредников и полиции концентрировалась почти полностью **на взыскании недоимок**¹.

Итак, податная система государственных крестьян отвечала вышеуказанным требованиям к податной системе, а у помещичьих после 1861 г. она не только им не соответствовала, но как будто нарочно испытывала несовершенство человеческой природы, поскольку ввела запутанную систему платежей, доверила достаточно сложную бухгалтерию людям, часто неподготовленным, и создала весьма благоприятные условия для злоупотреблений и для манипулирования житейскими ситуациями и людьми. В довершении ко всему эта система оказалась неспособна к эффективному контролю за податным делом.

Столь серьезные различия были следствием **принципиально** разных подходов правительства к постановке податного дела у государственных и помещичьих крестьян.

В обоих случаях круговая порука должна была утилитарно обеспечивать исправное поступление платежей. Однако по отношению к государственным крестьянам эта задача рассматривалась как сугубо фискальная. При этом правительство, понимая ситуацию в комплексе, чувствуя, так сказать, «аудиторию», приняло все меры для максимального облегчения тяжести применения круговой поруки и даже для устранения самой возможности этой акции. Сделано это было путем «правильной постановки всех

¹ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 377–379.

сторон крестьянского податного дела на почву законодательной регламентации, обеспечивавшей интересы как сельских обществ, так и отдельных плательщиков».

А в отношении бывших помещичьих крестьян после 1861 г. **«круговая порука рассматривалась как право сельских обществ, вытекающее будто бы из самой сущности общинного землепользования;** во имя этого права правительство воздерживалось от всякого вмешательства во внутренние земельно-податные распорядки сельских обществ»¹.

Такова была степень воздействия общинного романтизма на реформаторов, из идейных соображений проигнорировавших позитивный опыт реформы Киселева.

2. Надежды Редакционных Комиссий на то, что сельские сходы смогут организовать податное счетоводство и отчетность, а также предотвращать накопление недоимок и взыскивать их, не оправдались (о чем их предупреждали в 1860 г. дворянские депутаты), да и не могли оправдаться.

Крестьяне в принципе считали вполне возможным уплачивать подати частями в течение года и тем самым предупреждать накопление задолженности. Для этого было необходимо постоянное наблюдение за доходами каждого отдельного плательщика, знание его мелких заработков, из которых и складывался бюджет двора, и немедленное изъятие их. В небольших общинах так чаще всего и было. Но в обществах с десятками и сотнями дворов, каких было большинство, это было нереально. Во всяком случае, сельским сходам, вопреки надеждам Редакционных Комиссий, это было не по силам.

Сельское же начальство не спешило проявлять настойчивость, пока данными сюжетами не начинала интересоваться полиция, а это имело место, как правило, после уборки хлебов. Таким образом, из-за бездействия старост и старшин в течение первых двух третей года постепенно, как бы сам собой, «установился обычай откладывать уплату податей до осени, играющий немаловажную роль в накоплении недоимок»².

Равным образом сходы, «местами многолюдные, но всюду неорганизованные собрания людей», не смогли наладить эффективную бухгалтерию, т. е. организовать счетоводство, хранение и расходование податных сумм. Источники сообщают, что деньги, как правило, хранящиеся у сборщика или у старосты, расходуются ими весьма часто без отчетности. Контролировать же бухгалтерию крестьянам было трудно — во-первых, из-за многочисленности и неорганизованности сходов, а во-вторых, из-за малограмотности не только участников схода, но и многих должностных лиц крестьянского управления.

В материалах Комиссии Валуева говорится: «в деле учетов влияние водки еще больше, чем в других делах. Крестьянин, перечисляющий с трудом свои медные деньги за проданные на торге продукты, не способен поверять чужие, хотя сколько-нибудь сложные счета, и потому, когда при такой неспособности учитываемый предложит еще водки при уверении, что он всегда вел дело честно, он с удовольствием махнет рукой и отдаст ее для приложения за себя кому угодно и за что угодно».

В редких же исключительных случаях при родившемся уже сильным подозрении в растрате общества принимают за себя особых учетчиков из своей среды, дорого платят им за это дело, но, в сущности, и это не приносит пользы. Позднее открытие растраты влечет за собою только наказание судом виновных, а растраты упадают снова на те же

¹ Там же. С. 379.

² Там же. С. 184.

общества, потому что у виновных на пополнение растраты не оказывается достаточно имущества»¹.

В 1890-х гг. крестьяне стали чаще просить податных инспекторов и земских начальников помогать им в контроле за счетоводством, и это был важный симптом. Однако практика показала, что даже и этим последним было непросто выполнить эти просьбы в силу «крайне беспорядочного состояния податного счетоводства в сельских обществах»².

3. Равным образом, и в деле взыскания недоимок сходы не оправдали возлагавшихся на них надежд, не проявляя и не будучи в состоянии проявить «живого» участия. Эта пассивность вполне объяснима.

Если недоимки были невелики, то для успеха их взыскания сходам, учитывая низкий уровень достатка недоимщиков, зачастую необходимо было бы просто совсем разорить своих же соседей.

Если же недоимочность приняла уже большие размеры, то сходы становились сходами недоимщиков, «и тогда им оставалось или поочередно разорять друг друга во имя круговой ответственности, или относиться совершенно безразлично к дальнейшему накоплению недоимок со стороны членов общества, что часто и происходило.

Практика свидетельствует о том, что принимая в отношении недоимщиков ту или другую меру взыскания, сход, как правило, действует не собственному почину, а лишь под давлением властей, грозящих в противном случае прибегнуть к применению круговой поруки.

Безответственность мира в данном случае оказывается выгодной и для полиции, и для сельских властей; неохотно прибегая к принудительным продажам движимости, хлопотливым и ответственным, полиция всегда предпочитает воздействовать на должностных лиц крестьянского управления, те в свою очередь воздействуют на мир, который, не стесняясь никакими правилами, не производя никаких описей, продает последнюю движимость недоимщика и безнаказанно вконец разоряет своих беднейших односельчан»³.

Весьма ясно сказал об этом Протасьев, непрременный член Рязанского губернского присутствия: **«Если бы представитель полиции при принудительном взыскании допустил десятую долю того произвола и того разорения, которое у всех на глазах допускается самодеятельным миром, то для такого полицейского чина не нашли бы подходящей скамьи подсудимого, а мужицкий «мир» творит все это безнаказанно»**⁴.

Сходы непосредственно участвовали в применении только крайней меры взыскания — в лишении надела.

В законодательстве о государственных крестьянах в принципе предусматривалось право общества отобрать землю у нерадивых крестьян, однако мирской приговор должна была утвердить палата государственных имуществ.

Эта мера фигурирует и в дореформенном законодательстве об удельных крестьянах, но и здесь ее применение должна была одобрить удельная контора. То есть до 1861 г. законодательство, строго стоявшее на начале круговой поруки, защищало, тем не менее, интересы недоимщиков, которые могли потерять надел.

¹ Там же. С. 239.

² Там же. С. 239–240.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же.

Реформаторы видели проблему иначе.

Сделав общину полным распорядителем наделной земли, они и лишение надела поставили в один ряд со всеми другими мерами взыскания с недоимщиков. Редакционным Комиссиям это казалось справедливым по той причине, что они исходили из идеи *реальной*, действительной круговой поруки, при которой долги сельского общества подлежали взысканию в полном объеме путем дополнительной раскладки *на все общество*, на каждого его члена.

Между тем данное капитальной важности условие на практике не соблюдалось, и наделы отбирались у недоимщиков вне зависимости от того, взыскивалась ли недоимка со всего сельского общества по круговой поруке или нет¹.

Это еще одно доказательство правоты Бржеского, как-то заметившего, что «когда закон основан на построениях, не имеющих почвы в условиях действительной жизни, он остается мертвою буквою»².

4. Надо сказать, что закон разрешал прибегать к лишению надела только после того, как все другие, более гуманные меры не имели успеха. Однако эта оговорка нивелировалась отсутствием контроля за последовательностью применения сходными мер взыскания. Меньше всего в этом смысле можно было рассчитывать на должностных лиц крестьянского самоуправления — сельских старост и волостных старшин.

По закону должности сельского старосты и волостного старшины были видными и влиятельными. Обширному кругу их обязанностей соответствовал значительный объем предоставленных прав. Однако их реальный статус после 19 февраля 1861 г. заметно отличался от задуманного реформаторами.

В результате Великих реформ волостной старшина фактически стал правительственным агентом, и те функции, которые возложило на него государство после 1861 г., отодвинули на периферию его сословные обязанности, считавшиеся главными в 1861 г. Волостной старшина, который задумывался как хозяин волости и защитник мирских интересов, превратился в исполнителя распоряжений и предписаний всех министерств и ведомств, находящегося в постоянном временном цейтноте, особенно если волость была велика. К тому же он попал в «тяжкую зависимость от полиции», в силу чего для него куда важнее забот о благосостоянии волости, о надлежащем ходе дел в сельских обществах стали заботы о принятии мер ко взысканию недоимок. То же относилось, разумеется, и к сельским старостам, на которых в свою очередь давили уже волостные старшины.

Подобная ситуация не только затрудняла служебную деятельность этих должностных лиц, но и умаляла их авторитет в глазах населения, которым они управляли, поскольку они были вынуждены прибегать к самым жестким мерам для взыскания податей и недоимок со своих избирателей. В противном случае полиция могла их оштрафовать, арестовать и даже отстранить от должности. С престижем и почетом это коррелировало слабо.

Полиция, надо сказать, пользовалась своими правами отнюдь не точно. Так, в одной только Симбирской губернии, где числились 151 волостной старшина и 2239 сельских старост, за время с 1 сентября 1890 г. по 1 января 1895 г. были устранены от должности 96 старшин (63,6%) и 672 старосты (30,0%), а награждены

¹ Там же. С. 241.

² Там же. С. 235.

25 старшин (16,6%) и 2 старосты (0,09%). За 1894 г. административным взысканиям подверглись 281 старшина и 970 старост¹.

Стоит заметить, что арест (от трех до семи дней) старшины и старосты отбывали в арестантских помещениях при квартирах станковых приставов в изысканном обществе воров, конокрадов и других преступников. Ясно, что уже одно это отвращало наиболее уважаемых и уважающих себя крестьян от избрания на общественные должности.

Во многом отсюда — «крайнее» качественное ухудшение состава крестьянских должностных лиц, отмеченное уже Комиссией Валуева, а затем сенаторскими ревизиями начала 1880-х гг., земскими собраниями, Министерством финансов и т. д.

МВД в 1887 г. так охарактеризовало сельское самоуправление: «Растраты общественных сумм, превышение и бездействие власти, явные насилия и произвол, неисполнение закона, лихоимство и другие преступления и проступки по должности сделались в течение последнего десятилетия (1875–1885) обычным явлением в среде как волостных старшин и сельских старост, так и других должностных лиц крестьянского общественного управления». Так, например, в одной из Юго-Восточных губерний с 1875 по 1880 г. привлечено было к ответственности 720 сельских должностных лиц, растративших в сумме 227 тыс. руб. Неудовлетворительность состава крестьянских должностных лиц, пишет Бржеский, наблюдается почти повсеместно и в 1890-е гг. Сельские власти из органов, «поставленных на страже интересов крестьянского самоуправления... превратились в зависимых от полиции взыскателей подати, энергия которых находится в прямой зависимости от воздействия полицейского начальства, так как других побуждений к надлежащему ведению дела не имеется... Деятельность сельских властей по сбору податей к тому же оценивается полицией весьма своеобразно: штрафы, аресты и другие взыскания налагаются в большинстве случаев даже без проверки на месте...на основании лишь общей цифры поступлений, признаваемой недостаточной»².

Многим сходам нужны были не достойные, а относительно нетребовательные должностные лица. Однако чем слабее шло поступление сборов и пополнение недоимок, тем чаще полиция подвергала сельское и волостное начальство взысканиям.

И тут возникала большая житейская проблема, потому что хотя крестьянские должностные лица находились в прямой и малопривлекательной зависимости от полиции, но их зависимость от сходов была еще сильнее.

Бржеский отмечает: «Сельский староста и волостной старшина, который настоятельно и строго требует выполнения крестьянами их податных обязанностей, нередко считается обществом за врага, сход уменьшает ему содержание, выживает из должности и даже впоследствии продолжает мстить ему, обделяя землей и лесом, притесняя пастбищем, нанося всякие обиды и оскорбления. Понятно, что ввиду такого возмездия со стороны однообщественников должностные лица предпочитают нести всякие наказания за свои служебные упущения и нарушения закона со стороны общих властей, лишь бы не восстанавливать против себя крестьян, тем более, что известны случаи даже назначения обществами особого денежного вознаграждения старшинам, которые были подвергнуты взысканиям за нерадение по службе»³.

¹ Там же. С. 248.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 250.

Это делает понятным, почему источники фиксируют в разных регионах явное нежелание должностных лиц проявлять настойчивость при взыскании недоимок.

Податные инспекторы 16-ти губерний из 18-ти наиболее задолженных отмечают «слабость надзора» как одну из главных причин появления недоимок.

Выше уже говорилось о том, что из-за инертности должностных лиц в первые две трети года постепенно де-факто появилась практика относить уплату податей до осени, что, понятно, играло существенную роль в накоплении задолженности¹.

В Пермской губернии волостные старшины стараются избежать применения крайних мер взыскания, в особенности по отношению к состоятельным домохозяевам. Волостные старшины в башкирских волостях Орского уезда Оренбургской губернии, которые тратили иногда до 1,5–2 тыс. руб. на свое избрание, «в расчете с лихвою вернуть все поборами, преимущественно с переселенцев, проживающих в волостях, заняты прежде всего устройством своих частных дел и не заботятся о казенных интересах».

Большое накопление недоимок по Николаевскому и Новоузенскому уездам, а также по богатым торговым селам Бугурусланского уезда Самарской губернии еще в 1880-х гг. объясняется бездействием волостного и сельского начальства. В Новоузенском уезде исправные домохозяева во многих селениях просят мир не выбирать их в старосты, и поэтому иногда мир *обязывает* идти в старосты тех домохозяев, дети которых не служили в армии, в других случаях должность делают привлекательной довольно высоким жалованьем, в третьих — соблазняют идти в старосты обильным угощением и т. п.

В Оренбургской губернии в большинстве сельских обществ сельскими старостами становятся по очереди, причем почти все старосты и многие старшины относятся к самым крупным недоимщикам. Во многих местностях Московской губернии по несколько раз выбирают только нетребовательных старост, а «если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, то его «не только не выберут, но, пожалуй, сожгут»².

Нужно ли после этого говорить о том, что многие крестьянские должностные лица использовали служебное положение в личных целях? Растраты ими общественных средств стали банальностью. В Рязанской губернии «хорошие люди, строгие по жизни, в старосты нейдут, уклоняются от этой должности», поэтому сходы часто избирают «людей самых сомнительных качеств, которые, чтобы быть избранными, подпавают мир, имея в виду в будущем попользоваться мирскою копейкою». Согласно различным земским обследованиям, одной из причин податной задолженности крестьян «являются частые растраты должностных лиц»³.

Веским доказательством приниженного и зависимого положения крестьянских должностных лиц является тот «общеизвестный факт», что при взыскании податей в отношении богатых и влиятельных домохозяев, многие из них проявляли минимум настойчивости. Вместе с тем, вышесказанное не нужно понимать как вынесение вердикта о «неполном служебном соответствии» всем 100% должностных лиц сельского самоуправления. Среди них, как следует и из приведенных свидетельств, были достойные люди, однако система — как всегда — производила отбор.

¹ Там же. С. 184.

² Там же. С. 251–252.

³ Там же. С. 252–253.

3.5. Историографический сюрприз: задолженность состоятельных крестьян

Бржеский отмечает, что «задолженность достаточных хозяев есть явление повсеместное и притом весьма распространенное», и приводит ряд фактов, с которыми полезно будет ознакомиться современным певцам народных страданий.

Задолженность зажиточных крестьян встречается почти во всех уездах Нижегородской губернии¹. Так, большие недоимки, которые Нижегородский уезд накопил в 1891–1893 гг., местная администрация, по обыкновению, объясняла «хозяйственными невзгодами плательщиков, сокращением заработков, пожарами» и т. п. Однако местный податной инспектор Ушаков провел подворное обследование 90 селений 11 волостей Нижегородской уезда и выяснил, что свыше 50% всех недоимщиков составляют «вполне зажиточные и достаточные домохозяева; многие из них владеют, кроме надельной, еще собственной землею в количестве до 40 и более десятин; занимаются различными промыслами и торговлей, владеют лавками, мельницами и т. п. Сумма задолженности этих зажиточных и достаточных крестьян составляет от 30,5 до 50,6% всего количества недоимок, числящихся за всеми селениями. Так, из общей суммы недоимок по 60 селениям в 190600 руб. на долю означенных лиц приходится 75900 р., т. е. 40%, а по 6 селениям из общего количества недоимок в 12700 руб. за зажиточными числится 6500 руб., что составляет 50%»².

Во многих местностях губерний Восточного района зажиточные домохозяева накопили крупные недоимки, однако их не только не привлекают к круговой поруке за других недоимщиков, «но даже не понуждают к уплате причитающихся с них сборов».

В Оренбургской губернии «недоимочность зажиточных хозяев и должностных лиц — явление обычное в большей части уездов. В Верхнеуральском уезде состоит за ними почти до $\frac{1}{4}$ всей недоимки», причем в их числе встречались «лица, ведущие торговлю на десятки тысяч рублей, содержатели почтовых трактов, арендаторы базарных площадей и проч.»; в башкирских волостях Орского уезда такая недоимочность повсеместна, причем есть недоимщики, имеющие 100 и более лошадей, а «сельские и волостные власти не смеют тревожить богатых недоимщиков, от которых зависит самое избрание их на ту или другую должность»³.

В Ардатовском уезде Симбирской губернии числилось к 1893 г. около 2000 состоятельных недоимщиков с недоимкой в 80 тыс. руб.⁴ По сведениям податного инспектора (октябрь 1894 г.), в Симбирском уезде за 116 состоятельными недоимщиками числится свыше 4000 руб. казенной недоимки. Некоторые недоимщики весьма зажиточны: состоят председателями и членами волостных судов, сельскими старостами и т. п.; все они имеют достаточные средства для исправного отбывания повинностей. Один из них, например, за коим числится 22 руб. 45 коп. казенной недоимки, имеет 9 дес. надельной земли, 26 голов мелкого скота и кроме того, ветряную мельницу и бакалейную лавку; другой, имеющий 8 дес. надельной земли и содержащий почтовую станцию, за которую получает от 736 руб., состоит в недоимке на 18 руб. 40 коп.⁵

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 2. С. 63–64.

² Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 254–255.

³ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 1. С. 54.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 255.

В Саратовской губернии за состоятельными крестьянами «недоимки нередки почти по всем уездам. Число зажиточных домохозяев определяется по Петровскому уезду в 59%, а по Кузнецкому — в 44%; за ними состоит около половины всех недоимок, числящихся за тем и другим уездом»¹.

В Курском и Корочанском уездах в числе недоимщиков состоит много зажиточных домохозяев. В Воронежской губернии, за исключением Богучарского уезда, случаи недоимочности состоятельных крестьян «весьма часты», что объясняется бездеятельностью сельского и волостного начальства, опасавшегося прибегать к мерам понуждения относительно влиятельных и богатых домохозяев. В Павловском уезде этой губернии недоимки числятся за крестьянами, которые раздают займы более 2000 руб. В списках недоимщиков значился председатель волостного суда и ссудо-сберегательной кассы, получающий 250 руб. жалованья.² Недоимочность зажиточных хозяев встречается редко в Богодуховском и Купянском уездах Харьковской губернии и часто — в Старобельском и Валковском³.

В районе среднечерноземных губерний недоимочность должностных лиц крестьянского управления, выбираемых зачастую из среды неисправных плательщиков, бывает сравнительно реже, но встречается почти повсеместно. К ноябрю 1895 г. в Алатырском уезде Симбирской губернии по 7 селениям находилось 43 зажиточных недоимщика, в том числе несколько должностных лиц... накопивших 1653 руб. недоимки. К этому времени по 42 селениям Ардатовского уезда недоимок за состоятельными домохозяевами числилось 16600 руб.; в числе недоимщиков находились старшины, старосты, сборщики, председатели и члены волостных судов. В Симбирском уезде к тому же времени за состоятельными домохозяевами 33 обществ числилось в недоимке с лишком 32 тыс. руб.; в числе недоимщиков были должностные лица. В Рязанской губернии сельские старосты нередко запускают причитающиеся с них платежи в расчете на снисхождение волостного старшины»⁴.

Податной инспектор Н. Н. Бушев, в конце 1880-х гг. ревизовавший от Курской казенной палаты Курасовскую волость Обоянского уезда, в числе прочего сообщал: «Проверяя платежную способность недоимщиков, я был поражен значительностью недоимки за некоторыми лицами, а именно: за сельским писарем числилась недоимка в 72 р. 86 к., за крестьянином Шеховцовым, содержателем волостного пункта, 42 руб.; я насчитал таких недоимщиков человек 15; одним словом, **самые состоятельные крестьяне оказались самыми крупными недоимщиками**, по отношению к ним не применялась ни одна из мер, указанных в ст. 188 Общего Положения, тогда как к мелким недоимщикам применялись самые строгие меры и сгоняли даже скот для продажи... Крестьяне горько жаловались на произвол волостного старшины; многие... не были даже предупреждены о продаже, которая совершена была заочно, в их отсутствие скупщиками, которые все время жили у старшины в доме и он их развозил на своих лошадях из деревни в деревню. В числе покупателей был помощник волостного старшины, за которым и сейчас числилось недоимки 9 р. 40 к., но по отношению к нему никаких мер взыскания не принято»⁵.

Подобные примеры легко умножить, однако и приведенных данных вполне доста-

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 1. С. 89.

² Там же. С. 102.

³ Там же. Вып. II. С. 8.

⁴ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука ... С. 255.

⁵ Там же. С. 255–256.

точно, чтобы понять, насколько были далеки от действительности фарисейские причитания дореволюционной оппозиции о задавленном налогами крестьянстве. Это, разумеется, не означает, что не было крестьян, для которых платежи были действительно тяжелыми, но это вовсе не касалось большинства крестьян.

Вообще вся эта информация — прекрасная иллюстрация мысли П. А. Столыпина, высказанной им в 1907 г. в известном письме Л. Н. Толстому: «Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови»¹.

Резюмируем вышесказанное.

Неэффективность созданной в 1861 г. податной системы привела к тому, что крестьяне перестали платить подати своевременно, и даже зажиточные домохозяева оттягивали платежи до последней возможности, поскольку опасались, что, заплатив вовремя, они из-за круговой поруки будут вынуждены платить еще и за недоимщиков.

В силу этого недоимки стали банальностью сельской жизни, превратились в своего рода неотъемлемую характеристику крестьянского податного дела. При этом в большинстве случаев их наличие вовсе не означало, что платежные силы населения расстроены, а размеры долгов не находились в прямой зависимости ни от размеров землеобеспечения крестьян, ни от объема платежей.

Источники говорят о том, что появление и накопление в течение года недоимок вытекало из безразличного отношения сельских обществ к выполнению податных обязанностей, возложенных на них законом. А это равнодушие — прямое следствие недостатков крестьянского самоуправления, неудовлетворительного состава сельских сходов, и подчиненного, а зачастую даже приниженного положения должностных лиц крестьянского управления, прежде всего, старост.

Поэтому вывод Бржеского вполне логичен: «Очевидно, что пока заведывание мирскими делами будет находиться в руках сельского схода, не только неспособного при нынешней организации оказать серьезный отпор худшим элементам сельского общества, но и являющегося нередко слепым орудием в руках этих элементов при достижении ими своекорыстных целей на почве прав, предоставленных сельскому обществу во имя круговой поруки; пока эти сходы своею безответственностью будут прикрывать бездействие в податном деле, а подчас и злоупотребления должностных лиц сельского управления, до тех пор невозможно действительное упорядочение крестьянского податного дела, хотя такое упорядочение составляет существеннейшее условие к возвышению благосостояния народа»².

Не менее серьезным изъяном податного дела было сосредоточение в руках полиции контроля за ходом крестьянских платежей и обязанностей по взысканию накопившейся задолженности. «Обремененная другими многосложными и ответственными обязанностями, не имея достаточных экономических знаний и слишком чуждая жизни крестьянства, полиция неспособна ни руководить должностными лицами крестьянского управления в деле взимания окладных сборов», ни проводить меры принуждения и взыскания в соответствии с уровнем платежеспособности крестьян.

Полиция была исполнительным органом всех учреждений и ведомств, и только при взыскании крестьянских окладных сборов имела право инициативы и дисциплинарной власти в отношении должностных лиц крестьянского управления. Однако это право и

¹ *Столыпин П. А.* Переписка. М., 2004. С. 168–169.

² *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука ... С. 398–399.

эту огромную власть полиция использовала только для достижения более высоких показателей поступления сборов, из чего вытекали несвоевременность и нередко «крайняя неразборчивость приемов и способов взыскания»¹.

Наконец, для нормальной работы податной системы был необходим эффективно организованный правительственный надзор за ходом крестьянского податного дела *на всех его стадиях*, который правительство после 1861 г. так и не смогло наладить.

Точка зрения Н. К. Бржеского, подтверждается множеством источников.

3.6. Несколько дополнений

О податном деле и податной системе пореформенной России, конечно, можно и нужно писать монографические исследования, поскольку даже сделанное выше относительно короткое изложение сути данной проблематики показывает, насколько упрощена ее трактовка в традиционной историографии.

Вместе с тем мне хотелось бы дополнить сказанное несколькими фактами из отчетов податных инспекторов трех самых задолженных губерний — Казанской, Самарской и Воронежской — за неурожайные 1897 и 1901 гг. Они (факты) не только подтверждают основные тезисы Бржеского, но и позволяют лучше понять, как функционировала податная система.

Попытаемся прочитать эти тексты «медленно». Я разбил их на эпизоды, которые попробую прокомментировать.

№ 1. Из отчета податного инспектора Свияжского уезда за 1897 г.: «В деле поступления сборов весьма важное значение имеет своевременное составление раскладочных приговоров, именно, составление их как можно раньше в начале года и затем то же самое соображение относится к учету лиц, заведующих сборами с населения, а именно — прежде всего сборщика, а затем и старосты. В Свияжском уезде сроки составления раскладок и учетов крайне разнообразны и довольно растянуты.

Большое зло, на которое обращено внимание как гг. земских начальников так и инспекции, составляют хронические недочеты, обнаруживаемые у лиц, заведующих сборами.

Сельские общества нередко страдают из-за этих должностных лиц, что зависит как от личных нравственных качеств последних, так, без сомнения, в некоторой части, от неразвитости и малограмотности их, потому что бывают и сознательные растраты, и невольные ошибки и упущения»².

Комментарий: хорошая иллюстрация мыслей Бржеского о влиянии на накопление недоимок, во-первых, неупорядоченности податной раскладки и учета/контроля за должностными лицами, ответственными за сборы, и, во-вторых, хронической растраты ими собранных сумм. При этом автор разделяет сознательные хищения и «невольные ошибки и упущения», сделанные в силу малой культуры крестьян.

№ 2. Из отчета податного инспектора Царевококшайского уезда: «В отчете прошлого года мною указывалось на одну из важных причин плохого поступления сборов — это неправильное ведение податного дела в волостных правлениях, что было мною и в текущем году констатировано по Арбанской волости: так крестьяне Мало-Шопланского общества поголовно отказывались платить продовольственный долг **вследствие не-**

¹ Там же. С. 399.

² РГИА, Ф. 573, оп. 25 д. 337. 26 об.

правильного начета последнего, что по поверке и подтвердилось, вообще небрежность волостных правлений много вредит правильному течению дел»¹.

Комментарий: «небрежность», «неправильное ведение податного дела в волостных правлениях» прямо отражается на податном деле; отраднo, что в данном случае крестьяне смогли отстоять свою правоту, но всегда ли было так?

№ 3. Податной инспектор отмечает влияние значения земледельческих доходов на поступление платежей: «Там, где проживает много ремесленников, замечается некоторое улучшение быта, наклонность к роскоши, расточительности. Почти все деньги, которые зарабатываются, расходуются тотчас же по мере получения на удовлетворение разных потребностей более прихотливого их домашнего обихода. Вот почему промысловые заработки на поступление казенных сборов» не влияют»².

Комментарий: иллюстрация тезиса, постоянно встречающегося в «Сведениях инспекторов», о том, что неземледельческие заработки редко сказываются на объеме поступающих налогов. Людям нравится одеваться лучше и жить комфортнее, и это становится житейским приоритетом — в отличие от уплаты налогов.

№ 4. «Что же касается отношения к делу уплаты сборов со стороны самих сельских обществ, то общества в большинстве случаев крайне апатично относились к возложенным на них обязанностям. Случаи, когда бы сами общества без понуждения со стороны уездной администрации, заботились о безнедоимочной уплате всеми членами общества сборов, **крайне редки**, как равно составляют почти исключительное явление и указанные... случаи описи и продажи имущества недоимщиков, произведенные **самими** обществами в силу предоставленного им ст. 188 общ. Положения о крестьянах и ст. 27 Полож. о вол. прав. в отношении нерадивых членов.

Волостное и особенно сельское начальство в деле выполнения им возложенных на него законом по взысканию сборов обязанностей также нуждалось в понуждении, а потому уездной администрацией виновные в недостаточной деятельности подвергались взысканиям. Благодаря соединенным усилиям уездной администрации в отчетном году поступление сборов было настолько успешно, что прибегать к таким крайним мерам понуждения, как опись и продажа имущества недоимочных обществ, не представлялось надобности»³.

Комментарий: этот фрагмент подтверждает тезис Бржеского об инертности сельских обществ и должностных лиц крестьянского самоуправления в податном деле, которую могли преодолеть только соединенные усилия администрации.

№ 5. Из отчета податного инспектора Чебоксарского уезда: «Не без влияния, конечно, остались на успех поступления сборов с крестьян благоразумные и своевременные принятые меры полиции для понуждения крестьян к уплате повинностей.

Меры эти ограничивались частыми посещениями селений, с которых поступления сборов признавалось слабым, и также в аресте и наложении взысканий за бездеятельность по взиманию податей на сельских должностных лиц. В свою очередь подвергались по распоряжению волостного начальства и упорствовавшие недоимочные домохозяева.

Случаев ареста сельских должностных лиц за бездеятельность по взысканию сборов с крестьян было по всему уезду 27, и подвергались аресту только старосты. Случаев

¹ Там же. Л. 95.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 116.

оштрафования сельских должностных лиц всего было 60 (21 раз по рублю, 6 раз — по 3 руб., 33 раза — по 5 руб., «а всего поступило в мирской капитал 204 рубля» — *М. Д.*), из них 44 случая оштрафования старост и 16 сборщиков податей. Всего по уезду было подвергнуто аресту 103 домохозяина...Были случаи оштрафования одних и тех же старост и сборщиков по несколько раз за упорство в (не)уплате»¹.

Комментарий: в данном фрагменте мы видим пример того, как реально проводилось взыскание податей, — видимо, не в самом жестком варианте. Любопытна констатация инспектором «упорства в (не)уплате» не только крестьян, но также и старост и сборщиков; впрочем, характер этого упорства был, надо думать, не вполне одинаков.

№ 6. Из отчета по Чистопольскому уезду: «Принудительные меры к платежу податей к этим (нуждающимся — *М. Д.*) обществам не могли быть применяемы, так как они кроме разорения не имели бы другого результата»².

Комментарий: здесь мы видим, что отношение податных инспекторов к недоимкам было, как минимум, дифференцированным. Взыскивать подати с деревень, которые, по мнению инспектора, действительно нуждаются в этом году, бессмысленно — это лишь ухудшит положение крестьян.

№ 7. Из отчета податного инспектора Ядринского уезда: «Здесь предстоит прежде всего выяснить причины того резко выдающегося явления, почему по Балдаевской волости, находящейся в несравненно лучших экономических условиях, чем Чувашско-Сорминская волость, степень успеха поступления казенных сборов выразилась в далеко меньшей величине, чем по последней. В пределах Балдаевской волости находятся: винокуренный завод, Рыльская хлебная пристань, поблизости находится уездный город; в некоторых селениях волости развито садоводство и огородничество, условия сбыта хлеба и овощей достаточно благоприятные; крестьяне Балдаевской волости могут иметь заработки.

Между тем как крестьяне Чувашско-Сорминской волости пользуются доходами от земледелия и других каких-либо сторонних заработков, кроме кое-какой мелочной торговли, не имеют.

Принимая во внимание, что указанные в законе меры ко взысканию окладных сборов в Ядринском уезде не применяются, деятельность же в этом направлении местной администрации как уездной, так и волостной и сельской, выражается лишь в личных понуждениях недоимщиков к уплате податей, в письменных распоряжениях и, в некоторых случаях, в заарестованиях и оштрафованиях недоимщиков, сельских старост и сборщиков податей в случаях бездеятельности их в этом деле, и принимая засим в соображение, что подобного рода мероприятия имеют безразлично одинаковое влияние на успех поступления сборов по всему уезду, — нет оснований предполагать, что благодаря таким мерам успех поступления сборов по одной волости был бы лучше, чем по другой.

Почему причина вышеприведенного характерного явления объясняется и может быть объяснена только особыми условиями жизни крестьян тех волостей, традициями, привычками, обычаями их.

В самом деле крестьяне Чувашско-Сорминской волости, до сих пор придерживаясь исстари установившейся привычки — своевременно уплачивать подати, делают это помимо расстройств своего хозяйства и, по-видимому, без особенного усилия с своей

¹ Там же. Л. 140об-141.

² Там же. Л. 164об.

стороны, чему, конечно, способствует еще и то обстоятельство, что лично на себя они расходуют незначительно и, таким образом, имеют возможность сохранять в годовом своем бюджете баланс по большей части без дефицита.

Совершенно обратное заключается по Балдаевской волости. Близость города, завода, хлебной пристани оказывают здесь своеобразное неблагоприятное влияние на платежную способность населения, ввиду того, что жизнь крестьянина Балдаевской волости обставлена заметно большим комфортом, почему личные расходы его, превышая много раз расходы крестьянина Чувашско-Сорминской волости, являются наибольшей статьёй годового бюджета, который в большинстве случаев балансируется сравнительно значительным дефицитом исключительно на счет податей.

Сознавая, что время «выколачивания податей» миновало, крестьянин безучастно смотрит на все «личные понуждения властей», недоимки не погашает и произвольно отдалает срок уплаты, а если и сделает кое-какую экономию, то старается завести торговлю, покупает бочку керосину, ящика 2 табаку, мыла, спичек и пр. и продает это или у себя дома или на базарах. За последнее время замечался особенный наплыв на базарах таких торговцев. В Казначействе не хватает запаса бланков билетов на мелочной торг (в декабре 1897 г. и в январе 1898 г.) для удовлетворения требований таковых мелочных торговцев»¹.

Комментарий: прежде всего, этот отрывок содержит один из тех «заурядных и общеизвестных» примеров, о которых выше говорит Бржеский, утверждая, что «нередки случаи, когда в одном сельском обществе крестьяне пользуются значительным достатком, имеют хорошие наделы или прибыльные заработки на стороне, и тем не менее недоимка в этом обществе достигает значительных размеров, а крестьяне другого общества с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством».

Крестьяне одной волости, привыкшие платить, платят, несмотря на недород. О привычке крестьян некоторых селений платить вовремя пишет и Б. Н. Чичерин².

У крестьян другой волости близость соблазнов и отход от натурального хозяйства скверно сказывается на патриархальных нравах, и податные долги для них не настолько важная жизненная проблема, чтобы оставить вновь возникшие бытовые привычки, — им проще проигнорировать факт накопления недоимок. Более того, несмотря на неурожайный год, они начнут мелочную торговлю, если появились какие-то доходы.

Вместе с тем в этом фрагменте содержится мысль, едва ли не **ключевая для понимания** всей проблематики, связанной с пореформенным податным делом: «Сознавая, что время «выколачивания податей» миновало, крестьянин безучастно смотрит на все «личные понуждения властей», недоимки не погашает и произвольно отдалает срок уплаты».

Отсюда следует, что дилемма, которую решало правительство в податной сфере, была проста, — подати либо выколачиваются, либо нет.

Если выколачиваются, то крестьянам приходится платить.

Если нет — включаются иные поведенческие «стратегии» и «практики». Крестьяне могут в большей или меньшей степени игнорировать платежи; степень пренебреже-

¹ Там же. Л. 186об-187об.

² Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Т. II. С. 246.

ния наверняка зависела от места и времени, т. е. **конкретного** уездного начальства. В Ядринском уезде Казанской губернии — самой задолженной в России — уездная администрация не желает принимать жестких мер, предписанных законом, и ограничивается перепиской и «личными понуждениями», в крайнем случае — штрафами и арестами, а для российского народа это не самое страшное.

В любом случае, число степеней поведенческой «свободы» у крестьян резко повышается; думаю, что это относится не только к крестьянам Казанской губернии.

№ 8. Продолжение отчета по Ядринскому уезду: «Что касается до волостей Мало-Яушевской и Нарусовской, то слабое поступление по эти волостям, как и вообще по 4-му земскому участку, в значительной мере объясняется тем, что руга (выплаты церкви — М. Д.) переведена там на денежные сборы. Насколько это удобно для духовенства, настолько оно затруднительно для крестьян.

«Затем слабое поступление казенных сборов по Убаевской волости объясняется кроме того, тем, что волость эта издержалась на ведение судебного процесса с соседями по делу о самовольном захвате земли.

По Чебаевской, наконец, волости значительное недопоступление против сметы объясняется тем, что за поздним началом сбора денежных повинностей крестьяне не успели до Нового (1898) года пополнить платежи до предположенной нормы, выжидая к тому же повышение цен на хлеб»¹.

Комментарий: в двух волостях инспектор фиксирует недостаток наличных денег у крестьян на руках. В первом случае это можно понимать так — то, что крестьяне могли бы заплатить правительству, шло церкви; платежи духовенству, следовательно, для крестьян были важнее.

Из описания Чебаевской волости следует, что должностные лица начали поздно собирать подати (опять неупорядоченность в сроках взимания), а крестьяне, у которых, несмотря на неурожайный год, был хлеб, сами платить не торопились, ожидая еще большего повышения цен на рынке.

№ 9. Заключение отчета по Ядринскому уезду: «Останавливаясь после всего изложенного на общем обзоре слабого поступления по перечисленным волостям казенных сборов, нельзя оставить молчанием то, что не последнее влияние на это имеют **инертность и нерадивость самих плательщиков своевременно уплачивать казенные сборы.**

Но если это так, то является сам собою вопрос, почему взыскание недоимки с таких крестьян не производится порядком, указанным в ст. 188 общ. полож. ? Но для того, чтобы соблюсти этот порядок взыскания — необходимо согласие самого общества; необходимо составление приговора.

Какими же мерами возможно принудить поголовно недоимочное общества приведенных волостей согласиться на составление таковых приговоров и тем более исполнить требование 189 ст. того же Положения?

Если же это является невыполнимым, то почему опять-таки не составляется описи имущества таковых поголовно задолженных обществ; почему не производится продажа имущества их на пополнение недоимок казенных сборов?

Но дело в том, что неисполнение этих последних статей закона имеет свою оправдательную сторону. **Эта крайняя мера взыскания недоимок — продажа крестьянского имущества, как не раз доказала практика, почти не влияет на за-**

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 337. Л. 187об-188.

житочных членов недоимочного общества, не являясь для них поучительным уроком, а всею тяжестью ложится на бедноту, расстраивая и разоряя их без толку скудные хозяйства.

Применять эту меру в такие годы как 1891 и несколько на него похожий 1897 — противоречило бы не только идее гуманности, но и, во всяком случае, было бы неподсудно.

Почему нет серьезных оснований считать существенным нарушением закона со стороны полиции то, что последняя вопреки п. 2 ст. 98 закона 12 июля 1889 года, не привела в исполнение постановление местного уездного съезда от 29 апреля 1897 г. о разрешении, согласно статье 85 полож. о зем. начал., продажи имущества крестьян обществ: 1,2,3 Ивановских, Ядринской волости (и еще некоторых)¹.

Комментарий: Любопытнейший, на мой взгляд, документ.

Из него, в частности, следует, что «инертность и нерадивость самих плательщиков своевременно уплачивать казенные сборы» — явления естественные и как бы данные априори. Особенно, если крестьяне поняли, «что время «выколачивания податей» миновало», а, значит, они могут игнорировать «личные понуждения властей», не погашать недоимки и платить, когда захотят.

Закон призван бороться с таким подходом и дает для этого возможности.

Но почему же уездные власти этого не делают?

Потому что сам податной инспектор определенно не считает установленные законом меры борьбы справедливыми и эффективными, особенно в неурожайные годы, как 1897-й.

Он явно одобрительно относится к тому, что полиция не стала претворять в жизнь решение уездного съезда о продаже имущества крестьян нескольких обществ, поскольку он считает несправедливым и неправильным **по закону** разорять бедных и не иметь возможности при этом повлиять на богатых, которые виновны в накоплении недоимок ничуть не меньше.

И если закон таков — лучше его не исполнять и во имя «идеи гуманности» оставить все, как есть.

Пусть все идет так, как идет — таково, на мой взгляд, неявное резюме этого текста.

Замечу, что у автора отчета был, по крайней мере, один единомышленник среди коллег — инспектор Чистопольского уезда (см. № 6).

№ 10. Отрывки из отчетов по Самарскому и 1-му участку Николаевского уезда за 1901 г.:

1) Первостепенная причина неуспешности поступления окладных сборов — «недород хлебов, произошедший главнее всего от **крайне примитивной обработки земли**, неблагоприятной весны для произрастания хлебов и трав и непомерно жарких погод с полным отсутствием дождей, а равно и отсутствия сельскохозяйственных заработков.

Повышение цен на зерновые хлеба хотя и состоялось в значительном размере, почти на 100% более цены в обыкновенном году, но по недостатку у крестьянского населения зерна от урожая, это повышение цен принесло пользу лишь зажиточным из них и частновладельцам, с земель коих, вследствие лучшей обработки, получен больший урожай, — на беднейшее же население повышение цен отозвалось с наихудшей стороны, так как в два раза более увеличило их задолженность».

¹ Там же. Л. 188-188об.

2) «Почти полный неурожай трав и пестрый неудовлетворительный в общем урожае хлеба — вот те сонные тона, которые определяют картину местной сельскохозяйственной жизни за отчетный год. Правда, высокие цены на хлеб смягчили несколько суровые последствия недорода, но они не могли вернуть крестьянам утраченных надежд на благополучие, и с наступлением осени понадобилась продовольственная помощь, как для обсеменения полей, так и для продовольствия скота и населения»¹.

Комментарий: эти фрагменты делают несколько яснее внутреннюю (местную) динамику ценообразования и рыночное поведение крестьянства в период неурожая, которые мы пока плохо понимаем.

Неурожай, естественно, вызывал повышение цен на местных рынках и, как мы уже знаем из материалов по Казанской губернии, крестьяне пострадавшей губернии этим пользовались. В этом году — только богатые. В другие годы бывало иначе.

О том же говорится и во 2-м отрывке, поскольку «высокие цены могли смягчить последствия неурожая» в одном только варианте — если крестьяне все же продавали хлеб на рынке.

Отмечу также откровенное мнение о «крайне примитивной обработке земли» как важной причине неурожая.

№ 11. Из отчета податного инспектора 1-го участка Николаевского уезда В. Корфа: «Однако не одни лишь стихийные силы влияли на неполное поступление сборов в 1901 г.

Отдаленная северная часть моего участка, состоящая из семи волостей Березо-Волжской, Никольской, Григорьевской, Новотульской, Хворостянской, Марьевской и Николаевской, несколько лет уже перебивается без местной деятельной власти, так как постоянных земских начальников здесь не было, а заведующие этими двумя участками земские начальники других участков не могли издалека в надлежащей мере осуществлять надзора за закономерным течением местной жизни. В результате волостные и сельские органы по взиманию окладных сборов **без надлежащей узды плелись кто куда по дороге собственного произвола.**

Я наставлял это отвергнутое пастырями стадо, предъявлял требования, на непослушных призывал административную кару, и если достиг некоторых положительных результатов, то уже за пределами отчетного 1901 г.

Между тем за этими семью волостями на 1 января 1902 г. значилось недопоступление окладных сборов в сумме 42717 руб., т. е. около 80% всего недобора по 25 волостям участка, исключительных же бедствий только для означенных волостей в 1901 г. не было. И волости эти не выделяются общей беднотой по сравнению с другими поселениями участка»².

Комментарий: Этот фрагмент весьма колоритно описывает ситуацию, которая в принципе выходит за рамки знаний и воображения большинства историков, включая и автора эти строк, а именно: невозможность для МВД в течение нескольких лет заполнить вакансии земских начальников. Их полномочия были переданы земским начальникам соседних участков, но, судя по тексту, в большой мере эта замена оказалась номинальной. Утрата действенного контроля за податным делом на территории семи волостей, т. е. 28% всех волостей участка, привела к концентрации там примерно 80% участковых недоимок.

¹ Там же. Д. 1011, Л. 31, 67.

² Там же. Л. 67об-68.

№ 12. Из отчета податного инспектора 2-го участка Николаевского уезда Н. Никольского: «При настоящих размерах и условиях участка побывать ежегодно во всех неаккуратных обществах участка, **особенно побывать в нужный момент**, положительно немислимо. Руководить же и наблюдать бумажным путем в большинстве случаев и нецелесообразно и невозможно без увеличения и без того громадной переписки.

Засуха летом 1901 г прерывалась довольно редкими дождями, которые обыкновенно проходили узкими полосами. Вследствие этого неудовлетворительный урожай, в общем, в действительности был неурожай.

В самом богатом обществе и даже в хороший год всегда может оказаться известный процент захудалых домохозяев, еле способных и даже вовсе неспособных дотянуть до нового урожая. В истекшем году неудовлетворительный урожай трав в общем и хлебов значительно увеличил процент таких домохозяев и вызвал необходимость семенной, продовольственной и кормовой ссуд.

Но при этом значение народного бедствия на первых уже порах было значительно преувеличено, и, кроме того, продовольственная часть, которой местное начальство посвящало исключительное внимание, отвлекала его от податного дела, чем убеждение крестьян в том, что если кормят одних, то не станут так внимательно следить за поступлением с других, только укреплялось.

Из изложенного даже чисто теоретически можно с уверенностью заключить, что по некоторым обществам недопоступила некоторая часть оклада, которая при большем внимании к окладному делу со стороны властей, ближе всего к народу стоящих, могла бы быть взыскана.

Убеждение, что платежные средства известной части населения не были истощены в 1901 году, между прочим, подкрепляется и тем, что поступление акцизных сборов, поступающих в местное казначейство из казенных винных лавок, по некоторым, особенно осенним месяцам, даже превысили поступления 1900 г, а также и тем, что осенью 1901 года было сыграно довольно большое число свадеб, которые при наличности некоторых других условий так же являются признаками неистощенности средств крестьянского населения»¹.

Комментарий: Этот отчет, отчасти уже цитированный выше, рисует любопытную коллизию. Число беднейших и нуждающихся хозяйств увеличилось из-за неурожая, и возникла необходимость в продовольственной помощи. Однако «значение народного бедствия на первых уже порах было значительно преувеличено» (с такой ситуацией мы уже знакомы), и подготовка продовольственной помощи заняла основное время местных властей. Земские начальники (именно они стояли «к народу» «ближе всего») должны были составлять списки нуждающихся хозяйств и селений, что отвлекло их внимание от податного дела.

Это дало возможность остальным общинам недоплачивать, а может быть, и игнорировать платежи, поскольку укрепляло «убеждение крестьян в том, что если кормят одних, то не станут так внимательно следить за поступлением с других». Помимо прочего, это показывает, что крестьяне весьма тонко понимали подобные ситуации.

Другими словами, неурожай **сам по себе уже стал поводом не платить, даже если возможность платить существовала**, и люди этим пользовались.

О том, что деньги у крестьян Николаевского уезда в 1901 г. были, свидетельствует

¹ Там же. Л. 75об-76.

то, что водки в неурожайном 1901 г. они выпили больше, чем в 1900 г., а также «довольно большое число свадеб», сыгранных осенью.

Отдельно следует отметить значительные трудности надзора за податным делом из-за обширности территории и трудности коммуникаций.

№ 13. Из отчета податного инспектора Богучарского уезда Воронежской губернии: «К числу причин слабого поступления сборов» относится «часто встречаемое уклонение от платежа сборов зажиточных плательщиков, часть которых (вполне зажиточные) могла бы уплатить без всякого обременения для себя не только оклад, но и часть недоимки; случаи уклонения зажиточных плательщиков объясняются бездейтельностью сельского и волостного начальства, которое опасается прибегать к мерам понуждения относительно влиятельных домохозяев»¹.

Комментарий: подтверждение тезиса о значительной роли состоятельных крестьян в накоплении недоимок.

№ 14. Из отчета податного инспектора Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии: «При исследовании причин накопления недоимок мною в 1896 г. было обращено внимание на то, что за многими весьма состоятельными крестьянами числятся огромные недоимки; между такими недоимщиками встречались: владелец мануфактурной лавки с оборотом в 30000 руб. в год, владелец большой водяной мельницы, владелец 200 овец, владелец 1500 копен хлеба и т. д.

Мною были составлены списки таких состоятельных недоимщиков; списки эти были переданы казенною палатою полиции для взимания недоимок»².

Далее автор приводит таблицу, которая показывает, как менялась их задолженность. В 1896 г. за 1516 «весьма состоятельными крестьянами» числилось 114 854 руб. недоимок (в среднем по 75,7 руб. на человека). К 1 января 1897 г. оставалось 92091 руб., а к 1 января 1898 г. — 89007 руб. (в среднем 58,7 руб. на человека)³.

№ 15. Заключение отчета податного инспектора Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии: «Таким образом, большая недоимка за состоятельными (крестьянами) год от году уменьшается, хотя и медленно.

Вся эта недоимка при более правильной постановке дела взыскания окладных сборов могла бы быть взыскана без расстройства хозяйства.

Даже одной только отмены круговой поруки было бы вполне достаточно, и тогда ни один состоятельный домохозяин никогда не допустил бы накопления недоимки.

Теперь же при круговой поруке состоятельный плательщик старается уплатить не более того, что уплатит самый бедный, старается затянуть свой платеж до того момента, когда с бедного взыщут сбор; сплошь и рядом состоятельные допускают продажу с торгов своего движимого имущества, причем покупателями являются подставные лица, покупающие имущество на деньги самого недоимщика.

Продельвается это с целью гарантировать себя от грозного страшилища круговой поруки; в случае применения круговой поруки такой домохозяин заявит, что все его движимое имущество продано уже с торгов, что находящаяся на дворе скотина принадлежит не ему, а его соседу, закупившему ее на торгах.

Случаи таких фиктивных продаж уже встречаются в практике взыскания податей.

¹ Там же. Д. 221. Л. 75об-76.

² Там же. Л. 263.

³ Там же. Л. 263об-264.

Хотя круговой поруки никогда не применялось: наиболее недобросовестные из состоятельных, чтобы уклониться от взыскания всей недоимки, допускают фиктивную продажу имущества, зная, что после этого взыскание недоимки прекратится само собой.

Таким образом, круговая порука, прежде гарантировавшая исправное поступление податей, теперь сама уже дает повод состоятельным плательщикам уклоняться от платежа сборов и накапливать недоимки.

Как искусственная поддержка общины — круговая порука ныне, при существовании закона о неотчуждаемости без согласия общества земельных наделов, потеряла смысл, и потому желательно было бы возбудить вопрос о совершенной отмене круговой поруки, введя взамен ее правило, что за платеж ответствует земельный надел, на который и должно быть обращено взыскание недоимок»¹.

Комментарий: комментировать здесь, в сущности, как бы и нечего — перед нами яркая иллюстрация работы податного механизма, созданного после 1861 г. Невозможно представить что-то похожее в российской деревне после 1917 г.

Вместе с тем здесь, полагаю, раскрывается высказанная выше мысль инспектора Ядринского уезда о том, что суровые взыскания не затрагивают богатых крестьян.

Мы видим, что и в Воронежской губернии, как и Казанской (и, конечно, в других), люди, в данном случае зажиточные крестьяне, сумели эффективно адаптироваться к круговой поруке.

Что касается замечания о том, что «прежде» круговая порука обеспечивала исправность платежей, то, на мой взгляд, речь идет о времени до 1885 г. (см. выше) — ведь в Нижнедевицком уезде 90,6% принадлежали, по данным Переписи 1905 г., бывшим государственным крестьянам.

Какие же выводы можно сделать из приведенных фактов?

Во-первых, даже эти 15 отрывков демонстрируют сугубую правоту Бржеского — скверная организация податной системы, растраты собранных сумм, «слабость надзора», апатия сельских сходов и должностных лиц, пагубное влияние круговой поруки, задолженность состоятельных крестьян прямо отражались на накоплении задолженности.

А способы ее взыскания прямо зависели от настроений начальства, т. е. от личного взгляда представителей местной администрации на исполнение служебных обязанностей. Одни из них были серьезно настроены на применение жестких мер, другие наоборот, были терпимы и, как минимум, «не жаждали крови» недоимщиков, особенно бедных, и между этими полюсами, как и всегда, помещалось, учитывая российские пространства, бесчисленное количество градаций. К тому же несогласованность позиций полиции, земских начальников и податных инспекторов давала крестьянам определенную свободу маневра, которую, впрочем, нужно особо определять в каждом отдельном случае.

Создается впечатление, что и власть порой смиряется с пороками податной системы, она не может и, возможно, не хочет всегда и везде выколачивать подати.

При всем том очевидно, что когда у крестьян появлялась малейшая возможность не платить вовремя, то многие из них, если не большинство, не платили.

Если вспомнить известную мысль о том, что в жизни есть две неизбежные вещи — смерть и налоги, — и поэтому налоги надо платить, то можно определенно сказать, что не все российские крестьяне были готовы воспринимать эту максиму в полном объеме

¹ Там же. Л. 264-264об.

— налоги они не трактовали в категории «неизбежности». И «повинна» в этом была русская история.

В целом же, на мой взгляд, совокупность источников позволяет представить податное дело российской пореформенной деревни как некий несколько странный мир, весьма далекий от соображений «механической» рациональности, которую ему приписывает традиционная историография, поскольку в нем взаимодействуют силы, имеющие нередко противоположную направленность.

Итак, совершенно очевидно, что существовавшая податная система была несовершенной.

Почему же правительство держалось за эту систему, которая сделала произвол обыденностью в повседневной жизни российской деревни, ослабила и уничтожила в крестьянах чувство законности, десятилетиями уродовала нравственную основу крестьянской жизни?

Простого ответа на этот вопрос нет.

С одной стороны, в 1861 г. едва ли был другой способ быстро обеспечить реальное поступление платежей в казну. Напомню, что круговая порука — исторически обусловленное явление, вызванное низким уровнем финансовой техники¹.

С другой стороны, с этим сопрягалась определенная социальная инерция и порожденное ею ощущение мнимого комфорта, тождественного недалёковидности. С. Ю. Витте писал: «С административно-полицейской точки зрения она (община — М. Д.) также представляла более удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена сего стада в отдельности»². Н. Новосельский по этому поводу справедливо заметил: «Русская сельская община, утратившая нравственный авторитет, а следовательно, и влияние на быт своих членов со времени преобразования мирских сходок из собрания одних глав семей в собрание всех взрослых мужчин на правах равного голоса, интересовала правительство только как наиболее удобный и даровой орган сбора податей, отбывания повинностей и низшей полицейской службы»³. О том, что сходы превратились в «управляемую охлократию», согласно пишут С. Ю. Витте, К. Ф. Головин, А. С. Ермолов, Б. Н. Чичерин и другие современники.

Когда же стало понятным, что пореформенная Россия во многом переросла рамки круговой поруки, выяснилось, что ее ликвидация потребовала бы создания сложного законодательства, целой сети финансовых агентов и примерно 13 млн руб., к чему правительство готово не было⁴.

Между тем разлагающее действие созданной 19 февраля 1861 г. системы крестьянского самоуправления на жизнь деревни со временем только усиливалось.

3.7. Задолженность Московской губернии

Полагаю, своего рода одобряющим восклицательным знаком «на полях» вышесказанного является тот факт, что в таблице 24 девятой в списке должников с немаленькой суммой в 4,6 млн руб. стоит Московская губерния.

¹ *Озеров И. Х.* Основы финансовой науки... С. 158–159.

² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 38.

³ *Никольский Н.* Согласно ли с интересами государства и самого народа обращать государственную землю в полную собственность крестьян. СПб., 1896. С. 11–12.

⁴ *Озеров И. Х.* Основы финансовой науки... С. 160.

Это своего рода сюрприз.

Ведь Московская губерния, в отличие от «голодающего Поволжья», *ни разу* не просила продовольственной помощи. И вообще мысль о том, что крестьяне Подмосковья, имевшие такие возможности для заработка во втором по величине городе страны, о которых часто и не мечтали крестьяне других регионов, могут нуждаться — кажется чересчур оригинальной. Между тем неплатежей они, имея оклад в 2,1 млн руб., накопили не только больше, чем крестьяне Симбирской, Оренбургской, Уфимской и Псковской губерний с окладом в 0,8–1,8 млн руб., но и чем крестьяне Рязанской, Саратовской, Пермской, Курской и Харьковской губерний с окладом в 2,9–4,1 млн руб.

Как это могло случиться?

У нас есть два варианта объяснения этого факта.

Первая версия принадлежит податным инспекторам Московской губернии.

Вот что говорится в 7-м разделе — «О причинах, которыми обуславливается накопление крупных недоимок в некоторых местностях», — применительно к Московской губернии: «Несмотря на весьма значительное понижение выкупных платежей в Московской губернии, только в одном Волоколамском уезде недоимки невелики — около 7% оклада.

Разницы в степени недоимочности между уездами фабричными и земледельческими нет: в Богородском уезде недоимка составляет 248% оклада, в Дмитровском — 176%, а в земледельческом Верейском уезде — 254% и в Можайском — 196%.

Образование этих недоимок — большей частью за время, предшествовавшее учреждению должности податных инспекторов, — объясняется следующими коренными причинами, действующими и в настоящее время:

а) недостаточностью наделов, не обеспечивающих продовольствия крестьян от урожая до урожая (Московский, Бронницкий, Клинский, Подольский и Звенигородский уезды (примечание — *«В Звенигородском уезде податная задолженность, выражающая более чем в 3,5 годовых окладах и доходящая по отдельным селениям до размера 10 окладов и более, объясняется недостаточными размерами наделов, неспособных прокормить крестьян; последние вынуждены затрачивать значительные суммы на наем полевых угодий, на покупку дров и хлеба даже в самые благоприятные годы. За неимением нужного количества скота, доходы с плохого удобренной земли никогда не бывают достаточны на покрытие лежащих на земле повинностей и на продовольствие крестьян. Подспорьем служат местные и отхожие промыслы, с развитием которых повышается и возможность уменьшать недоимки; сверх того, в 14 селениях платежи не соответствуют доходности наделов»*).

б) несоответствием платежей доходности наделов в некоторых селениях (Московский, Серпуховский, Бронницкий, Богородский, Дмитровский и Звенигородский уезды);

в) недостатком сторонних заработков (Верейский и Клинский уезды);

г) неадекватностью сельского и волостного начальства и слабостью надзора за поступлением сборов (Московский, Верейский, Серпуховский, Богородский, Дмитровский, Клинский, Звенигородский и Рузский уезды).

Что касается недоборов последних лет, то по семи уездам — Коломенскому, Верейскому, Дмитровскому, Богородскому, Бронницкому и Подольскому — они объясняются указанной выше общею причиною (отчасти знакомое нам примечание: *«Только те*

старосты служат несколько выборов, которые не беспокоят односельчан требованием уплаты сборов; если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, его не только не выберут, но, пожалуй, сожгут. Волостные старшины также преследуют только личные свои цели» (Подольский уезд).

Затем в Подольском уезде вызвала недобор дороговизна хлеба двух последних лет (при очень плохой обработке крестьянами земли, им не хватает своего хлеба); также уменьшились заработки вследствие закрытия некоторых фабрик и упадка кустарного производства.

В Бронницком уезде повлиял на поступление сборов упадок ручного ткачества. В Клинском уезде замечается уменьшение заработков лесных и увеличение потребления в народе вина.

В Рузском уезде со времени освобождения крестьян в некоторых селах замечается такая убыль населения, что ни размер надела, ни величина окладов — казенного, земского и мирского — не соответствует силам крестьян; так, в одном селении, наделенном землей в количестве 178,5 дес. по расчету 55 душ, в настоящее время состоит всего 5 работников (в возрасте 38–55 лет), да один старик (62 лет), не считая 7 человек в безвестной отлучке; эта захудалая деревня должна платить 357 руб. в год всех сборов — в том числе 233 руб. казенных сборов, т. е. около 60 руб. на работника. В 1893 г. недоимка на этом селении дошла до 2600 р.

Работа на фабриках и заводах, значительно повышающая платежную способность населения, в действительности оказывает неблагоприятное влияние на поступление сборов — в уездах Серпуховском, Можайском и Дмитровском. Получаемые заработки, за редкими исключениями, оставляются в трактирах и фабричных лавках; домой же попадает лишь ничтожная часть заработка, которого едва хватает на содержание семьи.

Благоприятное влияние фабричных работ на податную исправность замечается в уездах Богородском, Бронницком, Московском и Волоколамском (в Бронницком уезде окладные сборы с фабричных рабочих удерживаются из заработка их фабричным управлением).

Отхожие и местные кустарные промыслы значительно помогают населению в Волоколамском, Звенигородском, Клинском, Дмитровском, Богородском и Бронницком уездах; но эти заработки падают в Подольском и Рузском уездах. В Дмитровском уезде отхожие промыслы ведут к забрасыванию крестьянами наделов...

За домохозяевами зажиточными числится немало недоимок в большинстве уездов¹.

Как можно видеть, данный текст довольно противоречив; это, видимо, своего рода коллаж мнений уездных податных инспекторов, большинство из которых стоит на традиционной народнической точке зрения, хотя выходящую за пределы последней информацию при желании можно найти.

Характерно, что в этом отрывке слово «Москва» вообще ни разу не употребляется. В целом же впечатление такое, словно речь идет не о столичной, а о вполне заурядной губернии с некоторым количеством фабрик и заводов.

Как кажется, именно к подобным характеристикам относится мнение составителей: «Отзывы податных инспекторов не всегда вполне точны и определенны»².

¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 2. 1894. С. 99–101.

² Там же. Вып. 1. С. III.

Любопытно сравнить этот коллективный взгляд с другим.

К приведенному выше пункту б) о «несоответствии платежей доходности наделов» есть следующее примечание: «В Бронницком уезде по волостям Салтыковской, Рождественской, Лобановской, Жиромкинской, Троице-Лобановской, Усмерской, Чеплыженской и отчасти Алешинской и Гжельской, где население занимается ручным ткачеством или отхожими промыслами, доходность наделов покрывает лишь 0,25–0,5 взимаемых с земли платежей; отсюда необходимость продавать рабочий скот осенью и покупать его весной вновь, вследствие чего наделы мало удобряются. Нередко невозможность приобрести весной лошадь влечет за собой сдачу земли в аренду односельчанину или забрасывание надела и обращение крестьянина к отхожим промыслам»¹.

И здесь мы подходим ко 2-й версии образования громадных недоимок в Московской губернии.

В том же 1894 г., когда податные инспекторы отвечали на вопросы анкеты Министерства финансов, Бронницкое уездное земство провело обследование крестьянских хозяйств семи волостей уезда, материалы которого проанализировал и опубликовал П. П. Дюшен; его текст вполне можно считать своего рода лабораторной работой на тему «Община и крестьянское хозяйство»². Дюшен, полагаю, наполнил реальным содержанием общие слова податных инспекторов.

Вот основные моменты его анализа.

Четыре волости (Салтыковская, Троице-Лобановская, Рождественская и Жирошкинская) представляют западную и отчасти южную часть уезда, именуемую местными жителями «Пальщина», три волости (Быковская, Велинская и Вохринская) располагаются широкой полосой по обе стороны Москвы-реки.

Хотя Бронницкий уезд считается малоземельным, на каждого рабочего в первых четырех волостях приходится 5–6 дес., причем в двух селениях — по 12,5 дес.

Этот факт объясняется появлением здесь сельского пролетариата. Число тягловых крестьян не совпадает с числом работников по семейным спискам — из 7917 рабочих в возрасте 18–60 лет 1866 человек, или 23,6%, являются безземельными. К ним следует добавить 604 бесхозяйных и 1326 безлошадных, а всего 3796 человек, т. е. 47,9% всех рабочих. При этом собственно земледелием занимается 1308 человек, т. е. 16,6% этого числа (по волостям процент колеблется от 13 до 27%).

Дюшен резюмирует: «Итак, общинное землевладение, эта мнимая панацея против пролетариата, не только не помешало обезземелению крестьян, но создало его в таких размерах, что более $\frac{3}{4}$ народонаселения частью совсем лишилось своих наделов, частью прекратило на них **всякое** хозяйство или ведет его посредством баб и посторонних работников».

Оставшиеся наделы значительны, они увеличились в сравнении с Положением 19 февраля 1861 г. потому, что община, обезземелив одних, навалила их наделы на других. Однако площадь действительно культурной земли больше от этого не стала.

По уставным грамотам в 4-х волостях значилось 24149 дес. пашни, а в 1894 г. действительно обсеянной оказалось лишь 15741 дес., т. е. 65,2%. Другими словами, крестьяне обрабатывают лишь две трети прежней пашни и приблизительно половину своего надела. «Другая половина состоит из одичавшей земли: запущенной пашни, кустарника, суходолов и проч. Ясно, что обезземеление крестьян произошло

¹ Там же. Вып. 2. С. 99–100.

² П. Д. (Дюшен П. П.) Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.

не за счет тех хозяев, которые сохранили свои наделы, **так что владение землей для освобожденных крестьян продолжает быть повинностью и до сих пор не сделалось правом**¹.

Хозяйство крестьян, сохранивших наделы, «представляет безотрадную картину: урожай главного крестьянского хлеба — ржи — ничтожны, сам-друг, сам-третей, и своего хлеба хватает лишь на полгода, а у многих и того менее. Причину таких ничтожных урожаев следует приписать, прежде всего, недостатку удобрения». 1947 хозяйств с лошадьми имеют в среднем 2,7 головы крупного рогатого скота, чего явно недостаточно для засеваемой площади в 15741 дес. в трех полях, или 5247 дес. в одном поле.

Почему же крестьяне при тысячах десятин запущенной земли не увеличивают поголовье скота? Потому что большинство крестьян в деревне не живет, а хозяйство ведут женщины и старики при помощи наемных работников. Число последних составило 392 человека на 1308 хозяев, которые пашут сами. Часто в опросных листках встречаются такие ответы: «Бабы летом занимаются крестьянством, а зимой изготовлением пряжи. Мужики живут в разных местах и занимаются разными ремеслами»; «Земля наша неудобна, не стоит того, чтобы ее работать. Без навоза не стоит сеять, но и с навозом родит плохо. Одной землей не прокормишься, без промыслов пришлось бы помирать с голоду».

Три других волости занимают центр уезда. Они расположены по обеим сторонам Москвы-реки, и поэтому здесь есть богатые заливные луга, которые «представляют неисчерпаемое богатство для владельцев. Укосы с этих лугов громадные (свыше 200 пуд. с десятины) и по качеству произрастающих на них злаков дают ценное сено. Неудивительно, что эти луга ежегодно раскупаются нарасхват особыми скупщиками и послужили основанием для образования в этих местностях крупного сенного промысла»².

Наличие такого ценного фонда не могло не отразиться на отношении крестьян к земле. Если в волостях первой группы крестьяне обрабатывали лишь 45% всей земли и две трети пашни, то в центральной группе, несмотря на большую площадь заливных лугов и прочих покосов, обрабатывается 50% всей земли, а запущенной почти нет вовсе. Крестьяне здесь дорожат землей, о чем говорит факт почти полного отсутствия переделов. Несколько выше в этих волостях доля крестьян, которые пашут сами (24–29%).

Однако и в этом более благополучном районе доминируют те же явления, что и в «Пальщине». Хотя женщины здесь не пашут, но крестьянский пролетариат налицо, пусть и в меньшем размере (25–35% и 50%). Урожай так же ничтожен, заливные же луга многие крестьяне утилизируют не сами, а продают или сдают в аренду. Показательно, что «сначала крестьяне сами эксплуатировали свои заливные луга, но полученное сено община немедленно продавала, а деньги пропивала, а так как за крестьянами числились неоплатные недоимки, то вмешалась администрация и заставила общину сдавать луга в аренду. Теперь крестьяне довольны таким порядком и находят его более выгодным для себя. В самом деле, кроме арендных денег, которые поступают в уплату податей, крестьяне много выручают во время покоса, так как скупщики их же нанимают для уборки сена»³.

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 94–95.

Дюшен, который сам был практикующим аграрием, считает, что реконструированная им картина типична для всей средней нечерноземной России — «везде более или менее существует то же самое. Не только не образуется прочных крестьянских хозяйств, но крестьяне бросают землю, которая дичает и обращается в неприглядные пустыри. А между тем земледелие в наших промышленных губерниях не только возможно, не только в состоянии прокормить своих пахарей, но может дать им прочное основание для относительного благосостояния». Нет сомнения в том, что и в крестьянском хозяйстве возможны такие урожаи, которые получались в имении Дюшена в Звенигородском уезде — ржи сам-13, овса — сам-7, а клевера на старопашотных землях 350 пуд./дес.

Однако для этого, пишет Дюшен, «необходимо освободить русский народ из той ямы, в которой мы искусственно его держим, закладывая все выходы из нее», т. е. из общины¹.

Хронические недоимки в подобных условиях, по его мнению, совершенно естественны.

Главные же выводы автора таковы: «1) Общинное землевладение нисколько не охраняет крестьян от обезземеления, но ускоряет этот процесс. Если душевой надел в 6 дес. может обеспечить домохозяина при подворном владении, то при общинном и более значительный надел не обеспечивает крестьянина, который рано или поздно бросает землю и, оставаясь номинально владельцем надела, никакого хозяйства на нем не ведет, фактически переходя в класс безземельных и бесхозяйных. Мы видели, что даже при 6 дес. на душу Бронницкие крестьяне имеют хлеба только на полгода;

2) Обезземеление крестьян при общинном землевладении получает крайне уродливую форму. При подворном владении обезземеление некоторой части крестьян влечет за собой укрепление хозяйственной силы остальных домохозяев, к которым переходят наделы обедневших крестьян. При общинном землевладении происходит иной процесс. Обезземеление одних не увеличивает хозяйственной силы других, а возлагает на их плечи лишь новую тягость. Наваленный на него надел домохозяин запускает, так как культура его (т. е. обработка этого надела — *М. Д.*) может только увеличить дефицит его собственного хозяйства.

3) Явление свалки и навалки наделов служит прямым доказательством, что общинное землевладение — продукт крепостного права (а не уникальное свидетельство самобытности русской истории — *М. Д.*). Сущность крепостного права в том и заключалась, что владение землей было для крестьян повинностью, а не правом. Эту характерную черту отжившего строя наша деревня, благодаря общинному землевладению, сохранила до сих пор. Там, где крестьянин начинает дорожить своей землей, отношения крестьян к земле получают черты подворного, а не общинного владения: переделы совершаются редко или совсем прекращаются, свалка и навалка душ отсутствуют, число обезземеленных уменьшается, и крестьянин явно тяготится общинными порядками.

4) Общинное землевладение является единственным тормозом для образования прочных крестьянских хозяйств. Никакие улучшения, никакой прогресс в крестьянском хозяйстве в настоящее время невозможны. Это очевидно всякому, кто близко знаком с бытом нашей деревни и лично работал на своей ниве. Хозяин не может работать успешно, если ему свяжут руки, а мирская регламентация распространяется на

¹ Там же. С. 95–96.

все его действия... даже на право трудиться в неурочные, по закону мира, дни. Труд общинного домохозяина, в сущности, тот же крепостной труд, только лишенный разумного контроля со стороны заинтересованного в этом труде помещика;

5) Крестьяне говорят: «мир — плохой хозяин; у мира — нет души». Последнее так же справедливо, как и первое. **Всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла.** Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют обычное явление в деревне»¹.

П. П. Дюшен демонстрирует также, насколько зыбким основанием для суждений являются данные о землепользовании.

Забегая вперед, замечу, что приведенные выше факты о негативном влиянии уравнилельно-передельной общины на крестьянское хозяйство косвенно подтверждаются бурным развитием землеустройства в большинстве из упомянутых 17 губерний в годы аграрной реформы Столыпина (в Оренбургской землеустройство не велось). Реформу мы подробно обсудим ниже.

Однако — можно ли считать случайным, что Воронежская, Харьковская, Саратовская, Казанская, Пермская и Московская губернии занимают шесть первых позиций среди 47 губерний Европейской России, в которых проходило внутринадельное землеустройство, по числу всех ходатайств об изменении землепользования вообще, сосредоточив при этом 26,7% общего их числа?² Если к ним добавить Самарскую, Тамбовскую и Нижегородскую, то среди 12-ти первых губерний будет 9 из тех 17-ти, о которых мы говорим. Кстати, три наиболее задолженные в их числе.

По числу прошений о групповом землеустройстве в первой десятке этих губерний 9 (!), а среди первых 20-ти — 14. Напомню, что без проведения группового землеустройства было невозможно начинать землеустройство личное, о чем традиционная историография предпочитает умалчивать³. И даже в личном землеустройстве, которое априори не могло идти с той же интенсивностью, что и групповое, среди 17 губерний есть лидеры — Харьковская, Самарская, Саратовская, Воронежская.

Всего же 17 губерний сконцентрировали 38,4% личных ходатайств, 60,9% групповых и 50,1% всех ходатайств вообще. Эти показатели, конечно, несколько отстают от процента недоимок, приходившихся на данные губернии в конце XIX — начале XX вв., но, полагаю, вполне подтверждают истинность «общинного» диагноза, поставленного Головиным и Ермоловым.

В заключение необходимо коснуться следующих аспектов долговых проблем населения.

Понятно, что степень аккуратности, пунктуальности и т. д. в ситуациях, связанных с уплатой задолженности, — сюжет сугубо индивидуальный. Неправильно представлять наших предков людьми, которые, просыпаясь, только и мечтали немедленно пла-

¹ Там же. С. 98–100.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 686–812; *Он же*. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы. (1907–1915 гг.) // Российская история. 2011. № 1.

³ Там же.

тить по счетам. Здесь они не слишком сильно отличались от многих из нас, по разным причинам нередко склонных оттягивать платежи.

Возможно, оценить отношение жителей страны в конце XIX — начале XX вв. к проблеме недоимок поможет таблица 44.

Таблица 44

**Динамика недоимок по окладным сборам и выкупным платежам
в конце XIX — начале XX вв. (тыс. руб.)**

<i>Вид налога</i>	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1905	1906	1911	1913
Налог с недвижимости в городах, посадах, местечках	640	628	718	870	2089	1101	1017	4945	1892	8111
Государственный поземельный налог:										
с земель сельских сословий	336	569	193	171	164	202	1167	3892	5285	1752
с земель частных владельцев	533	617	719	772	765	742	1205	2277	1841	1895
с земель, принадл. городам	7	8	11	11	12	13	18	43	39	40
с земель Гл. упр. уделов	9	11	15	14	4	9	2	69	27	5
Гос. квартирный налог	243	265	346	455	543	651	1097	1301	1722	1619
Выкуп. платежи б. гос. крестьян	65739	73179	75069	74933	76508	77620	26319	32193	12219	0
Выкуп. платежи б. помещ. крест.	34525	38124	39101	39305	39829	40509	20154	22705	6767	0
Выкуп. платежи б. удел. крестьян	3641	4726	4604	4516	4688	4801	1630	2326	1168	0

Источник: Ежегодник Министерства финансов (далее: МФ). Вып. 19... года.

Из таблицы 44 можно видеть, что величина недоимок сокращается только по выкупным платежам (благодаря заботам правительства, отменившего их с 1 января 1907 г.), а по большинству окладных сборов увеличивается, в том числе по поземельному налогу с частных владельцев и по квартирному налогу, разумеется, по абсолютной величине не сопоставимых с выкупными платежами. Между тем ни помещики, ни домовладельцы в нашем представлении не относятся к категории нуждающихся граждан Империи. Кстати, общее число домовладений в 1913 г. в 50 губерниях составляло 953,5 тысячи, и из 2288 тыс. квартир налогом на общую сумму 7,6 млн руб. облагалось 782,7 тыс., примерно третья часть¹.

А теперь попытаемся представить себя на месте крестьян. К тому, что недоимки по прямым налогам периодически слагаются, они привыкли еще до появления продовольственных долгов — как минимум, с первой половины XVIII в.

С политикой, проводимой правительством в отношении задолженности по продовольственным ссудам, мы уже знакомы. После голода 1891–1892 гг. за два года правительство прощает 102 млн руб. продовольственных долгов. И в последующие годы оно продолжает активно помогать крестьянам во время неурожая и продолжает списывать долги. При этом законом 7 февраля 1894 г. сельским обществам разрешено производить отсрочку и рассрочку недоимок без ограничения суммы и длительности этой льготы. Закон 16 мая 1896 г. разрешает делать «пересрочку на новые сроки всего оставшегося непогашенным выкупного долга, а в случае недостаточности — и отсрочку части долга без начисления на нее процентов до окончания сроков пересрочки».

¹ Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1915 года. Пг., 1915. С. 124.

У крестьян, как и у любых нормальных людей, подобная последовательность действий Власти не могла не создать вполне определенного отношения к проблеме платежей.

Долги по продовольственной помощи были больше долгов по выкупным платежам, но правительство, тем не менее, их списывало, как не раз делало это и в предыдущие полтора столетия.

Почему же крестьянам нельзя было думать, что оно когда-нибудь в будущем не спишет и недоимки по выкупу? Надежда на это была вполне естественной и, как известно, в 1905 г. оправдалась! Поэтому неудивительно, что многие крестьяне не торопились платить окладные сборы.

Обратимся к вопросу о так называемых вынужденных осенних продажах крестьянами хлеба собранного урожая. Вынужденными они считаются потому, что позже, весной, крестьяне нередко должны были покупать хлеб по более высокой цене. Это явление, которое фиксируется в самых разных губерниях, в том числе и нечерноземных, служит якобы убедительным доказательством тяжелого материального положения крестьянства, одним из сильнейших аргументов «парадигмы обнищания» крестьянства после 1861 г.

У традиционной историографии есть один вариант объяснения этого феномена — крестьянам были нужны деньги для уплаты «непосильных» налогов и выкупных платежей.

Так ли это?

В принципе — нельзя сомневаться, что в хозяйственной практике какой-то части из миллионов крестьянских хозяйств имели место именно вынужденные продажи и именно для уплаты окладных сборов. Однако едва ли это касалось всех или даже большинства крестьян, палитра осенней жизни которых отнюдь не исчерпывалась платежом податей.

Прежде всего, октябрь-ноябрь и январь-февраль — это месяцы, когда заключалось наибольшее количество браков¹. Трудно поверить в то, что сто лет назад народническим публицистам это было неизвестно, однако, рассуждая об осенних продажах крестьянами хлеба, они почему-то забывали упомянуть об этом факте.

Помесячная статистика потребления водки (таблица 45) показывает, однако, что крестьяне много пили и в сентябре и в декабре, но кто может упрекнуть их за то, что таким образом они фиксировали окончание годового цикла сельскохозяйственных работ? По стране в целом в 1912 г. среднемесячное потребление водки в феврале — августе составляет 7121,3 тыс. ведер, а в сентябре-январе — 9335 тыс. ведер, т. е. на 31,1% больше. «Праздник урожая» — это вовсе не выдумка историков и этнологов. Так устроены люди.

В силу этого сентябрь-январь были временем наибольшего потребления спиртного в России, о чем можно судить по данным таблицы 45, и региональные различия устанавливаются именно в зависимости от размеров потребления водки в эти месяцы.

В 1912 г. Великий пост начался с первых чисел февраля, и поэтому февраль дал наименьшую величину потребления водки. Если же Великий пост приходился на март, то статистика несколько менялась.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 1. С. 169–170.

Таблица 45

**Продажа казенных питей по месяцам и районам акцизных управлений в 1912 г.
(тыс. ведер в 40 градусов)**

Месяцы	Всего по России		Среднечерноземный район		Восточный район		Петербургское		Московское	
	тыс. ведер	%	тыс. ведер	%	тыс. ведер	%	тыс. ведер	%	тыс. ведер	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Январь	8815,9	9,1	1308,1	8,5	882,9	8,6	362,0	7,4	418,2	7,5
Февраль	6011,6	6,2	954,7	6,2	581,7	5,7	331,8	6,8	374,8	6,7
Март	7058,2	7,3	984,8	6,4	638,8	6,2	405,2	8,3	458,9	8,2
Апрель	7033,3	7,3	1027,1	6,7	618	6,0	371,5	7,6	420,7	7,5
Май	7931,9	8,2	1131,1	7,4	788,4	7,7	406,5	8,3	457,4	8,2
Июнь	7187,4	7,4	1073,2	7,0	745,9	7,3	390,8	8,0	453	8,1
Июль	6960,9	7,2	1046,8	6,8	698	6,8	380,7	7,8	450,8	8,1
Август	7665,7	7,9	1171,2	7,7	765,3	7,5	439,6	9,0	508,6	9,1
Сентябрь	9314,4	9,6	1607,6	10,5	1118	10,9	455,3	9,3	546	9,8
Октябрь	9817,4	10,2	1807,7	11,8	1252,9	12,2	466,0	9,5	498,9	8,9
Ноябрь	9051,6	9,4	1667,6	10,9	1101,9	10,8	419,0	8,5	462,1	8,3
Декабрь	9674,2	10,0	1523,3	10,0	1046,1	10,2	482,2	9,8	541,7	9,7
Всего	96522,4	100,0	15303,2	100	10238	100	4910,6	100	5591,1	100
IX—I месяцы	46673,5	48,4	7914,3	51,7	5401,8	52,8	2184,5	44,5	2466,9	44,1

Источник: Финансовый отчет по казенной винной операции за 1912 год. СПб., 1913. Ведомость XIX. Подсчеты автора.

Региональные различия легко устанавливаются по доле водки, выпитой в эти 5 месяцев, которая при равномерном потреблении должна была бы равняться 41,7%.

Из таблицы 45 следует, что по России в целом в 1912 г. она составляет 48,4%, причем в Среднечерноземном районе она равна 51,7%, в Восточном — 52,8% (в оба эти района входят 14 из 18-ти губерний с наибольшими долгами), и в то же время для Петербургского акцизного управления 44,5%, а для Московского — 44,1%. То есть, сезонность потребления алкоголя у столичных жителей была несколько иной, чем у крестьян. Горожане пили более равномерно, несколько иной была и сезонность браков в городах.

Аналогичный показатель для Прибалтийского района равен 43,7%, для Привислинского — 45,3%, для Северо-Западного района — 46,3%, для Северного района без Петербургского управления — 47,8% (а вместе с ним — 45,8%), для Среднепромышленного района без Московского управления — 48,3% (а вместе с ним — 46,7%), для Малороссийского 48,9%, для Юго-Западного района — 46,7%, для Южного района — 47,5%, для Западно-Сибирского — 50,7% и для Восточно-Сибирского — 47,1%.

Как можно видеть, сезонность потребления спиртного в столичных губерниях ближе к сезонности жителей Западных губерний, Прибалтики и Польши. В большинстве районов доля потребления в сентябре-январе близка к среднероссийской, а в Среднечерноземном, Восточном и Западносибирском она колеблется от 50,7% до 52,8%.

Однако разве потребности крестьян обоего пола исчерпывались только весельем? Неужели у них, как и у любых людей, не было других материальных потребностей?

И поскольку они были крестьянами, то довольно естественно, что они, желая получить деньги для новых покупок, продавали полученную в своем хозяйстве продукцию на рынке, даже если им потом приходилось несколько дороже покупать хлеб. Ведь хлеб, как показывает таблица 45, в рассматриваемый период явно не был главной расходной частью их бюджета. Полагаю, интуитивно они понимали одно из «золотых правил бизнеса», теорию «временной ценности денег», понимали, что нынешние 10 рублей ценней, чем 10 рублей через три месяца.

Таким образом, характеристика «осенних продаж» урожая подавляющим большинством крестьян как «вынужденных», как обусловленных крестьянской нищетой, не выдерживает критики. Это слишком примитивная попытка объяснить жизнь деревни, исходя из собственных «городских», как тогда говорили (и притом абстрактных), представлений о том, как должна быть рационально организована такая жизнь. У миллионов крестьян на этот счет была другая точка зрения.

Итак, взгляды традиционной историографии на весь комплекс проблем крестьянских платежей, на проблему недоимок в большой мере несостоятельны.

Мы отчетливо видим стремление правительства к снижению налогового бремени, которое лежало на крестьянстве, желание найти оптимальный вариант выплаты населением окладных сборов. С 1880-х гг. Власть постоянно снижает платежи, прощает недоимки, а с 1890-х гг. — и продовольственные долги на сотни миллионов рублей, она предоставляет возможность продлять платежи по всем видам задолженности, проводит, если так можно выразиться, «конверсию недоимок». Это — своего рода патерналистский «социализм», безусловно, воспитывавший у крестьян (и не только) социальное иждивенчество.

Тем самым политику правительства невозможно трактовать как враждебную народу. Лично у меня создается впечатление, что Власть уже как бы и не знает, как и чем она еще может угодить подданным. Разве что вообще отменить все налоги, к чему, впрочем, ее призывала общественность.

Теперь мы можем точно оценить степень даже не предвзятости, а элементарной непорядочности подходов дореволюционной негативистской литературы и публицистики к проблеме крестьянских платежей.

Трудно поверить, что авторы статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона из монографии Бржеского взяли только таблицу с размерами недоимок, находящуюся в приложении, и не ознакомились с его точкой зрения, с точкой зрения профессионала, досконально изучившего эту тему, тем более что в общем виде она изложена всего на 2,5 страницах Введения.

Однако его мнение их не интересовало, поскольку было диаметрально противоположным их собственному. Конкуренции со стороны Бржеского они не боялись — многие ли будут читать специальную работу, к тому же написанную отнюдь не с легкостью Власа Дорошевича? А «Брокгауз и Эфрон» был бестселлером эпохи (и авторитетен до сих пор), освещавшим социально-экономические и общественно-политические проблемы с «народолюбивых» позиций. Упустить такую возможность повлиять на формирование общественного мнения авторы не могли.

А теперь несколько слов о том, как решались налоговые проблемы в СССР.

О 1930-х годах говорить не приходится — за чей счет строились заводы и ДнепротЭС понятно. Но может быть после 1945 г. ситуация изменилась?

Вот что пишет об этом В. Е. Зима: «Война и голод 1946–1947 гг. обнажили противоречия колхозно-совхозной системы. Даже немногие более-менее крепкие общественные хозяйства были обессилены и не обеспечивали содержание работникам. По причине крайней дороговизны хлеба и расстройств личных подсобных хозяйств население не могло оплачивать растущие налоги. Многократно возросшие недоимки оказали губительное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме очередного повышения налогообложения и усиления правовой ответственности за несвоевременный расчет.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились два самых крупных сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный (разрешавший ловлю рыбы) и т. п. Местные налоги объединяли: налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и налог со зрелищ.

Почти каждая семья в деревне **всегда** подвергалась самообложению, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц, клубов.

Только незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению. В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя. Размер налога повысился в 1948 г. по сравнению с 1947 г. на 30%. По измененному закону вдвое повысилось налоговое давление на единоличников и бывших колхозников. Сумма налогов на единоличное крестьянское хозяйство была на 100% выше, чем с хозяйства колхозника.

Хозяйства колхозников облагались сельхозналогом с учетом размеров дохода, получаемого с каждой головы скота, площади посева каждой сельскохозяйственной культуры, количества фруктовых деревьев и т. д.

Завышенный сельхозналог вынуждал жителей деревни за бесценок сбывать свою продукцию на рынке. Чтобы заплатить денежный налог, крестьянин должен был продать на рынке почти всю произведенную в хозяйстве продукцию.

Средняя по центрально-черноземным областям сумма налога, предъявляемого к уплате на одно хозяйство колхозника, в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г. — увеличение в 2,5 раза.

Причину несвоевременного получения денег по налогам правительство видело в неудовлетворительной организации работы финансовых органов, недостаточном внимании местных партийных и советских органов к выполнению финансовых планов на селе и проведению агитации среди колхозников, поэтому отвергались все предложения о снижении норм доходности и уменьшении суммы сельхозналога.

В целом сумма сельхозналога с учетом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в среднем в 1,5–2 раза. Закон о сельскохозяйственном налоге 1952 г. отменил льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и других сельских специалистов, а также для лиц, работающих на подземных объектах в угольной промышленности.

Засилье налогов вызвало бурную реакцию протеста со стороны руководства республик, краев и областей.

По огромному потоку жалоб доведенных до отчаяния людей можно судить об отношении граждан к методам по укреплению дисциплины и к налоговой политике в деревне. Как и в коллективизацию, люди не могли понять, в чем состоит их вина и за что такая кара. Те же, кто чинил расправу, всегда оказывались правы, потому что никто из крестьян не мог знать содержание секретных указов и порядок их исполнения.

Если жалобы граждан доходили до правительства, то их проверка обязательно возлагалась на областные, краевые, республиканские организации, которые командировали на места своих представителей. Этим неписаным правилом советской бюрократии судьба каждого жалобщика отдавалась в руки тех, против кого он осмеливался выступить. На беззащитную жертву обрушивались самые изощренные преследования.

Почти каждое дело завершалось отказом. Так, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник 15 апреля 1949 г. принял инвалида войны 1-й группы (слепого, без обеих рук) орденосца И. М. Ларионова, проживавшего в селе Дмитровский погост Коробовского района Московской области, в связи с его просьбой снять с хозяйства налоги и поставки в 1949 г. из-за тяжелого материального положения семьи, состоящей из шести человек. На запрос из Москвы Коробовский райисполком, обследовавший материальное положение семьи Ларионова, ответил, что **удовлетворить просьбу инвалида об освобождении от налогов и поставок не может**. Принимаемая окончательное решение, Шверник полностью согласился с мнением райисполкома. Как показал анализ других дел, это было правилом в деятельности главы советского парламента.

Людской протест против репрессий и налогового произвола выражался в разнообразной, порой необычной форме.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам. Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Расследованием занималась не милиция, а органы госбезопасности, безжалостно подавлявшие всякое сопротивление указу. Попутно производилось изъятие оружия у населения. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение именованного оружия.

Вследствие названных государственных мероприятий разрушение деревни в конце 40-х — начале 50-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника — 65%, льноволокна — 55%, картофеля — 77%, овощей — 69% от уровня 1940 г. поголовье скота в колхозах уступало его численности в 1940 г. По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн голов крупного рогатого скота, 18 млн свиней, 88 млн овец и коз, а имели соответственно 28, 12, 68 млн голов. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 г.

Поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало сокращаться, и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет. Процент бескоровных хозяйств колхозников в 1951 г. по сравнению с 1946 г. значительно увеличился. Как минимум две пятых всей численности колхозных дворов не имели коров. В то же время административно-правовое и налоговое насилие давало возможность

государству отчислять в бюджет огромные денежные средства. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд руб. в 1940 г. до 8,3 млрд руб. в 1951 г., т. е. в 4,3 раза. Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств. Одновременно производилось изъятие зерна в колхозах и совхозах с целью увеличения госзапасов и наращивания экспорта. В 1948 г. в закромах государства оказалось 23,8 млн т зерна, т. е. на 4,8 млн т больше, чем в 1947 г. и на 2,8 млн т больше, чем в довоенном 1940 г. И это при том, что производство зерна в СССР в 1947-1948 гг. было на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в 1940 г.

Экспорт зерна в 1948 г. достиг 3,2 млн т, что было в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Во все последующие годы вывоз зерна за рубеж нарастал (в 1952 г. — 4,5 млн т). Поставки (в основном пшеницы) производились в Албанию, Болгарию, Венгрию, Восточную Германию, Румынию и другие соцстраны, а также в Англию, Австрию, Голландию, Данию, Израиль, Индию, Пакистан, Финляндию, Швецию и др.

Пренебрежительное отношение руководства страны к потребностям собственного народа привело к тому, что во многих колхозах и совхозах, пострадавших от засухи 1948 г., люди голодали весной и летом 1949 г. Рождаемость в СССР в 1948 г. снизилась даже по сравнению с голодным 1947 г.: в Москве упала на 25%, в Ленинграде — на 22%. В 1949–1953 гг. существенных сдвигов к лучшему не произошло. При этом сельское население СССР постоянно сокращалось в среднем на миллион человек в год. По сути, именно в эти годы и возникают те безлюдные деревни, которые ныне исчисляются сотнями. Население городов России в 1945–1953 гг. увеличилось на 13 млн человек. Ежегодный механический прирост городского населения СССР в тот же период поднялся до 2 млн человек¹.

Комментарии здесь излишни.

¹ Зима В. Е. Тупики аграрной политики (1945–1953 гг.) // СССР и холодная война М., ред. В. С. Лельчук, Е. И. Пивовар. 1995. С. 155–159.

4. СТАТИСТИКА ПРОТИВ ПУБЛИЦИСТИКИ: АКЦИЗНЫЕ ПЛАТЕЖИ И ПРАЗДНИКИ

Следующая важная характеристика благосостояния населения — неуклонный рост акцизных доходов, и не только от продажи водки. Многочисленными нарративными источниками фиксировался несомненный рост потребления таких продуктов, которые для народа «составляют в некоторой степени предмет роскоши, как чай, сахар, табак, керосин и т. д».

Таблица 46

Акцизные доходы в 1890–1913 гг. (тыс. руб.)

<i>Годы</i>	<i>Дахарный доход</i>	<i>Табачный доход</i>	<i>Нефтяной доход</i>	<i>Спичечный доход</i>	<i>Питейный доход</i>	<i>Доход с папирос. гильз и бумаги</i>
1890	21629,3	26859,8	10567,7	4720,7	268239,3	
1891	20857,4	27547,8	10174,8	4690,2	247388,6	
1892	27702,6	28325,3	12929,2	5163,0	268934,4	
1893	30340,3	30499,9	16369,2	6585,6	260729,2	
1890–1893	25132,4	28308,2	12510,23	5290,0	261322,9	
1894	41230,3	32607,4	18927,5	7466,6	297281,3	
1895	47686,6	34545,1	19680,2	7453,2	308896,1	
1896	42657,2	35008,9	20817,5	7274,0	321802,8	
1897	55476,8	35288,4	22842,2	7076,3	332482,5	
1898	58596,3	37458,2	23469,7	6920,0	391928,9	
1894–1898	49129,4	34981,6	21147,4	7238,0	330478,3	
1899	67509,7	38874,6	26154,9	6822,0	420947,2	
1900	63160	41198,3	25154,9	7368,6	434493,3	
1901	71757	45696,7	28599,9	7932,0	476006,5	
1902	81281	45363,2	29597,1	8162,0	523483,4	
1903	75541,8	49028,6	31961,9	8071,0	576460,9	
1899–1903	71849,9	44032,28	28293,74	7671,0	486278,3	
1904	78816,9	48719,1	34688,3	7672,0	573278,2	
1905	78734,0	46586,0	29948,0	10818,2	639135,4	
1906	108826	59902,7	29863,3	14991	736897,5	
1907	101467	54050,2	36832,6	15871,3	748258,1	
1908	93612,7	56209,2	41655,7	16709,4	748057,6	
1903–1908	92291,3	53093,4	34597,6	13212,3	689125,4	
1909	107398	45362,2	41841,4	17232,6	759044,9	3533,7
1910	127323	50476,5	46910,0	18464,7	811047,8	4576,9
1911	122714	66342	42487,8	18639,4	830796,4	4555,8
1912	127765	72593,5	50038,0	19353,9	873591,2	4416,7
1913	149161	78738,8	47903,1	20131,1	952810,4	4874,6
1909–1913	126872	62702,6	45836,06	18764,34	845458,1	4392
Рост	590%	193%	353%	326%	355%	37,9%

Источник: Ежегодники Министерства финансов на 189... год.

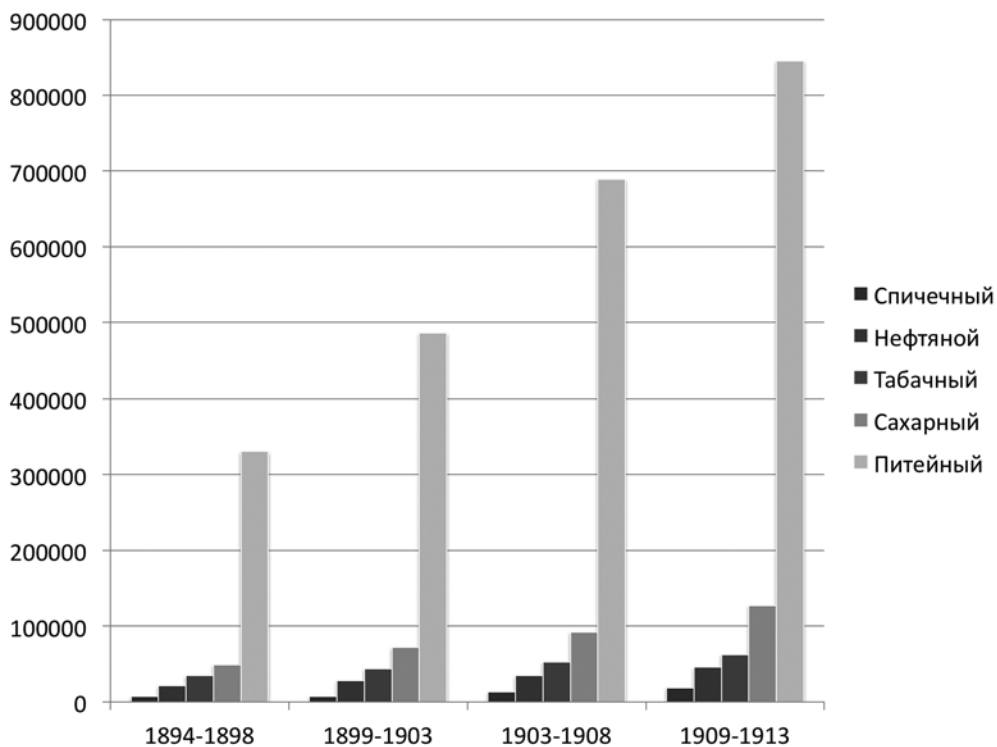

Диаграмма 5. Средние акцизные доходы на пятилетиям за 1894–1913 гг. (млн руб.). Источник: см. таблицу 46

Из таблицы 46 нетрудно увидеть, что у населения находились деньги не только на спиртное. Особого внимания заслуживает рост сахарных акцизов почти в 7 раз за 1890–1913 гг. В 1890 г. производство рафинада, на долю которого приходилось порядка 70–75% потребления сахарных продуктов, составило 15,3 млн пуд., в 1900/1901 гг. в стране было выработано 30,4 млн пуд. рафинада, в 1906/1907 г. — 41,3 млн пуд., в 1909/1910 г. производство перевалило за 50 млн пуд., а в 1912/1913 г. составило 57,8 млн пуд., т. е. на 90,6% больше, чем в начале века. При этом, если в 1902–1906 гг. можно говорить о ежегодном росте цены пуда рафинада на 15,6 коп., то в 1906–1912 она ежегодно снижалась в среднем на 18 коп., а в 1911/1912 г. упала до самого низкого уровня за 1890–1913 гг.¹

За эти годы для населения сахар определенно стал намного доступнее, хотя для большинства сельских жителей едва ли перестал быть деликатесом.

Следующий момент.

Ни в одной стране Европы не было такого огромного количества нерабочих дней, как в России².

Принципиально важно, что в пореформенное время у крестьян примерно на месяц

¹ Давыдов М. А. Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1986. С. 7, 16.

² Ермолов А. С. Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С. 63–64.

увеличивается число выходных и праздничных дней¹. Этот факт опровергает распространенное мнение о крайне напряженном бюджете трудового времени у российских крестьян, которые в силу плохого климата вынуждены работать, не покладая рук, и не успевают обработать должным образом свою землю.

Таблица 47

Число рабочих и праздничных дней у крестьян в XIX — начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	Абсолют.	%	абсолют.	%	Абсолют.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 308.

Значит, люди могли позволить себе праздновать — и им было, на что это делать!

Тема праздников давно беспокоила тех, кто не на словах, а на деле желал улучшения положения крестьянства.

А. С. Ермолов в «Сельскохозяйственных этюдах» (1892 г.) цитирует примечания известного агрария первой половины XIX в. Н. П. Муравьева к книге Теэра «Основания рационального сельского хозяйства», вышедшей в России в 1830 г.

Ермолов обращается к Муравьеву для того, чтобы показать, что проблемы низкого качества крестьянского труда, вообще отношения крестьян к сельскохозяйственному производству и т. д. так и не были решены за эти десятилетия. В частности, А. С. замечает: «Вот, например, что говорит Муравьев о русском крестьянине и работнике: «Крестьяне не умеют ни пахать, ни сеять, ни косить хорошо». «У нас в работники (вольнонаемные) идет тот, который дома за леностью и бедностью прокормиться не может: следовательно, с таковым же расположением он поступает к новому хозяину, и к хорошей работе его принудить никак нельзя — я сие сам испытал... Работники беспрерывно жалуются на недостаток пищи и ничем их удовлетворить нельзя, разве удвоением содержания, что очень убыточно. Притом заведется воровство в хлебе и провизии, лошадей бьют и мучают, орудия ломают, во всем ужасная небрежность, короче, выведут из терпения хозяина, и хлеб останется необранным в поле».

Правда, что приведенные слова Муравьева относятся до вольнонаемных рабочих: но и о работе крепостных крестьян он не лучшего мнения; так, он говорит далее, что «ни в каком хозяйстве не нужно столько смотрителей, как в нашем: земля дурно обрабатывается, сеют неровно и бывают утайки в семенах, сено косят и убирают медленно, молотят худо и не без ущерба помещику, и вообще происходит напрасная трата времени во многих хозяйствах».

А. С. Ермолов в 1892 г. замечает: «Читая эти строки, трудно себе представить, что они писаны шестьдесят лет тому назад, до такой степени они напоминают то, что нам приходится и теперь читать и слышать чуть не каждый день».

Не новы и жалобы (Муравьева — М. Д.) на праздники и прогульные дни. Сравнивая число рабочих дней у нас и в Пруссии, Муравьев говорит: «Итак, всего у нас рабочих дней весной, летом и осенью 141, то есть, почти в половину противу числа

¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения ... С. 557, 662.

дней рабочих в Пруссии, и праздников $\frac{1}{4}$ часть. Сверх всего, в числе сих праздников есть храмовые, которым целые волости празднуют по неделе. Ежели и сии прогулы считать, то верно половина рабочего времени проходит в праздниках»¹.

Как можно видеть, сведения Н. П. Муравьева очень близки к расчетам Б. Н. Миронova. К тому же множество источников говорит о том, что весьма часто послепраздничные дни рабочими могут считаться лишь номинально.

На сельскохозяйственном съезде в 1892 г. Ермолов и сам высказался по этому поводу: «В тесной связи с вопросом о рабочих находился и другой вопрос, также остановивший на себе внимание съезда, — о неблагоприятном влиянии на хозяйственную продуктивность большого числа обычных народных праздников. Обилие праздников или, вернее, нерабочих дней, из которых многие церковью вовсе праздниками не считаются, действительно составляет большое место нашего сельского хозяйства, тем более, что некоторые из таких нерабочих прогульных дней приходятся на самое горячее рабочее время, например, весной, в самую пору посева, осенью, в разгар уборки, и т. п. **Такого огромного количества нерабочих дней, как в России, нет ни в одном государстве.** Особенно велико число таких дней в юго-западном крае, где крестьяне празднуют в зависимости от местных обычаев от 125 до 150 дней в году, т. е. более трети года. Известно, что празднование у крестьян большею частью выражается в пьянстве, поэтому и на другой день после праздника они едва способны к работе.

Не работают крестьяне в эти обычные праздники иногда отнюдь не по собственному желанию, а вследствие запрещения со стороны чересчур ретивых сельских властей; иногда это делается по увещаниям священников, которые, стремясь поднять в народе религиозный дух и возможно чаще привлечь его в церковь, нередко после обедни в воскресенье обращаются к народу в церкви, указывая праздничные дня на текущую неделю. К сожалению, они при этом упускают из виду, что проведение времени в праздности никого до добра не доводит и вовсе не способствует святости праздника... Таким образом, крестьяне празднуют и день Св. Онуфрия, и Св. Варфоломея, и Св. Саввы, и зачатия Св. Анны, и разные Пятницы, и вообще множество таких дней, которые в календаре вовсе не отмечены как праздники, а между тем горячее время полевых работ уходит»².

А вот что пишет об этом в 1896 г. крестьянский писатель-самородок С. Т. Семенов: «Итак, если разумнее и усерднее взяться за хозяйство, то прибыль его можно немного увеличить. Даже в обыкновенных-то работах, если толковее поступать, и то лучше будет. Если навоз раньше запахать, то он лучше перегорит к севу; если траву раньше скосить, то сено из нее будет вкуснее и съедобнее; если лен раньше выберешь, то его придется и раньше постелить, а от этого он и скорее и лучше вылежится и качество волокна будет добротнее.

Разумное поведение полезно не только в общественных делах, но и в ... семейных. Но у нашего брата и тут чувствуется недостаток.

Во многих обществах, по обычаю, среди лета справляются престольные праздники: Петра и Павла; Сергиев день, Казанская, Тихвинская, Ильин день, Владимирская и прочее, в которые целые общества гуляют 3–4 дня, а иногда и целую неделю. Гуляешь, а тебя дожидается или поспевшая трава, или рожь. Прогуляешь, примешься за дело, ненастье началось — и погребло добро, которым целый год живешь... и кусай локти, да затылок чеши.

¹ Ермолов А. С. Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С. 3–4, 14–15.

² Там же. С. 63–64.

Кроме обычая гулять в праздники, есть еще обычай почитать пятницы и маленькие праздники, которых, как на грех, в летнее время такая пропасть.

Что такое пятница?

Христианский ли этот праздник? Спросите сведущего человека, и он скажет, что нет. Пятница — праздник не христианский, а татарский. Татары этот день почитают, как мы воскресенье. Перешел же к нам этот праздник с тех пор, когда они (татары) Русью владели; с тех пор он у нас и остался. Так зачем же нам почитать его? Если почитать татарскую пятницу, то почитать и еврейскую субботу, а потом православное воскресенье. В эти дни погуляем, а в понедельник и приниматься нечего, так как по приметам день тяжелый; и выйдет, что работать-то и некогда, а только гуляй. «Погули да гули, ан в лапти обули»...

Вот какие нужды и недостатки имеются в крестьянском обществе, и вот как их исправлять нужно»¹.

Податной инспектор 2 участка Козловского уезда Тамбовской губернии сообщает в отчете за 1901 г.: «Во вверенном мне участке среди крестьян нет обычая пахать землю под яровые хлеба осенью, а между тем отсутствие такого приема в особенности резко сказалось в отчетном году. Невспаханная земля при быстром таянии снега впитала влаги весьма немного, но и это количество было израсходовано не производительно при вспашке под посев; выпавшие 13–14 апреля дожди оказали влияние, главным образом, на всходы, для дальнейшего же роста не имели никакого значения, так как благодаря Пасхе посевы запоздали, были произведены, главным образом, после этих дождей, а потому значительная часть доставленной ими влаги также не производительно израсходовалась при вспашке во время посева»².

Предыстория неурожая 1906 г. в изложении А. С. Ермолова такова. Поначалу виды на урожай были очень хороши. Зима была «ровная, мягкая и почти без оттепелей». Но весна наступила значительно раньше обычного, «при первом вскрытии весны», озими в большинстве губерний вышли из-под снега без особых повреждений. Лишь в Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерниях и в Области Войска Донского озимые оказались посредственными. Сначала там они было хорошо пошли в рост, но с середины апреля установилась жаркая погода с сильными иссушающими почву ветрами, которая очень скоро негативно повлияла на состояние озимых посевов. «Хлеба приостановились в росте, начали редеть, заостряться, желтеть, и, будучи не выше 0,5–1 аршина, выкинули тощий колос. От жары и бездождья все было выжжено и посохло. На остальном пространстве России озими находились сперва в удовлетворительном состоянии, но весенняя засуха вскоре стала во всем среднем и восточном районе губительно действовать и на них.

Посев яровых начался значительно ранее обыкновенного и прошел при сравнительно благоприятных условиях: благодаря значительному запасу влаги в почве они почти повсеместно дали дружные всходы, но посевы более поздние, вследствие наступившей засухи всходили неравномерно, либо даже вовсе не дали всходов.

Особенно плохи были всходы на крестьянских землях, которые остались с осени, как водится, неспаханными. Весною же, вместо того, чтобы воспользоваться лучшим для ярового хлеба временем посева, когда еще земля оставалась влажной, крестьяне до Пасхи обсеяться не успели, а потом праздновали всю Пасху, где восемь, а где

¹ Нужды и недостатки крестьянских обществ крестьянина С. Т. Семенова. М., 1896.

² РГИА, Ф. 573, Оп. 25, Д. 1191, Л. 75.

и десять дней, считая вместе с последними днями Страстной недели, и сеять начали только с Фоминой. Но это уже было слишком поздно, земля успела просохнуть, и благодаря такому продолжительному празднованию в самую горячую пору ярового посева, лучшее для него время было упущено. Между тем известно, что «весенний день год кормит», «весною часом опоздано — годом не наверстаешь». Но перед закоснелым обычаем русского народа во время Пасхи целую неделю, а то и более, сидеть, сложа руки и гулять, бессильны и эти мудрые поучения стародавней народной мудрости... Чем дальше подвигалась весна, тем положение все более изменялось к худшему»¹.

Эту информацию подтверждает, в частности, инспектор 2-го податного участка Петровского уезда Саратовской губернии, который в Отчете за 1906 г. пишет, что «посев яровых хлебов начался около 28 марта, но был прерван на неделю вследствие наступивших праздников ... Пасхи, и возобновился уже после праздников»².

Понятно, что подобные случаи не были редкостью. Вот, например, что писал 9 июня 1911 г. участковый агроном при Новооскольской уездной Землеустроительной комиссии Курской губернии Д. Захаров губернскому уполномоченному по сельскому хозяйству: «Истекший весенний период 1911 г в первой своей половине был далеко не благоприятен как для своевременного выполнения работ, так и для роста яровых и озимых хлебов. Возможность приступить к первым полевым работам представилась 7 апреля, когда и были произведены частью населения первые посевы овса, по большей части под бороны ввиду сырости почвы.

Наступившие праздники Пасхи прервали работы почти на 10 дней, что в значительной степени повлияло на иссушение почвы, благодаря господствующим в данной местности юго-восточным ветрам. Особенно сильно просохла зяблевая пахота, которая не была вовремя проборонована и посев пшеницы, а также подсолнечника производился почти в сухую почву. На показательных полях и на части показательных участков, где земля была вспахана с осени, зябь была разработана сначала культиватором и заборонована, и земля сильно просушена не была. Главный сев яровых начался с 17–18 апреля и растянулся, благодаря трудной обработке просохшей земли, до 5 мая»³.

Крестьянин Козырев, участник Елецкого уездного комитета, следующим образом оценил разницу в ведении хозяйства владельцами и крестьянами: «Осенью, после уборки хлебов, крестьяне видя, что землевладельцы-помещики давно уже начали метать ржище для ярового посева следующего года, тогда крестьяне, хотя с неохотой принимают и себе за пахоту взмета и пахота эта, **под предлогом отдыха после рабочей поры и по причине базарных поездок, а всего более под влиянием местных праздников, как своих, так и соседних приходов**, продолжается очень медленно до поздней осени, и пахота эта производится большею частью в сырую погоду мелко и с огрехом (неподнятою между борозд полоскою); последнему крестьяне не придают никакого плохого значения; он утверждают, что огрех оплодотворяет землю»⁴.

А. С. Ермолов в 1909 г. вновь возвращается к данной проблеме, которая за прошедшие 17 лет значительно усложнилась в виду появления «царева пайка», определенно не стимулировавшего у части крестьянства трудовой энтузиазм: «Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева

¹ Там же. Т. 1. С. 306–309.

² РГИА, Ф. 573, Оп. 25, Д. 1037, Л. 102.

³ Государственный архив Курской области. Ф. 606. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

⁴ *Бржеский Н. К.* Очерки аграрного быта крестьян. I. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 52–53.

время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать.

В первой же половине августа, **тоже в лучшее время для посева**, — опять ряд праздников, — тут и первый Спас, и второй Спас — Преображения, и Успение; не только самый день, например, Спаса празднуют, но и на другой день после него — отдање Спаса, полу-Спас — тоже не работают, местами празднуют и третий Спас — Спас на полотне, — 16 августа. А коли в эти дни в деревенских церквах «престолы», то и по два и по три дня после того гуляют. Престолы не только в своих церквах справляют, а и в окрестные села по соседям ездят, и там тоже празднуют да пируют... Потом — 18 августа — Флор да Лавр идет — лошадиный праздник — на лошадях работать грешно, и т. п. **И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины августа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.**

Известно, что у крестьян, кроме установленных церковью, бывают еще и свои праздники, — разные «навкины велик-дни» (праздник русалок), девятые, Параскевы, Грозные, Ильинские пятницы, Паликопы, Борис-Глебы и т. п.

И насчитывается у нас, у русских крестьян, таких праздничных, прогульных дней, считая вместе с воскресеньями — где 130, где 140, а местами и до 150, и производительное рабочее время уменьшается более, чем на одну треть в году. А в Германии, например, и даже у нас, в прибалтийских губерниях, праздничных дней, считая вместе с воскресеньями, не больше 65, в местностях с преобладающим католическим населением до 85-90 доходит, но все же значительно менее, нежели у нас.

О вреде праздников было уже немало говорено и писано, приняты меры к тому, чтобы устранить прежнее обязательное празднование некоторых дней, но дело оттого нисколько не стало лучше, и я уже говорил, что **в 1906 году в некоторых губерниях задержка ярового посева по случаю празднования Пасхи сильно повлияла на урожай**. А известно еще, что с каждым праздником у народа и гульба, и пьянство связаны, — «хоть себя заложить, да праздник честь-честью проводить» — говорят крестьяне. Веками укоренившиеся обычаи и взгляды крестьян изменить нелегко, но нельзя потворствовать предрассудкам крестьян, что работать в праздник грех, и нужно моральное воздействие на них, чтобы доказать им ошибочность такого взгляда.

Я лично помню, как один крестьян, правда выпивший, застав меня однажды в четверг на Святой неделе в поле с моими пахарями, набросился на нас с ругательствами и «как вам не грех в праздник работать, это вам позор...», ну, а в праздник напиться он очевидно грехом не считал. Я спрашивал священников, почему они в этом деле не подают примерам крестьянам, не влияют на них словом и примером: — «нам, говорят они, неловко...» А между тем спрашивается, какими каноническими законами, какими правилами церкви установлено 8-ми дневное ничегонеделание в Святую неделю? Правда, во все дни этой недели бывают службы в церквах, но много ли крестьян, не считая первого дня и воскресений, эти службы посещают? — а гуляют поголовно все»¹.

Так смотрит на проблему экс-министр земледелия Империи.

А вот мнение на этот счет А. В. Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но **настоящей** жизни. Юрьевский пишет:

¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 2. С. 148–150.

«Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...

«Лучше ли стало жить на хуторах и отрубках? — говорит А. В. Байков. — Да, лучше и много лучше, но одна беда — это праздники и связанное с ним пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых «престольных», местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25–30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля — установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар — установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена — установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град — установили праздник. Праздники эти — не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых — даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют «Девятой пятнице», «Десятой пятнице», «Ильинской пятнице» и разным «Симонам-Гулимонам», которых и в святцах не найдешь.

Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот... В деревне Конопатине раньше праздновали «чуме» один день, причем все празднество выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: «Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, — неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой»... И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р.—1 р. 40 коп. в день!**

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомства, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подработками при поденной цене 1–1,40 руб. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе «гуляло» не менее 3–4 и до 10 «гостей» из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая найкультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5–6 месяцев, а не в 9–10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, — да у них и потрохов не останется...

А какое хулиганство рождают эти праздники! В нашей местности ни одного праздника не обходится без «подрезанных», и после каждого праздника при встрече

обычно спрашивают: «Ну, сколько у вас подрезали?». Так, например, в текущем году в праздник Успения (15 августа) в двух приходах было «подрезано» 15 человек; к счастью, тяжелых ранений не было, хотя некоторым и было нанесено до 10 колотых ран!

В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты, это — невежество, праздники и пьянство... На этих китах не устоишь... И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ»¹.

Дождалась Россия, увы, других «богатырей», Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича, но это другая тема, хотя и сопряженная с этой.

1914 г. вышел «Сборник задач антиалкогольного содержания (пособие при преподавании арифметики в низших классах всех ведомств)», составленный на основании **официальных** источников и обширной литературы.

Вот некоторые из этих задач, изменяющих привычный ракурс рассмотрения проблемы: «2. Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?»

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 коп., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2000100000 бутылок водки. 13334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37500 верст?

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут. водки стоит 42 коп.)»².

Все это было бы смешно...

Размеры потребления спиртного и обилие праздников — темы, рассуждать на которые прообщинно настроенные авторы-народники считали неполиткорректным и в своих писаниях они «деликатно» обходили их стороной. Эти сюжеты явно разрушало гармонию создаваемого ими упрощенного варианта крестьянского апокалипсиса, при котором земледельцы потребляли только углеводы, питаюсь одним хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой. Поэтому указания оппонентов на то, что противоречило этой установке, они просто игнорировали, словно этой стороны жизни крестьян как будто и не было в природе.

Потребление алкоголя в рассматриваемый период стало одним из пунктов продолжающейся дискуссии об уровне благосостояния населения пореформенной России.

В 2013 гг. А. В. Островский, сторонник негативистского подхода к пореформенному развитию России, подверг критике мои построения, а также и Б. Н. Миронова, поддержавшего высказанную мной впервые в 2003 г. точку зрения, согласно которой невозможно судить о благосостоянии населения страны, игнорируя весьма серьезные расходы последнего на алкоголь³.

¹ Юрьевский Б. Возрождение деревни. Пг., 1914. С. 88–91.

² Беляев М. М., Беляев С. М. Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914. С. 13, 19, 20, 25.

³ М. А. Давыдов. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. ... С. 187–188.

Я не буду разбирать все аргументы А. В. Островского, остановлюсь на его заключении: «Хотя расходы на водку отнимали у крестьянской семьи необходимые ей средства, доля этих расходов была относительно невелика, поэтому утверждения и насчет того, что пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни, и насчет того, что потребление алкоголя — показатель наличия в деревне «лишних денег», а значит, показатель относительного благополучия, не имеют под собой основания».

Более того, если вслед за М. А. Давыдовым и Б. Н. Мироновым рассматривать динамику потребления водки как косвенное отражения благосостояния населения, тогда следует признать, что после отмены крепостного права оно не возрастало, а снижалось¹.

Собственную позицию Островский обозначил, приписав, по своему обыкновению², оппонентам мысли, которых они не высказывали.

Ведь ни Б. Н. Миронов, ни я никогда не утверждали, что «пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни». Да и оборот «разорение деревни» — это из лексикона самого Островского и других представителей традиционной историографии.

Однако я уверен в том, что неуклонно растущие затраты населения России на алкоголь действительно отражают — и отнюдь не «косвенно» — растущий уровень благосостояния населения в конце XIX — начале XX вв., а доля расходов крестьян на водку вовсе не была «относительно невелика».

В принципе мое видение проблемы обрисовано выше. Для того, чтобы судить о масштабах обсуждаемого явления, достаточно взглянуть на приведенную выше таблицу 14 и построенную на ее основе диаграмму 4, где сравниваются размеры питейного дохода и стоимость российского хлебного экспорта в 1894–1913 гг.

Напомню только, что за эти годы стоимость хлебного экспорта составила 10361,7 млн руб., а суммарный питейный доход — 11756,7 млн руб., т. е. на 13,5% больше, что средний ежегодный прирост цены вывезенных хлебов равнялся 20,9 млн руб., а питейного дохода — 35,1 млн руб., т. е. в 1,7 раза больше. В 1913 г. питейный доход достиг 952,8 млн руб. и почти на 130 млн руб. превысил расходы Империи на оборону.

В свете этих данных логика А. В. Островского мне не вполне понятна.

Если потребление алкоголя *не* является показателем «наличия в деревне (и не только) «лишних денег», а, значит, и показателем «относительного благополучия», то показателем чего оно является?

Отсутствия «лишних денег»? Алкоголь выдавали бесплатно?

Свидетельством *не*благополучия?

Если в 1894–1900 гг. среднегодовой вывоз хлеба стоил 384,1 млн руб., питейный доход составлял 358,3 млн руб., в 1901–1908 гг. — соответственно 492,4 млн руб. и 627,7 млн руб., а в 1909–1913 гг. — 746,8 млн руб. и 845,5 млн руб., то значит ли это, что благосостояние жителей России понижалось? Особенно с учетом неоспоримого роста внутреннего потребительского рынка?³

Статистика вполне подтверждает рассеянные по источникам свидетельства совре-

¹ Островский А. О. «Пьяная деревня»: факты и домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 154.

² Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., Весь мир. 2013. С. 174–175.

³ Давыдов М. А. Статистика и политика // Вопросы истории, 2012. № 12. С. 122–140.

менников. Вот, например, что пишет на этот счет Б. Н. Чичерин, считающий «разорительное пьянство» одной из важнейших внутренних причин падения благосостояния крестьян его родового имения Караул в Тамбовской губернии: «Кабак составляет, может быть, еще худшее зло (в сравнении с семейными разладами — М. Д.). Против существования его в Карауле мы долго ратовали и наконец успели убедить крестьян его закрыть. Деньги, которые они получали от кабатчика за разрешение взять патент, очевидно восполнялись с избытком из собственных их карманов. Прекратились, по крайней мере, безобразные мирские сходки около кабака, при которых обыкновенно пьянство продолжалось в течение трех дней.

Но кто может помешать крестьянину, когда у него есть лишний грош, пропить его на соседнем базаре? Какое влияние это имеет на благосостояние крестьян, я мог видеть из следующего случая. Однажды, в плохой год, приходит ко мне старик, который был в числе перевозчиков на пароме, и приносит сто рублей, с просьбою положить их в банк на имя сына. Я это исполнил. На следующий год, который был еще хуже, он приносит опять сто рублей, все мелкою серебряною монетою, с просьбою положить их на имя внука. Я удивился. «Скажи мне, пожалуйста, — спросил я, — как это у тебя столько денег, когда в нынешнем году даже зажиточные крестьяне нуждаются?» — «Ах, Борис Николаевич, — отвечал он, — ведь я в кабак не хожу, а в кабаке, вы знаете, рубль пропьешь, а десять потеряешь». Этот пример был для меня поучителен. А сколько я видал крестьян, пропивших хорошее состояние и даже погибших при переездах в пьяном виде»¹.

В связи со сказанным я намерен рассмотреть «доказательства от противного», позволяющие, полагаю, значительно минимизировать полемику.

Речь идет о первых результатах введения сухого закона в 1914 г., которые — по контрасту — позволяют яснее судить о потреблении алкоголя в мирное время.

Как известно, Высочайшим указом 16 июля 1914 г. о мобилизации была запрещена продажа спиртных напитков, а 22 августа 1914 г. запрет был продлен до конца военного времени.

Эта удивительная для истории России акция правительства и ее разнообразные последствия, ближайшие и отдаленные, очень интересные и сами по себе, позволяют вместе с тем внести ясность в некоторые важные проблемы довоенной истории.

Среди работ того времени, осмысляющих этот феномен, особо выделяется издание Министерства финансов «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России» (Пг., 1916). По заданию Министерства казенные палаты через податных инспекторов и других должностных лиц должны были выяснить влияние войны на аспекты «народной жизни и быта, доступные наблюдению местных органов финансового ведомства».

Выяснению эффекта введения сухого закона 1914 г. в этой работе посвящена отдельная глава (с. 378–482), которая начинается следующими словами: «По вопросу о влиянии прекращения продажи вина на народный быт и производительность народного труда казенными палатами собран громадный материал, заключающий в себе отзывы податных инспекторов, председателей земских управ, городских голов и старост, фабричных инспекторов и др. лиц и учреждений, а также цифровые данные, полученные от государственных сберегательных касс, казначейств, губернских присутствий, прокурорского надзора, съездов мировых судей и др. Все высказывавшиеся

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. II. М., 2010. С. 235–236.

лица и все имеющиеся данные говорят за то, что **влияние прекращения продажи вина на народный труд и производительность народного труда оказалось огромным и многосторонним.**

Ни по одному вопросу программы казенные палаты не дают таких однообразных, совершенно определенных, не вызывающих никакого сомнения показаний, как о влиянии прекращения продажи спиртных напитков на население.

Все мнения, высказанные людьми и учреждениями, имеющими непосредственное отношение как сельской, так и к городской жизни самых различных местностей, по донесениям казенных палат, так однообразны и решительны, что может возникнуть вопрос не о том, было ли влияние прекращения продажи спиртных напитков благоприятным, а лишь о степени благотворности этого влияния»¹.

В публикации Министерства финансов анализируется позитивное влияние сухого закона на самые разные стороны жизни населения страны; рассматриваются также и негативные последствия запрета продажи спиртного (рост потребления суррогатов, азартных игр и т. п.).

Сама постановка вопросов предполагала сопоставление ситуации военного и мирного времени, из которого выясняются важные факты, позволяющие оценить изучаемые сюжеты весьма ясно; понятно, что здесь я могу коснуться лишь некоторых из них и совершенно не претендую на целостную оценку влияния сухого закона на жизнь страны в 1914–1916 гг.

Начнем со статистических данных о поступлении питейного дохода.

Таблица 48

**Расходы населения Империи на водку за июль 1913 — март 1914 г.
в сравнении с июлем 1914 — мартом 1915 г. (млн руб.)**

МЕСЯЦЫ	07.1913–03.1914		07.1914–03.1915		За июль 1914 — март 1915 гг. более (+) или менее (-) июля 1913 — марта 1914 гг. ПРОДАНО		
	1	2	1	2	1	2	В%%
июль	7,59	64,26	4,66	39,54	-2,93	-24,72	-38,5
август	8,25	69,85	0,29	2,46	-7,96	-67,38	-96,5
сентябрь	9,77	82,73	0,11	0,89	-9,66	-81,84	-99,0
октябрь	10,37	87,8	0,09	0,76	-10,28	-87,04	-99,0
ноябрь	9,03	76,44	0,09	0,78	-8,94	-75,66	-98,9
декабрь	10,19	86,23	0,16	1,35	-10,02	-84,88	-98,4
январь	9,8	83,12	0,11	0,95	-9,69	-82,17	-98,9
февраль	8,63	73,18	0,12	1,06	-8,5	-72,12	-98,5
март	6,04	51,21	0,2	1,7	-5,84	-49,51	-96,7
За 9 месяцев	79,68	674,8	5,83	49,5	-73,84	-625,32	-92,6

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. МФ Департамент окладных сборов. С. 421.

1 — Продано казенных питей (млн ведер в 40 градусов).

2 — На сумму млн руб.

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 378–379.

Итак, в июле 1914 — марте 1915 гг. водки было куплено на 625,3 млн руб. меньше, чем за соответствующий период предшествующего года. Реально население съэкономило еще больше, поскольку инфляция уже началась.

Теперь оценим динамику вкладов в государственные сберегательные кассы России.

Таблица 49

**Динамика денежных вкладов и вкладов в процентных бумагах
в государственные сберегательные кассы (млн руб.)
в 1912–1916 гг.**

Месяц	Денежные вклады					Вклады в процентных бумагах				
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916
январь	2,5	8,3	1,9	55,9	117,3	4,5	4,4	6,8	11,2	53,2
февраль	2,6	-1,4	-0,8	44,5	102,4	3,5	3,1	4,0	11,2	25,2
март	4,6	-0,2	-2,3	46,0	81,6	2,5	3,4	3,1	15,9	83,1
апрель	-2,5	0,6	-0,2	47,8	53,9	1,9	1,9	1,7	14,9	93,3
май	2,6	5,9	7,9	50,8	65,7	1,4	1,5	1,7	15,7	100,9
июнь	9,8	8,4	12,3	55,0	171,1	1,4	2,4	2,9	18,0	37,2
июль	9,5	9,3	-41,1	57,2	154,8	1,5	2,1	-0,6	11,5	22,9
август	0,6	-0,7	10,1	8,4	141,6	-0,7	1,6	0,8	8,5	19,3
сентябрь	0,1	1,1	25,8	57,9	121,2	0,2	2,3	3,7	11,5	20,4
октябрь	2,0	1,5	21,7	77,5	139,6	-0,1	2,2	4,5	9,1	14,6
ноябрь	6,2	5,1	24,8	42,2	96,0	0,7	2,0	14,0	27,4	н/с
декабрь	5,1	0,7	35,6	3,0	н/с	1,8	3,4	9,8	108,5	н/с
ИТОГО	43,1	38,6	95,7	546,2	1245,2	18	30,3	52,4	263,4	470,1

Источник: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1003. Л. 330.

Легко заметить, насколько разнится помесечная динамика вкладов до и во время войны.

В частности, из таблицы 49 следует, что в первой половине 1914 г. приток средств был ниже, чем в первой половине 1913 г. — 18,8 млн руб. против 21,6 млн руб. Затем в июле 1914 г. с объявлением мобилизации имел место отлив вкладов в размере 41,1 млн руб., но с августа вновь начинается их возрастание. Только за август-сентябрь приток средств в сберегательные кассы — 35,9 млн руб. составил 93% всего годового прироста вкладов за 1913 г. (38,6 млн руб.), а в сентябре-октябре превысил его на 23,1% — 47,5 млн руб. Аналогичный характер имеет динамика вкладов процентными бумагами.

Теперь сравним по месяцам сокращение расходов на водку и приросты вкладов в государственные сберегательные кассы в первые 9 месяцев войны.

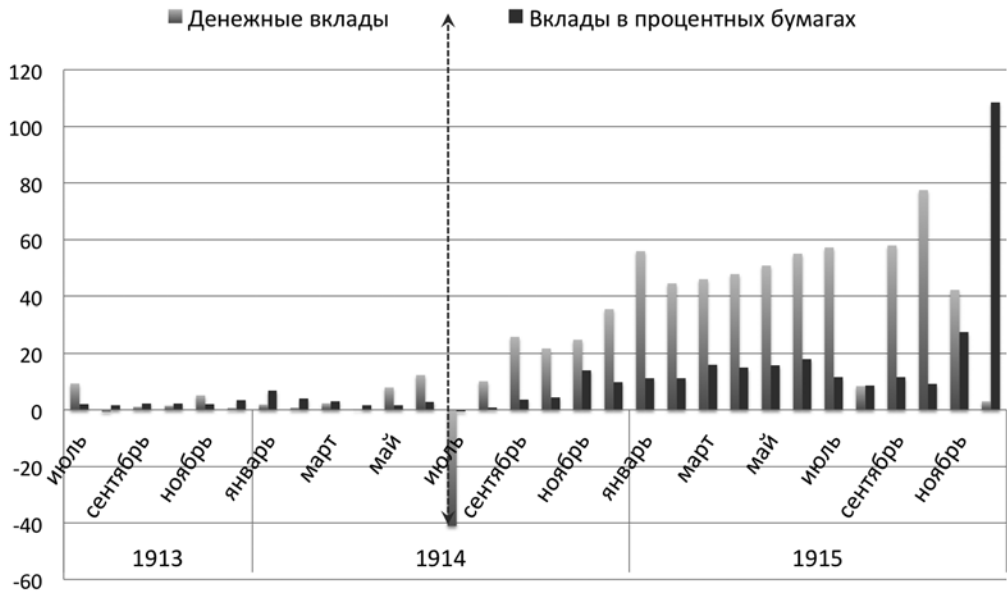

Диаграмма 6. Ежемесячные сведения о приросте и убыли вкладов в государственных сберегательных кассах за 1913–1915 гг.

Источник: см. таблицу 49

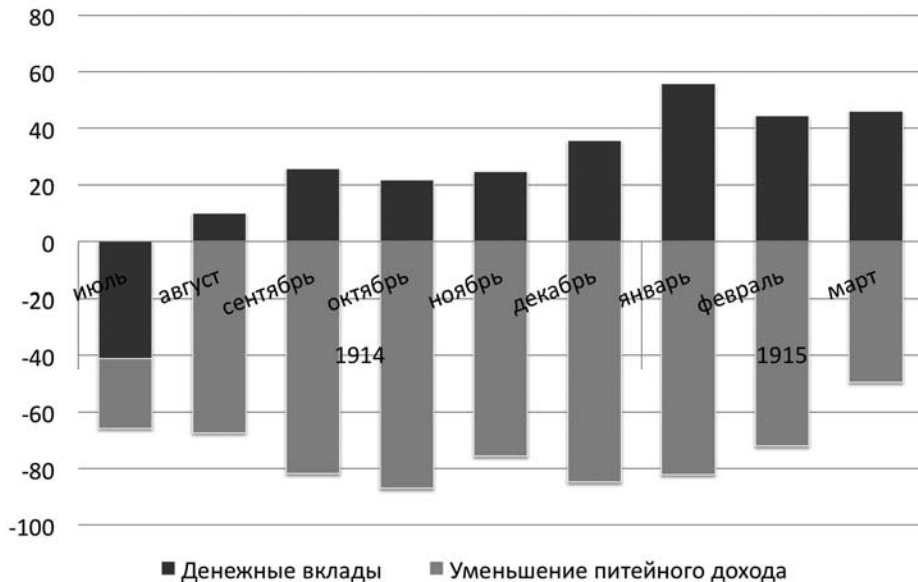

Диаграмма 7. Вклады в сберкассы и питейный доход в июле 1914 – марте 1915 гг. (млн руб.)

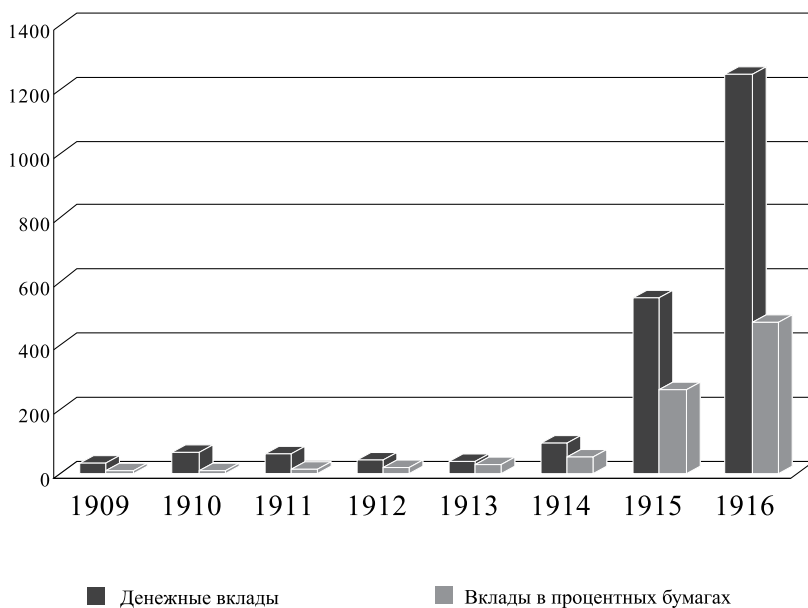

Диаграмма 8. Динамика вкладов в государственные сберегательные кассы в 1909–1915 гг. (млн руб.)

Источник: РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 804, л. 467; Там же. Д. 1103. Л. 330

Таблица 50

Сопоставление сокращения расходов на водку в июле 1914 — марте 1915 гг. в сравнении с июлем 1913 — мартом 1914 гг., денежных вкладов в государственные сберегательные кассы и вкладов процентными бумагами (млн руб.)

1	2	3	4
Месяц	1	2	3
Июль	-24,72	-41,1	-0,6
Август	-67,38	10,1	0,8
Сентябрь	-81,84	25,8	3,7
Октябрь	-87,04	21,7	4,5
Ноябрь	-75,66	24,8	14,0
Декабрь	-84,88	35,6	9,8
Январь	-82,17	55,9	11,2
Февраль	-72,12	44,5	11,2
Март	-49,51	46,0	15,9
Всего август-март	-600,6	264,4	71,1

Источники: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 421; РГИА. Ф. 408. Оп. 1, д. 1003, л. 330.

1. Сокращение продажи казенных питей в июле 1914 — марте 1915 гг. в сравнении с июлем 1913 — мартом 1914 гг.
2. Прирост денежных вкладов в государственные сберегательные кассы.
3. Прирост вкладов процентными бумагами.

Из таблицы 50 следует, что за август 1914 — март 1915 гг. казна недополучила питейного дохода на 600,6 млн руб. в сравнении с августом 1913 — мартом 1914 г. Приток средств в сберегательные кассы за эти же месяцы составил 264,4 млн руб., что на 10% превысило суммарный прирост вкладов в сберегательные кассы Империи за все пятилетие 1909—1913 гг. (!) — 240,8 млн руб. Схожим образом и прирост вкладов процентными бумагами за август 1914 — март 1915 гг. — 71,1 млн руб. оказался почти равен суммарному приросту вкладов процентными бумагами за 1909 — 1913 гг. — 73,7 млн руб¹.

Разумеется, такой феноменальный рост был вызван не только запретом продажи спиртного. Вот что говорит об этом «Отчет» государственных сберегательных касс за 1915 г.: «Чрезвычайный прилив в сберегательные кассы свободных народных средств являлся результатом ряда весьма разнообразных, но совокупно, в одном направлении действовавших причин: производившихся правительством внутри страны огромных затрат на нужды обороны (на снаряжение и продовольствие армии и флота — М. Д.), резко повысившихся в своей расценке заработков широких масс городского с сельского населения, освобождения значительных сумм вследствие вызванного войною стеснения экономического оборота страны, **а главнейше, утвердившейся в народе, по Монаршей воле, трезвости, сразу и резко повысившей материальное благосостояние трудовых слоев населения**»². На увеличение вкладов, безусловно, должны были повлиять и правительственные пособия семьям призванных в армию, составившие за 1914 г. 267 млн руб. Сотням тысяч солдатских семей, «перешедших на казенное содержание»³ они были нужны по прямому назначению, и все же нельзя исключать, что какая-то их часть могла попадать в сберегательные кассы.

О чем говорят эти данные?

В первую очередь — они, ясно демонстрируют, что роль расходов на алкоголь в бюджете населения довоенной России была довольно значительной. Не все жители страны, понятно, несли деньги в сберегательные кассы, поскольку, как мы увидим ниже, далеко не все из них имели книжки, но тенденция, полагаю, вполне понятна. Тесная связь между потреблением алкоголя и благосостоянием населения настолько очевидна, что ее можно не комментировать.

Динамика роста сбережений в конце XIX — начале XX вв., безусловно впечатляет⁴, но лишь данные военного времени показывают, каким он мог быть при меньшем потреблении спиртного и какое место занимал алкоголь в структуре расходов населения, хотя, повторюсь, приток сбережений в сберегательные кассы с началом войны вызывался не только экономией от непокупки спиртного.

Авторы публикации Министерства финансов справедливо полагают, что «громкие средства, оставшиеся у населения благодаря запрещению продажи вина, не только помогли ему снарядить на войну призванных запасных, ратников и новобранцев и

¹ РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 804, л. 467.

² Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 год. Пг., 1916. С. 2.

³ Литошенко Л. Н. Социализация земли ... С. 153.

⁴ Давыдов М. А. Статистика и политика... С. 129–130.

справиться с тем ущербом, который был причинен ему громадным отливом рабочей силы, справиться с дороговизной предметов первой необходимости, с повышенными налогами, улучшить питание, но и сберечь значительные денежные средства для помещения их в государственные сберегательные кассы и учреждения мелкого кредита»¹.

Интересно оценить данную проблему на губернском уровне.

Например, Пермская казенная палата подсчитала, что за 17 лет существования винной монополии жители губернии пропили 271 млн руб. Ясно, что запрещение продажи вина должно было сохранить у населения огромные средства.

Так, за первые 9 месяцев войны выручка от продажи вина в сравнении с соответствующим периодом 1913–1914 гг. упала на 15,7 млн руб., т. е. на стоимость броненосца класса «Бородино». Эти громадные деньги, оставшиеся у населения, пошли «на производительное удовлетворение разнообразных насущных нужд, но и за всем тем» прирост вкладов в сберегательные кассы губернии составил за тот же период 3,0 млн руб., или 367,5%² (см. таблицу 51)

Таблица 51

**Движение вкладов в государственных сберегательных кассах
Пермской губернии в 1913–1915 гг. (тыс. руб.)**

Месяц	Поступило вкладов	Выдано вкладов	Плюс/минус	Месяц	Поступило вкладов	Выдано вкладов	Плюс/минус
1913 год				1914 год			
Август	1068,1	1028,4	39,7	август	1380,3	1111,3	269
Сентябрь	1089,5	1124,9	-35,3	сентябрь	1437,5	1226,9	210,6
Октябрь	1049,5	1125	-75,5	октябрь	1457,3	1304,0	153,3
Ноябрь	1064,6	1088,1	-23,5	ноябрь	1445,6	1320,5	125,1
Декабрь	1251,6	978,9	272,7	декабрь	1582,4	1218,2	364,2
1914 год				1915 год			
Январь	1369,7	1536,5	-166,8	январь	2154,6	1714	440,6
Февраль	1342,9	1106,7	236,2	февраль	1982,5	1435,6	546,9
Март	1477,1	1212,6	264,5	март	2154,1	1289	865,1
Апрель	1162,9	849	313,8	апрель	2241,1	1355,3	885,8
ИТОГО	10875,9	10050,1	825,8	ИТОГО	15835,4	11974,8	3860,6

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 422–423.

В Пензенской губернии недобор от казенной продажи питей за июль 1914 — апрель 1915 г. составил 10 млн руб.; «какая сумма народных денег уходила на так называемое «баловство пивом», точных данных не имеется, так как, кроме пива местных заводов, население Пензенской губернии потребляло огромное количество пива заводов Московской, Самарской и Нижегородской губерний, но во всяком случае издержки населения губернии на пиво должны быть не менее 2 млн руб. в год, что подтверждается оборотами пивных складов и лавок, установленными для взимания дополнительного промыслового налога. Таким образом, за время войны благодаря воспрещению прода-

¹ О влиянии войны.... С. 420.

² Там же. С. 422–423.

жи напитков осталось у населения губернии сбережений только в деньгах 12 млн руб., что в среднем составляет 5,87 руб. на душу населения.

Но приведенной суммой (12 млн руб.) далеко не исчерпываются исчисления экономического благополучия населения вследствие воспрещения продажи напитков. В первую очередь следует учесть стоимость прогульных дней с дней «похмелья», которые неизбежно следовали за праздниками и днями семейных торжеств. Не боясь впасть в грубую ошибку, можно с уверенностью оценить прогульные дни суммой, близкою к той, какую пропивало население.

Благодаря этим огромным сбережениям народных средств, несмотря на два подряд неурожайных года, на призыв наиболее работоспособной части населения в армию, на возрастающую дороговизну продуктов питания и фабричного производства, экономическая жизнь в губернии не только протекает вполне нормально, но у населения остаются еще большие свободные средства, о чем свидетельствует непрекращающийся прилив вкладов в сберегательные при казначействе кассы. Так, за вторую половину прошлого года превышение поступлений над выдачами определялось в 700 тыс. руб., а в текущем году прилив вкладов продолжается еще с большей интенсивностью¹.

Казанская казенная палата определяет расход населения «только на одно казенное вино» в 1913 г. в 11,5 млн руб., а на одну семью в среднем за год — более 20 руб. Однако, «если присоединить в этому еще издержки на пиво, красное вино и проч., которые также сделались любимыми напитками крестьян и ремесленников и потребление которых требует при этом затраты средств более в 2–3 раза, чем простое вино, так как для того, чтобы добиться такой же степени опьянения, какая получается от приема водки, необходимо поглотить значительно большее количество напитков менее крепких, то получится приблизительно именно тот средний годовой расход семьи на спиртные напитки, который председатель Цивильской уездной земской управы, очень близко знакомый с крестьянским бытом, определяет суммою в 50 руб.

К такому же выводу следует придти и на основании целой серии сообщений из деревни на запрос губернского земства о влиянии прекращения торговли вином. В этих ответах определяются издержки на покупку крепких напитков одной семьи в зависимости от ее материальной состоятельности, в 7–10–20–75–100–150 и даже 360 руб.

Один корреспондент пишет, что расход крестьян на вино составляет 30% всего бюджета, другой, что бедняки обыкновенно пропивали весь свой заработок. В таком духе поступает масса сообщений из различных мест губернии.

Почти каждая семья крестьянина и рабочего считала как бы священной обязанностью запастись одной, двумя и более четвертями вина к годовым праздникам, к семейным торжествам, теперь же вместо этого приобретается крупчатка, чай, сахар, разные лакомства, предметы одеяния и проч. И за всем этим у населения остаются еще свободные средства, которые оно вносит в сберегательные кассы и другие кредитные учреждения.

Портфель сберегательных касс при казначействе губернии очень красочно рисует постепенное нарастание народного богатства².

Если вторая половина 1913 г., при вполне благоприятной экономической конъюнктуре, вследствие удовлетворительного урожая хлебов в губернии дала сбережений 1,7 млн руб., то вторая половина 1914 г. дала приток вкладов 2,2 млн руб., т. е. на

¹ Там же. С. 423–424.

² Там же. С. 424–425.

517 тыс. руб. или на 30% больше (в среднем за месяц до 370 тыс. руб. против 285 тыс. руб.), «несмотря на неудовлетворительный, а местами (почти в 1/3 части губернии) совсем плохой урожай хлебов, и массовый призыв людей рабочего возраста в ряды армии, который неминуемо должен был вызвать у населения усиленный расход». В итоге всех операций сберегательных касс губернии за указанные 9 месяцев 1913–1914 гг. налицо был отлив средств в сумме 195 тыс. руб., а за 1914–1915 гг., наоборот, — огромный их прилив в 943 тыс. руб¹.

Томская казенная палата предлагает судить о том, «как велики народные сбережения хотя бы только за минувший 1914 год», по тому, что недобор по казенной продаже питей составил в сравнении с 1913 г. почти 10 млн руб., вклады в сберегательные кассы увеличились на 1497,7 тыс. руб., а «вся остальная сумма находилась на руках у населения, коим и была употреблена на улучшение хозяйств путем обновления живого и мертвого инвентаря, возведением и ремонтом хозяйственных и жилых строений, и на приобретение ношебного (так в источнике — М. Д.) платья и обуви»².

Аналогичные сообщения поступили от Рязанской, Ярославской, Тульской, Тобольской, Калужской, Воронежской и целого ряда других казенных палат.

Председатель Арзамасской уездной земской управы пишет, что «с прекращением продажи вина за 10 месяцев войны у населения уезда осталось до 900 тыс. руб., тратившихся ранее на вино, что, во всяком случае, превышает размер возможного заработка всех лиц, ушедших в ряды войск, за целый год их отсутствия»³.

Параллельно росту вкладов в государственные сберегательные кассы местные органы разных губерний фиксируют серьезный рост взносов в учреждения мелкого кредита и уменьшение задолженности в кредитных товариществах.

Курская, Нижегородская, Пермская, Донская, Тамбовская, Московская казенные палаты отмечают, что кредитные товарищества стали меньше занимать у Госбанка и энергичнее погашать свои долги.

По сведениям Симбирской казенной палаты, «население, отказывавшее себе во многом необходимом и пропивавшее значительную долю своего заработка, теперь не только не отказывает себе в покупке предметов первой необходимости, но имеет еще возможности откладывать сбережения в сберегательные кассы и в кассы мелкого кредита».

«К благоприятному влиянию прекращения продажи крепких напитков и вина в экономическом отношении, — отмечает Херсонская казенная палата, — нужно отнести также **небывалое, ныне наблюдаемое явление** — досрочные погашения сельскими обществами ссуд по земской кассе мелкого кредита»⁴.

В учреждениях мелкого кредита Московской губернии сумма вкладов на 9 месяцев войны по увеличилась на 550178 р. 25 коп. или почти на 25%.

Ломбарды сообщают, что с момента прекращения продажи спиртных напитков количество выдаваемых ссуд начало сокращаться, а число погашаемых — расти. При этом Казанское отделение Петроградского столичного ломбарда отмечает, что средств стало больше преимущественно у крестьян и ремесленников, поскольку залоги крестьян совершенно исчезли, а ремесленников значительно уменьшились; «залог же

¹ Там же. С. 425.

² Там же. С. 426.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 430.

всех других классов населения приостановились в росте, но, с другой стороны, не идут и на убыль по причине сильного вздорожания предметов первой необходимости»¹.

Статистика Московского городского ломбарда также говорит о стабильной тенденции к уменьшению числа ссуд в эти месяцы, т. е. и о росте благосостояния населения за счет сокращения потребления спиртных напитков.

Таблица 52

Увеличение (+) и уменьшение (–) в 1914–1915 гг. выданных московским городским ломбардом ссуд в сравнении с 1913–1914 гг. в процентах

Месяц	Число залогов	Сумма	Месяц	Число залогов	Сумма
июль	5,5	7,5	декабрь	–32,2	–18,8
август	–15,6	–25,1	январь	–39,9	–29,8
сентябрь	–7,2	–12,1	февраль	–31,2	–20,5
октябрь	–6,4	–5,5	март	–39,5	–38,8
ноябрь	–27,4	–18,8			

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 431–432.

Итак, погубернские данные подтверждают тенденции, выявленные на основании общеимперских данных.

Казенные палаты и податные инспекторы «единогласно» считают, что «неумеренное употребление вина было причиной народной бедности и обнищания» и что «прекращение продажи вина уничтожило в народном быту этот главный корень бедности».

А. В. Островский рассматривает проблему расходов на спиртное узко — только как статью расходов, примерно такую же, как затраты на одежду и т. п. Однако не секрет, что потери, связанные с пьянством, отнюдь не ограничиваются суммой, прямо истраченной на спиртное. Потребление алкоголя неизбежно сопровождается тем, что можно назвать эффектом «спутной струи», и эти негативные последствия не всегда можно измерить количественно.

Д. Н. Воронов справедливо пишет: «Но, помимо прямых денежных затрат на покупку спиртного, крестьянское хозяйство испытывало громадный чисто материальный ущерб, приносимый пьянством в виде потери рабочего времени, понижения трудоспособности, порчи и утраты предметов хозяйства, невыгодных сделок по приобретению и продаже имущества, частных пожаров, возникающих нередко на почве пьянства, и проч. и проч. Запрещение питейной торговли должно положить конец и всем этим причинам расстройств хозяйственного быта»².

Один из податных инспекторов Петроградской губернии отмечает, что «во многих семьях, в коих прежде была страшная нищета, ныне началась безбедная жизнь, ибо хозяин весь свой заработок несет домой, а не пропивает. Во многих семьях раньше и хозяин, и его жена и его дети имели жалкий вид, ходили оборванцами, а дети сплошь и рядом посылались собирать хлеб по миру. Ныне в этих семьях и хлеб есть, и все члены семьи ходят обутые и одетые. Раньше в деревне было сильно развито нищенство. Ныне в деревне нищих не видно»³.

¹ Там же. С. 431.

² Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг., 1916. С. 14.

³ О влиянии войны... С. 403–404.

О радикальном и повсеместном — от Петрограда и Москвы до Благовещенска — сокращении нищенства и бродяжничества сообщает множество казенных палат и податных инспекторов, причем в ряде случаев фиксируется даже закрытие ночлежек — за ненадобностью.

«Теперь не видно около казенки и чайных... бывших постоянных обитателей соседних переулков», — пишет председатель Дмитровской казенной палаты, — «отсутствуют совершенно картины быта этого подзаборного люда, совершенно исчезли просители: «дайте копеечку — не хватает». Теперь ... совершенно без оглядок и, не затыкая уши можно проходить под вечер мимо казенки и чайных. Все это резко бросается в глаза постоянного наблюдателя провинциальной жизни»¹.

По отзыву Казанской казенной палаты, «нищенство и босячество, которыми изобиловали наиболее крупные города губернии, особенно в навигационное время, заметно исчезает. Нищенством занимаются теперь только люди преклонного возраста, калеки, лишенные возможности приобрести кусок хлеба личным трудом. В рядах нищих уже не встречаются дети-подростки и лица совершенно здоровые физически, как прежде, когда легко добывавшаяся копейка немедленно пропивалась»².

Из Владимирской губернии сообщали: «Нет пьяных отбросов и наглого попрошайничества, не видно босяков и зимогоров (лиц без определенного места жительства — М. Д.)»³.

Сохранение народных средств, ранее «в огромном количестве» тратившихся на алкоголь, заметно увеличило народное благосостояние. Так, из 1049 человек, почти исключительно крестьян, анкетированных Статистическим отделением Владимирской губернской земской управы, 1036 отметили, «благодаря трезвости» экономическое благосостояние населения выросло, и лишь 13 человек, т. е. чуть более 1% такого улучшения не заметили.

Казенные палаты солидарно фиксируют улучшение хозяйства и рациона питания, обновление сельскохозяйственного и домашнего инвентаря, одежды, обуви. Увеличилось потребление чая, сахара, дешевых лакомств, крупчатки, мяса, в особенности солонины, рыбы и яиц. Податные инспекторы различных губерний дружно говорят об улучшении построек, приобретении живого и мертвого инвентаря, о сокращении займов под работы и заклады, о сокращении нищенства и прекращении «всяких общественных «помочей» за выпивку»⁴.

Особо отмечается рост бытового комфорта и крестьян, и рабочих самых разных регионов.

Так, «с самого начала трезвости», — по отзыву Пермской казенной палаты, — «в народе наблюдается стремление обставить жизнь лучше, удобнее и даже комфортабельнее; это стремление проявляется в увеличившемся против прежнего сбыте предметов семейного обихода, в широком спросе даже для деревни более или менее дорогих товаров, готового платья, мануфактуры и галантерейных товаров, лакомств и проч. Сами торговцы объясняют запрещением продажи водки тот факт, что население покупает вздорожавшие товары». Курская казенная палата пишет, что «всюду» наблюдается «поднятие зажиточности, улучшение одежды и питания. Раньше крестьянин

¹ Там же. С. 404.

² Там же.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же. С. 406–408.

ради водки ташил в шинок последний пуд муки, а теперь каждая копейка идет на необходимые предметы его обихода. Сейчас обычная для деревни картина — встретить крестьян, покупающих сравнительно дорогие материи и газеты». По наблюдению Херсонской городской управы, «появился спрос среди рабочего населения на некоторые колониальные и мануфактурные товары, число безработных, ютившихся в ночлежных домах, уменьшилось на половину и наблюдается выкуп заложенных рабочими в ломбардах вещей»¹.

Податные инспекторы Петроградской губернии солидарно говорят о том, что «в народной жизни произошел резкий перелом: особенно стало заметным стремление к лучшей обстановке в обыденной жизни. При посещении квартир при обследовании вопроса о бедности, уже не наблюдалось в последнее время этой ужасающей обстановки, которая замечалась в прежние годы. Наоборот, заметна была опрятность, чистота, стремление к доступному комфорту в виде украшения столов и комодов бумажными цветами, стен картинами военных событий и портретами военачальников. Даже в самом употреблении пищи наблюдался достаток: то, что прежде считалось роскошью, теперь стало обыденным явлением, как, например, домашнее чаепитие с вареньем, с дешевой пастилой и т. п. сладостями.

По общему отзыву семейных людей, прекращение продажи вина дало им достаток настолько хороший, что они разделались с долгами, получили возможность лучше одеваться и быть сытыми, ибо все деньги, шедшие на вино, теперь идут на улучшение пищи, одежды и других потребностей. Это подтверждается, по наблюдению податных инспекторов, заметно усиленным спросом на мясо, на одежду и обувь, с одной стороны, и значительным сокращением залоговых операций в ломбардах, с другой стороны»².

По сообщению старшего фабричного инспектора Донской области «в жилищах рабочих появились предметы домашнего обихода, какие прежде можно было встретить исключительно у наиболее трезвых и обеспеченных рабочих, главным образом, у мастеров».

Об этом же свидетельствует целый ряд отзывов казенных палат (Калужской, Тамбовской, Черниговской, Псковской. Особенно заметно запрещение продажи вина отразилось на благосостоянии семей лиц, подверженных алкоголизму, которые «перестали протягивать руку, дежуря около винных лавок и попрошайничая на похмелье»³.

Смоленская казенная палата считает, что «только благодаря прекращению продажи спиртных напитков» население сохранило устойчивое «экономическое положение», несмотря на неизбежные трудности военного времени, и «вполне сознательно» воспринимает последние. «Типичный шахтер — пишет податной инспектор Черкасского округа Донской области — всегда был пьян, наг и дик. Получив недельный расчет в субботу, он вечер того дня, воскресенье и понедельник просиживал в кабаках и разного рода вертепах, на работу являлся во вторник и спускался в шахту после того, когда подрядчик подносил ему для опохмелья стакан водки. В настоящее время шахтер одет, обут, несет заработок в сберегательную кассу и трудится производительно с понедельника до воскресенья»⁴.

¹ Там же. С. 408.

² Там же. С. 408–409.

³ Там же. С. 409–410.

⁴ Там же. С. 411.

То, что современники именовали «отрезвлением населения», сопровождалось заметным повышением интереса крестьян к своему хозяйству и различным сельскохозяйственным улучшениям.

«До запрещения продажи вина, по сообщению одного из податных инспекторов Петроградской губернии, население на вино тратило почти все свои заработанные деньги. На свое житье-бытье, на свою семью и домоводство, на свое хозяйство под влиянием пьянства крестьянин не обращал почти никакого внимания. В доме семья сидит без хлеба, постройки валяются, на дворе нет ни лошади, ни коровы, а хозяин весь заработок пропивает — это было обычным явлением прежней жизни народа. С прекращением продажи вина картина резко изменилась к лучшему»¹.

В ряде губерний отмечается пополнение хозяйств живым и мертвым инвентарем. Крестьяне приобретают «очень много разных сельскохозяйственных предметов», сельскохозяйственных орудий и машин, удобрений, семян трав, улучшают постройки, с легкостью платят старые долги и «чаще навещают сберегательные кассы с целью взноса своих сбережений». Обороты множества сельскохозяйственных складов выросли, причем некоторые «склады не могли удовлетворить все предъявлявшиеся требования на машины», в то время как «в предыдущие годы эти же склады едва сбывали половину своих запасов»².

«Крестьяне перестали тащить из дома, а смотреть как бы приобрести что в хозяйство, отчего улучшалась торговля сельскохозяйственных земских складов в два раза», — сообщает Новгородская казенная палата. Повсеместно фиксируется рост числа сельскохозяйственных артелей и потребительских обществ и лавок, ссудо-сберегательных касс и кредитных товариществ и т. д.³

Итак, трудно сомневаться в благотворном влиянии «сухого закона» на благосостояние весьма значительной (по крайней мере!) части населения страны. Равным образом очевидна и несостоятельность попыток представить потребление алкоголя в мирное время не слишком значительным сегментом повседневной жизни жителей России.

Островский считает, что доля расходов на алкоголь в крестьянских бюджетах «была относительно невелика». Однако его расчеты опровергаются данными Д. Н. Воронова, анализирующего материалы анкет 1914–1915 гг., посвященных влиянию сухого закона на жизнь крестьян.

Воронов, в частности, пишет: «Насколько недостоверны бюджетные данные, можно видеть из анкеты Московского земства о влиянии запрещения питейной торговли, где приведены расчеты алкогольных расходов на крестьянский двор по бюджетам 8-ми уездов Харьковской, Смоленской, Вологодской и Московской губерний. Эти расходы исчислены крайне низко — от 5 до 19 р. Бюджеты по приходу-расходным книжкам, там, где они велись, дают чрезвычайно бедный и также не типичный материал».

Изъятие водки из обихода деревни имело, по мнению Д. Н., весьма «благодетельные» последствия, поскольку затраты на спиртное составляли «весьма заметную величину в бюджете крестьянина».

Но какова же была эта величина?

Об этом расходе автор судит, опираясь на московскую и харьковскую анкеты, которые старались учесть его размеры.

¹ Там же. С. 412–413.

² Там же. С. 413–416.

³ Там же. С. 416–417.

«В среднем по Московскому уезду получилась цифра годового расхода вообще на спиртные напитки по расчету на 1 двор, состоящий из 6,66 душ, 35,41 руб. — цифра весьма малая, особенно, если принять во внимание развитие фабрично-заводской и дачной жизни в Московском уезде, обилие промыслов, близость Москвы, а также и то, что корреспонденты принадлежали далеко не к трезвым группам населения (из них 9,3% пили регулярно и 19,1% часто — см. стр. 22 анкеты). Впрочем, в самой анкете допускается возможность преуменьшения расходов на алкоголь и отмечается, что корреспонденты не учитывали чрезвычайных затрат на водку, например, свадебных.

Что расчеты корреспондентов вовсе не отвечают действительным средним расходом на алкоголь московского деревенского населения, видно из данных монопольной статистики. Потребление водки в 1913 г. в сельских местностях Московской губернии составляло 1,01 ведра в 40% на душу, а на двор в 6,66 душ — 6,7 ведер на сумму, считая по казенной продажной цене, 56,28 руб.».

Однако в действительности расход, по мнению Воронова, был еще выше. Аргументы он приводит следующие.

Во-первых, «значительная часть водки» покупается населением не по казенной цене, а по более высокой у шинкарей в легальных питейных заведениях. Исходя из данных своей работы «Алкоголизм в городе и деревне», Воронов пишет, что в Пензенской губернии 50% вина покупалось у шинкарей по 10 руб. за ведро вместо 8,40 руб. казенной цены. Поскольку, судя по данным анкеты, шинкарский промысел в Московском уезде едва ли был развит менее сильно, чем в Пензенской губернии, и вряд ли ценовая ситуация серьезно различалась, то душевой расход на водку нужно увеличить, по крайней мере на 6 руб.

Во-вторых, анкета позволяет говорить о том, что жители Московского уезда потребляли, помимо водки, виноградные вина и пиво в количестве не менее 10% общего потребления по расчету на алкоголь. «Это дает около 30% алкоголя (приблизительно 20% в виде пива и 10% в виде виноградного вина) на сумму 15 руб. (примечание Воронова: «Если принять стоимость ведра пива крепостью в 4% в 1,60 руб., то один пивной градус будет стоить 40 коп.; при цене 1 бут. (1/16 ведра) виноградного вина в 10% 45 коп. стоимость винного градуса будет составлять 70 коп.»);

В-третьих, душевое потребление водки в 1,01 ведра, вычисленное на основании статистики казенной продажи питей на деле было выше, считает Воронов, опираясь на свою работу «Алкоголизм в городе и деревне»: «Дело в том, что эта статистика расчет сельского потребления производит посредством деления цифры проданного вина сельскими местами питейной торговли на число душ сельского населения, совершенно не принимая к учету то значительное количество вина, которое закупается деревенскими жителями в городах; это вино она относит на счет городского потребления и тем искусственно преувеличивает последнее

Таким образом, истинного представления о городском и деревенском потреблении монопольная статистика нам не дает.

Детально анализируя потребление вина в Пензенской губернии (главным образом, по Пензенскому уезду), я пришел к выводу, что для получения цифры действительного душевого потребления вина по Пензенскому уезду нужно расчет, составленный по системе, принятой в монопольной статистике, увеличить не менее, как на 20%, уменьшив соответственным образом расчет потребления по городу Пензе.

Если принять все эти поправки, то средний расход на алкоголь по Московскому уезду должен равняться чуть ли не до 90 руб. на двор. Конечно, все выкладки для московского уезда весьма приблизительны, и мы останавливаемся на них только для того, чтобы показать, насколько неточны или, во всяком случае, не типичны исчисления издержек на алкоголь московских корреспондентов».

Автор считает, что харьковская анкета, видимо, точнее подходит к правильному определению крестьянских алкогольных расходов и в подтверждение своей мысли приводит таблицу расходов на алкоголь для наиболее многочисленных групп хозяйств по посевной площади (таблица 53).

Таблица 53

**Расходы на алкоголь на 1 хозяйство в зависимости от посева
в Харьковской губернии**

посевная площадь	0,1–5,0 дес.	5,1–10 дес.
число показаний	269	202
кол-во душ на хозяйство	7,7	8,9
алкогольный расход:		
на хозяйство	69,7 р.	71,8 р.
на душу	9,05р.	9,07р.

Монопольная статистика определяет душевое потребление водки для сельских местностей Харьковской губернии в 0,68 вед. (1913 г.) на сумму по казенной цене 5,71 руб. Если принять в расчет вышеуказанные поправки и сравнительно большую распространенность потребления виноградных вин в Харьковской губернии, то средний алкогольный расход в ней действительно не должен быть меньше 8–9 руб. на душу, а на хозяйство — 70 руб., что составляет, по исчислениям Харьковской анкеты, 16,5–21,1% всей валовой прибыли хозяйства.

Устранение столь значительной расходной статьи, конечно, должно иметь ощутительные экономические последствия для крестьянского населения»¹.

Таким образом, А. В. Островский определенно недооценивает душевое и семейное потребление алкоголя. При этом особого внимания заслуживает мнение Воронова о его (Островского) «идейных предшественниках» — статистиках, работавших с московской анкетой: «Далеко нельзя сказать также, чтобы статистики, разрабатывавшие анкетные материалы, не были склонны критически относиться к восторженному описанию деревенскими корреспондентами плодов трезвости. В иных случаях они проявляли даже излишнюю недоверчивость к сообщениям корреспондентов и стремление ослабить их выводы.

Так, московские статистики почему-то игнорировали категорическое свидетельство 46% сообщений об *улучшении* крестьянского хозяйства вследствие запрещения питейной торговли и построили, якобы на основании анкеты, свой совершенно неожиданный вывод, что крестьянские «хозяйства, несмотря на дороговизну, войну и неурожай 1914 г., *не пошатнулись*»; причем запрещению питейной торговли отвели лишь одно из мест среди факторов, сохранивших равновесие хозяйств, указывая еще на помощь семьям призванных на войну, земские ссуды на обсеменение полей, помощь кооперативов и выдачу населению казенной работы.

¹ Воронов Д. Н. Жизнь деревни... С. 11–14.

Откуда следует такое заключение — непонятно; корреспондентским же сообщениям они не придали должного значения, мотивируя это тем, что «анкетой почти не были захвачены наиболее несостоятельные слои деревни (?), с другой стороны, отвечавшие **в громадном большинстве случаев готовы были переоценить значение прекращения продажи питей**».

Надо заметить, что корреспонденты давали сведения, между прочим, о собственных хозяйствах. Трудно допустить, чтобы они не могли уяснить себе влияние запрета на их личное хозяйство. В чем же гг. статистики видят «переоценивание» значения запрета? Этого, к сожалению, не указано¹.

На замечании московских статистиков о том, что «отвечавшие (крестьяне) в громадном большинстве случаев готовы были переоценить значение прекращения продажи питей», следует остановиться особо. Это — обычная уловка представителей земского «третьего элемента», к которой они прибегали, встречаясь с мнениями самих крестьян, отличными от их собственных. В таких случаях земские статистики, не стесняясь, объявляли крестьян неспособными оценить элементарные вещи, связанные с их личным хозяйством, и навязывали читателям свое мнение.

Так, нечто похожее на «переоценку» крестьянами значения сухого закона имело место, когда статистики на вопрос, что препятствует удобрению земли, нередко слышали от крестьян в ответ, что одна из причин — «переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением». Однако, по мнению опрашиваемых, это «указание следует принимать с большою осторожностью», поскольку «потребность в удобрении не сделалась настоятельной, и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции»². При этом статистики сами приводили факты, когда крестьяне из-за «начавшихся переделов или в виду поднявшихся толков о переделе» прекращали удобрять землю (уже, видимо, оценив пользу этой хозяйственной операции).

Д. Н. Воронов касается еще одного принципиального момента, связанного с народнической традицией описания и восприятия деревни: «Что же касается того соображения (статистиков — М. Д.), что ответы наиболее состоятельных слоев населения способны усилить значение запрета, то его совершенно нельзя считать правильным. Оно опирается на другое, также ошибочное, общее положение, которое проводится в Московской анкете... именно — что перераспределение народных доходов на почве сбережений от водки имеет тенденцию происходить в сторону более мощных слоев деревни.

Нет, отрезвление действует как раз в обратном направлении; оно поднимает и ставит на ноги главным образом, низы населения: горьких пьяниц, забросивших свое хозяйство, шатунов, нищих бездомных, деревенских мастеровых и ремесленников, безлошадных хозяев, потому что в их бюджете водка играла куда более видную роль, чем в сильных хозяйствах. Поэтому, если бы в московской анкете были полнее представлены менее состоятельные слои населения, то ответов об улучшении хозяйств получилось бы не 46%, а значительно больше.

Сами гг. московские статистики правильно замечают ... что обрядовое пьянство, на которое шло большое количество вина, выпиваемого в деревнях (примечание Воронова — «По моим исследованиям в Пензенской губернии, — свыше 40% всего потребления...»), хотя и находилось в зависимости от достатка двора, но эта зависи-

¹ Там же. С. 31–32. Курсив в цитатах принадлежит их авторам — М. Д.

² Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины. СПб., 1903. С. 90–91.

мость была поставлена в определенные рамки обычаем, требовавшим, чтобы *расход не опускался ниже определенного минимума*.

Вот этот-то минимум, особенно при справлении свадеб, крестин, похорон, храмовых праздников и проч., оказывался куда чувствительнее для бедняка, чем для богато-го. Поэтому избавление от водки первый будет приветствовать и чувствовать на своем хозяйстве гораздо сильнее, чем последний.

Совершенно справедливо замечает один из московских корреспондентов, что при трезвости «крестьяне, которые были бедные через водку, будут жить хорошо, *но жилищным будет хуже: 1) работать задешево не пойдут; 2) землю не будут продавать, а (если) продадут, то по дорогой цене*»¹.

Особого внимания заслуживают приводимые Вороновым мнения Костромской анкеты: «Благодаря отрезвлению, последствий войны почти незаметно, неурожай уравнивается трезвым поведением прекрасно». «Хозяйство не хуже прежних пьяных лет, несмотря на то, что хлеба и травы погибли. Несмотря на **голод** (?! — М. Д.), трезвые исправляют свои хибарки всячески и не бедствуют». Итак, неурожай 1914 г., как и любой другой в конце XIX — начале XX вв., здесь привычно именуется «голодом».

Трезвость не только помогла сохранить хозяйство костромских крестьян от упадка, но и повысила достаток: «С пьянством у крестьян хватало своего хлеба до масленицы, а теперь хватает до нови» (это — при неурожае)² — одна эта откровенная фраза лучше долгих рассуждений показывает, **что** стоит за расхожим аргументом «пессимистов» о перманентной нехватке у крестьян собственного хлеба из-за «вынужденных продаж» и необходимости потом покупать хлеб по более высокой цене. «Важно не то, что человек говорит, а как он проговаривается», — любил повторять В. Б. Шкловский.

Даже приведенные выше сведения, которые отнюдь не исчерпывают информационный потенциал имеющихся в нашем распоряжении источников, демонстрируют, полагаю, насколько неубедительно выглядят попытки «обелить», «защитить» население страны, прежде всего, крестьянство от «обвинений» в значительном потреблении алкоголя; у моего оппонента и здесь доминируют партийные пристрастия.

У меня же другой подход к этим (и не только) сюжетам.

Жители России, чью жизнь я изучаю много лет, это — в том числе — прямые предки меня самого, моих близких, моих друзей и знакомых. И меня в первую очередь интересует, **как** они жили. Я далек от намерения их обвинять, или выдавать им «индульгенции». Я хочу **понять**, насколько это возможно, их жизнь такой, какой она была. При этом я пытаюсь объяснять эту жизнь с учетом, с одной стороны, представлений того времени, а, с другой стороны, той трагической перспективы, которая ожидала наших предков после 1916 г.

Источники недвусмысленно показывают, насколько мощным и глубоким было воздействие алкоголя на повседневную жизнь жителей страны, как велика была его роль в этой жизни. Недооценивать этот сегмент российской жизни нельзя, потому что иначе мы просто не поймем то время.

И здесь совершенно неважно (по крайней мере, для меня), какое место занимала Россия по потреблению алкоголя. Надо сказать, что эта застарелая и притом сомнительная идея — по **любому** поводу (и без повода) устраивать из истории вечное «спор-

¹ Воронов Д. Н. Жизнь деревни... С. 32–33.

² Там же. С. 15.

тивное» соревнование — порядком надоела. Российские проблемы — и прошлые, и нынешние — проще от этого не станут и легче решаться не будут.

Вообще мне не кажется продуктивной ситуация, когда историк ставит себя, условно говоря, в положение новобранца, пойманного старшиной «за распитием спиртного в казарме», — он не должен «оправдываться» за информацию источников, а должен попытаться ее объяснить.

Правильнее, полагаю, вспомнить С. Ю. Витте, который писал, что наш народ «так же трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой», и ставил эти явления в прямую связь с правовой неполноценностью народа, запертого в общине, и невозможностью поэтому располагать собственной жизнью. По мнению Витте, обретение полноты гражданских прав и свободы распоряжения своим трудом ослабит действие факторов, благоприятствующих этим негативным явлениям¹, что и подтвердила аграрная реформа Столыпина. Источники определенно говорят, о сокращении пьянства среди хуторян².

В большинстве приведенных — чуть ли не восторженных — свидетельств об «отрезвлении народа», на наш взгляд, нет намерения выдать желаемое за действительное. В них, скорее, есть ощущение эмоционального подъема, вызванного зримыми переменами в поведении простого народа, в них заметно понятное стремление многих неравнодушных людей поверить в то, что «все может быть хорошо», что люди могут меняться к лучшему и притом быстро. Однако подобное настроение чревато определенным упрощением очень сложной психологической ситуации, которую переживали жители страны в первые месяцы Великой войны.

Разумеется, введение сухого закона не означало, что население совершенно перестало потреблять спиртное — вскоре, как и всегда в подобных случаях, в России остро встанет проблема суррогатов алкоголя и т. д. Понятно также, что люди не меняются мгновенно ни по Высочайшему указу, ни по Декрету Совнаркома.

Вместе с тем сейчас мне важно подчеркнуть следующее.

У каждого народа в каждый данный момент его истории есть определенная степень готовности к переменам, которые, как известно, могут вести его, условно говоря, вверх, а могут вести его вниз. К тем переменам, которые ведут вниз, народ специально готовить не надо, он, увы, всегда (почти) готов к ним. Пример — пропаганда «черного передела», которая намеренно эксплуатировала худшие свойства человеческой натуры, что неудивительно, поскольку социализм — учение, которое успешно легитимизирует зависть.

Однако введенный в июле 1914 г. сухой закон был нацелен на выявление лучшего в людях, и оказалось, что сто лет назад в нашем народе в этом смысле еще было, что выявлять. Что надежды на это были не напрасны. Ровно 100 лет назад жители России

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 47.

² Например, К. А. Кофод пишет: «Влияние разверстания и особенно расселения на пьянство — особое дело. Русский крестьянин — человек общительный. Только если это пьяница, ему может прийти в голову пить одному, но процент крестьян-пьяниц совсем небольшой. Другое дело, если крестьяне собираются в группу... Но так как теперь, расселившиеся крестьяне не каждый день встречались с односельчанами, как это бывает у живущих в деревне, и... не ходили на сходы, то среди русского сельского населения пьянство прекращалось вместе с переселением». Однако когда Кофод приехал в районы с латышским сельским населением, он с удивлением узнал, что хуторяне, «конечно... пьют больше». На наивный вопрос-утверждение Кофода: «Но они же не могут сидеть в одиночку и пить» последовал емкий ответ: «Почему же? Так ведь они не рискуют поднести кому-то, кто не может потом поднести им». Кофод резюмирует: «Русскому крестьянину нужно общество, чтобы пить... Латыш же берет водку домой и пьет ее там один или с женой». (Кофод К. А. 50 лет в России... С. 172).

поняли (в отличие от эпохи перестройки) государственную важность, оправданность этой меры и в большинстве своем не считали ее несправедливой.

И есть серьезные основания считать, что громадный социально-психологический и социально-экономический эксперимент, начатый правительством, по крайней мере, в начале протекал достаточно успешно.

Это доказывает — среди прочего — определенную степень открытости населения, его готовности к изменению базовых характеристик повседневности, к коррекции столь важного ее фактора, как потребление алкоголя.

Полагаю, это вписывается в общий тренд начавшегося со Столыпинской аграрной реформой изменения психологии значительной части населения; в частности, я имею в виду перемены в отношении к крестьян земле, в их трудовой этике, шире — другой взгляд на свою жизнь вообще.

Я далек от уподобления этих процессов чему-то механическому.

Но то, что 100 лет назад народ был способен меняться, так сказать, «взрослеть» — для меня очевидно.

* * *

Итак, мы видим, что ключевые догматы негативистской историографии — о «голодном экспорте» хлеба как причине недоедания крестьянства, о населении Империи, которое брошено правительством на произвол судьбы в неурожайные годы, о прямой зависимости крестьянского благосостояния от величины наделов, о накоплении недоимок как доказательстве «непосильности» податей при малоземелье, о безотрадной жизни крестьянства, целиком поглощенного борьбой за выживание, — несостоятельны.

Они не выдерживают проверки источниками, как нарративными, так и статистическими.

Картина жизни отечественного крестьянства, которую рисуют источники, значительно отличается от той, которую создают учебники. Эта жизнь, во-первых, намного сложнее, а во-вторых, совсем не такая безнадежно пессимистическая. При этом традиционная трактовка роли государства в решении продовольственных проблем населения, в податной сфере не выдерживает критики. Правительство невозможно упрекнуть в равнодушии к жизни народа. Более того, оно пытается в меру своего разума — не всегда, увы, достаточного — облегчить эту жизнь.

Власть уменьшает выкупные платежи, а затем рассрочивает их, она снимает с крестьян подушную подать, она бесплатно кормит миллионы своих подданных, прощая сотни миллионов рублей недоимок и т. д.

Вместе с тем трудно сомневаться в том, что общие подходы к аграрной сфере после 1861 г. и правительства, и общества, солидарного с ним в куда большей степени, чем считается обычно, были неверны.

Обратимся теперь к проблемам промышленной модернизации Империи.

5. ЛЕГКО ЛИ МОДЕРНИЗИРОВАТЬ РОССИЮ?¹

После 1861 г. Россия вступила на путь модернизации².

Напомню, что сам термин «модернизация» появился в XVIII в., а изучать ее начали в XX веке.

Классическая теория модернизации была сформулирована в 1950-1960-х годах; однако основные идеи модернизации восходят к XVIII веку и даже к более раннему периоду.

Классической модернизацией называется процесс фундаментального перехода от аграрного традиционного общества к современному индустриальному, с момента промышленной революции XVIII века. Этот процесс протекает как в передовых, так и в более отсталых странах, также стремящихся достичь более высокого уровня развития. Я — сторонник данного подхода.

Модернизация отнюдь не сводится, как иногда считается, к созданию крупной тяжелой промышленности. Основными характеристиками модернизированного общества являются правовое государство, гражданское общество, соответствующая уровню эпохи экономика (развитая индустрия, интенсифицированное сельское хозяйство), и формирование рационального автономного индивида.

Модернизационные процессы происходят, таким образом, в нескольких взаимосвязанных сферах — политической, социальной, экономической, культурной и психологической; перемены в каждой из них, разумеется, совершаются не одновременно.

В общем виде принято выделять первичные («органичные», эндогенные) и вторичные («неорганичные», «догоняющие», экзогенные) модернизации. Первые происходили в большинстве стран Западной Европы и США, где модернизационные процессы при всей их сложности шли естественно, были закономерным («логическим») следствием предшествующей истории и жизни.

Экзогенные модернизации в XIX в. происходили в странах с деспотическим режимом — России и Японии (затем в Турции). Эпитет «неорганичная» подчеркивает тот факт, что история этих стран не предполагала модернизацию как естественный вывод из прошлого, как новую фазу предыдущего развития. Эпитет «догоняющая» акцентирует факт их отставания от передовых государств Запада по целому ряду важных показателей прежде всего социально-экономического характера.

В этих «догоняющих» странах модернизация начиналась в иных, чем на Западе, исходных условиях в силу принципиально иного характера предшествовавшей истории (цивилизационные различия в данном случае вторичны).

---

¹ Этот раздел никоим образом не претендует на сколько-нибудь полное описание всего сложнейшего комплекса проблем модернизации России после 1861 г. Она лишь напоминает о сюжетах, которые остаются на периферии нашего внимания и не позволяют понять очень важные черты эпохи.

² Сейчас термин «модернизация» используется в различных смыслах: «для обозначения широкого перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, которые осуществляются современных современных обществ; для объяснения усилий, предпринимаемых странами «третьего мира» с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами». (*Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 8.*)

В Европе ключевые предпосылки модернизации, прежде всего в сфере экономики, создавались веками; ремесленное и мануфактурное производства находились к началу XIX в. на самом высоком уровне. На Западе «к услугам» начавшейся индустриализации были сотни тысяч вполне квалифицированных ремесленников и опытных рабочих, поскольку мануфактуры, основанные на свободном найме, существовали с XVI–XVII вв. При переходе к фабричному производству этим людям нужно было лишь переучиться, повысить квалификацию. А это совсем не то же самое, что делать фабрично-заводского рабочего из вчерашнего крестьянина.

Практическая ликвидация феодализма и сословных перегородок, создание общегражданского строя, основанного на строгом равенстве граждан в юридическом отношении, создала благоприятные условия для раскрытия личностного потенциала населения, для его *самодетельности* в избранных сферах жизни — от бизнеса и изобретательства до науки и культуры. Все это (и многое другое) в совокупности позволило ведущим странам Запада достаточно быстро перейти от аграрного общества к индустриальному. Европейцы, довольно давно живущие в правовом государстве, имеющие ту или иную степень развития гражданского общества, уже поэтому в большой мере были готовы усвоить ценности общества модерна (или, по существу, капиталистической системы).

Другими словами, в Западной Европе модернизация проводилась в социальных, юридических, культурных условиях, относительно благоприятных для реализации потенциала отдельной личности. Уровень достижений науки и техники, а значит, и экономическое развитие оказались неразрывно связаны с гражданскими правами и свободами населения.

Это подтверждается историей главных технических открытий, приведших к перевороту в жизни человечества.

Как известно, в XVIII в. английская текстильная мануфактура, отвечая запросам рынка, превратилась в фабрику. В 1733 г. появился летучий станок Кея, резко ускоривший процесс ткачества, в 1765 г. плотник Дж. Харгривс изобрел знаменитую прялку «Дженни» (так звали его дочь), в 1769 г. цирюльник Аркрайт — прядильную машину с водяным двигателем. И хотя, как выяснилось, он присвоил чужое изобретение, в историю он вошел как учредитель первой в мире *фабрики* с механическим (водяным) двигателем. Отныне фабрики строились в 3–4 этажа, и на них работали сотни рабочих. А в 1779 г. сын ткача рабочий С. Кромптон изобрел так называемую мюль (мул) — машину, т. е. универсальную прядильную машину, соединив прялку «Дженни» с ватер-машиной Аркрайта.

Вслед за прядильными фабриками возникли ткацкие; в 1785 появился ткацкий станок пастора Э. Картрайта и др. Большинство изобретений сразу внедрялось в промышленность, что резко повысило производительность труда. Создание машин способствовало появлению фабрик, использовавших водную энергию. К концу 1780-х гг. их насчитывалось 143, причем на некоторых трудилось до 700–800 рабочих

В 1784 Дж. Уатт получил патент на универсальный паровой двигатель. Пар стал применяться во многих отраслях промышленности, а затем и на транспорте. Это позволило в еще больших масштабах увеличить производство. Возникновение фабрик стало важнейшим звеном индустриализации.

Эти великие технические открытия, немедленно внедряемые в производство, могли быть сделаны только в такой атмосфере, в таком «пространстве жизни», которое не

просто позволяет раскрыться личностному потенциалу граждан, но как бы нацелено на это.

А много ли удалось воплотить в жизнь И. П. Кулибину, И. И. Ползунову, Е. А. и М. Е. Черепановым и другим изобретателям, которые наверняка были в России и о которых мы даже и представления не имеем, потому что их таланты не были востребованы?

Модернизация в России началась после 1855 г. с воцарением Александра II.

Главная проблема заключалась в том, что Россия прожила совершенно другую Историю, чем Европа, она веками жила в другом общественно-политическом строе, в другой системе исторических координат, в другой государственной «геометрии», предопределявшей ее **практическую неготовность** к модернизации, к той новой жизни, которая одна только и могла вновь сделать Россию великой державой.

Века вотчинно-крепостнической истории России наложили и на нее саму, и на 60 миллионов ее жителей (вне зависимости от их социального и имущественного положения) вполне определенный психологический отпечаток.

Сама атмосфера этого государства никак не способствовала формированию у его жителей той энергии, той предприимчивости, той созидательной инициативы, без которых западноевропейский мир не мог бы развиваться столь динамично. Эта атмосфера прямо противоречила понятию «бизнес», каким оно сформировалось на Западе уже задолго до XVIII в.

Архаичный юридический базис торгово-промышленной деятельности, отсутствие справедливого суда, обилие бюрократических препон — все это не способствует формированию и развитию слоя инициативных менеджеров, которые были бы на уровне вызовов времени. Исключения, отдельные выдающиеся фигуры не многое меняют в общей картине — Россия была слишком велика. Не из героев «темного царства» А. Н. Островского выросли лучшие из лидеров бизнеса второй половины XIX в., а из их внуков, если они не гнушались дела предков. При этом столетия крепостничества — государственного и частного — менее всего способствовали воспитанию у большей части населения усердия и прилежания в труде. Об этих весьма банальных, но тем не менее чрезвычайно важных вещах мы как-то забываем.

Личностный фактор в ходе проведения любых масштабных преобразований ничуть не менее значим, нежели «объективные» факторы.

Многое из того, что хоть как-то работало — в прямом и в переносном смысле — в крепостнической России, было бесполезно для Новой России, начавшей переход к общегражданскому строю.

Практически все сферы экономики страны — транспорт, сельское хозяйство (при том, что Россия была аграрной страной), промышленность, кредитную систему, а также законодательство — в середине XIX в. характеризовали эпитеты «архаичная» либо «недостаточно развитая».

К этому нужно добавить практическое отсутствие свободных капиталов, современного менеджмента, свободного рынка труда, квалифицированной рабочей силы в сколько-нибудь значительном количестве, а также архаичный уровень предпринимательского интеллекта нарождающейся буржуазии, иную, чем в Западной Европе, трудовую этику, плохо сочетающуюся с обществом модерна, иное отношение к труду вообще, поскольку, повторяюсь, два века крепостничества — не лучшая школа трудового энтузиазма.

Значительная часть населения — вне зависимости от социального положения — была психологически инертна, что неудивительно, поскольку история приучила его к тому, что Власть все решает сама за своих подданных.

Среди серьезных объективных препятствий на пути экономической модернизации страны особо следует выделить сохранение после 19 февраля 1861 г. сословно-тяглого строя, основанного на уравнильно-передельной общине. Именно община, а вовсе не помещичье землевладение, быстро начавшее сдавать позиции после 1861 г., препятствовала формированию рынка свободной рабочей силы, повышению благосостояния крестьянства, а значит, сужала объем внутреннего рынка, тормозя тем самым развитие промышленности, серьезно замедляла капиталистическую эволюцию сельского хозяйства, а также усиливала правовое бесправие крестьян.

Все эти проблемы могли разрешиться и разрешались лишь *постепенно*, причем при активном содействии государства. Такова специфика «догоняющей» модернизации.

В России ее движущей силой было самодержавие, которое раньше и глубже своих подданных осознало необходимость перемен и поставило на службу делу модернизации традиционные правящие элиты. Данное обстоятельство нередко трактуется как некий изъян, «порок» отечественной модернизации, что едва ли справедливо. Ведущая роль государства в инициации модерна была закономерной, поскольку прямо вытекала из всей исторически сложившейся в России системы отношений между властью и «обществом».

Государство сохраняло ведущие позиции в развертывании модернизации вплоть до 1905 г., когда оно вынуждено было ввести конституцию и отчасти разделить власть с парламентом и гражданским обществом. Однако и после этого именно правительство начало масштабное реформирование страны, центральным компонентом которого стала Столыпинская аграрная реформа.

Масштабы и значимость экономической модернизации России после 1861 г. в отечественной истории определенно недооцениваются.

Серьезные преобразования, как правило, состоят из теоретической и практической части, и нередко разработка первой существенно сложнее, чем ее практическое воплощение. При проведении реформы образования куда легче, скажем, построить новые здания для учебных заведений, чем понять, как наиболее эффективно организовать учебный процесс, сохраняя преемственность от низшей школы к высшей, находясь при этом на уровне мировых стандартов. При введении, например, золотого обращения важнее всего, чтобы группа высоких профессионалов, готовящих реформу, правильно рассчитала возможные ее последствия, как позитивные, так и негативные, а не находилась в плену предвзятых идей. Отчеканить золотые монеты намного проще.

Экзогенная модернизация вообще, и ее экономический аспект в частности, в первую очередь индустриализация — задача глобальная и неизмеримо сложная. И здесь наличие теоретической части — далеко не всегда главное условие ее успешности. Можно разработать сколь угодно мудрую программу экономических преобразований, но она останется на бумаге, если отсутствуют условия для ее реализации или эти условия недостаточны.

Поэтому, когда об экономической модернизации пореформенной России, и прежде всего об индустриализации, пишут в том же ключе, что и о росте числа училищ, гимназий, университетов, газет и журналов — то есть так, как будто в стране существует

некий исходный уровень какого-то явления, постепенное повышение которого не требует от правительства и населения каких-то *сверхусилий*, это глубоко неверно.

В определенном смысле в 1856 г. страна оказалась в ситуации, схожей с посленарвской. Однако петровские приемы 1700-х гг. тут не годились — изменилось время, изменился мир. Чтобы победить в Северной войне, Петр I весьма жесткими методами, с огромным напряжением сил страны, создал основанную на принудительном труде приписных крестьян металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, прежде всего на Урале. Ему серьезно помогло то, что технологический уровень самого производства в то время был относительно низок. Посессионная промышленность достаточно долго работала успешно (с внешней стороны) — уже к середине XVIII в. Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна и сохраняла его до конца столетия.

Импульса, данного Петром I, России хватило для сохранения статуса европейской державы в течение всего XVIII в. и для вступления русской армии в Париж в 1814 г.; даже и в 1812 г. суммарная выплавка чугуна в подвластной Наполеону Европе уступала российской; притом же военная техника с начала XVIII в. не изменилась *радикально*. А вот ко времени обороны Севастополя отставание от Англии и Франции, в которых уже произошла индустриализация, стало огромным.

Крымская война, в числе прочего, отчетливо продемонстрировала масштабы несоответствия крепостной промышленности реалиям и требованиям времени, показала, что на крепостной мануфактуре невозможно построить ни паровоза, ни парохода, ни даже современной винтовки. Слишком долго военная мощь России скрывала внутренние изъяны ее развития. Полтора века Россия сохраняла статус великой державы, имея экономическую базу, способную конкурировать с европейской до определенного технологического предела. Как только Запад поднялся на новый уровень, конкуренция с ним стала невозможна.

Потенциал петровской «индустриализации», основанной прежде всего на принудительном труде, был исчерпан. Она более или менее удовлетворяла потребности государства в чугунных пушках, гладкоствольных ружьях, деревянном парусном флоте и суконных мундирах. Однако в 1853-1856 гг. выяснилось, что структура потребностей государства должна измениться, иначе оборона Севастополя окажется эпиграфом к истории о крушении самой большой Империи в мире.

Выяснилось, что государству теперь нужны новые пушки, новые снаряды и патроны, качественный порох, нарезные винтовки и современный флот. А кроме того, необходимы десятки тысяч верст рельсовых путей, поскольку Россия выглядела целостно скорее на географической карте, нежели в действительности. Для этого было необходимо сделать ее страной, в которой все это будет производиться.

Так на повестку дня встала модернизация — и индустриализация как ее составная часть и необходимое условие.

Как известно, промышленность принято делить на легкую (отрасли так называемой группы Б, производящие предметы и продукты потребления) и тяжелую (отрасли группы А, производящие средства производства). Капиталистическая индустриализация всегда начиналась с легкой промышленности, и лишь затем подъем отраслей группы Б давал предпосылки для ускоренного развития группы А. Вековая доминанта легкой промышленности, основными отраслями которой являются текстильная и пищевкусовая, вполне понятна — они обслуживают потребности массового рынка, повседневные нужды миллионов людей.

Потребности человечества в металле и металлических изделиях глобально и быстро возрастают с появлением парового транспорта, произведшего революцию в жизни человечества. Практически одновременно со сложнейшим железнодорожным хозяйством и пароходами радикально меняется характер портового хозяйства (новые порты, причалы, краны, доки), а затем появляются современные водопровод, канализация, трамваи и др. И тогда начинается становление индустриальной тяжелой промышленности, которое сопровождается современной химией, электроиндустрией и т. д.

На Западе индустриализация началась в Англии и шла на фоне промышленного переворота. Выше говорилось о бурном подъеме английской текстильной промышленности, которая и в конце XVIII — начале XIX вв. развивалась быстрее других отраслей. Производство хлопчатобумажных тканей с 40 млн ярдов в 1785 г. выросло до 540 млн ярдов в 1814 г. Уже в 1806 г. в отрасли было занято 800 тыс. чел. — больше, чем во всех остальных отраслях промышленности вместе взятых.

В 1830-1840-х гг. индустриализация в Англии вступила в решающую стадию — в важнейших отраслях промышленности победила фабрика. Лидировала по-прежнему текстильная, прежде всего хлопчатобумажная промышленность. За 1834-1850 гг. мощность паровых двигателей в текстильной промышленности возросла в 3,5 раза. Однако параллельно с этими процессами уже шел беспрецедентный рост отраслей группы А, в огромной степени обеспеченный ростом группы Б.

Основным при проведении индустриализации является вопрос об источниках накопления, т. е. вопрос о том, за счет каких средств будет происходить строительство новых предприятий. Долго считалось, что для стран классического развития капитализма этими источниками были эксплуатация колоний, экспроприация непосредственных производителей, усиление эксплуатации рабочих. Сейчас, однако, исследователям стало ясно, что куда более важную роль играли такие источники накопления, как внешние и внутренние займы, военные займы, контрибуции.

В дореволюционной России индустриализация протекала по классической схеме. Отрасли группы Б доминировали вплоть до Первой мировой войны, хотя характер этого лидерства к 1914 г. значительно изменился.

Большой экономической проблемой России было отсутствие свободных денег. Поэтому и строительство железных дорог, и бурная «индустриализация Витте» были сильнейшим образом связаны с иностранным капиталом. И здесь Россия также шла в русле общемировых тенденций — он сыграл очень важную, а иногда и решающую роль в индустриализации не только США, но и Англии. Однако со временем стала расти величина и значимость для индустриализации внутренних накоплений.

В середине и второй половине XIX в. Россия могла рассчитывать на помощь западноевропейских стран капиталами и специалистами, могла использовать научно-технические достижения Запада и его опыт в сфере организации капиталистического производства и достаточно успешно воспользовалась этим.

«Достаточно успешно» в данном случае означает, что ее успехи на этом пути могли бы впечатлять еще больше, если бы свободному развитию предпринимательства в России не ставились бы препоны вплоть до Первой мировой войны.

Историк Л. Е. Шепелев справедливо считает, что «капитализм как буржуазный общественный строй (т. е. в современном нам широком понимании этого слова) не мог быть непосредственной целью политики царского правительства по классовым соображениям и не был такой целью в действительности.

Капиталистическая система хозяйства (но не система капиталистического хозяйства) — вот то единственное, что принималось правительственной политикой в качестве полезного элемента — средства достижения развития крупной промышленности в стране»¹.

Ведь создание системы капиталистического хозяйства подразумевало ликвидацию сословно-тяглого строя, в том числе уравнильно-передельной общины, введение частной собственности крестьян на землю, юридическое уравнение всех граждан вне зависимости от сословной и вероисповедной принадлежности и т. д. Российское общество и правительство не были готовы к столь радикальным переменам в окружающей действительности.

Промышленная модернизация проводилась государством прежде всего ради возвращения России статуса великой державы.

Власть стремилась к развитию экономики, к развитию промышленности, в первую очередь крупной, и неизбежно развивавшийся при этом капитализм «был вынужденным средством достижения этой цели и платой за это»². При этом подразумевалось, что политика правительства должно препятствовать проявлению таких негативных черт капитализма, как кризисы, конфликты между трудом и капиталом, спекуляции и т. д.

Этим во многом вызваны те многочисленные юридические препоны развитию свободного предпринимательства, которые не давали российской экономике полноценно использовать потенциал начавшихся Великих реформ и борьбе с которыми российские министры финансов от М. Х. Рейтерна до С. Ю. Витте посвящали большую часть своей деятельности. Эти препятствия, конечно, имели вековую традицию в истории вотчинно-крепостнического государства, вся политика которого во многом строилась на принципиальном недоверии к подданным, кстати, во многом обоснованном. Но правительство не учитывало масштаба происходивших после 1861 г. перемен и недостаточно ясно воспринимало громадные проблемы, стоявшие перед ним, в контексте времени, в контексте мировой политики, в первую очередь — начавшегося соревнования наций.

Любому мало-мальски компетентному человеку в пореформенное время было понятно, что «Россия во многих отношениях представляет крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности. Огромные и далеко еще не исчерпанные и даже почти не обследованные минеральные богатства, эксплуатация которых на юге России началась только на наших глазах; колоссальная территория, слабо заселенная и представляющая достаточный простор для внутренней колонизации; многочисленное население, быстро переходящее от натуральному к денежному хозяйству и замкнутое таможенной системой в самодовлеющий рынок, малодоступный для капиталистической индустрии других стран — все это создает такие благоприятные условия для русской капиталистической промышленности, которых лишена любая капиталистическая страна Западной Европы. Казалось бы, где и развернуться капитализму, как не в России? Факт развития в России капиталистического хозяйства кажется настолько естественным, что он почти не требует объяснения»³.

Это слова М. И. Туган-Барановского, видного русского экономиста социалисти-

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 19.

² Там же.

³ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 375–376.

ческого направления. А затем он спрашивает: «Почему (же) успехи русского капитализма до последнего времени были так невелики? Почему Россия и теперь так далеко отстает от других капиталистических стран? Словом, что задерживает рост нашего капитализма?»

Ответ таков: «Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру, но он и предполагает культуру. Так, бросается в глаза низкая степень производительности труда в России. Несмотря на то, что русский рабочий получает гораздо меньше западноевропейского, труд в России обходится едва ли не дороже, чем на Западе...»

В Англии на 1000 веретен приходится 3 рабочих, а в России же, по расчету Менделеева, — 16,6 рабочих. Поэтому, получая в 4 раза высшую плату, английский рабочий обходится дешевле фабриканту, чем русский рабочий. «Все компетентные люди, — говорит тот же автор, — считают главной причиной медленной эксплуатации выдающихся естественных богатств России невысокое качество русского труда»... Именно в этом и заключается одна из важнейших причин технической отсталости русской промышленности.

Невежество и безграмотность русского рабочего составляют не менее сильный контраст с интеллигентностью рабочего Запада.

Столь же велико различие между русским и западноевропейским капиталистом в отношении предприимчивости, знания дела и готовности стать выше рутин. Дороговизна капитала в России есть также одно из следствий некультурности русской жизни, ибо иностранные капиталы быстро восполнили бы недостаток капиталов на русском рынке, если бы иностранных капиталистов не отпугивали многие особенности наших внутренних порядков.

Административная регламентация и мелочные стеснения, на которые наша промышленность наталкивается на каждом шагу, вызывают огромное трение, которое существенно тормозит поступательный ход нашей промышленности.

Еще и до настоящего времени сохранила свое полное значение та оценка условий русской жизни, задерживающих наше промышленное развитие, которая была дана более 40 лет тому назад... Н. Г. Чернышевским...

Эти условия нашей общественной жизни Чернышевский определил одним словом «азиатство»

«Азиатство», а отнюдь не недостаток рынка, мешает нам подвигаться столь же быстро по пути промышленного прогресса, как, например, Германии.

Но хотя «азиатства» еще очень много в русской жизни, все же мы европейцы, и будущее принадлежит не «азиатству». Наша культурная отсталость уменьшается благодаря развитию того же капитализма. Никакие китайские стены не могут задерживать проникновения к нам вместе с с западноевропейскими формами производства, и западноевропейской культуры. И поэтому наш прогноз таков: успехи русской капиталистической индустрии за последнее время являются только слабыми начатками того могущественного развития русского капитализма, которое предстоит в будущем»¹.

Эти строки были написаны в 1898 г., т. е. почти сорок лет спустя освобождения крестьян, после серьезных изменений торгово-промышленного законодательства, по-

¹ Там же. С. 376–377.

сле зримых уже успехов юного российского капитализма. И их несложно спроецировать на 1860-е годы и представить, как обстояло дело с указанными особенностями сразу после отмены крепостного права. Время показало, что «невежество» рабочих и недостаток предприимчивости у бизнесменов постепенно могут преодолеваются. Куда труднее и сложнее преодолевались стереотипы правящих сфер.

Я хотел бы еще раз специально подчеркнуть, что в рассматриваемый период именно антибуржуазные и антикапиталистические настроения общественности, включая обитателей Зимнего дворца, не давали бизнесу развиваться свободно, тем самым определяя конкретный ход отечественной истории.

В самом начале 1860-х гг. само правительство признавало, что «находится в совершенном неведении о средствах к упрочению и развитию промышленных интересов страны»¹. Однако масштабное железнодорожное строительство началось уже во второй половине 1850-х гг., а с назначением на пост Министра финансов М. Х. Рейтерна (1862–1878 гг.) оно стало едва ли не главным приоритетом.

Именно железные дороги стали главной движущей силой экономической модернизации страны. Без создания железнодорожной сети, особенно с учетом российских пространств, поступательное развитие народного хозяйства было невозможно. К тому же Крымская война показала сугубую важность железных дорог с военной точки зрения.

Их строительство имело очень важное значение повсюду, но для России эта роль возрастала еще больше из-за огромной территории Империи. Мы не очень понимаем истинной роли пространств, которыми так привыкли гордиться.

Железные дороги давно стали обыденностью, и поэтому нам сейчас уже не так просто представить, как они изменили жизнь человечества полтора века назад, сократив расстояния на порядки.

Вот два эпизода из жизни человека, увековечившего любовь русских к быстрой езде, которая (любовь) как бы получает дополнительный стимул в виде скверного состояния дорог. Однажды Н. В. Гоголь 10 октября выехал из Курска и, «отчаянно спеша», 21 октября прибыл в Москву. Летом 1832 г. он «безостановочно» ехал из Петербурга до Москвы 4 дня и 7–8 дней от Москвы до Малороссии².

Только некоторое улучшение дорог в следующем веке позволило фельдъегерям Николая I достичь максимума — 300–350 верст в сутки со страшным напряжением сил и опасностью для жизни. «Приходилось в степях, при темноте, сбиваться с пути, предоставлять себя чутью лошадей. Случалось и блуждать, и кружиться по одному месту. По шоссейным дорогам зачастую сталкивались со встречным, при этом быть только выброшенным из тележки считалось уже счастьем. Особенно тяжелы были поездки зимою и весною, в оттепель; переправы снесены, в заторах тонули лошади, рвались постромки, калечились лошади», — вспоминал тяготы службы старый фельдъегерь в середине XIX века³.

А теперь представим, с какой скоростью передвигались по стране товары и грузы (например, чугун с Урала на Луганский металлургический завод — см. ниже) и как это тормозило экономическое развитие!

Воздействие железных дорог на экономику проявлялось многообразно и разнопла-

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 33.

² Энциклопедический словарь Гранат, том 20, стлб. 10.

³ Курукин И. В. Бирон. М., Молодая гвардия. 2006. С. 227–228.

ново. Например, в Англии или Австро-Венгрии новая железнодорожная линия чаще всего не создавала никакого нового рынка, поскольку при относительно небольшой территории и хорошо развитой дорожной сети население соответствующего района и до этого, как правило, участвовало в рыночном обмене.

В России же железные дороги, связывая воедино различные части огромной страны, тем самым открывали доступ отечественной сельскохозяйственной продукции на внутренние и внешние рынки, ранее недостижимые из-за отдаленности, и в то же время делали доступными аграрные районы для фабрично-заводской продукции. Раньше торговля могла быть только посреднической, и товары проходили через несколько рук, пока попадали от производителя к потребителю, что значительно повышало их конечную стоимость и т. д. Реально те самые рынки сбыта, ради которых Европа захватывала колонии в Африке и Азии, в России, благодаря железным дорогам, оказывались рядом.

Железные дороги сильнейшим образом стимулировали развитие тяжелой промышленности, поскольку требовали миллионы тонн рельсов и железнодорожного оборудования, сотен паровозов и тысяч вагонов ежегодно. До определенного момента Россия вынуждена была ввозить их из-за границы, но бесконечно это продолжаться не могло. Ниже мы увидим, сколько времени, сил и средств потребовало решение этой громадной проблемы.

Как уже говорилось, в отличие от ведущих стран Западной Европы, Россия была бедна капиталами, т. е. не обладала значительными внутренними ресурсами, позволявшими ей создать современную тяжелую промышленность и транспортную инфраструктуру. Как и в большинстве стран Запада, включая США, железнодорожное строительство в России стало делом частного капитала. Частный капитал требовал гарантии правительством прибыли в размере 5%, и оно пошло на это. Если прибыль была меньше, разница возмещалась.

Курс, взятый правительством на частное железнодорожное строительство, вызвал настоящий бум, знаменитую «железнодорожную горячку» 1867 — середины 1870-х гг. О темпах развития рельсовой сети в России дает представление таблица 54.

Таблица 54

Строительство железных дорог в России

<i>Период</i>	<i>Длина сети к концу периода (км)</i>	<i>Прирост сети за период (км)</i>
1838–1853	1044	1044
1854–1863	3470	2426
1864–1873	16060	12590
1874–1883	23788	7728
1884–1893	32673	8885
1894–1903	58060	25387
1904–1913	69179	11119
1914–1916	77995	8816
Строилось к 1917 г.	15348	—

В 1860–1870-х гг. железнодорожная сеть соединила главные хлебородные районы с промышленными районами, крупнейшими городами, портами и основными речными пристанями. В 1880–1890 гг. строительство велось и в народнохозяйственных, и в стратегических целях (хотя, учитывая размеры нашей страны, практически все ее железные дороги имеют если не стратегический характер, то стратегический «оттенок»). Были построены дороги Закавказская, Среднеазиатская, а в 1891 г. началось сооружение Транссибирской магистрали. К концу века лишь США превосходили Россию по общей протяженности железнодорожной сети.

Россия в середине XIX в. была аграрной страной, несмотря на большое число мелких ремесленных заведений в городе и деревне, более крупных предприятий типа мануфактуры, а также немалое число фабрик и заводов. Считается, что 15,1% предприятий фабрично-заводского типа, функционировавших в конце XIX в., были созданы до 1861 г., причем для Петербурга этот процент составлял 21,4%, а для Москвы — 18,7%. То есть, обе столицы были лидерами в промышленном развитии.

Преобладающая часть рыночной продукции производилась мелкой кустарной промышленностью.

Отмена крепостного права вызвала упадок предприятий, основанных на использовании принудительного труда крепостных крестьян, обслуживавших предприятия мануфактурного типа в горно-металлургической промышленности Урала, в таких отраслях, как суконная, полотняная, в стекольном, винокуренном и отчасти сахарном производстве, составлявших в основном сферу дворянского предпринимательства. Они достаточно долго, но безуспешно пытались приспособиться к переменам.

В то же время предприятия, применявшие пусть и не всегда вольно-, но все же наемный труд крестьян-отходников (переведенных на денежный оброк), прежде всего хлопчатобумажные, сумели куда лучше адаптироваться к новым условиям. Именно в хлопчатобумажной отрасли, ставшей ведущей в промышленности России, начался в 1830-х гг. промышленный переворот, благодаря которому в стране появились крупные и вполне современные по уровню оборудования фабрики. Они весьма успешно развивались и после 1861 г. В 1867 г. текстильная промышленность давала более $\frac{2}{3}$ стоимости продукции отраслей обрабатывающей промышленности 50 губерний Европейской России без производств, облагаемых акцизом (сахарного, винокуренного и др.).

Россия шла в русле общемировых тенденций, хотя и с понятным запозданием.

Машинное производство в хлопчатобумажной промышленности появилось на рубеже XVIII–XIX вв. Промышленный переворот в текстильном деле произошел куда легче, чем в отраслях тяжелой промышленности. Для этого были серьезные предпосылки — он был подготовлен мануфактурной стадией ее развития. С возникновением при Екатерине II купеческих, а затем и крестьянских мануфактур в стране постепенно появились предприниматели, нередко занимавшиеся этим делом не одно поколение, психологически готовые к радикальным переменам в своем деле и обладавшие капиталами, чтобы оплатить эти перемены. Имелись и кадры потенциально обучаемых рабочих.

Поэтому промышленный переворот и техническое перевооружение в отраслях группы Б в России начались фактически сами собой, естественным образом, и успешно развивались, по сути, без вмешательства правительства. В 1840 г. Англия разрешила экспорт своего текстильного оборудования. С 1842 г. фирма (контора) Л. Кнопа стала монополистом в поставке английского оборудования на русские фабрики, сыграв совершенно исключительную роль в модернизации хлопчатобумажной

промышленности. Несколько десятилетий контора Кнопа была почти единственным посредником по закупке в Англии хлопчатобумажных прядильно-ткацких машин. Почти все хлопчатобумажные фабрики Центрально-Промышленного района России были выстроены конторой Кнопа, владелец которой стал крупным акционером целого ряда фабрик.

Когда контора принимала заказ на строительство фабрики, она «сообщала своему агентству в Англии, что для такого-то номера (заказы нумеровались — *М. Д.*) в России следует оборудовать такую-то фабрику... Получив из Англии все чертежи и указания, как по расположению машин и орудий, так и по их движению, контора отсылает их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора-англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручает все это вновь назначенному ею же самою директору... Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директоров и механиков фабрик, но и от конторы Кноп. По делам своим они переписывались лично каждый со своим заводом»¹. С течением времени по мере подготовки русских специалистов число иностранцев на фабриках, естественно, уменьшалось.

В сущности, чтобы запустить большое текстильное производство, достаточно было построить помещение оптимальной архитектуры (образцы были в Европе), в котором могло разместиться нужное количество станков, обучить рабочих под руководством зарубежных инструкторов, оборудовать склады для хлопка или пряжи, для красителей и т. д. При этом на ткацком станке в принципе работать проще, чем на токарном, слесарном или возле домны. Это подтверждается высоким процентом женского и даже детского труда в текстильной промышленности.

Разумеется, сложившаяся структура потребления тканей населением, его вековые привычки размывались постепенно — не сразу крестьяне отказались от привычных домотканых тканей. Но постоянно растущие показатели производства говорят о востребованности продукции фабричной текстильной промышленности. После 1861 г. спрос на хлопчатобумажные ткани неуклонно возрастал, и это стимулировало рост хлопчатобумажного производства, использование технических новаций, применение лучших станков и машин, работавших на паровой энергии.

Совсем другая ситуация была в отраслях группы А. В середине XIX в. создать современную металлургическую и металлообрабатывающую промышленность в России было несравненно сложнее, чем текстильную или пищевую.

Чтобы убедиться в этом, вспомним вкратце историю горнозаводской промышленности.

Усилиями Петра I Россия из страны, ввозящей железо, превратилась в страну, которая его вывозила. Выплавка чугуна в 1725 г. составила 6,5 млн пуд. Однако эти успехи были достигнуты дорогой ценой. Несколько заводладельцев получили громадные земельные владения, площадь с европейские княжества, им предоставили огромные привилегии, вплоть до права иметь свой суд и полицию и быть независимыми от местной власти. Они повелевали целой социальной категорией — десятками тысяч людей, прикрепленных к заводам на таких же почти основаниях, как в поместьях к земле прикреплялись крепостные крестьяне, и до 1762 г. могли покупать новых крестьян к своим заводам!

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 366–367.

Неудивительно, что при таких условиях частные заводы работали действительно с большой выгодой. Зато казенные горные заводы даже принудительный обязательный труд не спасал от хронических убытков.

Но эти же привилегии, укреплявшие монопольное положение заводчиков на рынке, парализовали их предприимчивость и инициативу. Монополия действительно ведет к загниванию, отсутствие конкуренции часто лишает даже умных людей стимула к совершенствованию, к улучшению техники производства и т. п.

В горнозаводской промышленности Урала в полной мере проявились те черты, которыми В. О. Ключевский характеризовал влияние крепостного права на «землевладельческое положение дворян: из дворянского землевладения оно превратилось в душевладение; сам [помещик] — из агронома — в полицейского управителя крестьян.

При таком влиянии на сельское хозяйство помещиков крепостное право дало неправильное направление сельскому хозяйству в дворянских имениях и воспитывало в них **недобрые** экономические привычки. Каждая новая хозяйственная потребность помещика удовлетворялась посредством установления нового налога на крепостные души. Даровой крестьянский труд отнимал у дворянина охоту копить оборотный капитал.

В крепостном праве скрывался источник главных недостатков, которыми до последнего времени отмечалось дворянское хозяйство: им объясняют **недостаток предусмотрительности, предприимчивости, бережливости, нерасположение к усовершенствованным приемам хозяйства, равнодушие к техническим изобретениям**, которые прилагались в сельском хозяйстве других стран.

Простор власти — возможность все получить даром, посредством простого приказа из конторы заменял оборотный капитал и сельскохозяйственные знания.

Наконец, крепостное право оставило и крестьян без господского руководства и достаточного инвентаря: крепостной крестьянин при установившихся отношениях к землевладельцам лишен был указаний технического знания, которого не имел сам помещик. Он должен был обрабатывать землю, как умел, т. е. как привык. Притом, платя тяжелый оброк, он должен был прибегать к работам на стороне, к отхожим промыслам, которыми восполнялись недоборы его домашнего земледельческого хозяйства; это заставляло крестьян разлучаться с семьями.

Отсюда **крестьяне усвоили себе недостатки, подобные тем, которыми страдали владельцы** — неумение переходить от старых привычных способов обработки земли к новым, каких требовали изменявшиеся хозяйственные условия, склонность пахать возможно больше земли и неумение пахать ее лучше, непонимание выгод интенсивного хозяйства»¹.

Несколько цифр. В 1767 г. на всех 140 казенных и частных заводах России было выплавлено 9,6 млн пуд. чугуна. В то же время в Англии и Франции около 1790 г. аналогичный показатель составил порядка 4,5 млн пуд., в Пруссии — 1 млн пуд., а США — около 0,5 млн пуд.

Вывоз железа из России в конце XVIII в. составлял 3-4 млн пуд. и был второй после пеньки доходной статьей русского экспорта. Так, в 1793 г. он равнялся 5,2 млн руб., что в пять раз превышало стоимость всех ввезенных в страну металлов и металлических изделий.

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., Мысль. 1989. Т. 5. С. 141.

В 1806 г. было выплавлено 12,2 млн пуд. чугуна, 84,4% из них — на частных заводах. Однако в 1823 г. производство упало на 2,3 млн пуд. и составило лишь 9,9 млн пуд. На уровне 10 млн пуд. в год оно и находилось вплоть до середины века, а затем стало расти, но очень слабо — на 0,5–1 млн пуд. в год. Подобный застой был тем удивительнее, что прибыль частных заводов была огромной — 165% (!) в среднем для всех сортов железа и стали (1848–1849 г.). Это говорит о том, что рынку металла не хватало, и это, казалось бы, должно было побудить заводчиков увеличить производство. Однако их, видимо, устраивал статус-кво.

Степень упадка казенных заводов Урала стала очевидной уже во время Отечественной и Крымской войн. Производство на Каменском заводе, специализировавшемся на отливке орудий, настолько деградировало, что в 1812 г. литье пушек перенесли на Златоустовский и Верхнетурский заводы, которые раньше этим никогда не занимались.

Продукция в итоге вышла низкокачественная. При этом 120 орудий (13 тыс. пуд.), заказанных в 1811 г., были отправлены из Златоуста только весной 1813 года, а второй караван в 158 орудий (20 тыс. пуд.) — весной 1814 года. Все пушки были забракованы после разрыва 14 из них в крепостях. Из 60 орудий, отлитых в Гороблагодатских заводах, 57 были забракованы еще на Урале.

И в годы Крымской войны в Каменском заводе разрывались на общей пороховой пробе и 36-фунтовые, и бомбовые пушки. Всего во время осады Севастополя уральские заводы поставили только 43 орудия. Хотя орудия большого калибра были жизненно необходимы армии, ни одной 60-фунтовой пушки с Урала послано не было, поскольку их разрывало на пробах. Пушки каравана 1855 г. пришли в Крым уже после заключения перемирия. При этом за время 50-недельной обороны Севастополя пришли в негодность 900 русских орудий, в то время как у союзников — 365¹.

Принудительный труд и примитивная техника металлургии Урала больше не имели перспектив. Это особенно наглядно проявляется при беглом сопоставлении приведенной выше информации с данными о развитии металлургии в Англии.

В Англии в 1720 г. было выплавлено 1,5 млн пуд. (25 тыс. т) чугуна. В 1735 г. А. Дерби впервые применил способ выплавки чугуна на каменном угле. С середины XVIII в. для производства чугуна стал применяться кокс. В 1783–1784 гг. Г. Корт изобрел прокатный стан и разработал процесс пудлингования. Выпуск чугуна в 1796 г. составил 7,6 млн пуд. (125 тыс. т), т. е. еще меньше, чем в России, а в 1820 г. — 24,4 млн пуд. (400 тыс. т) — уже в два раза больше. В 1850 г., незадолго до Крымской войны, Англия выплавилла 137,4 млн пуд. (2250 тыс. т), т. е. примерно в 14 больше, чем Россия.

В 1825 в Англии была открыта первая в мире железная дорога общего пользования, и к 1850 г. протяженность железнодорожной сети составила свыше 10 тыс. км (а в 1861 г. в Лондоне началось строительство метро). И даже во время осады Севастополя в 1855 г. англичане построили так называемую Балаклавскую железную дорогу (с санитарным поездом, кстати), которая серьезно облегчила жизнь союзникам.

В середине 1850-х гг. Бессемер изобрел новый процесс производства стали в конвертерах, и началась современная металлургия.

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. В 2-х ч. СПб., 1898. Ч. 2. С. 13–14.

И это далеко не все свидетельства того, насколько технический прогресс и производство зависят от уровня свободы общества, а значит, и свободы предпринимательства.

Железнодорожное строительство в Европе почти повсеместно вызвало бум металлургии и металлообработки. Для удовлетворения потребностей железных дорог каждая страна строила металлургические и машиностроительные заводы, работавшие преимущественно на собственных материалах.

В России все было иначе. Правительство прекрасно осознавало, что железные дороги нужно строить из российских материалов, и не из соображений патриотизма, а из сугубой прагматики — невозможно вымостить такую большую страну, как наша, импортными рельсами. В сущности, строительство железных дорог стало большим испытанием серьезности намерений правительства вернуть Империи статус великой державы.

Однако его усилия воспользоваться постоянно растущим спросом на металлические изделия со стороны строящихся железных дорог для создания в России современной металлургии и металлообработки оказались малоуспешны. Почти все железные дороги в России вплоть до конца 70-х годов были построены из привезенных беспошлинно импортных материалов и изделий. Ждать, пока появится собственное производство, не позволяли стратегические интересы.

Проблемы начались с первой в России железной дороги — Царскосельской (1836–1838 гг.), для которой все, вплоть до последнего болта, было привезено из-за границы. Но ее протяженность составляла лишь 27 км, и это был первый опыт.

Когда в 1842 г. правительство приступило к постройке дороги Петербург — Москва, Николай I повелел, чтобы она была построена и оборудована исключительно русскими материалами.

Логично было бы, решая эту задачу, построить рельсовый завод там, где были месторождения железных руд и топливо, однако правительство устроило такой завод в Петербурге. Было создано Общество горнозаводчиков, обязавшееся в течение 1843–1848 гг. поставить 4,8 млн пуд. рельсов. Однако после трех лет неудачных опытов Общество прекратило свое существование. Поэтому рельсы для Николаевской дороги были привезены из-за границы¹.

Подвижной состав для Николаевской дороги было решено строить на казенном Александровском чугунолитейном заводе в Петербурге. В 1844 г. его отдали на 6 лет в аренду механикам из США Гаррисону и Уайнессу, которые обязались, по условиям контракта, построить на нем «полное количество локомотивов и вагонов, снабдить завод всеми необходимыми для этого дела машинами и инструментами, научить механическому производству мастеровых завода, образовать из них машинистов, приготовить кондукторов и вообще привести завод в соответственное его предназначению устройство и **тем отклонить зависимость нашу от иностранных заводчиков** и обеспечить ремонт железной дороги»².

Так в России появился первый завод, производящий подвижной состав для железных дорог. Он работал почти исключительно на импортных материалах, получая из-за границы беспошлинно все необходимые ему машины, оборудование и метал-

¹ Там же. С. 16.

² Брандт А. А. Очерк истории паровой машины и применения паровых двигателей в России. СПб., 1892, С. 41 и 62; Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 17.

лы в сыром виде. За 24 года завод выпустил 200 локомотивов (8 для частных дорог), 253 пассажирских вагона и 2700 вагонов товарных и платформ, а также разнообразное железнодорожное оборудование.

Когда в 1852 г. встал вопрос о строительстве Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги, Николай I вновь захотел поддержать отечественного производителя. Изготовление 4 млн пуд. рельсов для нее поручили четырем уральским заводчикам, из которых Всеволожский и Сухозанет отказались по невозможности организовать новое дело, а Демидов и Яковлев согласились и поставили качественную продукцию. Недостающее же количество рельсов вновь импортировали беспошлинно. Характерно, что попытка создать в 1853 г. в Петербурге еще один паровозный завод окончилась неудачей¹.

После 1856 г. Александр II взял курс на масштабное железнодорожное строительство, и правительство, учитывая предыдущий опыт, было вынуждено разрешить строящимся железным дорогам привозить беспошлинно из-за границы все необходимое для дорог. Суммарная стоимость импортированных паровозов, тендеров, вагонов, рельсов, рельсовых скреплений и прочих принадлежностей пути, станций и водоснабжения, чугуна и железа для постройки мостов, мастерских и станций, а также разнообразных машин и станков для оборудования мастерских составила многие сотни миллионов рублей, что «катастрофически увеличивало пассивную часть внешнеторгового баланса страны»².

Правительство, в отличие от владельцев железных дорог, такое положение не устраивало. В середине 1860-х гг. рельсовое производство в России практически отсутствовало, паровозы делал один Александровский завод (несколько штук в год), вагоны — семь. Почти все русские дороги были построены из иностранных материалов. Даже для Уральской дороги, проходившей по богатейшим месторождениям магнитных железных руд, привозились импортные рельсы, скреплявшиеся иностранными же винтами, болтами и т. п.

Эта ненормальная ситуация требовала, наконец, разрешения.

19 февраля 1866 г. было подписано Высочайшее повеление, в котором констатировалась «первостепенная для России важность развития означенного (железоделательного) производства» и предварительно одобрялись «предположения министра финансов как о поощрении солидных частных компаний к устройству рельсовых заводов на Юге России, так и об усилении там казенной выплавки чугуна и основании рельсового завода»³.

15 октября 1866 г. появилось Высочайшее повеление о том, чтобы все железнодорожные заказы впредь исполнялись внутри России, невзирая на все трудности и т. д.

Два года между Министерством финансов и МПС шел обмен мнениями, после которого в 1868 г. было решено вызывать «через публикацию лиц, желающих заняться устройством в России заводов для приготовления железнодорожных принадлежностей» (!). Этот факт ясно демонстрирует, насколько острым был дефицит настоящих бизнесменов в стране. Поступавшие предложения заинтересованных лиц рассматривались в особом комитете при МПС.

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы. ... Ч. 2. С. 18.

² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 92.

³ Там же. С. 93.

Однако решения принимать легче, чем воплощать их в жизнь. Железные дороги было нужно строить здесь и сейчас, и от установки на исключительно российское производство во многом пришлось отказаться. Постепенно «задачу отечественной промышленности правительство стало видеть лишь в обеспечении ремонта ранее построенных линий и производстве необходимого числа паровозов и подвижного состава для них»¹.

Тем не менее в 1868–1878 гг. ряд правительственных решений изменил вектор развития железнодорожного дела в стране.

Для того, чтобы стимулировать паровозо- и вагоностроение, а также производство рельсов, было решено предоставить некоторым заводам на несколько лет большие казенные заказы по высокой цене с выдачей задатков, чтобы предприятия могли «достаточно укрепиться в своем производстве». Практика предоставления гарантированных казенных заказов частным предприятиям как креативная мера экономической политики была санкционирована еще в 1866 г.

При этом весь подвижной состав должен был быть произведен из русских материалов, все без исключения оборудование должно было быть изготовлено либо на заводах, получивших заказы, либо на других, но также обязательно российских и тоже из отечественных материалов. За каждый паровоз, изготовленный таким образом, при определенных условиях полагалась премия в 3 тыс. руб. Одновременно на две трети были увеличены на таможенные пошлины на паровозы и на тендеры.

Меры, предпринятые для развития рельсового производства, шли в контексте технического переворота, который произошел в середине 1870-х гг., когда выяснилось, что стальные рельсы гораздо выгоднее железных. Благодаря изобретению Г. Бессемером в 1860 г. своего знаменитого конвертера, удешевившего стоимость стали, за границей началась быстрая замена железных рельсов стальными. С 1875 г. аналогичный процесс начался и в России, причем стальные рельсы в огромном количестве привозились из-за рубежа².

И в этой сфере правительство старалось стимулировать отечественное производство, премируя выделку рельсов из российских материалов. Эти меры действительно привели как к появлению новых, так и к расширению уже существовавших заводов. Часть из них вырабатывала стальные рельсы из местного чугуна, а другие — переделочные (передельные) — производили новые из уже готового металла, в том числе и из старых рельсов, накопившихся на железных дорогах. Льготы, впрочем, получили и те, и другие заводы, потому что стране были нужны железные дороги.

Оценить первые результаты этих мероприятий позволяют следующие цифры. На 1 января 1884 г. протяженность железнодорожной сети составляла 32060 верст, из которых 9091 верста (28,4%) с железными рельсами и 22969 верст (71,6%) со стальными. Но из этого числа лишь 23,9% были действительно российскими стальными рельсами, тогда как остальные 76,1% рельсов, хотя и были сделаны в России, но в основном из импортного чугуна и стального лома.

Между тем, с начала производства стальных рельсов по 1 июля 1884 года правительство выплатило 14,3 млн руб. премий, причем 62,9% этой суммы — по частным заказам³.

¹ Там же.

² *Брандт. Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 21–22.

³ Там же. С. 27.

Таким образом, нельзя сказать, что опыт внедрения отечественного сталелитейного производства обошелся слишком дешево.

Во второй половине XIX в. чугуны выплавливали четыре промышленных района.

Таблица 55

Выплавка чугуна по районам в 1870–1898 гг.

Годы	Урал	Юг	Центр	Польша	ВСЕГО
Выплавка чугуна (тыс. пудов)					
1870	14797	304	3460	1733	20294
1871–1880	16972	997	3271	1966	23206
1881–1890	22061	4377	4109	3921	34468
1891	29924	15457	6177	7770	59328
1892	30622	17200	6431	9221	63474
1893	30919	20044	7173	10107	68243
1894	33129	27370	7701	11082	79282
1895	33100	34043	7710	11653	86506
1896	35458	39170	8227	13063	95918
1897	40850	46350	10352	13990	111542
1898	43539	61375	11016	16070	132000
То же (%)					
1870	72,9	1,5	17,0	8,5	100
1871–1880	73,1	4,3	14,1	8,5	100
1881–1890	64,0	12,7	11,9	11,4	100
1891	50,4	26,1	10,4	13,1	100
1892	48,2	27,1	10,1	14,5	100
1893	45,3	29,4	10,5	14,8	100
1894	41,8	34,5	9,7	14,0	100
1895	38,3	39,4	8,9	13,5	100
1896	37,0	40,8	8,6	13,6	100
1897	36,6	41,6	9,3	12,5	100
1898	33,0	46,5	8,3	12,2	100

Источник: Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Россия. Л., 1989. С. 305.

Эти таблицы дают представление о динамике развития выплавки чугуна по экономическим районам и стране в целом.

Как можно видеть, доля старых районов — Урала и Центра — с течением времени заметно снизилась. Если в 1870 г. они вместе произвели почти 90% русского чугуна, то в 1898 г. — лишь 41,3%, притом, что их суммарная выплавка за эти годы выросла в три раза — с 18257 до 54555 тыс. пуд.

За этот период общее количество чугуна выросло на 111706 тыс. пуд., из которых на долю Урала и Центра пришлось 36298 тыс. пуд. (32,5%), а 75408 тыс. пуд.

(67,5%) — на долю Юга и Польши, то есть именно благодаря им был сделан весьма впечатляющий рывок.

Что стоит за этими цифрами?

Создание современной металлургической и металлообрабатывающей и каменноугольной промышленности — ядра российской индустриализации — было связано прежде всего с Южным районом и в меньшей степени с Польшей, безусловно, развивавшейся более динамично, чем Урал.

Почему Урал, старая «кузница страны», потерял свои позиции? Обычный ответ — реформа 1861 г., бегство рабочих и др. — объясняет далеко не все.

Залог успешного развития железоделательного производства в том или ином регионе заключается в географической близости залежей руды и угля.

Так, активному развитию металлургической и металлообрабатывающей промышленности в русской Польше способствовало, с одной стороны, обилие в регионе угля и железной руды, пусть и не лучшего качества, а с другой, близость к западной границе, в силу чего в 1860–1870-х гг. польские заводы и мастерские работали преимущественно на прусском чугуна. Однако совокупное влияние роста ввозных пошлин и строительства Варшаво-Венской железной дороги, позволившей перенести центр тяжести металлургической промышленности в Домбровский каменноугольный бассейн, превратило край в один из важных промышленных районов, хотя там использовался кокс из Силезии.

В то же время Новороссия обладала лучшей, в сравнении с Польшей, рудой (60–70% железа) и лучшим углем, который мог коксоваться.

Однако эти предпосылки, как мы увидим, не были бы реализованы, если бы их не оплодотворили громадные иностранные капиталы, предприимчивость иностранных предпринимателей и новейшая техника.

В этом отношении уральская промышленность сильно проигрывала.

По объему и по качеству руды Урал значительно превосходил Юг — залежи были почти неисчислимы, а процентное содержание железа очень высокое — из уральской руды производился лучший металл в России. Куда хуже дело обстояло с топливом — преобладало древесное горючее, хотя с началом железнодорожного строительства постепенно росла и добыча угля¹. Серьезно тормозили поступательное развитие производства отсутствие удобных путей сообщения (как внутренних, т. е. для подвоза руды и топлива, так и внешних — для сбыта продукта), большие транспортные издержки, краткое время сбыта из-за ограниченности времени навигации, необходимость обращаться к посредникам и т. д.

Вместе с тем современникам было очевидно, что отставание Урала от Юга по объемам производства в очень большой мере вытекало из его *технической* отсталости. При большом желании, т. е. при известной энергии и предприимчивости, при определенной затрате труда и капитала указанные негативные факторы могли бы быть преодолены. В конце концов, громадные лесные массивы можно было утилизировать с пользой. Ведь прогресс в металлургии был возможен и при использовании древесного горючего. Так, в США благодаря прекрасным технологиям получали минимум в 2–3 раза больше чугуна, чем на Урале, при меньшем на 30–55% расходе топлива, при том, что тамошняя руда содержала меньше железа².

¹ Баканов С. А. Угольная промышленность Урала. Жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск. 2012. С. 52–56.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 93–95.

На Урале в 1895 г. среднегодовая выплавка на одну домну составляла 295 тыс. пуд., на Юге — 1981 тыс. пуд. (в 6,7 раза больше), в Польше — 1,5 млн пуд., в Англии — 1416 тыс. пуд., причем новые печи вырабатывали по 3 млн пуд., в Бельгии — 1580 тыс. пуд., в США — около 3 млн пуд.¹ Другими словами, доменные печи Новороссии, да и Польши, в целом работали на хорошем международном уровне.

Современники видели причину того, что Урал, колыбель железной промышленности в России, уступил свои позиции новым районам, в рутине и косности тамошних заводчиков, в отсутствии предприимчивости и энергии с их стороны, в том, что они игнорировали новые технические приемы и усовершенствования, без которых прогресс в железнорудной промышленности второй половины XIX в. был невозможен.

Австрийский металлург Туннер в 1870 г. писал, что Урал в настоящее время, может быть, единственный в мире обширный металлургический регион, где при доменных печах горячее дутье не только еще не стало общепринятой практикой, но просто отсутствует де-факто. Дело в том, что при холодном дутье расходуется в три раза больше топлива, чем при горячем. Позже в этом отношении наметился определенный прогресс: в 1882 г. уже 33% домен на Урале были с горячим дутьем, в 1895 г. их доля выросла до 75%. При этом на Юге все домны были с горячим дутьем.

М. Н. Островский, министр государственных имуществ, посетивший Урал в 1884 г., писал: «Бесспорно, что Урал обладает всеми данными для прочной постановки и широкого развития своей горной промышленности. Неисчислимые богатства рудных месторождений, обширные площади лесов, надежные залежи каменного угля, многочисленное, умелое и опытное в горнозаводских работах местное население — совокупность всех этих благоприятных условий не обеспечивает ли будущности горнозаводской промышленности Урала?»

Без сомнения обеспечивает, но лишь при условии, чтобы *человек захотел и сумел воспользоваться ниспосланными ему природой и исторической жизнью Урала дарами, приложив к ним энергию своего труда, силу денежного капитала, могущество научного знания и с каждым днем все более развивающейся промышленной техники*. В этом отношении на Урале далеко не все сделано. Несомненно — огромные сокровища, таящиеся в недрах Урала недостаточно изведаны и тем менее исследованы, обширные леса не устроены и дурно охраняются, геологические исследования ведутся довольно слабо и урывками, рабочее население не вполне обеспечено заработками; *технические устройства во многих заводах не стоят на уровне современных требований науки и практики, частные владельцы горных заводов в большинстве случаев безучастно относятся к развитию и успеху горнозаводского дела*².

Вот что писал 10 лет спустя профессор Петербургского Горного института И. Тиме, посетивший в 1894 уральские казенные и частные заводы: «Мы, хотя и заметили известный прогресс в отдельных производствах, тем не менее, в общей организации технической части заводов замечается рутинность».

Кто может поверить, например, тому факту, что сырые материалы на колошники доменных печей по сие время доставляются лошадьми и что такое обременение их совершается беспрепятственно, несмотря на существование обществ покровительства животных. Кое-где встречаем смазку машин дегтем и наряду с электрическим освеще-

¹ Там же. С. 96–97.

² Там же. С. 93.

нием некоторых заводов находим освещение кострами и лучиной на других. Способы передвижения грузов в районе заводов очень примитивны. Фабричные помещения в большинстве случаев тесны, темны и содержатся не в должном порядке...

Южные заводы и главные рудники, наоборот имеют вполне современное западноевропейское устройство. Пущенные в действие заводы не перестают совершенствоваться. Посещая периодически эти заводы в 1882–1892–1895 и 1896 гг., мы каждый раз замечали значительные усовершенствования и нововведения в заводских устройствах, имеющих целью увеличение производства, сбережение горючего и улучшение качества металлов»¹.

Комиссия Общества горных инженеров в 1898 г. констатировала: «Уральские горнозаводские округа составляют отдельные совершенно самостоятельные хозяйства, эксплуатирующие свои лесные и минеральные богатства по непосредственному усмотрению владельцев; возможно, что во многих таких хозяйствах принятая система эксплуатации оставляет желать лучшего и изменением ее можно было бы достигнуть и получения большего количества металла и даже большей доходности, **но ожидать такой инициативы, непременно сопряженной с известными затратами, даже возможностью временного понижения доходности от личной воли владельцев трудно, и прогресс в этом направлении возможен очень медленный**»².

И все же к концу XIX в. ситуация на Урале стала заметно меняться в лучшую сторону. Остается, однако, проблема потерянного времени и упущенных возможностей.

Инертность уральских бизнесменов лучшее свидетельство того, что сложно требовать предприимчивости там, где развитие в принципе инерционно, где нет ярких стимулов к самовыражению, где оно противоречит основе жизни — крепостному праву, основанному на угнетении личности.

5.1. Два героя российской индустриализации

В своей классической работе Л.Б. Кафенгауз следующим образом формулирует задачи индустриализации России: «Широкая реконструкция нашей промышленности на началах новой техники наступила только в течение последних 15 лет XIX в., т.е. когда у нас развилась в достаточных размерах добыча минерального топлива, коксового чугуна, цемента, соды и новейших химических материалов.

В течение этого периода по всей стране было проведено широкое строительство, которое заложило производственно-технический фундамент новой промышленной экономики. Это строительство проявилось, главным образом, в трех областях: строительстве железных дорог, городском строительстве и промышленном строительстве...

Слабое развитие добычи минерального топлива, выплавки черных металлов, производства строительных материалов и основных химических реагентов являлось наиболее существенным препятствием к развитию нашей промышленности в течение первой четверти века после реформы 1861 г., ибо работа на иностранных основных полуфабрикатах и топливе для большой страны крайне удорожает производство и ограничивает его размеры.

¹ Там же. С. 100.

² Там же. С. 94.

Проблемы, которые стояли перед нашей промышленностью, состояли в создании собственного производства основных полуфабрикатов и строительных материалов, спрос на которые был обеспечен, ибо они ввозились из-за границы в больших размерах. Поэтому основным содержанием развития нашей промышленности в течение последних 15 лет XIX в. следует считать создание новой тяжелой промышленности»¹.

Нас не должен смущать термин «реконструкция», употребляемый Л. Б. Кафенгаузом вместо, безусловно, более адекватного определения «индустриализация». Дело в том, что в 1930-х гг. в СССР могла быть только одна индустриализация — сталинская; некоторые исследователи и сейчас разделяют эту точку зрения — по соображениям принципиального порядка. Я же солидарен с теми коллегами, которые отвергают точку зрения о том, что пресловутая «соха», с которой Сталин якобы взял Россию, как утверждается в нашумевшей интернет-фальшивке, была главным опознавательным знаком дореволюционной России.

Пореформенная индустриализация России связана прежде всего с Новороссией, с Донецко-Криворожским бассейном. История возникновения этого нового промышленного района в высшей степени интересна и поучительна в контексте более чем трехвековой диалектики соотношения государственного и частного начала в экономике России.

Создание на юге России работающего на местной руде и местном минеральном топливе центра металлургии и металлообработки было давней идеей правительства.

В Екатеринославской губернии оказались прекрасные условия для развития металлургической промышленности. На востоке ее, в Донецком бассейне², на площади около 60 тыс. кв км были огромные залежи высококлассного минерального топлива, начиная с каменного угля разных марок и кончая антрацитом. В западных уездах губернии находилась богатая железная руда с содержанием железа до 67%, а также залежи марганца, известняка, доломита и огнеупорной глины.

Факультативно эти природные богатства давно занимали правительство. По преданию, еще Петр I, взглянув на образцы угля во время Прутского похода, сказал, что «сей минерал» пригодится нашим внукам. Геологические изыскания в регионе проводились и по заданию Г. А. Потемкина³.

Казна в течение 75 лет пыталась организовать в Донбассе чугунолитейное производство, и это богатая событиями история.

Завоеванной Новороссии и вновь созданному Черноморскому флоту требовалось много металла, и, желательно, произведенного ближе, чем на Урале или Олонецких заводах.

Глава Черноморского адмиралтейства вице-адмирал Н. С. Мордвинов, считавший, что флот надо вооружать чугунами карронадами, сумел убедить правительство в необходимости построить металлургический завод в Донбассе. Некоторая пикантность ситуации заключалась в том, что изобретатель этой знаменитой пушки Карл Гаскойн (Charles Gascoigne), в честь которого ее называли также гасконадой, с 1786 г. работал в России и вместо Карронского завода в Шотландии возглавлял теперь Александровский завод в Петрозаводске.

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., Эпифания. 1994. С. 22–23.

² Строго говоря, он располагался на территории дореволюционных Екатеринославской, Харьковской, Таврической губерний и Донской области.

³ Там же. С. 43–44.

В 1794 г. он осмотрел известные месторождения железные руды и решил строить завод на речке Лугань. Генерал-губернатор П. А. Зубов представил Екатерине II план завода, и она 14 ноября 1795 г. подписала указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля». На строительство завода выделялась громадная сумма в 715,7 тыс. руб., чуть ли 1% бюджета страны! Гаскойну разрешили выписать из Англии нескольких мастеров, пока не появятся русские специалисты. Александровский завод должен был изготовить машины и механизмы для нового предприятия и зимой отправить их на наемных подводках¹.

В 1797 г. вошла в строй первая воздушная печь, позже их стало 5, а также две домы и две вагранки. Считается, что в апреле 1799 г. была проведена первая в России плавка железной руды на каменноугольном коксе. Однако дальше экспериментов дело не пошло. Превратить выплавку чугуна из местных руд на минеральном топливе в промышленный процесс не удавалось. Домны простаивали. Бездорожье тормозило поставки угля. Завод работал исключительно на привозном металле, прежде всего уральском; понятно, во что обходилась его доставка!

Стремясь увеличить выпуск продукции, Гаскойн, во-первых, ввел систему премий для работников и, во-вторых, за двойную плату выкупил у рабочих все праздничные дни (!), кроме двух дней Рождества и двух дней Пасхи².

Луганский завод сыграл очень важную роль в обеспечении Новороссии и Черноморского флота металлом в дореформенный период, особенно во время Крымской войны, поставляя, в частности, вооружение и боеприпасы в Севастополь.

Однако выплавить чугун на местном сырье и топливе на заводе не смогли ни на рубеже XVIII–XIX вв., ни в первой половине XIX в., хотя завод не раз пытались перестроить. Не смогли наладить дело и в Керчи; опыты начались там в 1845 г., но во время Крымской войны завод был разрушен союзниками³.

В конце 1850-х гг. у села Корсунь в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии начал строиться завод, в память Петра I названный Петровским, но, как писал Д. И. Менделеев, «вся его история показывает, что он не из времен Петра»⁴. В мае 1862 г. прошла первая плавка, однако вскоре выяснилось, что материал горна был недостаточно огнестоек. Несколько лет завод занимался только испытаниями новых печей отечественной конструкции и углей разных марок, причем все опыты оказывались неудачными. И хотя в январе 1866 г., «после 33-летних бесплодных усилий», был, наконец, получен хороший чугун, в марте того же года завод был закрыт, прежде всего ввиду осознания его бесперспективности. Строительство завода и опыты стоили казне 462 тыс. руб. Количество же полученного чугуна оценивают по-разному — от 9 до 91 тыс. пуд.

Однако правительство упорно держалось планов развития именно казенной выплавки чугуна на Юге. В 1870 г. неподалеку от Луганска, в Лисичанске, был построен еще один завод. Казалось бы, наличие готового штата опытных рабочих и разведанное месторождение угля позволяло надеяться на успех. Однако выяснилось, что уголь плохо коксуется, а доставка руды обходится слишком дорого. Итогом стало быстрое закрытие и этого последнего в регионе казенного чугуноплавильного завода⁵.

¹ История Луганского края. Учебное пособие. Луганск. Альма-матер. 2003. С. 186–188.

² Там же. С. 191.

³ Менделеев Д. И. Сочинения в 25 т. М-Л. 1950. Т. 19. С. 669.

⁴ Там же.

⁵ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 44–45.

Итак, в течение 75 лет правительство снова и снова безуспешно пыталось наладить на Юге казенную выплавку чугуна.

Д. И. Менделеев писал на этот счет: «хоть и были способные к делу люди, но **не было головы, знатока, а с казенной обстановкой не было и настойчивости...**

Можно с уверенностью сказать, что главную причину этих неудач составляет тот порядок, которым ведутся казенные технические предприятия. Если бы избрали лицо, не столько знающее, сколько способное, да дали бы ему, во-первых, доверие, т. е. свободу действия, во-вторых, капитал и, в-третьих, выгоду личную при успехе предприятия, тогда бы, конечно, с половинами затрат давно бы уже достигли желаемого.

А то назначали и жалованье платили по чинопроизводству, доверием не снабжали, отчетов бумажных требовали массу, заставляли класть печи сверху, — все оттого и рушилось»¹.

Эта череда перманентных неудач, отчасти совершенно объективных, актуализировала обращение к частной инициативе. Так, правительство обусловило получение концессии на сооружение Курско-Харьковско-Азовской железной дороги обязательством постройки на Юге железодельательного завода, производящего в год не менее 500 тыс. пуд. рельсов из местного сырья.

Строитель дороги С. С. Поляков в обеспечение этого обязательства внес залог в 500 тыс. руб., получив рядом с железной дорогой 500 десятин земли с богатыми залежами каменного угля и железных руд, на которых он должен был построить рельсовый завод. Однако даже Поляков, человек с выдающейся деловой сметкой, не справился с этой задачей. Он рассчитывал, что завод обойдется в 500 тыс. руб., но одни только подготовительные работы и разведка месторождений обошлись в 160 тыс. руб. Строительство было заморожено (позже он продаст концессию Джону Юзу). В итоге Поляков заложил угольные шахты, которые стали снабжать углем построенную им железную дорогу, но проблемы создания чугуноплавильного завода на Юге это не решало.

Тем не менее перелом произошел.

В 1866 г. выгодную концессию, аналогичную поляковской, получил князь С. В. Кочубей. Однако и он не смог создать найти капиталы, достаточные для реализации этой задачи. В конце концов за 24 тыс. ф. ст. он переуступил права и обязанности по концессии британскому подданному Джону Юзу (правильно: Хьюзу), создателю «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства».

И. В. Поткина пишет: «Именно ему выпала высокая честь стать первопроходцем и положить начало правильным разведкам залежей угля в безлюдной степи на юге России. Юз, не зная ни языка, ни обычаев, ни условий жизни, приехал на свой страх и риск в незнакомую страну, поселился в заброшенном крае, где нельзя было найти даже самое скромное жилье, не говоря уже о найме квалифицированных рабочих. Тем не менее он стал основателем первого металлургического гиганта, положившего начало возникновению нового экономического региона империи»².

Юз (John James Hughes) был очень колоритной фигурой. Он родился в 1814 (или

¹ Менделеев Д. И. ... С. 669–670.

² Поткина И. В. Возникновение южного экономического района: Юзовский завод // Индустриальное наследие. М., 2007. С. 468.

в 1815 г.) в Мертир-Тидвиле в Южном Уэльсе¹ в семье инженера-металлурга и пошел по стопам отца. Он также стал инженером «без специального высшего технического образования, а знания и навыки приобретал на практике, работая на металлургических заводах Южного Уэльса».

Уже в 28 лет он приобрел судовой верфь, в 36 лет купил металлургический завод в Ньюпорте, затем лишился их и поступил инженером на Мильвольский сталепрокатный завод, через несколько лет став его директором.

Юз прославился своими изобретениями — высококачественной броней, успешно выдержавшей при испытаниях в Британском Адмиралтействе конкуренцию с продукцией других фирм, а затем артиллерийским «юзовским» лафетом, принятым на вооружение британским и другими флотами. На этой почве состоялось его знакомство с русскими инженерами — знаменитым героем обороны Севастополя генералом Тотлебенем, укреплявшим тогда Кронштадт (Адмиралтейство решило заказать Юзу броню для форта «Константин» и не только), и полковником Герном, который, как считается, и предложил ему выкупить концессию у кн. Кочубея².

Прежде чем принять окончательное решение, Юз поехал в Новороссию собирать информацию и лично разведать местность. Сделав выбор, он заплатил С. В. Кочубею 30 тыс. руб. серебром, 24 тыс. ф. ст. в акциях создаваемой компании, причем Кочубей становился ее почетным директором, который должен был обеспечивать ее связи с российским истеблишментом. Затем Юз перезаключил договор с русским правительством на свое имя, который был высочайше утвержден в апреле 1869 г. «По прошествии двух с половиной месяцев 3 июля 1869 г. (н. ст.) в Лондоне была зарегистрирована «New Russia Company Ltd.» с капиталом 300 тыс. ф. ст. (около 3 млн руб. — М. Д.), разделенным на 6 тыс. акций номинальной стоимостью 50 ф. ст. каждая. Инженерный опыт практика и престиж изобретателя, приобретенные Юзом на родине, позволили ему привлечь к учреждению компании весьма известных и уважаемых в Великобритании людей: железнодорожных подрядчиков, фабрикантов оружия и инженеров. Среди них были баронет Даниил Гуч, эсквайры Томас Брасси, отец и сын, Джозеф Уитворт. Их авторитет помог Новороссийскому обществу собрать капитал, необходимый для устройства предприятия»³.

Правительство было заинтересовано в добыче новым предприятием местных полезных ископаемых и выплавке из них чугуна и железа, а также в производстве рельс⁴.

С одной стороны, договор давал Юзу немного времени для организации производства, но с другой, предоставлял ему целый ряд крупных льгот, в том числе — концессию на железную дорогу, протяженностью 85 верст, которая должна была пройти через район строительства завода и которая соединяла его с Харьковско-Азовской железной дорогой, ссуды в виде попудной премии, право беспошлинного ввоза из-за границы всего необходимого на начальном этапе оборудования, и др.⁵

Летом 1870 г. 8 кораблей с оборудованием для завода прибыли в Таганрог, обогнув Европу. Юз привез с собой необходимый штат мастеров и опытных рабочих. Чернора-

¹ Там же.

² Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 24. С. 318–319.

³ Поткина И. В. Возникновение южного экономического района... С. 469.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее об условиях договора см.: Поткина И. В. Джон Юз и Новороссийское акционерное общество // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 306–308.

бочих привезли из северных русских губерний. Джон Юз прикупил небольшую усадьбу у помещика Смольянинова и поселился в простой крытой соломой хате, которую впоследствии он бережно сохранял¹.

Член совета министра государственных имуществ В. Иславин, инспектировавший в 1870-х гг. Донецкий бассейн, писал: «Джон Юз с энергией приступил к делу, но с самого уже начала встретил такие препятствия, с которыми трудно было бороться даже каждому выросшему в этой степной, безлюдной местности и более знакомому и освоившемуся с ее неблагоприятными во многих отношениях условиями, тем более пришлецу, не знающему ни местного наречия, ни обычаев края, ни приемов, необходимых для преодоления всех случайностей и затруднений, неизбежных при постановке столь трудного дела.

Все грузные материалы и приборы Юз должен был привезти из Англии, доставить их от Таганрогского порта к месту за 100 с лишком верст на воловых подводах, часто по невылазной грязи; мастеров и мастеровых выписать также из Англии, привлечь и составить артели из русских рабочих и устроить им хотя (бы) временные жилища и мастерские, для завода необходимые.

В то время как делались эти подготовительные работы, оказалось, что местность, в которой проектирован был доменный и рельсовый завод, не включает в себе всех технических условий; — надобно было приискать другой, более пригодный пункт для закладки завода, с благонадежными залежами угля и достаточным количеством воды»².

Первая плавка в домне произошла 24 апреля 1871 г. (ст. ст.), но через три дня печь была остановлена из-за невозможности поддерживать нужную температуру. Потребовалась серьезная перестройка домны. Однако Юз преодолел все трудности, усовершенствовал технологический процесс и с 24 января 1872 г., когда была вторично задута домна, началось производство железных рельсов, причем впервые в России каменноугольный кокс начал использоваться не в порядке «лабораторного» эксперимента, как это было до сих пор.

И. В. Поткина справедливо отмечает: «Большое влияние на последующую успешную производственную деятельность Дж. Юза оказало несколько факторов. Географическая изолированность и вытекающая отсюда зависимость от дорогостоящего импорта и высоких транспортных издержек на изделия заставили его сразу же строить многопрофильный металлургический комбинат со вспомогательными подразделениями, строительными и ремонтными мастерскими. Удачный выбор места под строительство предприятия сыграл в деле главную роль. Сами рабочие видели и понимали это, обращая внимание на то, что «завод строился настолько разумно, настолько умело, что об этом говорить нечего»³.

Выполнив в первые годы правительственный заказ на 2,1 млн пуд. железных рельсов и прокатав одновременно 751 тыс. пуд. железных рельсов по частным заказам железнодорожных обществ, Новороссийское общество получило новый заказ от казны на производство 2,7 млн пуд. уже **стальных** рельсов.

В литературе нередко можно встретить нарекания в адрес и самого Юза, и его детища. Особого доверия этот «патриотический» снобизм не вызывает, особенно с учетом

¹ Поткина И. В. Возникновение южного экономического района... С. 470.

² Брандт Б. Ф. Иностранцы капиталы... Ч. 2. С. 47.

³ Поткина И. В. Возникновение южного экономического района .... С. 470.

того, что построенный в то же время Сулинский завод Д. А. Пастухова в Донской области, который также намеревался выплавлять чугун из местных руд при помощи антрацита, работал с постоянными перебоями. Правительство, желая поддержать Пастухова, уступило заводу большой запас старого чугуна и железного лома из Николаевского адмиралтейства. Завод стал передельным. Только в 1887 г. после многих перипетий в Сулине плавка чугуна возобновилась, а с 1894 г. после перехода к новому владельцу, Н. П. Пастухову, выработка стала расти.

Чрезвычайно интересна оценка Д. И. Менделеевым обоих предприятий: «В конце 60-х годов на северо-восточной окраине Донецкого бассейна Пастухов, а на юго-западной — англичанин Юз взялись установить и установили-таки добычу чугуна и железа на донецких углях: Пастухов на антраците, Юз — на отличном коксовом угле Кальмиусо-Богодуховской местности. Первый все дело вел и ведет от себя, на свои личные средства. Второй основал компанию «Новороссийского общества каменноугольного и железного» и заключил с казной обязательство вырабатывать уголь и добывать чугун, железо и сталь и делать рельсы, которые по сих пор составляют главную специальность этого образцового у нас завода. Сперва заказывались рельсы железные, ныне давно уже стальные.

Г-н Юз, сам знаток дела, был мастером в Англии, привез оттуда мастеров. Ни крупных ошибок, ни долгих остановок, конечно, помимо мелких, неизбежных случайных неудач, завод г. Юза не терпел, выгоды давал, дает и — будем думать — станет и впредь давать; **пустыню, степь превратил в кусочек Англии**, хоть рядом с английскими рабочими пользуется и массой русских сил.

Сел он на голой степи, на землях, арендованных от князя Ливена, устроил целый город для жилья рабочих, для контор, мастерских. У него три домны для чугуна, одна малая для ферромангана (марганцовистого чугуна, необходимого для производства стали в регенеративных печах, по способу Мартена) и все необходимое для переделки чугуна в сталь и в рельсы. Рядом, с одной стороны, — угольные копи, добывающие ежегодного до 15 млн пуд. угля (*с тех пор (1887) добыча ныне (1891) удвоилась* — примечание Д. И. Менделеева), и коксовальные.

С другой стороны, на земле князя Ливена устроился целый городок «Новый свет» с собором, с рынком, с еврейским контингентом, со школами, с больницей, со своей полицией, оплачиваемой заводом. Своя ветвь железной дороги идет от завода к общей дороге. Рабочих на металлургическом деле около 2500 человек, на угольном — около 1500 человек. Чугуна выплавляется около 2,5 м. п. в год, железа выделяется около 400000 пудов, стали около 1,5 млн пуд.

Словом, недавняя пустыня ожила, результат очевиден, успех полный, возможность доказана делом.

Чтобы видеть значение Новороссийского общества, то есть выплавки чугуна на коксе, достаточно сказать, что на 59 казенных и частных заводах Пермской, Уфимской, Оренбургской, Вятской и Вологодской губерний в 1885 г. (по официальным данным) было 104 доменные печи и получено 21,5 млн пуд. чугуна, то есть из каждой домны средним числом в год около 207 000 пудов, а на заводе Юза — около 650 000 пудов на каждую домну. А уход-то ведь тот же¹.

А вот что Д. И. Менделеев пишет о Пастухове: «Около того же времени, когда возник для казенных железнодорожных подрядов завод Юза, строился новый Сулин-

¹ Менделеев Д. И. ... С. 669–667.

ский чугунный завод частным человеком, Д. А. Пастуховым, одним из тех Пастуховых, которые издавна известны как производители железа на северо-востоке России. Г-н Пастухов сел на северо-востоке Донецкой угольной области, около реки Кундрючьей, подле станции Воронежско-Ростовской дороги (Сулин), на таком месте, где рядом нашел антрацит и пласты железной руды. Плавку повели прямо на антраците, сперва на местном, а ныне ведут на Грушевском. Много и долго трудное дело такой выплавки не удавалось, но все побороли, и я видел домну в действии и отличный чугун, полученный из смеси руд местных с криворожскими, и ряд пудлинговых печей для получения железа.

Хотя заводу лучше было бы прямо встать около Грушевки, хотя здесь были неудачи, хотя размеры здесь скромны сравнительно с Юзом, но **зато ведь это дело все ведено энергиею одного лица, без казенных подрядов, на частные заказы** (водопроводные трубы, чугун в штыках, сортовое железо, машины для угольных копей и т. п.), **и выплавка чугуна прямо на антраците, практикуемая лишь в Америке, — все составляет очевидный и крупный успех русской металлургии.**

Поэтому имя Д. А. Пастухова займет в летописях русской промышленности почетное место, указывая на то, **как много могут делать частные, личные усилия.** Неудачи, бездна хлопот достойны всякого поощрения с того момента, когда все же достигнута желаемая цель и **когда охранительная пошлина приобретает свой настоящий смысл только чрез возбуждение внутреннего производства.**

Чтобы привлечь других, родить соревнователей, охотников, необходимо пионеров всячески поощрять — иначе двойную плату за все железное придется платить в России беспредельно долго. Ныне ясно, что завод Пастухова может жить и развиваться, что он окупит затраты, но и для этого необходимо время, новые упорные усилия, и вот их-то должно поддерживать. Как сделать это — не мое дело, только я знаю, что если сломится этот начинатель, труднее будет ждать тех многих новых, именно частных, не субсидируемых начинателей, которых должно взывать и которых вызывает покровительственная пошлина. Ведь всем нельзя же найти казенных заказов и ведь прочна и необходима частная инициатива, и вот она-то будет всегда иметь перед глазами Пастухова прежде, чем Юза.

Во всяком случае, начало есть, и необходимо вызвать соответственными мерами подражателей, расширителей, конкурентов, чтобы достичь возможной дешевизны»¹.

Вот что было дорого Д. И. Менделееву — почин, инициатива, упорство в достижении цели, проявленные русским предпринимателем! Их не отменяет и то, что правительство все же передало, как говорилось, Пастухову железный лом из Николаева.

Таким образом, с момента постройки завода Юзом и вплоть до 1887 г. на Юге России работало лишь два чугуноплавильных и железоделательных завода, притом один с большими перебоями.

Однако и перед Юзом встали проблемы — чугун плавился из местной руды с низким (около 40%) содержанием железа, которая поэтому требовала тщательной сортировки и не могла обеспечить больших объемов производства. И, несмотря на огромные залежи угля, железоделательная промышленность Юга едва ли стала бы флагманом отечественной индустрии, если бы в западной части Екатеринославской губернии, в Кривом Роге, не были бы открыты богатые залежи железной руды.

¹ Там же. С. 671.

Об их существовании в этом районе было известно еще в XVIII в. Князь Потемкин планировал организацию в районе Кривого Рога целого ряда предприятий. После его смерти об этом забыли, тем более, что нанятый в 1830-х гг. А. Н. Демидовым для геологических изысканий на Юге французский инженер Ле Пле заявил, что в Донецком регионе нет серьезных предпосылок для развития металлургии¹.

Вслед за тем произошла так называемая «Кульшинская оказия» — история в совершенно гоголевской стилистике (и в гоголевское время!). В 1830-х гг. Горный департамент командировал своего чиновника унтершахмейстера Кульшина для «разносторонних геогностических изысканий в криворогском районе». Кульшин подтвердил результаты проведенной при Потемкине экспедиции проф. Леванова, открывшего залежи железных и медных руд, каменного угля, каолина и аспида при слиянии рек Ингульца и Саксаганки.

Одновременно Кульшин «обратил внимание правительства на имеющиеся якобы в Кривом Роге богатые залежи каменного угля, причем указал на чрезвычайную выгодность эксплуатации этих залежей. Горный департамент поверил ему на слово, командировал его вторично в Кривой Рог для добывания каменного угля, снабдив его необходимыми материальными средствами и дав ему в бесконтрольное распоряжение для производства работ две роты солдат-поселенцев.

В результате оказалось, что Кульшин деньги присвоил себе, вместо проектируемых двух шахт для добывания несуществующего каменного угля — вырыл две ямы в несколько сажень глубины в черном углистом сланце, а откомандированных ему солдат — поселенцев нанял на работу окрестным помещикам.

Когда же Горный департамент потребовал подробного и точного отчета о произведенных работах, то Кульшин отрапортовал, что приключившимся наводнением обе шахты залиты и все приспособления, машины и орудия производства разрушены, разорваны и потоплены, причем просил об ассигновании и немедленной высылке необходимой суммы на реставрирование шахт и орудий производства, обещая в самом скором времени устроить так, что предприятие в ближайшем будущем даст самые блестящие результаты». Однако вместо денег — точно по Гоголю — из Петербурга приехал ревизор, Кульшина судили, лишили прав состояния и сослали в Сибирь².

После этого в Петербурге стали весьма скептически относиться к самой идее существования в Кривом Роге каких-либо минеральных богатств.

Однако они были найдены заново.

Это открытие связано с удивительной фигурой А. Н. Поля, чья необыкновенная личность для меня — одна из тех, которые ярко воплощают мощь **позитивного** интеллектуального и нравственного потенциала пореформенной России.

«Двадцать шестого июля 1890 года скончался в городе Екатеринославе А. Н. Поль, бывший гласный Екатеринославского губернского собрания, почетным попечителем местного реального училища, известным в свое время деятелем губернского дворянского комитета в Екатеринославе для приготовления вопроса об освобождении крестьян, энергичным членом Редакционной Комиссии по тому же вопросу в Петербурге; он обогатил весь край южной России открытием ископаемых богатств, особенно железных руд, положил основание Каменскому и Брянскому чугунолитейным и желе-

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 50.

² Там же. С. 50–51.

зоделательным заводам, способствовал проведению линии Екатерининской железной дороги, был главным виновником построения грандиозного через Днепр в Екатеринославе железного моста, наконец, составил богатейшую и единственную в своем роде коллекцию древностей в частных руках» — так начинается свой некролог А. Н. Полю известный историк и археолог Д. И. Эварницкий¹.

Надо сказать, что для одного человека — перечисленного здесь совсем не мало, и уже по этим словам можно судить о масштабе личности нашего героя.

В отличие от Юза, биография Поля известна несколько лучше.

Поль — один из тех удивительных людей, которые иногда рождались в весьма специфической социокультурной среде новороссийского дворянства.

Его дед Иоганн (Иван Иванович) фон Поль, шведский подданный, родившийся на острове Эзель (Сааремаа), поступил на русскую службу солдатом в 1786 г. и дослужился до капитана (по другим данным — до майора). Он участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., затем проделал с А. В. Суворовым Итальянский поход, был взят в плен Массеной и возвращен Наполеоном вместе с другими пленными в Россию. В награду за службу он получил 1500 десятин земли в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии.

Он женился на дочери соседа, помещика Маламы, из старого валашско— украинского рода; среди его сыновей был Николай Иванович Поль, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, подпоручик, уволенный в 1816 «за болезнь».

Выйдя отставку, Н. И. Поль жил в родовом имении (125 крестьянских душ обоего пола) и вскоре женился первым браком на дочери соседнего помещика А. Ф. Яковлевой, родившей ему сына Петра. Овдовев, он вторично женился на Анне Павловне Полетика, внучке знаменитого наказного атамана Левобережья Павла Полуботка, и старшим их сыном был родившийся в 1832 г. Александр.

Родство со знаменитым гетманом, арестованным Петром I, с детства погрузило мальчика в интереснейший мир истории Запорожья, его «лыцарей»-казаков и вообще в «старину». Он, «еще будучи мальчиком, по его собственным словам, лазил по всем чердакам и чуланам дома своей бабушки, везде отыскивал разные предметы древности и уже с тех пор стал питать к ним особенное пристрастие»². С детства А. Н. полюбил свои родные степи, свой народ, которому в зрелом возрасте и отдал все силы своей благородной души.

Мать разговаривала с детьми на русском и украинском языках, отец — на немецком, гувернеры — на французском и немецком. Александр с серебряной медалью закончил Полтавскую гимназию, весьма известное учебное заведение с блестящим составом преподавателей.

Затем он поступил на юридический факультет Дерптского университета (там преподавали на немецком), с блеском сдал 11 экзаменов и поразив комиссию свободным знанием шести языков. Его дипломная работа, написанная по-немецки, называлась «Исторический обзор попыток Японии в освоении мировых рынков» (!)³. В 1854 г. «студент дипломатических наук» Александр Поль, сдав свой экзамен «очень хорошо», по выходе из университета получил степень и права кандидата дипломатических наук», а также «десятый служебный чин при вступлении на гражданскую службу».

¹ Эварницкий Д. Музей Поля // Исторический вестник. 1890. № 42. С. 794.

² Там же. С. 795

³ Линднер Р. Предприниматели и город в Украине.: 1860–1914 гг. (Индустриализация и социальная коммуникация на Юге Российской империи). Киев-Донецк: ЧП «ИД Кальмиус», 2009. С. 183.

Однако сделать академическую или служебную карьеру ему не пришлось. Отец умер, и семеро детей, в том числе четверо от первого брака отца, остались без кормильца (мать А. Н. Поля скончалась ещё раньше). Александр взял ответственность за братьев и сестер на себя и вернулся в родное имение.

После «дипломатических наук» он погрузился в изучение сельского хозяйства, разведение породистого скота; параллельно с этим он занимался историей, археологией и изучением родного края также и с геологической точки зрения — внешнее однообразие степи невольно будит интерес ко всему, что хоть сколько-нибудь необычно. Благодаря врожденному благородству, твердому характеру и образованию он быстро выдвинулся в среде дворянства своей губернии.

С началом Великой реформы он был избран членом губернского комитета от Верхнеднепровского уезда, а затем стал одним из двух членов губернского комитета второго созыва от Екатеринославской губернии, которые участвовали в работе Редакционных Комиссий. В это время ему было 27–28 лет, и когда в сентябре 1860 г. депутаты встречались с императором в Зимнем дворце, Александр II, имея в виду А. Н. Поля, выразил свое удовлетворение тем, что «в решении вопроса об освобождении крестьян от крепостной зависимости принимают участие и такие молодые силы»¹.

Поль был одним из тех русских людей, которые, по выражению Н. К. Бржеского, «значительно опережая свое время, ставили крестьянской реформе широкую задачу — развязать крепостные отношения не только между крестьянством и помещным сословием, но также между каждым отдельным крестьянином и общиной. Лица эти отлично понимали, что особые условия общинного землевладения в связи с круговой порукой неизбежно отразятся на всем строе гражданских правоотношений крестьян и что прикреплением крестьянина к земле, принесением его личности в жертву общинному началу создается новое крепостное состояние, создаются условия, задерживающие гражданское развитие и материальное преуспевание крестьянской массы»².

Подпись Поля стоит под всеми отзывами «членов губернских комитетов второго призыва», которые резко оппонировали проектам Редакционных Комиссий и которых историография Великой реформы 150 лет для удобства именуется преимущественно «крепостниками», не затрудняя себя, как правило, серьезным анализом их позиции.

Между тем, как мы уже знаем, жизнь продемонстрировала именно их правоту.

После 19 февраля 1861 г. он был избран членом Екатеринославского губернского по крестьянским делам присутствия. С 1866 по 1883 гг. он был уездным и губернским гласным в земском собрании Екатеринославской губернии, а в 1869 г. был избран почетным мировым судьей Верхнеднепровского округа и председателем Верхнеднепровского мирового съезда. К общественным делам, как, впрочем, и ко всему в жизни, он не относился формально. Показательно, что, не будучи богатым от рождения, он сумел сделать состояние образцовым ведением хозяйства, разведением породистых лошадей и крупного рогатого скота, а также строительством кирпичных заводов.

¹ *Синяевский А. С.* Александр Николаевич Поль. Биографический очерк к открытию здания Областного музея его имени. Екатеринослав. 1905. С. XXXIV.

² *Бржеский Н. К.* Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян... С. 7.

При этом изучение родного края оставалось его страстью: «Окончил я курс наук, вернулся в родные степи, взял в руки палочку и пошел пешком осматривать могилы, городища и урочища». Эварницкий пишет: «Так шел он по степи, желая найти ответы на свои вопросы у древних днями людей и древних тысячелетиями могил. Много раз он предпринимал подобного рода хождения и в одно из них зашел в Дубовую балку у правого берега речки Саксагани, близ селения Кривого Рога. Местность по Дубовой балке в высшей степени поразила А. Н. Поля как своим вековечным лесом, так и не менее того своими громадными скалами и глубокими пещерами с доисторическими и историческими остатками различных древностей в них. Осматривая балку с чисто археологической стороны, А. Н. Поль неожиданно для самого себя наткнулся близ нее на обнажения железные руды. Знакомый с минералогией, он тот же час определил породу открытого им металла»¹.

Брандт уточняет: «Подозревая существование железной руды в криворожском районе, он вместе со своим сотрудником О. И. Пузино исходил этот район вдоль и поперек, пока в одном месте, названном орлиным гнездом и предоставлявшем высокую обнаженную скалу в пустынной дикой местности, служившей притоном диких зверей и разбойников, он наткнулся в 1866 году на явные признаки существования железной руды. Дальнейшие изыскания привели его к нахождению богатых залежей железной руды в купленных им позже имениях Гданцевке и Дубовой Балке»².

Вслед за этим А. Н. Поль нашел месторождения «великолепного, тонкого, нежного и эластичного горного льна (асбеста — М. Д.); за горным льном открыл сухие пласты разноцветных красок по берегам речки Саксагани; за сухими красками открыл аспид, а под конец нашел крупные породы граната»³.

У А. Н. Поля хватало интеллекта и образования, чтобы понять потенциальный масштаб своего открытия.

Следующие пятнадцать лет его жизни ушли на то, чтобы реализовать его и внедрить в жизнь.

Понимая важность независимой научной экспертизы в столь серьезном деле, как оценка месторождений железной руды, Поль поехал в европейские университеты с образцами своей руды. Профессор Бернгард фон Котта из Саксонской горной академии г. Фрайберга, химик Фритче и горный инженер Лео Штриппельман⁴ заверили его, что в руде 70%-ное содержание металла. В 1872 г. Поль за свой счет пригласил Штриппельмана лично обследовать найденные им месторождения.

В результате этой поездки Штриппельман написал и на деньги Поля издал в Лейпциге книгу, которую Поль перевел на русский язык и издал также за свой счет под названием «Южнорусские месторождения магнитных железных руд и железного блеска в Екатеринославской (Верхнеднепровский уезд) и Херсонской губерниях. Исследование горного инженера Л. Штриппельмана с предисловием Бернгарда фон Котта» (СПб., 1873)⁵.

А. Н. Поль дополнил перевод многочисленными замечаниями, что как бы сделало

¹ Эварницкий Д. Музей Поля... С. 795–796.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 52.

³ Эварницкий Д. Музей Поля ... 796–797.

⁴ Р. Линднер говорит, что он был владельцем сталелитейного завода в силезском Герлице, а ещё раньше — полномочным директором «горного и литейного производства его королевского величества курфюрста Фридриха Вильгельма I Гессенского»

⁵ Линднер Р. Предприниматели и город в Украине ... С. 188.

его соавтором, и разослал в министерства, а также отдельным лицам, которые, по его мнению, могли заинтересоваться его открытием.

Вывод Л. Штриппельмана был таков: «Концентрация спекулярита и красного железняка — во многих местах между руслами рек Ингулец и Саксагань — этого своеобразного междуречья южнорусской горнодобывающей промышленности — является такой, что эти пласты следует считать надлежащим образом пригодными для добычи богатых железом руд». При этом «залежи железняка отличаются не только особой пригодностью для добычи, но и чистотой, благородным составом («sic» — примечание Р. Линднера) — М. Д.), качеством и близостью к угольным месторождениям; могут использоваться металлургической промышленностью и наилучшим образом содействовать развитию и подъему этого производства, принося хорошие результаты»¹. При этом часть залежей можно было добывать открытым способом.

Штриппельман и Поль выдвинули, во-первых, идею соединения криворожских месторождений железной руды и угля Донбасса, поскольку бедность залежей донецкой железной руды была очевидной, и, во-вторых, мысль о строительстве металлургических предприятий в Николаеве. Поль как человек государственного ума еще тогда говорил, в частности, о необходимости создания в Николаеве судостроительного завода, который был построен лишь в 1895 г. (знаменитый «Наваль»).

В это же время Поль приобрел Дубовую Балку, где построил дом, и Гданцевку, а затем арендовал 18 600 десятин земли, заключив договор с Криворожским сельским обществом на 85 лет².

Теперь проблемой номер один стали капиталы, которые позволили бы начать правильную разработку найденных месторождений.

И тут-то начались трудности, оказавшиеся непреодолимыми.

К планам Поля и правительство, и современники отнеслись равнодушно.

После Штриппельмана более подробные исследования криворожских руд провели немецкий бергмейстер Гарциг (по поручению и на средства Поля) и русские горные инженеры Иваницкий, Францкевич и Фельске по поручению правительства, чьи работы, однако, не были напечатаны, и, по мнению Брандта, не принесли пользы разъяснению дела³.

Министерство государственных имуществ лишь весной 1875 г. направило экспертную комиссию на Криворожье. Известные горные инженеры братья Носовы, очень много сделавшие для геологии Юга, «в своем отчёте подтвердили выводы немецких ученых и не скрывали своего восхищения высококачественными железными рудами. По их мнению, в районе Кривого Рога между реками Ингулец и Саксагань открыт «второй Урал». Запасы руд, залегавшие на небольшой глубине (ок. 40 м), по оценкам на середину 1870-х гг. составляли 119 млрд пудов»⁴.

Линднер цитирует весьма красноречивое письмо Поля министру государственных имуществ П. А. Валуеву от 28 февраля 1876 г.:

«Водворение на Юге России производства железа и стали в возможно обширных размерах, составляет в последние 8 лет предмет особых попечений правительства,

¹ Там же. С. 188–189.

² Там же. С. 190.

³ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы ... Ч. 2. С. 52.

⁴ Линднер Р. Предприниматели и город в Украине ... С. 190.

но те усилия и жертвы, принесённые как правительством, так и частными лицами до настоящего времени далеко не достигли полного успеха, и главным образом, по отсутствию в местности, выбранной для постройки заводов, коренных месторождений железных руд.

Вот почему открытие близ Кривого Рога неисчерпаемых и теперь уже вполне обследованных, разнообразных по качеству и богатым содержанием металла рудных кражей, не может не вызывать к основанию обширного горнозаводского предприятия по производству железа и преимущественно стали в размерах государственных.

(...) Для осуществления такого плана я не обладаю необходимыми средствами, частный же кредит, можно сказать, не существует в России для подобного рода предприятий. Иностранные капиталы хотя и в предложении, но я решусь прибегнуть к ним только в крайности, потому что они невыгодны по двум причинам: а) иностранцы требуют за свои деньги слишком высокий куртаж (20% и более); б) **имущество, подобное Кривому Рогу, не должно, по моему разумению, сделаться достоянием иностранцев: оно слишком ценно и желательно оставить его во владении благонадёжных русских людей. Преобладание же иностранцев в предприятии будет равняться отчуждению в их руки такой многоценной собственности.**

Все эти обстоятельства приводят к убеждению, что для осуществления предприятия, имеющего и государственное значение, есть только один путь: просить содействия правительства. А посему, имея в своем распоряжении все естественные средства для основания на Юге России горнозаводской промышленности на прочных началах, я покорнейше прошу Вас исходатайствовать мне разрешение учредить общество на паях с возможно меньшим числом паев и большим числом облигаций (или других процентных бумаг)».

В письме также говорилось: «Рудники Кривого Рога известны вашему превосходительству из официальных донесений д. с. с. Иваницкого и доктора Фельско. В дополнение к этому прилагаю исследование горных инженеров братьев Носовых и опускаю здесь описание руд, ограничиваясь лишь заявлением, что исключительное на них право принадлежит мне, на основании арендного договора, заключенного мною, с Высочайшего разрешения, с крестьянами местечка Кривой Рог на 85 лет, в удостоверение чего предоставляю при сем документы. Приступая к начертанию плана металлургического предприятия, **исходная цель которого должна заключаться в вытеснении с наших рынков железа и стали иностранных заводов**, нельзя не признать, что цель эта будет достигнута лишь с производством возможно дешевого металла. Удешевление же металла стоит в прямой зависимости от дешевизны капитала, необходимого для основания и действия завода»¹.

Криворожские месторождения исследовались также горными инженерами Конткевичем в 1878 и 1879 гг., напечатавшим свой труд в «Горном журнале», Шимановским, издавшим свою работу особой брошюрой на французском языке и Домгером².

Все было бесполезно — и правительство, и российское бизнес-сообщество оставались пассивны. Кстати, я уверен, будь тогда во власти С. Ю. Витте, ситуация была бы иной!

Б. Ф. Брандт полагает, что причиной равнодушного отношения правительства к

¹ Там же. С. 190-191.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 52.

открытию Поля явился «отзыв о криворожской руде проф. Петербургского горного института Н. Барбот де Морни, командированного летом 1868 г. для геологических изысканий в Херсонской губернии и опубликовавшего в следующем 1869 г. свой отчет. В этом отчете профессор Барбот де Морни совершенно игнорируя существование в Кривом Роге красных и магнитных железных руд, констатирует нахождение в этой местности лишь мощных залежей железистого кварцита с содержанием металлического железа от 20 до 42%, причем этот кварцит, по мнению профессора, вовсе не годен как руда для заводского чугуноплавильного и железного производства. Против этого утверждения пришлось Полю долго бороться, писать много возражений, приглашать для этой цели других специалистов»¹.

Реализовать идею создания общества для эксплуатации криворожских месторождений в России не получалось, при том, что, ставя Полю препоны, в районе собственно Донбасса правительство поддерживало разработки тамошней небогатой железной руды.

В Екатеринославе (и не только) он со временем приобрел репутацию не то, чтобы совсем ненормального — для этого он был слишком крупной и неординарной фигурой, но все же человека, серьезно «сдвинутого» на своих несуществующих, как считалось, полезных ископаемых, причем «фанатик Кривого Рога», «фанатик Дубовой балки» были еще не самыми обидными прозвищами.

На конфиденциальный запрос из Петербурга, куда он ездил хлопотать о правительственной поддержке, о Поле, о его благонадежности и нравственных качествах местный исправник отвечал, что Поль «несколько ненормальный человек». В других отзывах полиции он характеризовался как «человек раздражительный и беспокойный», принадлежащий к тем гласным, которые «постоянно выступают против политики правительства»².

В истории мытарств А. Н. Поля поразительно и другое. Легко представить, сколько душевных сил у него отнимали эти безуспешные попытки пробить своим энтузиазмом стену равнодушия. Тем не менее он продолжал и свою активную общественную деятельность, и занятия животноводством, отмеченные медалями МГИ, и продолжал собирать свою уникальную коллекцию.

В октябре 1878 г. гласные земского собрания предложили ему даже взять на себя председательство. Однако он отклонил это предложение, и слова, в которых он это сделал, очень многое говорят об этом человеке: «Благодарю вас, господа гласные, за эту честь. Я служил земству... и не отказываюсь служить. Но мое первое правило было служить, никогда не получая за это платы. Эти самые мотивы заставляют меня и в данную минуту продолжать мою службу там, где я могу служить бесплатно. Я всегда отказываюсь от всякой общественной должности, с которой сопряжена плата.... Поэтому я никогда не могу принять на себя должность земства, с которой сопряжено вознаграждение. Я покорно благодарю вас и отказываюсь баллотироваться»³.

С начала 1870-х гг. Поль параллельно продвигал идею строительства железной дороги, которая соединила бы Донбасс с Кривым Рогом через Екатеринослав. Его предложение поддержало Екатеринославское губернское земство, а в 1874 г. — 1-й съезд горнопромышленников Юга России. В апреле 1875 г. император утвердил проект же-

¹ Там же. С. 53.

² *Линднер Р.* Предприниматели и город в Украине ... С. 187.

³ Там же.

лезной дороги длиной 220 верст, но затем он был отложен, как считается, из-за русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Между тем приближалась неминуемая развязка — банкротство: «Долголетние геологические изыскания, приглашение дорогостоящих специалистов, поездки в Петербург и за границу, покупка имений Гданцевки и Большой Дубовой, наконец, затрата более 150 тыс. руб. на археологические изыскания и расходы по устройству своего археологического музея, — все это привело Поля чуть ли не к полному разорению. Все обширные имения были заложены, золотые и серебряные вещи как из музея, так и фамильные драгоценности находились также в залоге в различных банках; кредит был исчерпан и подорван вконец»¹.

Отдав полтора десятка лет важнейшему для страны делу и пройдя до конца весь путь пророка, которого отечество считало как бы за «городского сумасшедшего», Поль достал «под тройной вексель и за какие-то баснословные проценты 1000 р.» у ростовщиков и в 1880 г. уехал в Париж².

Оттуда он вернулся миллионером.

«Прежние антагонисты, порицатели и насмешники стали ярыми поклонниками и восхвалителями». Поль внес в банки Екатеринослава более 500 тыс. руб., погасив свои долги и вернув домой бесценную коллекцию.

В Кривом Роге началась добыча руды, а в экономической истории России — новый период.

В Париже А. Н. Поль встретился с французским предпринимателем — железнодорожником, директором «Железнодорожного общества Париж-Лион» и владельцем крупных металлургических заводов Поленом Талабо (Paulin Talabot). Тот оказался куда прозорливее российского истеблишмента и всех отечественных «капитанов бизнеса», вместе взятых, и моментально оценил идеи нашего героя. П. Талабо, глава сталеплавильного завода «Mokta-el-Hadid, Societe Generale» с правлением в Алжире, в 1880 г. согласился на основание закрытого акционерного общества «Криво-рожское анонимное общество минеральных железных руд» («Societe anonyme des minerals de fer de Krivoi-Rog») с уставным капиталом в размере 5 млн франков. За сутки было выпущено 10 тыс. акций стоимостью 500 франков каждая. Дирекция нового общества состояла из французов и российских подданных в равном соотношении. А. Н. Поль был не только крупнейшим акционером, но и одним из директоров общества³.

Поначалу общество занималось только разработкой железной руды. Однако с течением времени тут же, на месте добычи, был построен собственный завод (Гданцевский) для переработки части руды со сравнительно малым содержанием железа (около 50%), поскольку окупить стоимость ее добычи можно было только при выплавке чугуна на самом руднике, без транспортировки. Впрочем, завод откроется только в 1892 г.

Для Поля настал новый период жизни, когда судьба сменила гнев на милость, и его планы, точнее, его мечты, которые столько лет не могли осуществиться, начали материализовываться (можно думать, теперь ему отчасти были знакомы эмоции Петра I после Полтавской битвы).

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 53.

² Там же. С. 53–54.

³ Линднер Р. Предприниматели и город в Украине... С. 192.

В следующем 1881 г. был утвержден устав «Общества криворожских руд» и началось строительство Криворожской железной дороги, за проведение которой Польш боролся столько лет. Правительство ассигновало на дорогу 30,9 млн руб., из которых почти 4 млн руб. предназначались на сооружение железнодорожного моста через Днепр в Екатеринославе.

Мост — безотносительно строительства железной дороги — был отдельным проблемным сюжетом жизни не только Екатеринослава, но и региона вообще. По словам Поля, на обоих берегах Днепра постоянно стояло порядка 200–300 фур, и переправа стоила каждой не менее трех рублей: «Бывает, фуры стоят целыми неделями... Это грабеж бедных крестьян... Я думаю, что на основании точных статистических данных можно положительно доказать и довольно точно оценить, во сколько обходится населению губернии отсутствие моста в Екатеринославе; эти убытки, которые несут Екатеринослав и Екатеринославская губерния, могут быть оценены без какой-либо натяжки в ежегодную сумму потерь в два или три миллиона рублей». Польш был уверен, что строительство моста окупится за год, и оказался прав.

В мае 1884 года произошло торжественное открытие Криворожской железной дороги от станции Ясиноватая через Екатеринослав и Кривой Рог до станции Долинская. Двухъярусный мост (с гужевым верхним ярусом) через Днепр, построенный по проекту академика Белелюбского, в то время был самым длинным в Европе и получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже 1889 г.¹

Эта дорога, позже переименованная в Екатерининскую, соединила Кривой Рог с Донецким угольным бассейном, благодаря чему криворожская руда только и получила свою настоящую ценность; достаточно сказать, что Юз после начала разработки Полем железной руды до 1884 г. возил ее в Юзовку за 400 в лишнем верст на волах и лошадях! После открытия дороги деятельность «Новороссийского общества» вышла, естественно, на новый уровень.

Итак, простой факт соединения железной дорогой Кривого Рога и района Юзовки привел, как мы увидим, к возникновению Донецко-Криворожского бассейна, превратившего Новороссию в динамический центр отечественного народного хозяйства и сыгравшего едва ли не ключевую роль в промышленном подъеме 1890-х гг.

Отсюда следует весьма важный вывод — если бы идея Поля о строительстве этой дороги была реализована не через 11–12 лет, а хотя бы через три года, что было **вполне реально**, то Южный промышленный район возник бы гораздо раньше конца 1880–1890-х гг. Нужно ли пояснять, как это изменило бы развитие народного хозяйства России?

Здесь я хотел бы заметить следующее.

О таких людях, как Польш, Голливуд любит снимать фильмы и правильно делает, поскольку такие ленты дают точку опоры людям, которые могут и готовы изменить мир к лучшему в прямом смысле этого слова, но по дороге могут и не выдержать постоянной борьбы с инертностью, близорукостью и равнодушием окружающих.

Столкновение романтиков с жизнью редко заканчивается благоприятно — но в истории Александра Николаевича Поля все же есть большая доля хэппи-энда, однако не сам хэппи-энд.

¹ *Николаева Тетяна*. Олександр Польш: підпріємець, громадський діяч та дослідник Придніпровського краю // *Красзнавство*. 2011. № 2. С. 186–187.

Почему?

Потому что в 1890 г. он скоропостижно умер от разрыва сердца в возрасте 58 лет.

15 лет бесплодных скитаний по петербургским канцеляриям, 15 лет тщетных попыток пробить стену недоверия, непонимания и инертности правительства, 15 лет иронии, насмешек и подмигиваний за спиной, увы, не проходят даром.

Пятнадцать лет, потраченных на доказательство очевидного, — это очень по-русски.

Прав Д. И. Эварницкий: «Нужно было иметь непреклонную силу воли, неистощимую энергию и почти нечеловеческие усилия, чтобы поставить громадное дело на надлежащий путь. ...»

Мы можем с полным основанием сказать, что А. Н. Поля не только крупная, но и из ряда выдающаяся сила всего нашего южного края: он не только возвысил свою губернию на степень первой промышленной губернии на юге и предназначил ей роль русского Массачусетса, но он открыл громадное будущее для целой половины России, направил деятельность добывателей горных богатств с Урала ближе к Днепру, ближе к Черному морю, ближе к Европе, ближе к прямым путям сообщения; он поставил в близкие связи по этому поводу европейцев с нашим отечеством; он изумил их громадными, еще никем не тронутыми ископаемыми сокровищами нашей родины¹.

И все же титаническая борьба А. Н. Поля за преобразование Юга России, стоившая ему гигантского нервного напряжения, не говоря о финансовой стороне проблемы, в конечном счете увенчалась успехом.

Потому что после его возвращения из Парижа и строительства железной дороги до Кривого Рога индустриализация стала нарастать лавинообразно и началась своего рода цепная реакция невиданного усложнения жизни края.

В 1885 г. общество Брянского завода, первым оценившее новую ситуацию, начало строить на Днестре, возле Екатеринослава, Александровский завод, первая домна которого выплавляла металл в 1887 г. (один из крупнейших в СССР Днепропетровский завод имени Петровского). Не случайно Л. Б. Кафенгауз именно этот год берет за точку отсчета в своей монографии «Эволюция производства России».

В 1889 г. образовалось Южно-Днепровское металлургическое общество с основным капиталом в 5 млн руб. и с облигационным (в 1889 г.) в 2,5 млн руб., построившее в 30 верстах от Екатеринослава в селе Каменском (знаменитом в советской истории Днепродзержинске) Днепровский завод; именно там в 1921 г. закончил гимназию сын рабочего Леонид Ильич Брежнев. Главными участниками общества явились, с одной стороны, бельгийская компания Кокериль, а с другой стороны, общество Варшавского сталелитейного завода, продавшее новому обществу принадлежавший ему в Варшаве завод, который перевезли на Юг со всем оборудованием и рабочими, которых удалось соблазнить выгодными контрактами².

В 1891 г. французские предприниматели Пастор и Вердые близ станции Дружковка основали «Донецкое общество железодельного и сталелитейного производства» с основным капиталом в 1,5 млн руб. (с 1895 г. — 3,0 млн руб.) и облигационным на 1,5 млн руб. (1897 г.); сейчас Дружковский машиностроительный завод

В 1892 г. основанное Полем «Общество криворожских руд» строит собственный

¹ Эварницкий Д. Музей Поля ... С. 796–797.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 54–55.

Гданцевский завод. Это был единственный завод на Юге России, который не переделывал выплавлявшийся им чугун в сталь и железо и готовил его только для продажи, что было очень важно из-за дефицита чугуна, необходимого для литейных и механических заводов.

В 1895 г. учреждено Русско-Бельгийское металлургическое общество с основным капиталом в 8 млн фр. (10 млн фр. в 1897), построившее завод возле станции Волянцево.

В том же 1895 г. купцом 1-й гильдии А. К. Алчевским и Б. Б. Герберцом было создано «Донецко-Юрьевское металлургическое общество» с основным капиталом в 1,5 млн руб. (5 млн руб. в 1897 г.), построившее завод у станции Юрьевка¹.

В 1896 г. не без протекции С. Ю. Витте американцы учредили Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество с основным капиталом в 3 млн руб. и построили неподалеку от порта Мариупольский завод. Они смогли через А. Ю. Ротштейна, известного сотрудника Витте, получить заказ на производство труб для керосинопровода на Кавказе на 150 верст и поступили по известной нам уже схеме — купили в США трубопрокатный завод и полностью перевезли в Мариуполь.

Характерно, что уже в декабре 1896 г. они приступили к его сборке, а 1 февраля 1897 г. начали работу. При этом производство труб не было главной специальностью завода — там было 4 домны, сталелитейное производство и т. д. Американцам пришлось строить завод ударными темпами не только из соображений экономической выгоды, но и потому, что условия, выставленные Мариупольской городской думой при составлении договора, исключали долгострой, как сказали бы в России сегодня. Дума поставила условие — если за 1,5 года после покупки земли не начнется выплавка руды, то земля будет возвращена городу без возврата уплаченных денег, причем в собственность города поступят безвозмездно и все возведенные за это время на той земле постройки.

Надо ли удивляться, что в том же 1897 г. первая домна дала первый металл?

В 1896 г. бельгийские капиталисты основали Таганрогское металлургическое общество с капиталом в 5,6 млн руб., для чего был демонтирован и перевезен в Россию завод фирмы «Кокериль».

Одновременно начали строиться заводы четырех бельгийских обществ — «Общества доменных печей и фабрик на Ольховой в Успенске» в 26 верстах от Луганска, завод бельгийского же общества «Провиданс» рядом с Мариуполем, завод «Верхнеднепровского металлургического общества», завод «Бельгийского Алмазного каменноугольного акционерного общества» у станции Алмазная и Генеральное общество железоделательных и сталелитейных заводов в России «Макеевские сталелитейные заводы» у с. Харцызск. Одновременно строились Керченский чугуноплавильный завод Брянского общества и завод в Краматорске «Общества котельных и механических заводов В. Фицнер и К. Гампер», действовавшего в русской Польше.

До середины 1880-х гг. на Юге было два больших металлургических завода — «Новороссийское общество» Юза и Сулинский завод Пастухова. А к концу 1890-х гг. их насчитывалось уже 17. При этом 13 из них были построены иностранным капиталом (не все из них пережили экономический кризис начала 1900-х гг.).

Результаты этого движения можно видеть по диаграммам 9 и 10.

¹ Там же. С. 56.

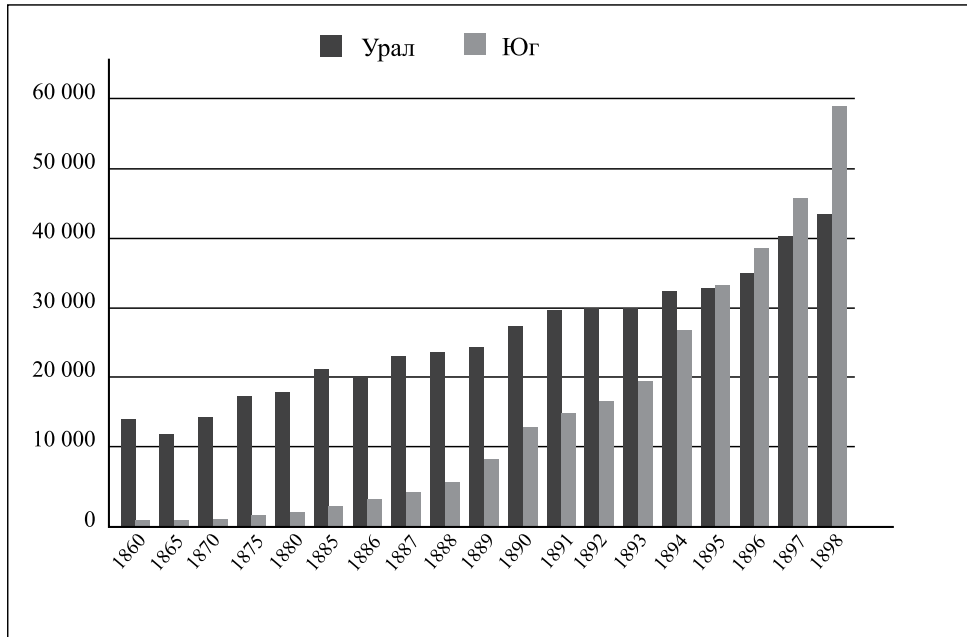

Диаграмма 9. Производство чугуна на заводах Урала и Юга России в 1869–1898 гг. (тыс. пуд.). Источник: Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы ... Т. 2. С. 72

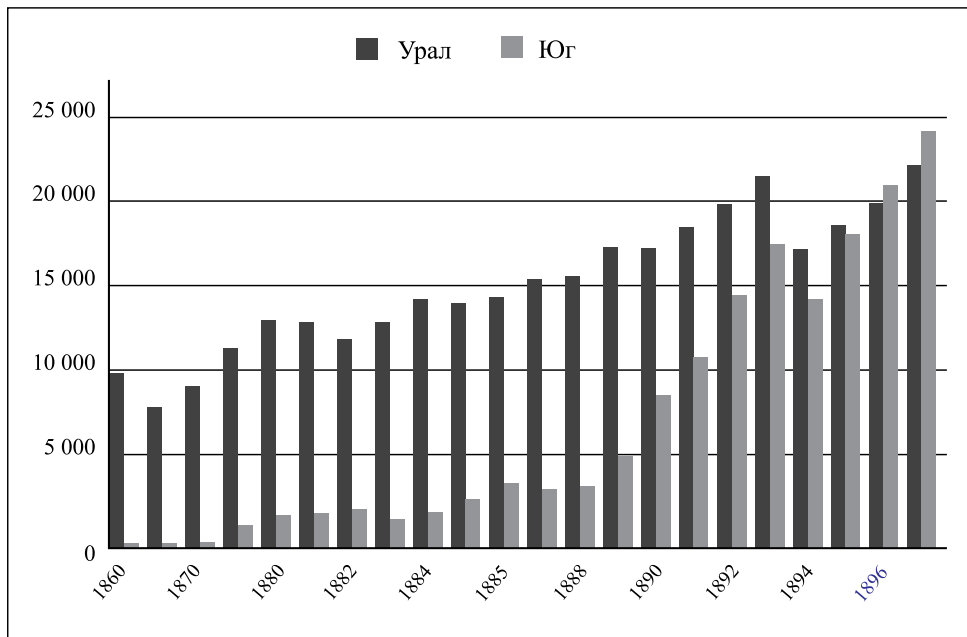

Диаграмма 10. Производство железа и стали на заводах Урала и Юга России в 1860–1898 гг. (тыс. пуд.) Источник: Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы ... Т. 2. С. 76–77

Добыча железной руды за 1887–1900 гг. (без Польши) возросла с 1100,5 до 5534,3 тыс. т, т. е. в 5,0 раз. Производство чугуна за тот же период увеличилось с 531,0 до 2602,5 тыс. т, или в 4,9 раз, причем на Урале — с 383,7 до 821,6 тыс. т, или в 2,1 раза, в Центре — с 72,5 до 269,9 тыс. т, или в 3,7 раза, а на Юге — с 68,1 до 1506,0 тыс. т, или в 22,1 раза.

Производство железа и стали за те же годы возросло с 562,6 до 2328,6 тыс. т, или в 4,1 раза, причем на Урале в 1,9 раз (с 300,3 до 628,9 тыс. т), в Центре — в 3,3 раза (с 161,1 тыс. т до 528,0 тыс. т), а Юге — в 17,8 раз (с 65,8 до 1169 тыс. т).

Л. Б. Кафенгауз резюмирует: «Добыча руд и выплавка металлов растут из года в год, причем к концу изучаемого периода темп роста возрастает: в течение первых трех лет прирост выплавки чугуна составил 23,9%, в течение первой половины 90-х годов общий прирост за пятилетие составил 63,9% по руде и 59,4% по чугуну, а в течение второго пятилетия — 121,9% по руде и 110,3% по чугуну.

Этот исключительный по своему темпу рост выплавки черных металлов сопровождался полным техническим переворотом в этой области, ибо больше всего возросла выплавка на новых южных доменных заводах, основанных на новой технике, кроме того, и на Урале были выстроены новые агрегаты большей мощности и с целым рядом усовершенствований, поскольку это допускает древесно-угольная доменная плавка. Некоторым общим показателем технического прогресса может служить развитие производства чугуна, выплавленного на каменном угле, доля которого в общей выплавке чугуна возросла с 20,3% в 1888 г. до 57,2% в 1900 г. Точно так же возросло число домен с горячим дутьем.

Столь исключительный рост металлургического производства в течение этого периода был основан в значительной части на вытеснении из внутреннего рынка иностранного железа, которое, как мы видели, привозилось к нам в громадных количествах, так, в 1900 г. при общем потреблении черных металлов на территории бывшей Империи в 3368 тыс. т доля внутреннего производства составила 2896,4 тыс. т или 86%. Кроме того, большая часть прироста в производстве железа и стали пошла на удовлетворение железнодорожного спроса, развивавшегося вместе с проведением в течение этого периода 22674 км новых железнодорожных линий»¹.

Результаты, как можно видеть, весьма красноречивые.

Однако строительством новых металлургических предприятий трудности индустриализации Юга не исчерпывались. Существовала серьезная проблема — проблема рабочей силы, и она не имела простого решения.

Не секрет, что в отраслях группы А от рабочих чаще требуется более высокая квалификация, чем в отраслях группы Б. В старых промышленных районах — Уральском, Центральном-Промышленном, Прибалтийском, Польском — пролетариат **уже** существовал, и, следовательно, имелся определенный потенциал обучаемости.

В Новороссии ситуация была иной. Для местных жителей фабрично-заводская работа не была престижной, и даже высокая зарплата не была здесь решающим фактором. Население предпочитало заниматься сельским хозяйством, а также побочными промыслами, связанными с металлургией, — извозом, добычей флюсов, обработкой материалов и пр. В XIX в. рабочих в общепринятом смысле собственно на заводы и угольные шахты приходилось привлекать из центральных губерний и из других районов.

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства ... С. 33.

В Новороссии имела место ситуация, не предвиденная Марксом, — здесь конкурировали не те, кто предлагал свой труд, а те, кто хотел этот труд купить. Не рабочие боролись за «право на труд», а капиталисты, отбивавшие друг у друга рабочих, переманивавшие к себе наиболее квалифицированных из них предложением более высокой зарплаты и разнообразных льгот и бонусов.

Организация каждого нового завода в Новороссии непременно сопровождалась поиском рабочих, причем нередко в весьма отдаленных местностях, попытками привлечь рабочих из других уже работающих заводов, де-факто превратившихся в своего рода школы, где формировались кадры для вновь возникающих предприятий.

Примеру Южно-Днепровского общества, не только перенесшего в Екатеринослав свой завод из Польши, но и сумевшего заинтересовать в переезде на Юг и кадры своих польских рабочих, последовали и заводы, возникшие позже.

Другие заводы на Юге, позже образовавшиеся, в свою очередь также вербовали часть рабочих в Польше, где металлургическая промышленность начала развиваться раньше, чем на Юге, и где уже имелся значительный контингент опытных рабочих. Позже возникшие заводы — Петровский, Донецко-Юрьевские, Таганрогский, Никополь-Мариупольский — привлекали рабочих с заводов, начавших работу раньше них: Юзовки, Южно-Днепровского, Александровского, Дружковского, Гданцевского и т. д. Понятно, что в условиях подобной конкуренции зарплата рабочих была довольно высокой¹.

Продолжим, однако, рассказ об упомянутой «цепной реакции» перемен — она не исчерпывалась вышесказанным.

Дело в том, что перечисленные крупные предприятия, выплавлявшие свой чугун, а затем перерабатывавшие его в железо, сталь, трубы, рельсы и т. д., одновременно дали жизнь **десяткам** механических, трубопрокатных, машиностроительных и металлообрабатывающих заводов, часто с миллионными капиталами (не говоря о множестве мелких заведений) не только в Екатеринославской, но и других южных губерниях — Харьковской, Полтавской, Херсонской и Таврической, а также Области Войска Донского. Эти заводы покупали у них уже готовый чугун или железо и вырабатывали свою продукцию.

Вот крупнейшие из них:

1) завод «Общества русских трубопрокатных заводов (быв. Шодуар)», основанный в 1890 г. с основным капиталом в 600 тыс. руб. (2 млн руб. в 1897 г.);

2) Екатеринославский сталелитейный завод бельгийского общества «Екатеринославских (донецких) железоделательных и сталелитейных заводов» с основным капиталом в 5 млн фр. и облигационным капиталом в 2,5 млн фр. с 1896 г.;

3) завод бельгийского общества «Франко-русские мастерские» (1896) с основным капиталом в 2,5 млн фр. и таким же облигационным капиталом, рассчитанный на ежемесячное производство 200 вагонов — пассажирских, товарных и трамвайных;

4) завод «Эстампаж» бельгийского «Донецкого металлургического общества штампования» (1896) с основным капиталом в 1,25 млн фр.;

5) трубопрокатный завод бельгийского инженера Ланге (1895) с мартеновскими печами, листопрокатными и машиностроительными мастерскими;

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 249–250.

6) завод «Общества металлических заводов «Б. Гантке» — филиал одноименного завода в Варшаве;

7) чугунолитейный и механический завод Геллерштейна (1895), производивший прежде всего сельскохозяйственные машины и орудия.

Два последних предприятия принадлежали русским подданным.

Стоит ли удивляться тому, что Екатеринослав, который был заурядным губернским центром с 19,5 тыс. жителей в 1862 г., в 1897 г. насчитывал свыше 121 тыс. горожан?

За пределами собственно Екатеринослава следует отметить:

8) железодельный завод бельгийского общества «Железопрокатный завод в Константиновке» с основным капиталом в 2,5 млн фр. (1897);

9) завод «Общества Дебальцевского механического завода» с основным капиталом в 1 млн руб.;

10) бельгийский машиностроительный и вагоностроительный завод в Горловке (Бахмутский уезд) с основным капиталом в 2 млн фр.;

11) Дружковский вагоностроительный завод бельгийского «Общества южнорусских Донецких сталелитейных и строительных заводов» (1898) с основным капиталом 1,6 млн фр.;

12) завод бельгийского «Общества судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве» (1896) с основным капиталом в 12 млн фр. и облигационным капиталом в 6 млн фр. (современный Черноморский судостроительный завод);

13) завод французского «Общества механического производства в южной России» в том же Николаеве с основным капиталом в 4 млн фр. (1895);

14) железодельный завод бельгийского «Одесского металлургического общества» с основным капиталом в 1,3 млн фр. и облигационным капиталом в 1 млн фр.;

15) завод бельгийского общества «Одесских сталелитейных, кузнечных и цепных заводов» с основным капиталом 1,7 млн фр. (1897);

16) завод бельгийского «Общества металлического завода в Одессе» с основным капиталом в 1,25 млн фр. (1896);

17) машиностроительный (котельный) завод «Анонимного общества Альберт Нев, Вильде и Ко» (1896) в Таганроге;

18) Харьковский паровозостроительный завод «Русского паровозостроительного и механического завода» в Харькове с основным капиталом в 5,25 млн руб. (1895);

19) машиностроительный завод бельгийского общества «Сумские машиностроительные мастерские» с основным капиталом в 2 млн фр. (1896);

20) Луганский машиностроительный (паровозостроительный) завод «Русского общества машиностроительных заводов Гартмана» с основным капиталом в 6 млн руб. и облигационным капиталом в 3 млн руб. (1896);

21) Луганский завод бельгийского общества «Луганская фабрика для производства ручных инструментов и орудий» с основным капиталом в 1 млн фр. (1896);

22) Луганский завод бельгийского «Общества для производства эмалированной посуды и ламп в Луганске» с основным капиталом в 1,5 млн фр. (1896).

Из этого списка только Харьковский паровозостроительный завод принадлежал российскому акционерному обществу, остальные были созданы иностранным капиталом¹.

Перечисленные предприятия относились к числу наиболее крупных металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, возникших после соединения Донбасса

¹ Там же. С. 62–66.

и Кривого Рога; помимо них на Юге появились десятки менее значительных, но необходимых населению чугунолитейных, механических и других металлообрабатывающих заводов и мастерских.

Из отраслей металлообрабатывающей промышленности быстрее всего в 1890-х гг. развивалось транспортное машиностроение — при общем росте всей металлообработки в 3 раза, производство подвижного состава увеличилось более, чем в 7 раз. К началу XX в. в России действовало семь паровозостроительных заводов производительностью 1200 паровозов в год, что немало, учитывая, что тогда же Франция выпускала ежегодно 500 паровозов, а Германия — 1400, а США — 3153. Л. Б. Кафенгауз отмечает, что отечественные вагоностроительные заводы по производительности приблизились к германским, которые в 1897 г. выпустили около 30 тыс. товарных вагонов и 6 тыс. пассажирских и трамвайных вагонов¹.

Менее интенсивно развивалось в эти годы сельскохозяйственное машиностроение, поскольку оно работало в условиях усиленной конкуренции с иностранной техникой, ввоз которой облагался относительно низкой пошлиной, а с 1898 г. сложные уборочные машины начали ввозиться беспошлинно. Несмотря на это, производство сельскохозяйственных машин возросло в течение 90-х годов в два с лишним раза, однако в целом отрасль значительно отставала от общего роста металлообрабатывающей промышленности.

В последней четверти XIX в. в Новороссию, безусловно, переместился динамический центр развития Империи, и роль индустриализации в этом была громадной; нельзя при этом отрывать процесс преобразования отечественной промышленности от развития сельского хозяйства.

Вновь созданные иностранным капиталом заводы, разумеется, прямо влияли на благосостояние тех, кто был непосредственно с ними связан, прежде всего рабочих, землевладельцев, владельцев перевозочных средств, подрядчиков, поставщиков и т. д. Однако не меньшим было и опосредованное их (заводов) воздействие на самые разнообразные аспекты жизнедеятельности региона и на интересы людей, которые, на первый взгляд, как будто ничего общего с ними не имели.

Это влияние проявлялось в возникновении и развитии новых вспомогательных отраслей производства и сфер человеческой деятельности, в образовании новых населенных пунктов, становившихся зародышами будущих городов и сразу превращавшихся в новые потребительские рынки для сельскохозяйственной продукции, в подъеме благосостояния уже существующих городов, в развитии портов и т. д.

Поскольку металлургическим заводам необходимо минеральное топливо, это стимулирует развитие каменноугольной промышленности. При этом металлургическая промышленность требует строительства железных дорог для перевозки громоздких грузов, что в свою очередь усиливает потребность железных дорог в угле. Так, например, Екатерининская железная дорога, в постройке которой столь велика заслуга А. Н. Поля, и значительная часть рельсовой сети Донбасса строились для нужд угольных шахт и металлургических заводов.

Вместе с тем железные дороги, изначально будучи как бы следствием развития последних, в силу того, что паровозам был нужен уголь, а дорогам — железнодорожные принадлежности, быстро стали их причиной. Это стимулировало и рост добычи угля, и увеличение производства рельсов и всех принадлежностей пути. Равным образом,

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства ... С. 40–41.

металлургическая промышленность, как мы видели, вызывает к жизни металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, которым также нужен уголь¹.

Для крепления шахт были необходимы лесные стройматериалы, которые в Донбасс поставляли из лесов Полесья. Таким образом, в процесс индустриализации включались тамошние лесовладельцы и многочисленные крестьяне, которые рубили этот лес и привозили к реке, владельцы плотов и речники, перевозившие его по Днепру до Екатеринослава, владельцы многочисленных лесопилен, построенных для обслуживания каменноугольной промышленности в Екатеринославе, их служащие и рабочие. Лесных материалов только для креплений шахт привозилось на сотни тысяч рублей. Велики были и потребности вагоностроительных заводов — так, например, годовой расход упоминавшегося вагоностроительного завода «Франко-русские мастерские» на лесные материалы составлял 300 тыс. руб. Лес был нужен и для постройки заводов и заводских помещений, и, наконец, для городского строительства в бурно разраставшемся Екатеринославе². Горожанам также необходимы были и дрова.

Брандт писал, что «едва ли крестьянин, рубящий близ Гомеля или Мозыря лес и перевозящий его на своей убогой лошадке к пристани или к станции железной дороги, даже имеет представление о том, что своей работой и заработком он обязан существованию где-то далеко на Юге иностранного металлургического завода, который своей потребностью в минеральном топливе вызвал к жизни устройство шахты, требующей для своих креплений тот самый лес, который этот крестьянин рубит и перевозит»³.

Правоту Брандта вполне подтверждает статистика.

Согласно «Списку фабрик и заводов», в 1874 г. в Екатеринославе был только один лесопильный завод — братьев Эринчек, в 1883 г. — 5, в 1884 — 7, в 1889 г. — 9, в 1894 г. их сразу стало 14, в 1896 г. — 15⁴.

В то же время, по данным «Статистических сборников МПС», прибытие лесных стройматериалов в Екатеринослав по Днепру развивалось следующим образом. В 1885–1888 г. оно отсутствовало. В 1889 г. оно сразу составило 13563 тыс. пуд., в 1890 г. — 11769 тыс. пуд., в 1891 г. — 11911 тыс. пуд., в 1892 г. — 13885 тыс. пуд., в 1893 г. — 14831 тыс. пуд., в 1894 г. — 18277 тыс. пуд. и т. д.

Равным образом до 1889 г. в Екатеринослав не привозили дров по Днепру, а с 1889 г. по 1895 г. перевозки выросли с 301 до 2274 тыс. пуд.

Для работ на шахтах необходимы были и лошади, покупавшиеся на конных ярмарках, им же в свою очередь нужны были корма и т. д.

В то же время без металлургических заводов, как мы видели, едва ли возникли бы в таком количестве многочисленные чугуноплавильные, металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия. Наличие неподалеку готового чугуна и железа стимулировало появление в Екатеринославской, Херсонской, Харьковской, Полтавской и Таврической губерниях десятков средних и малых фабрик, заводов и мастерских с тысячами — в сумме — рабочих, производивших из металла изделия, как нужные самим металлургическим заводам, так и востребованные на потребительском рынке (сельскохозяйственные машины и орудия, гвоздильное, проволочное, и другие производства).

¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 311–313.

² Там же. С. 314.

³ Там же.

⁴ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 191–192; Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 256.

В начале своей деятельности металлургические заводы нередко бывали вынуждены все необходимое — от гвоздей, болтов и гаек до паровых машин — либо изготавливать сами, либо выписывать из-за границы. С течением времени, однако, все эти предметы начинали производиться на небольших предприятиях, обслуживавших не только сами металлургические заводы, но и окрестное население.

Еще раз нужно отметить такой очень важный факт, как строительство паровозостроительных заводов в Харькове и Луганске, вагоностроительных заводов в Горловке, Дружковке и Екатеринославе, судостроительных заводов в Николаеве, а также завода эмалированной посуды в Луганске (таких в России в конце XIX в. было только три). Ясно, что эти предприятия — прямое следствие появления металлургической промышленности Юга.

В годы индустриального подъема 1890-х промышленность строительных материалов по темпам развития занимала одно из первых мест, наряду с черной металлургией и металлообработкой. «Широкая строительная деятельность в течение 90-х годов, естественно, вызвала усиленный спрос на самые разнообразные строительные материалы, причем так же, как и в других отраслях, работающих для целей производственно-технического потребления, наибольший рост приходится на второе пятилетие 90-х годов...

В то же время необходимо отметить, что этот рост производства цемента в 90-х годах связан, главным образом, не столько со спросом со стороны городского строительства, сколько со стороны железнодорожного и промышленного строительства. Выработка портландского цемента в 1887 г. выражалась всего в количестве 219 тыс. бочек; в 1890 г. производство поднимается до 361 тыс. бочек, в 1895 г. — до 767 тыс. бочек, а в 1900 г. выпуск портландцемента доходит до 2787 тыс. бочек, т. е. превышает уровень 1887 г. больше, чем в 12 раз.

Следующее место по темпу развития принадлежит производству огнеупорных материалов, потребителем которых явились [преимущественно] новые промышленные предприятия, работа которых основана на печном хозяйстве, как металлургическая, керамическая, химическая и т. п. отрасли.

Далее, значительные качественные изменения произошли в старой стекольной промышленности. До середины 80-х годов наша старая стекольная промышленность была основана, главным образом, на производстве бутылок и посуды. Производство листового стекла было значительно менее развито: заводы выпускали низшие сорта оконного стекла — полубелое и зеленое, и только в ограниченных размерах белое и бемское. Потребность в листовом стекле для городского строительства удовлетворялась в большей своей части ввозом из-за границы и, главным образом, из Бельгии.

90-е годы внесли значительные изменения в эту отрасль. На иностранные капиталы и при содействии иностранной техники был организован ряд новых заводов в Ленинграде, в Донецком бассейне и в Центральном районе: эти заводы перешли на более совершенную бельгийскую систему работ, обеспечивающую массовое производство.

В новых заводах подготовка и обработка материалов стала производиться исключительно механическим путем, примитивные стеклоплавильные печи с непосредственной топкой стали заменяться газовыми регенеративными печами-ваннами с периодическим и непрерывным действием. Новая бельгийская система работ особенно содействовала росту выпуска оконного стекла... Таким образом, эволюция произ-

водства строительных материалов также находилась под влиянием процессов технической реконструкции хозяйства»¹.

Сам характер исследования Л. Б. Кафенгауза предполагает довольно высокую степень абстракции анализа материала. Однако мы можем конкретизировать его заключения применительно к Донбассу, продолжая описывать мощный оплодотворяющий эффект рационального решения народнохозяйственных проблем, принятого в «нужном месте», хотя и позже, чем это было возможно..

Системообразующим было и влияние металлургического производства на возникновение и развитие силикатной промышленности, т. е. производства цемента, бетона, огнеупорных изделий, кирпичного производства, востребованных как промышленностью, так и потребителями.²

Появились десятки больших и малых предприятий, занятых обработкой разнообразной глины, каолина, кварца и др. и переработкой этих материалов в огнеупорные и керамические продукты (терракоту, фарфор, фаянс, кафель), производством черепицы, кирпичей, труб, плит и других огнеупорных и гончарных изделий, бетона, цемента и т. п.

Вот наиболее крупные из них:

1) бельгийское анонимное общество огнеупорных и керамических продуктов во Владимировке (Мариупольского уезда) с основным капиталом в 1 млн фр. (1896);

2) «Керамика», бельгийское акционерное общество строительных и огнеупорных глин в Григорьевке (Александровского уезда) с основным капиталом в 1,4 млн фр. (1896);

3) бельгийское общество огнеупорных и гончарных изделий Криничная на Донце (Бахмутский уезд) с основным капиталом в 1,2 млн фр. (1897);

4) бельгийское общество Одесских черепичных заводов с основным капиталом в 1 млн фр. (1896);

5) «Франко-Русское общество портландских, пуццоланских искусственных цементов» в Екатеринославе (1898);

6) общество завода огнеупорных изделий М. А. Ковалевского (Бахмутский уезд) с основным капиталом в 500 тыс. руб. (1895);

7) Торецкое общество огнеупорных изделий (Бахмутский уезд) с основным капиталом в 300 тыс. руб. (1897);

8) общество Екатеринославского бетонного и цементного завода с основным капиталом в 200 тыс. руб. (1897);

9) завод Фарке в Бахмуте;

10) каолиновый завод Ауэ около станции Просяной;

11) Велико-Анадольский огнеупорный завод;

12) завод огнеупорных изделий у станции Краматорская;

13) завод цементного производства в Амвросиевке;

14) цементный завод в Лисичанске;

15) цементный завод в Ростове.

Первые 5 из этих предприятий построены на иностранные капиталы.

Надо сказать, что поначалу фундаменты заводских машин делали только из импортного цемента и клинкерного кирпича. Однако постепенно началась замена этих продуктов отечественными материалами — гидравлическим цементом Новороссий-

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства ... С. 43–45.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 315.

ского общества (в г. Новороссийске) и красным клинкером кирпичных заводов в Краматорске и Константиновке¹.

Огнеупорный кирпич (тогда говорили «огнепостоянный») — шамотный и кварцевый (динас) — для отражательных и других печей заводы сами производили на месте. Исключение составлял только кирпич для доменных печей, который по-прежнему ввозился из-за границы.

Помимо перечисленных крупных силикатных предприятий на Юге возникли десятки более мелких, прежде всего кирпичных заводов.

Кроме того, началось развитие стекольной промышленности. В Сантуриновке, близ станции Константиновка, бельгийское «Анонимное общество Донецких стекольных и химических заводов» с основным капиталом в 5 млн фр. в 1896–1897 гг. построило два завода, один из которых производил зеркала.

В Одессе начал работу бутылочный завод бельгийского общества с основным капиталом в 2 млн фр. и облигационным капиталом в 2 млн фр.²

Теперь нам легче представить степень влияния вновь возникшей южной металлургии, точнее, вновь построенного моста через Днепр на благосостояние многих тысяч людей, прямо, на первый взгляд, не связанных с этим событием.

Напомню, что металлургические заводы дали серьезный заработок населению уже в период своего строительства и оборудования, потребовав значительных объемов стройматериалов, с одной стороны, и дав работу множеству строительных рабочих, токарей и слесарей, подрядчиков и перевозчиков, грузчиков, словом, всем, кто в той или иной форме принимал участие в этом строительстве или обслуживал тех, кто строил.

Естественно, значение этих предприятий выросло еще больше с началом производственного процесса — им ежедневно было нужно сырье, топливо, различные материалы, которые кто-то добывал, продавал, грузил, перевозил и разгружал, а затем тысячи собственно заводских рабочих и служащих производили продукцию, которую потом также грузили, перевозили и т. д.

Мы в пылу концептуальных споров о судьбах российской модернизации как-то забываем об этой прозаической и как бы банальной ее стороне.

Что такое заводской поселок в роде Юзовки, в нескольких словах емко описал Д. И. Менделеев. В 1870 г. в ней жило 164 человека, в 1884 г. — 5,5 тысяч, а в 1897 г. — уже 29 тысяч. В 1900 г. в Юзовке насчитывалось 797 домов, не считая рабочих общежитий, больницы, дезинфекционной станции, школы и Спасской церкви на 5 тысяч прихожан.

Все, кто так или иначе был связан с производством, были потребителями самых разнообразных товаров и услуг, и чем больше они зарабатывали, тем больше потребляли продуктов питания, одежды, обуви, предметов роскоши и т. д., в свою очередь давая больше дохода булочникам, мясникам, бакалейщикам, галантерейщикам, мануфактуристам, портным, сапожникам, мебельщикам, учителям, докторам, аптекарям, парикмахерам, приезжающим артистам, журналистам и др. Как известно, юзовский слесарь Н. С. Хрущев, курский крестьянин по происхождению, совсем не жаловался на свою жизнь в Юзовке и даже наоборот.

Добавлю, что параллельно увеличивались доходы земских и городских обществ от обложения налогами старых и новых промыслов, а казны — от роста потребления

¹ Там же. С. 316–317.

² Там же. С. 317–318.

облагаемых акцизом товаров. Не бедствовали и содержатели увеселительных заведений.

Пикантная деталь. Согласно «Списку фабрик и заводов», британский подданный Айвор Иванович Юз (сын Джона Юза) владел «Южнороссийской пивоварней», построенной в 1882 у станции Рудничная¹ (Рутченково); как не вспомнить, что его дед по матери, Элизабет Льюис, поставлял рабочим завода Юза в Ньюпорте пиво. Надо сказать, у такого комфортного, на первый взгляд, бизнеса, как продажа пива рабочим отцовского завода, была и обратная сторона — в 1887 г. полторы тысячи забастовавших рабочих Рутченковских рудников ворвались на пивоварню и выпили все запасы.

Отдельного исследования заслуживает воздействие металлургической промышленности на развитие сельского хозяйства.

Во-первых, проведение железных дорог по недавно еще пустынным или малонаселенным местностям открыло для них возможность сбыта сельскохозяйственной продукции по всей стране, а также и на экспорт через близкие азово-черноморские порты. Во-вторых, возникновение новых потребительских центров в виде фабрично-заводских поселков, посадов и местечек стимулировало рост запасшек, скотоводства, молочного хозяйства и др. в окрестных крестьянских хозяйствах.

До строительства Екатерининской железной дороги с множеством ветвей, построенных для нужд металлургической и каменноугольной промышленности, «за отсутствием удобных путей сообщения для сельскохозяйственных продуктов края, разрабатывалась под посев зерновых хлебов весьма небольшая часть удобных земель, с открытием же Екатерининской железной дороги запашка, ежегодно увеличиваясь, возросла в течение 10 лет существования этой дороги до 450% размера запашки начала 80-х гг. Из статистических данных видно, что в первые годы открытия дороги перевозка хлеба не превышала 2 млн пуд., к концу десятилетия эксплуатации дороги перевозка этого груза достигла уже 22,6 млн пуд. в год», а в Екатеринославе и рядом с ним построено за то же время 24 паровых мельницы, которые могли перемолоть 35 млн пуд. муки². Очевидно, что данные сюжеты требуют дальнейшего изучения.

Подводя некоторые итоги, замечу, что история Джона Джеймса Юза и Александра Николаевича Поля даже в столь кратком изложении демонстрирует, полагаю, насколько трудным было то, что на нескольких страницах учебника выглядит само собой разумеющимся и настолько несложным, что не оставляет пищи воображению.

Хочу еще раз подчеркнуть, что, на мой взгляд, именно благодаря двум этим личностям, умевшим принимать решения и отвечать за них, в огромной степени стал возможен промышленный подъем 1890-х гг. Именно благодаря им в считанные годы началось буквальное преобразование огромной территории (равной по площади современной Великобритании), которая еще в 1860-х гг. фактически оставалась тем самым Диким Полем, которое средневековые хронисты именовали *Scythia* и *Sarmatia* и где еще встречались сайгаки и даже тарпаны.

Лично я считаю роль Поля чуть более значительной. Разумеется, я никоим образом при этом не умаляю значимости Юза и Юзовки, а также промышленной политики Министерства финансов России, роли М. Х. Рейтерна, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте.

¹ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб, 1903. С. 523.

² Там же. С. 320.

Но Юз боролся прежде всего с природно-климатическими условиями и уже во вторую очередь с несовершенством человеческой природы.

Полю было намного труднее. Без Кривого Рога, а, значит, без Поля, без его неукротимой энергии и веры в свою звезду, будущее Новороссии было бы другим — и не только промышленное.

Ощущение *Нового* Света (кстати, так назывался район в Юзовке), которое испытывали современники, отчасти заметно, как мне кажется, в топонимике Новороссии. Там встречаются, в частности, Лакедемоновская и Мыс-Добронадеждинская¹ волости Таганрогского округа Области Войска Донского, с. Ватерлоо Одесского уезда, колония Нью-Йорк в Бахмутском уезде (не одному же Тому Сойеру жить в Санкт-Петербурге!).

Маленький штрих. Когда-то я исследовал перевозки усовершенствованной сельхозтехники в начале XX в. и попытался расположить станции-получатели в Екатеринославской, в частности, губернии по уездам. Наивность своих рассуждений я понял, пытаясь выяснить, где располагалась станция Божедаровка. Их оказалось несколько, и выбрать было непросто. Однако этимология этих названий позволяет понять, с каким настроением начинали люди новую жизнь в этих местах.

5.2. Нелегкие пути модернизации

Вместе с тем мы должны понимать, что в истории А. Н. Поля как в капле воды отразились характерные особенности развития предпринимательства после 1861 г.

Это — не только не до конца преодоленная дореформенная инертность отечественного бизнеса, но — прежде всего — непонимание, как говорили в начале XIX в., «духа времени» и одновременно отсутствие стратегического видения проблем у людей, принимавших решения на весьма высоком уровне.

Кроме того, можно говорить о в целом равнодушном отношении правительства к инициативным, умеющим рисковать людям, выдвигавшим нестандартные проекты, способные резко продвинуть вперед дело индустриализации.

Ее демиургом в пореформенной России, как говорилось, могло выступить только государство, поскольку буржуазия индустриального общества только зарождалась. Министры финансов и их сотрудники видели дальше и больше, чем масса отечественных предпринимателей.

В известной программе 1893 г., выдвинутой С. Ю. Витте после назначения на пост министра финансов, этот сюжет обосновывается следующим образом: «В западноевропейских государствах обрабатывающая промышленность развивалась медленно и постепенно, рука об руку с развитием техники, параллельно с общими изменениями бытовых и культурных условий жизни; частная предприимчивость должна была напрягаться там лишь для развития шаг за шагом, и рынок с его ценами подчинялся условиям развивающегося производства. Вместе с тем отдельные предприниматели всегда находили помощь и ограждение своих интересов в цеховых учреждениях, корпорациях.

Русская промышленность поставлена в гораздо более трудные условия: она в своем развитии должна пропустить несколько исторических ступеней; во многих случаях

¹ Впрочем, село с таким названием существует и в Рязанской губернии.

при самом своем возникновении она должна удовлетворить всем требованиям усовершенствованной техники»¹.

Перед «обширным, еще недавно патриархальным русским народным хозяйством» стоит «великая задача» — вступить «на самостоятельный путь», и решить ее возможно, считает Витте, только «при широком и разностороннем положительном руководителестве развитием промышленности и торговли со стороны правительства».

Однако предприниматель, решивший открыть в России новое дело, «должен с самого начала и одновременно выполнить **столько разнообразных и трудных задач для того, чтобы расчистить почву для своего предприятия, что это оказывается большею частью непосильным для отдельных лиц(!)**». Поэтому «содействие промышленности со стороны государства должно выражаться» в России не столько в регламентации, сколько в положительной помощи в каждом отдельном случае — нравственной и материальной — там, **где частный почин или невозможен, или слишком слаб, чтобы привести к цели, или встречает слишком сложные затруднения**».

Правительство при этом, говорится далее в программе, должно всегда четко понимать, что для созидания народного богатства важны не только крупные, но также и средние, и мелкие предприятия и что укрепление «даже отдельной промышленной единицы», не говоря об отраслях, усиливает прочность народнохозяйственного организма и повышает его способность к дальнейшему здоровому развитию в целом — «лишь при условии такого ближайшего и строго практического попечения о развитии каждой отдельной отрасли нашей промышленности и торговли центральное управление может разрабатывать и свои общие меры на пользу народного хозяйства»².

Затем программа выдвигает в качестве одной из важнейших задач модернизацию торгово-промышленного законодательства, которое «относится большей частью к началу нынешнего и даже к концу прошлого столетий, к тому времени, когда экономическая жизнь страны вообще и обрабатывающая промышленность, в частности, стояли на степени весьма слабого развития»³.

В первую очередь это касается условий возникновения новых фабрик и заводов, облегчение которых само по себе должно было усилить приток частных капиталов в промышленность и «оживить предприимчивость» отечественного купечества.

Главный недостаток существующих норм заключался в следующем. Открытие новых и расширение уже действующих промышленных предприятий вне зависимости от их размера и отраслевой принадлежности было возможно только при получении предварительного разрешения местной, а зачастую и центральной администрации.

Между тем контакты, переписка «между различными административными органами сопряжены с большими проволочками, причиняющими излишние расходы и потерю времени, а предъявляемые к нашим промышленникам требования относительно самого устройства и содержания принадлежащих им заведений, по заявлению промышленников, не всегда вызываются необходимостью или справедливыми заботами о соседнем населении»⁴.

Моментом, резко усугубляющим трудности предпринимателей, было то, что на местах решения по всем этим вопросам принимали не чиновники Министерства финан-

¹ *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 т. М., Наука, 2008. Т. 4. Кн. 1. С. 74–75.

² Там же. С. 75–76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 95

сов, а «малокомпетентные представители Министерства внутренних дел», притом же «в условиях **отсутствия четкого, а иногда и всякого законодательства** практика деятельности местных органов очень различалась в разных губерниях»¹.

Думаю подобное положение в общих чертах весьма знакомо нынешним бизнесменам. Последствия, полагаю, специально можно не пояснять.

Особо следует отметить, что при дворе, в правительстве и обществе весьма сильны были настроения, отвергавшие участие иностранного капитала в индустриализации страны. Еще в 1863 г., когда в Государственном совете обсуждался вопрос об Англо-Русском банке, акционерной компании, которая должна была быть основана в Англии с капиталом 2,5 млн ф. ст., пишет Л. Е. Шепелев, «были сформулированы некоторые основные возражения вообще против импорта иностранных капиталов, которые затем течение пятидесяти с лишним лет на разные лады повторялись критиками политики Министерства финансов с псевдопатриотических позиций»².

Кстати, нельзя не усмотреть отдаленное сходство борьбы части элит с иностранным капиталом после 1861 г. с «борьбой» А. П. Ермолова³ с «немецким засильем» в русской армии в эпоху Александра I.

Тогдашние аргументы Ермолова имели один капитальный изъян — многие русские дворяне, пользуясь «Манифестом о вольности дворянской», сидели дома и не хотели служить, и поэтому «немцы» были востребованы в армии, в которой с конца XVIII в. налицо был постоянный некомплект офицерского состава.

То же и с капиталами — русский бизнес, как мы видели на примере Поля, оставался вполне безучастным к деловым сферам, которые ему были малознакомы. И для того, чтобы эта ситуация изменилась, нужно было время.

Но деньги для индустриализации были необходимы здесь и сейчас.

С. Ю. Витте писал: «Капиталы, как и знания, не имеют отечества. Раз богатство создано, оно стремится туда, где в нем наибольшая нужда, где его лучше оценят, лучше сумеют им воспользоваться».

Как это ни ясно само по себе, как ни отчетливо свидетельствует об этом история, однако нередко высказывается мнение об опасности привлечения иностранных капиталов.

Приток иностранных капиталов грозит будто бы самобытности страны, и если не спешить, то можно обойтись и собственными капиталами для создания промышленности и новых капиталов.

Но великая страна не может ждать»⁴.

Ее политический рост — в широком смысле — требует средств, которые и дает капитал, непрерывно обновляющийся и растущий благодаря труду населения. Если размеры этого капитала невелики и труд, следовательно, не находит себе достаточного применения, то «стране и государству» неоткуда почерпнуть денег для своих постоянно растущих нужд. Чтобы создать средства, необходимо расширить возможности труда совершать «свою плодотворную работу».

Россия относительно бедна капиталами, продолжает Витте, причем «непроизводительно лежащие (российские) капиталы до сих пор еще не удалось привлечь крупными

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. ... С. 231.

² Там же. С. 89–90.

³ Генерал А. П. Ермолов, кстати, был двоюродным дядей часто упоминаемого в этой книге А. С. Ермолова.

⁴ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству в кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М., Юрайт. 2011. С. 173.

барышами к хорошо защищенным производствам. Чтобы идти навстречу растущим потребностям, чтобы усилить производительность обильного у нас труда, не находящего применения, и тем ускорить процесс накопления богатства и повышения народного благосостояния в стране, наиболее действительное средство — привлечь иностранные капиталы».

Данное явление ничем не угрожает самостоятельности страны — это доказываются не только примерами Англии, Германии, Франции и США, создавших свою промышленность за счет импорта капиталов и отнюдь не утративших притом своей независимости, но и фактами из экономической истории России: «Мы сами поглотили уже столько иностранных капиталов, явившихся к нам в виде знаний, орудий труда, денег, ассимилировали совершенно столько иностранных, пришедших в качестве мастеров, хозяев предприятий, военных учителей и пр., что странно даже говорить о какой-то опасности для русской самобытности от ищущих у нас заработка иностранцев и иностранных капиталов».

Такого рода опасения постоянно высказывались в России со времен Петра Великого, но высшие носители власти игнорировали их — «и история вполне оправдала их государственную прозорливость... Предубеждение против иностранных капиталов у некоторых доходит до того, что заводится речь о каком-то заплотении России иностранцами, распродаже русских богатств и экономической оккупации, точно речь идет о Китае, Индии, Египте. Но это уже равносильно слепоте: это значит не знать своей великой истории, не верить в свои великие силы»¹.

Данная проблематика достаточно подробно освещена в литературе, что позволяет мне не углубляться в детали. Однако упорная и тяжелая борьба С. Ю. Витте против этого мощного «патриотического» лобби (он обращался за поддержкой к Д. И. Менделееву, написавшему Николаю II в 1898 г. письмо, доказывающее необходимость привлечения иностранного капитала) заслуживает внимания не только в академическом, теоретическом, так сказать, плане.

Я считаю важным подчеркнуть следующее обстоятельство.

Время министерства С. Ю. Витте — время нарастания международной напряженности. Модернизированная Япония в 1894–1895 гг. успешно дебютировала в войне с Китаем. Стараниями царя Россия уже начала ввязываться в дальневосточную авантюру — захватила Порт-Артур, не дождавшись даже окончания постройки Транссиба и КВЖД. В 1897 г. началась англо-бурская война.

Предлагаю с учетом этого оценить следующий фрагмент из мемуаров Витте, написанный в 1907 г.: «На этих днях я читал статьи в некоторых русских газетах, что-де иностранным держателям наших фондов и банкирам все равно, какой будет у нас образ правления, лишь бы восстановился внутренний порядок, т. е. прекратилась [бы] анархия.

Довольно наивные рассуждения. Конечно, они желают, чтобы прекратилась анархия.

Но для иностранного и русского кредитора важно, чтобы установился такой образ правления, при котором были бы если не невозможны, то маловероятны подобные авантюры, как ужасающая японская война, по личным капризам, потакаемым авантюристам, и был бы невозможен такой порядок вещей, при котором величайшая нация находится в вечных экспериментах эгоистической дворцовой камарильи.

¹ Там же. С. 174–175.

Взрослый человек может, пожалуй, раз обжечься кипятком, но не глотнет его вторично. После тех потерь, которые за граница понесла со времени японской войны, она откроет свои кошельки только такому российскому режиму, которому она будет верить, верить же тем или тому порядку, при котором она потеряла процентов двадцать пять капитала в русских ценностях, она не будет.

В течение моего управления финансами я увеличил государственный долг приблизительно на 1900 млн руб.; на железные же дороги и уплату беспроцентного долга Государственному банку, для восстановления денежной (золотой) валюты истратил гораздо более.

Таким образом, занятые деньги пошли исключительно на цели производительные. Они находятся в капиталах страны. Но благодаря установленному мной доверию заграничных сфер к русскому кредиту Россия получила несколько миллиардов (думаю не менее трех) рублей иностранных капиталов.

Нашлись люди, и теперь их немало, которые ставили и ставят мне это в вину.

О глупость и невежество! Ни одна страна не развилась без иностранных капиталов.

Когда против иностранных капиталов ведут войну так называемые «истинные русские люди» (кажется, это счастливое название пустил в ход сам император), то это понятно, ведь это или отпетые, или наемные безумцы, но ведь нередко о вреде иностранных капиталов толкуют, и даже в газетах, люди, имеющие претензии на знания.

Во все время управления мной Министерством финансов мне приходилось отстаивать пользу иностранных капиталов, и в особенности в Комитете Министров (ярые противники были И. Н. Дурново, Плеве и генерал Лобко¹).

Его Величество, **по обыкновению**, полагал резолюции то по одну, то по другую сторону. Было даже созвано Его Величеством особое заседание по этому предмету под его председательством (журнал находится в архиве Министерства финансов): полезны ли иностранные капиталы или нет?

В этом заседании я, к немалому удивлению присутствовавших и Его Величества, высказал, что я совсем не боюсь иностранных капиталов, почитаю их за благо для нашего отечества, но боюсь совершенно обратного, что **наши порядки обладают такими специфическими, необычными в цивилизованных странах свойствами, что не много иностранцев пожелают иметь с нами дело**. Конечно, если бы не делалась во время моего управления финансами масса затруднений иностранным капиталистам, то иностранные капиталы пришли бы в гораздо большем количестве...»².

Итак, считает Витте, капиталов пришло бы больше и, следовательно, степень готовности Империи к любым внешнеполитическим осложнениям была бы выше. Как можно было этого не понимать? Разве только в пылу борьбы за самобытность...

Еще один важный момент.

В отечественной литературе развитие промышленности после 1861 г. — при всех его беспорных успехах — справедливо оценивается как недостаточное для отвлече-

¹ И. Н. Дурново — министр внутренних дел до 1895 г., в 1895–1903 гг. — председатель Комитета министров; В. К. Плеве — в 1894–1902 г. — государственный секретарь, с 1896 г. — статс-секретарь Е. В., с 1899 г. — министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, с 1902 г. — министр внутренних дел; П. Л. Лобко — с 1899 г. государственный контролер.

² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2.

ния из деревни огромного — в силу демографического взрыва — прироста населения. Однако об этом факте, как и о самом демографическом взрыве, и в учебниках, и в монографиях в основном сообщается как о некоей априорной данности, вроде господства континентального климата на большей части Европейской России.

Между тем это далеко не так, и оба феномена были порождением целого комплекса причин. О том, что общинный режим поощрял неконтролируемый прирост населения мы уже знаем (см. также ниже). Что же касается уровня промышленного развития, то понятно, какое огромное влияние на него оказывает степень свободы предпринимательской деятельности, степень свободы развития финансового рынка вообще, и проблема иностранных капиталов, в частности.

Капиталов пришло бы больше, а значит, больше людей ушло бы из деревни.

При этом нужно все время помнить об уникальности положения С. Ю. Витте — его ценил и ему верил Александр III, и несколько лет он имел определенное влияние на Николая II. Не будь этого — судьбы индустриализации в России были бы совсем другими.

Стремление «людей, имеющих претензии на знание» ставить палки в колеса достаточно невинным с точки зрения финансовой науки идеям не ограничилось иностранными капиталами. Витте не смог, в частности, добиться отмены разрешительного и установления явочного порядка при учреждении акционерных обществ, что иногда ему ставят в вину (!), очевидно, путая его с Николаем II.

Есть и менее известные примеры. Так, В. В. Морозан в 5-й главе своей работы по истории сберегательных касс, озаглавленной «Реформа С. Ю. Витте и золотое время сберегательных касс Российской империи», сообщает о том, что стремление Министерства финансов «придать сберегательным учреждениям широкие банковские функции» реализовано не было.

«По мнению авторов первоначального проекта Устава, кассы должны были получить возможность покупать и хранить ценные бумаги, переводить деньги через свои отделения на всей территории страны по поручению как клиентов касс, так и лиц, не имевших вкладов. Кассы также могли производить ссуды за счет накопленных капиталов и другие кредитные операции. Учитывая опыт некоторых европейских стран, предполагалось направить эти средства преимущественно на коммунальные нужды городов и других населенных пунктов». Другими словами, в стране *не* появился еще один источник финансирования как юридических, так и физических лиц.

Автор констатирует тот факт, что в середине 1890-х гг. почти повторилась ситуация начала 1860-х гг., когда проводилась кредитная реформа: «Так же, как и в прежние годы, большинство предложенных мер по совершенству сберегательного дела не были реализованы властями. Напротив, в последующие годы деятельность сберегательных касс оставалась в прежних весьма жестких рамках, которые были определены еще в 1842 г. их основателями»¹.

Однако это далеко не все, что нам нужно знать об условиях развития бизнеса в рассматриваемый период.

Среди ярких иллюстраций сильного влияния традиций дореформенной эпохи на мышление общества и ряда представителей элит есть и такая.

Анахронизм сословно-тяглового строя, который сегодня психологически мы легче воспринимаем, когда говорим о жизни российской деревни, становится особенно заметен, когда речь заходит о промышленности и торговле.

¹ Морозан В. История сберегательных касс в императорской России. СПб., Соларт. 2007. С. 132.

Купечество, как известно, было освобождено от телесных наказаний, пользовалось свободой передвижения и имело бессрочные паспорта. В конце XIX — начале XX вв. эти права были актуальны для предпринимателей из крестьян и мещан, которым не нужно было получать увольнительные от сельского или мещанского общества и паспорта на несколько месяцев.

Л. Е. Шепелев пишет, что «в связи с реорганизацией системы налогообложения промышленности и торговли в 1898 г. вопрос о сословных правах купечества был подвергнут изучению. Было решено уже существовавшие привилегии купечества сохранить, но отделить их от права на торгово-промышленную деятельность (в любом объеме).

Это выразилось в разделении единых купеческих свидетельств на промысловые и гильдейские. Принадлежать к 1-й гильдии купечества могли лишь те, кто выбрал промысловые свидетельства не менее чем на 500 руб.; ко 2-й — выбравшие промысловое свидетельство на сумму более 50 руб. Но дополнительно они должны были приобрести гильдейские свидетельства»¹.

Не вдаваясь в детали, замечу, что эта информация казалось бы естественной в XVIII — первой половине XIX вв., но она выглядит очень странно в эпоху подводных лодок и скорого появления авиации.

Можно ли вообразить подобную архаическую характеристику правового положения хотя бы части предпринимателей в любой из тех стран, с которыми Россия на равных «общалась» на международной арене? Или в стране, к которой она относилась пренебрежительно, например, в Японии?

А вот как Л. Е. Шепелев оценивает другую острую проблему, тормозившую развитие экономики страны: «Помимо мещан и крестьян приобретение прав гильдейского купечества имело важное значение для предпринимателей иудейского вероисповедания.

Министерство финансов считало, что российские евреи более всего («главнейше») дискриминировались именно при «производстве ими торговли и промыслов». Одно из наиболее существенных ограничений для евреев заключалось в установлении для них в 1880-х гг. черты оседлости в пределах Юго-Западного края. «Но и там, — констатировалось в программе 1893 г., — евреи не пользуются всеми правами, предоставленными коренному русскому населению, а ограничены в праве селиться, равно покупать, закладывать и арендовать недвижимое имущество вне городов и местечек и в праве производства питейной торговли. В остальных же местностях, где постоянная оседлость им воспрещена, права их еще более сужены, причем самое право на жительство их в упомянутых местностях обуславливается весьма разнообразными обстоятельствами».

Все же, по наблюдениям финансового ведомства, «проникнуть из мест оседлости, которые переполнены евреями, во внутренние города империи... составляет постоянное стремление почти каждого еврея».

Департамент торговли и мануфактур оказывался под гнетом «огромной работы» по разбору «многочисленных случаев нарушения и обхода евреями действующих по отношению к ним ограничительных постановлений по предмету торговых их прав». В этих условиях использование еврейскими предпринимателями права гильдейского купечества на свободное передвижение представляло собой вернейший легальный путь к выходу за черту оседлости.

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. ... С. 229–230.

Торгово-промышленные права иностранных евреев ограничивались вдвойне — в связи с их иностранным подданством и иудейским вероисповеданием. Им, согласно закону, «по особым уважениям» могло быть разрешено «только временное пребывание в империи... для производства торговли и банкирских операций при условии платежа первогильдейских пошлин»¹.

Ссылки на специфику российской истории в рассматриваемый период уже не были убедительными, потому что, как не раз говорил Витте, нельзя в XX веке проводить политику Средних веков.

В свете вышеприведенной информации я склонен считать, что идеал немалой части высшего чиновничества, да и общества, лежал примерно в 1830–1840-х годах, когда крепостное право было в расцвете и в зените, когда бюрократия решала если не все, то многое, когда «каждый сверчок знал свой шесток», когда люди, подобные Витте, не могли появиться на вершинах власти, а военное могущество России не подвергалось сомнению.

Беда была только в том, что время сильно изменилось, и военная мощь зависела уже не от рекрутских наборов, гладкоствольных ружей и пушек, однако множество людей, принимавших решения или влиявших на их принятие, этого не осознавало — не то что до конца, а даже и наполовину.

Здесь мне кажется, уместно вспомнить известный разговор кн. Е. Р. Дашковой с Д. Дидро о крепостном праве, имевший место в 1770 г.

Дашкова рассказала ему, что установила в своем орловском поместье управление, сделавшее крестьян «счастливыми и богатыми», и притом ограждавшее «их от ограбления и притеснения мелких чиновников». Богатство помещиков прямо зависит от крестьян, а потому, говорит Дашкова, «надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов». Помещики — посредники «между крестьянами и казной», они кровно заинтересованы в ограждении их от корыстолюбия представителей власти.

Дидро заметил, что если бы крестьяне были свободны, то «они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче». Дашкова отвечала, что она согласна на освобождение крестьян при условии освобождения русских дворян от «воли самодержавных государей» и «хоть бы своей кровью подписалась под этой мерой».

Однако она уверена, что Дидро путает следствия с причинами: «Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления».

Дидро отвечал, что она его не убедила. Тогда Екатерина Романовна сообщила, что даже и в нынешнее царствование есть средства борьбы с жестокостью помещиков — изъятие у них крестьян, учреждение дворянской опеки над именьями.

И привела весьма яркое сравнение крепостного со слепорожденным, помещенным на крутую скалу, окруженную пропастью. «Лишенный зрения он не знал опасностей своего положения и беспечно ел, спал спокойно, слушал пение птиц и иногда сам пел вместе с ними». И здесь появляется глазной врач, возвращает ему зрение, но не может снять его со скалы: «Наш бедняк прозрел, но он страшно несчастен; не спит, не ест и

¹ Там же. С. 230.

не поет больше; его пугают окружающие его пропасть и доселе неведомые ему волны; в конце концов он умирает в цвете лет от страха и отчаяния».

После этих слов, сообщает она, Дидро, вскочив со стула, назвал ее «удивительной женщиной» и сказал, что она «переворачивает вверх дном идеи», которые он «питал и которыми дорожил целых двадцать лет».

Разумеется, перевернуть какие-либо идеи «вверх дном» еще не значит доказать, что именно в таком положении они больше соответствуют истине, однако этого достаточно, как выяснилось, чтобы получить изысканный комплимент от одного из умнейших в мире людей¹.

Этот емкий образ — слепой на скале — на мой взгляд, вполне применим и для характеристики взглядов значительной части российских элит на развитие страны после 1861 г., которая (часть) оставалась в плену дореформенных воззрений, разумеется, в какой-то мере модифицированных «новейшими веяниями», в частности, социализмом, который, как и крепостничество, построен на идее регламентации всего и вся.

Эти люди, во-первых, как будто жили на планете в одиночестве, без конкурентов, и, во-вторых, жили представлениями непонятно какого времени — оказывается, не только «генералы всегда готовятся к прошедшим войнам».

В запасе у них как будто была вечность.

В роли «глазного врача», вернувшего зрение, — да и то не всем, как выяснилось, — выступила «несчастливая война» с Японией и спровоцированная неудачами в ней революция 1905 г...

* * *

Роль С. Ю. Витте в экономическом развитии России конца XIX — начала XX вв. огромна. Хочу только вновь подчеркнуть, что появление этого гениального человека в правительстве Империи, на мой взгляд, невероятная *случайность*, а, быть может, *чудо*.

Важно констатировать следующее. Витте, безусловно, многое удалось — тарифная реформа на железных дорогах, ставшая важнейшей вехой в создании всероссийского рынка, поддержание протекционизма как необходимой меры для создания тяжелой промышленности, привлечение иностранного капитала в Россию, введение золотого стандарта и винной монополии, реформа налогообложения торговли и промышленности, реформа деятельности Крестьянского поземельного банка, государственных сберегательных касс, введение сахарной нормировки, отмена устаревшего законодательства в ряде отраслей торговли и промышленности (в частности, в золотодобыче) создание реальной системы профессионального образования и многое другое. Все это в громадной степени двинуло страну вперед.

В сфере крестьянского вопроса он добился ликвидации круговой поруки и телесных наказаний. Его деятельность *реально* в очень большой степени и в разных аспектах подготовила аграрную реформу Столыпина.

Ему многое удавалось и удалось, однако же далеко не все из задуманного и жизненно необходимого стране он смог реализовать. Так, «и после реформ Витте Россия оставалась страной, в которой не было подлинной свободы предпринимательства»².

И это весьма печально.

¹ Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 2005 ЗебраЕ. С. 212–213.

² Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время... С. 90.

5.3. С. Ю. Витте и профессиональное образование в России

В контексте российской модернизации особое значение имел еще один аспект деятельности Витте, о котором необходимо напомнить читателям. Мы уже имеем некоторое представление о том, как велик был дефицит подготовленных профессиональных кадров в различных сферах народного хозяйства страны.

Заняв поста министра финансов, С. Ю. Витте, исходя из своего знания реальных нужд экономики страны, сразу же обратил внимание на специальное профессиональное образование, находившееся в России в зачаточном состоянии.

Прежде всего, он поставил вопрос о подведомственности открывающихся коммерческих училищ, которые частью подчинялись Министерству финансов, частью — Министерству народного образования, а также ведомству учреждений Императрицы Марии (ВУИМ).

С мая 1894 г. все новые коммерческие училища подчинялись Министерству финансов, в ведение которого переходили также Одесское и Харьковское коммерческие училища из Министерства народного образования. Витте должен был разработать также нормальное положение о коммерческих училищах.

Тем самым Витте стал руководителем целой отрасли специального образования, и последствия этого для дальнейшего развития российской инженерной школы, роста числа коммерсантов, профессионалов высокого уровня в разных сферах экономики просто неисчислимы.

В Министерстве финансов в составе бывшего Департамента торговли и мануфактур был учрежден Учебный комитет с очень широким кругом компетенции в рассмотрении всего комплекса педагогических проблем специального образования, в выработке программ, инструкций и т. д., увеличено число инспекторов по учебной части. Наконец, был создан Совет по учебным делам во главе с товарищем министра, в котором участвовали известные предприниматели. Совет занимался всеми общими вопросами постановки и развития в России коммерческого и художественно-промышленного образования.

15 апреля 1896 г. было Высочайше утверждено положение о коммерческих учебных заведениях. В развитых странах Запада были сотни различных коммерческих училищ, в России их было 8 и почти однотипных¹.

Положением создавалась система разнообразных коммерческих учебных заведений как средних, так и низших — торговых школ, классов и курсов коммерческих знаний.

Дети крестьян, мещан, ремесленников и мелких торговцев еще до начала трудовой деятельности, имея «небольшие общие сведения», т. е. хотя бы некоторую подготовку, могли в одно- и трехклассных торговых школах получить элементарную специальную подготовку к коммерции².

Разного рода торговые классы предназначались для *уже* работающих в торговле людей, которые могли уделять занятиям только внеслужебное время. Они были нацелены на то, чтобы дать им — вне зависимости от их возраста и первоначальной под-

¹ Министерство финансов. 1802–1902 ... Т. 2. С. 604.

² Там же. С. 605.

готовки — те конкретные знания, которые были им необходимы «при данных условиях времени и места» для успешного ведения бизнеса; этим определялись программы курсов, распределение часов и характер преподавания¹.

На курсах коммерческих знаний каждый желающий мог изучить тот или другой необходимый ему специальный предмет.

Закон 15 апреля 1896 г. предусматривал самое широкое участие общественности, т. е. городов, сословий, земств и разного рода обществ в распространении коммерческого образования. Представители тех общественных единиц, которые финансировали учебные заведения, входили в состав их попечительных советов, руководивших хозяйственной стороной дела и имевших влияние на педагогическую деятельность.

Результаты этого указа проявились очень быстро — с 1896 г. по 1902 г. в России открылось 147 коммерческих учебных заведений с числом учащихся более 20 тыс., из них 51 коммерческое училище, 43 торговые школы, 30 торговых классов и 23 курса коммерческих знаний. При этом суммарный бюджет этих учебных заведений доходил до 3 млн руб., а пособия казны составляли лишь 48 тыс. руб. в год. Такова была сила порыва общественности, прежде всего купеческого сословия, а затем городов, земств и обществ.

В Петербурге, Москве, Киеве, Козлове и Симбирске возникли общества распространения коммерческого образования. Из них особо выделялось Московское общество, учредившее в столице коммерческое училище и 16 торговых классов во всех частях города с более чем 4 тыс. слушателей.

10 марта 1897 г. было Высочайше утверждено Положение о сельских ремесленных учебных мастерских. За 1897–1902 гг. в северно-черноземном районе земствами и частными лицами были открыты 23 мастерские с 735 учащимися, крестьянскими детьми, которые бесплатно обучались уходу за сельхозтехникой, ее ремонту и изготовлению несложных машин, орудий и других предметов сельского обихода².

Особое значение Витте, талантливый математик и практический инженер, придавал распространению в стране высшего технического образования. Он прекрасно сознавал, насколько велик в России дефицит качественных специалистов по металлургии, электрохимии, электротехнике, строительству, судостроению и другим современным и постоянно совершенствующимся отраслям знания, без которых было немислимо развитие индустриального общества.

Министерство финансов отпустило значительные средства на расширение высших технических учебных заведений разных ведомств, но главное — создало знаменитые Киевский, Варшавский и Петербургский политехнические институты, «школы высшего прикладного знания, высшей научной техники». Обучение в них продолжалось 4 года, как и во ВТУЗах Европы и США.

Институты в Киеве и Варшаве открылись в 1898 г. на средства казны и частные пожертвования — в 1 млн руб. в обоих случаях (и затем увеличивавшиеся). В каждом из них были механическое, химическое и инженерно-строительное отделения, кроме того, в Киевском открылось сельскохозяйственное, а в Варшавском — горное отделения³.

Известно, что главными помощниками и соратниками Витте в его государственной деятельности были отнюдь не питомцы столичных канцелярий, хотя и среди них к это-

¹ Там же. С. 604.

² Там же. С. 606-607.

³ Там же. С. 607-608.

му времени появились люди нестандартные. В 1894 г. Витте добился права принимать на службу в Министерство финансов профессионалов, не имевших необходимых для этого по закону чинов и даже прав на государственную службу¹.

Поэтому особое место в его планах занял Петербургский политехнический институт, которому отводилась роль «специальной высшей школы для подготовки лиц к государственной и общественной экономической деятельности». Он был открыт в 1902 г. и имел следующие отделения — металлургическое с подотделом электрохимии, электромеханическое, кораблестроительное и экономическое.

Постепенно расширялась сеть специальных школ.

В 1898 г. на средства Союза пивоваренных заводчиков была открыта Петербургская школа пивоварения им С. Ю. Витте.

В 1899 г. открылось Московское прядильно-ткацкое училище, а в июне 1900 г. такое же училище в Петербурге.

В 1900 г. в составе ремесленного училища Цесаревича Николая было создано механико-оптическое и часовое отделение, что было очень важно в виду слабого развития в стране точного приборостроения.

В 1902–1903 гг. в Одессе на частные пожертвования и средства Съезда мукомолов открылась мукомольная школа, а затем такая же школа в Нижнем Новгороде².

Выше применительно к Донбассу уже говорилось о нехватке в России кадров квалифицированных, сведущих в технике производства рабочих. Одну из причин, задерживающих правильное развитие фабрично-заводской и кустарной промышленности, разумеется, видело в этом и Министерство финансов, справедливо полагавшее, что «общее состояние промышленности страны и успехи ее в соперничестве с другими странами на всемирном рынке находятся в несомненной зависимости от духовного уровня массы рабочих и их технической умелости»³.

Считая, что подъем этого уровня важен и необходим, ведомство с начала XX века сосредоточило свои усилия на развитии специального практически-технического образования рабочих. Примечательно, что подходы к решению этой проблемы были сугубо рациональными. Министерство исходило из того, что установление какого-либо единого, строго определенного типа школ было бы совершенно непрактично ввиду громадного разнообразия современного производства. Свою задачу ведомство видело в разработке такого положения о техническо-промышленном обучении, которое задавало бы самые общие параметры его организации (порядок открытия и устройства школ, классов и курсов, организацию их управления и содержания, порядок надзора за ними и т. п.), предоставляя учредителям «самый широкий простор» в выборе предметов преподавания, продолжительности курса и всех деталей обучения.

Результатом стал проект Положения о технических и ремесленных учебных мастерских и курсах, вошедшего в силу в марте 1902 г.

При этом в 1902 гг., по сведениям министерства, в России работало 446 общеобразовательных школ при фабриках, в которых обучалось 47 тыс. человек. Содержались они, понятно, владельцами. Хотя закон предусматривал специальное обучение малолетних рабочих, но на практике он бездействовал. Теперь ситуация стала меняться⁴.

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. ... С. 212.

² Министерство финансов. 1802–1902. Т. 2. С. 609.

³ Там же. С. 609–610.

⁴ Там же. С. 610.

В июне 1902 г. было утверждено Положение о художественно-промышленных учреждениях ведомства Министерства финансов, создававшее 4 типа учебных заведений — художественно-промышленные училища, художественно-промышленные школы, художественно-промышленные мастерские и рисовальные классы¹.

Осенью того же года была открыта художественно-промышленная школа в Екатеринбурге, а затем школа серебряного дела в с. Большое Красное Костромской губернии.

Деятельность Министерства финансов в области учебной выразилась открытием 197 учебных заведений различной специальности, из них при Витте было учреждено 188 с числом учащихся 30116, стоимость устройства и образования составила 31 млн руб., из них казна выделяла 11 млн руб., а остальное — земства, города и частные лица. Они стоили ежегодно 4,3 млн руб².

Известно, как продвинулось вперед, начиная с 1890-х гг., торговое мореплавание в России. Витте, понимая важность подготовки моряков, способных водить корабли вокруг света — из Петербурга и Одессы во Владивосток, добился осенью 1897 г. передачи в свое ведение 41 мореходного учебного заведения, имевшегося тогда в России.

В мае 1902 г. было утверждено Положение о судоводителях торгового флота и о мореходных учебных заведениях, внесшее, как и другие Положения о специальном образовании, принятые в министерство С. Ю. Витте, систему в эту важную сферу. Судоводители теперь делились на капитанов и штурманов, и каждая из этих степеней имела 4 разряда в зависимости от деления плавания на дальнее и малое (каботажное) и судов — на паровые и парусные. При этом образование, получаемое штурманом считалось достаточным и для капитана. Штурман — как и в наши дни — становился капитаном, получив определенный опыт³.

В зависимости от рода плавания и типа судов обучение строилось по разным программам, что стало основанием для деления мореходных учебных заведений нового типа, во-первых, по родам плавания, а, во-вторых, по разрядам. Учебные заведения для подготовки судоводителей высших разрядов с более углубленным и систематическим учебным курсом стали называться училищами дальнего и малого плавания, а учебные заведения низших разрядов — мореходными школами (двухклассными и трехклассными).

Параллельно были открыты мореходные курсы по отдельным предметам или группам предметов мореходной специальности.

В 1902 г. были открыты училища дальнего плавания в Петербурге, Владивостоке, Ростове, Магнусгофе (Лифляндская губерния) и Баку, причем при трех последних была подготовительная школа.

Появились трехклассные мореходные школы в Балтийском порте, Либаве, Виндаве, Таганроге, Бердянске и 6 разных школ в Прибалтике.

В 1903 г. целый ряд мореходных классов на Белом, Балтийском, Черном и Каспийском морях был преобразован в училища малого плавания (3 в Архангельской губернии, в Нарве и эстляндском Каспервике, затем в Херсоне, Керчи, Алешках, Голой пристани, Николаеве, Севастополе, Поти и Астрахани).

¹ Там же. С. 612.

² Там же. С. 613.

³ Там же. С. 615.

Независимо от этого в 1898 открылись Одесское училище торгового мореплавания, преобразованное в 1901 г., и Архангельское торгово-мореходное училище, которые учили моряков по более широкой программе¹.

Даже этот краткий обзор еще раз демонстрирует, насколько широко С. Ю. Витте видел страну и ее проблемы.

Позже мы увидим, что его подходы будут восприняты и развиты в годы аграрной реформы Столыпина, начавшей, в частности, преобразование системы сельскохозяйственного образования в России.

Развитие системы профессионального и специального образования было для Витте одним из мощных средств, способных вывести экономическую жизнь страны на уровень, достойный страны, претендующей на титул великой державы, соответствующий задачам соревнования наций в начале XX века, что само по себе означало бы подъем производительности труда населения, материальной и духовной культуры России и создание новых источников благосостояния для ее жителей.

Благодаря его деятельности на этом поприще страна сделала огромный рывок вперед; кстати, СССР в основном унаследует эту систему специальных учебных заведений.

---

¹ Там же. С. 618–619.

6. СТАТИСТИКА ПРОТИВ ПУБЛИЦИСТИКИ: АНАЛИЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК

6.1. Грузовые перевозки и развитие народного хозяйства

В приводимых ниже цифрах в значительной степени отражаются результаты как первой из проведенных С. Ю. Витте реформ — реформы железнодорожных тарифов, так и последующих его усилий по модернизации страны, радикально укрупненной аграрной реформой Столыпина.

«Перевозки — необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось. Для Семена Воронцова, посла Екатерины II в Лондоне, рост английского процветания выражало движение по дорогам, которое за пятьдесят лет увеличилось самое малое впятеро» — писал Ф. Бродель¹.

Это особенно касается России в силу ее огромной территории.

Транспортировка товаров по стране — одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народнохозяйственного организма, тысячи и тысячи торговых контактов, происходивших на пространстве от Владивостока до Варшавы и Одессы, от Петербурга и Архангельска до Баку и Ферганы.

Поэтому железнодорожные перевозки — весьма важный и ясный показатель уровня развития народного хозяйства в каждый данный момент времени, по которому можно судить о динамике развития промышленности и торговли, о степени товарности сельского хозяйства, о развитии рынка в целом и, соответственно, о динамике покупательной способности населения и др.

Кроме прочего, железнодорожная статистика позволяет улавливать такие изменения конъюнктуры производства и рынка, которые нередко не прослеживаются по другим массовым источникам.

Мной были проанализированы 109 динамических рядов, включающих сведения о перевозке народнохозяйственных и потребительских товаров за 1894–1913 гг.², содержащиеся в «Сводной статистике», помимо 26 рядов, которые рассматривались выше.

Как и в случае с главными хлебами, для каждого показателя вычислялись, во-первых, средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов указанных динамических рядов. Равным образом, поскольку 1894–1913 гг. охватывают основную часть промышленного подъема 1890-х гг. — 1894–1900 гг., период кризиса и депрессии 1901–1908 гг. и предвоенного подъема 1909–1913 гг., то, во-вторых, я сравниваю средние арифметические показатели по каждому из этих периодов.

В-третьих, был проведен корреляционный анализ всех 135 динамических рядов за 1894–1913 гг. (за вычетом трендов, т.е. остатков)

В таблицах 56 и 57 представлены наиболее важные продукты и их группы, перевозки которых отражают как динамику промышленного и сельскохозяйственного про-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена.— М., 1988.— С. 345–346.

² Только с 1894 года имеются данные о перевозках всех товаров.

изводства, участие в которых увеличивало как народное благосостояние, так и потребление населения.

Таблица 56

Перевозки промышленной продукции в 1894–1913 гг. (тыс. пуд. и %)

Товары и грузы	Тренд 1894– 1913	Среднее 1894– 1900	Среднее 1901– 1908	Среднее 1909– 1913	1894– 1900 гг. за 100%	Среднее 1901– 1908	Среднее 1909– 1913	1909– 1913 гг. к 1901– 1908 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Все товары и грузы по жел. дороге	252450	3102035	4609171	6716984	100	148,6	216,5	145,7
Продукция отраслей группы А								
Каменный уголь, антрацит	58218	529640	892608	1331673	100	168,5	251,4	149,2
Нефть и нефтепродукты	3750	213629	257436	270717	100	120,5	126,7	105,2
Керосин	–440	95361	105495	89349	100	110,6	93,7	84,7
Дрова	16856	165657	285096	397302	100	172,1	239,8	139,4
Строительные материалы (сырые и изделия)	21243	271934	329703	582604	100	121,2	214,2	176,7
Кирпич и изразцы	3846	71200	74496	125099	100	104,6	175,7	167,9
Алебастр, гипс, известь и мел	2731	45399	53834	85981	100	118,6	189,4	159,7
Камень строительный, гранит, мрамор	7614	116548	143184	224101	100	122,9	192,3	156,5
Цемент	3400	21146	35327	71713	100	167,1	339,1	203,0
Земля и глина простая	3653	17640	22862	75710	100	129,6	429,2	331,2
Глина гончарная, огнеупорная, фаянсовая	1195	9869	17680	26891	100	179,1	272,5	152,1
Лесные стройматериалы	24040	250253	362394	610820	100	144,8	244,1	168,6
Деревянные и бочарные изделия	1019	13313	20162	27738	100	151,4	208,4	137,6
Руда	20475	146451	267524	424189	100	182,7	289,6	158,6
Железо, сталь, чугун	9860	96052	149807	232942	100	156,0	242,5	155,5
Металлические изделия	3889	60714	74138	117482	100	122,1	193,5	158,5
Рельсы	1015	23328	22849	39428	100	97,9	169,0	172,6
Проволока	118	1133	1912	2854	100	168,7	252,0	149,3
Мосты	207	2947	2485	6398	100	84,3	217,1	257,5
Трубы железные и чугунные	513	5229	7234	12661	100	138,4	242,2	175,0
Подвижной состав ж. д. (штуки)	1179	24076	42103	34627	100	174,9	143,8	82,2
Цветные металлы	376	6148	8471	11658	100	137,8	189,6	137,6
Медь, латунь, бронза и изделия из них	201	3370	4457	6299	100	132,3	186,9	141,3
Свинец и цинк	163	2596	3775	5007	100	145,4	192,9	132,6
Олово	11	183	239	352	100	130,9	192,9	147,4
Машины, кроме с.х.	986	11032	12984	24292	100	117,6	220,2	187,1
Приборы, часы, аппараты	95	1207	1571	2608	100	130,1	216,1	166,0
Продукция химич.пром.	2019	22717	35757	52303	100	157,4	230,2	146,3

Окончание таблицы 56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кислоты серная, соляная, азотная	243	2443	3823	5985	100	156,5	245,0	156,5
Известь хлорная	50	669	972	1368	100	145,2	204,3	140,7
Глауберова соль	99	578	1203	2116	100	208,0	365,7	175,8
Сода всякая	360	3990	6207	9160	100	155,6	229,6	147,6
Стекло и стекл. изделия, хрусталь	1275	12555	21004	30849	100	167,3	245,7	146,9
Ламповый товар	26	455	580	825	100	127,4	181,3	142,3
Фарфор, фаянс и майолика	143	2309	3238	4302	100	140,2	186,3	132,9
Сельскохозяйственные машины	1468	5761	13411	27668	100	232,8	480,3	206,3
Удобрения	1668	7139	14875	32511	100	208,4	455,4	218,6
Продукция отраслей группы Б								
Соль каменная и поваренная	3175	71933	96339	116176	100	133,9	161,5	120,6
Все сахарные грузы	4601	57108	87058	123735	100	152,4	216,7	142,1
Сахар рафинад	1738	23556	35354	48552	100	150,1	206,1	137,3
Сахарный песок	2364	30654	45645	65192	100	148,9	212,7	142,8
Мелас черный	207	1356	2445	4420	100	180,3	326,0	180,8
Чай	363	5399	8078	10194	100	149,6	188,8	126,2
Ткани	1161	32236	39012	49403	100	121,0	153,3	126,6
Хлопок и вата	942	19212	26538	32317	100	138,1	168,2	121,8
Пряжа и нитки	409	9785	11849	15736	100	121,1	160,8	132,8
Веревки	170	2550	3732	4988	100	146,4	195,6	133,6
Кожы, шкуры, кроме мехов	709	7795	11771	17989	100	151,0	230,8	152,8
Платье готовое и белье	128	1484	2369	3358	100	159,7	226,3	141,7
Обувь, кроме резиновой	77	782	1268	1903	100	162,1	243,4	150,1
Мыло	261	2538	4473	6249	100	176,2	246,2	139,7
Спички	118	1849	2714	3516	100	146,8	190,2	129,5
Пиво	1441	9104	17919	29065	100	196,8	319,3	162,2
Вина виноградные	304	6214	8158	10609	100	131,3	170,7	130,0
Водки, ликеры и другие крепкие напитки	179	5847	7423	8390	100	126,9	143,5	113,0
Спирт винный и виноградный	775	10545	16203	21169	100	153,7	200,8	130,6
Табак и табачные изделия	453	8638	12317	14983	100	142,6	173,5	121,7
Резина, каучук и изделия	130	1267	2194	3002	100	173,1	236,9	136,8
Бумага и картон	1101	10275	17410	26128	100	169,4	254,3	150,1
Книги	125	787	1872	2499	100	237,7	317,3	133,5
Канцелярские товары	43	440	675	1065	100	153,1	241,7	157,8
Игрушки	13	177	264	363	100	149,3	205,3	137,5

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып. 52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып. 54. СПб., 1915. Подсчеты автора.

Из 135 трендов отрицательную величину, помимо экспорта ржи и экспорта овса, в среднем ежегодно уменьшавшихся на 2742 тыс. пуд. и на 193 тыс. пуд соответственно, имеют лишь перевозки керосина (–440 тыс. пуд.). Остальные 132 ряда имеют отчетливо выраженную положительную тенденцию. Из привлекаемых дополнительно данных за 1901–1913 гг. отрицательный тренд (–3,45 тыс. пуд.) зафиксирован только у перевозок пряностей, которых в 1909–1913 гг. перевозилось 460 тыс. пуд. против 551 тыс. пуд. в 1901–1908 гг. В 1909–1913 гг. в среднем ежегодно транспортировалось также меньше подвижного состава, чем в 1901–1908 гг.

Таблица 57

Перевозки продукции сельского хозяйства, стоимость экспорта хлебного экспорта и акцизные доходы в 1894–1913 гг. (тыс. пуд., тыс. руб. и %)

<i>Товары и грузы</i>	<i>Тренд 1894– 1913</i>	<i>Среднее 1894– 1900</i>	<i>Среднее 1901– 1908</i>	<i>Среднее 1909– 1913</i>	<i>1894– 1900 гг. за 100%</i>	<i>Среднее 1901– 1908</i>	<i>Среднее 1909– 1913</i>	<i>1909–1913 гг. к 1901– 1908 гг.</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Главные хлеба — урожай в 63 губ.	69059	2838981	3229085	3950996	100	113,7	139,2	122,4
Главные хлеба — экспорт	7704	424810	477803	609420	100	112,5	143,5	127,5
Главные хлеба — перевозки ж. д.	31201	577992	825187	1059312	100	142,8	183,3	128,4
Все главные хлеба — остаток	61355	2414171	2751281	3341576	100	114,0	138,4	121,5
Хлебный экспорт (тыс. руб.)*	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4	151,7
Рис	302	3356	5025	7739	100	149,7	230,6	154,0
Арбузы и дыни	276	3711	5677	7276	100	153,0	196,1	128,2
Капуста	328	2005	4473	6797	100	223,1	339,0	152,0
Картофель	2384	13908	32691	48873	100	235,0	351,4	149,5
Лук	154	2240	3148	4374	100	140,5	195,2	138,9
Огурцы	105	1212	1831	2781	100	151,0	229,5	151,9
Все свежие овощи, кр.свекловицы	3465	24036	50323	74231	100	209,4	308,8	147,5
Свекловица и свекла	7107	31127	73868	135785	100	237,3	436,2	183,8
Все овощи свежие	10571	55163	124191	210016	100	225,1	380,7	169,1
Свежие фрукты, плоды, ягоды	1137	10343	17337	26594	100	167,6	257,1	153,4
Сушеные, вяленые, моченые фрукты и ягоды	181	4137	4932	6661	100	119,2	161,0	135,1
Овощи и плоды моченые и соленые	35	545	615	1049	100	112,8	192,6	170,7
Масла семенные и древесные	927	9889	15962	22931	100	161,4	231,9	143,7
Рыбные грузы	2043	28190	40678	57876	100	144,3	205,3	142,3
Мясо, битая птица и дичь	687	9342	14021	18947	100	150,1	202,8	135,1
Мясо всякое, кроме свинины, и солонина	329	4721	7402	9166	100	156,8	194,2	123,8
Свинина и сало свиное всякое	70	2347	2596	3326	100	110,6	141,7	128,1

Окончание таблицы 57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Битая домашняя птица	21	797	830	1111	100	104,1	139,4	133,9
Яйца и желтки яичные	588	7715	12045	15522	100	156,1	201,2	128,9
Цикорий	36	797	1151	1266	100	144,5	159,0	110,0
Уксус	27	275	453	640	100	164,6	232,8	141,4
Бараны	27,9	111,5	324,8	514,0	100	291,3	461,0	158,3
Крупный рогатый скот	35,1	936,3	1228,8	1378,3	100	131,2	147,2	112,2
Лошади и жеребята (шт)	12,7	148,9	215,8	334,8	100	145,0	224,9	155,1
Свиньи (шт.)	29,9	635,3	748,5	1086,7	100	117,8	171,1	145,2
Все домашние животные	106	1832	2518	3314	100	137,4	180,9	131,6
Лен, кудель и пакля	599	14487	18392	22204	100	127,0	153,3	120,7
Пенька и пакля	167	5431	6483	7717	100	119,4	142,1	119,0
Шерсть	84	8302	8995	9675	100	108,3	116,5	107,6
Торф, брикеты торфяные	772	7179	13325	17158	100	185,6	239,0	128,8
Древесный уголь	932	6799	10880	20458	100	160,0	300,9	188,0
Смола и деготь	233	5309	7094	8594	100	133,6	161,9	121,1
Питейный доход (тыс.руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0	134,7
Сахарный доход (тыс.руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0	147,1
Табачный доход (тыс.руб.)	1953	36426	50694	62703	100	139,2	172,1	123,7
Нефтяной доход (тыс.руб.)	1608	22435	32893	45836	100	146,6	204,3	139,3
Спичечный доход (тыс.руб.)	802	7197	11278	18764	100	156,7	260,7	166,4

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып. 52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 189.. года. СПб. Подсчеты автора.

* Мука пересчитана в зерно, исходя из норм того времени: для ржи выход муки принимается за 90%, для пшеницы — 75%.

Прежде всего важно отметить, что транспортировка всех грузов (кроме перевозимых поштучно) по русским железным дорогам выросла с 2486562 тыс. пуд. в 1894 г. до 7984459 тыс. пуд. в 1913 г., т. е. в 3,2 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32673 км в 1894 до 69179 км в 1913 г., т. е. в 2, 1 раза¹. При этом транспортировка возрастала в среднем на 257,3 млн пуд. в год. В сравнении с 1894–1900 гг. среднегодовая перевозка всех грузов выросла в 1901–1908 гг. на 43,8%, а в 1909–1913 г. — соответственно, более чем в два раза, на 109,6%.

Тарифная номенклатура в каких-то своих сегментах периодически пересматривалась, что иногда не позволяет прямо вычлнить перевозки ряда важных грузов за все время разработки «Сводной статистики»; это возможно лишь с 1901 г. Из таблицы 58 очевиден существенный рост перевозок всех грузов, кроме чугунной посуды, шпал и пряностей («заморские» апельсины, лимоны, мандарины и померанцы взяты для полноты освещения сюжета).

¹ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1899 г. СПб., 1902. вып. 77. С. 60; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 г. СПб., 1915. Вып. 56. С. 4. Дробизев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973. С. 257.

Таблица 58

Железнодорожные перевозки грузов в 1901–1913 гг. (тыс. пуд. и %).

<i>Грузы</i>	<i>Тренд 1901–1913</i>	<i>Среднее 1901–1908</i>	<i>Среднее 1909–1913</i>	<i>В 1909–1913 больше (%)</i>
Чаны и баки	559	3388	7466	220,4
Посуда чугунная и эмалированная	32	1595	1632	102,3
Посуда железная цинкованная	124	785	1581	201,3
Ремесленные инструменты	56	673	1022	151,7
Скобяной и ножевой товары	88	904	1510	167,1
Болты, кроме рельсовых	192	2355	3540	150,3
Бандажи и шины	89	3249	3977	122,4
Гвозди всякие	297	5438	7649	140,7
Железные и чугунные изделия грубые	330	6986	8994	128,8
Принадлежности пути и подвижного состава	477	9119	12273	134,6
Доски и брусья	17100	197332	326545	165,5
Клепка и плансоны	631	11961	15687	131,2
Шпалы	460	25444	26394	103,7
Дрючки, рудничные стойки и др.	12520	37339	130664	349,9
Стекло листовое, оконное, для крыш, полов	345	4350	6834	157,1
Посуда стекл.столовая, кухонная, аптечная, водочная	210	3614	5023	139,0
Горчица сухая	12	177	259	146,1
Грибы, в том числе трюфели	10	476	516	108,5
Кондитерские изделия	260	4521	6191	136,9
Макароны и вермишель	75	665	1132	170,3
Пряности	-3,45	551	460	83,6
Патока картофельная	177	2760	3954	143,2
Масло всякое	328	5791	7935	137,0
«Остальные молочные скопы»	150	1836	2858	155,7
Яблоки	639	8114	12480	153,8
Апельсины, лимоны, мандарины, померанцы	214	2689	4262	158,5
Абрикосы, сливы, персики	86	825	1365	165,5
Груши	56	822	1252	152,3
Ягоды	73	1036	1518	146,5
Виноград	44	1086	1302	119,9

Из таблиц 56 и 57 можно видеть значительный рост показателей перевозок подавляющего большинства грузов, что говорит о поступательном развитии народного хозяйства России — и отраслей группы А, производящих средства производства, и отраслей группы Б, производящих предметы потребления, и сельского хозяйства и обрабатывающей сельскохозяйственной промышленности. Исключение — кризис в не-

фтяной промышленности, выразившийся в скромных показателях прироста перевозок нефти и нефтепродуктов в среднем на 20,5% во 2-м периоде и на 26,7% в 3-м периоде в сравнении с 1-м. При этом среднегодовые перевозки керосина, которые в 1894–1900 гг. составили 95,4 млн пуд., а в 1901–1908 гг. — 105,5 млн пуд., в 1909–1913 гг. уменьшились до 89,3 млн пуд.

В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности, сельского хозяйства и торговли в стране с рыночной экономикой, представленные данные свидетельствуют о значительном прогрессе народного хозяйства страны в 1894–1913 гг.

Следовательно, можно уверенно говорить о росте не только производства, но и народного потребления — перевозки потребительских и продовольственных товаров в течение рассматриваемого периода неуклонно увеличиваются.

Однако, полагаю, недостаточно, просто констатировать данное обстоятельство. Важно попытаться понять, *что* отражает эта статистика, индексом каких процессов, происходивших в экономике страны, она является.

А стоит за этими цифрами факт фундаментальной важности в истории нашей страны, упорно не замечаемый негативистской историографией.

Для понимания рассматриваемой эпохи (и, в частности, для адекватной оценки статистики перевозок — но не только!) исключительно важное значение имеет точка зрения Л. Н. Литошенко о путях разрешения казавшихся непреодолимыми кризисных явлений в российской деревне: «Однако народное хозяйство индивидуалистического типа всегда имеет в себе достаточное количество самоисцеляющих сил. В конкурентной борьбе, характерной для «капиталистического» строя, побеждают наиболее приспособленные хозяйственные единицы. С их помощью преодолеваются самые жесткие экономические кризисы.

Те задачи, которые кажутся неразрешимыми в масштабе народного хозяйства, рассматриваемого как одно органическое целое, постепенно распутываются путем молекулярных процессов борьбы, приспособлений и видоизменений, происходящих в среде миллионов автономных хозяйственных единиц, составляющих ткань народного хозяйства индивидуалистического типа»¹.

По мнению Л. Н. Литошенко, сельскохозяйственный кризис конца XIX в., заключавшийся в аграрном перенаселении, был разрешен естественным процессом расслоения крестьянства, в ходе которого в его среде выделилась значительная (не менее пятой части общего их числа) группа хозяйств, которая своими силами преодолела тенденции к бесконечному дроблению и создала объективные предпосылки для развития внутреннего рынка и промышленности².

Анализ крестьянских бюджетов привел автора к выводу о том, что в семьях с наибольшим доходом круг житейских и бытовых потребностей, равно как и степень их удовлетворения, заметно расширились в сравнении с семьями, получавшими меньший доход, что отражалось в увеличении доли продуктов, покупаемых на рынке, а не производимых в своем хозяйстве. Выросли запросы деревни относительно одежды, обуви, «предметов комфорта», а также состава пищи — «прочное место в

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России.... С. 121–122. Я намеренно не углубляюсь в требующую отдельного рассмотрения тему «аграрного кризиса», которая, в частности, требует специального анализа специфики словоупотребления. См. также: Грегори Пол. Экономический рост Российской Империи (конец XIX — начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М., РОССПЭН. С. 29–37.

² Там же. С. 122–123.

меню крестьянского стола занимает белая мука, рис, сахар, чай, водка, приправы и пряности».

Экономическая дифференциация деревни, по мнению Литошенко, «удачно» разорвала порочный круг между слабым развитием внутреннего рынка для промышленности и аграрным перенаселением. Потребности крестьянства возросли и усложнились, что оживило спрос на продукцию промышленности, получившей в деревне все возрастающий круг массовых потребителей «с определенными вкусами и регулярным спросом на предметы массового потребления и средства производства». Это, наконец, расширило внутренний рынок до размеров, необходимых для полноценного развития индустрии¹.

Здесь, кроме прочего, принципиально важно, что Литошенко говорит не о тех, кого тогдашняя пресса именovala «кулаками» и «мироедами», о тех, кто держал деревню в руках и манипулировал сельскими сходами, о чем говорилось выше. «Мироеды» считались единицами, а 15–20% крестьян — это прежде всего настоящие «трудовые хозяйства», столь уважаемые представителями организационно-производственной школы — А. В. Чаяновым, А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, а также Б. Д. Бруцкусом.

Челинцев в 1910 г., опираясь на показатели организационного строя хозяйства (распространенность методов поддержания плодородия почвы (залежи, пара, унаваживания), культуры кормовых трав, корнеклубнеплодов, сравнительной численности крупного рогатого скота, свиней и овец) показал, как в 1890–1900-х гг. эволюционировали в пространственном аспекте типы организации сельского хозяйства.

Он проследил, как, двигаясь с востока на запад, и в нечерноземной, и в черноземной полосе, сменяют друг друга районы с повышающейся интенсивностью — от «экстенсивной залежной полужерновой, полускотоводственной системы и кончая интенсивной плодосменной», причем «каждый более интенсивно организованный район мог рассматриваться как грядущая стадия развития для смежного низшего. Все вместе взятое говорило о поступательном, прогрессивном движении сельскохозяйственного производства в прошлом — движении, на пути коего разные районы к данному времени достигли разных пунктов. Вследствие этой разницы в организации сельскохозяйственного производства и производительность земли оказывается, неодинаковой. Чем интенсивнее первая, тем выше вторая»². Это подтверждается приводимыми Челинцевым сведениями о доходности десятины сельскохозяйственной площади «для типичных губерний в каждом из названных районов» для конца 1900-х гг.³

Уже к 1900 г. Россия начинает абсолютно и относительно вывозить больше продукции интенсивных отраслей сельского хозяйства — льна, сахара, масла, яиц⁴. И в дальнейшем этот процесс будет только нарастать.

Данные Челинцева в большой мере иллюстрируют процесс стихийной интенсификации крестьянского хозяйства, начавшийся в XIX в., и одновременно дополняют точку зрения Литошенко.

¹ Там же. С. 123–128.

² Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., Новый агроном. 1928. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 25.

<i>Черноземная полоса — губернии</i>						
<i>Показатели</i>	<i>Таврическая</i>	<i>Саратовская</i>	<i>Херсонская</i>	<i>Курская</i>	<i>Полтавская</i>	<i>Подольская</i>
Крестьян на 1 кв. вер. сельскохозяйственной площади	32,4	36,6	45,5	79,9	85	114,8
Затраты дней на 1 дес. хозяйства	5,3	8,8	8,3	17,6	18,7	21,7
Доход земледелия на 1 дес. хозяйства (руб.)	18,2	16,1	26,7	30	30,6	41,7
То же от животноводства (руб.)	4,4	5,8	6,4	8	10,1	17,9
<i>Нечерноземная полоса — губернии</i>						
<i>Показатели</i>	<i>Вологодская</i>	<i>Курляндская</i>	<i>Тверская</i>	<i>Виленская</i>	<i>Московская</i>	<i>Польша</i>
Крестьян на 1 кв. вер. сельскохозяйственной площади	50	36,8	67,5	80	113	117
Затраты дней на 1 дес. хозяйства	11,1	13,5	15,2	15,4	18,9	26,5
Доход земледелия на 1 дес. хозяйства (руб.)	11,2	25,4	18,5	23,8	23,8	49,1
То же от животноводства (руб.)	6,8	12	8,2	19,9	19,9	23,1

Выше на примере Донбасса схематично было показано, как благотворно воздействует развитие промышленности на аграрный сектор (и это лишь один из существовавших вариантов). Растущему фабрично-заводскому и городскому населению, пишет Литошенко, было необходимо продовольствие и сельскохозяйственное сырье, что привело к появлению «выгодной для земледелия конъюнктуры цен и рыночных условий»¹. Таким образом, между промышленной индустрией и аграрным сектором установился необходимый обмен услугами и материальными ценностями. «Сельское население постепенно, и, по крайней мере, относительно, разрежалось, соотношение между семьей, доходом и обрабатываемой площадью показывало более устойчивые и нормальные пропорции»².

Наконец, в крестьянском хозяйстве появился чистый доход, достигающий нередко 20% общей суммы натуральных и денежных расходов³. Эти излишки стали «источником накопления мелких капиталов, тонкими струйками стекавших в кредитные учреждения или непосредственно обратившихся на расширение и улучшение сельскохозяйственного производства»⁴.

Следствием указанных процессов, отмечает автор, стало улучшение общего экономического положения России.

Этот безусловно фиксируемый в 1900-х гг. прогресс в то же время «в значительной мере» был и результатом «рациональной экономической политики. Старое правительство довольно скоро разгадало природу поразившего сельское хозяйство недуга и меры лечения, предпринятые им, оказали свое действие»⁵.

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. ... С. 128–129.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 131.

И здесь Литошенко, как и Бруцкус, выделяет реформы Витте и аграрные преобразования Столыпина. Финансово-экономические реформы Витте стали «одним из наиболее удачных приемов смягчения кризиса аграрной перенаселенности». Прежде всего, индустриализация отвлекла от земледелия часть избыточного населения, которое концентрировалось в основном в нижних стратах крестьянства. А налоговая система Витте, опиравшаяся на рост косвенных налогов, а значит, на деревню, привела к результатам, о которых не думали его многочисленные критики.

«На первый взгляд крестьянин», — пишет Литошенко, — «вынужденный платить высокие акцизы на сахар, чай, водку, спички и другие продукты, казался в сильном проигрыше. **В действительности взятые у него государством “последние крохи” косвенным путем приносили сельскому хозяйству несравненно большую пользу, чем если бы они оставались в распоряжении мелких производителей. Государство нашло выгодное и производительное применение для собранных у населения средств**»¹.

Вся деятельность Витте — от строительства ряда основных железнодорожных магистралей, введения золотого обращения, укрепления системы государственного и частного кредита до выгодных торговых договоров, протекционистского таможенного тарифа, казенных заказов и многого другого — вызвала в конечном счете, считает автор, бурный расцвет отечественной промышленности.

А затем началась аграрная реформа Столыпина, открывшая простор инициативе и предприимчивости крестьянства. Конечно, и покупка земель у Крестьянского банка или через его посредничество, и переселение в Сибирь способствовали решению аграрного вопроса. Однако главную роль сыграло освобождение нравственных и физических сил крестьянства из-под гнета общины.

То, что значительная часть крестьян внутренне была к этому готова, подтверждается формированием, как говорилось, значительной группы хозяйств, вполне обеспеченных землей и капиталами и начавшей стихийную интенсификацию сельского хозяйства еще *до* реформы: «все это свидетельствовало о том, что молекулярный процесс оздоровления крестьянского хозяйства уже начался»².

Столыпинская аграрная реформа, условно говоря, открыла шлюз энергии отечественного крестьянства, привела в движение громадный массив находившихся вне рынка общинных земель, результатом чего стал последующий подъем сельского хозяйства вплоть до Первой Мировой войны, находящий подтверждение в самых разных источниках, в том числе и цифрах перевозок.

В свете сказанного нам необходимо сейчас остановиться на данных о развитии промышленности за 1901–1908 гг., которые подтверждают мнение Л. Н. Литошенко (впрочем, не только его одного) об органической взаимосвязи промышленности и аграрного сектора в этот период. Обычное определение 1901–1908 гг. как периода кризиса и депрессии, верное по отношению к промышленному производству Империи в целом, скрывает очень важные для нашей темы явления. Для их характеристики мы вновь обратимся к уникальной работе Л. Б. Кафенгауза «Эволюция промышленного производства России»³. Здесь уместно сказать о ней несколько слов.

¹ Там же. С. 131–132.

² Там же. С. 136.

³ Лев Борисович Кафенгауз (1885–1940), выдающийся отечественный экономист, начал активную научную деятельность еще в 1900-х гг. Участник декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., он был одним из тех меньшевиков, которые отвергали политику военного коммунизма, но поддержали

Она была издана в 1994 г., свыше 60 лет пролежав в спецхране¹ и сразу же стала сенсацией: «Можно уверенно сказать, что столь аргументированного системного анализа 40-летней динамики многоотраслевого промышленного производства России мы еще не имели... Книга Кафенгауза представляет особую ценность для историков-экономистов в связи с тем, что выводы, сделанные автором, основаны на надежных статистических данных»,² — отмечает Л.И. Бородкин.

Как известно, промышленный подъем 1890-х гг. был прерван начавшимся кризисом 1901–1902 гг. Впрочем, уже в 1903 г. появились симптомы новой повышательной волны промышленной конъюнктуры, но они, естественно, исчезли с началом войны с Японией, а затем и революции 1905 г. Начавшееся оживление прекратилось, а депрессия в промышленности затянулась до 1908 г., а в ряде отраслей даже до 1909 г.

В 1900–1908 гг. те факторы, которые обеспечили в первую очередь подъем 1890-х годов, — строительство железных дорог и иностранные капиталы, уже не действовали с прежней интенсивностью. Железнодорожное строительство резко сократилось. Если в пятилетие 1895–1900 гг. в среднем вводилось в строй по 3229 км железных дорог в год, то за пятилетие 1901–1905 гг. — 1548 км, а в 1906–1910 гг. — 1100 км. Соответственно уменьшились и все заказы на стройматериалы, подвижной состав, металлы и т.п. товары, потребление которых так или иначе было связано с этим строительством. Кроме того, война и революция подорвали кредит России на международных финансовых рынках. Приток иностранных капиталов, энергия которых во многом произвела промышленный подъем 1890-х гг., уменьшился. Кризис острее всего сказался на отраслях группы А.

Такова была цена шапкозакидательской («японцы не посмеют, а если осмелятся — задавим»³) внешней политики Николая II.

Однако те отрасли промышленности, в том числе и тяжелой, которые работали на широкий потребительский рынок, продолжали развиваться или приспосабливались к возросшему и изменившемуся спросу населения. При этом доходы рабочих и сельского населения в рассматриваемый период росли — во многом вследствие революции 1905 г.⁴ В стране становилось больше капиталов, что отчасти видно из статистики сберегательного дела (см. ниже). Это изменило характер спроса на промышленные товары и привело к «весьма значительным изменениям в общей эволюции нашей промышленности и во внутренней ее структуре».

В 1900–1908 гг. больших успехов добилось сельскохозяйственное машиностроение, валовая продукция которого возросла в 2,6 раза (с 10,5 до 27,4 млн руб.), в силу чего удельный вес отрасли во всей металлообработке и машиностроении увеличился с

НЭП и стали активно работать в советских экономических органах и учреждениях. С 1923 г. он возглавлял Центральный отдел статистики ВСНХ СССР, читал лекции в Московском университете, Коммерческом институте, в других вузах, был председателем тарифно-таможенного комитета СНК СССР, заместителем председателя конъюнктурного совещания Промышленно-экономического совета ВСНХ, членом Промплана ВСНХ, сотрудником «Торгово-промышленной газеты» и т. д. В августе 1930 г. он был арестован по делу Промпартии и сослан. Перед арестом он получил сигнальный экземпляр набранной в Госиздате его новой книги «Эволюция промышленного производства с 1887 по 1926/1927 г.». Набор был рассыпан, а книга до 1990-х гг. была практически недоступна исследователям. (Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства... С. 3–5).

¹ Там же. С. 5.

² Бородкин Л. И. Дореволюционная индустриализация и ее интерпретации // Экономическая история. Обозрение. Выпуск 12. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 185.

³ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. В пяти томах. М., Наука. 2004. Т.1. Кн. 2. Ч. 1. С. 624.

⁴ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства... С. 71.

3,5 до 8,3%.¹ Отметим, что в эти годы по железным дорогам в среднем за год перевозилось в 2,3 раза больше сельхозтехники, чем в 1894-1900 гг. — 13,4 млн пуд. против 5,8 млн пуд. (таблица 56). Увеличение посевных площадей в Новороссии, Предкавказье и особенно в Сибири серьезно усилило спрос на разнообразную сельхозтехнику. Так, обороты сибирских переселенческих складов возросли с 1,2 млн руб. в 1904 г. до 5,2 млн руб. в 1908 г., а обороты частных складов достигли 1,1 млн руб.²

О росте потребления сельскохозяйственных машин, который является одним из самых точных показателей финансовых возможностей крестьянства, можно судить по тому, что в 1894 г. они составили 5463 тыс. пуд., в 1902 г. — 10600 тыс. пуд., в 1905 г. — 12811 тыс. пуд., в 1909 г. — 21461 тыс. пуд., в 1913 г. — 34517 тыс. пуд. При этом резкий перелом в потреблении сельхозтехники прямо связан именно с реформой Столыпина.

К этому времени между отечественными и иностранными производителями сельхозтехники установилось своеобразное разделение труда. Импортировались — до 1913 г. беспощинно — в основном сложные машины (жатки-самосброски, сенокосилки, паровые молотилки и др.), а отечественные заводы вырабатывали относительно простые орудия, которые облагались сравнительно умеренной пошлиной (плуги, сеялки, жатки — «лобогрейки», простые молотилки, приводы, зерноочистительные машины и др.)³.

Особо следует отметить также строительство в Подольске под Москвой компанией Зингера (Американской компанией швейных машин) нового завода, производство которого в 1908 г. составило 6,5 млн руб.⁴

Наконец, заметно выросло производство различных металлических изделий домашнего и массового непосредственного потребления, таких, как чугунная и железная посуда, печные и кухонные принадлежности, «разное литье», железные трубы, гвозди, проволока, , ножевой товар, скобяной и замочный товар, медная домашняя утварь, самовары, иголки и булавки, лампы, фонари, ручные инструменты. Это позволило металлообрабатывающей промышленности отчасти компенсировать потерю заказов, связанных с сокращением железнодорожного строительства⁵.

Если в 1890-х гг. группа Б развивалась медленнее группы А, то в период 1900–1908 гг. удельный вес легкой промышленности возрастает. В эти годы «начало сказываться влияние новых путей сообщения на сельское хозяйство: новые районы были втянуты в сферу торгового оборота и мирового рынка, вследствие чего заметно возросла товарность нашего сельского хозяйства. Достаточным показателем роста ценностей, отчуждаемых нашим сельским хозяйством, могут служить цифры железнодорожных перевозок основных сельскохозяйственных продуктов и экспорта за границу»⁶.

Мы с этими цифрами уже знакомы. Как следует из таблицы 57, среднегодовой урожай главных хлебов возрастает в 63-х губерниях в 1901–1908 гг. на 13,7% в сравнении с 1894–1900 гг., и этот относительно небольшой рост естественен для страны, где основная часть земель была уже распахана. В то же время железнодорожные перевозки главных хлебов увеличились на 42,8%, следовательно, выросла товарность земле-

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 93–94.

³ Подробнее об этом см.: *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 540–546.

⁴ *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства... С. 94.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 101–102.

делия. По абсолютной величине экспорт главных хлебов вырос на 12,5%, а по стоимости — на 28,2%. При этом началось повышение цен на мировом рынке, а значит, росла и выручка крестьян за продаваемые сельскохозяйственные продукты. С начала XX в. емкость сельского рынка на предметы промышленности неуклонно возрастает.

Кафенгауз, как и Литошенко, отмечает не только «количественный рост спроса, но и качественные изменения в характере крестьянского бюджета — изменения, сводящиеся к распространению городских вкусов в предметах питания, одежды и домашнего обихода».¹ Параллельный рост зарплаты рабочих и уровня их потребностей также усиливал спрос на предметы непосредственного потребления.

Таким образом, в период 1900–1908 г. спрос на товары широкого потребления рос быстрее, чем спрос на «предметы производственно-технического характера», что, естественно, способствовало росту их производства. Этому содействовала и стихийная интенсификация аграрного сектора, в силу которой возросло производство технических культур, дающих промышленное сырье. Отсюда закономерный рост пищевых отраслей, теснее других связанных с сельским хозяйством, и текстильной промышленности, благоприятную конъюнктуру для которой также сформировал «рост покупательной способности сельского населения» и доходов рабочих². Подтверждение сказанному легко увидеть в таблицах 56–57.

Подводя итоги периода 1900–1908 гг., Кафенгауз отмечает, что «анализ приведенных выше данных свидетельствует о систематическом росте всех производств, удовлетворяющих нужды непосредственного потребления в связи с заметным в этот период ростом потребления всех предметов, входящих в основной потребительский бюджет широких слоев населения»³, и «что индустрия, созданная в предшествующую эпоху, пустила более глубокие корни в наше народное хозяйство»⁴. Данные о перевозках наглядно иллюстрируют эту точку зрения.

И не будет ошибкой сказать, что именно в 1901–1908 гг. промышленное производство и народное потребление стали развиваться в определенной гармонии.

А в 1909–1913 гг. начался предвоенный промышленный подъем, неразрывно связанный со Столыпинской аграрной реформой.

Промышленный подъем 1909–1913 гг., по степени интенсивности схожий с подъемом 1890-х гг., отличался от него как по движущим силам возникновения и развития, так и по «конкретным своим проявлениям»⁵. Если, как мы помним, главную роль в подъеме 90-х гг. играли железнодорожное строительство и приток иностранных капиталов, то в 1909–1913 гг. «фактором подъема явились в первую очередь возросшие **внутренние ресурсы** страны и общее строительство во всех областях народного хозяйства». Модернизация Витте-Столыпина приносила плоды.

В 1900–1908 гг. активно шло накопление капиталов, о чем говорят, в частности, приводимые Кафенгаузом данные о росте вкладов и текущих счетов в акционерных коммерческих банках, выросшие за 1900–1908 гг. с 547,9 до 818,0 млн руб., т. е. на 48,7%⁶.

К началу 1909 г. значительный объем свободных капиталов был в ликвидном состоянии и заметно превышал нужный для нормального развития народного хозяйства

¹ Там же. С. 103.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же.

минимум оборотных средств; «необходимо было изменение общей конъюнктуры для того, чтобы направить эти свободные средства на промышленное строительство», что и произошло в 1909 г., когда промышленность вступила в новый цикл.

Фактором резкого изменения конъюнктуры стали большие урожаи на фоне высоких мировых цен, вследствие чего «ценность нашего хлебного экспорта достигла совершенно исключительных размеров» (за 1904–1908 гг. хлеба было вывезено на 2545,9 млн руб., а в 1909–1913 гг. — на 3421,8 млн руб.) и соответственно увеличилась стоимость всей реализованной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке сельскохозяйственной продукции.

Понятно, что такое серьезное увеличение доходов сельского населения повлекло за собой дальнейший рост емкости внутреннего рынка и соответствующий рост спроса на предметы крестьянского потребления. В этом же направлении действовало и дальнейшее увеличение доходов горожан.¹ При этом можно думать, что теперь, когда у сотен тысяч крестьян, прямо включенных в реформу, началась новая жизнь и появились новые возможности, эти деньги тратились более рационально, целенаправленно и пр. Во всяком случае, рост потребления сельхозтехники говорит именно об этом.

Итак, в 1909–1913 гг. спрос на предметы широкого потребления неуклонно возрастал.

При этом увеличение национального дохода за эти годы была настолько значительным, что привело к образованию больших накоплений, которые пошли на финансирование капитального строительства. Вклады в государственные сберегательные кассы выросли с 1908 г. по 1913 г. в 1,4 раза (с 1149,2 до 1594,4 тыс. руб.), а в текущие счета акционерных банков — в 2,8 раза (с 818,0 до 2293,3 тыс. руб.). Кроме того, снова усилился приток иностранных капиталов в промышленность.

Результатом стал мощный рост строительства, причем «не только, и даже не столько» железнодорожного, сколько жилищного, коммунального, промышленного и др.

Аграрная реформа, как мы знаем, дала сильнейший стимул для дальнейшего развития сельскохозяйственного машиностроения. Кафенгауз констатирует, что, в отличие от 1890-х гг., когда металлообработка развивалась, главным образом, в связи с железнодорожным строительством, в 1909–1913 гг. рост производства распространился на все ее виды в соответствии с общим подъемом всего народного хозяйства, причем быстрее всего развивались отрасли машиностроения, связанные с сельским хозяйством, перерабатывающей промышленностью, а также «с технической реконструкцией отдельных сторон народного хозяйства»².

«Исключительно интенсивный рост жилищного, коммунального и общего строительства», отразившийся на эволюции металлообрабатывающей промышленности, вызвал, естественно, также резкое увеличение производства стройматериалов минерального происхождения, которое по своему темпу обогнало все остальные отрасли³.

Емкая характеристика предвоенного промышленного подъема содержится в докладе правления Азовско-Донского банка общему собранию акционеров 22 марта 1912 г. (СПб., 1912), в котором отмечается «прежде всего усиление строительной деятельности не только городской, но и фабрично-заводской в различных районах России, и

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 144.

даже в таких, например, как Центральный промышленный и район Царства Польского. **И в том, и в другом заметно увеличилось количество прядильных и крутильных веретен, а в первом увеличилось и число самих фабрик, по преимуществу ткацких.**

В виду большого спроса на продукты железодельной промышленности и недостатка чугуна, с одной стороны — правительством разрешен льготный ввоз чугуна из заграницы, а с другой — южные заводы значительно расширили свое производство, занялись переустройством старых доменных печей и приведением своего производства в соответствие с новейшими требованиями техники.

В связи с указанным расширением в железодельной промышленности сильно увеличился спрос на каменный уголь и в особенности на кокс, импорт которого увеличился в 1911 году почти на 50%. **В виду хороших цен на железную руду и каменный уголь возникают новые предприятия для добычи того и другого.** Расширилось производство цемента, недостаток которого ощущался круглый год, несмотря на значительный импорт заграничного цемента. Увеличился спрос и соответственно увеличилось производство стекла.

Чтобы не перечислять всех отраслей производства, которые захватила волна расширения, можно сказать, что увеличилось производство всех отраслей промышленности, связанных с усилением городского и фабрично-заводского строительства, а также с начавшимся судостроением и намеченным крупным железнодорожным строительством¹.

Через год в аналогичном докладе сказано, что те «отрасли промышленности, степень развития которых определяют обыкновенно промышленный подъем или упадок, а именно металлургическая, железодельная и механическая, достигли в 1912 году небывалого у нас уровня. И если, судя по сведениям Общества «Продамета», количество заказов на сортовое железо, более других рассчитанное на массовое потребление, в минувшем году несколько уменьшилось, зато значительно увеличилось поступление заказов на все виды изделий, потребных для городского строительства, начавшегося уже три года тому назад, под влиянием быстрого роста городов, а также и для строительства фабрично-заводского железнодорожного и военно-морского судостроения... Параллельно с развитием вышеназванных отраслей промышленности увеличались в минувшем году: добыча руды, каменного угля, производство цемента, кирпича всякого рода строительных материалов»².

Среди прочего, эта информация принципиально важна потому, что свидетельствует, что и для расширения уже существующих предприятий, и для быстрого строительства новых фабрик, шахт и строек, а также работы на них находились люди, тысячи новых рабочих. Здесь нельзя не вспомнить, что продажа укрепленных в ходе аграрной реформы Столыпина наделов позволило одной части крестьян уехать в Сибирь, а другой — просто расстаться с деревней и начать другую жизнь, изменить род занятий, уйти в промышленность, в город — в широком смысле. Весьма вероятно, в частности, что семья Н. С. Хрущева, в 1908 г. переехавшая на постоянное местожительство на шахту в Донбасс из Дмитриевского уезда Курской губернии, была из их числа.

¹ Публикация источников. Россия и мир: экономическая конъюнктура 1911–1914 гг. (Из докладов правления Азовско-Донского банка собранию акционеров // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 11. М., МГУ. 2005. С. 43–44.

² Там же. С. 44–45

Отрасли группы Б в 1909–1913 гг. также переживали значительный подъем производства, причем более серьезный, чем в 1900–1908 гг., хотя его количественные характеристики были несколько ниже, чем в отраслях группы А, что в первую очередь было связано с «умеренным» ростом сборов технических культур и повышением цен на сырье вследствие «усиленного спроса»¹.

Медленнее, чем в предшествующий период, развивалась сахарная промышленность, поскольку из пяти предвоенных лет лишь два года дали повышенные урожаи свекловицы. Тем не менее выработка рафинада с 1908–1909 гг. до 1913–1914 гг. выросла ровно на 33,3% (с 632,8 до 843,6 тыс. т). Среднегодовые перевозки рафинада в 1909–1913 гг. в сравнении с 1901–1908 гг. увеличились на 37,3%, сахара-песка — на 42,8%, а сахарный акциз — на 47,1% (см. таблицу 57).

Бурно прогрессировало крахмало-паточное производство (за 1908–1912 гг. оно выросло на 48,3%, а среднегодовая транспортировка патоки — на 43,2%)

Рост потребления сахара и патоки повлек за собой увеличение стоимости производства и потребления кондитерских товаров на 30,2% за 1908–1912 гг. По железным дорогам в 1909–1913 гг. было перевезено кондитерских изделий на 36,9% больше, чем в 1901–1908 гг.

Быстрыми темпами росла выработка растительных масел, превратившаяся в одну из самых динамичных отраслей пищевой промышленности, что отражается и в росте их среднегодовой перевозки в 1909–1913 гг. в сопоставлении с 1901–1908 гг. на 43,7%.

Рост табачного акциза повлек за собой переключение отрасли на выработку самых дешевых и низкооблагаемых сортов табака и «в сторону превращения в крупную машинную папиросную индустрию»; к 1913 г. в виде папирос выпускается 46% всей выработки. Вместе с тем дороговизна табачных изделий влечет рост производства и потребления махорки — большой, чем это в 1890-х гг. (5,2% в год против 3,7%). Началось даже производство махорочных папирос, однако потребители их не оценили². Среднегодовые перевозки табака и табачных изделий в 1909–1913 гг. выросли в сравнении с 1901–1908 гг. на 21,7% при росте табачного акциза на 23,7%.

Серьезный подъем переживало винокурение. В 1909–1913 гг. среднегодовой прирост выработки спирта равнялся 4,5%, в то время как в 1901–1908 гг. он составлял 2,3%, а в 1893–1900 гг. — 4,1%. Л. Б. Кафенгауз объясняет это развитием винной монополии и ростом производства водки. Наряду с ростом питьевого потребления спирта, заметно увеличилось потребление технического спирта (с 48,9 тыс. литров в 40° в 1908 г. до 116,7 тыс. литров в 1913 г.). На 61,6% за 1908–1913 гг. вырос также экспорт спирта за границу. Среднегодовая транспортировка спирта сравнительно с предыдущим периодом увеличилась на 30,6%, водки, коньяков и ликеров — на 13,7%, питейный доход — на 34,7%.

Уже в 1890-х гг. был зафиксирован опережающий рост потребления пива в общем потреблении алкоголя — под влиянием изменения потребностей населения. Эта тенденция фиксируется и в 1909–1913 гг., когда выработка пива возрастает на 41% при среднегодовом приросте в 7,2% (в 1901–1908 гг. он равнялся 6,6%, а в 1890-х гг. — 8,9%). Пива в 1909–1913 гг. перевозили в среднем ежегодно на 62,6% больше, чем в 1901–1908 гг.³

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства... С. 154.

² Там же. С. 156–157.

³ Там же. С. 158.

Относительно новая пищевая отрасль — производство консервов — за 1908–1912 гг. дает прирост в 41,8% (с 13,4 млн руб. до 19,0 млн руб. в 1912 г.)¹ «Сводная статистика», выделяющая консервы отдельной строкой с 1909 г., дает следующие показатели их транспортировки — 454 тыс. пуд. в 1909 г., 553 тыс. пуд. в 1910 г., 689 тыс. пуд. в 1911 г., 798 тыс. пуд. в 1912 г., 1011 тыс. пуд. в 1913 г. Таким образом, за пятилетие перевозка консервов увеличилась в 2,2 раза.

«Исключительно быстрым темпом» в 1909–1913 гг. развивалась резиновая промышленность из-за удешевления с 1911 г. сырья, благодаря появлению плантационного каучука. При этом цены на резиновую обувь и изделия либо не понизились, либо понизились в значительно меньшей степени, чем каучук. Это создало для отрасли «исключительно благоприятную обстановку», отражением чего является рост импорта каучука за 1908–1913 гг. на 75,8% (с 7,2 тыс. т до 12,7 тыс. т). В 1908 г. было произведено 24,7 млн пар галош, а в 1913 г. — 33,4 млн пар, т. е. на 35,2% больше². Перевозка резины, каучука и изделий из них увеличилась на 36,8%. Как можно видеть, сведения о перевозках тех или иных грузов весьма адекватно отражают динамику их производства.

Ведущая отрасль текстильной промышленности — хлопчатобумажная — росла менее убедительно. Среднегодовая транспортировка мануфактуры в 1909–1913 гг. увеличилась на 26,6% в сравнении с 1901–1908 гг. С 1911 г. «Сводная статистика» стала, наконец, выделять основную продукцию отрасли из «остальных предметов группы», и мы знаем, что в 1911 г. хлопчатобумажных тканей было перевезено 38342 тыс. пуд., в 1912 г. — 39985 тыс. пуд., а в 1913 г. — 41374 тыс. пуд., т. е. за 1911–1913 гг. рост составил 7,9%³.

Вместе с тем принципиально важен отмечаемый Л. Б. Кафенгаузом факт: «Однако этот несколько замедленный количественный рост выработки пряжи компенсировался качественным развитием промышленности, ибо в течение последних лет перед войной наша хлопчатобумажная промышленность постепенно расширяла и производство более тонких и ценных сортов пряжи и тканей.

Медленнее всего растет производство наиболее низких номеров: при общем приросте прядильного производства с 1910 г. по 1912 г. в 13,9% производство пряжи ниже номера 38 возросло только на 12,4%; выработка более тонких номеров от 38 до 50 возросла на 14,7%, а выработка самых высоких и дорогих номеров свыше 50 — на 16,4%.

В соответствии с ростом выработки тонких номеров мы замечаем рост удельного веса средних и тонких тканей и падение удельного веса тяжелых и грубых тканей. В то время как выработка тяжелых тканей весом до 5,7 м в 400 грамм возросла на 7,6%, выработка сравнительно тонких тканей от 5,7 до 8,5 м в 400 грамм возросла на 18,3%, а производство наиболее тонких тканей — на 22%.

Тот процесс изменения потребностей населения и распространения более утонченных городских вкусов, который мы наблюдали в эволюции пищевых производств, сказался в течение последних лет перед войной и на эволюции хлопчатобумажной промышленности. **Сельское население постепенно стало требовать более высококачественных тканей**, вследствие чего фабрики Ивано(во)вознесенского района,

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 164.

³ Для шерстяных тканей соответствующие показатели равны 6256, 6796 и 7586 тыс. пуд., а для шелковых — 219, 211 и 201 тыс. пуд. То есть, транспортировка шерстяных тканей выросла на 21,2%, а шелковых — сократилась на 8,3%.

выросшие на производстве дешевых крестьянских ситцев, в последнее время стали переходить на более дорогой ассортимент московских фабрик.

В течение последних лет стал заметно падать спрос на традиционный «пунцовый» товар даже в наиболее глухих восточных и азиатских центрах, и в общей массе выпускаемых тканей стали преобладать разнообразные рисунки европейского типа¹.

При этом в годы подъема 1909–1913 гг. экономика страны, естественно, сталкивалась и с проблемами. О неурожае 1911 г. и его влиянии на потребление крестьян пострадавших губерний уже говорилось. В цитированных докладах Правления Азовско-Донского банка также есть свидетельства ситуативного сокращения крестьянского спроса под влиянием неурожая 1911–1912 гг., уменьшения сборов сельскохозяйственных культур под влиянием затяжной непогоды осенью 1912 г., ухудшения экспортной конъюнктуры под влиянием Итало-Турецкой, а затем и Балканских войн. Однако это естественные вещи, это жизнь — так устроена экономика даже в период подъема.

Чрезвычайно важно, что по темпам роста рабочей силы подъем 1909–1913 гг. превосходил подъем 1894–1900 гг.² Другая очень важная черта этого подъема — куда большая, чем в 1890-х гг., сбалансированность — в силу того, что тогда деревня не была равноценным партнером. И тут существенно подчеркнуть, что следующий этап запущенной С. Ю. Витте индустриализации органично соединился с подъемом сельского хозяйства.

В определенной мере о результатах модернизации Витте-Столыпина можно судить по следующим данным.

Среднегодовые перевозки продукции отраслей группы А в 1909–1913 гг. в сравнении с 1894–1900 гг., как минимум, удвоились или почти удвоились:

— перевозки каменного угля и антрацита увеличились в 2,5 раза (с 529,6 до 1131,7 млн пуд.);

— перевозки дров выросли в 2,4 раза (со 165,7 до 397,3 млн пуд.); для характеристики потребления топлива в России важно отметить, что перевозки торфа за тот же период увеличились в 2,4 раза, а древесного угля — в 3,0 раза;

— перевозки лесных строительных материалов увеличились в 2,4 раза (с 250,3 до 610,8 млн пуд.);

— перевозки строительных материалов природных и в виде изделий стали больше в 2,1 раза (с 271,9 до 582,6 млн пуд.), причем алебастра, гипса, извести, мела — в 1,9 раза, кирпичей — в 1,8 раза, строительного камня, известняка, бетона, гранита — в 1,9 раза, цемента — в 3,4 раза, строительной земли и глины — в 4,3 раза;

— перевозки руды выросли в 2,9 раза (со 146,5 до 424,2 млн пуд.);

— перевозки железа, стали и чугуна «не в деле» (т. е. не в виде изделий) увеличились в 2,4 раза (с 96,1 до 232,9 млн пуд.),

— перевозки металлических изделий стали больше в 1,9 раза (с 60,7 до 117,5 млн пуд.), причем рельсов в 1,7 раза, проволоки в 2,5 раза, мостов и их частей — в 2,2 раза, труб в 2,4 раза;

— перевозки цветных металлов и изделий из них выросли в 1,9 раза (с 6,1 до 11,7 млн пуд.);

— перевозки металлических сельскохозяйственных машин и орудий — в 4,8 раза (с 5,7 млн пуд. до 27,7 млн пуд.);

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства ... С. 160–161.

² Там же. С. 165–169.

— перевозки машин, двигателей, станков и др. — в 2,2 раза (с 11,0 до 24,3 млн пуд.);

— перевозки красителей и различных химикатов — в 2,3 раза (с 22,7 до 52,3 млн пуд.), причем серной, соляной и азотной кислоты — в 2,5 раза, соды — в 2,3 раза, хлорной извести — в 2 раза, глауберовой соли — в 3,7 раза;

— перевозки сельскохозяйственные удобрений — в 4,6 раза (с 7,1 до 32,5 млн пуд.);

— приборов, часов, аппаратов и др. — в 2,2 раза (с 1207 до 2608 тыс. пуд.).

Развитие отраслей группы Б в рассматриваемый период характеризуют следующие данные о среднегодовой транспортировке товаров в 1909–1913 гг. в сравнении с 1894–1900 гг.

— перевозки соли каменной и поваренной выросли в 1,6 раза (с 72,0 до 116,2 млн пуд.);

— перевозки сахарных грузов (сахара-песка, рафинада, меласса и патоки) увеличились в 2,2 раза (с 57,1 до 123,7 млн пуд.);

— перевозки чая (целиком экспортный продукт) — в 1,9 раза (с 5399 до 10194 тыс. пуд.)

— перевозки пива стали больше в 3,2 раза (с 9,1 до 29,1 млн пуд.);

— перевозки виноградных вин выросли в 1,7 раза (с 6,2 до 10,6 млн пуд.);

— перевозки водки, ликеров, коньяка и др. — в 1,4 раза (с 5,8 до 8,4 млн пуд.);

— перевозки спирта винного и виноградного — в 2,0 раза (с 10,5 до 21,2 млн пуд.);

— перевозки табака — в 1,7 раза (с 8,6 до 15,0 млн пуд.);

— перевозки различных тканей — в 1,5 раза (с 32,2 до 49,4 млн пуд.);

— перевозки пряжи и ниток — в 1,6 раза (с 9,8 до 15,7 млн пуд.);

— перевозки готовой одежды и белья — в 2,2 раза (с 1484 до 3358 тыс. пуд.);

— перевозки обуви — в 2,4 раза (с 782 до 1903 тыс. пуд.);

— перевозки резины, каучука и резиновых изделий — в 2,4 раза (с 1267 до 3002 тыс. пуд.);

— перевозки мыла — в 2,5 раза (с 2538 до 6249 тыс. пуд.);

— перевозки спичек — в 1,9 раза (с 1849 до 3516 тыс. пуд.);

— перевозки стекла и стеклянных изделий — в 2,5 раза (с 12,6 до 30,8 млн пуд.);

— перевозки изделий из фарфора, фаянса и майолики — в 1,9 раза;

— перевозки бумаги и картона — в 2,5 раза (с 10,3 до 26,1 млн пуд.);

— перевозки книг и учебных пособий — в 3,2 раза (с 787 до 2499 тыс. пуд.);

— перевозки канцелярских товаров — в 2,4 раза (с 440 до 1065 тыс. пуд.)

Динамику развития сельского хозяйства, сельского ремесла и, разумеется, потребления населения в 1894–1913 гг. отражают сведения о среднегодовой перевозке следующих грузов в 1909–1913 гг. в сравнении с 1894–1900 гг:

— урожай всех главных хлебов выросли в 1,4 раза (с 2831,1 до 3947,5 млн пуд.), причем ржи — в 1,13 раза, овса — в 1,3 раза, пшеницы — в 1,8 раза, ячменя — в 1,8 раза;

— экспорт главных хлебов увеличился в 1,4 раза (с 424,8 до 609,4 млн пуд.), причем ржи уменьшился на 42,7%, овса — вырос на 14,5%, пшеницы — в 1,4 раза, ячменя — в 2,4 раза;

— перевозки всех свежих овощей выросли в 3,8 раза (с 55,2 до 210,0 млн пуд.), причем арбузов и дынь — в 2,0 раза, капусты — в 3,4 раза, картофеля — в 3,5 раза, лука — в 2,0 раза, огурцов — в 2,3 раза, свеклы сахарной и простой — в 4,4 раза;

- перевозки свежих фруктов, плодов и ягод — в 2,6 раза (с 10,3 до 26,6 млн пуд.);
- перевозки рыбы и рыбных грузов — в 2,1 раза (с 28,2 до 57,9 млн пуд.);
- перевозки мяса, битой птицы и дичи — в 2,0 раза (с 9,3 до 18,9 млн пуд.);
- перевозки молочных продуктов — в 3,7 раза (с 5,2 до 19,0 млн пуд.);
- перевозки яиц — в 2,0 раза (с 7,7 до 15,5 млн пуд.);
- перевозки льна — в 1,5 раза (с 14,5 до 22,2 млн пуд.);
- перевозки пеньки — в 1,4 раза (с 5,4 до 7,7 млн пуд.);
- веревок и канатов — в 2,0 раза (с 2550 до 4988 тыс. пуд.);
- перевозки смолы и дегтя — в 1,6 раза (с 5,3 до 8,6 млн пуд.);
- перевозки деревянных изделий и бочек — в 2,1 раза (с 13,3 до 27,7 млн пуд.);
- перевозки глины гончарной, огнеупорной и фаянсовой — в 2,7 раза (с 9,9 до 26,9 млн пуд.)
- перевозки кожи, шкур и мехов — в 2,0 раза (с 10,8 до 22,2 млн пуд.);
- перевозки масел семенных и древесных — в 2,3 раза (с 9,9 до 22,9 млн пуд.);
- перевозки крахмала и картофельной муки — в 2,8 раза (с 2263 до 6396 тыс. пуд.);
- перевозки сена — в 2,9 раза (с 16,6 до 47,3 млн пуд.);
- перевозки скота и лошадей — в 1,8 раза (с 1,8 до 3,3 млн штук);
- перевозки четырех главных хлебов — в 1,8 раза (с 578,0 до 1059,3 млн пуд.)
- перевозки ржи — в 1,3 раза (с 137,7 до 179,3 млн пуд.);
- перевозки овса — в 1,5 раза (с 102,8 до 156,7 млн пуд.);
- перевозки пшеницы — в 2,0 раза (с 288,3 до 587,6 млн пуд.);
- перевозки ячменя — в 2,8 раза (с 49,2 до 136,8 млн пуд.);
- перевозки кукурузы и маиса — в 1,5 раза (с 30,3 до 45,9 млн пуд.).

Оценивая приведенную информацию, мы не должны, полагаю, упускать из виду, по меньшей мере, два момента.

Во-первых, «рост с нуля» — а здесь мы зачастую сталкиваемся с иллюстрациями именно такой ситуации — необходимая стадия любого роста.

Во-вторых, эти цифры часто ставят вопросы, на которые у нас пока нет ответов в силу весьма малого знания об эволюции потребностей населения страны и ее региональной специфике.

Рывок, сделанный Россией в ходе модернизации Витте-Столыпина, был огромен. При этом уровень экономического развития Империи накануне Первой мировой войны — предмет дискуссии, пусть и не такой яростной, как о П. А. Столыпине и его преобразованиях, однако же достаточно острой и вместе с тем показательной в плане характеристики научных нравов нашего времени.

С. В. Ильин, автор книги о С.Ю. Витте, избегающий термина «индустриализация» при оценке его деятельности, утверждает: «Раньше соответствующие цифры (о, по его мнению, «огромном отставании Российской империи от ведущих стран Запада» — М. Д.) приводились в учебниках для средней и высшей школы. Теперь, понятное дело, о них предпочитают не говорить. Напомню, что в 1913 г. в России было выработано промышленной продукции в 14,5 раза меньше, чем в США, в 5,9 раза меньше, чем в Германии, и в 4,5 раза меньше, чем в Англии. По душевому производству той же продукции Россия уступала США в 21,4 раза, Германии — в 13 раз, Англии — в 14 раз. И замедление темпов индустриального роста в начале прошлого столетия при таком отставании явилось, на мой взгляд, тревожным обстоятельством.

В советское время колоссальный промышленный и культурный разрыв между нашей страной и странами Запада удалось в основном преодолеть, что стало величайшим достижением нашего народа и прежде всего той его части, которая была организована в компартию»¹.

Л. И. Бородин так комментирует это мнение: «Откуда взяты эти «разы», которые должны показаться «дикими историку-экономисту» (именно так выразился С. В. Ильин по другому поводу)? Из учебников, которые издавались «раньше»? Все-таки историк-экономист должен серьезнее относиться к источниковой базе при обосновании масштабных обобщений. Тем более что в 1990-х гг. в российских научных изданиях появились надежные сравнительные данные об экономическом развитии ведущих стран мира в начале XX в. Так, В. И. Бовыкин, составитель раздела о промышленности России в статистико-документальном справочнике «Россия. 1913 год», приводит обоснованные данные о доле России, США, Великобритании, Германии и Франции в мировом промышленном производстве в конце XIX — начале XX вв. Доля России была равна 3,4% в 1881–1885 гг., 5,0% в 1896–1900 гг. и 5,3% в 1913 г.» и корректно вычисленные на основании данных этого издания значения показателей, которыми оперирует Ильин, таковы: «Россия в 1913 г. производила промышленной продукции в 6,75 раза меньше, чем США, в 2,96 раза меньше, чем Германия, и в 2,64 раза меньше, чем Великобритания. Да, Россия, конечно, заметно отставала от трех ведущих держав, но, как мы видим, это отставание выражалось вдвое (!) меньшим размахом, чем полагает С.В. Ильин (вернее, авторы неких учебников). В другой публикации В.И. Бовыкин, указав источники используемых сравнительных данных о промышленном развитии ведущих мировых держав, отмечал, что отставание России от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от Германии и США... — на четверть»².

Между тем С. Г. Струмилин еще в 1959 г. показал несостоятельность показателей, приводимых Ильиным и его единомышленниками, и заметил, что Россия, несомненно, отставала от США, но никак не в 21,4 раза. Расчеты Струмилины, хотя и проведенные по другой методике, дают те же оценки, что и расчеты Бовыкина.³

Крайне важен тот отмечаемый Л. Б. Кафенгаузом факт, что, хотя предвоенную эпоху принято заканчивать 1913 годом, «производство продолжало развиваться усиленным темпом именно в конце периода, и следующий, 1914 г. обещал дать новые рекордные цифры». Об этом свидетельствуют показатели промышленного развития за первое полугодие 1914 г. в сравнении с первым полугодием 1913 г.

Так, добыча угля в Донбассе выросла на 18,4%, добыча нефти в Грозном — на 29,4% (притом, что в Баку упала на 18,3%), выплавка чугуна и стали на Юге — соответственно на 5,1% и 9,2%, производство проката на Юге — на 10,4%, производство сахара-песка — на 34,1%. Возрос также импорт важнейших товаров: хлопка — на 56,4%, шерсти — на 37,3%, кож невыделанных — на 10%, каучука — на 7,5%, каменного угля — на 22,4%, железа сортового и листового — на 187,4%, стали — на 76,4%, меди и свинца — на 21,8%, изделий из меди и сплавов — на 24%, машин всяких, кроме сельскохозяйственных, — на 31,1%, химических и фармацевтических продуктов — на 6,4%, дубильных экстрактов — на 59,3%.

¹ Цит. по: *Бородин Л. И.* Дореволюционная индустриализация... С. 191.

² Там же. С. 191–192.

³ Там же. С. 189.

Этих показателей, по мнению автора, «совершенно достаточно для того, чтобы утверждать, что первое полугодие 1914 г. отмечено значительным ростом промышленного производства. Вероятный прирост промышленного производства в течение первой половины 1914 г. был не меньше прироста 1913 г. Таким образом, война началась в момент максимального развертывания производственной мощности промышленности.

Это обстоятельство имело следующие последствия, весьма существенные для понимания дальнейшей эволюции промышленности во время войны:

1. Мы находились накануне войны в периоде усиленного капитального строительства, вследствие чего мы имели значительное количество незавершенных работ со значительной степенью законченности.

2. Машинное оборудование было обновлено в течение последних лет, и производственная способность фабрик была выше фактического размера производства.

3. На фабричных складах и на складах торговых фирм имелись значительные запасы сырья, топлива, технических материалов — запасы, рассчитанные на дальнейшее развертывание производства.

Война разразилась в момент, когда производительная способность промышленности и ее материальные ресурсы находились на максимальном уровне»¹.

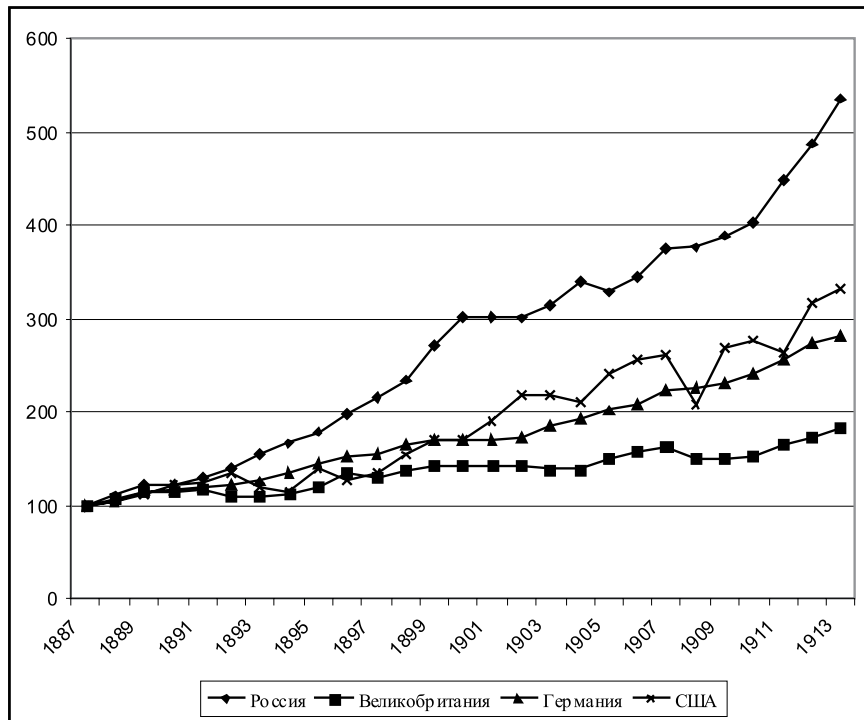

Диаграмма 11. Динамика индексов промышленного производства ряда стран. 1887–1913 гг. (1887 = 100%). Источник: Грегори П. Поиск истины в исторических данных... С. 484

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства ... С. 170–171

Книга Л. Б. Кафенгауза позволила, в числе прочего, произвести переоценку динамики роста промышленности дореволюционной России. Дело в том, что предыдущие расчеты основывались на сведениях о сумме производства и индексе физического объема, который был составлен по 20 товарам для периода 1885–1913 гг. Конъюнктурным институтом Н. Д. Кондратьева.

Данные же Кафенгауза намного представительнее — он дает соответствующую информацию по 29 видам промышленной продукции. Это позволило известному американскому историку России П. Грегори дать новую оценку индекса физического объема промышленного производства России за 1887–1913 гг.¹

По его расчетам, за эти годы объем выпуска промышленной продукции на 50% превысил расчеты Р. Голдсмита и на треть — расчеты Н. Д. Кондратьева, т. е. средний темп промышленного роста России на указанном интервале времени Грегори оценивает не в 5,1–5,8%, а в 6,65%. Автор делает следующий вывод: «По темпам промышленного роста и роста производительности труда Россия на протяжении последних 25 лет перед Первой мировой войной конкурирует с главными быстрорастущими промышленными странами... Если мы применим новые данные, то в последние 25 лет перед Первой мировой войной российская экономика окажется абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда»².

Правильность расчетов П. Грегори была подтверждена расчетами Л. И. Бородкина³.

Россия в конце XIX — начале XX вв. убедительно продемонстрировала, что на показатели экономического (и не только) развития, начавшие увеличиваться «с нуля», при стабильной тенденции довольно быстро нарастают «проценты». То же почти столетие спустя подтвердил Китай.

6.2. Пассажирские перевозки

В контексте рассматриваемой темы заслуживают внимания данные еще одного не вполне традиционного источника — статистики пассажирского движения по железным дорогам. Мобильность населения — важный показатель степени модерности общества, значимость которого для России тем выше, что еще в 1906 г. передвижение населения по стране было ограничено.

Воздействие железных дорог в России проявлялось многообразно и разнопланово и во многом шире, чем на Западе. Ведь только Европейская Россия до Урала составляла не менее половины европейского континента.

Так что масштабы переворота, произведенного в жизни России и ее жителей с постройкой железнодорожных путей, сделавших страну «меньше», а время «короче», были громадны. И все же их потенциал использовался недостаточно, пока в 1889 г. вновь созданный в Министерстве финансов Департамент железнодорожных дел не возглавил Витте. Именно он провел в жизнь тарифную реформу, программа которой была разработана им в монографии «Принципы железнодорожных тарифов»⁴, издан-

¹ Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., РОССПЭН.

² Там же. С. 488.

³ Бородкин Л. И. О темпах промышленного роста дореволюционной России: модернизационный контекст дискуссии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение / Отв. ред. И. В. Побережников. 2009. С. 84–93; Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., РОССПЭН; Бородкин Л. И. Дореволюционная индустриализация и ее интерпретации // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 12. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 185, 189.

⁴ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 109–383.

ной еще в 1881 г., когда он и не подозревал, что будет государственным служащим. В ней Витте доказывал, что разумно построенная тарифная политика в самой большой стране мира может стать как действенным фактором ее интеграции, так и мощным инструментом ее экономического и социального развития.

Сначала были преобразованы грузовые тарифы¹, а с 1891 г. Департамент стал готовить реформу пассажирских тарифов².

Пассажирское движение априори было малоодоходно в сравнении с грузовым, и считается, что железные дороги вообще не имели серьезных стимулов к его развитию³. Платы за перевозку рассчитывались по достаточно высоким ставкам, составлявшим с пассажира и версты для I класса 3 коп., для II класса — 2,5 коп. и для III кл. — 1,25 коп. При этом скидки с поверстного тарифа за расстояние проезда не предусматривались, т. е. железным дорогам было безразлично, куда едет человек из условной Москвы — в Тулу или в Симферополь — тарифная ставка просто умножалась на протяженность пути. С 1879 г. к провозной плате, вычисленной таким образом, прибавлялся государственный сбор в размере 25% нормальной платы для I и II классов и 15% для III класса. В итоге ставки тарифа увеличивались до 3,75 коп. с пассажира и версты для I класса, 2,8125 коп. для II класса и 1,4375 коп. для III класса (на Николаевской, Закавказской и Закаспийской дорогах действовали свои тарифные схемы)⁴.

Кроме общего нормального тарифа применялись специальные (особые) пониженные тарифы — тариф IV класса для рабочих, воинский тариф, тарифы для переселенцев, для учащихся, для участников различных съездов и выставок, для поездок на минеральные воды и в кумысолечебные заведения, а также для обратных поездок и, наконец, тарифы для пригородного проезда по билетам разовым, обратным и абонементным (они выдавались на определенное число поездок, а также на определенные сроки: на год, на летний сезон, на один или несколько месяцев).

В целом пассажирское движение развивалось куда менее успешно, чем грузовое. За 10-летие 1882–1891 гг. рельсовая сеть страны возросла на 28,1%; число перевезенных пудов верст грузов малой скорости увеличилось на 64,6% и на столько же — выручка от грузового движения. В то же время количество пассажирроверст, сделанных пассажирами всех трех классов, и выручка от этой перевозки увеличились лишь на 15,9%, причем число пассажирроверст I класса возросло на 0,8%, III класса — на 16,7%, а число пассажирроверст II класса уменьшилось на 12,5%. За те же годы количество пудов верст, пройденных грузами, и выручка от грузового движения на версту сети выросли на 24,1%, а число пассажирроверст и выручка от пассажирского движения сократились на 9,6%, причем для I класса — на 22,6%, для II класса — 30,8%, для III класса — на 5,8%.⁵

Вот несколько важных характеристик пассажирского движения до 1894 г.

Свыше 50% всех пассажиров ездили не далее как на 50 верст, а около 94% — на 300 верст (ровно от Москвы до Орла!). То есть, несмотря на огромные пространства России, лишь 6% всех пассажиров путешествовали на расстояния, превышающие 300 верст, причем две трети этого числа приходилось на протяжение от 300 до 600 верст (Петербург-Москва), а на все остальные расстояния приходилось лишь око-

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 80–142.

² Краткий очерк о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889–1913 гг. СПб., 1914. С. 72.

³ Там же.

⁴ По вопросу об изменении действующего пассажирского тарифа. СПб., 1907. С. 1–4.

⁵ Там же. С. 4–5.

ло 2% пассажиров. При этом 88% всех классных пассажиров ездило в III классе, около 7% — во II классе, а в I классе — менее 1,5%¹.

Пассажирские вагоны, особенно высших классов, утилизировались неудовлетворительно — в среднем занималось менее 36% числа предлагаемых мест.

Основной причиной медленного развития перевозок пассажиров (и притом на коротких протяжениях), а также постепенного понижения и без того незначительных размеров среднего проезда и средней выручки была конструкция общего пассажирского тарифа, при котором пассажир, как говорилось, платил за поездку по одинаковой ставке вне зависимости от расстояния пробега.

Между тем масштабы России и потребности ее модернизации настоятельно диктовали необходимость облегчения условий перевозок пассажиров на средних и дальних расстояниях. В основе реформы пассажирского движения лежала идея **удешевления стоимости проезда** с целью привлечения максимально возможного числа клиентов. Как и другие тарифные реформы С. Ю. Витте, она строилась на системе дифференциального тарифа, при котором стоимость проезда постепенно относительно понижалась по мере увеличения расстояния. Статистика показывала, что при старом тарифе даже на расстояниях от 200 до 300 верст начиналось сильное падение числа пассажиров, и было решено удешевить проезд уже на этих пробегах.

Понижение ставок начиналось со 160 верст. Новый тариф было решено построить так, чтобы на протяжении 600 верст (Петербург — Москва) снизить его до уровня действовавшего до 1873 г старого тарифа Николаевской железной дороги, который для III класса равнялся 6 руб., а на дальнейших расстояниях, начиная с 1000 верст, достичь понижения действующего тарифа примерно в два раза². Особенность нового тарифа состояла также и в том, что теперь государственный сбор, установленный в едином размере 15% для всех трех классов, включался в провозные платы.

Одной из задач реформы было увеличение использования вагонов II класса, «от которого публика в известной степени уже отвыкла», поэтому тариф II класса был заметно снижен и стал более разумно соотноситься с тарифом III класса. К тому же это облегчало расчеты с пассажирами в тех нередких случаях, когда во время пути они переходили из вагонов низшего класса в вагоны более высокого класса.

До реформы соотношение провозных плат III, II и I класса выражалось, как 1:1,95:2,6, а по новому тарифу оно составляло 1:1,5:2,5. Масштаб произведенного понижения цен можно оценить по данным таблицы 59.

Таблица 59

**Размеры понижения провозных плат по новому тарифу
в сравнении с прежним (%).**

<i>Пробег, верст</i>	<i>III класс</i>	<i>II класс</i>	<i>I класс</i>
500	28	45	31
1000	41	55	44
2000	52	66	57
3000	61	70	62

Источник: Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 571.

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 7–8.

Важно отметить, что если раньше для двух первых классов цена детского билета составляла половину взрослого билета, то с этого времени — четверть, причем для всех трех классов. О тарифе IV класса я скажу чуть позже.

Новый общий тариф был введен с 1 декабря 1894 г., и таблица 50 показывает, что уже в 1895 г. среднее динамическое расстояние проезда по русским железным дорогам увеличилось со 105 до 158 верст, т. е. в полтора раза!

Однако реформа на этом не закончилась. Хотя на расстоянии до 160 верст ставка общего пассажирского тарифа осталась без изменения, было решено оживить сообщение не только губернских, но и многих уездных городов с их окрестностями. Поэтому с начала 1895 г. были установлены особые пониженные пригородные тарифы (трех классов): разовые, обратные, абонементные (например, на 10, 15, 20 поездок), месячные, сезонные (на 4 месяца), годовые. Эти пригородные тарифы рассматривались как своего рода корректив к общему пассажирскому тарифу, размер которого считался все же недостаточно пониженным на коротких расстояниях. Ездить по ним было дешевле, чем по общему тарифу — по разовым и обратным билетам — на 25–40%, по месячным билетам — на 44–75%, по сезонным — на 51–80%, а по годовым — на 72–86%.

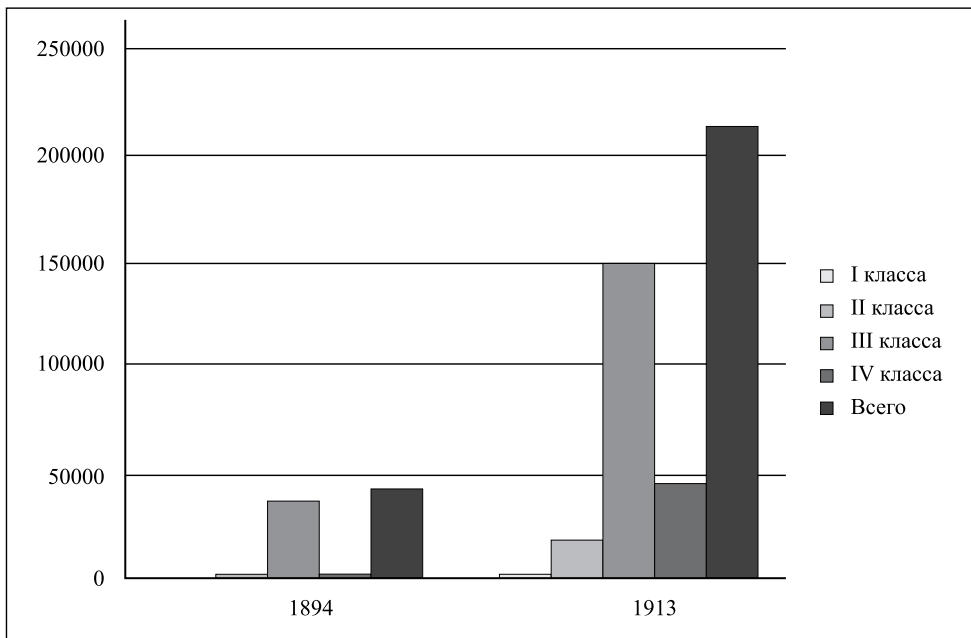

Диаграмма 12. Число поездок по общему и пригородному тарифу.

Источник: см. таблицу 60

В 1896 г. стоимость разовых билетов III класса стала равна 1 коп. с пассажира и версты, и это понизило почти на 30% цену билета в сравнении с общим тарифом (в 1899 г. — 37%). Одновременно учащиеся могли покупать сезонные, месячные и годовые билеты за 50% платы. К концу 1901 г. пригородные тарифы действовали в районе

82 городов¹. О развитии пригородного сообщения можно судить по данным таблицы 63, фиксирующим огромный его рост. Если брать за точку отсчета 1897 г., то общее число поездок выросло к 1913 г. в 2,7 раза, а с 1896 г. — в 4,6 раза. Реально это свидетельствует, конечно, не только о росте числа дачников, но и об облегчении передвижения десятков тысяч крестьян, работавших в близлежащих городах.

Из сказанного, в частности, следует, что в таблицах 60 и 61 в данные о числе поездок и числе пассажиров за 1894 г. включены и сведения о пригородном проезде. Таким образом, сведения за этот год могут быть точкой отсчета для суждений об эффективности новаций только, если мы суммируем поездки по общему и пригородному тарифу, начиная с 1895 г., как это сделано в таблице 60.

Таблица 60

**Число поездок по общему и пригородному тарифам
в 1894–1913 гг. (тыс.).**

Год	Число поездок					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего
1894	449	2648	36880	2489	42466	1,06	6,2	86,8	5,9	100
1895	654	4323	38452	2782	46211	1,42	9,4	83,2	6,0	100
1896	989	5066	42423	3004	51482	1,92	9,8	82,4	5,8	100
1897	843	6219	49114	3486	59662	1,41	10,4	82,3	5,8	100
1898	892	7045	55501	4076	67514	1,32	10,4	82,2	6,0	100
1899	1053	8166	62207	4278	75704	1,39	10,8	82,2	5,7	100
1900	1155	8842	66765	4368	81130	1,42	10,9	82,3	5,4	100
1901	1262	10020	72968	5825	90075	1,40	11,1	81,0	6,5	100
1902	1205	10416	77600	6042	95263	1,26	10,9	81,5	6,3	100
1903	1246	10901	81891	7102	101140	1,23	10,8	81,0	7,0	100
1904	1172	10845	82808	7726	102551	1,14	10,6	80,7	7,5	100
1905	1029	10209	76567	7561	95366	1,08	10,7	80,3	7,9	100
1906	1059	11136	84736	8625	105556	1,00	10,5	80,3	8,2	100
1907	1145	12092	92815	11475	117527	0,97	10,3	79,0	9,8	100
1908	974	11364	98143	16000	126481	0,77	9,0	77,6	12,7	100
1909	732	9606	105562	20577	136477	0,54	7,0	77,3	15,1	100
1910	840	11507	115135	25893	153375	0,55	7,5	75,1	16,9	100
1911	1043	14536	125743	32139	173461	0,60	8,4	72,5	18,5	100
1912	1153	16589	135366	36979	190087	0,61	8,7	71,2	19,5	100
1913	1223	18778	148150	44540	212691	0,58	8,8	69,7	20,9	100

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52. СПб., 1915. С. 4.

¹ Министерство финансов. 1802–1902 ... Т. 2. С. 571.

Таблица 61

**Количество поездок взрослых пассажиров I, II, III и IV класса
по общему тарифу за 1894–1913 гг. (тыс.)**

Год	Число поездок					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класс	II класс	III класс	IV класс	Всего	I класс	II класс	III класс	IV класс	Всего
1894	449	2648	36880	2489	42466	1,1	6,2	86,8	5,9	100
1895	488	3373	32295	2782	38938	1,3	8,7	82,9	7,1	100
1896	461	3233	28554	3004	35252	1,3	9,2	81,0	8,5	100
1897	444	3046	25671	3486	32647	1,4	9,3	78,6	10,7	100
1898	492	3453	28228	4076	36249	1,4	9,5	77,9	11,2	100
1899	565	3881	31388	4278	40112	1,4	9,7	78,3	10,7	100
1900	572	4126	32893	4368	41959	1,4	9,8	78,4	10,4	100
1901	587	4267	34364	5656	44874	1,3	9,5	76,6	12,6	100
1902	584	4516	37132	5915	48147	1,2	9,4	77,1	12,3	100
1903	606	4936	40105	7102	52749	1,1	9,4	76,0	13,5	100
1904	569	4927	41160	7726	54382	1,0	9,1	75,7	14,2	100
1905	508	4831	39844	7561	52744	1,0	9,2	75,5	14,3	100
1906	523	5424	45459	8625	60031	0,9	9,0	75,7	14,4	100
1907	577	5963	50387	11475	68402	0,8	8,7	73,7	16,8	100
1908	552	5823	55539	16000	77914	0,7	7,5	71,3	20,5	100
1909	504	5647	65405	20577	92133	0,5	6,1	71,0	22,3	100
1910	563	6487	70296	25893	103239	0,5	6,3	68,1	25,1	100
1911	682	7836	75075	32139	115732	0,6	6,8	64,9	27,8	100
1912	735	8603	79827	36979	126144	0,6	6,8	63,3	29,3	100
1913	758	9296	85596	44540	140190	0,5	6,6	61,1	31,8	100

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52, СПб., 1915. С. 3.

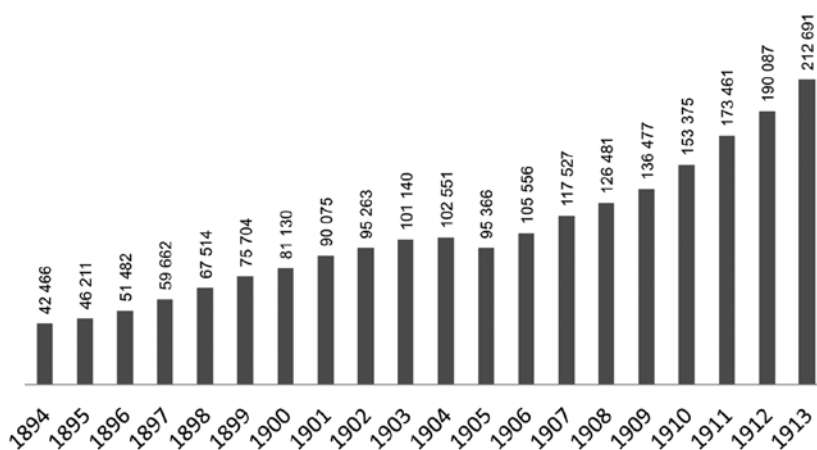

Диаграмма 13. Число поездок по общему и пригородному тарифам в 1894–1913 гг. (тыс.).

Источник: см. таблицу 60

Таблица 62

**Выручка от перевозки взрослых пассажиров I, II, III и IV классов
по общему тарифу за 1894–1913 гг. (тыс. руб.)**

Год	Выручка от перевозки взрослых пассажиров					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего
1894	3565	9580	43317	3811	60273	5,9	15,9	71,9	6,3	100
1895	3877	11753	43049	2697	61376	6,3	19,1	70,1	4,4	100
1896	4145	11982	41862	2829	60818	6,8	19,7	68,8	4,7	100
1897	4726	12778	39786	3095	60385	7,8	21,2	65,9	5,1	100
1898	4898	14522	45224	3500	68144	7,2	21,3	66,4	5,1	100
1899	5507	16603	50224	3852	76186	7,2	21,8	65,9	5,1	100
1900	5570	17945	54051	3649	81215	6,9	22,1	66,6	4,5	100
1901	5536	18857	55683	4150	84226	6,6	22,4	66,1	4,9	100
1902	5708	19961	58400	4513	88582	6,4	22,5	65,9	5,1	100
1903	5818	21656	62834	5406	95714	6,1	22,6	65,6	5,6	100
1904	5445	21652	63199	5175	95471	5,7	22,7	66,2	5,4	100
1905	4864	21256	61883	5745	93748	5,2	22,7	66,0	6,1	100
1906	5121	24098	68320	6873	104412	4,9	23,1	65,4	6,6	100
1907	5795	26594	71690	9027	113106	5,1	23,5	63,4	8,0	100
1908	6153	28468	80780	12755	128156	4,8	22,2	63,0	10,0	100
1909	6044	29176	94395	15215	144830	4,2	20,1	65,2	10,5	100
1910	5707	28759	102723	17976	155165	3,7	18,5	66,2	11,6	100
1911	6973	33254	106823	21870	168920	4,1	19,7	63,2	12,9	100
1912	7560	36086	111514	23966	179126	4,2	20,1	62,3	13,4	100
1913	7852	38192	120670	28601	195315	4,0	19,6	61,8	14,6	100

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52, СПб., 1915. С. 7.

Таблица 63

**Количество поездок взрослых пассажиров I, II и III класса
по пригородным тарифам за 1894–1913 гг. (тыс.)**

Год	Число поездок				Доля каждого класса в общем итоге (%)			
	I класса	II класса	III класса	Всего	I класса	II класса	III класса	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1894	ПОЕЗДОК ПО ПРИГОРОДНЫМ ТАРИФАМ НЕ БЫЛО							
1895	166	949	6157	7272	2,3	13,1	84,7	100
1896	228	1834	13869	15931	1,4	11,5	87,1	100
1897	398	3173	23443	27014	1,5	11,7	86,8	100
1898	400	3591	27273	31264	1,3	11,5	87,2	100
1899	488	4284	30820	35592	1,4	12,0	86,6	100
1900	583	4716	33872	39171	1,5	12,0	86,5	100
1901	675	5753	38604	45032	1,5	12,8	85,7	100
1902	621	5900	40468	46989	1,3	12,6	86,1	100

Окончание таблицы 63

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1903	640	5965	41786	48391	1,3	12,3	86,4	100
1904	604	5918	41647	48169	1,3	12,3	86,5	100
1905	520	5378	36723	42621	1,2	12,6	86,2	100
1906	535	5712	39278	45525	1,2	12,5	86,3	100
1907	568	6129	42428	49125	1,2	12,5	86,4	100
1908	422	5541	42604	48567	0,9	11,4	87,7	100
1909	228	3959	40157	44344	0,5	8,9	90,6	100
1910	277	5020	44839	50136	0,6	10,0	89,4	100
1911	361	6700	50668	57729	0,6	11,6	87,8	100
1912	418	7986	55539	63943	0,7	12,5	86,9	100
1913	465	9482	62554	72501	0,6	13,1	86,3	100

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52, СПб., 1915. С. 3.

Представление о социальной ориентированности тарифной политики правительства будет неполным без учета того, что в 1893 г. был издан специальный закон о льготных перевозках, следствием которого стало появление целого ряда льготных тарифов пассажирского и смешанного движения, а также для грузовой транспортировки. В их числе:

- тариф 1894 г., по которому Российский Красный Крест стал бесплатно перевозить медицинский персонал, санитарные отряды и медикаменты, которые он отправлял для борьбы с неурожаем, эпидемиями и помощи пострадавшим;
- тариф 1895 г. для учащихся при поездках на экскурсии и в санатории;
- тариф 1896 г. для слепых и больных глазами;
- тариф 1897 г. для перевозки пожарных команд и обозов;
- тариф 1898 г. для переселенцев, ходоков и их клади, по которому они получили право проезда по детскому билету III класса;
- тариф 1900 г. для летучих глазных отрядов;
- тариф 1901 г. для больных и слабосильных воспитанников учебных заведений и для детей, призреваемых благотворительными заведениями;
- тариф 1901 г. для лиц, укушенных бешеными животными, душевнобольных и больных проказой;
- тариф 1894 г. для съездов и выставок;
- тариф 1899 г. на перевозку строительных и других материалов для строительства или ремонта церквей;
- тариф 1901 г. на перевозку картин, принадлежащих различным русским обществам и товариществам художников, и целый ряд других тарифов¹.

1 января 1899 г. было открыто правильное движение на всем протяжении от Челябинска до Иркутска, и на Сибирскую железную дорогу было распространено действие общих пассажирских тарифов. Тут были уже совсем другие расстояния, чем те, из которых исходили при введении тарифа 1894 г., и рассчитанные тогда платы не могли покрыть эксплуатационные расходы железных дорог. Поэтому тариф был разумно скорректирован².

¹ Там же. С. 576.

² По вопросу об изменении... С. 14–16.

Введенные в 1894 г. общие тарифы просуществовали без существенных изменений до 1904 г., когда было решено ввиду неблагоприятного финансового положения железных дорог (пассажирские перевозки, по расчету Министерства финансов, были убыточными) несколько повысить выручку железных дорог «без существенного обременения пассажиров»¹.

В 1904 г. были пересмотрены пригородные тарифы казенных железных дорог. Во многом это произошло потому, что тогда, как и сейчас, пригородные поезда (с пересадками) оказалось возможным использовать как альтернативу поездам дальнего следования — пригородный тариф одного города на какой-либо станции встречался с пригородным же тарифом другого города, и их сумма была меньше нормального общего тарифа между этими двумя городами. Это касалось, например, сообщения Петербурга с Тверью и Псковом, Харькова с Полтавой, Вильны с Минском и т. д. Понятно, что дороги такое положение не устраивало. Были изменены все пригородные сообщения, кроме тех, которые действительно помогали расселению горожан на круглый год или на летнее дачное время (в этих случаях тариф остался прежним). В остальных же сообщениях пригородный тариф был или отменен или повышен. Сделано это было, однако, достаточно осторожно — цены билетов выросли не более чем на 20–30 коп. с пассажира III класса. Мера эта введена в действие с 1 января 1905 г.², и поэтому по данным таблицы 63 сложно судить о ее эффективности — революция нарушила нормальную жизнь страны. Во всяком случае, только в 1907 г. число пассажиров пригородных поездов превысило уровень 1904 г.

В 1903 г. по почину Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, возглавлявшегося С. Ю. Витте, началось рассмотрение вопроса о пассажирском тарифе IV класса для рабочих, который использовался на всех казенных дорогах и на большинстве частных, однако с большими ограничениями. Его применение в значительной степени зависело от усмотрения отдельных дорог, почему им и пользовалось сравнительно небольшое число пассажиров. Преобладающая ставка для этого тарифа была 0,75 коп. с пассажира и версты, причем государственный сбор не взимался.

Условия применения тарифа IV класса, как в отношении выдаваемых на проезд документов, так и в отношении количественного состава партий рабочих (сельскохозяйственных и фабрично-заводских) сильно различались. Считается, что по нему ездили рабочие, главным образом, партиями не менее 40 человек, по накладным. Единичные же билеты IV класса выдавались только на тех дорогах, где имелись специальные рабочие поезда или же регулярно ставились вагоны для рабочих в постоянные товарные (малой скорости), товарно-пассажирские и даже в почтовые поезда (Юго-Западные ж. д.). Вагоны могли быть простыми товарными, или специально оборудованными товарными, или вагонами III класса.

Местные сельскохозяйственные комитеты, занимавшиеся проблемой упорядочения отхожих промыслов, считали, что тариф IV класса слишком высок для бюджета рабочих, отправлявшихся на заработки. Поэтому рабочие-отходники нередко были вынуждены отказываться от поездок по железной дороге и совершать далекие переходы пешком.

При составлении проекта тарифа IV класса Департамент железнодорожных дел, исходя из реальной статистики движения и фактических перевозок рабочих по поя-

¹ Краткий очерк о деятельности ... С. 73–74.

² По вопросу об изменении.. С. 18–19.

сам пробега, хотел установить такую схему, которая не давала бы железным дорогам ни убытка, ни особой выгоды. Для IV класса была спроектирована поясная тарифная схема, аналогичная строю действующего тарифа I–III классов. Соотношение между тарифами теперь выглядело так: IV:III:II:I как 0,5:1:1,5:2,5. При этом из платы I, II, и III классов дороги по-прежнему обязаны были отчислять в казну государственный сбор в 15%; плата же по тарифу IV класса полностью поступала в доход железных дорог, так как пассажиры IV класса государственным сбором не облагались. Дети в возрасте до пяти лет следовали при пассажирах IV класса бесплатно, за детей от 5 до 10 лет платилась четверть цены взрослого билета, после 10 лет покупался полный билет. Новый тариф IV класса вступил в действие с 15 марта 1904 г.¹

Пересмотр тарифов I–III классов тянулся несколько лет. Введенный с 1 июля 1908 г. новый пассажирский тариф повышал платы для пассажиров всех трех классов. При этом для пассажиров III класса повышение было относительно умеренным, достигавшим на расстояниях до 1555 верст около 40 коп. и не превышавшим 1 рубля на более дальних пробегах. Соотношение же между стоимостью билетов каждого из высших классов стало теперь таким: вместо 1:1,5:2,5, было установлено 1:1,75:3 — соответственно для III-го, II-го и I классов.

Опыт применения новых тарифов вскоре показал, что по отношению к пассажирам III класса принятое повышение цены билетов оказалось не очень обременительным, а высокая стоимость билетов высших классов сократила количество пассажиров I и II класса, часть которых, безусловно, из I-го класса перешла во II-й, а из II-го в III-й.

Департамент железнодорожных дел отреагировал оперативно, и с 1 июля 1910 г. вернулась прежняя пропорция между отдельными классами — 1:1,5:2,5. Результаты перемен применительно к отдельным городам Империи можно видеть в таблице 64, а сопоставление ее данных с таблицей 62 позволяет оценить эту ситуацию в целом.

Таблица 64

**Стоимость пассажирских билетов от станции Москва-Николаевская
по тарифам 1894, 1908 и 1910 гг. (руб).**

До станций	1907			1908				1910			
	верст	I класса	II класса	III класса	I класса	II класса	III класса	IV класса	I класса	II класса	III класса
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Петербург	610	15,00	9,00	6,00	19,20	11,20	6,40	3,20	16,00	9,60	6,40
Одесса	1409	26,00	15,60	10,40	32,40	18,90	10,80	5,40	27,00	16,20	10,80
Киев	795	18,00	10,80	7,20	22,80	13,30	7,60	3,80	19,00	11,40	7,60
Нижний Новгород	410	11,50	6,90	4,60	15,00	8,75	5,00	2,50	12,50	7,50	5,00
Саратов	784	18,00	10,80	7,20	22,80	13,30	7,60	3,80	19,00	11,40	7,60
Екатеринослав	1019	22,50	13,50	9,00	26,40	15,40	8,80	4,40	22,00	13,20	8,80
Харьков	722	17,00	10,20	6,80	21,60	12,60	7,20	3,60	18,00	10,80	7,20
Самара	997	21,00	12,60	8,40	26,40	15,40	8,80	4,40	22,00	13,20	8,80
Ростов	1132	22,50	13,50	9,00	28,20	16,45	9,40	4,70	23,50	14,10	9,40

¹ Там же. С. 3–4, 12–13, 16–18.

Окончание таблицы 64

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Варшава	1205	23,50	14,10	9,40	29,40	17,15	9,80	4,90	24,50	14,70	9,80
Вильно	893	19,50	11,70	7,80	24,60	14,35	8,20	4,10	20,50	12,30	8,20
Рига	861	19,00	11,40	7,60	24,00	14,00	8,00	4,00	20,00	12,00	8,00
Владикавказ	1791	30,00	18,00	12,00	37,80	22,05	12,60	6,30	31,50	18,90	12,60
Владимир	177	6,13	3,68	2,45	7,71	4,50	2,57	1,29	6,43	3,86	2,57
Коканд	3443	49,00	29,40	19,60	61,80	36,05	20,60	10,30	51,50	30,90	20,60
Тамбов	435	12,00	7,20	4,80	15,60	9,10	5,20	2,60	13,00	7,80	5,20

Источник: Настольная справочная книга пассажира по перевозкам пассажиров, багажа и грузов с пассажирскими и товарными поездами. СПб., 1907; То же, СПб., 1910; То же, СПб., 1913.

Новый тариф был введен с 1 июля 1908 г., отменен с 1 июля 1910 г., и, соответственно, действие перемен в чистом виде проявилось в 1909 и 1911 гг.

Как можно видеть, в 1907 г. выручка от проезда пассажиров I класса составила 5795 тыс. руб., в 1909 г. — 6044 тыс. руб., а в 1911 г. — 6973 тыс. руб (таблица 62). В 1907 г. билет I класса из Москвы до Петербурга стоил 15,00 руб., в 1909 г. — 19,2 руб., в 1911 г. — 16 руб. (таблица 64). Следовательно, в 1907 г. по этому маршруту в I классе могли проехать 386 тыс. условных пассажиров, в 1909 г. — 314,8 тыс. (почти на 20% меньше), а в 1911 г. — 435,8 тыс. Аналогичные расчеты для пассажиров II класса дают такие цифры — 2954 тыс. билетов в 1907 г., 2605 тыс. в 1909 г. и 3464 тыс. в 1911 г.

В этом сюжете привлекательна не только быстрая реакция правительства, но и то, что ее основе лежала забота о пассажирах — ведь число поездок I–III классов увеличивалось, равно, как и суммарная выручка от них (таблицы 61 и 62). Но Департамент железнодорожных дел видел перспективу, и нашел приемлемый компромисс, понизив стоимость билетов I–II классов, устранив психологический дискомфорт, столь знакомый многим из нас по личному опыту передвижений, и сделав для десятков тысяч людей поездки внутренне более приемлемыми.

В какой мере изменилась картина пассажирского движения за предвоенное 20-летие?

Таблицы 60, 61 и 63 показывают, что в целом жители России стали ездить намного больше в 1894 г. при 120 млн жителей страны приходилось 42,5 млн поездок (в сумме по общему и пригородным тарифам), в 1897 г. при 126,4 млн чел. — 59,7 млн поездок, а в 1913 г. при 175,1 млн чел. — 212,7 млн поездок. Другими словами, в 1894 г. одну поездку по железной дороге совершали 2,8 жителя, в 1897 г. — 2,1 жителя, а в 1913 г. — 0,8 жителя России, или, что то же самое, в 1894 г. одна поездка приходилась на 0,35 жителя, в 1897 г. — на 0,47, в 1913 г. — на 1,21 жителя.

Таблица 65 говорит о том, что люди стали ездить не только больше, но и дальше.

Однако количественно по-прежнему доминировали переезды на относительно короткие расстояния, но, думается, уже не только из-за дороговизны билетов, как это было до 1895 г. Полагаю, что это показатель интенсификации жизни России, «насыщения деятельностью» наших огромных пространств. В пореформенное время благодаря железным дорогам страна осваивалась не только «вширь», но, прежде

всего, «вглубь». Модернизация Витте-Столыпина очень серьезно содействовала этим процессам.

Достаточно вспомнить, например, как преобразило Юг Империи освоение Донецко-Криворожского бассейна, ставшего ядром тяжелой индустрии. В течение двух десятилетий на территории полутора десятков уездов, в степи, по которой буквально еще вчера бегали сайгаки, появилось множество новых населенных пунктов, сотни больших, средних и малых предприятий, давших прямо и опосредованно заработок миллионам людей в Новороссии и соседних губерниях и серьезно изменивших их жизнь и жизнь страны в целом.

Поэтому статистика пассажирского движения на относительно коротких расстояниях, безусловно, одно из свидетельств растущей интенсивности жизни России в конце XIX — начале XX вв. Конечно, здесь, как и всегда, важен и интересен региональный аспект проблемы, но это дело будущих исследований.

Что касается дальних поездок, то из таблицы 65 следует, что средние динамические для I и II классов заметно выше, чем для III класса. То есть, дальность путешествия и его удобство коррелировали довольно сильно.

Таблица 65

Среднее динамическое расстояние (версты) и средняя динамическая плата за проезд (руб.) по общему тарифу за 1894–1913 гг.

Годы	Среднее динамическое расстояние					Средняя динамическая плата за проезд				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего	I класса	II класса	III класса	IV класса	Всего
1894	223	139	84	н/с	105	6,69	3,13	1,05	н/с	1,24
1895	340	214	121	136	158	8,07	3,49	1,37	1,01	1,62
1896	379	245	134	129	147	8,99	3,71	1,47	0,94	1,72
1897	426	283	149	122	162	10,63	4,19	1,55	0,89	1,85
1898	426	286	151	117	164	9,96	4,21	1,60	0,86	1,88
1899	417	295	151	123	166	9,75	4,28	1,60	0,90	1,90
1900	421	301	157	115	170	9,74	4,35	1,64	0,84	1,94
1901	406	308	156	100	167	9,43	4,42	1,62	0,73	1,88
1902	425	310	152	106	165	9,77	4,42	1,57	0,76	1,84
1903	414	307	151	106	163	9,61	4,39	1,57	0,76	1,81
1904	411	308	148	112	160	9,58	4,39	1,54	0,67	1,76
1905	409	308	151	134	165	9,57	4,40	1,55	0,76	1,78
1906	423	314	146	144	163	9,78	4,44	1,50	0,80	1,74
1907	437	316	138	145	156	10,05	4,46	1,42	0,79	1,65
1908	430	310	137	151	155	11,15	4,89	1,45	0,80	2,03
1909	408	292	130	133	142	11,99	5,17	1,44	0,74	1,57
1910	415	292	130	117	139	10,14	4,43	1,46	0,69	1,50
1911	421	278	126	113	135	10,22	4,24	1,42	0,68	1,45
1912	423	272	124	107	131	10,29	4,19	1,40	0,65	1,42
1913	427	266	125	129	129	10,36	4,11	1,41	0,64	1,39

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. вып. 52, СПб., 1915. С. 11.

Таблица 66

**Распределение числа поездок взрослых пассажиров всех классов (тыс.)
и пассажироверст (млн), сделанных ими, по общему и пригородным тарифам
в сумме по расстояниям до 100 верст, от 101–1000 и свыше 1000**

Годы	Число поездок				Число пассажироверст			
	до 100	100–1000	свыше 1000	Всего	до 100	100–1000	свыше 1000	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1894	33230	9002	234	42466	1334	2425	258	4017
1895	34855	10620	736	46211	1212	3104	1009	5325
1896	39412	10905	865	51182	1322	3199	1260	5781
1897	46984	11768	910	59662	1580	3425	1360	6365
1898	53575	12927	1012	67514	1786	3815	1558	7159
1899	60145	14415	1144	75704	1981	4259	1790	8030
1900	64315	15554	1261	81130	2091	4537	2037	8665
1901	72492	16049	1365	89906	2341	4650	2239	9230
1902	77181	16487	1468	95136	2483	4790	2440	9713
1903	81760	17954	1426	101140	2615	5136	2611	10362
1904	83260	17780	1511	102551	2609	5181	2608	10398
1905	77506	16497	1363	95366	2241	4987	2834	10062
1906	85534	18336	1686	105556	2584	5459	3155	11198
1907	95712	19968	1847	117527	2839	5957	3297	12093
1908	102981	21278	2222	126481	3056	6305	4135	13496
1909	110920	23259	2298	136477	3294	6759	4145	14198
1910	124019	26669	2687	153375	3699	7710	4150	15559
1911	141170	29777	2514	173461	4169	8497	4320	16986
1912	155725	31772	2590	190087	4537	8965	4500	18002
1913	174410	35501	2780	212691	5072	10016	4748	19836

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52, СПб., 1915. С. 9–10.

Таблица 67

То же в процентах

Годы	Число поездок				Число пассажироверст			
	до 100	100–1000	свыше 1000	Всего	до 100	100–1000	свыше 1000	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1894	78,3	21,2	0,55	100	33,2	60,4	6,4	100
1895	75,4	23,0	1,59	100	22,8	58,3	18,9	100
1896	77,0	21,3	1,69	100	22,9	55,3	21,8	100
1897	78,8	19,7	1,53	100	24,8	53,8	21,4	100
1898	79,4	19,1	1,50	100	24,9	53,3	21,8	100
1899	79,4	19,0	1,51	100	24,7	53,0	22,3	100
1900	79,3	19,2	1,55	100	24,1	52,4	23,5	100
1901	80,6	17,9	1,52	100	25,4	50,4	24,3	100

Окончание таблицы 67

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1902	81,1	17,3	1,54	100	25,6	49,3	25,1	100
1903	80,8	17,8	1,41	100	25,2	49,6	25,2	100
1904	81,2	17,3	1,47	100	25,1	49,8	25,1	100
1905	81,3	17,3	1,43	100	22,3	49,6	28,2	100
1906	81,0	17,4	1,60	100	23,1	48,7	28,2	100
1907	81,4	17,0	1,57	100	23,5	49,3	27,3	100
1908	81,4	16,8	1,76	100	22,6	46,7	30,6	100
1909	81,3	17,0	1,68	100	23,2	47,6	29,2	100
1910	80,9	17,4	1,75	100	23,8	49,6	26,7	100
1911	81,4	17,2	1,45	100	24,5	50,0	25,4	100
1912	81,9	16,7	1,36	100	25,2	49,8	25,0	100
1913	82,0	16,7	1,31	100	25,6	50,5	23,9	100

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1913 г. Вып. 52, СПб., 1915. С. 9–10.

Таблицы 65–67 позволяют наглядно оценить сдвиги, происшедшие в течение рассматриваемого периода.

Нетрудно видеть, что уже в 1895 г. новый тариф, радикально снизивший плату за проезд на дальние расстояния, обеспечил прирост числа поездок протяженностью свыше 1000 верст более чем втрое в сравнении с 1894 г. — 736 тыс. против 234, и эта тенденция в дальнейшем лишь усиливалась. В 1913 г. число дальних поездок выросло в 11,9 раз в сравнении с 1894 г., в 3,8 раза в сопоставлении с 1895 г. и, как минимум, удвоилось в сравнении с началом XX в. Напомню, что переезды переселенцев и других льготных пассажиров в это число не входят.

Равным образом изменился и такой весомый показатель, как баланс пассажироверст. Если в 1894 г. процентное соотношение между пассажироверстами, сделанными во время поездок на расстояние до 100 верст, от 101 до 1000 и свыше 1000 верст равнялось 33,2–60,4–6,4%, то уже в 1895 г. оно составляло 22,8–58,3%–18,9% и т. д. С 1896 г. доля «дальних» пассажироверст колебалась в пределах 21,4–30,6% в 1908 г., а некоторое ее снижение в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. компенсируется количественным ростом в 1911–1913 гг.

Прогресс пассажирского движения в России в конце XIX — начале XX вв. можно проиллюстрировать следующим образом.

В 1894 г. на расстоянии до 100 верст было сделано 1334 млн, а в 1913 г. — 5072 млн пассажироверст. Это тоже самое, как если бы в 1894 г. из Москвы до Внукова (22 вер.) доехало 60,6 млн чел., а в 1913 г. — уже 230,5 млн чел. Для маршрута Москва — Клин (84 вер.) аналогичные показатели составляют 15,9 и 60,4 млн чел.

В 1894 г. на протяжении 101–1000 вер. было сделано 2452 млн, а в 1913 г. — 10016 млн пассажироверст. Это равносильно тому, что в 1894 г. до Тамбова (435 вер.) проехало 5,6 млн чел., а в 1913 г. — 23,0 млн чел. Если взять маршрут Москва — Петербург (610 вер.), соответствующие цифры будут такими — 3,98 и 16,4 млн чел.

В 1894 г. на расстоянии свыше 1000 вер. фиксируется 258 млн, а в 1913 г. — 4748 млн пассажироверст. Это все равно, что в 1894 г. из Москвы до Одессы

(1409 вер.) путешествовало 183 тыс. чел., а из Москвы до Томска I¹ (3554 вер.) — 72,6 тыс. чел., а в 1913 г. соответственно 3,5 и 1,4 млн чел.

И это — большие цифры.

Россия начала передвигаться.

Средний ежегодный прирост числа всех поездок взрослых пассажиров всех классов по общему и пригородному тарифу за 1894–1913 гг. составил 7731,7 тыс., а прирост числа пройденных ими пассажироверст — 726 млн. При этом на расстояние до 100 верст в среднем ежегодно совершалось на 6442,7 поездок больше, чем в предыдущем году, на расстояние 101–1000 верст — на 1171 тыс. и на протяжении свыше 1000 верст — 118 тыс. Линейные тренды сделанных пассажироверст таковы: 172,8 млн на коротких, 334,2 млн на средних и 219 млн — на дальних пробегах.

Статистику пассажирских перевозок, полагаю, вполне можно использовать как одну из характеристик имущественной дифференциации населения в конце XIX — начале XX вв. Средний ежегодный прирост числа поездок I класса по общему и пригородным тарифам составляет 15 тыс., II класса — 609 тыс., III класса — 5250 тыс. и IV класса — 1853 тыс.

Не имея возможности рассмотреть этот сюжет сколько-нибудь подробно, замечу все же, что богатых людей в стране было совсем не так много, как часто думают. Показательно, что с 1901 г. и до конца 1900-х гг. число поездок по тарифу I класса *падает*, и лишь в предвоенные годы вновь увеличивается, не достигая, впрочем, уровня 1901 г. Это заставляет критически посмотреть на утверждения о якобы огромном разрыве между богатством и бедностью в тогдашней России. В этом смысле следует отметить, что неуклонный рост числа поездок II класса — в 7,1 раза за 20 лет! Как кажется, это показатель роста среднего класса в стране, т. е. также один из индексов модерности.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать следующее.

У правительства России было ясное понимание, во-первых, того, что люди должны ездить по своей стране, и, во-вторых, что они должны ездить за *разумную* плату. Поэтому приоритетными для него были интересы пассажиров (не хотелось бы осовременивать эту тему, но — увы!). О социальной составляющей тарифной политики правительства и говорить нечего.

Таким образом, политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие процесса модернизации страны. Устанавливая плату за проезд, Министерство финансов действовало прежде всего из высших государственных, а не ведомственных соображений, усиливая процесс интеграции между частями Империи, которая до строительства железных дорог выглядела целостно скорее на географической карте, чем в действительности.

¹ Гипотетически, поскольку в 1894 г. линию еще не построили.

7. СТАТИСТИКА ПРОТИВ ПУБЛИЦИСТИКИ: ВКЛАДЫ В СБЕРКАССЫ

В рамках рассматриваемой темы большой интерес представляет динамика берегательного дела.

Проблема сохранения населением сбережений куда более важная характеристика модерности общества, чем может показаться на первый взгляд. Для пореформенной России она некоторым образом имеет экзистенциальный характер, не вполне осознающийся нами.

Среди психологического наследия крепостного права компетентные *непартийные* исследователи, как Б. Н. Чичерин и К. Ф. Головин, выделяют отсутствие у населения привычки к сбережениям.

«Но у мужика деньги уходят не на одно вино; он просто не умеет их беречь. Века крепостного состояния, в соединении с размашистостью русской природы, привели его к тому, что у него, так же как у барина, они уходят сквозь пальцы. Вследствие этого зачастую встречаем примеры, что крестьянин приносит деньги на сохранение, или сам купит что-нибудь ненужное, говоря, что иначе у него деньги уйдут. Привычки к сбережениям у него нет, а где эта привычка не укоренилась, там благосостояние неизбежно понижается»¹.

Чичерин имеет в виду и неумение их делать, и даже не то, что нежелание, а некоторое *непонимание* необходимости данного действия. Это один из примеров того, что социально-психологические характеристики того или иного народа в определенный период его истории — вовсе не синоним вечности, как почему-то воображают представители традиционной историографии, особенно рассуждая об общинных симпатиях русского народа, а всего лишь функция от уровня культуры данного народа, в том числе и бытовой, которая меняется вместе с этим уровнем.

«Крепостное право не учило людей делать сбережения. Пример мы можем видеть в собственном отечестве. Рабовладельческое хозяйство... не могло развить привычки к сбережениям ни в помещиках, ни в крестьянах.

Поэтому при разрешении крепостной связи ни те, ни другие не в состоянии были справиться со своею новою экономической задачей. Значительная часть помещиков разорилась вследствие неумения сделать правильный хозяйственный расчет и приспособить свой быт к изменившимся условиям.

Тоже самое следует сказать и о крестьянах. **Несправедливо, что тяжести, возложенные на них Положением о Выкупе, были так велики, что они не в силах были их нести.** Возложенные на них тяжести были несравненно меньше тех повинностей, которые были с них сняты. Свободным заработком легко было их покрыть. В этом отношении первые годы после освобождения были особенно благоприятны...

Но полученные избытки не сохранялись на черный день, а тратились на разгул, который принял самые широкие размеры, и, когда наступили более трудные времена, сбережений не оказалось никаких. Даже и при нынешних условиях, возможность для крестьян делать сбережения доказывается теми суммами, которые тратятся на водку и которые составляют лишь ничтожную часть потерь и

---

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. II. М., 2010. С. 236.

ущерба, наносимого хозяйству привычкою к пьянству. Она доказывается и теми крупными издержками, которые, в силу обычая, делаются на свадьбы и которые ведут к разорению семейств на многие годы. Иногда в одном и том же селе оказывается, что все раскольники живут богато, а все православные в бедности.

Однако и среди православных встречаются, в особенности небольшие, деревни, где крестьяне, смиренные и работающие, пользуются довольством и исправно уплачивают все подати. Но вообще, у крестьян, также как у помещиков, в силу привычек, укоренившихся при крепостном праве, все лишние деньги уходят сквозь пальцы»¹, — пишет Б. Н. Чичерин в «Курсе государственной науки». (Действительно, трудно представить сберкнижку на имя А. С. Пушкина. На имя Л. Н. Толстого, впрочем, можно!)

Другими словами, отношение к сбережениям — значимая и непросто уловимая характеристика социальной психологии общества. То, что кажется банальностью в наши дни, сто с лишним лет назад таковой не являлось. Тем не менее статистика движения вкладов в сберегательных кассах показывает, что медленно, но верно психология народа в этом плане изменялась к лучшему (более «продвинутые» и состоятельные граждане России после 1861 г. уже думали о вкладах в процентные бумаги).

В свете сказанного, полагаю, следует вспомнить характеристику Б. Н. Чичериным отношения социалистов к проблеме сбережений. В то время как все нормальные люди ратовали за трудолюбие и бережливость (хотя, казалось бы, за что тут ратовать — и так все понятно), «социалисты, напротив, всеми силами ополчаются против сбережений. Они смело уверяют, что рабочий не может и даже не должен сберегать, что он, сберегая, крадет у других и превращается в презренного мещанина. Лассаль с неистовою бранью опрокинулся на Шульце-Делича (основателя кредитных товариществ в Германии — М. Д.) за его проповедь в пользу бережливости. **Вообще этот поход социалистов против сбережений составляет одну из любопытных страниц современного помрачения умов. Из любви к низшим классам отрицается единственное средство улучшить их быт**»².

Строго говоря, нравственность за чужой счет — сюжет распространенный, но именно у социалистов он выглядит особенно отвратительным.

В 1905 г. русские революционеры, чтобы подорвать экономику страны, обратились к населению с призывом забрать свои вклады из сберкасс. Этот призыв возымел определенный эффект, но не столь значительный, как рассчитывали адепты Новой России, часть которых тогда на японские деньги закупила оружие³.

Несомненно, по извращенным критериям народников и социал-демократов, крестьяне, имеющие сберкнижки, считались кулаками, а рабочие и шахтеры — потенциальными оппортунистами и штрейкбрехерами.

Прежде чем обратиться к статистике движения вкладов физических лиц, замечу, что сторонники негативистского подхода с дореволюционных времен не очень жаловали сберегательное дело. Анализируя деятельность так называемой Комиссии центра, созданной осенью 1901 г., Б. Н. Миронов, в частности, отмечает: «При оценке такого важного показателя благосостояния, как увеличение числа вкладов и величины сбережений, сделанных крестьянами, был обнаружен значительный рост как вкладов, так и

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Т. II. С. 246.

² Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 526

³ Павлов Д. Б., Петров С. А. Полковник Акаши и освободительное движение в России (1904–1905 гг.) // История СССР, 1990, № 6; Кюяла Антти. Японский Генштаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи. 1904–1905 // Русский сборник. Исследования по русской истории. Т. X. М., 2011.

сбережений в 1880–1900 гг., что свидетельствовало о повышении уровня жизни. Однако, поскольку этот факт противоречил парадигме кризиса (отечественной деревни — М. Д.), эксперты интерпретировали его иначе: якобы в 1880-е гг. из-за недостатка сберегательных касс крестьяне не имели возможности хранить деньги в банке, поэтому весь рост сбережений объясняется исключительно тем, что такая возможность в 1890-е гг. появилась. «Для этого вывода (об увеличении сбережений — Б. М.) необходимо было бы сопоставить сумму сбережений, имеющуюся налицо ныне, с той суммой, которую прежде население сохраняло у себя дома, для чего, однако, никаких данных не имеется». Как видим, аналитики предпочли допустить, что сбережения у крестьян до 1890 г. были, лишь бы не признать увеличения сбережений в 1890-е гг.¹. Пример характерный.

С. Ю. Витте провел реформу сберегательного дела². 1 июня 1895 г. был утвержден новый устав сберегательных касс, вступивший в действие со второй половины года. Теперь они стали называться государственными «во внимание к их значению в системе государственных кредитных учреждений и к точно сформулированному в новом уставе касс обязательству по отношению к ним правительства, которое приняло на себя ответственность на целостность сумм и капиталов, вверяемых кассам»³. Психологически это был точный ход. Для руководства сберегательным делом в составе Министерства финансов была создана специальная структура — Управление государственными сберегательными кассами.

Новый устав значительно увеличивал полномочия министра финансов в деле расширения сети сберегательных касс, причем само открытие касс не стеснялось теперь какими-либо обязательными рамками.

Новый устав, несомненно, для вкладчиков был гораздо удобнее старого. Он обеспечивал тайну вкладов, отменял существовавшее ранее ограничение размера единовременных взносов, разрешал делать взносы по имеющимся книжкам в любой кассе Империи, расширял права юридических лиц и несовершеннолетних, причем последние получили право самостоятельно вносить вклады и распоряжаться ими на общих основаниях; вкладчики получили право делать при взносе вкладов завещательные распоряжения на случай смерти, расширялись рамки вкладов условных и вкладов с особым назначением. Если вклад достигал предельного размера, допускаемого уставом (1000 руб. для одиночных вкладчиков и 3000 руб. для юридических лиц), то кассы теперь могли обращать часть вкладов в процентные бумаги и др.⁴.

Вслед за этим был принят ряд мер по расширению сети сберегательных касс и дальнейшему облегчению пользования ими. По соглашению с заинтересованными ведомствами, сберегательные кассы были открыты при станциях казенных (1900 г.) и частных (1902 г.) железных дорог, на морских судах заграничного плавания, на фабриках и заводах (1897 г.) — по желанию владельцев. Были введены сберегательные марки достоинством в 1, 5 и 10 коп. с целью дать каждому человеку возможность делать самые мелкие сбережения. Введение марочной системы облегчило создание с 1902 г. школьных сберегательных касс «для правильного воспитания в населении привычки к сбережениям

¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения .... С. 598.

² Петров Ю. А., Калмыков С. В. Сберегательное дело в России: Вехи истории. М., 1995. С. 46; Морозан В. И. История сберегательных касс в императорской России. СПб.: Соларт, 2007. С. 125–136.

³ Министерство финансов. 1802–1902 ... Т. 2. С. 379.

⁴ Там же. С. 379–380.

и для ознакомления его со значением сберегательных касс»¹. Самые распространенные сберегательные кассы — почтово-телеграфные — получили в 1898 г. право принимать вклады от обществ и учреждений, а с 1899 г. они могли выдавать вклады по востребованию до 25 руб., а некоторые кассы — и до 100 руб., «между тем как раньше выдачи производились этими кассами лишь по сношению с центральной кассой»².

Обратимся к статистике вкладов в государственные сберегательные кассы за 1897–1913 гг.³ Форма отчетности сберегательных касс и, в частности, разделение вкладчиков на 12 «родов занятий» (категорий — см. ниже) не менялась с 1896 г., однако выбор начальной даты исследования обусловлен, во-первых, проведением в 1897 г. первой всеобщей переписи населения Империи, а во-вторых, введением в 1897 г. золотого обращения, что позволяет снять вопросы, связанные с инфляцией рубля.

Необходимо иметь в виду следующее. Сберегательные кассы интересовал именно «род занятий», фиксирувавшийся со слов вкладчиков, а не их сословная принадлежность. В силу этого категория «земледелие и сельские промыслы», которая в дальнейшем изложении часто именуется «крестьяне», включала не только крестьян, но и мещан, занимавшихся сельским хозяйством или промыслами в сельской местности. Небольшое, число крестьян и мещан владело поместьями, и очевидно, что в статистике сберегательных касс они проходят по категории «землевладение».

Опираясь на работу Е. А. Брюхановой и В. Н. Владимирова⁴, я исхожу из того, что к категории «служба гражданская» относятся вкладчики, работающие в государственных органах, к категории «служба общественная и частная» — работающие в земском и городском самоуправлении и их органах (учебных, медицинских статистических и др., заведениях), в общественных и благотворительных учреждениях, разнообразных кооперативах. Служба у частных лиц объединяла, надо думать, и служащего, например, Азовско-Донского банка, и директора сахарного завода, который мог получать жалованье больше министерского, и преподавателей частных учебных заведений и т. д.

В категорию «прочие» могли входить лица, живущие за счет доходов от недвижимости, за счет пенсии (в том числе, вдовы военных чинов), лица свободных профессий: художники, литераторы, актеры (в том числе бродячие музыканты, певцы, акробаты и т. п.), переписчики, чертежники, переводчики, составители прошений (а в какую категорию попадали журналисты?), студенты учебных заведений, персонал домов терпимости, а также люди, занимавшиеся «питомническим промыслом» (он заключался в принятии на вскармливание и воспитание питомцев от воспитательных домов, а также и от частных лиц). Сюда же могли включать чернорабочих, поденных рабочих и рабочих без определенной специальности, однако нет уверенности в том, что они не попадали в категорию «заводы, фабрики, рудники».

Сначала будут рассмотрены общеимперские показатели развития сберегательного дела, а затем и погубернские.

¹ Там же. С. 380.

² Там же.

³ Достоверность статистики сберегательного дела никогда не подвергалась сомнению, поскольку это обычная финансовая отчетность, составители которой не были заинтересованы ни в преувеличении, ни в преуменьшении данных.

⁴ Брюханова Е. А., Владимиров В. Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул. Изд-во АлтГУ. 2015.

Диаграмма 14. Число сберкнижек и сумма сбережений в 1896 г. и 1913 г.

Источник: см. таблицу 68

Данные за 1897 г. показывают, что в стране с населением 126,4 млн чел. насчитывалось 2,3 млн сберкнижек, на которых хранилось 412 млн руб. (28,3% бюджета Империи в 1458 млн руб¹). Если считать, что на семью приходилась одна книжка, а средняя численность семьи составляла примерно 6 человек², то, следовательно, сберкнижки были в 9–10% семей. При этом крестьяне, составлявшие не менее 80% жителей России, обладали лишь 430 тыс. сберкнижек с 77,7 млн руб. (это примерно 2,5% семей) и занимали вторую позицию после лиц свободных профессий («прочие занятия»). А фабрично-заводские рабочие и солдаты хотя и имели в сумме на 27,1 тыс. (15,6%) сберкнижек больше, чем лица духовного звания, офицеры и помещики вместе взятые (201,5 тыс. против 174,4 тыс.), но хранили на них на 28 млн руб. меньше вкладов (23,4 млн руб. против 51,4 млн руб.)

Данные за 1913 г. фиксируют ситуацию, которая куда больше соответствует бурной модернизации, переживавшейся страной в предвоенную четверть века. На 175,1 млн жителей России приходится теперь 8,6 млн книжек. Другими словами, по тому же расчету, порядка 30% семей хранит в сберегательных кассах 1550 млн руб. Эта сумма составляет 45,3% бюджета Империи в 3420 млн руб³. и в 3,6 раза превосходит стоимость «Большой флотской программы».

В таблицах 68–69 сопоставляются данные о вкладчиках, дифференцированных сберкассами в зависимости от рода их занятий.

¹ Министерство финансов. 1802–1902 ... Т. 2. С. 646–647.

² Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 225.

³ Петров Ю. А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 386–387.

Таблица 68

**Распределение книжек и сбережений (тыс. руб.)
по роду занятий вкладчиков и доля представителей отдельных родов занятий
в общем числе вкладчиков и сумме вкладов в 1897 и 1913 гг. (тыс. руб. и%)**

Род занятий	1897		1913		1897		1913	
	книжек	сумма	книжек	сумма	6	7	8	9
Землевладение	25961	6665	39639	9260,6	1,1	1,6	0,5	0,6
Земледелие и сел. промыслы	430522	77670	2546643	480248,8	18,9	18,8	29,6	31,0
Городские промыслы	256471	38678	1121539	179527,5	11,3	9,4	13,0	11,6
Фабрики, заводы и рудники	99626	13727	456611	72592,8	4,4	3,3	5,3	4,7
Услужение	244877	34121	712741	113147,8	10,8	8,3	8,3	7,3
Торговля	184217	39942	680493	149527,3	8,1	9,7	7,9	9,6
Духовное звание	114306	37131	201844	59451,3	5,0	9,0	2,3	3,8
Офицеры	34090	7645	85303	17254,5	1,5	1,9	1,0	1,1
Нижние чины	101870	9664	336075	22193,4	4,5	2,3	3,9	1,4
Служба гражданская	141240	27878	297796	55967	6,2	6,8	3,5	3,6
Служба общественная и частная	212300	39648	1299828	246637,9	9,3	9,6	15,1	15,9
Прочие занятия	432214	79296	830170	144026,8	19,0	19,2	9,6	9,3
Итого	2277694	412065	8608682	1549836	100	100	100	100

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1899 г. СПб., 1900. С. 539; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 206–207.

Значения пунктов 6–9 второй строки:

6. Распределение книжек по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%).

7. Распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%).

8. Доля книжек представителей каждого «рода занятий» вкладчиков в 1913 г. (%).

9. Распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1913 г. (%).

Таблица 69

Приросты числа книжек и вкладов за 1897–1913 гг.

Род занятий	2	3	4	Род занятий	6	7	8
Земледелие и сельские промыслы	2116121	591,5	33,4	Землед. и сел. промыслы	402578,8	618,3	35,4
Служба обществ. и частная	1087528	612,3	17,2	Служба обществ. и частная	206989,9	622,1	18,2
Городские промыслы	865068	437,3	13,7	Городские промыслы	140849,5	464,2	12,4
Торговля	496276	369,4	7,8	Торговля	109585,3	374,4	9,6
Услужение	467864	291,1	7,4	Услужение	79026,8	331,6	6,9
Прочие занятия	397956	192,1	6,3	Прочие занятия	64730,8	181,6	5,7
Фабр., зав. и рудники	356985	458,3	5,6	Фабр., зав. и рудники	58865,8	528,8	5,2
Нижние чины	234205	329,9	3,7	Служба гражданская	28089,0	200,8	2,5
Служба гражданская	156556	210,8	2,5	Духовное звание	22320,3	160,1	2,0
Духовное звание	87538	176,6	1,4	Нижние чины	12529,4	229,7	1,1
Офицеры	51213	250,2	0,8	Офицеры	9609,5	225,7	0,8
Землевладение	13678	152,7	0,2	Землевладение	2595,6	138,7	0,2
Всего	6330988	378,0	100,0	Всего	1137770,7	376,1	100,0

Источники: см. таблицу 68.

Значения пунктов 2–4 и 6–8 первой строки:

2. Абсолютный прирост числа книжек.
3. Показатели 1913 г. в сравнении с 1897 г. (%).
4. Доля данного «рода занятий» в приросте числа книжек (%).
6. Абсолютный прирост вкладов (тыс. руб.).
7. Показатели 1913 г. в сравнении с 1897 г. (%).
8. Доля данного «рода занятий» в приросте вкладов (%).

Таблицы 68 и 69 содержат большой массив информации, однако я пока ограничусь следующими замечаниями.

Эти таблицы показывают, что за 17 лет число крестьянских книжек выросло с 430,5 тыс. до 2546,6 тыс., т. е. почти в шесть (!) раз, и на них в 1913 г. хранилось 480,2 млн руб. против 77,7 млн руб. в 1897 г. — т. е. вклады увеличились более, чем в шесть раз.

С 256,5 до 1121,5 тыс., т. е. в 4,4 раз, возросло количество городских ремесленников-обладателей сберкнижек, а их вклады выросли с 38,7 млн руб. до 179,5 млн руб., или в 4,6 раза.

У фабрично-заводских рабочих и горняков число книжек возросло с 99,6 тыс. до 456,6 тыс., т. е. в 4,6 раза, и вместо 13,7 млн руб. на них теперь находилось 72,6 млн руб., или в 5,3 раз больше.

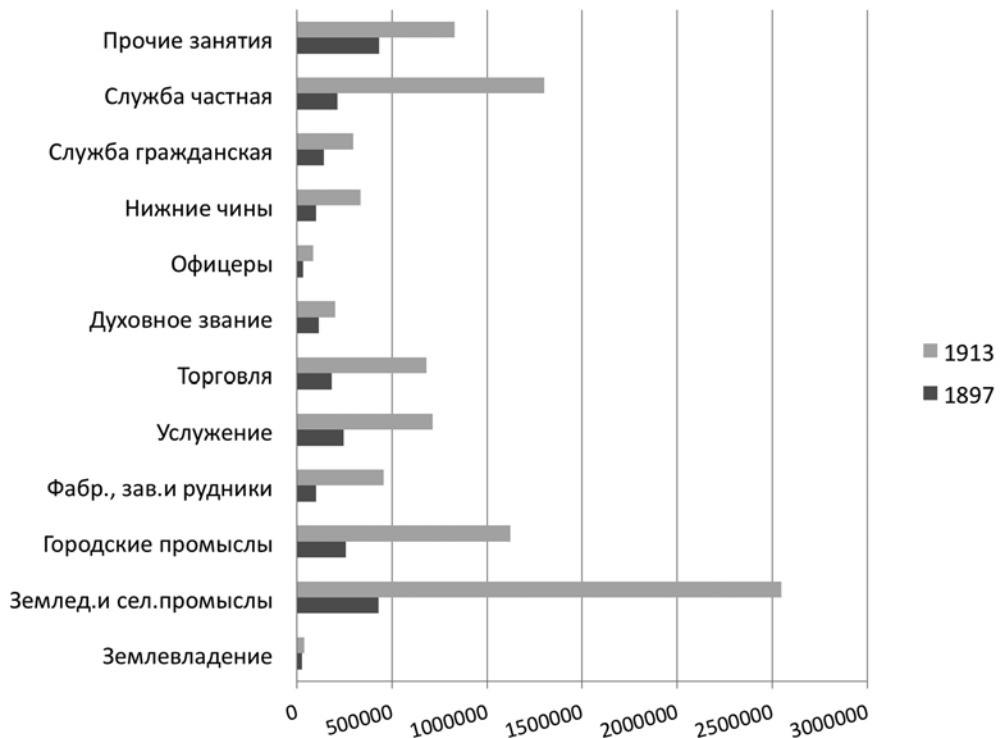

Диаграмма 15. Число сберкнижек по «родам занятий» вкладчиков (тыс.).

Источник: см. таблицу 68

В 1897 г. 101,9 тыс. солдат и унтер-офицеров российской армии держали в сберкассах 9,7 млн руб., а в 1913 г. 336,1 тыс. нижних чинов — уже 22,1 млн руб., т. е. соответственно в 3,3 и 2,0 раза больше. Напомню, что численность армии в это время оценивается в 1,3 млн чел.

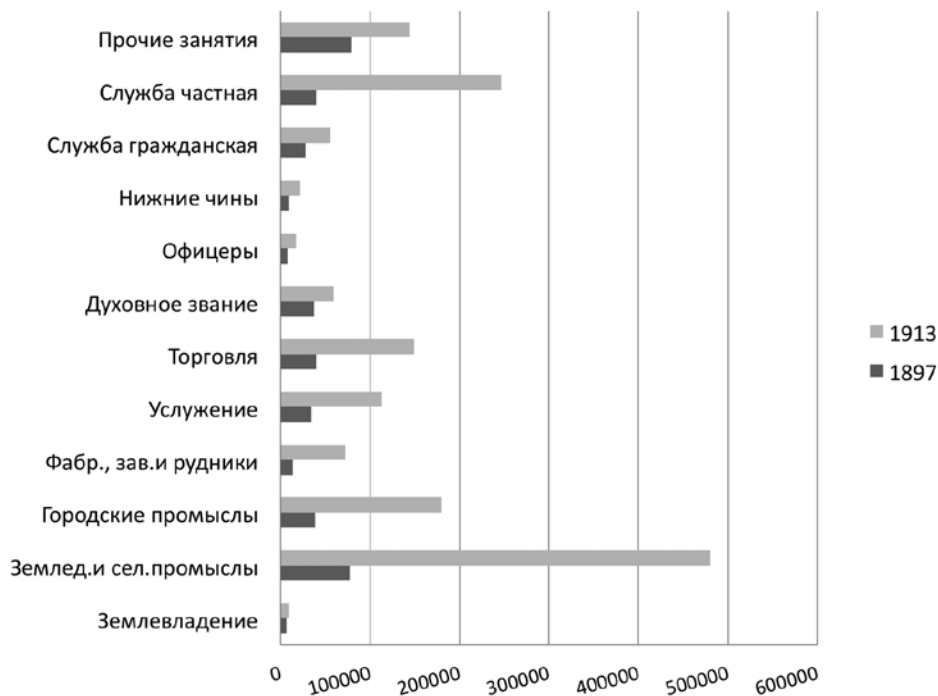

Диаграмма 16. Сумма вкладов по «родам занятий» вкладчиков (млн руб.).

Источник: см. таблицу 68

Количество книжек у лиц, находившихся в услужении, увеличилось за 1897–1913 гг. с 244,9 до 712,7 тыс., а сумма вкладов на них — с 34,1 млн руб. до 113,1 млн руб. — соответственно в 2,9 и 3,3 раза.

Как можно видеть, растут абсолютные показатели, характеризующие благосостояние и всех остальных социальных слоев общества, прежде всего людей, находящихся на общественной и частной службе, т. е. большей частью тех, кого сейчас называют офисными работниками. В 1897 г. 212,3 тыс. из них имели сберкнижки с 39,6 млн руб. на них, а в 1913 г. — 1299,8 тыс. с 246,6 млн руб. Это такое же шестикратное увеличение показателей, что и у крестьян, и даже несколько более высокое.

Таблица 68 показывает, что доля числа вкладчиков того или иного «рода занятий» может превышать долю их сбережений в общеимперских показателях, может быть близка к ней, а может быть ниже (духовенство в 1897 г.). Первый вариант касается тех, чьи доходы относительно невелики — городских ремесленников, фабрично-заводских рабочих и горняков, прислуги и нижних чинов. Второй — землевладельцев, крестьян, офицеров, гражданских и частных служащих и лиц свободных профессий («прочие занятия»).

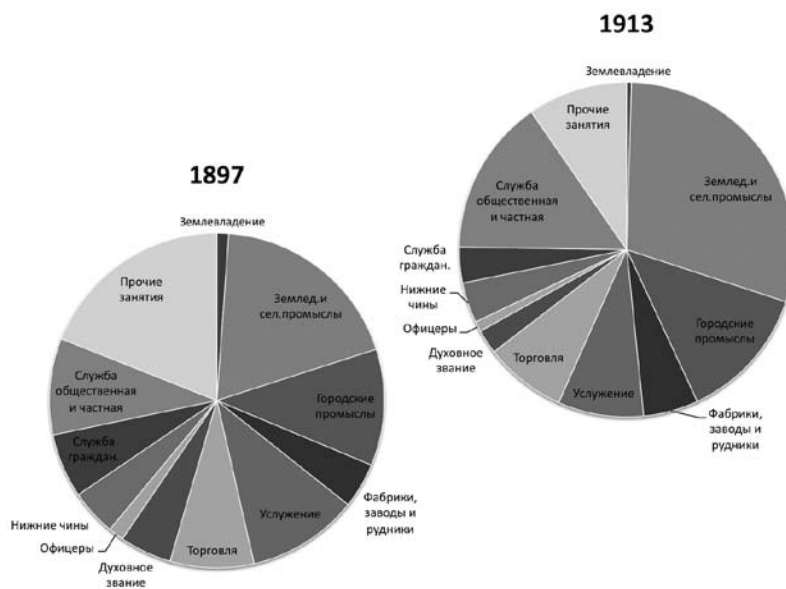

Диаграмма 17. Доля сберкнижек по «родам занятий» вкладчиков (%).

Источник: см. таблицу 68

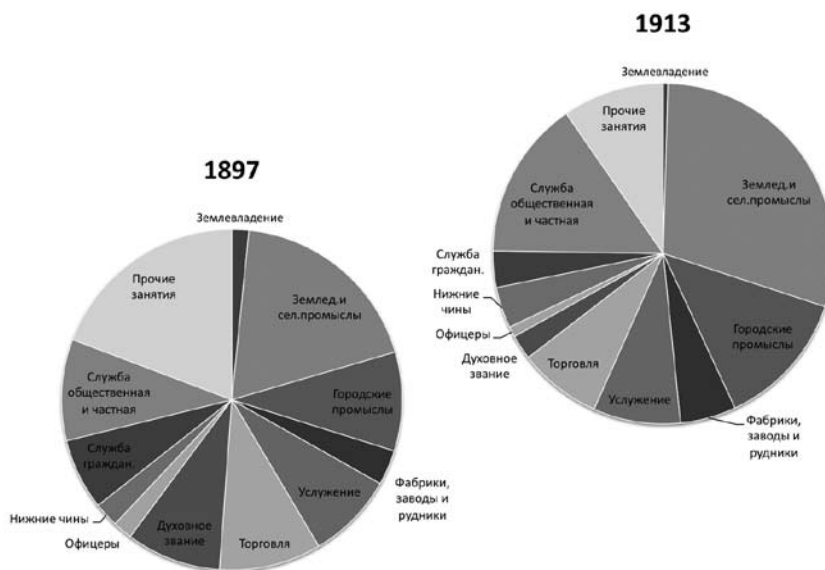

Диаграмма 18. Доля вкладов по «родам занятий» вкладчиков.

Источник: см. таблицу 68

За 1897–1913 гг. удельный вес отдельных категорий вкладчиков изменился (таблица 68). Самыми успешными из них стали сельские жители деревни и общественные и частные служащие, что весьма симптоматично и также, на наш взгляд, является важным показателем успеха модернизации! Доля первых увеличилась с 18,9 до 29,6% по числу книжек и с 18,8 до 31,0% по сумме вкладов, доля вторых — с 9,3 до 15,1% по числу книжек и с 9,6 до 15,9% по сумме сбережений.

Рост показателей благосостояния городских ремесленников и пролетариев куда скромнее, но это не снижает принципиальной важности данного факта — новейшие исследования положения рабочего класса в России говорят о том, что реальная зарплата рабочих повышалась¹, а статистика вкладов свидетельствует о том, что все больше простых людей понимало важность сбережений.

Доля же остальных восьми категорий вкладчиков за 17 лет уменьшилась. Особенно заметно снижение показателей для лиц свободных профессий — с 19,0 до 9,6% по числу книжек и с 19,2 до 9,3% по вкладам, для духовенства — с 5,0 до 2,3% по числу книжек и с 9,0% до 3,8% по вкладам, для гражданских служащих — с 6,2 до 3,5% по числу книжек и с 6,8 до 3,6% по сбережениям.

В таблице 69 ранжированы приросты числа книжек и размеров вкладов по родам занятий вкладчиков. Оценивая эти данные, мы, разумеется, должны соотноситься с долей представителей той или иной профессии в населении страны, но вместе с тем видеть и динамику процесса.

С одной стороны, крестьяне составляли 80% населения страны, и неудивительно, казалось бы, что в сравнении с 1897 г. к 1913 г. абсолютно и относительно больше всех разбогатели именно они. Однако в 1897 г. число крестьян-вкладчиков было меньше, чем представителей свободных профессий. Значит, за эти годы произошел некий качественный сдвиг в изучаемом процессе, отражением чего и стало появление 2,2 млн новых сберкнижек у сельских жителей. Офицеров по определению меньше, чем солдат. Но в 1897 г. солдатских книжек было больше чем офицерских в 3,0 раза, а в 1913 г. — в 3,9. Следовательно, к 1913 г. для тысяч солдат мысль о важности сбережений стала относительно более популярной, чем в середине 1890-х гг. и т. д.

Рассмотрим данные о количественной структуре вкладов применительно к роду занятий вкладчиков. Исходные данные для анализа представлены в таблицах 70 и 71.

Таблица 70

**Распределение числа книжек в зависимости от суммы вклада
в 1897 и 1913 гг. (шт.)**

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Землевладение	8064	4075	8156	5666	25961	15386	5943	10353	7957	39639
Земледелие и сел. промыслы	122559	103923	153192	50848	430522	751781	575204	898975	320683	2546643
Городские промыслы	96230	59649	76675	23917	256471	517357	192441	283837	127904	1121539

¹ Л. И. Бородин, Т. Я. Валетов, Ю. Б. Смирнова, И. В. Шильникова. Не рублем единым: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.

Окончание таблицы 70

Фабр., зав. и рудники	33678	26389	32471	7088	99626	179749	94468	135909	46485	456611
Услужение	67498	75882	85490	16007	244877	262454	162569	216585	71133	712741
Торговля	72712	32096	45899	33510	184217	297053	93947	158668	130825	680493
Духовное звание	21556	16961	42986	32803	114306	58055	27473	63329	52987	201844
Офицеры	12234	5766	9749	6341	34090	38976	11753	19619	14955	85303
Нижние чины	53735	23987	18744	5404	101870	248983	40856	31403	14833	336075
Служба гражданская	58488	22864	37506	22382	141240	144009	39718	67389	46680	297796
Служба обществ. и частная	75866	41414	66550	28470	212300	562085	197048	345370	195325	1299828
Прочие занятия	147159	94671	134128	56256	432214	367778	145201	205972	111219	830170
Итого	769779	507677	711546	288692	2277694	3443660	1586620	2437409	1140980	8608682

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1899 г. СПб., 1900. С. 539. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 206–207.

Таблица 71

**Распределение суммы вкладов в зависимости от его величины
в 1897 и 1913 гг. (тыс. руб.)**

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего
Землевладение	57	222	1955	4431	6665	99,5	328,5	2551,4	6281,2	9260,6
Земледелие и сел. промыслы	798	5702	33086	38084	77670	4928	32300,1	201705	241316	480248,8
Городские промыслы	592	3245	16699	18142	38678	2691,7	10896,2	65299,6	100640	179527,5
Фабр., зав. и рудники	212	1453	6827	5235	13727	996,6	5137,8	30754,1	35704,3	72592,8
Услужение	536	4200	17734	11651	34121	1600,3	9000,4	48678,1	53869	113147,8
Торговля	473	1715	10669	27085	39942	1716,6	5197,6	38061,4	104552	149527,3
Духовное звание	156	954	10605	25416	37131	379,6	1566,3	15560,8	41944,6	59451,3
Офицеры	83	310	2316	4936	7645	231,4	648,4	4739,4	11635,3	17254,5
Нижние чины	441	1216	3961	4046	9664	1519,9	2129,7	7134,6	11409,2	22193,4
Служба гражданская	334	1237	8959	17348	27878	781,0	2170,8	16700,7	36314,5	55967,0
Служба обществ. и частная	474	2264	15179	21731	39648	3149,0	10768,7	82694,2	150026	246637,9
Прочие занятия	1031	5289	29960	43016	79296	2132,5	7666,5	48412,8	85815	144026,8
Итого	5187	27807	157950	221121	412065	20226,1	87811,0	562292,1	879507	1549836

Источник: см. таблицу 68.

Преобразование исходных данных дает, в частности, информацию, представленную в таблицах 72–74.

Вклады до 25 руб. я буду считать мелкими (1-я категория), 25–100 руб. — средними (2-я категория), 100–500 руб. средне-крупными (3-я категория), а более 500 руб. — крупными (4-я категория).

Таблица 72

Распределение числа книжек по категориям вкладчиков в 1897 и 1913 гг. (%)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего
Землевладение	31,1	15,7	31,4	21,8	100	38,8	15,0	26,1	20,1	100
Земледелие и сел. промыслы	28,5	24,1	35,6	11,8	100	29,5	22,6	35,3	12,6	100
Городские промыслы	37,5	23,3	29,9	9,3	100	46,1	17,2	25,3	11,4	100
Фабр., зав. и рудники	33,8	26,5	32,6	7,1	100	39,4	20,7	29,8	10,2	100
Услужение	27,6	31,0	34,9	6,5	100	36,8	22,8	30,4	10,0	100
Торговля	39,5	17,4	24,9	18,2	100	43,7	13,8	23,3	19,2	100
Духовное звание	18,9	14,8	37,6	28,7	100	28,8	13,6	31,4	26,3	100
Офицеры	35,9	16,9	28,6	18,6	100	45,7	13,8	23,0	17,5	100
Нижние чины	52,7	23,5	18,4	5,3	100	74,1	12,2	9,3	4,4	100
Служба гражданская	41,4	16,2	26,6	15,8	100	48,4	13,3	22,6	15,7	100
Служба общ. и частная	35,7	19,5	31,3	13,4	100	43,2	15,2	26,6	15,0	100
Прочие занятия	34,0	21,9	31,0	13,0	100	44,3	17,5	24,8	13,4	100
Итого	33,8	22,3	31,2	12,7	100	40,0	18,4	28,3	13,3	100

Источник: см. таблицу 68.

Таблица 73

Распределение сумм по категориям вкладчиков в 1897 и 1913 гг. (%)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего
Землевладение	0,86	3,3	29,3	66,5	100	1,07	3,5	27,6	67,8	100
Земледелие и сел. промыслы	1,03	7,3	42,6	49,0	100	1,03	6,7	42,0	50,2	100
Городские промыслы	1,53	8,4	43,2	46,9	100	1,50	6,1	36,4	56,1	100
Фабр., зав. и рудники	1,54	10,6	49,7	38,1	100	1,37	7,1	42,4	49,2	100
Услужение	1,57	12,3	52,0	34,1	100	1,41	8,0	43,0	47,6	100
Торговля	1,18	4,3	26,7	67,8	100	1,15	3,5	25,5	69,9	100
Духовное звание	0,42	2,6	28,6	68,4	100	0,64	2,6	26,2	70,6	100
Офицеры	1,09	4,1	30,3	64,6	100	1,34	3,8	27,5	67,4	100
Нижние чины	4,56	12,6	41,0	41,9	100	6,85	9,6	32,1	51,4	100
Служба гражданская	1,20	4,4	32,1	62,2	100	1,40	3,9	29,8	64,9	100
Служба общ. и частная	1,20	5,7	38,3	54,8	100	1,28	4,4	33,5	60,8	100
Прочие занятия	1,30	6,7	37,8	54,2	100	1,48	5,3	33,6	59,6	100
Итого	1,26	6,7	38,3	53,7	100	1,31	5,7	36,3	56,7	100

Источник: см. таблицу 68.

Таблица 74

Величина среднего вклада на 1 книжку в 1897 и 1913 гг. (руб.).

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего	до 25 руб.	25–99 руб.	100–500 руб.	свыше 500 руб.	Всего
Землевладение	7,1	54,5	239,7	782,0	256,7	6,5	55,3	246,4	789,4	233,6
Земледелие и сел. промыслы	6,5	54,9	216,0	749,0	180,4	6,6	56,2	224,4	752,5	188,6
Городские промыслы	6,2	54,4	217,8	758,5	150,8	5,2	56,6	230,1	786,8	160,1
Фабр., зав. и рудники	6,3	55,1	210,2	738,6	137,8	5,5	54,4	226,3	768,1	159,0
Услужение	7,9	55,3	207,4	727,9	139,3	6,1	55,4	224,8	757,3	158,8
Торговля	6,5	53,4	232,4	808,3	216,8	5,8	55,3	239,9	799,2	219,7
Духовное звание	7,2	56,2	246,7	774,8	324,8	6,5	57,0	245,7	791,6	294,5
Офицеры	6,8	53,8	237,6	778,4	224,3	5,9	55,2	241,6	778,0	202,3
Нижние чины	8,2	50,7	211,3	748,7	94,9	6,1	52,1	227,2	769,2	66,0
Служба гражданская	5,7	54,1	238,9	775,1	197,4	5,4	54,7	247,8	777,9	187,9
Служба общ. и частная	6,2	54,7	228,1	763,3	186,8	5,6	54,7	239,4	768,1	189,7
Прочие занятия	7,0	55,9	223,4	764,6	183,5	5,8	52,8	235,0	771,6	173,5
Итого	6,7	54,8	222,0	765,9	180,9	5,9	55,3	230,7	770,8	180,0

Источник: см. таблицу 68.

Из таблицы 72 следует, что за 1897–1913 гг. структура сбережений в стране серьезно изменяется, в первую очередь за счет значительного — с 33,8 до 40,0% — роста доли книжек с мелкими вкладами и по России в целом, и во всех буквально «родах занятий», причем в некоторых случаях весьма заметно. Если для сельских жителей этот рост составил 1%, для торговцев — 4,2%, то для всех остальных «родов занятий» он колеблется в диапазоне 5,6–10,3%, а для нижних чинов даже 21,4%! Это безусловное свидетельство демократизации процесса сохранения доходов населением. Конечно, для понимания сопряженности социального статуса с материальным достатком небезынтересно знать, что в 1913 г. 15,4 тыс. землевладельцев, которым вскоре предстояло пасть жертвами «черного передела» имели на сберкнижках менее 25 руб., равно как и 39 тысяч офицеров императорской армии.

Соответственно росту доли книжек 1-й категории в 1913 г. повсеместно снижается доля книжек 2-й и 3-й, а у землевладельцев, лиц духовного звания, офицеров и гражданских служащих также и 4-й категории (при росте, напомним, абсолютных показателей). Относительно снизилась и доля их вкладов. В остальных социальных группах процент книжек богатых клиентов увеличивается.

Сказанное с некоторыми исключениями относится и к распределению денежных средств внутри каждого слоя. У самых состоятельных вкладчиков во всех социальных слоях в 1913 г. относительно денег стало больше, чем в 1897 г. (таблица 73). То есть богатые стали еще богаче и количественно и качественно. Однако в процесс сбережения доходов вовлечено теперь намного больше людей, которым есть что хранить на книжках.

Об этом же говорит и сопоставление средних размеров вкладов на одну книжку.

Таблица 75

Сопоставление средних вкладов на 1 книжку в 1897 и 1913 г. (руб.)

Род занятий	до 25 руб.	25–100 руб.	100–500 руб.	св. 500 руб.	Всего
Землевладение	–0,57	0,8	6,74	7,36	–23,11
Земледелие и сел. промыслы	0,09	1,29	8,39	3,53	8,17
Городские промыслы	–0,95	2,22	12,27	28,3	9,26
Фабрики, заводы и рудники	–0,79	–0,67	16,04	29,51	21,2
Услужение	–1,84	0,01	17,31	29,43	19,41
Торговля	–0,71	1,89	7,44	–9,09	2,91
Духовное звание	–0,74	0,77	–0,99	16,79	–30,3
Офицеры	–0,88	1,41	4,01	–0,41	–21,99
Нижние чины	–2,11	1,43	15,87	20,47	–28,83
Служба гражданская	–0,31	0,55	8,96	2,86	–9,44
Служба обществ. и частная	–0,65	–0,02	11,35	4,79	2,99
Прочие занятия	–1,21	–3,07	11,68	6,94	–9,97
Итого	–0,84	0,57	8,71	4,89	–0,88

Источник: см. таблицу 68.

Средний вклад на 1 книжку в 1913 г. снижается на 88 коп. (таблица 75), однако детализация этого феномена весьма интересна для социальной истории России конца XIX — начала XX вв.

Наибольшие приросты средних вкладов фиксируются у пролетариев — 21,2 руб. (!), у прислуги — 19,41 руб., городских ремесленников — 9,26 руб., крестьян — 8,17 руб., частных служащих — 2,99 руб. и лиц, занимавшихся торговлей — 2,91 руб. Эти группы населения дали наибольшие приросты числа вкладчиков (крестьяне — 2,1 млн чел., частные служащие — 1,1 млн чел., ремесленники — 865 тыс. чел., торговцы — 496 тыс. чел., прислуга — 468 тыс. чел., рабочие — 360 тыс. чел.). Здесь демократизация процесса сбережений была сопряжена с соответствующим притоком средств.

Представляется, что *эти данные — яркое свидетельство успеха модернизации С. Ю. Витте — П. А. Столыпина*. Представители данных социальных групп (за исключением прислуги и, возможно, части общественных служащих) были *прямо* связаны с функционированием экономики страны, и рост их благосостояния — прямое доказательство успешного ее развития.

В то же время снижаются средние вклады гражданских служащих — на 9,44 руб., лиц свободных профессий — на 9,97 руб., офицеров — на 21,99 руб., землевладельцев — на 23,11 руб., нижних чинов — на 28,83 руб. и духовенства — на 30,3 руб. Эти социальные группы, напротив, дали наименьшие приросты книжек (лишь «прочие» опережают пролетариев — 398 тыс. чел., затем идут нижние чины — 234 тыс., чиновники — 157 тыс. чел., духовенство — 88 тыс. чел., офицеры — 51 тыс. чел. и землевладельцы — 14 тыс. чел.).

В этой группе довольно скромный рост числа вкладчиков не подкреплялся соответствующим увеличением денежной массы. В некотором смысле этого и не могло быть по определению. С одной стороны, число книжек у землевладельцев, чиновников, офицеров, духовенства априори ограничено «родом занятий», этих людей не может быть

«слишком» много, притом, что у гражданских и военных чиновников доходы преимущественно должны были колебаться вокруг фиксированной и не очень большой зарплаты. Количественные резервы для роста числа книжек были у солдат, но они получали маленькое жалованье. Число лиц свободных профессий может расти неограниченно (оно и росло!), но они никогда в массе не относились к преуспевающей категории населения.

При этом из таблицы 76 следует, что в 1913 г. наиболее состоятельные группы населения те же самые, что и в 1897 г., — духовенство, помещики, офицеры, но разрыв между ними и остальными группами сокращается. Если мы примем средний крестьянский вклад в 1897 и 1913 гг. за 100%, то средние вклады других социальных групп будут с ним соотноситься так, как это показано в таблице 77.

Таблица 76

Средний вклад на 1 книжку в 1897 и 1913 гг.

<i>Род занятий</i>	<i>1897</i>	<i>Род занятий</i>	<i>1913</i>
Духовное звание	324,8	Духовное звание	294,5
Землевладение	256,7	Землевладение	233,6
Офицеры	224,3	Торговля	219,7
Торговля	216,8	Офицеры	202,3
Служба гражданская	197,4	Служба обществ. и частная	189,7
Служба обществ. и частная	186,8	Земледелие и сел. промыслы	188,6
Прочие занятия	183,5	Служба гражданская	187,9
Земледелие и сел. промыслы	180,4	Прочие занятия	173,5
Городские промыслы	150,8	Городские промыслы	160,1
Услужение	139,3	Фабрики, заводы и рудники	159,0
Фабрики, заводы и рудники	137,8	Услужение	158,8
Нижние чины	94,9	Нижние чины	66,0

Источник: см. таблицу 68.

Таблица 77

Соотношение между средними вкладами сельских жителей (100%) и остальных категорий населения.

<i>Род занятий</i>	<i>1897</i>	<i>Род занятий</i>	<i>1913</i>
Духовное звание	180,1	Духовное звание	156,2
Землевладение	142,3	Землевладение	123,9
Офицеры	124,3	Торговля	116,5
Торговля	120,2	Офицеры	107,3
Служба гражданская	109,4	Служба обществ. и частная	100,6
Служба обществ. и частная	103,5	Земледелие и сел. промыслы	100,0
Прочие занятия	101,7	Служба гражданская	99,7
Земледелие и сел. промыслы	100,0	Прочие занятия	92,0
Городские промыслы	83,6	Городские промыслы	84,9
Услужение	77,2	Фабрики, заводы и рудники	84,3
Фабрики, заводы и рудники	76,4	Услужение	84,2
Нижние чины	52,6	Нижние чины	35,0

Источник: см. таблицу 68.

В 1897 г. крестьяне занимали 8-ю позицию из 12, а в 1913 г. — 6-ю, обогнав гражданских служащих и лиц свободных профессий. При этом средние вклады более состоятельных групп вкладчиков превосходят их теперь на меньшую величину (так, духовенства на 56,2% вместо 80,1%, помещиков — 23,9%, а не на 42,3%, офицеров — на 7,3% вместо 24,3% и т. д.), и одновременно к крестьянам приближаются пролетарии, прислуга и ремесленники.

Я, понятно, не исчерпал возможностей интерпретации приведенных выше таблиц, однако здесь мне важно подчеркнуть, что все указанные изменения свидетельствуют, прежде всего, о том, что для множества людей идея сбережения достатков перешла ту грань, которая отделяет моду от повседневности, и это безусловный показатель прогресса психологии модерна.

В целом же несомненно снижение концентрации богатства в стране, его рассредоточение, что и происходит почти всегда, когда некое явление, в данном случае процесс сохранения заработанных материальных средств, становится достоянием все большего числа субъектов, «проникает в массы».

Ясно при этом, что мы наблюдаем процесс, который уже начался, так сказать, развернулся, но еще не набрал настоящего размаха. Однако, судя по вполне обнадеживающей динамике его (процесса) течения, эта стадия была не за горами.

Полагаю, все вышесказанное позволяет высказать предположение о том, что в конце XIX — начале XX вв. в обществе понемногу начался длительный процесс перераспределения доходов в пользу малоимущих категорий населения, также свойственный модернизации и сопряженный с успешным ее развитием. Тут следует отметить, что данные за 1897 г. дают картину, которая характеризует Россию, находившуюся в начале экономической модернизации, а сведения за 1913 г. описывают более высокий ее уровень.

Итак, статистика движения вкладов в сберкассах определенно свидетельствует не только о росте благосостояния населения Империи в конце XIX — начале XX вв., но и о позитивных изменениях в психологии этого населения.

Весьма интересен и гендерный аспект проблемы. В таблицах 78–80 приводятся данные о распределении книжек и вкладов между мужчинами и женщинами в 1896 и 1913 гг.; применительно к этому сюжету инфляционный момент не столь важен.

Таблица 78

**Распределение книжек и вкладов (тыс. руб.)
между мужчинами и женщинами в 1896 и 1913 гг.**

Род занятий	1896				1913			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Землевладение	13627	3373	9808	2540	21335	4888,2	18304	4372,4
Землед. и сел. промыслы	205278	41391	161828	25046	1340503	268547,5	1206140	211701
Городские промыслы	139452	20084	82988	13104	690961	104671,3	430578	74856,2
Фабр., зав. и рудники	62429	8710	24285	3366	296728	46697,4	159883	25895,4
Услужение	80188	12680	133466	17149	217469	37163,6	495272	75984,2
Торговля	99991	19402	65153	15187	399405	82974,6	281088	66552,7

Окончание таблицы 78

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Духовное звание	52902	16660	52430	17225	103922	28823,7	97922	30627,6
Офицеры	20000	4371	12012	2976	56477	10592,2	28826	6662,3
Нижние чины	80160	7191	6894	1389	322068	19028,4	14007	3165
Служба гражданская	80194	15013	48645	10400	185105	32676,3	112691	23290,7
Служба общ. и частная	143221	25483	43738	8901	901594	162787,6	398234	83850,3
Прочие занятия	159196	26251	213960	41014	317987	43394,7	512183	100632
Итого	1136638	200609	855207	158297	4853554	842245,5	3755128	707590

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1898 г. СПб., 1899. С. 404–407; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 206–207.

Таблица 79

Приросты числа книжек и суммы вкладов (тыс. руб. и%)

Род занятий	1896				1913			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек, %	сумма, %	книжек, %	сумма, %
Землевладение	7708	1515,2	8496	1832,4	156,6	144,9	186,6	172,1
Землед. и сел. промыслы	1135225	227157	1044312	186655,3	653,0	648,8	745,3	845,2
Городские промыслы	551509	84587,3	347590	61752,2	495,5	521,2	518,8	571,2
Фабрики, заводы и рудники	234299	37987,4	135598	22529,4	475,3	536,1	658,4	769,3
Услужение	137281	24483,6	361806	58835,2	271,2	293,1	371,1	443,1
Торговля	299414	63572,6	215935	51365,7	399,4	427,7	431,4	438,2
Духовное звание	51020	12163,7	45492	13402,6	196,4	173,0	186,8	177,8
Офицеры	36477	6221,2	16814	3686,3	282,4	242,3	240,0	223,9
Нижние чины	241908	11837,4	7113	1776	401,8	264,6	203,2	227,9
Служба гражданская	104911	17663,3	64046	12890,7	230,8	217,7	231,7	223,9
Служба общ. и частная	758373	137305	354496	74949,3	629,5	638,8	910,5	942,0
Прочие занятия	158791	17143,7	298223	59618,1	199,7	165,3	239,4	245,4
Итого	3716916	641637	2899921	549293,2	427,0	419,8	439,1	447,0

Источник: см. таблицу 78.

Таблица 80

Распределение книжек и вкладов между мужчинами и женщинами по «родам занятий» (%)

Род занятий	1896				1913				прирост	
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		женщины	
	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Землевладение	58,1	41,9	53,8	46,2	57,0	43,0	52,8	47,2	4,3	4,3
Землед. и сел. промыслы	55,9	44,1	52,6	47,4	62,3	37,7	55,9	44,1	3,3	6,4

Окончание таблицы 80

1	2	3	4	5	6	7	8	9		
Городские промыслы	62,7	37,3	61,6	38,4	60,5	39,5	58,3	41,7	1,1	2,2
Фабр., зав. и рудники	72,0	28,0	65,0	35,0	72,1	27,9	64,3	35,7	7,0	7,8
Услужение	37,5	62,5	30,5	69,5	42,5	57,5	32,8	67,2	7,0	9,7
Торговля	60,5	39,5	58,7	41,3	56,1	43,9	55,5	44,5	1,9	0,6
Духовное звание	50,2	49,8	51,5	48,5	49,2	50,8	48,5	51,5	-1,3	0,7
Офицеры	62,5	37,5	66,2	33,8	59,5	40,5	61,4	38,6	-3,7	-1,9
Нижние чины	92,1	7,9	95,8	4,2	83,8	16,2	85,7	14,3	-3,8	-1,9
Служба гражданская	62,2	37,8	62,2	37,8	59,1	40,9	58,4	41,6	0,1	0,7
Служба общ. и частная	76,6	23,4	69,4	30,6	74,1	25,9	66,0	34,0	7,2	8,1
Прочие занятия	42,7	57,3	38,3	61,7	39,0	61,0	30,1	69,9	4,4	8,9
Итого	57,1	42,9	56,4	43,6	55,9	44,1	54,3	45,7	0,7	1,6

Источник: см. таблицу 78.

Таблицы 78–80 убедительно показывают, что доля сберкнижек, принадлежащих женщинам, и их вкладов растет для всех социальных категорий, кроме представителей лиц духовного звания, офицеров и нижних чинов. И это также безусловный и важный показатель успеха модернизации.

После этих общих замечаний логично перейти к анализу географии сберегательного дела.

7.1. Пространственный аспект сберегательного дела

Сберегательное дело — примета урбанизации, достояние в первую очередь городской среды. Тем важнее было привить культуру сбережений в крестьянской стране, где подавляющая часть населения не имела возможности расстаться с психологией крепостной эпохи.

Исходные данные для предпринятого мной анализа пространственных аспектов сберегательного дела в 1897 и 1913 г. можно видеть в таблицах Приложения III. Там же дается порядок распределения губерний по экономико-географическим районам.

Все остальные таблицы построены в результате их обработки и переформатирования.

Не секрет, что подобную статистику, которая включает порядка 90 объектов, характеризующихся двумя десятками показателей, можно описывать достаточно долго и подробно; в принципе это, конечно, тема отдельного исследования. Поэтому я вынужден оставить в стороне ряд интересных сюжетов.

Начнем с размещения сберегательных касс (и, соответственно, сберкнижек и вкладов) по стране¹.

¹ Из дальнейшего анализа на уровне экономических районов и губерний исключаются показатели Нюландской губернии, чем и объясняется некоторое несовпадение данных в общеимперских таблицах, рассмотренных выше, и нижеследующих таблицах.

Таблица 81

**Соотношение числа сберегательных касс, книжек и вкладов
с площадью районов (тыс. кв. верст) и численностью населения
в 1897 и 1913 гг. (тыс. чел.)**

Районы	Площадь	НАСЕЛЕНИЕ		Число касс		Число книжек		Сумма вкладов	
		1897	1913	1897	1913	1897	1913	1897	1913
Столичный	68439,6	4541,1	6727,8	203	720	384143	1547621	60450,6	282033,2
Северный	1207722,1	2079,8	2700,7	135	203	42443	145591	7291,5	25923,6
Приозерный	142119,1	2529,4	3096,6	104	204	43419	164950	8988,3	32375,3
Прибалтийский	81049,0	2386,9	3049,5	113	233	99591	285579	14099,4	46188,3
Литовский	106041,6	4759,2	5981,2	243	376	69368	279425	12157,8	59956,8
Белорусский	210148,6	6918,1	9618,1	310	461	108082	424898	19860,5	83339,7
ЦПР	231886,5	7070,9	9018	337	531	276184	933206	48360,7	176065,6
ЦЧР	262340,9	12973,3	17839,3	357	645	195492	697375	44665,9	146369,7
Средневолжский	178611,6	6832,1	8913,2	221	340	108413	404130	23731,9	78984,8
Нижневолжский	688083,2	10008,1	13656	249	520	132599	474294	26085,5	85344,5
Малороссийский	137771,1	7626,4	10340,4	227	427	98249	389504	20020,3	65559,3
Юго-Западный	144736,4	9605,5	13038,8	283	554	122174	462762	20604,8	64432,3
Новороссийский	354573,6	10798,3	15792,7	419	930	198852	761194	34813,9	115106,9
Приуральский	425188,4	6086	8004,2	137	251	77557	280184	15520	50410,5
Предкавказский	200333,1	3786,8	5727,4	120	268	32697	159896	6934,7	26478,6
Польша	111554,2	9465,9	13335,4	425	608	137341	432632	18184	71623
Кавказ	211255,6	5462	7194,3	165	289	57836	218781	10925,55	38176,2
Сибирь и Дальний Восток	10996345,5	5727,2	10000,7	182	731	61718	399820	13772,69	75991,5
Степной край	1946837,9	3451,4	5225,3	68	152	13682	68651	2822,1	12442,7
Туркестан	1163785,8	4270,2	5878,2	55	109	17417	75534	2687,5	12499,8
Империя	18868823,8	126378,6	175137,8	4353	8552	2272257	8606027	411977,6	1549302,3

Источники: Ежегодник России 1905 год (год второй). СПб., 1906. С. 1–28; Россия. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Л., Лениздат. 1991. С. 106–115. Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). СПб., 1914. С. 33–57; Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1897 г. СПб., 1898. Приложения. Таблица 18; Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг., 1914. Приложение 7.

Применительно к сберегательным кассам порайонные показатели исследуются несколько иначе, чем обычно. В отдельный район — вслед за источником — выделяются столичные губернии, Петербургская и Московская, где процесс сбережения развивался несравненно интенсивнее, чем по стране в целом.

Для характеристики сберегательного дела важны следующие наблюдения. Во-первых, измерение связи между площадью районов и численностью населения дает низкий отрицательный коэффициент корреляции в 1897 г.: $r = -0,1$ и почти нулевой, но положительный в 1913 г.: $r = 0,02$. Коэффициент корреляции между площадью районов и числом сберегательных касс в 1897 г. отрицательный ($r = -0,17$), однако в 1913 г. его величина положительная — $r = 0,23$, надо думать, за счет почти двукратного увеличения числа сберегательных касс.

Во-вторых, существовала весьма сильная связь между численностью населения и количеством касс (коэффициенты корреляции соответственно равны 0,82 в 1897 г. и 0,76 в 1913 г.), и — намного более слабая — с числом книжек (r равен 0,41 и 0,36) и с суммой вкладов (0,51 и 0,36). Коэффициент корреляции между количеством сберегательных касс и числом книжек в 1897 г. равен 0,57, а в 1913 г. — 0,73, а между числом касс и суммой вкладов 0,60 и 0,69. Наконец, измерение связи между числом книжек и суммой вкладов дает, понятно, максимальные значения коэффициента корреляции — 0,97 и 0,99. **То есть, чем больше касс, тем при прочих равных мощнее прогресс сберегательного дела.**

Из таблицы 83 следует, что за 1897–1913 гг. население страны выросло со 126,4 млн чел. до 175,1 млн чел., т. е. увеличилось в 1,4 раза (на 38,5%), число сберегательных касс почти удвоилось — 8552 против 4353 (рост на 96,5%), количество книжек увеличилось с 2,3 млн до 8,6 млн (на 277,9% больше), сумма вкладов с 412,0 до 1549,3 млн руб. (рост на 276,1%).

Таблица 82

То же в процентах

Районы	площадь, кв. верст	НАСЕЛЕНИЕ		Число касс		Число книжек		Сумма вкладов	
		1897	1913	1897	1913	1897	1913	1897	1913
Столичный	0,4	3,6	3,8	4,7	8,4	16,9	18,0	14,7	18,2
Северный	6,4	1,6	1,5	3,1	2,4	1,9	1,7	1,8	1,7
Приозерный	0,8	2,0	1,8	2,4	2,4	1,9	1,9	2,2	2,1
Прибалтийский	0,4	1,9	1,7	2,6	2,7	4,4	3,3	3,4	3,0
Литовский	0,6	3,8	3,4	5,6	4,4	3,0	3,2	3,0	3,9
Белорусский	1,1	5,5	5,5	7,1	5,4	4,7	4,9	4,8	5,4
ЦПР	1,2	5,6	5,1	7,7	6,2	12,1	10,8	11,7	11,4
ЦЧР	1,4	10,3	10,2	8,2	7,5	8,6	8,1	10,8	9,4
Средневолжский	0,9	5,4	5,1	5,1	4,0	4,8	4,7	5,8	5,1
Нижневолжский	3,6	7,9	7,8	5,7	6,1	5,8	5,5	6,3	5,5
Малороссийский	0,7	6,0	5,9	5,2	5,0	4,3	4,5	4,9	4,2
Юго-Западный	0,8	7,6	7,4	6,5	6,5	5,4	5,4	5,0	4,2
Новороссийский	1,9	8,5	9,0	9,6	10,9	8,7	8,8	8,5	7,4
Приуральский	2,3	4,8	4,6	3,1	2,9	3,4	3,3	3,8	3,3
Предкавказский	1,1	3,0	3,3	2,8	3,1	1,4	1,9	1,7	1,7
Польша	0,6	7,5	7,6	9,8	7,1	6,0	5,0	4,4	4,6
Кавказ	1,1	4,3	4,1	3,8	3,4	2,5	2,5	2,7	2,5
Сибирь и Дальний Восток	58,3	4,5	5,7	4,2	8,5	2,7	4,6	3,3	4,9
Степной край	10,3	2,7	3,0	1,6	1,8	0,6	0,8	0,7	0,8
Туркестан	6,2	3,4	3,4	1,3	1,3	0,8	0,9	0,7	0,8
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как можно видеть, Столичный район, площадь которого составляла лишь 0,4% территории Империи, а население — 3,6–3,8% общего числа жителей страны, обладал наиболее густой сетью сберегательных касс (4,7–8,4% всех сберегательных касс страны). Он и в 1897 г., и в 1913 г. концентрировал порядка шестой части всех книжек и вкладов, причем с явной тенденцией к усилению этой позиции.

Отметим, что число сберегательных касс в Сибири и на Дальнем Востоке выросло в 4,9 раза, в Столичном районе — в 3,5 раза, в Приозерном, Прибалтийском, Нижневолжском, Юго-Западном, Новороссийском, Предкавказском районах, Степном крае и Туркестане — в 2–2,2 раза. В остальных регионах прирост ниже среднего по Империи.

Разумеется, показатели отдельных районов имеют индивидуальную динамику, однако прогресс сберегательного дела в каждом из регионов сомнений не вызывает. Отметим, что в таких районах, как Столичный, Северный, Прибалтийский, Литовский, Белорусский, ЦПР и Польше приросты книжек меньше приростов вкладов. Во всех же остальных районах число книжек растет быстрее суммы вкладов, что, несомненно, говорит о демократизации процесса сбережений на большей части страны.

Теперь рассмотрим порайонные приросты населения и показателей сберегательного дела.

Таблица 83

Прирост населения (тыс. чел.), числа сберегательных касс, сберегательных книжек и вкладов (тыс. руб.) за 1897–1913 гг. и доля каждого района в общем приросте по Империи (%).

Районы	население	кассы	книжки	вклады	население	кассы	книжки	вклады
Столичный	2186,7	517	1163478	221582,6	4,5	12,3	18,4	19,5
Северный	620,9	68	103148	18632,1	1,3	1,6	1,6	1,6
Приозерный	567,2	100	121531	23387,0	1,2	2,4	1,9	2,1
Прибалтийский	662,6	120	185988	32088,9	1,4	2,9	2,9	2,8
Литовский	1222,0	133	210057	47799,0	2,5	3,2	3,3	4,2
Белорусский	2700,0	151	316816	63479,2	5,5	3,6	5,0	5,6
ЦПР	1947,1	194	657022	127704,9	4,0	4,6	10,4	11,2
ЦЧР	4866,0	288	501883	101703,8	10,0	6,9	7,9	8,9
Средневолжский	2081,1	119	295717	55252,9	4,3	2,8	4,7	4,9
Нижневолжский	3647,9	271	341695	59259,0	7,5	6,5	5,4	5,2
Малороссийский	2714,0	200	291255	45539,0	5,6	4,8	4,6	4,0
Юго-Западный	3433,3	271	340588	43827,5	7,0	6,5	5,4	3,9
Новороссийский	4994,4	511	562342	80293,0	10,2	12,2	8,9	7,1
Приуральский	1918,2	114	202627	34890,5	3,9	2,7	3,2	3,1
Предкавказский	1940,6	148	127199	19543,9	4,0	3,5	2,0	1,7
Польша	3869,5	183	295291	53439,0	7,9	4,4	4,7	4,7
Кавказ	1732,3	124	160945	27250,7	3,6	3,0	2,5	2,4
Сибирь и Дальний Восток	4273,5	549	338102	62218,8	8,8	13,1	5,3	5,5
Степной край	1773,9	84	54969	9620,6	3,6	2,0	0,9	0,8
Туркестан	1608,0	54	58117	9812,3	3,3	1,3	0,9	0,9
Империя	48759,2	4199	6328770	1137325	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: см. таблицу 81.

В 1897–1913 гг. наибольшие приросты населения (от 5,0 до 3,4 млн чел.) фиксируются в Новороссии, ЦЧР, в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в Польше, Нижневолжском и Юго-Западном районах (в сумме на эти районы приходится 51,4% увеличения числа жителей России). Более чем на 500 число сберегательных касс уве-

личилось в Сибири и на Дальнем Востоке, в Столичном и Новороссийском районах; 4-ю позицию занимает ЦЧР с показателем 288 касс. Лидерство Сибири связано, конечно, с аграрной реформой Столыпина.

Увеличение населения и числа вкладчиков связаны положительно, но слабо (r равен 0,38), а вот прирост населения и числа касс, как и количества касс и числа книжек — достаточно сильно (коэффициенты корреляции соответственно равны 0,70 и 0,72). Это еще один вариант положительного ответа на важный вопрос — насколько приросты числа книжек и вкладов зависят от такого внешнего показателя как близость сберегательных касс к потенциальным вкладчикам. В принципе очевидно, что чем ближе к последним расположена касса, тем больше шансов за то, что они быстрее дойдут туда, однако такие предположения обретают весомость, когда подтверждаются статистикой.

Относительная независимость прироста книжек и вкладов от прироста населения ставит «вечный» вопрос, всегда возникающий при анализе любых порайонных данных, — о причинах различий между регионами, которые нельзя выводить только из хозяйственной деятельности населения той или иной местности. Несомненно, тут присутствуют и трудноучитываемые психологические моменты.

Рост числа книжек в Столичном районе — 1163,5 тыс. (18,4% всего прироста) — настолько велик, что лишь немногим уступает суммарному росту книжек в идущих вслед за ним Центрально-Промышленном и Новороссийском районах (657,0 и 562,3 соответственно); на 501,9 тыс. больше стало книжек в Центрально-Черноземном районе. Сибирь и Дальний Восток с 338,1 тыс. книжек занимают 7-е место.

Ту же примерно картину показывает увеличение суммы вкладов. Столичный район с показателем 221,6 млн руб. (19,5% общего прироста) сконцентрировал лишь на 3,5% денег меньше, чем Центрально-Промышленный и Центрально-Черноземный районы вместе взятые — 229,4 млн руб.; Новороссия с 80,3 млн руб. прироста — четвертая, Белоруссия — с 63,5 млн руб. — пятая, а Сибирь и Дальний Восток с 62,2 млн руб. — шестые.

Таким образом, во-первых, очевидно, что Столичный регион уверенно доминирует в сберегательном деле, что, несомненно, связано с тем, что городской тип экономического поведения серьезно усиливается фактором «столичности». Во-вторых, ясно также, что прямого соответствия между ростом населения и показателями развития сберегательного дела нет.

Теперь «персонифицируем» сказанное. В таблице 84 представлены проранжированные погубернские данные о числе книжек, сумме вкладов в 1897 и 1913 гг., а также о приросте книжек и вкладов.

Таблица 84 показывает, что список губерний-лидеров достаточно стабилен. Так, список первых пяти губерний по числу книжек в 1897 и 1913 гг. совпадает по трем позициям, первых 10-ти — по 8-ми, первых 20-ти — по 18-ти. Отметим, что в первую десятку вошли бурно развивавшиеся аграрно-индустриальные Харьковская и Екатеринославская губернии. Что же касается вкладов, то первая пятерка совпадает полностью, первые 10 губерний по 9 пунктам, первые 20 — по 17-ти.

Разумеется, ранги губерний меняются, что связано с тем, имеют ли в 1913 г. они показатели выше или ниже среднего по стране темпа прироста. Так, Московская губерния обошла в 1913 г. Петербургскую в силу того, что число книжек в ее сберегательных кассах выросло в 4,6 раза, а в той — в 3,5 раза, сумма же вкладов в 5,0 раз против 4,3 и т. д.

Таблица 84

**Ранги книжек, вкладов (тыс. руб.) в 1897 и 1913 гг.
и приростов книжек и вкладов (тыс. руб.).**

№	Ранги книжек, 1897 г.	Ранги книжек, 1913 г.	Ранги вкладов, 1897 г.	Ранги вкладов, 1913 г.	Прирост книжек	Прирост вкладов
1	Петербургская 209024	Московская 808271	Петербургская 30767,3	Московская 149228,4	Московская 633152	Московская 119545,1
2	Московская 175119	Петербургская 739350	Московская 29683,3	Петербургская 132804,8	Петербургская 530326	Петербургская 102037,5
3	Ярославская 74285	Киевская 278116	Тверская 14212,7	Тверская 49133,5	Киевская 212363	Тверская 34920,8
4	Киевская 65753	Тверская 253780	Владимирская 11755,2	Владимирская 46322,2	Тверская 190158	Владимирская 34567,0
5	Херсонская 65291	Владимирская 218022	Киевская 10936,7	Киевская 38380,0	Екатеринославская 168477	Екатеринославская 28174,9
6	Тверская 63622	Варшавская 208855	Саратовская 10344,9	Екатеринославская 34968,5	Владимирская 166023	Киевская 27443,3
7	Костромская 63486	Екатеринославская 203256	Херсонская 10065,9	Ярославская 32669,0	Варшавская 146196	Ярославская 22849,0
8	Варшавская 62659	Херсонской 199762	Ярославская 9820,0	Донская 31469,4	Херсонская 134471	Варшавская 21970,6
9	Владимирская 51999	Ярославская 196434	Донская 9696,6	Варшавская 31349,4	Харьковская 128867	Нижегородская 21781,5
10	Саратовская 48393	Харьковская 174239	Варшавская 9378,8	Саратовская 31200,6	Донская 127455	Донская 21772,8
11	Лифляндская 46513	Донская 172659	Тамбовская 9181,7	Харьковская 30609,6	Пермская 123341	Харьковская 21673,5
12	Харьковская 45372	Саратовская 168477	Харьковская 8936,1	Тамбовская 29916,7	Ярославская 122149	Смоленская 21150,4
13	Донская 45204	Костромская 167292	Нижегородская 8046,8	Нижегородская 29828,3	Саратовская 120084	Саратовская 20855,7
14	Пермская 41768	Пермская 165109	Орловская 7969,5	Смоленская 28482,0	Нижегородская 111677	Тамбовская 20735,0
15	Орловская 38149	Нижегородская 145200	Рязанская 7850,1	Пермская 27987,3	Тамбовская 103840	Пермская 20138,0
16	Тамбовская 36439	Тамбовская 140279	Пермская 7849,3	Рязанская 27561,3	Костромская 103806	Рязанская 19711,2
17	Вятская 35789	Смоленская 135526	Вятская 7670,7	Херсонская 26653,4	Смоленская 101598	Костромская 19465,1
18	Екатеринославская 34779	Лифляндская 133336	Лифляндская 7601,7	Костромская 26572,0	Черниговская 98198	Минская 19284,4
19	Смоленская 33928	Рязанская 130973	Смоленская 7331,6	Орловская 24520,3	Рязанская 97472	Приморская 16756,3
20	Нижегородская 33523	Черниговская 125676	Костромская 7106,9	Минская 24342,0	Минская 92338	Херсонская 16587,5

Источники: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1897 г. СПб., 1898. Приложение. Таблица 18; Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг., 1914. Приложение 7.

Обращает на себя рост показателей Литовских и Белорусских губерний (Гродненская и Витебская несколько отставали по числу книжек), Владимирской, Костромской и Тверской в ЦПР по числу книжек (но не по сумме вкладов!), Нижегородской и Самарской, Черниговской и Киевской, Таврической по числу книжек, Екатеринославской и Черноморской по обоим показателям, некоторых польских губерний, а также большинства губерний и областей Азиатской России. Отметим, что особо выделяется Екатеринославская, переместившаяся с 18-й позиции на 7-ю, Черниговская — с 38 на 20-ю, Самарская — с 42 на 25-ю. В Азиатской России нужно отметить переход Приморской области с 59-го на 31-е место, а Томской губернии — с 48-го на 35-е.

Рост числа книжек, как мы уже знаем, не всегда соответствовал росту суммы вкладов. Так, в 1897 г. Ярославская губерния была 3-й по числу книжек, но 8-й по величине вкладов, Костромская — 7-й и 20-й. Но были и обратные примеры — Донская область имела 13-й ранг по числу книжек и 9-й по сумме вкладов, Тамбовская — 16-й и 11-й, Нижегородская — 20-й и 13-й соответственно.

Обратимся к таким относительным характеристикам динамики сберегательного дела, как площадь и число жителей, на которое приходится 1 касса, число вкладчиков на 1000 жителей, средний вклад на 1 на книжку и средний вклад на одного жителя района.

Таблица 85, в которой помещены эти данные — наглядное свидетельство неполной представительности средних цифр для характеристики России. Заметные хозяйственно-пространственные различия между отдельными районами огромной страны в определенной степени девальвируют средние показатели, подразумевающие однородность объектов сопоставления.

Ясно, что средние показатели по Империи значительно завышаются в силу преобладания редконаселенных, мало— или вовсе не пригодных для жизни территорий в Азиатской России. То же относится и к губерниям Северного района, Астраханской губернии, где население было сконцентрировано вдоль рек, а также лесных губерний русского Севера и Приуралья.

Таблица 85

Порайонные относительные показатели развития сберегательного дела

Районы	Площадь, на которую приходится 1 сберегательная касса (кв вер.)		Число жителей, на которое приходится 1 касса (тыс.)		Число вкладчиков на 1000 жителей		Средний вклад на 1 вкладчика (руб.)		На 1 жителя района приходится вкладов (руб.)	
	1897 г.	1913 г.	1897 г.	1913 г.	1897 г.	1913 г.	1897 г.	1913 г.	1897 г.	1913 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Столичный	337,1	95,1	22,4	9,3	85	230	157,4	182,2	13,3	43,8
Северный	8946,1	5949,4	15,4	13,3	20	54	171,8	178,1	3,5	9,8
Приозерный	1366,5	696,7	24,3	15,2	17	53	207,0	196,3	3,6	10,6
Прибалтийский	717,2	347,8	21,1	13,1	42	94	141,6	161,7	5,9	16,7
Литовский	436,4	282,0	19,6	15,9	15	47	175,3	214,6	2,6	10,2
Белорусский	677,9	455,9	22,3	20,9	16	44	183,8	196,1	2,9	8,9
ЦПР	688,1	436,7	21,0	17,0	39	103	175,1	188,7	6,8	20,0

Окончание таблицы 85

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЦЧР	734,8	406,7	36,3	27,7	15	39	228,5	209,9	3,4	8,4
Средневолжский	808,2	525,3	30,9	26,2	16	45	218,9	195,4	3,5	9,0
Нижневолжский	2763,4	1323,2	40,2	26,3	13	35	196,7	179,9	2,6	6,4
Малороссийский	606,9	322,6	33,6	24,2	13	38	203,8	168,3	2,6	6,4
Юго-Западный	511,4	261,3	33,9	23,5	13	35	168,7	139,2	2,1	5,1
Новороссийский	846,2	381,3	25,8	17,0	18	48	175,1	151,2	3,2	7,5
Приуральский	3103,6	1694,0	44,4	31,9	13	35	200,1	179,9	2,6	6,4
Предкавказский	1669,4	747,5	31,6	21,4	9	28	212,1	165,6	1,8	4,7
Польша	262,5	183,5	22,3	21,9	15	32	132,4	165,6	1,9	5,5
Кавказ	1280,3	731,0	33,1	24,9	11	30	188,9	174,5	2,0	5,6
Сибирь и Дальний Восток	60419,5	15042,9	31,5	13,7	11	40	223,2	190,1	2,4	7,8
Степной край	28630	12808,1	50,8	34,4	4	13	206,3	181,2	0,8	2,4
Туркестан	21159,7	10676,9	77,6	53,9	4	13	154,3	165,5	0,6	2,2
Империя	4334,7	2206,4	29,0	20,5	18,0	49	180,9	180,0	3,3	9,1

По Империи в целом в 1897 г. 1 касса приходилась на 4334,7 кв вер., а в 1913 г. на 2206,4, в Европейской России — 1171,9 и 625 кв вер. соответственно.

Однако если убрать из подсчетов Северный район, где на территории в 1207,7 тыс. кв. вер. (1374,5 тыс. кв км), более чем вдвое превосходящей площадь Австро-Венгерской империи, в 1897 г. проживало 2,1 млн чел. и 2,7 млн чел. в 1913 г., то пространственные показатели Европейской части страны будут выглядеть менее внушительно — 891,9 и 473,0 кв вер.

Соответственно, показатели Нижневолжского района уменьшатся с 2763,4 и 1323 кв вер. до 1931,3 и 924,8 кв вер., если мы вычтем Астраханскую губернию с ее по преимуществу солончаковыми 207,8 тыс. кв вер.

Оценить масштаб данных, приводимых в таблице 85 помогут следующие цифры. Так, площадь Александровского уезда Владимирской губернии равнялась 2886,8 кв. вер., а население в 1897 г. — 105,7 тыс. чел., Глазовского уезда Вятской губернии — 20967,6 кв вер., а число жителей — 373,9 тыс. чел., Малоярославецкого уезда Калужской губернии — 1159,6 кв вер., а население — 42,0 тыс. чел., Бронницкого уезда Московской губернии — 2051,0 кв вер., а численность жителей — 132,1 тыс. чел., Брянского уезда Орловской губернии — 6062,3 кв вер., а население — 206, тыс. чел., Алексинского уезда Тульской губернии — 1742, 8 кв вер., а число жителей — 75,3 тыс. чел., Елисаветградского уезда Херсонской губернии — 16817,1 кв вер., а число жителей — 613,6 тыс. чел., Рыбинского уезда Ярославской — 2366,4 кв вер. при населении — 90,7 тыс. чел. и т. д.¹ В 1913 г. число жителей, понятно, возросло.

Увидеть динамику прогресса сберегательного дела позволяет таблица 86 с природами этих показателей.

¹ Россия Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон ... С. 106–111.

Таблица 86

**Приросты относительных показателей сберегательного дела
за 1897–1913 гг. (плюс-минус).**

Район	Сокращение площади, на которую приходилась 1 касса (кв. вер.)	Уменьшение числа жителей, обслуживаемых 1 кассой (тыс.)	Прирост числа вкладчиков на 1000 жителей	Прирост среднего вклада 1 вкладчика (руб.)	Прирост суммы вкладов на 1 жителя (руб.)
Столичный	-242,0	-13,0	145	24,9	28,6
Северный	-2996,7	-2,1	34	6,3	6,1
Приозерный	-669,8	-9,1	36	-10,7	6,9
Прибалтийский	-369,4	-8,0	52	20,2	9,2
Литовский	-154,4	-3,7	32	39,3	7,5
Белорусский	-222,0	-1,5	29	12,4	5,8
ЦПР	-251,4	-4,0	64	13,6	12,7
ЦЧР	-328,1	-8,7	24	-18,6	4,8
Средневожский	-282,9	-4,7	29	-23,5	5,4
Нижевожский	-1440,2	-13,9	21	-16,8	3,6
Малороссийский	-284,3	-9,4	25	-35,5	3,7
Юго-Западный	-250,1	-10,4	23	-29,4	2,8
Новороссийский	-464,9	-8,8	30	-23,9	4,1
Приуральский	-1409,6	-12,5	22	-20,2	3,7
Предкавказский	-921,9	-10,2	19	-46,5	2,8
Польша	-79,0	-0,3	18	33,2	3,4
Кавказ	-549,3	-8,2	20	-14,4	3,3
Сибирь и Дальний Восток	-45376,6	-17,8	29	-33,1	5,2
Степной край	-15821,9	-16,4	9	-25,0	1,6
Туркестан	-10482,8	-23,7	9	11,2	1,5
Империя	-2128,3	-8,6	31	-0,9	5,6

Источник: таблица 85.

Как можно видеть, в целом по стране площадь, которую обслуживала 1 сберегательная касса, уменьшилась на 2128,3 кв. вер. (диапазон сокращения — от 79 кв. вер. в Польше до 45376 кв. вер. в Сибири на Дальнем Востоке). С 29,0 до 20,5 тыс. чел. сократилось и число жителей, которые приходились на одну кассу, причем наибольшее уменьшение отмечается в Азиатской России (17,8 тыс. чел. в Сибири, 16,4 тыс. чел. в Степном крае и 23,7 тыс. чел. в Туркестане); заметно — в полтора и более раз — увеличилась густота касс относительно численности населения в Приозерном, Прибалтийском, Нижневожском, Юго-Западном, Новороссийском, Предкавказском районах, а в Столичном — даже в 2,4 раза.

В целом по Империи в 1913 г. на 1000 жителей стало на 31 вкладчика (в 2,7 раза) больше, чем в 1897 г. Рекордсмен и здесь Столичный район — 145 человек, затем выделяются ЦПР и Прибалтийский районы — 64 и 52 человека соответственно. Показатели остальных районов, как минимум, вдвое скромнее, но и их следует признать значительными. Исключая Польшу и Сибирь, где этот показатель вырос соответственно в 2,2 и 3,7 раза, как правило, речь идет об увеличении в 2,5–3,3 раза.

Средний вклад на 1 книжку по стране уменьшился на 0,9 руб., причем в 8-ми районах — Столичном, Северном, Прибалтийском, Литовском, Белорусском, ЦПР, Польше и Туркестане — он вырос, а в остальных 12-ти — снизился. Эти данные ставят вопросы, которые требуют дальнейших изысканий.

Обратимся к погубернским показателям.

Таблица 87

**Погубернские относительные показатели берегательного дела.
Ранги первых 20 губерний**

№	I касса на тысяч жителей		Вкладчиков на 1000 жителей		Средний вклад на 1 вкладчика							
	1897	1913	1897	1913	1897	1913						
1	Архангельская	6,7	Архангельская	5,3	Петербургская	99	Петербургская	236	Енисейская	286,5	Амурская	265,8
2	Приморская	6,7	Черноморская	5,5	Московская	72	Московская	225	Тамбовская	252,0	Сувалкская	261,8
3	Черноморская	6,8	Приморская	5,8	Ярославская	69	Ярославская	163	Елисаветпольская	251,0	Забайкальская	237,7
4	Олонецкая	9,2	Амурская	7,0	Эстляндская	53	Эстляндская	151	Иркутская	246,4	Ковенская	237,5
5	Амурская	10,8	Иркутская	7,4	Курляндская	47	Курляндская	134	Забайкальская	245,2	Якутская	222,5
6	Курляндская	16,0	Московская	8,6	Костромская	44	Костромская	114	Ставропольская	244,7	Курская	219,1
7	Забайкальская	16,2	Олонецкая	9,9	Приморская	41	Владимирская	108	Уральская	240,9	Калужская	218,8
8	Ярославская	16,3	Закаспийская	10,1	Лифляндская	36	Тверская	106	Нижегородская	240,0	Тамбовская	213,3
9	Закаспийская	16,9	Петербургская	10,3	Тверская	35	Курляндская	106	Курская	239,9	Гродненская	212,8
10	Ковенская	17,4	Курляндская	12,1	Владимирская	33	Амурская	100	Калужская	239,8	Владимирская	212,5
11	Плоцкая	17,7	Тобольская	12,3	Черноморская	33	Костромская	92	Амурская	239,7	Селлецкая	212,1
12	Ломжинская	17,8	Лифляндская	13,1	Варшавская	32	Лифляндская	76	Рязанская	234,3	Воронежская	210,5
13	Таврическая	18,0	Калужская	13,2	Херсонская	24	Архангельская	75	Пензенская	227,7	Рязанская	210,4
14	Калишская	18,0	Екатеринославская	13,2	Смоленская	22	Варшавская	75	Семипалатинская	226,3	Смоленская	210,2
15	Келецкая	18,6	Новгородская	13,4	Архангельская	21	Иркутская	73	Владимирская	226,1	Астраханская	208,8
16	Эстляндская	18,8	Забайкальская	13,7	Вологодская	21	Нижегородская	70	Воронежская	225,1	Тульская	206,4
17	Витебская	19,3	Ковенская	13,9	Нижегородская	21	Бакинская	68	Самарская	224,8	Нижегородская	205,4
18	Гродненская	20,2	Ярославская	14,0	Тифлисская	21	Калужская	66	Кубанская	224,0	Ломжинская	205,4
19	Сувалкская	20,2	Тифлисская	14,2	Амурская	21	Смоленская	63	Тверская	223,4	Псковская	204,3
20	Новгородская	20,8	Эстляндская	14,9	Новгородская	20	Новгородская	62	Полтавская	222,8	Минская	201,3

Что касается количества касс на число жителей, то среди первых 20 губерний с наименьшим числом жителей на 1 сберегательную кассу в 1897 г. мы не увидим лидеров сберегательного дела, кроме Ярославской. В 1913 г. на 6-й позиции появляется Московская, а на 9-й — Петербургская губернии, что является результатом роста числа сберегательных касс в них в 3-4 раза. Вместе с тем в списке лидеров есть несколько губерний с относительно небольшим населением — Архангельская, Олонецкая, Эстляндская, Курляндская, Лифляндская Черноморская, Амурская, Приморская и др., с нередко превышающим средний приростом числа сберегательных касс (для четырех последних губерний он равен соответственно 2,7, 3,5, 3,3, 3,2 раза).

Несмотря на достаточно сильную связь с численностью населения и количеством касс (r равен 0,70-0,75), несмотря на почти двукратный рост числа сберегательных касс в течение рассматриваемого периода, он далеко не во всех случаях может быть признан достаточным. Это касается прежде всего черноземных губерний — ЦЧР, Средневожского, Нижневожского, отчасти Малороссийского и Юго-Западного районов, а также большинства губерний Новороссии.

Так, в 1897 г. Симбирская губерния занимала по данному показателю 32-е место (1 касса на 23,8 тыс. чел.), а в 1913 — 49-е (23,2 тыс.), Тульская 36-е (24,3 тыс.) в 1897 г. и 43-е (21,2 тыс.) в 1913 г., Подольская — соответственно 40-е (26,1 тыс.) и 57-е (25,4 тыс.), Черниговская — 43-е (27,6 тыс.) и 59-е (25,5 тыс.), Рязанская — 44-е (27,7 тыс.) и 69-е (28,3 тыс.), Пензенская — 46-е (28,7 тыс.) и 72-е (30,3 тыс.), потому что число касс в ней за 17 лет выросло лишь на 11 — с 52 до 63, Полтавская — 62-е (36,8 тыс.) и 74-е (32,1 тыс.), Орловская — 67-е (38,1 тыс.) и 75-е (32,5 тыс.), Волынская — 69-е (41,1 тыс.) и 78-е (35,8 тыс.), Вятская — 74-е (46,7 тыс.) и 82-е (44,4 тыс.), Уфимская — 77-е (50,5 тыс.) и 81-е (41,9 тыс.), Казанская — 80-е (52,2 тыс.) и 77-е (35,8 тыс.). Тамбовская губерния так и осталась в 1913 г. на 73-м месте, хотя в 1897 г. одна касса обслуживала 48,5 тыс. чел., а в 1913 г. — 31,8 тыс. чел. Это тема, требующая отдельного исследования.

Есть, понятно, и обратные примеры, хотя не всегда выразительные. Так, Екатеринославская губерния в 1897 г. была 51-й с показателем 1 сберегательная касса на 30,6 тыс. человек, а в 1913 г. стала делить 13-ю и 14-ю позиции с Калужской — 13,2 тыс., Харьковская губерния занимала 65-е место (37,5 тыс.) в 1897 г. и 31-е в 1913 г. (18,4 тыс.), Киевская соответственно — 66-е (38,0 тыс.) и 24-е (17,3 тыс.), Херсонская — 37-е (25,3 тыс.) и 26-е (17,7 тыс.), Пермская — 70-е (42,3 тыс.) и 53-е (24,9 тыс.), Курская — 73-е (45,2 тыс.) и 60-е (26,1 тыс.), Саратовская — 47-е (28,8 тыс.) и 32-е (18,8 тыс.), Самарская — 83-е (61,4 тыс.) и 71-е (29,9 тыс.). К ним в какой-то мере можно прибавить губернии, в которых фиксируется относительно большое падение показателя: Воронежская — 63-я позиция в 1897 г. (36,9 тыс.) и 65-я (26,5 тыс.), Нижегородская соответственно — 39-я (25,8 тыс.) и 34-я (19,1 тыс.) и Оренбургская — 59-я (35,0 тыс.) и 55-я (25,0 тыс.).

Таким образом, в плане насыщенности отдельных губерний сберегательными кассами у Управления были еще немалые резервы. Большой шаг в этом направлении будет сделан в годы Первой Мировой войны (см. ниже).

В списке губерний с наибольшими показателями числа вкладчиков на 1000 жителей лидируют столичные и губернии с высоким уровнем развития сберегательного дела, такие как Владимирская, Тверская, Костромская. Вместе с тем мы вновь видим

немало губерний с относительно небольшим и средним по российским меркам населением. В 1897 и 1913 гг. перечень первых 10 губерний совпадает по 8 позициям, а первых 20-ти — на 17. Список обновляется за счет Иркутской губернии, поднявшейся с 28-го места на 15-е, Бакинской — с 23-го на 17-е и Калужской — с 24-го на 18-е.

Обращаясь к губерниям с наибольшими средними вкладами, мы и в этом случае видим, что среди них преобладают отнюдь не лидеры по числу вкладчиков, причем их список весьма неустойчив — первые 10 губерний совпадают лишь по четырем позициям, а первые 20 — по девяти.

В 1897 г. Енисейская губерния имела 61-й ранг по числу книжек, Тамбовская — 16-й, Елисаветпольская — 76-й, Иркутская — 57-й, Забайкальская — 70-й, Ставропольская — 67-й, Уральская — 77-й, Нижегородская — 20-й, Курская — 26-й, Калужская — 43-й и т. д.

В 1913 г. Амурская область занимала по числу вкладчиков 66-ю позицию, Сувалкская — 69-ю, Забайкальская — 49-ю, Ковенская — 45-ю, Якутия — 89-ю, Курская — 25-ю, Калужская — 33-ю, Тамбовская — вновь 16-ю, Гродненская — 30-ю, Владимирская — 5-ю и т. д.

Преобладание губерний со слабым развитием сберегательного дела объясняется, на мой взгляд, прежде всего тем, что в том или ином районе в начальный период истории сберегательных касс воспользоваться их услугами решаются люди относительно состоятельные, а уже потом это становится «модой», трендом и пр. Примеры Якутии и Камчатки (5-я и 20-я позиции в 1913 г.) здесь вполне показательны.

Таким образом, в плане характеристики уровня развития сберегательного дела в той или иной губернии и района величина среднего вклада, как представляется, показатель недостаточно информативный. Рост средних вкладов может отражать как уровень благосостояния региона (опосредованно), так и стадию развития сберегательного дела.

Немногочисленные исключения вроде Владимирской губернии говорят о том, что иногда и в случаях, когда речь идет о десятках тысяч вкладчиков, средний вклад все же может говорить об уровне их имущественной состоятельности. Однако такие примеры не меняют общей тенденции.

Специально я намерен рассмотреть сберегательную статистику тех категорий населения, которые прямо участвовали в модернизации — сельских жителей, («земледелие и сельские промыслы»), городских ремесленников и кустарей («городские промыслы»), рабочих, торговцев и частных и общественных служащих (далее: частные служащие).

7.2. Сбережения сельских жителей

Здесь необходимо вновь напомнить о том, что крестьянский образ жизни вели не только крестьяне по сословной принадлежности, но и мещане, занимавшиеся сельским хозяйством, а таких было немало.

Сначала будут рассмотрены порайонные, а затем погубернские показатели, характеризующие развитие процесса сбережений у крестьян.

Таблица 88

**Сельское население (тыс. чел.), число сберкнижек, сумма вкладов (тыс. руб.)
в 1897 и 1913 гг. и прирост населения, книжек и вкладов**

Районы	Сельск. население		Число книжек		Сумма вкладов		Приросты		
	1897	1913	1897	1913	1897	1913	население	книжки	вклады
Столичный	1989,9	2498,7	20278	136972	4133,4	28754,4	508,8	116694	24621
Северный	1959,8	2512,8	19200	82255	3024,2	14366,5	553,0	63055	11342,3
Приозерный	2369,3	2894,4	14110	89171	3156,7	17814,6	525,1	75061	14657,9
Прибалтийский	1781,6	2039,9	30198	89587	4306,5	16123,4	258,3	59389	11816,9
Литовский	4159,6	5125,3	11506	115750	2735,7	30131,2	965,7	104244	27395,5
Белорусский	6201,5	8510,8	22212	213318	4937,9	44069,3	2309,3	191106	39131,4
ЦПР	6393,3	8082,8	124668	525377	18522,9	93761,6	1689,5	400709	75238,7
ЦЧР	11797	16291,9	49086	301784	9427,2	56092,1	4494,9	252698	46664,9
Средневожский	6252,1	8114,6	26704	171066	5564	31308,1	1862,5	144362	25744,1
Нижевожский	9133	12252,8	30181	133279	4920,7	23219,9	3119,8	103098	18299,2
Малороссийский	6770,9	9063,8	16556	131121	2605,4	20706	2292,9	114565	18100,6
Юго-Западный	8693	11465,5	9523	97312	1841,8	13680	2772,5	87789	11838,2
Новороссийский	8892,6	12858,1	16013	125821	3220,4	19634,6	3965,5	109808	16414,2
Приуральский	5794,6	7616,4	20400	115073	4458,9	20951,4	1821,8	94673	16492,5
Предкавказский	3454,5	5091,1	5412	39421	953,9	6706,3	1636,6	34009	5752,4
Польша	7410,1	10166	3597	53336	858,5	15071	2755,9	49739	14212,5
Кавказ	4783,7	5952,6	2152	21658	605,6	4688,8	1168,9	19506	4083,2
Сибирь и Дальний Восток	5225,3	8807,1	7260	87746	1967,7	19345,7	3581,8	80486	17378
Степной край	3185,5	4695,3	1285	14127	380,6	3270,5	1509,8	12842	2889,9
Туркестан	3599,5	4800,3	178	2443	46,6	544,7	1200,8	2265	498,1
Империя	109847	148840,2	430519	2546617	77668,6	480240	38993,2	2116098	402572

Таблица 89

То же в процентах

Районы	Сельское население		Число книжек		Сумма вкладов		Приросты		
	1897	1913	1897	1913	1897	1913	население	книжки	вклады
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Столичный	1,8	1,7	4,7	5,4	5,3	6,0	1,3	5,5	6,1
Северный	1,8	1,7	4,5	3,2	3,9	3,0	1,4	3,0	2,8
Приозерный	2,2	1,9	3,3	3,5	4,1	3,7	1,3	3,5	3,6
Прибалтийский	1,6	1,4	7,0	3,5	5,5	3,4	0,7	2,8	2,9
Литовский	3,8	3,4	2,7	4,5	3,5	6,3	2,5	4,9	6,8
Белорусский	5,6	5,7	5,2	8,4	6,4	9,2	5,9	9,0	9,7
ЦПР	5,8	5,4	29,0	20,6	23,8	19,5	4,3	18,9	18,7
ЦЧР	10,7	10,9	11,4	11,9	12,1	11,7	11,5	11,9	11,6
Средневожский	5,7	5,5	6,2	6,7	7,2	6,5	4,8	6,8	6,4

Окончание таблицы 89

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Нижневолжский	8,3	8,2	7,0	5,2	6,3	4,8	8,0	4,9	4,5
Малороссийский	6,2	6,1	3,8	5,1	3,4	4,3	5,9	5,4	4,5
Юго-Западный	7,9	7,7	2,2	3,8	2,4	2,8	7,1	4,1	2,9
Новороссийский	8,1	8,6	3,7	4,9	4,1	4,1	10,2	5,2	4,1
Приуральский	5,3	5,1	4,7	4,5	5,7	4,4	4,7	4,5	4,1
Предкавказский	3,1	3,4	1,3	1,5	1,2	1,4	4,2	1,6	1,4
Польша	6,7	6,8	0,8	2,1	1,1	3,1	7,1	2,4	3,5
Кавказ	4,4	4,0	0,5	0,9	0,8	1,0	3,0	0,9	1,0
Сибирь и Дальний Восток	4,8	5,9	1,7	3,4	2,5	4,0	9,2	3,8	4,3
Степной край	2,9	3,2	0,3	0,6	0,5	0,7	3,9	0,6	0,7
Туркестан	3,3	3,2	0,0	0,1	0,1	0,1	3,1	0,1	0,1
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Поскольку крестьяне составляли $\frac{4}{5}$ населения, я не вижу большого смысла в анализе числа касс, обслуживающих крестьянское население, — оно достаточно близко к указанному выше применительно ко всем вкладчикам вообще.

В таблице 88 сразу же привлекает внимание тот факт, что наибольшее количество крестьянских книжек в 1897 г. было сосредоточено в Центрально-Промышленном районе — 124,7 тыс. (29,0% всех книжек «земледелия и сельских промыслов»), что в 2,5 раза превосходит показатель идущего за ним Центрально-Черноземного района — 49,1 тыс. (11,4%).

При этом крестьяне ЦПР составляли 5,8% сельского населения страны (7-й ранг), а крестьяне ЦЧР — 10,7% (1-я позиция). Далее следуют Прибалтийский и Нижневолжский районы — по 30,2 тыс. книжек в каждом (7,0%) — и Средневолжский: 26,7 тыс. (6,2%); на крестьян этих районов приходилось соответственно 1,6%, 8,3% и 5,7% сельского населения России. То есть численность сельского населения и число книжек связаны достаточно слабо. Коэффициент корреляции между сельским населением и числом книжек в 1897 и 1913 гг. относительно низок и равен соответственно 0,25 и 0,37.

Менее 10 тыс. книжек было у крестьян Юго-Западного и Предкавказского районов, Польши и — вполне предсказуемо — Азиатской России.

Схожая картина наблюдается и в распределении вкладов по районам. Вклады лидера — Центрально-Промышленного района — почти вдвое превосходят показатели идущего вторым Центрально-Черноземного района — 18,5 млн руб. против 9,4 млн руб., а он в свою очередь в 1,6 раза опережает показатель Средневолжского района — 5,6 млн руб. и т. д. Поскольку ЦПР не обладал более густой сетью сберегательных касс, чем другие районы, то подобный разрыв наводит на мысль о том, что сберегательное дело даже в лидирующих районах двигалось с неодинаковой скоростью, подобно тому, как различается скорость ветра у земли и на разных эшелонах воздушного движения.

В этом контексте обращает на себя внимание тот факт, что, например, Новороссия, которая была 3-ей по числу крестьян, занимала 11-е место по числу книжек и 8-е по

сумме вкладов; доля крестьянского населения в Нижневолжском, Малороссийском и Юго-Западном регионах также была заметно выше доли крестьянских сберкнижек в общеимперских показателях.

За 1897–1913 гг. сельское население в целом выросло на 35,5% (в диапазоне от 14,5% в Прибалтике до 68,5% в Сибири и на Дальнем Востоке). Число книжек по стране увеличилось в 5,9 раза, но при этом в Польше, Туркестане, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Степном крае, Юго-Западном, Кавказском и Литовском районах — в 10–15 раз (в Белорусском — в 9,6 раза). По Империи вклады выросли в 6,2 раза, при этом в Литве — в 11,0 раз в Туркестане — 11,7 раз, в Польше даже в 17,6 раз, но в Прибалтике — в 3,7 раза (см. таблицу 88).

Существенно для понимания изучаемых процессов, что концентрация крестьянских сберкнижек и вкладов снижается. В 1897 г. индекс Джини для числа вкладчиков равен 0,63, а вкладов — 0,60; в 1913 г. — соответственно 0,53 и 0,53; индекс приростов — 0,54 и 0,53.

В 1913 г. в ЦПР и ЦЧР сохраняют лидирующие позиции по числу книжек и вкладов, но расстановка других районов изменилась. Так, Белоруссия поднимается с 6-й строчки на 3-ю, Столичный район с 8-й на 5-ю, Малороссия — с 10-й на 7-ю и т. д. По сумме вкладов Белоруссия меняется местами со Средневолжским районом, Литва повышает свой ранг с 12-го до 5-го, Столичный район — с 8-го на 6-й и т. д.

Наибольший прирост числа вкладчиков фиксируется в ЦПР — 400,7 тыс. и ЦЧР — 252,7 тыс., при том, что прирост сельского населения в ЦЧР составил 4,2 млн чел., а в ЦПР — 1,6 млн чел. В Белорусском и Средневолжском районах сберкнижек стало больше на 191,1 и 144,4 тыс. соответственно. В остальных районах приросты менее 117 тыс.

Максимальный прирост вкладов отмечается в ЦПР и ЦЧР — 75,2 и 46,7 млн руб., а также в Белорусском районе — 39,1 млн руб. Литва, Средневолжский и Столичный увеличили вклады на 24–27 млн руб., остальные районы — менее чем на 20 млн руб. Следует отметить солидное увеличение вкладов в Сибири и на Дальнем Востоке — 17,4 млн руб., т. е. 9-я позиция (прирост книжек равен 80,5 тыс. — 12-я позиция).

Погубернскую «персонификацию» сказанного можно видеть в таблице 90.

Итак, в 1897 г. три первых позиции с большим отрывом занимают Ярославская, Костромская и Тверская губернии — 40,1, 33,4 и 29,7 тыс. книжек. Далее следует Московская с 15,4 тыс., Вологодская с 14,2 и Владимирская с 13,7 тыс. книжек. Отметим, что 4-я губерния почти вдвое отстает от 3-й, и здесь, полагаю, проявляются процессы, которые объяснить полно и убедительно мы пока не в состоянии.

Среди первых шести губерний мы видим пять губерний ЦПР (по обычной классификации). В число первых 20-ти входят также соседние с Московской Рязанская, Смоленская и Калужская губернии; Тульская имеет 24-й ранг. И в этом нельзя не видеть отражения иного типа экономического поведения, нежели у крестьян большинства губерний страны.

Среди первых 20 губерний находятся также все Прибалтийские, обе Приуральские; впрочем, в 1897 г., в отличие от 1913 г., для понимания изучаемых сюжетов показательнее, как мне кажется, только 1-я десятка. Северно-черноземные губернии в этом списке в явном меньшинстве.

Таблица 90

Таблица рангов крестьянских сберкнижек и вкладов в 1897—1913 гг.

Губернии	книжки	Губернии	вклады	Губернии	книжки	Губернии	вклады	Губернии	книжки	Губернии	вклады	Губернии	прирост книжек	Губернии	прирост вкладов
Ярославская	40051	Тверская	6512,2	Тверская	171902	Тверская	31927,7	Тверская	142215	Тверская	25415,5	Тверская	18796,7	Тверская	15745,5
Костромская	33373	Ярославская	4356,3	Ярославская	122857	Московская	21873,9	Московская	91442	Московская	18796,7	Московская	15745,5	Владимирская	14837,4
Тверская	29687	Владимирская	3375,3	Московская	106848	Ярославская	19193,7	Ярославская	82806	Ярославская	15745,5	Владимирская	14837,4	Ярославская	14227,1
Московская	15406	Московская	3077,2	Костромская	91124	Владимирская	19120,8	Владимирская	75423	Владимирская	14227,1	Ярославская	12205,6	Ярославская	11110,6
Вологодская	14215	Вятская	2780,7	Владимирская	89093	Смоленская	16697,4	Смоленская	68129	Смоленская	12205,6	Смоленская	10428,5	Смоленская	10254,1
Владимирская	13670	Костромская	2590,6	Смоленская	78824	Рязанская	13447,0	Рязанская	59986	Рязанская	9284,8	Минская	9221,9	Минская	9191,0
Лифляндская	12370	Смоленская	2470,3	Рязанская	70860	Минская	13230,9	Костромская	57751	Костромская	8860,9	Рязанская	8811,8	Рязанская	8578,6
Вятская	12149	Рязанская	2336,4	Пермская	61244	Костромская	13019,1	Минская	55055	Минская	8280,5	Костромская	7931,2	Костромская	7905,5
Саратовская	11432	Новгородская	2252,1	Новгородская	60504	Новгородская	11474,0	Черниговская	54611	Черниговская	7206,5	Ковенская	7206,5	Ковенская	7206,5
Рязанская	10874	Вологодская	2133,9	Тамбовская	59897	Тамбовская	11107,4	Пермская	52993	Пермская	7206,5	Нижегородская	7206,5	Нижегородская	7206,5
Смоленская	10695	Саратовская	2087,3	Черниговская	59862	Нижегородская	11005,3	Нижегородская	52067	Нижегородская	7206,5	Новгородская	7206,5	Новгородская	7206,5
Новгородская	10109	Лифляндская	2041,6	Минская	59593	Ковенская	10944,4	Новгородская	50395	Новгородская	7206,5	Тамбовская	7206,5	Тамбовская	7206,5
Оренбургская	10035	Тамбовская	1916,4	Нижегородская	59092	Вятская	10686,2	Тамбовская	50290	Тамбовская	7206,5	Гродненская	7206,5	Гродненская	7206,5
Тамбовская	9607	Нижегородская	1720,5	Вологодская	55887	Калужская	10500,3	Калужская	42514	Калужская	7206,5	Калужская	7206,5	Калужская	7206,5
Курляндская	9472	Калужская	1688,5	Вятская	53829	Пермская	10265,2	Клевская	41688	Черниговская	7206,5	Черниговская	7206,5	Черниговская	7206,5
Харьковская	8743	Пермская	1678,2	Калужская	50401	Гродненская	9969,5	Вятская	41680	Пермская	7206,5	Пермская	7206,5	Пермская	7206,5
Эстляндская	8356	Казанская	1505,6	Харьковская	48287	Черниговская	9461,3	Вологодская	41672	Виленская	7206,5	Виленская	7206,5	Виленская	7206,5
Пермская	8251	Орловская	1500,4	Курская	46973	Вологодская	9340,4	Курская	40397	Курская	7206,5	Курская	7206,5	Курская	7206,5
Казанская	8046	Симбирская	1467,3	Симбирская	46419	Виленская	9217,3	Екатеринославская	39971	Вятская	7206,5	Вятская	7206,5	Вятская	7206,5
Калужская	7887	Тульская	1414,4	Киевская	45858	Курская	9141,6	Симбирская	39663	Вологодская	7206,5	Вологодская	7206,5	Вологодская	7206,5

В 1913 г. в лидирующей группе происходят заметные перемены. Ставшая первой Тверская губерния со 171,9 тыс. книжек почти на 50 тыс. вкладчиков опережает идущую за ней Ярославскую, а та в свою очередь — на 16 тыс. Московскую, которая на 15–17 тыс. обгоняет Костромскую и Владимирскую, в которых насчитывается соответственно 91,1 и 89,1 тыс. книжек; за ними идут Смоленская — 78,8 и Рязанская — 70,9 тыс. И лишь со стоящей 8-й в списке Пермской губернии начинается более или менее равномерное понижение показателей, которое в 1897 г. начиналось с 4-й по счету Московской.

Видимо, вновь можно говорить о различных темпах развития сберегательного дела. Едва ли будет ошибкой сказать, что различия в типах экономического поведения крестьянства отдельных губерний за 17 лет стали еще больше. В промышленных губерниях процесс сбережения набрал настоящий размах, что подтверждается нашими цифрами.

Отметим повышение рангов — переход Смоленской губернии с 11-й позиции на 6-ю, Рязанской с 10-й позиции на 7-ю, Пермской — с 18-й на 8-ю, Новгородской с 12-й на 9-ю, Тамбовской с 14-й на 10-ю, Черниговской с 28-й на 11-ю, Минской с 32-й на 12-ю, Нижегородская с 23-й на 13-ю, Калужской — с 20-й на 16-ю, Курской с 26-й на 18-ю, Симбирской с 25-й на 19-ю, Киевской с 35-й на 20-ю, наконец, Екатеринославской с 50-й на 24-ю.

Несомненно, в этих перемещениях отразились и конкретные особенности экономической эволюции этих губерний в рассматриваемый период, но также и сдвиги в психологии их крестьянства. В данном случае сберкнижки, учитывая их массовость, — индекс указанных перемен.

Сопоставление вкладов не приносит особых сюрпризов. Вполне логично, что наблюдается большое соответствие между числом книжек и размерами вкладов, как можно судить по таблице 90.

Список пяти лидеров по числу вкладчиков совпадает со списком пяти лидеров по сумме вкладов на четыре позиции и в 1897, и в 1913 гг., первых 10-ти — по 8-ми в 1897 г. и 9-ти в 1913 г., первых 20-ти — по 16-ти в 1897 г. и 17-ти в 1913 г. При этом Оренбургская губерния 13-я по числу книжек и лишь 35-я по числу вкладов, Харьковская — 16-я и 25-я, Эстляндская — 17-я и 23-я. Как уже отмечалось, прирост книжек и вкладов при этом не во всех случаях равно значителен. Иногда ранг книжек выше ранга вкладов, иногда — наоборот. Объяснить это явление могло бы изучение размеров (категорий) вкладов, но оно выходит за рамки нашего анализа.

Рассмотрим приросты числа вкладчиков, потому что именно они ясно демонстрируют перемены, происшедшие в сберегательном деле за 17 лет.

Вне конкуренции находится Тверская губерния, прибавившая 142,2 тыс. книжек. Это в 2,5 раза (!) превосходит следующий по величине показатель Московской губернии — 91,4 тыс.; затем идут Ярославская — с 82,8 тыс., Владимирская — с 75,4 тыс., Смоленская — с 68,1 тыс. В сумме эти губернии дали более пятой части всего прироста крестьян-вкладчиков — 460,0 тыс., или 21,7%.

Еще 8 губерний с приростом от 59 до 50 тыс. вкладчиков — Рязанская, Костромская, Минская, Черниговская, Пермская, Нижегородская, Новгородская и Тамбовская — сконцентрировали в сумме 433,1 тыс. новых вкладчиков (20,5% итога). Таким образом, из соседних с Московской губерний лишь Калужская и Тульская несколько отстают от других.

Даже этот беглый анализ позволяет в общем виде выдвинуть следующий тезис. Степень развития сберегательного дела, выражаемая прежде всего числом книжек и — в меньшей степени — суммой вкладов, является в первую очередь не показателем уровня зажиточности крестьянского (и не только!) населения данного региона (губернии), сколько индексом уровня модерности сознания его жителей.

Другими словами, чем больше книжек у крестьян данной местности и в абсолютных величинах, и относительно общей численности крестьянского населения, тем шире и глубже проникла в их среду идея хранить деньги в сберегательных кассах.

Создатель экономической психологии Дж. Катона сформулировал, как известно, одну из базовых идей экономической психологии: **покупка зависит не только от способности (экономической возможности) сделать покупку, но и от желания ее сделать (психологической готовности).**

Понятно, что Дж. Катона жил в другой стране, в другое время и рассматривал несравненно более высокий уровень экономического поведения, чем тот, который существовал в России в конце XIX — начале XX вв., и тем не менее эта мысль вполне применима к рассматриваемым нами сюжетам.

В самом деле, — по числу крестьянских книжек и сумме вкладов Центрально-Промышленный район превосходит Новороссийский в 1897 г. в 7,8 и 5,6 раза, Польшу — в 34,7 и 21,6 раза, а в 1913 г. соответственно в 4,2 и 4,8 раза, и 9,9 и 6,2 раза.

Между тем априори ясно, что едва ли жизненный уровень крестьян Центрально-Промышленного района, с одной стороны, Новороссии и Польши, с другой, отличался настолько серьезно, чтобы воспринимать эти цифры как адекватный показатель благосостояния крестьянства этих регионов. Ключевое понятие здесь — психологическая готовность завести сберегательную книжку.

История сберегательных касс в России только начиналась, рациональное поведение, в том числе и финансовое, находилось в стадии становления и формирования.

Перейдем к характеристике порайонных относительных данных.

Полагаю, и здесь нет особого смысла анализировать эволюцию пространственных показателей ввиду преобладающего значения сельского населения в общей численности населения — они будут близки к описанным выше.

Таблица 91

**Сопоставление порайонных относительных показателей развития
крестьянского сберегательного дела в 1897 и 1913 гг.**

Районы	количество вкладчиков на 1000 жителей района		средний вклад на 1 вкладчика		сумма вклада на 1 жителя района	
	1897	1913	1897	1913	1897	1913
1	2	3	4	5	6	7
Столичный	10,2	54,8	203,8	209,9	2,1	11,5
Северный	9,8	32,7	157,5	174,7	1,5	5,7
Приозерный	6,0	30,8	223,7	199,8	1,3	6,2
Прибалтийский	16,9	43,9	142,6	180,0	2,4	7,9
Литовский	2,8	22,6	237,8	260,3	0,7	5,9
Белорусский	3,6	25,1	222,3	206,6	0,8	5,2

Окончание таблицы 91

1	2	3	4	5	6	7
ЦПР	19,5	65,0	148,6	178,5	2,9	11,6
ЦЧР	4,2	18,5	192,1	185,9	0,8	3,4
Средневолжский	4,3	21,1	208,4	183,0	0,9	3,9
Нижневолжский	3,3	10,9	163,0	174,2	0,5	1,9
Малороссийский	2,4	14,5	157,4	157,9	0,4	2,3
Юго-Западный	1,1	8,5	193,4	140,6	0,2	1,2
Новороссийский	1,8	9,8	201,1	156,1	0,4	1,5
Приуральский	3,5	15,1	218,6	182,1	0,8	2,8
Предкавказский	1,6	7,7	176,3	170,1	0,3	1,3
Польша	0,5	5,2	238,7	282,6	0,1	1,5
Кавказ	0,4	3,6	281,4	216,5	0,1	0,8
Сибирь и Дальний Восток	1,4	10,0	271,0	220,5	0,4	2,2
Степной край	0,4	3,0	296,2	231,5	0,1	0,7
Туркестан	0,0	0,5	261,8	223,0	0,0	0,1
Империя	3,9	17,1	180,4	188,6	0,7	3,2

Как можно видеть из таблицы 91, в 1897 г. по стране в целом на 1000 сельских жителей приходилось 3,9 крестьянина-вкладчика, а в 1913 г. их число поднялось до 17,1. Если в 1897 г. лишь в трех районах — ЦПР, Прибалтийском и Столичном число вкладчиков колебалось в пределах 19,5 и 10,2 человек на тысячу жителей (в Белоруссии — 9,8), а губерний, в которых этот показатель превышал 10, насчитывалось только 8, то в 1913 г. было 7 районов менее чем с 10-ю вкладчиками на 1000 жителей, а число губерний более чем с 10-ю вкладчиками выросло до 51. В ЦПР на 1000 сельских жителей приходилось 65,0 вкладчиков, в Столичном — 54,8, в Прибалтийском — 43,9, в Северном — 32,7 и т. д.

В 1897 г. лидировала Ярославская губерния с 43,2 вкладчика на 1000 сельских жителей, затем шли Костромская с 25,0 и Эстляндская с 24,8, Курляндская с 18,1, Тверская с 17,9 и т. д. Ярославская губерния сохранила первую позицию и в 1913 г., однако теперь в ней насчитывалось 112,7 вкладчиков, в Тверской — 77,6, в Московской — 63,2, в Эстляндской — 63,0, в Костромской — 54,9 вкладчика на 1000 сельских жителей.

Прогресс, пусть и достаточно скромный, налицо.

Средний вклад по Империи вырос со 180,4 руб. до 188,6 руб., причем в 1897 г. он колебался от 142,6 в Прибалтийском районе до 296,2 руб. в Степном, а в 1913 г. — от 140,6 руб. в Юго-Западном до 282,6 руб. в Польше. Средние вклады в большинстве регионов уменьшились, а выросли в Столичном, Северном, Прибалтийском, Литовском Центрально-Промышленном, Нижневолжском, Малороссийском районах и Польше. Поскольку эти районы различались как исходным уровнем сберегательного дела, так и последующей динамикой его развития, то до тех пор, пока не будет проанализирована концентрация вкладов между группами вкладчиков, нам трудно дать полноценное объяснение данному явлению. Это — дело будущих исследований.

Снова замечу, что о сбережении и гарантированном приумножении имеющихся денег задумываются в первую очередь, видимо, состоятельные люди. Не случайно наибольшие средние вклады в 1897 г. мы видим в четырех азиатских районах с наименьшим числом книжек, а также Польше; впрочем, тут есть исключение — Предкавказский район с 5412 книжками и средним вкладом 176,3 руб.

В 1913 г., несмотря на безусловный прогресс сберегательного дела, лидерами по величине среднего вклада являются те же районы Азиатской России, а также Литовский, поднявшийся с 13-й позиции на 9-ю по сумме книжек, и с 12-й на 5-ю по величине вкладов. В то же время районы, лидирующие по числу книжек, находятся в нижней трети таблицы, а ЦПР и вовсе занимает предпоследнюю позицию.

Эта мысль подтверждается и на уровне губерний. Как можно видеть, в 1897 г. лидерами по величине среднего вклада являются Амурская и Уральская области с огромным вкладом в 495,0 руб., затем идет Иркутская, Енисейская, Елисаветпольская и Бакинская губернии и лишь на 7-м месте стоит Плоцкая губерния. Всего среди первых 20-ти губерний из европейских находятся 3 польских, Гродненская и Самарская, а все остальные губернии расположены в Азиатской России.

В 1913 г. список значительно обновляется — теперь в нем 8 польских губерний, в которых сберегательное дело переживало значительный подъем, равно как и в трех Литовских. Однако лидирует Карсская губерния, Якутия стоит на 3-м месте, Уральская и Амурская — 5-я и 6-я соответственно.

В целом же лишь в 33-х губерниях, где прирост вкладов опережал прирост книжек, средний вклад увеличился. К их числу относятся все Северные, все Прибалтийские, все Литовские, все Польские, кроме Варшавской, Столичные, Костромская, Ярославская, Московская, Курская, Воронежская, Саратовская, Пензенская, Тобольская, Тургайская, Якутская, Карсская, Елисаветпольская. Нетрудно заметить, что почти половину этого списка составляют губернии со слабым развитием сберегательного дела в начале рассматриваемого периода. Во всех же остальных 57 губерниях и областях средние вклады сельских жителей уменьшились.

Таким образом, высказанная выше мысль о том, что средний вклад на 1 книжку — не слишком информативный показатель развития сберегательного дела, подтверждается и на этом материале.

При этом увеличился и вклад на 1 сельского жителя, пусть и не слишком заметно.

Все это говорит о прогрессе крестьянского сберегательного дела — хотя и медленном в большинстве губерний.

Важно помнить, что крестьяне приобщались к вкладной операции не только через сберегательные кассы, но и через учреждения мелкого кредита (см. ниже).

Наконец, мы имеем возможность рассмотреть весьма интересный относительный показатель.

Принимая численность средней крестьянской семьи в 6 человек, мы, разделив величину сельского населения на эту цифру, получим приблизительное количество крестьянских семей в данном регионе и губернии, а затем высчитаем примерную долю крестьянских семей, имеющих сберкнижки, исходя из расчета 1 книжка на 1 семью (так было в подавляющем большинстве случаев, но не всегда).

Понятно, что степень точности тут нельзя преувеличивать, но не нужно ее и преуменьшать, — нам необходимо понимать порядок цифр, класс явления.

Таблица 92

Губернии-лидеры по размерам среднего вклада на 1 книжку (руб.), числу вкладчиков на 1000 сельских жителей и величине вклада на 1 сельского жителя (руб.) в 1897 и 1913 гг.

губернии	Средний вклад на 1 книжку			Вкладчиков на 1000 жителей			Вклады на 1 жителя губернии				
	1897	губернии	1913	губернии	1897	губернии	1913	губернии	1897	губернии	1913
Амурская	495,0	Карсская	377,8	Ярославская	43,2	Ярославская	112,7	Ярославская	4,69	Ярославская	17,6
Уральская	495,0	Плоцкая	361,7	Костромская	25,0	Тверская	77,6	Тверская	3,92	Тверская	14,4
Иркутская	406,8	Якутская	360,1	Эстляндская	24,8	Московская	63,2	Эстляндская	3,37	Эстляндская	13,4
Енисейская	376,8	Сувальская	352,9	Курляндская	18,1	Эстляндская	63,0	Владимирская	2,44	Московская	12,9
Елисаветпольская	346,3	Уральская	341,1	Тверская	17,9	Костромская	54,1	Московская	2,36	Владимирская	10,9
Бакинская	339,3	Амурская	339,0	Лифляндская	13,4	Владимирская	50,9	Лифляндская	2,22	Амурская	9,3
Плоцкая	330,9	Ломжинская	331,6	Московская	11,8	Лифляндская	41,8	Курляндская	2,15	Смоленская	8,6
Ферганская	327,3	Калишская	310,6	Вологодская	10,9	Смоленская	40,5	Костромская	1,94	Петербургская	8,5
Сувальская	316,4	Варшавская	282,1	Владимирская	9,9	Архангельская	39,2	Новгородская	1,73	Приморская	8,0
Приморская	313,4	Ковенская	279,7	Архангельская	8,0	Новгородская	38,7	Смоленская	1,73	Архангельская	7,8
Эриванская	304,5	Ферганская	261,2	Новгородская	7,7	Калужская	37,5	Вологодская	1,64	Калужская	7,8
Якутская	304,0	Люблинская	259,6	Смоленская	7,5	Петербургская	37,3	Калужская	1,55	Костромская	7,7
Варшавская	300,2	Радомская	258,9	Калужская	7,3	Курляндская	34,8	Петербургская	1,54	Новгородская	7,4
Тифлисская	278,5	Гродненская	250,8	Олонская	7,2	Вологодская	33,7	Архангельская	1,46	Лифляндская	7,3
Сыр-Дарьинская	271,1	Сыр-Дарьинская	250,7	Петербургская	7,1	Приморская	33,1	Рязанская	1,41	Ковенская	6,6
Ломжинская	267,2	Виленская	250	Оренбургская	6,9	Нижегородская	31,3	Олонская	1,26	Гродненская	6,0
Семипалатинская	264,2	Приморская	241,8	Рязанская	6,6	Амурская	27,5	Нижегородская	1,18	Нижегородская	5,8
Забайкальская	253,5	Холмская	240,1	Тульская	5,5	Рязанская	27,4	Тульская	1,12	Вологодская	5,6
Гродненская	249,1	Елисаветпольская	237,0	Саратовская	5,4	Черноморская	26,6	Симбирская	1,02	Рязанская	5,3
Самарская	249,0	Забайкальская	233,6	Нижегородская	4,8	Тульская	24,8	Енисейская	1,00	Курляндская	5,2

Таблица 93

Число крестьянских семей, имеющих сберкнижки

Районы	Сельское население		Число книжек		Число семей		Доля семей с книжками (%)	
	1897	1913	1897	1913	1897	1913	1897	1913
Столичный	1989,9	2498,7	20278	136972	331650	416450	6,1	32,9
Северный	1959,8	2512,8	19200	82255	326633	418800	5,9	19,6
Приозерный	2369,3	2894,4	14110	89171	394883	482400	3,6	18,5
Прибалтийский	1781,6	2039,9	30198	89587	296933	339983	10,2	26,4
Литовский	4159,6	5125,3	11506	115750	693267	854217	1,7	13,6
Белорусский	6201,5	8510,8	22212	213318	1033583	1418467	2,1	15,0
ЦПР	6393,3	8082,8	124668	525377	1065550	1347133	11,7	39,0
ЦЧР	11797	16291,9	49086	301784	1966167	2715317	2,5	11,1
Средневожский	6252,1	8114,6	26704	171066	1042017	1352433	2,6	12,6
Нижневожский	9133	12252,8	30181	133279	1522167	2042133	2,0	6,5
Малороссийский	6770,9	9063,8	16556	131121	1128483	1510633	1,5	8,7
Юго-Западный	8693	11465,5	9523	97312	1448833	1910917	0,7	5,1
Новороссийский	8892,6	12858,1	16013	125821	1482100	2143017	1,1	5,9
Приуральский	5794,6	7616,4	20400	115073	965767	1269400	2,1	9,1
Предкавказский	3454,5	5091,1	5412	39421	575750	848517	0,9	4,6
Польша	7410,1	10166	3597	53336	1235017	1694333	0,3	3,1
Кавказ	4783,7	5952,6	2152	21658	797283	992100	0,3	2,2
Сибирь и Дальний Восток	5225,3	8807,1	7260	87746	870883	1467850	0,8	6,0
Степной край	3185,5	4695,3	1285	14127	530917	782550	0,2	1,8
Туркестан	3599,5	4800,3	178	2443	599917	800050	0,0	0,3
Империя	109846,8	148840,2	430519	2546617	18307800	24806700	2,4	10,3

В 1897 г. таких семей по Империи в целом было лишь 2,4%, причем на первом месте находился ЦПР — 11,7%, затем Прибалтика — 10,2%, Столичный — 6,1%, Северный — 5,9% и Приозерный районы — 3,6%. В большинстве районов крестьянские сберкнижки были еще редкостью.

Тем заметнее перемены, произошедшие за 17 лет. По стране доля семей с книжками поднялась до 10,3%. Однако в ЦПР она составила 39,0%, в Столичном районе — 32,9%, в Прибалтике — 26,4%, в Северном — 19,6%, Приозерном — 18,5%, Белорусском — 15,0%, в Литве, ЦЧР и Средневожском — 11,1–13,6%. И это достаточно значимые цифры, которые свидетельствуют о безусловном нарастании и углублении процесса сбережения у крестьян этих регионов России.

В 1897 г. лидирует Ярославская губерния с показателем — 25,9% семей, затем следуют Костромская — 15,0%, Эстляндская — 14,9%, Курляндская — 10,8%, Тверская — 10,7%, Лифляндская — 8,1%, Московская — 7,1%, Вологодская — 6,5% и Владимирская губернии — 5,9%. При этом в Центрально-Черноземных губерниях он колеблется от 1,8% до 3,3%, в Нижневожских — от 0,7 до 4,1%, в Новороссийских — от 0,6% до 1,5% семей.

Таблица 94

Губернии с наибольшей долей крестьянских семей, имевших сберкнижки

<i>Губернии</i>	<i>1897</i>	<i>Губернии</i>	<i>1913</i>
Ярославская	25,9	Ярославская	67,6
Костромская	15,0	Тверская	46,6
Эстляндская	14,9	Московская	37,9
Курляндская	10,8	Эстляндская	37,8
Тверская	10,7	Костромская	32,5
Лифляндская	8,1	Владимирская	30,5
Московская	7,1	Лифляндская	25,1
Вологодская	6,5	Смоленская	24,3
Владимирская	5,9	Архангельская	23,5
Архангельская	4,8	Новгородская	23,2
Новгородская	4,6	Калужская	22,5
Смоленская	4,5	Петербургская	22,4
Калужская	4,4	Курляндская	20,9
Петербургская	4,3	Вологодская	20,2
Олонекская	4,3	Приморская	19,9
Оренбургская	4,1	Нижегородская	18,8
Рязанская	3,9	Амурская	16,5
Тульская	3,3	Рязанская	16,4
Саратовская	3,3	Черноморская	16,0
Нижегородская	2,9	Тульская	14,9

Данные 1913 г. рисуют совершенно определенные перемены. В 35 губерниях исследуемый показатель превышал 10%, в 14-ти — выше 20%, в 6-ти — выше 30%

При этом в Ярославской губернии таких семей насчитывалось 67,6% (!), в Тверской — 46,6%, в Московской — 37,9%, в Эстляндской — 37,8%, в Костромской — 32,5%, во Владимирской — 30,5%, в Лифляндской — 25,1, в Смоленской — 24,3%, в Архангельской — 23,5%, в Новгородской — 23,2%, в Калужской — 22,5%, в Петербургской — 22,4%, в Курляндской — 20,9, в Вологодской — 20,2%.

Лично меня эти цифры, особенно две первых, признаюсь, ошеломляют, поскольку выходят за рамки моих знаний и представлений о пореформенной истории. Принимая во внимание ту мрачную, гнетущую ауру, которая больше ста лет сопровождает подавляющее большинство описаний отечественной деревни, нужно обладать весьма незаурядным воображением, чтобы представить, что хотя бы в некоторых губерниях более двух третей крестьянских семей, или примерно половина, или около двух пятых, или треть, или даже четверть имеют сберкнижки.

Конечно, эти подсчеты неидеальны, их, видимо, нужно корректировать в сторону уменьшения, однако общий смысл происходивших в сберегательном деле процессов они, полагаю, передают верно. С той оговоркой, разумеется, что статистика движения населения достоверна.

Если расположить на карте губернии, в которых доля крестьянских семей, имеющих сберкнижки, составляет 20 и более процентов, то мы увидим, что они образуют единый

массив, охватывающий две из трех Северных губерний, Центрально-Промышленные, Столичные, Новгородскую, Смоленскую и Прибалтийские. Губернии, в которых доля семей со сберкнижками составляет 10–19%, расширяют этот массив на запад за счет Белорусских и Литовских, и на юго-запад, юг и юго-восток за счет Черниговской, Харьковской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Нижегородской Пензенской и Симбирской, а на север — за счет Олонецкой.

Таким образом, в регион с наибольшей долей семей, имевших книжки, входили: все Северные, все Центрально-Промышленные и Приозерные (по обычной классификации), все Прибалтийские, Литовские и Белорусские, две из Малороссийских, три из Центрально-Черноземных и три из Средневожских губерний.

Культура крестьянских сбережений шла на юг.

Эти данные, на наш взгляд, как минимум, заметно усложняют оценку благосостояния крестьян, да и вообще их жизни в целом ряде губерний. Процент семей с книжками явно превышает долю зажиточных крестьян в этих губерниях, по каким бы критериям ее ни подсчитывать.

Нельзя при этом не заметить, что мы сталкиваемся с катастрофической нехваткой знаний о специфике региональной ментальности населения страны, а она, несомненно, существовала.

Конечно, наиболее естественное объяснение феномена Центрально-Промышленного района — развивающее влияние отхода на экономическое поведение крестьян. Несомненно, большие города с их насыщенной и разнообразной жизнью вообще, а столицы — в особенности, вырабатывали особый тип этого поведения у крестьян, который включал и осознание выгод сберегательного дела. Б. Н. Миронов описывает постепенные изменения в ментальности крестьян, связанные с городской средой¹.

Еще в 1869 г. Н. Флеровский отмечал: «Как ни велики страдания промышленной России, а все-таки это самая цивилизованная часть нашего отечества. Нигде рабочий не отличается в такой степени умственным и нравственным развитием. Во всех остальных частях России работник, несмотря на несомненные природные способности, **в главных и общих проявлениях своей жизни всего более руководствуется стремлением к минутному удовлетворению своих потребностей** без всякой мысли о будущем или предрассудками, которые он никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что **рационально он поступает только в необыкновенных случаях** своей жизни, когда у него нет рутинного правила, которое закачивает до дремоты его ум и его сердце, или когда обстоятельства не заставляют его выступать на поприще совершенно ему чуждое <... > В промышленных губерниях он как будто пробуждается к жизни. Он впервые покидает это пассивное существование, в котором человек живет, как живется, без страстных стремлений, без борьбы с жизнью, богатеет, если богатство легло случайно на его пути, беднеет точно так же. Он впервые выходит из той жалкой сферы, в которой каждый думает о своих потребностях только тогда, когда они явились, и удовлетворяет их первым попавшимся способом»².

В трудах комитетов промышленных губерний Совещания Витте 1902–1904 гг. обычны многочисленные указания на выдающуюся роль отхожих промыслов в жизни крестьян и формировании их бюджетов: «Мужское население (Даниловского) уезда занимается отхожими промыслами и в деревнях в большинстве остаются одни жен-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 332–345.

² Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 403.

щины»; «большая часть населения Любимского уезда и вся Ярославская губерния занимается отхожими промыслами»; «отхожий промысел представляет самый крупный источник притока населению уезда (Мологского) денежных средств (около 1 млн руб., что составляет две трети всей суммы денежных поступлений в уезд)»; сельское хозяйство «полузаброшено» в Мологском уезде, поскольку население привыкло искать средств в отходе¹.

Так, относительно Весьегонского уезда, например, указывается, что из 24853 семей, проживающих в нем, 10736 семей (43,2%) имеют местные промыслы, а 5358 семей (21,6%) работают на отхожем промысле. Эти цифры взяты из данных исследования начала 90-х гг. и в 1903 г., надо думать, они должны были возрасти.

При этом по числу «отхоже-промышленников», согласно тем же данным, уезд находится на последнем месте среди других уездов губернии: в Весьегонском уезде на 100 рабочих 26 уходят в отход, а по губернии в среднем на 100 рабочих — 41. В по уезду 1894 г. был выдан 18061 паспорт, в 1897 — 21273, а в 1901 — 22907 паспортов.

При этом «почти одна треть всех работников не только находит себе кусок насущного хлеба, но и приносят в семьи заработки». Примерное представление о величине этих заработков дают данные денежной корреспонденции за 1901 г., когда на имя крестьян Весьегонского уезда было «адресовано во всех конторах уезда 31098 пакетов на сумму 415842, 3 рубля». То есть, на 1 полученный паспорт в среднем пришлось 18,2 руб².

Тверской уездный комитет отмечает, что «масса местного населения идет на отхожие промыслы и из своих заработков высылает на родину несколько миллионов рублей, крестьяне «легко находят высокий заработок в отхожих промыслах на фабриках или заводах»³.

В трудах Ярославских комитетов о сберегательных кассах не говорится. Но то, что историки знают о развитии отхожих промыслов в этой губернии, во многом объясняет лидерство крестьян этой губернии в сберегательном деле⁴.

Тверской комитет обратил внимание на значительные суммы, которые хранили крестьяне губернии на сберкнижках⁵.

При этом в докладе члена Корчевского уездного комитета К. К. Иордана есть важное замечание о роли сберегательных касс в жизни деревни: «Что касается операций сберегательных касс казначейства, то они сыграли для деревни роль насоса, выкачивающего отсюда постепенно весь запас свободных денежных средств с целью направления их на сторону. Ранее лица, располагавшие свободными денежными средствами, стремились пустить их в рост, с каковою целью и давали нуждающимся сельчанам. Но эти операции были сопряжены с большим риском. Солидного документального обеспечения кредитору не могли требовать по неудобству и дороговизне юридических сделок...

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XLIX. Ярославская губерния. СПб., 1903. С. 82, 90, 114, 121.

² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XLII. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 166.

³ Там же. С. 423.

⁴ Александров Н. М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2007; Ахсянов А. В. Отхожие промыслы крестьян Ярославской губернии во второй половине XIX — начале XX века: побудительные мотивы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2.

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XLII. Тверская губерния. С. 26, 27, 51.

С учреждением сберегательных касс все деревенские капиталисты с радостью понесли туда свои сбережения, вполне довольствуясь ростом в 3 р. 60 коп. с сотни рублей при полном отсутствии хлопот и риска. И чем больше расширяются операции сберегательных касс, тем меньше в деревне оказывается, свободных оборотных средств»¹.

Ржевский комитет фиксирует, что «все сбережения более состоятельной части населения сосредоточиваются в государственных сберегательных кассах и идут на поддержку государственного кредита»².

В Костромской губернии отмечают, что в деревне «с введением сберегательных касс при уездных казначействах и почтовых конторах... достать в нужную минуту денег стало еще труднее. Все сбережения частных лиц ушли в эти кассы»³.

Таким образом, комитеты уже в 1903 г. определенно констатируют наличие — по крайней мере у зажиточной части крестьянства — устойчивой установки использовать сберегательные кассы для хранения своих сбережений.

В принципе статистика за 1897 г. это подтверждает (см. таблицу доли семей с книжками). Правда, уже показатели Костромской и Ярославской губернии — 15,0 и 25,9% семей, имевших сберкнижки, явно превышают долю состоятельных крестьян. Следовательно, можно говорить о диффузии идеи сбережений в крестьянскую среду.

И темпы проникновения этой идеи зависели, надо полагать, прежде всего от некоего уровня, достигнутого сберегательной, если так можно выразиться, психологией крестьян данной губернии к концу XIX в. и динамики модернизационных процессов, происходивших на ее территории.

Есть, однако, несколько неожиданное объяснение небольшой части наших вопросов. Оно содержится в данных поземельной переписи 1905 г.

Таблица 95

**Сопоставление числа крестьянских сберкнижек в 1906 г.
и числа личных хозяйств крестьян и мещан в 1905 г.**

<i>Губерния</i>	<i>Крестьянских сберкнижек</i>	<i>Владения крестьян</i>	<i>Владения мещан</i>	<i>Всего</i>
1	2	3	4	5
Тверская	83194	30721	908	31629
Ярославская	78457	23297	3780	27077
Костромская	58639	13987	1692	15679
Московская	52682	3577	1893	5470
Владимирская	43996	5943	1093	7036
Рязанская	41705	14361	1670	16031
Смоленская	38263	11030	1986	13016
Вятская	33687	2606	188	2794
Нижегородская	33615	15580	565	16145
Киевская	32626	6782	1841	8623
Харьковская	32453	10757	1847	12604

¹ Там же. С. 352.

² Там же. 368.

³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XVII. Костромская губерния. СПб., 1903. С. 499.

Окончание таблицы 95

1	2	3	4	5
Вологодская	31118	38220	892	39112
Тамбовская	30960	7455	1053	8508
Донская	30847	3755	797	4552
Новгородская	30027	39429	1770	41199
Оренбургская	29596	740	164	904
Саратовская	29368	2694	634	3328
Пермская	29249	358	42	400
Черниговская	28947	45574	6854	52428
Симбирская	27666	5040	489	5529

Источник: Отчет Управления государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1906 г. СПб., 1907 г.; Статистика землевладения. 1905 г.

Из таблицы следует, что в таких губерниях, как Тверская, Ярославская, Новгородская, Вологодская число личных частных крестьянских хозяйств колебалось в пределах 23,3–39,4 тыс. (с добавлением частных хозяйств мещан — 27,1–41,2 тыс.), а в Костромской, Рязанской, Смоленской, Нижегородской, Харьковской — в пределах 10,8–15,6 тыс. (с учетом мещан — 12,6–16,9 тыс.), что отчасти может служить объяснением значительного числа крестьянских сберкнижек в кассах этих губерний. Замечу при этом, что площадь этих хозяйств составляла существенную величину площади частного землевладения в данных губерниях (см. ниже).

Вместе с тем таблица 95 показывает, что это отнюдь не достаточное объяснение, и в большинстве губерний-лидеров в сберегательном деле число личных крестьянских хозяйств невелико.

Однако статистика сберегательных касс за 1906 г. помогает увидеть весьма важные процессы.

Таблица 96

Сопоставление числа крестьянских сберкнижек в 1897, 1906 и 1913 гг.

Губернии	Число крестьянских книжек			Прирост			Доля прироста	
	1897	1906	1913	1897–1906	1907–1913	1897–1913	1897–1906	1907–1913
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Петербургская	4872	14120	30124	9248	16004	25252	36,6	63,4
Московская	15406	52682	106848	37276	54166	91442	40,8	59,2
Архангельская	2515	7012	16688	4497	9676	14173	31,7	68,3
Вологодская	14215	31118	55887	16903	24769	41672	40,6	59,4
Олонецкая	2470	4982	9680	2512	4698	7210	34,8	65,2
Новгородская	10109	30027	60504	19918	30477	50395	39,5	60,5
Псковская	4001	13741	28667	9740	14926	24666	39,5	60,5
Курляндская	9472	16343	20309	6871	3966	10837	63,4	36,6

Продолжение таблицы 96

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Лифляндская	12370	22104	44394	9734	22290	32024	30,4	69,6
Эстляндская	8356	19056	24884	10700	5828	16528	64,7	35,3
Виленская	4261	13089	36867	8828	23778	32606	27,1	72,9
Гродненская	4451	15734	39751	11283	24017	35300	32,0	68,0
Ковенская	2794	14253	39132	11459	24879	36338	31,5	68,5
Витебская	3201	13186	31789	9985	18603	28588	34,9	65,1
Минская	4538	27345	59593	22807	32248	55055	41,4	58,6
Могилевская	3778	21762	43112	17984	21350	39334	45,7	54,3
Смоленская	10695	38263	78824	27568	40561	68129	40,5	59,5
Владимирская	13670	43996	89093	30326	45097	75423	40,2	59,8
Калужская	7887	22910	50401	15023	27491	42514	35,3	64,7
Костромская	33373	58639	91124	25266	32485	57751	43,7	56,3
Тверская	29687	83194	171902	53507	88708	142215	37,6	62,4
Ярославская	40051	78457	122857	38406	44400	82806	46,4	53,6
Воронежская	7304	24668	38401	17364	13733	31097	55,8	44,2
Курская	6576	24327	46973	17751	22646	40397	43,9	56,1
Орловская	7720	22788	44503	15068	21715	36783	41,0	59,0
Рязанская	10874	41705	70860	30831	29155	59986	51,4	48,6
Тамбовская	9607	30960	59897	21353	28937	50290	42,5	57,5
Тульская	7005	22766	41150	15761	18384	34145	46,2	53,8
Казанская	8046	19797	31068	11751	11271	23022	51,0	49,0
Нижегородская	7025	33615	59092	26590	25477	52067	51,1	48,9
Пензенская	4877	19721	34487	14844	14766	29610	50,1	49,9
Симбирская	6756	27666	46419	20910	18753	39663	52,7	47,3
Самарская	4592	16551	31225	11959	14674	26633	44,9	55,1
Саратовская	11432	29368	40836	17936	11468	29404	61,0	39,0
Оренбургская	10035	29596	32118	19561	2522	22083	88,6	11,4
Уфимская	3140	11009	20868	7869	9859	17728	44,4	55,6
Астраханская	982	5645	8232	4663	2587	7250	64,3	35,7
Полтавская	2562	15188	22972	12626	7784	20410	61,9	38,1
Харьковская	8743	32453	48287	23710	15834	39544	60,0	40,0
Черниговская	5251	28947	59862	23696	30915	54611	43,4	56,6
Вольнская	2670	16731	31584	14061	14853	28914	48,6	51,4
Киевская	4170	32626	45858	28456	13232	41688	68,3	31,7
Подольская	2683	12027	19870	9344	7843	17187	54,4	45,6
Бессарабская	2127	10300	13085	8173	2785	10958	74,6	25,4
Херсонская	3213	14809	18204	11596	3395	14991	77,4	22,6

Окончание таблицы 96

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Таврическая	2752	11425	11436	8673	11	8684	99,9	0,1
Екатеринославская	1991	22260	41962	20269	19702	39971	50,7	49,3
Донская	5930	30847	41134	24917	10287	35204	70,8	29,2
Вятская	12149	33687	53829	21538	20142	41680	51,7	48,3
Пермская	8251	29249	61244	20998	31995	52993	39,6	60,4
Кубанская	1649	14892	22077	13243	7185	20428	64,8	35,2
Ставропольская	1740	3770	4787	2030	1017	3047	66,6	33,4
Терская	1928	5538	10465	3610	4927	8537	42,3	57,7
Черноморская	95	1100	2092	1005	992	1997	50,3	49,7
ВСЕГО	416047	1318044	2367307	901997	1049263	1951260	46,2	53,8

За 1897–1913 гг. в 54 губерниях Европейской России (без Царства Польского) количество крестьянских сберкнижек увеличилось на 1951260, из которых на 1897–1906 гг. приходится 901997, или 46,2%, а за 1906–1913 гг. — 1049263, или 53,8%.

Среднегодовое число книжек за 1897–1906 гг. равно 100222, а за 1906–1913 гг. — 149895, т. е. ровно в полтора раза больше.

Казалось бы, такой результат достаточно предсказуем и его логично связать с успехом реформы Столыпина.

Однако все оказалось сложнее.

С одной стороны, действительно, в Столичном, Северном, Приозерном, Белорусском и Центрально-Промышленном районах на 1906–1913 гг. падает 59,0–62,1% прироста книжек, а в Литовском — даже 69,7%.

А с другой, в 24 губерниях прирост числа книжек за 1906–1913 гг. составил менее 50%, причем в 5 из них реформа официально не проводилась (в Эстляндской, Курляндской, Оренбургской и Черноморской губерниях и Кубанской области).

Если расположить данные таблицы 96 на карте, то картина получится любопытной.

Прирост менее 46,0% за годы реформы фиксируется на всем Юге Европейской России — в Юго-Западных губерниях (кроме Волынской), Новороссийских, Малороссийских (кроме Черниговской), Предкавказских (кроме Терской), Воронежской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, а также Эстляндской и Курляндской губерниях. В Средневожских, Вятской и Рязанской губерниях он колеблется в пределах 47,3–49,0%, т. е. близок к половине, так же, как в Екатеринославской — 49,3%.

Как мы увидим позже, во многих из этих губерний успешно шло землеустройство. Воронежская и Харьковская губернии являются лидерами по числу ходатайств, Екатеринославская губерния — первая по личному землеустройству и т. д.

При этом за 1906–1913 гг. прирост числа крестьянских книжек в Таврической губернии имеет совершенно вызывающую величину — 0,1%. За 1897–1906 в губернии прибавилось 8673 вкладчика крестьянина, а за последующие годы — вплоть до 1 января 1914 г. эта цифра увеличилась на 11 (одиннадцать) сберкнижек, причем ошибка источника, скорее всего, исключается!

В ряде губерний среднегодовой прирост числа вкладчиков в годы реформы был ниже, чем в предшествующий период (таблица 97).

Таблица 97

**Губернии, в которых средний прирост числа крестьянских сберкнижек
в 1906–1917 гг. ниже, чем в 1897–1906 гг.**

Губернии	Среднее за период		
	1897–1906	1907–1913	1897–1913
Курляндская	763	567	677
Эстляндская	1189	833	1033
Саратовская	1993	1638	1838
Оренбургская	2173	360	1380
Астраханская	518	370	1108
Полтавская	1403	1112	453
Харьковская	2634	2262	1276
Киевская	3162	1890	2606
Бессарабская	908	398	685
Херсонская	1288	485	937
Таврическая	964	2	543
Донская	2769	1470	2200
Кубанская	1471	1026	1277
Ставропольская	226	145	190

Таблица 97 оставляет несколько странное впечатление.

В ней мы видим Прибалтийские и Оренбургскую губернии, а также Кубанскую область, где землеустройство не проводилось, в Бессарабской и Астраханской оно шло неудачно, а в Донской не могло быть значительным по определению.

Вместе с тем Харьковская, Херсонская, Саратовская, Полтавская по числу утвержденных проктов личного землеустройства занимали места последовательно с 3-го по 6-е, а Киевская и Таврическая — 8-ю и 9-ю позиции. То есть землеустроительный аспект в данном — по крайней мере — случае не отражается на течении сберегательного дела.

Таким образом, и данный сюжет ставит немало вопросов, на которые пока трудно дать исчерпывающие ответы.

Вместе с тем мы вправе сделать вывод о том, что очерченные процессы едва ли возможно понять вне динамики развития учреждений мелкого кредита в годы Столыпинской аграрной реформы, о которой речь пойдет ниже и которая дает ровно обратную картину.

Подобно тому, как показатели развития сберегательного дела снижаются при движении с севера на юг Европейской России, так показатели развития мелкого кредита (оборотные капиталы и выданные ссуды), напротив, возрастают в том же направлении, по мере приближения к Северному Причерноморью. И губернии-аутсайдеры по числу сберкнижек, как, например, Таврическая, являются лидерами в кредитном деле.

В общем виде, видимо, можно предположить, что крестьяне Нечерноземья несли свои сбережения в сберегательные кассы, а крестьяне Степной полосы — в учреждения мелкого кредита. Понятно, что была и «пограничная» полоса, в которой оба процесса как бы встречались.

Хотя убедительно интерпретировать данное явление в рамках этой книги возможности нет, оно само по себе, несомненно, представляет интерес для понимания экономического поведения российского крестьянства в конце XIX — начале XX вв.

Теперь вкратце рассмотрим динамику сбережений четырех других категорий вкладчиков, наиболее важных для оценки модернизации Витте-Столыпина.

7.3. Сбережения городских ремесленников и кустарей

Напомню, что число книжек городских ремесленников возрастает в 4,4 раза, а сумма их вкладов — в 4,6 раза. Столь серьезный рост сбережений этой категории населения не вызывает удивления, поскольку поступательное развитие российской промышленности вовсе не отменяло значения кустарно-ремесленного производства, которое при необъятности внутреннего рынка всегда было востребовано населением и имело свою — и весьма обширную — нишу. Нужно помнить также, что развитие фабрично-заводской промышленности нередко стимулировало и параллельный рост кустарного производства, которое нередко работало на нужды соседних заводов.

Таблица 98

Городское население (тыс. чел.), число сберкнижек, сумма вкладов городских ремесленников (тыс. руб.) в 1897 и 1913 гг. и прирост населения, книжек и вкладов

Районы	Городское население		Число книжек		Сумма вкладов		Приросты		
	1897	1913	1897	1913	1897	1913	население	книжки	вклады
Столичный	2551,2	4229,1	74478	297727	11158,8	53325	1677,9	223249	42165,7
Северный	120,0	187,9	1297	7727	217,4	1153,3	67,9	6430	935,9
Приозерный	160,1	202,2	2154	9743	435,9	1627,1	42,1	7589	1191,2
Прибалтийский	605,4	1009,6	10582	28165	1517,5	4332,5	404,2	17583	2815
Литовский	599,6	855,9	8996	18878	1234,7	3479,6	256,3	9882	2244,9
Белорусский	716,6	1107,3	10536	30324	1266,7	4987,6	390,7	19788	3720,9
ЦПР	677,6	935,2	13597	63935	2458,3	12360	257,6	50338	9901,5
ЦЧР	1176,3	1547,4	13465	50255	2821	9328	371,1	36790	6507
Средневожжский	580,0	798,6	6527	34389	1160	5561,7	218,6	27862	4401,7
Нижневожжский	875,1	1403,2	12383	69046	2098,1	10330	528,1	56663	8232
Малороссийский	855,5	1276,6	8545	44191	1391,7	6614,4	421,1	35646	5222,7
Юго-Западный	912,5	1573,3	14451	65419	1937,1	7707,5	660,8	50968	5770,4
Новороссийский	1905,7	2934,6	30674	145427	3951,2	19237	1028,9	114753	15285,8
Приуральский	291,4	387,8	5160	23456	807,5	3466,6	96,4	18296	2659,1
Предкавказский	332,4	636,3	2554	26306	434,4	4055,3	303,9	23752	3620,9
Польша	2055,8	3169,4	25825	90036	3174,5	12613	1113,6	64211	9438,2
Кавказ	678,3	1241,7	6022	31008	947,7	5134,6	563,4	24986	4186,9
Сибирь и Дальний Восток	473,7	1193,6	6877	62152	1305	10859	719,9	55275	9554,3
Степной край	265,9	530	951	11151	135,2	1405,8	264,1	10200	1270,6
Туркестан	670,7	1077,9	1397	11901	225,7	1892,4	407,2	10504	1666,7
Империя	16503,8	26297,6	256471	1121236	38678,4	179470,4	9793,8	864765	140791

Таблица 99

То же в процентах

Районы	Городское население		Число книжек		Сумма вкладов		Приросты		
	1897	1913	1897	1913	1897	1913	население	книжки	вклады
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Столичный	15,5	16,1	29	26,6	28,9	29,7	17,1	25,8	29,9
Северный	0,7	0,7	0,5	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7
Приозерный	1	0,8	0,8	0,9	1,1	0,9	0,4	0,9	0,8
Прибалтийский	3,7	3,8	4,1	2,5	3,9	2,4	4,1	2	2
Литовский	3,6	3,3	3,5	1,7	3,2	1,9	2,6	1,1	1,6
Белорусский	4,3	4,2	4,1	2,7	3,3	2,8	4,0	2,3	2,6
ЦПР	4,1	3,6	5,3	5,7	6,4	6,9	2,6	5,8	7
ЦЧР	7,1	5,9	5,3	4,5	7,3	5,2	3,8	4,3	4,6
Средневолжский	3,5	3,0	2,5	3,1	3	3,1	2,2	3,2	3,1
Нижневолжский	5,3	5,3	4,8	6,2	5,4	5,8	5,4	6,6	5,8
Малороссийский	5,2	4,9	3,3	3,9	3,6	3,7	4,3	4,1	3,7
Юго-Западный	5,5	6,0	5,6	5,8	5	4,3	6,7	5,9	4,1
Новороссийский	11,5	11,2	12	13	10,2	10,7	10,5	13,3	10,9
Приуральский	1,8	1,5	2	2,1	2,1	1,9	1,0	2,1	1,9
Предкавказский	2	2,4	1	2,3	1,1	2,3	3,1	2,7	2,6
Польша	12,5	12,1	10,1	8	8,2	7	11,4	7,4	6,7
Кавказ	4,1	4,7	2,3	2,8	2,5	2,9	5,8	2,9	3
Сибирь и Дальний Восток	2,9	4,5	2,7	5,5	3,4	6,1	7,4	6,4	6,8
Степной край	1,6	2,0	0,4	1	0,3	0,8	2,7	1,2	0,9
Туркестан	4,1	4,1	0,5	1,1	0,6	1,1	4,2	1,2	1,2
Империя	100	100	100	100	100	100	100,0	100	100

Соответственно, те районы, в которых прирост оказался выше среднего, увеличили в 1913 г. свою долю в региональной структуре распределения книжек и вкладов. Так, в Северном, ЦПР, Средне- и Нижневолжском, Малороссийском, Новороссийском, Предкавказском и всех районах Азиатской России превышены средние по обоим показателям, а в Приозерном и Юго-Западном районах — по числу вкладчиков.

Особенно заметно это в Предкавказье и Азиатской России, где число книжек ремесленников выросло с 17,8 до 142,5 тысяч (с 6,9% до 12,7% итога по стране), а сумма вкладов с 3,0 млн руб. до 23,3 млн руб. (с 7,9% до 13,0%). А в активно колонизируемых Сибири, Дальнем Востоке и в Степном крае число вкладчиков увеличилось с 7,8 тыс. до 73,3 тыс. книжек, т. е. в 9,4 раза, и они хранили теперь в сберегательных кассах 12,3 млн руб. вместо 1,4 млн руб., т. е. в 7,8 раз больше; при этом относительное значение этих показателей выросло с 3,1% до 6,5% для книжек и с 3,7% до 6,8% для вкладов.

Данные таблицы 100 позволяют уловить — в отличие от статистики сельского населения и крестьянских сберкнижек — куда большее сходство между долей городского населения того или иного района в общероссийских итогах и долей городских ремесленников, приобщенных к сберегательному делу в этом районе. Коэффициенты корреляции между числом горожан и ремесленников-вкладчиков равен 0,9 и в 1897 и 1913 гг.

Таблица 100

**Сопоставление численности
городского населения, сберкнижек и вкладов (тыс. руб.)
у городских ремесленников и кустарей в 1897 и 1913 гг.**

Городское население		Ранги книжек		Ранги вкладов		Ранги книжек		Ранги вкладов	
губернии	1897	губернии	1913	губернии	1897	губернии	1913	губернии	1913
Петербургская	1423,3	Петербургская	2328,9	Петербургская	37653	Московская	5992,7	Московская	156905
Московская	1127,9	Московская	1900,2	Петербургская	36825	Петербургская	5166,1	Петербургская	140822
Херсонская	795,4	Варшавская	1164,1	врущ	14979	Варшавская	2058,7	Варшавская	58136
Варшавская	794,6	Херсонская	1118,6	Херсонская	14484	Херсонская	1836,8	Киевская	50209
Петроковская	510,2	Киевская	863,3	Киевская	9363	Киевская	1449,1	Херсонская	46516
Киевская	457,9	Петроковская	855,9	Лифляндская	5722	Саратовская	973,6	Донская	31105
Лифляндская	380,7	Лифляндская	682,2	Саратовская	5382	Лифляндская	850,4	Саратовская	28321
Харьковская	373,8	Харьковская	536,4	Петроковская	5106	Тверская	806,8	Екатеринославская	4385,8
Саратовская	319,9	Саратовская	518,0	Екатеринославская	4718	Харьковская	781,1	Таврическая	25795
Бессарабская	304,2	Екатеринославская	516,5	Донская	4417	Тамбовская	747,7	Харьковская	21028
Ферганская	286,4	Таврическая	471,2	Харьковская	4253	Донская	738,4	Томская	16951
Таврическая	282,7	Ферганская	421,1	Виленская	3963	Орловская	715,5	Владимирская	16341
Полтавская	272,2	Донская	417,2	Пермская	3705	Екатеринославская	613,7	Петроковская	16111
Донская	269,4	Бессарабская	411,1	Гродненская	3648	Владимирская	595,9	Тверская	16039
Екатеринославская	254	Полтавская	403,4	Бессарабская	3619	Пермская	565,3	Пермская	14964
Гродненская	252	Тифлисская	396,5	Тверская	3608	Гродненская	533	Астраханская	14755
Вольнская	234	Гродненская	371,6	Тамбовская	3511	Петроковская	526,6	Ярославская	14723
Орловская	231,6	Сыр-Дарьинская	363,3	Минская	3496	Таврическая	494	Бессарабская	13945
Тамбовская	229,4	Подольская	357,7	Таврическая	3436	Виленская	446,8	Бакинская	13682
Минская	228,2	Вольнская	352,3	Орловская	3382	Ярославская	446,2	Лифляндская	13419
								Пермская	2125,7

Приросты показаны в таблице 101.

Таблица 101

**Приросты численности городского населения, сберкнижек и вкладов
у городских ремесленников и кустарей за 1897–1913 гг.**

<i>Ранги прироста городского населения (тыс. чел.)</i>		<i>Ранги прироста числа книжек</i>		<i>Ранги прироста вкладов (тыс. руб.)</i>	
Петербургская	905,6	Московская	120080	Московская	22207,2
Московская	772,3	Петербургская	103169	Петербургская	19958,5
Варшавская	405,4	Варшавская	43157	Варшавская	5808,3
Петроковская	369,5	Киевская	40846	Киевская	4396,6
Киевская	345,7	Херсонской	32032	Донская	4234,2
Херсонская	323,2	Донская	26688	Екатеринославская	3772,1
Томская	301,5	Екатеринославская	23348	Херсонская	3473,5
Таврическая	262,5	Саратовская	22939	Саратовская	3065,9
Екатеринославская	222,8	Таврическая	22359	Владимирская	2859,1
Приморская	198,1	Харьковская	16775	Таврическая	2833,1
Сыр-Дарьинская	188,5	Томская	14316	Харьковская	2593,3
Саратовская	178,3	Владимирская	13578	Астраханская	2484,9
Харьковская	162,6	Астраханская	12571	Бакинская	2349,7
Ферганская	157,0	Тверская	12431	Тверская	2344,4
Донская	149,2	Бакинская	12061	Приморская	2317,8
Бакинская	147,8	Ярославская	11682	Ярославская	2255,6
Акмолинская	141,6	Пермская	11259	Амурская	1976,9
Терская	137,1	Приморская	11216	Томская	1927,6
Черниговская	134,7	Петроковская	11005	Петроковская	1779,2
Оренбургская	131,5	Черниговская	10759	Черниговская	1651,9
Гродненская	106,8	Бессарабская	10326	Казанская	1607,2
Забайкальская	101,4	Нижегородская	10298	Нижегородская	1561,0

Вполне логично видеть в этой таблице губернии с наиболее динамично развивающимися городами. И здесь мы видим достаточно большое соответствие между приростом городского населения и приростом книжек и вкладов, несколько нарушаемое, впрочем, показателями Сыр-Дарьинской, Ферганской, Акмолинской областей; заметен внушительный рост городского населения в Азиатской России, несомненно связанный с изучаемыми процессами модернизации Империи.

Список первых 10 губерний по размерам увеличения числа горожан и вкладчиков совпадает по семи позициям, первых 15-ти — по 10-ти, первых 20-ти — по 15-ти. Концентрация и сберкнижек, и вкладов за 1897–1913 гг., измеряемая индексом Джини, снижается — для первых с 0,641 до 0,603, для вторых — с 0,633 до 0,607.

7.4. Сбережения промышленных рабочих

Сберкнижки данной категории вкладчиков имеют наибольшую концентрацию среди всех «родов занятий» — 0,836, которая в 1913 г. несколько понижается — до 0,820. Это вполне понятно — основная доля промышленного пролетариата сосредотачивалась, по существу, в нескольких губерниях.

Таблица 102

Порайонные показатели развития сберегательного дела промышленных рабочих

Районы	Число книжек		Сумма вкладов (тыс. руб.)		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады (тыс. руб.)
Столичный	37709	159156	4843,7	26896,7	121447	94550,3
Северный	305	4126	43,2	447,4	3821	3373,6
Приозерный	308	1197	66,1	183,4	889	705,6
Прибалтийский	2138	34449	291,9	5456,0	32311	26855,0
Литовский	1979	5668	252,9	1006,3	3689	2682,7
Белорусский	1175	4513	206,8	727,4	3338	2610,6
ЦПР	21643	95931	2789,1	15485,9	74288	58802,1
ЦЧР	5257	9919	854,8	1890,3	4662	2771,7
Средневолжский	999	5641	198,2	640,9	4642	4001,1
Нижневолжский	1573	9885	244,8	1226,7	8312	7085,3
Малороссийский	662	4521	127,4	659,9	3859	3199,1
Юго-Западный	1313	6304	163,2	745,2	4991	4245,8
Новороссийский	7789	44067	1237,1	6220,9	36278	30057,1
Приуральский	4745	20677	692,8	2724,0	15932	13208,0
Предкавказский	138	3088	27,2	359,3	2950	2590,7
Польша	8025	27239	974,2	4354,1	19214	14859,9
Кавказ	3082	12676	558,6	2086,7	9594	7507,3
Сибирь и Дальний Восток	710	6448	141,7	1342,7	5738	4395,3
Степной край	41	928	7,7	106,1	887	780,9
Туркестан	35	126	7,0	23,8	91	67,2
Империя	99626	456559	13728,4	72583,7	356933	284349,3

Таблица 103

То же в процентах

Районы	Число книжек		Сумма вкладов		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады
Столичный	37,9	34,9	35,3	37,1	34,0	33,3
Северный	0,3	0,9	0,3	0,6	1,1	1,2
Приозерный	0,3	0,3	0,5	0,3	0,2	0,2
Прибалтийский	2,1	7,5	2,1	7,5	9,1	9,4
Литовский	2,0	1,2	1,8	1,4	1,0	0,9
Белорусский	1,2	1,0	1,5	1,0	0,9	0,9
ЦПР	21,7	21,0	20,3	21,3	20,8	20,7
ЦЧР	5,3	2,2	6,2	2,6	1,3	1,0
Средневожский	1,0	1,2	1,4	0,9	1,3	1,4
Нижневожский	1,6	2,2	1,8	1,7	2,3	2,5
Малороссийский	0,7	1,0	0,9	0,9	1,1	1,1
Юго-Западный	1,3	1,4	1,2	1,0	1,4	1,5
Новороссийский	7,8	9,7	9,0	8,6	10,2	10,6
Приуральский	4,8	4,5	5,0	3,8	4,5	4,6
Предкавказский	0,1	0,7	0,2	0,5	0,8	0,9
Польша	8,1	6,0	7,1	6,0	5,4	5,2
Кавказ	3,1	2,8	4,1	2,9	2,7	2,6
Сибирь и Дальний Восток	0,7	1,4	1,0	1,8	1,6	1,5
Степной край	0,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,3
Туркестан	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В 1897 г. 37,9% книжек находилось в Столичном районе, 21,7% — в ЦПР, 8,1% — в Польше, 7,8% — в Новороссийском, 4,8% — в Приуральском, а всего в этих районах — 80,3%.

Напомню, что число вкладчиков-рабочих увеличилось в течение 1897–1913 гг. в 4,6 раза, а их вкладов — в 5,3 раза. При этом в Северном и Прибалтийском районах, в Предкавказье, Сибири и на Дальнем Востоке и Степном крае оба показателя превысили средний уровень по стране. В Средне-, Нижневожском, Малороссийском, Юго-Западном и Новороссийском районах выше среднего выросло число сберкнижек, а в Столичном и в ЦПР — сумма вкладов. Соответственно, эти районы увеличили свое относительное значение в порайонном распределении книжек и вкладов.

Поэтому в 1913 г. снизилась доля Столичного, Центрально-Промышленного, Польского и Приуральского районов, но заметно повысилась доля Прибалтийского (с 2,1 до 7,5%) Новороссийского районов.

Таблица 104

Таблица рангов числа книжек и суммы вкладов (тыс. руб.) промышленных рабочих и приростов за 1897—1913 гг.

Губернии	Книжки	Губернии	Вклады	Губернии	Книжки	Губернии	Вклады	Губернии	Прирост книжек	Губернии	Прирост вкладов
Петербургская	21360	Петербургская	2654,9	Московская	86535	Московская	14496,7	Московская	70186	Московская	12307,9
Московская	16349	Московская	2188,8	Петербургская	72621	Петербургская	12400,0	Петербургская	51261	Петербургская	9745,1
Владимирская	9978	Владимирская	1699,9	Владимирская	52104	Владимирская	9572,7	Владимирская	42126	Владимирская	7872,8
Ярославская	5061	Екатеринославская	746,1	Екатеринославская	32353	Екатеринославская	4852,9	Екатеринославская	28063	Екатеринославская	4106,8
Петроковская	4752	Петроковская	561,5	Костромская	21592	Костромская	3155,7	Костромская	18417	Костромская	2824,8
Екатеринославская	4290	Орловская	486,1	Лифляндская	17125	Лифляндская	2672,2	Лифляндская	15456	Лифляндская	2445,4
Костромская	3175	Бакинская	468,5	Пермская	15176	Петроковская	2251,8	Пермская	13083	Курляндская	1916,8
Орловская	2865	Тверская	388,2	Петроковская	14138	Пермская	2051,6	Пермская	12613	Пермская	1718,3
Тверская	2864	Вятская	359,5	Курляндская	12842	Курляндская	1947,1	Петроковская	9386	Петроковская	1690,3
Вятская	2652	Пермская	333,3	Тверская	10972	Бакинская	1796,0	Тверская	8108	Бакинская	1327,5
Бакинская	2577	Костромская	330,9	Бакинская	10281	Варшавская	1575,5	Бакинская	7704	Варшавская	1289,4
Варшавская	2360	Варшавская	286,1	Варшавская	9890	Тверская	1517,4	Варшавская	7530	Тверская	1129,2
Херсонская	2141	Херсонская	277,1	Ярославская	9084	Эстляндская	836,7	Киевская	4512	Эстляндская	801,9
Пермская	2093	Ярославская	266,3	Херсонской	5876	Рязанская	780,5	Эстляндская	4242	Иркутская	729,1
Лифляндская	1669	Лифляндская	226,8	Вятская	5501	Ярославская	771,0	Ярославская	4023	Рязанская	621,3
Гродненская	1479	Донская	202,3	Киевская	5447	Иркутская	757,6	Нижегородск	3765	Ярославская	504,7
Донская	1252	Гродненская	190,1	Эстляндская	4482	Вятская	672,4	Херсонская	3735	Киевская	503,9
Тульская	1220	Рязанская	159,2	Нижегородская	4287	Тульская	629,3	Рязанская	3103	Тульская	471,6
Рязанская	954	Тульская	157,7	Донская	4209	Киевская	617,4	Донская	2957	Донская	366,8
Киевская	935	Смоленская	138,3	Рязанская	4057	Херсонской	596,7	Иркутская	2924	Калужская	365,3

Отметим повышение рангов Московской губернии со 2-го до 1-го, Екатеринославской с 6-го до 4-го, Костромской — с 7-го до 5-го, Лифляндской с 15-го до 6-го, Пермской — с 14-го до 7-го, Курляндской — с 34-го до 9-го.

При этом число книжек в Московской губернии выросло в 5,3 раза, во Владимирской — в 5,2 раза, в Екатеринославской — в 7,5 раз, Костромской — в 6,8 раза, в Лифляндской — в 10,3 раза, в Пермской — в 7,3, а в Курляндской — даже в 56,1 раз. В то же время приросты вкладчиков в таких важных промышленных губерниях, как Петербургская, Варшавская, Петроковская, Тверская и Бакинская находятся в пределах 3,0–4,2 раза, т. е. ниже среднего.

7.5. Сбережения торговцев

Концентрация сберкнижек и вкладов у торговцев самая низкая после крестьян, что и понятно, поскольку торговля — необходимый компонент жизни всегда и везде — в стране с рыночной экономикой не может быть слишком сконцентрирована. Индекс Джини для книжек колеблется в пределах 0,47–0,485 и несколько возрастает для вкладов — 0,475 до 0,496 за счет относительно высокой концентрации приростов — 0,513.

В этом смысле интересно также, что измерение связи между величиной населения и числом вкладчиков данной профессии дает самый высокий из всех «родов занятий» коэффициент корреляции — 0,73, в 1897 г. и 0,71 в 1913 г. Однако число вкладчиков-торговцев связано с размерами городского населения еще сильнее — 0,81 и 0,84, а с величиной сельского населения несколько слабее — 0,61 и 0,56.

Таблица 105

Порайонные показатели развития сберегательного дела торговцев

Районы	Число книжек		Сумма вкладов (тыс. руб.)		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7
Столичный	17764	85522	3686,5	20410,1	67758	16723,6
Северный	3064	7513	835,6	1841,1	4449	1005,5
Приозерный	2957	10523	884,9	2666,7	7566	1781,8
Прибалтийский	4905	12432	882,5	2034,7	7527	1152,2
Литовский	6752	20622	1057,4	4803,9	13870	3746,5
Белорусский	11274	32059	1695,9	6019,9	20785	4324
ЦПР	17358	53149	4560,5	14495,5	35791	9935
ЦЧР	14130	59780	4383,5	17173,7	45650	12790,2
Средневожский	8466	36787	2618	10290,7	28321	7672,7
Нижневожский	12082	48183	3649,3	12406,6	36101	8757,3
Малороссийский	7841	31606	1732,5	6056,2	23765	4323,7
Юго-Западный	15724	53028	1854,2	7068,7	37304	5214,5
Новороссийский	19548	72042	3598	12913,2	52494	9315,2
Приуральский	6379	21729	1766,4	5345,3	15350	3578,9
Предкавказский	2621	15910	697,4	3279,6	13289	2582,2
Польша	20811	60228	2368,6	8703,9	39417	6335,3

Окончание таблицы 105

1	2	3	4	5	6	7
Кавказ	5278	19310	1318,34	4074,4	14032	2756,06
Сибирь и Дальний Восток	5024	25207	1705,78	6520,1	20183	4814,32
Степной край	1480	7779	440,59	1978,1	6299	1537,51
Туркестан	756	7010	203,8	1422,6	6254	1218,8
Империя	184214	680419	39939,7	149505	496205	109565

Таблица 106

То же в процентах

Районы	Число книжек		Сумма вкладов		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады
Столичный	9,6	12,6	9,2	13,7	13,7	15,3
Северный	1,7	1,1	2,1	1,2	0,9	0,9
Приозерный	1,6	1,5	2,2	1,8	1,5	1,6
Прибалтийский	2,7	1,8	2,2	1,4	1,5	1,1
Литовский	3,7	3,0	2,6	3,2	2,8	3,4
Белорусский	6,1	4,7	4,2	4,0	4,2	3,9
ЦПР	9,4	7,8	11,4	9,7	7,2	9,1
ЦЧР	7,7	8,8	11,0	11,5	9,2	11,7
Средневолжский	4,6	5,4	6,6	6,9	5,7	7,0
Нижневолжский	6,6	7,1	9,1	8,3	7,3	8,0
Малороссийский	4,3	4,6	4,3	4,1	4,8	3,9
Юго-Западный	8,5	7,8	4,6	4,7	7,5	4,8
Новороссийский	10,6	10,6	9,0	8,6	10,6	8,5
Приуральский	3,5	3,2	4,4	3,6	3,1	3,3
Предкавказский	1,4	2,3	1,7	2,2	2,7	2,4
Польша	11,3	8,9	5,9	5,8	7,9	5,8
Кавказ	2,9	2,8	3,3	2,7	2,8	2,5
Сибирь и Дальний Восток	2,7	3,7	4,3	4,4	4,1	4,4
Степной край	0,8	1,1	1,1	1,3	1,3	1,4
Туркестан	0,4	1,0	0,5	1,0	1,3	1,1
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В 1897 г. наибольшее число вкладчиков-торговцев находилось в Польше — 11,3%, Новороссии — 10,7%, Столичном — 9,6%, ЦПР — 9,4%, ЦЧР — 7,7%, Нижневолжском — 6,6% и Белорусском — 6,1% районах.

В течение рассматриваемого периода число книжек и вкладов выросло в 3,7 раза, причем в Столичном, Центральном-Черноземном и Средневолжском районах, Предкавказье, в Сибири и Дальнем Востоке, Степном крае и Туркестане этот средний темп роста был превышен по обоим показателям, в Нижневолжском районе и Малороссии выше оказался прирост книжек, а в Литве — вкладов, что соответствующим образом отразилось на величине доли этих районов в 1913 г.

Таблица 107

Таблица рангов числа книжек, сумм вкладов (тыс. руб.) торговцев и приростов за 1897—1913 гг.

губернии	1897 год				1913 год				Приросты			
	книжки	губернии	вклады	губернии	книжки	губернии	вклады	губернии	прирост книжек	губернии	прирост вкладов	
Московская	9722	Московская	1986,6	Московская	44541	Московская	10712,8	Московская	34819	Московская	8726,2	
Петербургская	8042	Петербургская	1699,9	Петербургская	40981	Петербургская	9697,3	Петербургская	32939	Петербургская	7997,4	
Киевская	7541	Саратовская	1539,9	Киевская	29069	Саратовская	4857,5	Киевская	21528	Нижегородская	3650,8	
Варшавская	6569	Тверская	1204,0	Варшавская	24867	Нижегородская	4509,4	Варшавская	18298	Донская	3392,4	
Херсонская	6316	Донская	1115,4	Херсонской	19136	Донская	4507,8	Донская	14447	Киевская	3370,7	
Петроковская	5727	Киевская	1065,6	Саратовская	18446	Киевская	4436,3	Саратовская	13557	Саратовская	3317,6	
Саратовская	4889	Варшавская	1041,2	Донская	18324	Варшавская	3861,1	Херсонская	12820	Орловская	2875,7	
Ярославская	4677	Пермская	1031,9	Екатеринославская	15336	Орловская	3686,9	Екатеринославская	12223	Варшавская	2819,9	
Волынская	4572	Ярославская	983,9	Волынская	14646	Ярославская	3584,2	Нижегородская	11276	Ярославская	2600,3	
Бессарабская	3980	Херсонская	973,8	Петроковская	14585	Тверская	3449,8	Орловская	10267	Тамбовская	2543,4	
Донская	3877	Владимирская	924,4	Ярославская	14041	Тамбовская	3393,9	Волынская	10074	Екатерин.	2438,4	
Тверская	3822	Нижегородская	858,6	Нижегородская	13851	Пермская	3234,8	Тамбовская	9861	Владимирская	2274,3	
Костромская	3807	Астраханская	853,0	Пермская	13190	Владимирская	3198,7	Пермская	9419	Тверская	2245,8	
Пермская	3771	Тамбовская	850,5	Орловская	12909	Херсонской	3083,2	Ярославская	9364	Пермская	2202,9	
Витебская	3648	Смоленская	837,5	Тамбовская	12521	Екатеринославская	3080,5	Самарская	9267	Харьковская	2161,2	
Подольская	3611	Орловская	811,2	Тверская	11994	Харьковская	2956,4	Петроковская	8858	Самарская	2150,6	
Екатеринославская	3113	Курская	801,6	Харьковская	11009	Рязанская	2841,9	Харьковская	8645	Херсонская	2109,4	
Смоленская	3097	Харьковская	795,2	Самарская	10969	Курская	2640,7	Черниговская	8442	Рязанская	2068,8	
Полтавская	3006	Калужская	784,9	Черниговская	10913	Самарская	2594,0	Тверская	8172	Курская	1839,1	
Владимирская	2766	Рязанская	773,1	Бессарабская	10907	Воронежская	2385,0	Владимирская	7880	Тульская	1784,5	

Таблица рангов показывает большую устойчивость первой десятки (8 из 10 губерний фигурируют в ней и в 1897, и 1913 гг.), в которую в 1913 г. вошли Донская область, поднявшаяся с 11-го места на 7-е, и Екатеринославская губерния, переместившаяся с 17-й позиции на 8-ю. Одновременно Нижегородская губерния повысила свой ранг с 27-го до 12-го, Орловская — с 23-го до 14-го, Тамбовская — с 22-го до 15-го, Харьковская — с 32-го до 17-го, а Самарская — даже с 44-го до 18-го.

7.6. Сбережения общественных и частных служащих

Эта категория представляла довольно сложный конгломерат профессий, включавший, надо думать, работников органов земского и городского самоуправления, сотрудников общественных организаций, численность которых резко возросла после 1905 г., земский «третий элемент», а также служащих различных частных компаний (в том числе и бизнес-служащих), адвокатских контор, статистиков и агрономов, кооператоров и т. д.

Замечу, что в 1897 г. коэффициент корреляции между городским населением и числом вкладчиков этой категории равен 0,86, а в 1913 г. — 0,85; с сельским населением — соответственно 0,45 и 0,28.

Таблица 108

Порайонные показатели развития сберегательного дела общественных и частных служащих

Районы	Число книжек		Сумма вкладов (тыс. руб.)		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7
Столичный	31425	262618	5316,0	51999,1	231193	46683,1
Северный	2742	17700	421,7	3404,2	14958	2982,5
Приозерный	3066	16824	642,0	3454,7	13758	2812,7
Прибалтийский	6874	35697	1006,9	6247,7	28823	5240,8
Литовский	6914	31665	1339,3	7177,8	24751	5838,5
Белорусский	10915	48057	2150,9	10063,4	37142	7912,5
ЦПР	14551	63195	2761,6	13453,2	48644	10691,6
ЦЧР	18229	93230	4385,6	21423,8	75001	17038,2
Средневолжский	9119	51305	1751,1	10395,6	42186	8644,5
Нижневолжский	16011	89808	3026,8	16139,7	73797	13112,9
Малороссийский	10937	61721	2300,7	10744,4	50784	8443,7
Юго-Западный	13937	86304	2363,6	13502,5	72367	11138,9
Новороссийский	22460	144094	4104,3	23695,4	121634	19591,1
Приуральский	9460	48459	1743,4	8712,4	38999	6969,0
Предкавказский	3321	27791	647,2	4511,4	24470	3864,2
Польша	12831	63288	1790,0	10765,0	50457	8975,0
Кавказ	7716	41330	1333,5	7284,4	33614	5950,9

Окончание таблицы 108

1	2	3	4	5	6	7
Сибирь и Дальний Восток	8219	83231	1821,0	17194,3	75012	15373,3
Степной край	1155	12527	214,8	2191,7	11372	1976,9
Туркестан	2417	20804	527,1	4230,4	18387	3703,3
Империя	212299	1299648	39647,5	246591,1	1087349	206943,6

Число вкладчиков этой категории выросло в течение рассматриваемого периода в 6,1 раз, а денег на своих книжках они хранили в 1913 г. в 6,2 больше, чем в 1897 г. Этот средний уровень был превышен по обоим показателям в Столичном и Северном районах, в Сибири и Дальнем Востоке, Степном крае и Туркестане, а в Юго-Западном и Новороссийском районах только по числу книжек. Особенно заметным был рост числа книжек и вкладов в Столичном районе — на 5,4% и 7,7% и в колонизируемых районах Азиатской России — 3,0% и 2,8%.

Таблица 109

То же в процентах

Районы	Число книжек		Сумма вкладов		Прирост	
	1897	1913	1897	1913	книжки	вклады
Столичный	14,8	20,2	13,4	21,1	21,3	22,6
Северный	1,3	1,4	1,1	1,4	1,4	1,4
Приозерный	1,4	1,3	1,6	1,4	1,3	1,4
Прибалтийский	3,2	2,7	2,5	2,5	2,7	2,5
Литовский	3,3	2,4	3,4	2,9	2,3	2,8
Белорусский	5,1	3,7	5,4	4,1	3,4	3,8
ЦПР	6,9	4,9	7,0	5,5	4,5	5,2
ЦЧР	8,6	7,2	11,1	8,7	6,9	8,2
Средневожский	4,3	3,9	4,4	4,2	3,9	4,2
Нижневожский	7,5	6,9	7,6	6,5	6,8	6,3
Малороссийский	5,2	4,7	5,8	4,4	4,7	4,1
Юго-Западный	6,6	6,6	6,0	5,5	6,7	5,4
Новороссийский	10,6	11,1	10,4	9,6	11,2	9,5
Приуральский	4,5	3,7	4,4	3,5	3,6	3,4
Предкавказский	1,6	2,1	1,6	1,8	2,3	1,9
Польша	6,0	4,9	4,5	4,4	4,6	4,3
Кавказ	3,6	3,2	3,4	3,0	3,1	2,9
Сибирь и Дальний Восток	3,9	6,4	4,6	7,0	6,9	7,4
Степной край	0,5	1,0	0,5	0,9	1,0	1,0
Туркестан	1,1	1,6	1,3	1,7	1,7	1,8
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В 1897 г. среди 5 лидеров лишь две земских губернии — столичные, во второй десятке — лишь 5.

Таблица 110

Таблица рангов числа книжек, суммы вкладов (тыс. руб.) общественных и частных служащих, а также приростов за 1897–1913 гг.

губернии	1897			1913			Прирост			
	книжки	губернии	вклады	книжки	губернии	вклады	губернии	прирост книжек	губернии	прирост вкладов
Московская	18140	Московская	3096,1	150030	Московская	28921	Московская	131890	Московская	25824,8
Петербургская	13285	Петербургская	2219,9	112588	Петербургская	23078	Петербургская	99303	Петербургская	20858,3
Киевская	7595	Донская	1380,4	57084	Киевская	8840	Киевская	49489	Киевская	7565
Донская	6687	Харьковская	1276	42581	Екатеринославская	7187,7	Херсонская	37145	Екатеринославская	6108,7
Варшавская	6656	Киевская	1275	39166	Саратовская	6680,2	Екатеринославская	34498	Херсонская	5682,2
Пермская	6031	Саратовская	1199,4	38132	Донская	6617,2	Саратовская	32162	Саратовская	5480,8
Саратовская	5970	Тамбовская	1148,8	37631	Херсонской	6451,8	Варшавская	30975	Донская	5236,8
Харьковская	5539	Нижегородская	1091,7	35598	Варшавская	6061,7	Донская	28911	Варшавская	5024,6
Херсонская	5436	Екатеринославская	1079	31577	Харьковская	5917,4	Харьковская	26038	Харьковская	4641,4
Нижегородская	4754	Пермская	1055	31369	Пермская	5281,5	Пермская	25338	Приморская	4256,6
Екатеринославская	4668	Варшавская	1037,1	24674	Тамбовская	4933,5	Томская	22192	Пермская	4226,5
Тамбовская	4224	Херсонская	769,6	20526	Томская	4439,9	Нижегородская	19014	Нижегородская	4027,2
Вятская	3429	Курская	766	20374	Приморская	4365,2	Приморская	16937	Томская	3982,9
Петроковская	3383	Воронежская	691	19731	Орловская	4330,7	Орловская	16757	Тамбовская	3784,7
Вольнская	3317	Вятская	688,4	19335	Нижегородская	4262,4	Тамбовская	16302	Орловская	3669,7
Самарская	3274	Гродненская	684,7	18327	Владимирская	4127,4	Самарская	16061	Владимирская	3035,7
Лифляндская	3271	Орловская	661	17331	Воронежская	3522,4	Бакинская	14431	Минская	2850,5
Минская	3221	Тверская	644,5	17229	Минская	3490,7	Вятская	13661	Воронежская	2831,4
Витебская	3086	Минская	640,2	17090	Самарская	3434,4	Владимирская	13573	Самарская	2828,5
Бессарабская	3063	Вольнская	609,3	16658	Вятская	3430,9	Полтавская	13485	Вятская	2742,5

При несомненной устойчивости списка лидеров, нельзя не отметить наиболее динамично развивавшиеся губернии, к числу которых относятся Херсонская, с 9-го места переместившаяся на 4-е, Екатеринославская — с 11-го на 5-е, Томская — с 39-го на 11-е, Орловская — с 28-го на 14-е, Приморская — с 68-го на 17-е, Бакинская — с 32-го на 18-е; заслуживает внимания повышение ранга Полтавской губернией с 35-го на 23-е.

Здесь есть губернии промышленные, аграрно-индустриальные, сугубо земледельческие, развитие которых связано с Столыпинской аграрной реформой; при этом в большинстве из них устойчиво растет городское население.

Итак, в течение рассматриваемого периода сберегательное дело в России сделало громадный шаг вперед. И вместе с тем пора расцвета сберегательных касс была впереди, и, как ни парадоксально, на первый взгляд, она оказалась связана с Первой мировой войной. Впрочем, кое-что нам об этом уже известно.

7.7. Сберегательное дело в годы Первой мировой войны — контуры будущего

Вопреки мрачным прогнозам, Мировая война не привела в России к панике и кризису в области кредитных отношений и денежного оборота. В частности, отлив вкладов из государственных сберегательных кассах в июле 1914 г. составил, как говорилось, лишь 41,1 млн руб., которые были необходимы призванным в армию запасным чинам и ратникам ополчения, многим воинским частям, хранившим свои хозяйственные и иных капиталы в сберегательных кассах, а также тем, кто был вынужден покинуть прифронтовые районы.

Однако затем картина сразу и резко изменилась. Очень быстро выяснилось, что интерес населения к государственным сберегательным кассам под влиянием войны не только не упал, но, наоборот, «неимоверно возрос». Началось беспрецедентный рост поступлений средств в сберкассы как в денежных вкладах, так и в процентных бумагах.

Август 1914 г. дал прирост одних только денежных вкладов в 10,1 млн руб., сентябрь — 25,8 млн руб., октябрь — 21,7 млн руб., ноябрь — 24,8 млн руб. и декабрь — 35,6 млн руб. а первые месяцы 1915 г. дали еще более резко повысившийся, совершенно небывалый в истории не только отечественных, но и вообще сберегательных учреждений, прирост денежных вкладов: за январь 1915 г. — 55,9 млн руб., февраль — 44,5 млн руб., март 46,0 млн руб., апрель — 47,8 млн руб., май — 50,8 млн руб. и июнь — 55,0 млн руб.¹

В природе этого удивительного феномена пока не все ясно до конца, но очевидно, что он был результирующей действия различных, но работавших в одном направлении причин, приведших к накоплению свободных средств в широких кругах населения, о чем говорилось выше.

За 1913 г. число сберкнижек выросло на 515,8 тыс., за 1914 г. — на 248,8 тыс., за 1915 г. — на 714,7 тыс., а за первые полгода 1916 г. прирост книжек составил 1028 тыс. (с 9985 тыс. — на 1 января 1916 г. число книжек возросло до 11013 тыс. — на 1 июля 1916 г.)².

Министерство финансов быстро оценило ситуацию. Логично было усилить значе-

¹ Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 год. Пг., 1916. С. 2.

² Там же. Данные, помещенные в нарративной и статистической частях Отчета, иногда не совпадают.

ние сберегательных касс в деле поддержки государственного кредита, с первых же месяцев войны потребовавшего колоссальных средств.

Поэтому было необходимо, с одной стороны, всемерно поддерживать приток в сберегательные кассы свободных и серьезно возраставших за время войны народных капиталов. С другой же, по мере роста числа и размера эмиссий государственных займов на внутреннем рынке и общего расширения круга правительственных кредитных операций внутри страны, было решено привлечь сберегательные кассы к делу размещения бумаг государственных военных займов — как путем помещения вкладов в эти займы, так и путем привлечения касс к приему подписки на них.

Поэтому в течение 1915 г. Управление сберегательных касс провело ряд взаимно связанных между собою мероприятий. Во-первых, заметно уплотнилась сеть сберкасс, а во-вторых, был расширен круг их операций и сфера оказываемых ими услуг, а также предоставляемых вкладчикам удобств («облегчений», как тогда говорили). Это должно было сделать сберегательные кассы еще ближе к населению.

В ряду этих мер самым актуальным стало ослабление 7 июля 1915 г. ограничений размеров вклада, о чем давно мечтало Министерство финансов. Прежде потолок составлял 1000 руб. для единоличных вкладчиков и до 3000 руб. для обществ. Согласно новому закону, столичные сберегательные кассы, самостоятельные кассы и центральные кассы при учреждениях Министерств (кроме некоторых касс при таможнях), при Управлениях железных дорог и учреждениях почтово-телеграфного ведомства могли теперь принимать вклады без ограничения предельной нормой. Для почтово-телеграфных приписанных касс предельная норма вкладов была повышена до 3 тыс. руб. для единоличных вкладчиков и до 5 тыс. руб. — для обществ и учреждений¹. Конечно, оценивая и эти и последующие меры, нужно помнить о растущих инфляционных процессах.

Однако эффективность данной меры, полезной сама по себе, должна была резко возрасти за счет расширения сети сберкасс и дальнейшего приближения касс к населению, особенно сельскому.

Здесь предполагался — и во многом был совершен! — настоящий прорыв — 23 октября 1915 г. было разрешено открытие 4971 почтовых учреждений со сберегательными кассами при них (это больше, чем было в стране в 1897 г.); напомним, что почтово-телеграфные кассы были самыми многочисленными среди сберкасс.

Одновременно шла подготовка к открытию новых касс при учреждениях Дворянского и Крестьянского поземельного банка, при русских почтовых учреждениях в Китае, Монголии, консульствах в государствах Америки. Кроме того, по закону 7 июля, планировалось преобразование некоторых центральных сберкасс при учреждениях Государственного Банка с наиболее развитыми оборотами в самостоятельные кассы по образцу столичных, которые должны были непосредственно подчиняться Управлению. С начала 1916 г. должны были открыться такие кассы в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове, Тифлисе и Саратове².

Наконец, в 1915 г. началась подготовка к открытию касс в самых отдаленных сельских местностях путем привлечения к совершению простейших посреднических сберегательных и страховых операций православного приходского духовенства (!).

Если в 1913 г. было открыто 548 новых касс, в 1914 г. — 500, а в 1915 г. — 802, то в за январь — сентябрь 1916 г. — 2730 (!). В итоге на 1 октября 1916 г. в России чис-

¹ Там же. С. 3–4.

² Там же. С. 4.

лилось 12585 сберегательных касс, т. е. на 4033 кассы (на 47,1%) больше, на 1 января 1914 г.¹ Иными словами, за неполных три года число сберегательных касс выросло почти в полтора раза!

Но программа Управления этим не ограничивалась.

Оно взяло курс на превращение сберегательных касс из хранилища мелких сбережений в доступное населению депозитное учреждение, производящее необходимые для него простейшие банковские операции.

Сберегательные кассы начали выдавать аккредитивные удостоверения с правом получения по ним до 95% вкладов из любой кассы Империи, а также перечислять вклады на имя других лиц. С 7 июля 1915 г. сберегательные кассы открыли прием «государственных процентных бумаг на хранение и управление за плату как от отдельных лиц, так равно от обществ и всяких учреждений, не только от вкладчиков, но и от посторонних лиц и учреждений», а также продажу «как своим вкладчикам, так и посторонним лицам государственных процентных бумаг, оплаты срочных от них купонов, а также покупки и продажи билетов Государственного казначейства»².

Одновременно была разработана и подготовлена столь важная мера, как выдача из Государственного Банка ссуд под государственные процентные бумаги, которые хранились в сберегательных кассах.

Это естественно вытекало из факта размещения сберегательными кассами среди 212,3 тыс. человек бумаг краткосрочного 5,5% военного займа 1915 г. на 189,6 млн руб. Оправданность политики Управления подтвердилась тем, что через сберегательные кассы была реализована часть краткосрочного 5,5% военного займа 1916 г., давшая уже 316,9 млн руб. и привлекая к государственным займам 414,8 тыс. «мелких подписчиков, вербовавшихся из среды широких трудовых классов населения»³.

Продолжался активный рост вкладов, достигший в 1915 г. «огромной, небывалой за все существование касс» суммы в 546,2 млн руб., а вместе с начисленными за год процентами — 613,6 млн руб. (для сравнения — прирост 1914 г. равнялся 95,7 млн руб., а с процентами — 149,6 млн руб. В то же время остаток денежных вкладов увеличился с 1835,0 млн руб. на 1 января 1915 г. до 2448,6 млн руб. на 1 января 1916 г. Вклады в процентных бумагах выросли на 263,4 млн руб. (остаток их — с 401,0 млн руб. до 664,4 млн руб.).

Поэтому вполне оправдан вывод, сделанный в «Отчете»: «Такой значительный прирост денежных вкладов дал сберегательным кассам возможность принять видное участие и в реализации военных займов за счет остатков вкладов: фонд процентных бумаг, принадлежащих сберегательным кассам, за 1915 год увеличился (по номинальной стоимости) на 595,5 млн руб. и достиг к 1 января 1916 г. 2638,8 млн руб., при этом весь почти указанный прирост фонда падает на государственные военные займы (588,1 млн руб.).

Если прибавить к этой сумме те 190 млн руб., которые были помещены населением через посредство сберегательных касс в бумаги краткосрочного 5,5% военного займа 1915 г., то оказанное сберегательными кассами в отчетном году содействие в реализации военных займов, выразившееся кругло в 750–800 млн руб., нельзя не признать крупнейшим явлением в области государственной кредитной политики.

Из приведенных цифр прироста за отчетный год вкладов и участия сберегательных касс в реализации государственных займов усматривается, что предпринятые

¹ Там же. С. 4–5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 6–7.

Управлением государственных сберегательных касс мероприятия по уплотнению сети сберегательных касс, по расширению круга операций, облегчению условий пользования их услугами и вообще приспособлению как объема, так и характера своей деятельности к резко изменившимся под влиянием войны жизненным потребностям широких кругов населения оправдали себя в полной мере, — и преследуемая финансовым ведомством цель усиленного привлечения вкладов и приучения широких слоев населения к помещению своих свободных средств в государственные военные займы — должна, казалось бы, почитаться вполне достигнутой.

Подтверждением этому может явиться тот дальнейший огромный прилив вкладов, какой наблюдался в течение первых 9 месяцев текущего 1916 г.: прирост этот за указанный период выразился в огромной сумме 1009,6 млн руб.»¹

Показателем высокого управленческого уровня правительства страны является, на наш взгляд, тот факт, что уже в 1915 г. Министерство финансов задумывалось о послевоенных перспективах сберегательного дела. Предполагалось, что в мирное время произойдет отлив вкладов.

Соответственно, Управление сберегательных касс было озабочено изысканием таких мер, которые, не тормозя обращение после войны скопившихся у населения капиталов на хозяйственные цели, в то же время удерживали бы вклады в кассах и, по возможности, даже содействовали бы их дальнейшему приливу.

Среди них важное место занимало опять-таки дальнейшее расширение сети сберегательных касс, а также введение распоряжения вкладами посредством чеков. Законопроект о введении чековой операции был внесен Министерством финансов в Государственную Думу 30 ноября 1916 г.

При осуществлении чековой операции, при упрочении и расширении объема уже введенных в круг деятельности касс банковских операций по платному хранению, продаже и покупке процентных бумаг, а также и по выдаче ссуд под них. При насаждении касс во всех сколько-нибудь населенных местностях Империи, — сберегательные кассы вступили бы, по расчетам Управления, в новый период своей деятельности, отчасти уже подготовленный в 1915 г.

В Отчете за 1915 г. говорится: «Период этот можно будет охарактеризовать как превращение сберегательных касс из чисто сберегательных учреждений по приему лишь мелких народных сбережений в правительственное общедоступное депозитное установление.

Задачей такого установления как самого доступного и удобного по размерам своих операций и характеру деятельности, явится обслуживание многообразных хозяйственных нужд широких слоев населения и оказание той кредитной помощи народному труду, какую крупные частные кредитные установления выполняют в отношении более зажиточных, ведущих более крупные обороты, торгово-промышленных слоев населения.

И в этой роли депозитного учреждения сберегательные кассы должны будут ближе подойти к удовлетворению за счет стекающихся в них сбережений насущнейших потребностей народного хозяйственного оборота, в частности, путем возможно более интенсивного содействия развитию учреждений мелкого кредита»².

Таким образом, статистика сберегательного дела демонстрирует, во-первых, безусловный успех модернизации Витте-Столыпина, а во-вторых, то, что Россия определенно не чувствовала себя приговоренной к революции.

¹ Там же. С. 8–9.

² Там же. С. 9.

8. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Если бы проектирование экономических реформ имело какое-либо отношение к субъективным чувствованиям, то я готов был бы признать, что есть много привлекательных черт в психологии общинников. К сожалению, как раз экономическая ценность этих черт является сомнительной. Современную экономическую культуру создали не народы общинников, а народы собственников. У последних оказался тот запас энергии, который нужен для экономического творчества.

Лев Бруцкус

Личность П. А. Столыпина и аграрная реформа, связанная с его именем, как, впрочем, и вся его деятельность остаются остро дискуссионными проблемами современной историографии и одновременно — явным «симптомом общественной патологии», вспоминая известную мысль В. О. Ключевского¹.

Столыпинская аграрная реформа — типичная Золушка отечественной исторической науки — с 1906 г. она является объектом ожесточенной критики (а зачастую и самых настоящих поношений), причем — что самое интересное! — вне зависимости от существующего в стране политического режима.

При этом, чем дальше наша страна отходила от дореволюционной эпохи, тем менее понятной реформа становилась для школьников, студентов и «широкой читающей публики».

Сто с небольшим лет назад современникам, вне зависимости от их отношения к происходящему, было понятно, *почему* началась эта реформа, *какие* из имеющихся потенциальные возможности развития страны она пытается реализовать, поскольку эта проблематика не один десяток лет была предметом весьма активной полемики.

Сто лет назад причины реформы понимали все, а сейчас — немногие, ибо традиционной негативистской историографии незачем было просвещать читателей в этом отношении.

Столыпинская аграрная реформа для обывденного сознания не является чем-то понятным. Это одна из тех немногих в нашей истории реформ, необходимость которой не слишком очевидна. Неясно, а что собственно надо было реформировать?

Схема, излагаемая в учебниках, на этот счет примерно такова. Крестьяне, задавленные налогами и ограбленные в ходе реформы 1861 г., из-за «отрезков» не могли нормально вести хозяйство, их положение ухудшалось, и в 1905–1906 гг. они захотели вернуть награбленное. А Власть, чтобы погасить революцию и сохранить помещичье землевладение, пошла на трюк — решила их сделать собственниками. Однако они, как истые социалисты в душе, «по инстинкту», не поддались, не захотели в массе становиться собственниками и выходить на хутора, и реформа провалилась.

Вот, например, как трактует цели реформы А. М. Анфимов: «Указ (9 ноября 1906 г. — М. Д.) поощрил отвод укрепления земли к одному месту для образования отрубного или хуторского хозяйства.

¹ *Ключевский В. О. Наброски по варяжскому вопросу//Неопубликованные произведения. М., Наука. 1983. С. 113.*

Начатую указом 9 ноября политику заигрывания царизма с кулачеством Ленин назвал «аграрным бонапартизмом», который был составной частью общей бонапартистской политики монархии. Царское правительство сделало ставку на «сильного хозяина», «крепкого мужика». Эта новая политика стала возможной потому, что в деревню к началу XX в. сравнительно глубоко проникли капиталистические отношения. Ленин писал, что аграрный бонапартизм Столыпина не мог бы даже родиться, «если бы внутри общины не складывалось бы постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!»

Но этот слой был еще недостаточен в качестве надежной опоры против бедноты. Более того, его интересы еще не настолько обособились от интересов всей крестьянской массы, чтобы можно было оторвать его от крестьянской борьбы против помещичьего землевладения. Поэтому для разрушения старых земельных порядков требовалось насилие. И правительство без колебаний встало на этот путь.

Ломка архаического общинного землепользования была экономически прогрессивной, но она производилась в явно реакционных целях — в целях сохранения землевладения помещиков, их доходов, их политической власти. Это была реакционная попытка разрешить крестьянский вопрос за счет самих крестьян, ценой разорения, пауперизации миллионов в интересах горстки деревенских богатеев, а в конечном счете — в интересах помещиков и царизма»¹.

Здесь сказано то основное, из чего строились все трактовки реформы в советской историографии. При этом одни историки, как С. М. Дубровский и Г. А. Герасименко, считали главным в реформе ставку на сельскую буржуазию, другие, как В. С. Дякин и П. Н. Зырянов — ломку общины и повсеместное насаждение «хуторов» для внедрения частной собственности на землю и т. д.

Различия этих концепций — в частности, но это явно не тот случай, когда «дьявол кроется в деталях» — относительно «дьявола» все было решено до момента, когда авторы сажались писать свои труды. В сущности, все основные тезисы советской историографии были сформулированы еще дореволюционной публицистикой.

В таком формате изложения реформа действительно как бы появляется ниоткуда, предстает кабинетной затеей — не знали, как справиться с революцией, как отвлечь крестьян от мечтаний о соседней помещичьей земле, думали-думали и придумали то, что нам чуждо и не нужно.

Однако это не делает понятнее назойливость, с которой на протяжении ста с лишним лет в нашей стране поносят Столыпина и преобразования. Если все так банально, то зачем, для чего так долго и навязчиво твердить о «крахе», о «провале» «кратковременной реформы, уничтоженной в самом начале реализации»²?

И главное — это не объясняет накала ненависти (sic!) лично к П. А. Столыпину

Полагаю, на этом надо остановиться подробнее.

Надо сказать, что практически со студенческой скамьи лично я вполне ощущал сильнейшую неприязнь — как минимум, — а временами и более серьезные эмоции ряда преподавателей и представителей научного сообщества по отношению к Столыпину.

Понятно, что уже на первых курсах мы, студенты Истфака МГУ, довольно быстро

¹ История СССР с древнейших времен до ВОСр. М., Наука. 1968. Первая серия тома I–VI. Т. 6. С. 350.

² Мнение одного современного историка.

научились дифференцировать как комплименты историческим деятелям, так и критику в их адрес. В частности, распознавать ритуальные «приседания» вокруг незримо присутствовавших на лекциях и семинарах классиков марксизма-ленинизма, чьи труды мы читали и конспектировали до такого одурения (или мастерства?), что часто могли сказать том собрания сочинений и страницу, где находится та или иная гениальная мысль «основоположников».

Аналогичным образом мы воспринимали и ритуальные же упреки, вроде «Спартаку не хватило союзника в лице беднейших свободных», «Роза Люксембург через что-то там перескочила и при этом нечто выронила (кажется, национальный вопрос)», «Плеханов и Мартов недопонимали» и пр. О тех, кто был назначен «врагами трудящегося народа», разговор был иной, но и в этих случаях мы понимали правила расстановки оценочных эпитетов; бывало даже забавно.

Но здесь, в случае П. А. Столыпина, имело место нечто иное. Это была именно ненависть, чувство, надо сказать, довольно сильное. Оно ощущалось не только в выступлениях на конференциях, «в кулуарах», но иногда буквально сочилось (и сочится!) со страниц книг, газет, журналов. Его ненавидели не по обязанности, не потому, что «положено». Что-то во всем этом было такое, чего я тогда не понимал, была и остается во всем этом некая странность даже сейчас, когда позитивное отношение к Столыпину, цитируя классика, «ненаказуемо».

Вообще говоря, на вершинах Власти в России было так мало по-настоящему выдающихся людей, что общество в основном еще с дореволюционных времен привыкло испытывать к ним если не пиетет, то, по крайней мере, уважение, почтение, что ли, несмотря на их неизбежные просчеты, личностные «дефекты», которые тут же оправдываются уровнем их таланта и масштабом сделанного. Вспомним — министр Алексея Михайловича Ордин-Нащокин, Петр Великий, Меншиков, Екатерина II, Потемкин, Сперанский, братья Милютины, Горчаков, Витте; кто-то может продолжить список.

Найдутся, конечно, те, кто со вкусом расскажет о пороках Петра, Потемкина и Екатерины II, но и к этому, как правило, относятся беззлобно, так сказать, — с понимающей улыбкой.

А вот Столыпин...

Пресловутые «галстуки», «вагоны» и провалившаяся реформа... И еще что-то иррациональное.

Положим, до революции на его оценку больше всего могло повлиять введение военно-полевых судов (кстати, не им, а императором Николаем II!). Странно, однако, что это по-прежнему важно для многих наших соотечественников после 1917 г., когда кровопролитие обрело совершенно иные масштабы...

Словом, в нашей стране «народная любовь» — материя куда как тонкая. Сейчас, например, намного больше половины населения одобряет деятельность Сталина. Довольно понятно, почему одобряет. Но среди прочих возникает такой вопрос — ну, сколько еще десятков миллионов наших граждан, в том числе наших же собственных предков, нужно было ему погубить, чтобы уменьшить число поклонников?

Не то со Столыпиным. Его не терпит такая удивительная компания, какую, пожалуй, мог бы собрать на своих тенниснокортных полотнах только Илья Глазунов — от Николая II до Ленина, от Милюкова до советских сельскохозяйственных генералов, от земских агрономов до историков столичных и провинциальных, советских и постсоветских и т. п. (С. Ю. Витте пропускаю ввиду доминанты у него сугубо личных мотивов).

Почему? За что? За какие грехи?

Ведь это по-настоящему Большой человек, человек многократно доказанной личной храбрости, ставший жертвой террористов, покалечивших его детей, и погибший в прямом смысле слова на войне, которые ему объявили **все** — справа налево. О таких его качествах, как патриотизм, бескорыстие и другие и не говорю.

Редкий случай.

Почему так болезненно воспринимается он сам? Почему так остро воспринимается аграрная реформа, названная его именем? В чем его вина?

Словом, не очень все логично.

Впрочем, рассчитывать на логику там, где ход рассуждений определяют эмоции, не стоит, а здесь, конечно, эмоции во главе. Видно, трогает его деятельность какие-то пласты сознания с большим содержанием социального метана.

Между тем следует понимать, что в послепетровское время лишь отмена крепостного права имела, пожалуй, более веские основания, чем аграрная реформа Столыпина, а то, что государство запоздало с ее проведением, имело фатально негативное значение для судеб страны и человечества.

Образованные современники этого в массе не поняли, а быть может, и не были способны понять.

Когда сто с небольшим лет назад П. А. Столыпин был убит, усредненная реакция большей части гуманного российского общества выражалась фразой «туда и дорога».

А. Изгоев писал по свежим следам: «Над гробом П. А. Столыпина началась жестокая борьба чуть ли не раньше, чем отзвучали последние слова заупокойной молитвы. Сама страстность похвал и нападок свидетельствовала, что со сцены сошел человек незаурядный. С одной стороны, националисты и октябристы делали тщетные попытки изобразить покойного гениальным государственным человеком, великим деятелем...

Но возьмем отзыв с другой стороны. Одно издание писало: «Столыпин не представлял собой лицо, про которое можно было бы сказать: это — государственный деятель... Желая облегчить борьбу с революцией усиленными полномочиями администрации, он эти полномочия обратил в источник усиления революции, развив ужасный произвол. Желая прослыть законником, он топтал законы. Безграничным произволом и постоянным насилием Столыпин возбудил против себя всех и вся, начиная с мужиков и кончая сановниками». Дальше П. А. Столыпин именуется «бездарным сановником».

Из какого издания взята эта характеристика? Из дубровинского черносотенного листа «Русское Знамя» (№ 201, от 8 сентября 1911 г.).

Но, конечно, вся она, от слова до слова могла быть повторена и была повторена, только без литературных наивностей, крайними левыми изданиями. Уже одно это совпадение взглядов заставляет думать, что в этой характеристике покойного председателя Совета министров при справедливости отдельных указаний много неверного ошибочного, продиктованного партийным раздражением¹.

Прошел целый век, навсегда изменивший историю России и всего мира.

И что же мы видим?

150-летие со дня рождения П. А. Столыпина вызвало столь же трогательное единение враждебных общественных сил, что и его гибель в 1911 г.

И это — диагноз.

¹ Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 126–128.

Двойная мораль пореформенного общества, формально уравнивавшего революционный терроризм и самозащиту правительства от него, — при явной симпатии к первому — в мутировавшем виде продолжает жить.

Поневоле вспоминаются слова Б. Н. Чичерина о «критическом настроении русского общества», которое проявляется, в частности, **«в виде вольнолюбия, всегда готово к деспотизму, и независимости, всегда готовой ползать и поклоняться»**¹.

СМИ и интернет заполнили тексты с заголовками, живо напоминающими кухонно-коммунальный юмор «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина и обыгрывающими, понятное дело, «галстуки» и «вагоны». Видимо, это кажется авторам остроумным, а главное, точным эпитафием к характеристике П. А. Столыпина. Лидер в этой номинации — Д. В. Драгунский с авангардистской заметкой «Вагон в галстук» (Новая газета от 13.04.2012).

Вне конкурса, однако, находится А. Янов с совершеннейшим пасквилем «Столыпин: в преддверии памятника» (Новая газета от 01.08.2012). Об этом — ну очень «Кратком курсе истории ВКП(б) для богатых» в упаковке от кутюр — не стоило бы и упоминать, если бы автор не имел стойкой репутации либерала. Такое впечатление, будто в детстве ему (как и многим другим, впрочем) вместе с оспой сделали прививку «от Столыпина».

Конечно, на эти тексты о Столыпине сильнее всего образом влияют нынешние попытки правительства «приобщиться» к Петру Аркадьевичу. Я тогда же прокомментировал этот новаторский способ оценки исторических деятелей: «Точечная «приватизация» П. А. Столыпина нынешними властями вызывает такие же чувства, что и все остальное, что они делают.

Но Столыпин-то здесь при чем?

Достаточно было показать масштаб этой абсолютно бесстрашной личности, который укрупнялся сообразно уровню решаемых задач, чтобы стала понятной мера адекватности претензий Кремля на духовное родство с нею...

Но и юбилейные тексты, словно написанные по тезисам лекций по истории КПСС, прослушанных будущими демократическими публицистами в 1970-х, кое-что добавляют к анамнезу современного российского общества» (Новая газета № 74 от 06.07.2012).

Как всегда, умилительно выглядят обвинения Столыпина-реформатора в насилии, предъявляемые членами той самой партии, которая попросту устроила сплошную коллективизацию, а затем и «голодомор» на пространных от Сыр-Дарьи до Днестра (не говоря о прочем). Депутаты от КПрФ теперь «не могут молчать» вместе с Л. Н. Толстым и патетически цитируют последнего. Генетика — большая сила! Как тут не вспомнить заметку в газете «Правда» (29(16) ноября 1911 г.) «Кровожадный и бесчестный», которой на гибель П. А. Столыпина откликнулся такой крупный гуманист XX века, как Троцкий?!

О «галстуках» в нашем обществе, повторяюсь, вообще вспоминают — не только коммунисты — куда чаще, чем о сталинских «тройках».

При этом о Столыпине рассуждают так, словно он, по меньшей мере, имел такой же объем власти, что и Петр I, был настолько же независим и находился на своем посту не 5, а 25 лет. К тому же в 2012 г. так удобно знать, сколько было отпущено лет человечеству до начала Первой мировой войны, и с менторским пафосом укорять Столыпина,

¹ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 151, 154.

мечтавшего о передышке, в недостатке реализма! Ряд «экспертов» описывает аграрную реформу, которая вовлекла в свою сферу десятки миллионов людей, не приводя **ни одной цифры**, относящейся к ней!

Историки и экономисты, имеющие некоторую известность, с удивительной готовностью говорят на серьезные темы, в понимании которых они не ушли дальше курса «Истории КПСС» Пономарева, не осознавая даже, что подобные некомпетентность и безответственность подрывают доверие к тем их работам, которые эти люди считают для себя главными.

Так, Б. Соколов в лучших народнических традициях считает аграрную реформу «чисто кабинетным мероприятием, слабо связанным с реалиями русской жизни», ограничивая ее при этом 1906–1911 гг. (?!)¹.

М. Делягин, убежденный в том, что «столыпинский вагон» был сконструирован специально для перевозки арестантов, полагает, что «судьба Столыпина представляет собой трагедию человека, который из самых добрых побуждений пытался навязать России глубоко чуждую ей культурную матрицу. Дело в том, что Столыпин сложился как государственный деятель в западных областях империи — строго говоря, не в самой России. Саратовским губернатором он стал уже сильно позже. И вся его деятельность была направлена лишь на то, чтобы разрушить крестьянскую общину ради построения книжного капитализма, т. е. не построить капитализм, опирающийся на культурную матрицу России, а сломать саму эту матрицу во имя торжества неких абстрактных идей. Сама жизнь Петра Столыпина является выдающимся примером того, что даже самые яркие, талантливые и эффективные менеджеры (?! — М. Д.), которые пытаются отрицать культуру своей страны, заведомо обречены».

Изумляет своей глубиной и такая мысль Делягина: «Когда государственного деятеля убивают, для него это — однозначное поражение. Государственный деятель должен учитывать такие вещи. Когда полководец погибает на поле боя — он может быть прекрасным офицером, смелым человеком, но при этом являться никудышным полководцем. Ну не должны полководцев убивать на поле боя: это — вопрос профпригодности»².

Другими словами, Петр Столыпин находится в той же компании неудачников, что и Горацио Нельсон с Авраамом Линкольном, дело которых, исходя из этой удивительной логики, было безнадежно проиграно.

Смешно, право!

Не смешно, однако, то, что эти дилетантские упражнения в демагогии лишь ретранслируют то, о чем в наши дни по-прежнему пишут некоторые профессиональные историки.

Агрессивное отторжение П. А. Столыпина и его реформ лучше всего свидетельствует, что в его деятельности было что-то, что до сих пор слишком остро задевает определенные круги общества. А это — лучшее свидетельство непреходящей актуальности того, что он делал.

Если отбросить декоративную демагогию, то в первом приближении полемика о Столыпинской аграрной реформе — это полемика о том, нужна ли российской деревне частная собственность на землю или не нужна.

¹ <http://grani.ru/opinion/sokolov/m.197164.html>

² <http://delyagin.ru/articles/28368.html>

А в более широком контексте за столетними спорами о П. А. Столыпине и его преобразованиях стоит следующая дилемма. Должна ли Россия стремиться к развитию, ориентированному на права и свободы личности, на правовое государство, гражданское общество и полноценную рыночную экономику, вступив на путь, по которому давно шла Европа, или же она должна оставаться модифицированным самодержавным государством (неважно под каким названием — хоть СССР) со всеми его атрибутами, в том числе с населением, лишенным полноты гражданских и политических прав, жизнь которого так или иначе регламентируется Властью?

Тут есть нюанс — почему же против Столыпина выступали и выступают те, кто словно бы ратует за либеральные ценности?

Ведь в рамках аграрной реформы, которая была стержнем широчайшей программы либеральных реформ, выдвинутой Столыпиным в марте 1907 г., 100 миллионов крестьян впервые в русской истории признали, цитируя Витте, за «персон», т. е. уравнивали в правах с другими сословиями и они, в частности, получили **право быть собственниками своей земли** — не факультативно, как это случалось после 1861 г., а в общепринятом смысле. Они получили, наконец, возможность выйти из общины и покончить с зависимостью от нее, если им этого хотелось. Они вообще получили возможность жить так, как этого хочется *им*, а не чужим людям, которые, прикрываясь пышными словесами о народолюбии, о «чувстве вины перед народом», в реальности *не* относились к ним как к равным себе.

Кажется, все это вполне либерально.

Что же здесь плохого?

Я уже писал о том, что в основе неприятия Столыпина современниками, помимо *не*много политического расчета, как это было с кадетами, лежало крепостническое сознание российского образованного класса, который эти ценности предназначал только для себя, но не для народа¹.

Хорошо об этом сказал С. Н. Сыромятников: «Подобно тому, как московские книжники из Руси сделали сначала «светлую Русь», а потом и «святую Русь», так наши народники сделали из налоговой общины — «святую общину», залог будущей социальной крестьянской республики, призванной спасти гнилой Запад от разложения.

Не одни евреи мечтают о себе, как о народе избранном. Русские народники народом избранным считают русских крестьян-общинников.

Если вера в себя — великое дело, то идолопоклонство перед собою, самообожание есть не только великий недостаток, но и великий грех, убивающий народную душу и ослабляющий народную волю. ***Но у наших народников этот грех тем тяжелее, что, оставляя крестьянина в рабстве у разлагающейся общины, наши народники сами не признавали над собой никаких пунт общины и в частной жизни жили индивидуально по жалкому, как они думали, но все-таки ограждающему личность десятому тому Свода законов.***

Для них было все-таки две России: одна господская, индивидуальная, к которой приписалась и разночинная интеллигенция, другая — крестьянская, общинная, которой поклонялись и которую похваливали издали, но в условиях жизни которой существовать не желали...

¹ Давыдов М. А. 19 февраля 1861 г. и судьбы российской деревни // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России. М. 2011. С. 50–57; Давыдов М. А., Фокин С. А. Раскрепощенное сознание в крепостнической стране: к проблеме мировоззрения М. С. Воронцова // Исторический журнал: научные исследования. № 3. 2012. С. 107–114.

Нам нужны... мелкие земледельцы-собственники, которые держатся за землю зубами и покупают ее при всякой возможности. Они — прочный элемент, и в них — лучшее будущее хозяйственной России. Земля ищет хозяина, и никакой сентиментализм не может худого хозяина сделать хорошим. Тут государство, несмотря на всю свою исполинскую мощь, совершенно бессильно. Государство может помочь земельной реформе и обязано это сделать, но заставить плохого крестьянина крестьянствовать хорошо — оно не может.

Со стороны государства — преступление и перед землей, и перед крестьянством привязывать землю к плохим хозяевам... приравливая жизнь к требованиям менее способных. Мы говорим в учебниках об ужасах инквизиции, которая рубила головы по нитке у всех, кто был выше определенного уровня. Но в крестьянском вопросе мы были сорок лет инквизиторами и выбрасывали из деревни все то, что могло создать лучшую жизнь и больший достаток. Пусть мужик пашет и пашет так, как пахали в начале прошлого века.

Но мужик — такой же человек, как и вы, и я, и в своей жизни для продуктивной работы он нуждается в такой же свободе, как и вы, и я. Если то дело, которое меня кормит, мне невыгодно, я принимаюсь за другое или ищу подсобного промысла. Мои дети не могут требовать у меня выдела. Моя жизнь основана на моей ответственности. Я не могу требовать себе у государства земли, газеты, царского пайка. Я с детства воспитан в сознании, что моя жизненная карьера зависит от труда и воли, что у меня есть обязанности перед моими родителями, независимо от того, дали они мне какое-нибудь состояние, или не дали никакого.

Отчего же тот устав семейной нравственности, который покоится на праве собственности и который считается обязательным для каждого христианина, может быть необязателен для крестьянина?

Да только потому, что до освобождения крестьян помещик мог переселять крестьянина, мог отбирать его имущество, мог переводить его детей на новое тягло, мог жечь его, на ком хотел.

И наши народники смотрят и теперь на крестьянина через очки его крепостного владельца, только единоличный помещик заменился для них собирательным помещиком — государством. Единоличное рабство заменилось рабством государственным, в которое социалисты мечтают перевести не одних крестьян, но за ними и все население государства»¹.

За сто лет в этом смысле мало что изменилось, и либеральные ценности многим «либералам» нужны для себя, но отнюдь не для всех. И сегодня те люди, которые считают, что их призвание — так или иначе управлять «народом», не могут смириться с мыслью, что *этот* народ может нечто важное решать самостоятельно, может строить свою жизнь так, как он считает нужным, без их высокого одобрения. А реформа, делавшая крестьян собственниками своей земли, и предоставляла народу такую возможность, поскольку собственность — основа любого цивилизованного правопорядка — это одно из главных условий самостоятельности личности.

«Культурная матрица России», о которой говорит Делягин, это, попросту говоря, ситуация, при которой на одном социальном полюсе — сто миллионов крестьян, про-

¹ Сыромятников С. Н., Юрьевский Б. Н. Землеустроительный смотр. СПб., 1913. С. 13–14, 17–18. Очевидно что термин «народники» в трактовке Сыромятникова шире традиционного советского понимания народников как разночинной интеллигенции.

зьябающих в «рабстве у разлагающейся общины», а на другом — представители образованного класса, которые величаво определяют, как эти миллионы должны жить.

Как же надо презирать собственный народ (или ничего не понимать в том, что пишешь), чтобы считать, что ему лучше быть, как говорили тогда, «прикрепощенным» к общине, чем иметь возможность самому распоряжаться своей жизнью!

За последние 20 лет в научный оборот введены новые источники и значительный объем данных, прежде всего, статистических, которые в корне меняют привычную негативную оценку Столыпинской аграрной реформы.

Однако часть научного сообщества осталась на прежних позициях. Поскольку стало ясно, что столетние утверждения о провале реформы абсолютно несостоятельны, ибо опровергаются статистикой землеустройства, то противники преобразований сократили «линию фронта», реанимируя стандартный набор упреков к реформе Столыпина с помощью новых фактов.

С этим связана, например, концепция А. В. Ефременко о «земской альтернативе» реформе, которая якобы «являлась более адаптированной к специфическим условиям российской деревни и результативней столыпинской приватизации», причем, по его мнению, «сравнение обоих альтернатив позволяет усилить известный вывод о том, что радикальная земельная реформа сверху исчерпала свой потенциал уже к началу 1910-х годов, в то время как умеренная, идущая «снизу», оказалась прерванной мировой войной»¹. Идеи Ефременко, за которыми стоит тезис о том, что крестьянам нужно оставаться в общине, поддерживает, в частности, и Н. Г. Королева².

Типична для традиционного подхода к реформе, например, статья О. А. Суховой с говорящим названием «Аграрная реформа П. А. Столыпина как вызов крестьянской ментальности»³.

Сразу же добавлю от себя, что Столыпинская реформа была также вызовом ментальности едва ли не большей части образованного класса и его крепостническому в своей основе отношению к крестьянству, что в первую очередь и породило как шквал критики в адрес преобразований, так и прямой их саботаж со стороны представителей этого класса.

Более того, поскольку реформа должна была завершить дело 19 февраля 1861 г., она одновременно была прямым вызовом и всей предшествовавшей 400-летней вотчинно-крепостнической практике управления Московским царством и Российской Империей, основанной на патернализме.

Думаю, список вызовов несложно продолжить.

Однако — что же из этого следует?

То, что на все эти вызовы не было ответов?

Ответы были — и их давало крестьянство. Просто ответы такого рода не даются немедленно.

Казалось бы, зарубежные историки, получившие другое, «правильное» образова-

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 608-610. Ефременко А. В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль. 2002; Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль. 1999. Королева Н. Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907-1914).

² Королева Н. Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907-1914).

³ Сухова О. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина как вызов крестьянской ментальности // Власть и общество в России. Жизнь и государственная деятельность П. А. Столыпина. Межрегиональная научно-практическая конференция (Самара, 21 апреля 2011 г.) Самара, 2011.

ние, не отягощенное влиянием Отдела агитации и пропаганды ЦК КПССС, избавленные от того наследия советского прошлого, о котором я говорил на первых страницах этой книги, должны быть свободны от партийных пристрастий, которые в отечественной науке, видимо, изжить невозможно. Увы, далеко не всегда это так.

Для ситуации конца XX — начала XXI вв. характерна любопытная «обратная связь» отечественной и зарубежной историографии «пессимистического» спектра. С одной стороны, труды советских историков, прежде всего А. М. Анфимова, П. Н. Зырянова, В. П. Данилова оказали весьма серьезное влияние на западных исследователей, с другой же, некоторые тезисы последних — прежде всего, идея о якобы системном противостоянии крестьянства попыткам вторжения правительства в их жизнь, развиваемая, в частности, Дж. Пэллот¹, стимулируют новейшие изыскания отечественных критиков реформы, отстаивающих неприемлемость реформы для крестьян².

В 2004 г. вышла большая статья Дж. Пэллот, выразительно озаглавленная «Разрушила ли Столыпинская реформа общину?»³.

Это своего рода дайджест ее монографии об аграрной реформе Столыпина⁴, которая по своему антистолыпинскому пафосу вполне сопоставима с работами, защищавшимися на кафедрах истории КПСС и «истории СССР периода капитализма» в советское время.

Хотя оба текста различаются объемом и широтой источниковой базы, основные их идеи вполне понятны из говорящих названий и концептуальных ссылок на А. М. Анфимова, В. П. Данилова и П. Н. Зырянова. И Сухова, и Пэллот доказывают, что реформа, целью которой была «хуторизация всей страны», насильственно разрушала общину, но крестьяне стойко отвергали частную собственность и саботировали преобразования. Пэллот пишет также о недостоверности данных официальной статистики землеустройства.

При этом обе исследовательницы аккумулируют большое число интересных фактов, которые, по их мнению, во-первых, опровергают оптимистическое видение хода аграрной реформы Столыпина и ее перспектив, во-вторых, якобы противоречат идеальному поступательному движению реформы и, в-третьих, будто бы показывают, насколько реалии преобразований не соответствовали замыслам реформаторов и т. п.

Полагаю, однако, что приводимые Суховой и Пэллот факты свидетельствуют отнюдь не о неудаче реформы, а лишь о громадной сложности процесса внутринадельного землеустройства, что неудивительно, поскольку он затрагивал жизненные интере-

¹ *Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999; idem. The Stolypin Land Reform as «Administrative Utopia»: Images of Peasantry in Nineteenth Century Russia // Social Identity in Revolutionary Russia / Ed. by M. Palat. N. Y., 2001.; Пэллот Дж. Разрушила ли общину Столыпинская реформа? // Отечественные записки. 2004 № 1(16)*

² См., напр.: *Коновалова О. В. Чернов и аграрная программа партии социал-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2; Куреньшев А. А. Крестьянство и Столыпинская аграрная реформа: современная историография // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III науч. чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1–2 декабря 2003 г. / С. П. Карпов (ред.) М., 2006.; Безгин В. Б. Крестьянство Центрального Черноземья в аграрных преобразованиях П. А. Столыпина (региональные особенности) // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Международная науч.-практ. конференция (Москва, 28–30 сентября 2011 г.) М., 2012.*

³ «Отечественные записки». 2004. № 1(16).

⁴ *J. Pallot. Land Reform in Russia, 1906#1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation (Oxford, 1999); Пэллот Дж. Разрушила ли общину Столыпинская реформа? // Отечественные записки. 2004 № 1(16).*

сы десятков миллионов людей на площади, превосходящей территорию современной Германии.

Устойчивость негативистской линии заставляет заново оценить набор стандартных упреков-претензий к реформе.

1. В основе пессимистических построений по-прежнему лежит тезис об уникальности «общинной психологии» российского крестьянства, которая считается **неизменяемой в принципе**, как чередование времен года. Это будто бы подтверждается отрицательной реакцией российских крестьян на реформу Столыпина.

Между тем достаточно беглого взгляда на историю землеустройства в Западной Европе, чтобы понять уязвимость этого подхода¹.

В широком смысле под землеустройством следует понимать систему мероприятий, нацеленных на оптимальную реорганизацию деревенской сельскохозяйственной (или заново колонизируемой) территории, в идеале — на создание единоличных хозяйств, владельцы которых могли бы обрабатывать свою землю независимо от соседей, что при прочих равных условиях является залогом сельскохозяйственного прогресса.

На определенной стадии экономического развития потребность в землеустройстве возникает в различных странах, и в этом смысле можно говорить о том, что землеустройство — факт всемирно-исторический. Эта потребность в одних странах удовлетворяется, в других — нет, что само по себе очень интересно.

Как известно, необходимость в землеустройстве вырастает из недостатков деревенской системы расселения, которое всегда связано с чересполосицей, принудительным севооборотом и большими массивами земель общего пользования. С течением времени эти явления усугубляются мелкополосицей и дальнотельем.

Очевидно, что эта система негативно воздействует на личную инициативу отдельных крестьян и исключает возможность ведения самостоятельного хозяйства, а значит, задерживает повышение уровня сельскохозяйственной культуры.

Стремление придать отдельным владениям удобную для ведения самостоятельного хозяйства форму раньше всего проявилось в Англии в виде «огораживаний», настолько убедительно «воспетых» К. Марксом в XXIV главе «Капитала», что в пореформенной России по невежеству поверили в то, что разорение крестьянства — закономерность европейской истории.

В континентальной Европе уничтожение чересполосицы уже в XVI в. началось в Шлезвиг-Гольштейне, позже эстафету подхватили Дания и Швеция, затем Финляндия, где землеустройство продолжалось и после 1809 г., причем на севере страны разверстывались даже олени пастбища. История землеустройства в Пруссии отсчитывается от указов Фридриха Великого и т. д.

Характерно, что земледельцы всех этих стран были привязаны к привычному порядку вещей ничуть не в меньшей степени, чем российские общинники. В частности, немецкие деревни нигде не расселялись полностью, в отличие от польских и литовских. Главное препятствие расселению состояло в том, что с повышением культуры у немецких крестьян появилось столько «городских потребностей», что их не устраивала жизнь на уединенном хуторе².

¹ Давыдов М. А. К проблеме землеустройства в странах Западной Европы и в России // Экономические реформы в России за рубежом (История мировой экономики, вып. 3). М., Институт экономики РАН. 2014.; Кофод А. А. Борьба с чересполосицей в России и за границей. СПб., 1907;

² Кофод А. А. Борьба с чересполосицей... С. 41–43.

Крестьянам Германии, как и всем другим в Старом Свете, в высокой степени был свойствен консерватизм.

К. А. Кофод, изучая землеустройство в Германии, в Мюнхене поинтересовался у землеустроительных чиновников, почему они не пытаются ввести более радикальную форму разверстания, чем та, что практикуется теперь и скорее состоит в регулировании чересполосицы, нежели в ее уничтожении. Ему отвечали, что уверены в преимуществах радикального разверстания с расселением на хутора, однако попытка ввести его закончилась трагически.

Один богатый крестьянин категорически отказался уничтожать чересполосицу, хотя его усадьба оставалась на месте, и ему просто прирезали землю. Он говорил, что понимает, что это было бы выгодно, «но его голова не хочет». «Он жаловался в суды всех инстанций на это совершаемое над ним насилие. Везде его жалоба отклонялась. Наконец, он пожаловался королю. И что Вы думаете он сделал, когда и оттуда получил отказ? Он пришел домой и повесился. После этого мы не пытаемся больше изменить взгляд крестьян на их аграрные отношения».

В Дрездене Кофод узнал о другом удивительном примере консерватизма немецких крестьян. Когда землемер прибыл в деревню для агитации в пользу реформы, он собрал вокруг себя крестьян и объяснял им выгоды разверстания. «На это один старый крестьянин возразил, что если они благодаря этому начнут производить больше зерна, то нужно будет строить новые амбары, а этого он не хочет делать, поэтому он против разверстания»¹.

В целом история землеустройства в Западной Европе дает ценный материал для понимания хода Столыпинской аграрной реформы и в общем виде позволяет сделать следующие заключения.

Во-первых, крестьянство было консервативным не только в «отсталой» России с неграмотным на 80% населением.

Во-вторых, даже осознанная экономическая целесообразность тех или иных нововведений, в данном случае — расселения на хутора, не всегда приводит к их реализации в жизни.

В-третьих, случаи стихийного народного «творчества» в деле землеустройства крайне редки. Повсюду разверстание было либо инициативой отдельных энергичных дворян, либо правительства, поверившего в эффективность этих мер. Крестьянство начинает поддерживать эти преобразования лишь тогда, когда убеждается в их практической выгоде для себя, т. е. видит рядом живой пример.

В-четвертых, землеустройство — отнюдь не «кабинетная» идея. Потребность в землеустройстве объективна, что в положенное время доказала и история его российского варианта. В 1901 г. Кофод открыл не более и не менее как факт самостоятельных (!), т. е. предпринятых крестьянами по своей инициативе, разверстаний общинных земель на хутора. Они начались под влиянием примера соседей-хуторян, литовцев и немцев. Кофод отыскал в Волынской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях 10 районов расселения, захвативших 64 волости и 947 селений, образовавших 20253 хутора на площади в 223,5 тыс. дес. земли. Очаги разверстаний возникали независимо друг от друга, начиная с 1870-х гг. Правда, в этих губерниях крестьяне могли опираться на сколько-нибудь определенную юридическую базу — они были подворниками. Характерно, что факт самостоятельного перехода двух десятков

¹ Кофод К. А. 50 лет в России... С. 187.

тысяч крестьянских дворов к новой жизни в целом прошел мимо внимания правительственных органов и общества, дружно занятых поддержанием общинных порядков и мечтавших о построении на основе уравнильно-передельной общины разных вариантов социализма — от народнического до бюрократического¹.

Теперь нам несколько проще оценить идеи Дж. Пэллот, которая в начале своей статьи пишет: «**Повсюду**, где целые общины соглашались на разверстание земли, результат по своему качеству **неизменно** не достигал той радикальной реорганизации, о которой мечтали авторы Столыпинской аграрной реформы, а мечтали они о том, чтобы — по западноевропейскому образцу — вся территория России была покрыта «крепкими» хозяйствами, похожими на усадьбы, где жили бы хозяева этой земли.

Оказалось однако, что крестьяне могут вносить в ход реформ важные изменения. В данной статье доказывается, что эти модификации имели целью сохранить традиционную практику общинного землепользования. Крестьяне приняли Столыпинскую земельную реформу на свой лад и тем самым продемонстрировали отвержение основных ее принципов». В заключении она снова говорит «о **повсеместной привязанности** крестьян России к основным элементам традиционного общинного режима землепользования»².

Если считать перевод ее текста точным, то следует заметить, что для употребления столь категоричных оборотов, как «повсюду», «неизменно» и «повсеместно», автору ни в монографии, ни в статье явно не хватает соответствующей статистической базы. В ее монографии помещена лишь одна таблица с девятью строками и четырьмя столбцами, один из которых — даты³.

История землеустройства в Европе свидетельствует о том, что реакция отторжения реформы частью крестьянства совершенно естественна. Поэтому сопротивление общины преобразованиям, которые угрожали ее существованию, — феномен весьма понятный. Никак не оспаривая факта приверженности значительной части крестьян общине, напомним, что человечеству известны случаи, когда люди добровольно соглашались остаться в несвободной системе жизни, поскольку она привычна и понятна, а свобода ими не трактуется как абсолютная ценность (крайний случай — стремление некоторых заключенных остаться в исправительном учреждении после окончания срока заключения). Люди в большинстве своем всегда привержены привычному укладу жизни. Это слишком по-человечески, как говаривал С. Ю. Витте. Именно в этом ракурсе следует рассматривать факты попятного движения крестьян в общину, их стремление адаптировать реформу к тем формам жизни, в которых они выросли.

Не зря, в частности, О. Г. Вронский уделил этому большое внимание, назвав один из разделов своей монографии «Этап «приграничных сражений»: первые шаги реформы и отработка общиной механизмов самозащиты»⁴.

И. В. Мозжухин убедительно показал, как первоначальное неприятие реформы у

¹ Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905.

² Пэллот Дж. Разрушила ли общину Столыпинская реформа? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172–174.

³ Pallot J. Land Reform in Russia. 1906–1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Clarendon Press Oxford. 1999. P. 191.

⁴ Вронский О. Г. государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917) М., 200. С. 227–264.

общинников постепенно сменяется любопытством, а затем и согласием на переход к новым формам хозяйствования¹.

Отмечу мнение И. А. Христофорова, который справедливо говорит о несостоятельности мифологизирующей «традиционные черты мышления крестьян» «точки зрения, согласно которой главные факторы живучести общины следует искать в глубинных пластах крестьянской культуры», «поколебать» которую «можно было только вместе с самой этой культурой... Однако обсуждать такой взгляд всерьез вряд ли имеет смысл: новая и новейшая история дает огромное количество примеров успешной социальной инженерии, и считать, что русское крестьянство (тем более — крестьянство вообще) было как-то особенно резистентно и к ней, и к рыночной стихии, нет ни малейших оснований»².

2. Чрезвычайно популярны обвинения реформы в «разрушении общины». Интонационно они всегда выстроены так, что создается впечатление, будто правительство последние двести лет индифферентно взирало на «самородную» общину, а в 1906 г. вдруг спохватилось и решило ее повсеместно уничтожить. Между тем ситуация была совершенно иной. Община как форма крестьянского общежития в России, как и почти повсюду в мире, была рождена жизнью. А уравнильно-передельная община — особенно в варианте 1861 г. — была продуктом податных и полицейских потребностей государства, а вовсе не результатом стихийного социального творчества крестьянства, как хотелось думать народникам всех видов.

Правительство в нарушение духа и буквы Положения 19 февраля 1861 г. с середины 1870-х гг. сделало для ее укрепления все возможное и невозможное, запретив в 1893 г. итоге выход из нее, введя режим неотчуждаемости. И все подобные ограничения, все нарушения прав крестьянства, *зафиксированных в законе*, казались большинству представителей общественности нормальными и естественными.

Однако изменение позиции власти вызвало негодование. А между тем правительство всего лишь отменяло свои собственные действия, придя к выводу, что прежняя политика оказалась неэффективной³.

Община была не частным, а государственным установлением, а потому иначе, как законодательным путем, правительство тут действовать не могло.

В годы реформы с общиной произошло то же, что происходит с любым недобровольным союзом, пребывание в котором поддерживается силой, навязывается извне — как только у его членов появляется возможность выйти из него, они это делают, и союз начинает распадаться или просто самоликвидируется. Это хорошо подтверждают примеры — от пионерской организации до Организации Варшавского договора включительно. Несостоятельность тезиса о «разрушении общины» как главной или одной из главных целей реформы, который активнее всех отстаивали Анфимов и П. Н. Зырянов, давно и убедительно доказана, в частности, Э. М. Шагиным, В. Г. Тюкавкиным, О. Г. Вронским⁴, показывающим также, что указ 9 ноября 1906 г. «нес в себе немало черт компромиссности с общинным укладом и безуслов-

¹ Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губернии. Очерки реформы крестьянского землевладения. Москва, 1917 г.

² Христофоров И. А. Почему так «живуча» крестьянская община? (К предыстории столыпинской аграрной реформы) // Столыпинские чтения. Пути модернизации России: от Столыпина к современности. М., Медиа-Принт. 2012. С. 125.

³ Выражаясь неакадемично — правительство некоторым образом обладало в отношении общины тем комплексом родительских прав, который столь ярко увековечил Н. В. Гоголь в «Тарасе Бульбе».

⁴ Вронский О. Г. Государственная власть России... С. 229–232.

ного понимания, что будущим «укрепленцам» долгое время предстоит соседствовать с общинниками»¹.

Насколько необоснованны утверждения о «разрушении» общины, можно судить также и по тому, что нормы этого указа относительно права требовать проведения землеустройства на фоне «европейских стандартов» были более, чем скромными. В России для того, чтобы провести разверстание, требовалось, в зависимости от формы землевладения, согласие от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ владельцев наделов. В то же время в Пруссии достаточно было согласия владельцев $\frac{1}{4}$ разверстываемой площади. Во всей Скандинавии, включая Финляндию, любую деревню могли разверстать по требованию *одного-единственного* владельца надела.

К тому же при проведении личного землеустройства можно было оставаться в общинном владении, и, наоборот, выходить на хутора и отруба после работ по групповому землеустройству².

3. Адекватному восприятию аграрной реформы Столыпина сильнейшим образом препятствует лукавое якобы недоразумение, согласно которому групповое землеустройство явно и неявно игнорируется и уж во всяком случае считается чем-то второсортным в сравнении с землеустройством личным. Причин тому немало, в том числе и намеренная превращенная в фетиш идея «всеобщей хуторизации» России как главной цели реформы.

Поскольку при групповом землеустройстве община сохранялась, то говорить о всеместном «разрушении общины и насаждении хуторов» нелепо.

Вообще говоря, эти агитки просто оскорбляют интеллект Столыпина и других реформаторов. Они, слава Богу, не были членами Политбюро ЦК ВКП(б) и, уж конечно, представить не могли, что в Европейской России на пространстве в 5 млн кв. км (половина континента Европа) может существовать *один* рецепт решения аграрного вопроса. Столыпин справедливо считал, что аграрный вопрос нельзя *решить*, его можно только *решать*.

С началом преобразований правительство всего лишь перестало поддерживать общину искусственно, как оно это делало с середины 1870-х гг. Там, где община была жизнеспособна, никто ее сломать не мог (да и не хотел, о чем не раз говорил и П. А. Столыпин), потому что возможности царского правительства и Политбюро в этом смысле были несколько разными — станиц на «черных досках» в Российской Империи быть не могло. Кстати напомним, что даже советская власть, имевшая в арсенале совсем другие методы убеждения, чем Столыпин, не смогла загнать в колхозы 100% крестьян. При этом, разумеется, в ходе проведения реформы было немало конфликтов и неприятных коллизий, которые обычно имеют место в России (и не только!), когда подчиненные хотят угодить начальству, и которые, в частности, дали почву для подобных обвинений.

4. С особой тщательностью противники реформы стремятся доказать, что реформа не произвела «необратимых изменений» — ни в «ментальной сфере», ни в «общине».

Помилуйте, да как же это может произойти за считанные годы *мирного* развития страны? Это какой-то «спортивно-декретный» подход к огромным преобразованиям. Сухова, например, к тому же оперирует только данными за 1909 г., когда реформа, по сути, лишь начиналась.

¹ Там же. С. 232–233.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 735–736.

Лично мне непонятно, как профессиональный историк может думать, что воспитанная веками крепостного права и принудительного труда психология меняется «по звонку», что двести лет крепостного права и сорок лет его пореформенной модификации со всеми их роковыми для внутреннего мира нашего народа последствиями могут бесследно исчезнуть в сознании десятков миллионов людей от одного факта опубликования указа 9 ноября или получения удостоверительного акта об укреплении?

Схожим образом Ельцин в начале 1990-х гг. грозно напоминал о том, что «мы»-де теперь живем в правовом государстве. То есть, 75 лет страна жила чуть ли вне правового поля, а с 9. 00 сегодняшнего дня у ее жителей должно было появиться правосознание.

Действительно необратимые изменения в психологической сфере происходят после катастроф, подобных тем, которые Россия пережила в 1917–1922 гг. и 1929–1933 гг.

5. Обращает на себя внимание постоянное стремление установить несоответствие якобы хода реформы идеальным замыслам Столыпина.

На мой взгляд, нужно обладать своеобразным чувством юмора, чтобы полагать, будто реформатор начинает преобразования, имея в голове (или на бумаге) все возможные варианты развития своих идей на практике. Необязательно быть Ключевским или Пресняковым, чтобы понимать, что история *всегда* богаче любых схем, а серьезное произведение, как правило, «больше» и «умнее» своего автора.

Вообще над всеми подобными текстами, безусловно, витает тень «сплошной коллективизации» и «5-летки в 4 года», что, конечно, серьезно обедняет их.

8.1. Что было необходимо реформировать?

За последнюю четверть века число исследований, посвященных реформе, и, соответственно, объем информации о различных ее аспектах неизмеримо вырос. Появилось множество работ (в основном регионального характера), часто свободных от классового подхода, приверженность к которому, увы, отразилась на реализации научного потенциала многих ученых старшего поколения.

Все реже говорят о «провале» реформы — защитники общины, как мы видели, выбирают теперь более осторожные пути компрометации реформы. Ревизии подверглись незыблемые постулаты советской историографии о том, что в число главных целей реформы входили защита помещичьего землевладения, тотальная ликвидация общины и повсеместное насаждение хуторов, целенаправленное культивирование кулачества и др.

Вместе с тем проблема целей и задач аграрных преобразований Столыпина в историографии по-прежнему остается остро дискуссионной, и разброс мнений на этот счет очень широк.

В литературе — как российской, так и зарубежной — так много внимания уделяется политической составляющей реформы, что ее хозяйственно-экономические задачи нередко уходят на периферию (иногда — далекую) внимания исследователей. А ведь именно они (задачи) стояли на первом месте, например, для сыгравшего столь видную роль в подготовке реформы Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1904 гг., которое ничего не знало об аграрных погромах 1905–1906 гг. и думало в первую очередь о подъеме крестьянского хозяйства.

Поэтому сейчас мы остановимся именно на хозяйственно-экономических задачах Столыпинской аграрной реформы, оставляя пока ее политический компонент в стороне.

На вопрос — что нужно было реформировать в российской деревне — можно дать ответ короткий и пространный. Я склоняюсь ко второму, поскольку «широкая читающая публика» в основном не имела возможности составить ясное представление о том, в каких условиях жили и работали десятки миллионов российских крестьян — очень часто их прямые предки. К тому же возможно более широкое знакомство с конкретными житейскими ситуациями прошлого дает возможность мысленно поставить себя на место тех людей, о которых ты читаешь или пишешь; этого иногда достаточно, чтобы воображение доделало остальное, и история стала чуть менее абстрактной.

Еще в 1860–1870-х гг. сформировались два дискурса в осмыслении русского аграрного вопроса, в более широком плане олицетворявшие два подхода к перспективам развития страны.

Первый из них условно можно назвать «романтическим», поскольку он исходил из мнения об уникальности внутренних качеств и свойств русского крестьянства и был неотделим от идеи общинной эволюции аграрного сектора России. Уже поэтому он объединял, как мы знаем, сторонников самых разных идейных течений, общим концептуальным знаменателем которых была «самородная» уравнилельно-передельная община как феномен, предохраняющий Россию от пролетаризации, а также являющийся переходной стадией к национализации земли, и т. д.¹ На левом фланге этого фантазмагорического конгломерата находились террористы, на правом — министры², на которых иногда охотились первые, а между ними располагались те, кого называли либералами. В этом смысле можно говорить, что большинство образованного класса страны в пореформенное время были народниками.

Упадок деревни после 1861 г. все они — вслед за либеральными народническими экономистами и публицистами — в большей или меньшей степени связывали с внешними характеристиками крестьянского хозяйства, т. е. с неоправданно высокими платежами и недостаточностью наделов. Это их усилиями появилась на свет парадигма кризиса и пауперизации пореформенной России. Вехами в формировании общественного мнения здесь стали работы князя А. И. Васильчикова и Ю. Э. Янсона³, весьма далекие от науки, однако чрезвычайно удачно вписавшиеся в динамику идейной эволюции русского общества и потому почитавшиеся множеством поклонников за научные труды.

Приверженцы данного подхода к аграрному вопросу сумели убедить правительство в своей правоте, и их совокупные усилия оказали реальное воздействие на государственную политику — на понижение и рассрочку выкупных платежей, учреждение

¹ С. Ю. Витте писал об этом: «защитниками общины явились благонамеренные и почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма». (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 40.)

² Подчеркну еще раз условность определения «романтический» — К. П. Победоносцева, одного из главных вдохновителей этих взглядов, в романтизме упрекнуть трудно.

³ *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах. В 2 т. СПб., 1876; *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

Крестьянского поземельного банка, на организацию переселений, а также на укрепление общины. Эти меры, нацеленные на снижение давления внешних факторов на крестьян, цели, однако, не достигли — они не смогли поднять уровень крестьянского хозяйства, не снизили масштаба недоимок и не предохранили Россию от пролетаризации общинной деревни.

Однако диагностика аграрного вопроса «романтиками» осталась прежней.

При этом многих из них — опять-таки по разным причинам — положение в деревне устраивало. Б. Б. Веселовский наглядно показывает, насколько позиция большинства земств в отношении крестьян зависела от интересов помещичьего хозяйства¹ — упомянутый выше обер-прокурор Сената Хвостов был отнюдь не одинок к своему взгляду на общину как на источник рабочей силы. Государственным подходом тут и не пахло.

Однако для левой части «романтиков» малоземелье, точнее *представление* о малоземелье стало не «фактом биографии» российского народного хозяйства, а политическим лозунгом. В народнической литературе, пишет Н. П. Макаров, «**не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений**»². Ведь упадок общинной деревни сам по себе был вечным упреком правительству, а нехватка земли стала со временем очень удобным средством оправдания этого упадка — община оказывалась как будто и не при чем.

При этом тот факт, что недостаточность наделов не носила всеобщего характера, был хорошо известен из тех же земских обследований. Однако в народнической литературе и публицистике данное явление было абсолютизировано — обычная их тенденция при обращении к негативистским штампам. В результате со временем в общественном сознании проблема малоземелья из частной превратилась во всеобщую. Это был весьма удачный пиар-прием.

Такая же абсолютизация, как мы знаем, имела (и имеет!) место с недоимками — они касались крестьян трети губерний Европейской России, но, по умолчанию, считаются относящимися ко всему крестьянству.

Примерно то же произошло и с «отрезками», которые затронули, как известно, только помещичьих крестьян, численность которых равнялась 47% всего крестьянства; потери удельных крестьян были незначительны, а государственные крестьяне получили наделы полностью. Однако, когда мы рассуждаем о крестьянском землепользовании, происходит своего рода психологическая подмена — мы говорим об отрезках как о проблеме *всего* крестьянства, а не одних бывших помещичьих крестьян, составлявших его *меньшинство*.

Абсолютизация малоземелья оказалась настолько успешной, что до сих пор оно фигурирует в качестве главного фактора «кризиса» Российской Империи не только для «читающей публики», но и для некоторых участников исторического сообщества.

При этом наши представления о крестьянском землевладении и землепользовании нуждаются в уточнении. Данные поземельной переписи 1905 г. дают основания полагать, что современники несколько упрощали этот феномен.

В таблицах Приложения IV помещены данные о частном землевладении и землепользовании крестьян и мещан в 1905 г. Дело в том, что мне не кажется правильным

¹ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1910. Т. 2. С. 56.

² Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 8–9.

отделять от крестьян тех, кого земские отчеты об агрономической помощи называют «мещанами-земледельцами»¹, т. е. от представителей мещанского сословия, которые вели крестьянский образ жизни; в разделе о крестьянском сберегательном деле уже говорилось об этом. В 1905 г. насчитывалось 486337 частных крестьянских хозяйств, владевших 13201,9 тыс. дес. земли, и 84901 частных хозяйств мещан, располагавших 3763,7 тыс. дес.

Частная земельная собственность разделялась, во-первых, на личную, а вторых, на собственность обществ и товариществ (крестьянских, мещанских, крестьянско-мещанских и промышленных). В таблице 111, составленной на основе таблиц Приложения, содержатся порайонные данные о соотношении личной земельной собственности крестьян и мещан, которые вели крестьянское хозяйство, и всей личной земельной собственности, а также площади всей земли, приобретенной крестьянами и мещанами в собственность (личной, общественной и товарищеской), и всех частновладельческих земель. Таблица 112 конкретизирует эти данные на уровне губерний.

Таблица 111

**Порайонное соотношение
земельной собственности крестьян и мещан
и всей частной земельной собственности. (тыс. дес.)**

<i>Районы</i>	<i>Сумма крестьянской и мещанской личной земельной собственности</i>	<i>Площадь частной личной собственности</i>	<i>Доля крестьянской и мещанской земли</i>	<i>Всего земли, приобретенной крестьянами и мещанами</i>	<i>Всего земли в частной собственности (включая общества и товарищества)</i>	<i>Доля земли приобретенной крестьянами и мещанами</i>
Северный	783,1	1647,0	47,5	932,2	2064,0	45,2
Приозерный	2175,0	7450,0	29,2	3138,4	8876,5	35,4
Прибалтийский	41,5	4048,2	1,0	41,8	4054,1	1,0
Литовский	736,8	4314,5	17,1	885,1	4464,2	19,8
Белорусский	1340,0	10648,6	12,6	2924,1	12329,1	23,7
ЦПР	2607,1	7981,3	32,7	4050,9	10128,4	40,0
ЦЧР	1500,0	8262,0	18,2	2509,2	9418,3	26,6
Средневожский	688,1	3883,7	17,7	1228,5	4567,3	26,9
Нижневожский	1914,1	8600,6	22,3	4329,0	11576,3	37,4
Малороссийский	1266,0	4498,9	28,1	2012,2	5325,7	37,8
Юго-Западный	554,7	5829,0	9,5	1063,4	6538,2	16,3
Новороссийский	3244,7	10695,6	30,3	5139,1	12715,0	40,4
Приуральский	114,5	8097,1	1,4	232,6	9678,4	2,4
Всего	16965,6	85956,5	19,7	28486,5	101735,5	28,0

Источник: Статистика землевладения. 1905 г.

¹ Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1911 год). Ред. Морачевский В. В. Вып. 13. Ч. 2. Пг., 1914. С. 18–19.

Таблица 112

**Погубернское соотношение земельной собственности крестьян и мещан
и всей частной земельной собственности (тыс. дес.)**

Губернии	Сумма личной собственности крестьян и мещан	Площадь частной личной собственности	Доля земли крестьян и мещан (%)	Всего приобретено земли крестьянами и мещанами	Всего земли в частной собственности	Доля земли, приобретенной крестьянами и мещанами (%)
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская	61,43	63,5	96,7	61,9	64,2	96,4
Вологодская	629,2	1289,9	48,8	777,1	1479,9	52,5
Олонецкая	92,5	293,6	31,5	93,2	519,9	17,9
Всего	783,13	1647,0	47,5	932,2	2064	45,2
Петербургская	277,4	1743,8	15,9	404,1	1898,5	21,3
Новгородская	1295,7	3947,4	32,8	1847,9	4851,4	38,1
Псковская	601,9	1758,8	34,2	886,4	2126,6	41,7
Всего	2175	7450,0	29,2	3138,4	8876,5	35,4
Курляндская	10,4	1019,1	1,0	10,4	1019,2	1,0
Лифляндская	0	1807,1	0,0	0	1807,5	0,0
Эстляндская	31,1	1222,0	2,5	31,4	1227,4	2,6
Всего	41,5	4048,2	1,0	41,8	4054,1	1,0
Виленская	214,2	1519,3	14,1	227,7	1532,8	14,9
Гродненская	267,6	1070,3	25,0	399,2	1203,4	33,2
Ковенская	255	1724,9	14,8	258,2	1728	14,9
Всего	736,8	4314,5	17,1	885,1	4464,2	19,8
Витебская	318,5	1943,2	16,4	509,8	2134,6	23,9
Минская	202,8	4836,6	4,2	545,5	5257	10,4
Могилевская	378,3	1858,7	20,4	812,6	2303,8	35,3
Смоленская	440,4	2010,1	21,9	1056,2	2633,7	40,1
Всего	1340	10648,6	12,6	2924,1	12329,1	23,7
Московская	146,5	861,1	17,0	240,5	1041	23,1
Владимирская	274,4	1053,8	26,0	396,2	1435,8	27,6
Калужская	293,9	905,0	32,5	410,4	1092,1	37,6
Костромская	706,7	2556,8	27,6	1081,1	3088,2	35,0
Тверская	613,8	1454,8	42,2	1186,5	2144,3	55,3
Ярославская	571,8	1149,8	49,7	736,2	1327	55,5
Всего	2607,1	7981,3	32,7	4050,9	10128,4	40,0
Воронежская	199,8	1384,2	14,4	411,3	1588,2	25,9
Курская	293	1260,2	23,3	409,7	1391,8	29,4

Окончание таблиц 112

1	2	3	4	5	6	7
Орловская	266,3	1324,4	20,1	454,2	1584,5	28,7
Рязанская	276	1225,5	22,5	466,7	1458	32,0
Тамбовская	298,8	1948,7	15,3	478,4	2151,9	22,2
Тульская	166,1	1119,0	14,8	288,9	1243,9	23,2
Всего	1500	8262,0	18,2	2509,2	9418,3	26,6
Казанская	79,9	656,5	12,2	155,5	734,6	21,2
Нижегородская	262,7	1147,1	22,9	463,3	1476,1	31,4
Пензенская	169,5	1115,1	15,2	311,8	1264,1	24,7
Симбирская	176	965,0	18,2	297,9	1092,5	27,3
Всего	688,1	3883,7	17,7	1228,5	4567,3	26,9
Самарская	943,6	3137,8	30,1	1323	3544,5	37,3
Саратовская	323,6	2012,4	16,1	923,2	2630,5	35,1
Оренбургская	328,3	1131,9	29,0	764,9	2038,7	37,5
Уфимская	287	2119,6	13,5	1286,3	3163,8	40,7
Астраханская	31,6	198,9	15,9	31,6	198,8	15,9
Всего	1914,1	8600,6	22,3	4329	11576,3	37,4
Полтавская	424,4	1682,2	25,2	617,6	1891,7	32,6
Харьковская	343,5	1344,5	25,5	593,9	1608,4	36,9
Черниговская	498,1	1472,2	33,8	800,7	1825,6	43,9
Всего	1266	4498,9	28,1	2012,2	5325,7	37,8
Волынская	315,4	2584,5	12,2	443	2819,9	15,7
Киевская	157,2	1801,1	8,7	375,8	2092,5	18,0
Подольская	82,1	1443,4	5,7	244,6	1625,8	15,0
Всего	554,7	5829,0	9,5	1063,4	6538,2	16,3
Бессарабская	219,4	1423,2	15,4	444,7	1656,1	26,9
Херсонская	810,5	2760,8	29,4	1215,4	3165,7	38,4
Таврическая	985,2	2492,4	39,5	1255	2766	45,4
Екатеринославская	554,1	2131,0	26,0	1136,4	2809,1	40,5
Донская	675,5	1888,2	35,8	1087,6	2318,1	46,9
Всего	3244,7	10695,6	30,3	5139,1	12715	40,4
Вятская	90,7	793,6	11,4	108,6	824,4	13,2
Пермская	23,8	7303,5	0,3	124	8854	1,4
Всего	114,5	8097,1	1,4	232,6	9678,4	2,4
ВСЕГО	16965,63	155718,8	19,7	28486,7	101735,5	28

Источник: Статистика землевладения. 1905 г.

Как можно видеть, в целом для 50 губерний доля личной собственности крестьян и мещан составляла 19,7%, колеблясь в пределах от 1,0% в Прибалтийском, 1,4% в Приуральском и 9,5% в Юго-Западном районах до 47,5% в Северном районе. Однако порайонные цифры скрывают достаточно интересные детали.

Оставляя в стороне показатели Архангельской губернии, отметим, что в Ярославской, Вологодской и Тверской губерниях этот показатель составлял 49,7—42,2%, а в Таврической, Псковской, Черниговской, Новгородской, Калужской, Олонецкой и Самарской губерниях, а также Донской области — 39,5–30,1%, в Херсонской, Оренбургской, Костромской, Владимирской, Екатеринославской, Харьковской, Полтавской и Гродненской — 29,4–25,0%, а в Курской, Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Могилевской и Орловской — 23,9–20,1%.

Если к этой площади добавить землю, купленную целыми крестьянскими обществами, а также товариществами крестьян и мещан, то доля частной собственности этих двух сословий в общей площади частной земельной собственности возрастает, иногда превышая половину, как в Ярославской, Вологодской и Тверской губерниях, а чаще — две пятых и треть всей частной земельной собственности. Это величины достаточно внушительные. Доля всей приобретенной крестьянами и мещанами земли в целом для 50 губерний равна 28,0%. В целом эта цифра не особенно велика, однако в отдельных губерниях данный показатель повышается настолько, что его следует признать значительным.

Данный факт важен, поскольку, на наш взгляд, усилия самих крестьян по увеличению площади своего землевладения в историографии недооцениваются. Понятно при этом, что Лопахины появились намного раньше, чем А. П. Чехов написал «Вишневый сад» и что часть крестьян и мещан владела настоящими поместьями уже в 1877 г., однако статистика говорит, что площадь их земель составляла незначительную величину. При всем том я никак не абсолютизирую эти подсчеты. Нетрудно предвидеть, что попытка соединить землевладение крестьян и мещан может вызвать возражения, притом отчасти справедливые — слишком многого мы еще не знаем об этом аспекте развития аграрного сектора. Вместе с тем на крестьян приходится 85,1% суммы хозяйств и 77,8% суммарной площади землевладения крестьян и мещан, так что добавление показателей мещанского сословия не меняет данные радикально. Во всяком случае, обозначенная проблема существует и она требует решения.

Все варианты аграрных программ оппозиции в 1905–1906 гг. во главу угла ставили изменение количественной стороны крестьянского землевладения («малоземелья») за счет помещичьих земель, т. е. были популистски подстроены под мечту крестьян о дополнительном наделении землей — сейчас неважно, шла ли речь о полной экспроприации помещичьих земель или о частичной, о которой говорили кадеты.

В контексте этой логики малоземелье понималось буквально. Кадеты, правда, упоминали о необходимости агрономических улучшений, но вопрос о том, как они собирались это сделать в рамках уравнительно-передельной общины, остается загадкой, а все социалистические партии были выше этой мелочной возни с повышением уровня крестьянского хозяйства.

В рамках второго — «реалистического» — дискурса не оспаривался факт наличия острой земельной нужды у меньшинства крестьян, но он отнюдь не распространялся на все крестьянство. Основные причины обеднения части деревни, по мнению сторонников этого подхода, вытекали не из внешних, а из внутренних факторов крестьян-

ского хозяйства, таких, как низкий уровень сельскохозяйственной культуры, который усугублялся коренными изъянами общинного землевладения.

«Реалисты» рассматривали аграрную проблематику строго *научно* (я выделяю слово «научно» потому, что в пореформенное время дипломированные экономисты слишком часто выступали как приверженцы не знания, но идеологии).

Во-первых, они резонно ставили вопрос о том, что, собственно говоря, считать малоземельем. Так, А. С. Ермолов на личном опыте убедился в том, что в России нет региона — вплоть до Сибири и казачьих станиц Северного Кавказа с душевыми наделами в 20 и более дес., где не жаловались бы на малоземелье (кроме, возможно, Севера). При этом далеко не везде крестьяне в состоянии нормально обработать и ту землю, которой они располагают. Для подавляющего большинства крестьян проблема, говорит он, заключается не в том, что площадь земли мала, а в том, что она недостаточна для ведения средневекового экстенсивного хозяйства, которое в силу изменившихся общих условий жизни и демографического взрыва в конце XIX — начале XX вв. вести уже невозможно. Переменить формы хозяйства можно, хотя это и не просто, «а создавать вновь землю нельзя, — для отживших но упорно удерживаемых приемов земледелия ее всегда будет не хватать»¹. Как здесь не вспомнить язвительное замечание Б. Д. Бруцкуса о том, что, «русская интеллигенция даже и элементарную мысль о том, что, в конце концов, ведь земля не размножается... считает какой-то реакционной ересью»².

При том, что душевые наделы колеблются в Европейской России в широком диапазоне (мы уже знаем об этом), Ермолов «мимоходом» замечает, большого различия в благосостоянии крестьян с таким разным землепользованием незаметно. Действительно бедствуют лишь те из них, кто имеет «даровой нищенский надел». В своих работах он убедительно доказывает, что нередко «крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных»³.

Во-вторых, «реалисты» справедливо полагали, что наличие во многих губерниях малых наделов разного происхождения не имеет отношения к большинству крестьянских дворов; проведенный выше поуездный анализ земельной статистики подтверждает это. Как известно, на 1 двор в стране в среднем приходилось 10,2 дес. при амплитуде колебаний от 3,8 дес. в Подольской губернии до 65,1 в Олонецкой, не считая земли, находившейся в частной собственности крестьян.

Эти цифры отнюдь не выглядели безнадежными при сопоставлении в аналогичными показателями других стран, как следует из таблиц 113–115.

Таблица 113

**Количество удобной земли (без лесов)
на одного жителя в разных странах (дес.)**

1	2	3	4
Канада	2,2	Австралия*	0,85
США	2,1	Франция	0,82
Болгария	2,05	Венгрия	0,73
Россия	2,03	Австрия	0,68

¹ Ермолов А. С. Наш земельный вопрос... С. 4–5.

² Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса... С. 8–9.

³ Ермолов А. С. Наш земельный вопрос ... С. 5.

Окончание таблицы 112

1	2	3	4
Греция	1,39	Германия	0,62
Испания	1,3	Италия	0,62
Аргентина*	1,2	Норвегия*	0,5
Алжир	1,1	Англия	0,43
Дания	1,03	Голландия	0,38
Швеция	0,92	Брит. Индия	0,32
Сербия	0,88	Бельгия	0,28
Румыния	0,86	Япония	0,14

Источник: Горемыкин М. И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной Думе. СПб., 1907. С. 8–9.

* без пастбищ.

Таблица 114

**Площадь удобной земли на одного человека земледельческого населения
в разных странах (дес.)**

Канада	4,6	Германия	1,75
США	4,4	Бельгия	1,31
Россия	2,9	Австрия	1,26
Англия	2,82	Швеция	1,22
Болгария	2,82	Румыния	1,11
Дания	2,7	Италия	1,01
Аргентина	2,4	Венгрия	0,96
Франция	1,81	Брит. Индия	0,54
Испания	1,8	Япония	0,28

Источник: Горемыкин М. И. Аграрный вопрос... С. 9.

Таблица 115

Средний размер хозяйства в разных странах (дес.) по Соковнину

США	44,1	Венгрия	8,5
Россия*	21,3	Германия	8,2
Швеция**	16,6	Франция	7,06
Англия	15,1	Италия	5,2
Россия ***	13,477****	Австрия	5,1
Дания	11,3	Бельгия	2,4
Испания	9,7	Япония	0,75

Источник: Горемыкин М. И. Аграрный вопрос... С. 12.

* без большей части казенных лесов;

** без леса;

*** среднее крестьянское владение;

**** подсчеты П. Лохтина — 12,5 дес.

Нетрудно видеть, что Россия уступает лишь молодым тогда США и Канаде, в которых освоение сельскохозяйственной территории не было еще закончено.

Поэтому логичным выглядит следующее мнение П. М. Лохтина: «По обилию земли, приходящейся в России на одного человека населения вообще и земледельческого в частности, и по незначительному числу мелких участков, Россия превосходит почти все государства света и *никакого малоземелья в ней не имеется*. Мы знаем, между тем, что, по общественному мнению, сделавшемуся стереотипным, малоземелье есть главнейшая причина бедственного положения крестьян. Эти жалобы... доказывают не малоземелье, а однозначуши с жалобами на невозможность дальнейшего ведения экстенсивного хищнического хозяйства на истощенной почве. Земля наша «велика» по-прежнему, но она уже не «обильна» в смысле плодородия почвы благодаря «порядкам» пользования землею»¹.

В сущности, спекулятивный характер рассуждений о малоземелье и тем более — о всеобщем малоземелье был ясен любому непредвзятому наблюдателю. Минимальная площадь наделов не мешала крестьянам Подольской, например, губернии вовремя платить все подати и занимать лишь 19-ю позицию по числу переселенцев в 1896–1914 гг.

Поэтому реформаторы, наряду с количественными, видели и качественные проблемы крестьянского землевладения и землепользования, которые в большинстве случаев оказывались важнее первых, поскольку крайне неблагоприятно влияли на сельское хозяйство, приводя к неоправданным затратам народного труда и значительно понижая производительность десятков миллионов десятин фонда наделной земли.

Способы увеличения крестьянского землепользования были очевидны — расширение и качественное изменение характера операций Крестьянского поземельного банка, расширение масштабов переселения, передача казенных, а затем и ряда удельных земель в руки крестьян.

Землеустройство, быстро ставшее стержнем реформы, было направлено на ликвидацию качественных изъянов наделного землевладения мерами землеустроительного характера, что само по себе должно было создать предпосылки для подъема уровня производительности крестьянского хозяйства.

Что же это за качественные недостатки?²

8.1.1. Чересполосица и длиннотелье

Не требует специальных пояснений тот факт, что чем ближе к усадьбе находятся принадлежащие крестьянскому двору угодья и чем плотнее, компактнее они расположены, тем — при прочих равных — легче достигнуть лучших хозяйственных результатов при одних и тех же затратах труда и капитала.

Однако деревенская форма расселения, как правило, всегда и везде связана с чересполосицей, принудительным севооборотом и большими массивами земель общего пользования, которые с течением времени часто усугубляются мелкополосицей и дальнотельем³. При этом в России после 1861 г. негативное влияние этих явлений радикально усиливалось размерами сельскохозяйственной территории и общинным режимом.

¹ Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901. С. 146.

² Примеры влияния этих недостатков в литературе весьма многочисленны, и приводимые ниже легко умножить.

³ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 134–138; Кофод К. А. 50 лет в России... С. 44.

В трудах Особого Совещания С. Ю. Витте читаем: «Чересполосность и длинноземелье, эти две главнейшие язвы крестьянского землевладения, нередко вызывают те же последствия, как и малоземелье, заставляя крестьян, вполне, казалось бы, обеспеченных землею, прибегать к усиленной аренде и покупке земли, переселению, забрасыванию наделов, сдаче их внаем. Заявления о распространении и вредных последствиях чересполосицы встречаются в трудах почти всех Комитетов»¹.

Свойственная общинной форме землевладения мелкая внутринадельная чересполосица² исторически вытекала из стремления членов общины к такому уравнительному распределению полевых угодий, чтобы на каждый пай приходилась бы, по возможности, равная доля во всех полевых участках, которые различались качеством почвы или даже только местоположением.

Поэтому каждое из трех полей, по которым в большинстве местностей Европейской России чередовались посевы, разбивалось обычно на отдельные участки (ярусы, столбы, коны и т. п.), а они в свою очередь распределялись затем на полосы между всеми членами общества по числу душ или других разверсточных единиц в их семействах.

Число этих ярусов и конов и, соответственно, число полос, которые получал один домохозяин, колебалось для разных местностей в весьма широких пределах, нередко достигая нескольких десятков, — в зависимости от качества почвы, топографических условий, удаленности полей от усадеб и т. п. Так, в Московской губернии среднее число ярусов, выведенное из подсчета их в 800 общинах, составляло 11 на каждое поле трехпольного севооборота. Чем больше было в селении таких ярусов, тем мельче, понятно, были и полосы, отводившиеся в каждом из них отдельным домохозяевам³.

О региональной специфике распространения чересполосицы дают представление материалы уникального обследования, проведенного ГУЗиЗ осенью 1913 г. (см. ниже).

При этом как в нечерноземных, так и в черноземных уездах, как в общинных, так и в подворных обществах — эти полосы очень часто бывали так узки, что на них с трудом можно было использовать борону, нередко ширина душевых полос измерялась аршинами, лаптями, ступнями; например, в Саратовской губернии имелись наделы, состоящие из 100 и более узких аршинных полос⁴. В Ливенском, например, уезде Курской губернии половина крестьян пользовалась полосками шириной до двух сажений, по которым едва могла пройти борона⁵.

Так, в Верхотурском уезде Пермской губернии были селения, в которых двухдесятинные полевые надельные участки крестьян были разбиты на 20 и более полос, шириною в 4 аршина (2,8 м), а длиною до 120 сажень (256 м). В Луцком уезде Волынской губернии подворные владения нередко состояли из 15 кусков, причем площадь каждого из них не превышала 300 кв. сажень (0,14 га). В Подольской губернии в ряде обществ обработка полевой земли плугом, вследствие крайней дробности полос, была не всегда возможна и крестьяне или вспахивали ее ралом, или вскапывали заступом.

¹ Шидловский С. И. Общий обзор трудов местных комитетов. СПб., 1905. С. 43.

² Чересполосица была и в подворных селах, при этом предусмотренные законом способы ее ликвидации делали это практически неосуществимым.

³ Объяснительная записка к проекту положения об улучшении и расширении крестьянского землевладения. СПб., 1907. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 69.

В Радомысльском уезде Киевской губернии подворные владения в 12–20 дес. нередко разбивались на 10–20 длинных полос, шириною от 2 до 20 сажен (от 2,1 до 21,3 м), причем расстояние между отдельными полосами измерялось верстами.

В западных губерниях подворные владения обычно располагались в виде множества отдельно расположенных полос, которые из-за их узкости получили характерное название «шнуров».

Невыгодные для хозяйства последствия внутринадельной чересполосицы и мелкополосицы были очевидны. Это потеря времени на переходы (и переезды) от одной полосы к другой при обработке и уборке полей, это невозможность более тщательной (например, плужной и поперечной) обработки земли из-за узости полос, это засорение травами и потеря удобрения, это перебрасывание на чужие полосы семян при посеве, это растрата земли на межики и полевые дороги.

По расчету Суджанского комитета, в наделе одного местного общества при 8400 полосках в трех клиньях пропадало под межами, считая ширину каждой в 6 вершков (26,7 см), около 109 дес. земли. Подсчеты, произведенные для Ярославской губернии, показали, что здесь межи в крестьянских полях занимали до 7 тыс. дес., которые могли бы давать около 250 тыс. пуд. хлеба ежегодно¹.

Кроме того, из-за принудительного севооборота крестьяне должны были сеять и убирать урожай одновременно с соседями, и — что бы ни говорили агрономы-социалисты — в масштабах страны такой севооборот делал невозможным переход отдельно от соседей к более совершенным системам хозяйства.

Понятно, что негативные последствия внутринадельной чересполосицы усиливались длинноземельем, т. е. были тем сильнее, чем дальше отстояли друг от друга и от усадьбы отдельные полосы одного домохозяина. Не говоря о потере времени на переезды, вред длинноземелья для крестьянского хозяйства проявлялся прежде всего в невозможности удобрять отдаленные, так называемые запольные, пашни (навоз вывозился обычно не далее как за 3–3,5 версты). Кроме того, крайне затруднялась обработка (а также уборка) удаленных полей и охрана их от потрав. Из-за этого дальние поля нередко дешево отдавались в аренду или совсем забрасывались. Равным образом во многих случаях практически невозможным было хозяйственное использование отдаленных пастбищ.

О том, как выглядит длинноземелье по данным обследования ГУЗиЗ в 1913 г., мы увидим ниже.

Особенно страдали от длинноземелья крупные общества, причем тем больше, чем были крупнее. Размеры сельских поселений нарастали с севера на юг. Так, в Самарской губернии в среднем на одно селение приходилось 114 дворов, в Воронежской — 139, в Самарской — 142, в Астраханской — 263 двора, причем некоторые поселки превосходили по числу жителей уездные города.

Например, в Воронежской губернии 43% всего крестьянского населения концентрировалось в селах, имевших каждое свыше 3000 душ обоюбого пола; так, в одном Бутурлиновском обществе Бобровского уезда насчитывалось свыше 10 тыс. ревизских душ, а его наличное население в середине 1890-х гг. превышало 30 тыс. душ обоюбого пола.

В Тамбовской, Курской, Полтавской, Харьковской, Херсонской губерниях было немало селений с числом жителей 1–3 тыс. человек и более. В Самарской губернии

¹ Объяснительная записка к проекту... СПб., 1907. С. 3.

были такие известные на всю Россию крупные поселения, как Балаково и Покровская слобода, в Саратовской — село Черкасское и ряд других¹.

Кофод писал о Покровской слободе, что она состояла из «4000 — буквально четырех тысяч! — довольно состоятельных крестьянских дворов. Если сложить надельную и купленную земли, то получится, что эта слобода владела более чем 130 тыс. гектаров, которые простирались более чем на 100 км от Волги, на берегу которой она лежала. И возделывалась эта земля живущими в слободе!

Для крестьян таких больших деревень не могло, конечно, быть и речи о том, чтобы поехать в поле и вернуться оттуда в тот же день. В таких деревнях обработка земли и уборка урожая происходили следующим образом: весной, когда снег почти растаял, все работоспособные члены семьи, со всем поголовьем (скота) и орудиями для обработки земли, уезжали в степь. Как только земля подсыхала и прогревалась, сеяли, и когда поле зазеленело, весь караван возвращался назад в деревню. Теперь уже подходило время косить, а когда сено было застоговано, уборка зерновых стояла у дверей. Снова все уезжали в поле, убирали хлеб, молотили его и свозили зерно в деревню. Солома оставалась в поле. Было две поездки в год. Озимые в Юго-Восточных степях не выращивали»².

Многолюдные общины, даже состоящие только из одного селения, серьезно препятствовали нормальному функционированию общинного механизма, затрудняя рациональные (насколько этот термин тут применим) и быстрые переделы земли.

Понятно, что 50-ти домохозяевам куда проще и быстрее распределить между собой, например, 200 дес. пашни, чем 500 домохозяевам поле в 2000 дес. (даже не касаясь того, что во втором случае чересполосность душевых участков очевидно будет большей). Поэтому в некоторых крупных односеленных общинах все угодья разделялись между отдельными частями селения (по его концам или кварталам), которые затем и функционировали как обособленные на определенный срок отдельные общины, что иногда даже закреплялось обычаем на длительное время.

Однако подобного рода обособленность, не оформленная юридически, не могла быть прочной, а окончательный же раздел земельных обществ на самостоятельные части — как и другие землеустроительные действия — по действующему законодательству был крайне трудным делом, поскольку ставился в зависимость от согласия большинства $\frac{2}{3}$ домохозяев. Надо иметь в виду, что длинноземелье при разделе крупного селения по концам могло быть устранено лишь отчасти (см. ниже).

Длинноземелье нарастало с севера на юг.

Так, например, в 14 уездах Курской губернии (кроме Курского и Обоянского уездов) из общего числа 4030 общин только у 54% надельные земли не удалялись более чем на 3 версты от усадеб, а у 27% (1098) дальние поля отстояли от усадеб не ближе, чем на 5 верст. В Корочанском уезде 51 община имела участки земли на расстоянии 15–40 верст от усадебной оседлости. При этом Курская губерния по размерам селений отнюдь не была лидером.

В Трубчевском уезде Орловской губернии около 50 сельских обществ имели надельную землю, причем не только сенокосную, но и пахотную на расстоянии 10 верст и более от усадеб, а у нескольких обществ часть надела была отведена за 25 и даже за 40 верст. Из-за этого крестьяне не могли обрабатывать эту часть своего надела и, по

¹ Там же. С. 4.

² Кофод К. А. 50 лет в России... С. 44. Замечания об озимых не вполне точное.

необходимости, сдавали ее за самую ничтожную плату, зачастую вносимую водкой, а не деньгами. Это явление имело место и в других губерниях. В разных уездах Рязанской губернии имелось несколько сельских обществ, владения которых находились на столь далеком расстоянии от главного села, что ни о каком правильном хозяйстве и думать было нечего¹.

Длинноземелье имело место и в тех нередких случаях, когда надельная земля была вытянута (растянута) в одну сторону, например, вдоль реки, и когда принадлежавшие одному селению угодья располагались в нескольких отдельных отрубках, которые чередовались с чужими землями и, в частности, с землями других селений, что наблюдалось почти во всех сложных или в многоселенных земельных обществах. Иногда длинноземелье приобретало совершенно исключительные масштабы. Так, например, в Шадринском уезде Пермской губернии у 14% всех селений дальние земли отстояли от усадеб более чем на 20 верст (у 46% от 10 до 20 верст и у 36% — от 5 до 10 верст). В Смоленской губернии надельные земли нередко растягивались на 10–15 верст; в Каневском уезде Киевской губернии поля бывали отдалены на 6–10 верст от селений и т. д.².

В Рязском уезде Рязанской губернии свыше половины дворов имели наделы на расстоянии от 6 до 25 верст от усадеб. Крестьяне села Семион задешево сдавали свою отдаленную землю, а сами арендовали близ своего села. Крестьяне села Ямской слободы сдавали находившуюся от них примерно за 100 верст надельную землю в аренду по два рубля за десятину, а сами, живя в селе, очень нуждались в земле. В то же время арендаторы их наделов разбивали снимаемые у них 3 тыс. дес. на две или три части и сдавали в аренду уже от себя, а эти субарендаторы в свою очередь еще раз делили землю на мелкие участки и получали по 6–8 руб. за десятину³.

В Центрально-Черноземном районе считалось, что, если земля расположена далее, чем на 5 верст от усадьбы, то крестьянин работает себе в убыток, но именно в таком положении находилось, например, 40% крестьян Новоскольского уезда Курской губернии.

Отдаленность полевых угодий вызывала непроизводительную потерю времени и необходимость иметь в большем количестве живой и мертвый инвентарь: «Легко себе представить положение крестьянина, вынужденного ездить за 5, 10 и за 15 верст на разбросанные в разных местах полоски, сеять, убирать потом копну своего хлеба, перевозить по такой дальней дороге, что по ней он рассеивает половину собранного хлеба, т. е. затрачивать огромное количество труда, прямо-таки непосильного в страдную пору. Для того, чтобы свезти только 50 копен собранного хлеба, посеянного всего только за 5 верст, крестьянин должен совершить путешествие по меньшей мере в 300 верст. 150 верст туда в телеге и столько же обратно пешком за возом! Это ли не труд в страдную пору? Длинноземелье составляет истинное экономическое бедствие крестьянского хозяйства»⁴.

Одним из следствий длинноземелья было образование так называемого заполья. Запольные земли совсем не удобрялись и давали урожай, пониженный в сравнении с другими землями почти на 30%. Заполье играло заметную роль в хозяйстве круп-

¹ Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 60–61.

² Объяснительная записка к проекту... С. 5–6.

³ Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 61–62.

⁴ Там же. С. 63–64.

ных общин, а также получивших в надел землю с вытянутой конфигурацией. Как правило, оно росло по мере увеличения площади надела. Например, в Елифанском уезде Тульской губернии в общинах, имеющих до 100 дес. пашни, заполье составляло 10,5% общей площади, в общинах со 101–300 дес. пашни оно поднималось до 11,9%; в общинах с 301–500 дес. — до 31,8%, и, наконец, в общинах с наделом свыше 500 дес. процент заполья равнялся 38,6%. Специалисты считали, что общий уровень благосостояния общины в большой мере обуславливался долей запольных земель, и чем она была выше, тем ниже был средний достаток.

Такие земли представляли «громадное неудобство в сельскохозяйственном отношении». Они, если не сдавались в аренду, то обрабатывались весьма небрежно, в одну-две вспашки под посев, навоз, как говорилось, туда никогда не возился, и сборы, соответственно, были низкими даже и в хорошие по урожайности годы. Понятно, что и уборка хлеба на заполье была очень сложной. Главной проблемой была транспортировка зерна на гумно. При расстоянии в 20–25 верст перевозка каждой копны (по 1,5–2 копны в день) путем найма обходилась в 75–100 коп., а своими средствами средняя крестьянская семья должна была потратить на это 30–40 дней. Из-за этого копны часто и подолгу застаивались в поле и портились от непогоды¹.

В годы Столыпинской аграрной реформы выделяющимся из общины крестьянам наделы очень часто будут отводиться именно на запольных землях.

8.1.2. Сложные (однопланые) общины и внеадельная чересполосица

Одним из пережитков крепостнической эпохи было наличие сложных, т. е. состоящих из нескольких селений, земельных обществ, которые часто назывались одноплаными, поскольку землю в 1861 г. они получили по одному акту. Их ликвидация станет одним из важнейших направлений землеустройства.

Отвод нескольким селениям одного общего надела имел место при землеустройстве как бывших помещичьих, так и бывших государственных крестьян. В первом случае для этого было достаточно, чтобы два и более соседних селения принадлежали одному помещику, а во втором требовалось наличие общности или чересполосности пользования угодьями. Последнее условие встречалось довольно часто, в силу чего и сложные общества, состоявшие иногда более, чем из десяти селений, распространены были очень широко — они имелись в 37 губерниях Европейской России².

В таких селениях пахотные земли находились в обособленном владении каждого отдельного селения, а остальные угодья (луга, пастбища, леса, выгоны и пр.) полностью или отчасти находились в общем пользовании всех или части селений. Очень часто общие угодья ежегодно переделялись между селениями заново, что неизбежно порождало массу раздоров и неудовольствий, а враждебные отношения доходили до прямых притеснений крупными селениями более мелких, включая захваты земли. Как подобные отношения отражались на экономическом положении таких селений, объяснить не надо.

Площадь однопланых дач в отдельных губерниях составляла миллионы десятин. В северных губерниях свыше 75% всех селений не имели отдельного владения землей. Не случайно в «Обзоре деятельности землеустроительных комиссий губерний Северо-

¹ Там же. С. 65.

² Объяснительная записка к проекту... С. 7.

— Восточного района» (апрель 1914 г.) говорится, что в данном районе господствующей формой наделного землевладения была, «если так можно выразиться, «мертвая сложная община». Мертвая потому, что переделов на обширном пространстве уже давно не производится, сложная — вследствие повсеместной развитой здесь однопланности и чересполосности не только между отдельными селениями, но очень часто между целыми сельскими обществами, а иногда и между волостями (Олонецкая губерния)»¹.

В этот район, заметим, тогда входили 10 губерний: Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Олонецкая, Пермская, Уфимская и Ярославская, площадь которых составляла 190,9 млн дес., т. е. немногим менее половины всей территории Европейской России. В Казанской, например, губернии из 3,2 млн дес. наделной земли около 1 млн приходилось на долю однопланых селений.

Однако проблема не ограничивалась этим регионом. Так, в Воронежской губернии из 3746, 4 тыс. дес. наделной земли не было размежевано между самостоятельными сельскими обществами 1218,1 тыс. дес., т. е. 32,5%. При этом суды были завалены межевыми делами, которые селения, входящие в состав однопланых обществ из-за неопределенности своих поземельных отношений, возбудили друг против друга². В Московской губернии таких селений насчитывалось от 30 до 77% на уезд³.

Нередко однопланность охватывала целые волости. Так, в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 1909–1911 гг. «был произведен раздел 99 селений с 3572 дворами, составляющих три волости (Сретенскую, Никольскую и Чудиновскую), наделенных земель в количестве 13444 десятин (146,9 кв. км; для сравнения — площадь княжества Лихтенштейн составляет 157 кв. км — М. Д.) по одному общему акту»⁴.

Число подобных примеров легко умножить.

Существующие законы практически не позволяли бороться с этим злом⁵.

Помимо упомянутых выше видов *внутринаделной* чересполосицы, серьезным недостатком наделного землевладения во многих случаях была чересполосность *вненаделная*, т. е. чересполосность крестьянских земель с прилегающими землями частных владельцев, казны, церкви и т. п. Например, в Богородском уезде Московской губернии 59 селений имели общее владение площадью свыше 25000 дес. более чем на 700 участках «с вкрапленными чересполосно землями, принадлежащими Уделам и Павловскому Посаду»⁶.

Однако самой распространенной формой была чересполосность с помещичьими землями, которая появилась еще тогда, когда наделы бывших владельческих крестьян были нераздельной частью имений и когда хозяйственные расчеты владельцев не только не препятствовали чересполосному чередованию предоставляемых крестьянами угодий с остальной территорией имения, но нередко прямо требовали такого чередования.

В 1861 г. такая чересполосица в основном была сохранена, поскольку в целях скорейшего завершения реформы крестьянские угодья к одним местам обычно не сводились. Если же в данном поместье имели место отрезки земель в пользу помещика, то они большей частью также производились без всякой заботы о сокращении чересполосности, а нередко даже увеличивали ее.

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 884. Л. 4.

² Там же. Д. 696. Л. 142-143об.

³ Там же. Л. 46об.

⁴ Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. СПб., 1913. С. 12.

⁵ Объяснительная записка к проекту... С. 7-8.

⁶ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 46об.

Местные положения о крестьянах предоставляли помещикам право требовать в течение первых шести лет после утверждения наделов обязательного для крестьян разверстания чересполосных и общих угодий, однако этим правом воспользовались немногие. А после шестилетнего срока такое разверстание было возможно лишь по любовному соглашению обеих сторон, но подобные сделки были редкостью, поскольку одной из сторон чересполосность угодий почти всегда давала косвенные выгоды. В итоге через 40 лет после реформы чересполосность земель бывших помещичьих крестьян с прилегающими частными владениями осталась почти такой же, что и в 1861 г.

В источниках есть свидетельства, наглядно демонстрирующие, насколько это было неудобно. Так, в Центрально-Черноземном районе и, в частности, в Курской губернии, было немало земель в неразмежеванных дачах, т. е. в общем и чересполосном владении между частными владельцами и общинами бывших государственных крестьян.

Помещик в подобной даче, окруженной со всех сторон крестьянской землей, должен был, естественно, держаться той же принудительной системы полеводства, что и его соседи-крестьяне. Если бы он решил перейти, например, к травосеянию или посевам корнеплодов, то его чересполосные участки с улучшенным севооборотом были бы обречены на гибель.

Если соседи-крестьяне уберут свой урожай раньше, чем помещик, то его участки будут вытоптаны крестьянским скотом, если же случится наоборот, то частный владелец не сможет проехать к своему полю через занятые посевами крестьянские участки, и, наконец, если крестьянская земля находится под паром, то пасущийся на ней скот и вовсе не даст вырасти частновладельческим посевам. То есть помещик в таких условиях был лишен возможности интенсифицировать свое хозяйство — на практике все совладельцы дачи становились жертвами принудительного севооборота.

При этом соседи-крестьяне ежегодно производили «потравы, побои хлебов и покосов, и припахивали землю»: «Возникающее из-за этого судебное разбирательство портит взаимные отношения; охрана имений обходится дорого, хозяйство делается малодоходным. Размежевание чересполосных участков необходимо, между тем судебно-межевое производство так сложно и длинно, что у редкого владельца хватает мужества предъявить иски о размежевании.

Для крестьян размежевание в большинстве случаев нежелательно. Они под предлогом прогона скота пользуются пастьбой на помещичьей земле и, кроме того, у них часто, благодаря захватам, больше земли, чем следует по документам. Легкость захватов обуславливается тем, что при чересполосном владении (а иногда и без него) и при малом размере земельных участков весьма трудно установить границы владения каждого. Если же по суду право собственника-истца и восстановится, то ответчик обязан возместить только одни убытки и, после состоявшегося приведения судебного приговора в исполнение, может немедленно произвести опять тот же захват земли; истцу остается начинать вновь то же дело и проводить его через все инстанции»¹.

До начала аграрной реформы Столыпина размежевать чересполосные дачи не удавалось.

Согласимся, достаточно любопытное свидетельство. Со времен Герцена и Чернышевского мы твердо усвоили, что в аграрном секторе Российской Империи была одна страдающая сторона — главная жертва Великой реформы — крестьяне, которых помещики эксплуатируют отработками и т. п. Поскольку данный пример определенно

¹ Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 70–71.

не единственный в таком роде, можно думать, что этот взгляд несколько упрощает действительность.

Вместе с тем и крестьяне были жертвами внезапной чересполосицы.

Нередко им приходилось делать длинные объезды чужих полей, чтобы попасть на свою сравнительно недалеко расположенную землю. За право проезда и прогона скота по чужой земле крестьяне бывали вынуждены отработать (и не только помещикам, но и соседним общинам). Из-за чересполосицы росло число потрав и повреждений полей, она препятствовала минимальной интенсификации сельского хозяйства.

Возможно, хуже всего было то, что она портила отношения между крестьянами и помещиками, «порождая одинаково невыгодную и неприятную для обеих сторон рознь и даже вражду... Русская деревенская жизнь многими своими дурными сторонами в значительной степени обязана чересполосности земель, их крайней разбросанности и отдаленности от мест населения. Чересполосность понижает уровень сельского хозяйства, вызывает множество судебных дел, споров и пререканий и приучает население к неуважению чужой собственности»¹.

Сохранилась не только чересполосность крестьянских и помещичьих земель. Схожим образом в 1866 г. при наделении земель бывших государственных крестьян также не было принято особых мер к сколько-нибудь заметной минимизации чересполосности крестьянских и собственно казенных земель, которая возникла издавна и особенно широко была распространена в лесистых местностях — из-за постепенной разработки крестьянами под пашню и сенокосы наиболее пригодных для этого отдельных мелких участков. В 1889 г. был издан закон, разрешавший добровольный обмен сторонами отведенных крестьянам земель на казенные, однако действие его было слабым².

В нечерноземных, прежде всего, северо-восточных губерниях чересполосица между наделами крестьян и землями церквей, удела, казны и частных лиц достигала громадных размеров. Запутанность земельного владения при крайнем длинноземелье лишала население возможности вести нормальное хозяйство даже на архаичном уровне. Отмечались частые случаи, когда крестьяне запускали прежде обрабатывавшиеся земли из-за их истощенности и невозможности удобрения полей, разбросанных на десятки верст от селений³.

В «Кратком общем обзоре хода землеустройства в губерниях Северного района за 1912 год» содержится «яркий, типичный для многих мест северных губерний пример распространенной чересполосности» — Рождественская волость Кунгурского уезда Пермской губернии, население которой — бывшие государственные крестьяне — владели землей по 54 владенным записям общей площадью около 32000 дес. (349,6 кв км), не считая лесного надела. Эту землю отвели в 1893 г. в 918 отдельных участках, т. е. на каждую владенную запись в среднем пришлось 17 участков со средней площадью 35 дес. При этом 5380 дес., или 17,2%, земельных угодий находились на расстоянии от 5 до 15 верст. «Несмотря на малонаселенность деревень Рождественской волости и незначительную площадь надела каждого из селений, там нет ни одного, дальняя часть пахотных и сенокосных угодий которого не была бы удалена менее, чем на 10 верст. Даже такое незначительное население, как поселок Сверкаев, с 5 дворами при площа-

¹ Там же. С. 71–72.

² Объяснительная записка к проекту... С. 8–9.

³ Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. С. 20–21.

ди в 78,2 дес., и многие ему подобные владеют землей во многих отдельных участках, удаленных от селения на расстояние 20–25 верст»¹.

Очень серьезно была развита внеадельная чересполосность в Пермской губернии, и, в частности, в Шадринском ее уезде, где громадное большинство надельных земель, занимающих в сумме 70% всей площади уезда, было разбросано мелкими частями среди казенных и частновладельческих угодий, причем наделы разных обществ чересполосны и между собой. Согласно земскому обследованию, у 80 обществ уезда более 80% всей надельной земли оказалось разбито на многочисленные мелкие участки; в среднем надел каждой общины оказался состоящим из 30 отдельных участков, отстоящих иногда от селения на 20 и более верст.

В губерниях этого района не меньшее распространение получила еще более «вычурная» чересполосность, например, в уездах Камышловском, Ирбитском Пермской губернии, Никольском и других Вологодской губернии, Костромской», когда надел одного селения площадью в 600–700 дес. разбросан на расстоянии 30–50 верст 120–150 участками вперемежку с наделами прочих селений, связанных общим земельным актом.

«Если это длинноземелье и чересполосность значительны, то еще более нетерпимо расположены, вернее, раскиданы общественные лесные наделы, хотя бы, например, в той же Рождественской волости — на пространстве 85 верст. Не менее развито и вклинивание одного владения в другое, — нередко, например, в губерниях Вологодской, Архангельской, Пермской и др., можно встретить на протяжении одной версты грани до 40–50 поворотов линиями под острыми углами»².

Сорок с лишним лет, прошедших после 19 февраля 1861 г., с полной очевидностью показали, что уменьшение указанных выше качественных недостатков крестьянского надельного землевладения — т. е. внутри- и внеадельной чересполосицы и мелкополосицы, длинноземелья, чрезмерной величины и сложности земельных обществ и чересполосности надельных земель с прилегающими владениями — в конкретных условиях России начала XX в. в значимых размерах могло быть достигнуто лишь при активном содействии государства, путем принятия им целого ряда соответственных мер землеустроительного характера.

8.1.3. Уравнильно-передельная община и крестьянская ментальность

Выше говорилось о том, что существующие изъяны крестьянского землевладения и землепользования усугублялись общинным режимом.

Что имеется в виду?

Пока мы касались лишь тех недостатков крестьянского землепользования, которые, строго говоря, вытекали из самой сути деревенской системы расселения и предшествующей социально-экономической истории страны. Они встречались и в других европейских государствах³, однако в меньшем — из-за несопоставимости аграрной территории — масштабе; в ряде стран они были ликвидированы, в других же они сохранились, но в силу юридической определенности прав собственности не являлись препятствием для поступательного развития аграрного сектора.

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 827. Лл. 53об-54.

² Там же. Л. 54-54об.

³ Давыдов М. А. К проблеме землеустройства в странах Западной Европы ... С. 126–136.

Принципиально иначе обстояло дело в России, где и правительство, и большая часть образованного класса искусственно поддерживали общинный режим, построенный на отрицании законности в общепринятом смысле слова, и помыслить не могли о том, чтобы крестьяне получили право собственности на обрабатываемые ими наделные земли.

Особое совещание С. Ю. Витте 1902–1904 гг. стало очень важной вехой, зафиксировавшей перелом в общинных симпатиях и настроениях общества.

А ведь еще в 1897 г. губернские совещания, созванные в связи с предстоящим пересмотром законодательства о крестьянах, держались по преимуществу других позиций. Три объемных тома их ответов на вопросы МВД¹ дали Б. Н. Чичерину повод к написанию гневной статьи «Пересмотр законодательства о крестьянах»

В частности, он отмечает, что составители Положения 19 февраля «ясно понимали, что даровать свободу человеку значит дать ему право располагать своим лицом и имуществом по своему изволению. Наделяя крестьян землей, они не думали сделать из нее неотъемлемую принадлежность крестьянского сословия. Напротив, Положение вполне допускало свободное передвижение собственности и смешение сословий... Устанавливая выкуп наделов, оно весьма далеко было от чудовищной мысли, что человека можно заставить покупать землю не для себя, а для других. Все право собственности, а с тем вместе и весь гражданский порядок, основан на том незыблемом правиле, что то, что человек покупает, принадлежит ему, а не другому. Если покупка совершается несколькими или многими лицами, то каждому принадлежит доля, соответствующая его взносу...

К сожалению, впоследствии возобладали другие взгляды.

На крестьян опять стали смотреть как на сословие, наделяемое землей для отбывания повинностей. **Само законодательство перешло к точке зрения отрицания личного права.** Статья 165 Положения о выкупе была ограничена согласием мира, что было равносильно ее отмене... **Таким образом, право, дарованное крестьянину при освобождении и основанное на строгой справедливости, было у него отнято.**

В том же духе было постановлено, что наделы переселяющихся крестьян поступают в распоряжение общества без всякого вознаграждения, против чего восстали даже некоторые совещания, указывая на несправедливость лишения крестьян земли, которую они выкупали на свои деньги. Но вообще совещания вполне усвоили себе новый взгляд законодательства...

Воспрещается всякое отчуждение ее в сторонние руки. Стараются положить предел вторжению в крестьянскую среду каких бы то ни было сторонних элементов. Крестьянство закупоривается в общину, всякое веяние свежего воздуха заботливо от него отдалается. С тем вместе личные права, дарованные Положением 19 февраля, стесняются или уничтожаются. Лицо всецело отдается в жертву мелкому союзу, к которому хотят его прикрепить. При таком взгляде, очевидно, ни о каком выяснении или утверждении права не может быть речи. Он представляет шаг назад к эпохе крепостного состояния.

Коренным вопросом является здесь роковое наследие крепостного права – общинное владение. Там, где оно существует, напрасно ожидать выяснения и утверждения гражданских прав крестьянского населения. **Надел составляет главное имущество**

¹ Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1–3.

крестьянина, а именно этим имуществом он не может располагать. Оно принадлежит ему совместно с другими, и распоряжение зависит от чужой воли. Он не знает, что он может делать и чего не может. **Конечно, крестьяне к этому привыкли; но именно эта привычка составляет главный источник зла.** Она проистекает из прежнего полного бесправия, которое заменилось только полною неопределенностью права»¹.

Идеал апологетов общины, «который прямо высказывается в совещаниях, состоит в том, чтобы все были уравнены. Что такого рода цели могут ставить себе люди, разделяющие социалистические взгляды, это естественно и последовательно. Но трудно понять, каким образом могут держаться этих начал те, которые дорожат свободой и гражданственностью.

Это можно объяснить разве тем, что на крестьян все еще смотрят, как на людей особой породы, которых назначение состоит в отбывании повинностей и над которыми можно делать всякого рода эксперименты. То, против чего помещик возопил бы всеми силами, если бы такое правило было приложено к нему, то для крестьян считается совершенно пригодным»².

Правота Чичерина очевидна. «Свод заключений губернских совещаний» — интересный и далеко не освоенный историками источник — в числе прочего, поражает стремлением участников к регламентации всего и вся, всех сторон крестьянской жизни. В этом смысле «Свод заключений» — явный потомок крепостных инструкций XVIII в., хотя и довольно цивилизованный. На наш взгляд, подобное отношение к десяткам миллионов людей возможно лишь тогда, когда их воспринимают именно как «людей особой породы, которых назначение состоит в отбывании повинностей и над которыми можно делать всякого рода эксперименты». Когда тем, которые хотят все регламентировать, неважно, что эти люди, за которых они все решают, чувствуют, о чем думают и т. д. Да и считают ли они их за людей — равных себе людей?

Главный довод совещаний в пользу сохранения общины состоит в том, что она якобы предохраняет страну «от главной язвы западных обществ — от пролетариата. Если бы эта цель могла быть достигнута уничтожением личного права, взятием крестьян под опеку и ограждением их от всяких сторонних элементов, то результат был бы заплачен слишком дорого. Это было бы равносильно сохранению крепостного состояния. Но дело в том, что это не более, как призрак...

Воображать, что можно, при свободном населении, избежать пролетариата и наделять всех крестьян землею, есть ничто иное, как опасная мечта, которая может и правительству, и обществу увлечь на совершенно ложную дорогу.

Все, к чему может стремиться государство, это — то, чтобы иметь более или менее значительный класс мелких землевладельцев, стоящих на своих ногах. Но для этого первым средством служит утверждение права собственности на прочных основах»³.

А вот что писал по этому поводу Бисмарк в 1882 г.: «Факт, что земельная собственность привязывает владельца к государству и его правопорядку крепче всякой иной связи, — имеет одинаковое значение для всех классов земельных владельцев;

¹ Чичерин Б. Н. Пересмотр законодательства о крестьянах // Несколько современных вопросов М., ГПИБ. 2002. С. 54–58.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 59–62.

собственник маленького домика связан с государственным порядком теми же интересами, как и владелец обширных поместий. Поэтому государство имеет полное основание содействовать увеличению числа собственников.

Оно поднимает этим благосостояние населения, вызывая более тщательную обработку земли, потому что всякий работает трудолюбивее и успешнее на своей собственной земле и в своих интересах, чем в чужом владении за вознаграждение. Государство вместе с тем увеличивает число тех, в сознании которых наиболее жива неразрывная связь с государством и его судьбами.

Владение маленьким клочком земли, даже в том случае, когда этот клочок недостаточен для пропитания владельца, доставляет ему все-таки занятие в свободные часы и часть того, что необходимо для его содержания, а уверенность владеть верным неизменным кровом, дает всей его деятельности крепкий оплот. Поэтому я признаю неосновательными опасения, что содействие к раздроблению земельной собственности ведет к увеличению пролетариата.

Владелец самой маленькой собственности поставлен лучше и независимее, чем ничего не имеющий пролетарий, который в отношении крова и своего содержания находится в исключительной зависимости от результата работы своих рук. Но тот же самый интерес, который имеет государство в увеличении числа собственников, обязывает его заботиться об их охране и об охране их собственности¹.

У Бисмарка в России были единомышленники, однако очень долго их точку зрения просто не замечали.

А стараниями тех, кто принимал решения, в российской деревне создалось совершенно ненормальное положение, весьма ясно описанное А. А. Риттихом в работе «Зависимость крестьян от общины и мира» (1903 г.).

Он предлагает оценить «государственно — экономическое значение зависимости отдельных крестьян от воли мира» с учетом того факта, что в 49 губерниях Европейской России (без Польши, Предкавказья и Области войска Донского), по его данным, 224,8 млн дес. принадлежало частным лицам, из которых 130,5 млн дес. приходилось на надельную землю (согласно переписи 1905 г. — 138,7 млн дес.), а 94,3 млн дес. было частной собственностью дворян, купцов, мещан и крестьян (купленной ими помимо надела).

Из 130,5 млн дес. надельной земли (это без малого суммарная площадь современных нам Италии, Франции, Испании и Португалии — М. Д.) 22,2 млн дес. состояло в подворном владении².

¹ Цит. по: П. Д. (П. П. Дюшен) Вопрос об общине и уравнительном землепользовании М., 1904. С. 170–171.

² Напомню, что каждый отдельный крестьянин имел право пользоваться причитающейся ему частью тех земель, которыми распорядилось после освобождения его общество. Это право пользования могло быть постоянным или временным, в зависимости от того, было ли в данном сельском обществе подворное или общинное землевладение.

В обществах с подворно-владельческим землевладением каждый отдельный крестьянин имел наследственное право пользования теми участками пашни и лугов, которые он фактически постоянно использовал, а также соответствующее право участия в пользовании теми площадями, которые были общими, — «совершенно так же, как это было в Западной Европе до расселения (на хутора — М. Д.)».

В общинных деревнях общество переделало землю между крестьянами по своему усмотрению *в соответствии с принятой в нем системой разверстки земли, т. е. тягла*.

До 1861 г. переделы приурочивались к ревизиям, изменявшим наличное число душ, поскольку с этим был неразрывно связан размер надела отдельной семьи.

После отмены крепостного права в подворных селениях переделы были крайне редки. Во многих общинных селениях переделов не было вовсе — это были так называемые «мертвые общины». Однако в тысячах других они сохранялись.

Таким образом, продолжает Риттих, «на 100 с лишком миллионах десятин **отдельные лица хозяйничают, не имея устойчивых прав владения и пользования обрабатываемой землей** и завися в этом отношении от мира, который, по признанию Сената, «во всякое данное время» мог изменить размер и местоположение владения; с изданием правил о переделах мир может производить это через каждые 12 лет, но... несообразность правил с действительною жизнью повела к массовым обходам: переверстки продолжают, как и прежде, а в громадном количестве общин даже и коренной передел «может последовать во всякую минуту». Засим на всех 130 миллионах десятин отдельные хозяева **не имеют законных или законно осуществимых прав по распоряжению наделной землей, по обязательственным между собою отношениям по этой земле и по судебной защите этих имущественных и обязательственных прав.** Все зависит от воли общества: нет прав, если не от мира, иначе «их не добьешься».

Но кроме таких постепенно введенных ограничений придумана еще зависимость от маленькой общины — «рабочего союза», составляющего двор»¹.

Автор справедливо считает, что вряд ли подобное положение, к тому же «искусственно созданное», соответствует точке зрения Александра II, считавшего, что «необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками».

Редакционные Комиссии в соответствии с волей императора указали определенные пути к постепенной ликвидации зависимости крестьян от помещика и общины. Однако эта воля «была непростительно забыта в последующее за освобождением крестьян время и путем «толкований» и циркуляров было все сделано, чтобы обратить «крестьян—собственников» в бесправных арендаторов мирской земли. Всякая самодеятельность крестьян убита скованными этими толкованиями обручами дворовой и мирской общины, и в этих тисках, если и не задыхается крестьянство, то уже во всяком случае не имеет простора для хозяйственной самодеятельности.

Приведенные данные указывают, что 58 процентов культурной площади Европейской России возделываются при таких условиях, что лица, ведущие хозяйство, не имеют на обрабатываемую землю даже тех прав, коими пользуются арендаторы...».

Риттих доказывает, что хозяйственную зависимость крестьян от мира невозможно сравнивать с регулируемым законом отношениями собственника земли и арендатора. Однако она удивительно напоминает зависимость западноевропейских крестьян «от сеньориальной власти в тяжелые времена феодального права; впрочем, и это сравнение не будет в пользу правового положения наших крестьян.

Лично свободный, но экономически зависимый от феодальной власти, крестьянин имел право пожизненного неотъемлемого владения своим участком земли; такого имущества не имеет наш крестьянин, владение коего может быть изменено в «каждую данную минуту» миром.

Обладая, следовательно, правом, которого даже не имел феодальный владелец, мир пользуется затем следующими строго феодальными привилегиями: от него зависит признать или не признать действительность завещательного распоряжения крестьянина, равно как наследственные права преемника — *droit de main morte*; мир имеет право узаконить продажу земли, состоящей во владении отдельного крестьянина и сдачу ее в аренду или отказать в том сторонам — *droit de lods et de ventes*; от мира за-

¹ Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира... С. 175.

висит дать или не дать согласие на раздел семьи и тем самым допустить или задержать образование самостоятельной семьи — *droit de formariage*; мир может через полицию вытребовать отсутствующего своего члена — *droit de poursuite*; мир имеет право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры отдельных крестьян на их наделных участках — *banalite*.

Вот, в сущности, самые главные и наиболее тяжелые для крестьян права феодального владельца; однако, некоторые из них относятся ко времени личной, а не земельной зависимости крестьян, и в период последней постепенно исчезают и заменяются выкупными за них платежами или определенной пошлиной.

Между тем мир имеет перечисленные привилегии во всей полноте; характерно, что он пытался даже установить произвольное обложение отдельных крестьян, соответствующее первичному феодальному праву — *taille et corvee a merci*, существовавшему в период личной зависимости (серважа); эти попытки, к счастью, пресечены Сенатом.

Феодальные права учитывались в виде поборов, сперва произвольных, а затем, с прекращением личной зависимости, в виде пошлин, размер коих устанавливается выкупными сделками или определялся обычаем и фиксировался в сборниках кутюмов. Мир учитывает свои права в первичном порядке, т. е. путем произвольных поборов, а не точно установленных пошлин.

Все это указывает, что имущественная зависимость крестьянина от мира может быть без всяких натяжек приравнена к феодальной зависимости, причем в первичной, наиболее тягостной ее форме.

Между тем история свидетельствует, что феодальная зависимость крестьянской земли была одной из главных причин упадка благосостояния народных масс на Западе, понижения уровня хозяйственной культуры и периодических голодовок¹.

Напротив, когда крестьянство получало устойчивые права на обрабатываемую землю, наступало успокоение. Мелкая земельная собственность, считает автор вслед за Бисмарком и множеством здравомыслящих людей, «является одним из надежнейших устоев гражданского правопорядка, и **теоретики общего блага, думающие построить его на началах общего бесправия**, приходят в отчаяние от «неподвижности и косности», по их мнению, класса крестьян-собственников (ненависть большевиков к крестьянству вполне подтверждает эту мысль А. А. Риттиха — М. Д.).

Однако эта якобы «неподвижность и косность» отнюдь не помешали крестьянам Запада быстро обойти помещиков по уровню агрикультуры и довести ее до такого уровня, что «агрономы и экономисты единогласно признают большую производительность мелкого крестьянского хозяйства перед крупным и указывают, что вся культурная сила страны и связанная с ней экономическая и даже политическая крепость построены на крестьянском мелком землевладении»².

К началу XX в. немалая часть общественности весьма непростым путем дошла до мысли о пагубном влиянии описанного Риттихом модуса жизни на общее мировосприятие крестьян. Стало расти понимание того, что не только люди, имеющие образование, могут чувствовать и мыслить, что окружающий мир влияет и на тех, кто не читает графа Толстого и не слушает Бетховена, что конструкция повседневного бытия довольно часто определяет характер и социальную направленность сознания не только у большинства выпускников средних и высших учебных заведений.

¹ Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 179.

² Там же. С. 175–181.

Появилось осознание того, в какой унижительной для человеческого достоинства атмосфере растет уже третье после 1861 г. поколение крестьян, какую психологию воспитывает подобная система житейских координат.

Многие представители общественности по-прежнему считали, что крестьянам нужна только «пайка», прожиточный минимум. Но намного больше стало тех, кто, наконец, увидел и понял, как пагубно общинно-уравнительный быт влияет на моральное состояние десятков миллионов крестьян, на их отношение жизни, к труду, на восприятие мира вообще. Слишком долго тут господствовал поэтический туман.

В центре внимания Комитетов 1902–1904 гг. оказались правовые условия функционирования крестьянского хозяйства, парализующие «хозяйственную предприимчивость» крестьянства, а значит, делающие невозможным улучшение сельскохозяйственной культуры. Члены Комитетов были убеждены, что если эти ограничения, «связывающие трудовую энергию народа», не ликвидировать, то любые меры и жертвы правительства направленные на улучшение положения в аграрном секторе страны, окажутся бессильными и бесполезными.

На первом месте среди этих ограничений стояла неустойчивость землепользования общинниками (в источнике чаще употребляется оборот «неустойчивость владения») и связанные с нею общие и частные переделы земли, которые были неодолимым препятствием не только для каких-либо сложных и дорогих земельных улучшений, но даже для введения самой простой формы интенсивной культуры, т. е. удобрения полей.

При временном, неустойчивом владении землей вся хозяйственная «стратегия» крестьян сводится к тому, чтобы взять от земли по максимуму, вкладывая в нее лишь минимум труда (не всегда даже необходимый минимум), и постараться оправдать расходы полностью до окончания срока владения.

Это, понятно, отражалось на производительности крестьянского труда. Точкой отсчета здесь могут быть следующие данные Ф. Броделя: «Документы говорят даже о семи вспашках, включая предпосевные. В XIV в. в Англии, как и в Нормандии, уже шла речь о трех вспашках — весной, осенью и зимой. В 1328 г. в Артуа земля, предназначенная под пшеницу, «хорошо обрабатывается с четырьмя ораньями (вспашками), одной зимой и тремя летом». В Чехии в имениях Черниных в 1648 г. было правилом пахать четырежды или трижды, смотря по тому, под пшеницу или под рожь предназначается земля. Запомним слова одного савойского землевладельца, сказанные в 1771 г.: «В иных местах мы изнуряем себя бесконечной пахотой и пашем до четырех или пяти раз ради одного урожая пшеницы, зачастую весьма среднего»¹.

Для России второй половины XIX в. эта информация — как Останкинская телебашня, построенная тогда же рядом с башней Сухаревской.

Жалобы на качество крестьянского труда в дореформенную эпоху кажутся естественными. Но, казалось бы, после 1861 г., когда они стали работать на себя, отношение крестьян к труду должно было бы измениться, однако община прямо препятствовала этому.

В разных районах России крестьяне за несколько лет до передела переставали уваживать землю; аналогично они действовали и тогда, когда договаривались об условиях новой разверстки, на что иногда уходило немало времени.

Фактор временного владения, по мнению участников Совещания, отнимает у крестьян всякий стимул к сохранению производительности земли и сохранению необ-

¹ Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1 Структуры повседневности. М., 2006. С. 91

ходимой структуры угодий — общинников интересует только рост своих запасов, что ведет к «хищнической» распашке кормовых угодий, а это в свою очередь — к сокращению численности скота, уменьшению удобрения и ухудшению обработки самой пашни¹.

Такое потребительское («хищническое») отношение особенно пагубно отражается на кормовой площади надела. Поскольку наиболее ценная ее часть — луга и сенокосы — переделяется в большинстве общин ежегодно, то эти угодья, как правило, лишены минимального ухода и поэтому постепенно становятся кочкарными заболотьями: «Заболоченные разливом луга не очищаются и постепенно заносятся песком и илом; сухие покосы тоже дичают, ибо не расчищаются от поросли и мха; кроме того, угодья эти портит скот, который пасется на них весной до заказа. В результате такой эксплуатации становится невыгодным косить то ничтожное количество травы, которое дает испорченная сенокосная площадь, крестьяне обращают ее в пастбище, распахивают или просто забрасывают и арендуют покосы на стороне»².

Помимо этого кормовая площадь сильно уменьшается из-за хищнической распашки — прямого следствия неустойчивости владения, не дающей возможности интенсифицировать хозяйство и вынуждающего крестьянина «спахать побольше, хотя и как-нибудь». В этом — основная причина распашки сенокосов, пастбищ, склонов балок, иногда — сведения леса и превращения его в покос или пастбище, которое затем также идет под пашню. А следствием этих действий является обнажение песков, распаханные склоны балок порождают овраги, «разъедающие материк, лишающие его влаги и способствующие снесению вешними водами верхнего пласта земли». Ухудшение и сокращение кормовых угодий сокращает скотоводство, из-за чего уменьшается удобрение пашни и т. д.

На выпаханной земле ведение хозяйства становится невыгодным, особенно при развитем длинноземелье. Крестьяне забрасывают отдаленные участки, и окраины надела покрываются пустырями, бывшими прежде пашней. То есть после усиленного роста посевной площади, наступает постепенное ее уменьшение, но вместо существовавших когда-то кормовых угодий и пашни появляются пустыри, сильно истощенные и мало-пригодные для сельского хозяйства. В итоге возник парадокс — на фоне повсеместных жалоб на малоземелье на наделных землях постоянно увеличивается доля непригодных для культуры пространств в виде болот, песков, оврагов и пустырей, заменивших прежние угодья и пашни³.

Поскольку на таких наделах возможностей прокормить перманентно растущее население становится все меньше, то крестьяне вынуждены арендовать вненадельную неистощенную землю или даже покупать ее. Вместе с тем постоянно увеличивающийся спрос на землю повышает ее цену вне всякого соответствия с доходностью, вследствие чего крестьянин иногда с трудом вырывает с арендуемого участка плату за свой труд, не получая никакого чистого дохода.

Противники общины из числа членов Комитетов связывали стремление крестьянства к увеличению площади обрабатываемой земли (к «хозяйству количественному, а не качественному») с ненадежностью общинного землепользования и видели в этом

¹ Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904. С. 2–3.

² *Он же*. Крестьянское землепользование. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903. С. 18.

³ Там же. С. 18–19.

главную причину постоянных жалоб на малоземелье, которое считали условным, относительным. Они были убеждены, что при стабильном пользовании землей на правах собственности вопрос о недостаточности наделов для большинства крестьян, жалующихся сейчас на малоземелье, потерял бы значение. Если в настоящее время в общине надел обрабатывается и удобряется плохо (или совсем не удобряется), то его арифметическое увеличение лишь увеличит площадь такого экстенсивного земледелия.

В Трудах комитетов постоянно говорится о негативных последствиях «печальной зависимости самых ценных для крестьянина имущественных прав от произвола случайно составившегося большинства $\frac{2}{3}$ домохозяев, в том числе и таких, которые запустили землю по неумению и лености и стремятся пожить за счет хозяйственных крестьян, пустив их наземные¹ полосы в передел.

Подобное положение убивает трудовую энергию, развивает апатичное отношение к своему хозяйству, наклонность к праздности и пьянству и воспитывает население в неуважении к чужим правам.

Последнее особенно оттеняется, и в трудах Комитетов имеются многочисленные указания, что поддержание общинного строя крайне опасно с точки зрения общего правопорядка.

Отмечая упадок духовных сил народа, некоторые заявляют, что крестьянин приучается довольствоваться ничтожным доходом, получаемым от хищнической эксплуатации природных сил земли, и стремление к улучшению своего материального положения совершенно ослабевает; этим объясняется отказ недоедающего населения от организуемых с продовольственной целью общественных работ².

Труды местных комитетов содержат ряд очень ярких материалов, доказывающих пагубное влияние общинного режима на психологию крестьянства; я приведу лишь два из них.

1. Из Записки члена комитета земского начальника 1 участка Ардатовского уезда В. В. Кикина: *«Остановливаясь на означенном вопросе (о форме землепользования и ее влиянии на улучшение приемов земледелия — М. Д.), сравним мелкое крестьянское хозяйство на вечных (т. е. находящихся в собственности крестьян — М. Д.) и надельных землях.*

Мы видим повседневно, что на вечной земле хлеб все-таки родится, так как она удобряется, она свободна от рытвин, где таковые образуются, — заплетаются плетнем и заброшенной пустопорожней вечной земли нет; вечные луга не изрыты водомоинами, свободны от кочек, расчищаются и оберегаются от свиней. Вообще вечными землями очень дорожат и хозяйство на них ведется более или менее удовлетворительно, в зависимости от уровня культурного развития земледельцев и их сельскохозяйственных познаний.

Совсем не то замечается относительно надельных земель сельскохозяйственных обществ: рытвинами изрыта добрая доля большинства крестьянских наделов, и каждая весна отводит в число заброшенных-пустопорожних все большее и большее количество надельных земель. Если член общины имеет, кроме надельной

¹ «Назёмь — удобренье, тук, все чем сдабривают землю, навоз//во множ. числе — все пахотная, удобряемая земля; наземить, назмить поля — навозить, уваживать, удобрять» Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1999. Т. 2. С. 415.

² Риттих А. А. Крестьянский правопорядок... С. 4.

земли, и вечную землю, то последняя удобряется, на надельную же землю не падает и клока навоза. Надельные луга изрыты водомоинами, исковыряны свиньями, и где нет водомоин, так сплошные кочки.

Причина столь различного отношения крестьянина к земле вечной и надельной, состоящей в общинном владении сельского общества, к которому он принадлежит, каковая форма является преобладающей в России, заключается единственно в том, что в одном случае крестьянин полный собственник земли, могущий распорядиться ею по своему усмотрению, в другом же земля состоит во временном его пользовании, иногда очень кратковременном.

При таких условиях, естественно, у временного владельца замечается отсутствие всякого побуждения к производству на надельной земле таких улучшений, результаты которых могут сказаться только более или менее через продолжительное время, а таков именно характер большинства земельных мелиораций. Закон 8 июня 1893 г. ... имеет целью дать владельцу надельной земли гарантии в возможности удержать известный участок надельной земли не менее 12 лет. Но хотя бы этот срок был увеличен и вдвое, все-таки крестьянин всегда будет сознавать себя только временным владельцем надельной земли и более будет заботиться о вечной земле, если такая у него имеется: ведь на случай смерти он не может даже распорядиться участком надельной земли, который он обрабатывал и оплачивал 25–30 лет, и часто случается, что за смертью хозяина бывшая в его распоряжении земля вся отбирается у осиротевшей семьи только потому, что в ней остались все лица женского пола (хотя бы их было 10–12), надельная же земля распределяется в обществе по мужским душам.

Самой характерной особенностью общинного пользования надельной землей является, таким образом, то, что крестьянин-общинник относится к своей земле «не по-хозяйски», и общинное хозяйство является в полном смысле слова «бесхозяйственным».

По букве закона право хозяина над надельной землей принадлежит сходу, а исполнителем его распоряжений является сельский староста. Но разве неизвестно, как пользуется своими правами первый и как исполняет свои обязанности второй?..

Община хороша, когда ее образуют свободные члены, и в ней царит справедливость, а не тогда, когда она состоит из лиц закрепощенных и когда один член может наживаться на счет другого. А разве не так именно обстоит дело в существующей общине?

Крестьянин всю жизнь работал, выкупал землю, вкладывая часто деньги, добытые членами семьи на посторонних заработках, а пришел передел, и ему достается вместо прежнего количества земли вдвое-втрое менее, на что кормиться нельзя, остальная же земля переходит члену общины, который слишком мало или нисколько не потрудился в общем деле; умирает он — семья остается без куска хлеба, теряя все, что, в сущности, приобрел кормилец.

А выход из общины?...

Община считается благодетельной, так как будто спасает от обезземеливания. Но это в сущности, совсем неверно....

Подводя итог сказанному, я, таким образом, утверждаю, что общинная форма землепользования есть коренная причина упадка сельского хозяйства на надель-

ных землях. Тем же общинным началом землепользования, по моему мнению, до известной степени обусловлено и создавшееся в деревне положение вещей, при котором закон, личность и собственность не пользуются присущим им уважением.

Откуда у крестьянина могли привиться эти понятия, когда собственности у него почти не было, а общество на каждом шагу проявляло произвол и хищнические инстинкты толпы над личностью и имуществом своих членов»¹.

2. Записка помещика Н. Н. Лихарева: «Прежде чем говорить об охране земельных улуишений, я ставлю себе вопрос, возможны ли в крестьянском хозяйстве улуишения вообще, и думаю, что при существующем у нас общинном пользовании землей крестьянское население, и само по себе несклонное без понуждения извне к улуишению своего благосостояния, не проявляет вовсе стремления к земельным улуишениям, исходя из того положения, что надел, сегодня находящийся в пользовании одного хозяина, завтра, по решению мира, достается другому без всякого вознаграждения прежнего владельца за сделанные им улуишения.

Всем хорошо известно, что крестьяне стали уваживать землю лишь после издания закона о долгосрочных переделах (на срок не менее 12 лет). До издания этого закона и то только ввиду настойчивых требований полиции, навоз вывозился из сел и деревень, но сваливался в овраги, в реки, куда угодно, но только не на пашню: никому не хотелось, чтобы другой пожал плоды его трудов.

Я искренно убежден, что пока будет существовать община безначальная и недисциплинированная, при ней крестьянское самоуправление в настоящем его виде и мирское стадо — три величайших врага всяких земельных улуишений — никакие меры не заставят крестьянское население сознательно и с пользой стремиться к улуишению своих общественных угодий.

Возможна ли, например, охрана травосеяния на мирской земле? Лучшие домохозяева и по сие время не могут добиться, чтобы мирские стада не паслись по озимям в слякоть; ответ массы, т. е. мира на всех их указания один: «осень клокочет, а весна, как хочет» и т. п., а отсюда значительное понижение урожайности ржи на крестьянских землях сравнительно с соседними владельческими, заметное на глаз...

При самой пылкой фантазии трудно себе представить лесонасаждение на общинной земле: никакие изгороди и рвы не спасут его от полного истребления и притом в самый короткий срок, да и самый взгляд крестьян на лесоразведение как на праздную забаву отнюдь не дает оснований полагать, чтобы насаждение стало бы охраняться миром и его избранныками. Достаточно убедительный пример представляют жалкие картины посадки деревьев по улицам сел и деревень.

Желая всякого добра русскому народу, я в то же время не могу опозитизировать крестьянина в его отношениях к земле: вопреки установившемуся мнению, я думаю, что крестьянство в массе не любит «кормилицы-земли», о которой не заботится, как следует, не любит леса, истребляя его всеми способами, не любит природы вообще или же любит с одной только точки зрения, исключительно материальной, постольку, поскольку в данный момент может получить выгоды, нисколько не думая и не заботясь о будущем.

И происходит это не в силу дурных качеств русского крестьянина, а в силу равно-

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXIV, Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 139–140.

душия как прямого следствия неполного права собственности на землю, отбивающего охоту приложить старание к неизвестно кому принадлежащей собственности. Самая форма общинного владения, лишаящая крестьян сознания и ясного представления о праве собственности, не только тормозит всякие начинания в области земельных улучшений, но вредна и для соседних владельцев (может ли быть приятен сосед, имеющий смутное понятие о праве собственности?).

Рельефный пример преимущества участкового владения перед общинным... представляют выкупленные и выделенные в собственность из общей мирской земли участки отдельных крестьян. При самом поверхностном взгляде на такой участок видна заботливая рука хозяина, пекущегося о своей собственности с первого же года ее получения: лощины и овраги укрепляются и заравниваются, на паровое поле вывозится навоз, самая обработка земли резко отличается от соседней общественной»¹.

Нельзя не признать глубокую правоту обоих авторов, равно, как и спорить с тем, что последствия того, о чем они пишут, не изжиты в нашем обществе и по сию пору — потому, что исчезнуть у них не было возможности.

Отдельно следует коснуться того обстоятельства, что индивидуальная и коллективная собственность на землю вырабатывала у людей абсолютно разную психологию.

Подобно тому, как в наши дни любые ответственные родители хорошо представляют, как должно соотноситься число детей в их семье и семейный бюджет, так и в то время индивидуальные собственники земли, например, немцы- или болгары-колонисты, прекрасно осознавали пределы, до которых могла увеличиваться их семья без понижения жизненных стандартов. Для обеспечения будущего детей они прикупали дополнительную землю, часто в других губерниях, готовили их к другим профессиям и т. д.

А в уравнильно-передельной общине каждый новый ребенок, желательно мальчик, давал право на получение равной доли земли при новом переделе. Ясно, что со временем эта доля становилась все меньше, однако если в данной семье рожали чаще, чем в общине в целом, то многосемейные дворы выигрывали при очередном переделе за счет малосемейных.

Л. Н. Литошенко констатирует: **«общинный порядок землевладения премирает, таким образом, плодovitость населения.** Русская земельная община превратилась в своеобразный институт страхования от безработицы. Она поощряла инертность и снимала со своих членов заботы о будущем поколении. Люди рождались, росли и умирали в уверенности, что причитающийся им клочок «мирской» земли обеспечивает им существование и, главное, предопределяет их род занятий.

Каждый шел по проторенной дорожке своих предков, считая себя неотделимой частью неумирающего земледельческого коллектива. Благодаря этому население общины неуклонно возрастало, и при неизменности площади надельной земли хозяйства отдельных ее членов быстро начинали обнаруживать признаки перегруженности человеческой силой, падения производительности труда и понижения чистой доходности по расчету на голову питающего от сельского хозяйства населения»².

Кстати, думаю, что употребляя оборот «общинный порядок землевладения пре-

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXXVII. Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 579–580.

² Литошенко Л. Н. Социализация земли в России... С. 115–116.

мирует... плодovitость», Л. Н. Литошенко иронично отсылал читателя к следующей мысли активного апологета общины А. А. Чупрова: «Освобождая от ответственности за неумеренное размножение и даже назначая премию всем семьям, которые произведут на свет больше детей... она (община) должна вызывать в нас то или иное отношение, смотря по тому, разделяем ли мы мальтузианскую точку зрения на проблему народонаселения или нет». Б. Д. Бруцкус отреагировал на эти мысли вполне недвусмысленно: «Однако, для того, чтобы отвергнуть социальный институт, освобождающий «от ответственности за неумеренное размножение», совсем не надо быть мальтузианцем, а достаточно считаться с двумя непреложными фактами действительности, — с тем, что земная поверхность не расширяется, и с тем, что интенсивирование хозяйства возможно при каждом данных условиях лишь в ограниченной степени. Если, таким образом, община устраняет все субъективные предпосылки для предупреждения перенаселения, то она ослабляет и объективные возможности для этого»¹.

Тезис о стимулировании общиной повышенной концентрации населения легко подтверждается сопоставлением числа рождений в губерниях, находящихся в одинаковых экономико-географических условиях, но имеющих разный уровень твердости общинных порядков.

Так, в Полтавской губернии, где у 85% крестьянских дворов не было переделов несколько десятилетий подряд, число рождений в 1913 г. превышает аналогичный показатель 1882 г. лишь на 3%, а в соседней Харьковской губернии, в которой 95% дворов объединены в общины, за те же годы число рождений выросло на 52%.

В соседних подворной Ковенской и общинной (на 96%) Смоленской губерниях число рождений в первой увеличилось на 3%, а во второй — на 40%. В Прибалтике, где у крестьян было единонаследие, за 30 лет прирост рождений составил едва 1%².

Однако помимо искусственного сгущения сельского населения, община, напомним, тормозила внутреннюю миграцию и задерживала колонизацию окраин, поскольку выход из нее правительством был намеренно затруднен и чаще всего сопровождался большими финансовыми потерями для крестьян. Общинный режим, как мы знаем, в высшей степени отрицательно влиял на психологию крестьянства, стесняя прежде всего его частную инициативу, что было неизбежным следствием самого существа мирских порядков землепользования и т. д. Все это острее всего ощущалось теми по-настоящему хозяйственными крестьянами, которые не были равнодушны к своему делу, любили его, старались усовершенствовать технику: «Для наиболее приспособленных и талантливых хозяйственных субъектов, для людей инициативы и дела, для призванных победителей в конкурентной борьбе, общинные порядки всегда будут мертвым грузом, сковывающим их волю и силы»³.

Положение крестьян в передельных общинах напоминало положение жильца в общежитии — кто будет делать евроремонт в комнате, зная, что в ней вскоре будет жить чужой человек?⁴

При этом надо иметь в виду еще один очень важный для понимания российской деревни сюжет.

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 60–62.

² Литошенко Л. Н. Социализация земли в России... С. 116.

³ Там же. С. 118–119.

⁴ Подворное землепользование в этом смысле, продолжая аналогию, можно считать коммунальной квартирой.

Это — крайне низкий уровень потребностей крестьянства, что, на первый взгляд, парадоксальным образом углубляло и закрепляло кризисные явления в аграрном секторе.

Крестьянские бюджеты разных регионов конца XIX — начала XX вв. демонстрируют удивительную монотонность — порядка 80% всех расходов деньгами и натурой падало на пищу, в основном растительные углеводы собственного производства, 15% — на одежду, также отчасти домотканную, и лишь 3% приходилось на «потребности высшего порядка, расходы на мебель, предметы комфорта, культуры и культя». Расходы колебались вокруг 50 рублей на душу в год, и этой «ничтожной суммой» должны были оплачиваться все потребности крестьян, «начиная от пищи и кончая книгами, спиртными напитками и табаком»¹.

Низкий уровень потребностей крестьянства содействовал аграрному перенаселению, причем в двух аспектах. Во-первых, он облегчал концентрацию населения на общинной земле, что отчасти иллюстрируется поговоркой «в тесноте, да не в обиде». Там, где привычно удовлетворяют свои невысокие потребности 5 человек, найдется место и для шестого, а то и для 7-го и т. д. Л. Н. Литошенко пишет: «Чем легче выпадают из домашнего обихода отдельные условно-необходимые потребности и чем ниже несжимаемый уровень жизни, тем большее число людей может разместиться на одной и той же территории, не испытывая чрезмерных лишений и не стремясь к перемене места. Пределы плотности населения зависят от культурного уровня страны.

При прочих равных условиях ни одна культурная нация Европы не вынесла бы той степени перенаселенности, с которой десятилетиями мирился русский народ»².

Во-вторых, низкий уровень потребностей не стимулировал индустриализацию и тем самым консервировал аграрное перенаселение, поскольку только дальнейший прогресс промышленности глобально мог бы вытянуть лишнее население из деревни. Однако промышленности для развития необходим спрос, необходим стабильно растущий внутренний рынок, в основе которого лежат расширяющиеся и усложняющиеся потребности населения.

В крестьянских бюджетах продукция фабрично-заводской промышленности занимала достаточно скромное место.

Л. Н. Литошенко так формулирует причины и специфику проявления «русского аграрного кризиса»: «В стране мелкого земледелия, какой Россия была уже с середины XIX в., прирост населения происходил по преимуществу в деревне. Медленно возникающая промышленность не в состоянии была поглотить скопление избыточного населения.

С другой стороны, в самом сельском населении не развивалось достаточно мощных центровых сил. **Низкий уровень потребностей и неизжитая еще психология натурального хозяйства делала крестьянина довольно равнодушным к ухудшению его экономического положения.**

Он предпочитал с возрастающими усилиями и нуждой «кормиться» с меньшей площади, чем идти на фабрику или переселяться в неизвестные страны. Общинный порядок землепользования с исключительной силой поощрял этот пассивный образ мыслей.

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли... С. 112–113.

² Там же. С. 113–114.

Община искусственно конденсировала сельское население. Принцип самодеятельности и личной ответственности она подменяла надеждой на помощь «мира» и уверенностью в незыблемости избранных отцами и дедами способов хозяйствования. Вместо здоровой идеи борьбы за существование и выживания приспособленных культивировалась идея уравнительной справедливости. Земельные переделы имели своей конечной целью не улучшение экономического благосостояния общины, а равномерное распределение происшедшего уже ухудшения между всеми членами общины.

[Принцип механического равенства, проводившийся в общине, давал в смягченном виде те же результаты, к каким позже (после 25 октября 1917 г. — М. Д.) привела последовательно осуществленная система равенства и социалистического хозяйства. Если бы не некоторые противодействующие причины, движущие силы русского аграрного кризиса неизбежно создали бы такую перенаселенность, при которой дальнейший прирост населения мог бы размещаться только при условии постоянного перераспределения средств производства и ценою непрерывного понижения уровня жизни населения.

По внешности это было бы торжество идеи равенства и уравнительной справедливости. По существу здесь достигался бы тот же самый результат, к которому привел позднейший социалистический опыт. Равенство получилось, но это было равенство в нищете, вместо обещанного благополучия земного рая]»¹.

Наконец, из правового режима общины вытекало еще одно пагубное следствие, о котором, похоже, просто не задумывались ее адепты, мистически завороченные идеей о том, что она якобы не дает развиваться пролетариату.

Речь идет о крайне непроизводительном распределении и расходовании трудовых ресурсов народа. Связь крестьянства с общинным строем была принудительной, ибо выделить свой надел в подворное владение после закона 14 декабря 1893 г. стало практически невозможно, досрочно выкупить землю тоже, поскольку и то, и другое могло быть санкционировано только миром.

Навсегда оставить деревню, переселиться в город, в Сибирь, эмигрировать, наконец, также было очень сложно из-за того, что получить за свое хозяйство настоящую его цену можно было также не иначе, как с согласия схода, не считая целого ряда других стеснений. Даже временная отлучка крестьян зависела от согласия родителей, домохозяина, сельских властей, а при наличии недоимок — и мира. Таким образом, население было искусственно привязано к земле, его как бы заставляли пользоваться ей.

В то же время, поскольку каждый член общины имел право на земельный надел, то сплошь и рядом крестьяне, которые постоянно жили на стороне, приходили ко времени передела в родную деревню и требовали надела, который затем и сдавали в аренду односельчанам, преимущественно кулакам. Прогрессирующее раздробление земельного фонда вследствие роста населения приводило к тому, что наделы отдельных общинников нередко оказывались недостаточны ни для прокормления, ни для полного использования имеющейся рабочей силы.

Понятно, что при введении интенсивного хозяйства тот же надел мог бы прокормить крестьян, которые его обрабатывали, и занять их рабочие руки, однако переход к более высокой культуре при общине был невозможен.

¹ Там же. С. 117–120.

Конечно, немалая часть этого свободного населения, прежде всего, наиболее энергичная, шла в отхожие промыслы и на фабрики¹.

Но предложение этого труда было крайне неравномерным и нестабильным. При том же эта случайно и временно оторванная от земли рабочая сила была низко квалифицированной и, как правило, не имела необходимой специализации; известно, какое количество жалоб на неумение пришлых рабочих справиться с простейшими сельхозмашинами поступало от частных владельцев.

Таким образом, из-за неустойчивости пользования землей рабочая сила многих миллионов крестьян не имела возможности полностью реализоваться в земледелии и в то же время из-за искусственного прикрепления к земле не могла приобрести достаточной квалификации для работы не только в промышленности, но даже и в сколь угодно интенсивном сельскохозяйственном производстве.

Противники общины с полным основанием считали, что подобное непроизводительное распределение и приложение трудовой энергии русского народа ведет к постепенной массовой пролетаризации, которая является прямым следствием общинного режима. Это мнение полностью подтверждалось сельскохозяйственной статистикой, фиксирующей громадный рост доли безлошадных и бесскотных дворов, совершенно не обрабатывающих своей земли и либо сдающих ее в аренду, либо просто забрасывающих наделы.

¹ Так, например, в Курской губернии особое значение для крестьян имели работы на свекловичных плантациях, занимавших в губернии площадь более 50 тыс. дес. Средняя стоимость обработки и уборки десятины свекловицы достигала 35 руб. (колебания в пределах 30–50 руб.). Это были самые высокооплачиваемые сельскохозяйственные работы, хотя и в скверных санитарных условиях: «Распространение культуры свекловицы в Курской губернии, требуя все большего количества рабочих рук, оказывает большое влияние на величину сельскохозяйственного заработка крестьян, подымая вообще цену на рабочие руки и давая самим производством крупную сумму заработков».

Еще большие заработки сельскому населению Центрально-Черноземного района приносил отход. «В Тульской губернии, по сведениям за 1900 год, выданы паспорта около 225 тыс. крестьян, что составляет 15,6% всего наличного населения. В общем 37% взрослых мужчин не находят в Тульской губернии приложения своему труду и вынуждены искать работы на стороне. В... Каширском, например, уезде, по данным за 1897 год, 31% всего населения живет вне уезда и 37% всего взрослого населения обоого пола занимается отхожими промыслами. Это стремление оставить землю и найти заработки на стороне развито в значительной степени даже и в самых плодородных черноземных уездах.

В Епифановском, например, уезде в 1899 году 15% всех семей отсутствовало на местах приписки, причем все эти «неживущие семьи» более или менее порвали связь с деревней; но даже остальные наличные семьи отпустили на сторону почти 30% мужчин в рабочем возрасте. Среди крестьянского населения Рязанской губернии в большом ходу поговорка «нас кормит не земля, а Москва».

По общим наблюдениям, дворы с одним работником, которым некого отпустить на сторону, все больше падают и нищают.

В Курской губернии общая сумма заработков от отхожих промыслов составила в 1902 году, по сведениям податных инспекторов, сумму свыше 9 млн руб.; число же лиц рабочего возраста, ушедших на заработки, было около 260 тыс. чел., в том числе 211 тыс. мужчин и 49 тыс. женщин. Большинство уходит на год, предлагая на рынке труда исключительно свою мускульную силу, применяемую к полевым работам. В течение ряда лет наблюдается по Курской губернии постепенное уменьшение процента уходящих мужчин и увеличение процента женщин. Одна из причин указанного явления — местный урожай хлебов; отход мужского населения находится в сильной зависимости от колебаний урожая. Другой причиной уменьшения отхода мужского населения служит кризис в металлургической и горнозаводской промышленности Юга России, начавшийся еще в 1900 году.

Почти половина всех уходящих из Курской губернии женщин бывает на сельскохозяйственных работах; из остающейся половины большинство уходит в города, в качестве прислуги; часть уходит на фабрики и заводы, немногие из крестьянок ищут работы на угольных копях. Мужчины занимаются, кроме сельскохозяйственных работ, по большей части, в разных промышленных заведениях.

В селениях, где отхожий промысел получает особо широкое распространение, наделная земля постепенно сначала путем краткосрочной, а затем долгосрочной аренды, переходит в фактическое владение немногих крестьян, которые, благодаря расширению площади своих земельных участков, образуют группу зажиточных крестьян-землевладельцев, а многие, некогда самостоятельные домохозяева превращаются в постоянных отхожих рабочих, владеющих в своей деревне на самом деле только одной усадьбой». (*Брже-ский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 34–36*).

Громадный запас трудовой энергии крестьян-общинников, таким образом, оставался неиспользованным, и это опять-таки поощряло в народе «наклонность к праздности».

Здесь представляется уместным привести трактовку С. Ю. Витте необходимости реформирования аграрного сектора страны в общем контексте правительственной парадигмы управления страной: «Чтобы оплодотворить народный труд, необходимо поставить народ так, чтобы он мог и хотел не только производительно трудиться, но стараться всячески увеличивать эту производительность.

У нас же народ так же трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы, напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой.

Для того чтобы народ не голодал, чтобы его труд сделался производительным, нужно ему дать возможность трудиться, нужно его освободить от попечительных пут, нужно ему дать общие гражданские права, нужно его подчинить общим нормам, нужно его сделать полным и личным обладателем своего труда, одним словом, его нужно сделать с точки зрения гражданского права *person*'ою.

Человек не разовьет свой труд, если он не имеет сознания, что плоды его труда суть его и собственность его наследников. Как может человек проявить и развить не только свой труд, но инициативу в своем труде, когда он знает, что обрабатываемая им земля через некоторое время может быть заменена другой (община), что плоды его трудов будут делиться не на основании общих законов и завещательных прав, а по обычаю, а часто обычай есть усмотрение, когда он может быть ответственен за налоги, не внесенные другими (круговая порука), когда это бытие находится не в руках применителей законов (общая юрисдикция), а под благом попечительного усмотрения и благожелательной защиты маленького «батюшки», отца — земского начальника (ведь дворяне не выдумали же для себя такой сердечной заботы), когда он не может ни передвигаться, ни оставлять свое, часто беднее птичьего гнездо без паспорта, выдача коего зависит от усмотрения (сельского схода — *М. Д.*), когда, одним словом, его быт в некоторой степени похож на быт домашнего животного; **заинтересован владелец, ибо это его имущество**, а Российское государство этого имущества имеет при данной стадии развития государственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится.

Вот в чем суть крестьянского вопроса, а не в налогах, не в покровительственной таможенной системе и не в недостатке земли, по крайней мере не в принудительном отчуждении земли для передачи ее во владение крестьян.

Но, конечно, если государственная власть считала, что для нее самое удобное держать три четверти населения не в положении людей, граждански равноправных, а в положении взрослых детей (существ особого рода), [когда] взяло на себя роль, выходящую из сферы, присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, когда три четверти населения не *person*'ы, а полуперсоны, то рано или поздно правительство должно было вкусить прелести такого режима.

Высшее правительство — государственная власть — сие и вкусила, когда произошел удар от японской войны, затеянной по безумию и поощренной обер-полицейстером Российской империи Плеве в надежде таким манером поднять пре-

стиж власти, возвеличить нашу силу и режим и заставить смириться перед мощью и успехом.

Ужасное влияние имеет на людей всякий успех. Это я испытал и на себе лично.

Но раз ты попечитель, то, если я голодаю, корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих.

В сущности, наши налоги в мое время (до войны), сравнительно с налогами других государств, были не только не велики, но малы. Но раз ты меня держишь на уздечке, не даешь свободы труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги — нечем платить.

Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай земли по мере увеличения населения. Земли нет. — Как нет, смотри, сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных владельцев? — Да ведь это земля чужая. — Ну так что же, что чужая. Ведь государь-то самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они его опутали. — Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна. — А при Александре II собственность не была священна — захотел и отобрал, да нам дал. Значит, не хочет.

Вот те рассуждения, которых держится крестьянство. Эти рассуждения есть результат самим правительством устроенного их быта, и затем, конечно, они раскалены бессовестным огнем революции»¹.

Эти мысли Витте можно рассматривать как своего рода развернутый комментарий к приведенным во Введении мыслям Б. Д. Бруцкуса о причинах аграрного кризиса, а на деле — о трудностях российской модернизации. С. Ю. Витте показывает несообразность самого модуса управления страной, тех идей, которые лежат в основе всей системы управления Империей — тем задачам, которые стоят перед нею.

Каждое слово Витте справедливо, и очень печально, что подобное положение вещей было создано самой Властью при активном участии общества. В частности, они считали в порядке вещей не только сохранение, но и укрепление сословно-тяглового строя, при котором почти стомиллионное крестьянство, с одной стороны, было главным источником денежных поступлений в бюджет, не имея при том основных гражданских прав, а во-вторых, обрекалось на малопривлекательную роль «того массивного, недробимого и неделимого фундамента общества, который сам по себе не живет и не умеет жить, требуя постоянных о себе забот начальства»². Замечу, что под начальством здесь не нужно подразумевать только представителей МВД или других правительственных органов. Революционные народники-социалисты тоже очень хотели заботиться о крестьянах.

А ведь минимум два поколения жителей страны, родившихся после 1861 г., **могли** вырасти в другой атмосфере и иметь несколько иную психологию, чем та, с которой они встречали Рождество Христово в 1905 г. И во многом это было следствием того, что российское крестьянство в подавляющем большинстве просто **не знало, что такое быть собственником своей земли**, и большую часть образованного класса России такое положение по разным причинам устраивало.

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 47–50.

² *Литошенко Л. Н.* Социализация земли... С. 141.

8.2. Аграрная реформа Столыпина: историографические заметки

Однако верховной власти понадобились такие серьезные потрясения, как безнадежно проигранная война с Японией и спровоцированная ею революция, чтобы изменить вектор развития страны.

И тогда пришло время П. А. Столыпина.

Масштабы кризиса 1905–1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Она была изложена П. А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии II Государственной Думы 6 марта 1907 г.

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны. По объему и значимости они едва ли не превосходили Великие реформы и совершенно точно являлись их логическим и историческим завершением. Они должны были в конечном счете разорвать вековую патерналистскую традицию российской истории и российской жизни.

Программа преобразований включала законопроекты, обеспечивающие терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устраняющие все правоограничения, связанные с вероисповеданием (в том числе и для евреев).

Следующие законопроекты были связаны с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления (в числе прочего, и с созданием волостного бессловного земства), с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т. д. В Польше и Финляндии должно было быть введено самоуправление. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации и, прежде всего, создание административных судов, которое считались одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали приватизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени.

Даже столь беглое перечисление показывает, что эти меры составляют одну из наиболее четких и эффективных программ системных реформ за века русской истории, реформ продуманных, реформ реальных, т. е. тех, которые могли бы быть реализованы при жизни одного поколения. Пресловутые «20 лет покоя» из интервью газете «Волга» — фигура речи, превращенная в символ, но этот срок представляется вполне реальным.

Столыпин определял связь между всеми этими законопроектами следующим образом: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое**»¹.

¹ *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М. 1991. С. 51.

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию» — и не в расхожем пропагандистском смысле (С. Ю. Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как «нас много и сколько у нас земли»), а **по сути, по существу, естественной силой вещей**, как говорили во времена Н. М. Карамзина.

Программа эта была, конечно, западной.

Центральным ее компонентом выступала аграрная реформа.

Реформа должна была покончить с описанными выше «прелестями» общинного и особенно уравнительного землепользования. Она должна была поднять благосостояние крестьян за счет изменения экономического строя их хозяйства, сделав их собственниками своей земли и предоставив им возможность трудиться на ней свободно, избавив их от гнета общины, от принудительного севооборота и переделов земли.

Ведь крестьяне-собственники были нужны стране стратегически — не потому, что помещики и правительство нуждаются в союзниках-хуторяках для борьбы с беднотой, а потому, что, как показал опыт мировой истории, крестьяне-собственники лучше работают и богаче живут, от чего любому государству как минимум никогда не было хуже.

По масштабам и громадности последствий эти преобразования далеко выходили за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, воздействуя тем самым не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и др.

Сама по себе возможность выхода крестьян из общины и превращение их в собственников своей земли делала реформу **неприемлемой** для очень широкого круга тех современников, конечной целью которых было управление народом, какой бы демагогией это не камуфлировалось, для всех защитников общины (их круг мы теперь представляем) и даже для таких ее противников (на словах), как марксисты, ибо успех преобразований лишал их деятельность, а иногда и жизнь, смысла.

Успех реформы был оглушительным, безусловным и притом быстрым. Помимо понятной растерянности он породил столь же понятную злобу бессилия. Отсюда стремление (иногда совершенно рефлекторного уровня!) затушевать достижения П. А. Столыпина бесконечными разговорами о насилии, о «выбитых на хутора» крестьянах, о подкупе их Властью и т. п.

Отсюда тот шквал оголтелой критики с вполне предсказуемой степенью объективности, который обрушился на реформу и самого П. А. Столыпина.

Кофод по этому поводу заметил: «То, что партийные политики ставят партийные соображения выше всеобщего блага, не представляется, конечно, явлением специфически русским, наоборот. Но вряд ли где-нибудь еще такая партийная политика ведется с такими крайностями, как она велась в России, где оппозиция принципиально была против каждого пункта правительственной программы, каким бы полезным этот пункт не был»¹.

Известная переписка Л. Н. Толстого и П. А. Столыпина показывает глубину пропасти, отделявшей реформу и реформаторов от их оппонентов, а этих последних — от реальной жизни². Вот так, поистине в «бессмысленных мечтаниях» об окружающем мире Россия и прожила полвека после смерти Николая Павловича.

¹ Кофод К. А. 50 лет в России... С. 192–193.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 723–725.

Рожденная, условно говоря, в политическом «роддоме», Столыпинская аграрная реформа была обречена жить и восприниматься прежде всего через призму политики, точнее политиканства, т. е. искаженно, упрощенно, и притом в атмосфере большого зла и незаслуженной ненависти, запаса которых с избытком хватило на сто лет.

В традиционной неонароднической оценке аграрных преобразований, понятно, преобладали эмоции. Уже в силу этого класс аргументации в защиту общины и уровень критики реформы был невысок.

Общую тональность этой литературы хорошо передает Б. В. Юрьевский. Он говорит, что проблемам землеустройства, прежде всего «описанию условий, при которых налаживаются крестьянские хозяйства на хуторах и отрубках», в литературе уделяется мало внимания — «слишком мало по сравнению с громадным историческим значением проводимой ныне земельной реформы»¹.

Лишь в работах Бельского, Карабанова, Вельского, Першина и князя Оболенского содержатся описания единоличных хозяйств различных районов, сделанные на основании личных впечатлений авторов.

«Правда», — пишет Юрьевский, — «на газетных столбцах делу землеустройства посвящено усиленное внимание, но здесь мы сталкиваемся уже с литературой иного сорта. Вместо правдивых описаний того, что сделано, вместо крайне ценных для практической политики будущих обследований современного состояния созданных и создающихся единоличных хозяйств, **все внимание газетных корреспондентов обращено на перечисление случаев столкновений, возникающих между отдельными крестьянами при различных землеустроительных работах.**

Ничего удивительного в самой возможности таких беспорядков, очевидно, нет. Ежегодно в пределах 47 губерний Европейской России землеустроительные работы производятся свыше, чем в десяти тысячах селений, а в 1912 г., например, они производились в 20513 отдельных пунктах.

Чем же является по существу разверстание целого селения на хутора, как не известного рода разделом общего имущества между несколькими десятками, а иногда и тысячами совладельцев-однообщественников? Если в интеллигентной среде, связанной родственными узами и притом состоящей всего из нескольких лиц, раздел имущества в большинстве случаев без недоразумений и суда не обходится, то нет ничего удивительного в том, что подобные же недоразумения и столкновения возникают в деревнях при разверстаниях. И если перейти на эту почву сопоставлений, то скорее приходится удивляться незначительному числу столкновений на почве землеустройства по сравнению с массой ежегодно производящихся работ.

Между тем, при чтении корреспонденций с описанием случаев побоищ, возникших при хуторских разверстаниях, или недоразумений между землемерами и населением у читателя постепенно складывается впечатление, что землеустройство есть вредная бюрократическая затея, проводимая насильственно, вопреки желаниям и настроениям народных масс. Какой же смысл при таких условиях заниматься более детальным исследованием результатов, достигнутых произведенными работами?

Однако, если где критика не только уместна и желательна, но прямо необходима, то это именно при тщательном обследовании современных крестьянских хозяйств для выяснения тех мер, которые должны быть направлены к скорейшему их возрождению.

¹ Юрьевский Б. В., Сыромятников С. Н. Землеустроительный смотр. СПб., 1913. С. 2–3.

Работы по разверстаниям наших деревень не являются ведь каким-то делом под стекляннным колпаком, которое творится в секрете от общества и страны. Землеустроительные работы совершаются у всех на виду, и кто же мешает при таких условиях частным лицам заняться подробным выяснением того, что достигнуто землеустройством? Пора же, наконец, от кабинетных споров о превосходстве якобы общинного чересполосного землевладения над единоличным — хуторским, от сомнений о возможности повсеместного практического осуществления землеустроительной реформы, от рассуждений, насколько овчинка стоила выделки — перейти к изучению уже образованного за эти шесть лет миллиона хуторских и отрубных хозяйств.

Быть может, с увеличением числа описаний жизни хуторян в различных районах постепенно рассеется та нездоровая атмосфера политической борьбы и страстей, в которой сразу же очутилось **землеустройство — эта чисто хозяйственная реформа**¹.

Здесь Юрьевский, кажется, не совсем прав. Вот если бы реформа началась до 1905 г., как о том мечтали С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, Б. Н. Чичерин, П. А. Столыпин, В. И. Гурко, Н. К. Бржеский, П. П. Дюшен, А. П. Никольский, и их единомышленники, то тогда она действительно была бы прежде всего хозяйственной, — прежде всего, но не только, поскольку в конкретных российских условиях преобразования, касающиеся четырех из пяти жителей страны, не могли не иметь социально-политического характера.

Ненормальная общественная атмосфера того времени обусловила сравнительную немногочисленность защитников Столыпинской аграрной реформы. Для одобрения преобразований требовалось определенное гражданское мужество. Это было не просто не модно — человек рисковал репутацией, рисковал аудиторией (в прямом и в переносном смысле). Те, кто пытался защищать реформу и настаивать на ее положительном содержании, не закрывая глаза на имевшиеся недочеты при ее проведении², были в явном меньшинстве, и их просто игнорировали.

В результате, когда весной 1917 г. Б. Д. Бруцкус пытался объяснить, что не нужно отбрасывать реформу только потому, что ее проводила старая власть³, то воистину был глас вопиющего в пустыне.

Советская историография продолжила и развила традиционный неонароднический подход в его ленинском варианте (реформа проводилась сугубо насильственно, должна была укрепить самодержавие и сохранила помещичье землевладение, но способствовала некоторому развитию капитализма). Иного, понятно, и быть не могло, хотя иногда в анализе неявно замечались скорее эсеровские взгляды — в тех случаях, когда принижался или отрицался факт развития капитализма в сельском хозяйстве России. Скороговоркой или нехотя отмечая некоторые положительные стороны реформы (а иногда и не отмечая их вовсе), такие историки, как, например, А. Я. Аврех, А. М. Анфи-

¹ Там же. С. 3–6.

² Бруцкус Б. Д. Землеустройство и расселение за границей и в России. СПб, 1909; *Он же*. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918; *Он же*. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; *Кифод А. А.* Хуторское расселение. СПб, 1907; *Он же*. Различные способы уничтожения чересполосицы и длинноземелья. Старые и новые способы ведения полевого хозяйства. СПб., 1908; *Он же*. Наше землеустройство // Ежегодник 1911 г. Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб, 1912; *Он же*. Русское землеустройство. СПб, 1914; *Перицип П. Н.* Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьба во время революции (1917–1920 гг.) М., 1922.

³ Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса... С. 21.

мов, И. Д. Ковальченко, нисколько не сомневались в конечном провале реформы¹. При этом они, как известно, были научными оппонентами и часто имели весьма несхожие взгляды на многие важные проблемы русской истории, — разумеется, в пределах той степени свободы, которую имела советская историография 1960–1980-х гг., и с учетом свойственных тогдашней гуманитарной науке нравов. Однако дружное категорическое неприятие П. А. Столыпина и его преобразований было тем общим знаменателем, который указывал на видовое сходство.

Еще с дореволюционных времен основной полемический прием критиков реформы состоит в том, чтобы максимально сузить ее задачи — до таких «метафизических» сюжетов, как «ставка на кулака», как тотальное «разрушение общины» или «хуторизация» всей страны, приписать их реформаторам, которые подобных задач никогда не ставили, а затем путем манипуляций с источниками победоносно объявить, что реформа не достигла своих целей. Это намеренное сужение масштабов преобразования как пропагандистский прием вполне работает — и, конечно, не только в отношении преобразований Столыпина.

Насколько объективным могло быть исследование реформы советской историографией, можно судить по следующим риторическим украшениям, сопровождающим иногда ее описание: «У костра столыпинского землеустройства, вокруг которого справляли шабаш ведьмы черносотенной реакции, одновременно грела руки алчная свора землеустроительных чинов, разных ходатаев и адвокатов по бесчисленным земельным спорам и всяких иных любителей наживы. И в том же самом костре догорали остатки крестьянской веры в закон, в заступничество «сверху», закалялась воля к дальнейшей борьбе и против крепостников-вдохновителей реформы, и против обогащавшегося кулачества»².

Возможен ли был в принципе рамках этого дискурса непредвзятый анализ каждого из трех главных направлений реформы — землеустройства, покупки земель Крестьянского банка и переселения? Конечно, нет.

Так, групповое землеустройство традиционная историография исключает из анализа. Это, во-первых, сразу вдвое уменьшает объем землеустройства, а во-вторых, позволяет говорить о якобы равнодушии крестьян великорусских губерний к частной собственности, беззастенчиво обманывая при этом читателей, которые думают, что **все** крестьяне **всех** губерний могли сразу же выйти из общины на хутора и отруба. Агрономическая помощь до 1990-х гг. не анализировалась вовсе, а затем стала преподноситься в нужном противникам реформы ключе и т. д.

Дискриминировать реформу можно разнообразно. Например, на 372 страницах весьма содержательной монографии А. П. Корелина «Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг.» имя П. А. Столыпина фигурирует однажды — в связи с позицией московских властей относительно 1-го кооперативного съезда и несколько раз упоминается собственно реформа. В этой книге кооперация рассматривается, по существу, изолированно от проводившихся в стране преобразований — они

¹ *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Анфимов А. М.* Тень Столыпина над Россией // ИСССР. 1991. № 4; *Он же.* Некоторые уроки Столыпинской аграрной реформы // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., Ин-т экономики РАН. 1993; *Он же.* Новые собственники (из итогов Столыпинской аграрной реформы) // *Данилов В., Шанин Т.* (ред.). Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.; *Ковальченко И. Д.* Столыпинская аграрная реформа: (мифы и реальность) // ИСССР. 1991. № 2.

² История России с древнейших времен до наших дней... Т. VI. С. 381.

даже не упоминаются прямо среди факторов подъема «кооперативного строительства в 1905–1914 гг.». Как всегда, говорится о позитивном влиянии общего улучшения экономической конъюнктуры, о ряде урожайных лет и росте цен на сельскохозяйственную продукцию и соответствующем повышении доходов крестьянства. Отмечается, правда, модернизация «гражданского и прежде всего имущественно-правового статуса крестьянства (отмена круговой поруки, выкупных платежей, ослабление прессинга общины, предоставление права выхода из нее и образования индивидуальных участковых хозяйств, возможности более свободного распоряжения своим имуществом, некоторая либерализация паспортного режима), что несомненно оживило хозяйственную и предпринимательскую жизнь деревни»¹. Говорится также о том, что «правительство, несмотря на весьма противоречивое отношение к кооперации, продолжало в какой-то мере совершенствовать ее нормативную базу, оказывать ей финансовую и материальную поддержку и ревизионно-инструкторскую помощь»². Вот это и все. В связи с чем изменилось правовое положение крестьянства, почему правительство продолжает «в какой-то мере» поддерживать кооперативы деньгами (речь идет, между прочим, о сотнях миллионов рублей) и инструкторами и т. д. — обо всем этом читатель должен догадываться сам.

При таком подходе аграрная реформа и промышленный, шире — экономический подъем 1909–1913 гг. существуют отдельно, каждый сам по себе. Подобный «изоляционистский» взгляд весьма характерен для большинства работ по социально-экономической истории, у авторов которых не очень популярны взгляды С. Ю. Витте и В. И. Ковалевского, воспринимавших экономику как единый континуум.

Весьма показательна, кстати, тональность едва ли не главного вывода Корелина: «В целом по плотности кооперативной сети, уровню кооперированности населения, мощности финансово-экономической базы российская кооперация так и не смогла достигнуть показателей передовых западных стран»³. Хотел бы ошибиться, однако впечатление такое, что вся книга была написана ради этого вывода. Грустно, если так.

Удивительно, что специалисту уровня и квалификации Корелина не приходит в голову, что российская кооперация (как и российская индустриализация, как и многие другие процессы, запущенные после 1861 г. зачастую «с нуля») и не могла за считанные годы «догнать и перегнать» пресловутый Запад — слишком разные «стартовые» и «эксплуатационные» условия были у объектов сравнения; о том, что Россия, как известно, довольно быстро училась, я сейчас напоминать не буду.

Эта застарелая обвиняюще-демагогическая интонация дореволюционной оппозиции, твердо усвоенная советской историографией, всегда подразумевает логическое продолжение в духе «и только в советское время...» было якобы достигнуто соответствие мировым стандартам. Впрочем, не хочется думать, что ход рассуждений Корелина именно таков, это, скорее, просто сила инерции. Уж очень живуч давно витающий над отечественной социалистической интеллигенцией образ чуда, волшебной палочки, которая изменит **все и сразу**.

Встречаются и иные способы принизить значение реформы.

Достаточно, например, сделать ее ингредиентом своеобразного «винегрета» из по-

¹ Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., РОССПЭН. С. 172–173.

² Там же. С. 173.

³ Там же. С. 368.

вседневной политической деятельности Столыпина как премьер-министра страны, переживавшей кровавую революцию. В этом случае аграрная реформа обыкновенно через запятую перечисляется в одном ряду с пресловутыми «галстуками», «подавлением Финляндии», проблемой западного земства и другими сюжетами как неотъемлемая часть «провальной» внутренней политики «бонапартиста» Столыпина¹, вслед за чем с праведным пафосом задается демагогический вопрос: «Можем ли мы отделять аграрные преобразования Столыпина от ...» и т. д. После этого реальный анализ реформы уже не представляет интереса.

Характерная черта «пессимистической» историографии заключается в малом внимании исследователей к статистике. Я уже писал о том, что большинство критиков аграрной реформы, помимо прочего, объединяет по-своему забавный способ работы с источниками, который можно назвать внестатистическим².

Слабая опора на статистику явно диссонирует с масштабностью и категоричностью выводов о жизни десятков миллионов людей, в определенном смысле — о судьбе громадной страны, в результате чего обсуждение реформы обретает все черты «вкусовщины».

Между тем, один только, например, погубернский анализ в динамике экономических затрат земств в конце XIX — начале XX в. и доли этих расходов в бюджетах сразу бы показал уязвимость идеи «земской альтернативы» А. В. Ефременко. Эти данные наглядно иллюстрируют то, что говорят нарративные источники — земства, за некоторыми исключениями, не имели ни целостного взгляда на эту проблему вообще, ни всерьез согласованной политики, в чем читатели еще будут иметь возможность убедиться.

Попытки критиков реформы выборочно использовать статистику для подтверждения своих идей нельзя признать удачными. Так, П. Н. Зырянов интерпретирует динамику утверждения проектов хуторов и отрубов так: в 1911 г. — пик, в 1912 г. — резкое падение, 1913–1914 гг. некоторое преодоление спада³. Если бы он дал себе труд вникнуть в динамику землеустройства поглубже, он узнал бы, что снижение показателей личного землеустройства 1912 г. было связано с выходом в 1911 г. новых законоположений, резко усиливших внимание к законодательной базе землеустройства. Землеустроительным комиссиям нужно было время, чтобы освоиться с ними, о чем прямо говорят официальные источники, в силу чего в 1912 г. преобладали групповые работы⁴.

Оценивая в целом негативистскую историографию, как отечественную, так и зарубежную, надо иметь в виду тот факт, что практически все основные претензии в адрес реформы были высказаны ее противниками еще до революции. И даже то, что кому-то кажется новациями — вроде будто бы «системного противостояния» общинного крестьянства реформе — это лишь переформулированное «забытое старое», в чем несложно убедиться, перелистав публицистику А. А. Кауфмана, Н. П. Огановского и Б. Н. Черненкова.

Среди обвинений — и разрушение общины, и «хуторомания», и насаждение кулачества («ставка на сильных»), и утопичный («кабинетный», по терминологии того времени) характер самой программы реформ, и несоответствие ее реализации замыс-

¹ Когда у нас начнут употреблять слова в соответствии с их настоящим смыслом?

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 729–730. Там же я касаюсь манеры обращения со статистикой А. М. Анфимова.

³ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992. С. 130.

⁴ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 842. Л. 68об; Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 758.

лам Столыпина, и несовершенство юридических аспектов реформы и т. д.¹ При этом вождь «провал» преобразований, о котором, конечно, мечтал и писал, насылая факты, не только Ленин, якобы предопределялся общинными ценностями великорусского крестьянства. Эти последние как морально-ценностная основа сопротивления деревни реформе устояли перед натиском и посулами властей. Впрочем, «крах» реформы без подтасовок и махинаций со статистикой доказать никак не удавалось, да и вообще, по мере того, как число ходатайств о землеустройстве переваливало через очередную миллион дворов, а продажи Крестьянского банка — через очередную миллион десятин, такого рода критика думающими людьми, можно полагать, переставала восприниматься всерьез. В этом плане, кстати, нельзя не отметить эволюцию взглядов Б. Д. Бруцкуса.

Поэтому на долю позднейших критиков, как отечественных, так и зарубежных, осталось, в сущности, лишь расширение репертуара обличений и некоторая их переакцентировка сообразно тому, как конкретный исследователь видел соотношение, условно говоря, плохого и безобразного в ходе реализации реформы, что должно было маркировать его (исследователя) вклад в изучение проблемы. Каждому хотелось добавить новые оттенки серого и черного в мрачно-тусклую картину аграрной реформы Столыпина.

При этом отечественным историкам после 1917 г. в качестве методологической основы их трудов вполне хватало, понятно, советского марксизма-ленинизма.

Немного иная ситуация складывалась с зарубежными исследователями, как правило, работающими в рамках концепций, идущих прежде всего от крестьяноведческой линии Т. Шанина или связанных с нею.

С одной стороны, их подходы, на мой взгляд, во многом более перспективны, чем те, которые практиковала советская историография, прежде всего за счет попыток исследования механизма реформы.

С другой стороны, нередко труды западных исследователей *по-своему* также весьма идеологизированы; в этом смысле неудивительно, что для многих представителей зарубежной историографии советские историки во многом остаются поводырями при изучении России. Видное место занимают работы, лежащие в русле породившей «крестьяноведение» чаяновской традиции, в которых разнообразно исследуется проблема «руководящей роли» различных страт общества в отношении крестьянства. В большой степени содержание этих исследований выражена в великолепно провокативном названии монографии Я. Коцониса «Как крестьян делали отсталыми»², к которой во многом примыкают работы Э. Кингстон-Манн³ и упомянутой Дж. Пэллот.

Парфразируя мысль Герберта Уэллса («Россия во мгле»), в одном предложении изложившего суть большевистской пропаганды на 70 лет вперед, можно сказать, что, согласно Я. Коцонису и его единомышленникам, существовала «группа злодеев, именуемых» чиновниками разных ведомств, кооператорами, агрономами, банковскими служащими, землеустроителями и т. п., которая «вступила в заговор против счастья всего» бедного, но мудрого российского крестьянства. Эти люди не давали ему реализовать свои могучие потенции, а, напротив, все стремились им руководить.

¹ Теляк Л. В. Столыпинская аграрная реформа: Историография (1906–1917 гг.). Самара, 1995.

² Коцонис Яни. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914 М., НЛЮ. 2006.

³ Kingston-Mann E. In Search of the True West: Culture, Economics, and the Problems of Russian Development. Princeton, 1999.

Проблема, конечно, не так утрированно проста, как я попытался представить. Нелепо оспаривать стремления значительной части образованного класса руководить народом — большая часть моей книги посвящена доказательству именно этого тезиса.

Однако сама проблема «руководство народом» распадается на ряд сюжетов.

Прежде всего — что такое «руководство» в понимании Я. Коцониса и его коллег? Была ли необходимость в этом руководстве или ее не было? И если была, то в каких конкретно сферах? Всегда ли тут был злой умысел? Если же такой необходимости не было, то необходимо привести доказательства возможности эффективного развития отечественной деревни без индивидуализации аграрного сектора и агротехнологической революции, ставшей реальностью именно благодаря реформе.

Имеют ли под собой основание «ссылки на «неразумность» крестьян»? Правдивы ли сведения источников об именно «неразумности», которая в этом случае нередко выступает как весьма мягкое определение реальности русской деревни?

Список вопросов легко умножить, однако ясно, что, в сущности, все их можно свести к одному — можно ли считать 100 миллионов российских крестьян равноправными интеллектуальными и социальными партнерами реформаторов или нет. Иными словами, либо крестьяне — люди XX века, либо нет.

Дж. Пэллот, Я. Коцонис, Э. Кингстон-Манн считают (не всегда с оговорками), что можно. Однако с доказательствами этого тезиса у авторов совсем не так убедительно, как с понятными жалобами агрономов и кооператоров на непонимание их действий крестьянами.

Значительная часть крестьянства, на мой взгляд, несомненно, психологически жила в современности, но далеко не все, и проблема заключалась в том, что крестьяне действительно нуждались — до поры до времени — в руководстве, поскольку мы увидим, что и в 1913 г. не все из них понимали суть реформы, соглашались с рекомендациями агрономов и т. д.

Однако правительство к этому моменту начало учиться не путать элементарное агрономическое, шире — сельскохозяйственное образование крестьянства (вещь, в сущности, техническую), с политикой мелочной опеки крестьянства под вывеской «казенного социализма» и стало разрывать патерналистскую традицию. А вот многие из агрономов и кооператоров, чья социальная роль во многом изменилась благодаря реформе, увидели в этом шанс, вспоминая Введение к этой книге, все же оказаться в Государственном Совете.

Однако вне зависимости от желаний и стремлений представителей образованного класса реформа быстро шла вперед, жизнь страны менялась, и буквально каждый день наполнял ее новым содержанием — в то самое время, когда шли разнообразные дискуссии о кооперации, о собственности и т. д. И надо заметить — достаточно независимо от них.

Кроме того, в ходе реформы начал решаться крайне важный для развития аграрного сектора в целом комплекс проблем, связанных с частной собственностью на землю, с залогом надельной земли и др. Отдельный жанр — юридические аспекты реформы. Их нельзя, как это сплошь и рядом бывает, рассматривать в отрыве от истории государства и права в России и традиций российского реформаторства и требовать от Столыпина немедленного и повсеместного внедрения, условно говоря, «Habeas corpus».

Иногда создается впечатление, что западные исследователи, вырощенные с этой точки зрения в несколько иных условиях, оценивают данный аспект преобразований без

учета реальных возможностей правительства в этой сфере, а также весьма низкой правовой культуры не только крестьянства, но и — «в сопоставимых ценах» — общества вообще (не говоря уже о традициях аграрного законодательства Сената после 1861 г., о которых говорилось во Введении).

Поэтому нередко заочная полемика между современными историками и Столыпиным, используя не академичное сравнение, превращается, условно говоря, в диалог феминистки с правоверным мусульманином о семье и браке.

Советских историков, писавших о Столыпинской аграрной реформе, можно разделить на профессиональных обличителей и на критиков искренних, но «заблуждающихся по неведению». Особую группу составляли специалисты, понимавшие ее истинное значение, но не имевших возможности сказать об этом открыто, поскольку взвешенный анализ реформы в эти годы был невозможен. Однако их работы заставляли думать, что по тем временам было совсем немало; я в этом смысле благодарен В. Г. Тюкавкину.

Ситуация начала меняться в конце 1980-х гг. И теперь в историографии, как и до 1917 г., вновь гласно представлены оба указанных подхода. Появился и новый, апологетический. Для его представителей П. А. Столыпин, цитируя Ф. Ф. Вигеля, имеет «непогрешимость папы», являясь крупнейшим реформатором, проводившим буквально во всем именно ту политику, которая могла спасти Россию от революции. В их текстах превалируют эмоции и нередко ощущается нехватка элементарной квалификации. Это и понятно — в данной группе немало людей, не имеющих отношения к науке, или публицистов, оценивающих историю по принципу «против кого дружим?», что свойственно, как известно, и их идейным противникам.

Труды О. Г. Вронского, Н. А. Проскуряковой, Н. Л. Рогалиной, В. Г. Тюкавкина, Э. М. Шагина и других исследователей во многом не только реабилитировали аграрные преобразования начала века, но и поставили их изучение на новый уровень¹. Особо хотелось бы выделить цикл работ О. Г. Вронского, глубоких по содержанию и блестящих по форме, а также очень важные для понимания аграрной проблематики в целом труды Н. Л. Рогалиной.

Важной историографической вехой стал выход в свет монографии В. Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа» (М., 2001). В «Историографических замечаниях» (С. 126 и далее) автор решает давно назревшую задачу — подробно анализирует ленинскую концепцию реформы и ее влияние на со-

¹ *Вронский О. Г.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX — XX вв. М. 1999.; *Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок.* Тула. 1999.; *Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917).* М. 2000.; *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М. 2002.; *Рогалина Н. Л.* Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М., 1999; *она же.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., Энциклопедия российских деревень. 2010.; *Тюкавкин В. Г.* Петр Столыпин и его реформа: проекты, реалии, оценки // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. Вып. 1. 1994; *Он же.* Историческое значение Столыпинской аграрной реформы // Научная программа. М. 2002.; *Шагин Э. М.* Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М., 1999; *Шагин Э. М.* Столыпинская аграрная реформа, ее воздействие на сельское хозяйство России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1994; *Он же.* Об опыте и уроках Столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX века. М., 1994; *Он же.* Спорные вопросы истории Столыпинской аграрной реформы и их освещение в вузовском и школьном преподавании // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995; *Он же.* Проблемы эволюции агрокультуры крестьянского хозяйства предреволюционной России в трудах А. В. Чайнова // Аграрные технологии в России IX–XX вв. М., 1996.

ветскую историографию. В. Г. показывает двусмысленность позиции Ленина относительно аграрных преобразований — с одной стороны, он прекрасно понимал их смысл и видел их потенциал, с другой же, «интересы пролетариата» вынуждали его идти на прямую фальсификацию происходящего¹.

Тюкавкин убедительно демонстрирует несостоятельность некоторых устойчивых **стереотипов**, сформировавшихся в литературе, в рамках которых излагалась история преобразований — во-первых, реформа была вызвана революцией, во-вторых, целью Столыпина и правительства было разрушение всех общин, в-третьих, реформу проводилась насильственно, крестьян принуждали подавать заявления о выходе из общины и о землеустройстве, общины подвергались перманентному полицейскому нажиму².

Крайне важно, что В. Г. доказал, что расхожая версия о провале преобразований П. А. Столыпина, выдвинутая В. И. Лениным, основывалась на обычной манипуляции с цифрами, банально, но действенно, рассчитанной на незнакомство читателей с реалиями описываемого явления, в данном случае — Столыпинской аграрной реформы. Типичный прием для оппозиционной российской публицистики пореформенной поры, успешно переживший 1917 г.

Тюкавкин пишет: «Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было «краха» реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал «крахом», но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было «укреплять» землю — документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6174,5 тыс. дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств»³.

8.3. Начало реформы и коррекция плана преобразований

Как известно, Положение 19 февраля 1861 г. говорило о том, что после выкупа своих наделов крестьяне становятся их собственниками и смогут располагать ими свободно, в том числе и свести все полосы к одному месту в компактный участок, т. е. отруб, перенесение усадьбы на который превращало его в хутор.

Отмена выкупных платежей с 1 января 1907 г. дала законные основания начать аграрную реформу, в центре которой стоял вопрос о крестьянской собственности на землю. Власть тем самым как бы вернулась в правовое пространство Великой реформы, о чем и говорилось в Указе 9 ноября 1906 г. Именно поэтому преобразования Столыпина так часто назывались ее вторым этапом, ее завершением.

Однако ему предшествовал указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий», который уравнивал крестьян в правах с остальными сословиями и де-факто стал прорывом к ликвидации сословно-тяглогового строя. Теперь полноправный гражданин своей страны

¹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М. 2001. С. 124–158.

² Там же.

³ Там же. С. 125.

мог, наконец, свободно владеть собственной землей. Указ 9 ноября был логическим продолжением указа 5 октября.

Указ 9 ноября разрешил укрепление наделной земли в собственность (выражаясь современным языком, — приватизацию). Каждый крестьянин мог теперь выделить свою наделную землю, т. е. все те расположенные чересполосно участки земли, которыми он пользовался, из общины, сохраняя при этом право использовать общие общинные угодья. Этой выделенной землей крестьянин мог распоряжаться свободно.

Однако только укрепление этих чересполосных участков, число которых, как мы знаем, иногда превышало сотню, понятно, не могло быть стратегической задачей реформы, хотя и позволяло части крестьян решить свои проблемы (например, продать надел покинуть общество и, имея начальный капитал, попытаться изменить свою жизнь — уйти в город, уехать в Сибирь или на Дальний Восток, эмигрировать и т. д.).

Для большинства же крестьян юридического освобождения от власти общины было явно недостаточно. Их необходимо было освободить от принудительного севооборота и дать возможность вести на своей наделной земле хозяйство так, как захочется им самим. А это было невозможно без ликвидации внутринаделной чересполосицы и консолидации их разбросанных чересполосно земельных наделов. Необходимо было свести воедино, в один участок все части этих наделов («полоски»).

Именно этот комплекс действий с наделной землей и назывался землеустройством: «Каждый выделяющийся из общины мог требовать и притом во всякое время, а не только при общем переделе, чтобы его земля была выделена к одному месту. Если только этот выдел не являлся для общины неудобным или невозможным (а этот вопрос разрешался не самой общиной, а администрацией), просьба выделяющегося должна была быть удовлетворена»¹, потому что наиболее целесообразной формой ведения крестьянского сельского хозяйства при прочих равных условиях являлся хутор, либо отруб.

Землеустройство и стало основой аграрных преобразований, которая дополнялась кардинальным расширением операций Крестьянского банка, программой переселения в Азиатскую Россию и другими мерами.

Однако произошло это не сразу, и цепочка событий, приведших к тому, что землеустройство стало «локомотивом» реформы, очень важна и интересна.

Первоначальная программа реформы определенно не предполагала того переворота в жизни страны, который стал явно ощущаться во многих регионах уже к началу 1909 г.

В 1906 г. задачи вновь создаваемых, согласно указу 4 марта, землеустроительных комиссий были сформулированы в таком порядке: «1) содействие Крестьянскому банку в покупке и продаже земли нуждающимся в ней крестьянам и содействие крестьянам в покупке последними земель непосредственно от владельцев при помощи Крестьянского банка; 2) продажа и сдача в аренду казенных земель; 3) содействие крестьянам в переселении на казенные земли Азиатской России, и, наконец, 4) содействие сельским обществам и отдельным крестьянам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования»².

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 89.

² Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. Задачи, результаты, организация и средства. СПб., 1912. С. 6–7.

При этом в марте 1906 г. правительство еще не было уверено в необходимости *повсеместного* открытия даже уездных Землеустроительных комиссий, не говоря о губернских. Это было следствием нехватки информации о землевладении и землепользовании на местах, что прямо следует из текста указа 4 марта; конечно, перепись землевладения в 1905 г. была проведена не случайно.

После анализа поуездной статистики крестьянского и частновладельческого землевладения, а также трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. и «специальных исследований о хуторском расселении в России» (работ А. А. Кофода — М. Д.), было решено открыть Землеустроительные комиссии в 291 уезде 33-х губерний, «причем по крайней мере в 60 уездах 17 губерний (было) необходимо возложить на Комиссии землеустроительные функции, направленные к улучшению крестьянского землепользования, и для этой цели образовать при Комиссиях партии землемерных чинов»¹. Другими словами, поначалу планировалось, что внутринадельное землеустройство будет проводиться лишь в одном из каждых пяти уездов (!).

Однако Государственный Совет значительно снизил просимый ГУЗиЗ кредит, и было решено открыть 200 уездных Комиссий. В конечном счете было создано 184 уездные Комиссии очереди 1906 г.

В общем Наказе землеустроительным комиссиям, утвержденном 19 сентября 1906 г., лишь в седьмом разделе из восьми говорилось о «разверстании чересполосности надельных земель с прилегающими владениями и общности пользования крестьян с частными владельцами»².

То есть и в этом важнейшем документе задачи внутринадельного землеустройства стоят в конце списка — перед постановлениями Комитета по Землеустроительным делам о личном составе.

Вот такими виделись приоритеты реформы в начале осени 1906 г.

Очень важно, что при утверждении Наказа Комитет по Землеустроительным делам решил возложить «на все без исключения Землеустроительные комиссии, кроме содействия деятельности Крестьянского банка, также и все остальные поземельно-устроительные функции, на основаниях, изложенных подробно в Наказе. Таким образом, отпало первоначальное предположение об открытии Комиссий двух типов — с землеустроительными функциями и ограничивающихся только содействием Банку»³. Тем не менее само по себе это предположение важно как показатель уровня понимания правительством проблем в первые полгода реформы.

Для марта-сентября 1906 г. программа правительства кажется вполне логичной.

Оно намерено мобилизовать всю землю, которая может увеличить крестьянское землепользование сейчас, в данный конкретный период времени, в том числе и ту, стремление к захвату которой было поводом для аграрных погромов 1905–1906 гг., и передать ее крестьянам.

Однако крестьяне должны получить эту землю не даром, не в порядке капитуляции правительством перед насилием, а за деньги (не могу здесь не заметить, что мы еще очень плохо представляем повседневную атмосферу тех месяцев, атмосферу постоян-

¹ Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год их существования (по 1 октября 1907 года). СПб., 1908. С. 5–6.

² Землеустройство (1907–1910 гг.). СПб., 1911. С. 21.

³ Там же. С. 11.

ного нагнетания в СМИ напряженности вокруг аграрного вопроса, агитации за продолжение беспорядков, которая еще больше разнуздывала население страны).

Н. А. Проскуракова пишет: «В системе мероприятий столыпинской реформы Крестьянскому банку отводилась важнейшая роль. Был издан целый пакет законодательных актов, определивших его деятельность в новых условиях», причем особо нужно выделить указ 14 октября 1906 г. «О понижении платежей заемщиков Крестьянского банка (с 5 руб. 25 коп. и 5 руб. 75 коп. до 4 руб. 50 коп. в год со 100 руб. ссуды при сроке 55,5 года с установлением соответствующих платежей по другим срокам ссуд)»¹. Поскольку по своим обязательствам Банк платил больший процент, чем ему платили крестьяне, то казна вынуждена была покрывать разницу в платежах; эта субсидия за 1906–1917 гг. составила 145,5 млн руб.²

С этими мерами органично связано намерение интенсифицировать процесс переселения крестьянства. Землеустройство в этой программе находится в тени, и это тоже естественно.

В 1905 г. вышла книга А. А. Кофода «Хутора на надельной земле» о стихийных разверстаниях конца XIX — начала XX вв. и его брошюры, многое прояснившие грамотным и непредвзятым читателям, которые, впрочем, были в безусловном меньшинстве. Конечно, с одной стороны, заманчиво было верить кофодовскому диагнозу настроений деревни, его оптимистичным прогнозам их развития, и велик, наверное, был соблазн поддаться его настойчивости. Однако, с другой стороны, полной уверенности в его правоте у правительства все-таки не было, отсюда и оправданная, как выяснилось позже, осторожность намеченных мероприятий.

Представления реформаторов о начавшихся преобразованиях изменились не сразу. В «Обзоре деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год их существования (по 1 октября 1907 года)» лишь на 9-й странице появляется внутринадельное землеустройство, а предыдущее изложение посвящено работам на банковских и казенных землях³.

Кофод в своих воспоминаниях писал, что сначала «главной целью» землеустроительных комиссий была помощь «Крестьянскому банку в продаже огромных территорий земель, приобретенных банком... а также в дальнейшем увеличении скупленных ареалов. Только одна фраза в тексте Указа давала комиссиям право помогать крестьянам “в установленном законом порядке изменять существующую форму землевладения и землепользования”»⁴.

Кофод уточняет: «О разверстании в этом временном законе... которым мы руководствовались в течение первых трех с половиной лет, к счастью, говорилось не очень много, собственно, только констатировалось право требовать его проведения, а также устанавливалось, что оно должно проводиться землеустроительными комиссиями. Практика должна была потом показать, как это должно быть разработано в деталях. Такая разработка и была сделана в законе от 24 июня 1910 года.

Кстати, никто, даже я сам, не верил в то, что разверстание в течение первых лет получит сколько-нибудь значительное распространение за пределами тех губерний, где крестьяне практиковали его по собственному почину»⁵.

¹ Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., РОССПЭН. 2002. С. 334–335.

² Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос... С. 81.

³ Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год .... С. 15.

⁴ Кофод К. 50 лет в России... С. 191.

⁵ Там же. С. 197.

Чуть ниже он вновь возвращается к этой мысли: «Вначале никто не ждал сколько-нибудь быстрого распространения разверстания... Сам Столыпин еще весной 1907 г. смотрел на разверстание как на дело второстепенной важности в сравнении с огромной работой по дроблению и продаже многочисленных имений, купленных Крестьянским банком»¹.

Собственное неверие в немедленный успех землеустройства Кофод объясняет так: «не ждал быстрого распространения разверстания потому, что указания закона относительно права требовать его проведения были чрезвычайно умеренны, так как, чтобы можно было провести разверстание, требовалось, в зависимости от формы землевладения, согласие от 1/2 до 3/4 владельцев наделов», в то время как в Пруссии, не говоря о Скандинавии требования были несравненно мягче.

«Эта умеренность законодателей, которая скорее всего была вызвана недостаточным доверием к разверстанию и которую я считал излишней, оказалась позднее удачной», — продолжает Кофод, — «Она удаляла главный аргумент многочисленных противников реформы, которые как раз кричали о том, что нельзя принуждать крестьян. Она облегчала работу землемеров, уменьшая сопротивление реформе в самих деревнях, и она действовала сдерживающе на поток заявлений о разверстании, который в последние годы перед первой мировой войной был таким сильным, что при тогдашних технических силах было бы невозможно поспевать за ним, если бы условия требования разверстания были мягче»².

В 1907 г. открылись еще 199 уездных и ряд губернских комиссий. В 1906 г. под эгидой Межевой части Министерства юстиции началась организация землемерной части при Комиссиях. Сообразно размерам ассигнований «кадр межевых чинов», по тогдашней терминологии, на 1906 г. был определен в 200 человек.

Они сразу же активно включились в работы для Крестьянского банка, земельный фонд которого должен был сыграть важную роль в реформе в том числе и потому, что нарезаемые участки часто соседствовали с наделами бывших помещичьих крестьян, среди которых земельная нужда ощущалась острее, чем у бывших государственных крестьян.

Банковские и казенные земли нужно было разбить на несколько сотен тысяч участков, обеспеченных водой, дорогами и по составу угодий пригодных для ведения самостоятельного хозяйства. Масштаб задачи, учитывая сильную разнокачественность имений, был огромен и быстро превысил силы землемеров, состоявших на службе Комиссий. Притом же задачи подобного размаха в России никто и никогда не решал³.

По смете 1907 г. кредит был выделен на содержание 500 межевых чинов. Однако деятельность Комиссий сразу же стала шире, чем намечалось в 1906 г., особенно в виду принятых в полевой период 1907 г. мер к неотложной ликвидации земель, купленных Крестьянским банком, т. е. продаже этих земель крестьянам.

Поэтому число приглашенных землемеров в большинстве губерний увеличилось в сравнении с планировавшимся. В конце 1907 г. при Комиссиях фактически работало до 650 землемеров (из них более половины по вольному найму), не считая более 150 специалистов, которым платил Крестьянский банк. ГУЗиЗ разумно решил оставить их на постоянной службе при Комиссиях⁴.

¹ Там же. С. 198.

² Там же. С. 198–199.

³ Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год... С. III.

⁴ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. СПб., 1909. С. 26–27.

«В 1907 году из общей площади произведенных в натуре землеустроительных работ — 1049739 дес. на земли Крестьянского банка и казны приходилось 762056 дес., или 72,6%, а в 1908 году из такой же общей площади работ — 2278280 дес. на банковские и казенные земли приходилось 1414493 дес. (62,6% — М. Д.). Работы по ликвидации имений Крестьянского банка производившиеся с самого открытия Комиссий на довольно значительной площади и притом, главным образом, в тех районах, где население было сравнительно мало знакомо с выгодами обособленного единоличного владения, имели большое показательное значение. Опыт показал, что в районах ликвидации земель Банка очень скоро начали поступать ходатайства населения по внутринадельному землеустройству, а затем производиться и самые работы по улучшению землепользования на надельных землях»¹.

Выполнение Землеустроительными комиссиями своей основной, согласно указу 4 марта, задачи — содействовать Крестьянскому поземельному банку — в начальный период реформы протекало следующим образом. Они помогали Банку, во-первых, в решении вопроса о целесообразности покупки конкретных имений и их реальной оценки, во-вторых, при ликвидации земельного фонда Банка, и, в-третьих, в посреднических сделках при покупке крестьянами земли помещиков при содействии Банка:

1). В 1907–1908 гг. Комиссии рассмотрели 5937 предложений о продаже Банку 6066,9 тыс. дес., признав целесообразным приобретение 4546,6 тыс. дес. (74,9%) по 4715 предложениям (79,4%).

Покупка же 1520,3 тыс. дес. была отклонена по следующим мотивам: 126,8 тыс. дес. из-за высокой продажной цены, запрошенной владельцами, 314,2 тыс. дес. вследствие «неисправности документов», перехода имений к другим владельцам и др., а 1079,3 тыс. дес. — по несоответствию предлагаемых имений целям землеустройства². Любопытно, что это несоответствие заключалось в первую очередь в том, что в составе этих имений были значительные площади угодий, «не представляющих необходимости для местных крестьян, как-то больших площадей лесов, зачастую имеющих водоохранное и водозащитное значение и потому не подлежащих передаче в руки крестьян», а также в отсутствии малоземельных покупателей³.

Кроме того, Землеустроительные комиссии дали заключения о стоимости 2008 имений;

2). Ликвидация земельного фонда Банка, состоявшего из приобретенных имений, земель, переданных Удельным ведомством, и участков, оставшихся за Банком на торгах, была сложной задачей⁴.

Правительство теперь, стремясь упрочить у крестьян сознание незыблемости частной собственности, в том числе и земельной, основательно подорванное агитацией и пропагандой оппозиции в 1905–1906 гг. (а если смотреть глубже — то и реформой 19 февраля 1861 г.), хотело разделить обширный земельный фонд банка на хутора и отруба. В реальности миллионы десятин предстояло до продажи разбить на несколько сотен тысяч мелких участков.

Это была новая и очень сложная задача, неудачное решение которой могло надолго отратить крестьян от индивидуального землепользования.

¹ Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. Задачи, результаты, организация и средства. СПб., 1912. С. 6–7.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 г. С. 72.

³ Обзор деятельности уездных Землеустроительных комиссий за первый год ... С. II.

⁴ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. С. 73.

При этом землемерных сил не хватало. Опыт показал, что один землемер в течение полевого сезона может обработать 1500, максимум 2000 дес.¹

Комиссии командировали своих землемеров на работы по подготовке к распродаже банковских земель, а также выбирали покупателей «почти по всем распродаваемым Банком имениям», отдавая при этом предпочтение домохозяевам, которые, с одной стороны, были недостаточно обеспечены землей, а с другой, «не отбились» от земли и были способны, по мнению Комиссий, создать действительно жизнеспособные хозяйства.

В 1907–1908 гг. около 21% всех покупателей были безземельными, 38% до покупки имели менее трех десятин на двор, у 20% было 3–6 дес. на двор, 10% покупателей имели 6–9 дес. на двор и 11% — более 9 дес. на двор. Две последние категории фиксировались преимущественно в северных и восточных губерниях, где землеобеспечение крестьян было сравнительно большим, чем в Центрально-Черноземном районе, например, и притом прежде всего по общественным и товарищеским сделкам, когда крестьяне приобретали необходимые им сельскохозяйственные угодья, чаще всего вспомогательные².

3). В 1907–1908 гг. землеустроительные комиссии активно участвовали в 10767 посреднических сделках на площади в 1626,9 тыс. дес., давая отзывы об их целесообразности в землеустроительном отношении и об оценке покупаемых земель по сделкам.

Кроме того, в 709 случаях комиссии приняли самое непосредственное участие в покупке крестьянами 86,8 тыс. дес., входя в контакт с продавцами, устанавливая условия покупки, предоставляя землемеров для устранения чересполосности и причин для межевых недоразумений и конфликтов между крестьянами и помещиками. Комиссии в 155-ти случаях командировали своих землемеров для раздела на отруба или для уменьшения числа полос отдельных домохозяев на 28,3 тыс. дес. купленной крестьянами при содействии Банка земли³.

То есть на банковских землях в 1907–1908 гг. была проведена большая работа, но одновременно стало понятно, что не от этого направления следует ждать быстрого изменения вектора аграрного развития России.

И здесь случилось то, на что никто не рассчитывал.

Уже в 1907 г. крестьянами были поданы 221679 ходатайств об изменении условий землепользования. В 1908 г. к ним добавилось еще 385810 аналогичных прошений, а всего за 1907–1908 гг. в землеустроительные комиссии поступило 607489 ходатайств о проведении землеустройства.

Это радикально изменило ход реформы.

Стало ясно, что значительная часть российских крестьян осознает невозможность продолжать хозяйствование в прежних средневековых формах и что землеустройство теперь будет приоритетным направлением реформы.

Поток ходатайств о землеустройстве оказался весьма неожиданным и приятным сюрпризом для реформаторов.

Он потребовал, однако, серьезных изменений в существовавшей программе преобразований, прежде всего — резкого увеличения числа землемеров. На 1908 г.

¹ Обзор деятельности уездных Землеустроительных комиссий за первый год... С. III.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. С. 73–74.

³ Там же. С. 75.

потребность в межевых силах была определена уже в 1200 человек, на 1909 г. — в 2500¹.

Воспоминания Кофода позволяют понять, насколько сложно было принимать решения, которые со стороны могут казаться очень простыми: «Большого распространения разверстания в 1907 году не получили, но некоторые работы в этом направлении были выполнены в целом ряде далеко друг от друга лежащих губерний, где я никак не ждал встретить ничего подобного. А еще больше было деревень, где шли споры: разверстываться или жить по-старому.

Мне, проведенному все лето в разъездах из губернии в губернию, к осени было ясно, что нужно вовремя обучить гораздо большее число землемеров, чем их было в распоряжении сейчас и чем могут выпустить в течение ближайших лет существующие геодезические школы и академии с курсами, длящимися несколько лет.

На одном из зимних заседаний Комитета по землеустроительным делам я доложил о моем убеждении в том, что мы не справимся с дальнейшим развитием нами самими вызванного движения, если своевременно не позаботимся об учреждении кратковременных курсов по подготовке большого количества землемеров. Князь Васильчиков ответил на это: «Вашими бы устами мед пить».

— Мы же все знаем,— прибавил он, — что Андрей Андреевич, к сожалению, неисправимый оптимист.

Конечно, князь был прав в том, что я был неисправимым оптимистом. Это я доказал тем, что до сих пор смотрю оптимистически на жизнь, как бы глупо ни развивалось настоящее. Однако результаты разверстания в последующие годы превзошли мои самые оптимистические фантазии.

Таким образом, уже в конце 1907 года можно было предвидеть, что разверстание будет развиваться достаточно быстро при том количестве геодезических работников, которым мы располагали, но мне хотелось более равномерного распределения работ по всей стране»².

В дальнейшем точка зрения Кофода победила скептицизм кн. Васильчикова — был открыт не только целый ряд землемерно-агрономических училищ, но и «большое количество краткосрочных землемерных курсов», несмотря на сомнения «ортодоксальных геодезистов». Без этого реформа Столыпина не приняла бы столь впечатляющего масштаба.

В день начала Первой Мировой войны в Землеустроительных комиссиях насчитывалось 6998 землемерных чинов, из которых 2705 были призваны на военную службу или ушли добровольцами³.

В 1907–1908 гг. землеустройство стало выходить на первый план, изменив первоначальную стратегию реформы.

* * *

В 1906–1908 гг. в стране начали разворачиваться несколько взаимосвязанных процессов — укрепления земли в собственность и выхода из общины, раздела и продажи банковских земель, переселения крестьян в Азиатскую Россию (в меньшей степени в другие европейские губернии), землеустройство, массовое учреждение кооперативов всех видов и т. д. Все они были связаны с аграрной реформой.

¹ Там же. С. 27–28.

² Кофод А. К. 50 лет в России... С. 200.

³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 957. Л. 2.

В 1907 г. 211,9 тыс. домохозяев подали требования об укреплении земли в собственность, из них окончательно вышло из общины 48,3 тыс., в 1908 г. — соответственно 840,1 тыс. и 508,3 тыс., в 1909 — 649,9 тыс. и 579,4 тыс.¹

Крестьянским банком в 1906–1908 гг. было выдано около 15 тыс. ссуд на покупку 544 тыс. дес. земли из имений Банка. В 1906 г. при посредничестве Крестьянского банка крестьяне купили 528,7 тыс. дес. земли, в 1907 г. — 952,2 тыс. дес., в 1908 — 1065,1 тыс. дес.²

Однако, как мы уже знаем, довольно быстро стало понятно, что деятельность Крестьянского банка может быть лишь одним из факторов успеха реформы, но никак не решающим.

Одновременно с 1906 г. официально возобновилось и начало расти невиданными темпами переселение крестьян в Азиатскую Россию, которое во многом стимулировалось возвращением сотен тысяч солдат из Маньчжурии с живыми впечатлениями о Сибири. В 1906 г. за Урал отправилось 216,7 тыс. чел. (из них 77,6 тыс. чел. ходоков), в 1907 г. их число выросло до 576 тыс. чел. (ходоков 149,6 тыс. чел.), в 1908 г. достигло максимума — 758 тыс. чел. (94 тыс. чел. ходоков), в 1909 г. снизилось до 707,5 тыс. чел. (88,1 тыс. чел. ходоков).

Число переселенцев — сложный показатель, несомненно интегрирующий такие разноплановые материи как земельная нужда, личная предприимчивость и одновременно *жажда новой жизни*. Множество малоземельных переселенцев, несомненно, ехало в Сибирь и для того, в частности, чтобы реализовать *свои* мечты о просторе и о *своем* хозяйстве как элементе этого простора. Ведь переселение в Азиатскую Россию можно рассматривать как трансформацию негативных эмоций в позитивные путем перемещения в другую точку пространства — при удачном раскладе, конечно.

Тут принципиальная разница с раскулачиванием и спецпереселенцами в 1929–1932 гг.

Таблица 116 наводит на вполне определенные размышления о связи между происходившими в аграрном секторе страны процессами.

Нетрудно видеть, что в колонках, содержащих информацию о четырех параллельно происходивших процессах — о переселении, об укреплении земли в собственность, о личном землеустройстве и о продаже банковских земель, а также об одном явлении — численности потомков дарственных крестьян, нередко фигурируют одни и те же губернии.

Так, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Харьковская, Тамбовская, Орловская, Самарская и Саратовская губернии встречаются во всех пяти столбцах, Смоленская, Полтавская, Курская и Воронежская в четырех, Могилевская, Рязанская, Пензенская, Казанская и Уфимская — в трех, Черниговская, Витебская, Киевская, Волынская и Нижегородская — в двух.

Переселение охватывает: все Малороссийские губернии, 3 из 5 Новороссийских, 4 из 6-ти Центрально-Черноземных, все Белорусские, все Юго-Западные, Самарскую, Саратовскую, а также Вятскую.

Первые 11 позиций по числу поданных ходатайств об укреплении земли занимают те же губернии, которые входят в число лидеров по переселению, — 3 Новороссийских, 4 Центрально-Черноземных, Самарскую, Саратовскую, Харьковскую, Могилевскую.

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 91.

² Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., РОССПЭН. 2002, С. 344, 346.

Таблица 116

**Губернии с рангами 1–20
по числу переселенцев в Азиатскую Россию (без ходоков),
по требованиям об укреплении земли на 1 января 1912 г.,
по числу мужских потомков дарственных крестьян на 1906/1907 г.,
по ходатайствам о личном землеустройстве и по площади земель,
проданных Крестьянским поземельным банком
за период с 1906 г. по 01.07.1910 г. (тыс. дес.)**

№	Губернии выхода переселенцев в 1906–1909 гг.		Требования об укреплении земли на 01.01.1912		Мужские потомки дарственных крестьян		Ходатайства о личном землеустройстве за 1907–1910 гг.		Покупка земель Крестьянского банка на 01.07.1910 *	
1	Полтавская	146773	Самарская	172214	Саратовская	148562	Екатериносл.	78255	Тамбовская	377,4
2	Черниговская	132631	Екатериносл.	145956	Екатериносл.	62904	Херсонская	64481	Самарская	350,0
3	Курская	127632	Харьковская	122847	Казанская	52004	Волынская	49960	Саратовская	335,9
4	Могилевская	124311	Херсонская	114800	Симбирская	50799	Харьковская	46243	Уфимская	293,5
5	Киевская	120898	Орловская	112459	Воронежская	41890	Самарская	42847	Пензенская	253,2
6	Воронежская	111935	Саратовская	106963	Курская	40823	Киевская	42702	Симбирская	211,1
7	Харьковская	89994	Курская	106779	Пензенская	38216	Полтавская	38805	Воронежская	164,6
8	Екатериносл.	84156	Могилевская	98534	Самарская	34402	Саратовская	35031	Донская	162,3
9	Орловская	74326	Тамбовская	96984	Тамбовская	29609	Витебская	32504	Орловская	152,9
10	Витебская	67806	Воронежская	93115	Херсонская	26818	Могилевская	30022	Тульская	141,8
11	Самарская	66496	Таврическая	81021	Нижегород.	26617	Таврическая	27892	Рязанская	141,5
12	Тамбовская	62938	Симбирская	70745	Полтавская	25188	Смоленская	23826	Оренбургская	137,0
13	Таврическая	55713	Пензенская	64804	Харьковская	18771	Ковенская	21489	Харьковская	135,9
14	Минская	52416	Тверская	63363	Рязанская	15239	Тамбовская	20819	Херсонская	134,0
15	Херсонская	47371	Московская	62287	Черниговская	15209	Орловская	20429	Казанская	129,2
16	Саратовская	41601	Уфимская	58173	Пермская	12680	Бессарабская	20050	Смоленская	123,5
17	Подольская	39113	Казанская	50029	Уфимская	7137	Курская	18727	Полтавская	120,3
18	Смоленская	33403	Рязанская	49355	Таврическая	6279	Гродненская	18412	Екатеринославская	111,7
19	Вятская	31282	Калужская	47720	Оренбургская	4042	Петербургская	18298	Нижегород.	89,1
20	Волынская	30131	Смоленская	47474	Орловская	3435	Псковская	18239	Таврическая	84,7

Источники: Статистический ежегодник России за 1908 г. С. 96–97; Статистический ежегодник России за 1911 г. Отдел II. с. 3–7, отдел VI. С. 16; Статистический ежегодник России за 1909 г. С. 397; Землеустройство. Обзор деятельности Землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 г. СПб., 1911. С. 58; Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка по покупке и продаже земли за 1906–1910 гг. СПб., 1910 г. С. 60–67, 72–74.

* Земли проданные и запродавшие из имений Крестьянского банка, а также купленные крестьянами при посредничестве Банка.

При этом надо иметь в виду, что губернии, находившиеся когда-то в состав Речи Посполитой, в процессе укрепления земли могли участвовать лишь факультативно в силу доминанты там подворного землевладения (хотя кое-где часть земли там и была на общинном праве), поэтому нет смысла искать во 2-й колонке Полтавскую, Черниговскую, большинство Западных и Юго-Западные губернии.

Можно думать, что какая-то часть потомков дарственных крестьян, особенно

из Саратовской губернии (примерно 300 тыс. чел.), Екатеринославской (не менее 125 тыс. чел.) и других губерний со значительным числом дарственников стремились укрепить свою землю и продать ее. Кто-то из них уезжал в Сибирь. И это был лишь один из вариантов решения аграрного вопроса, предлагавшийся правительством с 1906 г.

Общие цифры землеобеспечения той или иной губернии тут мало что значат, потому что крестьяне-аутсайдеры, как мы знаем из анализа недоимок, есть всегда, в том числе и в преуспевающей в целом губернии. Даже на хуторе Татарском был Михаил Кошевой. В многоземельной Самарской губернии лишь 5,1% дворов из общего числа 337,1 тыс. имели менее 5 дес. на двор, но это 17,1 тыс. дворов и, как минимум, 100 тыс. чел.

Таким образом, представленные в разных колонках списки 20-ти губерний в значительной мере совпадают.

Конечно, наивно было бы искать уж совсем буквальных совпадений, однако, полагаю, определенная связь между этими процессами, безусловно, есть, и эти цифры отражают некие глубинные процессы.

Главное в таблице 116, полагаю, то, что она довольно ясно указывает на социально-экономической, если так можно выразиться, карте Европейской России точки наибольшей активности населения. Большая часть показателей — это одновременно и свидетельство необходимости перемен, и того, что перемены уже начались.

Б. Д. Бруцкус подсказывает важный и интересный ракурс восприятия этой информации, в частности, переселений.

Он говорит, что переселенческая политика правительства после 1905 г. была «предметом суровой критики» со стороны общественности, которая, в частности, уверяла, что переселение не имеет сколько-нибудь серьезного значения для ликвидации аграрного кризиса, поскольку число переселенцев в лучшем случае не превышает четверти ежегодного прироста населения Европейской России; этот аргумент благополучно дожил до наших дней.

Данный тезис, по мнению Бруцкуса, исходит, во-первых, из популярного, но неверного мнения, что «будто бы существует единый способ решения аграрного вопроса, устраняющий необходимость во всяких частичных мероприятиях», а во-вторых, из столь же спорной точки зрения, что аграрный кризис в России имеет всеобщий характер, между тем как кризисные явления наблюдались лишь в некоторых районах страны.

Крестьянство Северного, Приозерного и Центрально-Промышленного района в целом осталось равнодушным к идее переезда в Сибирь.

Вообще в 1906–1913 гг. лидером по числу переселенцев (без ходоков) была Полтавская губерния — 226,9 тыс. чел., за ней идут Черниговская, Киевская Екатеринославская, Могилевская, Курская, Воронежская, Харьковская, давшие от 169,6 до 149,5 тыс. чел. каждая, затем Херсонская, Таврическая, Орловская и Тамбовская с числом переселенцев 112,9–93,6 тыс. чел. и, наконец, на 14-м месте находится самая мало-земельная в Империи Подольская губерния с 68,4 тыс. чел. (приводимые ниже данные А. Н. Челинцева о доходности десятины в этой губернии отчасти объясняют это). Мы увидим также, что эти губернии, исключая Черниговскую и Могилевскую — лидеры в получении сельхозтехники.

А вот Центрально-Промышленные, Приозерные и Северные губернии дают незна-

чительное число переселенцев — 71,1 тыс. То есть, из этих 12 губерний за Урал отбыло крестьян в два с лишним раза меньше, чем из одной Харьковской (причем Московская дала 376 человек, а Ярославская — менее 100 за 1896–1915 гг.¹). В то же время эти губернии — являются аутсайдерами по объемам получения сельхозтехники, исключая Московскую, но тут особый случай (в частности, из нее шли крупные речные переотправки в Поволжье).

Этот факт сам по себе — конечно, важная психологическая характеристика крестьянства в целом, интерпретировать которую полноценно сейчас едва ли возможно — слишком много неизвестных слагаемых. Вместе с тем, думается, в некотором смысле показательно, что губернии, в которых крестьяне имеют максимальное число сберкнижек дают минимальное количество переселенцев. Но это явно не все.

Не будет ошибкой сказать, что только в перечисленных выше черноземных и степных губерниях 1,7 миллиона переселенцев освобождают место для движения вперед тем, кто остается, чтобы в свою очередь самим сделать Сибирь важным сельскохозяйственным регионом.

Вместе с тем отсутствие *массового* стремления жителей Нечерноземья начинать новую крестьянскую жизнь за Уралом можно интерпретировать, как минимум, двояко. С одной стороны, это ясно показывает, что значительная часть крестьянства не связывала свои расчеты на будущее с сельским хозяйством. Для этих людей земледельческий труд по тем или иным причинам уже либо потерял свою привлекательность, либо перестал быть стержнем жизни и основным источником доходов; то же относится и к немалому числу крестьян черноземных губерний, равнодушных к земледелию².

«Переселение развивалось там», — пишет Бруцкус, — «где в этом чувствовалась внутренняя потребность, а она существовала в центральной черноземной полосе и в Приднепровье, **но в этих районах его размеры были таковы, что они могли иметь уже существенное значение.**

За период с 1905–1910 гг. переселение унесло из 10 губерний, наиболее им захваченных, без малого половину (44%) естественного прироста сельского населения. За период с 1900–1910 г. в Полтавской губ., наиболее сильно захваченной переселением прежде всего в Сибирь, а затем и на земли Крестьянского Банка восточных губерний, прирост сельского населения против предшествующего десятилетия сократился почти в четыре раза, опустившись до 4,6%.

Но переселение никогда не захватывает равномерно даже целых губерний, оно захватывает население гнездами — там, где кризис аграрного перенаселения чувствуется особенно остро, — где города и промыслы не оттягивают к себе избытки населения. Так, за трехлетие 1906–1908 г. переселение увлекало весь прирост сельского населе-

¹ Сельское хозяйство России в XX веке. М. 1923. С. 30–53.

² Характерный пример (из множества). В Аггестационных списках неперменных членов уездных Землеустроительных комиссий Тамбовской губернии на 1912–1914 гг. читаем: «Несмотря на большой авторитет г. Батурина среди крестьянского населения Спасского уезда единоличное землеустройство здесь до сего времени не развивается. Отсутствие выделов и незначительное число укреплений земли в личную собственность в этом уезде объясняется низким качеством земли, которая не представляет особенной ценности для крестьян, занимающихся ремеслами и отхожими промыслами»; «Хотя медленное развитие землеустройства в Елатомском уезде и находит себе оправдание, главным образом, малой заинтересованностью землей местного населения, занимающегося преимущественно отхожими промыслами, но, кроме того... неперменному члену губернской Землеустроительной комиссии при поездках в этот уезд пришлось убедиться и в плохой осведомленности крестьян с задачами землеустроительных учреждений; обстоятельство это нашло себе объяснение в недостаточно внимательном отношении г. Давыдова к своим обязанностям, на что ему и было указано». (РГИА, Ф. 408. Оп. 3. Л. 33. Там же. Л. 3-Зоб).

ния северных уездов Черниговской, а например в 1907 г. из Сурожского уезда выселилось 5,9% населения, что слишком в три раза превышает годичный прирост.

Далее переселение увлекает наиболее нуждающихся в земле. Среди переселенцев сильно представлены безземельные элементы, и в среднем их землевладение втрое ниже нормы.

Какое же влияние оказала новейшая переселенческая политика на состав переселенческой массы? Льготы, представляемые переселенцам, и облегчения в пути дали возможность двинуться в Сибирь крестьянам далекого Приднепровья, для которого оно раньше было непосильно. А затем оно еще более усилило участие в составе переселенцев наиболее нуждающихся в земле элементов. По данным Челябинской и Сызранской регистрации за 1907–1911 гг. процент безземельных в составе переселенцев достиг 24,5%, переселенцы с наделами до 3 десятин составляли 38,6%, с наделами от 3–6 десятин 21,0%. Таковы были результаты «ставки на сильных» в переселенческом деле¹.

Крестьяне Белоруссии, конечно, не случайно дали большое количество переселенцев в Азиатскую Россию. В рассматриваемый период они смогли приобрести на родине относительно небольшие площади, исключая, пожалуй, Смоленскую губернию (123,5 тыс. дес.) — 49,6 тыс. дес. в Витебской, 73,5 в Минской и 76,5 тыс. дес. в Могилевской.

Но Крестьянский банк, который, видимо, не мог удовлетворить всех желающих купить землю в самой Белоруссии, давал выход, о котором нечасто пишут в литературе. Б. Юрьевский, описывая землеустройство в Мологском уезде Ярославской губернии, дает следующую колоритную зарисовку: «В связи с землеустройством замечается как обратная тяга крестьян к земле, так и появление в деревне новых элементов. В старой общинной деревне с ее болотами и отчаянными дорогами, с мужиком, торгующим где-нибудь в городе, — все убогое хозяйство лежало на бабе. Баба — она и рада плохим дорогам. Труднее уряднику до нее добраться... Расселение крестьян на хутора естественно вызвало потребность в хороших дорогах. Вместе с тем появились... новые элементы.

Дело в том, что большая часть земель Крестьянского банка продана здесь, по преимуществу переселенцам — белорусам и латышам из Витебской и Минской губ. Местные крестьяне раскупили лишь те части банковских земель, которые прилегали к их наделам и были пригодны для выгонов. На банковские хутора местные крестьяне не особенно зарились, и вовсе не вследствие дорогих цен, а в виду необходимости вложить слишком много труда в землю до получения первых прибылей.

Банковская земля — сплошной лес, который надо срубить, выкорчевать и поднять плугом, а это требует затраты упорного труда и продолжительного времени, на что способен лишь белорус, да латыш. Эти пришлецы, — пока возились вокруг своих участков — совершенно не входили в местную жизнь и лишь вздыхали, когда на них накладывали (надо признаться довольно несправедливо) высокие волостные сборы.

Но понемногу хуторяне-пришлецы, а их человек уже 400, начинают оглядываться и являются на волостные сходы. По общему признанию, хуторяне на будущих волостных и земских выборах сыграют громадную роль в жизни уезда. Это народ энергичный, сплоченный, никуда из деревни не уходящий, живущий исключительно сельским хо-

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 115–116.

зьяством, и потому крайне заинтересованный в том, чтобы политика волости и уездного земства не расходилась с их интересами. «Они себя покажут!» — с опаской говорят местные земские деятели — «и перевернут все понятия о здешних партийных группировках и расчетах». Разговоры о грядущем латышском и вообще хуторском засилье, конечно, преувеличены, но что хуторяне встряхнут земство, то это не подлежит сомнению»¹.

Чрезвычайно важно то, что все указанные процессы шли одновременно. В одних и тех же губерниях, уездах, волостях и во многих сельских населенных пунктах люди укрепляли землю в собственность, продавали ее, уезжая в Сибирь (иногда в другие европейские губернии), уходя в город, покупая землю у Крестьянского поземельного банка или же при его посредничестве, наконец, большинство начало решать свои проблемы с помощью землеустройства.

Словом, миллионы крестьян уже в эти самые первые месяцы и годы реформы начали *новую* жизнь, стали учиться принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, что само по себе было началом крушения того окостеневшего существования, которое так долго влачила отечественная деревня.

8.4. Землеустройство

После разработки ГУЗиЗ соответствующих нормативных документов, которые позволили вести работы до принятия Государственной Думой соответствующего закона, землеустройство начало набирать размах. Прежде, чем приступить к его анализу, необходимо сказать несколько слов о статистике землеустройства, т. е. об официальных данных, помещавшихся в изданиях ГУЗиЗ.

Проблема достоверности этой информации пока не была предметом специального исследования. Между тем еще до революции была высказано мнение о том, что ГУЗиЗ завышал статистику землеустройства.

Моя позиция такова.

Не говоря о том, что достоверной — в бытовом смысле — статистики не существует в принципе, о чем мы уже знаем, замечу, что против абсолютной достоверности статистики аграрной реформы Столыпина говорит прежде всего способ сбора данных.

Статистику землеустройства вели уездные Землеустроительные комиссии, затем их данные обобщались в губернских Комиссиях и после этого поступали в Статистическое делопроизводство Комитета по Землеустроительным делам. После тщательной проверки эта информация публиковалась в ежегодных «Обзорах деятельности ГУЗиЗ», «Отчетах о деятельности уездных Землеустроительных комиссий», фигурировала в различных официальных документах и т. д.

Достоверность статистики, как говорилось выше, в значительной степени зависит от степени заинтересованности (кор)респондентов в сообщаемой информации. Оценка деятельности Комиссий Комитетом по Землеустроительным делам, а, значит, и поощрение личного состава, разумеется, серьезно зависела от статистических показателей землеустройства (но не только!), и это, с одной стороны, снижает планку доверия к последним.

Однако, с другой стороны, Комитет, прекрасно понимавший опасность соблазна

¹ Юрьевский Б. Возрождение деревни... С. 19–20.

приписок, никак не был заинтересован в том, чтобы его вводили в заблуждение. Преобразования и без этого были постоянным объектом массивной общественной критики, и возможный скандал с сознательными приписками был чреват, понятно, гигантскими репутационными потерями¹.

Поэтому буквально с 1907 г. деятельность Комиссий была поставлена под весьма жесткий контроль чиновников как ГУЗиЗ, так и МВД, о чем можно судить по хранящимся в РГИА многочисленным делам о ревизиях Комиссий проверяющими разного ранга — вплоть до товарищей министра. С этим же связаны очень интересные дела об аттестациях непрременных членов Комиссий, дающие бесценную информацию о ходе реформы.

О серьезности отношения Комитета по Землеустроительным делам к рассматриваемым сюжетам можно судить, в частности, по следующему письму от 12 апреля 1912 г.: «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Александр Александрович²! Прошу простить меня за смелость обращения к Вашему Превосходительству, но я считаю обязанным заявить прямо об оказавшейся у меня неправильности в учете землеустроительных работ.

При составлении отчета за 1912 год я не нашел возможным ограничиться простым присоединением цифр работ за 1912 г. к предыдущим и потребовал от непрменных членов уездных комиссий учета всех предшествующих работ по категориям, в соответствии с теми графами, которые указаны в ведомостях. Оказалось, что за 1911 г. Мариупольская комиссия представила ошибочно в отчете излишне на 41400 дес. более, посчитавши одну и ту же работу как раздел селений и как разверстание, и, кроме того, 5066 дес. по выделам за прошлые годы. Александровская комиссия такую же ошибку сделала на 11300 дес., и, кроме того, приняла к учету 8946 дес. по работам с Вознесенки, несмотря на то, что постановление уездной комиссии о разверстании земли Вознесенского общества было отменено губернской комиссией.

Другие комиссии тоже ошибочно показали размах(площади), на которой произведены работы более действительной; эти ошибки составляют разницу в 78 тыс. дес. более действительной.

Далекий от мысли принести какие-либо оправдания, я позволяю себе ходатайствовать пред Вашим Превосходительством, чтобы кара, которой я подвергаюсь, не распространялась на членов уездных комиссий, так как непрменные члены Лазарев и Черемисинов допустили совершенно неумышленные ошибки и всей душою преданы делу землеустройства, лично же я чувствую большой стыд, и хотя эта ошибка покроется работами этого года, тем не менее, факт неправильно составленной отчетности не снимается.

Не откажите Ваше Превосходительство принять уверения в глубоком уважении покорнейшего слуги Вашего Превосходительства, Е. Иванов³.

¹ Притом же реформа вопреки всем расчетам (в том числе и самих реформаторов!) развивалась настолько мощно и это было так очевидно, что искусственно завышать реальную статистику резона, пожалуй, не было. Б. Д. Бруцкус писал: «Что процесс разрушения общины был стихийный, а не искусственный, можно судить не только по громадному и стремительному эффекту указа 9 ноября, но и по размерам землевладения, выходящих из общины». (Б. Д. Бруцкус. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 119.)

² Адресат письма, полагаю, А. А. Ритгих, директор Департамента Государственных земельных имуществ; другой Александр Александрович Зноско-Боровский, и. о. помощника управляющего делами Комитета по Землеустроительным делам, вице-директор указанного Департамента, был статским советником.

³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 834. «По отчетам Землеустроительных комиссий Екатеринославской губернии за 1907–1912 гг. Лл. 95-95об.

Департамент государственных земельных имуществ внес, соответственно, изменения в отчет¹.

Это письмо, с одной стороны, показывает один из путей появления ошибок, а с другой демонстрирует меру серьезности отношения Комитета и сотрудников к статистике. С другой стороны, логично допустить, что оно не исчерпывает всего многообразия ситуаций, когда 463 уездные комиссии, оперирующие цифрами с пятью и шестью нулями, могут давать неверную информацию.

Мой опыт подсказывает, что наиболее уязвимое место статистики землеустройства — данные о числе ходатайств. Речь не о банальных приписках, хотя о том, что они в принципе возможны, нужно помнить постоянно, а о том, что часть зафиксированных Комиссиями ходатайств по разным причинам впоследствии отзывалась просителями. С одной стороны, и отозванное ходатайство — это ходатайство, т. е. индекс заинтересованности крестьян в реформе, и отозванные ходатайства могли затем вновь — после перемены ситуации в селении — возобновляться. Но, с другой стороны, мы пока не знаем, насколько оперативно эти изменения могли вноситься в публикуемые в Петербурге итоговые ведомости. В крупных реформах всегда существует некий «люфт» между местными комиссиями и центром.

Менее вероятно (но вполне вероятно!), что искажения касаются числа утвержденных проектов, хотя трудно сомневаться, что и здесь со временем будут обнаружены какие-нибудь несовпадения.

Главное здесь, на мой взгляд, исходить из той простой мысли, что статистика с миллионными показателями априори должна иметь определенную степень погрешности и что эта погрешность совершенно необязательно является плодом чьего-то злого умысла (хотя не исключено и обратное). Хорошо бы также не злорадствовать при выявлении таких ошибок в обычной для российской прессы того времени стилистике (о ней вполне можно судить по оценке СМИ правительственной продовольственной помощи) и не интерпретировать каждый такой случай непременно в рамках «теории заговора».

В любом случае официальные статистические данные являются важнейшей точкой отсчета при оценке динамики аграрной реформы Столыпина.

Мне известен по крайней мере один случай, когда число поданных ходатайств некоторое время вводило людей в заблуждение. Речь идет об Астраханской губернии².

¹ Там же. Л. 98.

² Некомпетентность Землеустроительной комиссии стала причиной срыва начального этапа землеустройства в Астраханской губернии: «Астраханская губерния по климатическим и почвенным условиям принадлежит к степным губерниям с преобладанием солонцеватого глинистых почв, среди которых разбросаны громадные площади песчаных земель и летучих песков. По обеим сторонам реки Волги и Ахтубы тянутся обширные площади заимшичных луговых земель, представляющих самую ценную часть всей губернии и только в северо-западном углу левой стороны губернии (Царевский у.) есть небольшая доля светло- и темнокаштановых почв, дающих более или менее сносные средние урожаи хлебов.

В силу этого до последнего времени распаханых земель было очень мало и благосостояние населения губернии основывается на скотоводстве и рыбных промыслах, при этом население по своим занятиям делится на 2 категории: на скотоводов и рыболовов. В два последних десятилетия с уменьшением рыбного богатства в реке Волге и увеличением населения, часть населения приволжских сел перешла к скотоводству, занимая для этого более высокие места в займищах, и в приморских уездах (Астраханский и Красноярский), к огородничеству.

Все села до издания закона 9 ноября 1906 г. владели землей на общинном праве, с периодическими переделами обычно на 12 лет, луга же делились перед покосом ежегодно и только с возникновением садоводства в некоторых селах (Царевский у.) с конца 90-х годов при переделах лугов были отведены кроме покосных участков еще и небольшие луговые участки под постоянные сады, во всех же остальных местах этого не было.

Поскольку в последние годы я не раз публиковал тексты, анализирующие статистику землеустройства¹, то мне не хотелось бы повторяться уж слишком детально; губернские данные о землеустройстве находятся в таблицах в Приложении V.

Постараюсь быть лаконичным.

Период 1907–1915 гг. делится на два этапа — 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. по следующим соображениям. Указ 9 ноября 1906 г. стал законом 14 июня 1910 г. Разработанное на его основе Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г. было введено в действие с 15 октября того же года (т. е. после окончания полевого периода 1911 г.). Тем самым завершился первый этап преобразований. Новый закон учел пятилетний опыт реформы и значительно расширил права и обязанности землеу-

Между тем садоводство распространилось, и садоводы захватывали самовольно под сады наиболее подходящие места, что породило массу споров и судебных процессов, поэтому с изданием закона 9 ноября правом укреплять землю в личную собственность первыми воспользовались садоводы — они же были и пионерами при выделах укрепленных земель к одним местам, в силу чего первыми ходатайства о разверстаниях и выделах были от сел Царевского уезда, где вышеуказанные условия имели место.

В 1907 и (190)8 годах были открыты по губернии три уездных землеустроительные комиссии, Царевская, Черноярно-Енотаевская и Астраханско-Красноярская.

В последних двух комиссиях до 1909 г. никаких дел не возникало, в Царевской же в 1908 и 1909 гг. возникло очень много, но ни одно, исключая с. Быково, не прошло, потому что дела были вызваны существовавшим стремлением небольших групп садоводов получить в собственность садами занятые участки и сумевшие соблазнить остальную крестьянскую массу якобы допустимой, несмотря на громадные надель, дешевой прикупкой казенной земли, в случае согласия общества на разверстания, поэтому как только землеустроительными учреждениями были крестьянам даны надлежащие разъяснения, сейчас же все ходатайства от обществ о разверстаниях были взяты обратно и дела из полных разверстаний перешли в частичные выделы.

В описываемое время (1908-9 г.) технический персонал губернской чертежной был настолько малочислен и к работам мало подготовлен, что уцелевшими делами не сумел справиться в течение двух (1909 и 1910) лет и большинство из них удалось закончить уже только в 1911 и 1912 годах. До 1911 года землеустроительные учреждения были заняты выполнением тех работ, которые начаты в 1908 и 1909 годах и новые дела возникают лишь в конце 1910 года.

Объясняется это тем, что населением в начале не были поняты истинный смысл и цели землеустройства», а также «неудачными приемами, допущенными первыми руководителями и исполнителями работ».

Только в 1911 г. «введены при разверстаниях и выделах правильные системы и приемы, а землеустроительный и технический персонал пополнен знающими людьми, благодаря чему законченные работы послужили лучшим средством к пробуждению в населении интереса к землеустройству, а правильно устроенные единоличники — прекрасным примером для остальной части населения.

В истекшие два года руководителями землеустройством губернии при объездах давали необходимые разъяснения на сходах тех сел, откуда имелись заявления о выделах, а там, где по обстоятельствам дело считалось нужным, оставляли тут же для дальнейшей подготовки дела землеустроителей.

Поступая таким образом, достигли того, что в 1911 году были подготовлены работы во всех уездах губернии и население большинства сел губернии ознакомлено с целью землеустройства, преимуществами единоличного землепользования, приемами производства работ и стало вполне сознательно относиться к вопросам, связанным с землеустройством. В результате работ последних двух лет явились законченные дела на 140000 десятинах земли и около 4400 устроенных домохозяев.

Подготовительные работы за 1912 год дали возможность внести в землеустроительные совещания 55 новых работ, их которых 41 работа включена в план работ на 1913 год, а остальные отложены за неимением потребного числа техников. Недостаток техников настолько велик, что не было возможности включить в план работ все подготовленные дела, а многие из включенных в план не могут быть в один год закончены и будут растянуты на два года.

Как видно из изложенного, сколько-нибудь прочной постановки работ до введения положения о землеустройстве в Астраханской губернии не было, поэтому не представляется возможным подметить разницу в ходе работ до и после введения положения».

Таким образом, 1907–1911 гг. для землеустройства в Астраханской губернии фактически пропали, и в первую очередь **по вине работников землеустроительной комиссии**. Мы не знаем, в чем состояли «неудачные приемы», допущенные ими, и почему они не смогли объяснить населению принципы реформы, но налицо факт вопиющей некомпетентности. РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 44–49.

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 734–808; Он же. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. 1911 № 1; Он же. Личное и групповое землеустройство в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история, 2015. № 3.

строительных учреждений. Были уточнены все виды землеустроительных действий, введены новые, расширена компетенция комиссий, определен круг лиц, которые вправе пользоваться законом, и те земли, на которые распространяется его действие (см. ниже). Затем закон и изданный в развитие его Наказ 19 июня 1911 г. изменили внешнюю сторону дел и установили особый порядок юридического оформления землеустроительных работ. Соответственно изменился и формуляр официальной отчетности.

Результаты законодательного расширения поля действия Землеустроительных комиссий проявились немедленно. Если максимальное число прошений об изменении условий землепользования за 1907–1911 гг. пришлось на 1909 г. — 705 тыс., то в 1912 г. их было подано 1226 тыс., а в 1913 г. — 1106 тыс., и даже в 1914 г. 828 тыс., т. е. соответственно в 1,74, в 1,57 и в 1,17 раза больше, чем в 1909 г.

В 1907–1911 гг. было подано 2633,5 тыс. ходатайств, а в 1912–1915 гг. — 3540,9 тыс., т. е. на 34, 5% больше. ***Это само по себе снимает вопрос о том, насколько верно широко распространенное мнение о том, что с 1911 г. реформа идет на убыль.*** Анализ погубернской динамики дает обширный и интересный материал для выводов, которые не очень совпадают с обычными для традиционной историографии.

Исходя из существовавших условий крестьянского землепользования, Указ 9 ноября 1906 г. делил землеустройство на единоличное (личное) и групповое (коллективное).

Хутора и отруба (предмет личного землеустройства) после ликвидации внутринадельной чересполосицы могли создаваться только в селениях, имевших точные границы, т. е. в таких, все земельные угодья которых были юридически обособлены от соседних владений, неважно крестьянских, владельческих, казенных или церковных.

Однако мы знаем, что десятки тысяч селений в Европейской России таких границ не имели, и в этих случаях единоличное землеустройство могло начаться лишь после того, как все земли данного общества отграничивались от смежных с ним владений. Этим занималось групповое землеустройство.

Личное землеустройство включало следующие виды землеустроительных действий: 1) разверстание на хутора и отруба общинных земель; до 1912 г. в отдельное действие выделялось «разверстание на хутора и отруба подворно-наследственных земель», но в официальной отчетности с 1912 г. их соединили в одно действие; 2) выдел к одному месту отдельных участков из общинных земель (в литературе это часто именуется единоличными выделами). 3) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания (введено с 1912 г.)

К групповому землеустройству с 1912 причислялись: 1) раздел земель между селениями и частями селений; 2) выдел земель под выселки (с 1912 г. в эту категорию перешел также раздел земель между частями селений из 1-го пункта); 3) разверстание чересполосицы надельных земель с прилегающими владениями; 4) разверстание общности пользования крестьян с частными владельцами; 5) отграничение надельных земель как самостоятельное землеустроительное действие (введено с 1912 г.).

В 1907–1911 гг. существовала категория «разбивка общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству». Как известно, народническая мысль много усилий тратила на рассказы о том, что в рамках общинного хозяйства возможна интенсификация хозяйства, притом в массовом размере, что, безусловно, было едва ли не главным

побудительным мотивом при введении этой категории землеустройства. Жизнь, как можно видеть, все расставила на свои места — за малой востребованностью крестьянами она была исключена с 1912 г.

Из общего числа 6174,5 тыс. ходатайств, поданных в 1907–1915 гг., 2961,1 тыс. или 48,0% относятся к личным, и 3213,4 тыс., или 52,0% — к групповым. При этом в 1907–1911 гг. личных и групповых ходатайств было практически поровну — 1317,3 тыс. против 1316,1 тыс. (50,02% и 49,98%), а в 1912–1915 гг. аналогичные показатели составили 1643,8 тыс. и 1897,2 (46,4% и 53,6%).

Таблица 117

Внутринадельное землеустройство. Общие сводные данные*

Годы	Поступило ходатайств		Закончено подготовкой			Представлено в Комиссии законченных в натуре и предъявленных населению землеустроительных проектов			Утверждено землеустроительных проектов		
	число земел. единиц	число домо-хозяев	число земел. единиц	число домо-хозяев	пло-щадь в дес.	число земел. единиц	число домо-хозяев	площадь в дес.	число земел. единиц	число домо-хозяев	пло-щадь в дес.
1907	4486	219332	1116	47648	578989	798	26556	262943	685	12611	132448
1908	8697	380691	3231	118903	1094628	2468	86381	789502	1934	60014	571440
1909	23738	704964	9043	326857	2974604	6431	252294	2356615	5503	205082	1858444
1910	26792	650347	12054	415692	3896934	9202	345316	3150825	7528	262439	2300845
1911	27057	678143	10912	403795	3702566	10230	361150	3270989	9319	319084	2952433
Итого	90770	2633477	36356	1312895	12247721	29129	1071697	9830874	24969	859230	7815610
1912	47228	1226225	20913	741473	6625580	12325	431735	3705562	8219	248164	2132128
1913	39809	1105742	22446	807698	6854480	12770	537174	4408212	10462	386574	2977579
1914	30426	828096	16028	647436	5898473	11796	495720	3944740	11568	472116	3906141
1915	14669	380917	9361	321769	2668115	8242	332202	2757442	9405	394420	3418076
Итого	132132	3540980	68748	2518376	22046648	45133	1796831	14815956	39654	1501274	12433924
Всего	222902	6174457	105104	3831269	34294369	74262	2868528	24646830	64623	2360504	20249534

* Здесь и далее источниками всех таблиц в данном разделе являются официальные издания ГУЗиЗ «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 (1914, 1915, 1916 г.). СПб. 1913.

Таблица 117 дает некоторое представление о масштабах перемен, **уже** происшедших в стране за считанные годы. За 1907–1915 гг. об изменении условий землепользования ходатайствовало 6,2 млн домохозяев, были закончены подготовкой дела для 3,8 млн дворов в 105,1 тыс. земельных единиц на площади в 34,3 млн дес., что равно площади современных Германии и Черногории вместе взятых (или Италии и Ирландии). И это не считая землеустройства на землях Крестьянского банка и в Сибири!

В общем виде о том, как менялось в ходе реформы соотношение между отдельными видами землеустройства, можно судить по таблицам 118–119. Они позволяют сравнить показатели личного и группового землеустройства по периодам, детализируют динамику подачи всех ходатайств вообще, и позволяют увидеть общий абрис реформы.

Таблица 118

Общее число ходатайств об отдельных землеустроительных действиях

Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1907–1911	925453	384888	989065	84305	6999	200661	41185	921	2633477
1912	278226	177143	352706	30588	112945	111600	39629	123408	1226245
1913	322762	144761	216162	51521	80587	137803	27820	124326	1105742
1914	214907	115760	149086	35598	52052	121563	17746	121384	828096
1915	67808	43334	83806	18285	33478	61921	4831	67457	380920
1912–1913	600988	321904	568868	82109	193532	249403	67449	247734	2331987
1907–1913	1526441	706792	1557933	166414	200531	450064	108634	248655	4965464
1914–1915	282715	159094	232892	53883	85530	183484	22577	188841	1209016
1912–1915	883703	480998	801740	135992	279062	432887	90026	436575	3540983
1907–1915	1809156	865886	1790805	220297	286061	633548	131211	437496	6174460
<i>1907–1915</i>	<i>783429</i>	<i>359517</i>	<i>723311</i>	<i>75264</i>	<i>31505</i>	<i>186401</i>	<i>19809</i>	<i>181268</i>	<i>2360504</i>

Примечания:

1. Разверстание на хутора и отруба земель целых селений;
2. Выдел отрубных участков отдельным домохозяевам;
3. Выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
4. Выдел земель выселкам и частям селений;
5. Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания;
6. Уничтожение чересполосности с прилегающими владениями;
7. Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
8. Отграничение земель.
9. Строка, выделенная курсивом, содержит число утвержденных землеустроительных проектов в рамках данного вида землеустройства.

Таблица 119

Доля ходатайств об отдельных землеустроительных действиях

Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1907–1911	35,1	14,6	37,6	3,2	0,3	7,6	1,6	0,03	100
1912	22,7	14,4	28,8	2,5	9,2	9,1	3,2	10,1	100
1913	29,2	13,1	19,5	4,7	7,3	12,5	2,5	11,2	100
1914	26,0	14,0	18,0	4,3	6,3	14,7	2,1	14,7	100
1915	17,8	11,4	22,0	4,8	8,8	16,3	1,3	17,7	100
1907–1913	25,8	13,8	24,4	3,5	8,3	10,7	2,9	10,6	100
1912–1913	30,7	14,2	31,4	3,4	4,0	9,1	2,2	5,0	100
1914–1915	23,4	13,2	19,3	4,5	7,1	15,2	1,9	15,6	100
1912–1915	25,0	13,6	22,6	3,8	7,9	12,2	2,5	12,3	100
1907–1915	29,3	14,0	29,0	3,6	4,6	10,3	2,1	7,1	100
<i>1907–1915</i>	<i>33,2</i>	<i>15,2</i>	<i>30,6</i>	<i>3,2</i>	<i>1,3</i>	<i>7,9</i>	<i>0,8</i>	<i>7,7</i>	<i>100</i>

Примечания :

1. Разверстание на хутора и отруба земель целых селений;
2. Выдел отрубных участков отдельным домохозяевам;
3. Выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
4. Выдел земель выселкам и частям селений;
5. Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания;
6. Уничтожение чересполосности с прилегающими владениями;
7. Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев;
8. Отграничение земель.
9. Строка, выделенная курсивом, содержит структуру утвержденных землеустроительных проектов.

Рассмотрим общие данные о ходе землеустройства в 1907–1915 гг.

Из общего числа ходатайств по стране, равном 6174460, на долю пяти губерний-лидеров с числом прошений от 328 до 230 тыс. — Воронежской, Харьковской, Саратовской, Казанской и Пермской — пришлось 1437,4 прошений, или 23,3% их общего числа. В губерниях Московской, Екатеринославской, Волынской, Самарской и Херсонской, занимавших 6–10 позиции, изменить условия землепользования решили 957,0 тыс. дворов, или 15,5% соответственно¹.

Тот факт, что здесь перечислены губернии, входящие в Центрально-Черноземный, Малороссийский, Средне- и Нижневолжский, Приуральский, Центрально-Промышленный, Новороссийский, Юго-Западный районы, т. е. в большинство хозяйственно-экономических районов и природно-географических зон Европейской России, говорит о том многообразии возможностей для изменения жизни, условий хозяйствования, которое давала аграрная реформа Столыпина крестьянам, показывает, что она затронула и заинтересовала крестьянство губерний с различными исторически сложившимися типами землепользования.

Реформа, как можно видеть, отнюдь не везде протекала с одинаковым темпом — 8 губерний из 47 дали почти треть всех ходатайств, а 14 губерний с числом ходатайств более 164 тысяч в каждой — половину всех ходатайств (49,7%), на 20 губерний с числом ходатайств более 125 тысяч в каждой пришлось 63,7% всех ходатайств по стране. В 27 остальных губерниях реформа шла медленнее.

Кофод отводил землеустройству не менее полувека, и то, что в первые годы преобразования коснулись крестьян разных губерний и регионов в разной степени, вполне естественно. Иначе и не могло быть — в гигантской стране с более чем 100 миллионами крестьян реформа не могла, понятно, везде идти с одинаковыми темпами.

Во всяком случае, стремление значительной части крестьян к переменам совершенно очевидно. Это было, как мы знаем, неожиданностью и для самих реформаторов.

Если разместить данные о числе прошений на карте, то мы увидим, что два сплошных массива губерний, в одном из которых велики показатели группового землеустройства, а во втором единоличного, разделяются весьма четко. В первый из них входят Центр, Север и Северо-Восток, во второй — Запад, Юг и Юго-Восток Европейской России, что весьма наглядно очерчивает культурные, историко-хозяйственные типы землепользования.

Наибольшее число ходатайств о личном землеустройстве было подано в губерниях — Екатеринославской (169,5 тыс.), Харьковской (152,6 тыс.), Херсонской, Волынской, Полтавской, Самарской, Саратовской (от 145,9 до 126,2 тыс. в каждой), Смоленской (98, 4 тыс.), Киевской (76,4 тыс.), Воронежской (76,2 тыс.). В сумме на эти 10 губерний пришлось 42, 9% всех ходатайств о личном землеустройстве.

Губерниями-лидерами в групповом землеустройстве были Воронежская (252,0 тыс. ходатайств), Казанская (239,1 тыс.), Пермская (173,2 тыс.), Московская (170,8 тыс.), Харьковская (166,3 тыс.), Саратовская (155,2 тыс.), Владимирская (135,2 тыс.), Тамбовская (118,3 тыс.), Нижегородская (115,9 тыс.), Тульская (106,9 тыс.), в которых было подано 50,9% всех групповых ходатайств.

В общем виде о том, как менялось в ходе реформы соотношение между отдельными видами землеустройства, можно судить по таблицам 118 и 119. Они позволяют сравнить показатели личного и группового землеустройства по периодам, детализируют

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С.738.

динамику подачи всех ходатайств вообще, и дают возможность увидеть общий абрис реформы.

Главные изменения, внесенные в ход землеустройства законом 14 июня 1910 г. и Положением о землеустройстве 29 мая 1911 г., состояли в следующем.

Если указ 9 ноября касался только крестьянских наделных земель, то закон 29 мая разрешил Землеустроительным комиссиям в необходимых случаях оперировать и смежными вненаделными землями, — «и те и другие подлежат устройству на одинаковых основаниях и, принадлежа к одной и той же группе хозяйств, должны быть устроены совместно, независимо от разницы в юридических свойствах».

Другими словами, Комиссии теперь получили возможность на местах решать те связанные с внешней чересполосицей проблемы, которые стояли на пути урегулирования поземельных отношений между соседними землями (о них мы говорили выше) и которые по указу 9 ноября были практически неразрешимы, поскольку верховным арбитром нередко должен был выступать император.

Было облегчено производство ряда землеустроительных действий (раздел однопланнных селений, выдел земли частям селений и высылкам)

При этом в подворных селениях отныне для разверстания на хутора и отруба было достаточно желанья простого большинства домохозяев, а не согласия $\frac{2}{3}$ домохозяев, как раньше (в селениях с общинным или смешанным владением норма осталась старой). «Уступкой, сделанной сторонникам общины, следует считать предоставление законом 29 мая нежелающему землеустройства меньшинству общинников права при разверстании требовать отвода причитающейся им части земель в общинное владение».

Был детально регламентирован выдел отрубных участков отдельным домохозяевам, в том числе и случаи, когда при недостижении добровольного соглашения сторон, выдел производился в обязательном порядке.

Новое законодательство предоставило Землеустроительным комиссиям судебные функции по решению всех споров и претензий, которые возникали при землеустройстве, кроме «споров о праве собственности на целые земельные участки, а также на части или определенные доли из такого участка»¹, которые комиссии, впрочем, могли улаживать в полюбовном порядке².

Новые акты придали новый и очень сильный импульс землеустройству.

Однако баланс видов землеустройства по периодам не был одинаковым

Из таблицы 119 следует, что, если в 1907–1911 гг. почти 90% ходатайств (87,3%) приходится на первые три категории землеустройства, причем ходатайства о разверстании целых селений на хутора и отруба и о разделе однопланнных селений в сумме составили 72,7% общего их числа, то в 1912–1915 гг. эти показатели снизились до 61,2% и 47,6% соответственно (при незначительном уменьшении доли единоличных выделов).

В 1912–1915 гг. резко выросло число прошений о проведении других землеустрои-

¹ Там же. С. 58–59.

² «Однако, наличность последнего рода споров, в каком бы порядке они ни были заявлены и где бы они ни производились, не препятствует обмену спорного владения при землеустройстве, т. е. перемещению его или сведению его частей к одному месту. При этом земли спорящих сторон, если они обе участвуют в землеустройстве, отводятся смежно. Препятствия землеустройству от наличности не подлежащих ведению землеустроительных комиссий споров могут возникнуть только при разделе спорного владения». (Кюфод А. Русское землеустройство... С. 58–59).

тельных действий, главным образом, разверстания на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания, уничтожения чересполосности с прилегающими владениями и отграничения земель. Присвоение Землеустроительным комиссиям судебных функций очень серьезно расширило перспективы землеустройства.

В балансе видов *личного землеустройства* первую позицию занимает разверстание на хутора и отруба целых селений — за 1907–1915 гг. об этом ходатайствовало 1,8 млн домохозяев, что составило 61,1% всех прошений о личном землеустройстве; при этом в 1907–1911 гг. ходатайства этого вида составили 70,3%, а в 1912–1915 гг. — лишь 53,8%. Это уменьшение связано с тем, что вновь введенное с 1912 г. разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания «отняло» у разверстания целых селений в 1912–1915 гг. 17,0% всех личных ходатайств. Единоличные выделы в течение рассматриваемого периода стабильно составляли порядка 29–30%.

Нетрудно подсчитать, что среднегодовое число ходатайств в 1912–1913 гг. о разверстании целых селений в 1,3 раза больше, чем в 1907–1911 гг., о единоличных выделах — в 1,67 раза соответственно, и о создании отрубов в одной даче — в 55,3 раза (такое баснословное увеличение вызвано очень низкими показателями 1907–1911 гг.). В целом же среднегодовое число ходатайств о единоличном землеустройстве в 1912–1913 гг. в 1,7 раза выше, чем в 1907–1911 гг. Однако за 1914–1915 гг. из-за начавшейся войны число прошений о проведении всех видов личного землеустройства упало более чем вдвое в сравнении с 1912–1913 гг., что заметно повлияло на итоговые показатели 2-го периода землеустройства. Впрочем, общее их число за 1912–1915 гг. превысило уровень 1907–1911 гг. почти на четверть (24,8%).

Из таблиц 118 и 119 следует, что в обоих периодах землеустройства среди категорий *группового (коллективного) землеустройства* первенство сохранял выдел отдельных селений из состава сельских обществ (однопланых). Но если в 1907–1911 гг. на эту категорию пришлось свыше трех четвертей ходатайств о групповом землеустройстве, 75,1%, то в 1912–1915 гг. — немногим более двух пятых, 42,3%.

Второе место по числу ходатайств занимало уничтожение чересполосности с прилегающими владениями — 15,2% в 1907–1911 гг., 22,8% в 1912–1915 гг. при более чем двукратном росте среднегодового числа прошений.

Третья позиция за период 1907–1915 гг. принадлежала введенной с 1912 г. категории отграничение надельных земель от смежных владений (в качестве самостоятельного действия, независимо от предстоящего разверстания). Она имела номинальное значение в 1907–1911 гг. (921 ходатайство за эти годы), но потребность в ней была настолько велика, что в 1912–1915 гг. ее показатели превысили уровень категории уничтожение чересполосности (436,6 тыс. прошений против 432,9 тыс.) и составили 23,0% всех групповых ходатайств.

Четвертое и пятое места занимали соответственно категории выдел земель выселкам и частям селений и раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев.

Анализ конкретных видов землеустройства, погубернские результаты которого здесь привести, к сожалению, нет возможности, показывают, что стремление крестьян к проведению всех видов коллективного землеустройства после введения в действие закона 29 мая 1911 г. значительно возросло, каждая категория была востребована, хотя, разумеется, везде в разной степени.

В источниках постоянно подчеркивается, что групповые работы, прежде всего раздел однопланых селений были очень важны для последующей индивидуализации крестьянского землепользования¹.

В «Отчетных сведениях... на 1 января 1913 г» читаем: «Независимо от самостоятельного значения работ по выделу однопланых селений, они весьма важны и для последующего землеустройства таких селений; **после устранения неудобств землевладения по целому селению, у крестьян обыкновенно возникает мысль об улучшении условий землепользования и отдельных дворов.** В настоящее время наблюдается по многим губерниям, в которых до 1912 года все силы Землеустроительных комиссий были направлены, главным образом, на уничтожение чересполосности однопланых селений, развитие работ по единоличному землеустройству. По Вологодской губернии за один 1912 г. образовано 1643 единоличных хозяйства, а за 1907–1911 гг. — 1511. В Вятской за 1907–1911 — 1053, в 12 — 879, в Московской 4198 и 2804, в Пермской 2227 и 4422 (в 12), в Тульской 6647 и 3767»².

Статистика вполне подтверждает эти наблюдения.

Таким образом, хотя динамика землеустройства всегда конкретна и нередко прихотлива, однако **в подавляющем большинстве губерний мы видим прогрессивный рост показателей землеустройства.** В большинстве, однако же, не везде, и это вполне естественно. Реформа такого масштаба, повторюсь, всегда живой процесс еще и потому, что зависит от людей. Снова напомним также о влиянии на итоговые показатели данных за 1914–1915 гг., ибо данные за 1912–1913 гг. рисуют несколько иную картину³.

Итак, очевидно, что законодательные акты 1911 г., придавшие Землеустроительным комиссиям судебные функции, сумевшие, в числе прочего, учесть региональные особенности землевладения и землепользования, радикально повысили возможности комиссий в деле решения спорных и требующих судебного решения дел.

Равным образом они расширили возможности крестьян, решивших изменить условия своей жизни, сделать это.

Более глубокое знакомство с историей землеустройства позволяет понять, насколько сложным и в то же время нерациональным, запущенным, если так можно выразиться, были механизмы собственности в такой большой стране, как Россия, и насколько важно было для поступательного развития страны изменить такую ситуацию, преодолеть это наследие истории.

Нельзя в связи с этим не заметить также, насколько был продуман механизм землеустройства, как отдельные его виды дополняли друг друга. Трудно при этом сомневаться в том, что со временем были бы приняты и другие законы, облегчающие его проведение.

Одновременно становится ясной совершенная несостоятельность, так сказать, «спортивного» подхода к реформе, доминирующего в традиционной историографии, который «требует» от Столыпинской аграрной реформы непрерывного линейного «прогресса» в духе повышенных планов коллективизации, а любую заминку с готовностью объявляет «провалом» преобразований.

Неравномерность хода землеустройства в отдельных районах и губерниях вполне

¹ РГИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 696, 144-144об.

² Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. ... С. 5.

³ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России. ... С. 266–275.

очевидна. Что же определяло преобладание того или иного вида землеустройства в отдельных губерниях и темпы землеустройства в них?

Динамика практически всякого масштабного процесса определяется неким числом факторов. Они, как всегда, образуют своего рода «периодическую систему», элементы которой в каждом отдельном случае в слагаются в индивидуальную «формулу процесса», в данном случае — землеустройства, зависящую от конкретных местных условий.

Как известно, имелись вполне объективные факторы, при прочих равных условиях воздействовавшие на ход землеустройства¹. За недостатком места я ограничусь здесь простым их перечислением не по степени значимости, ибо она почти всегда конкретна².

Это, во-первых, весь самый сложный комплекс проблем, связанных с юридическими аспектами землевладения (однопланное селения, прежде всего, наличие/отсутствие внеадельной чересполосности, сервитутов и т. д.), о чем уже сказано отчасти выше. Понятно, например, какие трудности для землеустройства в Черниговской и Полтавской губерниях создавал их особый земельный режим³.

Во-вторых, важную, иногда определяющую роль играли почвенные условия данной местности — чем они однообразнее, тем легче происходит землеустройство.

Третий весьма важный фактор — размер земельного обеспечения населения. Чем выше землеобеспеченность, тем при прочих равных переход к единоличному землевладению происходит охотнее.

Очень большое значение имел характер неземледельческих занятий населения и их значение в хозяйстве и жизни крестьян. Достаточно вспомнить, например, какую роль в крестьянских бюджетах Юго-Западных и Центрально-Черноземных губерний играло соседство 300 сахарных заводов.

Конечно, совокупное действие всех этих факторов общего характера зависело от одного, который как бы оплодотворял их и определял очень многое в темпах проведения реформы. Кофод его называет «степенью умственного развития населения». Допустимо определить его и как уровень психологической готовности крестьян к изменению условий землепользования, а нередко — и самого образа жизни. Кофод считает, что «высшее умственное развитие крестьян, облегчающее им понимание существа землеустроительных работ», действует в позитивном для реформы направлении, ибо «повсюду наблюдается, что пионеры землеустройства принадлежат к наиболее развитой части крестьян»⁴.

Кофод в своих работах постоянно говорит о том, что успех землеустройства решающим образом зависит от степени готовности крестьян к изменению привычного строя жизни. Опыт других стран показывает, пишет он, что «пока население не подготовлено к этой реформе, до тех пор успешное проведение ее не удастся; мало того, что дело не двигается, что недоверчивое, как везде, крестьянство противится введению неизвестных ему новшеств, — разверстания, произведенные против желания большинства хозяев, исполняются неудовлетворительно»⁵.

¹ Достаточно подробный их анализ дан в монографии «Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика». С. 781–794.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 781–786.

³ Там же. С. 107; РГИА. Ф. 408. Оп 1. Д. 696. Лл. 147об-148.

⁴ Кофод А. А. Русское землеустройство... С. 118.

⁵ Там же.

Упомянувшийся процесс *самостоятельного, самодеятельного* расселения крестьян западных губерний задолго до реформы, открытый Кофодом, лучше всего свидетельствовал о том, что, по крайней мере, в некоторых районах России крестьяне созрели для новой жизни.

В России, как и повсюду, сила примера была основным иницирующим началом в начале землеустройства.

Комментируя *самодеятельное* землеустройство, Кофод отмечает, что история этих разверстаний «указывает путь к подготовке населения. Все самостоятельно развившиеся районы возникли под прямым влиянием наглядных примеров хуторских устройств, подходящих к земельному положению крестьян ближайших окрестностей... нужно прежде всего наглядно убедить их в пользе намеченной реформы для них»¹.

В известной мере подводя итоги дореформенного процесса разверстания, Кофод еще до начала преобразований писал: «Очевидно, наступил благоприятный культурный момент в народном развитии для производства разверстания чересполосицы... Пробудилась в крестьянах потребность заменить чересполосное распределение земли другим устройством, более удобным в хозяйственном отношении и предоставляющим более свободы личной инициативе...

Что действительно теперь наступил удобный культурный момент для разверстания чересполосицы... убеждает беспримерная в аграрной истории Европы быстрота распространения расселения и радикальность производства его везде в России, где крестьяне имели возможность воочию убедиться в выгоде хуторского хозяйства в сравнении с чересполосным. При этом до сих пор расселение целиком происходило по добровольному и почти всегда единодушному соглашению крестьян, без содействия принудительных законов, как это делалось и делается в Европе везде, где крестьяне вообще переходят на хутора»².

Оценивая неслыханный размах российского землеустройства, Кофод писал: «Как необходимы школы для распространения грамотности, как необходим фермент для вызова брожения, так необходимы были живые примеры самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства для всестороннего наглядного ознакомления крестьянских масс с предлагаемыми правительством новыми способами распределения их земель»³.

При этом роль субъективных факторов в развитии реформы была чрезвычайно велика. Помимо их «крестьянской» составляющей, особо следует отметить деятельность сотрудников Комиссий, имевшей огромное значение в процессе реализации реформы. Темпы работы отдельных Землеустроительных комиссий серьезно зависели от личностных качеств их сотрудников⁴.

Подведем некоторые итоги.

Итак, все основные показатели землеустройства растут во времени и по России в целом, и в подавляющем большинстве губерний. (см. таблицу 120).

¹ Там же. С. 118–119.

² Там же. С. 120–121.

³ Там же. С. 107.

⁴ Давыдов М. А. К вопросу о роли субъективного фактора в процессе Столыпинского землеустройства // Материалы Международной конференции «Уроки реформ П. А. Столыпина: стратегия преобразований в современной России» 12 сентября 2011 г. в ВЭО. Труды ВЭО. Т. 54. М., 2011; *Он же*. Аграрная реформа Столыпина: цифры и люди // Исторический журнал: научные исследования. 2013 № 5; *Он же*. Люди Столыпинской реформы // Сб. м-лов. межд. конф. «История профессий в ретроспективе: от анализа источников к технологиям обработки данных». Информационный бюллетень Ассоциации «История и Компьютер». Барнаул. 2014.

Таблица 120

Сводные данные по единоличному и групповому землеустройству по годам

Годы	Утверждено землеустроительных проектов								
	По единоличному землеустройству			По групповому землеустройству			Всего		
	число земел. единиц	число домохозяев	площадь в дес.	число земел. единиц	число домохозяев	площадь в дес.	число земел. единиц	число домохозяев	площадь в дес.
1907	566	8315	88358	123	4296	44090	685	12611	132448
1908	1541	42350	434624	406	17664	136816	1934	60014	571440
1909	4196	119380	1215279	1348	85702	642715	5503	205082	1857994
1910	5903	151814	1447125	1678	110625	853720	7528	262439	2300845
1911	7239	206723	2031507	2150	112361	920926	9319	319084	2952433
Итого	19445	528582	5217343	5705	330648	2598267	24969	859230	7815610
1912	5702	122522	1294439	2677	125642	837689	8219	248164	2132128
1913	7572	192988	1833556	3149	193586	1144023	10462	386574	2977579
1914	7816	203915	1980273	4086	268201	1925868	11568	472116	3906141
1915	6147	173502	1666875	3496	220918	1751201	9405	394420	3418076
Итого	27237	692927	6775143	13408	808347	5658781	39654	1501274	12433924
Всего	46682	1221509	11992486	19113	1138995	8257048	64623	2360504	20249534

Полагаю, это является верным признаком адекватности реформы социально—экономической ситуации в стране и психологии населения (здесь — миллионов крестьян), а также и показателем мощности потенциала предпринимаемых преобразований. Реформа предоставляла крестьянам широкий выбор новых условий хозяйствования и вовсе не сводилась к «фабрикации хуторов и отрубов». И, в сущности, она только начиналась.

8.5. Потребление усовершенствованных сельхозмашин и орудий

Итак, землеустройство успешно развивалось, однако оно, повторюсь, лишь создавало предпосылки для подъема крестьянского хозяйства и само по себе отнюдь не было гарантией повышения жизненного уровня населения.

Поэтому вывод о позитивной динамике преобразований серьезно подкрепляется громадным ростом потребления усовершенствованных сельхозмашин и орудий в годы реформы, который не только говорит о стремлении крестьян к улучшению своего хозяйства, но и прямо свидетельствует о состоянии расходной части их бюджетов.

Эта тематика довольно подробно рассмотрена в моей монографии о всероссийском рынке, где показано, что рост потребления сельскохозяйственного инвентаря в годы реформы, выразившийся в увеличении железнодорожных перевозок сельхозмашин и орудий за 1905–1913 гг. в 2,7 раз, связан в первую очередь с переходом к новым формам хозяйствования и радикально усилившейся агрономической помощью, фактически перешедшей в новое качество. Обойти эту тему в данной книге невозможно, и я лишь постараюсь сократить изложение.

Железнодорожная транспортировка сельхозмашин и орудий, напомним, медленно увеличивалась до 1905 г. включительно, а затем с 1906 г. показатели начинают резко возрастать. В 1901 г. все перевозки сельхозмашин по сети российских железных дорог составили 8842 тыс. пуд., в 1902 г. — 10660 тыс. пуд., в 1909 г. — 21461 тыс. пуд., в 1913 г. — 34517 тыс. пуд. Другими словами, по меньшей мере, несколько десятков лет они были менее 10 млн пуд., восемь лет (с 1902 по 1909 гг.) понадобилось, чтобы они пре-высили 20 млн пуд., и всего четыре года, чтобы они далеко перевалили за 30 млн пуд.

Путем сравнения данных о железнодорожных перевозках усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий и Переписи сельскохозяйственных машин и орудий 1910 г. мне удалось доказать, что сведения о транспортировке могут служить надежным критерием оценки потребления сельхозтехники.

Кластерный анализ данных о получении сельхозтехники в начале XX в. позволил выделить три устойчивые группы губерний.

В первую группу вошли Екатеринославская, Херсонская, Самарская и Томская губернии, Донская, Кубанская и Акмолинская области.

Во вторую — Московская, Варшавская, Бессарабская, Подольская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Таврическая, Саратовская, Оренбургская, Ставропольская и Тобольская губернии, а также Терская область.

В третью группу — все остальные губернии России¹.

Эта группировка вполне адекватна всей сумме наших знаний о сельском хозяйстве страны в конце XIX — начале XX вв.

Россия была очень разной и с точки зрения обеспеченности сельхозтехникой.

Огромный рост перевозок сельскохозяйственных машин в начале XX в. — это прежде всего рост получения их в семи губерниях первой группы, на долю которых падает от 40 до 50% всей суммы перевозок. Рост особенно заметен, начиная со времени Столыпинской аграрной реформы, и прежде всего — для Сибири и Дальнего Востока.

Отметим, что пять из семи губерний первой группы — признанные лидеры в зерновом производстве, притом все, кроме Самарской, ориентированы прежде всего на экспорт пшеницы и ячменя. Что касается Томской губернии и Акмолинской области, то отмеченное увеличение их показателей прямо связано со Столыпинской аграрной реформой.

Сибирь с 1906 г. превращается в рынок сельхозмашин, имеющий мировое значение, что подтверждается, с одной стороны, многочисленными свидетельствами ожесточенной конкуренции фирм-производителей, как отечественных, так и зарубежных, а с другой — тем фактом, что Сибирь в 1906–1913 гг. поглощала до 15-ти и более процентов перевозимых по железным дорогам сельхозмашин вместо 6% в начале рассматриваемого периода.

В совокупности губернии первой и второй групп — это губернии южно- и северо-черноземные, а также западносибирские, куда направлялся основной поток колонистов-переселенцев.

Во вторую группу вошли губернии с разным начальным уровнем потребления. Объединяет их тип динамики потребления в последующие годы и средне-высокие итоги получения. У всех них значительно возрастают показатели получения в годы Столыпинской реформы, особенно в 1910–1913 гг. Это же можно констатировать и применительно

¹ Давыдов М. А., Гарскова И. М. Рынок сельскохозяйственных машин в России в начале XX в. // Круг идей. Материалы VI конференции АИК. М., 1999. С. 17–22.

но к целому ряду губерний третьей группы, однако там речь идет, как правило, о «росте с нуля», который, однако, все равно остается ростом.

Разрыв в уровне потребления сельхозтехники между губерниями 1-й и 3-й групп был огромен. Если в степных губерниях применение усовершенствованной сельхозтехники было необходимостью, то в Нечерноземье агрономам приходилось доказывать преимущества плуга перед сохой.

Каково было состояние парка сельхозтехники страны в целом?

Рассматривая обеспеченность сельского хозяйства орудиями для подъема почвы, необходимо иметь в виду, что «первым шагом крестьянина на пути улучшения своего хозяйства, первым как бы признаком начавшегося в нем прогресса служит обычно появление более усовершенствованных орудий для обработки почвы»¹.

Уже в 1890-х гг. на территории почти всей черноземной полосы, исключая ЦЧР и Средневожские губернии (кроме Воронежской и Уфимской), а также в Польше и Прибалтике плуг доминировал среди орудий подъема почвы. В остальных губерниях Европейской России безусловно преобладала соха разных модификаций².

Перепись 1910 г. свидетельствует, что в Европейской России наиболее обеспеченными железными орудиями для подъема почвы были губернии «южной половины страны» (А. Н. Челинцев), а вслед за ними — также и западные, включая польские.

В зависимости от степени распространения железных орудий подъема почвы Европейскую Россию можно разделить на несколько частей³.

В первой из них деревянные орудия подъема почвы безусловно преобладают. Это образующие единый массив 16 нечерноземных и 3 северно-черноземных (Рязанская, Тамбовская и Пензенская) губерний, в которых на железные орудия приходится менее 10% всех орудий подъема почвы, причем в 6-ти из них эта доля менее 5%.

Во второй процесс вытеснения деревянных орудий подъема почвы продвинулся несколько дальше. Сюда относятся 5 губерний с долей усовершенствованных (железных) орудий 13,4–17,9% (Петербургская, Орловская, Ярославская, Симбирская и Эстляндская) и 9 губерний с показателями 20–29,8% (Виленская, Казанская, Курская, Волинская, Тульская, Могилевская, Воронежская, Уфимская и Лифляндская). В Курляндской, Ковенской и Саратовской усовершенствованные орудия подъема почвы составляли 35,6–43,1% всех таких орудий.

Наконец, в третьей части преобладают железные плуги, местами — безусловно. В Гродненской, Минской, Подольской, Киевской, Черниговской они составляли 60,7–63,1% всего парка орудий подъема почвы, а в остальных — от 72,5 в Оренбургской до 99,4% в Ставропольской.

Обеспеченность польских губерний железными плугами в целом была заметно выше, чем по другим губерниям Европейской России — 50,1% против 32,1%.

В Азиатской России лидировала Акмолинская область — 94,5%, затем шли Тургайская и Приморская области — 88,6 и 85,2% соответственно; в Томской — 46,3%, в Амурской и Енисейской — 31,4 и 31,1%, в Тобольской — 22,6%.

Рассматриваемый показатель очень важен. С одной стороны, он, несомненно, фиксирует имеющиеся уже в ряде губерний, прежде всего южно-черноземных, бесспорные

¹ Морачевский В. В. Успехи крестьянского хозяйства. СПб., 1910. С. 4.

² Там же. С. 4–5.

³ Анализ состояния парка сельскохозяйственной техники, а также ее перевозок см.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 513–608.

достижения в замене парка средневековой техники. С другой же, он намечает перспективу этого процесса в западных и северо-западных губерниях, а также в Саратовской губернии.

Приобщение к современной сельхозтехнике начиналось именно с плугов, которое, по замечанию одного агронома, было как бы обучением агрономическому «чтению по складам». Оно часто влекло за собой постепенное возрастание интереса к другим машинам и орудиям, но **уровень осознания необходимости их применения** сильно различался в отдельных местностях.

Агрономы считали, что именно сеялки являются той машиной, приобщение к которой является своеобразным залогом дальнейшего прогресса в механизации сельского хозяйства. Польза жаток, например, была совершенно очевидной — они экономили труд, а вот выгоды применения сеялок были не столь ясны. Вряд ли случайно, что, согласно Переписи, число сеялок в России в 2,3 раза уступало числу жаток (354,5 тыс. против 811,0 тыс.).

Без малого половина — 49,6% — сеялок была сконцентрирована в Екатеринославской и Херсонской губерниях, а также Донской и Кубанской областях. На 15 лидирующих губерний пришлось свыше 4/5 всех сеялок в стране.

Концентрация жаток самая высокая среди усовершенствованных машин и орудий — 84,8% приходилось на 14 степных губерний и Полтавскую, в которой почти 40% этих машин зафиксировано в степном же Константиноградском уезде.

Безусловное первенство степных губерний в этом типе машин вполне понятно. Большие наделы, особенно в казачьих областях и на Нижней Волге, достаточно рано потребовали закупки сложной сельхозтехники, прежде всего уборочных машин. В 1880-х гг. в Новороссии труд отходников стоил 8 и более рублей в день косарю и громадильщику («громадить сено», по Далю, «катать, грести, сгребать граблями с плавств; громадилка — машинные грабли, конные грабли». — М. Д.).

Началась выписка американской уборочной техники. В степях хозяева, «подгоняемые дороговизною ручного труда, испытывали ее применение. Однако этот, обещавший столь многое, прекрасный механизм, рассчитанный на американского рабочего, в руках того, которым располагал русский степной хозяин, не работал и одного дня без поломки; таким образом, большого вопроса не разрешил и не разрешил его до той поры, пока на помощь этому не пришло туземное машиностроение. Оно начало производить жатки-лобогрейки, менее прихотливые и более прочные»¹. Проблема замены труда отходников машинами не была, однако, решена вплоть до Первой мировой войны.

Концентрация распределения сенокосилок и конных грабель несколько ниже, чем сеялок и жаток — в 15 первых губерниях находились 73,2% этих машин. В большинстве это степные губернии 1–2 категорий. Однако весьма характерно, что в это число вошли губернии с наиболее развитым в стране молочным хозяйством и скотоводством — Тобольская, Томская, Енисейская, Забайкальская, а также Курляндская и Лифляндская.

Распределение молотилок нарушает привычную картину доминирования губерний двух первых категорий по нашей классификации. Более половины лидирующих губерний (8 из 15) относятся к 3-й категории, причем они занимают первую, вторую, четвертую и пятую позиции (Пермская, Ярославская, Вятская, Тифлисская). Здесь мы сталкиваемся с региональной спецификой в применении тех или иных машин и орудий; в Новороссии, например, при молотье по-прежнему широко использовались каменные

¹ Известия Бюро по сельскохозяйственной механике, 1912 г. Вып. 2. С. 143.

катки. При этом концентрация молотилок была самой низкой среди рассматриваемых видов сельхозтехники.

В подавляющем большинстве случаев в число 15-ти лидирующих губерний в разных типах усовершенствованных сельхозмашин и орудий входят губернии двух первых категорий, выделенных на основании кластерного анализа железнодорожных перевозок.

Понятно, что высокая (а для сеялок, жаток, сенокосилок и конных грабель — очень высокая) концентрация большинства усовершенствованных машин в небольшом числе губерний страны, в числе прочего, говорит о том, что процессы механизации в разных регионах протекали весьма неравномерно.

Я провел поуездный анализ данных Переписи 1910 г. по Екатеринославской, Воронежской и Псковской губерниям, каждая из которых является для своей группы (категории) по величине железнодорожного получения среднетипичной, если так можно выразиться, с точки зрения стадии эволюции механизации сельского хозяйства.

Выяснилось, что 41,1 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, полученных Псковской губернией, 282,5 тыс. пуд. — Воронежской и 1434,5 тыс. пуд. — Екатеринославской (среднегодовые данные за 1908–1910 гг., взятые для примера) реально отражают совершенно разную степень насыщенности этих губерний сельхозтехникой, и в большой мере — весьма разные уровни сельскохозяйственного производства.

Другими словами, между Псковской губернией и Воронежской в этом плане лежала, по сути, «эпоха», как, впрочем, и между Воронежской и Екатеринославской.

Данные о перевозках с 1909 г. фиксируют тенденцию к снижению уровня концентрации в потреблении усовершенствованной сельскохозяйственной техники. Это говорит о том, что и в губерниях третьей группы начинается, наконец, процесс повышения уровня механизации и роста агрикультуры.

«Сводная статистика по русским железным дорогам» весьма наглядно иллюстрирует это.

В 1906 г. — в год начала Столыпинской аграрной реформы — Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Пермская, Вятская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Смоленская, Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Нижегородская, Симбирская Казанская и Пензенская, т. е. 34 (!) губернии получили в сумме столько же сельхозтехники (на 3,7 тыс. пуд. больше), сколько Херсонская и Екатеринославская вместе взятые — 1929,0 тыс. пуд. против 1925,3.

В 1913 г. ситуация, хотя и остается как бы не вполне нормальной, но уже начала меняться, чему свидетельством тот факт, что теперь вышеперечисленные Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средневожские губернии вместе взятые получили 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские — 2976,9 тыс. пуд. соответственно.

Эти изменения происходят прежде всего за счет Столыпинской аграрной реформы. Разумеется, не случайно в 68 из 86 губерний и областей России, т. е. в каждых четырех из пяти, в 1910–1913 гг. было получено сельхозтехники больше, чем в 1900–1909 гг. (без 1903–1904 гг.)¹.

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок .... С. 556–557.

Представляется необходимым конкретизировать информацию о росте перевозок сельхозмашин и орудий и рассмотреть их получение в региональном аспекте.

Есть два варианта дальнейшего анализа. В первом используются «неочищенные» сведения о получении сельхозмашин станциями Сибирской железной дороги (см. таблицу 1 в Приложении VI), во втором — те же данные за вычетом того, что мы квалифицируем как переотправки (см. таблицы 121–123). Сейчас мы рассмотрим второй вариант.

Таблица 121

**Получение сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (тыс. пуд.).
Вариант 2¹**

<i>Губернии</i> \ <i>Годы</i>	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Оренбургская	312	467	490	4235	5809	4751	5497	5755	6023	4901	2539	7464
Тобольская	50	56	70	2176	1676	2498	3050	2871	1985	1394	1725	3945
Акмолинская	139	163	292	2670	5120	8820	9546	17817	7303	10148	12714	12396
Томская	71	83	180	1720	5815	11061	13090	10783	9924	15634	14786	20930
Енисейская	21	15	33	562	1795	2405	1426	1419	1572	2604	1557	1894
Остальные губернии России												
Всего	5976	7150	7811	114768	122486	144431	160107	190449	220118	249430	268647	314710

Таблица 122

**Динамика получения сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. по районам
(тыс. пуд.). Вариант 2**

<i>Районы</i>	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Северный	5	4	5	10	15	24	26	26	43	49	73	98
Приозерный	56	73	38	64	100	130	134	154	167	221	299	359
Прибалтийский	169	167	149	219	191	337	372	492	414	477	576	660
Литовский	109	134	125	135	206	263	264	272	315	414	561	674
Белорусский	175	169	152	281	283	313	315	350	452	647	968	1206
ЦПР	305	308	257	355	383	361	389	321	408	593	708	888
ЦЧР	261	293	217	523	383	499	631	735	996	1092	1413	1512
Средневолжский	118	146	113	332	215	252	272	317	337	382	491	713
Юго-Западный	433	559	738	842	895	889	654	881	1052	1435	1801	1673
Новороссийский	1246	1466	1785	3251	3320	3332	3770	4840	6103	6555	6270	5805
Малороссийский	468	415	581	1044	838	834	878	1151	1597	2334	3043	2719
Нижневолжский	954	1220	1159	1694	1285	1313	1861	2491	3456	2890	2033	4651
Приуральский	33	32	25	93	116	162	182	196	215	218	217	526
Предкавказский	777	1101	1247	1162	1335	1507	1668	1862	2230	1966	2163	2427
Степной	42	110	77	43	48	75	181	204	289	267	256	456
Сибирь и Дальний Восток	405	424	695	758	1697	2948	3021	3593	2552	3768	3853	4802
Привислинский	395	479	396	597	792	1014	1174	981	1130	1311	1773	1889
Туркестан	10	17	29	10	68	122	142	92	138	186	174	227
Кавказ	15	33	23	64	79	71	79	91	117	140	192	186
Всего	5976	7150	7811	11477	12249	14443	16011	19045	22012	24943	26865	31471

¹ Там же. С. 519, 548–549.

Таблица 123

То же в процентах

Районы	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Северный	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3
Приозерный	0,9	1,0	0,5	0,6	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9	1,1	1,1
Прибалтийский	2,8	2,3	1,9	1,9	1,6	2,3	2,3	2,6	1,9	1,9	2,1	2,1
Литовский	1,8	1,9	1,6	1,2	1,7	1,8	1,7	1,4	1,4	1,7	2,1	2,1
Белорусский	2,9	2,4	1,9	2,5	2,3	2,2	2,0	1,8	2,1	2,6	3,6	3,8
ЦПР	5,1	4,3	3,3	3,1	3,1	2,5	2,4	1,7	1,9	2,4	2,6	2,8
ЦЧР	4,4	4,1	2,8	4,6	3,1	3,5	3,9	3,9	4,5	4,4	5,3	4,8
Средневожжский	2,0	2,0	1,4	2,9	1,8	1,7	1,7	1,7	1,5	1,5	1,8	2,3
Юго-Западный	7,2	7,8	9,4	7,3	7,3	6,2	4,1	4,6	4,8	5,8	6,7	5,3
Новороссийский	20,9	20,5	22,9	28,3	27,1	23,1	23,5	25,4	27,7	26,3	23,3	18,4
Малороссийский	7,8	5,8	7,4	9,1	6,8	5,8	5,5	6,0	7,3	9,4	11,3	8,6
Нижневожжский	16,0	17,1	14,8	14,8	10,5	9,1	11,6	13,1	15,7	11,6	7,6	14,8
Приуральский	0,6	0,5	0,3	0,8	0,9	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,8	1,7
Предкавказский	13,0	15,4	16,0	10,1	10,9	10,4	10,4	9,8	10,1	7,9	8,1	7,7
Степной	0,7	1,5	1,0	0,4	0,4	0,5	1,1	1,1	1,3	1,1	1,0	1,4
Сибирь и Дальний Восток	6,8	5,9	8,9	6,6	13,9	20,4	18,9	18,9	11,6	15,1	14,3	15,3
Привислинский	6,6	6,7	5,1	5,2	6,5	7,0	7,3	5,1	5,1	5,3	6,6	6,0
Туркестан	0,2	0,2	0,4	0,1	0,6	0,8	0,9	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7
Кавказский	0,3	0,5	0,3	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как можно видеть, в течение всего рассматриваемого периода лидирует Новороссийский район, на который приходится 20,5–22,9% в 1900–1902 гг., от 28,3 до 23,1% всех перевозок в 1905–1912 гг. и 18,4% в 1913 г. Следующую позицию занимают Сибирь и Дальний Восток, доля которых, достигнув максимума в 1907–1909 гг. (20,4–18,9% против 6,6% в 1905 г.), в 1911–1913 гг. составляла 14–15%. Значительна, хотя и нестабильна была роль Нижневожжского района — его доля колеблется от 15,7% в 1910 г. до 7,6% в 1912 г.

В 1905–1907 гг. постепенно уменьшалось значение Предкавказского района — с 10–11% до примерно 8%, в то время как в 1900–1902 гг. он занимал 2-е место с 15–17% перевозок.

Группировка губерний и областей по районам позволяет по-новому подчеркнуть сложную динамику процесса нарастающего потребления сельхозтехники в период аграрной реформы Столыпина с почти неизменным крещендо к концу рассматриваемого периода, большей частью начиная с 1909–1911 гг. Достаточно четко прослеживается зависимость рассматриваемых показателей от величины урожаев.

Впрочем, изменения в соотношении отдельных районов удобнее рассматривать по периодам, что дает более сбалансированную картину. Поэтому обратимся к таблице 124.

Таблица 124

**Динамика получения сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг.
по трехлетиям (тыс. пуд.)**

<i>Районы</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
Северный	14	49	95	220	171	0,4	0,07	0,13	0,17	0,26	0,13
Приозерный	167	294	454	879	585	1,3	0,8	0,77	0,8	1,06	0,29
Прибалтийский	485	748	1278	1713	966	2,1	2,32	1,96	2,24	2,06	0,1
Литовский	368	604	851	1649	1045	2,3	1,76	1,58	1,49	1,98	0,4
Белорусский	496	877	1117	2820	1943	4,3	2,37	2,3	1,96	3,39	1,09
ЦПР	870	1099	1118	2188	1090	2,4	4,16	2,88	1,96	2,63	-0,25
ЦЧР	771	1404	2362	4018	2614	5,8	3,68	3,68	4,14	4,82	1,15
Средневожский	377	799	926	1586	787	1,7	1,8	2,09	1,62	1,9	-0,19
Юго-Западный	1730	2626	2586	4909	2283	5,1	8,26	6,88	4,53	5,89	-0,99
Новороссийский	4497	9903	14713	18630	8727	19,3	21,48	25,94	25,78	22,4	-3,57
Малороссийский	1464	2715	3626	8097	5382	11,9	6,99	7,11	6,35	9,72	2,61
Нижневожский	3333	4292	7808	9574	5282	11,7	15,92	11,24	13,68	11,5	0,25
Приуральский	90	370	593	961	591	1,3	0,43	0,97	1,04	1,15	0,18
Предкавказский	3125	4003	5760	6556	2553	5,7	14,93	10,49	10,09	7,87	-2,62
Степной	229	166	673	979	812	1,8	1,09	0,44	1,18	1,18	0,74
Сибирь и Дальний Восток	1524	5403	9166	12423	7020	15,6	7,28	14,16	16,06	14,9	0,76
Польша	1270	2404	3285	4973	2570	5,7	6,07	6,3	5,76	5,97	-0,33
Туркестан	56	199	372	587	388	0,9	0,27	0,52	0,65	0,7	0,18
Кавказ	71	214	287	518	304	0,7	0,34	0,56	0,5	0,62	0,06
Всего	20937	38169	57067	83279	45110	100	100	100	100	100	0

Примечания:

1. Суммарное получение в 1900–1902 гг. (тыс. пуд.);
2. Суммарное получение в 1905–1907 гг. (тыс. пуд.);
3. Суммарное получение в 1908–1910 гг. (тыс. пуд.);
4. Суммарное получение в 1911–1913 гг. (тыс. пуд.);
5. Разность между показателями 1911–1913 и 1905–1907 гг. (тыс. пуд.)
6. Доля района в общем приросте (%);
7. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1900–1902 гг. (%);
8. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1905–1907 гг. (%);
9. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1908–1910 гг. (%);
10. Доля района в общих итогах перевозок по стране в 1911–1913 гг. (%);
11. Разность показателей 1911–1913 гг. и 1905–1907 гг. (%).

Рассмотрим распределение прироста перевозок в 1911–1913 гг. в сравнении с 1905–1907 гг. Как можно видеть, наибольший вклад в него «сделан» Новороссийским районом — 8727 тыс. пуд., или 19,3% общего увеличения, затем идут Сибирь и Дальний Восток — 7020 тыс. пуд., или 15,6%, Малороссийский район — 5382 тыс. пуд., или 11,9% и Нижневожский — 5282 тыс. пуд., или 11,7% соответственно. Весьма характерно при этом, что в 1911–1913 гг. относительно 1905–1907 гг. доля Новорос-

сийского района в общем балансе получения сельхозмашин снижается на 3,57%, Сибири — увеличивается на 0,76%, Нижневолжского — на 0,25%, а Левобережного — на 2,61%.

Следующая по размерам увеличения прибытия группа состоит из ЦЧР — 2614 тыс. пуд. прироста, т. е. 5,8% его общей величины, Привислинский — 2570 тыс. пуд., или 5,7% Предкавказский — 2553, т. е. 5,66%, Юго-Западный — 2283 тыс. пуд., т. е. 5,1%, Белорусский — 1943 тыс. пуд., или 4,3% соответственно. При этом доля ЦЧР в общем балансе получения сельхозтехники отдельными районами России в 1911–1913 гг. составляла на 1,15% больше, чем в 1905–1907 гг., Белорусского — на 1,09%, а трех остальных районов уменьшилась: Привислинского — на 0,33%, Юго-Западного — на 0,99% и Предкавказского — на 2,62%.

Таким образом, на фоне внушительного роста абсолютных показателей доля районов, занимавших ведущие позиции в 1905–1907 гг. (да большей частью и в 1900–1902 гг.) либо снижается, причем иногда существенно (Новороссийский, Предкавказский и Юго-Западный районы), либо возрастает сравнительно на небольшую величину (Нижневолжский). В то же время увеличивается значение районов, где прогресс относительно весьма низкого исходного уровня был наиболее заметен. Кстати, показатели Сибири 1911–1913 гг. в данном случае уместнее сравнивать не с 1905–1907 гг., а с 1905 г., когда еще не начался массовый ввоз сельхозтехники за Урал.

Понятно, что главной причиной бурного роста потребления сельхозтехники в России в предвоенные годы была Столыпинская аграрная реформа, развернувшая агрономическую помощь в тех губерниях Европейской России, где она отсутствовала, и значительно усилившая ее там, где она уже существовала.

В негативистской литературе дело зачастую представляется так, будто главным препятствием для внедрения новой техники была слабая покупательная способность крестьян. Это верно, но лишь отчасти. Нельзя попутно не заметить, что в историографии этого направления роль указанного фактора несколько преувеличивается, притом в понятных и вполне корыстных целях.

Если же говорить конкретно, то покупательная способность разных слоев деревни всегда была разной, не говоря уже о региональных различиях в этой способности. Не следует забывать также, что и само понятие «усовершенствованные машины и орудия» включало изделия в довольно широком диапазоне цен — от плуга, стоившего часто менее 10 руб., до триера и молотилки с нефтяным двигателем стоимостью 150–300 руб. К тому же не все машины и орудия были жизненно необходимы крестьянину именно на данном конкретном этапе развития его личного хозяйства.

Вместе с тем источники убедительно показывают, что трудности финансового плана не следует *чрезмерно* преувеличивать. Покупатель усовершенствованной техники в эти годы всегда мог использовать конкуренцию цен между фабричными производителями (что и делали часто земства, продавая затем орудия крестьянам на льготных условиях), конкуренцию между фабрикантами и кустарями, что было особенно важно для Нечерноземья. Были и другие способы преодоления материальных затруднений — аренда сельхозмашин у соседей (по данным обследования 12-ти землеустроенных уездов так поступала пятая часть хозяев), а также покупка их на «товарищеских началах».

На величину потребления сельхозтехники влияли факторы, если так можно выразиться, разнопорядковые.

Для начала XX в. можно говорить об **уже сложившемся** общем уровне потребления отдельных губерний. То, что одна губерния получала в каком-либо году, к примеру, 30 тыс. пуд., другая — 200 тыс. пуд., а третья — 700 тыс. пуд. сельхозмашин (а за каждой из этих цифр, как мы уже знаем, стоял конкретный уровень обеспеченности техникой) определялось целым комплексом причин.

Среди них: предшествующая история сельского хозяйства в данной местности, особенности социально-экономического развития этого района, уровень сельскохозяйственной культуры и культуры вообще, степень развития зернового хозяйства, мера его **нацеленности** на товарность, если так можно выразиться, природные условия и др.

При любом уже достигнутом уровне потребления (низком, средне-низком, среднем и т. д., который может быть выражен количественно) конкретные размеры закупок населением сельхозмашин, как и других массовых товаров (мануфактуры, сахара и др.) — очень сильно зависели от величины урожая в данном конкретном году в какой-либо губернии. «Урожай хлебов и отчасти трав является одним из важнейших факторов, влияющих на успех операций сельскохозяйственных складов»¹, — говорится, в частности, в отчете Переселенческого управления.

То есть, годовые колебания потребления сельхозмашин и орудий в основном зависели от урожая и рыночной конъюнктуры (в широком смысле) данного года.

Выше говорилось о том, что существовали причины, совершенно объективно ведущие к усилению использования сельхозтехники, однако само по себе их наличие не подразумевало немедленной реализации. Даже в соседних волостях одного уезда обеспеченность агротехникой иногда была различной.

Источники содержат довольно богатую палитру конкретных житейских ситуаций, способствовавших приобщению крестьян к сельхозтехнике, которое само по себе не было ни легким, ни простым. Этот процесс в отдельных местностях не всегда шел по схожим сценариям, однако важнейшую роль в нем играло преодоление недоверия крестьян². И в этом смысле трудно переоценить значение агрономической помощи.

8.6. Агрономическая помощь в ходе аграрной реформы Столыпина

8.6.1. Земская агрономия до 1906 г.: история бездействия

Начав решать первую проблему аграрного сектора — освобождение крестьян из-под гнета уравнилельно-передельной общины — правительство, разумеется, не могло ограничиться простым перемещением их на хутора и отруба с тем, чтобы они продолжали работать на них так же, как они работали в общине последние двести лет.

В «Обзоре землеустроительных работ в десяти губерниях Южного района за 1913 г.» данная проблема сформулирована вполне внятно: «Землеустройство в первые же годы после своего начала приобрело такое поступательное движение, что не могло не отразиться на всех родах деятельности, так или иначе соприкасающихся с

¹ Отчет о деятельности складов Переселенческого Управления за 1913 г. Омск, 1914. С. 1.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 576–584.

крестьянской средой. **Но наибольшее влияние оно естественно возымело на всю постановку и развитие агрономической помощи.** Независимо от того, каким путем приходили крестьяне к сознанию в необходимости урегулирования своего землевладения на началах отрубного или хуторского разверстаний, землеустройство всегда по его выполнению немедленно же ставило перед ними вопрос о форме их нового хозяйства.

Все те старые приемы и способы, которые не только приспособлены к общинному чересполосному владению, но и неизбежны при нем, при новых формах землевладения оказывались неприменимы. Вместе с тем те новые условия землевладения и землепользования, которые создаются для крестьян при землеустройстве, не давали возможности крестьянам самим разобраться в них и, учтя должным образом, организовать свое хозяйство на началах им соответствующих.

Вследствие всего этого крестьяне после землеустройства бывают особенно восприимчивы ко всем советам агрономов и этот момент в психологическом отношении является наиболее подходящим для полной реорганизации хозяйств новых единоличных собственников на началах постановки в них полеводства и остальных второстепенных отраслей сельского хозяйства.

Землеустройство, освобождая крестьян в отношении их имущественных прав, тем самым вначале разъединяет их, обособливая хозяйственные интересы каждого вновь образованного единоличного собственника участка. **Оно поднимает, выдвигает на первый план значение индивидуальности его** и тем вызывает неизбежную необходимость считаться при проведении каких-либо мер агрономического характера особо с каждым отрубником или хуторянином. Таким образом, каждое единоличное крестьянское владение естественно должно быть объектом агрономической помощи. Эта первая характерная особенность, создаваемая землеустройством в деле агрономической помощи.

Вторая особенность заключается в том, что землеустройство, ставя хозяйство в совершенно новые, непривычные для крестьян условия, заставляет их признать невозможность ведения их по старым образцам и старыми приемами и неизбежно приводит к мысли о необходимости каких-то иных приемов и планов хозяйства. Последнему убеждению способствует и то обстоятельство, что старые хозяйства уже разрушены и для нововведений место совершенно расчищено»¹.

Конечно, это как бы теоретический, несколько абстрактный взгляд на вполне конкретные вещи, на практике все было сложнее, но суть дела изложена верно.

Источники говорят, что отношение к труду у большинства крестьян-единоличников достаточно быстро менялось, но этого было недостаточно для достижения главной хозяйственно-экономической цели преобразований — радикального повышения уровня крестьянского хозяйства, а значит и уровня его доходности.

Необходимо было изменить качество крестьянского труда, изменить абсурдную на любой непредвзятый взгляд ситуацию, когда в стране с элитным для Старого Света черноземом собирались самые низкие урожаи.

Так на повестку дня встало разрушение второго из главных препятствий на пути развития отечественной деревни, которое выше я условно назвал «проблемой 53-го бензина», т. е. ликвидация агрономической неграмотности российских крестьян.

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 827. Л. 100-100об.

Однако прежде, чем перейти к анализу развития агрономической помощи в 1907–1915 гг., необходимо рассмотреть в общих чертах основные этапы развития самой *идеи* агрономического просвещения крестьянства в России.

Если бы данная проблема начала решаться в положенное время — а то, что оно наступило, зафиксировала уже в 1872 г. комиссия Валуева, — судьбы нашей истории были бы, возможно, иными. Однако в этом, казалось бы, довольно понятном сюжете как в фокусе проявились архетипы мышления российского образованного класса, слегка модернизированные теми откровениями о собственной стране, которые он почерпнул у барона Гакстгаузена.

История агрономической помощи в России — еще одна история о непонимании большинством умеющих читать русских людей, вне зависимости от их социального положения и политических взглядов, той действительности, того мира, в котором они жили.

Впрочем, по порядку.

Довольно распространенное мнение об априори высоком уровне традиционных народных знаний и умений, в том числе и относящихся к сельскому хозяйству, верно лишь отчасти. Экстенсивное хозяйство как-то ведется всеми народами, но очень часто именно «как-то».

Однако рано или поздно, на определенном уровне развития цивилизации население той или иной страны сталкивается с тем, что этот архаичный уровень знаний и умений уже недостаточен для поступательного развития в изменяющихся условиях, когда не только растет население, но меняется сам тип цивилизации, когда начинается переход от аграрного общества к индустриальному, то есть **от Старого мира к Новому** во всей его громадной сложности.

И тогда либо начинается интенсификация аграрной сферы, либо она по разным причинам откладывается, но в этом случае государство сталкивается с проблемами, нарастающими крещендо. Нетрудно догадаться, что Западная Европа пошла по первому пути, а Россия — по второму.

XIX в., как известно, стал переломным в истории агрономической науки. Во второй половине века во многих странах Запада начинается бурное развитие правительственной агрономической помощи, которая должна была донести до миллионов крестьян достижения агрономии.

В рамках этой помощи функционировали различные формы передвижного и стационарного внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний. Приведу один пример. Даже в Германии, где имелось всеобщее обязательное 6–8-летнее начальное образование, сумма знаний, полученных в начальной школе считалась недостаточной «при современных повышенных требованиях на уровень познаний даже рядового земледельца». Поэтому для ребят 14–18 лет, уже прошедших начальную школу, был создан особый тип школ-курсов для дополнительного обучения. Это не говоря о многом другом, в том числе и о проведении сельскохозяйственных чтений-бесед в армии (при всеобщей воинской повинности!)¹. И правительство, и общество в западноевропейских странах не только понимали значимость данной проблемы, но и решали ее, не жалея средств; к сожалению, у меня нет возможности остановиться на этом подробнее.

В наших библиотеках хранятся десятки брошюр, издававшихся земствами после

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь в России. СПб., 1914 г. С. 316–317.

1906 г., в которых агрономы в доступной, как кажется, форме объясняли крестьянам, как **на самом деле** следует вести хозяйство, как начать делать для растений «все, что нужно» (Ф. Бродель). К сожалению, в основном они датированы 1910-ми годами — а почему же не 1870-ми?

В России проблема перехода от Старого мира к Новому в аграрной сфере после 1861 г. стояла еще острее, чем в других странах, поскольку 80% населения жило в деревне.

Реально именно в этом заключалась суть аграрного кризиса, реально в этом и была едва ли не главная слабость огромной страны и опасность не просто для ее поступательного развития, но и для самого ее существования, что наглядно показали события 1905–1906 гг. Но удивительно, насколько далеко было от понимания этой проблемы множество образованных людей, предпочитавших винить в бедственном положении сельского хозяйства правительство, малоземелье, климат и т. д. !

А. С. Ермолов однажды так сформулировал свой общий взгляд на проблемы отечественного сельского хозяйства: «Если... почти всей Западной Европе кроме разве таких стран, как Италия, Испания, **удалось перейти от старинных форм землепользования, почти везде бывших к тому же почти одинаковыми или весьма между собою сходными, к современному высококультурному ее состоянию**, если производительность западноевропейских земель, плодородие которых далеко уступает нашему богатейшему в мире чернозему, во много раз превышает урожайность наших почв, если там на Западе, благодаря приложению к земледелию знаний и капиталов оно так пышно развилось, то нет основания отчаиваться в будущем и нам.

Надо только отрешиться от искания новых, неведомых миру путей, отказаться от стремления удивить мир осуществлением нигде не испытанных, на практике неприменимых теорий, примириться с мыслью, что и нам следует идти обычным проторенным нашими западноевропейскими соседями путем, не обольщаясь идеей, что мы какой-то особенный народ, для которого общие экономические законы не писаны, не смущаясь и тем, что наши почвенные, климатические и всякие иные условия во многих отношениях отличаются от западноевропейских.

Если такое отличие и есть, то оно не всегда нам в ущерб, как в вопросе о качестве и плодородии наших почв, где преимущество в значительной части России на нашей стороне, да и в остальном оно не столь велико, чтобы сделать для нас недоступными те результаты, которые давно уже достигнуты на Западе.

Нужно проникнуться убеждением, что **труд, знание и капитал** такие же мощные двигатели прогресса у нас, как и везде в мире, а земля лишь одно из орудий сельскохозяйственного производства»¹.

В России агрономическая помощь всерьез разворачивается лишь с началом Столыпинской аграрной реформы, и это не было случайностью.

Нижеследующий обзор истории агрономической помощи сделан на основании, прежде всего, работы Департамента земледелия ГУЗиЗ «Агрономическая помощь в России» (СПб, 1914, ред. В. В. Морачевский) и историко-статистического очерка А. А. Кауфмана с тем же названием (Самара, 1915). Последний написан сразу же после выхода упомянутой книги и, с одной стороны, является комментарием к ней, свое-

¹ Ермолов А. С. Наш земельный вопрос... СПб. 1906. С. 185–186.

го рода «заметками на полях», а с другой, содержит ряд важных мыслей и наблюдений, ценность которых велика, прежде всего, в силу глубоких знаний, обширного личного опыта, публицистического темперамента, а также своеобразия положения автора на общественной сцене того времени.

Кауфман — фигура весьма значительная и притом очень сложная. Выдающийся ученый-статистик, автор научных трудов и неоднократно переиздававшихся учебников статистики, он одновременно был практикующим исследователем сельского хозяйства, прежде всего сибирского, и многие его работы сохраняют значение до сих пор. Вместе с тем, как говорилось выше, он был одним из тех экономистов конца XIX — начала XX вв., в которых профессионал долго боролся с «партийцем».

С одной стороны, своими работами о будто бы «живой» сибирской общине он немало сделал для идейной реанимации общины вообще в глазах эсеров и других социалистов народнического толка, и эти работы, откровенно говоря, отнюдь не вершина его научного творчества, как и известная книга «Аграрный вопрос в России», в некоторых своих частях весьма далекая от научной объективности. Он был автором аграрной программы кадетов, что не противоречило народничеству.

С другой стороны, постепенно научная добросовестность взяла верх. Как человек определенной социальной среды Кауфман, подобно другим аграрникам, не мог не быть в оппозиции правительству, в том числе и по отношению к Столыпинской реформе. Однако поскольку реформа, особенно в части агрономической помощи, во многом отвечала его давним мыслям и убеждениям, постепенно его позиция изменилась.

Будучи высокоталантливым профессионалом он с началом 1910-х гг. не то, чтобы ушел «вправо», по терминологии того времени, он, скорее, перешел на позиции «партии здравого смысла» и стал смотреть на окружающий мир без поправки на «идеологическую» девиацию. Об этом, в частности, говорит и очень важный его труд «Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства» (вып. 1–2, М., 1917–1918).

Работа В. В. Морачевского открывается словами: «Общеизвестны положения, что «Россия — страна земледельческая», что «сельское хозяйство в России — основа народного благосостояния... и т. д. Не найдется учебника по элементарной географии России, в котором не находило бы себе места такое утверждение в самой категорической форме. Об этом определенно и с давнего времени говорит наука, периодическая печать, правительство, общество в лице различных съездов и совещаний, наконец, сама повседневность текущей жизни.

И тем не менее современная действительность позволяет утверждать, что всеобъемлющее значение и важность сельскохозяйственного промысла у нас далеко еще не в должной мере сознаны: мероприятия по оказанию непосредственной агрономической помощи населению как со стороны местных общественных учреждений, так и правительства, являются в массе случаев делом лишь самого последнего времени»¹.

Кауфман остроумно замечает, что «такими словами начинается вступление к новому изданию Департамента земледелия и в этих словах как бы подводится итог всему сведенному в ней историко-статистическому материалу» и продолжает: «В таком невнимании к делу «непосредственной агрономической помощи населению» повинно отнюдь не одно только правительство, которое мы так привыкли уличать в непонимании

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 1–2.

истинной нужды народных масс; отнюдь не одно только современное земство, прорехи и промахи в деятельности которого мы так привыкли объяснять административными путями и господством дворянско-землевладельческих элементов.

Повинны и правительство, и современное земство, — повинны дворянские тенденции и административные препоны... которыми еще недавно были обставлены сельскохозяйственные чтения и курсы.

Но не менее того **повинно и общество**, — повинны, в том числе и наиболее прогрессивные, наиболее народолюбивые его круги — повинны и сами деятели общественной агрономии: и улучшение экономических условий, и общая культурность, и общеполитические условия, и больше всего земля, земля, земля, — все это и многое другое выдвигалось на первую очередь, а непосредственное воздействие на земледельческую культуру отодвигалось куда-то в неведомую даль.

И не только отодвигалось: во времена первой думы (так в ист. — М. Д.) дело доходило до того, что такое воздействие даже **противуполагалось** истинным народным интересам, — что во всяком, кто осмеливался заикнуться о необходимости повышения качественной стороны крестьянского хозяйства, заподозревали врага народа и скрытого поборника крупновладельческих интересов.

И если правительство П. А. Столыпина, искренно или нет, видело все спасение в **устройстве земли**, то это было лишь реакцией против тех народных и общественных течений, которые все спасение видели в **наделении землей** и которые не в меньшей, а скорее в большей степени игнорировали главное: культуру.

В сущности говоря, вся история агрономической помощи до начала 90-х гг. прошлого столетия — это **история отсутствия агрономической помощи**¹.

О том, как «заподозревали врага народа» в начале XX в. мы узнаем ниже.

Что же до вины общественности в игнорировании агрономических проблем деревни, то достаточно сопоставить земские расходы на экономические мероприятия в 1899 и 1913 гг., чтобы убедиться в правоте Кауфмана (см. таблицу 125).

Нетрудно видеть, что список лидеров (т. е. губерний, земства которых выделяли больше всего денег на экономические мероприятия), как и список аутсайдеров достаточно устойчив. Это еще раз говорит о том, что уровень внимания земцев к агрономическим проблемам весьма серьезно различался.

Об определенном прогрессе в этой сфере свидетельствует снижение индекса Джини с 0,474 в 1899 г. до 0,380 в 1913 г.

Б. Б. Веселовский пишет, что «вопрос о задачах земской агрономической деятельности во всей его широте не подвергался в земских собраниях достаточно полному и принципиальному обсуждению, за весьма немногими исключениями. Земская деятельность в этой области развивалась большей частью без особенного плана, следуя по линии наименьшего сопротивления. Относительно больше внимания уделяли названному вопросу земства Пермское, Вятское, Московское.

До 90-х гг. ... земства действовали в области агрономических мероприятий отрывочно и ощупью, учреждая, главным образом, склады орудий и семян, иногда устраивая случайные пункты и т. п. Никакой системы не было, и самые мероприятия носили очень скромный характер»².

¹ Кауфман А. А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара, 1915. С. 3–4.

² Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. В 4 т. СПб., 1909–1911. Т. 2. С. 168.

Таблица 125

**Расходы земств на сельскохозяйственные и экономические мероприятия
в 1899 и 1913 г. (тыс. руб.)**

<i>Губернии</i>	<i>1899 г.</i>	<i>Доля</i>	<i>Губернии</i>	<i>1913 г.</i>	<i>Доля</i>
Полтавская	251,6	12,3	Екатеринославская	1293,7	7,7
Вятская	228,9	11,2	Полтавская	1292,7	7,7
Пермская	125,4	6,1	Харьковская	1147,6	6,8
Херсонская	123,9	6,1	Пермская	993,1	5,9
Харьковская	117,1	5,7	Херсонская	806,2	4,8
Екатеринославская	92,2	4,5	Вятская	779,8	4,6
Самарская	90,8	4,4	Самарская	753,6	4,5
Черниговская	89,5	4,4	Воронежская	661,9	3,9
Курская	86,7	4,2	Саратовская	657,9	3,9
Нижегородская	80,1	3,9	Черниговская	623,8	3,7
Таврическая	75,3	3,7	Московская	544,1	3,2
Московская	59,5	2,9	Бессарабская	542,3	3,2
Бессарабская	53,0	2,6	Курская	517,9	3,1
Вологодская	52,7	2,6	Уфимская	478,3	2,8
Костромская	47,5	2,3	Нижегородская	461,4	2,7
Уфимская	44,8	2,2	Казанская	418,4	2,5
Симбирская	40,5	2,0	Костромская	408,1	2,4
Новгородская	39,4	1,9	Владимирская	367,2	2,2
Тверская	37,0	1,8	Тамбовская	367,1	2,2
Орловская	35,0	1,7	Орловская	327,5	1,9
Тульская	33,3	1,6	Таврическая	293,6	1,7
Воронежская	32,7	1,6	Тверская	286,7	1,7
Саратовская	31,8	1,6	Симбирская	272,5	1,6
Псковская	30,7	1,5	Минская	249,4	1,5
Казанская	28,5	1,4	Вологодская	223,3	1,3
Ярославская	20,1	1,0	Ярославская	221,8	1,3
Тамбовская	18,5	0,9	Новгородская	220,8	1,3
Олонецкая	17,2	0,8	Псковская	216,4	1,3
Владимирская	14,9	0,7	Могилевская	197,0	1,2
Рязанская	10,2	0,5	Пензенская	178,7	1,1
Калужская	10,1	0,5	Тульская	178,7	1,1
Пензенская	8,4	0,4	Смоленская	165,7	1,0
Петербургская	8,0	0,4	Витебская	162,4	1,0
Смоленская	7,2	0,4	Калужская	156,3	0,9
Всего	2042,5	100,0	Олонецкая	117,0	0,7
			Рязанская	116,9	0,7
			Петербургская	106,2	0,6
			Всего	16806,0	100,0

Источник: Обзор земских сельскохозяйственных и экономических мероприятий в 1913 г. Пг., 1914. С. 6.

Ход аграрной реформы Столыпина говорит о том, что в большинстве тех губерний, земства которых уделяли внимание этой сфере еще в 1890-х гг., и землеустройство, и агрономическая помощь при прочих равных развивались интенсивнее.

Кажется удивительным, но правительство после 1861 г. игнорировало сельское хозяйство и «как раз в такое время, когда реформа вызвала коренное переустройство народного хозяйства и приспособление его к новому укладу всей страны и к переходу от натуральной формы хозяйства к денежной»¹. Отношение правительства к сельскому хозяйству оставалось равнодушным и в последующий период, несмотря на рост аграрного экспорта, благодаря строительству железных дорог, и начавшуюся конкуренцию с США и другими новыми экспортёрами хлеба на международном рынке. Мировой сельскохозяйственный кризис, начавшийся в 80-х годах, в России проявился особенно остро вследствие отсталости сельского хозяйства. Однако дальше понижения крестьянских податей и облегчения условий банковского кредита для земле(вла)дельцев правительство не пошло². Это еще один пример отсутствия у тогдашнего правительства стратегического видения проблем развития страны.

Свыше 10 лет потребовалось, чтобы в правительственных кругах не только заметили непригодность как крестьянского, так и помещичьего хозяйства к новым экономическим условиям, но и осознали необходимость принятия «самых энергичных мер, направленных к подъему отечественной сельскохозяйственной промышленности»³. Однако о сколько-нибудь серьезных сдвигах в этой сфере говорить не приходилось.

Кауфман пишет, что деятельность правительства имела место «в столь гомеопатических дозах, которые исключали всякую мысль о возможности какого-либо влияния этих, на бумаге, столь благонамеренных стремлений на сельскохозяйственную действительность»⁴.

Надо сказать, что и общественность в отношении сельскохозяйственного просвещения десятков миллионов российских крестьян, за немногими исключениями, оказалась далеко не на высоте того уровня социально-политических притязаний, который многократно и разнообразно декларировался ею в пореформенную эпоху.

В определенной степени показательно, что сама по себе идея агрономической помощи, идея создания регулярной агрономической организации впервые была сформулирована отнюдь не земцами.

В 1876 г. М. В. Неручев, член Московского Общества сельского хозяйства, на 4-м съезде сельских хозяев представил проект «О мерах к распространению сельскохозяйственных знаний и улучшению земледелия»⁵, где, среди прочего, предлагал учредить должности губернских инспекторов сельского хозяйства или губернских агрономов, которые должны были разрабатывать рекомендации об оптимальных для данной местности способах ведения хозяйства. В основе этого предложения лежал позитивный опыт деятельности западноевропейских странствующих учителей сельского хозяйства⁶.

Большинство земских собраний, получивших на отзыв данный проект в 1876–1878 гг., отклонило его, посчитав, как часто водилось, предлагаемые меры «преждевременными».

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 74–75.

² Там же.

³ Там же. С. 75.

⁴ Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 5.

⁵ Веселовский Б. История земства за сорок лет... Т. 2. С. 132.

⁶ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь ... С. 89–90.

Морачевский видит одну из причин в том, что руководящие круги земства не были убеждены в «целесообразности и даже самой необходимости агрономических мероприятий», а Кауфман «лично склонен **именно** ему (этому фактору — *М. Д.*) придавать первостепенное значение» и видит в игнорировании проекта Неручева свидетельство того, **«как далеко заходило неумение или нежелание руководящих этих кругов понять насущнейшую народную нужду»**¹.

Оба автора солидарны во мнении, что земства «на первых порах уделяли слишком ничтожное внимание в ряду своих мероприятий вопросам улучшения сельского хозяйства» и прямо обвиняют их в «уклонении... в продолжение долгого времени от более энергичной культурной деятельности»².

Б. Б. Веселовский рассматривает эту ситуацию в несколько более широком контексте. В середине 1870-х гг. шла усиленная ликвидация имений, и помещики еще не думали о стабилизации своего хозяйственного положения, что и стало одной из важных причин их отрицательного отношения к агрономической организации. В отзыве Костромского земства говорилось: «В губернии к 1867 г. состояло владельческих усадеб — 1254; к 1873 г. 356 из них были закрыты, а 308 совсем оставили хозяйство. Затем к 1876 г. из 509 владельческих усадеб, где еще поддерживается хозяйство, весьма многие оставлены владельцами и сданы в арендное содержание. Остающиеся немногочисленные имения... по преимуществу характера малой интенсивности... Для них помощь агронома невысказана»³. Затем, отклоняя проект Неручева, земства исходили из того, что их приоритетными задачами являлись просвещение крестьян и обеспечение населению доступной медицинской помощи. Однако Веселовский подчеркивает, что и в этих сферах земская деятельность отнюдь не была совершенной, притом же «необходимость работать прежде всего в указанных областях, выставлялась как основание к бездействию в других отраслях... В отношении экономических мероприятий такая ссылка менее всего доказательна, так как развитие этих мероприятий не обязательно сопряжено с существенными затратами для земства»⁴.

Первая земская агрономическая организация возникла лишь в 1879 г. в Верхотурском уезде, а в 1883–1886 гг. во всех остальных уездах Пермской губернии. В 1879 г. она появилась также в Новгородском губернском земстве. В 1894 г., т. е. 30 лет спустя введения земств, агрономические организации (а не просто агрономы) были лишь в Пермской, Вятской и Херсонской губерниях.

Только 6 уездных земств в 1883 г. имели агрономов, в 1893 г. — 9 губернских и 38 уездных земств, в 1904 г. — 31 губернское земство и около 250 уездных; иными словами, треть уездных и 3 губернских земства продолжали работать без агрономов⁵.

Развитие земских агрономических мероприятий тормозили, как часто бывало и бывает в России, соображения теоретического (часто — квазитеретического) порядка.

Во-первых, долгое время доминировало убеждение, что экономический подъем деревни невозможен без обеспечения ее доступным денежным кредитом, с чем, строго говоря, трудно спорить. В 1860–1870 гг. были открыты сотни ссудо-сберегательных товариществ, после чего их число столь же резко пошло на убыль. Земства разочаровались в новых учреждениях и с конца 70-х гг. были заняты возвращением выданных ссуд.

¹ Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 9.

² Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 87–88.

³ Веселовский Б. История земства... Т. 2. С. 132.

⁴ Там же. С. 132–133.

⁵ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 91.

Причина этого охлаждения вполне символична — услугами товариществ воспользовалась прежде всего зажиточная часть деревни, что было неприемлемо для земских деятелей в силу господствующих общественных настроений («красно-розовая» часть земцев, подобно народниками-демократам, тоже построила свой «треугольник Карпмана» и, разумеется, в данном случае также выбрала себе роль «спасителей» крестьянства, но в первую очередь — от кулачества). Аналогичная участь, к слову говоря, постигла и попытки устройства производственных артелей-товариществ (маслодельных, сыроваренных, смолокурных и др.) — из-за слабости экономических дарований земцев и необеспеченности рынков сбыта¹.

Во-вторых, «сдержанность земств в развитии собственно агрикультурных мероприятий до известной степени еще обуславливались существовавшим в земской среде взглядом, что для проведения в жизнь деревни каких-либо сельскохозяйственных улучшений необходимым условием является предварительное распространение в массах сельского населения рациональных сельскохозяйственных знаний»²

Нетрудно заметить, что данная идея не что иное, как специализированная вариация старого, известного в России еще с XVIII в., тезиса, согласно которому крепостных крестьян нельзя освобождать, пока они не просвещены. Но в силу того, что они, условно говоря, никогда не были просвещены, то их никогда нельзя было освобождать. И в реальной пореформенной жизни страны с сельскохозяйственным образованием свободных крестьян выходило то же, что до 1861 г. с общим образованием крепостных.

Очевидна теоретическая и практическая незрелость хозяйственно-экономических взглядов тогдашнего российского общества, очень часто неспособного увидеть и понять *суть* процессов, которые происходили в важнейшей сфере жизни страны.

И в том, что аграрная реформа Столыпина началась в стране, на большей части территории которой уровень сельскохозяйственных знаний крестьян законсервировался где-то на уровне эпохи царя Алексея Михайловича, большая часть вины лежала на земских деятелях.

Декларировать крестьянские нужды и теоретизировать по поводу их решения «культурным кругам» России всегда было легче, чем делать что-то реальное для их уменьшения (в отличие от многих других стран). До 1890 г. появилось лишь 13 низших сельскохозяйственных земских школ и 1 средняя, в 1890-х гг. соответственно 28 и 1. А потом и этот рост замедлился, т. к. часть школ была совсем закрыта.

После голода 1891–1892 гг. во главе вновь созданного Министерства земледелия встал А. С. Ермолов, которого А. А. Кауфман считает «человеком, действительно компетентным в вопросах сельского хозяйства»³.

С его именем связан второй период в истории земской агрономической помощи, охватывающий 1890 — начало 1900-х гг., когда идея необходимости сельскохозяйственного просвещения крестьян начинает постепенно захватывать все большее число земств, когда учреждаются должности губернских и уездных агрономов, и во все большем числе земств создаются специальные сельскохозяйственные совещательные и исполнительные органы и т. д.

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 95. В 1894 г. во время проведенного Министерством земледелия опроса земства, говоря о местных нуждах сельского хозяйства, на первое место ставили «необходимость самого широкого распространения общего образования и сельскохозяйственных знаний, а также специального сельскохозяйственного образования».

³ Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 5.

Этот период Морачевский называет «по преимуществу организационным и подготовительным», однако в его несомненный актив входит тот факт, что «большинство земств мало-помалу пришло к твердому сознанию, что агрономические мероприятия должны как неперемный элемент входить в круг земской деятельности вообще и что надлежаще широкая и прочная их постановка составляет одну из настоятельнейших и очередных задач переживаемого времени»¹.

Здесь пора сказать о том, как изобретали «пятую колонну», «врагов народа» сто лет назад.

В 1916 г. А. А. Кауфман писал: «Будучи, прежде всего, статистиком, пишущий эти строки большую и лучшую часть своей жизни отдал научной и практической работе по вопросам крестьянского землевладения и хозяйства, Для него уже давно стало ясно, что в земле— в **одной** земле нет выхода для попавшего в тупик русского крестьянского хозяйства: что этот выход прежде всего и больше всего, **в повышении производительности крестьянского труда на земле**, иначе сказать, **в подъеме сельскохозяйственной культуры**.

Ему давно уже стала и ясна несостоятельность той веры в агрономические таланты русского мужика— в мужичкое «ён сумеет», которая так причудливо сплеталась в наших правящих» сферах, с не менее твердою верой в другой принцип: в мужичкое — «ён достанет», и с еще более твердою верой... в необходимость, для благоденствия мужика, «твердой и сильной власти», в лице господ земских начальников; стала ясна несостоятельность этой веры и безусловная, насущная, неотложная необходимость **помочь мужику реорганизовать его хозяйство** и поднять производительность его труда, — призвать для этого на помощь свет агрономической науки и практики.

И своим слабым голосом он призывал к устройству агрономической помощи и тогда, когда был мелким чиновником и в ответ на свои призывы встречал лишь полупрезрительные, а то и совсем презрительные усмешки со стороны высшего сельскохозяйственного чиновничества; призывал и в тот непродолжительный период 1905–1907 гг., когда его — ненадолго — вынесло на широкую арену политической деятельности, и когда **он за свои призывы к культуре рисковал быть зачисленным в ряды замаскированных врагов народа**, — народа, которому, как тогда думали, нужна земля, а не барская, какая-то, «культура».

С радостью видит он теперь, как это пренебрежение к культуре, в то время разделявшееся и теми, кто был призван быть ее носителями, — и самими агрономами, готовыми, в то время, подписаться под лозунгом: **сперва** земля, а **потом** культура, — как это пренебрежение уступило место полному и безоговорочному признанию как в правительственных сферах, так в широких общественных кругах, а к счастью, и в самих народных массах, — к полному, говорю я, и безоговорочному признанию **первостепенного и неотложного** значения культуры и ее действительного носителя — агрономической помощи².

Здесь уместно привести также и комментарий Н. П. Макаровым этой весьма характерной приметы эпохи — «противопоставления дополнительного наделения (крестьян землей — М. Д.) интенсификации и отрицание последней, как способа вывести крестьянское хозяйство из кризиса.

Принципиальное противопоставление (sic! — М. Д.) и непонимание условий и

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 99–100.

² Кауфман А. А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате... С. 5–6.

экономического значения интенсификации сельского хозяйства, соединяемое с боязнью, что так хотят «замолчать» земельный вопрос или так могут его «замолчать», типично для настроений русского общества, как в широких его партийных и непартийных кругах, так и в экономической литературе.

Известный редактор сборника по «Аграрному вопросу», одного из серьезнейших течений (кадетов — М. Д.) по своим приемам подхода к вопросу, И. Петрункевич, в предисловии к этому сборнику почти официально формулирует эту позицию. «Если бы урожайность была доведена до нормы западноевропейских стран», то тогда надо бы интенсификацию соединить с общей реорганизацией хозяйства; но это путь «медленный» и «обусловленный», а здесь приходится разрешать определенный социальный вопрос, формулируемый, как малоземелье.

Естественно и то, что немало нареканий встречали по своему адресу А. И. Чупров и А. А. Кауфман, писавшие о возможности и нужности интенсификации...»¹.

При этом, замечу, речь шла об интенсификации крестьянского хозяйства в рамках общины.

8.6.2. Организация агрономической помощи в годы реформы

Третий период истории агрономической помощи в России, характеризующийся быстрым развитием агрономических мероприятий вширь и вглубь, отсчитывается примерно с середины 1900-х гг. и связан с началом аграрной реформы Столыпина.

Агрономическую помощь сельскому хозяйству в годы реформы оказывало правительство в лице ГУЗиЗ (сельскохозяйственного ведомства), затем земства и сельскохозяйственные общества, а с течением времени и многочисленные сельские кооперативные организации.

Главным действующим лицом было ГУЗиЗ, реально ставшее как бы генеральным штабом Столыпинской аграрной реформы, а среди его подразделений — Департамент земледелия, Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики и Отдел земельных улучшений.

Полагаю, для дальнейшего изложения следует познакомиться со структурой ГУЗиЗ.

Согласно законоположению об «Учреждении ГУЗиЗ» (Свод Законов, I. Ч. 2. Кн. 5, 619, прилож.) Департамент земледелия ведал следующие дела:

«1) о развитии и усовершенствовании земледелия, скотоводства, специальных культур, сельскохозяйственных технических производств;

2) о рыболовстве, охоте и звериных промыслах;

3) о состоящих в ведении Главного управления учебных, учебно-практических и опытных сельскохозяйственных заведений;

4) о сельскохозяйственных учреждениях, съездах и выставках;

5) о наградах и премиях по сельскохозяйственной части и

6) по управлению казенными рыбными и тюленьими промыслами»².

К предмету ведения Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики (далее: ОСЭ) относились:

«1) вопросы торгово-промышленные и экономические, касающиеся сельского хозяйства;

¹ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. Т. 1. С. 8–10.

² Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь ... С. 124–125.

2) вопросы о крестьянском хозяйстве и содействии сельской кустарной промышленности;

3) соби́рание, разработка и издание статистических сведений, касающихся сельскохозяйственной промышленности;

4) исследование состояния как сельского хозяйства вообще, так и отдельных его отраслей;

5) главное распоряжение операций по выдаче ссуд на сельскохозяйственные улучшения и общее руководство действиями лиц и учреждений, заведывающих оною на местах»¹.

Отделу земельных улучшений (далее: ОЗУ) принадлежали дела:

«1) по орошению и обводнению земель;

2) по осушению болот и по торфодобычанию;

3) по относящимся к этим предметам законодательным вопросам и

4) по геодезической и чертежной частям»².

Нетрудно видеть, что сфера компетенции и Департамента земледелия и ОСЭ, в отличие от ОЗУ, очень разнообразна и даже разнородна.

Для координации деятельности ГУЗиЗ в некоторых отраслях сельского хозяйства с работой других ведомств, при Департаменте земледелия в 1907 г. был создан ряд специальных комитетов, куда входили представители заинтересованных ведомств, — комитеты овцеводства, хлопководства, виноградарства и виноделия и рыбный, к которым в 1911 г. добавился Льняной комитет.

Ежегодно, как правило, зимой ведомство созывало Сельскохозяйственный совет из высших чиновников и представителей других министерств, 15-ти «сельских хозяев» и экспертов, которых на 1 год приглашал Главноуправляющий, а утверждал император. Совет работал 6 недель и занимался предварительным обсуждением новых законов и дополнением уже действующих, рассмотрением многочисленных заявлений и ходатайств от сельскохозяйственных обществ и съездов, земств, учреждений и частных лиц по очень широкому кругу аграрных сюжетов, а также вопросов, по которым глава ведомства считал нужным выслушать мнение Совета³.

Отдельным подразделением ГУЗиЗ был Ученый комитет с совершенно необъятной компетенцией, занятый, выражаясь лаконично, «разработкой научных и технических вопросов по сельскому хозяйству», перечисление которых заняло бы полстраницы.

Для специальной разработки и разрешения технических вопросов, входивших в компетенцию Комитета, при нем было учреждено 9 особых бюро, которые должны были стать — и во многом стали — связующим звеном между наукой и сельскохозяйственной практикой.

На местах ГУЗиЗ имело своих представителей в лице уполномоченных, инспекторов сельского хозяйства или правительственных агрономов, а также постоянно растущее число специалистов, инструкторов и техников по отдельным отраслям сельского хозяйства. Особое место в агрономической деятельности ведомства занимали мероприятия, проводимые Землеустроительными комиссиями и их агрономическим персоналом в районах землеустройства.

У земств не было единой для всей страны структуры агрономических организаций. Одни мероприятия могли проводиться отдельно губернскими земствами, другие —

¹ Там же. С. 126.

² Там же.

³ Там же. С. 126–127.

только уездными, а нередко они действовали совместно — в каждой губернии была своя специфика взаимоотношений между ними. Распорядительной инстанцией здесь выступали земские собрания, однако ряд сюжетов предварительно разрабатывался специальными совещательными сельскохозяйственными органами, а также периодическими съездами и совещаниями работающих на местах агрономов и инструкторов.

Сельскохозяйственные общества проводили в жизнь свои мероприятия как самостоятельно, так и при финансовом содействии правительства и земства¹.

После 1905 г. земства начали выделять на агрономическую помощь все *большие* средства. Схемы и формы агрономической помощи, разработанные в предыдущие годы, стали находить теперь себе более широкое применение, а введение участковой агрономии значительно приблизило агрикультурную работу земств к населению. В эти годы в агрономических мероприятиях заметна большая планомерность, растет опытное дело, земства начинают эффективно сотрудничать с местными сельскохозяйственными кооперативами, возникают союзные земские организации по закупке сельхозтехники, семян и т. д., а также по сбыту сельскохозяйственной продукции, кустарных изделий².

Другими словами, **в развитии агрономической помощи произошел перелом**, который до некоторой степени иллюстрируется динамикой роста земских затрат на сельскохозяйственные и экономические мероприятия.

Так, земские безвозвратные ассигнования на сельскохозяйственные и экономические мероприятия по 34 староземским губерниям выросли с 939 тыс. руб. в 1895 г. до 4546 тыс. руб. в 1907 г., 11399 тыс. руб. в 1911 г. и 16197 тыс. руб. в 1913, увеличившись, таким образом, в 17,3 раза³. За годы реформы 1906–1913 гг. они почти учетверились, а за 1911–1913 гг. увеличились в 1,8 раза. Для подкрепления нашего тезиса о серьезных сдвигах в перевозках сельхозмашин и орудий в 1910–1913 гг. очень важен тот факт, что за эти четыре года было в сумме ассигновано больше, чем за предыдущие пятнадцать (!) лет, с 1895 г. по 1909 г. — 49645 тыс. руб. против 47275 тыс. руб.⁴

Земские траты на сельское хозяйство, в 1908 г. составлявшие 9,9 коп. на 1 десятину посева и 7,7 коп. на 1 сельского жителя, в 1912 г. поднялись соответственно до 23,4 и 17,4 коп., т. е. всего за 5 лет более чем удвоились⁵.

За цифрами ассигнований стоят сугубые реалии жизни деревни — степень знакомства крестьян с агрономами и агрономией, правильными севооборотами, с травосеянием, с удобрениями, с улучшенными орудиями, со всем тем, что открывало новую перспективу российской деревне.

Весьма характерно при этом, что сомнения в пользу агрономических мероприятий в земской среде до конца не исчезли: «Некоторые старые испытанные работники в этой отрасли местной общественно-экономической деятельности, которым пришлось в свое время воспринимать ее первые шаги, защищать самое право ее на существование, иногда не верят своим глазам, глядя на современные опытные станции, с каким-то робким сомнением относятся к современным земским агрономическим бюджетам, составу современных организаций. Кажется, что все это лишь временное увлечение, после которого может наступить печальная реакция; что жизнь и развитие местного хозяйства еще не создали прочных оснований **для такого неожиданного перелома**

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 99–100.

³ Обзор земских сельскохозяйственных и экономических мероприятий в 1913 г. СПб., 1914 г. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Морачевский В. В. (ред.) Агрономическая помощь... С. 101.

в судьбах того дела, которое еще так недавно даже и не считалось серьезной общественной деятельностью»¹.

Мы уже знаем, как менялись приоритеты правительства в 1906–1908 гг. Только с 1907–1908 гг. расширение деятельности правительства в отношении сельского хозяйства становится заметным. С перенесением центра тяжести реформы с банковских земель на внутринадельное землеустройство (в разных губерниях в 1908–1909 гг.) агрономическая помощь стала одним из приоритетных направлений деятельности землеустроительных комиссий и других правительственных органов.

Таблица 126

**Земские и правительственные ассигнования
на сельскохозяйственные мероприятия (тыс. руб.)**

<i>Годы</i>	<i>Земства</i>	<i>ГУЗиЗ</i>	<i>Всего</i>
1909	6949	7509	14458
1910	8969	9062	18031
1911	11339	14415	25754
1912	13100	20450	33550
1913	16000	33088	49088
Всего	56357	84524	140881

Источник: ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 7

С 1911 г. расходы ГУЗиЗ на сельскохозяйственную сферу начинают намного опережать земские ассигнования.

Сначала агрономической помощью в районах землеустройства в целях объединения руководил Департамент Государственных Земельных Имуществ, а с 1911 г. — Департамент Земледелия.

В 1908 г. при каждой губернской Землеустроительной комиссии было создано особое Агрономическое совещание, в которое с правом решающего голоса вошли все члены губернской земской управы и губернской Землеустроительной комиссии, правительственные агрономические чины, земские агрономы, а также председатели уездных земских управ. Губернаторы, которые являлись председателями этих совещаний, имели право привлекать к их работе тех компетентных лиц, чье мнение могло оказаться полезным. Совещания должны были рассматривать и координировать «поуездные предположения об организации агрономической помощи в районах землеустройства» и сводить их в общий для губернии план, представляемый затем, в ГУЗиЗ. Затем по инициативе местных деятелей (сначала в Саратовской, Рязанской и Таврической губерниях) аналогичные Совещания стали возникать в уездах. Агрономы землеустроительных комиссий, кроме этого, периодически собирались для обсуждения насущных практических проблем землеустройства².

Должен признаться, что, начиная заниматься рассматриваемой тематикой, я поначалу недооценил принципиальную значимость этого факта. Однако источники быстро убедили в том, что в ряде губерний эти совещания стали действенным инструментом реформы, особенно с учетом недавнего почти всеобщего непонимания путей развития

¹ Там же. С. 89.

² Там же. С. 143–144.

сельского хозяйства, не говоря о том, что это был живой пример полезного сотрудничества правительства и общества. Об этом говорят в изобилии сохранившиеся и пока, увы, не очень востребованные материалы этих совещаний.

В 1909 г. Главноуправляющий землеустройства и земледелия получил право созывать по мере необходимости областные сельскохозяйственные совещания. Они имели целью объединить работы агрономических совещаний однородных в сельскохозяйственном отношении губерний и перевести в практическую плоскость решение вопросов землеустройства и улучшения крестьянского хозяйства. В работе областных совещаний должны были принимать участие, как местные правительственные чины, так и представители общественности, хорошо знакомые с крестьянским землепользованием данного региона. И эти встречи заинтересованных, компетентных людей, которые обменивались опытом, дискутировали и т. д., были очень полезны для дела реформы.

Одной из главных задач совещаний должна была стать координация эффективного взаимодействия действий правительственных и земских органов при оказании агрономической помощи населению в районах землеустройства, что было совсем непросто задачей, ввиду очевидной ревности, а часто и прямого неприятия земцами деятельности землеустроительных комиссий и самой реформы.

С 1908 г. сперва в некоторых губерниях, а позже и в остальных, была учреждена должность заведующего агрономической помощью единоличным хозяйствам. В его компетенцию входило общее руководство этой сферой в данной губернии, разработка **всего** комплекса проблем агрономической помощи и контроль за его реализацией на местах.

Поскольку средства, выделявшиеся данной губернии Комитетом по землеустроительным делам, расходовались правительственной организацией, заведующий стал лицом, отвечавшим за исполнение сметы, которую составляло особое агрономическое совещание и утверждал затем Комитет¹. В силу этого заведующий руководил всем правительственным агрономическим персоналом в районах землеустройства и распоряжался отпускаемыми на агрономическую помощь кредитами.

Правительство, как известно, выделяло земствам субсидии, и заведующий, во-первых, передавал эти деньги земствам, а во-вторых, участвовал в составлении смет и разработке конкретных организационных планов, а также контролировал их исполнение. На него возлагалась и весьма важная функция посредничества между земствами и Департаментом Земледелия.

Не углубляясь в эту отдельную и сложную проблему, — проблему взаимоотношений между основными участниками процесса агрономической помощи — земством, правительством и, в ряде случаев, местными обществами, замечу, что противопоставление их друг другу, усиленно акцентируемое некоторыми авторами², представляется во многом надуманным.

Это не значит, конечно, что отношения между земскими и правительственными организациями всегда и везде были идиллическими. Отнюдь. Вместе с тем едва ли корректно представлять их как две совершенно чуждые, чуть ли не враждебные структуры, одна из которых (естественно, ГУЗиЗ) как бы препятствовала нормальному развитию отечественного сельского хозяйства, зачем-то выделяя при этом миллионы рублей, чтобы поднять его на качественно новый уровень.

¹ Там же. С. 144.

² Ефременко А. В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины...

В силу новизны самого дела агрономической помощи, притом, что в некоторых губерниях сама агрономическая деятельность земств только начиналась, трудно было вообще говорить об этих взаимоотношениях как о чем-то раз и навсегда установленном. Да и сферы деятельности между участниками агрономической помощи не были еще четко разграничены.

Однако магистральная тенденция была вполне ясна.

С самого начала своей деятельности ГУЗиЗ, не имевшее на местах своей агрономической организации, хотело в максимальной степени опереться в реализации своей программы на существовавшие местные общественные учреждения, обладавшие практическим знанием местных условий.

И это крайне важно для понимания общего вектора аграрной реформы Столыпина.

ГУЗиЗ стремилось с установлению нормальных рабочих отношений с земскими и другими общественными организациями и не из демагогических соображений, как нас иногда уверяют, а по убеждению, особенно с момента, когда ведомство возглавил А. В. Кривошеин.

И хотя взаимопонимание было достигнуто не сразу и не везде, тем не менее Департамент земледелия добивался — и это невозможно оспаривать, не будучи предвзятым, — к передаче проведения *«всех мероприятий непосредственной агрономической помощи в ведение земств и других местных общественных организаций»*, при оказании им с этою целью соответствующей материальной поддержки из его средств¹.

В 1912 г. в 13 из 47 губерний руководство сельскохозяйственными мероприятиями в районах землеустройства полностью перешло в руки земств. Естественно, что с каждым годом росла и доля средств, которые отпускались земствам из общей суммы кредита на эти мероприятия: в 1910 г. она составила 40%, а в 1912 г. — уже 53%. Однако накануне Мировой войны этот процесс был еще далек от завершения.

Самостоятельно Департамент действовал там, где агрикультурная работа общественных учреждений либо отсутствовала вовсе, либо еще не развилась до желательных размеров. За правительством оставалось такое широкое поле деятельности, как сельскохозяйственное образование, научно-опытная разработка теоретических и ряда практических вопросов земледелия, подготовка техников и специалистов и т. д., а также — в необходимых случаях — общая координация агрикультурных мероприятий.

* * *

Главная задача агрономического просвещения была двуединой — *приблизить* агрономию к крестьянству и *сблизить* их.

Участковая агрономия сыграла, может быть, важнейшую роль в пробуждении российской деревни.

Как уже говорилось, необходимость участия земств в подъеме сельского хозяйства осознавалась земцами непросто. Однако как только земства начинали действовать в этом направлении, довольно быстро выяснялась недостаточность предпринимаемых ими мер, что проявлялось прежде всего в нехватке агрономического персонала. Даже в 1908 г. из 359 уездных земств лишь 236 (65%) имели уездных агрономов, притом

¹ Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 19.

только в 48 уездах (13%) они имели помощников; к слову сказать 11 из 48 работали в одной Пермской губернии.

Вот как Морачевский характеризует эту ситуацию: «Обширность территории огромного большинства уездов, неоднородность хозяйственных условий отдельных районов уезда, чрезвычайная сложность и многообразие проводимых сельскохозяйственных мероприятий, необходимость для уездного агронома значительную часть своего времени отдавать агрономическому делопроизводству управы и т. д. — все это вместе взятое лишало всякой физической возможности уездного агронома сколько-нибудь полно и равномерно обслуживать агрономической помощью население своего уезда.

Практическая деятельность агронома по необходимости носила совершенно случайный и отрывочный характер: кое-где в уезде устраивались показательные поля и участки, велись беседы и чтения, демонстрировались улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины и т. д., но все же большая часть уезда обычно оставалась без агрономической помощи», эта деятельность «как бы скользила по поверхности хозяйства уезда в целом и только в лучшем случае захватывала немногие сельские общества или отдельные хозяйства»¹.

В результате практики одновременно в некоторых губерниях, наиболее внимательных к нуждам сельского хозяйства, пришли к мысли, что **наиболее эффективным способом приближения агрономической помощи к сельскому населению будет введение участковой агрономии**, когда уезды делятся на определенное число участков, в каждом из которых должен работать один агроном.

Участковая агрономия стала своего рода локомотивом сельскохозяйственного образования крестьян. Она вводилась как особый институт на основании предварительного составленных планов, четко регламентирующих сферу компетенции и взаимоотношения участковой, уездной и общегубернской агрономии².

Если в 1906 г. в стране насчитывалось лишь 10 участковых агрономов, то в 1913 г. — 1312. При этом численность всего земского агрономического персонала³ в 34 староземских губерниях росла следующим образом: в 1877 г. — 1 человек, в 1896 г. — 105, в 1901 г. — 257, в 1902 г. — 307, в 1904 г. — 401, в 1907 г. — 517, в 1910 г. — 1096, в 1913 г. — 3716 человек⁴.

В 1910 г. ГУЗиЗ согласилось участвовать в субсидировании участковой агрономии, организованной земствами, и создавать ее в неземских губерниях или там, где возникает необходимость. С 1911 г. Департамент Земледелия начал выделять земствам, вводящим участковую агрономию, до 50% необходимой суммы при наличии у данного земства грамотно разработанной программы и готовности его платить половину необходимой суммы из местных средств⁵.

Данные действия подкреплялись существенным ростом финансирования. В 1910 г. Департамент Земледелия выделил земствам и сельскохозяйственным обществам на содержание агрономического персонала лишь 24 тыс. руб., в 1911 г. — уже 220 тыс. руб., а в 1912 г. — 500 тыс. руб., из которых предметно на участковую агрономию — 350 тыс. руб.; в смете на 1913 г. был заложен 1 млн руб., из них 621 тыс. руб. предна-

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь ... С. 163.

² Там же. С. 165.

³ Губернские, уездные и участковые агрономы, помощники агрономов, низший агрономический персонал, инструкторы и специалисты по отдельным отраслям сельского хозяйства.

⁴ Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (обзор земских сельскохозяйственных и экономических мероприятий в 1913 г. Вып. 14. Пг., 1916. С. 26.

⁵ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 166–167.

значалась участковой агрономии. Такая мощная поддержка позволила большинству земств ввести ее у себя. Кроме того, ГУЗиЗ приступило к созданию самостоятельной организации участковой агрономии в районах землеустройства.

Если в 1906 г. участковая агрономия существовала в двух уездах Европейской России, в 1907 г. — в 10, в 1908 г. — в 18, в 1909 г. — в 45, то в 1910 г. — в 100, а в 1911 г. — уже в 186; в 1913 г. агрономические участки имелись в 335 уездах, т. е. в 99,3% всех уездов 34 старых земских губерний, а также в 53 уездах 6 новых земских губерний. По одним данным в 1912 г. насчитывалось 1112 участков, по другим — 1232¹.

В 6 западных губерниях насчитывалось 215 участков, в Донской области — 17, а если прибавить к ним участки, где работали агрономы землеустроительных комиссий (47 участков в 19 уездах 7 губерний), то общее их число к 1913 г. составило не менее 1726. В это число не вошли участки, которые временно обслуживались низшим агрономическим персоналом, например, в Бессарабской губернии (12 участков в Бендерском уезде и 13 в Кишиневском)².

В целом к 1913 г. в большинстве южно-черноземных губерний уже завершалось создание намеченной сети агрономических участков, на Севере в ряде уездов по-прежнему сохранялась уездная организация, а в других районах, по преимуществу в центральных губерниях, участковая организация была введена, но еще не закончена.

ГУЗиЗ сообщает, что общая численность агрономического персонала, работающего на местах за 1909–1913 гг. выросла с 2810 до 9935 человек³. При этом, как и в случае с землемерами, сразу обозначилась большая проблема — текучка кадров⁴.

Ведомство, надо заметить, отнюдь не обольщалось ростом общих количественных показателей персонала: «В быстром увеличении числа агрономов была, конечно, и слабая сторона. Многие из приглашаемых на службу лиц, при недостатке сельскохозяйственных школ в России и при отсутствии ранее достаточного приложения агрономическому труду, не обладают желательной подготовкой.

Около половины должностей участковых агрономов занято лицами со средним образованием; в составе инструкторов много окончивших только низшие земледельческие школы. Еще сильнее, чем недостаток общего сельскохозяйственного образования, чувствуется недостаток практической подготовки отдельных агрономов в порученной им специальности и, главное, знакомство их с местными условиями.

Ведомство отчетливо сознавало эти недочеты, но не видело иного, лучшего пути; надо же было когда-нибудь начать искать выходы из заколдованного круга: отсутствие сельскохозяйственных знаний в населении — при малочисленности и неопытности состава, призванного служить проводником этих знаний.

Наиболее отрицательные стороны поспешного увеличения числа агрономов с каждым годом сглаживаются: ежедневное соприкосновение с землей и хозяйством служит лучшей школой для агрономов и вместе с тем лучшей проверкой их пригодности. Можно надеяться, что опыт создаст и выдвинет настоящих, умелых работников и отстранит от дела людей, недостаточно способных и знающих.

Спрос на агрономов и лучшая оплата их труда вызвали заметный прилив молодежи в специальные сельскохозяйственные школы и на агрономические отделения учебных

¹ Там же. С. 167; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. ... С. 29.

² Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь ... С. 167–168.

³ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.) СПб., 1914. С. 7.

⁴ Губский Н. Н. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год. Пг., 1915. С. 15–16.

заведений, ранее пустовавшие и, казалось, безнадежно захудалые. Ежегодные выпуски из сельскохозяйственных школ увеличились на 60%. Полезное значение могут иметь и устраиваемые ведомством дополнительные инструкторские курсы по той или иной специальности (птицеводству, холодильному делу, молочному хозяйству и т. д.) для лиц, уже состоящих на службе. Так, постепенно самой жизнью будет произведен естественный отбор полезных работников.

Было бы, однако, несправедливостью оценивать слишком строго и деятельность нынешних работников-агрономов первого широкого «призыва»; среди них много людей, взявшихся за работу если не всегда с достаточной умелостью, то, во всяком случае, с энергией и одушевлением»¹.

При этом в конце 1913 г. районы землеустройства обслуживало 1562 уездных и участковых агронома — как правительственных, так и земских, из которых 340 (21,8%) работали в губерниях с наиболее развитой участковой агрономией — Екатеринославской, Полтавской, Саратовской, Харьковской и Херсонской, т. е. в среднем 68 агрономов на одну губернию. В остальных же 42 губерниях это показатель равнялся 29, притом, что в Архангельской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Минской губерниях в сумме было лишь 26 специалистов, или в среднем по 5 на губернию².

Жизнь быстро показала прямую связь между численностью агрономического персонала и землеустройством. Важнейший факт — в упомянутых пяти южных губерниях с наибольшим числом агрономов общее количество единоличных владений на надельных казенных и банковских землях в сумме составило 345 тыс. дворов, т. е. в среднем по 69 тыс. дворов на губернию. А в пяти губерниях с наименьшим числом агрономов землеустроительные работы развивались весьма слабо (32 тыс. дворов, или по 6 тыс. дворов на губернию)³.

В среднем на уезд приходилось примерно 4 участка. Наибольшее их число фиксируется в тех самых губерниях, земства которых давно и серьезно занималось сельским хозяйством. Это уезды Самарской губернии — Новоузенский (20 уч.), Николаевский (13 уч., в том числе 3 с агрономами землеустроительной комиссии), Бугурусланский (12 уч.), Самарский (11 уч.), затем уезды Херсонской губернии — Елисаветградский (15 уч.), Херсонский (14 уч.), Александрийский (13 уч.), уезды Харьковской губернии — Волчанский (14 уч.), Купянский (11 уч.), Константиноградский Полтавской губернии (11 уч.) и др.

При этом нужно иметь в виду, что само по себе число участков не является точным индексом обеспеченности населения вниманием участковых агрономов. Ведь, к примеру, один из лидеров единоличного землеустройства в России — Новоузенский уезд Самарской губернии — имел площадь примерно 35,5 тыс. кв. верст, что превышало площадь Бельгии и немногим уступало площади Нидерландов, Дании и Швейцарии. Один участковый агроном там приходился почти на 1,8 тыс. кв. верст, а в Николаевском уезде с площадью в 28,5 тыс. кв. верст — на 2,4 тыс. кв. верст, в Елисаветградском уезде — на 920 кв. верст. и др. Иногда земства шли дальше и дробили участки на более мелкие единицы, например, волости, где агрономической помощью заведовали лица с низшим агрономическим образованием (Олонецкая, Харьковская, Вятская, Полтавская и другие губернии)⁴.

Что касается районов землеустройства, то здесь на 1 агронома приходилось от

¹ ГУЗиЗ. Итоги работ... С. 7–8.

² Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 14.

³ Там же. С. 14–15.

⁴ Морачевский В. В. (ред.) Агрономическая помощь... С. 170.

56 тыс. дес. в Полтавской губернии до 3900 тыс. дес. в Олонецкой с числом хозяйств в диапазоне от 103 в Костромской до 2437 в Вятской губернии. Среднеимперский показатель — 213 тыс. дес. с 836 хозяйствами¹. Агрономическое просвещение страны только начиналось.

8.6.3. Основные направления агрономической помощи

«Организация мелкого хозяйства в смысле технически правильного и экономически выгодного сочетания отраслей составляет основную задачу агрономической помощи в условиях как общинного, так и единоличного хозяйства»², — такова формулировка отчета ГУЗиЗ за 1913 г. Далее поясняется тот несомненный факт, что возможно более полное достижение этой задачи при наименьших затратах сил и средств осуществимо лишь в единоличных хозяйствах, в которых, благодаря консолидации земли, заметно повышается производительность труда, и в то же время самостоятельность владельца дает возможность вести полеводство по той именно системе, которая наиболее выгодна для данного хозяйства в силу конкретных естественных и экономических особенностей.

В то же время вне зависимости от формы землевладения успех работы агрономов в большой мере зависел от той степени воздействия, какую уже успела (или *не* успела) оказать на крестьян агрономическая помощь. Специалисты считали, что поначалу, при общей неподготовленности крестьян к восприятию сельскохозяйственных улучшений, работа агронома, хотя и нацеленная в перспективе на реорганизацию хозяйства в целом, по необходимости ограничивается введением простейших улучшенных приемов, часто в рамках только полеводства. А затем, по мере развития самостоятельности крестьян, уже усвоивших некоторые сельскохозяйственные знания, у агронома появляется возможность одновременного воздействия на все отрасли данного крестьянского хозяйства³.

Отечественной деревне был жизненно необходим комплекс мер, который мог бы убедить крестьян не только в целесообразности применения сельхозмашин и орудий, но и в пользе агрономических знаний вообще, который мог принципиально изменить отношение крестьян к сельскому хозяйству.

Крестьян нужно было убедить, суметь заставить поверить. А затем уже начинали работать законы коллективной психологии, хорошо известные специалистам по маркетингу. Иного варианта, кроме максимально возможного приближения агрономии к крестьянским полям, кроме «демонстрации на местности» в прямом и переносном смысле, как выяснилось, не было.

Агрономическая помощь включала в себя следующие основные направления:

1. Внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний;
2. Проведение показательных мероприятий;
3. Создание прокатных и зерноочистительных пунктов;
4. Улучшение животноводства;
5. Содействие развитию специальных отраслей (садоводству, огородничеству, пчеловодству, льноводству, хмелеводству, виноградарству и др.), которым крестьяне не могли уделять должного внимания, находясь в общине.

Одно из ключевых направлений агрономической помощи — сельскохозяйственное

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 16.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 24.

просвещение крестьян в прямом смысле слова. Внешкольное распространение знаний играло заметную роль в приобщении крестьян к агрикультуре, особенно на начальном этапе, когда очень важно было преодолеть их недоверие к агрономам.

Там, где агрономическая помощь была делом новым, чтения и беседы после них были для обеих сторон прежде всего способом познакомиться. Крестьяне узнавали о задачах агрономической организации. Позже, отмечали специалисты, когда агрономическая работа уже начата, чтения приобретают более практический характер и основной целью их становится пояснение тех технических улучшений, которые осуществляются на показательных полях и участках.

Отнимая у агронома сравнительно немного времени (1–2 часа), сельскохозяйственные чтения и беседы организуются в весьма значительном количестве.

С укреплением агрономической организации возникают новые методы просветительской работы — организация более или менее длительных курсов, цель которых дать усиленную подготовку сравнительно немногим крестьянам, которые могут затем стать проводниками сельскохозяйственных знаний в деревню¹.

В годы Столыпинской аграрной реформы заметно возрос объем мероприятий внешкольного сельскохозяйственного просвещения, что было естественным следствием изменения многих общих условий жизни российского сельского хозяйства.

На первое место В. В. Морачевский при этом ставит возросший интерес крестьян к знаниям, а агрономические мероприятия считает сопутствующим и способствующим фактором.

Он пишет, что за последнее десятилетие почти повсюду стал обнаруживаться усиленный интерес со стороны самого населения ко всем возможным и доступным ему способам улучшения хозяйства и вместе с тем появляться широкий спрос на компетентный совет, на полезную беседу, на систематические курсы по сельскому хозяйству вообще или по отдельным его отраслям, на печатное слово и т. д.²

Здесь соединились несколько процессов, как будто развивавшихся параллельно, а на деле взаимосвязанных. С одной стороны, значительно увеличилась численность агрономического и инструкторского персонала на местах, дающего главный контингент популяризаторов сельскохозяйственных знаний, и в то же время за последние же 7–8 лет существенно вырос институт участковой агрономии, несколько приблизивший агрономическую помощь к населению. С другой стороны, за последнее же десятилетие в русской деревне вместо прежних единиц и сотен возникли тысячи сельскохозяйственных обществ и товариществ, кооперативов. Это позволило лекторам и инструкторам при даче советов и ведении бесед иметь дело не с единичными земледельцами или случайными их группами, а с аудиторией, до известной степени организованной и состоящей из наиболее деятельной в сельскохозяйственном отношении части местного населения, а, следовательно, и в большей мере подготовленной к восприятию и практическому осуществлению сообщаемых сведений³.

Улучшение общих условий агрономической работы в российской деревне способствовало тому, что внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний с каждым годом расширялось и в предвоенные годы стало одним из главных компонентов агрономической помощи⁴.

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 24–25.

² Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 313–314.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 328.

Динамика роста числа чтений видна из таблицы 127.

Таблица 127

Динамика роста числа чтений

Годы	Число пунктов чтений	Число слушателей (тыс. чел.)	Ассигн. деп. земл. (тыс. руб.)	Ассигн. местные (тыс. руб.)
1905	85	31,6	7,5	нет свед.
1906	282	34,4	10	нет свед.
1907	312	36,0	10	нет свед.
1908	415	48,0	20	нет свед.
1909	1964	233,9	33,5	11,7
1910	2491	296,5	35,0	31,4
1911	6429	717,6	143,4	37
1912	11162	1046	175,0	41,7

Источник: Морачевский В. В. (ред). Агрономическая помощь... С. 330.

Нетрудно видеть, что темпы роста, как числа чтений, так и числа слушателей просто фантастические. За 1911 г. было проведено чтений больше, чем за 1905–1910 гг., а за 1912 г. лишь немногим меньше, чем за предшествующие 1905–1911 гг. Впечатляет и цифра слушателей — свыше миллиона (!) человек. И хотя в традиционной историографии пренебрежительно говорится, что это лишь 4% всех крестьян страны, беспомощность этого аргумента совершенно очевидна.

Добавлю, что приведенные выше данные почти наверняка неполны, притом именно за последние годы, — «трудность полного и правильного учета всех случаев чтений при сравнительной новизне этого дела, почти внезапного его росте и недостаточно удовлетворительной организованности его статистики чрезвычайно возросла»¹.

Вместе с тем, оценивая эти показатели, следует помнить, что не все 100% слушателей были людьми, действительно заинтересованными в сельскохозяйственных улучшениях: «Первое время, когда подобные чтения являлись новинкой для населения, собирались три категории слушателей: старики, жаждущие услышать что-нибудь о прирезке земли, затем люди, заинтересованные чтением, как новым зрелищем в зимнее сравнительно свободное время, наконец, тот контингент слушателей, который действительно интересуется чтением; но уже после нескольких чтений остаются лишь те, для кого, собственно, и предназначаются чтения»². Эти слова инспектора сельского хозяйства Саратовской губернии относятся, несомненно, и ко множеству других районов страны. Ведь это было время, когда проектор с диапозитивами назывался «волшебным фонарем».

В 1912 г. подавляющее число чтений имело место в 40 земских губерниях, почти в 90% из 11462 пунктов. И здесь лидировали те губернии, в которых агрономическая помощь пустила уже глубокие корни. Так, в Полтавской губернии чтения проходили почти в 2000 пунктов (это почти $\frac{1}{5}$ всех отмеченных случаев), при этом в 1913 г. здесь отмечено 2732 чтений. В таких губерниях, как Орловская, Тамбовская, Херсонская,

¹ Там же. С. 330, 333.

² Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год... Ч. II. С. 497.

Харьковская, Курская, Черниговская, Екатеринославская, Симбирская, Саратовская число чтений в 1913 г. было не ниже 450. При этом явный прогресс отмечается и в нечерноземных и остальных северно-черноземных губерниях: в Вологодской губернии чтения проходили более, чем в 475 пунктах, в Нижегородской — свыше, чем в 450, в Рязанской и Воронежской — более, чем в 400 в каждой и т. д.¹

В 1913 г. в Орловской, Тамбовской, Херсонской, Курской, Черниговской, Екатеринославской, Симбирской, Саратовской губерниях число слушателей колебалось от 25 до 50 тысяч. Отрадно было, что внешкольные мероприятия активно развивались и теми земствами, где агрономическая организация вообще была развита еще слабо. Например, в Тульской губернии число чтений выросло со 182 в 1912 г. до 332 в 1913 г., а число слушателей увеличилось с 9 до 14 тыс. чел., в Волынской в 1912 г. было устроено 280 чтений при 17 тыс. слушателей, в Могилевской в 1913 г. — 304 и 20 тыс. соответственно. Почти $\frac{2}{3}$ всех чтений организовывались земствами, более 25% — ведомственными учреждениями и их агентами и, наконец, около 13% — сельскохозяйственными обществами и частными лицами².

Аналогичные итоговые данные за 1913 г., к сожалению, пока неизвестны. Мы знаем лишь, что в районах землеустройства за 1913 г. «при недостаточно точной регистрации, все же отмечено по 47 губерниям около 27000 чтений и бесед, причем на 23155 чтениях присутствовало до 774 тыс. слушателей, или, в среднем, около 33 слушателей на чтение. По ряду губерний, для большей наглядности сообщаемых выводов, беседы производились не только в аудиториях, но и при сельскохозяйственных выставках или показательных полях (Рязанская, Пермская губернии), а также во время экскурсий на показательные поля и опытные станции»³.

Исходя из этих данных можно думать, что в 1913 г. общие показатели, по крайней мере, не стали ниже, чем в 1912 г.

Следующее направление агрономической помощи — показательные мероприятия. Южные земства, в частности, Екатеринославское и Херсонское, еще в 1890-х гг. начали создавать сеть показательных полей и участков, которые справедливо рассматривались как форпосты агрикультуры. Одним из эпиграфов к рассматриваемым сюжетам могут быть слова заведующего показательным полем в Верхне-Днепровском уезде Екатеринославской губернии, сельского учителя Сергея Сидоренко: «Показательное поле возбуждает живой интерес у крестьян, но не хватает у них решимости. Они в этом случае походят на человека, который стоит на берегу и смотрит на купающихся и сам имеет большое желание выкупаться, но при мысли, что может быть вода холодна, не решается»⁴. Кофод писал нечто похожее об отношении крестьян к землеустройству.

Его коллега Родион Марченко годом ранее писал: «Крестьяне с живейшим интересом следят за моими посевами, и так как я вообще, благодаря пчеловодству и садоводству, часто с ними сталкиваюсь, то чуть ли не каждый день приходится то с тем, то с другим из них вести беседы и по поводу хлебопашества... Очень многие не только соглашаются, но стараются убедить других и себя в той истине, что лучше сеять меньше, да хорошо обрабатывать, чем сеять много, да плохо!

¹ Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. ... С. 39; *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 333–334.

² Там же.

³ *Губский Н. Н.* Агрономическая помощь... С. 25.

⁴ Отчет Екатеринославского губернского земского управления по Агрономическому бюро за 1898/99 экономический год Екатеринослав. 1900. С. 56–57.

Вообще здесь, как нигде, укоренилась привычка сеять побольше. Отсюда — масса работы: долго сеют, еще дольше молотят, а осенняя пахота производится очень поздно. А то посев часто производится и прямо на стерне под буккер! С таких нив получено не более 3–2, а то и 1 четверти зерна, притом самого плохого качества.

Словом, нужно продолжать эти поистине благодетельные (показательные — М. Д.) посевы и, я уверен, мы будем иметь очень скоро последователей, т. к. **ничто на крестьянина так не действует, как то, что делается на его глазах**: ему как школьнику, от которого, впрочем, он недалеко-то и ушел по своему умственному развитию, мало рассказать, а нужно показать еще и доказать. Полученные мною 8 четвертей с одной десятины служат также немаловажным в этом деле аргументом¹. Однако радиус воздействия показательных полей был ограничен.

Отчет о земской агрономической помощи в Херсонской губернии за 1902–1903 гг. констатирует, что «одно показательное поле в 5 десятин на целую волость — это **слишком ничтожный агент и влияние его микроскопично**»².

Эти жесткие слова — точка отсчета развития агрономической помощи в этой губернии в XX в. В отчете за 1905 г. они повторяются дословно с той лишь разницей, что теперь одно поле приходится уже не на 100, как в 1902 г., а на 88 селений³. Так завязывается *интрига!* А перспектива ее развития такова, что за 10 лет число полей (без показательных участков) увеличилось здесь с 47 до 1491, т. е. в 32,4 раза⁴. Но это в будущем. А пока агрономов волнуют такие проблемы, как наличие при показательных полях сельхозмашин и орудий, которые помогли бы воочию демонстрировать крестьянам улучшенные и правильные приемы обработки почвы⁵.

ГУЗиЗ воспринимало показательные поля как форму организации, оптимально сочетающей индивидуальную и массовую агрономическую помощь, где основным становилось «воздействие на всю массу крестьян через отдельных хозяев, выдающихся своей предприимчивостью».

Практика установила три типа показательных мероприятий — показательные хозяйства, показательные поля и показательные участки. Показательное хозяйство должно было демонстрировать наилучшее сочетание отдельных отраслей хозяйства, показательные поля — выгоды введения подходящих для данного района многопольных севооборотов и применения интенсивных приемов земледельческой техники и, наконец, показательные участки — отдельные улучшенные приемы полеводства.

На показательных участках крестьяне знакомились с такими методами обработки почвы и посева, как ранняя вспашка и осенняя вспашка, двойная вспашка, укатывание, рядовой посев, с применением удобрений, такими культурами, в основном кормовыми, как клевер, тимофеевка, люцерна, костер, кукуруза, а также промышленными растениями, как лен, конопля и т. д. Участки, как правило, не превышали в среднем 1 дес.

Наряду с устройством показательных участков, принимались меры к организации полеводства в его целом, что достигалось закладкой показательных полей, позволяющих оценить преимущества самых выгодных для данной местности севооборотов, с

¹ Отчет Екатеринославского губернского земского управления по Агрономическому бюро за 1896/1897 экономический год. Екатеринослав, 1898. С. 49–51.

² Отчет о деятельности агрономического персонала (Херсонской губернии) за 1902–1903 гг. Б. м. б. г. С. 11.

³ Отчет о деятельности агрономического персонала и мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в Херсонской губернии за 1905 г. Херсон, 1906. С. 7.

⁴ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 653.

⁵ Отчет о деятельности агрономического персонала... в Херсонской губернии за 1905 г. ... С. 10.

использованием тех улучшенных приемов полеводства, которые в отдельности проводились на показательных участках.

В районах землеустройства в конце 1913 г. в 41 губернии имелось 6896 показательных полей, причем 5327 полей, о которых ГУЗиЗ имело сведения, занимали площадь около 52 тыс. дес. По стране распределялись они, разумеется, неравномерно. Так, в 10 губерниях — Витебской, Вятской, Гродненской, Ковенской, Нижегородской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Харьковской и Херсонской — насчитывалось по 200 и более полей, в 16 губерниях — от 200 до 50 полей в каждой, а менее 50 полей зафиксировано в 15 губерниях — Астраханской, Вологодской, Области Войска Донского, Казанской, Калужской, Костромской, Могилевской, Олонецкой, Пермской, Псковской, Петербургской, Рязанской, Смоленской, Ставропольской и Ярославской¹. В последней группе показательные поля не получили значительного распространения прежде всего из-за нехватки агроперсонала и недавнего начала индивидуального обслуживания крестьянских хозяйств.

Одной из важнейших задач рекламируемых севооборотов была помощь крестьянам в скорейшем решении кормового вопроса — ведь с выходом из общины единоличники, как правило, утрачивали выгоны. В северной и центральной полосе кормами служили преимущественно травы, вводимые или в севооборот или в запольных участках, а на юго-востоке и юге — травы и пропашные растения. Иногда в севооборот, сообразно с местной спецификой, вводили лен, как в Витебской, или сахарную свеклу, как в Харьковской губернии.

На раннем этапе агрономической помощи устройство показательных хозяйств было очень популярным — заманчиво было показать крестьянам все преимущества индивидуального хозяйства в комплексе. Однако практика **«обнаружила ряд серьезных затруднений в этом деле и, прежде всего, неподготовленность крестьянского населения, в силу чего владелец показательного хозяйства являлся лишь механическим исполнителем знаний, какие давал агроном, остальные же крестьяне, не будучи знакомы даже с простейшими сельскохозяйственными улучшениями, тем менее могли усваивать совокупность мер, проводимых на показательном хуторе»**². К концу 1913 г. ГУЗиЗ имело информацию о 886 таких хозяйствах в 19 губерниях со средней площадью в 13,3 дес. Другими словами, можно определенно говорить о том, что в планах местных организаций показательные хозяйства уступали место более доступным для крестьян показательным мероприятиям на полях и участках.

При этом с самого начала было ясно, что степень убедительности показательного метода может быть высокой лишь в том случае, если показательное мероприятие проводится в самом обычном, рядовом крестьянском хозяйстве.

Повышение урожаев и доходности, достигнутые именно в таких условиях на показательных полях и участках, имели своим непосредственным результатом массовое применение крестьянами различных приемов земледельческой техники, которые были неизвестны или почти неизвестны им до создания агрономической организации, а также распространение травосеяния и новых культур. Погубернские отчеты приводят множество однородных примеров, подтверждающих тот факт, что влияние показательных мероприятий сказывается очень быстро по введению агрономической организации и затем лишь нарастает с каждым годом. В то же время информация о работе

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 30.

² Там же. С. 31–32.

прокатных станций и сельскохозяйственных складов говорит о том, что воздействие показательных мероприятий распространяется уже не только на отдельных наиболее восприимчивых или состоятельных крестьян, а на целые группы хуторян и отрубников. В ряде губерний фиксируется вполне определенное стремление единоличных владельцев ввести в своем хозяйстве правильное многополье¹.

Мы уже знаем о различиях в темпах роста потребления сельхозтехники отдельными губерниями в годы реформы. Разумеется, и в 1913 г., как и в 1890-х гг. на агрономическом поприще были губернии-лидеры и губернии-аутсайдеры, однако показательно, что в основном первенствовали те из них, где земства раньше других начали устраивать агрономические «миссии». Поскольку степень напряженности сельскохозяйственной работы отдельных земств была различной, то не слишком удивительно поэтому и различия в темпах потребления сельхозмашин и орудий, в подготовленности крестьян к нововведениям в агрикультуре и т.д. Связь между вниманием земства данной губернии к сельскому хозяйству и потреблением сельхозтехники в ней, а равным образом и успехом Столыпинской аграрной реформы — в целом несомненна.

Факты, с некоторой гордостью упоминаемые в отчетах по, скажем, Нижегородской губернии как иллюстрация достижений агрономической помощи («плуги стали ходовым товаром»), вызвали бы улыбку специалистов Екатеринославской и соседних с ней губерний, где на повестке дня стояли проблемы другого качества. Тем не менее **все** примеры так или иначе важны как маркеры начавшегося движения вперед, ибо и на Юге когда-то ситуация аналогичной.

Показательные поля и участки, на которых применялся улучшенный сельскохозяйственный инвентарь, стимулировали увеличение, а иногда и появление спроса у местного населения на рядовые сеялки, железные бороны, экстирпаторы и т. д.

Среди показательных мероприятий как собственно земских, так и проводившихся землеустроительными комиссиями, важное место занимала деятельность прокатных станций сельхозмашин и орудий, а также зерноочистительных пунктов (обозов).

Во-первых, они должны были знакомить крестьян с улучшенным инвентарем и доказывать выгодность его применения, в чем выражалось, по мнению устроителей, показательное действие пунктов, имевшее целью способствовать покупке крестьянами за свой счет необходимых машин и орудий. Вместе с тем считалось, что в силу общих экономических причин крестьянское население, даже убедившись в значении улучшенных орудий, все же затруднено в скорой покупке, а, значит, без оказания крестьянам соответствующей поддержки, распространение многих технических приемов могло бы существенно замедлиться. Тем самым намечалась вторая задача проката сельскохозяйственного инвентаря: помимо своего показательного назначения, прокатные станции должны были путем массового обслуживания крестьянских хозяйств поднять в них технику земледелия уже сейчас и тем самым создать фундамент для дальнейшего их прогресса.

Реализация этой задачи деятельности прокатных станций была очень важна для мало-земельных крестьян: «Крайняя ограниченность их бюджета не позволяет им покупать необходимые орудия даже на условиях льготного кредита; с другой стороны, организация товариществ по покупке инвентаря развивается весьма медленно и, следовательно, лишь улучшив свое полеводство путем длительного прокатного пользования инвентарем», эти крестьяне «могли бы накопить тот запас средств, какой требуется для покупки инвентаря»².

¹ Там же. С. 37–38.

² Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 43–44.

Массовое обслуживание крестьянских хозяйств зерноочистительными станциями должно было показать преимущества очищенных семян. Покупка же соответствующих машин крестьянами в эти годы не приняла широких размеров из-за высокой цены техники, в частности, триеров.

К концу 1913 г. в 47 губерниях, говорится в «Обзоре», имелось 4644 прокатных станции, 3247 зерноочистительных и прочих пунктов и 267 клеверотерочных пунктов. Впрочем, из текста неясно, идет ли речь только о районах землеустройства, или же имеются в виду все подобные пункты в губернии вообще. Исходя из данных по Полтавской губернии, — видимо, лишь районы землеустройства, однако вопрос требует специального изучения. При этом в семи лидирующих губерниях — Волынской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Самарской, Харьковской и Херсонской — каждая из которых имела свыше 200 прокатных станций, было сконцентрировано 2250 таких станций, т. е. 48,4%¹. Это само по себе показывает различия в работе отдельных земств.

В обзоре дается обобщающая оценка роли прокатных станций: «Влияние прокатных пунктов при более долгом сроке их действия сказывается весьма определенно. Ознакомляя крестьян с машинами и орудиями, вполне отвечающими местным условиям, прокатные станции вызвали в крестьянской среде массовый спрос на улучшенный мертвый инвентарь, каковой спрос значительно усилил деятельность сельскохозяйственных складов. Взаимная связь этих двух явлений выражается в том, что обычно крестьянами покупаются орудия тех же марок и фирм, какие имеются на прокатном пункте, тем более, что сама покупка производится нередко при посредстве агрономов, стремящихся вводить у крестьян однотипный инвентарь»².

Конкретные отчеты подтверждают эту точку зрения, в чем мы убедимся ниже.

Значительное внимание в процессе агрономической помощи уделялось **улучшению животноводства**, которое при переходе к единоличному хозяйству было едва ли не самым уязвимым местом. С переходом на хутора и отруба единоличники не могли пасти свой скот в общем стаде, и агрономические организации направили значительные усилия на устройства случных пунктов с целью добиться улучшения породы крестьянского скота. В районах землеустройства к концу 1913 г., по данным ГУЗиЗ, в 41 губернии имелось 3127 случных пунктов крупного рогатого скота с 3650 производителей. Свыше 100 пунктов имелось в Полтавской, Псковской, Самарской и Херсонской губерниях, менее 20 пунктов — во Владимирской, Вологодской, Вятской, Костромской, Московской, Олонецкой, Ставропольской и Тверской губерниях³. Предпринимались меры для развития птицеводства.

Содействие **специальным отраслям** сельского хозяйства в новых условиях было необходимо. Множество источников сообщает о том, что в общинной деревне было практически невозможно завести сад, огород и т. д. Поэтому развитие таких отраслей, как садоводство, огородничество, хмелеводство, виноградарство, пчеловодство постепенно стали занимать видное место в агрономической помощи ряда губерний, прежде всего южных и юго-западных. Устраивались показательные сады, создавались питомники, снабжавшие население посадочным материалом и т. д.⁴

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 46–47.

³ Там же. С. 54–62.

⁴ Там же. С. 62–67.

8.6.4. Агрономическая помощь: информация с мест

Приведенные выше характеристики, безусловно, важны.

Однако они рискуют остаться более или менее абстрактными цифрами, если не будут дополнены реальной информацией агрономических отчетов, позволяющих хотя бы отчасти погрузиться в атмосферу, в которой проводилась агрономическая помощь, в тот круг больших и малых забот, из которых, в сущности, состояла жизнь и деятельность агрономов.

Напомню точную мысль П. А. Столыпина о том, что аграрный вопрос нельзя решить — его можно только решать. Отчеты об агрономической помощи, подобно отчетам о землеустройстве, и дают пример именно *решения* немалой части сложнейшего комплекса проблем, которые обнимаются термином «аграрный вопрос», решения постепенного, но не обязательно медленного, потому что, когда появлялось доверие к агрономам, дело переходило на другой уровень. Так, или примерно так, могло быть и было во многих губерниях.

Мы уже имели возможность убедиться, что крестьяне нелегко впускали в свою жизнь что-то новое — прежде всего это касалось сферы повседневности, в частности, хозяйственных привычек, приемов и т. д.

Поэтому, повторяюсь, усилия правительства и тысяч деятелей агрономической сферы глобально были направлены на преодоление — в самом широком смысле — *недоверия* крестьян к изменению привычного порядка ведения хозяйства. Процесс этот был очень сложен, и методы воздействия на крестьян вырабатывались самой жизнью — где показательные поля, где образцовые хозяйства, где чтения и беседы, выставки и др. Главным было убедить крестьян в том, что и они могут вести хозяйство *так*, поновому, и что им это в конечном счете будет выгодно.

Отчеты об агрономической помощи, с одной стороны, похожи друг на друга, поскольку агрономы везде использовали, в сущности, одни и те же приемы, разумеется, с поправкой на местные условия. Арсенал действий и приемов к началу реформы в общих чертах был известен. Но, с другой стороны, сам процесс преодоления недоверия имел свою — часто очень интересную — нюансировку

Эти отчеты — отнюдь не победные реликвии, они большей частью даже несколько пессимистичны, поскольку в первую очередь описывают борьбу с человеческими предубеждениями, проводимую не всегда в благоприятных условиях. Писали отчеты люди, которые взяли на себя миссию приобщения земледельцев к достижениям сельскохозяйственной науки. Труд это был нелегкий, сколько можно судить по отчетам, содержащим своего рода педагогическую пусть не поэму, но балладу, притом же, хотя и посвященную жизни деревни, но отнюдь не буколического свойства.

Привлекательная черта отдельных отчетов — большая эмоциональность, непосредственность авторов, что вообще характерно для источников такого рода. Они позволяют представить круг забот земских агрономов, меру их трудов и цену их маленьких — и не маленьких! — побед над повседневностью.

Жизнь агронома — своего рода подвижничество с явным привкусом миссионерства.

Эти попытки объяснить, когда тебя не очень расположены слушать.

Это попытки учить, когда ученики часто годятся тебе в отцы и соответственно оценивают твое мнение.

Кроме прочего — это кочевническая жизнь, это сотни и тысячи верст проселочных дорог, это ночевки не всегда в самых комфортных бытовых условиях, это месяцы и годы, проведенные в рутинной, на первый взгляд, достаточно скучной жизни, и надо было очень любить свое дело и обладать ощущением своей Миссии, чтобы заниматься им неравнодушно. Ведь прикладная педагогика, — а агрономическая помощь в большой мере именно ею и была, — как и всякая педагогика, одним из залогов успеха имеет увлеченность учителя своим предметом.

Однако постепенно эта многолетняя повседневная рутина начинала приносить плоды, и тогда тональность отчетов менялась. В этом смысле отчеты Херсонской и ряда других губерний (тут все зависело от внимания земств и Землеустроительных комиссий к этой сфере), читаемые подряд год за годом, слегка напоминают советские производственные фильмы, в которых главный герой проходит славный путь от Золушки мужского или женского рода до высот, определявшихся фантазией сценариста и общественно-политическим климатом в стране в год выхода фильма на экран¹.

О том, как зачастую начинался этот «кинофильм» (агрономическое просвещение) можно судить по следующим, например, сообщениям: «В крестьянской массе были и такие хозяева (есть и теперь), которые самое появление агронома в деревне считали явлением совершенно лишним, ненужным. Им казалось странным, что **приехал какой-то сравнительно молодой человек, в городском платье, и будет учить их, пожилых деревенских жителей, как хозяйничать в поле**, — учить тому самому делу, на котором они родились, выросли и что для них самих настолько ясно и просто, что вряд ли они и нуждаются в чьих-либо советах и указаниях. Так относится большая часть крестьянской массы к выступлениям агронома.

Встречались и такие хозяева, которые отрицали всякую возможность отступлений от дедовских и отцовских правил хозяйничанья; но наряду с этим ... находились и люди, которые верили моим словам о том, как хозяйничают в иных местах опытные хозяева и как ведется хозяйство на некоторых опытных полях. Правда, таких лиц было немного, но они были. Во время таких бесед никогда не упускал случая поговорить о недостатке кормов, о возможности травосеяния и о прочих улучшениях крестьянского хозяйства. Как результат таких поездок и бесед, явилась возможность заложить к весне 1911 года одно показательное поле и ряд показательных участков»².

Схожим образом сельское население встречало агрономов и в Воронежской губернии: «Нельзя сказать, чтобы первые чтения привлекали много слушателей и вызывали большое внимание и интерес крестьян. Чтения посещались большинством просто из любопытства, в значительной доле вызываемого световыми картинками, плакатами и другими пособиями.

К советам и указаниям на чтениях большинство относилось недоверчиво: **смушало то, что неизвестно почему появился человек, называющий себя агрономом, который теперь приезжает сообщать, как надо вести крестьянское хозяйство**; было скептическое отношение к тому — знает ли этот агроном сам хорошо то, что говорит, умеет ли практически заниматься сельским хозяйством; не верилось в возможность многого, что рекомендует агрономом, применить к крестьянском хозяйстве»³.

¹ Уместна и аналогия с голливудскими спортивно-шпионскими боевиками, где герой много и упорно тренируется, чтобы в хэппи-энде всех победить.

² Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1911 год. Екатеринослав, 1912. С. 58.

³ Отчеты инспекторов ... за 1911 год. Ч. II. С. 478–479.

Трудно сомневаться в том, что подобные эмоции испытывало большинство агрономов в начальный период своей деятельности, когда они знакомились с хозяйственным строем подведомственной территории. Ведь «экономические условия хозяйств — это те двери, через которые агрономии приходится вносить весь багаж технических улучшений; среди этих последних многие и многие могут оказаться не ко двору крестьянина. Изучить законы исторически сложившихся отправлений хозяйственного организма, чтобы не войти с чуждой ему вермишелью улучшенных технических приемов — обязательное предисловие агрономической работы»¹ — так, в духе организационно-производственной школы формулировал подмосковный специалист свое видение проблемы.

Начинали агрономы с безнадежных, казалось бы, ситуаций, с того, что даже те крестьяне, которые арендовали показательные поля, не выполняли остальных советов агронома, будучи убеждены в том, что **«урожай не дело рук человеческих и что агроном советует “так, абы так”**»². «Агрономами отмечается усиленное желание населения чистить семена льна и предубеждение против очистки семян хлебов»³.

Препятствия психологического плана, которые приходилось преодолевать агрономам на пути просвещения крестьян, не сводились, понятно, к одному лишь недоверию. Проблема была намного шире, и этот термин обнимал едва ли не весь самый сложный комплекс жизненных и хозяйственных привычек, сформировавшийся у крестьянства разных регионов страны и у каждого отдельного крестьянина.

Например, малое распространение минеральных удобрений в Саратовской губернии инспектор связывает с тем, что, во-первых, «довольно богатая почва при маломальски порядочной обработке и без того дает хорошие урожаи», а во-вторых, крестьяне в массе своей настроены на немедленную отдачу от нововведений, в то время как из-за сухого климата Нижнего Поволжья искусственное (не навозное — М. Д.) удобрение в первый год часто не приносит ожидаемого эффекта⁴.

«Истек второй год моей деятельности агронома при Землеустроительной комиссии, срок сравнительно небольшой, но все-таки позволяющий оглянуться назад и подвести итоги тому, что могло быть сделано и в действительности исполнено в ряду мер по оказанию агрономической помощи хозяйствам единоличного владения»⁵ — с такой несколько робинзоновской интонацией начинает свой отчет за 1911 г. П. Алекторов, агроном землеустроительной комиссии Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, судя по всему, достойный человек и профессионал.

Рассказывая о своей многообразной работе, он отмечает тормозящее влияние **«той косности и предубежденности ко всяким новшествам**, с которыми относится население к предлагаемым улучшенным способам хозяйничанья»⁶; говорит о том, что «беседы по наиболее интересующим крестьян вопросам производились в каждую поездку по хуторам и отрубам. Следует сказать, что в массе слушателей имелись и лица, относившиеся в высшей степени недоверчиво как к агроному, так и ко всему тому, что предлагалось и говорилось им, были, наоборот, и лица, имевшие желание поставить у

¹ Романенко П. Отчет агронома при Волоколамской уездной Землеустроительной комиссии за 1912 год. М., 1913. С. 13.

² Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1911 г. Херсон, 1912. С. 21.

³ Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 22 губерниям России за 1912 г. Пг., 1914. С. 132.

⁴ Отчеты инспекторов ... за 1911 год. Часть II. С. 503.

⁵ Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской ... комиссии за 1911 год. ... С. 56.

⁶ Там же. С. 57.

себя тот или иной опыт; вообще же ничто не действует так убедительно на слушателей, как примеры и опыты, производившиеся где-нибудь поблизости»¹.

Финал отчета вновь заставляет вспомнить героя Даниэля Дефо: «Оканчивая свой годовой отчет, приходится с грустью сознаться, что за два года моей агрономической деятельности в уезде не был перейден тот минимум мер, улучшающих сельское хозяйство, когда результаты деятельности могли бы оказаться особенно ясно и выпукло, и где содержание деятельности моей как агронома было бы особенно доказательно и связано с каким-нибудь коренным улучшением и изменением хозяйственного строя.

Однако всю неуспешность распространения агрономических мероприятий взваливать на одно лицо едва ли будет возможно. **Объектом улучшения служат хозяйства громаднейшего района, большая часть владельцев которых недостаточно ясно сознает нужду в агрономической помощи и в большинстве случаев относится отрицательно и недоверчиво ко всяким предлагаемым улучшениям.**

Наш хозяин юга России, имеющий достаточный земельный надел, обеспеченный разными заработками и средствами и чувствующий малую потребность в удовлетворении своих нужд, **не особенно радуется увеличению урожая в пять-десять пудов.** Всегда в его голове складывается мысль, уж стоит ли морочить голову, чтобы получить такие результаты.

Далее — неуспешность приходится отнести к тому явлению, что **необходимость агрономической помощи приходится доказывать и объяснять тому земледельческому населению, сельскохозяйственный промысел которого надлежит улучшать; в массе же населения... мало чувствуется тот живой подъем и стремление к улучшению хозяйства, которые служат залогом успеха каждого дня»².**

Как можно видеть, в описании этой как бы «робинзонады» встречаются весьма важные сведения о настроениях крестьян-единоличников, которые не вполне согласуются с мажорными обобщениями ряда агрономов и землеустроителей о якобы поголовном преображении крестьянства после перехода на хутора и отруба.

Все, как всегда, было сложнее.

У нас есть сотни свидетельств, констатирующих скверное в целом состояние крестьянского сельского хозяйства буквально во всех районах Европейской России (не считая Польши и Прибалтики). С некоторыми из них, как кажется, полезно познакомиться, чтобы лучше представлять точку, с которой начала отсчет агрономическая помощь в годы реформы.

Губернский агроном Екатеринославской губернии в конце 1890-х гг. констатирует, что на ее территории «существует беспорядочная система полеводства, при которой скотоводство может существовать в пределах минимальных», что поля засорены и урожайность падает, «количество скота не удовлетворяет самым средним требованиям домохозяйства и полеводства... Средств к приобретению нужных сельскохозяйственных познаний — практическим путем крестьянин не имеет — так как он окружен себе подобными хозяевами — более культурные земледельческие хозяйства уступают место тем же крестьянам; приобрести же их иным путем — путем печатного слова он не может, так как он в большинстве случаев даже и неграмотен»³.

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 65–66.

³ Отчет Екатеринославского губернского земского управления по агрономическому бюро за 1897/1898. Екатеринослав. 1899. С. 59–62.

Один из его подчиненных не без иронии сообщает: «Опыт показывает, что применение в бессистемном полеводстве усовершенствованных орудий дало возможность сельским хозяевам увеличить запашки, уменьшить толоки и сенокосы, сократить скотоводство, развести в изобилии бурьяны и всех родов полевых вредителей. а средняя урожайность главнейших хлебов упала: ржи и ячменя до 45 пудов с десятины: пшеницы — до 40 пудов». Хотя за последние 10 лет заметны некоторые признаки прогресса — расширилось использование усовершенствованной сельхозтехники, наблюдаются попытки посева корнеплодов и особенно кукурузы, более тщательной обработки почвы и т. д., но все эти частные улучшения не могут переломить ситуацию в корне «без правильной организации полеводства и без правильной системы хозяйства», которых невозможно достичь крестьянам-общинникам, связанным общинным землепользованием¹.

Другой агроном, отмечая интерес крестьян к показательному полю, которое они часто осматривают и сравнивают со своими посевами, добавляет, что «большое зло у крестьян — почти ежегодные переделы, отбивающие охоту и у желающих очистить и удобрить свой участок. В настоящем году несколько крестьян посадили на поле картофель и кукурузу, очистили землю, предполагая в следующем году посеять на том месте пшеницу, но в этом же году крестьяне затеяли передел и все предположения рухнули и отбили охоту даже к подобного рода очистке, не говоря уже о паре.

Показательное поле по переделу также перенесено на другой участок, где опять сызнова нужно начинать очистку. Причина частых переделов кроется в том, что большинство крестьян, не только не думают об очистке, но сами засевают овсюг вместе с хлебом и засаривают нивы настолько, что кроме овсюга ничего не получают, и вот, видя, что соседи с хлебом, получившие овсюг затевают передел, рассчитывая променять по жребью свою ниву на другую, быть может, не настолько засоренную, а так как таких большинство, то протесты очищавших землю остаются гласом вопиющего в пустыне. В таком положении, мне кажется, земледелие у крестьян будет до тех пор, пока крестьяне не выкупят своих наделов»².

В 1908 г. агроном Ананьевского уезда соседней Херсонской губернии пишет, что в этом уезде, распаханном «до последних пределов... характер полеводства на наделных землях находится в самом неудовлетворительном состоянии, и **причины хронических недородов надо искать не в почвенных и климатических условиях, а исключительно в приемах обработки земли и т. д., вообще полеводства.**

Плодородие и богатство почвы Херсонской губернии, этой поистине житницы России, ярко обнаруживается при рациональной ее обработке и пользовании ею у немногих частных владельцев, которые собирают урожаи в 3–4 раза большие, чем крестьяне; земские показательные поля, которые обрабатываются тем же малосильным крестьянином с самыми доступным инвентарем для всякого среднего земледельца, дают урожай в 2 раза и более, чем рядом лежащие крестьянские поля. Бесспорно, **все бедствие неурожая истекшего, как и других прошлых лет, лежит в некультурной обработке земли, хаотическом пользовании землей, в чересполосице, не дающей возможности разбить степь на клинья, в отсутствии признаков какого-либо правильного плодосмена»³.**

¹ Отчет Екатеринославской губернской земской управы по агрономическому отделению за 1900/1901 экономический год в сельскохозяйственном отношении. Екатеринослав, 1902.

² Там же. С. 99.

³ Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в (Ананьевском уезде Херсонской губернии). Б.м.б.г. С. 3.

В том же году земский агроном 2-го участка Гадячского уезда Полтавской губернии пишет свой первый годичный отчет со времени введения в уезде агрономической организации. В его участок вошли 6 волостей, в которых, по данным «Списка населенных мест в Полтавской губернии» за 1904 г., жило до 7 тыс. крестьян-общинников, имевших порядка 45 тыс. дес. земли.

Автор отмечает, что «изучить и воздействовать на такую массу — работа, требующая и больших сил, и значительного времени», тем более, что до последнего времени эта сфера жизни деревни не привлекала к себе особого внимания ни правительства, ни земства, а значит, у агрономов практически отсутствует «преемственно годами накопленный опыт» и нет живой связи между ними и населением. Следовательно, каждый агроном фактически должен начинать работу с нуля.

Помимо этого, общественная агрономия существенно разнится с другими направлениями земской деятельности, например, с земской медициной, история которой насчитывает уже не один десяток лет и которая уже приобрела известную популярность среди сельского населения. Ни врач, ни фельдшер, в отличие от агронома, не ищут своих клиентов. Кроме того, крестьяне уже осознали, что «в совершенно темной для него области лечения болезней необходимы специальные познания, необходима наука»¹.

В этом плане положение общественной агрономии весьма неблагоприятно. Уже случившимся недородам агрономическая помощь не поможет. А «весь комплекс жизненных форм и явлений», характеризующий хозяйственный уклад российской деревни, — падение урожаев и снижение производительности земли, «засорение и одичание полей, несоответствие старых форм землепользования новым указаниям науки и практики» — стали фактами, к которым крестьянство шло постепенно в течение ряда десятилетий и с которыми «так свыклось ... что для своего сдвига в сторону массового сельскохозяйственного прогресса требует громадного напряжения и полной мобилизации сил и средств как правительства, так и общественных организаций»².

Подчеркнем не только констатацию плохого состояния полеводства, но — что, может быть, еще хуже — возникшую привычку крестьян к этому положению. Трудно сомневаться, что это относилось только к Полтавской губернии.

Сельскохозяйственный промысел, продолжает автор, является «исконным массовым промыслом местного сельского населения, выработавшего и годами накопленный соответственный практический опыт, передаваемый по наследству из поколения в поколение, и превративший это занятие в ремесло, — в комплекс универсальных технических приемов, мало считающихся со всем разнообразием местных почвенных и климатических условий»³.

В силу этого у крестьян выработалась соответствующая психология, сознание того, что «лучшим знатоком сельского хозяйства может быть только крестьянин-хлебороб, так как, кому же лучше знать это дело, как не ему, с предков всю «свою жизнь занимающемуся этим промыслом». Психология эта, конечно, вполне понятна, продолжает автор, тем более, что и среди сельской интеллигенции встречаются люди, полагающие, что если уж сельским хозяйством занимается простой крестьянин, то и им не сложно стать «хорошим и понимающим дело сельским хозяином»⁴.

¹ Отчет о деятельности агронома 2-го района Гадячского уезда Полтавской губернии за 1908 г. Гадяч 1909. С. 1–2.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 3.

Такой «упрощенный взгляд на занятие сельским хозяйством, не как на искусство, дающее человеку возможность применять к сельскому хозяйству данные науки о природе и ориентироваться при самых разнообразных и изменяющихся условиях места и времени (почва, климат, погода и т. д.), а как на занятие, не требующее помощи науки и состоящее из однообразных, более или менее совершенных технических, выработанных практикою, приемов, для усвоения которых требуется только время, этот взгляд принес прогрессу сельского хозяйства неисчислимый вред, отодвинув на местах вопрос об агрономической помощи на десятки лет и даже в настоящее время ставит работников общественной агрономии в очень невыгодные условия»¹. Кроме того, нужно иметь в виду, что **массовый** прогресс в сельском хозяйстве происходит очень медленно, а корректная регистрация всех отдельных случаев улучшений в этой сфере затруднена.

Как мы видим, большой разницы между губерниями, в которых земство начало агрономические мероприятия в 1890-х гг. и в 1908 г., нет. В принципе это понятно — до введения участковой агрономии говорить о сколько-нибудь массивном воздействии пропаганды сельскохозяйственных знаний на крестьян не приходится. Однако земства, раньше начавшие заниматься агрономической помощью, как, например, Екатеринославское, Херсонское, Полтавское, при прочих равных имели больше опыта и навыков, чем те, для кого общественная агрономия была внове, и эти приобретенные навыки не замедлили сказаться в ходе реформы. К тому же, хотя бы в некоторых местах, крестьяне не считали уже слишком экзотичной фигуру агронома.

Теперь охарактеризуем вкратце ход агрономической помощи в губерниях разных экономических районов.

Владимирская губерния

В отчете правительственного агронома об агрономической помощи за 1911 г. во Владимирской губернии отмечается, что «стремление к улучшению и нововведениям в области сельского хозяйства как среди общинников, так и среди единоличных владельцев растет вширь и вглубь; все больше и больше хозяев начинает интересоваться постановкой основного своего промысла на новых началах»

Владимирская губерния по своим естественным и экономическим условиям относилась к району, в котором молочное дело имело большую будущность при условии широкого развития кормовой базы. В 1910 г. 13% общин завели травосеяние. При этом луга в губернии находились в запущенном состоянии, а могли, по мнению специалистов, давать не 50, а 75 млн пуд. сена².

В 1911 г. было проведено 139 чтений и бесед, причем наиболее популярной темой было кормодобывание, затем полеводство и скотоводство с молочным делом³.

По 5 земским уездным складам продажа сельхозмашин и машины и орудий выросла с 22,9 тыс. руб. до 43,9 тыс. руб⁴. В 1911 г., благодаря льготному отпуску Департаментом Земледелия сельхозмашин для прокатных пунктов, значительно выросло число зерноочистительных машин, соответственно чему увеличилось количество отсортированных семян. Из 41 сортировки, полученной в 1908–1911 гг. от Департамента,

¹ Там же. С. 3–4.

² Отчеты инспекторов... Ч. I. С. 192.

³ Там же. С. 189–190.

⁴ Там же. С. 194.

24 появились в 1911 г. Всего в губернии на земских и общественных пунктах 209 зерноочистительных машин, в том числе 59 триеров¹.

Наконец, в 1912 г. в губернии должен был работать 61 агроном.

Тверская губерния

В губернии до середины 1911 г. не было ни инспектора сельского хозяйства, ни правительственного агронома, и Департамент Земледелия не вел никаких агрономических мероприятий непосредственно через своих агентов. До 1911 г. земская агрономическая организация была лишь в 4-х уездах, причем в Тверском и Весьегонском она появилась только в 1910 г., когда тамошние земства пригласили по одному агроному на уезд. Раньше такая организация возникла в Бежецком и Новоторжском уездах, и там «планомерная деятельность... успела в 1911 г. уже заметно проявиться. В остальных уездах она выражалась почти исключительно в развитии операций земских сельскохозяйственных складов и в **случайном** проведении отдельных мероприятий»². С 1911 г. во всех уездах, кроме Старицкого, появилась участковая агрономия, однако агрономов, говорится в отчете, не хватало.

В Тверской губернии, как и в соседних с нею, проблема кормодобывания была одним самых насущных вопросов, решение которого требовало практического содействия со стороны земства и агрономической организации. Отсюда и расстановка земцами приоритетов — во-первых, развитие полевого травосеяния, во-вторых, улучшение лугов, в-третьих, осушение болот и, в-четвертых, введение культуры корнеплодов. Инструкторы по луговодству с 1911 г. организовали специальные прокатные пункты машин и орудий, необходимых при культивировании кормовых растений и улучшении лугов³.

Степень лаконизма информации отчетов по Владимирской и Тверской губерниям ясно показывает, что для них уровень Херсонской губернии даже 1902–1903 гг. был еще чрезвычайно отдаленной перспективой. Более пространны, хотя лишь немногим более содержательны, и отчеты инспекторов Псковской, Новгородской, Смоленской, Могилевской и многих других нечерноземных и северно-черноземных губерний, в которых объем текста прикрывает очевидную скудость содержания. Материала для победных реляций, по понятным причинам, у них пока было немного.

Все отчеты так или иначе рисуют движение сельского хозяйства вперед, но если в губерниях ЦПР и ЦЧР — это описание первых робких шагов, то в южных губерниях, где земство давно ввело агрономию, не утруждают себя подробностями, которые так радуют северных коллег, — там этот этап был пройден без всякой реформы. Если в таких губерниях, как Нижегородская, весьма бодро сообщают, что плуги стали ходовым товаром, то на Юге думают о распространении сеялок и зерноочистительных машин.

Выше говорилось, что количественный анализ данных о перевозках сельхозмашин и орудий позволил разделить губернии Империи на 3 категории и что традиционный анализ поуездных материалов Переписи сельхозтехники 1910 г. подтвердил правомерность такой группировки. Источники по агрономической помощи показывают, что во многих случаях различия в уровне последней между губерниями ЦПР (кроме Московской) и ЦЧР и губерниями 1-й, да и 2-й категории получения был ничуть не меньше, чем в уровне обеспеченности сельхозтехникой.

¹ Там же.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 208.

Однако и эти самые первые шаги агрономического просвещения крестьян сразу же начали приносить плоды, о чем свидетельствуют данные «Сводной статистики».

Минская губерния

По обеспеченности сельхозтехникой она была лидером среди Белорусских губерний, имея 31-й ранг по Переписи 1910 г., 31-й и 36-й ранги перевозок в 1910 и 1913 г. соответственно.

Однако едва ли в этом была заслуга земства, введенного только в 1911 г. Упрощенное земство кредитовало на нужды сельского хозяйства 0,58% бюджета. Выборное земство в 1912 г. сразу же увеличило этот показатель до 3,71% бюджета, что составило 132 тыс. руб. «Такое щедрое, на первый взгляд, ассигнование естественно находит себе оправдание в насущной необходимости поднятия культурного уровня хозяйств в губернии, где пока вообще еще мало сделано», — говорится в отчете¹. Во всех 9 уездах появились уездные агрономы, несколько выросла общая численность агрономического персонала (в 1913 г. всех правительственных специалистов насчитывалось 39 человек)², появились прокатные станции, усилилась деятельность сельскохозяйственных складов³.

В губернии работало всего лишь 28 прокатных станций и 30 зерноочистительных пунктов. Не было ни одного показательного поля, но имелись 2019 показательных участков и 61 показательный хутор. В ходе работ по землеустройству губерния была разделена на три естественно-исторических района, во главе которых стояли три районных агронома и один губернский, которым помогали 3 участковых агронома. На местах было создано 20 сельскохозяйственных центров в гнездах наибольшего хуторского расселения под надзором 20 старост и другого персонала⁴.

В течение 1912 г. губернское земство и Минское общество сельского хозяйства организовали за счет средств ГУЗиЗ курсы по различным отраслям сельского хозяйства, а уездные земства наметили устройство курсов на 1913 г.⁵

Открылись 4 прокатные станции в сельскохозяйственных обществах (Мозырско-Речицком отделении Минского общества, Аннопольском кредитном т-ве), которые обеспечили сельхозтехнике должный уход и помещение, «и таким образом, в губернии проявилась впервые кооперативная самодеятельность, **до сих пор незаметная за недостатком средств, а также необходимой инициативы**. По имеющимся сведениям, устроенные пункты служат уже связующим звеном между населением и обществами, пробуждая и то и другое к усиленной работе».

На прокатных станциях крестьяне активнее всего брали плуги, железные бороны «Зигзаг», окучники и рядовые сеялки, спрос же на остальные орудия был меньше. Важно следующее замечание отчета: «Касательно же рядовых сеялок надо сказать, что они вводятся впервые только на 10 пунктах ввиду **новизны их даже и для частновладельческих хозяйств, однако уже начинают приобретать симпатии крестьян на хуторах, благодаря учету (сравнительных) опытов посева вразброс и в ряды**». Учет сортированного материала на пунктах показал, что засоренность кре-

¹ Отчеты инспекторов... за 1912 г. С. 164.

² Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 247.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Отчеты инспекторов... за 1912 г. С. 168.

стьянских хлебов в губернии достигает огромных размеров. Так, например, из 882 пуд. овса, поступившего на очистку в д. Малые Луки Новогрудского уезда, отходы составили 218 пуд., или 24%, из 238 пуд. ячменя — 64 пуда, или 26% соответственно, из 53 пуд. пшеницы — 16 пуд., т. е. 30%, из 32 пуд. ржи — 12 пуд., т. е. 37%¹.

В отчете говорится, что даже простейшие мероприятия — зерноочистительные и прокатные станции, показательные участки способствовали «заметным успехам» агрономической помощи по полеводству на хуторах, хотя применялись лишь 3 года. В 1913 г. посевы лупина и клевера стали распространяться в хуторских хозяйствах губернии. В частности, Минский земледельческий склад доставил в с. Колбчу Игуменского уезда и его окрестности первую партию томасшлака в 10 тыс. пуд. До этого минеральное удобрение в данном районе было совершенно неизвестно².

К более сложным агрономическим мероприятиям относились показательные хутора, на которых урожайность нередко достигала уровня помещичьих хозяйств. Под влиянием этих благоприятных результатов соседние хуторяне стали заводить у себя многопольные севообороты с посевами кормовых растений — «с течением времени это движение несомненно примет еще большие размеры, ибо мероприятия по землеустройству проводятся лишь в течение трех лет»³.

Важным шагом на пути сельскохозяйственного прогресса стало начавшееся в ходе реформы развитие маслоделия: «Появление маслоделен в деревнях и изготовление масла на глазах у крестьян вызвало необыкновенный успех начинания, и во многих пунктах хуторского расселения ныне замечается стремление образовывать молочные артели, что поддерживается всеми мерами, а некоторые крестьяне-хуторяне выразили настойчивое желание приобрести сепараторы небольших размеров»⁴.

Могилевская губерния

Невнимание земства к сельскому хозяйству проявлялось здесь даже в большей степени, чем в Минской губернии.

В губернии с 1903 г. было введено упрощенное земство, и с 1904 г. оно ассигновало некоторые суммы на агрономические мероприятия. Заметим, что в излишней щедрости земство упрекнуть нельзя — с 1904 по 1910 г. ассигнования выросли с 3,8 тыс. руб. до почти 15 тыс. руб., а в 1911 г. увеличились сразу до 40,5 тыс. руб., конечно, за счет Департамента Земледелия. Характерно, что в большинстве случаев и эти весьма скромные — по масштабам губернии — деньги не расходовались полностью. Даже в 1911 г. из-за нехватки агрономического персонала не было использовано 24 тыс. руб. Должность правительственного агронома была учреждена лишь в самом конце 1911 г.⁵.

Дефицит агрономических кадров — при губернской управе в 1911 г. имелось всего 10 специалистов — привел к тому, что «более постоянная и правильная работа агрономов» велась главным образом в Могилевском, Мстиславском, Оршанском, и Сенненском уездах⁶. При этом во всех уездах земство открыло зерноочистительные пункты с 69-ю сортировками⁷.

¹ Там же. С. 174–175.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. I. С. 266.

⁶ Там же. С. 268.

⁷ Там же. С. 272.

Из-за нехватки средств первые земские склады в губернии появились лишь в 1912 г. Рогачевский был открыт в марте, оборот его составил 15,1 тыс. руб., из них 10,0 тыс. руб. пришлось на машины и орудия. Гомельский склад начал работу в июне и продал товаров на 7,1 тыс. руб., в том числе на 4,5 тыс. руб. машин и орудий. При этом у них было куплено плугов соответственно 100 и 25, веялок — 46 и 52, молотилок и приводов — 43 и 25¹.

Куда плодотворнее была деятельность землеустроительных комиссий, начавших проводить агрономические мероприятия с 1909 г. В 1910 г. Департамент Земледелия отпустил на агрономическую помощь в Могилевской губернии 38,4 тыс. руб., в 1911 г. — уже 108,4 тыс. руб². Комиссии создавали показательные хутора с прокатными станциями при них. В конце 1911 г. в губернии насчитывалось 33 таких станции и 28 зерноочистительных пункта. Было заложено 52 показательных участка³. С 1910 г. началось быстрое развитие учреждений мелкого сельскохозяйственного кредита. Число кредитных товариществ на начало 1911 г. достигло 30, а на начало 1912 г. — уже 60. Размер ссуд, выдававшихся ими, был довольно значителен — в 1910 г. более 500 тыс. руб., в 1911 г. — свыше 1400 тыс. руб. В губернии имелось также 15 ссудосберегательных товариществ с общим балансом в 214 тыс. руб.⁴

В 1913 г. в губернии работало 13 агрономов, 3 специалиста-инструктора и 56 агрономических старост и практикантов. Немного, учитывая, что площадь губернии составляла 4,4 млн дес., т. е. равнялась Словакии (49 тыс. кв. км), и на одного агронома приходилось в среднем 338 тыс. дес. Должность правительственного агронома была замещена только в конце 1911 г., а большинство указанных специалистов пришло в 1912 г.⁵

Проводившиеся сельскохозяйственные курсы повлияли на развитие молочного хозяйства — крестьяне (особенно хуторяне) начали покупать сепараторы и маслобойки лучших систем, переходить от деревянной посуды к металлической, улучшать кормление скота и употреблять в корм корнеплоды. По данным инструктора, в Оршанском уезде в 1910 г. у крестьян было 15 сепараторов, в 1911 г. — 27, а в 1912 г. — уже 60. В Могилевском, Быховском и Рогачевском уездах были созданы прокатные станции болотных и луговых орудий

Специалисты активно пропагандировали идею сельскохозяйственных кооперативов, придавая им «огромное значение» в развитии самостоятельности населения, и правительственный агроном «при всяком удобном случае, особенно на сельскохозяйственных курсах проводил мысль о необходимости открытия мелких крестьянских сельскохозяйственных обществ, при подходящих условиях также молочных артелей, разясняя значение их и способы организации»⁶.

Всего к концу 1912 г. насчитывалось 19 сельскохозяйственных кооперативов, причем большинство из них имело прокатные станции. Население «весьма охотно пользовалось» имеющейся на них сельхозтехникой, что имело большое значение в смысле распространения усовершенствованных машин и орудий и улучшения технических приемов хозяйства. Ряд обществ имел и склады, причем Могилевским складом

¹ Отчеты инспекторов... за 1912 г. С. 188.

² Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. I. С. 274.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ Отчеты инспекторов... за 1912 г. С. 191.

⁶ Там же. С. 197.

в 1912 г. продано товаров (в основном машин и орудий) на 58,8 тыс. руб., а Быховским — на 17,9 тыс. руб.¹

Поскольку агрономическая помощь в губернии в это время еще не достигла сколько-нибудь широких размеров, значительный рост получения сельхозмашин и орудий накануне Первой Мировой войны следует отнести за счет наличия в ней 31,2 тыс. хуторов и отрубов.

Орловская губерния

В 1906 г. Орловское земство по горячим следам аграрных погромов упразднило свою агрономическую организацию, и в годы реформы ее пришлось восстанавливать заново. В 1910 году губернское земство не имело даже губернского агронома.

Деятельность земства в сфере сельского хозяйства ограничивалась сельскохозяйственным бюро, которое занималось не столько распространением улучшенных сельхозмашин и орудий среди крестьян Орловской губернии, сколько массовой выпиской на комиссионных началах машин и орудий для многих губернских и уездных земств. В августе 1910 г. это бюро преобразовалось в товарищеское на вере предприятие губернских земств — Орловского и Пензенского, а также до 15-ти уездных земств различных губерний.

Помимо этого, губернское земство в 1910 г. практически осуществляло еще одно сельскохозяйственное мероприятие — борьбу с вредителями сельского хозяйства, которая сводилось к наблюдениям за распространением озимой совки, которые вел студент Киевского университета, командированный за счет Департамента земледелия. В стадии ожидания окончательного решения находились вопросы о создании низшего училища садоводства и сети опытных полей.

Едва ли в лучшем положении находилась агрономическая деятельность и уездных земств — в начале 1910 г. было два агронома — в Севском и Трубчевском уездах, из которых последний перешел на службу Орловской губернской землеустроительной комиссии, и во всей губернии, таким образом, остался один уездный земский агроном.

Остальные уездные земства или оплачивали разъезды откомандированных в их распоряжение 23 инструкторов и практикантов по полеводству специальным отраслям сельского хозяйства, или «совершенно не развивали никакой агрономической деятельности»².

Наконец, земство решило восстановить ликвидированную в 1906 г. агрономическую организацию, ввести участковую агрономию на совместные с Департаментом Земледелия средства, что и было сделано с 1 мая 1911 г. Однако вплоть до зимы на некоторых участках в Болховском, Дмитровском, Орловском и Мценском уездах агрономов за неимением кандидатур не было. Инструкторы Департамента Земледелия по полеводству были перечислены в земскую службу в качестве участковых агрономов. В итоге численность агрономического персонала в Орловской губернии выросла с 24 до 80 человек в 1911 г.

«Местная сельскохозяйственная действительность» в отчете уполномоченного по сельскохозяйственной части за 1911 г. характеризуется, в частности, «низким состоянием техники земледелия в крестьянских хозяйствах при заметно повышенном интересе к улучшению таковой»³. Здесь Орловская губерния не была исключением.

¹ Там же. С. 199–200.

² ГУЗИЗ. Отчеты инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части и правительственных агрономов 19 губерний Европейской России за 1910 год. СПб., 1912. С. 350.

³ Отчеты инспекторов ... за 1911 г. Ч. II. С. 355–356.

За годы аграрной реформы в губернии возникло 20 тыс. хуторов и отрубов, которые требовали конкретных рекомендаций по замене трехполья интенсивными системами полевого хозяйства. В 1908 г. в Орловской, как и в других губерниях Европейской России, были разработаны примерные севообороты, которые хозяева при желании могли вводить в единоличных хозяйствах¹.

Возникли показательные поля и участки, позитивно влиявшие на изменение системы полеводства и улучшение отдельных технических приемов земледелия — в основном в единоличных хозяйствах. В 1910 г. участков было около 600, в 1911 г. их стало 1850, из них 78,4% были устроены землеустроительными комиссиями. Именно влиянию показательных полей и участков, помимо систематического убеждения крестьян агрономическим персоналом, отчет приписывает факт перехода более чем 300 единоличных владений к правильному полевому травосеянию, т. е. к многопольной системе полевого хозяйства. Ведь в Орловской губернии, как и во многих других регионах Европейской России самой острой сельскохозяйственной проблемой было обеспечение крестьянских хозяйств кормами².

До 1911 г. в губернии насчитывалось около 80 прокатных станций и зерноочистительных пунктов. Только за 1911 г. число их выросло на 68, причем 32 из них было создано правительством³. Наибольшим спросом со стороны населения пользовались зерноочистительные машины, причем не стационарно расположенные, а «челночные», перевозившиеся из селения в селение. Слабее был спрос на другие прокатные орудия, в частности, на рядовые сеялки. Рядовым посевом крестьяне Орловской губернии только еще начинали интересоваться. Попутно с распространением рядового посева шло распространение улучшенных орудий обработки почвы. Важно отметить, что примерно 120 кредитных товариществ вели посреднические операции по снабжению населения губернии земледельческим инвентарем⁴.

В восточной черноземной части губернии были устроены три опытных поля. Планировалась также постановка коллективных агрономических опытов, и тем самым наиболее назревшие и грядущие вопросы полеводства в этой половине Орловщины были, по крайней мере, поставлены на разрешение. При этом западная, нечерноземная часть губернии, которая нуждалась в устройстве опытных учреждений никак не меньше, а, возможно, и больше, чем восточная в этом плане пока была «совершенно обойденной»⁵.

Отчет позитивно, как, впрочем, почти всегда, оценивает внешкольное образование: «Общее и единодушное утверждение как лекторов и устройств чтений, так и других лиц, близко наблюдающих жизнь деревни, свидетельствует о том, что чтения и беседы, особенно носящие систематический характер, **пробуждают сельскохозяйственное мышление крестьян**, освещают им сущность сельскохозяйственных явлений и толкают на путь введения в свои хозяйства различных улучшений. Более или менее конкретно в условиях Орловской губернии высказанное... общее положение выразилось в изменении состава мертвого земледельческого инвентаря, улучшенной обработке полей, очистке посевных семян»⁶; «практика проведенных курсов достаточно ясно показала, что у крестьянского населения не только в полной мере определился интерес к восприя-

¹ Там же. С. 366.

² Там же. С. 367–368.

³ Там же. С. 372.

⁴ Там же. С. 373.

⁵ Там же. С. 365.

⁶ Там же. С. 357.

тию сельскохозяйственных знаний, но что эти последние в тем большей степени прочно усваиваются, чем богаче и разнообразнее обставлены сопровождающие теоретическое преподавание знаний практические работы». Вместе с тем в отчете приводится пример слабых с точки зрения качества преподавания курсов. Заканчивая описание курсов, автор отчета резюмирует: «Указать, какое влияние оказали курсы на хозяйства слушателей едва ли представляется возможным. Можно с уверенностью констатировать... что отношение слушателей к ним было весьма благоприятное»¹.

Воронежская губерния

История агрономической помощи в этой губернии началась в 1904 г., когда при губернской земской управе был открыт экономический отдел и приглашен губернский агроном. Но уже в 1906 г. на волне «ликвидаторских» настроений после погромов 1905-1906 гг. отдел был закрыт, должность агронома упразднена.

Вплоть до 1909 г., когда и отдел, и должность агронома были восстановлены, «губернское земство планомерной деятельности в этом направлении не проявляло, оказывая лишь материальную помощь на некоторые нужды уездным земствам»². До этого времени сельское хозяйство, как считает правительственный уполномоченный (и это мнение косвенно подтверждается данными «Сводной статистики» о перевозках сельхозмашин), не было приоритетным направлением в деятельности земств Воронежской губернии.

Оживление началось с 1911 г., когда большинство земств обзавелось агрономическим персоналом, а в трех уездах — Валуйском, Богучарском и Бобровском — была введена участковая агрономия. С 1911 г. Департамент Земледелия начал субсидировать участковую агрономию, она появились в Острогожском и Воронежском уездах. В 1910 году на службе уездных земств, состояло 14 агрономов, из них 9 уездных и 5 участковых, в 1911 г. — соответственно 10 и 15³.

Внешкольное просвещение крестьян началось лишь со второй половины 1911 г., поскольку ранее персонал не располагал проекторами, диапозитивами, пособиями, плакатами и литературой.

Как и в большинстве случаев, с введением участковой агрономии началось широкое развитие показательных мероприятий. Было организовано 62 поля, на которых демонстрировался рациональный севооборот, и заложено около 1000 показательных участков. Среди результатов воздействия на население просветительных и показательных мероприятий отчет фиксирует возрастание спроса на усовершенствованный земледельческий инвентарь, и прежде всего на плуги и рядовые сеялки, а также значительное распространение сортирование посевного зерна, главным образом посредством триеров⁴.

Воронежское земство усвоило опыт коллег из губерний, где агрономическая помощь началась до Столыпинской аграрной реформы. Во-первых, это была мысль о том, что показательные мероприятия должны обязательно проводиться непосредственно в самом крестьянском хозяйстве. Проведение этого принципа в жизнь при землеустройстве в Воронежской губернии дало ощутимые результаты, поскольку было вполне убедительным методом демонстрации улучшений. Во-вторых, прежде, чем проводить в жизнь те или иные показательные мероприятия, приемы агрикультуры, выяснялась

¹ Там же. С. 360–361.

² Там же. С. 462.

³ Там же. С. 466.

⁴ Там же. С. 467–468.

конкретная рациональность их использования именно в местных сельскохозяйственных условиях¹.

Так, агрономы специально пропагандировали ранний пар, весеннюю бороньбу озимых посевов и лущение стерни и раннюю пахоту под озимые. Эти приемы начали быстро распространяться в хуторских и отрубных хозяйствах, которые не были стеснены общим выпасом скота на парах и по стерне, что было принято в общинном хозяйстве. Отмечается, что уже появились поселки, в которых «уже значительное число хозяйств начинает практиковать правильную обработку почвы и под озимые, и под яровые хлеба. Хуторяне и отрубники начинают проявлять интерес к рациональным севооборотам, но переход к ним пока наблюдается у немногих хозяев, наиболее развитых и предприимчивых»².

К закладке показательных полей воронежские агрономы относились достаточно осторожно, полагая, что успех этого начинания может быть обеспечен «только при сознательном, продуманном отношении хозяина к вводимому у него показательному полеводству. Поэтому, если подходящих хозяев в участке агронома еще не имеется, то не следует... спешить с устройством показательных полей. С развитием деятельности агронома найдутся и лица, видящие в сельскохозяйственном прогрессе залог своего благосостояния»³.

Чаще всего показательные мероприятия в губернии проводились путем создания показательных участков, организация которых не требовала от крестьян перестройки всего строя их полевого хозяйства. Интересующиеся крестьяне «избирали известный прием «для испытания» в хозяйстве: один рядовой посев, другой — посев кормового растения и т. д. Несмотря на значительное еще недоверие к агрономическому персоналу... все же спрос на семена кормовых растений для показательных посевов был значителен. Хуторяне и отрубщики, не имеющие в своих поселках общего выпаса для скота, хорошо сознают необходимость кормового клина. С другой стороны, этому вопросу было уделено едва ли не главное внимание в работах и агрономического персонала, как наиболее существенному в условиях единоличного хозяйства»⁴.

В отчете говорится, что «показательные поля, несмотря на их краткое существование, оказали большое влияние на соседние хозяйства. 1911 год был переходным в севообороте показательных полей, но почти везде были проведены полностью работы на паровом поле... и местами посев трав». Осень 1911 г. почти везде в губернии была засушливая, поля из-под толоки были «совершенно иссушены», и кое-где с посевом озимых крестьяне в ожидании дождя затаили до конца сентября, а некоторые и совсем их не сеяли. Вот здесь-то, как и в других губерниях, показательные поля воочию продемонстрировали, что значит рациональная обработка земли, благодаря которой в паровом поле за лето сохранилось вполне достаточное количество влаги, чтобы озимые, **«несмотря на засуху, хорошо развились и окрепли к зиме»**⁵. Такие выигрышные ситуации, как правило, резко активизировали внимание крестьян к агрикультуре и, в частности, к сельхозтехнике.

В отчете отмечается увеличение, во-первых, спроса крестьян на усовершенствованный инвентарь, и прежде всего на плуги и рядовые сеялки, и, во-вторых, существенное распространение очистки посевного зерна (в основном триерами). Все это связывается с воздействием на население просветительных и показательных мероприятий⁶.

¹ Там же. С. 481.

² Там же. С. 468.

³ Там же. С. 482–483.

⁴ Там же. С. 482.

⁵ Там же. С. 485.

⁶ Там же. С. 468.

За один год существования прокатно-зерноочистительных пунктов, конечно, нельзя было ожидать, чтобы пропагандируемая и распространяемая сельхозтехника сразу вошла в обиход крестьянского хозяйства. Притом же большинство пунктов было оборудовано только к осени, так что только немногие пункты работали в течение года. Хотя весна и осень 1911 г. были не слишком благоприятны для сельского хозяйства, спрос на сельхозтехнику во многих прокатных пунктах был довольно велик. Наибольшей популярностью пользовались рядовые сеялки, в сдаче которых, например, в Бобровском уезде, крестьянам приходилось отказываться ввиду нехватки их на прокатных станциях: «Повсеместно наблюдается стремление крестьян приобрести в собственность орудия и машины, в преимуществе работ которых они убедились. Так, уже в минувшем году многие крестьяне купили рядовые сеялки, плуги по Сакку и англо-болгарские и лапчатые бороны»¹.

При этом, как отмечалось выше, крестьяне зачастую опасались брать сельхозтехнику на прокатных станциях, будучи убеждены, что за пользование ею нужно будет платить налоги².

Несмотря на это, вполне оправданным выглядит оптимистичное заключение губернского уполномоченного: «Таким образом, показательное значение прокатно-зерноочистительных пунктов в первый же год выливается в реальную форму, и без сомнения значение их как очагов распространения в населении более совершенных сельскохозяйственных орудий и машин, в ближайшие 2–3 года должно захватить широкие круги крестьянских хозяйств»³. Правоту этой точки зрения подтверждают данные «Сводной статистики», показывающие, что за 1907–1913 гг. получение сельхозмашин и орудий станциями Воронежской губернии выросло более чем в семь (!) раз, причем явный перелом обозначился в 1910 г., когда оно увеличилось с 266,8 тыс. пуд. сразу до 410,5 тыс. пуд., т. е. в 1,5 раза., а затем в 1912–1913 гг. еще в 1,7 раза, достигнув 700 тыс. пуд., что позволило губернии войти в число 15 имперских лидеров по этому показателю.

Значительное внимание уделялось развитию садоводства, устраивались показательные сады и питомники.

В Воронежской губернии, в отличие от Саратовской, например, агрономический персонал был мало задействован в помощи сельскохозяйственной кооперации. Отмечается участие агрономов в работах 6-ти сельскохозяйственных обществ и то, что под воздействием их советов в некоторых районах Богучарского и Бобровского уездов крестьяне возбудили ходатайства об открытии кредитных товариществ⁴.

Саратовская губерния

Саратовская губерния, с одной стороны, была одним из главных производителей хлеба в стране, а с другой, по обеспеченности сельхозмашинами и орудиями занимала явно выраженное промежуточное положение между лидирующей группой и основной массой губерний.

Проблема организации агрономической помощи, точнее, отношений земской и правительственной организаций в губернии решалась достаточно нестандартно. Инспектор

¹ Там же. С. 488.

² Там же. С. 488.

³ Там же. С. 488–489.

⁴ Там же. С. 490.

сельского хозяйства в отчете за 1911 г. пишет, что персонал Землеустроительных комиссий работал «в полном согласии и единении с земской организацией», и приводит примеры того, как в некоторых уездах отдельные правительственные агрономические мероприятия, в том числе заведование прокатными станциями, показательными полями и хозяйствами находились в ведении земств, а в других уездах — наоборот¹. Правительственная организация, обладавшая значительными средствами и немалым штатом специалистов, со временем должна была уступить место земской — по мере ее развития, однако это было еще делом будущего, поскольку некоторые уездные земства еще не имели своего агрономического персонала и только начинали свою деятельность в этой сфере.

В силу этого характерная особенность агрономической помощи Саратовской губернии заключалась в том, что агрономы Землеустроительных комиссий вели работу не только в районах землеустройства, но и в местностях, где об агрономии крестьяне имели пока недостаточное представление. В 1911 г. агрономическая организация отсутствовала в Вольском, Петровском и Хвалынском уездах и была очень слаба в Аткарском, Кузнецком и Сердобском уездах. Это, кстати, в общем совпадает с картиной распространения сельхозмашин, без веялок, которую дает Перепись 1910 г., за исключением Аткарского уезда, уверенно входящего в первую тройку уездов по всем компонентам парка сельхозмашин и орудий. В большинстве этих уездов район деятельности правительственных агрономов был сужен, ограничен площадью менее уезда, а из отдельных частей уездов были созданы межурездные районы общим числом 12 при 10 уездах².

К началу 1912 г. в губернской землеустроительной комиссии работало 10 агрономов и 39 инструкторов. В конце 1913 г. — 14 агрономов, 44 старосты, 3 инструктора (надо думать, в отчете за 1913 г. инструкторы, упоминающиеся в отчете за 1911 г., трансформировались в старост). Земская агрономия была представлена 44 агрономами и 78 сельскохозяйственными старостами.

Земства уделяли особое внимание чтениям по сельскому хозяйству.

Оценивая чтения в 73-х селениях Сердобского уезда, агроном пишет, что молодежь отнеслась к ним внимательно, а «старики являлись в ожидании чтения о прирезке земли», при этом «к успехам агрономии отнеслись с недоверием»³.

Беседы и чтения проводились зимой и агрономами землеустроительных комиссий. «При многолюдной аудитории, как свидетельствуют многие агрономы, результаты менее очевидны. При организации бесед и чтений, особенно с волшебным фонарем, в числе слушателей большую массу составляют дети или мало интересующиеся содержанием беседы, и эта часть публики и лично нарушает порядок, и мешает прочим внимательно слушать и следить за лектором. Лучшая аудитория составляется на хуторах, где при незначительном числе слушателей завязывается живая беседа, затрагиваются самые животрепещущие вопросы хозяйства и обычно все слушатели хорошо вникают в дело, расспрашивают о мельчайших подробностях, а это дает и лучшие результаты»⁴. Немалую роль в приобщении крестьян к агрикультуре играли беседы на прокатных станциях, при объезде показательных полей и участков, на «въезжих квартирах и при тому подобных случайных обстоятельствах, которыми каждый агроном спешит воспользоваться»⁵.

¹ Там же. С. 525.

² Там же. С. 526.

³ Там же. С. 500–501.

⁴ Там же. С. 540–541.

⁵ Там же. С. 542.

Губернская землеустроительная комиссия к 1 января 1912 г. издала 175 тыс. популярных брошюр и плакатов сельскохозяйственного содержания¹.

Мероприятия по улучшению полеводства были едва ли не главной заботой агрономов. В 1911 г. в некоторых районах губернии уже были десятки хозяйств, перешедших к четырехполью «благодаря исключительно агрономической пропаганде»². На общинных землях этого достичь не удавалось, и максимальным достижением считался отвод части земли из общей дачи под травосеяние, в основном под посев костра (кормового растения — *М. Д.*) на запольных участках. Агрономы отмечали, что из-за распашки большинства бывших сенокосов, введение травосеяния становилось неизбежным, ибо «сена достать негде»³. При этом одной из причин низкого урожая 1911 г. агрономы считали «необыкновенную засоренность полей, только что вышедших из долгосрочной хищнической аренды (без пара)»⁴.

Агрономические мероприятия землеустроительных комиссий велись по следующим направлениям. Во-первых, создавались показательные хозяйства, в которых сочетались полеводство, животноводство, огородничество, садоводство и другие отрасли сельского хозяйства «в связи с возможно полной экономикой хозяйства».

Во-вторых, открывались показательные поля с преимущественным вниманием к полеводству и — в меньшей мере — к садоводству и огородничеству.

В-третьих, — показательные участки, где популяризировались отдельные технические приемы агрикультуры порознь или же в какой-то логичной комбинации (например, черный пар, рядовые или широкорядные посевы, более глубокая, чем обычно, вспашка, пахота под зябрь, введение новых культур и рациональный уход за ними, интенсивные приемы в садоводстве, огородничестве и пчеловодстве и др.). При этом предпочтение отдавалось приемам, проверенным не только на местных опытных станциях и полях, но и в лучших, руководимых специалистами частных хозяйствах. В отчете за 1913 г. сообщается, что в некоторых районах землеустройства показательные участки с приемами по обработке земли, а особенно по рядовому посеву «утеряли всякое значение, так как эти приемы сделались уже достоянием крестьянской массы. При этих условиях агрономы перенесли внимание... на пропаганду трав и кормовых растений»⁵.

В-четвертых, учреждение прокатных и зерноочистительных станций, деятельность которых была прямо направлена на пропаганду применения усовершенствованных машин и орудий, очистки посевного зерна и семян, а также внедрение новых приемов агрикультуры путем использования инвентаря станции (тех же рядового и широкорядного посевов)⁶.

Инспектор сельского хозяйства Саратовской губернии считал, что «только лучшим урожаем по показательным полям и можно объяснить, что многие отрубщики и хуторяне, по примеру владельцев показательных полей, стали производить и ранний взмет пара, и рядовые посевы, и вспашку под зябрь, и распашку снега на озимом поле»⁷.

Исходя из опыта прошлых лет, «огромное значение, большее, чем в предыдущее

¹ Там же.

² Там же. С. 502.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 536.

⁵ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 187.

⁶ Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 524–525.

⁷ Там же. С. 537.

время, придавалось прокатным станциям с улучшенными земледельческими машинами, с комплектом зерноочистительных машин». В 1911 г. открылось 19 новых станций именно такого типа. Увеличилось и количество показательных полей и участков¹.

В конце 1911 г. в губернии имелась 41 прокатная станция с зерноочистительными машинами. Часть их была создана поздней осенью и не смогла развернуть работу. Наибольшее число станций было в Балашовском уезде — 7, в Аткарском, Петровском и Саратовском — по 5. В конце 1913 г. — 89 прокатных станций и 29 зерноочистительных пунктов и обозов, а также 49 складов. О работе прокатных станций население оповещалось через специальные объявления, волостные правления и сельские управления.

Инспектор сельского хозяйства так оценивает влияние прокатных станций: «Давая возможность населению пользоваться с прокатных станций на льготных условиях орудиями и машинами, которые мелкие хозяева очень часто не в силах приобрести на собственный счет, прокатные станции в то же время знакомят население с такими земледельческими орудиями, о которых оно часто не имеет понятия, но распространение каковых безусловно желательно и полезнее распространения тех земледельческих машин, которые очень часто случайно попадают в деревню и не улучшают техники земледелия (двухлемешные плуги, лобогрейки и т. п.). Что цель прокатных станций в этом отношении достигается, видно из того, что там, где все почти крестьяне давным-давно пашут землю плугами (чаще всего двухлемешными), появился спрос на однолемешные плуги Сакка и железные бороны Лина; многие крестьяне просят открыть продажу орудий, какие имеются на прокатных станциях, при местных сельскохозяйственных обществах, или обращаются с просьбой выписать им орудия. Спрос на все орудия так велик, что станции ежегодно приходится пополнять и увеличивать количество машин. Главным спросом пользуются рядовые сеялки, плуги Сакка, бороны Лина и в некоторых уездах, например, в Аткарском — 4-лемешные запашники Эккерта. На орудия записываются для весенних работ с осени (особенно на рядовые сеялки). Через посредство агрономов крестьянами в большом числе приобретены орудия на свой счет и спрос на них с каждым годом увеличивается»².

Пример успешной работы сельхозтехники по соседству положительно воздействовал на крестьян: «Очень часто крестьянин, посмотрев работу той или иной машины у соседа, записывался кандидатом на эту машину на прокатной станции или брал ее немедленно у своего соседа. Наблюдения над посевами, произведенными пересортированными семенами, привлекали большее число желающих производить посев лучшими семенами и спрос на зерноочистительные машины увеличивался». Так, в Балашовском уезде при той же численности зерноочистительных машин, что и в 1910 г., в 1911 г. было очищено 39,4 тыс. пуд. семян против примерно 27 тыс. пуд. в 1910 г.³.

Агрономической организацией при губернской землеустроительной комиссии были созданы 21 прокатная станция и 11 зерноочистительных обозов, очистивших в 1911 г. 40,8 тыс. пуд. зерна. В 1913 г. агрономы ГУЗиЗ имели 54 прокатные станции и 10 зерноочистительных обозов, которые очистили 251 тыс. пуд. зерна. Средний радиус обслуживания составлял 10–12, реже до 20 верст.

В 1911 г. инспектор писал: «Прокатные станции оказывают населению несомненную пользу. Плуг и рядовая сеялка вошли в обиход крестьянина во многих случаях

¹ Там же. С. 524

² Там же. С. 531–532.

³ Там же. С. 534.

благодаря только прокатным станциям. Плугами прокатных станций крестьяне некоторых районов уже не пользуются, так как завели свои. В значительном количестве приобретают крестьяне и рядовые сеялки»¹.

И в 1913 г. популярнее других машин и орудий были рядовые сеялки, затем бороны, плуги и запашники; на юге губернии предпочитали дисковые орудия — борону и сеялку. Отчет землеустроительной комиссии за 1913 г. фиксирует продвижение вперед: «Влияние прокатных станций на крестьян доказывается повышенной деятельностью земских складов по продаже именно тех орудий, которые имеются на прокатных станциях. В связи с этим, значительно развилась и посредническая деятельность агрономического персонала по приобретению мертвого инвентаря. В 1912 г. было зарегистрировано свыше 430 случаев обращения хозяев к правительственным старостам и агрономам за содействием по покупке машин и орудий. Зарождается также приобретение дорогих орудий на совместных началах. Так, агроном Аткарского уезда отмечает, что нередко среди крестьян составляются небольшие товарищества из 2–4 человек для совместной покупки молотилок или жнеек. Однако, по наблюдениям агронома, такие товарищества оказываются неустойчивыми, и купленные орудия рано или поздно переходят в единоличную собственность»². В 1913 г. агрономы Вольского уезда указывали на распространение в районе землеустройства рядовых сеялок³.

Торговля сельскохозяйственными орудиями и машинами в уездах Саратовской губернии была сосредоточена преимущественно в руках земства. Всего по губернии насчитывалось 10 центральных земских сельскохозяйственных складов и 39 отделений. Обороты складов в 1912 году превысили 1,1 млн руб. Наибольший спрос предъявлялся крестьянами на сеялки, молотилки, жатки и семена хлебов, травяных и кормовых растений. Так, Аткарским земским складом в 1913 году было продано 368 сеялок и 769 жаток, Хвалынский склад — 381 сеялку и на 2281 руб. сельскохозяйственных семян⁴.

В жизни саратовской деревни очень важную роль играли сельскохозяйственные общества. Почти все они были открыты по инициативе «интеллигентных лиц деревни: учителей наибольший процент, есть даже одна учительница (Ваулинское общество Камышинского уезда), местных землевладельцев, некоторых (лиц) с агрономическим образованием (Александровское), волостных писарей и торговцев из крестьян (Пролейское общество Царицынского уезда). Главный состав членов обществ — крестьяне-земледельцы»⁵. Основная их часть открылась в 1905–1909 гг.

В отчете за 1913 г. отмечается, что агрономы землеустроительных комиссий были обязаны: 1) содействовать открытию новых кредитных товариществ, 2) по отношению к существующим кооперативам оказывать содействие в организации и развитии прокатных и зерноочистительных пунктов, сельскохозяйственных складов, продаже орудий и семян, устройству случных пунктов и т. п. 3) обеспечивать консультацию по сельскому хозяйству. Отдельные агрономы даже состояли в кредитных товариществах членами правления. Некоторые кооперативные учреждения имели свои прокатные станции⁶.

¹ Там же. С. 561.

² Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 190.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 190–191.

⁵ Отчеты инспекторов сельского хозяйства... за 1911 год. Ч. II. С. 513.

⁶ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 193–194.

Общества начинали свою деятельность, как правило, с полеводства — с введения рядовых посевов, затем посевов широкорядных с междурядной обработкой, с ранней пахоты пара и вспашки земли осенью под яровые хлеба, которые далеко не всегда практиковались крестьянами. Показательно, что **«первое время население относилось скорее враждебно к подобным нововведениям, и только по получении уже неоспоримых результатов постепенно изменяло свой взгляд и начинало интересоваться всеми опытами»**. За последнее время, именно 2–3 года, в районах деятельности обществ и при земских организациях стала быстро распространяться продажа сельскохозяйственных орудий и отдача их напрокат; в настоящее время некоторые прокатные пункты уже устроены при сельскохозяйственных обществах»¹

В районе деятельности обществ находилось немало учреждений мелкого кредита, главным образом, кредитных товариществ, которые в некоторых случаях «совсем поглотили собой сельскохозяйственное общество», поскольку многие крестьяне являются и членами кредитных товариществ. Характерно, что это обстоятельство не влечет за собой кредитования сельскохозяйственного общества.

Применение многих культурных приемов в общине, естественно, было затруднено, поэтому члены обществ арендовали землю, например, для раннего пара, однако ее часто приходилось обрабатывать наемным трудом, а это не всегда приводило к благоприятным результатам. С ростом числа единоличных владений эта проблема стала решаться успешнее. Инспектор полагает, что «подъем крестьянского сельского хозяйства, который наблюдается в последние годы, успехи техники земледелия и массового распространения машин в сельском хозяйстве, введение новых культур кормовых растений, дающих благоприятные условия развитию скотоводства, дают возможность наметить и тот путь, на который должны выступить сельскохозяйственные общества»². В 1911 г. в губернии действовало 41 сельскохозяйственное общество (по другим данным — 39), в 1913 г. их число увеличилось до 49.

Заметное влияние на развитие сельского хозяйства губернии играли учреждения мелкого кредита. В начале 1911 г. в 287 волостях Саратовской губернии насчитывалось 175 волостных касс, 4 уездных земских кассы, 30 ссудо-сберегательных и 102 кредитных товарищества. Эти 311 учреждений располагали суммой, близкой к 5 млн руб., притом, что в начале года баланс, конечно, был минимальный. В 1911 г. было открыто одно ссудо-сберегательное и 35 кредитных товариществ (они были наиболее популярны у крестьян). По направлению деятельности оба типа товариществ были равноценны. Кроме раздачи денег, они посредничали в покупке сельхозмашин и орудий, улучшенных семян, в сьеме казенных земель, в организации сбыта хлеба и др. Некоторые имели случайные пункты. В 1910 г. кредитные товарищества выдали 63320 ссуд на сумму 2219,1 тыс. руб., из которых на долю сельхозмашин и орудий, семян, скота, аренду и т. п. пришлось 1740,9 тыс. руб., т. е. 78,5%. Товарищества обоих типов были кооперативами. Показательно мнение инспектора о них: «Более совершенных кооперативов по деятельности пока не имеется; в распоряжении их имеются значительные средства. **Они в настоящее время играют роль фермента в развитии кооперативной деятельности в населении и являются как бы селекционными станциями, в которых совершается подбор сознательных и настоящих домохозяев. Ввиду этого деятельность правительства и земства по распро-**

¹ Отчеты инспекторов... за 1911 год. Ч. II. С. 515.

² Там же. С. 517.

странению мероприятий по агрикультуре и вообще по улучшению домашнего быта населения следует направить сюда»¹.

На 1 января 1913 г. в губернии насчитывалось уже 375 всех учреждений мелкого кредита, из них 4 земских кассы мелкого кредита, 33 ссудо-сберегательных товарищества, 169 кредитных товариществ и 169 сословных крестьянских кредитных учреждений. Насыщеннее других была сеть учреждений мелкого кредита в Царицынском уезде (1 учреждение на 605 хозяев); самым отстающим в этом смысле был Кузнецкий уезд (1 учреждение на 1703 хозяйства). Нельзя не отметить, что в Царицынском уезде открылось товарищество по переработке помидоров, которое начало устройство томатного завода, товарищество по переработке овощей и фруктов и товарищество по сбыту продуктов, преимущественно бахчевых семян².

Таким образом, кооперация разных видов играла важную роль в приобщении саратовских крестьян к новой жизни.

Харьковская губерния

Харьковская губерния в пореформенную эпоху была одной из наиболее динамично развивающихся аграрно-индустриальных губерний страны.

Земство этой губернии еще в 1890-х гг. начало заниматься проблемами сельского хозяйства, и по размерам ассигнований на сельскохозяйственные и экономические нужды в 1899 г. занимала почетное пятое место среди 34 земских губерний. В 1913 г. она была третьей по этому показателю. Полагаю, свидетельством нетривиальности подходов Харьковского земства может служить тот факт, что оно планировало распространение сельскохозяйственных знаний школьным путем. Съезд земцев счел оптимальными, во-первых, школы типа зимней германской и, во-вторых, начальной сельскохозяйственной школы Департамента Земледелия. При этом съезд адаптировал действовавшее положение о начальной сельскохозяйственной школе к задачам массового распространения знаний о сельском хозяйстве³.

В некоторых уездах губернии уже с 1906 г. появляется участковая агрономия, однако агрономическая организация в разных уездах развивалась неравномерно. В 1910 г. было решено разделить губернию на 63 участка (в 1911 г. их было 46), но общего плана ведения участковой агрономии в масштабах губернии не было. Совпадало лишь стремление вводить участковую агрономию постепенно⁴.

С 1910 г. началась планомерная агрономическая помощь в районах землеустройства⁵. В Волчанском, Валковском и Харьковском уездах она с 1912 г. была передана в ведение земств, в остальных же восьми уездах сосредотачивалась в руках правительственной организации.

При разрешении вопроса о передаче, Агрономическое совещание при Харьковской губернской Землеустроительной комиссии исходило в основном из данных о степени приближенности агрономической помощи к населению в том или ином уезде, что определялось фактическим введением участковой агрономической организации и размером кредитов, ассигнуемых земствами на агрономические мероприятия.

В упомянутых выше трех уездах была введена полная участковая организация, в

¹ Там же. С. 522.

² Там же. С. 194.

³ Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 628.

⁴ Там же. С. 629–631.

⁵ Землеустройство в Харьковской губернии. Харьков, 1912. С. 20.

силу чего землеустроенное население обслуживалось агрономическими мероприятиями в достаточной мере. Общая численность агрономического персонала в районах землеустройства в 1913 г. составляла 189 человек, из которых 56 были агрономами. Что касается других уездов, то там вопрос о передаче дела земству должен был решиться в течение ближайшего времени¹.

В 1911 г. собственно земства выделили на нужды сельского хозяйства средств на 34,5% больше, чем в 1910 г. (582,2 тыс. руб. против 432,8 тыс. руб.). С учетом правительственных ассигнований это составило внушительную сумму в 1055 тыс. руб. Сюда не входят бюджеты 63-х сельскохозяйственных обществ, которые с трудом поддаются исчислению.

Как и в других губерниях, текучесть агрономических кадров была острой проблемой: «Печальную черту агрономической организации губернии составляет постоянная эмиграция (sic! — М. Д.) персонала, делающая все экономические мероприятия земств совершенно неустойчивыми, благодаря отсутствию преемственности агрономической работы»². Всего к концу 1911 г. в губернии сменилось 57% земских агрономов.

Главной причиной частой смены агрономического персонала был резко возросший спрос на агрономов, особенно с высшим образованием или обладающих известным практическим опытом. Понятно, что, как и в случае с рабочими заводов Юга, земства отдельных губерний и даже отдельных уездов одной губернии начали конкурировать между собой, имея основным аргументом увеличение жалованья. Так, земское собрание, например, Сумского уезда определило оклад участкового агронома в 2400 руб. в зависимости от его образовательного ценза.

Серьезной причиной была бытовая неустроенность — отмечается «чрезвычайная трудность приискания помещения для квартиры агронома и агрономического пункта». Этот вопрос дебатировался на всех агрономических совещаниях и многих земских собраниях, из которых Ахтырское постановило даже построить специальное земское помещения для агрономического пункта в слободе Краснополье и сразу ассигновало часть необходимой на строительство суммы³. Едва ли данный сюжет был уникален — однако в данном отчете он особо акцентирован.

«Эмиграция» агрономов привела к тому, что составитель отчета имел данные лишь по 24 агрономическим участкам, т. е. о половине их. Показательно, что из 2164 показательных участков 1317 (60,8%) пропагандировали «культурные растения», 442 (20,4%) — минеральные удобрения, 195 (9,0%) — технические приемы полеводства и 40 (1,8%) — луговоеводство.

Среди мероприятий показательного типа следует отметить объявленный по инициативе Валковского уездного агронома «конкурс хозяйств», задачей которого было «развитие инициативы населения в деле прогресса техники земледелия»⁴. Условия его, надо сказать, были весьма жесткими, а это, в числе прочего, говорит об уверенности агрономов в том, что выполнение этих требований было по плечу хотя бы некоторым из крестьян Харьковской губернии.

С приближением агрономической помощи к населению, т. е. с введением участко-

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 219.

² Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 632.

³ Там же. С. 632–633.

⁴ Там же. С. 633–635.

вой агрономии, в губернии началась усиленная организация прокатных и демонстративных пунктов¹.

Отметим очень важную и интересную инициативу Департамента Земледелия, который при посредстве инспектора сельского хозяйства начал в ознакомительных целях снабжать сельскохозяйственные общества машинами и орудиями, наиболее подходящими к местным условиям и неизвестными пока населению. Так, в 1911 г. он распределил машин и орудий на 4,5 тыс. руб. между 17 обществами. Земства на своих прокатных пунктах следовали в большинстве случаев тому же принципу демонстрации. Однако некоторые из них уже начали организацию пунктов с большим количеством одних и тех же орудий, вследствие чего получались уже прокатные пункты в чистом виде, имевшие целью удовлетворить массовый спрос населения на данное орудие.

У инспектора была информация о числе орудий на прокатных станциях только по 21 участку в 9 уездах, но он был уверен в том, что и эти данные говорят об известной «рациональности направления местной агрономической организации» в данной сфере, поскольку наибольшее внимание было обращено на ознакомление и снабжение населения сеялками всех видов. Преимущественно это были конные 11-рядные сеялки, но на многих пунктах имелись комбинированные сеялки для совместного с зерном высева удобрений, ручные 7-рядные сеялки, ручные сеялки «Планет» и даже специальные сеялки для кукурузы и бахчевых растений². Об особой популярности сеялок говорит и другой источник³. След за сеялками шли зерноочистительные орудия, т. е. веялки, сортировки, триеры, причем из этих орудий на пунктах преобладали дорогие и еще малоизвестные населению триеры и куколеотборники, «чрезвычайно важные как для борьбы с чрезмерной засоренностью полей некоторых уездов губернии, так и в целях пропаганды посева отборным зерном». Третье по численности место занимали орудия ухода за пахотой: лушительники, экстирпаторы, ралы, пароочистители разных систем, резаки Беринга и Гельцманна, распашники и другие орудия рыхления и борьбы с сорняками на пашне⁴.

При этом, оценивая работу прокатных пунктов, члены сельскохозяйственных обществ и агрономы отмечали «ненормально скорое изнашивание и порчу орудий, особенно сложных, что объясняется как отсутствием удовлетворительных помещений для хранения машин в большинстве пунктов, так, к сожалению, и небрежным отношением крестьян к орудиям общественного пользования»⁵.

Наряду с показательными мероприятиями расширялась работа агрономов в «деле воздействия словом». Речь идет о сельскохозяйственных курсах, чтениях и беседах, которые ставили задачей «не только развить понимание сельскохозяйственных явлений, но и дать необходимые указания для непосредственного проведения сельскохозяйственных улучшений». В 1908 г. 70 пунктах было проведено 158 лекций и бесед, на которых присутствовало 12 тыс. слушателей, в 1909 г. соответственно 140, 302 и 26 тыс., в 1910 г. — 143, 286 и 29,8 тыс., наконец, в 1911 г. эти показатели составили 262, 720 и 76,8 тыс.⁶

¹ Там же. С. 637.

² Там же. С. 637–638.

³ Землеустройство в Харьковской губернии... С. 30, 34.

⁴ Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 638–639.

⁵ Там же. С. 638.

⁶ Там же. С. 662–663.

Как и во многих других губерниях, в Харьковской в годы реформы успешно развивались сельскохозяйственные общества. В начале 1911 г. в губернии насчитывалось 43 сельскохозяйственных общества, а к концу года — 55, из которых было 9 уездных и 46 мелкорайонных; кроме того, в губернии работали субсидировавшиеся ГУЗиЗ Харьковское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, Харьковский отдел Императорского русского общества сельскохозяйственного птицеводства и общество акклиматизации с отделами птицеводства и пчеловодства¹.

Деятельность уездных обществ отчет оценивает позитивно. Они имеют «достаточно удовлетворительных руководителей из местных деятелей по сельскому хозяйству», обладают довольно значительными капиталами за счет правительственных пособий и ссуд земства на их операции, в них служат секретари-агрономы, работают общества «в полном единении с земством» и достаточно успешно, за исключением Изюмского, которое «слабо проявляет свою деятельность»².

Иначе характеризуется работа мелкорайонных сельскохозяйственных обществ, которым «придавалось и придается особое значение как центрам и проводникам общественной самодеятельности, направленной к процессу сельскохозяйственных улучшений, приходится сказать, что, на основании данных за 1911 год, указанного назначения **эти сельскохозяйственные общества в громадном большинстве случаев не выполнили**». Причины недовольства, судя по всему, сводятся к тому, что их торговые операции по торговле сельхозтехникой вступают в противоречие с деятельностью земств.

«Более или менее удовлетворительно поставлено дело только в тех немногочисленных обществах, где имеются компетентные, преданные делу местные руководители, в особенности там, где в среде руководителей находится прочно осевший на участке **популярный агроном**», — продолжает инспектор. Если еще недавно слабую деятельность обществ можно было «вполне удовлетворительно» объяснить отсутствием средств, то в последние годы эта причина отпадает — можно говорить, скорее, об излишке средств, которые общества нередко «не в состоянии их использовать вообще, не говоря уже о том, чтобы использовать целесообразно»³. Сейчас, говорится в отчете, все настоятельнее ощущается потребность в согласовании деятельности обществ и земств, особенно в уездах, где их число велико.

Агрономическая помощь в Харьковской губернии, как и везде, развивалась неравномерно. Лидировали западные уезды, в которых уже давно имелись поместья с интенсивным хозяйством, владельцы которых играли важную роль в земских собраниях, а восточные степные уезды с их исторически сложившимся экстенсивным земледелием и землепользованием отставали. Важнейшим фактором успеха агрономической помощи было благоприятное для нововведений настроение «крестьянской массы населения, которое живо интересуется всеми мероприятиями, охотно прислушивается к живому слову на чтениях и беседах, внимательно следит за показательными мероприятиями, обнаруживает реальное стремление к улучшению техники обработки почвы, улучшению животноводства и разведению садов. Если сказанное можно констатировать по отношению к массе хлеборобов, то в особенности это нужно отметить для той части хозяйств, которые перешли к единоличной форме владения»⁴.

¹ Там же. С. 667.

² Там же.

³ Там же. С. 670.

⁴ Там же. С. 673–674.

Любопытно сопоставить данные за 1911 и 1913 годы.

Отчет об агрономической помощи в районах землеустройства сообщает, что общая площадь, занимаемая Харьковской губернией, достигает 4988200 десятин с 400510 крестьянскими дворами, при 102660 единоличных хозяйствах. Губерния разделена на 56 агрономических участков, из которых 30 обслуживаются правительственной организацией и 26 — земской. Таким образом, средняя площадь, обслуживаемая агрономом, достигает 89000 десятин с 1833 единоличными хозяйствами. Средняя наименьшая и наивысшая площади хозяйств единоличного владения колебались по губернии в следующем диапазоне: средняя — 6,33 дес. (от 5,5 дес. в Ахтырском уезде до 11,5 дес. в Старобельском уезде); наименьшая — 2,75 дес. (от 0,25 дес. в Лебединском уезде до 10 дес. в Старобельском уезде); наивысшая — 20,5 дес. (от 12 дес. в Лебединском до 34 дес. в Купянском уезде)¹.

В отчете отмечается, что обеспеченность единоличных хозяйств скотом и инвентарем на хуторах и отрубях постепенно повышается, причем хозяйства, просуществовавшие 5 лет, намного лучше обеспечены живым и мертвым инвентарем, чем общинные хозяйства того же размера. В хозяйствах единоличников повсеместно распространены улучшенные бороны, плуги и, в последнее время, сеялки. Культиваторы пока еще брались с прокатных пунктов. В тех районах, где плуг Сакка, сеялка, молотилка стали уже обычными для крестьянского хозяйства орудиями, усилия агрономической организации направлялись на внедрение лушильников, скоропашек и сортировок².

Постепенно росла популярность у населения курсов, чтений и бесед по вопросам сельского хозяйства. В 1913 г. в районах землеустройства было проведено 503 чтения и 1322 беседы (не считая консультаций), а сельскохозяйственные курсы велись в четырех пунктах (163 постоянных слушателя и 5280 посетителей). Основные темы бесед и чтений были таковы: обработка почвы, посевной материал и способы посева, культура пропашных, пары, борьба с сорной растительностью, плодосмен и севообороты, удобрение навозом и туками, травосеяние и луговоеводство, вопросы кормления, воспитания скота и ухода за животными, садоводство, огородничество, пчеловодство и кооперация³.

Что касается показательных мероприятий, то к концу 1913 г. в губернии было 7367 показательных участков на площади 4576 дес. и 365 показательных полей на площади 2961 дес⁴.

Более, чем в пятистах единоличных хозяйствах при содействии агрономов были организованы многопольные севообороты, которые крестьяне либо заимствовали с показательных полей, либо были введены путем постепенного перехода от показательных участков к полному севообороту.

На показательных участках демонстрировались такие приемы улучшения полеводства, как лушение стерни, паровая обработка с осенним, апрельским, чистым, занятым, кукурузным и виковым видами пара, рядовой посев обычный и широкорядный, рыхление, прорывка, пасынкование⁵, уборка и сохранение трав и корнеплодов, бороньба озимых, боронование лугов, посевы трав на приусадебных участках.

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 219–220.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Пасынки — «лишние, бесполезные ветки растения, отымающие у него соки, и отростки в заплечиках табачных листьев, с чего пасынковать, ощипывать почки, побеги эти в табаке или винограде, чтобы дать более соку и силы листьям». Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М., Русский язык. 1999. Т. 3. С. 24.

Отчет фиксирует значительное улучшение техники крестьянского земледелия под влиянием показательных полей и участков. Навозное удобрение, которое еще недавно отвергалось населением, стало входить в обиход крестьянского хозяйства, причем навоз не только стали меньше продавать на сторону, но многие единоличные хозяйства стали его закупать, иногда по цене до 2 коп. за пуд (уезды Ахтырский, Волчанский, Сумский)¹.

Интенсивность влияния показательных мероприятий иллюстрируется в отчете примером села Мостки Старобельского уезда, в котором еще в 1910 г. крестьяне не знали, что такое пар и покупали рожь на стороне. В 1910 г. там был заложен первый показательный участок площадью в 1 дес. с посевом ржи на пару, а в 1913 г. под пар для посева ржи было подготовлено уже более 300 дес. Если в Мостках до 1910 г. применялся исключительно разбросной посев руками, то в 1913 г., после открытия прокатного пункта, все посева были произведены рядовыми сеялками².

Прокатные и зерноочистительные пункты, в зависимости от местных условий, работали или самостоятельно, или устраивались при показательном поле, или же — при сельскохозяйственных обществах и кредитных товариществах. Всего в районах землеустройства губернии имеется 445 прокатных станций и 294 зерноочистительных пункта³.

Отчет констатирует, что к концу 1913 г. стало понятно, что некоторые пункты выполнили свою задачу, вызвав массовый спрос на усовершенствованный инвентарь, в силу чего появилась возможность перевести их на новые места или разделить их парк сельхозтехники. Опыт, в частности, показал, что сеялка уже через 3–5 лет может быть перемещена в другое место. В целом передвигали не прокатные пункты в целом, а отдельные орудия или машины, вместо которых в парк вводились новые. В 1913 г. прокатными пунктами воспользовалось около 5 тыс. домохозяев, а на зерноочистительных пунктах примерно 10 тыс. домохозяев очистили до 600 тыс. пуд. зерна. Поуездные данные говорят о том, что единоличники использовали сельхозтехнику интенсивнее общинников⁴.

Наибольшим спросом из орудий прокатных пунктов пользовались 11-рядные сеялки, а в районах возделывания свеклы — сеялки Фильверт-Дедина. Далее шли плуги, преимущественно завода Гена по типу Сакка, и, затем, сакковские оригинальные. Значительный интерес у крестьян стали вызывать также пароочистители, кольчатые катки и бороны по типу Лина. Популярность уборочных машин в течение 1913 г. заметно возросла.

В Волчанском, Валковском и Харьковском уездах под влиянием прокатных пунктов началось массовое приобретение крестьянами сельхозмашин, в первую очередь сеялок, которые вообще распространялись весьма быстро, даже в сравнительно глухих местах. В том же селе Мостки первые сеялки появились в 1910 г., а в 1913 году их насчитывалось уже 357. Столь внушительная динамика была, конечно, следствием прежде всего деятельности прокатных пунктов, поскольку почти исключительно покупались машины именно той марки, которая была знакома крестьянам по этим пунктам. Характерно, что дорогие машины — молотилки, сеялки, триеры — купившие их хозяева использовали не только сами, но и отдавали напрокат соседям⁵.

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 226–227.

² Там же. С. 227–228.

³ Там же. С. 230–231.

⁴ Там же. С. 231–232.

⁵ Там же. С. 232–233.

Агрономы активно содействовали единоличникам в обеспечении их хозяйств сельхозтехникой — они помогали выбрать машины и орудия, содействовали в приобретении их на льготных условиях через кредитные товарищества и земские учреждения, организовывали специальные товарищества для приобретения дорогих машин. Так, в Валковском уезде уже имелось порядка 30 товариществ, которые владели молотилками, куколеотборниками и жатками.

Земства и сельскохозяйственные общества открыли в губернии 60 складов машин и орудий — 12 центральных и 48 отделений. Тем не менее «в большинстве местностей спрос на машины и орудия не удовлетворялся полностью», поэтому в кредитных товариществах был поставлен вопрос о широкой организации посреднических операций по продаже машин и орудий. Оборот 60 складов и отделений за 1912 г. составил 1,1 млн руб.¹

Агрономическая организация активно помогала улучшению животноводства и развитию специальных отраслей².

Как и в ряде других губерний, агрономический персонал должен был содействовать возникновению и организации кредитных товариществ, сельскохозяйственных обществ, а также оказывать потребную и возможную помощь «советом и делом» уже существующим кооперативам. Вот что говорится по этому поводу в отчете: «Агрономы состоят членами, сотрудниками или председателями сельскохозяйственных обществ или кредитных товариществ в своих агрономических участках, членами ревизионных комиссий и советов и секретарями. Участие в работе кооперативов принимают также инструкторы и агрономические старосты. В отчетном году, при содействии агрономического персонала, организовано в районах землеустройства 6 молочных артелей, 2 сельскохозяйственных общества и 1 товарищество по выработке консервов»³.

Сельскохозяйственные общества, главным образом, занимались снабжением своих членов и окрестного населения посевным материалом и сельхозтехникой путем посреднических операций. Они создавали зерноочистительные, прокатные и случные пункты, периодически проводили чтения и доклады по сельскохозяйственной тематике, а некоторые из обществ имели на собственной или создавали на арендованной земле показательные поля и питомники. Особенно быстро росло число кредитных товариществ. Если на 1 января 1911 г. в Харьковской губернии имелось 150 товариществ с 87,3 тыс. участников, то на 1 января 1914 г. количество товариществ достигло 261, а участников — 238,0 тыс. За это время баланс товариществ увеличился с 3964 тыс. руб. до 17,3 млн руб. Статистические источники дают несколько меньшие, но также впечатляющие цифры — 238 кредитных товариществ с 218,5 тыс. участников и балансом в 14,7 млн руб. (см. ниже). Однако, если мы добавим к этим данным показатели ссудо-сберегательных товариществ, которых в губернии в 1913 г. насчитывалось 23 с 19,5 тыс. членов и балансом в 2547,3 тыс. руб., то все сойдется. При этом весьма показательным, что, например, в Волчанском уезде членами учреждений мелкого кредита состояло около 70% всех домохозяев уезда.

¹ Там же. С. 233–234.

² Там же. С. 235–237.

³ Там же. С. 237–238.

Полтавская губерния

В этой губернии агрономическая помощь в районах землеустройства еще с 1909 г. находилась всецело в ведении земства, признавшего, что преимущественное оказание агрономической помощи землеустроенным хозяйствам отвечает задачам земской агрономической организации¹.

В 1911 г. агрономический персонал губернии насчитывал порядка 150 человек, не считая сотрудников Полтавской опытной станции (на ней тогда стажировался Н. И. Вавилов), двух опытных полей, преподавателей девяти сельскохозяйственных школ².

В 1913 г. агрономический персонал губернии состоял из 210 человек, состоявших как на земской, так и на государственной службе. Размер агрономического участка колебался от 44 до 79 тыс. дес., а в среднем составлял 56 тыс. дес. с 714 хозяйствами единоличного владения. При этом в отчете сообщается, что «обслуживаемые агрономами площади постепенно по некоторым уездам приближаются к тому пределу, при котором труд участковых агрономов может быть использован с должной полнотой»³, и высказывается надежда на то, что дальнейшее сокращение площади участков при росте числа агрономов позволит агрономам в обозримом будущем перейти от массового обслуживания крестьян к индивидуальной агрономической помощи, т. е. сконцентрироваться на отдельных хозяйствах с учетом их конкретных особенностей. При этом проблема текучести кадров существовала и в Полтавской губернии.

В губернии активно велось распространение сельскохозяйственных знаний внешкольным путем. За 1913 г. было произведено 2732 чтения, на 38% больше, чем в 1912 г. При этом чтения преимущественно были посвящены вопросам полеводства, затем кооперации, мелким отраслям хозяйства, животноводству, организации хозяйства. Населению было роздано 126 тыс. брошюр, опять-таки главным образом по полеводству, в частности, по проблемам правильной обработки почвы и кормовых растений. Сельскохозяйственные курсы были организованы в 12 уездах из 15. Особо в этом плане выделялся Гадячский уезд, в котором весь агрономический персонал работал на курсах три зимних месяца, а число их слушателей (980 человек, из них 283 единоличника) составило четверть всех крестьян, прослушавших курсы в 1913 г.⁴

Агрономический персонал начал приобретать авторитет у крестьян Полтавщины еще до 1906 г.⁵ а за годы реформы он только укрепился. В частности, это выразилось в том, что в 1913 г. по 27 участкам было зарегистрировано 21145 обращений крестьян к агрономам за консультациями (в среднем 1 агроном провел около 720 таких бесед), из которых 43% пришлось на единоличников, хотя они составляли лишь 13% всех домохозяев. Таким образом, хуторян и отрубников проблемы хозяйства интересовали в 7 раз больше, чем остальную массу крестьян⁶.

В 1913 г. в губернии насчитывалось 8746 показательных участков, в том числе в

¹ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 135.

² Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 677–678.

³ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 135–136.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 582–583.

⁶ Губский Н. Н. Агрономическая помощь... С. 138.

районах землеустройства 1619 участков. Характерно, что в малоземельной Полтавской губернии на 7871 участке (90% общего числа) демонстрировались кормовые растения, причем в 7 случаях из 10 (5793 участка) это была люцерна. В 1913 г. в губернии имелось 617 показательных полей, из них 300 в районах землеустройства. Кроме того, насчитывалось 482 хозяйства, перешедших к правильным севооборотам и ведущим полеводство по указаниям агрономов.

Существенно, что урожай 1913 г. в Полтавской губернии, благодаря значительному количеству осадков, был весьма высоким, однако и в этих весьма благоприятных условиях урожаи на показательных полях были стабильно выше — и намного, чем в соседних хозяйствах общинников. Разница эта особенно заметна для озимых хлебов, а также для проса и гречихи, в отношении которых широкорядный посев и мотыжение междурядий дали очень яркий эффект¹.

В 1913 году в губернии имелось 586 прокатных и зерноочистительных пунктов, в том числе 218 — в районах землеустройства с солидным парком сельскохозяйственного инвентаря. В числе 4652 различных машин и орудий было 928 рядовых сеялок²; для сравнения — согласно Переписи 1910 г., в Петербургской и Новгородской губерниях в сумме насчитывалось 903 сеялки (609 и 294 соответственно). Если в 1912 г. одна рядовая сеялка в среднем обслужила 13,7 человек, то в 1913 г. — 9,3 человека. Этот факт объясняется в отчете, прежде всего, усиленной покупкой сеялок населением, в силу чего постепенно исчезает нужда в прокатных сеялках, и в меньшей степени — сырой погодой 1913 г., из-за которой население охотнее применяло разбросной посев. Меньшая востребованность прокатных сеялок особенно заметно сказывалась в Константиноградском уезде, где рядовой посев производился почти на всей площади уезда.

Клиентами прокатных и зерноочистительных станций в 1913 г. было 57,7 тыс. человек против 44,9 тыс. в 1912 году. Триерами 40,3 тыс. хозяев очистили 1,9 млн пуд. (!) зерна. О том, насколько далеко продвинулись полтавские агрономы в деле просвещения крестьян, говорит тот беспрецедентный для России факт, что в рассматриваемый период триерами очищалось количество семян, достаточное для засева 10% всей площади земли, принадлежащей мелким владельцам³.

В губернии в 1913 г. действовало в 1913 г. 68 земских складов и их отделений, их общий оборот складов составил около 1470 тыс. руб. против 1309 тыс. руб. в 1912 г. Не слишком заметное увеличение оборотов земских складов в сравнении с 1912 г. объясняется снижением спроса на сеялки (из-за сырого года) и значительным расширением деятельности частных складов⁴.

Агрономический персонал уделял внимание животноводству и специальным отраслям⁵.

Одним из приоритетных направлений деятельности агрономической организации было содействие росту числа сельскохозяйственных обществ. В конце 1913 г. в губернии насчитывалось 303 сельскохозяйственных общества с 20,3 тыс. членов, из которых 3,7 тыс. (18,3%) были единоличниками. Кроме этого, функционировало 16 сельскохозяйственных товариществ и артелей. Общества вели торговлю машинами

¹ Там же. С. 138–139.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 140–141.

⁴ Там же. С. 141–142.

⁵ Там же. С. 142–147.

и орудиями, семенами, железом, проводили показательные мероприятия, многие имели прокатные станции и т. д.¹

Полтавская губерния — одна из тех, где многолетние заботы и труды агрономов дали свои плоды, в то время как в других местах они начинали чуть ли не с нуля.

8.6.5. Агрономическая помощь: краткие выводы

Мы вкратце познакомились с разными вариантами агрономической работы российского земства.

А. А. Кауфман писал: **«Во всех областях и проявлениях агрономической помощи последнее приблизительно пятилетие является, таким образом, совершенно исключительным временем небывалого подъема».**

И как бы не относиться к деятельности современного — назовем его так — министерства земледелия в области аграрной политики, нельзя не отдать ему справедливости в том, что в деле агрономической помощи оно сумело хорошо использовать благоприятную для себя конъюнктуру; надо отдать ему справедливость и в том, что оно сумело найти для своей работы ту верную основную ноту — **единение с местными органами самоуправления и поддержка свободной общественной самодеятельности**, которая так резко выделяет его из общего уровня наших «ведомств» и которая успела приобрести ему совершенно исключительные общие симпатии. И все мы — как отлично сознает само сельскохозяйственное ведомство — почти что **не ушли дальше преддверья**.

«Если — читаем мы в новом издании Департамента земледелия, — принять во внимание отсталость нашего сельского хозяйства, а, с другой стороны, исключительную важность сельскохозяйственного промысла в народном хозяйстве России, станет вполне очевидным, что практикующиеся в настоящее время меры агрономической помощи населению по своему общему объему находятся еще в слишком большом несоответствии с размерами действительной и давно (давно!) назревшей в них потребности. При этом, кроме недостаточности своего объема, осуществляющиеся сельскохозяйственные мероприятия далеко не вполне еще удовлетворяют многим другим требованиям; так, например, они часто не обладают желательной территориальной равномерностью, даже в пределах небольших районов не всегда отличаются необходимой системностью и планомерностью, во многих случаях лишены достаточной устойчивости, нередко представляются мало согласованными друг с другом», — все это, как уже отмечалось, в значительной мере потому, что местные общественные, в частности, земские круги далеко не везде еще достаточно прониклись убеждением в полезности и **неотложности** широкого и всестороннего развития агрономической помощи. Агрикультурный расход правительства еще в 1912 году составлял всего 15 к. на душу сельского населения, и приблизительно столько же — расход земства; это при том, что доля каждого жителя империи в государственном расходном бюджете в 1912 г. составляла почти 16 рублей»; неудивительно, что «спрос со стороны населения на просвещенное руководство и советы агрономов повсеместно неизмеримо превышает наличные силы имеющегося персонала, несмотря на широкое за последнее время развитие участковой агрономии»².

И все-таки на пути сельскохозяйственного образования крестьянства **уже** были

¹ Там же. С. 147–148.

² Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 31.

достигнуты немалые успехи. Если в целом с точки зрения прогресса агрономической помощи страна и не пошла пока «дальше преддверья», то, продолжая аналогию Кауфмана, в некоторых губерниях уже началось знакомство с планировкой здания.

Я не обольщаюсь приведенными выше данными о поступательном развитии агрономической помощи в разных губерниях страны — в тысячах деревень все оставалось по-прежнему. Отчеты многих земств в части, касающейся агрономической помощи, говорят лишь о самых первых шагах. Однако и в этих губерниях начались перемены — перемены к лучшему.

Поэтому невозможно оспаривать тот факт, что у Морачевского и Кауфмана были безусловные основания для оптимизма. Ведь короткая история агрономической помощи — это еще и история начавшейся победы здравого смысла над косностью и предубеждениями как самих крестьян, так и образованного класса страны. Крестьяне России оказались не менее восприимчивы к сельскохозяйственным знаниям, чем земледельцы других стран.

Кауфман писал: «Мы присутствуем еще при самом начале того агрономического строительства, которое необходимо, чтобы поднять наше сельское хозяйство из фазы хронического расхищения на ступень сохранения и развития производительных сил нашей природы». Правительство сознает это, как «сознает оно и необходимость — мало того — *настоятельную неотложность* самой энергичной дальнейшей работы в данном направлении. Сознает ее сейчас — как будто бы — и общество; чем дальше, тем сильнее зреет и проявляется в самих народных массах готовность идти навстречу агрономическому воздействию»¹.

В отчетах об агрономической помощи в Херсонской губернии, которая дает один из лучших примеров работы российского земства, есть два мнения, которые показывают, насколько плодотворным было сельскохозяйственное просвещение деревни, если оно начиналось «не вдруг», если у агрономической организации был определенный опыт, а у крестьян — доверие к ней, и которые для нашей темы имеют без преувеличения фундаментальное значение.

1. «Время делает свое. Казавшееся несбыточной мечтой становится с течением времени осуществимым. Весь материал, брошенный в деревню в виде различного рода агрономических мероприятий (показательные поля, беседы, прокатные пункты и проч.), дает солидную работу мысли сельскому обывателю, и эта мысль, по-видимому выбивается постепенно на правильную дорогу; дорога эта — маленькие, но постепенные, упорно проводимые хозяйственные улучшения»².

2. «Успехи агрикультуры колоссальны. В течение 4–5 лет произошла какая-то магическая метаморфоза»³.

Эти слова в известном смысле вознаграждают многих и многих людей, чьими стараниями всего за несколько лет изменилось то, что не менялось столетиями. Речь идет не только о том, что вместо сохи появился железный плуг, вместо дедовской шапки — сеялки, а вместо кос и серпов — жатки и т. д. Куда важнее, что *иньм* стало или на-

¹ Там же. С. 32.

² Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1912 г. Херсон, 1913. С. 38–39.

³ Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г. Составил зав. агрономической помощью в районах землеустройства Херсонской губернии. А. А. Сорокин. Херсон 1915. С. 5.

чало становиться отношение крестьян к основе своего существования — к сельскому хозяйству. А отсюда неизбежно должны были последовать и более важные перемены во взглядах на окружающий мир вообще.

8.7. Первые результаты землеустройства: обследование «Землеустроенные хозяйства»

Безусловно, статистика землеустройства отражает стремление крестьян к новой жизни и показывает, что миллионы людей поверили в реформу.

Однако для оценки эффективности проводимых преобразований очень важна проблема их *реального* воздействия на жизнь деревни в разных регионах и на сельское хозяйство страны в целом.

Как повлияло изменение условий землепользования на крестьянское хозяйство?

В какой степени реформа смогла побороть такие недостатки общинного землепользования, как чересполосицу и дальнотемелье? Как отразилось все это на крестьянском полеводстве, на скотоводстве, на травосеянии, на обеспеченности сельхозтехникой, на ведении мелиорации и др. ? Изменились ли бытовые условия жизни крестьян и др.?

И в этом контексте очень важны статистические материалы уникального обследования, проведенного ГУЗиЗ осенью 1913 г., которые опубликованы в издании «Землеустроенные хозяйства» (Петроград, 1915).

В ГУЗиЗ понимали, что время подведения общих итогов реформы еще не настало — слишком мал был срок самостоятельной жизни хуторов и отрубов, чтобы последствия изменившихся условий хозяйствования проявились в должной мере. Тем не менее, и самые первые шаги новых хозяйств, безусловно, представляли немалый интерес. Хотелось понять, каково экономическое положение единоличных хозяйств в сравнении с прежним их состоянием и с соседями, оставшимися в общине, насколько хуторяне и отрубники использовали новые условия землевладения, и есть ли основания для благоприятных прогнозов на будущее и т. д.

Подобного исследования требовала и общественная атмосфера, весьма неблагоприятная для реформы.

Поскольку собрать данные о более чем миллионе единоличных хозяйств, существовавших в стране во второй половине 1913 г. было задачей нереальной, ГУЗиЗ приняло решение сделать своего рода выборку из 12 уездов, признанных наиболее характерными для различных районов России. В их число вошли: Бердянский уезд Таврической губернии, Богодуховский уезд Харьковской губернии, Елифанский уезд Тульской губернии, Красноуфимский уезд Пермской губернии, Кременчугский уезд Полтавской губернии, Мологский уезд Ярославской губернии, Николаевский уезд Самарской губернии, Орловский уезд Орловской губернии, Островский уезд Псковской губернии, Ржевский уезд Тверской губернии, Сычевский уезд Смоленской губернии и Трокский уезд Виленской губернии. Из них 5 принадлежали к нечерноземной полосе, 4 — к черноземной, а 3 лежали на границе этих почвенных зон Европейской России.

С. М. Дубровский подверг это издание уничтожающей, но притом совершенно несостоятельной критике¹. В частности, достоверность данных обследования под-

¹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963.

тверждается сопоставлением с материалами монографии участвовавшего в обследовании еще студентом П. Н. Першина «Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии» (Пг., 1918). Репрезентативность источника высоко оценена и Б. Д. Бруцкусом¹.

В смысле представительности выбор уездов следует признать удачным. В частности, данные обследования вполне соответствуют той картине обеспечения отдельных районов и губерний Европейской России сельхозтехникой, которая была получена мной при исследовании рынка сельхозмашин и орудий в начале XX в.²

За недостатком места я подробно рассматриваю только сведения о том, как повлияло землеустройство на чересполосность и дальнотемелье применительно к 14183 хуторам и отрубам на надельной земле³, относительно которых были собраны ответы на все вопросы анкеты. Уничтожение или хотя бы сокращение раздробленности и отдаленности от усадьбы крестьянских полевых участков было важнейшей технической задачей реформы, ради которой она во многом и начиналась.

Таблица 128

Раздробленность земельных наделов до землеустройства

Уезды	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
Бердянский	6	2	1	472	972	21	19	10	2	2	1507
Богодуховский	13	31	105	940	1662	358	174	1	0	0	3284
Красноуфимский	3	4	16	69	260	199	78	8	0	0	637
Кременчугский	339	252	324	282	211	37	3	0	0	0	1448
Мологский	0	0	0	0	0	4	68	157	49	2	280
Николаевский	0	0	1	133	222	581	46	1	0	2	986
Орловский	7	1	44	53	86	218	270	63	47	8	797
Островский	2	0	1	0	2	32	79	172	262	175	725
Ржевский	14	0	0	0	1	81	317	156	55	1	625
Сычевский	20	0	3	5	48	156	438	325	184	22	1201
Трокский	149	9	43	107	346	1176	796	44	23	0	2693
ИТОГО	553	299	538	2061	3810	2863	2288	937	622	212	14183

Источник: Землеустроенные хозяйства. Сводные данные. Петроград., 1915. Раздел В. VI. Подсчеты автора.

Значения цифр 1–10 первой строки:

- 1 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в одном участке;
- 2 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в двух участках;
- 3 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в трех участках;
- 4 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 4–5 участках;
- 5 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 6–10 участках;
- 6 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 11–20 участках;
- 7 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 21–40 участках;
- 8 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 41–60 участках;
- 9 — число хозяйств, имевших и имеющих землю в 61–100 участках;
- 10 — число хозяйств, имевших и имеющих землю свыше чем в 100 участках.

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 174 и далее.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 513–607.

³ В Епифанском уезде таковых не было.

Таблица 129

То же в процентах

Уезды	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
Бердянский	0,4	0,1	0,1	31,3	64,5	1,4	1,3	0,7	0,1	0,1	100
Богодуховский	0,4	0,9	3,2	28,6	50,6	10,9	5,3	0,0	0,0	0,0	100
Красноуфимский	0,5	0,6	2,5	10,8	40,8	31,2	12,2	1,3	0,0	0,0	100
Кременчугский	23,4	17,4	22,4	19,5	14,6	2,6	0,2	0,0	0,0	0,0	100
Мологский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,4	24,3	56,1	17,5	0,7	100
Николаевский	0,0	0,0	0,1	13,5	22,5	58,9	4,7	0,1	0,0	0,2	100
Орловский	0,9	0,1	5,5	6,6	10,8	27,4	33,9	7,9	5,9	1,0	100
Островский	0,3	0,0	0,1	0,0	0,3	4,4	10,9	23,7	36,1	24,1	100
Ржевский	2,2	0,0	0,0	0,0	0,2	13,0	50,7	25,0	8,8	0,2	100
Сычевский	1,7	0,0	0,2	0,4	4,0	13,0	36,5	27,1	15,3	1,8	100
Трокский	5,5	0,3	1,6	4,0	12,8	43,7	29,6	1,6	0,9	0,0	100
ИТОГО	3,9	2,1	3,8	14,5	26,9	20,2	16,1	6,6	4,4	1,5	100

Источник и значения цифр 1–10 первой строки — см. таблицу 128.

Из таблицы 128 следует, что до землеустройства из числа 14183 обследованных хозяйств в 11 уездах всего 553, или 3,9%, имели землю в одном куске, причем 61,3% этого числа находилась в Кременчугском уезде, а 26,9% — в Трокском. Из 837 хозяйств (5,9%), которые пользовались землей в 2–3 кусках, 68,8% были в том же Кременчугском уезде и 136 (16,2%) в Богодуховском.

Из 2061 хозяйства (14,5%), имевшего землю в 4–5 кусках, 45,6% располагались в Богодуховском уезде, 22,9% — в Бердянском и 13,7% в Кременчугском уезде.

Из 3810 хозяйств, владевших землей в 6–10 кусках (26,9%), 43,6% находились в Богодуховском, 25,5% в Бердянском и 9,1% в Трокском уезде.

Из 2863 хозяйств, пользовавшихся землей в 11–20 кусках (20,2%), 41,1% приходилась на Трокский уезд, 20,3% на Николаевский и 12,5% на Богодуховский.

Из 2288 хозяйств, имевших землю в 21–40 кусках (16,1%), 34,8% располагались в Трокском уезде, 19,1% в Сычевском, 13,9% в Ржевском и 11,8% в Орловском.

Из 1771 хозяйства, пользовавшегося землей в 40 и более кусках (12,5%), 34,4% находилось в Островском, 30,0% в Сычевском, 12,7% в Ржевском и 11,7% в Мологском уезде.

Таким образом, землей в 1–5 кусках, т. е. в условиях, допускающих, как считалось, ведение правильного и производительного хозяйства, в Бердянском уезде пользовалась 31,9% хозяйств, в Богодуховском — 33,2%, в Красноуфимском — 14,4%, в Кременчугском — 82,7%, в Мологском — ни одного, в Николаевском — 13,6%, в Орловском — 13,2%, в Островском — 0,4%, в Ржевском — 2,2%, в Сычевском — 2,3%, в Трокском — 11,4%. Всего же таких хозяйств по 11 уездам было 3451, или 24,3% общего их числа.

Следовательно, с точки зрения дробности владений в более выгодном положении находились южные уезды, а в наименее благоприятном — северные и северо-западные нечерноземные уезды.

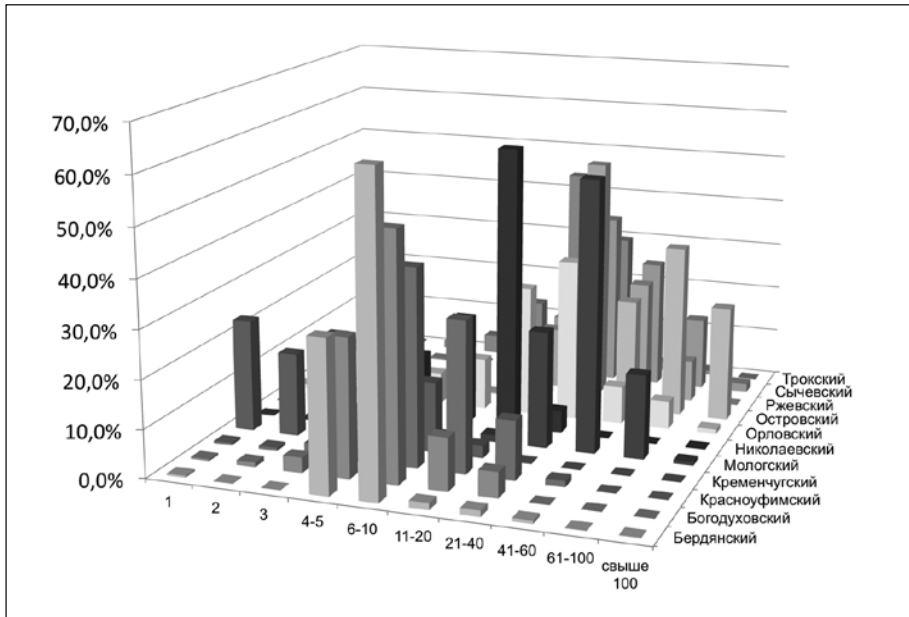

Диаграмма 19. Раздробленность земельных наделов до землеустройства (%).
Источник: см. таблицу 128

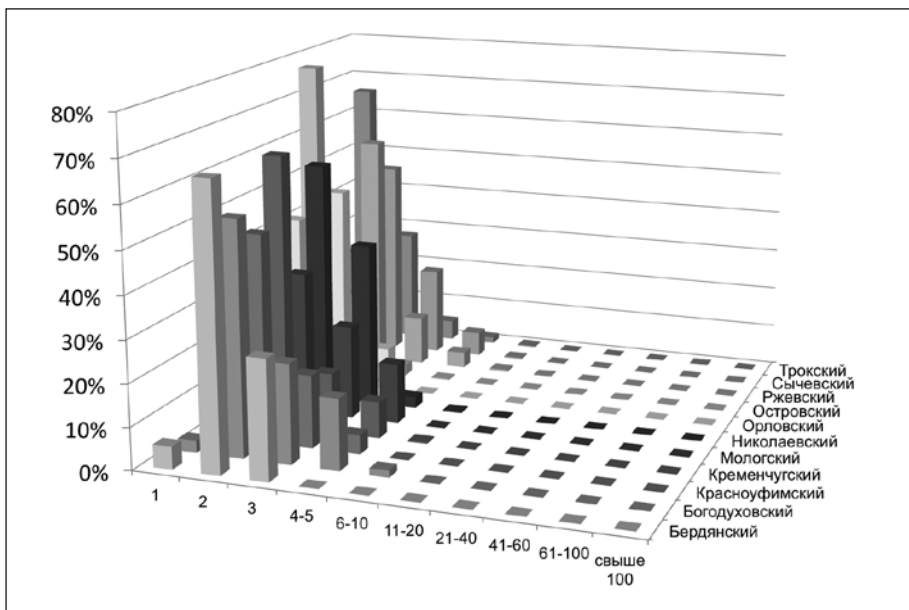

Диаграмма 20. Раздробленность земельных наделов после землеустройства (%).
Источник: см. таблицу 130

Таблица 130

Раздробленность земельных наделов после землеустройства

<i>Уезды</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>Всего</i>
Бердянский	81	1002	423	1	0	1507
Богодуховский	95	1813	771	551	54	3284
Красноуфимский	186	312	110	29	0	637
Кременчугский	177	936	205	125	5	1448
Мологский	83	95	62	40	0	280
Николаевский	3	569	385	26	3	986
Орловский	327	389	81	0	0	797
Островский	560	144	19	2	0	725
Ржевский	169	355	74	24	3	625
Сычевский	294	576	256	71	4	1201
Трокский	1776	740	129	39	9	2693
ИТОГО	3751	6931	2515	908	78	14183

Источник: см. таблицу 128.

Значения цифр 1–10 первой строки:

- 1 — число хозяев, имевших и имеющих землю в одном участке;
- 2 — число хозяев, имевших и имеющих землю в двух участках;
- 3 — число хозяев, имевших и имеющих землю в трех участках;
- 4 — число хозяев, имевших и имеющих землю в 4–5 участках;
- 5 — число хозяев, имевших и имеющих землю в 6–10 участках.

Таблица 131

То же в процентах

<i>Уезды</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>Всего</i>
Бердянский	2,2	14,5	16,8	0,1	0,0	10,6
Богодуховский	2,5	26,2	30,7	60,7	69,2	23,2
Красноуфимский	5,0	4,5	4,4	3,2	0,0	4,5
Кременчугский	4,7	13,5	8,2	13,8	6,4	10,2
Мологский	2,2	1,4	2,5	4,4	0,0	2,0
Николаевский	0,1	8,2	15,3	2,9	3,8	7,0
Орловский	8,7	5,6	3,2	0,0	0,0	5,6
Островский	14,9	2,1	0,8	0,2	0,0	5,1
Ржевский	4,5	5,1	2,9	2,6	3,8	4,4
Сычевский	7,8	8,3	10,2	7,8	5,1	8,5
Трокский	47,3	10,7	5,1	4,3	11,5	19,0
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

После землеустроительных работ не осталось ни одного хозяйства, пользующегося землей более, чем в 10 кусках, причем только в 78 хозяйствах, или 0,5%, земля была раздроблена на 6–10 кусков, и 54 таких хозяйства (69%) находились в Богодуховском уезде.

Для 3751 двора (26,4%) вся земля сведена в одно целое, т. е. в хутора, 6931 двор (48,9%) получил землю в двух кусках и 2515 дворов (17,7%) — в трех. Так как усадьба входит в подсчет отдельных участков, то нетрудно заметить, что в результате землеустройства почти у половины всех устроенных дворов полевые угодья были сведены к одному месту и только второй участок — усадьба осталась в селении.

Считая вместе с хуторянами, число дворов, получивших всю полевою землю в одном месте, достигло 75,3%. Тот факт, что у 986 хозяйств (7,0%) земля оказалась в 4–10 кусках, объясняется наличием таких угодий, как строевой лес, огороды, заливные луга и т. п., которые нельзя было включить в общую разверстку с пашней и которые были размежеваны особо.

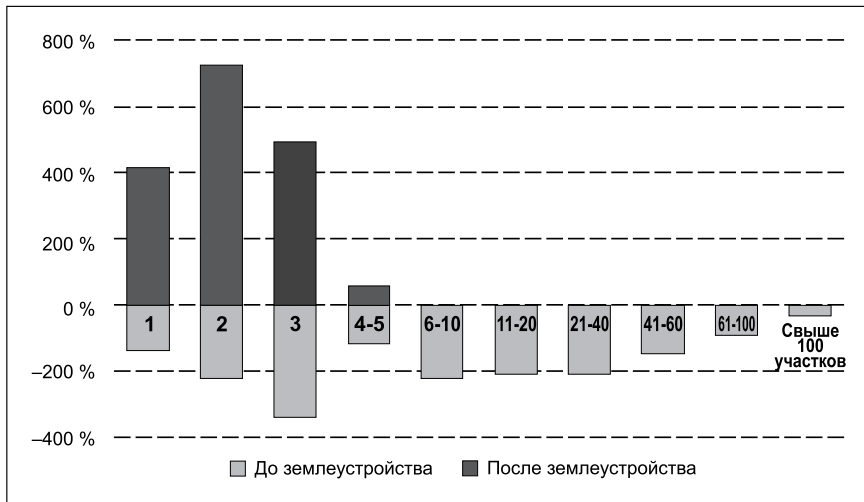

Диаграмма 21. Раздробленность земельных наделов до и после землеустройства (общие данные).
Источник: см. таблицы 128 и 130

Таблица 132

Отдаленность земельных наделов до землеустройства

Уезды	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Бердянский	0	1	0	10	86	278	1132	1507
Богодуховский	13	35	71	168	327	387	2283	3284
Красноуфимский	3	0	1	19	331	166	117	637
Кременчугский	127	16	50	101	546	405	203	1448
Мологский	0	0	1	15	100	90	74	280
Николаевский	0	0	0	0	13	0	973	986
Орловский	7	0	21	42	266	125	336	797
Островский	2	19	145	251	241	42	25	725
Ржевский	14	5	61	221	324	0	0	625
Сычевский	20	11	118	517	524	5	6	1201
Трокский	149	21	128	745	1335	287	28	2693
ИТОГО	335	108	596	2089	4093	1785	5177	14183

Источник: см. таблицу 128.

Значения цифр 1–7 первой строки:

- 1 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,0 верст
- 2 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,25 верст

- 3 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,25–0,5 верст;
 4 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,5–1,0 верст;
 5 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 1,0–3,0 верст;
 6 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 3,0–5,0 верст;
 7 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии свыше 5,0 верст.

Таблица 133

То же в процентах

Уезды	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Бердянский	0	0,1	0	0,7	5,7	18,4	75,1	100
Богодуховский	0,4	1,1	2,2	5,1	10,0	11,8	69,5	100
Красноуфимский	0,5	0,0	0,2	3,0	52,0	26,1	18,4	100
Кременчугский	8,8	1,1	3,5	7,0	37,7	28,0	14,0	100
Мологский	0	0,0	0,4	5,4	35,7	32,1	26,4	100
Николаевский	0	0,0	0	0,0	1,3	0,0	98,7	100
Орловский	0,9	0,0	2,6	5,3	33,4	15,7	42,2	100
Островский	0,3	2,6	20,0	34,6	33,2	5,8	3,4	100
Ржевский	2,2	0,8	9,8	35,4	51,8	0,0	0,0	100
Сычевский	1,7	0,9	9,8	43,0	43,6	0,4	0,5	100
Трокский	5,5	0,8	4,8	27,7	49,6	10,7	1,0	100
ИТОГО	2,4	0,8	4,2	14,7	28,9	12,6	36,5	100

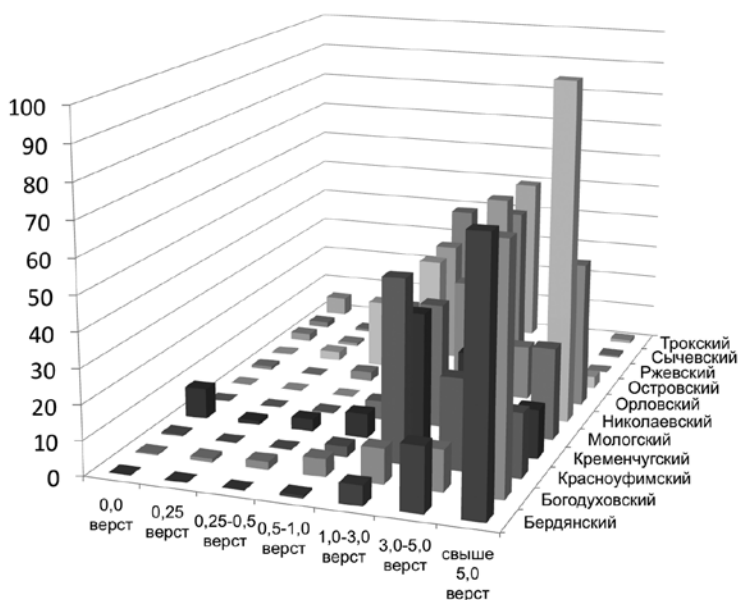

Диаграмма 22. Отдаленность наделов до землеустройства (верст).

Источник: см. таблицу 132

Дальнеземелье общинных хозяйств, как следует из таблиц 132–133, характеризуют следующие факты.

Всего на расстоянии менее версты от усадьбы располагалась дальние участки 22,1% всех хозяйств. При этом в Бердянском уезде такие хозяйства составляли 0,7%, в Богодуховском — 8,7%, в Красноуфимском — 3,6%, в Кременчугском — 20,3%, в Мологском — 5,7, в Николаевском уезде их не было совсем, в Орловском — 8,8%, в Островском — 57,5%, в Ржевском — 48,2%, в Сычевском — 55,5%, в Трокском — 38,7%

Почти половина всех дворов — 49,1% располагалась на расстоянии свыше трех верст от дальних участков. В Бердянском уезде их было 93,6%, в Богодуховском — 81,3%, в Красноуфимском — 44,4%, в Кременчугском — 42,0%, в Мологском — 58,6%, в Николаевском — 98,7%, в Орловском — 57,8%, в Островском — 9,2%, в Островском таких хозяйств не было, в Ржевском — лишь 0,9% и 11,7% в Трокском.

Таблица 134

**Отдаленность земельных наделов
после землеустройства**

<i>Уезды</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>Всего</i>
Бердянский	69	25	50	166	532	396	269	1507
Богодуховский	95	116	127	244	820	733	1149	3284
Красноуфимский	186	21	45	92	203	63	27	637
Кременчугский	153	50	118	206	639	224	58	1448
Мологский	83	19	31	53	74	9	11	280
Николаевский	3	2	1	9	91	152	728	986
Орловский	327	41	82	77	114	64	92	797
Островский	560	51	51	44	18	1	0	725
Ржевский	169	107	156	131	50	3	9	625
Сычевский	294	248	239	220	150	18	32	1201
Трокский	1776	96	162	271	289	68	31	2693
ИТОГО	3715	776	1062	1513	2980	1731	2406	14183

Источник: см. таблицу 128.

Значения цифр 1–7 первой строки:

- 1 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,0 верст;
- 2 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,25 верст;
- 3 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,25–0,5 верст;
- 4 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 0,5–1,0 верст;
- 5 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 1,0–3,0 верст;
- 6 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии 3,0–5,0 верст;
- 7 — Число хозяйств, у которых дальний участок земли находился и находится на расстоянии свыше 5,0 верст.

Таблица 135

То же в процентах

Уезды	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Бердянский	4,6	1,7	3,3	11,0	35,3	26,3	17,9	100
Богодуховский	2,9	3,5	3,9	7,4	25,0	22,3	35,0	100
Красноуфимский	29,2	3,3	7,1	14,4	31,9	9,9	4,2	100
Кременчугский	10,6	3,5	8,1	14,2	44,1	15,5	4,0	100
Мологский	29,6	6,8	11,1	18,9	26,4	3,2	3,9	100
Николаевский	0,3	0,2	0,1	0,9	9,2	15,4	73,8	100
Орловский	41,0	5,1	10,3	9,7	14,3	8,0	11,5	100
Островский	77,2	7,0	7,0	6,1	2,5	0,1	0,0	100
Ржевский	27,0	17,1	25,0	21,0	8,0	0,5	1,4	100
Сычевский	24,5	20,6	19,9	18,3	12,5	1,5	2,7	100
Трокский	65,9	3,6	6,0	10,1	10,7	2,5	1,2	100
ИТОГО	26,2	5,5	7,5	10,7	21,0	12,2	17,0	100

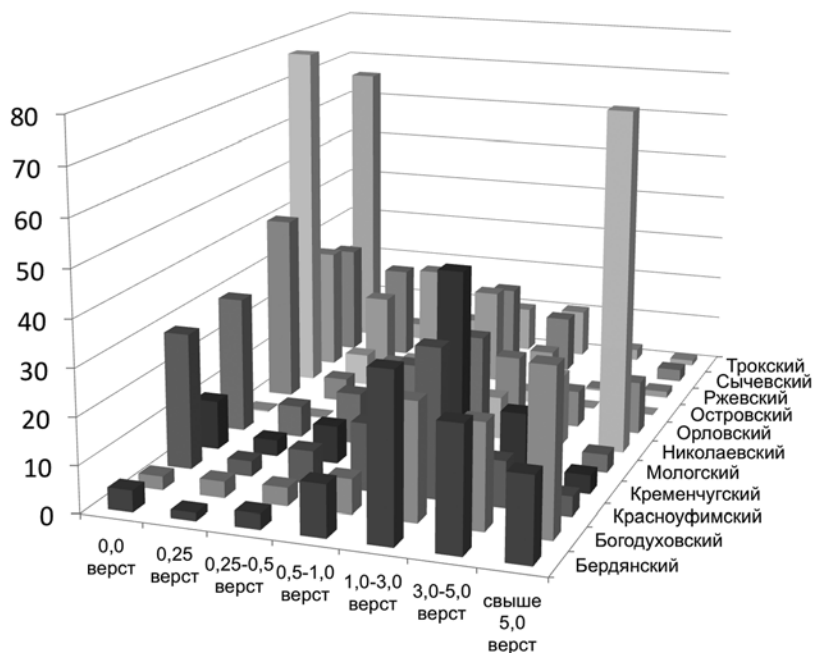

Диаграмма 23. Отдаленность наделов после землеустройства (верст).

Источник: см. таблицу 134

Борьба с дальнотельем априори не могла достичь тех же результатов, что ликвидация дробности и чересполосности землепользования. Общая конфигурация и площадь надела остаются и после землеустройства те же, и части домохозяев приходится

получать участки вдали от усадьбы, что уравнивается лучшим качеством земли или увеличением отводимой площади.

Однако и в этом отношении были достигнуты ценные результаты. Земельные владения 3715 двора (26,2%) были сведены к одним местам, а большинство владений у остальных дворов значительно придвинулись к усадьбам. Число единоличных владельцев, имевших поля на расстоянии менее 1 версты, после землеустройства увеличилось с 22,1 до 49,9, а имевших поля на расстоянии свыше 5 верст сократилось с 36,5% до 17,0%.

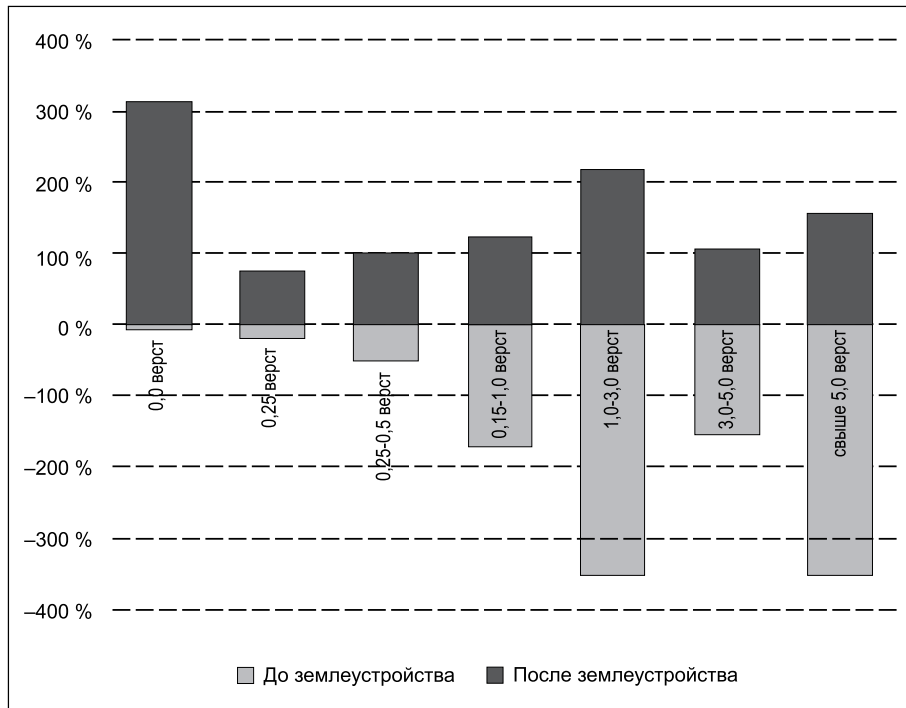

Диаграмма 24. Отдаленность земельных наделов до и после землеустройства (общие данные). Источник: см. таблицы 132 и 134

Понятно, что полное уничтожение дальнегоземелья возможно было лишь при перенесении усадеб на отруб, что и делалось многими хозяевами через некоторое время после разверстания.

Ликвидация чересполосицы и дальнегоземелья создавали условия для ведения хозяйства на новых основаниях, но эти условия не могли реализоваться немедленно.

Землеустройство было связано с весьма серьезной ломкой крестьянского хозяйства и подразумевало продолжительный переходный период. Отрубники в массе получали новые земли, которые требовалось обиходить, а хуторяне должны были к тому же переносить постройки и т. д.

При этом большая часть обследованных в 1913 г. хозяйств возникла только в 1910 г., а многие — даже в 1911 г., т. е. за три и два года до фиксации результатов.

Очевидно, что об этих хозяйствах как о вполне сформировавшемся типе говорить было еще нельзя, но все же о некоторых тенденциях в их развитии судить возможно.

Как известно, едва ли важнейшим критерием состояния крестьянского хозяйства является численность скота — главного капитала в сельском хозяйстве. Но в данном случае этот критерий не работает, поскольку именно скотоводство, по понятным причинам, несет наибольшие потери в первый период землеустройства.

В целом число лошадей сократилось с 23974 до 22821, т. е. на 973 головы (4,1%), коров — с 21104 до 20840, т. е. на 264 головы (1,3%), быков и волов — с 4294 до 3472, т. е. на 822 головы (19,2%), овец и коз — с 45137 до 29873, т. е. на 15264 головы (33,8%).

В то же время число жеребят выросло с 2551 до 3487, т. е. на 926 голов (на 36,3%), нетелей, бычков и телят — с 9762 до 13918, т. е. на 4156 голов (на 42,6%), свиней — с 23329 до 25479, т. е. на 2150 голов (на 9,2%), верблюдов — с 392 до 718, т. е. на 326 голов (83,2%). Численность домашней птицы практически осталась той же — 207023 до землеустройства и 208040 после него, прирост составил 1017, или 0,5%¹.

Итак, заметно сокращение рабочего скота — лошадей и, в большей мере, волов. С одной стороны, это могло быть следствием радикальным перемен в хозяйстве, но, с другой, не исключено, что потребность в упряжном скоте стала меньше, поскольку на отрубном участке его производительность стала выше, чем при чересполосице. В любом случае значительный рост числа жеребят был залогом быстрого восполнения поголовья рабочего скота.

Коров осталось практически столько же, но и здесь количество молодняка увеличилось почти на 43%, что говорит о перспективах молочного скотоводства в землеустроенных хозяйствах, как, равным образом, и свиноводства. При этом в северных и западных уездах, а также и Орловском, численность крупного рогатого скота в расчете на одно хозяйство даже выросла, равно как и поголовье молодняка и свиней. В уездах Богодуховском, Кременчугском и Красноуфимском крупный рогатый скот уменьшился, но был некоторый рост молодняка. А вот в степных Бердянском и Николаевском уездах такой компенсации не было, здесь перестройка скотоводства шла тяжелее всего.

Падение поголовья овец и коз (в 10 уездах из 11) — факт, повсеместно фиксировавшийся на хуторах и отрубях с началом реформы. Он, конечно, не случаен, поскольку овец труднее всего пасти вне стада. Крестьянское овцеводство в Европейской России, будучи экстенсивной отраслью, характерной для натурального хозяйства, сокращалось по мере интенсификации хозяйства; с этим же, кстати, отчасти связано и падение числа волов.

Единоличники, как известно, чаще всего получали запольные земли, пустоши и т. п., которые сама община не обрабатывала. Обследование показало, что крестьяне, ощутившие себя собственниками *своей* земли, индивидуальными усилиями способны сделать то, что общинникам было не под силу. Более 44% хозяйств пяти нечерноземных уездов — 2613 из 5891 — провели в сумме 509,2 тыс. сажен, т. е. порядка 1086 км (!) осушительных канав. В среднем на 1 хозяйство пришлось 416,1 м.

Стоимость этих работ составила в среднем около 53 руб. на двор (на наделных землях около 47 р., на банковских — около 70 р.).

В шести уездах началось превращение болот в культурные угодья 1615 хозяйств (порядка четверти), разделивших 5132,9 тыс. дес. болот, что составило примерно 3,2 дес. на двор².

¹ Землеустроенные хозяйства. Сводные данные. Пг., 1915. Раздел В. XV.

² Там же. XII.

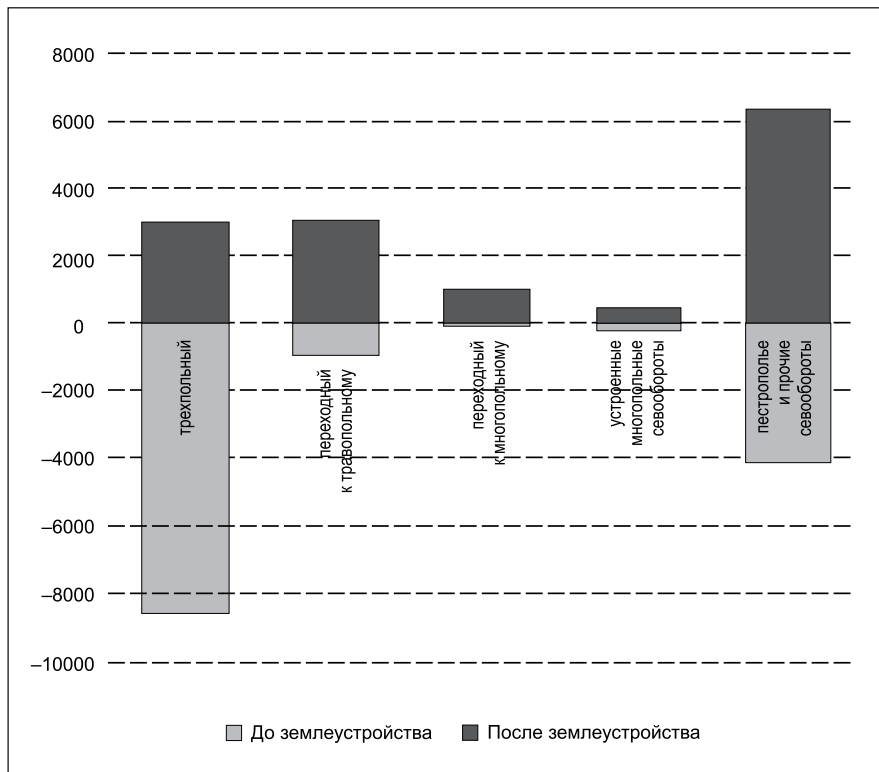

Диаграмма 25. Севообороты на наделных землях.
Источник: Землеустроенные хозяйства... Раздел В. XX

Оценить прогресс полеводства позволяют следующие данные.

До землеустройства в 62,6% хозяйств велось трехполье, в 9,5% — пестрополье и прочие севообороты, в 6,5% начался переход от трехполья к травополью, в 0,4% — к многополью, и лишь в 1,0% хозяйств было устроенное многополье.

После землеустройства число хозяйств, по-прежнему ведущих трехполье, резко сократилось — ровно в три раза.

Соответственно выросло число хозяйств, перешедших или переходящих к более прогрессивным севооборотам. Увеличилось и число хозяйств, перешедших или переходящих к более прогрессивным севооборотам. Теперь в 45,9% хозяйств практиковалось пестрополье (рост в 1,5 раза), в 21,5% хозяйств происходил переход к травополью (рост в 3,3 раза), 7,6% хозяйств переходили к многополью (рост почти в 19 раз) и 4,3% хозяйств имели устроенное многополье (рост в 4,2 раза)¹.

Хотя площадь пашни увеличилась не слишком значительно — на 6,1%, однако в ряде уездов, прежде всего Сычевском, Ржевском, Островском и Мологском, уже стала заметна тенденция к интенсификации хозяйства. Лен, травы и картофель уже занимали в них от 70 до 48% посевной площади, что было вполне рационально. В Орловском,

¹ Там же. XX.

Троцком и Красноуфимском уездах на них приходилось от 19,5 до 11,6%, а в южных и степных уездах — от 5,7 в Кременчугском до 1,4% в Николаевском. Травы и картофель, в отличие от зерновых, там родились хуже¹.

Определенно наметилось увеличение парка сельхозтехники и его качественное изменение.

Из других результатов обследования отмечу следующие.

Землеустройством воспользовалось по преимуществу среднеземельное и мало-земельное крестьянство, поскольку размер наделов землеустроенных крестьян незначительно отклоняется от средней нормы крестьянского землевладения тех же местностей; лишь в двух уездах он значительно выше, в трех же заметно ниже. При этом земельное обеспечение хуторян в среднем оказалось несколько меньше, чем отрубников.

Прекратили свое хозяйство на землеустроенных наделных участках 7,4% их владельцев. При этом 5,1% составляют хозяева, которые увеличили свое землевладение, купив землю, взамен проданной, у Крестьянского Банка, казны и частных владельцев, а также переселенцы за Урал и крестьяне, обеспеченные другими постоянными промыслами и службой. Остальные продавцы ко времени обследования не купили новой или не были обеспечены постоянным заработком².

После землеустройства семейные разделы раздробили 2,2% хозяйств³.

Общая стоимость построек, живого и мертвого инвентаря возросла после землеустройства на 27,7%⁴.

Число крестьян, участвующих в кооперативах, после землеустройства возросло среди хуторян в четыре раза, среди отрубников — более чем вдвое⁵.

Таким образом, даже с учетом временного фактора позитивное воздействие Столыпинской аграрной реформы на крестьянские хозяйства сомнению не подлежит, хотя, повторю, речь идет только о наметившихся тенденциях.

8.8. Бывают ли реформы идеальными?

Было бы наивно думать, что описываемые процессы, в которых участвовали миллионы крестьян и тысячи деятелей реформы, т. е. все те, кто хотя бы как-то соприкасался с последними (от непременных членов Землеустроительных комиссий и земских начальников до землемеров, агрономов и работников земских складов), протекали всегда и везде гладко, бесконфликтно и т. п.

Разумеется, были и конфликты, и злоупотребления, и некомпетентность, и многое другое, что всегда было и осталось в российской жизни (да и не только российской).

Преобразования такого масштаба не могли протекать без проблем, связанных именно с личностным фактором. Это было неизбежно (вместе с тем, если мысленно представить путь, который прошла российская система управления со времен Петра I, то, надо сказать, прогресс к началу XX в. был достигнут очевидный).

Вот лишь некоторые штрихи.

¹ Там же.

² Там же. VII.

³ Там же.

⁴ Там же. XV, XVII.

⁵ Там же. XII.

Шестнадцатого сентября 1910 г. Бессарабский губернатор направил Столыпину письмо следующего содержания: «Докладываю Вашему Превосходительству о том, что выяснившаяся в настоящее время недобросовестность и полная небрежность в деле выполнения землемерами Землеустроительных комиссий работ по размежеванию отрубных участков, а равно халатность и явное стремление со стороны губернского землемера с. с. Борткевича к замалчиванию всех допускаемых землемерами злоупотреблений побудило меня обратиться с ходатайством к Министру юстиции о назначении ревизии межевого отделения Бессарабского губернского правления, а равно производимых под руководством с. с. Борткевичем землемерных работ при внутринадельном устройстве 9 селений Бессарабской губернии»¹.

Семнадцатого сентября 1910 г. тот же губернатор писал уже министру юстиции: «Вследствие неоднократно поступавших ко мне жалоб от крестьян, а равно доклада временно (исполняющего) дела губернского землемера титулярного советника Булинского о недоброкачественности технической стороны работ, исполняемых землемерами Землеустроительных комиссий при внутринадельном землеустройстве селений вверенной мне губернии и о совершенно пассивном к этому делу отношении губернского землемера с. с. Борткевича, мною было предложено г. Булинскому, исполняющему в настоящее время должность губернского землемера, проверить и представить мне самые подробные сведения о том, насколько справедливы указанные сведения.

Из представленного инженером Булинским прилагаемого при сем рапорта усматривается следующее.

Всего за период времени 1907–1910 гг. в Бессарабской губернии перешло к отрубному владению надельной землей девять селений, причем ни в одном из этих селений землемерные работы правильно не производились, вследствие чего закончены быть не могли.

При выяснении участков в натуре оказалось, что таковые или не соответствуют по размерам участкам, нанесенным на план, причем разница достигает иногда трех дес. (село Абаклыджаба, участок № 444) или же оказываются расположенными совершенно не в том месте, как то показано на плане или же значащиеся на плане участки в натуре не существуют.

Изложенных данных вполне достаточно, чтобы судить о небрежности, допускаемой землемерами Землеустроительных комиссий в деле первой государственной важности.

Считая, однако, что ответственным в настоящем деле лицом является губернский землемер, скрывавший от меня действительное положение дел, что подтверждается прилагаемыми при сем выписками из надписей, сделанных им в дневниках землемеров при ревизии работ, считаю служебным долгом доложить Вашему Превосходительству, что при подобном образе действий инженера Борткевича, могущем повлечь за собою непоправимые последствия и в корне подорвать доверие населения к делу внутринадельного землеустройства, я не могу впредь доверять его руководству столь ответственных работ и имею честь просить о назначении ревизии межевого отделения Бессарабской губернского правления, а равно работ, произведенных землемерами Землеустроительных комиссий при внутринадельном землеустройстве 9 селений Бессарабской губернии»².

¹ РГИА 1291. Оп 120. Д. 43. Л. 1.

² Там же. Л. 2-2об

Данные этих писем раскрывают то, о чем весьма деликатно сообщается в «Обзоре землеустроительных работ в десяти губерниях Южного района за 1912 г.».

В документе говорится: «Землеустройство в Бессарабской губернии началось в 1907 г. и по составу и качеству работ распадается на два периода: с 1907 по 1911 год, и затем с 1911 г.

Работы первого периода заключались единственно в ликвидации Банковских имений, казенных оброчных статей, и только отчасти производились работы по внутринадельному землеустройству. С 1911 г. получают преобладание работы и по внутринадельному землеустройству, и лишь незначительная часть работ относится к переустройству казенных оброчных статей и ликвидации земель Крестьянского банка.

По своему качеству работы по внутринадельному землеустройству до 1911 г. не могут быть признаны вполне удачными как в смысле существенных отступлений от требований технической инструкции, так равно и в отношении формальных правонарушений, **имевших тогда нежелательные последствия для участников землеустройства.**

В отношении отступлений от технической инструкции, надо указать как на обычное явление отвод пахоты в нескольких местах без производства необходимой расценки. Формальные отступления выражались в небрежном составлении приемных приговоров, когда участник землеустройства не попадал в экспликационные списки. Указанные недочеты объясняются отсутствием правильной подготовки работ и должного надзора, ибо работы велись по преимуществу землемерами без должного руководства со стороны Непременных членов Землеустроительных комиссий¹. Поскольку работы по внутринадельному землеустройству велись лишь в 4 уездах и образовали незначительную площадь, то недочетов было немного, и в последующий период были приняты меры к устранению ошибок.

Таким образом, безответственное поведение статского советника Борткевича и его подчиненных не осталось, надо думать, без последствий.

Помимо Астраханской губернии, Бессарабская — вторая, о которой на данный момент времени мне известны подобного рода компрометирующие землеустройство факты. Едва ли они были единственными, но у нас есть сведения о жалобах, приносимых крестьянами, и статистика говорит о том, что их число было весьма невелико. Население оспаривало лишь 2-3 из каждых 100 постановлений Комиссий, касавшихся притом весьма широкого круга вопросов².

Понятно, что известные случаи давления местных властей на крестьян никак не украшали реформу в глазах общественности — и справедливо! Но равным образом они, безусловно, были неприятны и Столыпину, который совсем не этими методами собирался преобразовывать аграрный сектор Империи. Кто из читателей не знаком с вечным стремлением российского руководства на местах бежать, условно говоря, впереди столичного паровоза?

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 827. Л. 106-107.

² «1) по делам в порядке Положения о землеустройстве; 2) по оказанию денежной помощи при землеустройстве; 3) по продаже казенных земель; 4) по сдаче в аренду казенных земель; 5) по ликвидации имений Крестьянского банка; 6) по покупке имений при содействии Крестьянского банка непосредственно от владельцев; 7) по покупке имений Крестьянским банком 8) по прочим делам». Причем налицо тенденция к уменьшению процента жалоб. Так, если за 1907–1911 гг. — жалобы поступили на 3,2% постановлений (Обзор деятельности Землеустроительных комиссий. 1907–1911. СПб., 1912. Таблица 14. С. 99), то в 1913 г. — на 2,3% постановлений (Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. Пг., 1914. С. 33), в 1914 на 2,0% (То же на 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 27), а в 1915 — 1,9% (То же на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 27).

Мозжухин сообщает, что в Богородицком уезде Тульской губернии бывали случаи, когда «землеустроители принимали всевозможные меры к поощрению и понуждению разверстаний. Обычно дело обстояло так: часть домохозяев заявляла о своем желании выделить им землю в единоличное владение, указывая при этом на участки лучшей и ближней земли. Остающиеся в общине крестьяне не соглашались дать им указанную землю и со своей стороны предлагали удаленные и плохие земли». Землеустроитель принимал сторону выделяющихся. «Видя, что лучшие земли отходят, общество, скрепя сердце, давало согласие на разверстание всей земли. Порой для получения нужного большинства голосов приходилось прибегать к крутым мерам, до вызова стражников включительно. Иногда за отказ от разверстания крестьянам угрожали изъятием из их владения земли Крестьянского банка; старосте за нерадение в землеустройстве угрожали всевозможные служебные репрессии и пр. и пр. Все подобного рода меры составляют самое темное пятно русского землеустройства»¹.

Однако любовное обсуждение этих случаев негативистской историографией имеет концептуальный изъян. Дело в том, что выдать из схода приговор иногда было реально, ведь реформа коснулась 222,3 тысяч земельных единиц (таблица 117), и думать, что земские начальники немедленно отказались от привычных способов общения с крестьянской массой, было бы наивно. А вот заставить крестьян сотрудничать с землемерами и Комиссиями на дальнейших стадиях землеустройства (а там требовалось именно сотрудничество!) и уж тем более принять проект, который их не устраивал, было просто невозможно. Коллективизация, слава Богу, еще не начиналась.

Вместе с тем, повторюсь, подобные неприятные инциденты были неизбежны ввиду гигантского масштаба проводимых работ.

Разумеется, недостатки имелись и в организации агрономической помощи, о чем в своих публикациях постоянно говорило само ГУЗиЗ (см. ниже).

А вот зарисовка на местном уровне.

Непременные члены Белгородской, Корочанской Курской, Льговской, Обоянской, Старооскольской и Суджанской Комиссий констатировали, что отчеты по агрономической помощи соответствуют «действительному положению агрономической помощи., при этом по Белгородскому, Льговскому и Обоянскому уездам выражается со стороны непременных членов одобрение деятельности земства».

Непременный член Дмитриевской комиссии нашел организацию из 2 агрономов — уездного и участкового — совершенно недостаточной для уезда и отметил почти полное отсутствие сельскохозяйственных чтений, «весьма полезных для населения» (чтения производились в 16 селениях 20 раз и имели слушателей от 22 до 250, а всего — 1577).

Непременный член Тимской комиссии указал на следующие дефекты агрономической помощи: «отдаленность в 3 участках местожительства агрономов от центров единоличного владения, малую результативность показательных полей на развитие в хозяйствах крестьян улучшенных севооборотов (34 на 2121 хозяйство), малую обслуженность этих хозяйств прокатными и зерноочистительными станциями, ограниченность условий отпуска в кредит им орудий и машин из земского склада (1/3 стоимости при покупке и 2/3 чрез 6 месяцев из 8% годовых), недостаточность учетов урожая только на показательных полях, отсутствие учета результатов мероприятий по животноводству и полное отсутствие мероприятий по птицеводству»².

¹ Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде ... С. 160.

² Государственный архив Курской области. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 22. Л. 67.

Эти данные свидетельствуют, что Землеустроительные комиссии отнюдь не формально и со знанием дела контролировали агрономическую помощь и агрономов (среди них, к слову говоря, был участковый агроном Фатежского, а затем Дмитриевского уезда Эспер Валерианович Делон¹). Бывали при организации агрономической помощи и менее важные изъяны, чем нехватка прокатных станций. Так, после осмотра трех быков на земском случном пункте инспектор сообщает, что «третий бык по экстерьеру совершенно порочное животное, самое большое — полукровок, с провалившейся холкой, узкогрудый, совершенно нежелателен»².

Совсем иной характер имеет информация, которую содержит «Отчет о ревизии учреждений агрономической помощи по Фатежскому уезду со стороны Фатежского земства 1915 г.», написанный 2 ноября 1915 г. губернским агрономом при землеустройстве Синькевичем: «Переходя к вопросу об общем впечатлении оставляемом у обозревателя над положением дел в Фатежском уезде агрономической помощи, считаю долгом совести представить все, что пришлось слышать о действиях лиц, соприкасающихся в настоящее время с делом агрономической помощи.

Управа и уездное земское собрание стоят на точке зрения и неоднократно подчеркивают это лицам агрономического персонала и всем служащим земства, что главными плательщиками налогов являются землевладельцы, и потому им преимущественно должна быть оказываема помощь во всех сферах, ведаемых земством.

Поэтому львиная доля средств, уделяемых, например, на прокатные станции и зерноочистительные пункты тратится на приобретение машин, имеющих применение или исключительно или преимущественно в крупных хозяйствах: клеверная сложная молотилка, нефтяные двигатели, сноповязалки, жнеи, травокосилки, конные грабли и т. п.

При отпуске машин на прокат преимущество делается землевладельцам, притом из них тем, кои пользуются влиянием или занимают видное общественное положение.

Так, покойный Л. П. Б-л, несмотря на существование правила записи желающих пользоваться машинами на прокат в книге очередей, приказывал агроному выдавать машины не по очереди записей, а по его Б-ла назначению, продиктованному им по собственному его произволу. Пресловутое применение минеральных удобрений с отпуском их на $\frac{1}{3}$ цены и после смерти Б-ла производилось так: жена предводителя дворянства Б-ва заявила, что ей нужно столько-то, кажется 200 пудов томасшлака; на складе имелось свободного только 50 пуд., остальное количество назначено было для отпуска крестьянам. Тем не менее по распоряжению и(сполняющего) д(ела) председателя Управы томасшлак отпускается Б-вой в количестве 150 пуд., а крестьянам остаются жалкие крохи.

Постановление уездного земского собрания о ликвидации склада земледельческих машин со скидкой на товары до 65% осуществляется весьма оригинально. Ликвидировались со скидкой все без исключения товары, даже такие, как плуг Сакка 7, которые теперь могли бы быть проданы с большой надбавкой в цене.

Как только окончилось земское собрание, постановившее ликвидацию, так первыми покупателями явились ближайшие к составу правящей партии люди и (при закрытых дверях склада, как утверждает г. Успенский) выбрали себе самые лучшие и ценнейшие машины: Я. Я. Кривцов забрал 5 плугов Сакка 7, Л. П. Б-л другие машины и т. п. После двери склада были открыты, но продажа со скидкой производилась, по

¹ Там же. Д. 35. Л. 19.

² Там же. Л. 105

словам очевидца (агронома Л. Ф. Полякова) следующим образом. В Управу приехал мировой судья Бурнашев, член управы, назначенный ликвидатором, В. Н. Толмачев, бывший волостной старшина, вскочил при появлении Б. и вытянулся в струнку.

При этом произошел примерно следующий разговор.

«— У Вас продаются машины со скидкой?»

— Так точно, Ваше Высокородие.

— А какую скидку Вы мне сделаете на такие-то машины?

— Какую прикажете, Ваше Высокородие.

Даже привычный к подбострастию местный чин чувствует себя смущенным.

— Ну какой же наибольший процент скидки у Вас допускается?

— 65%, Ваше Высокородие.

— И вы мне можете сделать на этих орудиях такую скидку?

— Со всем удовольствием, Ваше Высокородие.

Сделка заключается ко взаимному удовлетворению».

Наряду с приведенными фактами, самое бесцеремонное пользование услугами агрономического и технического персонала.

Не только земские служащие, но и состоящий на жалованье ГУЗиЗ садовый инструктор должен немедленно исполнять требования землевладельцев, принадлежащих к правящей партии. Иначе рискует наслушаться всяких «культурных» словес или получить замечание или даже угрозу увольнением от управы.

Люди правящей земской партии настолько развязно себя чувствуют, что позволяют себе даже «приказывать» (так и выражаются) садоводу или ветеринарному врачу явиться к ним в имение для надобностей их по хозяйству. А покойный Б-л не стеснялся держать у себя земского садового техника 8 мес. в качестве садовника при своем саде.

Вот та картина, которую наперерыв друг перед другом описывают попавшие в эту вотчину крепостных прав агрономы и специалисты.

Имеют успех только люди, применившиеся к искусству угождать влиятельным персонам, в то же время составившие себе дурную репутацию на прежней общественной службе. Так, здесь нашел себе приют небезызвестный по скандальному прошлому в Суджанском земстве врач Клисенко. Также прославившийся здесь же ветеринарный врач Шпакович, которого участковый агроном Гончаров в официальном донесении в уездную управу обвиняет в попустительстве (благодаря ходатайствам своей сожительницы) в пользу конюхов, собирающих с крестьян неположенные поборы за внеочередные ставки¹ с порученными наблюдению Шпаковича жеребцами на пункте. Конечно, агроном Г. чувствует себя здесь непрочно, да и ни один служащий, сохраняющий свое достоинство, не может здесь удержаться.

Предоставляю каждому судить, какова может быть работа агрономического и технического персонала в таких условиях нравственного состояния и рабочей обстановки. Я считаю все сделанное для крестьян, вырванное чуть не силой у правящей земской партии, страстотерпным каким-то подвигом местного персонала.

Между тем этому же персоналу приходится еще терпеть чрез других чинов ведомства ГУЗиЗ. Так, непременный член уездной Землеустроительные комиссии Беккер позволяет себе портить в глазах землевладельцев и крестьян дело агрономов и спе-

¹ Так в источнике. Возможно, следует читать «случки»?

циалистов, распространяя, что они ничего в своем деле не понимают, ничего не умеют делать, подрывая всячески доверие к техническим силам уезда в населении.

В то же время деятельность самого Беккера в уезде как неперемного члена уездной Землеустроительной комиссии внушает, во всяком случае, большое сомнение в преданности его интересам, по крайней мере, обслуживаемого им крестьянского района.

В то время, когда ГУЗиЗ выпустило циркуляр о необходимости воздерживаться на время войны от приведения в исполнение намеченных Землеустроительной комиссией дел ввиду отсутствия домохозяев, Б., ничтоже сумняшеся, стал приводить в исполнение раздел в натуре земли крестьян д. Березовец, вызвав протест оставшихся женщин. На протест Б. вздумал отвечать насилием, призвав к содействию полицию.

Бабы кольями разогнали полицию и самого Б. Тогда усмирять «бунт» явился исправник бар. Р. с усиленным отрядом стражников, произвел избиение, в результате которого 2 бабы преждевременно родили, одна со смертельным исходом.

Говорили, что Б. и Р. получают должное возмездие.

Теперь слухи утверждают, что следствие направлено на создание картины бунта, а Б. и Р. явятся преданными Царю и Родине служащими. Конечно, насколько все это верно, я не могу утверждать, но то, что я слышал, передается не из уст противной партии, а исходило от того же земского служащего персонала¹.

Это — поразительный документ, который показывает, насколько живучим было наследие крепостного права.

В этом тексте как бы сконцентрирована вся крепостническая генетика нашей страны.

Здесь себя не уважают и высшие, и низшие.

Только низшие еще не знают, что это необходимо и возможно, а высшие, которые, может быть, и читали Чехова, даже и не подозревают о том, что раба из себя выдавливать нужно не только «сыну крепостного, бывшему лавочнику, гимназисту и студенту, воспитанному на чинопочитании, целовании поповских рук».

Это только им самим — высшим — казалось, что они далеко ушли от своих отцов и дедов, которые пороли отцов и дедов этих волостных старшин и, возможно, агрономов у себя на конюшне.

Думаю, моя книга обеднела бы без этого документа. Потому что ее цель не просто рассказать об успехах модернизации Витте-Столыпина, но и показать, в каких условиях эти успехи достигались и как прав был В. О. Ключевский, когда писал о том, что России понадобится еще, может быть, сто лет, чтобы преодолеть влияние крепостного права.

Ста лет — оглянемся вокруг — оказалось мало.

Разумеется, этот отвратительный пласт присутствовал в реформе не только в Фатежском уезде Курской губернии, он присутствовал во всей российской жизни вообще.

Кстати, мы можем дополнить письмо губернского агронома Синькевича. В «Аттестационных списках неперемного членов уездных Землеустроительных комиссий на 1912–1914» есть важная информация о том, как протекала реформа в Фатежском уезде: «Крайне неблагоприятные условия уезда, где председатель Комиссии открытый противник землеустройства, а подчиняющиеся ему земские начальники оказывают (реформе — М. Д.) пассивное сопротивление, не дают возможности оценить дея-

¹ Там же. Л. 107-108об.

тельность г. Шалимова по землеустройству. Неглупый, знающий непрменный член он в то же время не имеет силы воли противодействовать неблагоприятно для землеустройства сложившимся обстоятельствам и дело два года совершенно не идет. — Неуд(овлетворительно)»¹.

Упомянутый в 1915 г. непрменный член Беккер, видимо, сменил Шалимова на посту непрменного члена Землеустроительной комиссии как раз после этой аттестации, но, как можно видеть, перемена оказалась не из лучших.

Приведенные факты полностью согласуются с мнением Б. Б. Веселовского о доминанте в деятельности Курского земства «агрессивных дворянских тенденций»².

О резко негативном отношении курского дворянства к аграрной реформе уже в 1907 г. сообщают д. с. с. С. А. Куколь-Яснопольский и с. с. Н. Н. Купреянов, которые вместе с А. А. Кофодом были командированы ГУЗиЗ в Псковскую, Витебскую, Могилевскую, Курскую губернию для разъяснения позиции правительства по ключевым вопросам начавшихся преобразований. С одной стороны, они отмечают, что «враждебные нынешнему правительству «левые» партии встретили землеустроительные комиссии недружелюбно. Мечтою этих партий издавна было прочно привязать к себе огромную, донныне в общем политически еще бесформенную массу сельского населения, что придало бы им трудноодолимую силу в их борьбе. На столь близкий крестьянству аграрный вопрос сторонники упомянутых политических групп смотрели как на действительнейшее средство привлечения деревни на свою сторону и привыкли разрешение этого вопроса считать делом своим. Решение правительства безотлагательно серьезно заняться земельным устройством крестьян его политическим противникам представилось покушением на их лучшие надежды и чаяния, попыткою выхватить у них почву из-под ног. Но, кроме этого тактического соображения, сама правительственная программа в этом деле показалась в противном лагере неудовлетворительною, частью потому, что земля по-прежнему остается в руках, ее непосредственно не возделывающих; отчасти из-за того, что предоставлен свободный выход из общины, сторонниками известных учений чтимой как фундамент будущего здания социалистического коллективизма; частью же ввиду того, что мысль устраивать в пределах возможного малоимущих, не обездоливая в то же время более состоятельных, разочаровывала многих и дразнила их пролетарские завистливо-ненавистнические инстинкты»³.

С другой стороны, «и «крайняя правая» партия, с которою командированным лицам пришлось иметь дело в Курской губернии, не обнаружила сочувствия к правительственным начинаниям в деле земельного устройства крестьян. Губернский предводитель дворянства граф Доррер в частной беседе заявил, что в партии его имеются «лишь генералы и нижние чины»... Вероятно, ввиду отсутствия между командующими и рядовыми хороших работников-«офицеров» партия ко времени посещения губернии уполномоченными правительства не уяснила себе аграрных задач, порученных комиссиям, ни в общем, ни в частности; не отдавая себе даже отчета в том, что такое хуторское расселение, она тем не менее вперед осудила его как несбыточную фантазию.

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 33. Л. 39.

² Веселовский Б. История земства... Т. 4. С. 330–342.

³ Гутерц А. В. Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. М., 2003. С. 190.

Выслушав в губернском совещании подробные разъяснения относительно хуторов, граф Доррер и Говорухо-Отрок (председатель Белгородской уездной земской управы — М. Д.) не изменили, по-видимому, своего взгляда по этому вопросу, насколько можно, по крайней мере, судить по позднему отзыву органа партии «Курская быль», где выгоды хуторского расселения насмешливо сводились к лишней крынке молока в крестьянском хозяйстве и к увеличению доходов духовенства от треб. Лишь продаже крестьянам земли партия сочувствует, главнейше потому, что многие помещики бегут от опасного соседства крестьян и продают поэтому свои имения, почти монопольным приобретателем коих теперь является Крестьянский банк. Граф Доррер прямо заявил в губернском совещании, что если крестьяне-покупатели не могут по условиям своего хозяйства выдержать цен, выгодных помещикам-продавцам, то казна должна непосильную для крестьян разницу уплачивать помещикам. В отношении партии к крестьянам вообще сквозит горечь воспоминаний недавно омрачивших жизнь губернии многих ужасных погромов и насилий в частновладельческих имениях»¹.

При этом граф Доррер был «безусловным защитником общины и общинного владения; улучшение крестьянского землепользования составляет, по его мнению, задачу далекого будущего, в настоящее же время возможно лишь увеличение площади крестьянского землевладения, что должно быть, однако, произведено без нарушения имущественных интересов помещиков, между тем Крестьянский банк, понижая цены на землю, действует в совершенно противоположном направлении»².

Понятно, какое влияние на ход землеустройства имело такое отношение местных деятелей к реформе. Понятно также, насколько непросто было найти для 47 губернских и 463 уездных комиссий тысячи в равной степени квалифицированных и притом инициативных специалистов. Так, в «Обзоре деятельности Землеустроительных комиссий губерний Северо-Восточного района (апрель 1914 г.» читаем: «По большинству дел, находящихся в производстве, землеустроителями назначаются земские начальники и землемеры. Между тем, как те, так и другие в громадном большинстве случаев являются лицами, не вполне подготовленными к ответственному и сложным обязанностям землеустроителей за недостатком опыта и знаний в деле землеустройства, неосведомленности (как) с правовой, юридической стороной, так и с технико-хозяйственной. В силу этого, за действиями землеустроителей из числа земских начальников и землемеров особенно необходим в интересах дела бдительный надзор и постоянное руководство со стороны непререкаемых членов уездных комиссий.

Надзор этот и руководство заставляют непререкаемых членов уездных комиссий почти непрерывно переезжать с одного дела на другое, что при огромных расстояниях, чрезвычайной разбросанности работ и бездорожье в большинстве губерний северо-восточного района отнимает у них массу времени и труда, одновременно лишая их возможности правильно нести обязанности по канцелярии комиссий и по подготовке более сложных дел, которые по отмеченным выше причинам поручать земским начальникам либо землемерам не представляется допустимым. Принимая во внимание, что подготовку сложных дел необходимо завершать обязательно в течение летнего полевого периода, когда поверхность земли не покрыта снегом и землеустраиваемая мест-

¹ Там же. С. 190–191.

² Там же. С. 212.

ность доступна для изучения, — работа непрременных членов в этот период времени достигает особенно высокого напряжения. Переобременение работой непрменных членов не может не отразиться отрицательно на качественной стороне исполняемых дел, так как непрменные члены вынуждены работать ускоренным темпом и лишены возможности подолгу останавливаться на отдельных делах»¹.

Однако вышесказанным кадровая проблема не исчерпывалась. Было бы неправильно думать, что все тысячи сотрудников комиссий поголовно были сторонниками реформы, «горели на работе» и видели в утверждении частной собственности крестьян на землю реализацию своих заветных надежд на светлое будущее России. Аграрные преобразования Столыпина, как известно, с самого начала встретили явное и скрытое противодействие (в том числе и прямой саботаж) со стороны немалой части образованного класса и большинства интеллигенции. Мы как-то забываем, что реформа началась, когда ещё не везде остыли пепелища на месте разгромленных усадеб, и что две первые «кадетские» Думы собрались только для того, чтобы добить «ненавистный режим» (настроения крестьян — отдельная большая проблема). А Столыпинская аграрная реформа, предоставлявшая миллионам крестьян право собственности на землю, в корне противоречила тому, что для тысяч представителей общественности было аксиомой едва ли не с детства.

Поэтому неудивительно, что неприятие реформы объединяло множество людей вне зависимости от их политических взглядов. Понятно, что и такие люди попадали в состав комиссий и не только землемерами, но и землеустроителями и даже непрменными членами², они были и среди агрономов.

Всё это, несомненно, отражалось на интенсивности землеустройства, которое, как мы видим, зависело не только от природно-климатических условий, истории в широком смысле данного уезда и губернии, но и от элементарных личностных качеств исполнителей, а также от их политических взглядов.

И все-таки не эти факты определяли ее течение.

Констатируя громадный прогресс во всех отраслях сельского хозяйства в годы реформы, мы не должны впасть в эйфорию. Успехи преобразований, как, впрочем, и все вообще, надо стараться оценивать, по возможности, в настоящую цену, не преуменьшать, как это делалось сто лет подряд, но и не преувеличивать без меры.

Прекрасно сказал об этом А. А. Кауфман: «С радостью следит он (Кауфман — М. Д.) за тем пышным расцветом агрономической помощи, который принесли последние годы и который, конечно, не остановится на уже достигнутых результатах; следит за почти фантастическими скачками правительственных и земских ассигнований на агрономическую помощь, за разрастающейся из ничего многотысячной агрономической силой.

Количественный расцвет, **количественный** прогресс агрономической помощи — факт, легко уловляемый на цифрах и потому не подлежащий никакому оспариванию или сомнению. Труднее ответить на вопрос, как обстоит дело с **качественной** стороной.

Сколько-нибудь окончательный ответ на этот вопрос даже и преждевременно попытаться дать: ведь агрономическая помощь в современном виде, в частности ее наи-

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 884. Л. 10а-10-а об.

² Богатый и не оставляющий сомнений в серьёзности данного обстоятельства материал на этот счёт содержится цитируемая капитальная публикация А. В. Гутерца.

более жизненный элемент, участковая агрономия, — это пока новорожденный младенец; как будто бы здоровый младенец, жизнерадостный, полный сил, — но все-таки младенец, и трудно сказать, что вырастет из этого младенца, как он сумеет использовать играющую в нем силу.

Сейчас младенец еще только учится ходить: его поступь нетверда, он пошатывается из стороны в сторону.

Перелистайте хотя бы несколько книжек «Земского Агронома», первых попавшихся, — вы, чуть не в каждой книжке, найдете написанные в весьма минорном тоне статьи и сообщения работников общественной агрономии, — в которых ясно почувствуете известную беспочвенность, беспомощность, недостаток связи с жизнью.

Эта беспомощность имеет не один источник, а несколько. Младенец не тверд на ногах уже просто потому, что он — младенец: у нашей земской агрономии нет твердой почвы под ногами, она чувствует себя несколько беспомощной — просто потому, что она только еще зарождается; что она, значит, не имела времени завоевать себе симпатий и доверия населения, главное же — не имела времени выработать методы и приемы воздействия на сельскохозяйственную практику, которые она должна проводить в жизнь; не имела времени реально и конкретно выяснить себе, во всех необходимых подробностях, то направление, куда она должна вести сельскохозяйственную практику, при данной совокупности условий времени и места¹.

Как видим, Кауфман объективно оценивает ситуацию — да, земская агрономия «только еще зарождается» и испытываемые ею трудности начального периода совершенно понятны. Вместе с тем любопытно сравнить его мнение о том, что она «не имела времени завоевать себе симпатий и доверия населения», с восприятием крестьянами, перешедшими на хутора и отруба, правительственных агрономов в районах землеустройства. Там источники рисуют иную картину, и, по крайней мере, о недоверии речи нет².

8.9. Развитие сельскохозяйственного образования, опытного дела и огнестойкого строительства в годы реформы

В контексте анализа Столыпинской аграрной реформы логично сказать несколько слов о подготовке агрономов и вообще специалистов по сельскому хозяйству в рассматриваемый период.

В «Обзоре деятельности ГУЗиЗ за 1911 г.» есть важные для понимания данной темы в широком контексте времени: «В отношении сельскохозяйственного образования за последние пять лет произошла резкая перемена, ибо **к началу этого периода положение было таково, что лица с агрономической подготовкой не находили достаточного спроса**, и значительный процент их должен был искать применения своим силам вне сельскохозяйственного поприща деятельности, в последнее же время спрос на агрономический персонал значительно превышает число лиц, оканчивающих

¹ Кауфман А. А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара, 1916. С. 7.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 584–602.

не только все виды казенных и общественных сельскохозяйственных школ, но и всякого рода частные курсы и школы.

На правительственную и общественную службу стягиваются по возможности все лица, имеющие сельскохозяйственную подготовку, и все же чувствуется огромный недостаток в агрономическом персонале. К тому же быстро растет спрос на сельскохозяйственные знания и среди рядового земледельческого населения.

При таких условиях расширение старых и создание новых сельскохозяйственных учебных заведений, будучи очередным делом государственной важности, обращало на себя особое внимание ведомства. **Однако результаты, достигнутые им в этом направлении, пока еще весьма недостаточны»¹.**

В 1913 г. кредиты на сельскохозяйственное образование увеличились с 4,3 до 5,3 млн руб. Чтобы оценить эти цифры, нужно вспомнить динамику этих расходов в предшествующий период. Еще в 1906–1908 они колебались в пределах 1590–1759 тыс. руб.², в 1909 г. выросли до 2320,5 тыс. руб., в 1910 г. выросли более, чем в полтора раза в сравнении с 1906 г. — до 2644,2 тыс. руб.³, в 1911 г. — более, чем удвоились — 3691,6 тыс. руб., в 1912 г. — почти утроились — 4662,4 тыс. руб.⁴, в 1913 г. составили 6,6 млн руб., т. е. увеличились в 3,6–4,0 раза. Перелом, как мы видим, и здесь наступает в 1910–1911 гг.

Это подтверждает динамика числа сельскохозяйственных учебных заведений. В 1906–1908 гг. их насчитывалось 223–229, в 1909 г. — 238, в 1910 г. — 246, в 1911 г. — 273, в 1912 г. — 305 и в 1913 г. — 360. Таким образом, с 1909 по 1913 гг. численность их увеличилась в полтора раза.

Таким образом, в годы аграрной реформы Столыпина сельскохозяйственное образование переживало настоящий бум.

Ведомство, вполне понимая огромную важность проблемы, было сосредоточено, во-первых, на расширение сети сельскохозяйственных учебных заведений и улучшении образовательного процесса в них и, во-вторых, на распространении сельскохозяйственных знаний внешкольными путями посредством курсов, чтений, бесед, показательных мероприятий, музеев, выставок, выпуска популяризаторской литературы и т. д.

В рассматриваемый период в России было несколько типов низших сельскохозяйственных учебных заведений. Во-первых, трехлетние сельскохозяйственные школы 1-го и 2-го разрядов, созданные на основе Положения 1883 г., для поступления в которые требовалось окончание одноклассной начальной школы.

Во-вторых, низшие сельскохозяйственные училища, создаваемые на основе Положения о сельскохозяйственном образовании 26 мая 1904 г., предоставлявшем большую свободу выбора типа учебного заведения земствам и сельскохозяйственным обществам. Сюда принимали лиц, окончивших двухклассные сельские училища, а выпускали они низших агентов агрономической организации на местах — заведующих складами, агрономических старост, знающих хозяйство учителей народных школ, служащих в кооперативах, кредитных товариществах и т. д.⁵

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1911 г. СПб., 1912. С. XV–XVI.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. ... С. 14.

³ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1910 г. СПб., 1911. С. 6.

⁴ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. СПб., 1913. С. 8; ГУЗиЗ. Итоги работ... С. 11.

⁵ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 231.

С началом реформы открылось множество практических школ и разнообразных курсов и классов. Новой разновидностью низших учебных заведений стали двухлетние начальные сельскохозяйственные школы по правилам 15 октября 1908 г. Они должны были дать учащимся необходимую подготовку к ведению своего собственного хозяйства. Туда принимали молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет, закончивших одноклассную школу. Курс состоял из теоретического изучения предметов и практических занятий по хозяйству, причем предполагалось, что практические навыки в хозяйстве учащиеся получают дома в своих хозяйствах.

Общий устав таких школ утвержден Главнуправляющим ГУЗиЗ в ноябре 1912 г. Эти школы близко подходили к типу германских сельских дополнительных школ, постановкой которых, наконец-то, заинтересовались ГУЗиЗ и земства.

В 1911 г. был разработан устав народной сельскохозяйственной школы 2-го разряда, по положению 26 мая 1904 г., для взрослых людей обоего пола не моложе 18 лет. Обучение в ней продолжалось 1 или 2 года и состояло «в упражнении чтению, письму, счету в применении к сельскому хозяйству, сообщении кратких сведений об явлениях природы, а также в чтениях и беседах по вопросам местного хозяйства». Был поднят, наконец, давно назревший вопрос и о введении преподавания элементарных сведений по сельскому хозяйству в общеобразовательных начальных училищах Министерства народного просвещения и Св. Синода¹.

В 1913 г. ГУЗиЗ повысило статус нескольких школ по Положению 26 мая 1904 г., в том числе 6-ти из 9-ти сельскохозяйственных школ Степного генерал-губернаторства, для которых это преобразование являлось давно назревшей необходимостью. При этом Петропавловская школа как наиболее оборудованная стала низшим сельскохозяйственным училищем, предназначенным для выпуска низших агрономических агентов для общественно-агрономических организаций в крае, а Кокчетавская школа стала школой молочного хозяйства.

В том же году ГУЗиЗ утвердило общий устав для низших сельскохозяйственных училищ сельскохозяйственных деле по вопросам об организации сельскохозяйственных училищ, состоявшееся при Департаменте земледелия в 1912 г.

В 1913 г. было созвано совещание по вопросам об организации специальных садовых учебных заведений, на котором были разработаны 1) программы и методы обучения в названных учебных заведениях, 2) нормальные учебные планы, 3) проекты уставов для низших училищ садоводства, школ 1-го разряда и практических школ садоводства².

Среднее образование

За годы реформы было открыто лишь 5 средних сельскохозяйственных училищ — Донское в Новочеркасске (1907), Ковенское и Верхнеднепровское (1911), Омское и Тамбовское (1912).

Их выпускники по преимуществу работали участковыми и другими агрономами, специалистами, инструкторами в государственной и земских организациях³.

Тридцатого июня 1913 г. был утвержден закон об изменении порядка открытия

¹ Там же. С. 232–233.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. Пг., 1914. С. 57–58.

³ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет ... С. 234.

средних сельскохозяйственных училищ. Отныне глава ГУЗиЗ имел право своей властью создавать средние сельскохозяйственные училища, которые субсидировались на средства частных лиц, земских, городских, общественных и других учреждений или совместно с казной. Это, разумеется, открывало серьезные перспективы в деле развития среднего сельскохозяйственного образования.

Было намечено учреждение новых средних сельскохозяйственных училищ в Курской губернии, в Туркестанском крае и в Кубанской области, а также преобразование Белокриницкой сельскохозяйственной школы и ряда других низших учебных заведений в средние училища (прежде всего в Степном крае).

Разработан вопрос о преобразовании Эйгенфельдским обществом низшего сельскохозяйственного училища в среднее сельскохозяйственное учебное заведение.

В 1913 г. был произведен первый выпуск окончивших курс Горьковского землемерно-агрономического и Донского сельскохозяйственных училищ.

Всего средних сельскохозяйственных учебных заведений на 1 января 1914 г. было 17, в том числе казенных — 13 и субсидируемых казной — 4.

Высшее образование

К началу реформы ситуация с высшим образованием была следующей. Крупнейшим высшим агрономическим учебным заведением в России был Московский сельскохозяйственный институт, заменивший в 1894 г. вечный источник беспорядков, Петровскую академию, высшие курсы виноградарства и виноделия в Никитском саду, Лесной институт в Петербурге. Появились частные ВУЗы, пользовавшиеся правительственными субсидиями — Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге (1904), женские же курсы в Москве, Харькове и Саратове (1908) и курсы для лиц обоего пола в Петербурге (1906)¹.

Этого, конечно, было недостаточно, но реформаторам удалось изменить ситуацию. Рост кредитов позволил в 1911 г. открыть молочно-хозяйственный институт в Вологде, а в 1913 г. еще два новых высших сельскохозяйственных учебных заведения: Воронежский сельскохозяйственный институт Императора Петра I и сельскохозяйственные курсы в Саратове (они учреждены Саратовским обществом сельского хозяйства и пользовались субсидией Главного управления).

В январе 1913 г. специальное совещание решило учредить в Омске высшее сельскохозяйственное учебное заведение в составе 4 отделений — агрономического, ветеринарного, инженерного и лесного.

Кроме того, ГУЗиЗ разработал план учреждения в будущем высших сельскохозяйственных учебных заведений: 1) сельскохозяйственного института в Бессарабии, 2) сельскохозяйственного института в Северо-Западном крае, 3) сельскохозяйственного института в Екатеринославской губернии (на средства, завещанные С. Н. Колачевским), 4) сельскохозяйственного института в Пермской губернии и 5) гидротехнического отделения при Воронежском сельском хозяйством институте императора Петра I². Намечены были также к учреждению гидротехнические институты или отделения в Ташкенте и Омске³.

¹ Там же. С. 235.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. X–XI.

³ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 56.

К 1 января 1914 г. в России было 9 высших сельскохозяйственных учебных заведений, из них казенных — 4, и субсидируемых казной — 5. В них обучалось 4346 студентов, в 1913 г. 252 человека закончило курс.

И в этой сфере деятельности ГУЗиЗ мы видим программу, видим стратегический подход к проблеме.

Еще одна сфера деятельности ГУЗиЗ, о которой нам необходимо иметь представление, — **сельскохозяйственное опытное дело**¹.

Люди, далекие от сельского хозяйства, не всегда оценивают ее должным образом, а между тем опытные станции, поля, участки играют в сельскохозяйственной сфере ту же роль, что лаборатории в физике и химии, биологии и медицине.

Понять сугубую важность опытного дела для пореформенной России позволяет следующая мысль А. А. Кауфмана (1915 г.), в которой он описывает плоды запоздалого осознания общественностью необходимости сельскохозяйственного просвещения: «Как... очевидец, решаюсь утверждать, что по отношению к черноземному хозяйству агрономия каких-нибудь 10–15 лет тому назад была совершенно беспомощна.

Она не знала, что сказать о таких основных вопросах, как применение на черноземе навозного удобрения, как выбор трав для полевого травосеяния — так живо помню одинокие в то время усилия В. С. Богдана с его житняком в глухом углу Самарских степей!

Для нее оставался открытым вопрос, нужно ли идти от отмирающего залежного хозяйства к трехполью и затем уже от него к высшим формам хозяйства, или же в условиях нашей черноземной полосы следует перескочить через трехполье и от залежного идти прямо к некоторому новому типу.

А при таких условиях медлить с устройством опытных учреждений, не понимать — как не понимают многие и до сих пор — что **агрономический опыт должен не следовать за уже назревшей потребностью, а идти впереди ее**, — это было «хуже чем преступлением — ошибкой», в которой одинаково повинны и правительство, и земство, и те общественные круги, взгляды и настроения которых отражались в деятельности, или, точнее — в бездеятельности правительства и земства.

Да простит мне читатель это невольное отступление... это отступление извинительно со стороны человека, который в былой своей практической деятельности в области крестьянского землевладения и колонизации лоб себе разбивал о неумение и нежелание понять то, что теперь стало азбучною истиной... Впрочем, тоже не для всех»².

Полагаю, у Кауфмана были все основания для подобной эмоциональности.

Первые опытные станции возникли в 1870-х гг. и считались единицами. Лишь после того, как в 1894 г. было создано Министерство земледелия во главе с А. С. Ермоловым дело сдвинулось с мертвой точки. В 1899 в стране насчитывалось 47 опытных учреждений, 17 казенных, 14 земских, 11 общественных и 5 частных³.

Двадцать восьмого мая 1901 г. было принято «Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях», наметившее для них широкое поле действия, — производство научных и практических опытов и исследований в области агрономии и сельского хозяйства для выработки оптимальных приемов ведения сельского хозяйства и распро-

¹ Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII — 20-е годы XX века. В 2-х тт. М., 2008.

² Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 10–11.

³ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 244.

странения их среди населения, а также изучение местных геологических и климатических условий, влияющих на сельское хозяйство.

С началом реформы опытное дело начало развиваться гораздо интенсивнее, ассигнования на него стали постоянно возрастать.

В 1908 г. ГУЗиЗ созвало в Петербурге совещание по организации опытного дела с участием представителей науки и местных опытных учреждений.

Это совещание, во-первых, констатировало недостатки в современном состоянии опытного дела и его несоответствие с запросами быстро развивающейся агрономической помощи, а во-вторых, высказалось за его реорганизацию.

Опираясь на опыт США, было решено создать в каждой почвенно-климатической области из нескольких губерний крупную областную опытную станцию с отделами по всем важнейшим отраслям агрономического исследования.

До 1910 г. Департамент земледелия созвал 10 областных совещаний по опытному делу, разработавших проекты о преобразовании 6-ти казенных опытных станций (Энгельгардтовской в Смоленской губернии, Шатиловской в Тульской губернии, Безенчукской и Костычевской в Самарской губернии, Сухумской на Кавказе и Ташкентской в Туркестане) и об учреждении 4 новых областных опытных станций — в Екатеринославе для западной половины степной полосы (губернии — Херсонская, Таврическая и Екатеринославская), в Харькове — для центральной части черноземной лесостепной полосы (в губерниях — Полтавской, Харьковской, Курской и Воронежской), в Саратове — для восточной половины степной полосы (степные части губерний — Саратовской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Уфимской) и в Киеве — для лесостепных частей губерний Киевской, Подольской, Волынской и Черниговской¹.

Государственная Дума одобрила эти проекты (закон 9 июня 1912 г.).

Согласно новому закону, казна принимала на себя до 75% всех одновременных и ежегодных расходов, а остальные средства обеспечивались земствами, вступившими в союз для содержания областной станции.

Совещанием 1908 г. запланировало, помимо областных (районных) станций, создание сети опытных учреждений, занимающихся исследованием потребностей конкретных местностей. В отдельных губерниях по инициативе губернских земств возникают внутрирайонные или местные опытные станции, опытные поля, опытные участки и так называемые коллективные опыты, когда агрономы убеждали некоторое количество крестьян испытать те или иные приемы обработки почвы, удобрений, различные сорта культурных растений и т. д.

Таким образом, со временем должна была появиться весьма стройная система опытного дела, охватывающая территорию страны от уровня уездов до уровня экономико-географических регионов².

В 1913 г. началось практическое осуществление закона 9 июня 1912 г. об областной организации опытного дела, призванной внести в деятельность отдельных опытных учреждений начало объединения и планомерности.

При этом сеть опытных учреждений постоянно расширялась. На 1 января 1910 г. насчитывалось 110 местных опытных учреждений, на 1 января 1913 г. — 194³, а к 1 января 1914 г. 255, причем 150 из числа частных субсидировались казной⁴.

¹ Там же. С. 248.

² Там же. С. 248–249.

³ Там же. С. 246.

⁴ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г... С. XII.

В 1906–1907 гг. расходы ГУЗиЗ на опытное дело равнялись 462,8-463,0 тыс. руб., в 1908 г. — 539,3 тыс. руб.¹ и с тех пор неуклонно возрастали — до 2398 тыс. руб. в 1912 г., 3787 тыс. руб. в 1913 г.; на 1914 г. было запланировано 4587 тыс. руб. — в 9,9 раз больше чем в 1906 г., но эти ассигнования были срезаны войной².

Конечно, опытное дело за годы реформы сделало громадный рывок вперед, но вместе с тем оно только вошло в стадию стабильного полноценного развития, и здесь оставались еще большие резервы.

Это выражалось, во-первых, в том, что большая часть опытных учреждений занималась исключительно проведением полевых опытов и в меньшей степени исследованиями лабораторного характера, во-вторых, в слабом развитии учреждений специального характера. Такое положение естественно вытекало из преобладания в сельском хозяйстве полеводства и прежде всего зерновых культур, подчиненного значения животноводства и слабой еще специализации в отраслях сельского хозяйства³.

Тем не менее опытное дело дореволюционной России и система сельскохозяйственного образования стали фундаментом для развития сельскохозяйственной науки в СССР. Достаточно напомнить, что в 1910 г. на Полтавской опытной станции агрономическую практику прошел 23-летний студент Московского сельскохозяйственного института Николай Вавилов.

Приведенная выше информация важна, в частности, для понимания того, что советская власть захватила власть отнюдь не в пустыне.

Огнестойкое строительство

В связи со землеустройством необходимо сказать об одном совершенно новом и очень важном направлении деятельности ГУЗиЗ — огнестойком строительстве.

Для того, чтобы у читателей не возникло соблазна недооценить эту сферу приложения усилий Управления, как это поначалу произошло с автором этих строк, приведу следующие строки из книги А. С. Ермолова «Современная пожарная эпидемия России» (СПб., 1910). Указывая на неполноту имеющейся информации по этой проблематике, он приводит данные, которые есть в его распоряжении и «которыми приходится довольствоваться за неимением других. При всей их неполноте, из данных, заключающихся в отчетах Центрального статистического комитета за прежнее время, начиная с 1860 г., видно, что размеры пожарных убытков у нас постепенно повышались. Так, беря средние по десятилетиям, получаем следующие цифры:

Средняя годовая цифра пожарных убытков:

С 1860 по 1869 год.....	37 млн руб.
С 1870 по 1879 год.....	56 млн руб.
С 1880 по 1889 год.....	74 млн руб.
С 1890 по 1899 год	79 млн руб.
За 5-летие с 1900 по 1905 г.....	93 млн руб.

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. ... С. 14.

² Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 249.

³ Там же. 247–248.

При другой комбинации годов, за десятилетие с 1895 по 1904 год средняя годовая сумма пожарных убытков исчислялась в 81500 тыс. руб., причем число пожаров колебалось от 52058 до 69578 в год, а размеры убытков от 61370 тыс. до 121726 тыс. руб.

Но все эти данные, по-видимому, далеко ниже действительности, и различные авторы, которые занимались этим вопросом, приходили к цифрам совершенно иным. Так, по исчислениям проф. Каблукова, средняя годовая сумма пожарных убытков в России составляет 100 млн руб., по данным инженера Пресса — 336 млн руб., эту же сумму приводит и «Пожарный календарь» на 1910 г., Императорского российского пожарного общества; по расчетам пожарного отдела акционерных страховых обществ — в России ежегодно гибнет от огня имущества на 440 млн руб.!»¹.

Не вдаваясь в причины этого плохо поддающегося осмыслению явления, уясним себе его масштаб, вспомнив стоимость вооружений потерянных в годы войны с Японией — порядка 250 млн руб.

Сельские пожары справедливо считались национальным бедствием России. Рачительные помещики часто требовали от крестьян разносить избы на безопасное расстояние, но это все же были исключения.

После 1861 г. борьба с сельскими пожарами была возложена на земства, которые много сделали для того, чтобы страхованием переломить инерцию отношения к этой проблеме. Однако на пожароопасное состояние крестьянских жилищ внимание было обращено относительно поздно.

Землеустройство, при котором жилые и хозяйственные постройки нередко стали переноситься или заново воздвигаться, стало хорошим поводом для улучшения крестьянских жилищ в смысле пожарной безопасности.

В привлечении внимания к этой злободневной проблеме определенную роль, надо думать, сыграла и цитируемая работа А. С. Ермолова.

Закон 29 мая 1910 г. возложил на Землеустроительные комиссии попечение о сельском огнестойком строительстве, превратившемся в вопрос государственной важности. С этого времени огнестойкое строительство, которое сначала было лишь одним из видов помощи при землеустройстве и на которое в 1910 г. было истрачено лишь 35,8 тыс. руб., превратилось в самостоятельное направление деятельности ГУЗиЗ, что нашло отражение в появлении с 1 августа 1914 г. новой структуры — «отдела сельского строительства».

В 1911 г. на огнестойкое строительство было истрачено 2029,7 тыс. руб., в 1912 г. — 2989,4 тыс. руб., а в 1913 г. — 4945 тыс. руб., т. е. на 65% больше, чем в 1912 г.²

Свои основные задачи ведомство видело:

1) в создании постоянного контингента техников, мастеров и рабочих, знакомых с теорией и практикой сельского строительства;

2) в устройстве возможно большего числа заводов, мастерских и складов;

3) в распространении среди населения сведений об огнестойком строительстве;

4) в разработке наиболее практичных образцов сельских построек и

5) в оказании ссудной помощи переселенцам на хутора и отруба.

В 1913 г. на работу было приглашено 318 техников с высшим и средним образо-

¹ Ермолов А. С. Современная пожарная эпидемия в России. СПб., 1910. С. 7–8.

² Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 122; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. VII.

ванием и 1856 техников с низшим образованием и мастеров. Было открыто 10 специальных школ и постоянных курсов, ряд временных курсов в 81 населенном пункте, где 1–1,5 месяца обучали исключительно практически — «курсисты» самостоятельно изготавливали строительные материалы, строили крыши и печи, возводили целые постройки.

Для подготовки старших техников-руководителей были организованы курсы огнестойкого строительства при Харьковском технологическом институте, а в Нижнем Новгороде и Симферополе — при губернских Землеустроительных комиссиях. Кроме того, ГУЗиЗ заключило соглашения с частными строительными курсами в Москве и Петербурге о подготовке ими технического персонала¹.

В 1913 г. ГУЗиЗ отпустило средства на оборудование 525 мастерских цементной черепицы и 58 гончарно-черепичных заводов и устройство 381 склада, была оказана помощь 313 кустарным предприятиям по изготовлению черепицы и кирпича².

К началу 1914 г. насчитывалось около 1 тыс. заводов и мастерских по производству черепицы и цементно-песчаных камней³. При этом имелись и временные мастерские, которые делали черепицу и камень с помощью передвижных станков там, где строились новые здания. Устраивались выставки, публичные чтения, издавались брошюры и т. п.

За 1913 г. было устроено около 40 тыс. огнестойких крестьянских построек, и, кроме того, по сведениям ведомства, ежегодно число крытых черепицей построек в стране увеличивалось на 100 тысяч.

За содействием правительству обратилось к земствам, и было услышано. Земство, чтобы получить в свое ведение огнестойкое строительство, должно было выполнить ряд условий: предоставить свой технический персонал и на казенные суммы приспособить свои производственные мощности и склады для нужд устраиваемого населения, или же открыть в районах расселения новые мастерские для быстрого удовлетворения запросов крестьян.

В большинстве губерний земские ассигнования стали превышать казенные; из числа средств, ассигнованных на огнестойкое строительство, 79% вне районов землеустройства и 47% в районах землеустройства было передано в распоряжение земств.

Была разработана система ссуд на огнестойкое строительство. Большая часть этих кредитов расходовалась на организацию помощи крестьянам, переселяющимся на хутора и выселки. В 1913 г. из 2852,7 тыс. руб., израсходованных на организационные мероприятия (не считая суммы отпущенной на ссуды единоличным владельцам), 2104,2 тыс. руб. были затрачены в районах землеустройства и 748,5 тыс. руб. — вне этих районов⁴.

При каждой губернской Землеустроительной комиссии были созданы особые содействия по сельскому строительству во главе с губернатором.

Спрос на огнестойкие материалы так возрос, что вся произведенная продукция закупалась населением на год вперед, поэтому велика была доля импорта черепицы, прежде всего из Марселя (ее еще и сейчас можно встретить в Крыму).

¹ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 123–124.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 18–19.

³ Там же. С. VII.

⁴ Там же. С. 19; Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 123.

8.10. Развитие кооперации в годы реформы

В ряду зримых и бесспорных признаков перемен, охвативших страну и прежде всего российскую деревню после 1906 г., очень важное место принадлежало кооперативному движению, все формы которого переживали подлинный подъем и которое вовлекло в свои ряды десятки миллионов жителей страны. Оно имело различные формы, однако все они, безусловно, меняли к лучшему положение крестьян.

8.10.1. Сельскохозяйственные общества

Одним из важнейших компонентов агрономической помощи была сельскохозяйственная кооперация всех видов, также бурно прогрессирующая в эти годы.

Она началась, как известно, еще в первой половине XIX в., развивалась, хотя и непросто, в пореформенное время, однако именно Столыпинская аграрная реформа придала ей невиданное ускорение и по ряду параметров вывела на достойный международный уровень.

Главная роль здесь принадлежит заинтересованности правительства, которое различными способами, начиная с немалых ассигнований, стимулировало развитие кооперации.

Велика была роль сельскохозяйственных обществ. Они, также, как и участковая агрономия, и, может быть, нередко даже более эффективно, давали тысячам российских крестьян то, чего им так не доставало — живой пример *новой* жизни. Их роль, как и сельскохозяйственных товариществ и других кооперативов, в общем подъеме сельского хозяйства вообще и агрокультуры, в частности, в начале XX в. только начинает оцениваться по достоинству¹.

Специалисты ГУЗиЗ имели полное право видеть в этих обществах «едва ли не самое яркое свидетельство растущего в среде сельского населения сознания необходимости сельскохозяйственных улучшений», которое отсутствовало еще несколько лет назад; общества, по их мнению, «помимо своего самостоятельного и внутреннего значения, играют еще чрезвычайно важную роль в качестве опорных организаций как местных общественных учреждений, занятых делом оказания агрономической помощи населению, так и для центрального сельскохозяйственного ведомства»².

В конце 1890-х гг. их число было около 270, в конце 1905 г. оно составило 1000, к началу 1911 г. — 3103, к началу 1915 г. — 5795. В это число вошли 4925 «общесельскохозяйственных» обществ (по сельскому хозяйству вообще) и кружков с их местными отделами и 870³ специальных сельскохозяйственных обществ, которые концентрировали свою деятельность на отдельных отраслях сельского хозяйства или на отдельных категориях сельскохозяйственных мероприятий.

Сельскохозяйственных товариществ и артелей с утвержденными уставами в 1900 г. насчитывалось не более 50, в конце 1911 г. — 325, в начале 1913 г. — свыше 900,

¹ Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг.: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2; Она же. Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // Историко-биологические исследования. Вып. № 3 (т. 4), 2012. Свиридов В. В. Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии: вторая половина XIX — начало XX вв. Автореф. канд. дисс. Тамбов, 2006.

² Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 15.

³ Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. (под ред. В. В. Морачевского). Ч. 1. Общий обзор. Пг., 1916. С. 1.

причем 321 из них было общим, а 581 специальным. Росла численность кредитных кооперативов, «имеющих вполне очевидное косвенное, нередко — и более прямое отношение к делу улучшения хозяйства: еще к концу 1903 г. их не было и 400; к концу 1906 г. их было уже 1210, к сентябрю 1909 — почти 3200, а к концу февраля 1913 г. их число достигло уже 7881, — количество же аналогичных с ними по цели ссудо-сберегательных товариществ с 836 в 1903 (г.) поднялось до 3034 в начале 1913 г.»¹ и продолжало увеличиваться (см. ниже).

А. А. Кауфман в 1915 г. считает, что «и в развитии самодеятельности населения, прямо или косвенно направленной к улучшению сельского хозяйства, последние два-три года сыграли **не менее важную историческую роль**, нежели в развитии земской и правительственной агрономии»².

Сельскохозяйственные общества могли учреждаться желающими на основании либо нормального, либо особых уставов. В первом случае устав, как правило, утверждался губернатором (если район действия общества не превышал размеры губернии), во втором — ГУЗиЗ по соглашению с МВД³. На 1 января 1915 г. Морачевский располагал сведениями о порядке учреждения 5715 обществ. Из них 3662, т. е. 64,1% были учреждены по нормальному уставу, 1359 обществ, или 23,8% — основывались на Временных правилах 4 марта 1906 г. об обществах и союзах (Устав о предупр. и пресеч. преступлений, статья 118 прил. по Прод. 1906 г.), и 694 общества или 12,1% действовали по особым уставам, утвержденным совместно МВД и ГУЗиЗ (562 общества) и МВД и Главным управлением государственного коннозаводства (132 общества поощрения коннозаводства).

Общества, возникшие на Временных правилах 4 марта 1906 г., в массе были сосредоточены в польских губерниях, где в 1915 г. их насчитывалось (с Холмской губернией) 1075 при почти полном отсутствии обществ, учрежденных по нормальному уставу. Немало их было также в Витебской (140), Ковенской (62), Виленской (45), Минской (9) губерниях. Всего в этом регионе Морачевский насчитывает 1331 общество, т. е. 98% общего их числа. Подавляющее большинство таких обществ было мелкорайонными, т. е. сфера их деятельности была менее территории уезда. Общества, работавшие по нормальному уставу, существовали повсеместно, исключая Польшу и некоторые губернии Кавказа и Туркестана.

В то же время специальные общества на три пятых (61,5%) были созданы по особым уставам⁴.

Цель сельскохозяйственного общества, гласит § 1 нормального устава, состоит в том, чтобы «содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности».

В силу этого общество имело право:

«1) изучать положение различных отраслей сельского хозяйства и выяснять хозяйственные нужды и потребности путем совместного обсуждения относящихся сюда вопросов на периодически созываемых собраниях своих членов, в особо образуемых специальных комиссиях и на съездах, а также снаряжать экспедиции и экскурсии, как

¹ Кауфман А. А. Агрономическая помощь ... С. 15.

² Там же.

³ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 187.

⁴ Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах... Ч. 1. С. 32–33.

для обозрения хозяйств своих членов, так и вообще, для всякого рода сельскохозяйственных исследований;

2) распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путем устройства публичных чтений, печатания и распространения своих трудов и всякого рода сельскохозяйственных сочинений, а в случае возможности, и собственного периодического журнала и учреждения сельскохозяйственных училищ, библиотеки и музея;

3) заботиться о выработке наиболее правильных способов ведения хозяйства, с каковою целью общество производит испытания приемов и культур, принятых в других местностях как в России, так и за границей, для распространения тех из них, которые окажутся полезными для местных хозяев, устраивать конкурсы земледельческих машин, орудий, упряжек и т. п., учреждать опытные станции, поля, фермы, сады и питомники и проч., и содействует деятельности сих учреждений, как существующих в районе его действий, так и могущих впредь возникнуть;

4) способствовать хозяевам в правильной постановке их сельскохозяйственных предприятий полезными указаниями и рекомендациями и принимать на себя посредничество по снабжению хозяев нужными в хозяйстве предметами и по сбыту произведений их хозяйств, открывая с этою целью справочно-комиссионные бюро, сельскохозяйственные склады и т. п.;

5) устраивать выставки, аукционы и поощрять труды и заслуги на сельскохозяйственном поприще присуждением медалей и других почетных наград» (§ 2 устава)¹.

Таким образом, законодательство трактовало сельскохозяйственные общества как учреждения, сочетающие практическую деятельность по подъему — в самом широком смысле слова — сельского хозяйства страны с просветительской, как имеющие приоритетными задачами прежде всего общественный интерес и общую пользу в сфере сельского хозяйства обслуживаемой ими местности, будь то в сфере просветительных мероприятий (по распространению знаний, изучению местных условий, выяснению опытным путем различных вопросов сельскохозяйственной практики и т. д.) или мероприятий чисто экономического характера (например, по облегчению хозяевам данной местности приобретения усовершенствованных орудий, доброкачественных семян, минеральных удобрений, по содействию в сбыте сельскохозяйственных продуктов и пр)².

В 1915 г. из 870 специальных обществ (по отдельным отраслям сельского хозяйства). 277 занимались пчеловодством (172 в 1911 г.), 148 — садоводством, огородничеством, хмелеводством, виноградарством и виноделием (107 в 1911 г.), 107 — птицеводством (55 в 1911 г.), 58 — рыбоводством и рыболовством (48 в 1911 г.), 50 — козоводством (32 в 1911 г.), 9 — кролиководством, 14 — скотоводством и молочным хозяйством (9 в 1911 г.), 130 — коневодством и конным спортом, 27 — сельскохозяйственным винокурением (6 в 1911 г.), 11 — распространением сельскохозяйственных знаний (14 в 1911 г.), 6 — лесоводством (7 в 1911 г.), 6 — кустарными промыслами (5 в 1911 г.), 2 — энтомологией, 2 — сельскохозяйственной мелиорацией, 2 — свеклосахарной промышленностью и 1 — шелководством. Имелось также 20 обществ «акклиматизации и любителей природы»³.

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 189.

² Там же. С. 190.

³ Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах... Ч. 1. С. 2.

У специальных обществ была, как минимум, не меньшая перспектива, чем у общих. Любой, кто знаком с дореволюционной экономической литературой, знает, что в ней постоянно констатируется слабое развитие специальных отраслей сельского хозяйства, которые могли бы приносить немалый доход на небольших участках земли — огородничества и садоводства прежде всего. К ним, понятно, примыкает пчеловодство и птицеводство.

Понятно, что по территории страны общества распределялись весьма неравномерно. Скажем, в Полтавской губернии В. В. Морачевский насчитывает их 345, в Пермской — 248, в Варшавской — 212, в Костромской — 185, в Лифляндской губернии — 181, в Вятской — 163 и т. д. В то же время на Камчатке и Сахалине их не было вовсе, а в 19 губерниях их было менее десятка¹.

Эти данные в который раз подтверждают простую и необыкновенно важную для нашей (и не только нашей) страны истину — уровень культуры народа, в числе прочего, напрямую зависит от усилий тех, кто уже является носителем этой культуры. Мы помним в связи с этим, что именно Вятская и Пермская губернии выступили пионерами агрономической помощи в России и что Полтавское и соседние южные земства прикладывали большие усилия для сельскохозяйственного просвещения крестьян.

Для характеристики стремления к новым формам хозяйствования, к сельскохозяйственным знаниям, к изменению своей экономической ситуации весьма важен следующий факт. Из 5702 сельскохозяйственных обществ, доставивших сведения ГУЗиЗ, 851 (14,9%) появились до 1904 г., 1691 (29,7%) были созданы в 1905–1909 гг. и 3160 (55,4%) — в 1910–1914 гг.² И в этом случае 1910 г. является переломным.

Эти данные показывают, что чем шире территориальный охват общества, тем оно, как правило старше, и наоборот — основная масса появившихся в годы Столыпинской аграрной реформы обществ была мелкорайонной. При условии нормального хода дел именно они были эффективным средством реального улучшения дел в сельском хозяйстве конкретной местности, давая крестьянам столь необходимый наглядный пример возможности другого отношения к сельскому хозяйству.

Таблица 136

Распределение сельскохозяйственных обществ по районам деятельности на 1 января 1915 г.

Район деятельности	Общие общества		Специальные	
	Число	%	Число	%
Империя	3	0,1	30	3,4
Область(группа губ.)	17	0,3	43	4,9
Губерния	91	1,8	283	32,5
Группа уездов	52	1,1	36	4,1
Уезд	261	5,3	231	26,6
Менее уезда	4499	91,4	247	28,4
Всего	4923	100,0	870	100

Источник: Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. Пг. С. 36–37.

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 81–85.

Как можно видеть, общества с ареалом действия менее уезда преобладают среди общих сельскохозяйственных, причем свыше 80% приходится на общества с территориями в одну волость и менее волости¹. Количественное преобладание мелкорайонных обществ — прямое свидетельство «демократизации союзных организаций» в годы Столыпинской аграрной реформы².

А вот специальные общества дают картину обратную. Мелкорайонные составляют среди них 31%, а уездные — 28,0%, губернские — 35,%, что, в общем, понятно — специализация такого рода сродни коллекционированию и не предполагает всеобщего увлечения, скажем, пасекой или разведением рыбы, не говоря о проблемах акклиматизации.

Под чьим влиянием и в силу чего возникали общества? Выяснение этого вопроса небезынтересно для анализа наших сюжетов.

Согласно данным анкеты Департамента Земледелия более чем в 25% случаев инициаторами создания мелкорайонных обществ выступали агенты земства, прежде всего земские агрономы. Около четверти обществ появилось благодаря самодеятельности крестьян, хотя, возможно, этот показатель завышен в силу неточного понимания вопроса анкеты. Так или иначе, инициативу проявляли как отдельные крестьяне, так и группы крестьян, и даже целые сельские общества. Среди отдельных крестьян отмечаются крестьяне-торговцы, крестьяне-ремесленники, крестьянин-кузнец, крестьянин-земский гласный, крестьянин-земский страховой агент, крестьянин-курсист и т. д. Когда инициаторами выступали группы крестьян, в анкете употребляются такие обороты: «по мысли передовых крестьян», «более грамотных крестьян», «крестьян, побывавших на сельскохозяйственных выставках»; иногда говорится об инициативе группы хуторян и др. Часто указывается, что первоначальным толчком для организации общества стала информация, почерпнутая из печати: сельскохозяйственной периодики, сельскохозяйственных календарей и т. п. Например, Адишевское общество Костромской губернии возникло благодаря «идее местных крестьян и учителя, читавших сведения о деятельности других обществ и признавших, что поднять местное сельское хозяйство возможно только при организованной деятельности», Большеприваловское общество Воронежской губернии — «после долгого обсуждения и чтения брошюр о сельскохозяйственных обществах», Каменское общество Харьковской губернии — потому что «ознакомившись по сельскохозяйственным журналам с подобными обществами, крестьяне пришли к мысли учредить у себя таковое». Заудайское общество Черниговской губернии появилось в результате «чтения журнала «Сельский Вестник», где много писалось о сельскохозяйственных обществах и их деятельности» и т. д.³

Свыше 1/10 обществ возникли по инициативе местных землевладельцев (в основном с уездным и шире диапазоном действия), затем священнослужителей и народных учителей. Среди основателей встречаются также служащие ГУЗиЗ, медики, работающие в деревне, представители местной интеллигенции, сельская администрация и местные сельскохозяйственные учебные заведения⁴.

Состав учредителей мелкорайонных обществ явно был более демократичным, чем инициаторов создания обществ с районом действия не менее уезда. Характерно, что в

¹ Там же. С. 38.

² Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 16.

³ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь... С. 198–200.

⁴ Там же.

крупных обществах 53% председателей были землевладельцами, 14% — земледельцами (в основном крестьянами), а в мелкорайонных — 44% председателей составляли крестьяне, 13% — священники и землевладельцы, 10% — народные учителя¹.

Понятно, что именно «свои», близкие общества, создававшиеся людьми, которым крестьяне имели больше оснований доверять, имели на них наибольшее воздействие.

В «Справочной книге для сельских товариществ» указанные выше общие задачи сельскохозяйственных обществ конкретизируются следующим образом: «Просвещение словом и книгой, просвещение путем экскурсий и выставок, очистка посевного материала, ознакомление в улучшенными машинами, новыми растениями и удобрениями и снабжение ими населения, ознакомление с улучшенными приемами обработки почвы, снабжение населения племенными производителями лучших пород, борьба с вредителями садов и прочее — вот главнейшие задачи сельскохозяйственных обществ, наиболее желательные точки приложения его работы. И в этой части своей деятельности сельскохозяйственные общества не могут быть заменены никакими другими учреждениями и значение их неоспоримо»².

При этом нормальный устав акцентировал именно **общественные, просветительские задачи обществ**, которые лишь попутно должны были служить материальным интересам своих членов.

Такое принуждение к альтруизму может вызвать улыбку. Однако это не было простой декларацией. Дело в том, что от того, в какой мере деятельность того или иного общества соответствовала этим задачам, зависело субсидирование его правительством, земствами и другими учреждениями. Так, в 1911 г. сельскохозяйственные общества получили от ГУЗиЗ как на развитие своей деятельности вообще, так и проведение определенных мероприятий 1347 тыс. руб., а в 1912 г. — 1538 тыс. руб. безвозвратных пособий³.

Общества пользовались также и поддержкой земств — материально-денежной и материально-предметной, когда земства отпускали им в кредит или отдавали на комиссию инвентарь для складов, семена, минеральные удобрения и т. д., предоставляли сельхозмашины и племенных производителей. При этом представители примерно 40% обществ участвовали в работе сельскохозяйственных совещательных органов земских управ.

Было очевидно, что сотрудничество обществ и земств при должной постановке было взаимовыгодным, поскольку земства имели в обществах, вокруг которых группировались крестьяне, готовые воспринимать новое, опору и поддержку при проведении агрономических мероприятий и даже прямо поручали им какие-то из них.

Понятно также, что потребность земств в самоорганизации населения актуализировалась в связи с бурным ростом участковой агрономии — общества как бы увеличивали число «агентов» агрономического влияния на местах.

Например, в Полтавской губернии, которая была одним из лидеров по масштабу агрономической помощи, почти все мероприятия земства по оказанию непосредственной агрономической помощи проводились через мелкорайонные сельскохозяйственные общества (показательные поля и участки, случные пункты, зерноочистительные пункты и прокатные станции и т. д.).

¹ Там же. С. 207.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 227.

Показательно в этом смысле также постановление 2-го съезда деятелей по агрономической помощи населению и представителей кооперативов в Смоленской губернии в октябре 1912 г., в котором высказывается пожелание о постепенной передаче земствами обществам малого района по мере роста их самостоятельности всех доступных им по объему мероприятий экономического и агрономического характера; земства оставляли бы за собой функции координации и контроля¹.

В литературе того времени часто обсуждался вопрос о том, в какой степени сельскохозяйственные общества могут считаться кооперативами в строгом смысле термина².

Для нас эта проблема в контексте данной работы не очень важна. Однако нельзя не отметить, что основания для постановки этого вопроса были налицо.

Существовавшие типы сельскохозяйственных обществ по характеру их деятельности весьма серьезно различались. На одном полюсе были общества, деятельность которых носит исключительно просветительный характер, причем в буквальном смысле — они занимались лишь организацией собраний, чтений, раздачей сельскохозяйственной литературы и т. д.

На другом полюсе, наоборот, были общества, в деятельности которых доминировали экономические и коммерческие задачи, а просветительные только декларировались в уставе. Такие общества по кругу своих основных операций приближались к сельскохозяйственным товариществам, товариществам и артелям по производству и сбыту продуктов, к потребительским обществам и другим типам сельских кооперативов. Бывало, что они совмещали функции нескольких из перечисленных типов, превращаясь как бы в универсальный кооператив.

Такого рода метаморфозы часто вытекали из реалий местной жизни — нехватки инициативных людей, способных создать, помимо сельскохозяйственных обществ, еще и кооперативы, слабой психологической подготовленности населения и т. д.

М. И. Туган-Барановский уточняет: «Мелкие сельскохозяйственные общества, членами которых являются крестьяне, обычно на первый план выдвигают задачи совершенно иного рода — чисто хозяйственные и становятся, таким образом, кооперативами с весьма сложными функциями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняет функции закупочного товарищества, оно приобретает для своих членов средства сельскохозяйственного производства: семена, орудия сельскохозяйственного производства и пр. К этому обычно присоединяются и функции производительно-подсобного кооператива: сельскохозяйственное общество владеет некоторыми сельскохозяйственными машинами, которые оно отпускает за плату для пользования своим членам и другим лицам; иногда общество владеет скотом — производителями (бык, кабан и т. п.). Наконец, сельскохозяйственное общество в некоторых случаях выполняет и функции кооператива по сбыту, беря на себя продажу тех или иных сельскохозяйственных продуктов»; сельскохозяйственные общества удачно выполняют подобные операции, несмотря на отсутствие паевого капитала, потому что в сельской местности нет других кооперативов, в силу чего «общества являются кооперативами, так сказать, на безрыбье, по отсутствию организаций, более приспособленных к названным целям»³.

¹ Там же. С. 228–229.

² Туган-Барановский М. И. Социальное значение кооперации М., Наука. 1989. С. 312.

³ Там же. С. 312–313.

Успешные коммерческие операции повышали рейтинг сельскохозяйственных обществ в глазах местного населения и расширяли сферу их влияния. И наоборот, если общество терпело неудачу в таких предприятиях, это подрывало доверие и интерес у крестьян, внимательно наблюдавших за всеми происходившими вокруг переменами, к самой идее выгоды объединения в союзы в роде сельскохозяйственных обществ.

При этом в одних случаях общества создавали, порождали потребительные, производственные, кредитные и другие кооперативы, а в других, напротив, кредитные или потребительные товарищества, или артели по мере расширения своей деятельности организовывали сельскохозяйственное общество для выполнения агрикультурных задач¹.

Ведомство считало оптимальной следующую схему развития сельскохозяйственной кооперации в деревне. Сначала создается именно сельскохозяйственное общество, которое при широком содействии земства и финансировании со стороны ГУЗиЗ должно стать своего рода активным культурным центром, объединяющим крестьянство для **совместного** выяснения нужд и потребностей местного сельского хозяйства и способов их практического решения с помощью уже испытанного арсенала агрономической помощи — показательных полей и участков, опытных испытаний планируемых нововведений, помощи населению в покупке сельхозмашин и орудий, улучшенных семян, минеральных удобрений и т. д.

Разного рода коммерческие операции должны при этом находиться на периферии деятельности общества, и вести их оно может лишь «в скромных размерах» при достаточных гарантиях их успеха и том непереносимом условии, что коммерция не будет отвлекать общество от основных его культурно-просветительных задач.

По мере роста, как тогда выражались, **кооперативного самосознания** у членов сельскохозяйственного общества закономерно должны были появиться идеи о создании и других кооперативных организаций — но уже специальных или специализированных.

Этот план отчасти претворялся в реальной жизни.

По данным проведенного в 1912 г. анкетирования из 1083 мелкорайонных сельскохозяйственных обществ (с районом деятельности менее уезда) в 50 губерниях Европейской России, ответивших на этот вопрос, 489 обществ или 45% всего их числа были так или иначе связаны с сельскими кооперативами других типов, иногда — с кооперативами различного типа; в 250 случаях из 489 это было связь с кредитными товариществами, в 178 случаях с потребительными обществами, в 115 — с ссудо-сберегательными товариществами, в 33 — с молочными и маслодельными товариществами и артелями, в 12 — с товариществами по сбыту произведений сельского хозяйства, в 10 — с контрольными скотоводческими союзами и в 13 — с кооперативами других типов.

При этом особенно важно отметить, что 310 из этих 1083 мелкорайонных обществ или почти 30% были инициаторами или учредителями новых кооперативов по преимуществу со специальными функциями².

Меня заинтересовала более подробная динамика возникновения сельскохозяйственных обществ в годы реформы и прежде всего применительно к Европейской России, где проходило внутринадельное землеустройство.

¹ Морачевский В. В. (ред.) Агрономическая помощь... С. 229–230.

² Там же. С. 230–232.

Для этого я обработал материалы по местным общим сельскохозяйственным обществам Европейской России, содержащиеся в адресной книге издания «Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г.» (Ч. 2, с. 16–612), и получил в итоге искомые данные по годам и уездам, поскольку при анализе подобных сюжетов всегда важно понимать степень неравномерности распространения того или иного явления.

Эти данные, сгруппированные по губерниям можно видеть в таблице 137.

Таблица 137

Динамика учреждения сельскохозяйственных обществ в 1905–1914 гг.

<i>Губернии</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Архангельская	0		1		2		2	1	1	2	9
Астраханская	2		1	1				2	1		7
Бессарабская	2		1	1		3	1	4	6	3	21
Виленская	4	2	26	1	3	2		5	5	5	53
Витебская	3	5	13	25	8	24	35	20	17	1	151
Владимир	9	1	3		1	8	1	5	5	2	35
Вологодская	5	8	13	13	3	7	5	5	22	18	99
Волынская	2	1	3					1	1		8
Воронежская	7	3	2	4	4	7	8	14	9	5	63
Вятская	31	2	1		1	5	16	32	22	19	129
Гродненская	2		1	1			1	2	2		9
Донская	11	2	2	4	4	1	5	10	4		43
Екатеринославская	5	1		18	7	9	16	11	22	9	98
Казанская	2					1	2	4	3	4	16
Калужская	3	1			13	19	18	13	16	6	89
Киевская	2				4	9	6	7	5	1	34
Ковенская	3		13	11	9	3	8	6	4	2	59
Костромская	3	6	7	5	6	7	21	22	22	6	105
Курляндская	40		1	7	8	4	5	2	6	1	74
Курская	12			1	1	3	4	4	3	3	31
Лифляндская	98	1	5	8	9	9	3	2	2	1	138
Минская	4	2	3	9				1	1	1	21
Могилевская	3	1		1	2	3	3	1	2	1	17
Московская	4	3	7	3	3		9	1	6	4	40
Нижегородская	6	2	3	3	5	4	1	3	13	23	63
Новгородская	19	4	13	30	18	24	4	8	6	10	136
Олонецкая	10		2	4	2		3	2	4	2	29
Оренбургская	1					1	1	2	1	7	13
Орловская	6	3		1		2	4	2	4		22
Пензенская	0				2	6	15	26	26	11	86
Пермская	28	5	8	8	15	32	20	27	46	35	224
Петербургская	12	6	11	7	8	7	18	15	7	8	99
Подольская	1	3	2	2	2	1	4	3	17	29	64

Окончание таблицы 137

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Полтавская	60	13	10	16	34	66	58	37	27	14	335
Псковская	8	1	2	5	4	10	5	8	7	5	55
Рязанская	3		3	1	2	7	8	15	11	8	58
Самарская	39	1	2	6	4	6	3	4	5	4	74
Саратовская	22	1	3	4	3	4	2		10	9	58
Симбирская	11	1	6			3	1	9	4	2	37
Смоленская	4	1	3	2	4	4	10	5	11	11	55
Таврическая	3		2	5	4	4	7	7	4	3	39
Тамбовская	5	2		2	5	2	2	2	18	11	49
Тверская	3	1	1	5				3	5	4	22
Тульская	18	2	1		2	6	3	5	3	4	44
Уфимская	2		2		2	1	1	5	11	13	37
Харьковская	6		12	13	6	7	11	28	5	4	92
Херсонская	3		1	4	14	24	7	6	11	17	87
Черниговская	19	2	2	5	7	13	19	33	15	13	128
Эстляндская	19	1	1	1	7	7		3	2		41
Ярославская	5		3	5	4	11	13	12	13	3	69
ВСЕГО	570	88	196	242	242	376	389	445	473	344	3365

Источник: Справочные сведения по сельскохозяйственным обществам по данным на 1915 г. (под ред. В. В. Морачевского). Пг., 1916. Ч. 2. С. 16–612.

Теперь мы можем увидеть, как менялась общая численность сельскохозяйственных обществ в Европейской России (таблица 138).

Таблица 138

**Динамика численности сельскохозяйственных обществ
в Европейской России в 1905–1914 гг.**

Губернии	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Архангельская	0	0	1	1	3	3	5	6	7	9
Астраханская	2	2	3	4	4	4	4	6	7	7
Бессарабская	2	2	3	4	4	7	8	12	18	21
Виленская	4	6	32	33	36	38	38	43	48	53
Витебская	3	8	21	46	54	78	113	133	150	151
Владимир	9	10	13	13	14	22	23	28	33	35
Вологодская	5	13	26	39	42	49	54	59	81	99
Волынская	2	3	6	6	6	6	6	7	8	8
Воронежская	7	10	12	16	20	27	35	49	58	63
Вятская	31	33	34	34	35	40	56	88	110	129
Гродненская	2	2	3	4	4	4	5	7	9	9
Донская	11	13	15	19	23	24	29	39	43	43

Окончание таблицы 139

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Екатеринославская	5	6	6	24	31	40	56	67	89	98
Казанская	2	2	2	2	2	3	5	9	12	16
Калужская	3	4	4	4	17	36	54	67	83	89
Киевская	2	2	2	2	6	15	21	28	33	34
Ковенская	3	3	16	27	36	39	47	53	57	59
Костромская	3	9	16	21	27	34	55	77	99	105
Курляндская	40	40	41	48	56	60	65	67	73	74
Курская	12	12	12	13	14	17	21	25	28	31
Лифляндская	98	99	104	112	121	130	133	135	137	138
Минская	4	6	9	18	18	18	18	19	20	21
Могилевская	3	4	4	5	7	10	13	14	16	17
Московская	4	7	14	17	20	20	29	30	36	40
Нижегородская	6	8	11	14	19	23	24	27	40	63
Новгородская	19	23	36	66	84	108	112	120	126	136
Олонецкая	10	10	12	16	18	18	21	23	27	29
Оренбургская	1	1	1	1	1	2	3	5	6	13
Орловская	6	9	9	10	10	12	16	18	22	22
Пензенская	0	0	0	0	2	8	23	49	75	86
Пермская	28	33	41	49	64	96	116	143	189	224
Петербургская	12	18	29	36	44	51	69	84	91	99
Подольская	1	4	6	8	10	11	15	18	35	64
Полтавская	60	73	83	99	133	199	257	294	321	335
Псковская	8	9	11	16	20	30	35	43	50	55
Рязанская	3	3	6	7	9	16	24	39	50	58
Самарская	39	40	42	48	52	58	61	65	70	74
Саратовская	22	23	26	30	33	37	39	39	49	58
Симбирская	11	12	18	18	18	21	22	31	35	37
Смоленская	4	5	8	10	14	18	28	33	44	55
Таврическая	3	3	5	10	14	18	25	32	36	39
Тамбовская	5	7	7	9	14	16	18	20	38	49
Тверская	3	4	5	10	10	10	10	13	18	22
Тульская	18	20	21	21	23	29	32	37	40	44
Уфимская	2	2	4	4	6	7	8	13	24	37
Харьковская	6	6	18	31	37	44	55	83	88	92
Херсонская	3	3	4	8	22	46	53	59	70	87
Черниговская	19	21	23	28	35	48	67	100	115	128
Эстляндская	19	20	21	22	29	36	36	39	41	41
Ярославская	5	5	8	13	17	28	41	53	66	69
ВСЕГО	570	658	854	1096	1338	1714	2103	2548	3021	3365

Источник: Справочные сведения по сельскохозяйственным обществам по данным на 1915 г. (под ред. В. В. Морачевского). Пг., 1916. Ч. 2. С. 16–612.

Надо сказать, что полученные мной данные, как правило, меньше приводимых В. В. Морачевским — 3365 против 3574 (с 30-ю обществами в Холмской губернии)¹. Расхождение не самое серьезное — 5,1%, но, как всегда в таких случаях, не очень приятное.

Думаю, что скорее всего это связано с тем, что у него было больше информации, полученной в результате анкетирования и почему-то не вошедшей в адресную книгу, поскольку подсчеты я вел по предложенной им методике.

Впрочем, в данном случае, полагаю, лучше преуменьшить, чем преувеличить. При этом я уверен в том, что изучаемый процесс отражен в моей статистике вполне достоверно. Во всяком случае, Морачевский говорит о 2188 обществах, возникших в 1910–1914 гг., что составляет 61,2% их числа на 1 января 1915 г. Мои подсчеты дают цифру 2024, т. е. 60,1%.

Обратимся к статистике сельскохозяйственных обществ Европейской России на 1 января 1915 г.

Таблица 139

**Губернии-лидеры по числу сельскохозяйственных обществ
в 1905 и 1914 гг.**

<i>Губернии</i>	<i>1905</i>	<i>Губернии</i>	<i>1914</i>
Лифляндская	98	Полтавская	335
Полтавская	60	Пермская	224
Курляндская	40	Витебская	151
Самарская	39	Лифляндская	138
Вятская	31	Новгородская	136
Пермская	28	Вятская	129
Саратовская	22	Черниговская	128
Новгородская	19	Костромская	105
Черниговская	19	Вологодская	99
Эстляндская	19	Петербургская	99
Тульская	18	Екатеринославская	98
Курская	12	Харьковская	92
Петербургская	12	Калужская	89
Донская	11	Херсонская	87
Симбирская	11	Пензенская	86
Олонецкая	10	Курляндская	74
Владимир	9	Самарская	74
Псковская	8	Ярославская	69
Воронежская	7	Подольская	64
Нижегородская	6	Воронежская	63
Орловская	6	Нижегородская	63
Харьковская	6	Ковенская	59

Источник: Справочные сведения по сельскохозяйственным обществам по данным на 1915 г. (под ред. В. В. Морачевского). Пг., 1916. Ч. 2. С. 16–612.

¹ Справочные сведения по сельскохозяйственным обществам... Ч. 1. С. 75.

Данные таблицы 139 не нуждаются в подробном комментарии. В 1905 г. сельскохозяйственные общества являются уже привычным компонентом сельскохозяйственной жизни в Прибалтике — регионе с передовой сельскохозяйственной культурой, в Полтавской, Вятской и Пермской губерниях, где земство активно занималось сельским хозяйством. В большинстве же остальных губерний число обществ невелико.

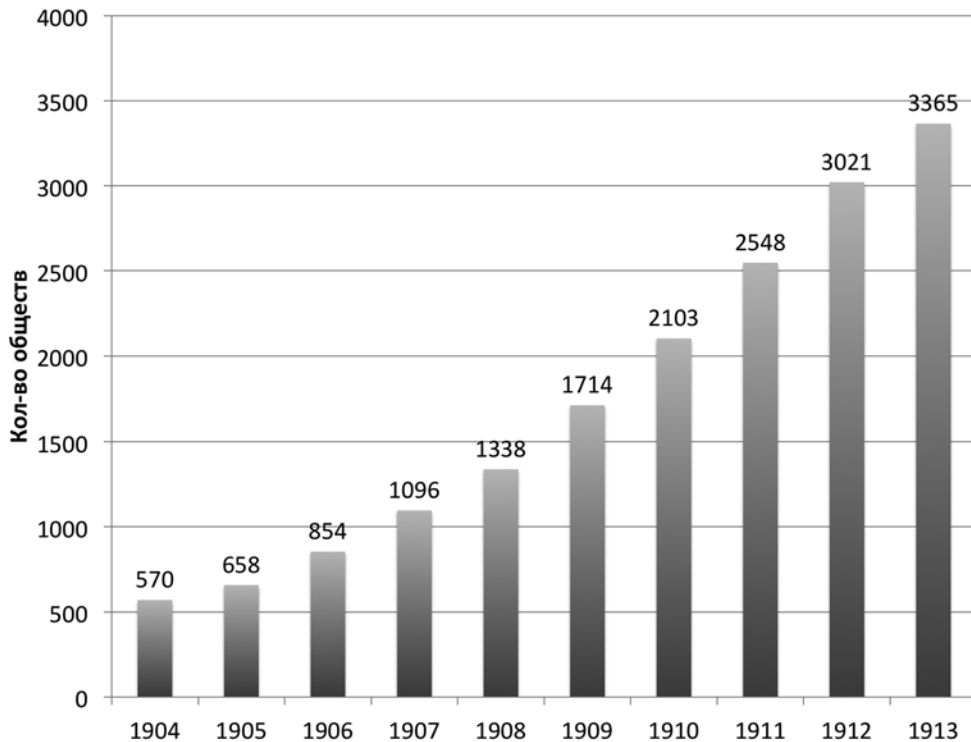

Диаграмма 26. Динамика роста числа сельскохозяйственных обществ в 50 губерниях европейской России в 1904–1915 гг. Источник: см. таблицу 137

Иное дело — данные 1915 г. Они рисуют стадию, когда движение уже приобрело все черты массовости.

Для оценки влияния Столыпинской аграрной реформы на этот сегмент жизни отечественной деревни, достаточно сказать, что, если в 1905 г. 16 из 50 губерний Европейской России имели 10 и более сельскохозяйственных обществ, то в 1914 г. лишь 4 губернии имели их менее этого числа. Если в 1905 г. только в Лифляндской и Полтавской губерниях было свыше 50 обществ, то в 1914 г. таких губерний стало 26. В 1905 г. Лифляндская губерния по числу обществ превосходила Нижегородскую, стоявшую на 20–22 позиции, в 16,3 раза, а в 1915 г. в Полтавской губернии обществ было больше чем в стоявшей 22-й Ковенской в 5,7 раза.

Таблица 142

**Порайонная динамика учреждения
сельскохозяйственных обществ по годам в 1905–1914 гг.**

<i>Районы</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Северный	15	8	16	17	7	7	10	8	27	22	137
Приозерный	39	11	26	42	30	41	27	31	20	23	290
Прибалтийский	157	2	7	16	24	20	8	7	10	2	253
Литовский	9	2	40	13	12	5	9	13	11	7	121
Белорусский	14	9	19	37	14	31	48	27	31	14	244
ЦПР	27	12	21	18	27	45	62	56	67	25	360
ЦЧР	51	10	6	9	14	27	29	42	48	31	267
Средневолжский	19	3	9	3	7	14	19	42	46	40	202
Юго-Западный	5	4	5	2	6	10	10	11	23	30	106
Новоросийский	24	3	6	32	29	41	36	38	47	32	288
Малоросийский	85	15	24	34	47	86	88	98	47	31	555
Нижневолжский	66	2	8	11	9	12	7	13	28	33	189
Приуральский	59	7	9	8	16	37	36	59	68	54	353
Всего	570	88	196	242	242	376	389	445	473	344	3365

Таблица 143

То же в процентах

<i>Районы</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Северный	2,6	9,1	8,2	7,0	2,9	1,9	2,6	1,8	5,7	6,4	4,1
Приозерный	6,8	12,5	13,3	17,4	12,4	10,9	6,9	7,0	4,2	6,7	8,6
Прибалтийский	27,5	2,3	3,6	6,6	9,9	5,3	2,1	1,6	2,1	0,6	7,5
Литовский	1,6	2,3	20,4	5,4	5,0	1,3	2,3	2,9	2,3	2,0	3,6
Белорусский	2,5	10,2	9,7	15,3	5,8	8,2	12,3	6,1	6,6	4,1	7,3
ЦПР	4,7	13,6	10,7	7,4	11,2	12,0	15,9	12,6	14,2	7,3	10,7
ЦЧР	8,9	11,4	3,1	3,7	5,8	7,2	7,5	9,4	10,1	9,0	7,9
Средневолжский	3,3	3,4	4,6	1,2	2,9	3,7	4,9	9,4	9,7	11,6	6,0
Юго-Западный	0,9	4,5	2,6	0,8	2,5	2,7	2,6	2,5	4,9	8,7	3,2
Новоросийский	4,2	3,4	3,1	13,2	12,0	10,9	9,3	8,5	9,9	9,3	8,6
Малоросийский	14,9	17,0	12,2	14,0	19,4	22,9	22,6	22,0	9,9	9,0	16,5
Нижневолжский	11,6	2,3	4,1	4,5	3,7	3,2	1,8	2,9	5,9	9,6	5,6
Приуральский	10,4	8,0	4,6	3,3	6,6	9,8	9,3	13,3	14,4	15,7	10,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как можно видеть из таблицы 143, за 1905–1914 гг. на 20% снижается доля Прибалтийского района, исходные позиции которого были весьма солидными, на 6% — Нижневолжского и на 1% — Центрально-Черноземного района при росте абсолютных

показателей числа обществ в первом регионе в 1,6 раза, а во втором — в 2,9 раза, в третьем — даже в 5,2 раза; Приуральский район сохранил свою долю в общем балансе, притом, что обществ стало больше в 6 раз (!).

Кстати, уменьшение удельного веса Нижневолжского района при почти трехкратном увеличении числа обществ, связано с довольно вялой динамикой учреждения обществ в регионе, прежде всего в Оренбургской, Астраханской, да и Уфимской губернии, где только в 1913–1914 гг. сразу появилось 24 новых общества — почти в два раза больше, чем их насчитывалось в 1912 г. (таблица 137).

Таблица 144

**Динамика учреждения сельскохозяйственных обществ
в Нижневолжском районе в 1905–1914 гг.**

<i>Губернии</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Самарская	39	1	2	6	4	6	3	4	5	4	74
Саратовская	22	1	3	4	3	4	2		10	9	58
Уфимская	2		2		2	1	1	5	11	13	37
Оренбургская	1					1	1	2	1	7	13
Астраханская	2		1	1				2	1		7
Всего	66	2	8	11	9	12	7	13	28	33	189

Доля же большинства остальных регионов Европейской России растет, и для этого требовалось более, чем 6-кратное увеличение показателей 1905 г. Поскольку часто это был рост с нуля, то и размеры его соответствующие — и в 10, и в 20 раз. Но, прошу прощения за банальность, без «роста с нуля» в конце концов не бывает и стабильного увеличения.

Вообще сам по себе анализ процесса возникновения сельскохозяйственных обществ очень интересен. Довольно быстро возникает впечатление, что речь идет о некоей цепной реакции.

Таблица 145

**Динамика учреждения сельскохозяйственных обществ
в Калужской губернии**

<i>Уезды</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Губ. общество	1										1
Боровский						4	2	4			10
Жиздринский	1	1			10	8	1		2	1	24
Калужский					2	2	4	4	3	1	16
Козельский					1	1	3	2	3	1	11
Лихвинский							1		1	1	3
Малоярославецкий							5	1	2	1	9
Медынский						2		1	1		4
Мещовский	1								1		2
Мосальский						2				1	3
Перемышльский							2	1	1		4
Тарусский									2		2
Всего		1			13	19	18	13	16	6	89

Как можно видеть из таблицы 145, в 1909 г. вдруг сразу создается 10 обществ в Жиздринском уезде, два в Калужском и одно в Козельском, а в следующем 1910 г. процесс продолжается и территориально расширяется и т. д. Но при этом в 4 уездах из 11 — Боровском, Жиздринском, Калужском и Козельском сконцентрирован 51% всех обществ губернии.

Я лишен возможности остановиться на этом увлекательном процессе подробнее, но, конечно, почти везде он имел индивидуальные черты, которые, возможно, раскроются при изучении местных материалов.

Эта статистика показывает, что общим в большинстве губерний было одно — стремление к улучшению сельского хозяйства, стремление приобщиться к знаниям, стимулированное принципиально другим, чем прежде, взглядом на крестьянское дело.

В целом же показатели динамики учреждения сельскохозяйственных обществ настолько красноречивы, что не нуждаются в подробном комментарии. Еще раз повторю, что три пятых всех обществ, существовавших в 50 губерниях на 1 января 1915 г., возникло в 1910–1914 гг. — и процесс учреждения явно шел по нарастающей — 376 обществ в 1910 г., 389 — в 1911 г., 445 — в 1912 г., 474 — в 1913 г. Даже в 1914 г. было вновь создано 344 общества; при этом в Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Петербургской, Уфимской и Херсонской губерниях в 1914 г. даже больше, чем в 1913 г., а в Смоленской — столько же (и немало — 11).

При сопоставлении разных статистических рядов иногда возникают полезные вопросы.

Например, как соотнести 78,8 тыс. пуд. сельхозтехники полученных Новгородской губернией в 1913 г., и наличие в ней же 136 сельскохозяйственных обществ, что является пятым результатом в Европейской России? А что сказать о связи 85,6 тыс. пуд., прибывших на станции Вологодской губернии, и 99 обществ (9-я позиция)?

В Новгородской губернии на 1 общество пришлось в среднем 625 пудов сельхозтехники — немного, прямо скажем.

Этот, казалось бы, мелкий факт подчеркивает то обстоятельство, которое часто ускользает от историков-пессимистов при оценке отечественного сельского хозяйства в рассматриваемый период. Это хозяйство уже нельзя воспринимать только как зерновое, и поэтому потребление сельхозтехники — очень **важный, но не единственный** критерий.

В начале XX в. специализация отдельных районов и губерний зашла достаточно далеко, о чем можно судить, в частности, по данным о перевозках.

В 1902 г. отправление масла по железной дороге со станций Новгородской губернии составило 8 тыс. пуд., в 1903 г. — 9 тыс. пуд., в 1909 г. — 149 тыс. пуд., в 1910 г. — 161 тыс. пуд., в 1911 г. — 184 тыс. пуд., в 1912 г. — 192 тыс. пуд. и в 1913 г. — 212 тыс. пуд.

Сказанное в полной мере относится и к Вологодской губернии, где ситуация чуть лучше — 864 пуда полученной сельхозтехники на 1 сельскохозяйственное общество.

Однако в 1902 г. отправление масла Вологодской губернией составило 385 тыс. пуд., в 1903 г. — 331 тыс. пуд., в 1909 г. — 458 тыс. пуд., в 1910 г. — 490 тыс. пуд., в 1911 г. — 637 тыс. пуд., в 1912 г. — 551 тыс. пуд. и в 1913 г. — 518 тыс. пуд.

Но если в Вологодской губернии маслоделие, как известно, было еще в XIX в. заложено Н. В. Верещагиным¹, то в Новгородской губернии оно, безусловно, во многом — плод реформы Столыпина.

¹ Высокой оценки заслуживает недавняя монография А. В. Гутерца об этом выдающемся человеке: «Николай Верещагин. На благо Отечества» (Вологда, 2011).

Таблица 146

**Динамика учреждения сельскохозяйственных обществ
в Новгородской губернии по годам в 1905–1914 гг.**

<i>Уезды</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Губернское общество	1										1
Боровичский	3	2		1		1					7
Белозерский				2	1	1			1		5
Валдайский	3		2	4		2					11
Демянский				3		1	1		1		6
Кирилловский	2	2	4	11	3	3		2		3	30
Крестецкий	2		2		2	3	1		1	2	13
Новгородский	3			2	2	7		2	2	2	20
Старорусский	1			1		2	1			1	6
Тихвинский	1			1	1	1	1	1	1		7
Устюженский	1				1	1		1			4
Череповецкий	2		5	5	8	2		2		2	26
ВСЕГО	19	4	13	30	18	24	4	8	6	10	136

Таблица 147

**Динамика учреждения сельскохозяйственных обществ
в Вологодской губернии по годам в 1905–1914 гг.**

<i>Уезды</i>	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	<i>Всего</i>
Губернское общество				1							1
Велико-Устюгский	2	2	2	3		1			3	1	14
Вельский		4	5	5		1		1	4	7	27
Вологодский	2	1	2			1	2	1	2	1	12
Грязовецкий		1	1	2		2			1	1	8
Кадниковский								1	5	3	9
Никольский	1			1	1		1	1	2		7
Соль-Вычегодский			1	1		1					3
Тотемский					1	1	1	1	2		6
Усть-Сысольский			2		1		1			1	5
Яренский									3	4	7
ИТОГО	5	8	13	13	3	7	5	5	22	18	99

Как известно, переход к высокоинтенсивному молочному хозяйству — один из важнейших путей эволюции аграрного сектора. Сельскохозяйственная культура в России шла с запада на восток, и неудивительно, что Польша и Прибалтика давно пошли по этому пути (Западная Сибирь стала центром маслоделия в иных обстоятельствах). Постепенно их примеру последовали и другие губернии, причем реформа серьезно стимулировала этот процесс.

Таблица 148

**Губернии-лидеры по железнодорожному отправлению
масла в 1913 г.**

Губернии	Перевозки		1913 к 1902	Губернии	Перевозки		1913 к 1902
	1913	1902			1913	1902	
Томская	3137	1278	245,5	Курляндская	76	22	345,5
Акмолинская	1197	537	222,9	Ковенская	63	42	150,0
Тобольская	1164	828	140,6	Вятская	58	2	2900,0
Вологодская	518	385	134,5	Люблинская	55	32	171,9
Лифляндская	371	257	144,4	Варшавская	53	22	240,9
Ярославская	251	392	64,0	Нижегородская	49	91	53,8
Оренбургская	242	104	232,7	Гродненская	46	36	127,8
Новгородская	212	8	2650,0	Херсонская	43	23	187,0
Тверская	163	93	175,3	Могилевская	42	14	300,0
Семипалатинская	132	23	573,9	Эстляндская	39	36	108,3
Московская	120	158	75,9	Радомская	35	41	85,4
Воынская	94	115	81,7	Иркутская	35	31	112,9
Витебская	84	36	233,3	Забайкальская	34	22	154,5
Пермская	80	46	173,9	Виленская	32	14	228,6
Петербургская	78	87	89,7	Уфимская	30	38	78,9

Таблица 148 показывает, что железнодорожное отправление масла отдельными губерниями не развивается линейно — в Ярославской, Московской, Воынской, Нижегородской, Радомской и Уфимской мы видим падение перевозок. Это может быть связано, во-первых, с годичными колебаниями выработки, во-вторых, с падением самого производства, в-третьих, с развитием речной транспортировки, о которой сведений, увы, нет. Наконец, снижение перевозок может быть следствием роста местного потребления, подобно тому, как в ряде северо-черноземных губерний падает отправление хлеба из-за роста населения (см. выше), и эта версия мне кажется самой убедительной.

В других губерниях, как Петербургская, Эстляндская, Иркутская, перевозки в 1913 г., в сущности, держатся на том же уровне, что и в начале века.

А в большинстве губерний фиксируется увеличение отправления, заметное более или менее в зависимости от начального уровня — рост в 2,4 раза в Томской и в 2,3 раза в Витебской, конечно, неодинаковы. Особо выделяются случаи Новгородской и Вятской губерний, а также Семипалатинской области. В целом ряде губерний — сейчас нет смысла говорить об этом подробно — у маслоделия явно есть большие перспективы.

Таблица 149 многое сообщает о географии молочного хозяйства Европейской части страны и его растущем потенциале.

Таблица 149

Отправление сыра, творога, сметаны, простокваши, сыворотки, кумыса, кефира, казеина с большой скоростью, товарно-пассажирскими и пассажирскими поездами губерниями Европейской России в 1902–1913 г. (тыс. пуд.).

<i>Губернии</i>	1902	1903	1909	1910	1911	1912	1913
Вологодская	11	7	14	11	13	12	14
Новгородская	37	25	14	19	24	22	20
Петербургская	70	68	72	78	79	63	89
Псковская	1	4	7	7	9	15	11
Курляндская	44	49	41	56	57	68	73
Лифляндская	123	106	210	235	292	298	281
Эстляндская	56	85	186	240	246	302	345
Виленская	21	13	22	25	28	30	27
Гродненская	59	58	49	46	68	56	42
Ковенская	19	21	38	48	52	48	45
Витебская	8	9	32	37	45	37	39
Минская	56	60	82	87	108	124	115
Могилевская	12	10	24	22	15	24	29
Смоленская	84	83	84	108	129	130	142
Московская	194	229	211	244	277	261	281
Владимирская	3	5	9	7	11	10	50
Калужская	7	11	7	3	7	9	11
Костромская	16	16	58	74	81	96	59
Тверская	157	147	62	68	179	148	237
Ярославская	88	107	141	144	152	165	184
Рязанская	68	76	76	101	148	151	181
Нижегородская	21	22	16	19	17	16	20
Киевская	6	7	7	4	7	10	9
Волынская	2	2	5	5	11	13	10
Подольская	1	0	16	18	24	28	18
Харьковская	11	9	16	17	19	20	14
Бессарабская	30	36	31	52	67	78	73
Донская	34	28	29	33	31	39	44
Екатеринославская	3	3	4	3	5	11	9
Таврическая	2	3	9	8	11	18	27
Херсонская	29	39	59	81	113	165	224

Таблица 150

**Отправление сыра, творога, сметаны, простокваши,
сыворотки, кумыса, кефира, казеина с большой скоростью,
товарно-пассажирскими и пассажирскими поездами в 1913 г. (сотни пудов)**

<i>Губернии</i>	<i>Перевозки</i>	<i>Губернии</i>	<i>Перевозки</i>
Эстляндская	3445	Костромская	591
Московская	2807	Бакинская	548
Лифляндская	2806	Владимирская	497
Тверская	2370	Ковенская	451
Херсонская	2237	Донская	439
Ярославская	1838	Гродненская	424
Рязанская	1814	Карсская	397
Смоленская	1419	Витебская	386
Минская	1154	Кубанская	315
Петербургская	891	Могилевская	293
Тифлисская	772	Таврическая	272
Бессарабская	731	Виленская	268
Курляндская	729	Нижегородская	200

Таблица 150 расширяет географию молочного хозяйства России. В ней, понятно фигурируют «непременные» три Прибалтийские губернии и две столичные, а также Литовские, Белорусские и Центрально-Промышленные губернии. Однако мы видим рост перевозок в 4 из 5 Новороссийских губерний, что связано не только с более, чем полумиллионом горожан Одессы и Ростова, но и с бурным развитием Северного Причерноморья вообще, а также Тифлисскую, Бакинскую и Карсскую.

И нас не должны смущать относительно невысокие показатели перевозок, которые встречаются иногда в этих таблицах — эту продукцию кто-то производил и получал за это деньги. Цена у молочных продуктов была достаточной, чтобы крестьяне самых разных регионов при наличии устойчивого рынка сбыта в виде соседних или не слишком далеко расположенных городов оставляли зерновое хозяйство и переходили к хозяйству молочному.

Железнодорожная статистика — довольно четкий индекс перемен в положении отрасли и рынка.

Вот как выглядит динамика транспортировки молочных продуктов, которые в номенклатуре железнодорожной статистики именовались архаичным термином «скопы», в начале XX в. (таблица 151).

Таблица 151

**Перевозки молочных продуктов по сети российских железных дорог
в 1901–1913 гг. (тыс. пуд.)**

<i>Год</i>	<i>Всего молочных скоп</i>	<i>Масло всякое</i>	<i>Молоко и сливки</i>	<i>Остальные предметы</i>
1	2	3	4	5
1901	8930	4982	2510	1438
1902	9884	5310	2915	1659
1903	10790	5384	3693	1713

Окончание таблицы 151

1	2	3	4	5
1904	11523	5485	4190	1848
1905	11309	5501	3939	1869
1906	12883	6360	4440	2083
1907	13292	6701	4635	1956
1908	12894	6603	4167	2124
1909	13306	6641	4479	2186
1910	14711	7404	4787	2520
1911	15895	7990	4925	2980
1912	23928	8495	12280	3153
1913	27182	9146	14583	3453

Взрывное увеличение железнодорожной транспортировки молока и сливок в 1912 г. в 2,5 раза в сравнении с 1911 г. связано с изменением форм учета регистрации этих грузов

Перевозки молока и сливок требовали специальных условий доставки, и справиться с этим могли именно общества и кооперативы.

Таблица 152

Железнодорожное отправление свежего молока и сливок в 1913 г. (с. п.)

<i>Губернии</i>	<i>Перевозки</i>	<i>Губернии</i>	<i>Перевозки</i>
Варшавская	22463	Владимирская	2002
Курляндская	21084	Витебская	1887
Лифляндская	15282	Ломжинская	1775
Эстляндская	14805	Ярославская	1240
Петербургская	12698	Тверская	962
Московская	8723	Калишская	939
Келецкая	6095	Полтавская	858
Люблинская	5880	Калужская	775
Тульская	5757	Смоленская	773
Петроков.	4433	Гродненская	574
Рязанская	3674	Минская	574
Новгородская	3149	Могилевская	531
Виленская	2398	Псковская	528
Плоцкая	2127	Тамбовская	386
Ковенская	2020	Черниговская	347

Как можно видеть из таблицы 152, в 1-й десятке — 4 польских, 3 Прибалтийских, а также Петербургская, Московская и Тульская губернии. А затем идут Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные и Центрально-Черноземные губернии, которые уже начали развивать эту отрасль сельского хозяйства.

Таким образом, мы имеем основания утверждать, что усилия агрономов по созданию молочной кооперации не пропадали втуне. Приводимые цифры — одно из свидетельств успеха деятельности тех самых обществ, о которых мы сейчас говорим.

Вместе с тем было бы излишним прогресс в любой отрасли крестьянского хозяйства объяснять исключительно воздействием аграрной реформы Столыпина.

В таблице 153 содержатся некоторые итоги совершенно спонтанной интенсификации, которая произошла в такой, на первый взгляд, малозаметной сфере, как птицеводство. Между тем вывоз яиц и яичных желтков, а также живой и битой птицы, был 2-й по ценности статьей российского сельскохозяйственного экспорта после хлеба. В 1913 г. он составил 107,2 млн руб. — это стоимость мощной эскадры из 4 первоклассных броненосцев и 8 крейсеров (см. таблицу 214).

Экспорт яиц стал возрастать с конца XIX — начала XX вв., и, хотя в годы реформы Департамент земледелия стал создавать рассадники племенной птицы на своих фермах и выдавать земствам и обществам птицеводства пособия на приобретение инкубаторов и откормочных аппаратов, результаты этого, разумеется, в рассматриваемый период сказать еще не могли. Ведомство располагало в 1912 г. лишь 24 специалистами и инструкторами по птицеводству¹.

В то же время можно говорить о том, что развитие данной отрасли имело не вполне стихийный характер. Вот, например, что сообщает в отчете за 1901 г. инспектор 1-го податного участка Борисоглебского уезда: «Борисоглебск, находясь в центре богатого черноземного края, ведет обширную экспортную торговлю сельскохозяйственными продуктами в виде зерна, муки, масла, подсолнечных жмыхов, отрубей и продуктов животноводства: битой птицы и яиц.

Со станций Юго-Восточных железных дорог: Борисоглебск, Терновка и Бурнак отправляется ежегодно в столичные и подмосковные города и за границу более 2 млн пуд. ржи, овса, пшеницы и подсолнуха; кроме того, в минувшем году со станций Терновка и Есипово было отправлено около 100 вагонов яиц и 70 вагонов битой птицы.

Последнего рода торговля особенно быстро стала развиваться благодаря энергии и предприимчивости недавно поселившегося в уезде великобританского подданного Ричарда Барсельмана, устроившего на купленной им близ полустанка Есипово земле огромные склады яиц, помещения для выкормки кур и холодильные аппараты для искусственного замораживания яиц и битой птицы. Все эти продукты в конце осени отправлены в замороженном виде в Англию. В отчетном году торговый оборот г. Барсельмана простирался свыше 300 тыс. руб.

Но предприятие его очень быстро прогрессирует, и в настоящее время предприниматель не ограничивается скупкою яиц и кур, но покупает всякого рода съедобную живность, даже диких птиц и животных: перепелов, куропаток, зайцев и т. п. Кроме того, г. Барсельман открыл при своем заведении свинобойню, на которой свиные туши готовятся в приспособленном к английскому рынку виде. Предприятие г. Барсельмана в высшей степени полезно для местного края; оно создало целый контингент мелких агентов из крестьян, которые разъезжают по деревням и на выданные г. Барсельманом деньги скупают для него яйца, домашних птиц и прочую живность. В то же время в женском населении уезда начинает все более и более развиваться предприимчивость по разведению домашней птицы»².

Превращение птицеводства в важную экспортную отрасль — яркий пример того, что важные сдвиги в сельском хозяйстве страны начали происходить сами собой до реформы, которая затем резко активизировала эти процессы.

¹ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 299.

² РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1191. Л. 28-28об.

Таблица 153

Губернии-лидеры по железнодорожному отпращиванию яиц и желтков яичных в 1913 г.

Губернии	1913	1901	Прирост 1913 к 1901 (%)	Губернии	1913	1901	Прирост 1913 к 1901 (%)
Ярославская	1544	312	494,9	Вятская	382	3	12733,3
Воронежская	1107	940	117,8	Самарская	375	201	186,6
Тамбовская	1023	635	161,1	Симбирская	319	278	114,7
Курская	953	566	168,4	Екатеринославская	297	129	230,2
Подольская	929	583	159,3	Пермская	296	30	986,7
Казанская	829	680	121,9	Уфимская	289	168	172,0
Бессарабская	760	188	404,3	Таврическая	281	106	265,1
Киевская	714	455	156,9	Рязанская	260	131	198,5
Харьковская	683	432	158,1	Саратовская	256	161	159,0
Херсонская	682	211	323,2	Ставропольская	214	64	334,4
Волынская	558	273	204,4	Черниговская	204	134	152,2
Пензенская	515	397	129,7	Келецкая	163	155	105,2
Донская	476	165	288,5	Люблинская	158	142	111,3
Орловская	471	177	266,1	Нижегородская	142	524	27,1
Полтавская	431	328	131,4	Терская	142	76	186,8

Как можно видеть, в таблице 153 представлены губернии разных регионов, но лидирующие позиции Центрально-Черноземного и Юго-западного районов вне сомнения. Судя по всему, настоящий прорыв с начала века произошел в Вятской и Пермской губерниях.

Железнодорожная статистика позволяет нам также оценить роль, которую сельскохозяйственные общества играли в снабжении крестьян сельхозтехникой.

Весьма серьезным доказательством мощного прогресса в деле ее распространения служит тот факт, что в предвоенные годы в **подавляющем** большинстве губерний, в том числе и 1-й группы, существенно возрастает число станций-получателей сельхозмашин и орудий, о чем наглядно говорит таблица 154.

Таблица 154

Число станций-получателей сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг.

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Архангельская	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	2	2	2	2	2	2	2
Олонецкая	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с	1	2	2	2
Вологодская	2	1	1	2	4	3	7	6	6	8	8	8
Всего	2	1	1	2	4	5	9	8	9	12	12	12
Петербургская	6	5	3	10	15	15	20	19	17	18	16	21
Псковская	2	3	1	5	9	10	11	10	11	13	15	17
Новгородская	2	2	1	2	4	6	4	4	5	10	10	12
Всего	10	10	5	17	28	31	35	33	33	41	41	50

Продолжение таблицы 154

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Виленская	5	4	2	5	8	8	8	13	21	15	31	32
Гродненская	9	7	2	12	13	18	16	20	19	16	26	27
Ковенская	6	5	5	9	11	13	12	14	17	18	24	26
Всего	20	16	9	26	32	39	36	47	57	49	81	85
Витебская	8	6	2	10	11	17	17	18	20	26	28	27
Минская	8	5	4	14	14	15	16	17	21	21	26	24
Могилевская	5	3	2	8	6	10	7	8	11	15	21	23
Смоленская	5	5	4	11	9	12	8	11	12	19	22	20
Черниговская	8	4	5	17	13	15	12	15	20	22	29	27
Всего	34	23	17	60	53	69	60	69	84	103	126	121
Московская	14	8	7	23	22	22	20	15	24	30	32	29
Владимирская	3	6	2	6	10	7	9	10	12	16	17	16
Костромская	н/с	н/с	н/с	1	4	1	5	5	5	5	4	7
Тверская	6	3	2	11	12	13	10	9	9	12	16	20
Ярославская	4	4	3	10	5	5	6	4	7	7	8	9
Калужская	2	2	1	4	6	6	6	7	9	16	16	17
Всего	29	23	15	55	59	54	56	50	66	86	93	98
Курская	12	12	8	26	19	22	22	28	32	34	51	44
Орловская	8	6	3	15	19	19	18	22	27	27	30	32
Тамбовская	21	7	3	28	21	20	26	34	40	41	43	43
Тульская	11	5	3	16	12	19	20	22	23	30	29	28
Рязанская	5	4	1	11	9	15	16	16	15	22	23	21
Всего	57	34	18	96	80	95	102	122	137	154	176	168
Пензенская	3	3	1	9	5	10	11	15	14	20	20	23
Симбирская	3	3	2	6	6	8	6	9	11	12	16	23
Казанская	1	1	1	3	1	1	2	3	2	3	3	3
Нижегородская	2	1	3	8	5	5	6	6	5	6	6	11
Всего	9	8	7	26	17	24	25	33	32	41	45	60
Киевская	21	22	19	44	40	41	32	43	41	50	53	54
Подольская	9	16	22	32	29	31	25	42	35	48	55	47
Волынская	10	15	9	20	25	21	20	24	19	30	37	34
Всего	40	53	50	96	94	93	77	109	95	128	145	135
Донская	42	34	27	61	55	64	64	76	75	69	72	83
Екатеринослав.	28	19	15	79	82	84	94	94	105	93	107	102
Херсонская	14	24	30	47	52	44	48	53	55	60	59	54
Бессарабская	7	20	15	29	34	27	24	36	34	35	38	33
Таврическая	19	13	11	30	31	31	30	32	35	36	38	33
Всего	110	110	98	246	254	250	260	291	304	293	314	305
Харьковская	25	16	16	41	36	29	34	38	42	55	73	71
Полтавская	15	13	20	43	39	35	36	41	46	50	56	54
Воронежская	15	11	5	24	20	17		30	41	41	47	49

Окончание таблицы 154

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Всего	55	40	41	108	95	81	70	109	129	146	176	174
Саратовская	31	23	21	45	26	36	43	44	52	50	51	55
Самарская	30	24	19	33	20	36	40	46	53	46	54	67
Оренбургская	9	8	7	10	11	13	13	16	15	14	13	17
Уфимская	4	3	3	8	7	8	13	10	12	13	10	14
Всего	74	58	50	96	64	93	109	116	132	123	128	153
Вятская	Н/с	н/с	н/с	1	3	2	3	4	5	8	7	11
Пермская	5	6	2	11	14	20	18	19	19	18	18	22
Всего	5	6	2	12	17	22	21	23	24	26	25	33
Кубанская	23	29	27	39	42	42	45	41	44	47	56	57
Ставропольская	7	6	6	9	10	9	11	11	9	11	11	12
Терская	9	6	6	12	15	18	18	17	18	17	21	22
Всего	39	41	39	60	67	69	74	69	71	75	88	91
Всего в 53 губерниях	484	423	352	900	864	925	934	1079	1173	1277	1450	1485

Источник: Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 574–575.

Замечу, что уровень распространения сельхозмашин, конечно, зависел, в числе прочего, от густоты железных дорог на территории отдельных губерний. Степень вовлеченности крестьян конкретного уезда и губернии в процесс потребления техники в определенной мере зависела и от общего числа станций, находящихся на их территории. До момента начала реформы это было не очень важно для большинства губерний, однако по мере развертывания преобразований кое-что стало зависеть и от наличия или отсутствия возможности купить машины и орудия сравнительно неподалеку.

Таблица 154 позволяет сделать еще одно заключение. Ее данные показывают, что связь между размером получения губернии в каждом году и числом станций-получателей самая прямая. А это свидетельствует, в числе прочего, о том, что прогресс в потреблении сельхозтехники в России шел и по линии территориального расширения.

Данные «Сводной статистики» подтверждаются нарративными источниками. Так, согласно отчету правительственного агронома Подольской губернии, склады сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. были открыты в районах землеустройства шести уездов, в том числе и Винницком; таких складов было в уезде три — собственно Винницкий, Пиковский и Станиславческий¹. Мы пока не знаем ближайших к двум последним складам станций, но данные «Сводной статистики» говорят, что прибытие сельхозмашин на станцию Винница, которое с 1905 по 1909 г. колебалось от 23 до 30 тыс. пуд., в 1910 г. сразу выросло до 43, в 1911 и 1912 гг. — до 47–48 тыс. пуд., снизившись в 1913 г. до 39 тыс. пуд. (см. таблицу 155).

В 1910 г. был также открыт Джулинский склад в Гайсинском уезде². В «Сводной статистике» данные о получении станции Джулинка до 1911 г. отсутствуют, но в 1912 г. туда прибыло 2,5 тыс. пуд., в 1913 г. — 3,8 тыс. пуд.

¹ Отчеты инспекторов... за 1911 г. Ч. II. С. 766.

² Там же.

Таблица 155

**Получение сельхозмашин и орудий на станциях Винница, Яланец, Джулинка
Подольской губернии (в 1900–1902 гг. — т. п., в 1905–1913 гг. — с. п.)**

Станции	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Винница	36	30	32	280	322	232	292	303	439	471	479	388
Винн. Гор.		1		1			4		15	75	134	44
Яланец										21	16	
Джулинка											25	38

В том же отчете находим сведения о том, что Яланецкое сельскохозяйственное товарищество в числе других таких же купило только в 1909 г. «разного рода сельскохозяйственного инвентаря, маслобойных прессов... и проч. на 7282 руб.» и стало посредничать в снабжении своих членов¹. «Сводная статистика» впервые фиксирует прибытие сельхозтехники на станцию Яланец в 1911 г. в количестве 2,1, в 1912 г. — 1,6 тыс. пуд.; в 1913 г. получение не достигло ценового уровня в 1,5 тыс. пуд. Агрономическая помощь в Подольской губернии началась в 1909 г.² и именно в этом году, как показывает таблица 154, число станций-получателей сельхозмашин и орудий возросло с 25 до 42 (ранее оно не превышало 32 — показатель 1905 г.).

В 1911 г. на станцию Ловжа Витебской губернии прибыло ценовое количество сельхозмашин, в 1912 г. — 27 тыс. пуд., в 1913 г. — 34 тыс. пуд. Михаловский земледельческий кружок близ этой станции был открыт в 1907 г., Ульский — в 1908 г., Заборский — в 1910 г., Каменский — в 1911 г., Несинский — в 1912 г.³

В уездном центре Витебской губернии с характерным названием Городок существовал земский склад, открытый не ранее 1910 г.⁴ Именно в 1910 г. эта станция впервые получила 1,5 тыс. пуд., в 1911 г. — 2,2 тыс. пуд., в 1912 г. — уже 6,1 тыс. пуд. и в 1913 г. — 11,1 тыс. пуд. Такое резкое увеличение прибытия сельхозмашин на эту станцию в 1912–1913 гг. можно связывать и с открытием земледельческих кружков близ нее в дополнение к существовавшему с 1907 г. Мариампольскому — Азарковского и Кардекского в 1911 г., Войханского в 1912 г., Трейчинского и Кашанского в 1913 г.⁵

Все это не исключает и деятельности частных торговцев сельхозтехникой, и возможности открытия земского склада.

Станция Загатьевская той же Витебской губернии начала получать небольшие количества сельхозтехники в 1912–1913 гг. — по 1,8 тыс. пуд. в каждом году. Возможно, это связано с открытием близ нее в 1911 г. Завечельского и Качско-Ореховского земледельческих кружков в дополнение к существовавшему с 1908 г. Ухвищскому кружку⁶.

Станция Новодугинская Смоленской губернии появляется в «Сводной статистике» в 1912 г. с получением в 3,3 тыс. пуд., выросшим в 1913 г. до 5,3 тыс. пуд. Можно думать, что в определенной степени это — следствие расширения деятельности Каменецкого сельскохозяйственного общества, открытого в 1908 г., Гривского и Тесов-

¹ Там же. С. 769.

² Там же. С. 763.

³ Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах Пг., 1914. С. 30–53.

⁴ Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 г. Пг. 1915. С. 91.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ского, возникших в 1911 г., Мольгинского общества сельского хозяйства — в 1912 г. и Копорихинского общества сельского хозяйства — в 1913 г.¹.

Фиксация перевозок на станцию Алтыновка Черниговской губернии — 2,8 тыс. пуд. в 1912 г. и 2,2 тыс. пуд. в 1913 г., возле которой с 1906 г. существовало Спасское сельскохозяйственное общество, связана, можно думать, с тем, что в 1911 г. в этом районе открылись также Рождественское и Корыльское, а в 1912 г. Алтыновское и Атюшское общество².

Вышесказанное опять же не противоречит тому, что в получении указанных станций отразились и результаты деятельности частных торговцев сельхозтехникой, а, возможно, и филиалов земских складов.

Источники позволяют умножить число подобных примеров.

Это подтверждает мысль о том, что увеличение парка сельхозтехники происходило как за счет «старых», более или менее освоенных в этом смысле местностей, так и за счет новых, в чем, безусловно, большую роль играли вновь создаваемые сельскохозяйственные общества.

8.10.2. Сельскохозяйственные товарищества и артели

Одновременно в России росло число сельскохозяйственных товариществ и подобных им организаций (артелей, союзов и др.) Кауфман справедливо называет «первостепенно важной формой общественной самодеятельности»³.

Все они являлись сельскохозяйственными кооперативами в чистом виде.

История сельскохозяйственных товариществ началась в 1890 г., когда был Высочайше утвержден устав первого такого товарищества — Либавского общества поощрения земледелия и сельской промышленности. Этот устав позже стал основой нормального устава сельскохозяйственных товариществ, который был утвержден в 1897 г. министром земледелия по Отделу сельской экономики и сельскохозяйственной статистики.

Число их росло медленно в силу того, что, как показал опыт, устав 1897 г. больше подходил товариществам с относительно широким районом деятельности и более крупными операциями, а для сравнительно мелких кооперативов, возникающих в крестьянской среде, он, напротив, оказался слишком сложным и трудно адаптируемым к их скромным задачам.

Поэтому в 1908 г. был выработан новый нормальный устав мелких сельскохозяйственных товариществ, причем порядок их учреждения был весьма упрощен — при условии тождества их устава с нормальным его утверждал губернатор.

Согласно уставу 1908 г., сельскохозяйственное товарищество имело целью содействовать *своим членам*:

«1) в приобретении нужных им в сельском хозяйстве предметов, а также в сбыте сельскохозяйственных произведений и в технической обработке их в устраиваемых и содержимых на общий счет заведений и 2) в улучшении хозяйств членов товарищества путем соответствующих мер»; в уставе 1897 г. не подчеркивалась мысль о том, что сельскохозяйственные товарищества имеют культурные задачи.

Для открытия товарищества было необходимо вступление в него не менее

¹ Отчеты инспекторов ... за 1911 г. Ч. I. С. 459–467.

² Там же. С. 545–547.

³ Кауфман А. А. Агрономическая помощь... С. 19.

12 человек. Оборотные средства его составлялись из ежегодных членских взносов определенного размера (вместо членских паев по уставу 1897 г.), причем каждый член нес по делам товарищества дополнительную имущественную ответственность в тройном размере годовичного членского взноса. Это делало товарищество относительно кредитоспособным для заключения займов как у частных лиц, так и у различных учреждений¹.

Подобно сельскохозяйственным обществам, сельскохозяйственные товарищества делились на общесельскохозяйственные, занятые сельским хозяйством вообще и специальные, деятельности которых была нацелена или на отдельную отрасль сельского хозяйства (молочное хозяйство, виноградарство, садоводство, пчеловодство и т. д.), или на проведение определенной группы мероприятий (пользование сельхозмашин и орудиями, сельскохозяйственная мелиорация и т. д.). По названиям «различаются сельскохозяйственные товарищества собственно, общества-товарищества, коммерческие отделы при сельскохозяйственных обществах, союзы (членами их являются коллективные единицы — товарищества, артели, общества и пр.) и наконец сельскохозяйственные артели, организованные каждая на основании специального устава».

О динамике численности сельскохозяйственных товариществ в России дают представление следующие данные о числе утвержденных уставов по трехлетиям периода 1898–1912 гг.:

До 1898 г.	— 17 (4 специальных)
1898–1900 гг.	— 34 (5)
1901–1903 гг.	— 15 (7)
1904–1906 гг.	— 24 (7)
1907–1909 гг.	— 106 (25)
1910–1912 гг.	— 769 (543)

Надо иметь в виду, что порядка 50 товариществ прекратило или не начало свою деятельность².

Всего к 1 января 1913 насчитывалось уже 903 товарищества, учрежденных по Отделу сельской экономики и сельскохозяйственной статистики.

Тут есть важный момент.

Товарищества, возникшие на основании уставов 1897 и 1908 гг., нельзя путать с многочисленными товариществами и артелями, которые возникали по особому договору между товарищами, закрепленному через нотариуса или другим путем (так называемые договорные товарищества). В Томской губернии число таких только маслодельных артелей достигало в 1911 г. 654, а в Тобольской в 1912 г. — 855, в том числе 321 общее сельскохозяйственное товарищество и одна такая же артель и 581 специальное сельскохозяйственное товарищество. Среди этих последних преобладали молочно-хозяйственные в числе 335 молочных товариществ, 122 маслодельных артелей; имелось и 4 союза (союз сибирских маслодельных артелей в г. Кургане, союз Прибалтийских кооперативных товариществ молочного хозяйства в г. Риге, союз приуральских маслодельных артелей в г. Челябинске и кооперативное молочное товарищество «Союз» при Петербургском центральном сельскохозяйственном обществе). Затем шли товарищества по совместному приобретению и пользованию

¹ Морачевский В. В. (ред.). Агрономическая помощь ... С. 232–233.

² Там же. С. 232.

земледельческими машинами и орудиями — 77, товарищества по виноградарству, виноделию, садоводству и огородничеству — 15, товарищества по пчеловодству — 7 (одна артель), по животноводству и птицеводству — 7, яичные артели — 4, товарищества по рыболовству — 3, по добыче и потреблению торфа — 2 и по одному товариществу по шелководству и семеноводству, льноводству, производству и сбыту крахмала и по сельскохозяйственной мелиорации. На 1 января 1914 г. число сельскохозяйственных товариществ поднялось до 1254¹.

Географически 903 товарищества, числившихся на 1 января 1913 г., распределялись чрезвычайно неравномерно. Так, во всей Сибири и среднеазиатских владениях их числилось только по одному, на Кавказе — 95 (в одной Кубанской области — 80), в Привислинском крае — 206 (в том числе в Варшавской — 84, Люблинской — 33) и в 50 губерниях — 600, но при этом только в Лифляндской губернии — 249 товариществ, Вологодской — 100 (98 маслодельных артелей), Эстляндской — 54, Курляндской — 36, Подольской — 21, Киевской — 15, Петербургской — 14 и т. д. В девяти губерниях не было ни одного, а в пятнадцати — от 1 до 3 товариществ².

Членами сельскохозяйственных товариществ могли быть лица, занимающиеся сельским хозяйством вообще или какой-либо специальной его отраслью в пределах точно определяемого уставом района (деревня, волость, уезд и т. д.)

Около 62% всех товариществ — волостные и менее чем волостные (почти 32%)

«Многие из товариществ, наряду с ведением чисто коммерческих операций, принимают на себя осуществление и некоторых агрикультурных мероприятий, что наблюдается особенно часто в тех случаях, когда в данной местности отсутствуют специальные агрикультурно-просветительные организации — сельскохозяйственные общества. В таких случаях сельскохозяйственные товарищества до известной степени приближаются к типу тех сельскохозяйственных обществ, в деятельности которых получил сравнительно значительное развитие коммерческий элемент.

Применительно к нормальным уставам ГУЗиЗ были выработаны примерные уставы молочной артели с артельной при ней лавкой, товарищества для переработки молока и наиболее выгодного сбыта продуктов этой переработки, товарищества для совместного пользования племенными производителями, контрольного товарищества по скотоводству, товарищества потребителей торфа, яичной артели, птицепромышленной откормочной артели, товарищества льноводства и обработки льняного волокна, товарищества для пользования сельхозмашин и орудиями, товарищества пчеловодов и мелиорационные товарищества. За последнее время получает значительное развитие объединение кустарей в кооперативные организации (кустарные артели), которые по своему уставу вполне аналогичны сельскохозяйственным товариществам.

В заключение необходимо отметить, что осуществление различных агрономических мероприятий особенно по устройству отделений земских сельскохозяйственных складов, зерноочистительных пунктов, прокатных станций, случных пунктов, показательных участков и пр. — зачастую принимают на себя и другие сельские кооперативы, особенно же кредитные товарищества»³.

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 235–236.

³ Там же. С. 236–237.

8.10.3. Кредитная кооперация

История кредитной кооперации после 1905 г., ставшей мощным средством вовлечения десятков миллионов крестьян в многообразный процесс реформирования страны, — одна из самых ярких страниц рассматриваемой эпохи.

Общие поимперские показатели развития кредитной кооперации давно фигурируют в историографии, но в традиционной литературе они остаются как бы на периферии внимания и даже не всегда прямо связываются с реформой — кооперация вольно или невольно подается и, соответственно, воспринимается как некий процесс, проходивший параллельно со «всеобщей хуторизацией страны», и вполне автономный от нее.

Это, разумеется, неверно.

Б. Д. Бруцкус писал: «Какое бы существенное значение ни имел упорядоченный аграрный строй для успешного развития сельского хозяйства, но все же он является только прочной основой для этого развития; для него необходимы еще другие предпосылки, в том числе капитал, материальный и духовный.

Переселенцам на новых местах, покупщикам земли у Крестьянского Банка, крестьянам, переверстывающим свою землю, правительство выдавало некоторые ссуды. Но они были, конечно, недостаточны. Только на основе кооперации можно было действительно обеспечить крестьянское население кредитом. Это правительство понимало... Кредитная кооперация является в бедной капиталами стране, подобной России, необходимым позвоночным столбом всей сельскохозяйственной кооперации»¹.

Поскольку нас интересует сейчас, во-первых, динамика развития мелкого кредита в годы аграрной реформы Столыпина, которая, в числе прочего, является безусловным показателем роста финансовых возможностей и деловой активности населения, и, во-вторых, анализ пространственного аспекта кооперативного движения, я не буду останавливаться на истории и обширной историографии вопроса, отсылая читателей к упоминавшейся выше монографии А. П. Корелина «Кооперация и кооперативное движение в России».

Замечу лишь, что история кооперации в России весьма поучительна во многих отношениях. Как известно, ее путь был долгим и начался с неудач — от того, в частности, что организаторы первых кооперативов, вдохновленные примером Европы, не понимали психологии крестьян, воспринимавших новые организации как форму благотворительности.

Голод 1891–1892 г. актуализировал проблему кооперации. Однако проблема мелкого кредита по разным причинам решалась весьма трудно в том числе и потому, что «сама идея организации широкой сети учреждений мелкого кредита, особенно кооперативного, была для высшей бюрократии и помещичьих кругов далеко не бесспорной. Более того, по-прежнему было немало сторонников мнения, что крестьянству кредит вообще не нужен и что он может быть даже вреден и с точки зрения хозяйственной, и еще более — с точки зрения нравственной, т. к. погоня за дешевым кредитом развращает сельское население. И даже несмотря на отметки самого императора Николая II на многочисленных бумагах и представлениях, что «пора, наконец, дать народу кредитоваться», сама эта идея вызывала серьезное сопротивление консервативных кругов. И только решительное вмешательство набиравшего силу нового министра финансов С. Ю. Витте сдвинуло дело с мертвой точки»².

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 95, 98.

² Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение... С. 69.

Первого июня 1895 г. Высочайше было утверждено «Положение об учреждениях мелкого кредита». Корелин, считая это закон компромиссным, справедливо отмечает, что в нем отразилась «традиционная патриархально-попечительная направленность курса правительственной политики на оказание помощи прежде всего маломощным слоям мелких производителей, особенно деревни, рассчитанная на поднятие среднего уровня их благосостояния путем подтягивания к нему слабых хозяев с целью повышения их платежеспособности, а также тяготение к сохранению сословно-крестьянских заведений мелкого кредита»¹. Новый закон, наряду с существовавшими паевыми ссудо-сберегательными товариществами и сословными учреждениями², допускал учреждение беспаявых («раффайзеновских») кредитных товариществ, которые отличались от ссудо-сберегательных товариществ «прежде всего отсутствием паевых взносов: основной капитал их образовывался в основном из ссуд Государственного банка, а также кредитов земств и частных пожертвований... Во всем остальном различия между ссудо-сберегательными и кредитными товариществами были несущественны»³. Именно кредитные товарищества должны были охватить организованным кредитом преобладающую часть крестьянских хозяйств.

С 1905 г. начался новый и чрезвычайно успешный период истории кооперации.

Беспаявые кредитные и паевые ссудо-сберегательные товарищества создавались на основании новых нормальных уставов и имели целью «облегчать своим членам-товарищам производство хозяйственных оборотов и улучшений, а также приобретение инвентаря посредством выдачи ссуд и принятия на себя посредничества по хозяйственным же оборотам товарищей»⁴. Обслуживали они в основном сельское население, причем помимо столь необходимого крестьянам кредитования преимущественно для финансирования сельскохозяйственного труда, они нередко оказывали и непосредственную агрономическую помощь крестьянам.

С началом реформы правительство, прекрасно понимая громадную важность для крестьян самой возможности кредитоваться за разумные проценты, предприняло ряд мер для развития мелкого кредита, которые имели, по мнению современников, ошеломляющий эффект.

Вышедшее 7 июня 1904 г. новое Положение об учреждениях мелкого кредита, оставило разрешительный порядок для возникновения новых учреждений мелкого кредита. Вместе с тем процесс их создания был серьезно облегчен тем, что право утверждать уставы новых товариществ получили вновь созданные Губернские комитеты по делам мелкого кредита.

В Положении 1904 г. получила дальнейшее развитие заложенная уже в законе 1895 г. идея — организация мелкого кредита, которая в принципе является делом частной инициативы, — в конкретных российских условиях начала XX в. должна пользоваться всеми ресурсами правительства, его прямой финансовой, технической и моральной поддержкой.

Этот тезис материализовался в создании при Государственном банке центрального и ряда местных административных органов, главной задачей которых стало руковод-

¹ Там же. С. 69–70.

² Сельскими, волостными и станичными банками, крестьянскими банками, бывшие Удельного ведомства, вспомогательно-сберегательными кассами, общественными ссудо-сберегательными кассами, мирскими заемными капиталами, сиротскими кассами, ссудными кассами башкир и гминными кассами в Польше.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 74.

ство существующими учреждениями мелкого кредита и реальная помощь населению в создании новых кредитных кооперативов, а также в дальнейшем распространении кооперативной идеи как таковой.

При этом правительство ясно осознавало, что без контакта с общественностью и ее содействия кредитное дело не сможет развиваться эффективно. Поэтому во всех начинаниях оно старалось опереться на местные культурные силы, на учителей, податных инспекторов и духовенство, которые играли очень важную роль в пропаганде мелкого кредита. Осознавая громадную важность распространения кооперативной идеи в народных массах, Управление издавало популярные брошюры, образцовые уставы, правила и руководства, а также закон 7 июня 1904 г. на русском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, туркменском, армянском, литовском и латышском языках и распространяло эту литературу¹.

Весьма оперативно были разработаны образцовые уставы учреждений мелкого кредита, в обсуждении проектов уставов которых участвовали эксперты из Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, представители земства и кооперативных кредитных учреждений.

В основание уставов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, утвержденных Министром финансов 14 сентября 1905 г., были положены принципы производительного предметного и по преимуществу краткосрочного кредита для производительных групп населения. В декабре того же года был утвержден образцовый устав сельских, волостных и станичных общественных ссудо-сберегательных касс (дополненный в 1908 г.), гораздо более свободный, чем прежние нормальные уставы крестьянских общественных кредитных учреждений. В 1910 г. были обнародованы правила о преобразовании учреждений старой конструкции в ссудо-сберегательные кассы. В 1906 г. (14 июня) был утвержден устав земских касс мелкого кредита².

Комитет установил образцы бухгалтерских книг и документации, порядок отчетности и ряд примерных правил и наказов по отдельным операциям, таким, как прием в заклад хлеба и иных продуктов сельского хозяйства, ремесла или промысла, а также орудий и инструментов в обеспечение ссуд, выдаваемых учреждениями мелкого кредита.

Были также разработаны утвержденные Министром финансов правила приема в заклад другой движимости, процентных бумаг и под залог недвижимых имуществ и строений, находящихся на земле, которой заложить нельзя. Примерные правила были составлены также для вкладной и посреднической операций, регламентирована выдача ссуд обществам, товариществам и артелям.

Управление на основании обширной информации с мест пришло к заключению, что одной из главных причин, тормозивших развитие мелкого кредита, было неудовлетворительное взыскание долгов по требованиям кредитных учреждений. Для упорядочения этой сложной коллизии на основании существующих законов было разработано «Наставление о взыскании долгов с заемщиков мелкого кредита». Необходимость в утверждении соответствующих правил в законодательном порядке привела к дальнейшей разработке порядка взыскания долгов, и важно отметить, что Комитет принял принципиальное решение о том, что взыскание просроченных ссуд должно строиться на началах постановлений устава гражданского судопроизводства³.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 1–2.

² Там же. С. 2–3.

³ Там же. С. 3–4.

Управление субсидировало учреждения мелкого кредита, снабжая их основными капиталами и оборотными средствами. Долгосрочные ссуды в основные капиталы выдавались из особого фонда Управления и из средств Государственных сберегательных касс, причем Управление самостоятельно выдавало ссуды, не превышающие 3 тыс. руб. на 1 товарищество или крестьянское общественное кредитное учреждение, а также 10 тыс. руб. и 30 тыс. руб. на уездные и губернские земские кассы. Если эти параметры превышались, то ссуды утверждал Министр финансов. Краткосрочные кредиты выдавал прежде всего Государственный Банк (на 1 января 1913 г. — 127,2 млн руб.)¹.

Источниками для написания этого раздела послужили данные, опубликованные в «Статистических ежегодниках России» за 1908–1915 гг., а также в «Сборнике статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый» (Пг., 1917). В эти издания данная информация переносилась из Отчетов по мелкому кредиту Управления по делам мелкого кредита, которые, в свою очередь, составлялись после обработки многих тысяч отчетов конкретных товариществ, которая была весьма трудоемкой операцией. В итоге Отчеты, подобно «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам», выходили в свет с запозданием на два года, а «Объяснительная записка к Отчету за 1913 г.» появилась в 1916 г.

Эта статистика, к сожалению, сразу вызывает вопросы, поскольку в ней разнятся показатели, касающиеся основных параметров кредитного дела, например, относительно общей численности учреждений мелкого кредита. Между данными официальных отчетов и моими подсчетами есть небольшие расхождения в итоговых данных. Я ориентируюсь на данные указанных публикаций, поскольку они разрабатываются на погубернском уровне и куда легче поддаются корректировке, нежели общеимперские показатели.

К учреждениям мелкого кредита относились: кредитные кооперативы — кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, земские кассы и союзы, а также сословно-общественные учреждения.

Полная характеристика развития всех этих учреждений на основе их статистической отчетности — дело будущего. В рамках данной книги главное внимание уделяется преобладающим типам кредитной кооперации — кредитным и ссудо-сберегательным товариществам. Они концентрировали основную массу участников и денежных средств, а их история связана прежде всего со Столыпинской аграрной реформой.

Дальнейший план изложения таков — сначала дается самая общая характеристика развития кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, а также суммарных показателей их эволюции.

Затем более подробно анализируются основные параметры кредитного дела (количество товариществ, численность участников, оборотные средства и объем ссудной операции) — по районам с указанием губерний-лидеров и сопоставлением данных на 1905, 1913 и 1915 г. Исходные данные для статистического анализа помещены в Приложении VII.

Статистика мелкого кредита, как и любой весьма детализированный статистический комплекс, можно анализировать достаточно подробно, однако сейчас это не входит в мои задачи.

¹ Там же. С. 5-6.

8.10.4. Число и географическое распределение учреждений мелкого кредита

Как можно видеть из таблицы 155, кооперативный бум происходил прежде всего за счет кредитных и — в меньшей степени — ссудо-сберегательных товариществ.

Таблица 155

Рост численности кредитных кооперативов

Дата	кредитные товарищества	ссудо.-сберегат. товарищества	Всего	Принимая уровень 1 января 1906 г. за 100%		
				кредитные товарищества	ссудо.-сберегат. товарищества	Всего
на 1 января 1906 г.	773	856	1629	100	100	100
на 1 января 1907 г.	1199	886	2085	155,1	103,5	128,0
на 1 января 1908 г.	1913	1168	3081	247,5	136,4	189,1
на 1 января 1909 г.	2691	1474	4165	348,1	172,2	255,7
на 1 января 1910 г.	3005	1786	4791	388,7	208,6	294,1
на 1 января 1911 г.	4545	2136	6681	588,0	249,5	410,1
на 1 января 1912 г.	5940	2593	8533	768,4	302,9	523,8
на 1 января 1913 г.	7964	3025	10989	1030,3	353,4	674,6
на 1 января 1914 г.	9540	3487	13027	1234,2	407,4	799,7
на 1 января 1915 г.	10706	3785	14491	1385,0	442,2	889,6
на 1 января 1916 г.	11398	4038	15436	1474,5	471,7	947,6

Источник: Статистический ежегодник России 1908 г. СПб., 1909. С. 452–455; Статистический ежегодник России 1909 г. СПб., 1910. С. 428–431; Статистический ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 244–249; Статистический ежегодник России 1911 г. СПб., 1912. Отдел XII. С. 25–32; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отдел XII. С. 94–101; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 563–569.

Этот буквально взрывной рост в официальном отчете комментируется так: «Все ускоряющееся расширение сети народно-кредитной организации, буквально бурное за последнее время, не должно... вызывать ни недоумений, ни сомнений. Потребность в организованном кредите в народной среде так сильна вообще и так обострилась, в частности, под влиянием переустройства крестьянского хозяйства, а техническая возможность удовлетворить нужду в кредите стала настолько близкой к населению, что созидательная работа во имя цели не могла не принять широкого массового характера.

Уже не слова и не советы со стороны толкали на этот путь ищущую доступных средств массу хозяев, а живые примеры работы соседей, ранее организовавших кредит, таких же пахарей или мелких промышленников.

А между тем и в содействии извне все менее ощущалось недостатка. Расширялась правительственная организация дела мелкого кредита, росло участие в нем земства

и все живее проявлялся интерес к этому делу в обществе. Мало того, организуемые все в большем числе ссудо-сберегательные и особенно кредитные товарищества отчасти расчищали почву для последующих учреждений и в другом отношении: они расширяли знакомство с приемами и правилами руководящей работы по народному кредиту и подготавливали, таким образом, новых руководителей (администраторов и счетоводов) для кооперативного дела»¹.

Вновь возникшие товарищества стали, таким образом, для своих соседей не только источником и живым примером материализации кредитной идеи, но и местом, где приобретались и усваивались практические навыки ведения дел и бухгалтерии. В том же направлении действовали и курсы, съезды и совещания, интенсивность которых нарастала с каждым годом, а также популярная литература, которая все свободнее и шире проникала в деревню.

Таблица 156

Число кредитных кооперативов в 1905, 1913 и 1915 гг.

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Всего кредитных кооперативов		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	1	164	226	5	8	7	6	172	233
Приозерный	24	180	261	59	107	124	83	287	385
Прибалтийский	0	2	2	146	282	285	146	284	287
Литовский	0	115	138	44	164	170	44	279	308
Белорусский	17	304	407	35	261	289	52	565	696
ЦПР	52	737	977	45	197	233	97	934	1210
ЦЧР	135	1275	1428	51	147	154	186	1422	1582
Средневолжский	63	679	795	9	42	46	72	721	841
Нижневолжский	148	1022	1200	35	87	97	183	1109	1297
Малороссийский	47	670	752	50	148	157	97	818	909
Юго-Западный	20	516	661	21	339	433	41	855	1094
Новороссийский	165	1037	1148	112	426	466	277	1463	1614
Приуральский	34	734	842	72	45	45	106	779	887
Предкавказский	35	340	390	20	85	97	55	425	487
Польша	20	116	121	118	746	794	138	862	915
Кавказ	3	291	399	24	132	172	27	423	571
Сибирь и Дальний Восток	4	892	1098	7	40	47	11	932	1145
Степной край	5	238	317	3	74	82	8	312	399
Туркестан	0	222	236	0	149	340	0	371	576
Империя	773	9534	11398	856	3479	4038	1629	13013	15436

Источники: Статистический ежегодник России 1908 г. СПб., 1909. С. 452–455; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 558–569.

¹ Там же. С. 11.

Таблица 157

То же в процентах

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Всего кредитных кооперативов		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	0,1	1,7	2,0	0,6	0,2	0,2	0,4	1,3	1,5
Приозерный	3,1	1,9	2,3	6,9	3,1	3,1	5,1	2,2	2,5
Прибалтийский	0,0	0,0	0,0	17,1	8,1	7,1	9,0	2,2	1,9
Литовский	0,0	1,2	1,2	5,1	4,7	4,2	2,7	2,1	2,0
Белорусский	2,2	3,2	3,6	4,1	7,5	7,2	3,2	4,3	4,5
ЦПР	6,7	7,7	8,6	5,3	5,7	5,8	6,0	7,2	7,8
ЦЧР	17,5	13,4	12,5	6,0	4,2	3,8	11,4	10,9	10,2
Средневолжский	8,2	7,1	7,0	1,1	1,2	1,1	4,4	5,5	5,4
Нижневолжский	19,1	10,7	10,5	4,1	2,5	2,4	11,2	8,5	8,4
Малороссийский	6,1	7,0	6,6	5,8	4,3	3,9	6,0	6,3	5,9
Юго-Западный	2,6	5,4	5,8	2,5	9,7	10,7	2,5	6,6	7,1
Новороссийский	21,3	10,9	10,1	13,1	12,2	11,5	17,0	11,2	10,5
Приуральский	4,4	7,7	7,4	8,4	1,3	1,1	6,5	6,0	5,7
Предкавказский	4,5	3,6	3,4	2,3	2,4	2,4	3,4	3,3	3,2
Польша	2,6	1,2	1,1	13,8	21,4	19,7	8,5	6,6	5,9
Кавказ	0,4	3,1	3,5	2,8	3,8	4,3	1,7	3,3	3,7
Сибирь и Дальний Восток	0,5	9,4	9,6	0,8	1,1	1,2	0,7	7,2	7,4
Степной край	0,6	2,5	2,8	0,4	2,1	2,0	0,5	2,4	2,6
Туркестан	0,0	2,3	2,1	0,0	4,3	8,4	0,0	2,9	3,7
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 158

Таблица рангов числа кредитных кооперативов

Кредитные товарищества						Ссудо-сберегательные товарищества					
Губерния	1905	Губерния	1913	Губерния	1915	Губерния	1905	Губерния	1913	Губерния	1915
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Херсонская	85	Пермская	378	Томская	465	Лифляндская	74	Киевская	155	Киевская	189
Самарская	81	Томская	378	Пермская	423	Курляндская	65	Петроковская	148	Подольская	163
Курская	52	Вятская	356	Вятская	419	Пермская	62	Лифляндская	138	Сыр-Дарьинская	160
Екатеринославская	39	Херсонская	324	Херсонская	347	Таврическая	44	Бессарабская	133	Петроковская	155
Воронежская	30	Волынская	291	Волынская	344	Бессарабская	38	Варшавская	125	Варшавская	142
Пермская	29	Самарская	289	Самарская	315	Ковенская	34	Люблинская	119	Бессарабская	139
Полтавская	29	Тамбовская	256	Оренбургская	305	Варшавская	29	Подольская	112	Лифляндская	139
Саратовская	27	Оренбургская	251	Тамбовская	297	Черниговская	25	Минская	103	Люблинская	129
Уфимская	23	Уфимская	243	Уфимская	291	Петроковская	25	Сыр-Дарьинская	102	Витебская	120
Нижегородская	22	Харьковская	238	Харьковская	265	Полтавская	24	Курляндская	100	Ферганская	116
Владимир.	20	Бессарабская	231	Бессарабская	258	Петербургская	23	Витебская	97	Минская	103
Донская	20	Полтавская	229	Полтавская	250	Калишская	22	Калишская	90	Курляндская	102

Окончание таблицы 158

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Орловская	19	Донская	215	Саратовская	245	Киевская	21	Екатеринославская	82	Калишская	94
Таврическая	18	Орловская	215	Донская	241	Воронежская	20	Донская	80	Херсонская	92
Новгородская	17	Тульская	212	Черниговская	237	Саратовская	19	Кубанская	77	Екатеринославская	91
Симбирская	16	Тобольская	210	Воронежская	236	Кубанская	19	Херсонская	74	Калужская	88
Тульская	16	Воронежская	206	Нижегородская	235	Донская	18	Полтавская	73	Донская	83
Харьковская	16	Черниговская	203	Костромская	235	Минская	17	Вольнская	72	Вольнская	81
Кубанская	16	Курская	198	Тульская	227	Псковская	17	Петербургская	69	Кубанская	79
Казанская	15	Саратовская	197	Тобольская	227	Люблинская	17	Калужская	68	Петербургская	78

Если в 1905 г. ссудо-сберегательные товарищества превосходили кредитные по всем параметрам, то уже в 1906 г. кредитные товарищества опередили их по числу учреждений и численности участников. Однако вплоть до 1914 г. ликвидировать отставание в финансовой сфере они не могли; ссудо-сберегательные товарищества были намного богаче кредитных.

Как можно видеть, в 1905 г. свыше двух третей кредитных товариществ сосредоточивалось в Новороссийском (165 товариществ, или 21,3% общего их числа), Нижневожском (148, т. е. 19,1%) и Центрально-Черноземном (135, или 17,5% соответственно) районах. Менее заметны показатели Средневожского района (63 кооператива, т. е. 8,2%), ЦПР (52, или 6,7%).

Это вполне подтверждается «таблицей рангов». В числе 20 губерний с наибольшим количеством кредитных товариществ находятся Херсонская (лидер), Екатеринославская (4-я), Донская (12-я), Таврическая (14-я), Самарская (2-я), Саратовская (8-я), Уфимская (9-я), Курская (3-я), Воронежская (5-я), Орловская (13-я), Тульская (17-я), Нижегородская (10-я), Симбирская (16-я), Казанская (20-я).

В 1913 г. число кредитных товариществ достигло 9534, увеличившись в сравнении с 1905 г. в 12,3 раза. Первую позицию теперь занимал ЦЧР (1275 товариществ, т. е. 13,4% общего их числа), затем почти вровень шли Новороссийский (1037, или 10,9%) и Нижневожский (1022, или 10,7%). А на 4-м месте оказались Сибирь и Дальний Восток, где в 1905 г. было 4 товарищества, а в 1913 г. — в огромной степени благодаря поддержке правительства — 892 (9,4% итога).

Когда масштаб явления за 8 лет вырастает более чем на порядок, — в 12,3 раза — то, понятно, речь идет о новой реальности. Не говоря о Сибири, достаточно взглянуть на показатели Литвы и Туркестана, где в 1905 г. кредитных товариществ не было вовсе, а через 8 лет стало соответственно 115 и 222, Северного района, где в 1905 г. было 1 кредитное товарищество, а в 1913 г. — 164, Кавказа, где их число увеличилось с 3 до 291 и т. д. Понятно, что это типичный «рост с нуля», притом часто в буквальном смысле, и все же преуменьшать его значение не следует. Подобный вариант динамики далее именуется первым.

Вместе с тем и в 1905 г. были районы и губернии, где кредитное дело *уже* успело пустить корни, где у населения *уже* появилась некоторая привычка к кооперативам, и где сложившийся — пусть пока не очень высокий — уровень развития кредитной кооперации мог в какой-то степени повлиять на ее дальнейшую эволюцию. К тому же в некоторых регионах эту привычку могло усиливать наличие ссудо-сберегательных товариществ, которые, наряду с кредитными, играли важную, а иногда и более влиятельную роль в развитии кооперативной идеи. Это — второй тип динамики.

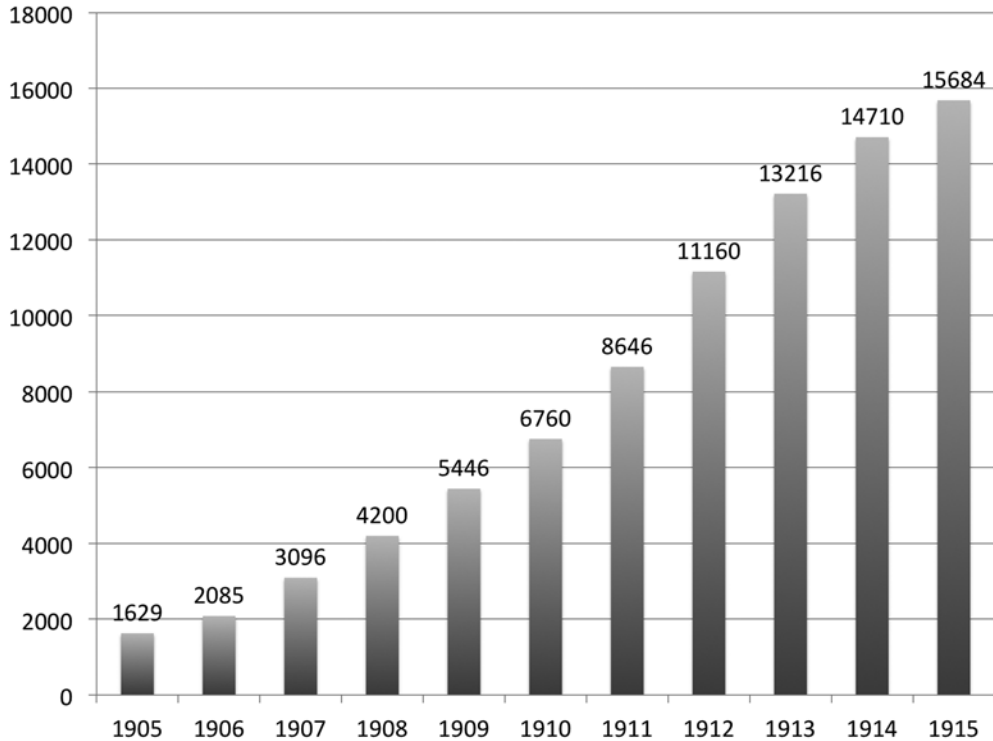

Диаграмма 27. Число кредитных кооперативов в 1905–1915 гг.
Источник: см. таблицу 155

Нетрудно видеть, что, хотя наибольшие приросты числа кредитных товариществ за 1905–1913 гг. фиксируются в районах, которые лидировали и в 1905 г. — ЦЧР — 13,0%, Новороссийском и Нижневолжском — по 10,0% (2-й из оговоренных выше типов динамики), однако на Сибирь и Дальний Восток пришлось 10,1%, а на Приуральский район, представленный всего двумя губерниями, — 8,0% (1-й из упомянутых типов динамики); ярким примером последнего служит тот факт, что в 1905 г. в Азиатской России (Кавказ, Сибирь и Дальний Восток, Степной край и Туркестан) находилось лишь 1,5% всех кредитных товариществ, а в 1913 г. — 17,3%, т. е. более $\frac{1}{6}$ кооперативов этого типа.

Вместе с тем понятно, что бурное, как его определяли современники, «исключительно живое» количественное развитие организованного народного кредита, не привело и не могло привести сразу к созданию полной и равномерно насыщенной сети кредитных учреждений.

В частности, организационная работа правительства на окраинах Империи стала заметной лишь с 1910 г. В Туркестане в 1908 г. было одно товарищество, в 1909 г. их было открыто 10 (кредитных), в 1910 г. — уже 35 (20 кредитных и 15 ссудо-сберегательных); в Сибири в 1910 г. открылось 75 товариществ, в том числе 4 ссудо-сберегательных, а за период 1905–1909 гг. их было организовано 70. А за-

тем кооперативное движение в Азиатской России «получило еще больший размах, исключительный по силе, благодаря исключительным же условиям насаждения кредитной организации для борьбы с последствиями неурожая» 1911–1912 г.¹ Эта мощная кампания позволяет еще раз оценить потенциал и возможности правительства и его реакцию на кризисные ситуации.

Сказанное детализирует таблица рангов. В 1913 г. первая десятка лидеров в сравнении с 1905 г. значительно обновилась, и весьма часто именно вследствие «роста с нуля». Пермская и Томская губернии делили теперь 1–2 позиции, только первая из них в 1905 г. была 6-й, а вторая — 39-й. При этом Вятская губерния переместилась с 33-й на 3-ю, Волынская — с 30-й на 5-ю, Тамбовская — с 24-й на 7-ю, Оренбургская — с 21-й на 8-ю, Харьковская — с 18-й на 10-ю, Бессарабская — с 40-й на 11-ю, Черниговская — с 43-й на 18-ю, а Тобольская, где в 1905 г. кредитных товариществ не было вовсе (имелось 4 ссудо-сберегательные товарищества) в 1913 г. была уже 16-й. Эти губернии представляют 1-й тип динамики, когда последующий рост числа кооперативов практически не связан с ситуацией 1905 г.

Вместе с тем в числе первых 20 губерний мы видим ряд губерний, которые находились в числе лидеров и в 1905 г. и которые демонстрируют 2-й вариант динамики. Лидер 1905 г. — Херсонская губерния отошла на 4-е место, Самарская — с 3-го на 6-е, Полтавская — с 7-го на 12-е, Воронежская — с 5-го на 17-е и т. д.

За 1913–1915 гг. число кредитных товариществ увеличилось на 1864, и основная часть этого прироста сконцентрирована в ЦПР (12,9% итога), Сибири и Дальнем Востоке (11,1%), Нижневолжском (9,5%), ЦЧР (8,2%) и Юго-Западном районах.

Наибольший прирост числа товариществ отмечается в Томской (87 товариществ), Костромской (84), Вятской (63), Тверской (62) губерниях; затем идут Смоленская, Оренбургская и Волынская губернии с приростом 55–53 товарищества, Саратовская, Уфимская, Киевская, Подольская, Пермская, Псковская и Тамбовская губернии, в которых число кредитных товариществ увеличилось на 48–41 единицы, Московская, Новгородская и Минская с приростом 39–36 товариществ.

Возникли первые кредитные товарищества в Якутии (одно) и на Сахалине (два)

Отметим, что три Юго-Западные губернии по размерам прироста входят в число первых 11-ти губерний, что не позволяет в данном случае преувеличивать влияние войны на жизнь этого близкого к фронту района.

В 1913 г. губернии с числом кредитных товариществ менее 100 образуют единый массив, который тянется с Северо-Востока Европейской России на Северо-Запад и который включает Северные, Приозерные, Прибалтийские, Литовские и Белорусские (кроме Смоленской), Польские, а также Тверскую губернии. Вне этой группы находятся Калужская, Подольская, Таврическая, Ставропольская и Астраханская губернии.

Южнее этого района располагаются губернии с числом товариществ 130–198 — Центрально-Промышленные (кроме вышеупомянутых), Смоленская, Средневолжские, Рязанская, Саратовская (197 единиц), Курская (198), Киевская (142), Екатеринославская (173), Кубанская (172) и Терская (106).

Во всех остальных Центрально-Черноземных, Малороссийских, Новороссийских, Нижневолжских и Приуральских губерниях число кредитных товариществ колеблется между 378 (Пермская) и 203 (Черниговская) товариществами.

Данные за 1915 г., расположенные на карте Империи, иллюстрируют логику раз-

¹ Там же. С. 12.

вития кредитного дела, которая, как представляется, оказалась нарушенной Первой мировой войной в гораздо меньшей степени, чем можно было бы предположить.

В 1915 г. регион с числом кредитных товариществ менее 100 на губернию сократился за счет перешагнувших эту отметку Вологодской, Новгородской, Псковской, Тверской, Подольской и Таврической губерний.

В то же время в таких губерниях, как Костромская, Нижегородская, Казанская, Пензенская, Саратовская, Рязанская и Курская число товариществ превысило 200, в Самарской, Оренбургской и Волынской — 300, а в Вятской, Пермской и Тобольской — 400.

Эта логика поступательного развития мелкого кредита проявляется и в последовательном снижении индекса Джини. В 1905 г. он равен (для 90 объектов) 0,739, в 1913 г. — 0,515, а в 1915 г. — 0,498.

Индекс Джини, измеренный на уровне районов, дает схожую динамику — 0,651 — 0,427 и 0,411.

Ссудо-сберегательные товарищества

В 1905 г. свыше 40% ссудо-сберегательных товариществ, как следует из таблиц 156–157, в сумме было сосредоточено в Прибалтике — 146 товариществ (17,1%), Польше — 118 (13,8%), и в Новороссии — 112 (13,1%).

Если нанести на карту и выделить губернии, где имелось 10 и более товариществ, то мы увидим прихотливо изогнутый единый («почти») массив, который тянется с Северо-Запада на Юг и Юго-Восток Европейской России и охватывает Приозерные, Прибалтийские (без Эстляндской), Литовские (без Гродненской), Польские, Минскую, Киевскую, Малороссийские, Новороссийские (без Херсонской), Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую, Кубанскую и Кутаисскую губернии. Отдельно располагается Пермская губерния с 63 товариществами, большинство из которых в последующие годы будет ликвидировано.

За 1905–1913 гг. число ссудо-сберегательных товариществ выросло с 856 до 3479, т. е. в 4,1 раза, но этот рост, понятно, не везде шел с равной интенсивностью. Если доля регионов-лидеров по числу кредитных товариществ в 1913 г. серьезно снизилась в сравнении с 1905 г. и соответственно возросла роль новых центров, то применительно к ссудо-сберегательным товариществам мы видим более сложную картину. Радикально уменьшилась доля ссудо-сберегательных товариществ Прибалтики — с 17,1% до 8,1%, в Новороссии же уменьшение составило менее 1%, а роль Польши в то же время заметно выросла — с 13,8 до 21,4%. Нельзя не отметить 16-кратного увеличения абсолютных показателей Юго-Западного края — с 21 до 339 товариществ (с 2,5% до 9,7% общего итога). Одновременно с 4,0% до 11,3% выросла доля Азиатской России (Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Степного края и Туркестана). То есть и здесь мы видим те же два типа динамики.

Значительно изменился и список лидеров. Так, Киевская губерния переместилась с 13-го места на 1-е, Петроковская — с 9-го на 2-е, Люблинская — с 20-го на 6-е, Подольская — с 47-го на 7-е, Минская — с 18-го на 11-е, Витебская — с 32-го на 11-е, Екатеринославская — с 25-го на 13-е, Херсонская — с 48-го на 16-е, Волынская — с 59-го на 18-е, Калужская — с 50-го на 20-е, а Сыр-Дарьинская область, в которой кредитных кооперативов не было вовсе, стала в 1913 г. 9-й. Вместе с тем ряд губерний остался в числе первых 20-ти, хотя и с меньшими рангами.

В 1913 г. западно-южная ориентация обрисованного выше массива губерний с наибольшим количеством ссудо-сберегательных товариществ усилилась и как бы уточнилась. Теперь в регион с числом этих товариществ от 43 до 155 на губернию входят Петербургская, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Юго-Западные, Малороссийские (кроме Харьковской), Новороссийские и Тамбовская губернии, а также Кубанская область; отдельно располагаются Калужская и Московская губернии с 68 и 50-ю товариществами. В этом массиве выделяются Лифляндская, Курляндская, Варшавская, Люблинская, Петроковская, Минская, Киевская, Подольская и Бессарабская губернии с числом ссудо-сберегательных товариществ от 100 до 155-ти. В Сыр-Дарьинской области насчитывалось 102 товарищества, организованных при помощи правительства.

За 1913–1915 гг. прирост числа ссудо-сберегательных товариществ был втрое меньше, чем кредитных — 559 против 1864, и 34,2% его пришлось на Туркестан (всего на Азиатскую Россию — 44,1%), но притом 16,8%, на первый взгляд, несколько удивительным образом — на прифронтовой Юго-Западный район, 8,2% на Польшу и 7,2% на Новороссию.

Хотя то, что выше — применительно к кредитным товариществам — названо логикой развития кредитного дела, в случае ссудо-сберегательных товариществ из-за меньшего их прироста не так заметно, однако в этом плане можно отметить, что в 1915 г. число ссудо-сберегательных товариществ в Витебской губернии перевалило за 100 и что достаточно заметно выросли показатели Киевской (со 155 до 189), Калужской, Петербургской, Херсонской, Екатеринославской губерний.

Концентрация ссудо-сберегательных товариществ в течение рассматриваемого периода снижается, однако не столь выразительно, как у кредитных товариществ — 0,651 в 1905 г. (для 90 объектов), 0,527 в 1913 г. и 0,525 в 1915 г. На уровне районов динамика схожая — 0,504 в 1905 г., 0,477 — в 1913 г. и 0,473 в 1915 г.

Обратимся к анализу совокупных данных о числе кредитных кооперативов.

За 1905–1913 гг. число всех кредитных кооперативов выросло с 1629 до 13013 (в 8,0 раза), а за 1905–1915 гг. — до 15436 (в 9,5 раза).

В 1905 г. наибольшее их число приходилось на Новороссию — 17,0%, ЦЧР — 11,4%, Нижневолжский — 11,2%, Прибалтийский — 9,0% и Польский — 8,5% районы, и в этом раскладе концентрация кредитных и ссудо-сберегательных товариществ как бы уравновешивала друг друга.

Иную картину мы видим в 1913 г., поскольку количественный рост шел прежде всего за счет кредитных товариществ. Теперь кооперативы значительно более рассредоточены — доля лидеров относительно уменьшилась, иногда значительно. Так, в Прибалтике теперь концентрировалось не 9,0%, а лишь 2,2% товариществ, несмотря на почти двукратный рост их абсолютной численности, поскольку за 1905–1913 гг. там появилось лишь два кредитных товарищества. Вместе с тем заметно увеличились показатели Юго-Западного района — с 2,5 до 6,6%, и Азиатской России — с 2,9% до 15,8%.

В 1913 г. губернии с числом кредитных кооперативов более 200 располагаются к югу от границ Белорусского, Центрально-Промышленного и Нижневолжского (исключая Нижегородскую губернию с 209 кооперативами) районов, а также южной границы Вологодской губернии. В этом массиве выделяются Пермская (412 товариществ), Вятская (367), Тамбовская (317), Херсонская (398), Бессарабская (364), Полтавская (302) и Волынская (363 товарищества), а в Сибири — Томская губерния (395). При этом, с одной

стороны, в Донской области, в Самарской и Киевской губерниях число товариществ равно 295–297, а с другой, ряд губерний северного региона близок к порогу 200 кооперативов (Ярославская, Московская, Владимирская, Пензенская, Казанская).

Таблица 159

Ранги всех кредитных кооперативов

<i>Губернии</i>	<i>1906</i>	<i>Губернии</i>	<i>1913</i>	<i>Губернии</i>	<i>1915</i>
Пермская	92	Пермская	412	Томская	483
Херсонская	91	Херсонская	398	Пермская	457
Самарская	84	Томская	395	Херсонская	439
Курляндская	73	Вятская	367	Вятская	430
Лифляндская	66	Бессарабская	364	Волынская	425
Таврическая	66	Волынская	363	Бессарабская	397
Курская	54	Тамбовская	317	Екатеринославская	377
Екатеринославская	53	Полтавская	302	Тамбовская	358
Саратовская	52	Киевская	297	Полтавская	327
Воронежская	50	Самарская	297	Самарская	325
Полтавская	49	Донская	295	Донская	324
Донская	39	Харьковская	261	Оренбургская	309
Кубанская	36	Екатеринославская	255	Уфимская	297
Новгородская	32	Оренбургская	255	Черниговская	293
Ковенская	31	Черниговская	255	Подольская	292
Киевская	29	Уфимская	249	Харьковская	289
Тамбовская	29	Кубанская	249	Екатеринославская	286
Бессарабская	28	Орловская	240	Саратовская	277
Уфимская	28	Тульская	234	Кубанская	267
Петербургская	27	Саратовская	231	Воронежская	257

В 1915 г. мы видим дальнейшее развитие сети кредитных учреждений. Число товариществ в Донской области в 1915 г. составило 324, в Самарской губернии — 325, в Киевской — 377, в Оренбургской — 309 (с 255), в Ярославской — 209, в Московской — 227, во Владимирской — 213, в Пензенской — 216, в Казанской — 216, в Костромской — 249 (со 164), в Смоленской — 201 (со 144). Параллельно до 483 выросло количество кооперативов в Томской, до 430 — в Вятской, до 425 — в Волынской, до 439 — в Херсонской губернии. Значительно приблизились к «порогу 300» Подольская, Черниговская и Уфимская, Екатеринославская и Харьковская губернии, а в Бессарабской насчитывалось 397 товариществ; едва ли можно сомневаться, что в 1916 г. в большинстве этих губерний следующий количественный уровень был превзойден. Отдельно следует отметить, что, если в 1913 г. в Ферганской области было 2 кредитных кооператива, то в 1915 г. их стало 239 (!). Видимо, не будет ошибкой связать этот весьма примечательный для характеристики изучаемой эпохи факт с правительственными планами расширения посевов хлопчатника в Средней Азии и со строительством и открытием движения в 1913 г. по Ферганской железной дороге.

Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что Первая Мировая война отнюдь не прервала поступательное движение кредитной кооперации в России, которое дополнительно подтверждается снижением индекса Джини с 0,605 в 1905 г. до 0,404 в 1913 г. и 0,389 в 1915 г. Для экономическо-географических районов аналогичный показатель равен соответственно 0,481 — 0,322 — 0,307.

Подводя промежуточные итоги, еще раз подчеркнем, что кооперативный бум в отдельных регионах и губерниях проявился с разной интенсивностью; нельзя не увидеть здесь аналогии с землеустройством.

8.10.5. Динамика роста числа членов кредитных кооперативов

Официальная статистика под участниками учреждений мелкого кредита понимала членов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и должников общественных кредитных организаций (в силу отсутствия данных о числе всех лиц, воспользовавшихся услугами общественных учреждений в пределах целого отчетного года, учитывались только должники на 1 января).

Это подход не считался оптимальным, однако альтернативы ему не видели, поскольку при существовавшей системе отчетности учреждений мелкого кредита полный и точный учет численности населения, которое пользовалось услугами кредитных организаций, был невозможен¹.

Но даже если бы удовлетворительная статистика и существовала, то арифметическое сложение участников **всех** учреждений мелкого кредита не привело бы к получению корректного достоверного показателя — из-за разнообразия форм мелкого кредита и наличия в силу этого перекрестного и совместного кредитования населения разными способами и различными организациями (нередко одновременно и кредитными кооперативами, и сословно-общественными учреждениями, и земскими кассами, губернскими и уездными).

Поэтому нам вслед за современниками приходится, по необходимости, довольствоваться лишь приблизительным подсчетом числа участников учреждений мелкого кредита, под которыми понимались в кредитных кооперативах — члены товариществ, а в сословных организациях — должники последних.

Даже примерный учет кредитуемых земскими кассами лиц был невозможен, поскольку их отчеты сообщали в одних случаях число ссуд, а в других — число заемщиков, и не касались притом ссудооборота по специальным капиталам. Помимо этого, коллективные должники очень часто одновременно кредитовались и в губернских кассах, и в уездных, а для некоторых коллективных заемщиков в отчетах нет сведений об их численности².

В силу сказанного предметом нашего анализа будет численность участников кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.

В 1905 г. около $\frac{3}{5}$ всех участников кредитных товариществ приходилось на Новороссийский (65,7 тыс. чел., или 21,6% общего итога), ЦЧР (55,6 тыс. чел., т. е. 18,3%), Нижневолжский (54,7 тыс. чел. или 18,0%), а также ЦПР (21,7 тыс. чел., т. е. 7,1%), Приуральский (20,8 тыс. чел., или 6,8%) и Средневолжский (16,5 тыс. чел., т. е. 5,4%) районы.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. I. Объяснительная записка. Пг., 1916. С. VI.

² Там же. С. VII

Таблица 160

**Количество членов кредитных кооперативов
по районам**

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Все кредитные кооперативы		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	0,2	61,8	101,8	0,4	1,9	2,3	0,6	63,7	104,1
Приозерный	8,9	88,5	138,1	26	52,5	59,4	34,9	141,0	197,5
Прибалтийский	0	1	1,1	36,9	117,9	132,3	36,9	118,9	133,4
Литовский	0	48,4	68,8	27,4	90,9	93,8	27,4	139,3	162,6
Белорусский	8,9	196,1	282,6	24,2	155,4	175,0	33,1	351,5	457,6
ЦПР	21,7	419,6	571,6	11,8	82,9	110,9	33,5	502,5	682,5
ЦЧР	55,6	988,2	1168,7	24,6	105,6	115,9	80,2	1093,8	1284,6
Средневолжский	16,5	475,4	593,8	3,1	21,1	25,2	19,6	496,5	619,0
Нижневолжский	54,7	746,7	925,3	11,7	41,7	44,1	66,4	788,4	969,4
Малороссийский	18,9	497,5	605,8	20,6	99,0	107,0	39,5	596,5	712,8
Юго-Западный	3,8	309,1	420,3	25,9	281,7	318,4	29,7	590,8	738,7
Новороссийский	65,7	752,5	803,9	69,7	318,6	329,1	135,4	1071,1	1133,0
Приуральский	20,8	576,2	697,1	26,1	22,8	21,1	46,9	599,0	718,2
Предкавказский	10,8	225,3	268,5	13,2	65,0	71,0	24,0	290,3	339,5
Польша	15,4	86,4	92	71,8	472,6	497,6	87,2	559,0	589,6
Кавказ	0,1	83,6	137,9	4,9	40,4	68,0	5,0	124,0	205,9
Сибирь и Дальний Восток	1,3	523,4	694,4	0,9	16,9	21,0	2,2	540,3	715,4
Степной край	1	91,5	149,1	0,5	29,6	35,0	1,5	121,1	184,1
Туркестан	0	53,3	66,5	0	29,2	73,1	0,0	82,5	139,6
Империя	304,3	6224,5	7787,3	399,7	2045,6	2300,0	704,0	8270,1	10087,3

Таблица 161

То же в процентах

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Все кредитные кооперативы		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Северный	0,1	1,0	1,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,8	1,0
Приозерный	2,9	1,4	1,8	6,5	2,6	2,6	5,0	1,7	2,0
Прибалтийский	0,0	0,0	0,0	9,2	5,8	5,8	5,2	1,4	1,3
Литовский	0,0	0,8	0,9	6,9	4,4	4,1	3,9	1,7	1,6
Белорусский	2,9	3,2	3,6	6,1	7,6	7,6	4,7	4,3	4,5
ЦПР	7,1	6,7	7,3	3,0	4,1	4,8	4,8	6,1	6,8
ЦЧР	18,3	15,9	15,0	6,2	5,2	5,0	11,4	13,2	12,7

Окончание таблицы 161

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Средневолжский	5,4	7,6	7,6	0,8	1,0	1,1	2,8	6,0	6,1
Нижневолжский	18,0	12,0	11,9	2,9	2,0	1,9	9,4	9,5	9,6
Малороссийский	6,2	8,0	7,8	5,2	4,8	4,7	5,6	7,2	7,1
Юго-Западный	1,2	5,0	5,4	6,5	13,8	13,8	4,2	7,1	7,3
Новороссийский	21,6	12,1	10,3	17,4	15,6	14,3	19,2	13,0	11,2
Приуральский	6,8	9,3	9,0	6,5	1,1	0,9	6,7	7,2	7,1
Предкавказский	3,5	3,6	3,4	3,3	3,2	3,1	3,4	3,5	3,4
Польша	5,1	1,4	1,2	18,0	23,1	21,6	12,4	6,8	5,8
Кавказ	0,0	1,3	1,8	1,2	2,0	3,0	0,7	1,5	2,0
Сибирь и Дальний Восток	0,4	8,4	8,9	0,2	0,8	0,9	0,3	6,5	7,1
Степной край	0,3	1,5	1,9	0,1	1,4	1,5	0,2	1,5	1,8
Туркестан	0,0	0,9	0,9	0,0	1,4	3,2	0,0	1,0	1,4
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 162

Таблица рангов количества членов кредитных кооперативов

<i>Кредитные товарищества</i>						<i>Ссудо-сберегательные товарищества</i>					
<i>Губерния</i>	<i>1905</i>	<i>Губерния</i>	<i>1913</i>	<i>Губерния</i>	<i>1915</i>	<i>Губерния</i>	<i>1905</i>	<i>Губерния</i>	<i>1913</i>	<i>Губерния</i>	<i>1915</i>
Херсонская	85	Пермская	378	Томская	465	Лифляндская	74	Киевская	155	Киевская	189
Самарская	81	Томская	378	Пермская	423	Курляндская	65	Петроковская	148	Подольская	163
Курская	52	Вятская	356	Вятская	419	Пермская	62	Лифляндская	138	Сыр-Дарьинская	160
Екатеринославская	39	Херсонская	324	Херсонская	347	Таврическая	44	Бессарабская	133	Петроковская	155
Воронежская	30	Волынская	291	Волынская	344	Бессарабская	38	Варшавская	125	Варшавская	142
Пермская	29	Самарская	289	Самарская	315	Ковенская	34	Люблинская	119	Бессарабская	139
Полтавская	29	Тамбовская	256	Оренбургская	305	Варшавская	29	Подольская	112	Лифляндская	139
Саратовская	27	Оренбургская	251	Тамбовская	297	Черниговская	25	Минская	103	Люблинская	129
Уфимская	23	Уфимская	243	Уфимская	291	Петроковская	25	Сыр-Дарьинская	102	Витебская	120
Нижегородская	22	Харьковская	238	Харьковская	265	Полтавская	24	Курляндская	100	Ферганская	116
Владимирская	20	Бессарабская	231	Бессарабская	258	Петербургская	23	Витебская	97	Минская	103
Донская	20	Полтавская	229	Полтавская	250	Калишская	22	Калишская	90	Курляндская	102
Орловская	19	Донская	215	Саратовская	245	Киевская	21	Екатеринославская	82	Калишская	94
Таврическая	18	Орловская	215	Донская	241	Воронежская	20	Донская	80	Херсонская	92
Новгородская	17	Тульская	212	Черниговская	237	Саратовская	19	Кубанская	77	Екатеринославская	91
Симбирская	16	Тобольская	210	Воронежская	236	Кубанская	19	Херсонская	74	Калужская	88
Тульская	16	Воронежская	206	Нижегородская	235	Донская	18	Полтавская	73	Донская	83
Харьковская	16	Черниговская	203	Костромская	235	Минская	17	Волынская	72	Волынская	81
Кубанская	16	Курская	198	Тульская	227	Псковская	17	Петербургская	69	Кубанская	79
Казанская	15	Саратовская	197	Тобольская	227	Люблинская	17	Калужская	68	Петербургская	78

В силу этого в «таблице рангов» в числе 20 губерний с наибольшим числом членов кредитных товариществ находятся Херсонская (2-я), Таврическая (5-я), Екатеринославская (7-я), Самарская (лидер), Уфимская (11-я), Саратовская (17-я), Курская (4-я), Воронежская (6-я), Орловская (10-я), Пермская (3-я), Симбирская (14-я), Нижегородская (19-я), Казанская (20-я) и т. д.

На карте губернии с числом участников свыше 10 тыс. либо расположены отдельно — как Самарская и Пермская, либо небольшими блоками — Орловская, Курская и Воронежская (11,0–19,6 тыс.), которые отделяются Харьковской с 2,9 тыс. человек от Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической (14,1–28,4 тыс.).

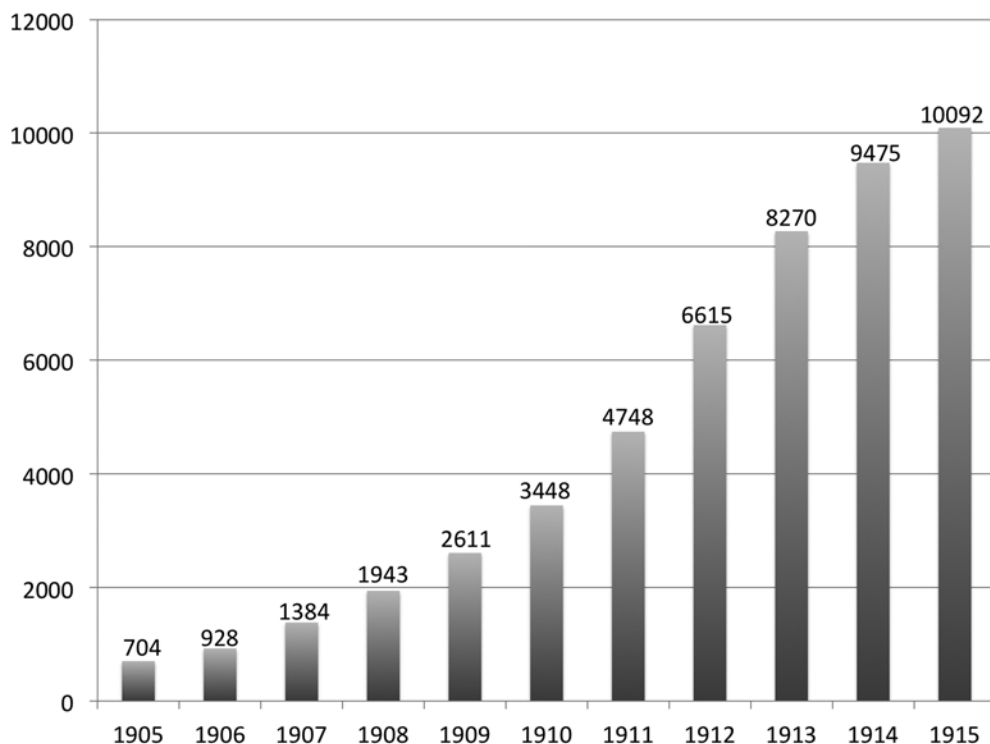

Диаграмма 28. Количество членов кредитных кооперативов в 1905–1915 гг. (тыс. чел.). Источник: см. таблицу 155

За 1905–1913 гг. количество участников кредитных товариществ увеличилось с 304,4 тыс. до 6224,5 тыс. (в 20,4 раза), т. е. численность членов кредитных товариществ росла быстрее их количества.

Первую позицию теперь занимал ЦЧР (988,2 тыс. чел., т. е. 15,9% всех членов кредитных товариществ), затем шли — опять-таки почти рядом — Новоросийский (752,5 тыс. чел., или 12,1%) и Нижневолжский (746,7 тыс. чел., или 12,0%), Приуральский (576,2 тыс. чел., или 9,3%) районы, Сибирь и Дальний Восток (523 тыс. чел., или 8,4%), Малороссия (497,5 тыс. чел., или 8,0%) и т. д.

Нельзя не отметить, что в Азиатской России, где в 1905 г. было 2,4 тыс. членов кредитных товариществ, в 1913 г. их численность составила 751,8 тыс. чел. (рост более чем в 30 раз).

Другими словами, и здесь можно говорить — с известной мерой условности — о двух типах динамики.

Из таблицы рангов мы видим, что Вятская губерния переместилась с 46-й позиции на 1-ю (в 1905 г. в пяти тамошних кредитных товариществах насчитывалось 0,9 тыс. членов, а в 1913 г. — в 419-ти — 301,7 тыс.), Томская — с 39-й на 3-ю (рост с 1,3 до 260,7 тыс. чел.), Харьковская — с 24-й на 7-ю (рост с 2,9 до 218,5 тыс. чел.), Бессарабская — с 44-й на 8-ю (рост с 0,9 до 216,4 тыс.), Тобольская, в которой в 1905 г. отчетность фиксирует 469 членов кооперативов, в 1913 г. находилась на 15-м месте со 140,6 тыс. чел. и т. д.

Одновременно ряд губерний сохранил высокие ранги и в 1913 г., повысив их, как Пермская и Воронежская, или несколько снизив, как Самарская и Херсонская.

Несложно заметить, что списки губерний-лидеров по количеству товариществ и по числу их членов достаточно близки, что и неудивительно.

Массив губерний, в которых насчитывалось свыше 100 тыс. участников кредитных товариществ, тянется по диагонали через всю Восточно-Европейскую равнину с Северо-Востока на Юго-Запад. Он охватывает Приуральские, Нижневолжские (кроме Астраханской), Средневолжские, Владимирскую, Центрально-Черноземные, Малороссийские, Юго-Западные (кроме Подольской), Бессарабскую и Херсонскую губернии, а также Донскую и Кубанскую области. Отметим, что в Тобольской губернии насчитывалось 260,7 тыс. членов кредитных товариществ.

Внутри этого массива выделяются блоки с более чем 200 тыс. участников — первый из Вятской, Пермской, Самарской и Уфимской губернии (301,7–212,5 тыс.), второй из Воронежской и Харьковской (229,7–218,5 тыс.), третий — из Херсонской и Бессарабской (227,9–216,4 тыс.).

За 1905–1913 гг. прирост числа участников кредитных товариществ составил 5920,6 тыс. чел. На уровне районов больше всего новых членов привлекли кооперативы ЦЧР — 932,6 тыс. чел. (15,8% общей величины), Нижневолжского района и Новороссии (692 и 686,8 тыс. чел., или 11,7 и 11,6% итога), затем Приуралья — 555,4 тыс. чел. (9,4%) Сибири и Дальнего Востока — 522 тыс. чел. (8,8%) и Малороссии — 478,6 тыс. чел. (8,1%); в Азиатской России прирост составил 749,4 тыс. чел., или 12,6%.

За 1913–1915 гг. число участников кредитных товариществ выросло более чем на полтора миллиона человек (1562,8 тыс. чел.), причем в ЦЧР, Нижневолжском, Сибири и Дальнем Востоке размеры этого увеличения находятся в пределах 171,0 — 180,5 тыс. чел. (10,9–11,5% общего прироста), в ЦЧР — 152,0 тыс. чел. (9,7%). Обращают на себя внимание достаточно низкие показатели Новороссии — 51,5 тыс. чел., т. е. 3,3% итога, что, как представляется, связано с воздействием Первой мировой войны на этот регион. Вместе с тем на Азиатскую Россию пришлось 246,1 тыс. чел., или 18,9% всего прироста.

Продолжалось дальнейшее расширение и насыщение региона с наибольшей численностью участников кредитных товариществ. В 1915 г. Пермская и Тобольская перешагнули отметку 300 тыс. человек, Оренбургская, Тамбовская и Орловская — в 200 тыс., Костромская, Ярославская и Смоленская — в 100 тыс.

Показательно, что прогресс кредитного дела шел на фоне его деконцентрации. По-губернский уровень ее снижался — в 1905 г. индекс Джини равен 0,774 (90 объемов), в 1913 г. — 0,592, а в 1915 г. — 0,566. Порайонный индекс показывает ту же динамику — 0,655 — 0,503 — 0,476.

В 1905 г. из почти 400 тыс. участников **ссудо-сберегательных товариществ** почти две трети (64,1%) были сосредоточены в Польше, Новороссии, Прибалтике (18,0%, 17,4%, 9,2%), а также Литовском (6,9%) и имевших практически равные показатели Приозерном, Юго-Западном и Приуральском районах (6,5%), т. е. основная масса членов этих товариществ располагалась в западных и причерноморских губерниях.

Карта иллюстрирует это наблюдение, показывая притом, что в данном случае чаще всего значимость показателей района определяется уровнем одной-двух губерний. Из губерний Польши свыше 10 тыс. членов имели ссудо-сберегательные товарищества Варшавской, Петроковской, Люблинской, из Новороссийских — Бессарабской и Таврической, из Прибалтийских — Лифляндской и Курляндской губерний, из Литовских — Ковенской, из Приозерных — Псковской, из Юго-Западных — Киевской (в Подольской 9,4 тыс.), из Приуральских — Пермской. Отметим также уровень Воронежской (15,4 тыс. членов), Кубанской (13,2 тыс.) и Саратовской (10,4 тыс.).

В 1913 гг. в ссудо-сберегательных товариществах насчитывалось 2045,6 тыс. членов (в 5,1 раза больше). При этом относительные показатели всех перечисленных районов уменьшились, иногда заметно (Приозерный, Прибалтийский, Приуральский районы). Однако в Польше и Юго-Западном районе фиксируется серьезный, на 5–8%, рост — с 18,0 до 23,1% и с 6,5 до 13,8% соответственно. В ссудо-сберегательных товариществах Азиатской России в 1905 г. было 6,3 тыс. членов, а в 1913 г. — 116,3 тыс., т. е. в 18,4 раза больше (1,6% и 5,7%).

Очевидно, что логика развития паевых ссудо-сберегательных товариществ была несколько иной, чем беспаявых кредитных товариществ, в том смысле, что «рост с нуля» здесь в целом менее заметен. В «таблице рангов» в 1913 г. «новые имена» мы видим только во второй десятке (так, Витебская губерния поднялась с 26-го места на 12, Херсонская — с 37-го на 13-е, Волынская — с 48-го на 15-е, Тамбовская — с 30 на 18-е). Аналогичный список кредитных товариществ обновился куда заметнее.

Карта свидетельствует и об успешном развитии ссудо-сберегательных товариществ в «западно-южном» регионе, где они укоренились уже в начале века сами собой, естественным, так сказать, путем, и о продвижении их на север и восток Европейской России. Одновременно стараниями правительства возникает новый очаг ссудо-сберегательных товариществ в Средней Азии, Степном крае и Сибири.

За 1913–1915 гг. прирост числа участников ссудо-сберегательных товариществ оказался в 6,2 раза меньшим, чем кредитных — 254,3 тыс. против 1562,8 тыс. При этом 17,3% его пришлось на Туркестан, а всего на Азиатскую Россию — 31,8%. Лидер 1913–1915 гг. — Ферганская область (24,6 тыс. чел.), Сыр-Дарьинская (15,5 тыс. чел.) — 4-я, Тифлисская (15,1 тыс. чел.) — 5-я, Елисаветпольская область (5,8 тыс. чел.) — 11-я. Затем шел Юго-Западный край с 14,4% (Подольская губерния с 15,6 тыс. чел. была на 3-м месте, Киевская с 12,6 тыс. чел. — на 5-м, Волынская с 8,5 тыс. чел. — на 9-м), ЦПР с 11,0%, 9,8% на Польшу и 7,2% и т. д.

В итоге в 1915 г. польские губернии несколько уступили позиции, занимавшиеся ими в 1913 г. (кроме Варшавской), Киевская сохранила лидерство, 2-й стала Подольская, а 3-й — Сыр-Дарьинская.

Деконцентрация подтверждается снижением индекса Джини с 0,700 в 1905 г., до 0,606 в 1913 г. и 0,578 в 1915 г. на уровне губерний. На уровне районов картина несколько иная: соответственно 0,526, 0,561, 0,528.

Какова совокупная динамика личного состава кредитных кооперативов?

За 1905–1913 гг. численность участников всех кредитных кооперативов увеличилась с 704,0 до 8270,1 тыс. чел. (в 11,7 раз).

В 1905 г. больше всего участников приходилось на Новороссию — 19,2%, Польшу — 12,4%, ЦЧР — 11,4%, Нижневолжский — 9,4%, Малороссийский, Приозерный и Прибалтийский районы — от 5,6 до 5,0%, и здесь мы вновь видим, что, как и в структуре распределения количества кооперативов, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества как бы уравнивают друг друга.

Однако в 1913 г. картина меняется. На фоне увеличения числа членов кооперативов Приозерного, Прибалтийского, Новороссийского и Польского районов с 294,4 тыс. чел. до 1890,0 тыс. чел., т. е. в 6,4 раз, их доля в общем итоге падает — с 41,8% до 22,9%. Это уменьшение компенсируется ростом показателей других районов, не слишком значительным, на первый взгляд, часто менее 2%, однако в сумме дающим весомое количество. Отметим цифры Юго-Западного края, единственного, кроме, пожалуй, Белоруссии, где приросты числа членов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ за 1905–1913 гг. более или менее сопоставимы (305,3 и 255,8 тыс. чел.). Показатели Азиатской России выросли с 1,2% до 10,5% — с 8,7 до 867,9 тыс. чел. (в 99,7 раз).

В случае личного состава кредитных кооперативов, как и применительно к их численности, на итоговые показатели определяющее влияние имели показатели кредитных товариществ. Поэтому неудивительно, что на карте мы видим ту же картину, что и на карте распределения участников последних в 1913 г., а именно: вытянутый по диагонали от Приуралья до западной границы Империи массив губерний со 100 и более тыс. участников кооперативов, дополняющийся Подольской и Могилевской губерниями.

За 1913–1915 гг. число участников кредитных кооперативов выросло на 1,8 млн чел. (для сравнения — население Костромской губернии в 1913 г. равнялось 1769,7 тыс. чел.). На ЦЧР пришлось 10,5% этой величины, на Нижневолжский — 10,0%, на серьезно прогрессировавший с конца 1900-х гг. ЦПП — 9,9%, на Юго-Западный — 8,1%.

В 1915 г. еще три губернии, помимо Бессарабской и Вятской, — Киевская, Пермская и Томская — превысили отметку 300 тыс. членов, Волынская и Оренбургская губернии, Донская и Кубанская области — отметку 200 тыс. чел., Костромская, Ярославская, Московская, Смоленская и Минская — отметку в 100 тыс. чел.

Особое место в развитии кредитного дела в рассматриваемый период, как говорилось, занимает Азиатская Россия. Если 100-кратное увеличение численности личного состава за 1905–1913 гг. — с 8,7 до 867, тыс. — остается без комментария, то прирост последнего показателя на 43,4% за 1913–1915 гг. — до 1244,9 тыс. чел. (население Ярославской губернии в 1913 г. — 1250 тыс. чел.) при среднем для Империи 22,0%, заслуживает того, чтобы быть специально отмеченным. В 1905 г. во всей Азиатской России находилась 1,2% личного состава кредитных кооперативов, а в 1915 г. — 12,3%.

Таким образом, абсолютные показатели динамики численности кредитных кооперативов и их личного состава наглядно демонстрируют потенциал российского кооперативного движения, который продолжал раскрываться и в годы тотальной мировой войны.

Индекс Джини показывает те же тенденции к снижению концентрации измеряемого явления: в 1905 г. — 0,644, в 1913 г. — 0,508, в 1915 г. — 0,481 (91 объект); на уровне районов соответственно — 0,504 — 0,413 — 0,385. Кооперативная идея овладевала — в прямом смысле термина — массами.

Теперь мы можем перейти к анализу относительных показателей развития кредитного дела.

Напомню, что за 1905–1913 гг. количество кредитных кооперативов выросло в 8,0 раз, а за 1905–1915 гг. — в 9,5 раз. В то же время численность их участников увеличилась в 11,7 и 14,3 раза соответственно.

Другими словами, несмотря на феноменально быстрый рост сети кооперативных учреждений мелкого кредита, число их членов росло, как говорилось, быстрее. Поэтому среднее количество членов на 1 кредитный кооператив неуклонно возрастало (исключая случаи, когда в 1905 г. в губернии имелся 1 или несколько кооперативов с большим числом участников).

Как можно видеть из таблицы 163, число участников на 1 кредитный кооператив перманентно увеличивается,

Таблица 163

Среднее число участников кредитных кооперативов

<i>Район</i>	<i>Кредитные товарищества</i>			<i>Ссудо-сберегательные товарищества</i>		
	<i>1905</i>	<i>1913</i>	<i>1915</i>	<i>1905</i>	<i>1913</i>	<i>1915</i>
Северный	181	377	451	74	238	322
Приозерный	371	492	529	441	490	479
Прибалтийский	0	487	550	253	418	464
Литовский	0	421	499	622	554	552
Белорусский	523	645	694	691	595	606
ЦПР	417	569	585	263	421	476
ЦЧР	412	775	818	483	719	752
Средневолжский	261	700	747	345	502	548
Нижневолжский	370	731	771	334	479	454
Малороссийский	402	743	806	412	669	681
Юго-Западный	191	599	636	1235	831	735
Новороссийский	398	726	700	622	748	706
Приуральский	612	785	828	363	506	469
Предкавказский	310	663	688	659	764	732
Польша	772	745	760	608	634	627
Кавказ	45	287	346	203	306	395
Сибирь и Дальний Восток	326	587	632	123	422	447
Степной край	191	384	470	166	400	426
Туркестан	0	240	282		196	215
Империя	394	653	683	467	588	570

Таблица 164

Принимая данные таблицы за 100%

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	100	208,3	249,0	100	321,6	435,1
Приозерный	100	132,4	142,4	100	111,1	108,6
Прибалтийский	0	100,0	123,0	100	165,2	183,4
Литовский	0	100,0	118,5	100	89,1	88,7
Белорусский	100	123,4	132,8	100	86,1	87,7
ЦПР	100	136,7	140,4	100	160,1	181,0
ЦЧР	100	188,1	198,7	100	148,9	155,7
Средневожский	100	267,8	285,7	100	145,5	158,8
Нижневожский	100	197,6	208,5	100	143,4	135,9
Малороссийский	100	184,8	200,5	100	162,4	165,3
Юго-Западный	100	313,7	333,0	100	67,3	59,5
Новороссийский	100	182,2	175,8	100	120,3	113,5
Приуральский	100	128,3	135,3	100	139,4	129,2
Предкавказский	100	214,0	222,4	100	115,9	111,1
Польша	100	96,6	98,5	100	104,3	103,1
Кавказ	100	638,7	768,0	100	150,7	194,6
Сибирь и Дальний Восток	100	180,1	194,1	100	343,1	363,4
Степной край	100	201,3	246,2	100	241,0	256,6
Туркестан	0	100,0	117,5	0	100,0	109,7
Империя	100	165,8	173,5	100	125,9	122,1

Рост этого показателя прекрасно иллюстрирует настоящую потребность деревни в кредите, которая побуждала крестьян вступать в уже действующие кооперативы, чтобы не ждать организации новых. Ведь эта процедура нередко бывала и длительной, и достаточно сложной, не говоря о том, что для нее требовалось не только желание крестьян, но и наличие подходящих инициативных работников. Не случайно с последним обстоятельством, в числе прочего, связывалась многочисленность личного состава отдельных кредитных кооперативов — и не только городского типа¹.

Для понимания проблемы численности учреждений мелкого кредита важна следующая информация официального отчета: «Все эти лица (члены кредитных кооперативов — М. Д.) должны бы быть, согласно уставам и иным регулирующим кредитное дело специальными положениям, самостоятельными хозяевами, по терминологии, обиходной в сфере крестьянских отношений, домо- или дворохозяевами.

В действительности в громадном большинстве случаев так и есть. Тем не менее нельзя не указать, что помимо фактов участия в кредитных учреждениях и недомо-

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 22.

хозяев, а членов нераздельной семьи, имеющих, однако, свой особый промысел, в практике известны и иные случаи, когда одновременная принадлежность к кредитной организации нескольких членов одной и той же семьи, одного хозяйства, или является простым результатом грубых злоупотреблений, или получает характер своего рода корректива ограниченного пользования ссудными средствами»¹.

Количество участников, естественно, зависело от степени осведомленности населения о кредитном кооперативе, от уровня нужды этого населения в кредите и удобства пользования им, а также от объема оборотных средств кооператива. При всем том источники фиксируют факты очень быстрого роста числа членов вызываемого, например, «неправильным взглядом на возникающее товарищеское учреждение, когда в надежде на раздел «даровых» средств, идет чуть ли не поголовная запись в члены товарищества», или, напротив, когда достаточно медленное увеличение этого показателя было обусловлено тем, что «товарищество приурочивается к обслуживанию нужд не просто кредитоспособных хозяйств, а избранных «своих»»².

Понятно, что многочисленность личного состава кооперативов не относилась к числу достоинств российской кооперации, о чем постоянно говорят источники. Однако они трактуют это как временное явление, как неизбежную болезнь роста, связанную с недостатком «готовых сил для руководства народным кредитом» и ограниченным «приливом к нему оборотных средств»³. Вместе с тем эксперты осторожно отмечают тенденцию к преодолению этой ситуации. В 1905 г. средний район кредитных товариществ охватывал 1570 дворов, в 1910 г. — 1462, а в 1911 г. — 1339; в 1908 г. на одно ссудо-сберегательное товарищество приходилось 2399 дворов, а в 1910 г. — 2327 и в 1911 г. — 2088⁴.

Для понимания самого механизма работы учреждений мелкого кредита весьма важен вопрос *о районах их действия* (данный сюжет освещается на основании информации официальных отчетов Управления по делам мелкого кредита). Поскольку кредитные кооперативы имели строго местный характер, то их членами могли быть, повторяюсь, как правило, главы самостоятельных хозяйств, находящихся в границах заранее определенного района.

В кооперативных учреждениях эти границы устанавливались территориально. Так, в старых ссудо-сберегательных товариществах район часто определялся определенным радиусом от местонахождения правления — 20–50 верст, а в кредитных товариществах и новейших ссудо-сберегательных в уставе указывались поселения, число дворов и душ в них, причем иногда в определении района фигурировал и какой-нибудь личный признак или (и чаще!) лично хозяйственный (профессиональный). В сословно-общественных учреждениях границы задавались личным составом обществ, заинтересованных в кредитной организации.

Из таблицы 165 следует, что среди учреждений мелкого кредита преобладают товарищества с районом от 500 до 2000 дворов (62–78%) и что их доля растет прежде всего за счет уменьшения доли товариществ более чем с 2000 дворами. При этом группа 501–1000 дворов развивается больше, чем следующая за ней.

¹ Там же. С. 25–26.

² Там же. С. 22.

³ *Белинский В.* Учреждения мелкого кредита в 1910 и 1911 годах по материалам Отчета Управления по делам мелкого кредита, в связи с данными за последующие годы. Пг., 1915. С. 12.

⁴ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 36.

Таблица 165

Районы действия кредитных кооперативов

Число дворов	До 250		251–500		501–1000		1001–2000		2001–3000		Свыше 3000	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Кредитные товарищества												
На 1 января 1911 г.	47	1,1	315	7,0	1306	29,0	1995	44,0	574	12,8	267	5,8
На 1 января 1913 г.	64	0,8	495	6,2	2613	33,2	3527	45,0	870	11,1	299	3,8
На 1 января 1914 г.	84	0,9	664	7,0	3280	34,7	4205	45,0	943	10,0	276	2,9
Ссудо-сберегательные товарищества												
На 1 января 1911 г.	79	4,4	255	14,1	398	22,0	522	29,0	209	11,6	344	19,0
На 1 января 1913 г.	90	3,5	343	13,4	716	28,0	794	31,0	264	10,3	352	14,0
На 1 января 1914 г.	89	3,0	396	13,4	889	30,2	926	32,0	285	9,7	354	12,0

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. I. Объяснительная записка. Пг., 1916. С. 39.

По сведениям за 1910–1911 гг. число дворов, находившихся в районах учреждений мелкого кредита, колебалось в пределах 18,5–20 млн¹, а на 1 января 1913 г. — 23–24,5 млн².

Однако эти впечатляющие цифры, полученные путем простого суммирования дворов, не слишком корректны в силу очень частого совмещения районов действия различных учреждений мелкого кредита, о чем говорилось выше, притом нередко многократном (бывало так, что одна и та же территория обслуживалась, например, двумя ссудо-сберегательными товариществами, одним кредитным и одним, а то и несколькими учреждениями сословно-общественного типа). Большее или меньшее совмещение районов было характерно для всей Империи³.

В отчетах учреждений мелкого кредита район действия обозначается числом входящих в него дворов; для подавляющего большинства этот район был значительно менее уезда. Земские кассы обслуживали губернию или уезд. Нередки при этом были случаи, когда уставный район не совпадал с фактическим, и деятельность кредитного учреждения, прежде всего большерайонных ссудо-сберегательных товариществ велась лишь на части формально определенной для него территории.

Хотя участие населения в организации народного кредита только начиналось, статистика показывает значительное движение вперед буквально за 3–4 года. В начале 1906 г. члены кредитных товариществ составляли лишь 24% числа районных домохозяев. В 1910 г. из всей совокупности хозяйств, находящихся в районах учреждений мелкого кредита, в состав кредитных товариществ входило 36%, в ссудо-сберегательные — 19% и в сословно-общественные учреждения — 35%. В 1911 г. аналогичные показатели составили: 40,5% в кредитных товариществах, 21–22% в ссудо-сберегательных и 35,8% в сословно-общественных учреждениях, а в 1912 г. — 47%, 24,3% и 38% соответственно⁴. Тенденция ко все большему охвату местного населения, таким образом, налицо.

¹ Там же. С. 26.

² Белинский В. Учреждения мелкого кредита... С. 9.

³ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 26–27.

⁴ Белинский В. Учреждения мелкого кредита... С. 10.

На реальную степень участия населения в кредитной организации в том или ином районе и особенно губернии воздействовал сложный комплекс разнообразных условий.

Чем больше было число дворов, входящих в сферу действия товариществ, тем ниже оказывался процент заинтересованных в нем домохозяйств. Так, в группах товариществ с количеством дворов от 500 до 3 и более тыс. доля членов кооперативов постепенно снижается с 53% до 27–20%. Этим, кстати, во многом объясняется разница в охвате хозяйств обслуживаемого района между кредитными товариществами, с одной стороны, и ссудо-сберегательными товариществами, с другой. На 1 января 1911 г. на одно кредитное товарищество приходилось в среднем 1462 двора, а на ссудо-сберегательное — 2327.

Важным фактором была и длительность работы кооператива. Очевидно, что сравнительно продолжительная работа кредитных организаций в данной местности волею-неволей создавала у жителей определенную привычку к ним, повышала уровень доверия (подавляющее большинство кооперативов работало успешно), вместе с тем стимулировала прилив местных средств, что делало возможным привлечение новых участников.

На фоне непрерывного относительного роста участия населения в кредитных организациях отмечается, в частности, постепенное увеличение доли кредитных товариществ, которые привлекли в свой состав свыше половины домохозяев. Так, среди товариществ, возникших в 1910 г., таких было 6%, из открытых в 1909 г. — 19%, из созданных в 1908 г. — 34%, из появившихся в 1907 г. — 36%, а среди товариществ, образовавшихся до 1907 г., даже 44% при том, что они составляли 28% общего числа кредитных товариществ¹.

Несколько иная картина была в ссудо-сберегательных товариществах. Чем старше было ссудо-сберегательное товарищество, тем меньше хозяйств района оно обслуживало; здесь сказывалось влияние более высоких паев и замкнутость некоторых товариществ, не желавших принимать в свои ряды представителей рядового населения.

В Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской губерниях, как минимум, половина ссудо-сберегательных товариществ начала работу до 1906 г., и они включали в свой состав 4–7%, максимум 15% (Вятская) домохозяев их районов. В то же время в кредитных товариществах этих же губерний на 1 января 1911 г. находилось от 26% (Нижегородская) до 46% (Курская) хозяйств. Вместе с тем районы ссудо-сберегательных товариществ превосходили районы кредитных в 2,5–5,5 раз, а средний пай колебался в пределах 21–36 руб.

Официальный отчет квалифицирует эти ссудо-сберегательные товарищества как «малодеятельные» и констатирует «неподвижность или малоподвижность» их кредитной организации и ее «нередко семейно-дружеский характер»².

Однако в других губерниях заинтересованность хозяйственно самостоятельно населения в ссудо-сберегательных товариществах была выше, и доля домохозяев, участвующих в них доходит до 23–24% (Астраханская и Орловская губернии), 30% (Херсонская, Могилевская) и даже до 54% (Гродненская).

Источники говорят и о влиянии на рост численности кредитных организаций финансового момента. В пределах отдельных районов доля хозяйств, охваченных товариществами, повышается и понижается довольно согласованно с размером средств, которые в среднем приходятся на 1 двор.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 29.

² Там же. С. 30.

Так, например, в Вятской губернии среднее количество оборотных средств на двор составляло 8,5 руб., а в Олонецкой — 2,1 руб., первая привлекала в свои кредитные товарищества 40% хозяйств, а вторая — 20%, в Воронежской губернии на двор приходилось 18 руб. оборотных средств, а процент охвата хозяйств составил 48%, а в Тамбовской соответствующие показатели равнялись 7,1 руб. и 27%, для Бессарабской и Полтавской губерний аналогичные показатели равнялись 20,8 руб. и 49% и 12,6 руб. и 28% и т. д.

Однако зависимость между объемом средств и числом участников, считают авторы отчета, при более широком, чем районный, масштабе сравнения нарушается местными различиями хозяйственных условий и потребностей в кредите¹.

8.10.6. Степень охвата населения организацией народного кредита

Согласно данным официальных отчетов, на 1 января 1913 года в кооперативной кредитной организации участвовало свыше 1/5 хозяйственно-самостоятельного населения Империи — 21% против 2% на 1 января 1905 года, а с учетом должников сословно-общественных учреждений доля хозяйств, участвовавших в организациях мелкого кредита, должна быть повышена до 30%. В дальнейшем эти показатели продолжали увеличиваться. Если же специально выделять сельское население, которое преимущественно и обслуживалось организованным мелким кредитом, то этот процент должен повыситься, как минимум, на 3–5%.

Степень охвата («обслуженности», по тогдашней терминологии) населения мелким кредитом в отдельных местностях Империи, естественно, была неодинаковой.

По данным на 1911 г. в 140 уездах (20,4% всех уездов страны) число членов кредитных кооперативов составляло до 5% всех хозяйств в уездах, в 148 уездах (21,4% всех уездов) — до 10%, в 206 — (29,9%) — до 20%, в 145 уездах (20,8%) — до 35%, в 41 уезде (5,9%) — до 50%, и в 11 уездах (1,6% всех уездов) — свыше 50%².

Если уже в 1911 г. в 5 уездах Бессарабской губернии число домохозяев, участвующих в товариществах составлял от 55% до 78% всего хозяйственно-самостоятельного населения³, а в Елецком уезде Орловской губернии, Камышловском Пермской, Переславском и Судогодском Владимирской, Новохоперском Воронежской и в Ахтырском Харьковской — порядка 51–53%, то в большинстве уездов страны товарищества не привлекли еще к этому времени в свой состав и 1/5 хозяйств⁴. Однако бурное увеличение численности участников кредитной кооперации в 1912–1915 гг., несомненно, изменило это положение к лучшему.

Неравномерное участие населения отдельных местностей в кредитной кооперации не означало, разумеется, что его заинтересованность в кредите сильно различалась. Повсеместно имелось множество хозяйств, в большей или меньшей степени нуждаю-

¹ *Белинский В.* Учреждения мелкого кредита... С. 11–12.

² Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 38.

³ В Бессарабской губернии Измаильский и Хотинский уезды считались «отсталыми в кооперативном отношении», однако в пяти других уездах земства уже к середине 1912 г. открыли и финансировали 83 товарищества. (Там же. С. 39).

⁴ Там же. С. 38.

щихся в мелком кредите — для поддержки ли хозяйственного статус-кво, для расширения и улучшения хозяйства, или для других целей.

Важными факторами успеха кооперативного движения были время начала организационной работы (чем раньше создавался кооператив, тем лучше), степень ее креативности и энергичности, наличие земской инициативы, эффективность сотрудничества правительства и земства, слабость местных сословно-общественных учреждений и др. И в тех уездах, где в наличии были перечисленные условия организационной работы, или хотя бы некоторые из них, там кооперативы объединяли большее число хозяйств, чем их соседи — нередко по одной и той же губернии.

Фактический уровень охвата («обслуженности») местного населения кредитными кооперативами определялась отношением числа их членов — «по общему правилу домохозяев» — к числу всех домохозяев данного района. Если в 1912 г. на одного участника в районе кредитных товариществ приходилось 2,2 хозяина, а в районе ссудо-сберегательных товариществ 4,1 хозяина, то в 1913 г. на 1 члена приходится 2 хозяина в кредитных товариществах и 3,7 хозяина в ссудо-сберегательных. Примерно так же изменилось отношение числа членов к числу всех домохозяев Империи — в 1912 г. 1 из 4,3 хозяев Империи был членом кооперативных учреждений, а в 1913 г. — 1 из 3,5 хозяев¹.

Источники позволяют в общих чертах представить имущественное и хозяйственное положение членов кредитных кооперативов, которые (члены) в этом смысле отнюдь не были однородной массой, как не было ею российское крестьянство в целом.

Чем насыщеннее была местная хозяйственная жизнь, чем значительнее был масштаб финансовой деятельности кредитных учреждений и свободнее доступ в них, тем шире и глубже шла экономическая дифференциация участников.

При всем том круг участников, состоявший, главным образом, из земледельцев-крестьян, не слишком различался по имущественному положению.

По данным инспекции мелкого кредита из 7481 кооперативного учреждения только в 704 товариществах (9%) крестьяне либо вовсе отсутствуют, либо составляют незначительную величину.

Авторы отчета полагают, что товарищества городского типа составляли 12% общего числа товариществ, а число участников их 595,3 тыс. чел. (16%), при сумме оборотных средств в 270,8 млн руб. (36,5%).

Примерно $\frac{5}{6}$ из учреждений городского типа — ссудо-сберегательные товарищества. Из общего числа ссудо-сберегательных товариществ учреждениями городского типа были 44,6%, а из всех кредитных товариществ — лишь 2,6%².

Общее направление эволюции мелкого кредита шло в сторону расширения сети сельскохозяйственного кредита, поскольку, во-первых, рост сельской кредитной кооперации значительно опережал рост чисто городской, а, во-вторых, районы действия городских товариществ расширялись за счет прилегающей сельской округи.

Важно отметить, что кустари и ремесленники были достаточно важной группой членов в городских учреждениях, а также в товариществах, расположенных в районах с развитыми кустарными промыслами.

В губерниях промышленного района земледельцы составляли от 37% до 77%, а в Херсонской и Самарской — 94–95%.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. ... С. 42–43.

² *Белинский В.* Учреждения мелкого кредита... С. 14.

Отчеты отмечают чрезвычайно важное значение участия в товариществах «культурных представителей непроеводительных классов». В ряде случаев кредитным и ссудо-сберегательным товариществам и удалось привлечь в свой состав всю районную интеллигенцию или значительную ее часть. Однако, замечает отчет, участие в товариществах «местных культурных работников все же еще недостаточно»¹.

В товариществах участвовали и самостоятельно ведущие хозяйство женщины (приблизительно около 3% общего числа членов).

В конце 1911 г. Управление по делам мелкого кредита предприняло анкетное обследование 1289 товариществ большинства губерний (порядка 16% всех товариществ), охватившее 229 тыс. товарищеских хозяйств (около 5% всего числа участников), причем их положение характеризуется как в момент вступления их в товарищество, так и в момент анкетирования. Отчет указывает, что «показательное значение этих данных основывается на безыскусственности регистрации их в большинстве случаев»².

Материалы анкеты показывают, что в товариществах участвуют фактически представители всех страт земледельческого населения, от хозяйств без скота и без посева до многопосевных и многоскотных хозяйств предпринимательского типа (с 25–50 дес. и даже 60 дес. посева), имеющих обширный парк сельхозмашин и орудий.

При разработке материалов анкеты сотрудники Управления попытались сопоставить ее сведения с общероссийскими данными и информацией по ЦПР. Анализ статистики привел авторов отчета к выводу о том, что доля хозяйств без рабочего скота и хозяйств с одной головой рабочего скота в товариществах меньше в сравнении с общей их массой³.

Однако по мере того, говорит отчет, как товарищества параллельно со своим ростом постепенно впитывают в себя большую часть населения, экономическое положение их членов все больше приближается к имущественной стратификации всего сельского населения района действия товарищества (товарищеской округи, как тогда говорили).

Анкета фиксирует преобладание хозяйств с двумя головами рабочего скота, с посевом до 5 или 10 дес. Средняя площадь посева (9,5 дес.) снижается в Юго-Западном районе до 4 дес. и 6 дес. в промышленных губерниях, и повышается до 16 дес. в Прибалтике и 18 дес. в Предкавказье (в этих регионах 56–59% членов засеивали более 10 дес.). Процент беспосевных хозяйств составлял 1–5% (кроме Польши). При этом две трети обследованных хозяйств имели 1–2 головы молочного скота⁴.

Относительно кустарей и ремесленников 223 товарищества 39 губерний дали сведения, касающиеся 10,5 тыс. человек. Хотя авторы отчета и не считают эту информацию достаточной для полноценной характеристики положения этой категории членов, они все же делают на ее основании вероятное, по их мнению, предположение о распространенности наемного труда среди кустарей-членов товариществ, и в особенности же среди ремесленников. Отмечается рост числа коллективных участников — общества, товарищества и артели крестьян и кустарей⁵.

¹ Там же. С. 14–15.

² Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 43.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 46–47.

8.10.7. Оборотные средства кредитной кооперации, вклады, ссуды

Обратимся к вопросу о средствах кредитных кооперативов¹.

Кредитные товарищества. Как можно было предвидеть, оборотные капиталы сконцентрированы прежде всего в районах с наибольшим числом кредитных товариществ. В 1905 г. около трех пятых оборотных средств было сосредоточено в Новороссийском (28,9% всей суммы, равной 9,5 млн руб.), ЦЧР (13,6%), Нижневолжском (13,0%). При этом обращает на себя внимание тот факт, что Средневолжский район, где находилось 8,2% кредитных товариществ, собрал лишь 3,8% всех основных капиталов, в то время как аналогичный показатель Малороссийского, уступавшему ему по числу кооперативов этого типа (47 товариществ против 63), был равен 10,3%. Другими словами, уже тогда не все товарищества были одинаково богаты (подробнее см. ниже).

Таблица 166

Оборотные капиталы учреждений мелкого кредита (тыс. руб.)

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Всего		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	3,0	1330,9	2954,5	43,3	84,4	107,1	46,3	1415,2	3061,6
Приозерный	178,1	2338,5	4298,0	1421,4	4567,4	5341	1599,5	6905,9	9639,0
Прибалтийский	0	300,8	374,7	22853,9	82640,8	82862,7	22853,9	82941,6	83237,4
Литовский	0	2526,4	3097,3	3363,9	12061,7	9082,6	3363,9	14588,1	12179,9
Белорусский	264,9	8583,6	11672,3	1591	14340,9	12531,8	1855,9	22924,5	24204,1
ЦПР	473,0	16914,3	28220,5	1262,5	4156,1	5706,9	1735,5	21070,4	33927,4
ЦЧР	1291,7	44107,9	63418,2	1439,4	6331,0	8898,8	2731,1	50438,9	72317,0
Средневолжский	358,6	17069,2	26363,7	271	1190,7	1638,1	629,6	18259,9	28001,8
Нижневолжский	1236,2	31770,1	54254,1	882,1	3846,1	5727,3	2118,3	35616,2	59981,4
Малороссийский	981,2	31435,3	43040,2	1808,4	9788,3	11990,2	2789,6	41223,5	55030,4
Юго-Западный	95,6	15425,7	20343,8	2206,5	25617,1	23162,3	2302,1	41042,8	43506,1
Новороссийский	2748,4	60950,3	77895,1	7340,4	37746,6	45198,4	10088,8	98696,9	123093,5
Приуральский	473,6	18003,8	28949,2	1157,1	1302,4	1474,8	1630,7	19306,3	30424,0
Предкавказский	445,5	21271,2	31838,1	1920,1	11998,9	15388,3	2365,6	33270,1	47226,4
Польша	931	9043,8	9724,4	10524,2	86388,5	88875,7	11455,2	95432,3	98600,1
Кавказ	4,7	2468,4	5342,3	367,7	3391,7	6156,9	372,4	5860,1	11499,2
Сибирь и Дальний Восток	18,3	17115,1	30266,9	50,9	770,7	1183,3	69,2	17885,8	31450,2
Степной край	18,3	3287,3	8414,9	53,7	1763,1	2868,7	72,0	5050,4	11283,6
Туркестан	0	1133,6	1319,3	0	928,6	2796,6	0,0	2062,3	4115,9
Империя	9522,1	305076,2	451787,5	58557,5	308915,0	330991,5	68079,6	613991,2	782779,0

¹ Оценивая данные за 1915 г., необходимо иметь в виду начавшуюся инфляцию.

Таблица 167

То же в процентах

Район	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			Всего		
	1905	1913	1915	1905	1913	1915	1905	1913	1915
Северный	0,03	0,4	0,7	0,1	0,0	0,0	0,1	0,2	0,4
Приозерный	1,9	0,8	1,0	2,4	1,5	1,6	2,3	1,1	1,2
Прибалт.	0,0	0,1	0,1	39,0	26,8	25,0	33,6	13,5	10,6
Литовский	0,0	0,8	0,7	5,7	3,9	2,7	4,9	2,4	1,6
Белорусский	2,8	2,8	2,6	2,7	4,6	3,8	2,7	3,7	3,1
ЦПР	5,0	5,5	6,2	2,2	1,3	1,7	2,5	3,4	4,3
ЦЧР	13,6	14,5	14,0	2,5	2,0	2,7	4,0	8,2	9,2
Средневолжский	3,8	5,6	5,8	0,5	0,4	0,5	0,9	3,0	3,6
Нижневолжский	13,0	10,4	12,0	1,5	1,2	1,7	3,1	5,8	7,7
Малороссийский	10,3	10,3	9,5	3,1	3,2	3,6	4,1	6,7	7,0
Юго-Западный	1,0	5,1	4,5	3,8	8,3	7,0	3,4	6,7	5,6
Новороссийский	28,9	20,0	17,2	12,5	12,2	13,7	14,8	16,1	15,7
Приуральский	5,0	5,9	6,4	2,0	0,4	0,4	2,4	3,1	3,9
Предкавказский	4,7	7,0	7,0	3,3	3,9	4,6	3,5	5,4	6,0
Польша	9,8	3,0	2,2	18,0	28,0	26,9	16,8	15,5	12,6
Кавказ	0,0	0,8	1,2	0,6	1,1	1,9	0,5	1,0	1,5
Сибирь и Дальний Восток	0,2	5,6	6,7	0,1	0,2	0,4	0,1	2,9	4,0
Степной край	0,2	1,1	1,9	0,1	0,6	0,9	0,1	0,8	1,4
Туркестан	0,0	0,4	0,3	0,0	0,3	0,8	0,0	0,3	0,5
Империя	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

За 1905–1913 гг. оборотные капиталы кредитных товариществ выросли с 9,5 до 305,1 млн руб., т. е. в 32,0 раза. То есть, понятие «рост с нуля» здесь проявляется еще ярче, чем в предыдущем анализе.

Так, Бессарабская губерния переместилась с 45-й позиции на 1-ю, увеличив сумму основных капиталов с 22,9 тыс. руб. до 16,9 млн руб., т. е. в 734 раза(!), Харьковская — с 30-й на 3-ю, причем рост с 66,5 тыс. руб. до 14,7 млн руб. составил 221 раз и т. д. Отметим также, что Кубанская область перешла с 29-го места на 4-е (рост в 187 раз), а Донская — с 20-го на 6 (рост в 112 раз), Вятская — с 41-го на 10-е (рост в 303 раза), Томская — с 47-го на 11-е (рост в 471 раз) и т. д. При этом Таврическая губерния, лидер 1905 г., которая тогда имела основных капиталов больше, чем 11 губерний с рангами 11–21 вместе взятых, увеличила свой показатель «лишь» в 5,3 раза и отошла в 1913 г. на 12-ю позицию.

Что касается порайонного распределения оборотных средств кредитных товариществ, то заметно падение доли Новороссии на 8,9% при абсолютном росте на 58,2 млн руб. (1-й показатель), Польши — на 6,8% Нижневолжского района — на 2,6%. Однако нам важнее присмотреться к приростам — ибо здесь, как нигде, отражается реальная динамика изучаемых процессов. Важно сразу отметить, что оборотные средства кредитных товариществ Азиатской России увеличились с 41,3 тыс. (0,4% итога по России) до 24,0 млн руб. (7,9%).

Если нанести приросты оборотных капиталов за 1905–1913 гг. на карту Империи, то мы увидим, что губернии с приростом свыше 5 млн руб. образуют сплошной массив, который на тысячи верст тянется с запада от на восток через всю Восточно-Европейскую равнину до Сибири и включает Юго-Западные (кроме Подольской), Новороссийские, Малороссийские (кроме Черниговской), Центрально-Черноземные (без Рязанской), Нижневолжские (без Астраханской), Приуральские губернии и Кубанскую область, а также Томскую губернию.

При этом географический аспект финансовой дифференциации кредитных товариществ иллюстрирует следующий факт. Не считая Самарской губернии (с приростом 10,7 млн руб.), губернии с приростом более 10 млн руб. образуют сплошной полукруг из Бессарабской, Херсонской Полтавской, Харьковской губерний, Донской и Кубанской областей, охватывающий Екатеринославскую и Таврическую губернии с меньшими приростами в 7,1 и 6,7 млн руб. Кредитные товарищества Юга Европейской России сосредоточили самые крупные оборотные капиталы, не считая Польши и Прибалтики.

Это подтверждается анализом относительных показателей. Если нанести на карту данные о размере оборотных средств, которые приходились на 1 кредитное товарищество, то можно наглядно увидеть, как эта величина постепенно растет при движении с севера на юг от 5,1, 6,3 и 10,4 тыс. руб. в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях до 73,1 тыс. руб. в Бессарабской губернии, и 80,8 тыс. руб. в Кубанской области. Регион с показателями 44,1—85,7 тыс. руб. включает все Новороссийские, Малороссийские (без Черниговской), Киевскую, Воронежскую, Ставропольскую губернии и Кубанскую область. Данный показатель составляет 39,1 тыс. руб. в Терской области, 38,5 в Астраханской, 40,2 тыс. руб. в Самарской, 34,0 в Курской и 36,8 в Орловской, 42,2 в Ковенской и 39,2 тыс. руб. в Могилевской.

Однако кредитные товарищества Прибалтики и ряда губерний Царства Польского были несравненно богаче; в таблице рангов 1-е шесть позиций занимают именно они, и лишь на 7-й находится Таврическая. В Лифляндской и Курляндской губернии, например, имелось всего по одному кредитному товариществу, однако их оборотные капиталы составляли соответственно 80,3 и 220,5 тыс. руб. Практически ту же картину мы видим относительно величины оборотных средств, которые приходились на 1 члена кредитных товариществ.

За 1913–1915 гг. оборотные средства кредитных товариществ увеличились на 146,7 млн руб. При этом начавшаяся война вносила поправки — например, прирост оборотных средств в Бессарабской губернии был достаточно скромным — 688,4 тыс. руб. В то же время определенно укрепляются в финансовом плане кредитные товарищества ЦПР, Предкавказья и Тургайской области.

Уменьшились оборотные капиталы Плоцкой (на 3,4 млн руб.), Люблинской (844,9 тыс. руб.), и Могилевской губерний (156,8 тыс. руб.), а также Сыр-Дарьинской (25,0) и Карсской (5,0 тыс. руб.) областей.

Индекс Джини на уровне губерний последовательно снижается — в 1905 г. — 0,796, в 1913 г. — 0,624, в 1915 г. — 0,597. То же мы видим на уровне районов — 0,680 в 1905 г., 0,546 — в 1913 г., 0,527 — в 1915 г.

Ссудо-сберегательные товарищества — В 1905 г. оборотные капиталы ссудо-сберегательных товариществ составляли солидную сумму в 58,6 млн руб. и в 6,1 раза превосходили таковые у кредитных товариществ, причем 39% их было сосредоточено в Прибалтике, 18,0% в Польше, 12,5% в Новороссии. В дальнейшем доля Прибалтики

снижается до 26,8–25%, Польши возрастает до 28,0–26,9%, а Новороссии удерживается на том же уровне и даже несколько повышается. Одновременно увеличивается значение Юго-Западного края — 3,8 до 8,3 и 7,0%, а также Белоруссии, Предкавказья и Азиатской России.

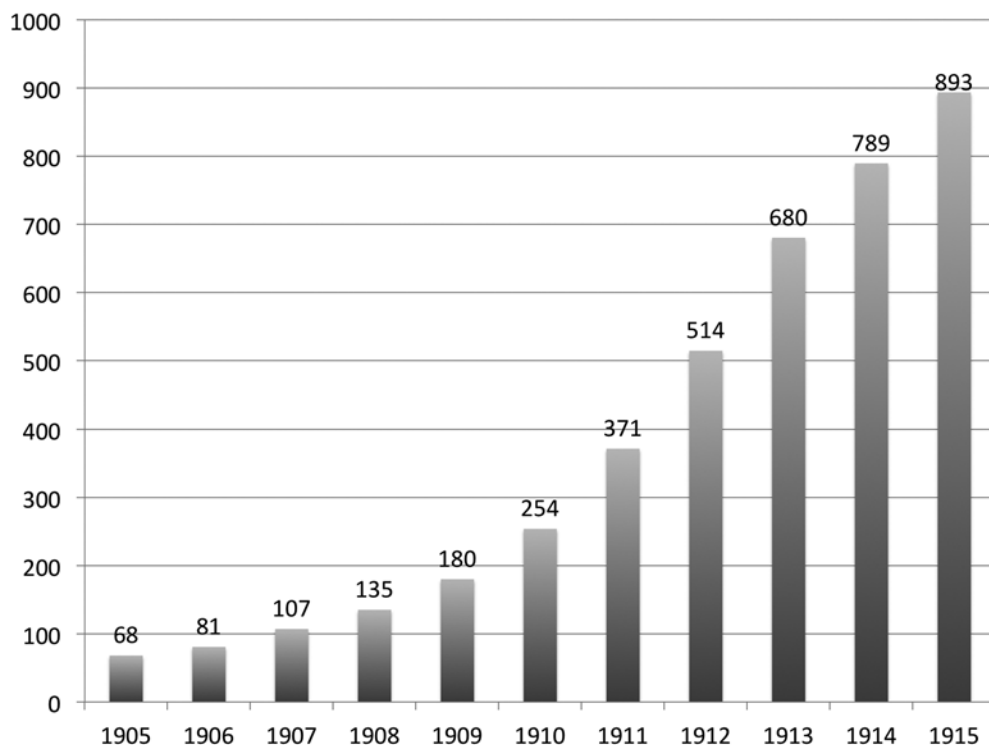

Диаграмма 29. Сумма оборотных капиталов кредитных кооперативов в 1905–1915 гг. (млн руб.). Источник: см. таблицу 155

Именно в финансовой сфере различия между кредитными товариществами и ссудо-сберегательными проявляются максимально наглядно.

Я не вижу смысла в подробном порайонном анализе оборотных средств, поскольку из таблицы рангов можно видеть, что первая десятка губерний весьма устойчива во времени — 8 губерний из 10.

Кроме того, из таблицы 168 следует, что Лифляндская, Курляндская, Варшавская и Петроковская губернии в 1905 г. сконцентрировали 27770,7 тыс. руб., т. е. 47,4% всех оборотных средств ссудо-сберегательных товариществ, в 1913 г. — 120778,1 тыс. руб., или 39,1%, а в 1915 г. — 121289,0 тыс. руб., т. е. 36,6% соответственно. А если добавить к ним постоянных «персонажей» 16-ти лидирующих губерний — Эстляндскую, Люблинскую, Калишскую и Радомскую — то на указанные 8 губерний в 1905 г. придется 55,6% всех оборотных средств ссудо-сберегательных товариществ (32547,8 тыс. руб.), в 1913 г. — 50,0% (154573,1 тыс. руб.), а в 1915 г. — 47,2% (156311,1 тыс. руб.), то в пору будет говорить об этих восьми губерниях и остальной Империи.

Это, разумеется, не значит, что мы должны игнорировать последнюю. В 1913 г. значительные капиталы сосредоточили ссудо-сберегательные товарищества Киевской, Бессарабской губерний и Кубанской области (14,6, 10,4 и 11,6 млн руб.). Губернии с оборотными средствами более 4 млн руб. образуют сплошной массив, который тянется с севера на юг и затем на восток Европейской России и в который входят Ковенская, Витебская, Минская, Гродненская, Волынская, Киевская, Подольская, Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии, Донская и Кубанская области; к нему примыкает Полтавская с 3,9 млн руб.

Поскольку ссудо-сберегательные товарищества концентрировались в большей степени на западе Европейской России, то война отразилась на них значительно сильнее, чем на кредитных товариществах.

Сокращение числа товариществ ничтожно и отмечено в губерниях далеких от линии фронта, что, впрочем, само по себе недостаточный аргумент, — 1 в Вологодской и Псковской и 2 в Саратовской губерниях. Заметнее уменьшение численности участников, которое в Саратовской губернии составило 3570 человек, в Бессарабской — 2671, в Пермской — 1753, в Тобольской — 837, в Воронежской — 584, в Псковской — 514, в Курской — 280 и в Виленской губернии — 163. Я не берусь категорично утверждать, что оно связано только с начавшейся войной, однако трудно сомневаться, что, по крайней мере, какую-то роль она сыграла.

А вот оборотные средства в 1915 г. в сравнении с 1913 г. сократились в 15 губерниях на сумму 10709,9 тыс. руб. — в Прибалтийских (кроме Курляндской), в Литовских, в Юго-Западных, Варшавской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Псковской, Ярославской и Тобольской губерниях. Понятно, что, оценивая данные за 1915 г., мы не должны забывать об инфляции. При этом показатели остальных губерний Царства Польского, кроме Варшавской, не уменьшаются и даже демонстрируют, согласно источнику, некоторое увеличение оборотных средств. Словом, это сюжет, требующий дальнейшего исследования.

И в этом случае индекс Джини демонстрирует устойчивую, хотя и не слишком выразительную, тенденцию к снижению: в 1905 г. — 0,807, в 1913 г. — 0,744, в 1915 г. — 0,711 на уровне губерний и, равным образом на уровне районов: 0,721–0,712–0,677.

Сумма оборотных капиталов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ **вместе взятых** за 1905–1913 гг. выросла с 68,1 до 614,0 млн руб., т. е. в 9 раз, а в 1915 г. — до 782,8 млн руб., или в 11,5 раз. Вновь напомним, что в 1915 г. инфляционные процессы набирали силу.

В 1905 г. средства кредитных товариществ составляли 14,0% этой величины, в 1913 г. — 49,7%, а в 1915 г. — 57,7%. При этом в 1905 г. лишь в Средне- и Нижневолжском районах на кредитные товарищества приходилось более половины всей суммы оборотных капиталов кредитных кооперативов (в ЦЧР — 47,3%), а в 1913 г. свыше 50% средств ссудо-сберегательным товариществам принадлежало лишь в Приозерном (Петербургская), Прибалтийском (все губернии), Литовском (все губернии), Белорусском (Витебская и Минская), Юго-Западном (Киевская и Подольская), Польском (все губернии, кроме Плоцкой) и Кавказском (Бакинская и Эриванская губернии, Дагестанская и Карсская области, Батумский и Сухумский округа), а также в Калужской, Таврической губерниях, Закаспийской и Сыр-Дарьинской областях.

Список лидеров по оборотным средствам с почти двукратным отрывом возглавляет

Лифляндская губерния, затем 7 губерний имеют капиталов от 27,3 до 21,4 млн руб. — Бессарабская, Кубанская, Варшавская, Курляндская, Киевская, Петроковская и Херсонская, и 4 губернии с оборотными средствами 19,0–15,7 млн руб. — Донская, Таврическая, Харьковская и Полтавская и т. д.

Таблица 168

Оборотные средства всех кредитных кооперативов. Таблица рангов

<i>Губернии</i>	<i>1905</i>	<i>Губернии</i>	<i>1913</i>	<i>Губернии</i>	<i>1915</i>
Лифляндская	13963,4	Лифляндская	52203,2	Лифляндская	50833,7
Курляндская	7460,5	Бессарабская	27267,8	Кубанская	30804,0
Таврическая	5983,9	Кубанская	25497,6	Бессарабская	27257,7
Варшавская	3674,8	Варшавская	24321,9	Донская	26766,1
Ковенская	2814,6	Курляндская	23162,3	Таврическая	25344,8
Петроковская	2775,5	Киевская	22435,3	Херсонская	25259,9
Кубанская	1994,0	Петроковская	21866,0	Курляндская	25035,2
Люблинская	1717,0	Херсонская	21357,0	Варшавская	23976,4
Пермская	1460,1	Донская	19019,4	Киевская	23621,8
Эстляндская	1430,0	Таврическая	17374,7	Харьковская	23245,4
Полтавская	1429,6	Харьковская	17269,5	Петроковская	22339,7
Воронежская	1274,3	Полтавская	15686,1	Полтавская	20568,5
Екатеринославская	1219,2	Воронежская	14720,5	Воронежская	18795,3
Киевская	1189,1	Люблинская	14205,0	Екатеринославская	18465,0
Минская	997,3	Екатеринославская	13677,8	Самарская	16584,6
Бессарабская	992,8	Самарская	11885,2	Томская	16309,0
Донская	990,7	Пермская	10179,5	Оренбургская	15916,4
Подольская	928,8	Волынская	9988,5	Пермская	15834,2
Херсонская	902,2	Тамбовская	9255,0	Тамбовская	15646,0
Саратовская	901,8	Вятская	9126,7	Вятская	14589,8

Вновь мы наблюдаем постепенное уменьшение индекса Джини: в 1905 г. — 0,767, в 1913 г. — 0,580, в 1915 г. — 0,536 на уровне губерний, а также и на порайонном уровне: 0,671 — 0,507 — 0,459 соответственно.

Не имея возможности охарактеризовать все источники формирования средств кредитных кооперативов, остановимся на вкладах. Они составляли главную часть местных средств учреждений мелкого кредита и основу всего их пассивного баланса¹.

Съезд инспекторов мелкого кредита в 1907 г. считал, что росту вкладов способствуют: «1) достаточный размер первоначальных кредитов в Государственном банке, так как им, с одной стороны, усиливается доверие к кредитным учреждениям в населении, с другой — ослабляется спрос на местный ростовщический капитал; 2) правильная постановка дел в учреждениях мелкого кредита; 3) устранение препятствий к помещению мирских, сиротских, церковных капиталов; 4) объединение в союзы»². Эти идеи под-

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 65.

² Мелкий кредит по трудам съездов. СПб., 1912 г. С. 14.

держало не менее полутора десятков кооперативных съездов, отмечавших желательность привлечения также капиталов продовольственных, церковно-попечительских, страховых, железнодорожных, средств ликвидируемых волостных касс и др.¹

Общие условия развития вкладной операции сотрудники Управления мелкого кредита характеризовали следующим образом. Ее объем зависел в первую очередь от хозяйственных условий данной местности: «Необходима наличность достаточного местного фонда свободных средств и притом не скрытого, не в виде традиционных «кубышек», а явного и доступного кредитному обороту. Иными словами, **при самых благоприятных материальных условиях, требуется еще известная привычная склонность к банковым операциям, к помещению в кассу кредитной организации временного или прочного избытка средств.**

Не везде, конечно, в пределах Империи эти условия встречаются в равной степени и во взаимосогласованности. Туркестан, с одной стороны, Привислинские и Прибалтийские губернии, с другой — вот антиподы. А между ними — целая градация переходов в уровне хозяйственного благосостояния и **хозяйственной психики**. Неудивительно, если на таком фоне вкладная операция в учреждениях мелкого кредита приняла пестрый вид»².

В сущности, учреждения мелкого кредита должны были брать нужные им средства из тех же местных источников, которые уже пополняли другие организации, прежде всего государственные сберегательные кассы, и это придавало вкладной операции определенную пикантность. Сберкассы самим фактом своего существования должны были затруднить работу мелкокредитной организации.

На 1 января 1905 г. в кассах кредитных и ссудо-сберегательных товариществ имелось 33,1 млн руб., а в сберегательных кассах — свыше 1 млрд руб. У сберкасс перед учреждениями мелкого кредита было несомненное преимущество в силу, во-первых, устоявшейся привычки к ним части населения, а во-вторых, ввиду того, что они отвечали перед вкладчиками общим государственным достоянием. Не менее важную роль играло и то, что у кредитных кооперативов поначалу было сравнительно немного избыточных средств и они не обладали достаточным авторитетом среди местных жителей.

Отчет констатирует: «Требовалась известная настойчивость со стороны руководителей кредитного дела, нередко даже незаурядная энергия, чтобы завязать прочные финансовые связи с денежной частью населения. При этом само собою подразумевается и наличность определенных, ценных в глазах вкладчиков качеств и условий в самой кредитной организации, ищущей местных средств, — прочной постановки дела или, по крайней мере, материально и хозяйственно солидной администрации и нравственной ее добропорядочности, по установившейся за руководителями дела репутации. Другим неустранимым условием притока местных средств должен был явиться более высокий процент по вкладам, чем в сберегательных кассах или в других конкурирующих с товариществами популярных учреждениях»³.

Итак, энергия и предприимчивость руководителей кооперативов, хорошая организация и деловая репутация, а также повышенные проценты по вкладам — вот при прочих равных условиях залог успеха учреждений мелкого кредита. Забегая вперед,

¹ Там же. С. 14–15.

² Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 66.

³ Там же. С. 67.

замечу, что эта последняя задача решалась успешно, но не просто. 2-й Киевский кооперативный съезд в 1911 г. выразил пожелание о том, чтобы в районах функционирования кредитных кооперативов не открывались волостные банки и особенно государственные сберегательные кассы, «которые являются конкурирующими учреждениями, отвлекая вклады от кооперативов». Ту же мысль годом раньше высказал и Смоленский съезд, считавший, что «все народные средства сберегательных касс» должны быть «обращены на дело местного народного кредита»¹.

Касаясь начального периода деятельности учреждений мелкого кредита, Отчет специально выделяет такой тонкий психологический момент: «**Одним из сильных возбудителей энергии** в трудном на первых порах деле добывания вкладов **является**, помимо надлежащего инструктирования, **осторожная**, определяемая целью подготовки кредитного учреждения ко всей полноте самостоятельности, **политика материальной поддержки** его при начале деятельности. Сколь бы заманчиво ни рисовалась перспектива возможно скорого и широкого удовлетворения нужд народа в кредите», новый кредитный кооператив должен получить денег лишь столько, чтобы он, с одной стороны, не мог быть не замечен окрестными крестьянами, а с другой, чтобы он не мог обойтись без увеличения вкладов и у него оставался мощный стимул добывать средства на месте. Неправильно, считают авторы Отчета, если новые кооперативы предпочитают получать нужные средства, например, от земств, а не добывать самостоятельно вклады, за которыми «надо походить, да поклоняться»².

По мере расширения сети учреждений мелкого кредита, новые кооперативы начинают восприниматься населением как нечто уже знакомое, и «свободные местные средства идут к ним легче и скорее». Этим, видимо, объясняется тот факт, что среди вновь открывавшихся кредитных товариществ уменьшалась доля тех, которые заканчивали первый операционный год без вкладов (в 1907 г. таких товариществ было 28%, а в 1910 г. — 18%). Отчет, впрочем, не исключает также влияния на эти показатели и увеличения притока правительственных денег, в частности, краткосрочных средств Государственного банка и распространения новой и особой формы кредита — страхового, на случай истребования вкладов. Специалисты по кредитному делу считали, что более масштабное финансирование кредитных кооперативов является условием, повышающим к ним не только интерес населения, но и доверие со стороны лиц, имеющих свободные средства³.

Для нашей темы важно то, что уже Отчет за 1908–1909 г. фиксировал ситуации избыточного прилива местных средств в кооперативы — довольно неожиданное в рамках представлений традиционной историографии о крестьянском благосостоянии обстоятельство. Отчет за 1910–1911 гг., «исходя из отдельных частных наблюдений, относящихся к позднему времени», считает возможным думать, что «случаи перегруженности отдельных товариществ вкладами в 1911–1912 г. стали более частыми. Так, например, в Воронежской губернии в 1909 г. избыток вкладов был констатирован в 4 товариществах, а в 1911 г. он уже имел место в 19 товариществах в размере от 10 до 43 тыс. руб.», хотя в большинстве товариществ это явление имело характер спорадический⁴.

¹ Мелкий кредит по трудам съездов... С. 16.

² Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 69–70.

На 1 января 1911 г. вклады совершенно отсутствовали в 319 кредитных товариществах, в 87 ссудо-сберегательных, в 9 земских кассах и в 1246 сословно-общественных учреждениях. То есть, исключая последние, число учреждений кооперативного типа, не имевших вкладов, было весьма невелико. Важно отметить, однако, что 173 кредитных и 35 ссудо-сберегательных товариществ (т. е. примерно половина этих кооперативов) появились только в 1910 г., а в целом это явление имело явную тенденцию к уменьшению: на 1 января 1905 г. кредитных товариществ, не имевших вкладов, было 24%, а не 7%, как в 1910 г., а ссудо-сберегательных — 9,4%, а не 4,1%¹.

Большой интерес для нашей темы представляет вопрос о средней величине размера вкладов в кредитные кооперативы.

Как близкие к населению организации местного характера, учреждения мелкого кредита при достаточной их численности, говорится в Отчете, могут быть особенно удобными приемниками для мелких сбережений и кратковременно свободных средств.

Выше говорилось о том, что население должно было на первых порах деятельности кредитного кооператива не только освоиться с организацией народного кредита, но и убедиться «еще как в безопасности передачи ей своих излишков, так между прочим, и в неприкосновенности тайны вкладов». Иначе комфортная территориальная близость кооперативов могла «несколько парализоваться» для крестьян тем, что соседи будут осведомлены о наличии у них свободных средств. О важности этого обстоятельства говорил опыт устройства государственных сберегательных касс при волостных правлениях и, возможно, также и факт слабого развития вкладной операции в сословно-общественных кассах старого типа. Из «опасения податных требований, связанные с близостью к счетам кредитной организации органов местной власти» люди «без всяких иных видимых и объективных оснований помещают деньги не у себя в селе, а вне его и иногда довольно далеко»².

В силу этого Отчет считает «вполне понятным и естественным» факт сравнительно низкого среднего размера вкладов в мелкокредитных учреждениях, **особенно же бессрочных вкладов.**

Таблица 169

**Средняя величина вкладов, находившихся в конце 1910 г.
в кредитных и ссудо-сберегательных товариществах**

Вклады	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества		
	число вкладов	сумма (тыс. руб.)	средний вклад (руб.)	число вкладов	сумма (тыс. руб.)	средний вклад (руб.)
Бессрочные	78144	9928,6	127,1	269419	49922,1	185,3
До 12 месяцев	62600	18674,4	298,3	109284	38181,9	349,4
От 1 года до 5 лет	57054	13498,5	236,6	18721	6909,3	369,1
Более 5 лет	4049	614,4	151,7	2889	569,3	197,1
Условные	16067	2416,8	150,4	37840	9870,2	260,8
Всего	217914	45132,7	207,1	438153	105452,8	240,7

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1910–1911 гг. ... С. 79.

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 78.

Из таблицы 169 заметно «довольно правильное» уменьшение средних вкладов по мере увеличения срока их помещения в товариществе. При этом сопоставление данных таблицы с соответствующими данными о размерах вкладов в государственные сберегательные кассы (на 1 января 1911 г. 173–193 руб. на книжку) показывает, что бессрочные вклады в кредитных товариществах и отчасти в ссудо-сберегательных в среднем мельче денежных вкладов в сберегательных кассах.

Однако по Империи в целом срочные вклады в кредитные товарищества (до 1 года и до 5 лет), а также все вклады, взятые в совокупности (207 руб.), выше средних вкладов в сберегательные кассы. Отчет связывает данный факт с тем, что **в кредитных кооперативах принимали вклады свыше 1000 руб., которые нельзя было вносить в сберегательные кассы.**

В Воронежской губернии средний вклад в сберегательных кассах был равен 225 руб., а в кредитных товариществах средний вклад в целом составлял 308,2 руб., а средний вклад до 1000 руб. — 169 руб. Для Рязанской губернии (27 кредитных товариществ) аналогичные показатели равны 220, 260 и 186 руб., для Херсонской (53 товарищества) — 147, 170 и 63 руб., для Полтавской (54 товарищества) — 200, 261 и 177 руб.

Однако не везде средние совокупные вклады в кредитные кооперативы превышали вклады сберегательных кассы. Обратное явление фиксировалось в кредитных товариществах Северного, Промышленного (145 руб. против 185–187 руб. в сберегательных кассах), Центрального (174 руб. против 191–225 руб. в сберегательных кассах) и Юго-Западного районов (119 р. против 157 руб.)¹. Эти сюжеты, как можно видеть, весьма интересны и требуют дальнейшей подробной разработки на погубернском уровне в динамике — насколько это позволят сделать источники.

Отчет делает очень важное для данной темы замечание: «Там, где благодаря обильному притоку оборотных средств, товарищества начинают ограничивать сферу деятельности ростовщического капитала, последнему вынужденно приходится искать помещения в кооперативной кассе»².

О том, как развивалась вкладная операция в целом, можно судить по таблице 170.

Таблица 170

**Динамика роста вкладов во все учреждения мелкого кредита
(тыс. руб., %)**

Дата	01.01.1905	01.01.1908	01.01.1909	01.01.1910	01.01.1911	01.01.1912	01.01.1913	01.01.1914
Вклады	58486	95037,3	110548	144248	198587	284436	366140	465496
Прирост (тыс. руб.)		36551,3	15510,7	33,7	54,3	85,8	81,7	99,4
прирост—%		62,5	16,3	30,5	37,7	43,2	28,7	27,2
Принимая 01.01.1905 г. за 100%	100	162,5	189,0	246,6	339,5	486,3	626,0	795,9

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ...С. 65; Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. ... С. 7; подсчеты автора.

¹ Там же. С. 79–80.

² Там же. С. 80.

Оценивая динамику развития вкладной операции, авторы Отчета за 1913 г. отмечают, с большой вероятностью показатели 1912–1913 гг. обусловлены тем, что в 1909–1913 гг. было два смежных высокоурожайных года (1909–1910 гг.), сменившие период средних и низких урожаев, притом, что на Юге страны 1912–1913 гг. были менее успешны для сельского хозяйства, чем в других частях страны¹.

Таблица 171

**Динамика вкладов в кредитные товарищества за 1908–1913 гг.
(тыс. руб.)**

<i>Районы</i>	<i>01.01.1909</i>	<i>01.01.1910</i>	<i>01.01.1911</i>	<i>01.01.1912</i>	<i>01.01.1913</i>	<i>01.01.1914</i>
Северный	1289	2101	3574	5930	9993	13527,7
Промышленный	1250	1936	3547	6510	11491	17853,8
Восточный	1573,5	2312,1	3510,6	5441	8342	11335,2
Центральный	3133	4795	7780	13199	22097	31795,0
Южный	6813	9758	13515	22264	28611	36149,9
Юго-Западный	306	545	1245	2842	4381	6308,2
Царство Польское	9	22	71	144	203	252,3
Западный	2153	2726	3506	4758	6178	7705,6
Прибалтийский	237	353	604	1568	3394	5779,2
Предкавказье	5	13	40	101	200	429,7
Закавказье	2471	4252	6866	10980	14515	19478,2
Туркестан	1,5	1,9	21,4	51	171	312,2
Сибирь	159	430	853	1710	3900	7196,3
Итого по Империи	19400	29245	45133	75498	113476	158123,3
Без Царства Польского и Прибалтики	19154	28870	44458	73786	109879	152091,8

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С. 52–53.

Группировка районов и областей Империи:

Северный район — Архангельская, Вологодская, Вятская, Новгородская, Олонецкая, Пермская, Псковская, Петербургская губернии; **Промышленный район** — Владимирская, Казанская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии; **Восточный район** — Акмолинская область, Астраханская, Оренбургская, Самарская губернии, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области, Уфимская губерния; **Центральный район** — Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская и Тульская губернии; **Южный район** — Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская губернии; **Юго-Западный район** — Волинская, Киевская, Подольская губернии; **район Царства Польского и Холмская губерния**; **Западный район** — Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская губернии; **Предкавказье** — области Донская, Кубанская и Терская, а также Ставропольская губерния; **Закавказье** — Бакинская, Батумская и Дагестанская области, Елисаветпольская губерния, Карская область, Кутаисская губерния, Сухумский округ, Тифлисская, Черноморская и Эриванская губернии; **Туркестанский район** — Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская области; **Сибирский район** — Амурская область, Енисейская губерния, Забайкальская область, Иркутская губерния, Приморская область, Тобольская и Томская губернии, Якутская область.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С. 51.

Таблица 172

**Динамика вкладов в ссудо-сберегательные товарищества
за 1908–1913 гг. (тыс. руб.)**

<i>Районы</i>	<i>01.01.1909</i>	<i>01.01.1910</i>	<i>01.01.1911</i>	<i>01.01.1912</i>	<i>01.01.1913</i>	<i>01.01.1914</i>
Северный	786	982,5	1261,4	1767,3	2317,8	3185,4
Промышленный	442,1	474,4	584,4	928,1	1515,7	2340,4
Восточный	47,2	74	229,1	405,8	762	1311,3
Центральный	676,3	830,8	1160	1927,0	2920,8	3833,2
Южный	5615,5	6795,7	8796,9	13452,9	15480,5	18831,9
Юго-Западный	1830,6	2857,7	5066,4	8623,6	11124,9	14810,8
Прибалтийский	26586,2	33101,9	42387,1	53309,0	58190,4	67666,6
Царство Польское	15966,7	21692	30421	41901,0	51805,2	61612,8
Западный	4621	6178,3	8680,5	12159,0	15608,4	18772,2
Закавказье	150,7	241,5	313,3	463,4	690,7	1113,5
Предкавказье	3311	4795,9	6516,8	8578,9	9626,3	11235,5
Туркестан	0	0	0,8	1,3	31,8	94,8
Сибирь	20,4	28,7	34,9	58,6	129,3	226,6
Итого по Империи	60053,7	78053,4	105452,6	143575,9	170203,8	205035,0
Без Царства Польского и Прибалтики	17500,8	23259,5	32644,5	48365,9	60208,2	75755,6

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С. 54–55.

Таблица 173

**Суммарная динамика вкладов в кредитные
и ссудо-сберегательные товарищества за 1908–1913 гг. (тыс. руб.)**

<i>Районы</i>	<i>01.01.1909</i>	<i>01.01.1910</i>	<i>01.01.1911</i>	<i>01.01.1912</i>	<i>01.01.1913</i>	<i>01.01.1914</i>
Северный	2075	3083,5	4835,4	7697,3	12310,8	16713,1
Промышленный	1692,1	2410,4	4131,4	7438,1	13006,7	20194,2
Восточный	1620,7	2386,1	3739,7	5846,8	9104	12646,5
Центральный	3809,3	5625,8	8940	15126	25017,8	35628,2
Южный	12428,5	16553,7	22311,9	35716,9	44091,5	54981,8
Юго-Западный	2136,6	3402,7	6311,4	11465,6	15505,9	21119,0
Прибалтийский	26595,2	33123,9	42458,1	53453	58393,4	67918,9
Царство Польское	18119,7	24418	33927	46659	57983,2	69318,4
Западный	4858,0	6531,3	9284,5	13727	19002,4	24551,4
Закавказье	155,7	254,5	353,3	564,4	890,7	1543,2
Предкавказье	5782,0	9047,9	13382,8	19558,9	24141,3	30713,7
Туркестан	1,5	1,9	22,2	52,3	202,8	407,0
Сибирь	179,4	458,7	887,9	1768,6	4029,3	7422,9
Итого по Империи	79453,7	107298,4	150585,6	219073,9	283679,8	363158,3
Без Царства Польского и Прибалтики	34738,8	49756,5	74200,5	118961,9	167303,2	225921,0

Таблица 174

То же, принимая данные на 1 января 1909 г. за 100%

<i>Районы</i>	<i>01.01.1909</i>	<i>01.01.1910</i>	<i>01.01.1911</i>	<i>01.01.1912</i>	<i>01.01.1913</i>	<i>01.01.1914</i>
Северный	100	148,6	233,0	371,0	593,3	805,5
Промышленный	100	142,5	244,2	439,6	768,7	1193,4
Восточный	100	147,2	230,7	360,8	561,7	780,3
Центральный	100	147,7	234,7	397,1	656,8	935,3
Южный	100	133,2	179,5	287,4	354,8	442,4
Юго-Западный	100	159,3	295,4	536,6	725,7	988,4
Прибалтийский	100	124,5	159,6	201,0	219,6	255,4
Царство Польское	100	134,8	187,2	257,5	320,0	382,6
Западный	100	134,4	191,1	282,6	391,2	505,4
Закавказье	100	163,5	226,9	362,5	572,1	991,1
Предкавказье	100	156,5	231,5	338,3	417,5	531,2
Туркестан	100	126,7	1480,0	3486,7	13520,0	27133,3
Сибирь	100	255,7	494,9	985,8	2246,0	4137,6
Итого по Империи	100	135,0	189,5	275,7	357,0	457,1
Без Царства Польского и Прибалтики	100	143,2	213,6	342,4	481,6	650,3

Таким образом, всего за 6 лет величина вкладов в кредитные и ссудо-сберегательные товарищества по Империи выросла в 4,6 раза, а без Польши и Прибалтики — в 6,5 раз. Результат, безусловно, впечатляющий. Таблица 174 позволяет оценить региональную специфику этого процесса.

Средняя процентная ставки за пользование вкладами в 1911 г. составляла около 7% для кредитных товариществ и 6% для ссудо-сберегательных товариществ¹, а в 1913 г. среднесложный процент по вкладам в кредитных товариществах «грубо» определялся в 6,5%, а для ссудо-сберегательных товариществ — приблизительно в 6%; для товариществ Прибалтики и Царства Польского он составлял 4,5%.²

Поскольку в сберегательных кассах по вкладам платили 4%–3,6%³ и там не принимали вклады свыше 1000 руб., можно определенно говорить, что у кредитных кооперативов были хорошие шансы для того, чтобы оттягивать к себе часть средств, которая раньше шла преимущественно в сберегательные кассы. Это подтверждает таблица 175, построенная после перегруппировки данных о крестьянских вкладах в сберегательные кассы по экономическим районам, принятым отчетностью Управления мелкого кредита (см. выше).

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 81–83.

² Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С. 63.

³ Морозан В. И. История сберегательных касс ... С. 133.

Таблица 175

**Сопоставление вкладов в кредитные кооперативы
и в сберегательные кассы в 1913 г. (тыс. руб.)**

Районы	Вклады в кооперативы	Вклады в сберегательные кассы	Сумма	Доля	
				кооперативов	сберкасс
Северный	16713,1	60013,0	76726,1	21,8	78,2
Промышленный	20194,2	149033,6	169227,8	11,9	88,1
Восточный	12646,5	18099,7	30746,2	41,1	58,9
Центральный	35628,2	78533,0	114161,2	31,2	68,8
Южный	54981,8	33366,2	88348,0	62,2	37,8
Юго-Западный	21119,0	13680,0	34799,0	60,7	39,3
Прибалтийский	67918,9	16123,4	84042,3	80,8	19,2
Царство Польское	69318,4	15071,0	84389,4	82,1	17,9
Западный	24551,4	57503,1	82054,5	29,9	70,1
Закавказье	1543,2	4993,5	6536,7	23,6	76,4
Предкавказье	30713,7	13376,0	44089,7	69,7	30,3
Туркестан	407,0	1101,9	1508,9	27,0	73,0
Сибирь	7422,9	19345,7	26768,6	27,7	72,3
Итого по Империи	363158,3	480240,1	843398,4	43,1	56,9
Без Польши и Прибалтики	270688,0	449045,7	719733,7	37,6	62,4

Если учесть, что на 1 января 1905 г. вклады в кредитные кооперативы равнялись 33,1 млн руб.¹, а на крестьянских сберкнижках находилось 206,8 млн руб., то, следовательно, по Империи в целом первые выросли в 11,0 раз, а вторые — в 2,3 раза.

Как можно видеть, свыше 60% всех средств вклады в кооперативы составляли в Южном, Юго-Западном, Предкавказском и особенно в Прибалтийском и Польском районах. С большой вероятностью именно в этом главная (но едва ли единственная!) причина замедленного в сравнении с Нечерноземьем развития крестьянского сберегательного дела в годы аграрной реформы Столыпина на Юге страны. Можно думать, что более зажиточная часть крестьянства там предпочитала кредитные кооперативы в качестве «приемника» средств, в том числе в силу более высокого процента по вкладам, а также потому, что кооперативы позволяли обойти ограничения сберкасс по предельной величине вклада. А как поступали менее зажиточные крестьяне?

Иными словами перед нами достаточный интересный и важный факт, требующий дальнейшего объяснения — прежде всего на уровне крестьянской повседневности и в то же время показывающий, какие пробелы в наших знаниях о реальной, а не мифической жизни отечественной деревни не закрыты за то время, пока историография без малого сто лет доказывала «неизбежность Великого Октября».

Ясно, что причины этого феномена кроются в различиях экономического поведения крестьянства и социально-экономических условий отдельных регионов России. Однако в данном сюжете остаются невыясненные вопросы, в частности, пока не очень

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 65.

понятен объем некрестьянских вкладов в кредитные кооперативы. Поэтому я не хочу выдвигать на этот счет скороспелые гипотезы.

Перейдем к краткому обзору ссудной операции; замечу, кстати, что высокий процент по вкладам определял и высоту процента по ссудам.

В принципе география ссуд определяется в первую очередь объемом основного капитала. В этом нетрудно убедиться по данным таблицы 176, которая демонстрирует почти буквальное совпадение, что и неудивительно.

Таблица 176

**Суммарный остаток ссуд и оборотный капитал кредитных
и ссудо-сберегательных товариществ в 1913 г. Таблица рангов (тыс. руб.)**

<i>Губерния</i>	<i>Остаток ссуд</i>	<i>Губерния</i>	<i>Оборотный капитал</i>
Лифляндская	43635,6	Лифляндская	52203,2
Бессарабская	24659,8	Бессарабская	27267,8
Кубанская	21714,3	Кубанская	25497,6
Курляндская	20907,7	Варшавская	24321,9
Киевская	19067,4	Курляндская	23162,3
Херсонская	18115,5	Киевская	22435,3
Варшавская	17307,9	Петроковская	21866,0
Донская	16721,4	Херсонская	21357,0
Петроковская	16364,8	Донская	19019,4
Харьковская	15434,5	Таврическая	17374,7
Таврическая	14650,7	Харьковская	17269,5
Полтавская	14130,7	Полтавская	15686,1
Екатеринославская	12693,0	Воронежская	14720,5
Люблинская	12526,7	Люблинская	14205,0
Воронежская	11568,8	Екатеринославская	13677,8
Самарская	10268,5	Самарская	11885,2
Волынская	8611,1	Пермская	10179,5
Тамбовская	8190,5	Волынская	9988,5
Пермская	8154,1	Тамбовская	9255,0
Вятская	8125,5	Вятская	9126,7

При погубернском анализе ссуд нам приходится отступить от привычного порядка. «Статистические ежегодники России» содержат информацию об учреждениях мелко-кредита за 1904–1912 гг. Данные за 1913–1915 гг. помещены в издании «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству ... Год десятый», но там даются сведения только об остатках ссуд, но не о самих ссудах; к тому же эта публикация изобилует опечатками, не все из которых можно пересчитать (видимо, это особенность изданий 1917 г.).

Поэтому для характеристики географического аспекта развития ссудной операции кредитных кооперативов мы вынуждены сравнивать сведения за 1905 и 1912 гг. В 1912 г. кредитные товарищества выдали ссуд на 264,4 млн руб., а ссудо-сберегательные

товарищества — на 262,8 млн руб.; для 1913 г. аналогичные показатели составили 371,9 млн руб. и 293,4 млн руб.¹ (рост соответственно на 40,9% и 11,6%).

Основные суммарные характеристики деятельности кредитных и ссудо-сберегательных товариществ 1905 и 1912 гг. в абсолютном и относительном выражении можно видеть в таблицах 177 и 178.

Таблица 177

Кредитные товарищества в 1905 и 1912 гг.

Регион	Число товариществ	Число членов	Оборотный капитал (тыс. руб.)	Выдано ссуд (тыс. руб.)	Основного капитала		Выдано ссуд	
					на 1 товарищество (тыс. руб.)	на 1 члена, руб.	на 1 товарищество (тыс. руб.)	на 1 члена (руб.)
1905								
Европейская Россия	706	275693	8104,3	10560,9	11,5	29,4	15,0	38,3
Польша	20	15435	931	1066,3	46,6	60,3	53,3	69,1
Кавказ	38	10971	450,2	623,9	11,8	41,0	16,4	56,9
Сибирь и Дальний Восток	4	1303	18,3	32,7	4,6	14,0	8,2	25,1
Степной край и Туркестан	5	955	18,3	18,1	3,7	19,2	3,6	19,0
Империя	773	304357	9522,1	12301,9	12,3	31,3	15,9	40,4
1912								
Европейская Россия	6327	4102643	175407	217229,0	27,7	42,8	34,3	52,9
Польша	87	71327	7019	5380,0	80,7	98,4	61,8	75,4
Кавказ	514	242442	16577,4	19813,2	32,3	68,4	38,5	81,7
Сибирь и Дальний Восток	701	354220	11269,9	15620,6	16,1	31,8	22,3	44,1
Степной край и Туркестан	335	99719	3138,4	6328,2	9,4	31,5	18,9	63,5
Империя	7964	4870351	213411,7	264371,0	26,8	43,8	33,2	54,3

Источник: Статистический ежегодник России. 1908 г. ... С. 452–453; Статистический ежегодник России. 1915 г. ... Отдел XII. С. 98–101.

Таблица 178

Ссудо-сберегательные товарищества в 1905 и 1912 гг.

Регион	Число товариществ	Число членов	Оборотный капитал	Выдано ссуд	Основного капитала		Выдано ссуд	
					на 1 товарищество (тыс. руб.)	на 1 члена (руб.)	на 1 товарищество (тыс. руб.)	на 1 члена (руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1905								
Европейская Россия	684	308402	45640,9	49820,7	66,7	148,0	72,8	161,5

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С.80

Окончание таблицы 178

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Польша	118	71787	10524,2	8898,3	89,2	146,6	75,4	124,0
Кавказ	44	18051	2287,8	2799,3	52,0	126,7	63,6	155,1
Сибирь и Дальний Восток	7	859	50,9	79,9	7,3	59,3	11,4	93,0
Степной край и Туркестан	3	497	53,7	91,7	17,9	108,0	30,6	184,5
Империя	856	399596	58557,5	61689,9	68,4	146,5	72,1	154,4
1912								
Европейская Россия	2064	1200870	168790,2	191978,3	81,8	140,6	93,0	159,9
Польша	620	406446	71864,7	53594,1	115,9	176,8	86,4	131,9
Кавказ	162	82365	12564,2	12644,3	77,6	152,5	78,1	153,5
Сибирь и Дальний Восток	33	12006	604,3	831,7	18,3	50,3	25,2	69,3
Степной край и Туркестан	159	42878	1804,5	3733,8	11,3	42,1	23,5	87,1
Империя	3038	1744565	255627,9	262782,2	84,1	146,5	86,5	150,6

Источник: Статистический ежегодник России. 1908 г. ... С. 452–453; Статистический ежегодник России. 1915 г. ... Отдел XII. С. 98–101.

Таким образом, за 1905–1912 гг. величина ссуд, выданных кредитными кооперативами, выросла с 74,0 млн руб. до 527,2 млн руб., т. е. в 7,1 раза, а за 1905–1913 гг. — в 9,0 раз!

Если все относительные показатели деятельности кредитных товариществ за 1905–1912 гг. растут, то применительно к ссудо-сберегательным товариществам мы видим увеличение объема оборотных средств и выданных ссуд, приходящихся на 1 товарищество, однако размеры оборотного капитала на 1 члена в 1912 г. остались такими же, как и в 1905 г., а средняя ссуда на 1 члена ссудо-сберегательных товариществ даже снизилась.

Развитие ссудной операции в кредитных товариществах вполне характеризуют следующие факты. В 1905 г., более 30 руб. на члена они выдавали лишь в 25 губерниях Европейской России (без Польши), свыше 50 руб. — в 13, а более 70 руб. — в 6; при этом в 11 губерниях кредитных товариществ не было вовсе. В 1912 г. менее 30 руб. на человека ссуда составляла лишь в Псковской и Олонецкой губерниях — 29,7 и 25,9 руб. Более 50 руб. в ссуду получали в 28 губерниях, а свыше 70 руб. — в 13-ти; не появились кредитные товарищества только в Эстляндской губернии.

При этом губернии со средним размером ссуд в 50 руб. и выше составляют огромный единый массив, в который входит Петербургская губерния, Прибалтийские, Литовские (кроме Виленской с показателем 48,0 руб.), Белорусские (кроме Смоленской), Киевская, Малороссийские, Новороссийские, Предкавказские, Нижневолжские (кроме Уфимской и Оренбургской). Внутри региона с меньшими ссудами находится анклав из Московской, Владимирской и Ярославской губерний со ссудами 49,2–50,5 руб.

Таблица 179

Величина ссуд на 1 члена кредитного кооператива в 1905 и 1912 гг. (руб.)

<i>Кредитные товарищества</i>				<i>Ссудо-сберегательные товарищества</i>			
<i>губерния</i>	<i>1905</i>	<i>губерния</i>	<i>1912</i>	<i>губерния</i>	<i>1905</i>	<i>губерния</i>	<i>1912</i>
Астраханская	157,8	Курляндская	143,3	Эстляндская	1220,2	Курляндская	726,4
Могилевская	104,2	Таврическая	112,0	Калужская	728,5	Лифляндская	528,9
Терская	91,3	Кубанская	100,7	Лифляндская	481,2	Эстляндская	390,3
Таврическая	90,0	Терская	94,3	Курляндская	469,4	Минская	190,4
Черниговская	78,9	Донская	87,8	Вологодская	425,6	Терская	186,5
Петербургская	66,0	Ковенская	86,4	Нижегородская	294,8	Гродненская	160,8
Екатеринославская	63,7	Астраханская	86,0	Волынская	263,6	Таврическая	160,8
Вятская	58,3	Лифляндская	78,4	Курская	256,1	Виленская	157,9
Полтавская	56,4	Черномор.	78,0	Тверская	250,2	Астраханская	152,9
Минская	56,3	Бессарабская	77,5	Астраханская	216,3	Бессарабская	148,7
Костромская	54,9	Екатеринославская	76,3	Донская	202,2	Кубанская	147,9
Рязанская	52,7	Харьковская	73,4	Полтавская	199,7	Волынская	146,7
Ставропольская	51,8	Херсонская	70,7	Саратовская	169,4	Полтавская	142,6
Донская	44,4	Минская	69,6	Херсонская	165,4	Ковенская	139,9
Кубанская	42,2	Полтавская	67,4	Оренбургская	160,9	Харьковская	139,0
Тамбовская	40,1	Ставропольская	58,8	Таврическая	159,6	Херсонская	137,1
Самарская	39,7	Киевская	58,5	Подольская	157,1	Могилевская	128,7
Калужская	37,3	Саратовская	56,7	Минская	156,7	Донская	127,0
Саратовская	36,3	Витебская	56,2	Тамбовская	153,4	Курская	125,0
Воронежская	35,8	Черниговская	54,5	Кубанская	145,6	Екатеринославская	123,7

Источник: Статистический ежегодник России. 1908 г. ... С. 452–453; Статистический ежегодник России. 1915 г. ... Отдел XII. С. 98–101.

Несколько иную картину мы видим в ссудо-сберегательных товариществах. В 1905 г. они не были открыты в 5 губерниях. Ссуды, сколько можно судить, выдавались с большим размахом, отчасти, связанным с тем, что мелкий кредит был еще новостью; во многих губерний имелось лишь одно или несколько товариществ и там, возможно, не всегда велась продуманная кредитная политика. Так, в 30 губерниях ссуды превысили 100 руб., в 11 — 200 руб., в пяти — 400 руб., а в Эстляндской губернии 1093 члена семи ссудо-сберегательных товариществ получили в 1905 г. в ссуду более 1,3 млн руб., т.е. на каждого в среднем пришлось 1220 руб. 20 коп.

В 1912 г. на фоне заметного роста абсолютных показателей средний объем ссуд во многих губерниях уменьшается, и зачастую в разы. Кредит становится как бы плотнее. Теперь свыше 100 руб. получают в 25 губерниях, и лишь в трех — более 200 руб. С этим и связано снижение средней величины ссуд на 1 человека.

При этом и для кредитных, и для ссудо-сберегательных товариществ *география относительных показателей развития очень схожа с географией показателей абсолютных*, в чем несложно убедиться, расположив данные на карте.

Отмеченный выше громадный рост ссудной операции не мог не оказывать благоприятного воздействия на экономику страны и жизнь ее населения, прежде всего крестьянства.

8.10.8. Назначение ссуд

Не приходится объяснять, насколько важен для понимания самой сути функционирования мелкого кредита вопрос о назначении ссуд.

О том, для каких целей заемщики испрашивали кредиты, позволяют судить данные о предметном распределении ссуд, выдававшихся кредитными товариществами. Согласно новейшим уставам, для всех созданных на их основе учреждений мелкого кредита был обязателен предметный кредит. И если кооперативы кредитовались в Государственном банке (а это делало не менее 90% кредитных товариществ и значительная часть ссудо-сберегательных), то от них требовалась регистрация назначения ссуд в отчетах¹.

Компетентные специалисты полагали, что информацию о ссудной операции кредитных товариществ, с известными поправками было вполне допустимо распространить и на ссудо-сберегательные товарищества, и на сословно-общественные кассы с уставом 1905 г., а также и на земские кассы, кредитующие единоличных заемщиков. В пользу этой точки зрения говорил тот факт, что условия, в которых действуют кредитные товарищества «так многосложны и различны, что предметные группировки ссуд, выдаваемых кредитными товариществами разных местностей Империи, в грубых чертах, почти исчерпывают все разнообразие возможных в линиях направления ссудных средств комбинаций, кроме самых крайних и односторонних»².

Разумеется, ключевой вопрос здесь — насколько достоверны показания заемщиков о потребностях, для которых они просят ссуды, и насколько правильно отчеты регистрируют действительное расходование ссудных средств.

Не вдаваясь в детали этого интересного источниковедческого сюжета, заметим, что авторы отчетов не обольщаются относительно того, что все ссуды идут по назначению, поскольку очень часто предметный контроль за расходованием ссудных средств со стороны администрации кооперативов был либо недостаточным, либо вовсе отсутствовал, хотя нередко и по объективным причинам (многочисленность личного состава и/или большерайонность).

Сотрудники Управления по делам мелкого кредита считали справедливой точку зрения многих товариществ, согласно которой «ссуды *большой частью* (или по преимуществу) употребляются по назначению», особенно, если кооператив практикует так называемый потребительный кредит. Характерен в этом смысле «типичный по существу» отзыв одного товарищества Полтавской губернии о том, что «ссуды по преимуществу употребляются на то, на что берутся, так как товарищество выдает их на всякие *неизбежные* расходы, кроме тех, где предполагается, например, расход на водку»³.

Чем больше стеснялся в данном товариществе потребительный кредит в явной форме, тем больше было шансов за то, что ссудные средства будут отклоняться от заявленных заемщиками целей. Например, маскировались другим назначением те ссуды, которые по каким-либо причинам сдерживались в конкретном кооперативе, например, ссуды на покупку земли — из-за их долгосрочности.

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910–1911 гг. ... С. 114–115.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 117.

Таблица 180

Назначение ссуд в кооперативных учреждениях в 1906 и 1913 гг.

№	Назначение ссуд	1906					1913					Рост (%)	
		число ссуд	сумма (тыс. руб.)	доля этого вида ссуд (%)	доля этого вида в сумме ссуд (%)	средняя ссуда (руб.)	число ссуд	сумма тыс. руб.	доля этого вида ссуд (%)	доля этого вида в сумме ссуд (%)	средняя ссуда (руб.)	ссуд	денег
1	Покупка земли	4310	312,5	1,2	3,0	72,5	357161	4,0	6,8	85,3	82,9	97,5	
2	Постройки для ведения хозяйства	9906	279,2	2,8	2,7	28,2	291048	3,2	3,2	49,3	29,4	51,4	
3	Жилые постройки	30705	918	8,6	8,7	29,9	749437	8,4	8,0	47,8	24,4	39,0	
4	Обработка угодий и удобрение земли	1270	35,6	0,4	0,3	28,0	111702	1,2	1,2	47,5	88,0	148,9	
5	Сельскохозяйственные орудия	8001	249,4	2,2	2,4	31,2	326617	3,6	3,4	46,1	40,8	60,4	
6	Орудия ремесленного производства	2050	52,8	0,6	0,5	25,8	68986	0,8	0,8	50,7	33,7	66,3	
7	Живой инвентарь	73316	2309,2	20,6	22,0	31,5	1947406	21,7	21,6	49,9	26,6	42,1	
8	Аренда земли	57273	1664,2	16,1	15,8	29,1	1585434	17,7	19,3	54,7	27,7	52,1	
9	Покупка семян	29103	590,9	8,2	5,6	20,3	892465	9,9	5,5	27,6	30,7	41,7	
10	Материалы ремеслен. и кустарного производств	18675	673,8	5,2	6,4	36,1	437816	4,9	5,8	59,3	23,4	38,5	
11	Наем рабочей силы	8765	244,3	2,5	2,3	27,9	323953	3,6	3,0	41,7	37,0	55,3	
12	Покупка товара для продажи	26210	1254	7,4	11,9	47,8	355944	4,0	6,6	82,8	13,6	23,5	
13	Снаряжение в отхожие промыслы	1440	27,7	0,4	0,3	19,2	68727	0,8	0,5	35,3	47,7	87,5	
14	Корм для скота	22752	453	6,4	4,3	19,9	283192	3,2	1,8	29,2	12,4	18,3	
15	Уплата долга	16684	492,1	4,7	4,7	29,5	201369	2,2	2,3	50,9	12,1	20,8	
16	Переписка выданных обязательств на новые сроки			0,0	0,0	0,0	41149	0,5	0,8	87,1			
17	Личные расходы	45980	959,8	12,9	9,1	20,9	715836	8,0	5,1	32,1	15,6	23,9	
18	Под залог сельхоз. ремеслен. и кустарного производств			0,0	0,0	0,0	199439	2,2	4,2	95,7			
19	Разные расходы			0,0	0,0	0,0	13412	0,1	0,2	60,9			
ИТОГО		356440	10516,5	100,0	100,0	29,5	8971093	100,0	100,0	50,1	25,2	42,7	
Краткосрочных ссуд		129558	4156,7				5118736	н/с	55,1	48,4	39,5	59,6	
Долгосрочных ссуд		225882	6359,8				3852357	н/с	44,9	52,3	17,1	31,7	
		355440	10516,5										

Источники: Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 122; Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. I. Объяснительная записка. Пг., 1916. С. 93.

Таблица 181

Число ссудных операций в 1906 и 1913 гг.

№	Назначение ссуд	1906	Доля	Назначение ссуд	1913	Доля
1	Живой инвентарь	73316	20,6	Живой инвентарь	1947406	22,3
2	Аренда земли	57273	16,1	Аренда земли	1585434	18,2
3	Личные расходы	45980	12,9	Покупка семян	892465	10,2
4	Жилые постройки	30705	8,6	Жилые постройки	749437	8,6
5	Покупка семян	29103	8,2	Личные расходы	715836	8,2
6	Покупка товара для продажи	26210	7,4	Материалы ремесленного и кустарного производств	437816	5,0
7	Корм для скота	22752	6,4	Покупка земли	357161	4,1
8	Материалы ремесленного и кустарного производств	18675	5,2	Покупка товара для продажи	355944	4,1
9	Уплата долга	16684	4,7	Сельскохозяйственные орудия	326617	3,7
10	Постройки для ведения хозяйства	9906	2,8	Наем рабочей силы	323953	3,7
11	Наем рабочей силы	8765	2,5	Постройки для ведения хозяйства	291048	3,3
12	Сельскохозяйственные орудия	8001	2,2	Корм для скота	283192	3,2
13	Покупка земли	4310	1,2	Уплата долга	201369	2,3
14	Орудия ремесленного производства	2050	0,6	Обработка угодий и удобрение земли	111702	1,3
15	Снаряжение в отхожие промыслы	1440	0,4	Орудия ремесленного производства	68986	0,8
16	Обработка угодий и удобрение земли	1270	0,4	Снаряжение в отхожие промыслы	68727	0,8
17	Всего	356440	3389,3	Всего	8717093	2047,6

Поэтому Отчет за 1910 г. делает достаточно категоричный вывод: «Бесполезная или вредная затрата ссудных средств, по отзывам товариществ и наблюдениям органов надзора, представляет единичные явления. Можно, по-видимому, признать, что предметная группировка ссуд отражает в значительной степени действительность, с поправками в соотношении отдельных групп»¹ (см. таблицу 180).

Здесь уместно привести точку зрения С. Ю. Витте на этот счет. Он принимал «самое активное участие» в обсуждении законопроекта 1895 г. и «склонен был относить к производительным кредитам и ссуды на покупку предметов домашнего обихода, продовольствия и даже на лечение, полагая, что все эти расходы в конечном счете позволят заемщику поддерживать свое хозяйство»².

Отчеты разделяют все ссуды на три категории в зависимости от экономического характера их предполагаемого назначения: хозяйственные (или производительные), домохозяйственные (потребительные) и смешанные. В этой классификации заметно влияние теории трудового хозяйства.

К последним относятся такие заимствования, относительно которых нельзя ска-

¹ Там же.

² Цит. по: Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение... С. 70.

зять, будут ли они служить хозяйственным нуждам заемщиков или личным. Это ссуды, взятые на уплату долга, просто переписанные и отчасти залоговые. Как долг, так и прежнее обязательство могли относиться к чисто хозяйственным вопросам, как, например, довольно распространенные ссуды «на выкуп снопов», другими словами, на взнос отсроченной арендной платы. Относительно крупные залоговые ссуды могли обслуживать разные потребности, однако ссуды под залог продуктов труда заемщиков, по мнению авторов отчета, по своему значению они оказываются «однородными и равноправными с хозяйственными ссудами, представляют прием, рассчитанный на увеличение дохода»¹.

Ссуды первой из перечисленных трех категорий явно доминировали, составляя 77,4% суммы всех ссуд в 1906 г. и 82% в 1911 г. при этом отмечается сокращение потребительных ссуд, которые уменьшились с 17,9% всех ссуд в 1906 г. до 13,6% в 1911 г.; доля смешанных ссуд осталась примерно той же — 4,7% и 4,4%.

В свою очередь хозяйственные ссуды делились на три группы в зависимости от того, направлялись ли они на нужды сельского хозяйства, кустарно-ремесленного производства и «разные хозяйственные», включающие в том числе и торговые ссуды.

Ссуды для нужд сельского хозяйства в 1906 г. составляли 69% всех хозяйственных ссуд и 78,5% в 1911 г., кустарно-ремесленные — 9,3% в 1906 г. и 7,3% в 1911 г., а «разные хозяйственные» соответственно — 21,8% и 14,2%. Повышение доли сельскохозяйственных ссуд было вызвано в основном относительным падением торговых ссуд (с 12% до 6,6%).

В группе сельскохозяйственных ссуд особенно выделяются в количественном отношении ссуды на аренду и покупку земли (поземельные) и на приобретение живого и мертвого инвентаря.

В 1906 г. ссуды на аренду и покупку земли составляли 19% (16% на аренду и 3% на покупку), в 1911 г. 30% (23 и 7%), ссуды на покупку инвентаря — порядка 24%, причем ссуды на покупку скота относительно снизились с 21,9 до 21,1%, а ссуды же на покупку сельхозмашин и орудий возросли с 2,3 до 3,1%. В совокупности ссуды на покупку сельхозтехники и на разного рода улучшения (устройство колодцев, запруд, садов и пр.) увеличились с 2,7% в 1906 г. 2,7% до 4,1% в 1911 г.

И в этих данных авторы отчеты видят совершенно определенное свидетельство поступательного развития крестьянского хозяйства, однако полагают, что «было бы ошибочно считать указанные ссуды единственным показателем, а тем более мерой последнего. И наблюдения органов надзора, и свидетельства самих товариществ ясно говорят о том, что и в других направлениях ссудных средств крестьянское хозяйство прогрессирует.

Скот приобретает лучшего качества; нередко особенно в районах маслоделия и молочного хозяйства, по имеющимся сведениям, с этой целью сокращают общее его количество, что ведет за собою подъем и устойчивость доходности хозяйства (например, в Вологодской губернии, в некоторых промышленных, в Сибири), посевной материал, на покупку которого затрачивается до 5,5% общей суммы ссуд, частью освежается и улучшается; даже в сфере кредита потребительного заметны хозяйственные успехи — при постройке и ремонте жилых помещений, на что берется ссуд до 7–8%, пользуются нередко огнеупорными материалами; расширение площади землепользования, ограни-

¹ Отчет за 1910–1911 ... С. 118.

чивая или устраняя земельную тесноту, открывает возможность приложения лучших приемов хозяйствования»¹.

Относительно не увеличивались кустарно-ремесленные ссуды (на покупку орудий и материалов, а также на отход), на которые приходилось порядка 7%, а в действительности — не менее 10% (с добавлением в эту категорию части «разных хозяйственных» — так называемых торговых, на наем рабочей силы и на хозяйственные постройки). Авторы отчета полагают, что отчасти это вызывалось тем, что для многих заемщиков промышленный труд имел второстепенное значение в сравнении с основным сельскохозяйственным, в результате чего кредит направлялся на нужды сельского хозяйства.

В составе «разных хозяйственных» привлекают внимание ссуды на наем рабочей силы (2%).

Потребительные ссуды (на жилые постройки, личные расходы и «без назначения») сверх официально показанных в отчетности, включали в себя еще и заимствования из других групп, а также и те, которые скрывались под каким-нибудь фиктивным обозначением. Поэтому их реальный объем, весьма различавшийся территориально, был выше номинальных 13,6%. При этом отмечается, что и в ссудах на жилые строения есть элементы производственного и производительного свойства — «ведь жилище крестьянина есть вместе с тем нередко и мастерская ремесленника или кустаря, суррогат и недостающих хозяйственных помещений. Этот пример еще лишний раз подчеркивает отмечающуюся в отчетах условность понятия потребительных затрат в трудовом хозяйстве. Вместе с тем становится понятным распространенное в анкетных отзывах и суждениях съездов более или менее благоприятное отношение к потребительным ссудам, конечно, к полезным, к здоровому потребительному кредиту, при нормальных условиях делающему сбережения, в исключительно неблагоприятных спасающему хозяйство от разорения»².

Средний размер ссуд по всем категориям колебался от 70 руб. (на покупку земли), 57 руб. (торговые ссуды) до 22 руб. (личные расходы), в в среднем равнялся примерно 38 р. Больше всего вырос средний размер ссуд на аренду земли (с 29 руб. в 1906 г. до 44 руб. в 1911 г.). Для остальных разрядов заимствований размер ссуд увеличился немалого (на 1 руб. для личных расходов и на 3–8 р. для прочих), а ссуды на покупку земли даже снизились с 72 до 70 руб³.

Понятно, что в отдельных районах, губерниях и уездах характер ссудной операции значительно различался. Отчет фиксирует известный парадокс отечественного кредитного дела, который заключался в том, что «нужды сельского хозяйства наиболее слабо обслуживаются кооперативной организацией народного кредита как раз в тех местностях, где она достигла особенной финансовой мощи: в Прибалтийских, Привислинских и западных губерниях, с их материально сильными ссудо-сберегательными товариществами и кассами»⁴. Здесь господствовала кооперация городского типа, в которой активно участвовали представители торгово-промышленного и «либерально-профессионального классов».

Органы кредитного надзора отмечали «пробуждение кооперативного почина в деле кредита для деревни, как в Привислинских губерниях, так и — еще более — в запад-

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же.

ных. Недостаточность во многих случаях кредитной помощи, оказываемой гминными кассами, слабая жизнедеятельность общественных учреждений старой формации, а то и полная атрофия их, а наряду с этим нарастающая волна новых и усиленных запросов на денежные средства, под влиянием землеустройства (Могилевская, Минская губернии), — таковы, по свидетельству инспекторов мелкого кредита, главнейшие двигатели местной сельской кредитной кооперации»¹.

В остальной России оборотные средства учреждений мелкого кредита шли в основном на нужды сельского хозяйства и сопряженных с ним занятий — как минимум, 90% ссудных средств для не менее, чем 90% клиентов.

Так, в Северном и Центрально-Промышленном районах была выше, чем в целом по Империи, доля кустарно-ремесленных ссуд (9–14%), торговых (17–18%) и потребительных (21–25%). В северных губерниях выдавалось довольно много ссуд на покупку семян, частью улучшенных (12% для района и 26% для Псковской губернии, где интенсивно распространялись улучшенные семена).

Ремесленные и торговые ссуды были также достаточно развиты в Терской области (12–11%), а потребительный кредит особенно заметен в Рязанской губ. (31%).

В промышленных и в северных губерниях были относительно менее значимы ссуды на аренду земли и покупку скота (до 5–6% для первых и 16% для вторых). При этом больше средств уходило на аренду лугов и пастбищ; чаще покупался мелкий и молочный скот, а рабочий скот в большой степени использовался для промышленного и подсобного извоза.

Иное соотношение ссуд фиксировалось в земледельческих губерниях. Здесь процент ссуд на аренду земли поднимался от 29% в центре и 30% в южных губерниях (до 32–46% в Кубанской и Донской областях), а покупка земли поглощала 14–23% на юге и юго-западе.

До 9% и более составляли ссуды на покупку сельхозтехники в Сибири, главным образом, в Томской губернии.

Сильные региональные различия прослеживались в сложной, состоящей из разнородных элементов, группе долгосрочных ссуд, а, по существу, затрат. Доля этих ссуд возрастала от 32–37% в западном районе, центральном (в Воронежской губернии 34%, а в Тульской 44%), северном и промышленном (в Московской губернии — 44%), до 50% в южных губерниях, кроме Таврической, и даже до 74% в Юго-Западном районе (23% покупка земли, 33% покупка скота и 18% жилые и хозяйственные постройки, а также сельскохозяйственные орудия)².

Примечателен вывод из этой информации: «Оценивая с точки зрения хозяйственных успехов общее направление ссудных средств, их приспособленность к тому, чтобы помочь крестьянскому хозяйству двигаться вперед, пришлось бы сказать, что из двух основных форм кредитного содействия мелкому и среднему производству — кредита, при посредстве которого хозяйство или улучшается, или поддерживается на прежнем уровне, — преобладает все же вторая»³.

С одной стороны, это едва ли удивительно — перестройка отечественного сельского хозяйства только начиналась, и нелепо была ждать и тем более требовать от крестьян немедленного забвения вековых привычек.

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 124–125.

С другой же, не оспаривая мнения компетентных специалистов, не будем, однако, забывать, что эта мысль была высказана на основании данных за 1911 год, когда суммарный объем ссуд кредитных и ссудо-сберегательных товариществ был равен 378,8 млн руб. В 1913 г. это показатель составил 665,4 млн руб., т. е. за два года вырос на 75%.

По Империи ссуды составляли около 83% общего активного баланса, но в отдельных районах доходили до 87,1% баланса ссудо-сберегательных товариществ (Сибирский район) и до 95,8% баланса кредитных товариществ (Прибалтийский район). Минимальное процентное отношение ссуд к общему балансу наблюдалось в Туркестане (73,4–74,8%)¹.

В абсолютных цифрах сумма средств, находившихся в ссудообороте, достигла к 1 января 1914 г. внушительной величины в 516382 тыс. руб. О движении остатков ссуд можно судить по таблице 182.

Таблица 182

Остатки ссуд в кредитных кооперативах на 1 января (тыс. руб.)

	1910	1911	1912	1913	1914
В кредитных товариществах	45712	70470	116593	184527	263341
В ссудо-сберегательных	99873	129417	171706	212750	253041
Всего	145585	199887	288299	397277	516382

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. I. Объяснительная записка. Пг., 1916. С. 81.

Данные таблиц 180 и 181 дают возможность примерно определить значение ссудных операций в различных областях крестьянского хозяйства.

Если разбить всю сумму выданных в 1913 г. ссуд по основным видам хозяйствования, то окажется, что около 2/3 общей суммы ссудных средств (65,7%) было заимствовано на нужды сельского хозяйства, 6,6% — на ремесленное и кустарное производство, а 27,7% — на торговые и на разные другие расходы (в том числе и личные).

То есть, на чисто хозяйственную деятельность было испрошено почти ¼ всех выданных средств, из которых более ¼ предназначалось на покупку и аренду земли (6,8%+19,3%) и около одной пятой — на приобретение живого инвентаря.

Количество ссуд, испрашиваемых на уплату долга и на перепику старых обязательств, держалось, по сообщению Отчета, приблизительно на том же уровне (3,1%), что и в предыдущие годы, и при этом доля личных расходов имела тенденцию к некоторому снижению — в 1911 г. 6,0%, в 1912 г. — 5,7%, в 1913 г. — 5,1%².

По способам обеспечения остатки ссуд распределялись следующим образом:

На 1 января 1914 г. для всех кредитных кооперативов примерно 75% общей суммы ссуд было обеспечено личным доверием и поручительством, причем в кредитных товариществах эта форма обеспечения составила 87%, а ссудо-сберегательных — 68%³. Другими словами, залоговая форма обеспечения ссуд касалась в среднем лишь 25% общей суммы ссуд и больше всего была распространена в ссудо-сберегательных товариществах, прежде всего Прибалтийских губерний (61%).

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1913 год... С. 77.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 81.

В общей массе ссуд доминировали выданные на срок до 1 года. В кредитных товариществах числилось 10,6 млн руб. долгосрочных ссуд (4,1% всего остатка ссуд), а в ссудо-сберегательных товариществах — 35,4 млн руб.

Как и в предыдущие годы, число должников на 1 января 1914 г. в общем по Империи было выше в ссудо-сберегательных товариществах — 84,3% общей численности их членов, в то время как в кредитных оно равнялось 67,8%¹. Равным образом и средний долг на 1 заемщика в ссудо-сберегательных обществах был выше, чем в кредитных (147,3 руб. против 62,4). Если, однако, исключить из расчета Прибалтику и Польшу, то средняя задолженность заметно уменьшится (97,2 руб. против 61,4).

С течением времени средний долг участников кредитных кооперативов увеличился с 42,2 в 1909 г. до 62,4 руб. для кредитных товариществ и со 142,7 до 147,3 для ссудо-сберегательных. В сопоставлении со средним размером кредита (103,2 — 166,3 руб.) средняя задолженность составляла на 1 января 1914 г. 60,5% для кредитных и 84,1 для ссудо-сберегательных товариществ².

Таблица 183

**Средний кредит и средняя задолженность
в кооперативных учреждениях на 1 января 1914 г. (руб.)**

Районы	Средний кредит		Средняя задолженность		Отношение задолженности к кредиту (%)	
	кред. тов-ва	с-сбер. тов-ва	кред. тов-ва	с-сбер. тов-ва	кред. тов-ва	с-сбер. тов-ва
Северный	69,5	91,4	39,8	74,4	57,3	81,4
Промышленный	74,4	83,7	47,8	55,5	64,2	66,3
Восточный	95,7	149,9	56,6	87,4	59,1	58,3
Центральный	77,4	98	52,9	64,8	68,3	66,1
Южный	141,5	171,4	86,1	112	60,8	65,3
Юго-Западный	115,9	146,2	63,7	90,2	55,0	61,7
Царство Польское	200,5	233,8	131,6	158	65,6	67,6
Западный	104,6	142,8	64,8	99,9	62,0	70,0
Прибалтийский	782,4	см. прим.*	326,3	720	41,7	
Предкавказье	155,2	203,2	102,6	149,7	66,1	73,7
Закавказье	103,6	169,8	48,9	104,4	47,2	61,5
Туркестан	142,5	183,5	61	81,6	42,8	44,5
Сибирь и Дальний Восток	95,3	129,8	43,1	53,5	45,2	41,2
Итого по Империи	103,2	166,3	62,4	113	60,5	67,9
на 1 января 1914	89,5	158,9*	56,6	105,9	63,2	66,6

Источник: Отчет по мелкому кредиту за 1913 год. ... С. 88.

* *Примечание источника:* «Вывод среднего кредита для всех паевых товариществ Прибалтийских губерний представляется невозможным, так как многие местные учреждения кредитов своим членам не открывают».

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 89.

Что касается **процентов по ссудам**, то выше всего они были в кредитных товариществах, заметно ниже — в ссудо-сберегательных товариществах, затем в сословно-общественных учреждениях и земских кассах.

Среднесложный процент по ссудам для всех кредитных товариществ Империи определялся для 1910 г. в 11,3%, а для 1912 г. — в 11,2%¹. Высота ссудного процента в большой мере вызывалась конкуренцией товариществ старых и новых между собой из-за вкладов как между собой, так и с другими кредитными учреждениями, что вело к повышению как пассивного, так и активного процента. При этом в восточном и центральном районах ссудный процент поднимался до 11,6–11,7%. В западных губерниях он понижался до 10,1%, а в Польше не превышал 9%².

Интересно объяснение, которое дается в Отчете относительной высоте ссудного процента: «Если нельзя не признать, что понижение ссудного процента, наблюдающееся на практике, проявилось до последнего времени очень слабо... то обусловлено это явление несколькими обстоятельствами. Прежде всего при существующих нормах роста в области частного неорганизованного кредита (*примечание источника* — разумеется, реальных, слагающихся из целой совокупности добавочных к уплате определенного денежного процента услуг и обязательств или заменяющих ее при так называемых «беспроцентных» займах), 11–12% годовых, платимых по ссудам членами кредитных товариществ, не представляются обременительными. В то же время повышенный доход, извлекаемый кредитным учреждением, открывает возможность упрочить его положение, усилить собственные средства и тем самым проложить путь к независимости»³.

В ссудо-сберегательных товариществах среднесложный процент по ссудам равнялся приблизительно 9%, однако в этом сказывалось влияние Прибалтийских и польских товариществ. В остальных губерниях страны он поднимался до 10%⁴.

В сословно-общественных учреждениях средняя стоимость ссудных средств составляла около 8%, а в земских кассах — около 7%⁵.

8.10.9. Посреднические операции кредитных кооперативов

Коротко обрисует еще одно перспективное направление деятельности кредитных кооперативов — **посредничество**, о котором немного говорилось выше.

Посреднические операции, несомненно, сами по себе были выгодны для участников организованного кредита, но этим их значение не ограничилось: они вынуждали членов товариществ непосредственно участвовать в общем деле и укрепляли тем самым их солидарность друг с другом и с кооперативом вообще. Однако пока такие операции еще были развиты недостаточно.

Основные причины этого крылись, во-первых, в сугубо технических трудностях посреднических операций, необходимо требовавших от руководителей определенной опытности, знания и понимания рыночной конъюнктуры, умения ориентироваться в

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 146.

² Там же. С. 146–147.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 147–148.

⁵ Там же. С. 148.

хитросплетениях торговли разных уровней и т. д., а, во-вторых, в отсутствии во многих товариществах нужных для этой цели капиталов¹.

Однако польза посредничества была настолько очевидной, что это вынуждало кооперативы учиться и постепенно преодолевать эти проблемы, о чем говорит абсолютный и относительный рост числа учреждений мелкого кредита, ведущих эту операцию. Количество кредитных товариществ, ведущих закупочное посредничество, увеличилось с 1698 (28,5%) в 1911 до 2485 (31,2%) в 1912 г. и до 3418 (35,7%) в 1913 г., а число ссудо-сберегательных товариществ за эти же годы соответственно — 344 (13,3%), 505 (16,7%) и 716 (20,3%). При этом в 1912 г. все кредитные кооперативы купили товаров на 15,8 млн руб., а в 1913 г. на 23 млн руб.²

По закону учреждения мелкого кредита могли вести за свой счет посреднические операции исключительно из средств специальных капиталов, предназначенных для этих целей. Главным источником этих капиталов были отчисления из прибылей, чем товарищества, как показала Управление практика последних лет, занимались весьма энергично, причем для увеличения суммы прибылей они часто сознательно не понижали ссудного процента, чтобы образованием специальных капиталов расширить круг своей деятельности.

С 1911 г. Управление начало направлять товариществам средства из своего специального фонда на усиление посреднических операций — за 1911–1914 гг. 1850 тыс. руб., а на 1915 г. — 550 тыс. руб.³

Таблица 184

**Предметы и формы посредничества по закупке
при кооперативных учреждениях в 1909–1913 гг.
(тыс. руб.)**

	1909	1910	1911	1912	1913		
					кредитные тов-ва	сс.-сбер. тов-ва	Империя
Сельхозмашины и орудия	400,4	716,2	1077	6346,6	8069,8	1658	9727
Скот	0,6	0,2	1,1	91,4	56,2	74,2	130,6
Семена хлебов и трав	111,6	311,2	77,7	2793,6	1488,5	1081	2569
Удобрения	14,7	45,5	520	229,8	241,4	166,2	407,6
Продовольствие и корм для скота	142,3	163,5	284	1270,9	1062,5	535,5	1598,0
Орудия и материалы для ремесленного и кустарного производств	351,5	393,7	446	1803,5	2440,1	1571	4011
Лесные материалы	0	0	0	1465,7	1028,1	160	1188
Другие товары	98,4	261,6	494	622	1417,3	954,3	2372
Аренда земли	0	0	0	572,4	487	144,5	631,5
Всего	1120	1891,9	2900	15196	16291	6344	22635

Источник: Отчет за 1913 г. С. 110–111.

¹ Там же. С. 161–162.

² *Белинский В.* Учреждения мелкого кредита ... С. 43.

³ Там же. С. 44.

Первую позицию в посреднической деятельности товариществ занимало приобретение сельхозтехники. Если в 1909 г. на это было израсходовано 400,4 тыс. руб., в 1910 г. — 716,2 тыс. руб., в 1911 г. — 1077,1 тыс. руб., то в 1912 г. — 6,3 млн руб. (причем кредитные товарищества истратили 5,3 млн руб. или 46%, а ссудо-сберегательные — 1 млн руб. или 27% общей затраченной на посредничество суммы), а в 1913 г. — 9,7 млн руб. (8,0 млн руб. кредитных товариществ и 1,7 млн руб. ссудо-сберегательных товариществ).

Затем следуют затраты на семена трав и хлебов (17 и 22%), на материалы ремесленного и кустарного производства (9 и 11%), на строительные материалы (9 и 10%). В 1913 г. кредитные товарищества закупили сельскохозяйственных машин и орудий уже на 8 млн руб. (половина всех расходов на посреднические покупки). Расходы на продовольствие и корм для скота в 1913 г. колебались для кооперативов в пределах 7–8%, причем отмечается относительное уменьшение этих затрат прежде всего под влиянием органов кредитного надзора.

Практика показала, что посредничество по закупке заметно способствует удешевлению и улучшению качества товаров, приобретаемых через товарищества. Благодаря ему в хозяйственный обиход крестьян вводились незнакомые им орудия и машины, сырье и материалы производства, что позитивно отражалось на производительности труда. Те или иные предпочтения при закупке вырабатывались сами собой в зависимости от местных условий.

Так, закупка товариществами сельхозмашин и орудий получила широкое развитие в губерниях Юга, Предкавказья, а также центральной полосы России и в Сибири. Посредническая закупка семян все больше распространялась в практике товариществ Пермской, Уфимской, а также Тобольской губерний (под влиянием неурожая 1911–1912 г.). В Пермской же губернии активно развивалась посредническая закупка материалов ремесленного и кустарного производства. В Кубанской области кооперативы в довольно широком масштабе закупали строительные материалы (66 товариществ на 695 тыс. руб.).

Снабжение крестьян сельхозмашинами и орудиями, спрос на которые неуклонно возрастал с началом Столыпинской аграрной реформы, шло также и на комиссионных началах, когда товарищества принимали товар на комиссию от земства и от частных фирм. Иногда кооперативы входили в соглашение с земскими сельскохозяйственными складами, и те отпускали сельхозтехнику по ордерам товариществ¹.

Товарищества ряда южных губерний, прежде всего, Харьковской, Херсонской и Бессарабской все шире практиковали совместный сбыт хлеба, хотя эта операция заведомо была более рискованной, чем закупочное посредничество. В 1912 г. сельскохозяйственной продукции было продано на 1,4 млн руб., а в 1913 — на 2 млн руб., из которых 1,6 млн руб. пришлось на южный район. Сбыт кустарных и ремесленных произведений сравнительно с операциями по продаже хлеба пока был невелик — в 1913 г. всего 316 тыс. руб.

Сформировались и другие формы посреднической деятельности, например, совместная аренда земли или покупка лесных участков, получившая распространение главным образом, на юге. Посредничество по аренде земли, по мнению органов надзора, в целом приводило к удовлетворительным результатам, поскольку ослабляло

¹ Там же. С. 44–45.

конкуренцию отдельных съемщиков и тем самым понижало арендную плату. Однако источники упоминают и случаи, когда посредническая аренда приводила к убыткам.

Иногда товарищества выступали как организаторы промышленных предприятий — мельниц, кирпичных и черепичных заводов, различных мастерских и т. п.

Управление по делам мелкого кредита относилось к таким действиям кооперативов без восторга. У экспертов были основания считать, что подобные мероприятия «предполагают наличность незаурядных руководителей дела и прочного единения в среде рядовых участников и что они, связывая, если не абсолютно, то относительно большой капитал, могут при неудаче привести к обесценению последнего. Особенно значителен был риск в предприятиях технически сложных и работающих на покупном сырье. В то же время внутренний и внешний контроль такого рода предприятий весьма затруднителен: от органов надзора требовались специальные познания и большая затрата времени и сил. О неустойчивости этого рода предприятий свидетельствует достаточно широкий опыт неудачного их ведения, как среди ликвидирующихся товариществ, так и среди действующих»¹.

Очень важно отметить, что число кооперативных товариществ, имевших чистую прибыль, колебалось в пределах 95–96% их общего числа. За 1913 год чистую прибыль получили 9098 кредитных (95,4%) и 3398 ссудо-сберегательных товариществ (95,5%). Средний размер чистой прибыли был относительно высок — 1150 руб. в первых и 1950 руб. во вторых.

Основным источником прибыли в учреждениях мелкого кредита были проценты по ссудам, которые давали около 90% валовой прибыли.

Три четверти ее поглощали так называемые текущие расходы — сметные издержки по управлению и расходы по операциям. Расходы по управлению — в первую очередь вознаграждение выборной администрации и оплата труда наемных служащих — относительно уменьшались, однако по абсолютной величине возрастали. В 1910 г. среднее вознаграждение выборной администрации составляло 303 руб. на кредитное товарищество и 740 на ссудо-сберегательное. В 1913 г. оно повысилось соответственно до 435 и 833 руб. Соответственно выросли средние оклады со 187 до 255 руб. для кредитных и с 681 до 819 руб. для ссудо-сберегательных товариществ².

8.10.10. Сословно-общественные кредитные учреждения

В рамках данной монографии я не имею возможности проанализировать деятельность сословно-общественных учреждений мелкого кредита³, поскольку имеющаяся статистика не дает возможности выделить на погубернском уровне те из них, которые связаны с реформой. Тем не менее полагаю полезным привести некоторые общие данные о их состоянии к концу рассматриваемого периода, хотя бы для того, чтобы оценить районирование выданных ссуд.

¹ Там же. С. 45–46.

² Там же. С. 46–47.

³ То есть вспомогательные сберегательные кассы, удельные банки, мирские заемные капиталы, волостные и сельские банки, общественно-ссудо-сберегательные кассы, сиротские кассы, башкирские кассы, а также гминные кассы Польши.

Таблица 185

**Распределение всех сословно-общественных учреждений мелкого кредита
по районам (без гминных касс) на 1 января 1913 г.**

Район	Число учреждений	Выдано ссуд в течение года	Число заемщиков	Число учреждений	Выдано ссуд в течение года	Число заемщиков
Северный	160	195,7	20159	3,3	0,3	0,8
Приозерный	53	133,2	13886	1,1	0,2	0,6
Литовский	333	1637,4	67979	6,9	2,6	2,8
Белорусский	408	3888,5	202904	8,4	6,2	8,5
ЦПР	203	926,9	61435	4,2	1,5	2,6
ЦЧР	305	4577	136782	6,3	7,3	5,7
Средневолжский	363	5419,6	153373	7,5	8,6	6,4
Нижневолжский	501	4109,4	215648	10,4	6,5	9,0
Малороссийский	476	8598,6	426859	9,9	13,7	17,8
Юго-Западный	865	12571,5	525987	17,9	20,0	22,0
Новороссийский	375	10113,3	241432	7,8	16,1	10,1
Приуральский	461	1330,4	148492	9,5	2,1	6,2
Предкавказский	104	5934,9	79831	2,2	9,4	3,3
Сибирь и Дальний Восток	209	3386	97659	4,3	5,4	4,1
Степной край	16	42,3	1806	0,3	0,1	0,1
Империya	4832	62864,7	2394232	100,0	100,0	100,0

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. (45). Пг., 1915. С. 238–253.

Таблица 186

Таблица рангов сословно-общественных учреждений на 1 января 1913 г.

Губерния	Число учреждений	Губерния	Число заемщиков	Губерния	Ссуд в 1912 г.
1	2	3	4	5	6
Подольская	347	Полтавская	276987	Полтавская	6863,0
Пермская	300	Подольская	268361	Подольская	6767,0
Киевская	287	Волынская	150498	Ставропольская	5859,6
Полтавская	267	Екатеринославская	134360	Екатеринославская	4099,7
Волынская	231	Могилевская	126466	Киевская	3696,8
Екатеринославская	219	Киевская	107128	Тобольская	2515,7
Минская	203	Пермская	101526	Казанская	2276,8
Гродненская	179	Черниговская	83814	Волынская	2107,7
Вятская	161	Саратовская	81278	Минская	2003,0
Самарская	158	Ставропольская	79115	Донская	1906,4
Саратовская	154	Тобольская	73502	Астраханская	1889,4
Могилевская	149	Харьковская	66058	Бессарабская	1880,0

Окончание таблицы 186

1	2	3	4	5	6
Виленская	144	Минская	61648	Херсонская	1659,6
Тобольская	127	Самарская	54581	Воронежская	1627,8
Тамбовская	126	Казанская	51735	Курская	1505,1
Пензенская	119	Тамбовская	50700	Могилевская	1335,9
Нижегородская	112	Бессарабская	50340	Гродненская	1227,1
Архангельская	111	Вятская	46966	Саратовская	1130,0
Харьковская	109	Гродненская	46808	Нижегородская	1114,0
Ставропольская	102	Пензенская	37074	Пензенская	1023,0

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. (45). Пг., 1915. С. 238–253.

Как можно видеть, большинство первых позиций и по числу учреждений, и по количеству заемщиков, и по объему выданных ссуд занимают губернии Юга России, Белоруссии, а также Пермская и Тобольская губернии. В сумме крестьяне Малороссийского, Юго-Западного, Новороссийского районов и Предкавказья получили в 1912 г. 37,2 млн руб., или 59,2% всех ссуд.

8.10.11. Проблемы кредитной кооперации

Убытки в 1913 г. понесли 406 кредитных товариществ (на 470 тыс. руб.) и 148 ссудо-сберегательных (на 214 тыс. руб.). От 83% до 90% этих сумм пришлось на 93 кредитных и 50 ссудо-сберегательных товариществ, понесших сравнительно крупные убытки — свыше 1000 руб. Убытки же преобладающей части товариществ были относительно мелкими — не более 100–200 руб.

В происхождении убытков, причем, как правило, самых крупных, видную роль играли злоупотребления и растраты. Однако самой распространенной причиной убытков эксперты считали неумелое ведение дел руководителями кредитных учреждений — естественная ситуация, учитывая «молодость кооперативной организации и бедность деревни интеллигентными и знающими силами».

По мнению авторов отчета, анализ причин убытков показывает, что по преимуществу они кроются во внутренних условиях существования и деятельности товариществ. Убытки выступали своего рода индиксом имеющихся пока слабостей и недочетов последней и в большинстве случаев не представляли опасности для устойчивости потерпевших их кооперативов.

Тема убытков позволяет нам перейти к трудностям развития мелкого кредита.

Понятно, что описанное выше «взрывное» развитие мелкого кредита, как и землеустройства, и агрономической помощи, не могло не породить проблем.

Часть из них относилась к типичным «болезням роста», часть определялась общим уровнем культуры в стране. Слишком долго правительство и общественность не считали его повышение своей приоритетной задачей.

В первую очередь кооперация, подобно другим одновременным процессам преобразования жизни страны, наталкивалась на такую острую проблему (уже знакомую нам из предыдущего изложения), как нехватка квалифицированных руководящих кадров: «Самая идея товарищеской взаимопомощи в области кредита прививалась в

населении значительно быстрее, чем шел процесс подготовки для нового дела новых работников»¹.

Это вынуждало организацию мелкого кредита нередко идти заведомо невыигрышными путями, которые даже и не рассматривались бы, будь на местах в наличии люди, способные стать во главе дела. Так, по необходимости, продолжалось открытие большерайонных товариществ, установление иногда в качестве административного центра округа товарищества не пункта, к которому естественно тяготели жители, а места, где жил счетовод или другой руководитель товарищества и т. п.

На дефицит руководящих кадров, на иногда неоправданно высокое вознаграждение руководителей и даже на злоупотребления жаловались не только на окраинах Империи, но и в губерниях Европейской России. Нередко противоречие между спросом на организованный мелкий кредит и немногочисленностью имеющегося в наличии контингента возможных деятелей в этой сфере порождало своеобразную монополию немногих дельцов (а то и одного), разумеется, плохо влиявшую на ход дела.

В этом смысле в особо неблагоприятных условиях находились, конечно, регионы Азиатской России с преобладанием инородческого населения. Так, в Туркестане острая нехватка людей, способных вести счетоводство, приводила к тому, что один счетовод обслуживал несколько товариществ.

По стране учреждения мелкого кредита, как говорилось, были распространены еще недостаточно и распределены неравномерно. Наряду с множеством уездов, почти насыщенных кредитной организацией или близких к этому состоянию, имелись местности, в которых вовсе не было кредитной организации, или она находилась еще в стадии становления. Так, отмечается сравнительно слабое развитие организации сельскохозяйственного кредита в западных губерниях². Впрочем, мы имели возможность убедиться в том, что даже во время Первой Мировой войны количественный рост кредитных кооперативов не прекращался, так что со временем эта проблема, несомненно, была бы решена.

О трудностях рассматриваемого периода кредитной кооперации можно судить по разделу «Отчета по мелкому кредиту за 1910 и 1911 г.», который анализирует причины закрытия 140 товариществ: «Ясно, прежде всего, что большинство этих закрытых товариществ было жертвой не одного какого-нибудь неблагоприятного обстоятельства, а целой совокупности их. Ясно затем, что основная причина их упадка коренилась в них самих, если не в мертворожденности, то, во всяком случае, в недостатке устойчивых жизненных сил. Случайные нестроения и внешние невзгоды играли видную роль в жизни многих закрывшихся товариществ, но внутренний недуг сильнее подтачивал существование и этих товариществ и тех, в биографии которых источники не отметили следов неблагоприятных внешних условий.

Могли ли в самом деле развиваться такие кооперативные учреждения, организаторы которых были склонны видеть в них особую форму благотворительности или особый источник дохода, как, например, Троицкое ссудо-сберегательное товарищество или Щученское Акмолинской области, открытое для эксплуатации капитала, который был пожертвован на содержание причта?

Влияние внутренней слабости товариществ отводит экономической обстановке их деятельности подобающее ей место — фактора действующего совместно с условиями

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 11.

² Там же. С. 11–12.

личными и общекультурными. Не было и нет людей, которые могли бы достойным образом руководить делом; состав администрации неудовлетворителен, все управление — в руках одного лица сомнительных качеств — вот какие указания встречаются чаще всего в «делах» закрывшихся товариществ.

А в результате при отсутствии или слабости контроля не только внутреннего, но и внешнего, — совершенно несостоятельная постановка ссудной операции: огульная и упорная переписка не только капитального долга, но и процентов; кредитование без разбора, при обилии средств, по 2–3 лица из каждого двора, даже навязывание денег (Гребневское ссудо-сберегательное товарищество, 1-е В.-Мамоновское); злоупотребления и растраты.

Дефекты ссудной операции или обнаруживались сразу же по открытии товариществ, или же наступали впоследствии, с уходом или после смерти руководителей товарищеского дела»¹.

Затем в качестве причин закрытия кредитных учреждений по 3 раза называются пожары и ограбления, по 4 раза — конкуренция других учреждений мелкого кредита и «разные неблагоприятные обстоятельства», 6 раз — «уклонение от экономических задач», 13 раз — неурожай и 20 раз — неудовлетворительное взыскание просроченных ссуд.

Авторы отчета, соглашаясь с тем, что правильная постановка принудительного взыскания ссуд является одним из ключевых условий нормальной работы кредитных учреждений, сомневаются в том, что она может быть единственной причиной ликвидации товариществ: «Но чтобы из-за вялого хода административного порядка могла бесповоротно разрешиться кооперативная кредитная организация, для этого необходима еще недостаточная внутренняя устойчивость ее. И действительно, ссылки на дефекты взыскания обычно сопровождаются и указаниями на внутренние грехи и изъяны.

Неурожаи и недороды, особенно при частом повторении их, упадок местных промыслов, как, например, ухудшение условий кустарного производства гвоздей или переход от ручной буксирной тяги к паровой, обездоливающей членов бурлаков, — эти и подобные им обстоятельства и изменения, имевшие место в жизни закрытых товариществ, действительно могут затруднить работу кредитной организации и в некоторых случаях даже сделать ее невозможной, если экономические потрясения глубоки, а население не хочет или не умеет вовремя найти выход.

Но и в тех товариществах, которые переживали «черные дни», разруху все же делали и другие условия и опять-таки преимущественно внутренние неурядицы и слабость товариществ»².

Равным образом подобные проблемы имели место и в тех товариществах, которые прекратили свою деятельность «внешним образом» из-за неудачной предпринимательской деятельности, разорившей их: «Обычные спутники производительной кооперации — коммерческая неумелость, недобросовестность и нелады участников, в большей или меньшей мере обнаружили свое влияние и в закрывшихся кредитных кооперативах.

Злоупотребления и растраты — в Безводнинском кредитном товариществе (Нижегородской губернии)... низкое качество сапожных изделий, поставлявшихся членами... Петербургского товарищества башмачников и сапожников в кооперативные

¹ Там же. С. 15–16.

² Там же. С. 16.

магазины; неспособность самих участников и их руководителей вести торговое дело, хотя бы сравнительно небольшое... — таковы были внутренние условия деятельности этой категории товариществ»¹.

Эксперты не сомневаются в том, что в подобной обстановке недостаток в оборотных средствах у тех товариществ, которые вложили капитал в оборудование мастерских, не мог иметь фатального значения для их деятельности. В то же время продолжение финансирования подобных учреждений мелкого кредита лишь отсрочило бы их крах. В истории ряда ликвидированных товариществ, таких, как Бакинское ссудо-сберегательное, устроившее завод металлических изделий, и в 1-м Петербургском, между прочим, обнаруживается, по мнению авторов отчета, одна любопытная черта; «При малом масштабе дела товарищеское предприятие не внушает никаких опасений за его будущность, масштаб расширяется, и предприятие гибнет. Быть может, отсутствие делового такта, экономического чувства меры — составляет одну из частных слабостей производительной кооперации»².

Эти трудности были временными, и Управление по делам мелкого кредита, никоим образом не скрывая их, тем не менее оптимистично смотрело в будущее.

И оно имело для этого основания. Б. Д. Бруцкус считает, что «рост русской кооперации после 1905 г. даже на западноевропейский масштаб следует признать необычайным»³. А. П. Корелин пишет, что к 1911 г. российская кредитная кооперация вышла на первое место в мире по темпам роста⁴.

Вклад кредитных кооперативов в подъем предвоенной деревни был огромен.

Как говорилось выше, кредитные кооперативы оказывали своим участникам непосредственную агрономическую помощь — они устраивали у себя сельскохозяйственные склады, организовывали прокатные и зерноочистительные пункты (есть сведения по меньшей мере о 800 товариществах в 39-ти губерниях и областях), случайные пункты с племенными животными, проводили сельскохозяйственные чтения и беседы, выписывали литературу по сельскому хозяйству, вели хлебозалоговые операции (на 1 мая 1913 г. такие операции вели 1763 товарищества, причем 460 из них имели 498 собственных зернохранилищ, емкостью свыше 10 млн пуд.), иногда даже приглашали собственный агрономический персонал и т. д.

Отдельной и постоянно расширяющейся сферой деятельности кредитных кооперативов стало, как говорилось выше, участие в снабжении своих членов сельскохозяйственными орудиями и машинами: «По данным Управления по делам мелкого кредита, в 1912 г. посреднические операции по сбыту сельхозмашин и орудий вели 1368 товариществ из общего числа 8533, причем ими было закуплено орудий на сумму в 9638 тыс. руб. и, наконец, в 1914 г. всеми товариществами, ведущими посреднические операции по сбыту сельскохозяйственных орудий, было закуплено сельскохозяйственного инвентаря на 14244 тыс. руб. Помимо закупок на собственный счет или по поручению участников, многие товарищества принимают сельскохозяйственные орудия на комиссию от земства, заводов, частных лиц и учреждений разного рода; по средним расчетам в 1914 г. таких принятых на комиссию орудий и машин было продано товариществами на сумму не менее, чем в 2 млн руб»⁵.

¹ Там же.

² Там же. С. 17.

³ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 96.

⁴ Корелин А. П. Мелкий кредит // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., Росспэн. 2011. С. 312.

⁵ Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах... Ч. 1. С. 16.

Журнал «Вестник мелкого кредита» в 1915 г. писал, что в «крестьянском хозяйстве наблюдается заметное движение вперед в связи с затратой части ссуд на различные улучшения — на оборудование хозяйств машинным инвентарем, приобретение улучшенных пород скота, обновление семян, устройство садов и т. п. ... При помощи кредита расширяется площадь крестьянского землепользования, что открывает возможность применения лучших приемов хозяйствования»¹.

Вот как Б. Д. Бруцкус резюмировал развитие кооперации в годы аграрной реформы Столыпина. Он особо выделяет констатирует стимулирующее влияние правительственных мероприятий на кооперативное движение. Во-первых, серьезно выросла численность инспекторов мелкого кредита (400 человек к 1912 г.), поощрявших процесс возникновения новых товариществ, причем их деятельность падала «на благодарную почву». Во-вторых, Государственный банк стал выделять большие средства на первоначальные займы кредитным товариществам к моменту их основания, а затем и на последующие займы учреждениям мелкого кредита.

Б. Д. Бруцкус особо отмечает следующую очень важную черту кооперативного движения в годы аграрной реформы Столыпина: «Тот факт, кредитные товарищества основывались сначала на казенные средства, а часто и по инициативе инспекторов мелкого кредита, т. е. чиновников, создавало у каждого крестьянина презумпцию, что он имеет право быть включенным в состав его членов.

Правительственная помощь была важнейшей причиной, почему в противоположность предшествующей эпохе русская кредитная кооперация перестает быть достоянием деревенских верхов, почему она демократизируется по составу своих членов, вбирая в себя всю толщу не только среднего, но и малосостоятельного крестьянства, поскольку последнее еще владеет собственным хозяйством»².

В северных губерниях и в Западной Сибири сельскохозяйственная кооперация опиралась на маслодельные артели, причем и здесь первые артели были инициированы правительственными инструкторов и при помощи правительственных ссуд.

Оспаривая популярное тогда мнение об «искусственности» российской кооперации, Бруцкус замечает: «В широком росте кооперативных учреждений, возникавших часто хотя бы и не по местной инициативе, не было ничего искусственного. Об этом можно судить по тому, что правительственные средства являлись для сельских кредитных товариществ важной поддержкой в первый момент жизни, но в дальнейшем они быстро пускали свои корни на месте и умели привлечь местные средства.

К середине 1912 г. Государственный Банк ассигновал на 100,9 милл. руб. ссуд, учреждениям мелкого кредита, сверх того из средств, государственных сберегательных было ассигновано 19,6 милл. и из средств Управления по делам мелкого кредита 2,1 милл.; использовано было фактически 69 милл. Хотя эта цифра значительна, но суммы, собираемые товариществами на местах, во много раз ее превосходят»³.

Значение правительственных займов для учреждений мелкого кредита снижалось, и перед войной на средства правительства приходилось уже меньше 1/5 части оборотных средств кредитной кооперации. Богатая маслодельческая кооперация зависела от правительственных займов в еще меньшей степени⁴.

¹ Цит. по: Корелин А. П. Мелкий кредит... С. 313.

² Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 98.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 96–97.

Эта тенденция характерна как для ссудо-сберегательных товариществ, возникавших в среде более зажиточных крестьян или в городах, так и для кредитных товариществ, которые в массе создавались небогатыми крестьянами, причем в этих товариществах процесс концентрации местных средств, далеко опережающих правительственные ссуды, шел даже быстрее.

Данные мысли Бруцкуса очень важны потому, что показывают, как инициативы правительства, которые, согласно господствовавшей в обществе парадигме, не могли быть эффективными по определению, в реальности пробуждали инициативу и самостоятельность населения, а затем оно быстро выбиралось на самостоятельную дорогу и, соответственно, начинало постепенно привыкать к тому, что оно отвечает за себя само.

В сущности, оно начало впускать в свой внутренний мир понятие «ответственность».

Можно сколько угодно рассуждать о бедности новых кооперативов и недостаточности средней величины балансовых средств и займов, приходящихся на 1 члена с учетом средних потребностей крестьянского хозяйства, как это делает А. П. Корелин¹, однако я поставлю вопрос так — крестьяне выиграли или проиграли от бурного распространения кредитных кооперативов?

Кажется, ответ может быть только один.

Можно сколько угодно рассуждать о бедности новых кооперативов и недостаточности средней величины балансовых средств и займов, приходящихся на одного члена с учетом «средних» потребностей крестьянского хозяйства, как это делает Корелин,² однако я поставлю вопрос так — крестьяне выиграли или проиграли от бурного развития кредитной кооперации?

Полагаю, ответ может быть только один.

Если за 1905 г. кредитные кооперативы выдали ссуд на 74,0 млн руб.³, а в 1913 г. — 665,4 млн руб., т. е. в 9,0 раз больше — это хорошо или плохо?

Мы видели, что и Первая мировая война не остановила бурного прогресса кооперации⁴.

Полагаю, не так уж плохо, что, по мнению Управления по делам мелкого кредита, «земледельческое население у нас обращается за кредитом пока лишь на самые насущные нужды по поддержанию своего существования и поддержанию хозяйства на том уровне, на каком его застал данный период времени... Ссуды берутся в основном на то, чтобы обеспечить себя землей, справиться свое жилье и скромные хозяйственные постройки, избавиться от частных долгов и т. п.»⁵.

Ведь раньше деньги на насущные нужды, важность которых, вообще говоря, трудно преуменьшить, крестьяне весьма часто брали у ростовщиков за «кабальные» проценты, не говоря о том, что удовлетворение этих нужд и есть фундамент для расширения личных запросов — мы сегодня с этим знакомы не понаслышке.

Значение этого аспекта кредитной кооперации становится вполне ясно при обращении к таблице 187.

¹ Корелин А. П. Мелкий кредит... С. 313.

² Там же.

³ Статистический ежегодник России. 1908 г. СПб., 1909. С. 455, 463.

⁴ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России... Год десятый. Пг., 1917 г. С. 563, 569, 581, 583, 585.

⁵ Корелин А. П. Мелкий кредит... С. 313.

Таблица 187

**Выдача ссуд кредитными кооперативами в 1906–1914 гг.
(тыс. руб.)**

<i>Дата</i>	<i>Кредитными товариществами</i>	<i>Ссудо-сберегательными товариществами</i>	<i>Земскими кассами</i>	<i>Всего</i>
На 1 января 1907 г.	17727,0	64149,2	0	81876,2
На 1 января 1908 г.	30911,3	83443,1	565,8	114920,2
На 1 января 1909 г.	47554,6	100723,3	2613,6	150891,5
На 1 января 1910 г.	69604,8	129133,2	6422,6	205160,6
На 1 января 1911 г.	106766,6	166838,1	14284,0	287888,7
На 1 января 1912 г.	160404,9	216044,3	26258,6	402707,8
На 1 января 1913 г.	264371,0	267782,2	44202,6	576355,8
На 1 января 1914 г.	371905,6	293454,1	64076,4	729436,1
Всего за 1906–1913 гг.	1069245,8	1321567,5	158423,6	2549236,9
Из них в Польше и Прибалтике выдано	28010,4	608903,6	0,0	636914,0
Без Польши и Прибалтики	1041235,4	712663,9	158423,6	1912322,9

Источник: Статистический ежегодник России 1909 г. СПб., 1910. С. 428–431; Статистический ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 244–249; Статистический ежегодник России 1911 г. СПб., 1912. Отдел XII. С. 25–32; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отдел XII. С. 94–101; Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. Объяснительная записка... С. 78–80, 187.

В историографии много и справедливо говорится о том, что ссуды, выдававшиеся правительством при землеустройстве и переселении, были относительно невелики; правительство и само постоянно сетовало на этот счет.

Землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн руб. (из них пособий на 1,3 млн руб.)¹, домообзаводственные и путевые ссуды переселенцам за 1906–1914 гг. составили 75,9 млн руб.², а всего — 110,2 млн руб.

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд более чем на 2,5 млрд руб., а исключая прибалтийские и польские губернии, не участвовавшие ни в землеустройстве, ни в переселении — 1,9 млрд руб., т. е. в 17,4 раза больше.

Эта гигантская сумма — 1,9 млрд руб. вдвое превышает военный бюджет страны за 1913 г., в 4,5 раза стоимость «Большой Флотской программы», она в 5,3 раза больше, чем затратили на землеустройство и переселение государство и земство

¹ Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 24; Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 25.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. СПб., 1909. С. 12; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. СПб., 1910. С. 23; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1910 г. СПб., 1911 г. С. 9; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. СПб., 1913 г. С. 12; Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 29.

(362,6 млн руб., из которых земских средств 66,2 млн руб.¹), в 6,8 раз больше, чем стоила вся ввезенная в Россию за 1908–1913 гг. импортная сельхозтехника (283,0 млн руб.²).

Однако, помимо кредитов, кооперация давала отечественному крестьянству и то, что не воспитывалось предшествующей историей России и не измерялось деньгами — чувство самостоятельности и чувство ответственности.

8.11. Азиатская Россия и реформа П. А. Столыпина

В большом комплексе проблем, связанных с местом, которое занимала Азиатская Россия в преобразованиях Столыпина, хотелось бы выделить сейчас два взаимосвязанных аспекта. Первый из них связан собственно с тем, что принято называть переселением, второй касается экономической и в большой мере геополитической стратегии развития Империи.

Переселение за Урал было одним из важнейших направлений реформы, со временем трансформировавшимся в масштабный план освоения Азиатской России.

Я касаюсь этой тематики лишь в той минимальной степени, в какой это необходимо для понимания стратегии и тактики реформы.

Переселение и сто лет назад было объектом интенсивного негативного мифотворчества, которое особенно отвратительно в наши дни, — ведь с тех пор отечественная история обогатилась такими перлами гуманизма, как перевозка спецпереселенцев (раскулаченных) и депортированных народов.

Нередко приходится сталкиваться с тем, что в массовом сознании бытует мнение о том, что переселения — это очередная провальная акция царизма, заманившего тысячи наивных крестьян в Сибирь, изобретшего для этого пресловутый «стольпинский вагон» и бросившего их там на произвол судьбы, однако 17% их все же ухитрилось вернуться обратно. При этом переселенцы в пути умирали тысячами!

Некоторые современные горе-политики убеждены даже, что крестьян в Сибирь отправляли насильно — кто же по своей воле поедет с Украины в Сибирь? Все всё понимают, повторяюсь, в меру испорченности своей фантазии.

В. Г. Тюкавкин в своей монографии показал, что негативный образ колонизации в советской историографии восходит опять же к ленинским «крайне отрицательным оценкам переселенческой политики»³. Они в свою очередь находились в том общем

¹ Миронов Б. Н. Российская Империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб., 2015. Т. 2. С. 237.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 540–546.

³ Свой статьи В. И. Ленин писал в основном по следующей нехитрой схеме.

1. Информационный повод – совершенно неважно какой — внутренне- или внешнеполитический (закон, указ, решение, война, неурожай и т. д.)

2. Любой такой повод, кроме тех, которые, по его мнению, служат делу революции, заранее осужден автором как противоречащий интересам пролетариата.

3. Любые действия правительства, предпринятые в связи с этим поводом, любая реакция на него или по этому – неверны, порочны, некомпетентны и направлены против народных, прежде всего пролетарских интересов. Для их характеристики используются интонации, лексика и стилистика худших образцов коммуналки с поправкой на требования приличия, которые тогда, безусловно, существовали, реже – на нормы Устава о цензуре.

4. Точно также осмыслиется реакция на этот информационный повод дворянства, буржуазии, «либералов» и церкви; исключения крайне редки.

5. Кода – предписание «сознательным рабочим» (любимый оборот Ленина) – как им следует воспринимать и оценивать информацию статьи.

Кто знает, может быть, этот образ «сознательного рабочего» и вправду существовал в его голове до событий осени 1917 — весны 1918 гг.?

критическом русле, в каком общественность оценивала все столыпинские мероприятия: «Статьи В. И. Ленина, специально посвященные переселенческому делу, основаны на выступлениях левых депутатов Думы и на тенденциозной работе красноярского чиновника лесного ведомства А. И. Комарова «Правда о переселенческом деле» (СПб., 1913), который после выхода на пенсию решил «свести счеты» с чиновниками переселенческих органов. Его работа была подвергнута детальному разбору еще в 1913 г. (*Ковригин И. К.* По поводу книги А. И. Комарова «Правда о переселенческом деле». Красноярск, 1913), но использовалась и в советский период, ее цитировали в основном по статьям В. И. Ленина»¹.

Для советской историографии обычны такие тезисы: «Не поддаются описанию мытарства, которые испытывали переселенцы в пути следования. Еще большие невзгоды встречали их на местах водворения»². А ведь человек, писавший это, знал, как выбрасывали в годы «Великого перелома» в тайге кулаков и подкулачников с женами и детьми и имел, надо думать, представление о том, как везли из родных мест целые народы.

За последние 25 лет этот подход стал весьма активно пересматриваться, в научный оборот введено множество новых источников, прежде всего архивных материалов. Появились интересные и притом разноплановые работы, свободные от штампов советского времени, авторы которых, преимущественно сибиряки, сами зачастую потомки переселенцев, стараются объективно и всесторонне рассмотреть переселенческую политику правительства и понять, как 2,7 млн чел. начали новую жизнь в совершенно иной природно-географической среде. Подробный анализ нынешнего состояния историографии дан в прекрасной монографии В. Н. Разгона, А. А. Храмова и К. А. Пожарской «Столыпинская аграрная реформа и Алтай»³, к которой я и отсылаю читателей.

Поэтому в помещаемом ниже кратком экскурсе я, никак не претендуя на оригинальность и сколько-нибудь полноценный анализ проблематики переселения, хочу на основании Обзоров деятельности ГУЗиЗ и других официальных материалов лишь напомнить о некоторых сюжетах, которые либо по-прежнему воспринимаются в негативистском ключе, как, например, организация переселения, либо не очень хорошо известны читателям.

В переселенческой политике 1906–1914 гг. меня интересует прежде всего степень ответственности правительства за свои действия, за свои обещания и предложения, интересует то, насколько оно было готово учитывать интересы людей и было внимательно к ним.

¹ Тюкавкин В. Г. Великолукское крестьянство... С. 221.

² История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Серия 1. Т. VI. С. 358.

³ Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул. Издательство Алтайского университета. 2010. С. 16–39; и др. Сибирские переселения. Документы и материалы. Вып. 1 Новосибирск. Новосибирский ГУ. 2003. Отв. ред М. В. Шиловский; *Смирнова В. Е.* Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.). Автореф. канд. дис. Челябинск, 1998.

8.11.1. Переселение в Сибирь: о чем молчат критики

В общем виде статистика переселения выглядит следующим образом.

Таблица 188

Переселение в Азиатскую Россию в 1906–1914 гг.

Год	Проследовало в прямом направлении					Проследовало в обратном направлении					оста- лось в Сибири
	семей- ные	оди- нокие	всего пере- селенцев	ходоки	всего	семей- ные	оди- нокие	всего пере- селенцев	ходоки	всего	
1906	135274	3790	139064	77584	216648	8940	4719	13659	32603	46262	170386
1907	421335	6004	427339	149640	576979	20176	7019	27195	90323	117518	459461
1908	649866	14911	664777	94035	758812	30318	14784	45102	76102	121204	637608
1909	593806	25514	619320	88143	707463	56775	25512	82287	57620	139907	567556
1910	285878	30285	316163	36787	352950	76118	38775	114893	32052	146945	206005
1911	161519	28272	189791	36271	226062	74717	41591	116308	26644	142952	83110
1912	176528	24499	201027	58558	259585	34099	23220	57319	41069	98388	161197
1913	219976	21002	240978	96274	337252	23506	21972	45478	71048	116526	220726
1914	224987	16887	241874	94535	336409	15214	12380	27594	69327	96921	239488
Всего	2869169	171164	3040333	731827	3772160	339863	189972	529835	496788	1026623	2745537

Источник: Турчанинов Н. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 44–45; Турчанинов Н. А., Домрачев А. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 44–45.

Именно таким образом и получается всем известная цифра переселенцев в Сибирь в годы аграрной реформы Столыпина — 2,7 млн чел.

Однако статистика переселения, как известно, проблемный комплекс, требующий дополнений, корректировки и т. д., что до некоторой степени отражает гигантскую сложность процесса *добровольного* исхода трех миллионов жителей страны за тысячи километров от мест, где они родились и выросли. Как только мы начинаем анализировать эти общие данные, возникают вопросы, которые давно анализируются в историографии и которые связаны в первую очередь с несовершенством и неполнотой регистрации.

В. Н. Разгон и его соавторы, комментируя аналогичную статистику переселения в Алтайский округ, резонно замечают: «Однако данные показатели могут подвергаться корректировкам, как в сторону увеличения, так и уменьшения. Прежде всего необходимо учитывать тот факт, что многие из переселяющихся «скрывались» под видом ходоков. Например, из 152,5 тыс. ходоков, прибывших в Алтайский округ в 1907–1914 гг. не вернулись на родину (устроились в округе либо в других переселенческих районах) 47,9 тыс. чел...

Редко не имевшие проходных или ходаческих свидетельств крестьяне («самовольцы»), следовавшие за Урал по «дорогому тарифу» в товарно-пассажирских поездах, «ускользали» от регистрации. Часть переселенцев, отправляющихся, согласно документам, в Восточную Сибирь или на Дальний Восток, намеренно изменив направление пути, либо не найдя подходящих участков в этих районах, оседали в Томской губернии, в том числе и на кабинетских землях¹.

¹ Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. С. 71.

Проблемы переселенческой статистики иллюстрирует, в частности, таблица 189.

Таблица 189

**Доля обратных переселенцев по категориям
(%)**

Год	Проследовало в обратном направлении			
	семейные	одинокие	всего переселенцев	ходоки
1906	6,6	124,5	9,8	42,0
1907	4,8	116,9	6,4	60,4
1908	4,7	99,1	6,8	80,9
1909	9,6	100,0	13,3	65,4
1910	26,6	128,0	36,3	87,1
1911	46,3	147,1	61,3	73,5
1912	19,3	94,8	28,5	70,1
1913	10,7	104,6	18,9	73,8
1914	6,8	73,3	11,4	73,3
Всего	11,8	111,0	17,4	67,9

Таблица 189 ставит естественный вопрос — каким образом на каждых десяти переселенцев-одиночек в Сибирь в годы реформы оказалось одиннадцать таких, которым там не понравилось?

Если мы обратимся к данным за 1896–1905 гг., то увидим схожую картину. В таблице 190 дается динамика переселения одиночек, однако доля возвращенцев из них подсчитана не год в год, а относительно двух смежных лет. То есть, 62% вернувшихся в Европейскую Россию одиночек в 1897 г. — это доля зафиксированных в 1897 г. 1559 человек в сумме приехавших в Сибирь за 1896–1897 гг. 2475 человек и т. д.

Таблица 190

**Движение одиночных переселенцев
в 1896–1914 гг.**

Год	В прямом	В обратном	Доля	Год	В прямом	В обратном	Доля
1896	1232	0	0	1906	3790	4719	87,7
1897	1243	1559	63,0	1907	6004	7019	71,7
1898	2315	2771	77,9	1908	14911	14784	70,7
1899	4015	4735	74,8	1909	25514	25512	63,1
1900	4772	5412	61,6	1910	30285	38775	69,5
1901	5638	6725	64,6	1911	28272	41591	71,0
1902	4649	5719	55,6	1912	24499	23220	44,0
1903	6217	6874	63,3	1913	21002	21972	48,3
1904	2938	3473	37,9	1914	16887	12380	32,7
1905	1592	2531	55,9	Всего	205775	229771	111,7

Источник: См. источники к таблице 188. Подсчеты автора.

Нетрудно видеть, что, как правило, 60–70% одиночных переселенцев из приехавших в Сибирь в течение двух лет подряд возвращалось назад. Авторы монографии «Столыпинская аграрная реформа и Алтай» в связи с этим отмечают, что «под видом ходоков и переселенцев за Урал отправлялись сезонные рабочие, крестьяне-отходники, занимавшиеся промыслами. Например, в 1907–1914 гг. проехали на территорию Алтайского округа 40,6 тыс. одиноких переселенцев, а вернулись на родину в эти годы уже 45 тыс. чел., т.е. возвращались также «переселенцы» прежних лет»¹.

Между тем одиночки составляют лишь 5,6% переселенцев и 4,5% переселенцев и ходоков, проследовавших в прямом сообщении, однако в числе обратных переселенцев их доля равна 35,9%, а среди всех возвратившихся — 18,5%. И поэтому корректнее, возможно, считать, что доля вернувшихся переселенцев не 17,4%, а 11,8%, что далеко не одно и то же.

Вообще со статистикой возвращения из Сибири связан ряд недоразумений, прочно укоренившихся в массовом сознании. В.Г. Тюкавкин, характеризуя обратное движение, отмечает, что «оно имело тенденцию к росту до 1912 г. При этом абсолютный рост обратного движения не соответствовал его относительному увеличению. В 1910 г. число обратных переселенцев увеличилось с 82,2 до 114,9 тыс. или в 1,4 раза, а процент обратных переселенцев вырос с 13,3 до 36,3%, т.е. в 2,7 раза. Еще большее несоответствие было между 1911 и 1912 гг. Число обратных переселенцев увеличилось всего на 1,4 тыс., или на 1,2%, а доля обратных переселенцев возросла чуть ли не два раза — с 36,3 до 61,3%.

Это вызвало бурное возмущение Ленина, всех революционных и оппозиционных партий, не скрывавших своей радости по поводу «краха» переселения и переселенческой политики. Казалось, что переселенческая политика работает вхолостую — 61% переселенцев вернулся — большинство газет выразило бурное ликование и обрушилось на «гнилое самодержавие» за плохую организацию переселения.

Но, если взглянуть на итоговую цифру в графе процента обратных переселенцев, то увидим цифру 17,4% — это общий итог всего возврата. Как же это получилось? Цифры 36 и 61% обратных переселенцев в 1910 и 1911 гг. отразили своеобразную перестановку: в эти годы прямое движение было сравнительно небольшим, а обратно шли переселенцы 1908–1909 гг., которых было в 3 раза больше, чем в 1910 и 1911 гг. Естественно, что процент подскочил: ведь в 1907 и 1908 гг. обратное движение переселенцев было всего 6,4 и 6,8%. Поэтому в среднем для 1906–1914 гг. получилось обратных переселенцев 17%»².

О том, сколько семейных переселенцев вернулось в том же самом году, что и приехало, можно судить по таблице 191, которая подтверждает мысли Тюкавкина.

Он в связи с этим сюжетом вспоминает: «В 1954–1958 гг. я работал в сибирских архивах и везде встречался с заведующими переселенческими отделами облисполкомов и крайисполкомов местных советов. В те годы процент обратных переселенцев был довольно большим — от 30 до 50%. Когда я в беседах говорил, что в период столыпинской реформы обратное переселение составляло 12%, на меня обрушивались с обвинениями в незнании и даже подтасовке фактов. Аргумент был всегда один: Ленин же писал, что 60% переселенцев вернулись»³. Напомню, что цифра 12% (11,8%) получается, если мы берем только вернувшихся семейных переселенцев.

¹ Там же. С. 71.

² Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство... С. 251–252.

³ Там же. С. 252.

Таблица 191

**Возвратившиеся семейные переселенцы:
число самовольцев и вернувшихся в год приезда**

Год	Всего	С проходными свидетельствами	Самовольцы	Доля людей с проходными свидетельствами	Доля самовольцев	Вернувшиеся в том же году	Доля вернувшихся в том же году
1906	8940	1977	6963	22,1	77,9	5266	58,9
1907	20176	11490	8686	56,9	43,1	15925	78,9
1908	30318	10517	19801	34,7	65,3	17812	58,8
1909	56775	17205	39570	30,3	69,7	26550	46,8
1910	76118	27055	49063	35,5	64,5	18800	24,7
1911	74717	32249	42468	43,2	56,8	7900	10,6
1912	34099	18751	15348	55,0	45,0	5620	16,5
1913	23506	13976	9530	59,5	40,5	6286	26,7
1914	15214	8644	6570	56,8	43,2	4999	32,9
Всего	339863	141864	197999	41,7	58,3	109158	32,1

Источник: См. источники к таблице 188. Подсчеты автора.

Отдельная и не до конца понятная проблема связана с ходоками.

Таблица 192

Статистика ходаческого движения в 1906–1914 гг.

Год	Вернувшиеся ходоки	В том числе — обеспечившие себя землей	В том числе — не обеспечившие себя землей	Доля обеспечивших себя землей
1906	32603	8347	24256	25,6
1907	90323	24438	65885	27,1
1908	76102	19603	56499	25,8
1909	57620	19277	38343	33,5
1910	32052	16181	15871	50,5
1911	26644	10847	15797	40,7
1912	41069	14888	26181	36,3
1913	71048	22831	48217	32,1
1914	69327	17234	52093	24,9
Всего	496788	153646	343142	30,9

Источник: См. источники к таблице 188. Подсчеты автора.

Тюкавкин уверен, что учет их необходим, «потому что под видом ходоков по ходаческим свидетельствам в 1906–1908 и 1912–1914 гг. (когда они выдавались свободно) часто ехали переселенцы. С другой стороны, настоящие ходоки, как правило, зачислив участки, возвращались назад, чтобы забрать свою семью или группу семей, и

уже с ними и во главе их опять приезжали на место поселения»¹. Этим объясняется то обстоятельство, что процент обратных ходоков был в несколько раз выше, чем обратных переселенцев, что безусловно повышало общий процент обратного движения. Из таблицы 192 видно, что реально свыше 30% ходоков-возвращенцев зачислило за собой землю и они должны были вернуться вновь. Зарегистрируют ли их в Челябинске или Сызрани — вопрос, на который со стопроцентной уверенностью ответить никто не сможет.

Таблица 193

Соотношение числа организованных переселенцев и самовольцев

Год	Семейных		Одиноких		Всего переселенцев	По проходным документам	Всего самовольцев	Семейные самовольцы	Доля организованных переселенцев	Доля самовольцев
	всего	по проходным	всего	по проходным						
1906	135274	66518	3790	2298	139064	68816	70248	68756	49,5	50,5
1907	421335	338298	6004	4485	427339	342783	84556	83037	80,2	19,8
1908	649866	339650	14911	10761	664777	350411	314366	310216	52,7	47,3
1909	593806	309388	25514	18289	619320	327677	291643	284418	52,9	47,1
1910	285878	194847	30285	22530	316163	217377	98786	91031	68,8	31,2
1911	161519	105033	28272	19000	189791	124033	65758	56486	65,4	34,6
1912	176528	96799	24499	17388	201027	114187	86840	79729	56,8	43,2
1913	219976	142213	21002	15924	240978	158137	82841	77763	65,6	34,4
1914	224987	152493	16887	14803	241874	167296	74578	72494	69,2	30,8
Всего	2869169	1745239	171164	125478	3040333	1870717	1169616	1123930	61,5	38,5

Источник: См. источники к таблице 188. Подсчеты автора.

Отдельный сюжет связан с теми крестьянами, которые ехали в Сибирь не имея документов, т. е. с самовольцами. Ленин, уже как бы и не зная, в чем еще обвинить Столыпина, писал, что правительство «выкачивает слабых в Сибирь».

Нельзя не согласиться с Тюкавкиным, что именно мощный поток семейных самовольцев — свыше 1,1 млн чел. лучше всего опровергает эту точку зрения² (см. таблицу 193).

В «Обзоре деятельности ГУЗиЗ за 1912 г.» есть такие строки: «Заметное уменьшение переселенческого движения, коснувшееся главным образом, самовольцев, дало возможность обратить усиленное внимание на устройство уже осевших за предыдущие годы на местах водворения, но земельно необеспеченных самовольных переселенцев. Точный подсчет числа проживающих на местах самовольцев крайне затруднителен,

¹ Там же. «Ходаческое свидетельство выдавалось свободно всем желающим. Ходок мог зачислить участки на целую группу желающих переселиться, дать телеграмму, заверенную местными переселенческими органами, по которой все они получали переселенческие свидетельства. Значение такого порядка для крестьян состояло и в том, что он давал возможность получить ходаческие свидетельства на всю семью, а чаще — на группу семей, и это позволяло получить все льготы — ссуды на дорогу, дешевый тариф на проезд и провоз багажа, зачисление участка и водворение на нем, и ссуда на домообзаведение. Поэтому при определении числа переселенцев нужно учитывать регистрацию не только их, но и ходоков». (Там же. С. 224).

² Там же. С. 225.

ибо контингент последних чрезвычайно подвижен; в постоянных поисках за землей самовольцы переливаются из одного района в другой, прибывают из России и снова возвращаются на родину...

После 1-го августа, конечного срока зачисления по ходаческим свидетельствам, все оказавшиеся свободными доли были предоставлены под устройство самовольцев. Всего... самовольцами занято 111,5 тыс. долей. Предоставленный же им фонд был значительно больше и мог бы обеспечить землей почти всех самовольных переселенцев, но препятствием является упорное нежелание оставить облюбованные ими места, где свободных долей на всех самовольцев, не хватает, и перейти в другие подрайоны и районы, где свободных долей достаточно.

Все местные организации отмечают самовольцев как наиболее устойчивый, приспособленный и упорный в своем стремлении к земельному устройству и потому наиболее желательный колонизационный элемент.

Эта та категория переселенцев, которая пошла на переселение, несмотря на отсутствие каких-либо льгот по перевозке, по получению земли, ссуд и проч., значит, тронулась с насиженных мест с самым серьезным упорным намерением устроить свою судьбу на новых местах.

При тех вообще суровых условиях устройства и ведения хозяйства, какие существуют почти всюду в Сибири, **такие качества самовольцев, как настойчивость в достижении раз намеченной и действительно серьезной цели нового хозяйственного устройства — является лучшим приобретением для Сибири как колонии;** такие качества обеспечивают и дальнейшие успехи оседающего в Сибири самовольческого элемента в стремлении не только устраивать свои хозяйства, но и улучшать и двигать их вперед...

Эти испытанные судьбой в течение нескольких лет и все же оставшиеся на новых местах в ожидании лучших для них времен переселенцы, будучи наконец, устроенными, надо думать, пустят глубокие корни в колонизируемых районах»¹.

Я не встречал лучшей характеристики — не пресловутых «слабых», которых бессовестное правительство якобы «выкачивало в Сибирь», а самых настоящих «сильных», сильных духом российских крестьян, которые стали главной движущей силой преобразований Столыпина.

Наконец, следует отметить, что численность водворенных за 1906–1914 гг. переселенцев — 3324,0 тыс. чел. превосходит численность оставшихся за Уралом, согласно данным регистрации, — 2745,6 тыс. чел. на солидную величину — 578,4 тыс. чел. Проведенное В. Г. Тюкавкиным специальное исследование привело его к выводу, что общепринятая и не вызывающая сомнения цифра переселенцев в Сибирь 2,7 млн чел. скорее всего *преуменьшена*².

Даже то небольшое, что сказано выше о статистике переселения, говорит, как представляется, в пользу того этой точки зрения.

Теперь необходимо вкратце остановиться на некоторых аспектах организации переселения. Его возобновление в 1906 г. происходило, как мы увидим, в непростой ситуации.

ГУЗиЗ так интерпретировало взрывной рост числа переселенцев: «Мощное увеличение (притока переселенцев — М. Д.) может быть объяснено, кроме прекращения

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. ... С. 235–236, 238.

² Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство... С. 263–269.

действия на время войны с Японией льготного переселенческого тарифа и неурожая в Европейской России, еще и заметным пробуждением среди крестьянства интереса к Сибири, каковому немало способствовали возвращающиеся с Дальнего Востока запасные нижние чины»¹.

В 1906 г. одновременно с сосредоточением всех отраслей переселенческого дела в ведении одноименного Управления произошла реорганизация руководства движением переселенцев. Были созданы два специальных района — Западный, в состав которого входили все пути следования переселенцев в пределах Европейской России, и Восточный, или Забайкальско-Маньчжурский, который курировал пути следования к востоку от Иркутска. За перевозку людей по Сибирской железной дороге от Челябинска до Иркутска и рекам Иртышу, Оби и Енисею отвечали заведующие переселенческим делом в соответственных районах водворения переселенцев.

В 1910 г. все дело переезда переселенцев по железным дорогам выделяется в отдельную сферу управления. Западный район теперь ведал путями в пределах Европейской России (с подрайонами Пензенским, Харьковским, Сызранским и Западно-Сибирским), на участке Челябинск — Новониколаевск Сибирской железной дороги, на Ташкентской дороге до ст. Казалинск, на Пермской дороге до Тюмени и на Иртыше. К Восточному району относились все остальные железнодорожные пути (от Новониколаевска до ст. Сретенск и Маньчжурия Забайкальской железной дороги, а также по КВЖД до ст. Пограничной) и реки Обь, Енисей, Шилка и Амур.²

Деятельность работников Переселенческого Управления заключалась в постепенном расширении сети и улучшении оборудования врачебных, фельдшерских, продовольственных и остановочных пунктов, находившихся на железнодорожных и водных путях. В этих пунктах переселенцам предлагалась бесплатная медицинская помощь и предоставлялось бесплатное помещение для остановок. Таких пунктов в 1910 г. было в Западном районе 34, а в Восточном — 23, всего же 57.

Вообще компетенция заведующих районами была весьма обширной и в широком смысле обнимала весь круг вопросов, связанных с передвижением сотен тысяч людей. Они должны были следить за осуществлением и точным исполнением правил перевозки, поддерживать контакты с железнодорожным начальством на предмет неизбежно возникающих недоразумений при перевозке переселенцев и их имущества, выдавать последним путевые ссуды, знакомить их, а также ходоков, с условиями водворения и действующими правилами переселения — как путем устных бесед, так и продажей специальных справочных брошюр, издававшихся Переселенческим Управлением, заключать контракты с паромовладельцами, регистрировать переселенцев, всячески содействовать им при посадке и высадке на станциях — вплоть до помощи при покупке лошадей и телег, объяснять им маршруты следования до избранных ими участков и т.д. Наконец, Переселенческое Управление ожидало от заведующих любых разумных инициатив, которые могли бы улучшить дело.³ Однако за многими из перечисленных выше пунктов нередко стояли те «трудные» ошибки, которые рождают опыт.

Каждый год, начиная с 1906 г., был как бы новым томом переселенческой эпопеи.

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года. СПб., 1907. С. 95.

² Обзор переселения и землеустройства за Уралом (1906–1910 гг.). Пг., б/г. С. 17–18. Выходные данные этого издания — небольшая библиографическая загадка.

³ Там же. С. 22–23.

* * *

Заключительным отрезком перевозки большинства переселенцев в пределах Европейской России был участок Пенза-Сызрань Сызрано-Вяземской железной дороги, затем через Самаро-Златоустовскую железную дорогу они попадали на Сибирскую, причем важнейшим перевалочным узловым пунктом был Челябинск.¹

ГУЗиЗ так интерпретировало взрывной рост числа переселенцев: «Мощное увеличение (притока переселенцев — М. Д.) может быть объяснено, кроме прекращения действия на время войны с Японией льготного переселенческого тарифа и неурожая в Европейской России, еще и заметным пробуждением среди крестьянства интереса к Сибири, каковому немало способствовали возвращающиеся с Дальнего Востока запасные нижние чины»².

Перевозка переселенцев в пределах Европейской России шла, главным образом, по Сызрано-Вяземской железной дороге на участке Пенза-Сызрань, Самаро-Златоустовской железной дороге и далее по Сибирской, причем важнейшим перевалочным узловым пунктом был Челябинск³.

До марта 1906 г. переселенцы прибывали в Челябинск по общему пассажирскому тарифу небольшими партиями, в пассажирских поездах. С марта начал действовать переселенческий тариф (50% детского билета III класса) и появился специальный переселенческий поезд, в апреле добавлен второй, и с мая число специальных поездов доведено было до шести. Из Челябинска в Сибирь в месяцы наиболее интенсивного движения ежедневно отправлялись по два специальных пассажирских поезда и 15–20 вагонов с товаропассажирскими поездами.

Это позволило избежать значительных скоплений переселенцев в Челябинске, из которых крупнейшее датируется 7 мая — 3909 человек, в то время как в предыдущие годы фиксировались заметно большие величины, например, в 1898 г. — 5039 человек, в 1899 г. — 7810 человек, в 1900 г. — 7584 человек, в 1902 г. — 4537 человек и в 1903 г. — 5638 человек.

Нарушения времени подачи поездов имели место на станциях Батраки и Сызрань, а в Челябинске — только в самом начале движения.

Помимо главной массы переселенцев, которая передвигалась из Челябинска дальше по Сибирской железной дороге, 16781 человек отправились из Челябинска на лошадях в Тургайскую область и Оренбургскую губернию (Ташкентская железная дорога начнет работу в 1907 г.) и 2876 человек — в Пермскую и Тобольскую губернии по Пермской железной дороге⁴.

«Обзор» не скрывает, что «перевозка переселенцев по железным дорогам в 1906 г. обставлена была особо трудными и неблагоприятными условиями ввиду того, что еще не закончена была перевозка войск с Дальнего Востока и подвижной состав дорог Самаро-Златоустовской и Сибирской после двухлетней непрерывной и крайне напряженной работы пришел в упадок и требовал серьезного и долгого ремонта»⁵.

¹ Потом этим путем в 1918 г. повезут Чехословацкий корпус во Владивосток, поэтому маршрут следования переселенцев можно увидеть на школьной карте, изображающей начальный период Гражданской войны.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1905–1906. С. 95.

³ Этим путем в 1918 г. повезут Чехословацкий корпус во Владивосток, поэтому маршрут следования переселенцев можно увидеть на школьной карте, изображающей начальный период Гражданской войны.

⁴ Обзор деятельности ГУЗиЗ с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года... С. 97–98.

⁵ Там же. С. 98.

Отсюда — острый недостаток товарных вагонов, и как следствие — потеря переселенческой клади: «В период усиленного движения приходилось ежедневно посылать 20-30 телеграмм о розыске багажа и бывали случаи, что переселенцы принуждены были более двух месяцев ожидать в Челябинске прибытия принадлежащей им клади. Наконец, нередко переселенческая кладь совершенно затеривалась. Челябинским пунктом в 1906 г. возбуждено 41 дело об уплате переселенцам вознаграждения за пропавший багаж.

Вторым следствием нехватки подвижного состава стало то, что вся почти весенняя, осенняя и зимняя перевозка переселенцев шла в так называемых теплушках, т. е. приспособленных под перевозку войск товарных вагонах, а летом приходилось часто довольствоваться и простыми товарными вагонами, в которых наскоро были устроены нары и сходни»¹.

Очень важен вопрос о том, как была организована **медицинская помощь** переселенцам. Эта тема вообще является отдельным направлением антистолыпинского мифотворчества. Помнится, на одной из конференций в 2012 г. некая дама, что называется «на голубом глазу», объявила, что 20% переселенцев умирало в пути — видимо, перепутав их со спецпереселенцами эпохи «Великого перелома», — и это было не смешно во всех смыслах.

В 1906 г. врачебно-санитарный надзор для профилактики развития инфекций и оказания переселенцам медицинской помощи в случае болезни начинался со станции Пенза Сызрано-Вяземской железной дороги. До Пензы же персонал железных дорог следил за организацией их переездов (переселенцы передвигались особыми группами и по переселенческому тарифу), а в санитарном отношении они были предоставлены самим себе. В итоге на станции Пенза было принято более 24 тыс. больных.

В 1906 г. постановка санитарного надзора на Сызрано-Вяземской дороге вообще была неудовлетворительной — на дороге было всего 5 санитарных вагонов, из которых три предоставлены были в распоряжение чиновника особых поручений Переселенческого Управления в Сызрани и два находились в Пензе. Между тем еще в 1899 г. Департаментом железнодорожных дел Министерства финансов было установлено правило, согласно которому каждый переселенческий поезд имеющий более 10 вагонов с людьми, должен сопровождаться санитарным вагоном².

На средства Переселенческого Управления санитарный надзор проводился путем организации осмотра проходящих поездов и оказания амбулаторной помощи нуждающимся в ней переселенцам на станциях Пенза (было принято 24086 человек), Сызрань 9247 человек), Самара (4065 человек), Абдулино (914 человек) и Уфа (принят 3721 человек).

В Пензе и Сызрани были переселенческие врачи, в других пунктах осмотр и прием больных производился фельдшерицами. Управление Самаро-Златоустовской дороги командировало также специальных санитарных врачей на станции Самара и Уфа для наблюдения за переселенческими поездами; оно опасалось холеры и не без основания.

При переселенческом пункте на станции Челябинск имелась больница, в которую обратилось 17568 человек. В абсолютном выражении это рекордная цифра для

¹ Там же.

² Там же. С. 99.

периода 1897–1906 гг., но в относительном — 8,7% — она не выше средней. Тем не менее «Обзор» считает приведенные цифры показателями четкой корреляции между заболеваемостью переселенцев и общей организацией санитарных мер — в 1904–1905 гг., когда санитарный надзор в пути фактически отсутствовал ввиду закрытия переселения, процент заболеваемости резко поднимался — до 14,5 и 17,8% переселенцев¹.

В течение 1906 г. 913 человек провело в больнице Челябинского пункта в общей сложности 13846 больничных дней, а кроме того, в период усиленного передвижения войск почти 2,5 тыс. больных из проходящих эшелонов была оказана стационарная и амбулаторная помощь, поскольку городские больницы были переполнены.

В прямой связи с санитарными мероприятиями находилась и организация продовольственной помощи переселенцам по пути следования. Переселенцы вообще получали горячую пищу, а дети — еще и молоко.

По общему правилу горячая пища отпускалась за плату — ковш щей с мясом за 4 коп. и ковш супа (в постные дни) за 2 коп., хлеб отпускался по заготовительной цене. Молоко с полуфунтом белого хлеба выдавалось детям до пяти лет бесплатно. Дети от 5 до 10 лет получали бесплатно порцию горячей пищи².

В экстренных случаях, например, при заболевании по дороге, «крайней бедности», задержке переселенца в пути не по его вине — по предписанию врача или распоряжению переселенческого чиновника выдавалась бесплатно и горячая пища

Для оказания продовольственной помощи переселенцам были открыты особые столовые в Пензе, Сызрани, Самаре, Абдулине, Уфе и Челябинске.

Всего за 1906 г. было выдано было 280520 порций, из которых 76684 платных, 75635 детских и 128201 бесплатных.

Санитарный надзор собственно на Сибирской железной дороге финансировался самой дорогой, отпустившей для этого 32,1 тыс. руб., главным образом, посредством сопровождения проходящих поездов медиками, следовавшими в особых санитарных вагонах, находившихся в составе поездов. Кроме того, на линии дороги работали переселенческие врачи.

А в районах водворения переселенцев обслуживала особая медицинская организация Переселенческого Управления, отчасти самостоятельная, отчасти связанная с существующей местной медицинской системой. При сибирских пространствах это было разумно — медики Переселенческого Управления одинаково лечили и переселенцев, и старожилов, а там, где имела местная организация, врачи принимали и переселенцев, получая за эти свои труды от Управления добавочное вознаграждение³.

На путях следования переселенцев, помимо медицинских пунктов, были организованы останочные и продовольственные пункты.

Деятельность медицинской организации и продовольственных пунктов за Уралом в 1906 г. можно оценить, исходя из того, что в течение года было принято свыше 270 тыс. амбулаторных больных, а стационарными больными проведено в лечебных заведениях в общей сложности свыше 129 тыс. дней, при этом в течение года было выдано 295 тыс. бесплатных порций питания и 29 тыс. платных.

¹ Там же. С. 99–101.

² Обзор переселения и землеустройства за Уралом... С. 26.

³ Обзор деятельности ГУЗиЗ с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года... С. 101.

Общее число — врачебных, фельдшерских, остановочных, питательных и регистрационных пунктов равнялось в 1906 г. году 84, и в них работало 220 человек, в том числе 63 врача, 147 фельдшеров и 10 хозяйственных агентов¹.

В 1907 г. резкий рост числа переселенцев потребовал увеличения сметы Переселенческого Управления по большинству позиций. Это коснулось и расходов на организацию врачебно-продовольственной помощи переселенцам в пути и на местах нового жительства. Хотя на эти нужды в 1907 г. была перечислена сумма в 1324 тыс. руб. (на 554 тыс. руб. больше ассигнований 1906 г.), уложиться в эти рамки оказалось невозможно, и по врачебно-продовольственному кредиту было отпущено сверх сметы еще 200 тыс. руб².

1908 г. был ознаменован, в числе прочего, принципиально важным нововведением, существенно оптимизировавшим условия перевозки переселенцев.

Данные Челябинской регистрации показывали, что переселенческое движение распределялось по временам года отнюдь неравномерно — 60–70% новоселов прибывало обычно в течение трех весенних месяцев.

Это обстоятельство, естественно вытекавшее из условий крестьянского быта, крайне затрудняло правильную перевозку людей, особенно с учетом мощного роста переселенческого движения. Транспортировка нескольких сот тысяч человек за 8–10 недель требовала от железных дорог огромного подвижного состава, а при малейших нестыковках, заминках и пр. неизбежно возникали значительные «заторы», т. е. скопления переселенцев на отдельных станциях, где их неожиданно надо было накормить, приютить и т. д.

В конце 1907 г. межведомственное совещание одобрило идею Переселенческого Управления о создании особого плана железнодорожной перевозки, по крайней мере, для тех переселенцев, которые ехали на *уже* зачисленные за ними земли или в старожилые общества и число которых поэтому можно было учесть хотя бы приблизительно.

«В основу этого плана был положен предварительный опрос местного населения при посредстве крестьянских учреждений о числе лиц, окончательно решивших переселиться в отчетном году на зачисленные за ними земли в Сибири.

Затем весь весенний период времени от 10 марта по 15 мая был разделен на 4 очереди по 2 недели в каждой, с промежутками в 1–2 дня между отдельными очередями для лиц, не успевших проследовать в течение очередного срока. Для каждой губернии выхода была назначена своя очередь отправки с указанием тех именно переселенческих районов за Уралом, к которым приурочена данная очередь. С 15 мая была установлена пятая запасная очередь для всех, не воспользовавшихся предыдущими очередями»³.

Опыт оказался удачным — по данным Челябинской регистрации, «число переселенцев, в действительности прошедших с 10 марта по 15 мая за Урал на зачисленные за ними доли оказалось чрезвычайно близким к норме, принятой в основу плана железнодорожной перевозки переселенцев и притом не только в общем итоге (159279 человек), но и по отдельным очередям.

В ряду других мер по улучшению условий переселенческого движения следует

¹ Там же. С. 102.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. ... С. 105.

³ Там же. С. 173.

отметить выработку новых правил железнодорожной перевозки переселенцев и их клади, введение взамен накладных — билетной системы, установление постоянных согласованных переселенческих поездов, оборудование узловых железнодорожных станций, начало **постройки специальных переселенческих вагонов пассажирского типа** (первое явление пресловутого столыпинского вагона — М. Д.) и пр.»¹

В. Г. Тюкавкин пишет, что «с 1908 г. началось массовое строительство вагонов новой конструкции (в 1913 г. их эксплуатировалось уже 3,4 тыс.), довольно удобных, с водяным отоплением, с туалетами, с титанами с кипятком для переселенцев», из которых формировались переселенческие поезда. Параллельно продолжали использоваться теплушки из товарных вагонов. В 1907 г. было выделено 8,5 тыс. теплушек, а затем еще 2 тыс.

«Учитывая, что новые вагоны в военное время могли использоваться и для перевозки солдат, МПС с помощью военного ведомства добилось согласия Думы на выделение огромной суммы в 48 млн руб. на их производство.

А. В. Кривошеин, постоянно добивавшийся увеличения ассигнований по своему министерству, отнесся неодобрительно и ревниво к такому, на его взгляд, расточительству. Во время поездки П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь последний возмущался, что внимание Думы и общества всегда сосредоточено на том, что на виду, в частности на этих вагонах, а на все другие нужды переселенческого дела было отпущено только 25 млн руб., т. е. почти в 2 раза меньше.

Переселенец, по словам Кривошеина, никогда не имел дома таких удобств, как в этих вагонах, и не будет иметь их в Сибири, едет он всего две — четыре недели, а потом будет жить на новом месте много лет, и лучше уж там потратить больше средств. Переселенцы получали льготные билеты, которые были в три раза дешевле билетов IV класса (а именно этот класс был присвоен вагонам), и могли провозить багаж и скот по льготной оплате»². Строго говоря, с Кривошеиным трудно не согласиться, и в первую очередь с тезисом о том, что общественность видела только, что было «на виду» и не очень вникала в суть вещей, о которых, однако, бралась судить.

В 1908 г. продолжала расширяться врачебно-санитарная и продовольственная помощь. По всему пути их следования от Пензы до Иркутска появились медицинские пункты с санитарными вагонами и необходимым фельдшерским персоналом. Кроме того, по мере необходимости в состав проходящих переселенческих поездов включали санитарный вагон, чтобы принимать больных на промежуточных станциях и доставлять их в ближайшие больницы.

Резкий рост переселенческого движения побудил ГУЗиЗ, помимо увеличения числа специальных переселенческих питательных пунктов, попросить помощи у Военного министерства, которое временно выделило для нужд переселенцев армейские вагоны-кухни и такие предметы оборудования этих вагонов, как очаги и «водогрейные приспособления», а также свободные в данный момент от солдат помещения армейских продовольственных пунктов и казармы.

Особую опасность в 1908 г. таила угроза холеры. Вдоль Транссиба ГУЗиЗ и МПС построили специальные холерные бараки, пригласили туда необходимый медперсонал, и оборудовали кипятилниками системы «Борю» все важнейшие пункты в районе движения переселенцев. Одновременно Переселенческое Управление выделило день-

¹ Там же. С. 173–174.

² Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство... С. 242.

ги на организацию антихолерных мероприятий на водных путях в Сибири и в районах водворения переселенцев, согласно заранее разработанному плану¹.

Тюкавкин пишет, что «в России в 1908–1910 гг. были заболевания холерой, но среди переселенцев, как отмечали Столыпин и Кривошеин, этого удалось избежать благодаря действенной системе медицинской помощи»².

В 1909 г. ГУЗиЗ продолжил практику организации весенней перевозки переселенцев по особым очередям, целесообразность которой подтвердил опыт 1908 г. Было установлено 5 очередей в период между 10 марта и 1 июня по 2 недели каждая, а со 2 по 20 июня включительно намечена запасная 6-я очередь, в которую перевозились те, кто по каким-то причинам не смог воспользоваться установленными для них более ранними очередями.

Как и в 1908 г. в основу плана очередной перевозки был положен предварительный опрос крестьян через местные крестьянские учреждения о числе намеревающихся отправиться в Сибирь весной 1909 г. переселенцев, которые зачислили за собой землю в установленном порядке. При этом ГУЗиЗ старалось согласовать распределение по очередям людей, едущих в те или иные районы, со временем вскрытия сибирских рек, возможностью сразу же приступить к посеву и т. п.

И в этом году новая система опять доказала свою эффективность. Ее главная цель состояла в том, чтобы по возможности разгрузить движение в мае месяце, когда обычно имел место наибольший наплыв переселенцев, нередко вызывавший «пробки» на железнодорожных путях. Успех был налицо. Если в 1907 г. майское движение составляло 44,6%, а в 1908 г. — 38,1% всего движения за первое полугодие, то в 1909 г. — 28,4%.

В «Обзоре» говорится: «Среди других мер по упорядочению перевозки переселенцев необходимо отметить установление по примеру 1908 г. специальных переселенческих поездов, следующих по определенным расписаниям и согласованных между собой в узловых пунктах, заказ около 2000 особых, приспособленных для переселенцев вагонов IV класса, некоторые улучшения во внутреннем устройстве вагонов, предоставленных для перевозки переселенцев, сокращение сроков стоянки переселенческих поездов, установление обязательного санитарного осмотра подвижного состава переселенческих поездов на станциях Сызрань, Обь, Иркутск, Маньчжурия и Харбин, дозволение переселенцам по прибытии поезда на станцию назначения ночью, при отсутствии необходимых помещений, ночевать до утра в вагонах некоторые изменения и улучшения в порядке перевозки и сортировки переселенческой клади и проч.»³.

Расширялась врачебно-санитарная и продовольственная помощь переселенцам в пути. Санитарный надзор распространился теперь на Забайкальскую, Китайскую-Восточную и Уссурийскую железные дороги. Ряд станций был оборудован новыми медпунктами. В состав специальных переселенческих поездов были введены особые санитарные вагоны, а в состав остальных переселенческих поездов — свободные теплушки на случай, если больных было необходимо изолировать в пути. Как и в 1908 г. в целях профилактики эпидемий холеры, чумы, и сыпного тифа среди переселенцев — на крупных станциях были оборудованы специальные бараки и отделения при больницах для помещения острозаразных больных.

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. ... С. 174–175.

² Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство. ... С. 243.

³ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. ... С. 105–107.

16 июля 1909 МПС по соглашению с МВД и ГУЗиЗ были утверждены новые правила врачебно-санитарного надзора за перевозкой переселенцев. Что касается продовольственной помощи переселенцам в пути, то к числу существовавших уже продовольственных пунктов в 1909 г. прибавились Курган и Уральск. Военное министерство и в 1909 г. продолжало содействовать переселению¹.

Как можно видеть, Переселенческое Управление обрело опыт, и интересы переселенцев были для него на первом месте.

Несомненно, в организации перевозок было немало проблем, трудностей и недочетов как объективного, так и субъективного характера. Они неизбежны в любом настоящему большом деле. И в оценках переселения — если мы хотим быть объективными, нужно избегать крайностей классового подхода.

Некоторые общие данные о развитии медицинской и продовольственной помощи переселенцам помещены в таблицах 194–196.

Таблица 194

**Медицинская и продовольственная помощь переселенцам
в 1906–1910 гг.**

<i>Западный район</i>							
<i>Годы</i>	<i>Число пунктов</i>	<i>Число пунктов, на которых</i>			<i>Медицинская помощь</i>		
		<i>оказывалась амбулаторная помощь</i>	<i>имелось оборудование для стационарного лечения</i>	<i>была организована продовольственная помощь</i>	<i>число амбулаторных посещений</i>	<i>число больных, принятых стационарно</i>	<i>ими проведено дней в стационаре</i>
1906	6	6	1	6	61741	1251	17512
1907	11	11	1	9	150675	1779	22651
1908	15	14	1	15	184051	1933	25000
1909	18	17	2	18	188518	1960	25386
1910	33	29	8	32	201421	4004	56684
Итого	33	29	9	32	786406	10927	147233
<i>Восточный район (б. Забайкальско-Маньчжурский)</i>							
1906	7	5	4	6	6410	200	2646
1907	8	4	4	8	19927	1150	13391
1908	7	7	4	7	13131	519	9735
1909	10	10	5	4	34133	753	15874
1910	23	22	12	12	104954	5045	79250
Итого	23	22	12	12	178555	7667	120896

Источник: Обзор переселения и землеустройства за Уралом (1906–1910 гг.). Пг., б/г. С. 25–26.

¹ Там же. С. 107–108.

Таблица 195

Продовольственная помощь переселенцам в 1906–1910 гг.

Годы	Западный район						Восточный район			
	выдано бесплатно			продано		итого отпущено за деньги и бесплатно		порций пищи и хлеба		
	порций пищи	фунтов хлеба	молочных порций	порций пищи	фунтов хлеба	порций пищи и молока	фунтов хлеба	выдано бесплатно взрослым и детям	продано	итого отпущено
1906	128201	37813	75626	76684		280511	37813	37492	5996	43388
1907	81047	243894	261302	263756	198677	606105	442571	244946	12082	257028
1908	432526	410135	402914	216751	100683	1052191	510818	55597	6421	62018
1909	527772	339764	419229	258348	13290	1205349	353054	157050	18432	175482
1910	626132	481396	528968	342948		1498048	481396	264340	315618	579958
Итого	1795678	1513002	1688039	1158487	312650	4642204	1825652	759425	358549	1117874

Источник: Обзор переселения и землеустройства за Уралом (1906–1910 гг.). Пг., б/г. С. 25–26.

Таблица 196

Численность служебного персонала, обслуживавшего перевозку переселенцев в 1906–1910 гг.

Годы	По Западному району				По Восточному району				Всего персонала
	чиновников	врачей и фельдшеров	низших служащих	всего	чиновников	врачей и фельдшеров	низших служащих	всего	
1906	7	10	91	108*	3	12	48	63	171
1907	8	40	226	274	4	14	45	63	337
1908	8	54	210	272	6	15	52	73	345
1909	11	73	269	353	5	19	66	90	443
1910	20	108	553	681	9	71	238	318	999

Источник: Обзор переселения и землеустройства за Уралом (1906–1910 гг.). Пг., б/г. С. 26.

Таким образом, таблицы 194 и 195 демонстрируют последовательный рост показателей медицинской и продовольственной помощи переселенцам. Характерно, однако, что ведомство прекрасно сознавало, что его работа далеко не идеальна. В этом смысле многое объясняет сопоставление таблиц 196 и 188, из которого следует, что на одного служащего в среднем приходилось свыше 1000 зарегистрированных переселенцев, а в 1908 г. — свыше 2000. Однако, учитывая ограниченность кредитов, Переселенческое Управление делало возможное, чтобы облегчить сотням тысяч людей строительство **новой** жизни.

К началу 1911 г. организация дела передвижения переселенцев представлялось в следующем виде:

1) Начиная с 1908 г. ежегодно устанавливался план срочной весенней железнодорожной перевозки по двухнедельным очередям.

2) Начиная с 1908 г., с 15 февраля до 20 июня на железнодорожных линиях в районах наибольшего движения вводились специальные переселенческие поезда, которые шли по определенному расписанию, согласованному в узловых пунктах.

3) Подвижной состав переселенческих поездов формировался в пределах Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорог, по возможности, из специальных переселенческих вагонов («стольпинских»!), а теплушки допускались «только особо приспособленные для пассажирских перевозок».

4) Переселенческие поезда сопровождались, по возможности, санитарными вагонами.

5) Питание переселенцев обеспечивалось не только в специально устроенных Переселенческим Управлением столовых, но и в переданных Военным министерством кухнях-вагонах; на крупных станциях имелись кипятильники.

6) Медицинскую помощь переселенцам оказывал не только врачебный персонал ведомства, но и отдельных железных дорог.

7) Из действующих пассажирских правил в интересах переселенцев был сделан целый ряд исключений.

8) Были выработаны специальные инструкции — о взаимоотношениях чинов ведомства и железнодорожных агентов, о санитарных правилах для судов, перевозящих переселенцев по внутренним водным путям Сибири, и «Временная инструкция железнодорожному, переселенческому и медицинскому персоналу по обслуживанию переселенцев, следующих по железным дорогам».

9) Были решены вопросы, связанные с оборудованием отдельных железнодорожных станций, с проблемой выдачи отставшим от поездов переселенцам так называемых нагоночных свидетельств, с доставкой железными дорогами переселенческой клади, по возможности, одновременно с ее отправителями, по облегчению условий таможенного и карантинного досмотров переселенцев, следующих на КВЖД и т. д.¹

В своей деятельности Переселенческое Управление не ограничивалось содействием только материальным потребностям переселенцев. В «Обзоре» за 1909 г. говорится, что сокращение запаса свободных земель поблизости от населенных мест вынуждает отодвигать прирезку переселенческих участков все далее на Север, в тайгу, и на Юг, вглубь киргизских степей. В силу этого новые поселки отдалены иногда на 10 и более верст от жилья, что ставит переселенцев в отношении удовлетворения их религиозно-нравственных потребностей «в самое тягостное положение». Отсюда необходимость обеспечения новых поселков постройкой церквей, учреждением причтов и т. д.²

Отчет Управления за 1913 г. так комментирует данный сюжет: «Только что обстроившие свои хозяйства новоселы, водворившиеся за последние годы в количестве около полумиллиона дворов, не могут быть оставлены без кредитной помощи на удовлетворение тех хозяйственных и первичных культурных потребностей, с которыми они жили раньше на родине и отказаться от которых на новых местах — значило бы подвергнуть население опасности одичания»³.

Удовлетворением религиозных потребностей переселенцев с 1908 г. ведало Высочайше учрежденное при Св. Синоде совещание о церковных нуждах переселенцев, в

¹ Обзор переселения и землеустройства за Уралом... С. 24–25.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. ... С. 108.

³ Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. (Отчет о работах Переселенческого Управления за 1913 г.) Пг., 1914. С. III–IV.

котором участвовал и представитель Переселенческого Управления, а также вновь созданные местные епархиальные комитеты. За 1909–1910 гг. было открыто 172 новых прихода, обеспечена постройка 95 церквей, 25 молитвенных и 81 причтового дома. В 1909 г. при Знаменском монастыре в Москве были открыты пастырские курсы для подготовки священнослужителей в сибирские приходы¹.

В 1908 г. заботы о школьных нуждах переселенцев были возложены на Особое совещание из представителей Министерства народного просвещения и Переселенческого Управления, а на местах — на соответствующие особые комиссии, которые в первую очередь должны были определять пункты открытия министерских училищ и обеспечивать их помещениями и учебным персоналом.

Деятельности комиссий способствовал принятый 19 апреля 1909 г. закон о выдаче ссуд на общепользные надобности, который весьма широко предусматривал потребности и нужды районов водворения переселенцев, увеличил объем ссуд и, главное, облегчил и ускорил сам процесс их получения. После этого число прошений о ссудах на строительство школ заметно увеличилось, и в 1910 г. в районах водворения открылось 248 новых школ, из которых министерских 212 и 36 церковно-приходских².

Позиция правительства в этом вопросе была предельно ясной: «Выдача ссуд на общепользные надобности государством неизбежна в первые годы водворения и не может быть заменена никакой организацией мелкого кредита среди новоселов, не имеющих никаких капиталов в первые трудные годы. Без таких ссуд удовлетворение религиозных потребностей новоселов и развитие среди них грамотности не могли бы осуществиться в сколько-нибудь заметной степени»³.

Под категорию «общепользных надобностей» подпадало строительство не только церквей и школ, но также хозяйственных объектов общественного характера (хлебо-запасных магазинов, мельниц, колодцев и пр.) и, наконец, процесс внутринадельного размежевания. Выдача ссуд производилась по частям, по мере целесообразного расходования прежде полученных выдач, причем ссуды эти были беспроцентными, а возвращаться должны были в течение 10 лет⁴.

Полагаю, будет полезно представить круг забот Переселенческого Управления, каким он видится в «Обзоре деятельности ГУЗиЗ за 1913 г.».

«Обзор» сообщает, что в 1913 г. «в заботах о плотном заселении государственных границ в Азиатской России ведомство распространило свою деятельность на Мугань, где сооружение оросительных каналов дало возможность устраивать на хлопковых землях русских крестьян; на Закаспийскую область, куда незаметно, сама собою, просачивается волна русского переселения, проникая за персидскую границу, и на Урянхайский край (Туву — М. Д.), эту обетованную землю, столь резко выделяющуюся в общих суровых условиях Сибири.

Вместе с тем, считаясь с разнообразными условиями мест заселения, ведомство стало с большей решительностью проводить в жизнь давно назревшие новые начала: наряду с обычными крестьянскими наделами стали нарезать земли для крупных скотоводческих хозяйств, посреди густо заселенных районов и у станций железных дорог стали устраиваться торгово-промышленные поселки и поселения городского типа,

¹ Обзор переселения и землеустройства за Уралом ... С. 38–39.

² Там же. С. 40.

³ Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. ... С. 36.

⁴ Там же.

наряду с даровою раздачею земли применялась система аренды, наконец, сделан шаг в сторону «всесословного» переселения — внесен в Государственную Думу законопроект о предоставлении лицам всех сословий прав на получении казенных земель за Уралом. Таким образом, 1913 г. был первым годом проведения в жизнь начал разнообразия форм отвода земель и всесословности переселения»¹.

В 1913 г. переселенческое движение за Урал продолжало расти: всего через Челябинск прошло 327 тыс. переселенцев — на 25% больше, чем в 1912 г. Увеличилось с 58,5 до 92,5 тыс. (на 58,1%) и число ходоков, что позволяло прогнозировать и больший приток переселенцев в 1914 г.

Поскольку в 1913 г. усилилось переселение с юга России, то большой спрос был на земли в Степном крае. Успешно шло зачисление участков в Тобольской губернии и Амурской области, что, безусловно было связано с проведением новых железных дорог — Омской, Северно-Уральской и Амурской.

Благодаря хорошему урожаю в Европейской России, переселенческое движение 1913 г. отличалось равномерностью и заметным сокращением числа самовольных переселенцев (с 45,3% в 1912 г. до 35% в 1913 г.).

В сравнении с 1912 г. число обратных переселенцев уменьшилось с 34,8 тыс. чел. до 22,5 тыс. чел., т. е. в полтора раза. Исключение составили Приморская область, давшая 28,3% обратного движения и губернии Иркутская — 21,0% и Енисейская — 16,8%, что объясняется в двух последних частичным недородом хлеба, а в Приморской области — сильным наводнением из-за необычного разлива рек².

Кроме переселенцев и ходоков, по данным Иркутской регистрации, в дальневосточные области проследовало на заработки 35,5 тыс. человек рабочих и ремесленников, перевозка которых по железным дорогам и водным путям была организована также на льготных основаниях, по переселенческому тарифу и с правом получения довольствия на остановочных переселенческих пунктах.

По пути следования переселенцев вдоль линии железных дорог было организовано 57 столовых, в которых дети и больные получали пищу бесплатно, а переселенцы и следующие на Дальний Восток рабочие за незначительную плату в 4 коп (при заготовительной стоимости свыше 7 коп.).

Всего за 1913 г. было отпущено 2285914 порций горячей и молочной пищи и 34895 пудов хлеба, в том числе переселенцам 1815656 порций и 16823 пуда хлеба. По сравнению с прежними годами, процентное отношение числа пользовавшихся пищей к общему числу прошедших повысилось.

Помимо обычного питания, всем переселенцам в первые дни праздников Св. Пасхи и Рождества Христова была предоставлена горячая пища. То же было сделано и в день празднования 300-летия Царствования Дома Романовых³.

В 1913 г. ходоки и переселенцы зачислили в Азиатской России 252,9 тыс. душевых долей для 78,8 тыс. переселенческих семей, более, чем в 1912 г., на 12,4 тыс. долей.

«Продолжался рост зачисливших за собою землю на основании установленных для переселения документов. В 1911 г. таких переселенцев было 38,5%, в 1912 — 54,7% и в 1913 г. — 66%.

Из числа заготовленных 15842 семейных наделов на участках единоличного поль-

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. V.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 6–7.

зования разобрано было 9263 или 59%, а на хуторские и отрубные участки, предназначенные для продажи, зачислено 3969 семей.

Всего в 1913 г. земельных наделов было зачислено на 82761 семью»¹.

В 1913 г. на переселенческих участках водворилось 48608 семей в составе 137,4 тыс. душ м. п., из которых 43974 семьи (125114 душ м. п.), или 91,5% заняли участки поселенного пользования, а остальные — участки единоличного пользования. Еще 5550 семей (15,5 тыс. душ м. п.) были приняты в старожильческих обществах.

Таким образом, в 1913 г. за Уралом по правилам о переселении было водворено 54158 семей или около 300 тыс. душ обоего пола. Кроме того, водворилось 370 семей арендаторов на участках, предназначенных в продажу, 179 семей на орошенных землях в Голодной Степи и в железнодорожных поселках 2063 семьи.

Всего в 1913 г. обеспечили себя землей 56770 семей.

ГУЗиЗ прекрасно понимало необходимость усиления поземельно-устроительных работ, однако не считало целесообразным «сколько-нибудь широко развивать это дело накануне издания нового закона о поземельном устройстве», в силу чего в 1913 г. работы по поземельному устройству старожилов и инородцев в Сибири велись в прежнем масштабе. Запроектировано было в наделы русскому старожилому населению и инородцам в общей сложности 4,4 млн дес. и составлено 239 отводных записей на площадь в 1065 тыс. дес.²

В 1913 г. больше всего увеличились кредиты, предназначенные на непосредственную помощь переселенцам и на улучшение условий их водворения.

Продолжалось качественное улучшение переселенческого дела. Так, 33485 семей или 62% всех водворившихся в 1913 г. получили ссуду на хозяйственное устройство в размере 4260,8 тыс. руб., в среднем — 127 руб. на семью. Всего же, считая также и переселенцев прежних лет, было выдано домообзаводственных ссуд на 7730395 руб.

Значительно выросли ссуды на «общеполезные надобности». Если в 1909 г. на эту статью расходов в виде ссуд и безвозвратных пособий было выдано 614,0 тыс. руб., в 1910 г. — 879,9 тыс. руб., в 1911 г. — 899,0 тыс. руб., в 1912 г. — 1888,4 тыс. руб., то в 1913 г. — 2574,5 тыс. руб., т. е. на 36% больше, чем в 1912 г. и в 4,2 раза больше, чем в 1909 г.³

Большая часть этого кредита пошла «на удовлетворение религиозных и духовных нужд переселенцев, а именно: на постройку церквей и открытие школ». Рост ассигнований почти на 700 тыс. руб. позволил усилить церковно-школьное строительство. Однако, говорится в «Обзоре», несмотря на «ежегодное развитие церковно-школьного строительства, действительная нужда в религиозно-нравственной помощи остается далеко не удовлетворенной», в силу чего Государственная Дума по ходатайству ГУЗиЗ и Св. Синода выделила на церковно-школьное дело дополнительно 1 млн руб.

Благодаря этим кредитам в 1913 г., во-первых, было достроено 60 церквей, 53 молитвенных дома, 85 причтовых домов, 68 церковно-приходских и 230 министерских школ. Во-вторых, оказалось возможным содержать 34 разъездных причта, начать строительство 169 церквей, 67 молитвенных домов, 195 причтовых домов, 83 приходских и 510 министерских школ. Важно отметить, что Св. Синод в 1912 г. открыл 125 новых приходов⁴.

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. V–VI, 10.

Ассигнования на врачебную помощь увеличились на 287 тыс. руб. За счет этих средств было открыто 20 новых медицинских пунктов. Всего к 1 января 1914 г. было 396 пунктов, обслуживавших 7855 селений, в то время как в 1912 г. переселенческие медицинские пункты обслуживали 7467 поселков¹.

В 1913 г. из видов хозяйственной помощи переселенцам наибольшее развитие получило внутринадельное межевание, на которое было затрачено около 1 млн руб., что позволило в соответствии с проверенными местными властями ходатайствами развернуть 2,3 млн дес.

В «Обзоре» отмечается: «Нельзя при этом не указать, что *рост внутринадельного межевания в Сибири совершается с поразительной быстротой*, даже при сопоставлении с развитием этого дела в Европейской России: *с 1910 г. по текущий год разверстано около 6 млн дес.*»². При этом фиксируется, что в Сибири повсеместно нарастает тяга как переселенцев, так и старожилов к единоличным формам владения землей, вызываемая изменением за последние годы экономических условий.

Продолжала расширяться и сеть сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири, организацию которых Кривошеин начал еще в 1896 г. Число пунктов продажи сельхозмашин и орудий за 1913 г. возросло с 253 до 324, главным образом, благодаря привлечению к продаже учреждений мелкого кредита и других кооперативных организаций, однако их оборот сократился с 8438 тыс. руб. до 7200 тыс. руб., что «Обзор» связывает с недостатком денег у населения из-за низких цен, стоявших на хлеб в 1913 г.

Тем не менее крестьяне «хорошо» покупали дорогие орудия: культиваторы, рядовые сеялки, куклеотборники, дисковые бороны, которых до последнего времени сибирские старожилы не знали совсем. Не ослабевал и спрос на улучшенный посевной материал.

Конечно, особо хочется отметить следующее сообщение: «Наблюдаемое во многих местностях Сибири стремление к распашке в широких размерах целинных земель **побудило склады испытать работу тракторных плугов**»³. Отчет Переселенческого Управления за 1914 г. отмечает, что в Амурском районе «для работ во вновь заселяемых районах приобретены трактор системы «Катер Пиллер» за 13000 руб., пароплужная система Фаулера за 20000 рублей и дисковый плуг за 1500 руб.»⁴

Кроме того, при складах работали оборудованные их техникой зерноочистительные пункты, они пытались способствовать кустарному производству веялок, распространению льноводства в Енисейской губернии и Забайкальской области и т. д.

Успешно развивалась деятельность товарно-продовольственных лавок, которые с 1910 г. должны были снабжать переселенцев глухих местностей продовольствием и предметами домашнего обихода в Амурской, Приморской, Забайкальской областях и Енисейской губернии. К сожалению, их число пока было невелико — всего 43 в 1913 г., и тем не менее их общий оборот достиг 980 тыс. руб. (на 140 тыс. руб. более, чем в 1912 г.).

Из года в год росли обороты лесных складов, продававших лес переселенцам по льготным ценам. В 1911 г. лесных материалов было продано на 523,5 тыс. руб., в

¹ Там же. С. VI.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. ... С. 236.

1912 г. — на 703 тыс. руб., а в 1913 г. — уже на 1029,5 тыс. руб. Соответственно поднялась и их прибыль. В 1912 г. чистой прибылью получено 59 тыс. руб., а в 1913 г. — 132 тыс. руб. Рост лесных заготовок в Тарском уезде позволил местному населению заработать 144 тыс. руб., на 43,5 тыс. руб. больше, чем в 1912 г. Благодаря увеличению доходов ведомство получило возможность устроить 2 новых лесопильных и 2 кирпичеделательных завода¹.

В 1913 г. ГУЗиЗ разработало и начало апробацию рассчитанного на перспективу плана колонизации тайги: «Необходимость постепенного перехода к колонизации районов с тяжелыми природными условиями и уверенность, что при широкой постановке правительственной помощи все трудности первоначального устройства могут быть преодолены, подали мысль к составлению плана «последовательной» колонизации таких районов... Применение этого плана рассчитано лишь на местности, заселение коих может быть признано или исключительно важным в государственных целях для обороны окраин, или же несомненно выгодным экономически в видах оживления производительности некультурных ранее пространств»².

Планом предусматривалось устройство в определенный срок дорог, церквей, школ, больниц, даже домов для первоначального поселения, опытных полей и т. п.

В 1913 г. ГУЗиЗ начало его реализацию — был впервые предпринят опыт «заготовки земельного фонда в таежных пространствах, в соответствии с заранее выработанным во всех подробностях планом по колонизации в определенный период времени, предусматривающим уже при первоначальном отводе участков, порядок и очередь удовлетворения всех потребностей будущих засельщиков» в Тутальском таежном районе Мариинского уезда Томской губернии. В 1913 г. была проведена хозяйственная съемка на площади в 10 тыс. дес., намеченной для заселения, сделана таксировка леса, заложены 10 буровых скважин для выяснения водных ресурсов и на 140 верстах выполнены дорожные изыскания на предмет соединения этого района в уже существующей дорожной сетью. Наконец, было обследовано «землепользование местных инородцев»³.

Поземельное устройство в Сибири, продолжает «Обзор», охватывает ежегодно около 4,5 млн дес. В Степном крае и Туркестане отводится до 700 тыс. дес. так называемых «оседлых» наделов киргизам. На севере Европейской России производятся лесным Департаментом (до 1913 г. Департаментом ГЗИ) разграничительные работы, которые имеют целью подготовить последующую колонизацию.

Вот как характеризует «Обзор» переселенческую кампанию 1913 г. в контексте общей динамики переселения: «Необходимо отметить уменьшение обратного движения, рост легального зачисления и водворения, усиление водворения на участках единоличного пользования и **развитие жизни** в торгово-промышленных и железнодорожных поселках, особенно на Дальнем Востоке.

В общем переселение в Сибирь в 1913 г., отмеченное значительным усилением ходяческого движения и повышенным зачислением земельных наделов, по размерам водворения почти не отличалось от двух предшествовавших лет. После небывалого подъема переселенческой волны в 1908 и 1909 годах и резкого спадения ее в два последующих неурожайных года переселенческое движение держится теперь на одном уровне, около 300000 человек в год.

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 11–12.

² Там же. С. VI, 9.

³ Там же. С. 9.

Такая равномерность хода водворения дала возможность ведомству приступить к прочному устройству переселенцев на новых местах и **к обеспечению им на окраинах, у государственных границ, необходимых условий правильного экономического развития**¹.

Подобная постановка дела, говорится в «Обзоре», неизбежно предполагает ряд крупных и важных мероприятий, реализацией которых ГУЗиЗ начало заниматься еще с 1911 г. Во-первых, это железнодорожное строительство. Во-вторых, «наряду с постройкой железных дорог и развитием экономической жизни **явилась необходимость установления в Сибири права собственности на землю**.

Вместе с тем Сибирь нуждается в образовании не только мелких, но и средних и крупных частновладельческих хозяйств. В настоящее время за Урал уже двинулись со своими стадами крупные овцеводы, скотоводы и коневоды; стали возникать и другие сельскохозяйственные предприятия. Образуются и быстро заселяются поселки городского типа, идет переселение ремесленников, торговцев, разночинцев»².

Уместно закончить этот краткий обзор мнением Б. Д. Бруцкуса о значении переселения. Он считает «крайне односторонним господствующий (в дореволюционной литературе — М. Д.) способ оценки переселенческого движения исключительно только с точки зрения его воздействия на уменьшение избыточного населения в районах аграрного перенаселения.

Переселение в очень короткий срок более 2,5 миллионов крестьян следует рассматривать, как важнейший шаг к использованию богатств русских окраин, к строительству внешнего рынка для русской промышленности.

Промышленность успешнее всего развивается, если она располагает внешними рынками. Под последними следует разуметь районы экстенсивного хозяйства, в которых труд и капитал в сфере сельского хозяйства и вообще добывающей промышленности отличается максимальной производительностью.

Население этих экстенсивных районов отличается большой покупательной силой, эти районы являются богатыми покупателями товаров и выгодными поставщиками сырья для промышленности метрополии.

Этот обмен промышленных районов метрополии с экстенсивными районами создает благополучие и тех, и других, — так творится народное хозяйство и так создаются в метрополии богатые городские рынки для более ценных продуктов: местного сельского хозяйства, для продуктов животноводства и специальных культур для сахара и проч.

Россия находится в этом отношении в счастливых условиях. Этих рынков не надо приобретать за кордоном хитроумными торговыми договорами, их не надо было завоевывать за океаном, их можно было создать у себя, — надо было только уметь вскрыть богатства окраин.

В конце истекшего столетия Россия к этой работе только еще приступила, и это было не последнее средство для ликвидации ее аграрного кризиса, во всяком случае не менее действительное и радикальное, чем дележ земли.

С конца столетия стали развиваться экономические силы Кавказа с его нефтью, Туркестана с его хлопком, а Сибирь стала превращаться в многообещающий район экспорта сельскохозяйственных продуктов, как только его прорезала железная дорога. Вспомним стремительное развитие сибирского маслодела.

¹ Там же. С. 7–8.

² Там же. С. 14–15.

Переброска миллионов крестьян в Сибирь имеет значение не только в том отношении, что эти миллионы, голодные в России, в Сибири будут сыты.

Экономическое значение этого явления больше.

Труд переселенцев на сибирском просторе становится во много раз производительнее, и эта высокая производительность их труда не безразлична для метрополии: переселенцы на новых местах становятся более ценными участниками русского народного хозяйства, чем они были на старых местах.

Этого недооценивали русские аграрные экономисты, ибо крестьянское хозяйство они иначе, как натуральным, себе не мыслили, а русского народного хозяйства, как единого целого, они себе не представляли¹.

Статистика подтверждает мысли Бруцкуса о возросшем экономическом значении колонизируемых регионов во всероссийском рынке².

Успешная колонизация Азиатской России заметно повысила ее роль на всероссийском рынке. В самом общем виде это демонстрирует таблица 197, в которой суммированы данные «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам» о получении ряда грузов железными дорогами, проходящими по основным районам переселения — Сибирской, Забайкальской, Ташкентской и Уссурийской. Подсчет это грубый, как говорили до 1917 г., однако вполне показательный. В дальнейшем эти данные могут быть детализированы.

Таблица 197

**Перевозки грузов в колонизируемые районы 1906–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

Год	Сахар-рафинад	Сахар-песок	Мануфактура товар	Сель.-хоз. машины	Машины, кроме земледельческих	Чугун не в деле	Железо и сталь не в деле	Жесть
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1906	3182	1027	1984	2213	830,5	181	2855	103
1907	3133	1017	1816	3245	718,4	232	2823	127
1908	3505	1038	2119	3804	741,7	262	3272	206
1909	4082	1234	2564	4326	932,4	163	3809	229
1910	4739	1582	2891	3701	998,5	153	4472	202
1911	4299	1353	2726,7	4969	1137,4	289	4489	237
1912	5700	1707	2800	4757	1222,4	320	4635	207
1913	6126	2175	2878	6135	1470,7	305	5802	347
Доля от перевозок по Империи								
1906	7,8	2,0	4,7	15,6	1,5	0,3	3,2	7,0
1907	7,6	2,0	4,5	20,1	1,3	0,3	3,1	7,6
1908	8,7	1,9	5,2	20,7	1,3	0,3	3,7	9,7
1909	9,5	2,2	5,5	20,0	1,4	0,2	4,2	10,4
1910	10,2	2,7	6,2	15,1	1,4	0,2	4,1	7,1

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 116–117.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 482–491.

Окончание таблицы 197

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1911	9,5	1,9	5,5	18,0	1,5	0,3	3,5	7,5
1912	10,6	2,5	5,5	15,9	1,5	0,3	3,2	6,5
1913	11,2	3,1	5,4	17,7	1,7	0,2	3,6	8,8
Год	Проволока	Посуда чугунная (и эмалированная)	Посуда железная (и эмалированная)	Гвозди	Болты	Цемент	Соль	Керосин
1906	93	131,6	0	460	135,6	670	3448	1822
1907	90,4	159,9	0	431,6	151,2	1776	2657	2086
1908	92,5	178,1	0	456,2	194,1	3370	3639	2861
1909	120,3	154,9	114,5	639,7	186,3	2367	4150	2987
1910	135,2	132,1	129,1	592,6	222,0	3781	6434	3305
1911	198,9	132,1	156,4	551	254,1	4260	6359	3450
1912	235,2	132,1	182,9	653	332,6	4500	6093	3600
1913	300,2	151,2	187,9	705	297,9	5674	7263	3412
Доля от перевозок по Империи								
1906	5,4	7,8	н/с	7,7	4,9	2,2	3,1	2,3
1907	5,0	7,2	н/с	6,9	5,6	4,8	2,7	2,5
1908	5,4	8,9	н/с	7,8	7,1	8,3	3,4	3,3
1909	5,8	9,5	10,0	8,5	7,3	5,6	3,9	3,4
1910	5,8	7,8	9,5	8,4	7,1	6,4	5,7	3,8
1911	7,5	8,9	9,4	7,4	7,2	5,9	5,3	3,9
1912	7,4	8,4	10,4	8,3	8,5	5,5	5,2	4
1913	7,5	8,5	9,5	8,5	6,4	5,5	5,9	3,6

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Подсчеты автора.

Как следует из таблицы 197, получение рафинада колонизируемыми районами за 1906–1913 гг. выросло с 3,2 до 6,1 млн пуд., т. е. в 1,9 раза, причем, если в 1906 г. эти районы поглощали 7,8% всего объема перевозок по Империи, то в 1913 г. — 11,2%. Получение сахара песка более, чем удвоилось по абсолютной величине и относительно выросло на 1,1%, мануфактуры — увеличилось на 45,1%, сельхозмашин — почти утроилось, машин, кроме сельскохозяйственных выросло в 1,8 раза, чугуна не в деле — в 1,7 раза, железа и стали не в деле — в 2,0 раза, жести — в 3,4 раза, проволоки — в 3,2 раза, болтов — в 2,2 раза, цемента — в 8,5 раз (!), соли — в 2,1 раза, керосина — в 1,9 раза. Почти на том же уровне осталось получение чугунной посуды, а вот прибытие железной посуды, в том числе «эмалированной», как тогда писали, за 1909–1913 гг. увеличилось в 1,6 раза.

Нетрудно заметить, что на Сибирь, Степной край и Дальний Восток приходится в 1913 г. большая доля общеимперских перевозок каждого из этих грузов, иногда — заметно большая (рафинад, проволока, цемент, соль, керосин). Особо еще раз хочется сказать о сельхозмашинах. Здесь за точку отсчета нужно брать не 1906 г., а 1905 г.,

когда эти районы получили 801 тыс. пуд. сельхозтехники, т. е. 6,2% итога по стране. Однако после указа 4 марта стало ясно, что переселение возобновится в несравненно более крупном масштабе, чем до 1904 г., и рынок отреагировал на это немедленно — в 1906 г. в Азиатскую Россию (без Туркестана) было ввезено 2213 тыс. пуд. сельхозтехники (в 1,8 раза больше, чем в 1905 г.), что составило 15,6% всей транспортировки. В дальнейшем, как можно видеть, эти показатели увеличиваются до 20–20,7% — с поправкой на неурожайные годы, тяжело отразившиеся на Сибири. В 1913 г. колонизируемые регионы получили в 2,8 раза больше сельхозагоственных машин и орудий, чем в 1906 г.

«Сводная статистика» публиковала ежегодные сведения о перевозках по отдельным дорогам не для всех товаров, поэтому в ряде случаев мы вынуждены довольствоваться лишь двумя датами из 1906–1913 гг. (таблица 198).

Таблица 198

Перевозки грузов в колонизируемые районы (тыс. пуд.)

Год	Стекло листовое, оконное	Буылки	Посуда стеклянная	Спички	Год	Свечи	Мыло
1906	415	666	293	184,4	1908	169,4	262
1910	467	948	280	277	1911	190,6	415
Доля от перевозок по Империи							
1906	9,4	5,6	7,5	6,5	1908	11,8	4,8
1910	7,5	6,6	5,9	8,1	1911	12,5	6,3
Год	Табак	Год	Фаянс, фарфор	Год	Пиво	Медь	Свинец
1907	416	1908	235,8	1909	1182	27,9	51,8
1911	737,3	1913	378	1913	1854	31,6	117,9
Доля от перевозок по Империи							
1907	4,0	1908	6,6	1909	6,2	1,1	4,5
1911	6,2	1913	7,9	1913	5,3	1,3	4

Однако и в этих фрагментарных данных видна положительная динамика.

Полагаю, что это весьма яркие примеры ограниченности традиционного подхода к переселениям.

8.11.2. Империя и азиатская Россия — новое видение интеграции

Теперь обратимся ко второму из интересующих нас аспектов, связанному с тем новым пониманием места и роли Сибири и Азиатской России в рамках Империи, которое постепенно стало преобладать в правительственных кругах в конце XIX — начале XX вв.

Здесь необходимо сказать следующее.

Теперь — в начале XXI века — понятно, что Россия завоевывалась впрок.

Однако к началу XX в. огромные просторы Сибири, Степного края и Средней Азии не были по-настоящему интегрированы в жизнь Империи. Лишь в 1890-х гг. началось

строительство Великой Сибирской магистрали. Средняя Азия до начала движения по Ташкентской железной дороге в 1907 г., соединившей ее с Европейской Россией, практически была островом (верблужьи караваны до Оренбурга к этому времени потеряли значение).

С. Ю. Витте, руководивший строительством Транссиба, был не первым, кто понимал сугубую важность проблемы реальной интеграции Европейской и Азиатской частей России, но первым, кто реально смог преодолеть инерцию и изменить историю. Он же, как это часто бывало, наметил задачи для будущего.

К. А. Кривошеин справедливо считает, что «грандиозная геополитическая и экономическая перспектива заселения Сибири, связанная с проникновением туда сибирского пути, с приобщением целины и тайги к культурно-хозяйственной жизни России, открылась ему с большой ясностью»¹.

В своем докладе «О способах сооружения Великого сибирского пути» (6 ноября 1892 г.)² Витте писал, что на строительство магистрали нельзя смотреть с «узкофинансовой» точки зрения, поскольку ее общегосударственное значение невозможно переоценить.

«“Сплошная через всю Сибирь” железная дорога — это предприятие государственное в широком смысле слова, и с этой, единственно правильной в данном случае, точки зрения, сооружение Сибирской железной дороги должно быть признано задачей первостепенного значения, разрешение которой обеспечит государству величайшие выгоды в области интересов экономических, культурных и политических».

В области экономической значение Сибирской железной дороги тем обширнее, что, при установленном ныне направлении ее, эта дорога связывается со всеми водяными сообщениями Сибири, вследствие чего пространство, которое имеет обслуживать дорога, далеко превосходит собственно район, прорезываемый ею и находящийся в сфере естественного тяготения к ней. Таким образом, через Сибирскую дорогу с русской рельсовой сетью соединяется огромная территория, притом заключающая в себе почти все те части Сибирских областей, которые находятся в наиболее благоприятных условиях для экономического развития, в том числе плодородные земли Западной Сибири и Уссурийского края, а также многие округа, славящиеся золотыми месторождениями и другими минеральными богатствами»³.

Сибирь 300 лет находится в составе России, но из-за ее разобщенности с европейской частью страны она до сих пор не участвовала полноценно в ее жизни, несмотря на обилие природных богатств. Поэтому строительство Транссибирской магистрали позволит приобщить Сибирь «к русской жизни и поставить в те же условия существования и развития, в которых находятся другие части Империи, сближенные рельсовыми путями и между собою, и с центрами наибольшей жизнедеятельности государства».

Принимая протяжение Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока круглым числом в 7100 верст, и полагая, что эта дорога приблизит к Европей-

¹ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. «Звезда». С. 123.

² Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М., Наука, 2004. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 159–183; См. также «О порядке и способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути». Там же. С. 184–229.

³ Там же. С. 159–160

ской России только прорезываемую ею полосу не свыше стоверстного расстояния от линии пути в обе стороны, то и в таком случае, благодаря железной дороге, в новые условия существования становится территория в 1 420 000 квадратных верст, превосходящая Германию и Австро-Венгрию вместе взятые с добавлением Голландии, Бельгии и Дании. Если сравнивать эту территорию с какою-нибудь частью Европейской России, то окажется, что она по пространству превосходит все вместе взятые губернии, заключенные между Окой, Волгой, Азовским и Черным морями и австрийской границей, с добавлением Привислянского края, т. е. 35 губерний. При этом вся эта территория лежит в средних географических широтах (преимущественно между 50° и 57° север. шир.), по климатическим условиям не слишком резко отличается от центральных и восточных губерний Европейской России и в большей своей части представляет данные, вполне благоприятствующие развитию земледельческих и других промыслов»¹. На деле же ее влияние окажется гораздо более широким и, безусловно, даст мощный толчок экономическому развитию регионов Сибири, оживит ее.

В плодородных степях Западной Сибири — Ишимской, Барабинской и Кулундинской, — по площади не уступающих Франции, сейчас живет не более 2 млн чел., а могло бы намного больше, ибо это благоприятное пространство для колонизации. Там могли бы разместиться малоземельные крестьяне из внутренних областей страны. Есть веские основания ожидать, что с постройкой Сибирской железной дороги заселение плодородных, но пустых земель Сибири пойдет весьма успешно, «а с появлением на месте необходимого количества рабочей силы эти земли приобретут, без сомнения, притягательность и для более образованных общественных слоев, которые принесут с собою и капитал, и знание, и просветительное влияние в окружающей среде. Сему последнему могло бы содействовать дарование русским дворянам и служилому сословию особых льгот по наделению казенными землями»².

Новая дорога создаст необходимые условия для разработки громадных минеральных богатств Сибири и добыча которых пока совершенно ничтожна. «Между тем, Сибирь имеет все данные для широкого развития горнозаводского дела. Не подлежит сомнению, что железная дорога повсюду явится в этом крае могущественным двигателем горной промышленности. В частности, Уральская горнозаводская промышленность, обессиливаемая отдаленностью рынков сбыта и успешной конкуренцией южнорусских заводов, уже в период постройки дороги может получить твердую точку опоры. Открывая сбыт для туземной горнозаводской промышленности как в Европейскую Россию, так и на рынки соседних стран, Монголии и Китая, железная дорога, без сомнения, привлечет к разработке неисчерпаемых минеральных богатств Сибири труд, капитал и искусство, которые ныне чуждаются этого, доселе почти не участвующего в общем экономическом движении России, края.

Но особенного внимания заслуживает значение железной дороги для Сибирской золотопромышленности, по той важности, которую представляет эта промышленность не только в народном хозяйстве, но и с точки зрения государственного хозяйства в тесном смысле слова»³. Этой отрасли и ее перспективам Витте посвящает затем несколько страниц своей Записки. Здесь уместно напомнить, что его стараниями на рубеже

¹ Там же. С. 160–161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 163.

веков было отменено устаревшее законодательство, которое с XVIII в. регулировало золотодобычу¹.

Сибирь, несомненно, превратится в рынок сбыта для промышленности страны, значение которого будет возрастать по мере ее заселения не только из-за дешевизны и удобства доставки товаров, но «главнейше от общего подъема культурности в крае, от расширения потребностей населения в отношении удобств жизни, от размножения и усиления торговых и промышленных центров»².

Однако значение Сибирской железной дороги для отечественной торговли виделось Витте в куда более широком контексте: «Чтобы представить во всем объеме действительное значение для русской торговли Великого Сибирского пути, следует расширить точку зрения, так как осуществлением этого предприятия устанавливается непрерывное рельсовое сообщение Европы с Великим Океаном и азиатским востоком. Таким образом, Сибирская железная дорога открывает новый путь и новые горизонты не только для русской, но и для всемирной торговли. **Это значение Сибирской железной дороги ставит ее в ряду мировых событий, которыми начинаются новые эпохи в истории народов и которые нередко вызывают коренной переворот установившихся экономических соотношений между государствами**»³.

Для России особенно важно, что этот переворот в коммуникациях между Европой и азиатским Востоком должен быть в ее пользу, поскольку на протяжении более 10 тысяч верст непрерывного рельсового пути она «может и должна» воспользоваться всеми преимуществами не только как посредник в международной торговле Дальнего Востока и Европы, но и как крупный производитель и потребитель, который ближе всех находится к странам азиатского востока. Дорога, таким образом, значительно усилит роль России на мировом рынке и, соответственно, откроет новые источники народного благосостояния⁴.

Когда дорога дойдет до Тихого океана, русский флот сможет стать «весьма внушительною силою как для политических, так и для стратегических целей», а кроме того, «Россия получит полную возможность стать в более непосредственные отношения с Северо-Американскими Штатами, которые хотя являются в Европе нашими конкурентами по хлебной торговле, но, по солидарности других и в особенности политических интересов, питают искренние симпатии к России»⁵.

---

¹ Л. Б. Кафенгауз пишет: «Наша золотопромышленность... стояла в стороне от общепромышленного подъема 90-х годов и находилась в состоянии застоя, когда вся крупная промышленность переживала подъем. Только в начале XX в. в этой отрасли наступает некоторый подъем, связанный с изменением законодательных норм, регулирующих эту отрасль, притоком иностранных капиталов и распространением новых более совершенных технических приемов разработки золотых месторождений.

В течение 1899–1903 гг. был издан ряд новых законодательных актов, отменивших архаические нормы, изданные еще в XVIII в., и создавших для этой промышленности условия, содействовавшие притоку капиталов и организации капиталистических предприятий обычного типа. Новые правила устранили все ранее существовавшие формальности, затруднявшие поиски, разведку и заявку золотосодержащих местностей, ввели свободное обращение золота, отменили горную подать натурой и распространили на золотопромышленность общие нормы промыслового налога.

Новое законодательство содействовало росту добычи и привлечению в казну всего того золота, которое до этого скрывалось от обложения и вывозилось тайно за границу». (Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства... С. 83–84.)

² Витте С. Ю. Собрание сочинений... Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 167.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 171.

Не касаясь остальной части этой Записки Витте, отмечу, как он просто и не без изящества он решает задачу оживления горнозаводской промышленности Урала. Находящиеся близ линии будущей дороги местные железодельные заводы, в том числе и заводы южного Урала, будут использоваться, однако выработка их ничтожна относительно потребностей строительства. Привозить рельсы и остальное оборудование из отдаленных предприятий Европейской России — дорого и долго.

Чтобы металлургия и металлообработка Урала не «осталась бы и на сей раз без участия в постройке дороги, проходящей хотя и не в столь близком соседстве с этими заводами, как Уральская дорога (на которой уложены были иностранные рельсы), но во всяком случае и не в дали от них», необходимо одновременно с началом строительства линии Челябинск-Иркутск начать соединительную линию Екатеринбург-Челябинск, которая свяжет все уральские заводы с Сибирской железной дорогой, что значительно облегчит ее сооружение, **«а попутно будет поставлена на ноги Уральская горнозаводская промышленность»**¹.

Многое, из очерченного Витте в 1892 г., позже было успешно реализовано.

Как ни странно, на первый взгляд, но в правительстве Империи существовала устойчивая оппозиция строительству дороги.

Витте пишет, что во время одного из первых его докладов как министра путей сообщения (в первой половине 1892 г.) Александр III высказал ему «свое желание, свою мечту, чтобы была выстроена железная дорога из Европейской России до Владивостока.

Мысль эта глубоко засела у императора Александра III, и еще до моего назначения министром он постоянно толковал о сооружении этой дороги...

Император Александр III мне как бы жаловался на то, что, вот, несмотря на все его усилия в течение 10 лет, он все время встречает со стороны министров, в Комитете Министров и в Государственном Совете затруднения в быстром исполнении этой мысли. Он взял с меня как бы слово, что я эту его мысль приведу в исполнение.

Поэтому, когда я был министром путей сообщения и затем, когда я сделался 30 августа 1892 г. министром финансов, как во время царствования императора Александра III, так и после его царствования, я усердно проводил эту мысль о сооружении Великого Сибирского пути, и насколько прежние министры задерживали это предприятие, настолько я, памятуя заветы императора Александра III, старался как можно быстрее осуществить этот путь.

Вообще же эта идея не встречала особенного сочувствия в высших государственных сферах. Мне удалось особенно быстро двинуть это дело, когда я сделался министром финансов, после того как я пробыл министром путей сообщения в течение 7–8 месяцев, так как для того, чтобы построить такую дорогу, главное, что было нужно, — это деньги, и если бы я оставался министром путей сообщения, то всегда бы встречал известную задержку у министра финансов.

Сделавшись же министром финансов и имея, с одной стороны, повеление государя и завет его совершить это великое дело, довести его до конца — я, конечно, отдался этому делу всею душою, и все средства, которые только я мог давать на это дело, я давал.

После смерти императора Александра III мне помогло в этом деле следующее обстоятельство, а именно, что этим делом я очень заинтересовал императора Николая II

¹ Там же. С. 172, 173.

еще в то время, когда он, будучи наследником, совершенно еще молодым человеком, никакими вообще государственными делами не занимался»¹.

Причины противодействия строительству со стороны высших сановников Империи С. Ю. Витте раскрывает без особой деликатности: «Я не стану, конечно, здесь говорить о всех более или менее крупных вопросах, которые обсуждались в Сибирском комитете ... но я не могу не припомнить одного весьма интересного факта.

Факт этот интересен в том отношении, что это было так недавно, еще не прошло с того времени и 20 лет, а между тем теперь кажется совершенно невероятным, что в конце прошлого, XIX столетия могли быть возбуждаемы такие вопросы, которые, собственно, могли возникать лишь в средние века».

Одна из сквозных тем мемуаров С. Ю. Витте — тема принципиального несоответствия взглядов и подходов, популярных у российской элиты, начиная с носителей высшей власти и немалого числа их министров, духу времени, эпохе, миру, в котором они жили. Многочисленные высказывания Витте на этот счет можно суммировать одной фразой — «нельзя в XX веке проводить политику XVII века».

Это несоответствие, имевшее тяжелейшие последствия и в определенном смысле — судьбоносное значение для России — фактически квалифицируется как некомпетентность.

Что же он имеет в виду в данном случае?

«Я возбудил и старался двинуть вопрос о переселении из Европейской России в Сибирь по мере сооружения Сибирской дороги...

В моих понятиях устройство Великого Сибирского пути неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население в Европейской России, и там (в Европейской России) являлось более свободы для земельного быта крестьян, с другой стороны, этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем, благодаря переселению можно было надеяться на то, что Сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать.

Между тем мысль о переселении не только не встретила сочувствия, но встретила скрытое противодействие. **Противодействие это основывалось на крепостнических чувствах и идеях.** Многие из наших влиятельных частных землевладельцев-дворян и их ставленники в бюрократическом мире Петербурга, а прежде всего министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново, считали эту меру вредной.

Они утверждали, что мера эта может иметь дурные политические последствия; а, в сущности говоря, при откровенном разговоре и суждениях об этом деле ясно выражалась крепостническая мысль, а именно, если крестьяне будут выселяться, то земля не будет увеличиваться в цене, потому что известно, что чем больше количество населения, тем более увеличиваются и цены на землю; это, с одной стороны, неудобно — невыгодно для частных землевладельцев, потому что рост ценности на землю если и будет, то будет меньше; а, с другой стороны, рабочих рук будет меньше, а поэтому и за обработку земли придется платить больше. А желательно, чтобы не помещик искал рабочих, а рабочие умирали с голоду от неимения работы, тогда рабочие руки будут гораздо дешевле, а потому и лучше!

Поэтому в одном из заседаний Сибирского комитета вскоре после его открытия вопрос о том, желательно ли для общегосударственных интересов переселение крестьян из Европейской России в Сибирь, или нежелательно, был поставлен во всем объеме

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 1. С. 241–242.

принципиально. И несмотря на возражения, и не столько возражения, сколько вообще желания вопрос этот похоронить, проявленные со стороны некоторых членов Сибирского комитета во главе с министром внутренних дел Дурново, возражавших против моей мысли о том, что эта мера благая — благодаря поддержке Бунге — эта моя идея получила апробацию Сибирского комитета, и прежде всего его председателя наследника-цесаревича.

В этом заседании наследнику-цесаревичу, будущему императору Николаю II, в первый раз пришлось определенно высказаться по большому политическому вопросу, и высказаться в том смысле, который в те времена почитался либеральным и даже более — в те времена такая моя идея почиталась революционной; точно так же, как в 1905 г., да и до настоящего времени моя идея о необходимости перемены государственного строя на началах 17 октября или, попросту говоря, манифест 17 октября, дал мне в глазах всех патриотов аттестацию революционера.

Теперь уже не составляет вопроса: есть ли переселение крестьян из Европейской России в Сибирь благо или нет?

Я думаю, многие были бы удивлены, узнав, что еще 18 лет тому назад это считалось вредом и правительство принимало все меры в административном порядке для того, чтобы крестьяне были пригвождены к своей земле, чтобы население там, где оно скучено, увеличивалось бы еще более для увеличения цен на землю и главным образом для того, чтобы ценность рабочего труда была бы низка¹.

Что и говорить, высокие мотивы определяли государственное планирование и решение воистину геополитических задач такими государственными мужами, как И. Н. Дурново и его единомышленники (в том числе и упоминавшийся выше прокурор 2-го Департамента Сената Хвостов), которые, имея подобные понятия о перспективах развития Империи, распорядились ее судьбами в конце XIX в.!

Хорошо, что у Витте была тогда поддержка обоих императоров.

Постепенно, однако, идея более тесной интеграции Сибири с Россией стала пробивать себе дорогу, особенно в связи с событиями мировой политики.

2 декабря 1896 г. в рамках МВД было учреждено Переселенческое управление, начальником которого был назначен В. И. Гиппиус, а его помощником молодой чиновник Земского отдела А. В. Кривошеин, которого со временем назовут «министром Азиатской России» и который сыграл столь выдающуюся роль в ее освоении.

Переселение за 1896–1905 гг. составило 1019,8 тыс. чел.² Ведомство приобрело трудный опыт, благодаря которому в эти годы было заложено многое из того, что с 1906 г. стало неотъемлемой частью инфраструктуры переселенческого дела.

Когда мы говорим о переселениях в годы Столыпинской аграрной реформы, мы должны помнить, что С. Ю. Витте и здесь в большей мере выступил первопроходцем.

План, выдвинутый им после поездки в Сибирь в 1902 г., предусматривал многое из того, что позже реализовывалось в 1906–1916 гг. В его «Всепоподанейшем докладе... по поездке на Дальний Восток»³, как и 10 лет назад, но уже не гипотетически, а с фактами в руках подчеркивалось мировое значение Великого Сибирского пути и значение для России колонизации Сибири и Дальнего Востока — на его основе. При этом Витте ясно видел, что динамический центр внешней политики России перемещается на Даль-

¹ Там же. С. 367–368.

² Статистический ежегодник России на 1908 г. С. 96–97.

³ *Витте С. Ю.* Собрание сочинений... Т. 1, Кн. 2. Ч. 1. С. 332–410.

ний Восток, однако считал, что для этого нет почти никаких социально-экономических предпосылок — у армии там не будет прочного тыла.

Число переселенцев выросло до 200 тыс. чел., писал он, и это не предел; равным образом не исчерпаны и территориальные резервы Азиатской России. «Между тем скорейшая колонизация наших азиатских владений представляется делом перво-степенной государственной важности как в экономическом, так и в политическом отношении... С заселением обширных сибирских областей, с обращением их хотя бы до некоторой степени в культурное состояние, экономическая жизнь империи и политическое ее могущество возрастут весьма значительно...»¹.

Для развития переселения Витте предлагает следующие меры: облегчить выход переселенцев и для этого устранить противодействие со стороны местных властей; ознакомить крестьянство с действительными условиями жизни за Уралом путем распространения ходачества; планомерно и систематически обследовать таежные пространства с целью сохранения ценных лесов и обращения под переселение участков, не имеющих лесохозяйственного значения. Развить сеть дорог от грунтовых до железных: «Обратить особое внимание на скорейшее сооружение линии от Омска до Ташкента. Линия эта откроет новый большой район для заселения и обеспечит среднеазиатский рынок дешевым сибирским хлебом, благодаря чему явится возможность расширить за счет зерновых посевов разведение хлопка в Средней Азии»².

Со своим обычным стратегическим видением любой проблемы он говорит об организации врачебно-продовольственной помощи, межевых (землемерных) партий, об освоении природных богатств Азиатской России, для чего необходимо привлечь иностранные капиталы, потому что своих на это пока нет, и соответствующем росте городского и рабочего населения; рабочих нужно заинтересовать предоставлением им земельных участков.

Трудно не согласиться с К. А. Кривошеиным: «Так, смелой и твёрдой рукой мог Витте чертить грандиозный и в то же время разумный план будущего развития Сибири, культурной миссии русского народа в пробуждении скрытых в ней энергий, и в этой части начертанного им плана он не ошибался; заселение и освоение Сибири пошло именно предвиденным им путем, его предначертания вошли в программы Кривошеина.

Поражают отдельные подробности, в 1902 г. (а тем более в 1892 г.), частью казавшиеся неактуальными, но получившие потом большое значение.

Так, железнодорожная связь между хлебным районом к югу от Омска и хлопководческим Туркестаном для обеспечения хлебом последнего и развития там культуры хлопка за счет зерновых культур; так, заселение киргизских степей с их анти-экономическим кочевым хозяйством; заселение Приамурья; привлечение в Сибирь «образованных слоев общества» путем создания крупной частной собственности или поощрение оседания в ней рабочего элемента льготным предоставлением ему участков в аренду.

Так, наконец, то, что могло казаться тогда праздно мечтой,— ясное сознание необходимости индустриализации огромной и почти незаселенной страны, хотя бы ценой привлечения иностранного капитала»³.

Наконец 5 мая 1905 г. произошла реорганизация руководства переселением — с

¹ Там же. С. 336–340.

² Там же. С. 340–347.

³ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин... С. 126–127.

переименованием Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройством и земледелием с министерскими правами Переселенческое управление было изъято из ведения МВД и присоединено к новому ГУЗиЗ.

Целый комплекс вопросов, прямо связанных с устройством участков для переселенцев (мелиоративные и землемерные работы и т. д.), который до того был в ведении Министерства земледелия, вошел в компетенцию Переселенческого управления, поскольку это касалось переселенцев.

Очень важно отметить, что с момента, когда в 1908 г. Кривошеин встал во главе ГУЗиЗ, он активно выдвигал тезис о том, что прежний взгляд на переселение как на возможность просто переместить из одного места Империи в другое сколько-то сот тысяч (а иногда мечтали и о миллионах!) малоземельных крестьян несостоятелен.

Наплыв переселенцев в 1906–1909 гг. оказался столь огромен, что техническая задача размещения громадного числа людей заслонила все остальные, однако Переселенческое Управление с нею более или менее справилось.

А в 1910 г. состоялась поездка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь, и начался новый период в истории освоения Азиатской России.

Основные выводы, сделанные реформаторами, В. Г. Тюкавкин излагает следующим образом: «1. Следует встать и в Сибири на путь создания и укрепления частной собственности, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам». В частную собственность отводить прежде всего хуторские и отрубные участки.

2. Необходимо распространить и на Сибирь указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г. о выходе из общины. Нужно «устранить общинно-земельные порядки в Сибири», разверстать общественные земли на подворные участки и содействовать «процессу выделения и обособления от общины наиболее крепких хозяйственных единиц». Прежде всего изменить порядок землеотводных работ Переселенческого управления, отводить в первую очередь хуторские и отрубные участки. Затем провести внутринадельное размежевание переселенческих поселков, уже заселенных новоселами, поскольку последние не имели еще прочно сложившегося землепользования.

3. Сибири нужна не только мелкая крестьянская собственность. Необходимо также насадить здесь помещиков.

4. Нужно оказать помощь сибирскому зажиточному крестьянину в сбыте хлеба, для чего отменить Челябинский тарифный перелом и увеличить дорожное строительство в Сибири»¹.

Знаменитый «Новый курс» переселенческой политики, окончательно изменивший парадигму переселения, зиждился на следующих постулатах: «1) колонизационная идея — **прочного заселения окраин русскими людьми, а отнюдь не возможно большего по своим размерам выселения за Урал крестьян из Европейской России;**

2) ближайшее согласование мер правительственной помощи новоселам с местными — иногда совершенно различными — условиями отдельных крупных районов Азиатской России;

3) приспособление переселенческой политики к новым условиям самого переселения, утрачивающего стихийный характер и выдвигающего **новое начало сознательной личной энергии**, и в связи с этим переход от общинного наделения земли переселенцев и старожилов Сибири к личной земельной собственности, и

¹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство. ... С. 232 и далее.

4) перенесение центра тяжести правительственных работ на улучшение общей культурной и экономической обстановки заселения и, прежде всего, на развитие в Азиатской России планомерного **железнодорожного строительства**»¹.

Последняя задача реально оказывалась необходимым условием для эффективной реализации остальных частей программы. Серьезным подспорьем делу колонизации стало открытие в 1907 г. движения по Ташкентской железной дороге, соединившей Европейскую Россию с Туркестаном.

Однако она далеко не решала всех проблем, притом что район притяжения Сибирской железной дороги и главных судоходных рек был уже занят переселенцами, «волна переселения докатилась уже до местностей, теряющихся в глухой тайге и в безлюдных степях».

В Отчете о поездке Столыпина и Кривошеина в Сибирь говорится о необходимости постройки Южно-Сибирской магистрали, «призванной тесно связать нашу Сибирскую окраину с мировым рынком, дать южным киргизским степям, богатым хлебом, скотом, золотом, медью и каменным углем, возможность сбыта этих богатств»².

ГУЗиЗ с 1911 г. разрабатывал и затем представил в Государственную Думу подробный план сети новых железных дорог в колонизируемых районах.

В 1913 г. вошли в строй Омская и Северно-Уральская железная дороги, резко «оживившие» Тобольскую губернию и вообще Юг Сибири, а также Амурская железная дорога, что сразу же сказалось на числе переселенцев в эту область»³.

Столыпину, а затем и Кривошеину пришлось бороться с упорным противодействием Министерства финансов также и в сфере железнодорожного строительства. К. А. Кривошеин показывает, как Коковцов затягивал выполнение программы железнодорожного строительства до тех пор, пока сильное давление Кривошеина и министра путей сообщения Рухлова не вынудило его заключить железнодорожный займ в Париже (октябрь 1913 — январь 1914 г.).

Комиссия Государственной думы весной 1913 г. рассмотрела проект Южно-Сибирской магистрали (Орск — Акмолинск — Семипалатинск, протяжением в 1618 верст), одобренный Советом министров в конце 1913 г.

В июне 1914 г. 2-й департамент Государственного совета разрешил выдачу концессии на ее строительство частной группе «Копикуз» (Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей), возглавляемой Вл. Ф. Треповым и тесно связанной с иностранным капиталом⁴. Рухлов, Кривошеин и новый министр финансов Барк были категорически против сооружения на казенный счет этой дороги, строительство которой было оценено в 116 млн руб. Условия заключенного в Париже займа, разумеется, представляли за правительством контроль над строящимися линиями⁵.

Так сбывалась идея С. Ю. Витте, высказанная в 1902 г., о необходимости привлечения иностранных капиталов для оживления Сибири.

В июне 1914 г. была разрешена постройка дороги Орск-Троицк и ответвления от нее на Магнитную гору. Строительство остановила война, а завершила его в 1930 г. советская власть. Полагаю, важно отметить, что один из важнейших промышленных

¹ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 86–87.

² Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин... С. 133.

³ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 6.

⁴ «Копикуз», группы Вл. Ф. Трепова с 1912–1913 гг., начал сооружать будущий Кузнецкий металлургический комбинат. Одновременно с этим в программу развития металлургии этой части Урала входила постройка линии на Магнитную гору.

⁵ Там же. С. 134.

центров нашей страны начал создаваться решением Государственного Совета Российской Империи за 15 лет до того, как решением Политбюро возник г. Магнитогорск.

Железнодорожные линии Троицк-Кустанай и Новониколаевск-Барнаул-Семипалатинск, проходящие через активно заселяемый район, на строительстве которых также настаивало ГУЗиЗ, были закончены, первая — 1 декабря 1913 г., вторая — в 1916 г.

В 1913 г. начались изыскания для строительства линии от Кольчугина (будущий Ленинск-Кузнецкий) до Барнаула с ветвью на Кемерово для обслуживания угольного бассейна и районов зернового производства. К 1917 г. Кольчугино и Кемерово были уже соединены рельсовым путем с Великой Сибирской магистралью.

В начале 1914 г. ГУЗиЗ энергично добивалось сооружения Усинской железной дороги для соединения пограничного с Урянхайским краем (Тувой) Усинского округа Енисейской губернии и Красноярска для активизации переселения¹.

Планы реформаторов не ограничивались Сибирью и Дальним Востоком.

В 1910-х гг. по инициативе Кривошеина ГУЗиЗ разработало и начало выполнять обширную многолетнюю программу орошения и освоения пустынных областей Средней Азии и Закавказья. Реализацию этих планов остановила война, и только много лет спустя «2-е издание дополненное и расширенное» этой программы попыталась сделать советская власть. Закончилась эта попытка крупнейшей в истории рукотворной экологической катастрофой — уничтожением Аральского моря, разрушением природного баланса на громадной территории и превращением хлопководства в разновидность крепостного труда для жителей Средней Азии.

ГУЗиЗ намеревалось придать новый импульс экономическому развитию этих обширных регионов путем более полного вовлечения их во всероссийский рынок, заселить их переселенцами из Европейской России и создать условия для окончательного вытеснения азиатским хлопком импортного сырья для текстильной промышленности, большая часть которого по-прежнему ввозилась из-за границы.

Проблема состояла в следующем.

Хлопчатобумажная промышленность, как известно, была ведущей отраслью отечественной промышленности, очень долго работавшей преимущественно на иностранном сырье. Ежегодно Россия импортировала хлопка на десятки миллионов рублей и, понятно, нуждалась в собственной сырьевой базе. При этом хлопок был нужен также и оборонной промышленности — его клетчатка была компонентом взрывчатых веществ, в частности, бездымного пороха.

Естественно было рассматривать в качестве такой базы Туркестан. Однако издавна выращивавшийся там хлопок, так называемая «гуза», ввиду низкого качества не мог всерьез конкурировать с американским или египетским. Поэтому переворот в развитии туркестанского хлопководства произошел, как известно, после внедрения там культуры американского хлопчатника (сорта Upland и др.). После долгих опытов был, наконец, получен хлопок, удовлетворявший требованиям большинства отечественных производителей хлопчатобумажных тканей. Среднеазиатский хлопок из американских семян позволял вырабатывать пряжу средних номеров (около 30-го).

Однако прогресс хлопководства в Средней Азии тормозился тем, что хлопок здесь не был самой доходной культурой; дехканам было выгоднее выращивать пшеницу, ячмень и люцерну, притом же хлопок требовал орошения.

Уменьшить зависимость от импортного сырья можно было следующими способами.

¹ Там же.

Во-первых, расширить площадь орошаемых земель, для чего была нужна мелиорация и ирригация. Определенная работа в этом направлении была начата в кн. Николаем Константиновичем в 1880-х гг. (см. ниже), но эффект она принесла не сразу.

Во-вторых, повысить доходность хлопководства, сделать его производство выгодным. Правительство в основном и пошло по этому пути, повышая ввозные пошлины и стимулируя развитие культуры хлопчатника в Туркестане налоговыми льготами, что привело к позитивным результатам. Развитие туркестанского хлопководства — очень яркий пример успешного применения принципов протекционизма в дореволюционной истории.

С этим способом был связан и третий — вытеснение зерновых культур с уже орошаемых земель и замена их хлопком, но для этого требовалось снабдить население региона дешевым хлебом, дешевым настолько, что его было бы проще купить, чем выращивать самим. Витте, как мы знаем, писал об этом еще в 1902 г.

Другими словами, Средняя Азия должна была стать рынком сбыта для зерна, производимого в других районах Империи. Этот процесс активизировался после постройки Ташкентской железной дороги в 1907 г.

Выработка среднеазиатского хлопка постепенно увеличивалось. Если в 1890-х гг. основная часть использовавшегося хлопка ввозилась, то к 1913 г. продукция отечественного хлопководства в значительной мере вытеснила импорт.

Таблица 199 показывает, что импорт хлопка к концу рассматриваемого периода превысил показатели начала 1890-х гг. примерно в полтора раза, а аналогичный показатель потребления азиатского хлопка (этот термин используется мной как синонимичный термину «отечественный хлопок») увеличился в пять раз и с 1911 г. составлял более половины потребляемого российскими фабриками сырья.

Таблица 199

**Соотношение ввоза в Европейскую Россию импортного
и отечественного хлопка в 1890–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Годы	Ввоз по западной границе	Ввоз по азиатской границе	Итого иностр. хлопка	Железнодорожные перевозки		Итого отечеств. хлопка
				из Туркестана	из Закавказья	
1890	8000	563	8563	2673	338	3011
1895	7488	739	8227	2910	505	3415
1900	9287	1002	10289	4960	398	5358
1905	9347	1126	10473	5458	881	6339
1906	8813	1207	10020	9348	700	10048
1907	9734	1133	10867	9808	800	10608
1908	13408	1152	14560	9365	826	10191
1909	9626	1596	11222	9806	976	10782
1910	10317	1739	12056	9020	1549	10569
1911	10126	1753	11879	11409	1612	13021
1912	8986	1994	10980	12417	2036	14453
1913	9961	2061	12022	13693	1884	15577

Источник: Давыдов М. А. Рынок и рыночные связи России в конце XIX — начале XX вв. (историко-ведческое исследование). Докторская. дисс. С. 423

Таблица 199 показывает методичный постепенный рост вывоза хлопка из Средней Азии. В 1890–1905 гг. увеличение перевозок происходит без резких взлетов и падений, исключая отдельные неурожайные годы.

Переломным стал рекордный по урожаю 1906 г., совпавший к тому же с окончанием строительства линии Оренбург–Ташкент, что явилось сильнейшим стимулом для дальнейшего развития культуры хлопчатника. В 1907–1910 гг. вывоз хлопка из Туркестана колеблется в пределах 9,2–10,7 млн пуд., затем в 1911–1913 гг. происходит новый рывок — 12,8–14,7 млн пуд. (в 1911 г. вывоз превысил показатель 1910 г. сразу на 40%). Сложный характер динамики железнодорожного вывоза и в эти годы объясняется опять-таки колебаниям урожайности, ибо факт роста посевных площадей под хлопчатником беспорен.

Важность данной темы для экономики страны настолько велика, что я позволю себе слегка углубиться в нее.

«Сводная статистика» не позволяет достоверно разделить весь перевозимый хлопок на импортный и отечественный. С отправками из портов Балтийского моря и сухопутных таможен западной границы ситуация совершенно ясная, но затем возникают трудности.

Одна из них кроется в географическом положении Средней Азии. Как уже говорилось, до постройки Ташкентской железной дороги она для остальной Империи была как бы островом. Как бы — потому, что караванный путь до Оренбурга все же существовал, хотя его значение, немалое еще в 1880-х гг., в 1890-х резко упало сравнительно с сообщением через Краснодарск. В 1894 г. через Оренбург было вывезено около 4%, в 1899 — 1% всего отправления хлопка из Средней Азии.

Из Краснодарска хлопок по Каспийскому морю перевозился по трем направлениям: во-первых, сразу до волжских пристаней, во-вторых, до Петровска и далее через Ростов и, в-третьих, до Баку, откуда он затем мог отправляться либо до Одессы через Поти или Батум, либо морем до того же Петровска, а, возможно, и до Волги с дальнейшей перегрузкой на рельсовый путь, либо сразу же транспортировался через Баладжары–Ростов в Европейскую Россию.

Такое разнообразие транспортировочных схем препятствует определению как региональной, так и «национальной» принадлежности сырья, поступавшего на все станции, близ которых находились хлопчатобумажные фабрики.

Прежде всего, вероятно смешение отправок кавказского и туркестанского хлопка из Баку. Кроме того, Россия ежегодно ввозила хлопок из сопредельных азиатских стран, в первую очередь Персии; объем ввоза постепенно вырос с 500 до 2000 тыс. пуд. за 1885–1913 гг. Основными таможенными, через которые поступало это сырье, были Бакинская, Асхабадская, Астраханская и Узун-Адинская (Красноводская).

У нас нет никакой возможности выделить персидский и афганский хлопок из общей массы хлопка, который транспортировался в бассейне Каспия и Волги. Он, естественно, фиксируется на таможенных, но транспортная статистика не позволяет проследить его дальнейшие передвижения, и в наших подсчетах он неявно включается в общие перевозки азиатского хлопка. С этим нужно смириться сразу.

Наконец, из Одессы в основном отправлялось иностранное, в первую очередь египетский хлопок, но не исключались и переотправки кавказского и среднеазиатского хлопка, который шел сложным путем через Каспийское море, Северный Кавказ и Новороссийск или же из Закавказья через Поти–Батум. И хотя значение Одессы как переотправочного пункта для отечественного сырья стало падать сразу же после от-

крытия Петровска (1894 г.), оно не свелось к нулю. Так, Москва в 1890-х гг. получала в среднем 460 тыс. пуд. хлопка из Одессы, а в 1900–1913 гг. — 126 тыс. пуд.

Перечисленные обстоятельства, хотя и неприятные сами по себе, все же находят-ся в пределах, допускающих сколько-нибудь разумную коррекцию (речь идет шестой, максимум пятой части всех перевозок).

Однако есть еще одно препятствие. Чрезвычайно сложен вопрос о принадлежности хлопка, отправлявшегося на фабрики из Москвы. Она была крупнейшим пунктом переотправки хлопка-сырца, поскольку там находилась главная хлопковая биржа страны, где значительная часть азиатского и импортного сырца проходила экспертизу. Развоз сырья из Москвы играл до открытия Ташкентской железной дороги основную роль в снабжении едва ли не большинства фабрик Центрального района. Лишь с 1906 г. резко растет объем прямых отправок из Средней Азии на предприятия. Источники дают разноречивые сведения о том, какой хлопок переотправлялся из Москвы и какова пропорция между иностранным и отечественным сырьем (25–30%). Однако здесь обилие возможных допущений делается таким, что требует уже специального исследования, притом без особой надежды на успех.

Поэтому, анализируя динамику потребления хлопка, выращенного в пределах Империи, разумнее обратиться к анализу прямых перевозок из Туркестана.

Абсолютная величина общего получения хлопка отдельными станциями зависела от числа и мощности расположенных близ этих станций фабрик, а изменения количества потребляемого сырья — от строительства новых предприятий и увеличения производительности старых. На показатели Москвы, естественно, влияло также ее положение хлопковой биржи России и, соответственно, крупнейшего пункта переотправки хлопка.

Простое сопоставление географического положения трех основных районов хлопчатобумажного производства показывает, что в наиболее выгодных условиях по доставке хлопка из Средней Азии находились фабрики Центрального района, расположенные либо прямо на Волге и ее притоках (Ярославль, Кинешма, Ковров, Орехово, Вичуга и др.), либо вблизи от них и получавшие сырье дешевым водным путем прямо из Красноводска. При этом они или вовсе не несли расходов по железнодорожной транспортировке от пристаней, или платили гораздо меньше фабрик Привислинского и Прибалтийского районов.

Существовавшие железнодорожные тарифы давали преимущества прямым отправ-лениям хлопка из Средней Азии до места потребления. Однако развитию прямых пере-возок препятствовало два обстоятельства. Во-первых, в силу специфики туркестанского хлопководства фабриканты до 1906 г. предпочитали не выписывать сырья непосред-ственно из Туркестана, поскольку рисковали в противном случае получить продукт не того сорта, который им требовался, плохо очищенный и с большими, чем обычно потерями при перевозке (это называлось «угаром»)¹. Основную часть необходимого им хлопка они покупали в Москве, где сырец проходил строгий арбитраж на бирже.

Это обходилось, конечно, дороже, поскольку окончательная цена увеличивалась за счет стоимости провоза от Москвы до фабрик. Но если за развоз хлопка, например, до Раменского плата взималась за расстояние 42 верст, до Яхромы — за 64 версты, до Нары — за 61, Серпухова — за 90, Ярославля — за 262, то до Петербурга — за 604, Ярцева — за 452 верст и т. д.² При этом Прибалтийский район большую часть рас-

¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1413. Л. 10.

² РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 755. Л. 125–130; Протоколы заседаний 121 Общего тарифного съезда. С. 62–74.

смагриваемого периода работал преимущественно (а иногда и исключительно) на иностранном сырье. Петербург и Нарва получали его дешевым морским путем, к тому же перевозки импортного сырья в эти пункты из Ревеля таксировались по пониженному исключительному тарифу № 5¹. Фабрики Вышнего Волочка, Твери и Клина также располагались гораздо ближе к портам Балтики, чем другие станции-получатели хлопка, что благоприятствовало потреблению импортного сырья на этих предприятиях.

Следует также иметь в виду, что при выписке иностранного хлопка потребитель мог быть уверен в качестве товара и скорости его доставки (максимум — месяц из Ливерпуля и Берлина).

В то же время собранный и очищенный азиатский хлопок должен был с осени ожидать в Краснодарске открытия весенней навигации по Волге и лишь к следующей осени попадал на склады. Несмотря на дешевизну водных перевозок, медленность оборота сырья приводила к большим потерям на затраченный капитал².

Ситуация стала меняться со 2-й половины 1900-х гг.

Во-первых, в 1906 г. было, наконец, открыто движение по Ташкентской железной дороге, соединившей Ташкент и Оренбург. Это само по себе радикально изменило условия хлопководства в Ферганской долине и одновременно значительно ускорило доставку грузов в Европейскую Россию. Перевозки хлопка по этой дороге оплачивались по особому тарифу — дифференциалу № 11, построенному таким образом, чтобы уравновесить, с одной стороны, транспортировку через Ташкент–Оренбург из главного хлопкопроизводящего района Среднеазиатской железной дороги (Черняево-Андижан) с платами за перевозку из того же района в направлении через Краснодарск. При этом новый тариф учитывал также пароходные фрахты, страховку и портовые сборы. С другой стороны, он обеспечивал перевозки из района Черняево-Красноводск исключительно за Краснодарским направлением³.

Во-вторых, все большее значение в хлопкоторговле начала приобретать деятельность крупных компаний, связанных с банковским капиталом и крайне заинтересованных в долгосрочных контактах с фабрикантами, которые (контакты) могли иметь место лишь при условии поставок доброкачественного сырья нужной потребителю сортности.

В-третьих, с 1 сентября 1907 г. склады каспийских пароходств в Краснодарске были объявлены завозными. Раньше стоимость перевозки хлопка из Средней Азии в Москву складывалась из суммы: а) провозной платы до Краснодарска; б) водного фрахта, в) платы за транспортировку от Баку, Петровска или волжских пристаней, рассчитывающейся по общему железнодорожному тарифу. Теперь же стоимость перевозки стала исчисляться совокупностью, во-первых, стоимости провоза до Краснодарска, и, во-вторых, платы от Краснодарска до Москвы, таксировавшейся по прямому тарифу Кавказско-Закаспийского сообщения, что значительно удешевляло провоз.

Влияние указанных факторов не замедлило сказаться.

Именно с 1906–1907 гг. начинается значительное увеличение потребления русского хлопка на отечественных предприятиях.

В таблице 200 помещены показатели доли прямых перевозок из Туркестана до и после 1906–1907 гг. для некоторых крупнейших потребителей, в том числе и станций, совсем не получавших азиатского хлопка в 1890–1894, или получавших его в незначительных количествах.

¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1636. Л. 12об.

² Там же. Д. 1413. Л. 9–11об; Текстильное дело в России. Одесса. 1910/1911. С. 268.

³ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 672. Л. 39–39об.

Таблица 200

Прямые перевозки хлопка из Туркестана и доля их в общем получении

Годы	Получение азиатского хлопка, т. п.	Его доля в общем получении, %	Получение азиатского хлопка, т. п.	Его доля в общем получении, %	Получение азиатского хлопка, т. п.	Его доля в общем получении, %	Получение азиатского хлопка, т. п.	Его доля в общем получении, %	Получение азиатского хлопка, т. п.	Его доля в общем получении, %
	Москва		Ярославль		Сертухов		Вичуга		Вышний Волочек	
1900	445	16,5	28	4,8	0	0	5	2,3	0	0
1901	1087	31,9	88	14,3	11	2	13	3,4	0	0
1902	930	30,7	116	14,9	26	4,3	14	3,8	0	0
1903	849	28,1	120	11,7	7	1,2	73	17,3	10	2,8
1904	753	25,2	86	10,1	5	1	37	8,7	27	12,6
1901–1904	4064	26,8	430	11,1	49	1,8	142	7,8	37	2,9
1905	402	18,5	64	7,9	7	1,4	3	0,8	7	2,5
1906	1224	34,9	203	17,5	53	7,7	37	8,4	13	4,6
1907	2349	62,8	402	47,4	257	22,1	222	45,6	21	6
1908	3585	75,5	535	46,9	71	2,5	117	23,1	37	9,7
1909	3321	74,2	485	60,8	152	19,7	315	57	114	30,5
1905–1909	10881	58,4	1757	36,4	540	15	694	24,5	192	11,5
1910	2767	71,5	557	70,1	198	25,8	244	49,6	122	37,7
1911	3457	72,6	855	79,4	239	28,1	427	61	90	24,8
1912	3899	72	708	77,3	255	32	364	54,3	145	30,7
1913	4218	73,2	781	71,1	272	31,2	243	31,9	134	27,2
1910–1913	14341	72,4	2901	74,6	964	29,3	1278	48,8	491	29,7
Годы	Ярцево		Нарва		Петербург		Клин		Тверь	
1900	5	3,1	0	0	80	7,7	6	3,6	0	0
1901	0	0	0	0	132	12,3	7	4,7	16	3,7
1902	0	0	0	0	158	14	24	13,5	13	2,4
1903	20	7,1	0	0	112	11	22	14,2	33	6
1904	5	2,2	0	0	103	9,2	17	9,2	38	7,3
1901–1904	30	2,7	0	0	585	10,9	76	9,1	100	4
1905	8	4,6	0	0	111	17	5	3,8	10	2,2
1906	9	3,8	21	3,5	224	19,8	59	29,8	70	12,2
1907	120	44	221	30,6	344	33,4	98	41,7	230	36,3
1908	83	28,2	80	8,8	266	22,8	61	22,7	184	30
1909	112	33,5	196	24,6	538	41,6	114	52,5	318	42,9
1905–1909	332	25,1	518	14,5	1483	28,1	337	32,1	812	26,9
1910	110	32,4	276	39,5	522	42,7	81	40,1	211	30,2
1911	130	36,4	254	42,3	508	39,3	112	53,3	336	40,6
1912	123	32,7	715	68,4	703	42,9	46	30,1	335	45
1913	89	27	502	67,3	509	40,7	60	35,9	313	37,6
1910–1913	452	38,2	1747	56,5	2242	41,5	299	43,5	1195	38,5

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам». Подсчеты автора.

Из этой таблицы следует, что усиленные прямые перевозки азиатского хлопка в рассматриваемые пункты началось именно в 1906–1907 гг., причем в большинстве случаев увеличение получения за 2 года с 1905 по 1907 гг. превышает 30%. Сопоставление данных этой таблицы с общими показателями потребления импортного и отечественного хлопка свидетельствует, что это развитие сопровождалось также общим увеличением количества полученного на этих станциях азиатского сырья, т. е., что увеличение перевозок по новой магистрали происходило не за счет уменьшения транспортировки в других направлениях (в частности, растет отправление со станции Москва-Казанская). И эта картина типична.

Таблица 201 показывает, что за 1890–1913 гг. 20 станций из 43 получили азиатского хлопка больше, чем импортного (не считая Егорьевска и Клина, имеющих долю получения отечественного сырья 49,5 и 49,97% соответственно). Но если взять данные за 1906–1913 гг., то число таких станций возрастет до 30.

Среди них 5 из 10 станций, получивших в сумме более 10 млн пуд. (за 1890–1913 гг. их лишь 2), 9 из 11, получивших от 5,7 до 8,8 млн пуд. (за 1890–1913 гг. их 7), 16 из 22, получивших менее 5 млн пуд. (за 1890–1913 гг. их 11).

При этом лишь у четырех станций — Захарово, Карабаново, Берендеево и Павлово — относительный показатель получения азиатского хлопка в 1906–1913 гг. ниже, чем за весь рассматриваемый период.

Из остальных 39 пунктов у 6 (Тверь, Егорьевск, Вышний Волочек, Ярцево, Клин, Гусь-Хрустальный) доля отечественного хлопка в общем получении за 1906–1913 гг. превышает соответствующие характеристики за 1890–1913 гг. более, чем на 20%, у 11 (Петербург, Ярославль, Нарва, Ундо, Тейково, Серпухов, Серед, Богородск, Струнино, Хорлово, Шелково) на 16,6–19,8%, у 3 (Москва, Иваново, Кохма) на 13,7–15,5%, у 8 (Ковров, Лобня, Нарва, Дрезна, Озеры, Заверце, Шуя, Раменское) на 6–10,5%, у 11 (Лодзь, Орехово, Вичуга, Кинешма, Яхрома, Горкино, Обираловка, Новки, Зарайск, Ликино, Пабианице) менее, чем на 5%.

Тридцать четыре станции за указанные 8 лет получили более половины общего прироста азиатского хлопка (Богородск и Кохма 49,8 и 49,3% соответственно), причем из них лишь 13 пунктов, сведения о которых разрабатываются позже 1895 г. и для которых этот вывод кажется естественным.

Рост потребления азиатского хлопка еще нагляднее иллюстрируется сравнением данных за 1890–1913 гг. и 1910–1913 гг. (см. таблицу 201).

Таблица 201

Доля азиатского хлопка в получении станций российских железных дорог в 1890–1913 гг.

Доля азиатского хлопка в общем получении, %	Число станций		
	1890–1913	1906–1913	1910–1913
1	2	3	4
Менее 20	3	2	3
20–29,9	3	2	0
30–39,9	9	3	4
40–49,9	8	6	2
50–50,9	6	6	4

Окончание таблицы 201

1	2	3	4
60–69,9	9	8	7
70–79,9	2	7	10
80–89,9	2	6	8
90–100	1	3	5
Всего	43	43	43

Источник: «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам». Подсчеты автора.

Итак, если число станций, у которых азиатский хлопок составляет 70 и более% общего получения за 1890–1913 гг. равно 5, а в 1906–1913 гг. — 16, то в 1910–1913 гг. — 23. Количество пунктов, получавших импортного хлопка больше, чем азиатского, для аналогичных периодов равно соответственно 23, 13 и 9.

Вместе с тем отмеченные обстоятельства не всегда являлись решающими факторами использования иностранного или отечественного сырья. Так, в Лодзи азиатский хлопок на протяжении всего рассматриваемого периода составляет от трети до половины (и более) общего потребления, несмотря на на большую, сравнительно с Прибалтийскими районами, удаленность от Средней Азии и Закавказья. Объясняется это тем, что основную часть производимой Привислинским районом мануфактуры составляли грубые хлопчатобумажные ткани, для изготовления которых русский хлопок подходил больше иностранного (например, Акционерное об-во Познанского было одним из двух гигантов русской текстильной промышленности, помимо Большой Ярославской мануфактуры, сохранившим к 1913 г. огромные плантации хлопка в Средней Азии и имевшим хлопкоочистительные заводы с современным оборудованием). Вообще в Петроковской губернии вырабатывался самый низкий в России номер пряжи, из которого изготовлялся, по тогдашнему выражению, «тяжелый товар» (набивная бумазая, малескин, трико и др.), получаемый, в частности, из хлопка с короткими волокном, т. е. среднеазиатского.

Напротив, на фабриках, вырабатывавших пряжу высоких номеров мог использоваться только иностранный, в частности, египетский хлопок, превосходивший по качеству среднеазиатский. В этом смысле характерны показатели станций Павлово, Ликино, Нарва, Карабаново, а также сохранявших в общем стабильную долю получению отечественного сырья Лодзи, Орехова и Заверце.

Таким образом, за предвоенную четверть века хлопководство в России сделало огромные успехи. О них лучше всего говорит тот факт, что если в 1890 г. только у 8 из 24 станций на азиатский хлопок приходилось более 50% общего получения, то в 1913 г. из количество таких станций возросло до 36 из 43. То есть, оно увеличилось в 4,5 раза при увеличении общего числа станций-получателей хлопка лишь в 1,8 раза.

Вместе с тем таблицы 199–201 показывают, что процесс был далек от завершения. Для полноты картины замечу, что в условиях рыночной экономики он и не мог завершиться. Основным фактором, определявшим уровень использования иностранного или отечественного сырья, была специализация той или иной фабрики на производстве определенного номера пряжи, а в конечном счете, — тканей определенного сорта и качества. Чем выше номер пряжи, тем качественнее должен быть хлопок.

В силу этого для выработки пряжи более высоких номеров фабриканты по-прежнему закупали иностранное, в частности, египетское сырье, не поддающееся замене азиатским или кавказским. Железнодорожная статистика показывает, что на некоторых станциях, близ которых располагались хлопчатобумажные фабрики, получение импортного сырья в течение рассматриваемого периода остается стабильным или даже возрастает (Орехово, Вичуга и др.).

Однако большинство фабрик со временем, безусловно, перешло бы на азиатский хлопок, поэтому после 1906 г., когда сибирские переселенцы стали производить значительные объемы хлеба, актуализировалась идея железнодорожной связи Сибири и Средней Азии и постепенно она начала претворяться в жизнь.

В реализации своих планов ирригации Туркестана Кривошеин опирался на результаты деятельности предшественников, прежде всего в. кн. Николая Константиновича. Этот незаурядный человек с трагической во многом судьбой был первым, кто всерьез занялся проблемой орошения и ирригации Средней Азии.

Николай Константинович на свои средства построил несколько каналов, из которых главный — канал императора Николая I, оконченный в 1897–1898 гг. и стоивший ему более миллиона рублей: «Преследуя цель орошения Бухары, великий князь не ограничился орошением ближайших земель, но вывел канал далеко на запад, в Голодную степь, где кроме ряда русских селений (Николаевское, Конногвардейское, Романовское, Надеждинское), расположенных на левом берегу Сыр-Дарьи, постепенно создавался культурный земледельческий оазис в центральной части степи. Здесь на канале, кроме довольно многочисленного оседлого туземного населения, снимающего в аренду земли у казны и в имении великого князя, явилась возможность образовать, не считая русского арендаторского поселка, еще два селения: Спасское и Духовское и обширный участок под опытное поле»¹.

Затем по распоряжению Александра III и на его средства оросительные работы были произведены и в Мургабском Государевом имении, и составители цитируемого юбилейного издания «Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности», не раскрывая деталей, охарактеризовали их как «первый опыт крупного гидротехнического строительства наших русских инженеров», который «указал путь, по которому должно идти в дальнейшем это дело»².

Детали, однако, представляют интерес, и можно думать, что этот «первый опыт» «указал» также и путь, по которому идти было отнюдь не *должно*.

В 1890 г. С. Ю. Витте сопровождал Министра финансов А. И. Вышнеградского в поездке по Туркестану и Кавказу. В Ташкенте Вышнеградский получил телеграмму Александра III, который просил его осмотреть свое Мургабское имение — прежде всего шлюзы и канал — и дать свое заключение. Император знал, что делал — Вышнеградский был математиком мирового уровня и блестящим инженером.

Витте пишет: «Мы приехали в Мургаб, остановились там и провели целый день. Приехав туда, мы сейчас же пошли осмотреть шлюзы, которые были сделаны для пропуска воды. Вышнеградский вместе со мною очень внимательно все осмотрел.

Я тогда имел уже некоторое понятие вообще о строительном искусстве и строительном деле, так как я сделал свою карьеру как управляющий железными дорогами (и притом был кандидатом физико-математических наук — *М. Д.*). Мне и Вышне-

¹ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 315.

² Там же, С. 316.

градскому система устроенных там шлюзов оказалась крайне неудачной. Всю эту работу делал инженер Поклевский-Козелл... очень способный человек, из военных инженеров...

Когда я с Вышнеградским вернулись с осмотра работ, то, попросив план, начали его рассматривать. Затем Вышнеградский стал делать расчет крепости всей плотины, и мы оба пришли к заключению, что едва ли эта плотина может выдержать напор воды, когда вода будет пущена из реки. В этом смысле мы и высказали наши сомнения Поклевскому-Козеллу, но тот, конечно, утверждал, что он уверен, что все он сделал хорошо и что плотина выдержит всякий напор воды; что она выдержит тот напор, то течение, которое произойдет, когда будет пущена вода из реки.

Так мы и оставили Мургаб, причем с дороги телеграфировали, конечно, очень осторожно, наши впечатления Воронцову-Дашкову для доклада государю. Мы телеграфировали, что осмотрели все работы; что, конечно, если эта Мургабская степь будет орошена, то, может быть, на ней будет возможно развитие хлопка, но что, с другой стороны, местное население и даже начальник Закаспийской области (А. Н. Куропаткин — М. Д.) относятся несколько скептически к этому делу, потому что находят, что отнимается вода от реки, которая питает целую массу местного населения; через это местное население будет вынуждено в меньшей степени пользоваться водою для орошения своих участков. Вот вследствие-то этого, как говорят, население и относится к этому предприятию довольно недружелюбно. Эта телеграмма была очень неприятна Воронцову-Дашкову, потому что подобного рода действия могли, конечно, только возмущать такую благородную и честную натуру, какою был император Александр III. Я даже думаю, что, может быть, императору эта телеграмма Вышнеградского и не была вполне доложена или же была доложена в смягченном виде.

В заключение в телеграмме было сказано, что, кроме того, проверив все представленные расчеты, он (Вышнеградский) и его спутник директор Железнодорожного департамента Витте сомневаются, чтобы плотина эта могла выдержать тот напор воды, который произойдет, когда будет пропущена вода через эти шлюзы.

Мы дали эту телеграмму, еще не покидая Закаспийской области, потом мы переехали Каспийское море и приехали на Кавказ, в Тифлис, где остановились только на несколько часов.

И вот в Тифлисе получилась телеграмма, что после нашего отъезда через два дня были открыты шлюзы и плотина не выдержала давления воды, весь канал попортило и унесло, т. е. буквально произошло то, что мы предвещали на основании наших простых расчетов»¹.

В 1895 г. были построены так называемые гиндукушские водохранилища на р. Мургаб, благодаря которым стало возможным орошение 14 тыс. дес. земли.

В том же 1895 г. в Среднюю Азию совершил поездку Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, часто упоминающийся на страницах этой книги.

Он сразу же понял, какой потенциал таит в себе орошение крупных земельных массивов в этом регионе, и поручил созданному им Отделу земельных улучшений (эта скромная тогда структура некоторым образом является предтечей монстра советского застойного времени — Минводхоза) организовать в Туркестане изыскательские партии.

Они начали работу два года спустя, и их изыскания имели результатом составление

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 1.. С. 201–202.

8 проектов по орошению казенных земель на площади около 210 тыс. дес. при стоимости работ в 11,7 млн руб. Проекты рассматривала специальная комиссия, отдавшая предпочтение проекту орошения участка в 45 тыс. дес. в северном углу Голодной степи, глинисто-солончаковой пустыни на левом берегу Сыр-Дарьи при выходе ее из Ферганской долины. На выбор повлияли, во-первых, благоприятные почвенные и топографические условия, близость его к Ташкенту и возможность сплошной колонизации этой местности русскими переселенцами¹.

Работы по орошению Голодной степи с бюджетом в 2,25 млн руб. начались осенью 1901 г. Но шли они медленно. В 1907 и 1908 гг. Кривошеин отправил на место особую комиссию гидрологического комитета. Проект был переработан, однако реальные сдвиги не только в строительстве канала, но и всем гидротехническом деле произошли после 1909 гг., когда Кривошеин смог донести до депутатов громадную важность этой проблематики для развития России и провести через Думу крупные ассигнования.

В это время у Столыпина и Кривошеина, как мы знаем, кардинально меняется общий взгляд как на переселенческую политику, так и на колонизацию вообще и на проблему создания сырьевой базы для хлопководства, в частности. Соответственно, проблема орошения новых районов в Закавказье и в Средней Азии обрела большое государственное значение, причем не только экономическое, но и политическое.

Речь шла теперь не просто об орошении тех или иных местностей, а о выработке и реализации плана грандиозных работ, которые ставили целью глобальное оживление народнохозяйственной жизни всего Туркестана. Предполагалось «создать здесь из степей и пустынь новую страну, богатую хлопком и заселенную русскими людьми»². Ведь произведенные изыскания показали, что площадь земель в Туркестане, которые могут быть орошены имеющимися запасами воды, как минимум, равна 4 млн дес., из которых не менее 3 млн дес. находятся в районах хлопководства, а еще 1 млн дес. в районе более северном, однако пригодном для культивирования ценных сельскохозяйственных культур³.

Официальный источник констатирует: «Этот **новый Туркестан**, создание коего потребует самой напряженной работы в течение не менее 20–25 лет и затраты около 1 млрд руб., даст нам до 25 млн пуд. хлопка, (т. е. вдвое больше, чем ныне ввозится Россией из заграницы) и вместит сотни новых поселений, новые города и сотни тысяч русских переселенцев»⁴.

Колоссальный масштаб этой задачи, которая, по мнению ГУЗиЗ, «никогда и нигде еще не ставилась в таком объеме», требовал очень серьезной подготовительной работы. ГУЗиЗ выработало и опубликовало осенью 1910 г. общий план мероприятий, одобренный Советом министров 18 марта 1911 г.⁵ и частью представило его в Думу.

Согласно этому плану, предстояло обследование 6–10 млн дес. в бассейнах рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана, Чу и Или на предмет создания в верховьях этих рек водохранилищ для сохранения воды, которую предполагалось использовать для орошения, в дополнение к наличным запасам свободной воды в реках, и начать ряд оросительных работ за счет как казенных, так и частных средств.

¹ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 316–317.

² ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений в 1909–1913 гг. Пг., 1914. С. 74.

³ Там же. С. 74–75.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин ... С. 143.

Ведь запасы свободной воды только в Сыр-Дарье даже с учетом того, что в верхней части ее бассейна лежит Фергана, – один из наиболее культурных районов Средней Азии – были весьма значительны. При постройке в верховьях реки 2–3 водохранилищ общей емкостью до 300 млн куб. саж. было возможно оросить около 1,5 млн дес. новых земель. Отдел земельных улучшений приводит такой расчет: «Если принять чистую доходность вновь орошенной десятины только в 50 руб., то использование водных запасов Сыр-Дарьи даст в будущем ежегодный чистый доход в 75 млн руб., что составит 5% с капитала в 1,5 млрд руб.; в действительности доход этот будет значительно выше. Предполагая, что на вновь орошенных землях будет занято хлопком всего лишь 300 тыс. дес., найдем, что данный район даст нам до 6 млн пуд. хлопка, стоимостью около 100 млн руб. Колонизационная емкость района будущего орошения может составить около полумиллиона русских переселенцев»¹.

Первой неотложной практической задачей ГУЗиЗ стало завершение строительства канала в Голодной степи. В № 41 журнала «Искры» (приложении к газете «Русское Слово») за 1913 г. в заметке «Оживление Голодной степи» говорится: «5 октября в Голодной степи торжественно открыт построенный на средства казны Романовский оросительный канал. Последний берет начало из реки Сыр-Дарьи, ниже Беговатских порогов. Пропускная его способность свыше пяти куб. сажен в секунду. Орошаться водами канала будет около 60.000 десятин безводной в настоящее время солончаковой земли. Новая область будет заселена русскими переселенцами.

С открытием Романовского канала начинается новый период в жизни Туркестанского края — период систематического мирного и культурного завоевания тех безводных пространств, которые почти столетия тому назад были присоединены к России. Принимая во внимание, что около 20.000 десятин вновь орошенных земель Голодной степи будет отведено под посевы хлопка, можно сказать, что Романовский канал даст русскому рынку около 1.000.000 пудов хлопка. Орошение Голодной степи не ограничивается постройкой Романовского канала. В самом недалеком будущем из него будут выведены новые каналы, которые оросят еще около 160.000 десятин пустующих сейчас безводных земель»².

Далее сообщается, что «работы по прорытию Романовского канала были начаты в 1900 г. До 1911 г. они велись хозяйственным способом, а потом были переданы известному в России подрядчику инженеру Чаеву. **Эти работы считаются чудом техники.** Его **экскаваторы** вынимали в день до 400 куб. саж. земли. Стоимость работ определяется в 7.106.500 рублей»³.

Уверен, что об экскаваторах, работавших в России 1912–1913 гг., знают не все читатели; впрочем, в заметке приведены фотографии.

Любопытен комментарий К. А. Кривошеина к этому событию, безусловно, триумфальному для его отца: «Постройка будущего канала была начата почти за 10 лет до того, но интересно сравнить то, что было сделано за эти 10 лет с тем, что было реализовано за полтора года до торжественного открытия канала 5 октября 1913 г. За первые 10 лет стройка продвигалась со скоростью 3 версты в год, причем истрачено было 1 млн рублей; за последние 18 месяцев, когда Кривошеин поручил дело инженеру С. Н. Чаеву, было построено 103 версты и истрачено всего 2,5 млн, несмотря на более

¹ ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений ... С. 81–82

² Искры. 1913. № 41. С. 324.

³ Там же. С. 326.

чем утроенный объем работы. Между тем пришлось заново произвести изыскания, проектировать новые главные сооружения. Работы производились механизированным способом»¹.

В истории строительства Романовского канала можно увидеть явную параллель с уже известными нам 75-летними попыткам правительства создать казенную металлургию на Юге.

Уместно сказать, что в ходе строительства был значительно улучшен канал императора Николая I, головные сооружения которого были размыты Сыр-Дарьей в 1911–1912 гг., и при этом орошаемая им площадь удвоилась — до 12 тыс. дес. В 1914 г. к заселению в этом районе предполагалось подготовить до 10 тыс. дес., а к 1915 г. — закончить все работы по проекту орошения 45 тыс. дес. в северо-восточной части Голодной степи, кроме мелкой сети общим протяжением 1600 верст, устройство которой зависело от хода заселения степи и должно было производиться постепенно. В районе орошения правой ветви Романовского канала у станции Сыр-Дарьинской был заложен город, получивший название Самсонов.

С окончанием работ по основному проекту орошения этих 45 тыс. дес. и переустройством канала императора Николая I, обеспечивающего орошение 12 тыс. дес., общая площадь орошенных земель должна была составить 57 тыс. дес., причем стоимость орошения десятины равнялась примерно 164 руб. Предполагалось, однако, что на деле будет орошено не менее 65–70 тыс. дес., что понижало цену орошения десятины с сетью мелких каналов и мостами через них до 140–150 руб.²

На данной площади считалось возможным поселить не менее 6 тыс. семейств переселенцев и отвести под хлопчатник не менее 20 тыс. дес., с которых вполне реально было собирать около 400 тыс. пуд. волокна стоимостью свыше 6 млн руб.³ Переселенцам сразу же начали на весьма льготных условиях отводить участки по 8–11 дес. на двор прежде всего для разведения хлопка. В 1913 г. было заселено уже 20 тыс. дес., а в 1914 г. начали строиться мелкие хлопкоочистительные заводы. В перспективе речь шла о том, что в этом районе можно будет поселить от 8 до 10 тыс. семейств, т. е. порядка 40–50 тыс. переселенцев, которые могли бы вести здесь, подобно старожилам и арендаторам в районе канала императора Николая I, интенсивное хозяйство, выращивая, помимо хлопка, другие высшие культуры, например, виноград⁴.

Читателям, возможно, покажутся не слишком значительными размеры орошаемых площадей. Однако еще 1880–1890-х гг., когда множество текстильных фабрик попробовали организовать в Средней Азии плантации, сопоставимые по размерам с теми, которые фигурируют в «Хижине дяди Тома» и еще ненаписанных тогда «Унесенных ветром», это удалось, как мы знаем, только Большой Ярославской мануфактуре и фирме Познанского, а все остальные потерпели неудачу. Оказалось, что в Туркестане хлопководство было эффективно на небольших площадях. Для сведения — в 1914 г. общая площадь посевов хлопка в Туркестане составила 546,5 тыс. дес. а чистый сбор — 13,5 млн пуд.⁵

¹ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин... С. 143.

² ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений ... С. 76–77.

³ Там же. С. 77–78.

⁴ Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственной ведомство за 75 лет... С. 317.

⁵ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. VIII. Замечу, что после 1917 г. Романовский канал был переименован в Северный канал им. С. М. Кирова; только в 1950–1960-х гг. этот район стал центром хлопководства — после передачи в состав Узбекистана из Казахстана этих местностей.

В то же время ГУЗиЗ были спроектированы большие гидротехнические сооружения в бассейне реки Чу, в Киргизии. В 1910 г. в рамках гидротехнических экспедиций ГУЗиЗ была организована Чуйская партия во главе с инженером-гидротехником В. А. Васильевым, которая к 1913 г. разработала первый перспективный проект орошения водами реки Чу. Сток реки должен был регулироваться путем строительства Орто-Токойского водохранилища. Планировалось создание трех оросительных систем, общая площадь орошаемых земель должна была составить 200 тыс. дес., разделенных на 4 последовательно осваиваемых участка, с общей стоимостью 28 млн руб. В 1914–1915 гг. было начато строительство Чумышской плотины и Ат-Башинской системы, что позволило бы в 1916 г. оросить 32 тыс. дес.¹

Параллельно в 1910–1913 гг. в рамках плана «Нового Туркестана» была создана особая гидрометрическая часть для учета запасов свободных вод, организованы изыскательские партии для обследования бассейнов главнейших рек Туркестана, произведены исследования почв, составлены проекты оросительных устройств в некоторых местах и начаты отдельные оросительные работы для удовлетворения текущих нужд населения. Наконец, были разработаны проект Туркестанского водного закона и водного управления и проект правил о частных оросительных предприятиях в Туркестане.

Набираемый этими работами размах вполне отражает динамика ассигнований на деятельность Отдела земельных улучшений в Туркестане: в 1909 г. — 344,9 тыс. руб., в 1910 — 515,4 тыс. руб., в 1911 г. — 1206,2 тыс. руб., в 1912 г. — 1451,3 тыс. руб., в 1913 г. — 3059,0 тыс. руб. и в 1914 г. — 3527,4 тыс. руб.²

Организованная в 1910 г. при Туркестанском Управлении земледелия и государственных имуществ гидрометрическая часть, открыла 8 постоянных и 18 временных гидрометрических станций на реках региона³. Полагаю, что читателям, которые, как и я, далеки от этих сюжетов, будет полезно узнать, как Отдел земельных улучшений трактовал данную сферу своей деятельности, а заодно оценить государственный масштаб начатого Кривошеинным проекта: «Гидрометрия является бухгалтерией того основного капитала водных запасов, — проценты с которого ежегодно собираются в виде хлопка, фруктов, хлеба, кормовых веществ и проч. Если капитализировать доходность, которую можно получить при использовании свободных водных запасов на орошение, то получилась бы сумма не менее 5 млрд руб. Каждая кубическая сажень воды, проносимая реками в секунду, составляет капитал не менее 10–14 млн руб., ввиду чего **расходование запасов вод Туркестана должно производиться крайне осторожно, бережливо и сообразно строго обдуманному плану**»⁴.

А. В. Кривошеин был принципиальным сторонником привлечения частной инициативы и частных капиталов к решению проблем, которые у правительства решить быстро и эффективно не получалось. Строительство и, в частности, орошение принадлежали именно к таким сюжетам.

После своей поездки в Туркестан весной 1912 г. Кривошеин «внес в думу законопроект, привлекавший частные капиталы для орошения новых площадей, причем часть орошенной земли предназначалась для аренды крестьянам, а остальная сдавалась бы

¹ Из-за войны строительство было приостановлено, и в расширенном, естественно, масштабе закончено советской властью в середине 1950-х гг.

² ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений... С. 75–76.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 79.

предпринимателям в долгосрочную аренду с оставлением права выкупа для казны. Одновременно с этим был внесен «водный закон», который должен был определить и упорядочить водопользование на поливаемых землях и выяснить объем водных запасов Туркестана».

В 1913 г. Государственная дума по инициативе Кривошеина и по случаю юбилея Романовых приняла важнейшее «принципиальное решение» о создании фонда «Романовские земельные улучшения» в 150 млн руб., распределенных на 5 лет, для финансирования мелиоративных работ в Европейской и в Азиатской России¹.

В начале января 1914 г. ГУЗиЗ представило план мелиоративных работ на эту сумму, одобренный Советом министров 8 марта 1914 г. после того, как вечное противодействие реформе со стороны Коковцова закончилось с его отставкой.

Согласно пятилетнему (!) плану, на создание «Нового Туркестана» выделялось 39 млн руб. казенных ассигнований, в том числе 9,7 млн руб. на изыскания и составление проектов орошения, совместно с частными предпринимателями, огромной площади до 4 миллионов десятин в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Зеравшана, Или и Чу.

Кроме того, 10 млн руб. планировалось израсходовать на начало работ по строительству водохранилищ в верховьях Сыр-Дарьи и Зеравшана, 11,3 млн руб. на орошение в низовьях Аму-Дарьи и в бассейне Чу, а 8 миллионов руб. на расширение орошенной площади Голодной степи. К работам в бассейне Чу предполагалось приступить в ближайшее время»².

Здесь следует особо отметить, что хозяйственное освоение значительной части Азиатской России едва ли было бы возможно, если бы по инициативе кн. Васильчикова с 1908 г. не началось громадное по охвату территории почвенно-ботаническое исследование последней. За 1908–1914 гг. 97 отрядов обследовали 145 млн дес., из которых 28 млн дес. были признаны пригодными для культурного освоения³.

Полагаю, небезынтересно — для уяснения размаха деятельности ГУЗиЗ — хотя бы кратко перечислить мероприятия, проводившиеся в 1913 г. ОЗУ в рамках проекта «Нового Туркестана».

Во-первых, из строительных работ, помимо завершения Романовского канала, следует отметить строительство в Сыр-Дарьинском и Семиреченском переселенческих районах ряда небольших оросительных сооружений, слишком сложных и дорогих, чтобы их строили сами переселенцы.

Во-вторых, продолжались изыскания и составление ирригационных проектов сотрудниками так называемой Общей Туркестанского края изыскательской партии.

Полевые работы велись тремя отрядами — Чирчикским, Ферганским и Самаркандским — в Сыр-Дарьинской Ферганской и Самаркандской областях Туркестана и заключались, главным образом, в изысканиях для орошения свободных казенных земель и земель переселенцев настоящих и будущих.

1. Изыскания в бассейне р. Сыр-Дарьи.

а) «в северо-западной части Голодной Степи была исполнена триангуляция степи на площади 124,1 тыс. дес. с закреплением на месте вершин 5-верстных квадратов чугунными реперами: произведено рекогносцировочное обследование части предгорья

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 1.

² Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин... С. 143–144.

³ Мырзахметова А. Ж. Исследовательская деятельность Переселенческого Управления в Казахстане в начале XX века // Вестник КарГУ. История 2007. № 1.

Туркестанского хребта, окаймляющего Голодную степь; исполнен ряд экономических работ и гидрометрических и метеорологических наблюдений и др. работы»¹;

б) в центральной части Голодной Степи было протрассировано² место проектируемого канала на расстоянии 80 верст, площадью около 85 тыс. дес., закончены геологические работы, состоявшие в исследовании гидрогеологических условий магистральной части проектируемого канала и в определении грунта в месте предполагаемой плотины на р. Сыр-Дарье; обработаны данные гидрометрических наблюдений;

в) в Ферганской области на предмет изучения возможности строительства водохранилищ были исследованы реки Андижанского, Ошского, Скобелевского и Кокандского уездов, произведены геодезические работы в низовьях р. Сох для выяснения возможности передачи воды из нее в маловодные арыки Исфары (северный Таджикистан), сделаны нивелировки и собраны образцы почв в центральной части Ферганской пустыни и начата нивелировка и обмеры каналов Андижан-Сая и Ширихан-Сая;

г) в верховьях Сыр-Дарьи произведена нивелировка и рекогносцировочные обследования для выяснения возможности устройства водохранилищ.

Параллельно был выполнен ряд экономических обследований в бассейне Сыр-Дарьи.

2. Изыскания в бассейне р. Аму-Дарьи велись тремя партиями.

Первая обследовала верховья р. Пянджа и его правых его притоков до Вахша включительно. Места, подходящие для устройства крупных водохранилищ, были ей исследованы в геологическом отношении и сняты на план. Попутно был сделан ряд метеорологических и гидрометрических наблюдений.

Вторая партия подробно исследовала местность у головы проектируемого магистрального канала в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, провела триангуляцию и съемки местности на площади свыше 1000 кв верст. Кроме того, буровыми работами было пройдено свыше 400 погонных саженей.

Третьей партией обследовала район среднего течения Аму-Дарьи до Термеза — в целях определения оптимального места вывода магистрального канала для орошения Мервского и Тедженского оазисов. Почвенные обследования на территории Хивинского ханства позволили установить, во-первых, что в одном этом районе ханства есть свыше 800 тыс. дес. пригодных для орошения земель и, во-вторых, что в пределах дельты Аму-Дарьи также есть до 1 млн дес. подобных земель, требующих, однако, в некоторых местах, напротив, осушения.

3. В 1913 г за счет 91 тыс. руб., выделенных бухарским эмиром, во-первых, были закончены изыскания по устройству водохранилищ на р. Кашка-Дарье и обследована местная ирригация в бассейне этой реки, во-вторых, проведены были почвенные исследования к югу от Среднеазиатской железной дороги до р. Аму-Дарьи и, в-третьих, всестороннее обследованы бассейны рек Сурхана и Кафирнигана в целях дальнейшего развития здесь ирригации.

4. Проводились изыскания по устройству водохранилищ в бассейне р. Зеравшана, бурение и шурфование на нескольких озерах и сделано рекогносцировочное обследование самого бассейна Зеравшана.

5. В бассейне р. Тентека сделана трассировка магистрали канала на 28 верстах

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 114.

² Трассировка — обозначение на местности (колышками и другими реперами) границ будущей выемки грунта и насыпей при земляных работах.

и проведено рекогносцировочное обследование орошения части долины из реки Джаманты.

6. В 1913 г., как говорилось, значительные работы проводились в бассейне р. Чу. Были составлены детальные проекты орошения 19,2 тыс. дес. в Краснореченском районе и 43,7 тыс. дес. в районах «Атбаш» и «Кара-Арча», снято на план в различных районах свыше 200 тыс. дес., в почвенном отношении детально обследовано свыше 500 тыс. дес., сделана трассировка 130 верст магистрального канала и продолжена магистраль вдоль Чу всего на протяжении 86 верст. Наконец, проект по орошению 42 тыс. дес. на правом берегу р. Чу вступил в завершающую фазу.

7. Шли изыскания в бассейне р. Или, единственной артерии, питающей озеро Балхаш, главным образом в ее верхнем течении на площади около 3250 кв верст. Любопытно, что рекогносцировочные изыскания охватили и соседний Илийский район Китая, о чем «Обзор» сообщает примерно так же, как если бы геодезисты и гидротехники поработали в соседнем Барнаульском уезде. Был сделан вывод о том, что удобнее всего было бы вывести канал для орошения земель в пределах России именно с китайской территории (!)¹.

Одним из важных и не очень известных сейчас направлений деятельности ГУЗиЗ стало освоение Закавказья, региона, где развитие хлопководства также имело определенные перспективы; некоторая часть потреблявшегося отечественными фабриками хлопка ввозилась из сопредельных областей Персии и Турции².

В 1899 г. Закавказье было законодательно открыто для переселения, и до 1905 г. туда переселилось 2900 семей в количестве 9239 душ мужского пола, за 1905–1912 гг. свыше 10300 семей переселенцев с более чем 60 тыс. душ мужского пола. Число обратных переселенцев составило около 6%. За годы аграрной реформы Столыпина новоселам было выделено 670,6 тыс. руб. на домообзаведение, из которых 566,4 тыс. руб. — ссуды и 104,1 тыс. руб. — пособия. Расселение шло по всему Кавказскому региону, но приоритетом № 1 для правительства была Муганская степь — и справедливо.

К началу 1910-х гг. орошенные земли занимали в восточном Закавказье примерно 1,3 млн дес., которые обрабатывались примерно миллионом местных жителей. Общая площадь степей этого региона, которую считалось возможным оросить водами Араксы и Куры, составляла не менее 1,2 млн дес. Здесь могли начать новую жизнь сотни тысяч русских переселенцев, появиться сотни новых селений и несколько городов. Правительство рассчитывало, что если на вновь орошенных землях будет отведено под хлопчатник порядка четверти всей площади, то вполне реально получить от орошения пустующих закавказских степей около 4,5 млн пуд. хлопка стоимостью около 70 млн руб., не считая множества других ценных продуктов.

Это был своего рода проект создания «Нового Закавказья», и за 1909–1913 гг. под реализацию этой грандиозной задачи был подведен фундамент. К 1912 г. было обследовано свыше 500 тыс. дес. степных пространств; остальную площадь планировалось исследовать к 1917–1918 г. Наряду с производством изысканий, были составлены проекты основных работ первой очереди, к которым отнесены орошение из р. Аракса Муганской и Мильской степей, а равно и проекты ряда других оросительных и регулирующих сооружений³.

Мугань, расположенная между Карабахом и Каспием на правобережной части Кура-

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 114–115.

² См. Багиров Ф. Э. Переселенческая политика царизма в Азербайджане (1830–1914 гг.). М., 2009.

³ ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений... С. 66.

Араксинской низменности, граничила с Персией. До нашествия монголов в XIII в. это был цветущий край, один из очагов древней земледельческой культуры. Правительство решило вернуть ему жизнь, создав в его центральной части площадью 176 тыс. дес. современную ирригационную систему, прежде всего для развития хлопководства.

Начало ей положил Главноначальствующий кн. Г. С. Голицын (1896–1905), построив всего за 312 тыс. руб. при добровольном участии переселенцев сеть каналов, названную его именем («Голицынская система»), которая позволила оросить 25 тыс. дес. в северной Мугани и основать там 16 русских поселков.

За 1909–1913 гг. в Муганской степи было обеспечено орошением еще около 50 тыс. дес., и большая часть общей орошенной площади — свыше 73 тыс. дес. была уже заселена и обработана.

К началу 1914 г. в Муганской степи, не считая старожильского поселка Петропавловки, насчитывалось 48 поселков с населением в 10,5 тыс. душ мужского пола. Отдел земельных улучшений констатировал: «Переселенцы в общем живут прекрасно, и у них быстро развивается хлопководство; в 1903 г. у переселенцев на Мугани впервые было засеяно хлопчатником 2 дес., между тем, как в 1909 г. под хлопчатником уже состояло 800 дес., в 1912 г. свыше 7 тыс. дес., а в 1913 г. — свыше 10,2 тыс. дес., давших не менее 135 тыс. пуд. чистого волокна, стоимостью около 2 млн руб. В Петропавловке, торгово-промышленном центре Мугани, в последние годы выстроены 4 хлопкоочистительных завода, из коих завод фирмы Вогау является одним из лучших в Закавказье. К 1916 г. площадь вновь орошенных земель на Мугани возрастет не менее, как на 90 тыс. дес., так как к этому времени производящиеся ныне оросительные работы будут закончены»¹.

В декабре 1912 г. в Мугани при участии ГУЗиЗ был открыт первый в России крестьянский хлопкоочистительный завод, принадлежавший кредитному товариществу.

Переселенцы могли получить не более 10 дес. на двор, причем закон регламентировал их использование — запрещались посев риса и передача земель непереселенцам в аренду, а также не рекомендовалось выделять участки в коллективное владение. При выборе сельскохозяйственных культур приоритет отдавался посевам хлопчатника.

Согласно плану «Нового Закавказья» следующим районом, подлежащим орошению, была Мильская или Карабахская степь, лежащая на левом берегу Аракса против степи Муганской. Проект орошения части этой степи площадью не менее 87,6 тыс. дес. был внесен весной 1914 г. в Думу. Стоимость осуществления этого проекта — с шоссе, плотинами на Араксе и другими сооружениями составляла 10,5 млн руб., а планируемый срок выполнения — четыре года (1915–1918)².

Проект орошения северной части Мильской степи на площади свыше 60 тыс. дес. был уже завершен Отделом земельных улучшений должен был быть вскоре передан в Думу. В ближайшие годы планировалось подготовить проекты орошения, во-первых, примерно 40 тыс. дес. в южной части Мугани, во-вторых, неорошенной территории Караязского имения (часть одноименной степи, взятая в 1885 г. в казну и отчасти уже орошенная), Эльдарской и Сардарабадской степей на площади свыше 20 тыс. дес. и в-третьих, Ширванской степи на левом берегу р. Куры на площади до 350 тыс. дес. и др.; проекты орошения 26 тыс. дес. в ее юго-восточной части были уже разработаны³.

¹ Там же. С. 71–72.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 71–72.

Таблица 202

**Площадь орошенных земель
в Муганской степи**

<i>Период</i>	<i>Количество орошенных земель (в десятинах)</i>
1902–1908	6000
1908–1909	16000
1910	18000
1911	22000
1912	47000
1913	50000

Таблица 203

**Площадь посевов хлопка
в Муганской степи**

<i>Период</i>	<i>Количество засеянных земель (в десятинах)</i>
1904–1906	145
1907	325
1908	800
1909	829
1910	3291
1911	5282
1912	7000

Источник: Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. С. 436.

Параллельно на Кавказе был выполнен целый ряд менее значительных работ по водоснабжению и защите от наводнений множества селений Эриванской, Тифлисской, Елисаветпольской, Кутаисской и Черноморской губерний, Карсской и Дагестанской областей.¹

А. В. Кривошеин весной 1913 г. совершил поездку в Закавказье, где посетил Мугань, чайные плантации в Батуме и рыбные промыслы Каспия. Итогом стал представленный Николаю II план развития Восточного Закавказья.

План исходил из необходимости:

1) прочного поземельного устройства местного оседлого населения и ускорения процесса перехода кочевников к оседлому образу жизни (это было сделано после 1917 г.);

2) орошения тех 1,2 млн дес. пустынных степей Восточного Закавказья, которые были доступны для орошения, и заселения их русскими переселенцами;

3) «взять концессию на персидскую часть Муганской степи (в частности, для организации там борьбы с прилетающей оттуда саранчой), построить Муганскую железную дорогу и развить ценные культуры, первым делом хлопка, производство которого должно было возрасти в пять раз и достигнуть 9–10 млн пуд.»;

4) проведения железной дороги от Владикавказа до Тифлиса через восточную часть Кавказского хребта. Строительство этой Перевальной дороги (одобрено 16 мая 1914 г.), «должно было быть закончено ввиду ее большой стоимости (104 млн руб.) только в 1922 г.»².

Можно ли спорить с тем, что во всех этих (и многих других!) планах реформаторов и размахе их реализации виден воистину государственный масштаб?

Полагаю, именно *такой* подход к управлению страной называется государственным.

Гидротехнические работы велись также в Степном крае. С одной стороны, они заключались в гидрогеологических исследованиях в Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях. Они должны были дать картину залегания грунтовых и артезианских вод, что имело очень важное значение для многих районов

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 112–113.

² *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин... С. 145.

маловодного Степного края (и не только), поскольку в большой мере решало вопрос о возможности их заселения. Эти работы, начатые ранее, близились уже к окончанию. Гидрогеологические исследования велись 14 отрядами, 7 из которых обследовало 103 тыс. кв вер. в Тургайской области, 6 – 61 тыс. кв вер. в Семипалатинской и один отряд — 15 тыс. кв вер. в Семиреченской области. Кроме того, 4 отряда проводили в регионе глубокое бурение.

Кроме того, в 1914 г. должны были происходить изыскания в Акмолинской области на предмет устройства лиманного орошения на переселенческих участках и обследования водообеспеченности казенных оброчных статей и лесных дач.¹

С другой стороны, проводились гидротехнические изыскания для составления проектов орошения отдельных местностей: «Необходимость создания крупного ядра русского населения на границе Китая в Юго-Восточном углу Семипалатинской области, обратила внимание на бассейн верхнего Иртыша в Усть-Каменногорском и Зайсанском уездах, где с устройством орошения явилась бы возможность положить прочное начало заселению этого края русскими людьми.

Образованная здесь в конце 1910 г. изыскательная партия сосредоточила свои работы, главным образом, на бассейнах правых притоков Иртыша – Курчума и Кальджира, а из них в первую очередь на бассейне Кальджира, вытекающего из пограничного с Китаем озера Марка-куль... При этом выяснилось, что водами Кальджира в случае сооружения плотины у истока его из оз. Марка-куль (400 кв. вер.) и обращения, таким образом, озера в естественное водохранилище, можно будет оросить около 36 тыс. дес. В долине Курчума условия орошения менее благоприятны, но и здесь орошаемая площадь, вероятно, будет не менее. Проект вододержательной плотины у озера Марка-куль, водоподъемной плотины на Кальджире у выхода его в долину, головного шлюза и перепада на магистральном канале уже составлены, а канал и распределительная сеть протрассированы на местности. Орошение Кальджира и частью Курчума предполагается закончить в ближайшее пятилетие; приблизительная стоимость выполнения работ первой очереди Кальджирского проекта около 2 млн руб.»². Параллельно на опытном участке в Зайсанской сельскохозяйственной школе шло изучение поливных норм как непосредственно на полях, так и путем постановки вегетационных опытов в лаборатории.

Продолжились гидротехнические работы в знаменитой Барабинской степи в Сибири. Расположенная в Каинском уезде Томской губернии она была известна «как своеобразная страна, состоящая из обширных болот, среди коих на более возвышенных гривах разбросаны березовые перелески. Заселение Барабы началось с конца XVIII в., но до недавнего времени шло туго и почти исключительно вдоль пересекавшего ее Сибирского тракта. Главнейшей причиной, тормозившей заселение Барабы, являлись неблагоприятные природные ее условия. Неудобные заболоченные земли и сплошные болота занимали огромные пространства, ограничивая до крайности участки, которые могли бы быть использованы для пахоты, лугов и пастбищ. Порождая миазмы и лихорадки и вызывая развитие в огромном количестве комаров, оводов и мошек. Вследствие этих же условий Барабинская степь издавна служила очагом сибирской язвы, свившей здесь прочное гнездо»³.

¹ ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений... С. 95.

² Там же. С. 95–96.

³ Там же. С. 99.

Осушительные работы в Барабе начались с 1895 г. Витте в цитированном выше докладе 1902 г. писал о том, что увеличению колонизационного земельного фонда в «значительной степени могут способствовать производящиеся и теперь в Сибири и Степном крае обводнительные и осушительные работы. Так, предпринятое с 1895 г. осушение Барабинской степи обратило целый обширный район, прилегающий к железной дороге и считавшийся раньше непригодным для колонизации в заселенную местность, имеющую большую будущность. Опыт показал также, что многие заболоченные пространства скоро обсыхают поселение некоторой обработки, без каких-либо искусственных осушительных работ»¹.

В 1900-х гг. ассигнования сокращались, но с их увеличением работы возобновились. За 1909–1913 гг. было проложено 674,5 версты новых каналов, расширено и углублено 109,5 верст старых, пройдено нивелировкой 5261 версты, построено 108 мостов, около 9 тыс. сажень гатей, осушена 71 тыс. дес. в 1914 г. планировалось проложить 220 верст новых каналов для осушения 20 с лишним тыс. дес.²

Деятельность по осушению Барабы заметно изменила «облик страны, обратив неприступные болота в луговые угодья и покосы. Вследствие создания новых площадей для сенокоса увеличилось и пространство пахотных земель, под которые отводятся гривы, использовавшиеся до осушительных работ в качестве покосов и выгонов. С течением времени времени осушенные земли также поступают под обработку: «Пашем там, где раньше и не думали пахать», — таков обычный ответ барабинских крестьян на вопрос о возможности распашки осушенных болот»³.

Осушение улучшило коммуникации, сделав возможным сообщение со многими «недоступными районами», улучшило и климатические условия (туманов стало меньше, а «безморозный период» — дольше), уменьшилось количество комаров и оводов, «этого бича Барабы, значительно сократился падеж скота от сибирской язвы и смертность населения от тифа, поноса и других болезней».

Другими словами, мелиорация не только улучшила условия жизни в Барабе, но и облегчила использование ее естественных богатств для целей сельского хозяйства, значительно увеличила ее колонизационную емкость, а также сделала возможным заселение всей южной и почти всей юго-восточной степи. Большая и важная в сельскохозяйственном отношении территория начала приобщаться, как тогда говорили, «к культурной жизни».

Осушительные работы позволили укрепиться поселениям, «самая возможность существования коих вследствие болотистости местности, повергалась раньше сомнениям». Отдел земельных улучшений в качестве примера приводит образованный в 1908 г. среди болот Ефремовский поселок, жители которого решили было уйти на новые места и даже получили разрешение на это. Однако после производства ряда осушительных работ они остались и «ныне живут хорошо». Сначала в поселке имелось 118 дворов, в 1910 г. к ним приселили еще 18. В 1911 г. в Ефремовском насчитывалось 1500 голов крупного рогатого скота, в том числе 1000 дойных коров, и три маслодельных завода.⁴

В 1910–1913 гг. в центральной Барабе на осушенных землях нарезали ряд новых

¹ *Bumme C. Ю.* Собрание сочинений ... Т. 1. Кн. 2. Ч. 1, С. 338–339.

² ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений ... С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 101–102.

переселенческих участков; так, к северо-западу от Убинского озера таких участков появилось 6 с площадью удобной земли свыше 6 тыс. дес. Поскольку для распашки земли было сравнительно немного, то в хозяйстве местных крестьян закономерно преобладало молочное скотоводство и маслоделие. Это вполне отвечало природным и экономическим условиям региона, и значение Барабинской степи как обширного маслодельного района в последние годы постоянно возрастало. В 1913 г. здесь насчитывалось около 200 маслодельных заводов, дававших около 200 тыс. пуд. масла, стоимостью свыше 2,5 млн руб., что далеко не было пределом.

Отдел земельных улучшений отмечает, что «население не только в старых поселках, но и в сравнительно новых живет зажиточно; усовершенствованные орудия до косилок и жаток включительно представляют обычное явление и встречаются у большинства хозяев; бесчисленные копны сена, разбросанные по бывшим непроходимым займищам, пасущиеся табуны лошадей и огромные стада скота производят отрадное впечатление. В каждом поселке имеется один, а то и два-три маслодельных завода.

Таким образом, благодаря осушительным работам, создан обширный маслодельный район, ежегодная производительность коего превышает всю сумму, затраченную на осушительные работы в течение 18 лет»¹.

Не всем Судьба позволяет делать подобные заключения о результатах своего труда.

В 1913 г. мелиоративные работы уже вышли из пределов собственно Барабинской степи и распространились на северную часть Барнаульского уезда, восток Томского уезда и на южную окраину Нарымского края.

Гидротехнические работы велись и в Степном крае.

Продолжились гидротехнические работы в Барабинской степи в Сибири, начавшиеся в 1910 г. В 1913 г. они уже вышли из пределов собственно этой степи, почти целиком расположенной в Каинском уезде, и распространились на северную часть Барнаульского уезда, восток Томского уезда и на южную окраину Нарымского края.

В этом районе были выполнены следующие работы:

1) проложено почти 230 верст новых магистральных и боковых каналов, которые осушают около 25 тыс. дес., причем при строительстве было вынуто 61238 куб. сажень грунта;

2) Расширены и углублены 23 версты и подчищено 379 верст существующих каналов;

3) сооружено 26 мостов, 9 труб и построены гати на протяжении 8 верст.

В ходе общих изысканий по осушению в Каинском уезде было пройдено 396 верст и 576 верст в Томском уезде. Проводились технические работы на переходах из северной Барабы в Нарымский край для строительства колесных дорог общим протяжением около 300 вер.

Специальными изысканиями по осушению переселенческих участков прежде всего для подготовки переселенческого фонда было пройдено 998,5 версты.

Кроме работ в Барабинской степи в 1913 г. были проведены изыскания по орошению Бель-Агачской и Ремовской степей в Томской губернии и в Койбальской степи Енисейской губернии. Выяснилось, что в двух последних орошение было возможно,

¹ Там же. С. 102.

а в первой единственным реальным способом было бы устройство водохранилищ, наполняющихся снеговыми водами¹.

Дальний Восток. В Амурской области изыскания по осушению велись двумя отрядами в Зейско-Буреинской низменности и Черняево-Зейском районе. При изысканиях было снято 42257 дес. и нивелировкой пройдено 750 верст, и в результате были составлены предварительные проекты осушения.

В переселенческих поселках осушили 4680 дес., а в поселках городского типа проложили 42,4 вер. осушительных канав.

На переселенческих участках три буровых отряда обследовали 291,0 тыс. дес. и пробурили 187 скважин общей глубиной 1050 погонных сажен (2240,7 м — *М. Д.*). В ходе обводнительных работ было построено 56 колодцев, общей глубиной 420 саж².

В Приморской области, где главной задачей была борьба с наводнениями, три отряда вели изыскания в бассейне р. Иман. Одновременно в Хорском районе проводились работы в целях осушения.

Допускаю, что кому-то из читателей приводимые подробности покажутся столь же мелкими, как создание еще одной прокатной станции в Минской, допустим, губернии, или очистка 30 тыс. пуд. крестьянского зерна.

Однако История вся (вновь прошу прощения за банальность) состоит из таких «мелочей», которые в данном случае — частички той Новой жизни, которая строилась тогдашней Россией.

Постепенно начала претворяться в жизнь и идея железнодорожной связи Сибири и Средней Азии.

В 1906 г. после принципиального одобрения правительством идеи строительства магистрали Барнаул — Семипалатинск — Верный — Луговая — Арысь (станция на Ташкентской дороге³), начались изыскательские работы и выбор вариантов соединения дороги с Транссибом. В 1910 г. был одобрен проект постройки на частные средства железной дороги Арысь-Верный. В марте 1912 г. Государственный Совет одобрил выдачу концессии на ее строительство. В 1915 г. проект был значительно расширен и дорога должна была связать не только Верный (Алматы), но и Семипалатинск с Ташкентом. Алтайская железная дорога, соединившая Новониколаевск и Семипалатинск, начала работать в 1915 г.

Одновременно строилась Семиреченская железная дорога от Арыси до Верного, но октябрь 1917 г. прервал стройку.

Завершение этого проекта получило название «Турксиба» и стало одной из знаменитых строек 1-й пятилетки. Нельзя не заметить, что А. В. Кривошеин сооружал эту магистраль с куда меньшим напряжением сил, чем советская власть, не говоря о сумме децибел пропагандистского аккомпанемента, сопровождавшего стройку в 1926–1930 гг.

Даже этот краткий обзор деятельности П. А. Столыпин и А. В. Кривошеина по интеграции Азиатской и Европейской России позволяет сделать вывод о том, что они мыслили, как и С. Ю. Витте, континентами и эпохами.

¹ Там же. С. 116–117.

² Там же.

³ Она фигурирует, в частности, в романе К. Симонова «Солдатами не рождаются».

8.12. Что скрывают цифры

Представление о реформе не будет достаточно полным, если оставить в стороне один чрезвычайно важный сюжет, который, хотя и затрагивался раньше, не освещался достаточно подробно. Мне удобнее проиллюстрировать его на примере землеустройства, но я помещаю его именно здесь, а не выше, поскольку эта проблема была крайне важна и для всех других направлений реформы.

Выше говорилось, что в отдельных губерниях и регионах землеустройство шло неравномерно, что 8 губерний из 47 дали почти треть всех ходатайств, а 14 губерний с числом ходатайств более 164 тысяч в каждой — половину всех ходатайств (49,7%), на 20 губерний с числом ходатайств более 125 тысяч в каждой пришлось 63,7% всех ходатайств по стране. В остальных 27 губерниях реформа шла медленнее.

Таблицы 204–206 иллюстрируют сказанное на региональном уровне.

Таблица 204

Территориальное распределение ходатайств об изменении условий землепользования и утвержденных проектов в 1907–1915 гг.

Районы	Дворов в 1905 г.	Число ходатайств			Число проектов		
		всего	личные	групповые	всего	личные	групповые
Северный	352511	139257	32932	106325	50753	8940	41813
Приозерный	479604	273392	170581	102811	114737	78761	35976
Литовский	296512	174222	147109	27113	53636	46873	6763
Белорусский	1134053	464052	364482	99570	156818	130435	26383
ЦПР	1366890	886884	238351	648533	361100	84628	276472
ЦЧР	1523300	684824	257139	427685	269604	106582	163022
Средневожский	1125115	672657	168070	504587	302984	80400	222584
Юго-Западный	1114104	422178	244397	177781	109867	88710	21157
Новороссийский	1113349	689989	521391	168598	324038	258552	65486
Малороссийск.	1199546	811419	372465	438954	295200	158447	136753
Нижневожский	1073957	654456	367329	287127	262284	162920	99364
Приуральский	1002936	301130	76857	224273	59483	16261	43222
Всего	11781877	6174460	2961103	3213357	2360504	1221509	1138995

Источник: Данные о численности дворов по губерниям взяты и суммированы автором по изданию Землевладение в 1905 году: Статистика землевладения в России. СПб., 1905. Архангельская — вып. 15, с. 36–37; Астраханская — вып. 23, с. 32–33; Бессарабская — вып. 10, с. 44–45; Виленская — вып. 34, с. 40–41; Витебская — вып. 27, с. 49–50; Владимирская — вып. 3, с. 52–53; Вологодская — вып. 17, с. 48–49; Волынская — вып. 41, с. 50–51; Воронежская — вып. 5, с. 52–53; Вятская — вып. 8, с. 48–49; Гродненская — вып. 11, с. 42–43; Область Войска Донского — вып. 46, с. 42–43; Екатеринославская — вып. 14, с. 42–43; Казанская — вып. 7, с. 50–51; Калужская — вып. 6, с. 48–49; Киевская — вып. 43, с. 52–53; Ковенская — вып. 29, с. 40–41; Костромская — вып. 30, с. 50–51; Курская — вып. 37, с. 52–53; Минская — вып. 19, с. 42–43; Могилевская — вып. 13, с. 46–47; Московская — вып. 1, с. 52–53; Нижегородская — вып. 21, с. 48–49; Новгородская — вып. 38, с. 52–53; Олонекская — вып. 25, с. 38–39; Орловская — вып. 24, с. 50–51; Пензенская — вып. 22, с. 46–47; Пермская — вып. 40, с. 48–49; Подольская — вып. 9, с. 50–51; Полтавская — вып. 48, с. 54–55; Псковская — вып. 31, с. 44–45; Рязанская — вып. 4, с. 50–51; Самарская — вып. 28, с. 46–47; Петербургская — вып. 26, с. 46–47; Саратовская — вып. 2, с. 46–47; Симбирская — вып. 12, с. 44–45; Смоленская — вып. 18, с. 50–51; Таврическая — вып. 42, с. 44–45; Тамбовская — вып. 20, с. 48–49; Тверская — вып. 34, с. 50–51; Тульская — вып. 32, с. 48–49; Уфимская — вып. 36, с. 42–43; Харьковская — вып. 33, с. 48–49; Херсонская — вып. 16, с. 40–41; Черниговская — вып. 47, с. 54–55; Ярославская — вып. 39, с. 46–47; «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г.». Пг., 1916. Подсчеты автора.

Таблица 205

То же в процентах

Районы	Дворов в 1905 г.	Число ходатайств			Число проектов		
		всего	личные	групповые	всего	личные	групповые
Северный	3,0	2,3	1,1	3,3	2,2	0,7	3,7
Приозерный	4,1	4,4	5,8	3,2	4,9	6,4	3,2
Литовский	2,5	2,8	5,0	0,8	2,3	3,8	0,6
Белорусский	9,6	7,5	12,3	3,1	6,6	10,7	2,3
ЦПР	11,6	14,4	8,0	20,2	15,3	6,9	24,3
ЦЧР	12,9	11,1	8,7	13,3	11,4	8,7	14,3
Средневолжский	9,5	10,9	5,7	15,7	12,8	6,6	19,5
Юго-Западный	9,5	6,8	8,3	5,5	4,7	7,3	1,9
Новоросийский	9,4	11,2	17,6	5,2	13,7	21,2	5,7
Малоросийск.	10,2	13,1	12,6	13,7	12,5	13,0	12,0
Нижневолжский	9,1	10,6	12,4	8,9	11,1	13,3	8,7
Приуральский	8,5	4,9	2,6	7,0	2,5	1,3	3,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Ясно, насколько интересно, в частности, сравнить число поданных прошений и утвержденных проектов с общей численностью крестьянских дворов в рассматриваемый период.

Таблица 206

Сопоставление поданных прошений и утвержденных проектов с численностью дворов по Переписи землевладения 1905 г. (%)

Районы	дворов в 1905 г.	Число ходатайств			Число проектов		
		всего	личные	групповые	всего	личные	групповые
Северный	352511	39,5	9,3	30,2	14,4	2,5	11,9
Приозерный	479604	57,0	35,6	21,4	23,9	16,4	7,5
Литовский	296512	58,8	49,6	9,1	18,1	15,8	2,3
Белорусский	1134053	40,9	32,1	8,8	13,8	11,5	2,3
ЦПР	1366890	64,9	17,4	47,4	26,4	6,2	20,2
ЦЧР	1523300	45,0	16,9	28,1	17,7	7	10,7
Средневолжский	1125115	59,8	14,9	44,8	26,9	7,1	19,8
Юго-Западный	1114104	37,9	21,9	16	9,9	8	1,9
Новоросийский	1113349	62,0	46,8	15,1	29,1	23,2	5,9
Малоросийский	1199546	67,6	31,1	36,6	24,6	13,2	11,4
Нижневолжский	1073957	60,9	34,2	26,7	24,4	15,2	9,3
Приуральский	1002936	30,0	7,7	22,4	5,9	1,6	4,3
Всего	11781877	52,4	25,1	27,3	20	10,4	9,7

Источники: см. источники к таблице 204.

Эти таблицы порождают немало вопросов, на которые у нас еще нет исчерпывающих ответов.

Причины неравномерности хода землеустройства давно привлекали исследователей.

В частности, А. А. Кофод уже в 1913 г. пытался охарактеризовать течение реформы в 1907–1912 гг. в своей монографии «Русское землеустройство», используя несколько иную, чем предлагаемая мной, схему экономико-географического районирования. Число дворов в губерниях и уездах он вычислял, опираясь на Перепись 1905 г. и принимая во внимание процент роста дворов со времени переписи 1877 г.

Кофода интересовало прежде всего личное землеустройство. Он оценивает его успехи в каждом из районов в зависимости от объективных факторов, при прочих равных способствующих или препятствующих землеустройству. Он разработал адекватную своего рода «периодическую систему» факторов землеустройства (которой придерживаюсь и я), и в своих оценках он исходил прежде всего из нее.¹ Уровень Кофода как исследователя реформы — вне конкуренции, притом же его анализ выигрывает за счет неангажированности. Однако его работа охватывает чуть больше половины времени действия реформы.

Особого внимания заслуживают классические в своем роде данные 1922 г. Н. Першина, на которые опирались впоследствии почти все исследователи². Подводя итоги внутринадельного землеустройства в 1907–1916 гг., Першин, исходя из численности дворов, определенной Переписью 1916 г., полагает, что «хозяйства, устроенные на началах участкового землепользования к 1 января 1917 года, составят 10,5% всех хозяйств крестьянского типа», оговариваясь, правда, что «этот процент не совсем точен, но все же он довольно близок к действительности»³.

При этом по территории России хутора и отруба, пишет автор, распределяются очень неравномерно. Основная их часть сконцентрирована в двух районах, где, по его мнению, на хутора и отруба вышло более десятой части всех дворов. Данную локализацию автор, находившийся в тот момент под влиянием организационно-производственной школы, ставит в прямую связь с «довольно характерными чертами районности, сложившимися, несомненно, под влиянием тех общеэкономических и организационно-хозяйственных условий, которые создали необходимые предпосылки и факторы участковой организации территории»⁴.

Эти два обособленные района, по Першину, таковы:

«1) **северо-западный** в составе 6 губерний (Петроградской — 28,7%, Псковской — 17,6%, Ковенской — 18,6%, Витебской — 28,7%, Смоленской — 15,9% и Могилевской — 14,6%), непосредственно примыкающий к старым районам хуторского расселения Латвии, Эстонии и Финляндии;

2) **южные и юго-восточные губернии** в составе: Полтавская — 12,9% участковых хозяйств, Харьковская — 22,5%, Херсонская — 22,6%, Екатеринославская — 30,9%, Таврическая — 30,6%, Донская обл. — 10,4%, Саратовская — 16,4%, Самарская — 19,0% и Ставропольская — 24,9%.

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 781–787.

² Замечу, однако, что цифровой материал его небольшой, но емкой работы требует отдельного анализа и даже проверки.

³ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920). М., Новая деревня. 1922. С. 8.

⁴ Там же.

Этот район так же, как и предшествовавший, непосредственно упирается в море. Сельскохозяйственно-экономические особенности этих районов, резко обособляющие их от остальных губерний России, достаточно известны. Северо-запад — район интенсивного полеводства и животноводства, резко выявляющий на себе влияние близких рынков. Юг и юго-восток — районы экстенсивно-зернового и экстенсивно-скотоводческого хозяйства также с ярко выраженным рыночным характером производства¹. Наконец, в подтверждение своих мыслей Першин предлагает сопоставить эти регионы с «сельскохозяйственными районами А. Н. Челинцева и с хлебо-торговыми районами П. И. Лященко»².

В сущности, все грамотные экономисты того времени были согласны с тем, что большая хозяйственная развитость крестьян перечисленных Першиным районов повышала их восприимчивость к выгодам новых форм ведения хозяйства.

Обе точки зрения — и Кофода, и Першина — представляются вполне убедительными, поскольку во многом они продуктивно дополняют друг друга.

Тем не менее приведенные выше порайонные (и, соответственно, погубернские) данные о землеустройстве, интерпретируемые *только* подобным образом, на меня лично производят как минимум, двойственное впечатление.

С одной стороны, это самые настоящие документальные свидетельства эпохи, итоговые характеристики фундаментальной реформы социально-экономического строя России, какими их рисует официальная правительственная статистика Империи. Это та самая история, которая якобы не имеет сослагательного наклонения.

Но, с другой стороны, эти цифры оставляют в стороне проблемы, внятного понимания которых у нас пока нет. Они (цифры) действительно могут и должны интерпретироваться в привычных уже рамках, обозначенных Кофодом и Першиным. Однако только ли этими причинами объясняются цифровые характеристики реформы?

Полагаю, что нет, ибо неправильно думать, будто все крестьяне априори имели равные возможности для землеустройства и что статистика — верное зеркало этих возможностей.

На ход преобразований, в том числе и на количественные показатели землеустройства, влияли и другие факторы, помимо перечисленных, прежде всего *качественный состав персонала Землеустроительных комиссий*, не говоря о его численности.

Ведь, рассуждая о реформе, мы видим прежде всего двух ее «участников» — правительство как источник законодательства и финансирования, с одной стороны, и население, с другой. При этом де-факто мы игнорируем тех, кто на деле *реализовывал* реформу — работников Землеустроительных комиссий, которым неявно придается сугубо вспомогательное служебное значение.

Историография вообще, по сути, не касалась практической деятельности комиссий и ее влияния на процесс землеустройства, не считая констатации того, что нехватка землемеров стала главной причиной недостаточного удовлетворения числа поданных ходатайств, что во многом справедливо.

Между тем важность этой деятельности для понимания хода реформы исключительно важна. Уже при сколько-нибудь внимательном взгляде на погубернские показатели землеустройства, взятые в динамике, естественным образом возникает предположе-

¹ Першин П. Н. Участковое землепользование... С. 8.

² Там же. С. 9.

ние — темпы работы отдельных Землеустроительных комиссий должны сильнее всего образом коррелировать с личностными качествами их сотрудников.

Почему в Воронежской губернии землеустройство в течение всего рассматриваемого периода развивается весьма энергично, а в соседней Курской губернии — достаточно вяло? Почему тот же вопрос можно задать применительно к Московской губернии, крестьяне которой имели прекрасные возможности для заработков во втором из крупнейших городов страны и уже в силу этого, на первый взгляд, не должны были бы быть слишком заинтересованы в землеустройстве, с одной стороны, и к Костромской, например, с другой стороны?

С первых месяцев реформы стало очевидно, что личностная энергия тех, кому поручено проводить в жизнь указ 9 ноября, является одним из решающих факторов развития реформы. И это было вполне естественно.

Дело в том, что Столыпинская аграрная реформа, как мы знаем, была необычной и в том смысле, что роль личностного компонента в ней была специфичным образом повышена в сравнении с другими преобразованиями.

Она относилась к числу тех редчайших в истории России реформ, когда население получало право выбора, когда у крестьян, по существу, спрашивали — хотят они или не хотят менять привычный образ жизни. Часть крестьян была готова это сделать сразу и без колебаний, но такие крестьяне были в меньшинстве. Остальных нужно было **убедить** в том, что перемены будут им выгодны.

И этот самый сложный процесс в значительной степени зависел от степени энтузиазма, увлеченности реформой, глубины понимания преобразований и просто личностных качеств работников уездных и губернских комиссий.

Одной из ключевых в столыпинском землеустройстве была фигура не переменного члена Землеустроительной комиссии, который в уездной комиссии выполнял исполнительные функции, на которого возлагалось «ответственное наблюдение за всеми производящимися в уезде работами и руководство их исполнителями» и которому непосредственно подчинялись секретарь комиссии и канцелярия¹. И в губернской комиссии на нем лежали те же исполнительные функции, **он отвечал за правильный ход землеустроительных работ в пределах губернии**. «Соответственно этому», пишет Кофод, «он является руководителем всех постоянных членов уездных комиссий данной губернии, землеустроителей и землемеров в отношении ведения землеустроительного дела. К нему же обращаются уездные комиссии за всеми разъяснениями по возникающим у них сомнениям при подготовке и производстве работ»².

Очень многое в ходе реформы зависело от землеустроителей. Об их деятельности можно судить, например, по короткому отчету земского инструктора (к сожалению, его имя и фамилия нам пока неизвестны) землеустройства Екатеринбургского уезда за 1913 г.: «В течение отчетного года земским инструктором землеустройства выполнены, согласно распоряжению Земской управы, следующие работы:

1) по просьбе крестьян, давались разъяснения о пользе и преимуществах нечересполосного (отрубного или хуторского) землепользования перед чересполосным, с целью способствования переходу целых сельских обществ к более совершенным формам землевладения и землепользования;

2) исполнение поручений уездной Землеустроительной комиссии;

¹ Кофод А. А. Русское землеустройство... С. 46.

² Там же. С. 47.

- 3) подача советов при частичных (групповых) выделах из земельной общины;
- 4) склонение целых сельских обществ в отрубному сельскохозяйственному пользованию в тех селениях, из коих поступали в уездную Землеустроительную комиссию единичные ходатайства крестьян о землеустроительной помощи по выделу из чересполосной земли в удобный для хозяйственного пользования нечересполосный участок;
- 5) подача советов и объяснений, по вызову отдельных хозяев, крестьянам, приобретшим чрез посредство Крестьянского поземельного банка землю товариществами и раздробивших свои паевые земельные доли чересполосицей, с целью склонения к переходу на отруба;
- 6) выработка на местах проектов предполагаемых разверстаний чересполосицы, приговоров и главнейших оснований и условий по переходу к отрубам в каждом отдельном сельском обществе или части его;
- 7) чтения и беседы с крестьянами на темы: законы землеустройства, техника землеустроительных работ и хуторское и отрубное хозяйство;
- 8) систематические лекции по землеустройству, читанные на сельскохозяйственных курсах для крестьян»¹.

Эти мероприятия автором отчета проводились в 27 населенных пунктах уезда: «Работы его на местах заключались в установлении точных данных о размерах каждого чересполосного владения, о правах на земельные паи — коренных, наделных и купленных земель; в составлении схематических планов земли, а также пробных разверсточных проектов; в выработке проектов по частичным выделам для избежания чересполосности владений.

В указанных выше селениях инструктор склонял крестьян к общему разверстанию на отруба наделной и купленной земли»², и, сколько можно судить по данным отчета, его деятельность была вполне успешной. За 1913 г. полные разверстания чересполосных участков были произведены при его содействии в 10 селениях для 678 дворов на

¹ Отчет о деятельности инструктора землеустройства Екатеринославского уездного земства за 1913 год. Екатеринослав. 1914. С. 1–2.

Кюфод так суммирует обязанности землеустроителя, т.е. того же инструктора по землеустройству: «Землеустроитель, получив дело для подготовки, выезжает на место для выяснения как правового положения дела, так равно природных и бытовых условий, с которыми придется считаться при исполнении вызываемых поданным заявлением работ. Если при этом окажется, что ходатайство не соответствует требованиям закона или что желания населения, несмотря на все старания землеустроителя, не укладываются в рамки требований землеустроительной техники, то землеустроитель возвращает дело в уездную комиссию для прекращения. Во всех остальных случаях землеустроитель в результате подготовки дела вырабатывает главнейшие положения предстоящего землеустройства, соответствующие вполне сознательным желаниям просителей, которые должны быть положены в основание производства данной землеустроительной работы.

Эти главнейшие положения землеустроитель затем предлагает просителям выразить в окончательной форме, оказывая им необходимое для этого содействие... Кроме того, землеустроитель в особом докладе излагает все те подробности дела, выяснение которых необходимо для безостановочного приведения его в исполнение в натуре, и прилагает к этому докладу пояснительный схематический чертеж...

В случае необходимости съемочных работ при подготовке, землеустроитель пользуется содействием межевых чинов, которые назначаются на эту работу при составлении ранней весной каждого года общего списка работ предстоящего полевого периода так называемого плана работ.

Тщательная подготовка дела должна предупредить назначение к исполнению несозревших еще для этого работ, т.е. таких, где население еще не выяснило себе, в чем собственно должно заключаться устройство его земель, и — обеспечить как безостановочное производство землемерных работ в натуре, так и благополучное оформление дела. В этом последнем отношении подготовка дела приобрела особое значение после введение в действие закона 29 мая, переложившего ответственность за правильность совершения землеустройства с населения на Землеустроительные комиссии, заменив приемный приговор первого постановления последних». (Кюфод А. Русское землеустройство... С. 69–70, 72).

² Там же. С. 2–3.

площади 3310 дес., а частичные выделы в 5 населенных пунктах (в селе Романкове дважды) для 1379 дворов на площади 5669 дес.¹

Однако автор приводит две конкретные ситуации, которые дают очень много для понимания реальных сложностей процесса землеустройства: «Не во всех селениях одинаково достигнут конечный результат указанных работ на местах: крестьяне села Шолохова вместо исполнения первоначального приговора, представленного инструктором в уездную Землеустроительную комиссию, о сплошном общем разверстании земли всех без исключения дворохозяев, отказались от общего разверстания. **Отказ произошел под несомненным воздействием дурных элементов деревни и тех крестьян, кои эксплуатируют чересполосицу у своих односельчан дешевой арендой удаленных чересполосных наделов, «пидметов», «приорков» и т. п. участков земли, каковые сами владельцы не обрабатывают вследствие их разбросанности и раздробленности.**

Тем не менее инструктор сгруппировал часть крестьян, желавших во что бы то ни стало собрать свою чересполосную землю «в одну межу», и для них выработаны проекты частичных выделов; за текущий отчетный период это третий выдел, с наглядностью доказывающий интенсивность начавшегося процесса в крестьянских массах — **тяготения к более совершенным формам землевладения и землепользования...**

Получить, однако, на сельском сходе установленное число голосов для составления законного приговора об общем разверстании чрезвычайно трудно. Весьма характерно, что на сходе крестьяне как бы боятся подать свой голос за разверстание, хотя получить свою землю «навсегда в одной окружной меже» является заветной мечтой каждого.

Чтобы создать необходимую популярность полезному делу — переходу к отрубному хозяйству, **весьма важно и желательно, чтобы возможно часто и при всяком удобном случае на сельскохозяйственных чтениях крестьянам преподавалась хотя бы в самой сжатой форме суть дела землеустройства.**

Крайне важно будет уже то, **что агроном, который устраивает крестьянам сельскохозяйственные общества, товарищества, кредитные и другие полезные учреждения, ясно и определенно выскажется о преимуществах отрубного типа хозяйства**².

Из этой информации, вполне демонстрирующей трудности землеустройства, следует по меньшей мере два вывода. Во-первых, даже в губернии, которая лидирует по числу созданных хуторов и отрубов, далеко не все крестьяне достаточно осведомлены о преимуществах ведения единоличного хозяйства, и во-вторых, не все агрономы являются сторонниками реформы — в противном случае едва ли автор специально выносил бы свое пожелание в официальный отчет³. Этот пример к тому же иллюстрирует приведенную выше мысль о возможности расхождений между числом поданных ходатайств и их позднейшей фиксацией.

«В силу сказанного», — продолжает автор, — «и село Романково очутилось в аналогичном с Шолоховым положении; хотя **здесь некоторая часть крестьян сознательно шла против общего разверстания с целью, выждав несколько частных выделов, получить при последнем частичном выделе свою землю «возле са-**

¹ Там же. С. 6–7.

² Там же. С. 3–5.

³ См. также: Юрьевский Б. Правительство и земля. СПб., 1912. С. 43–48.

мого села». Дело в том, что, согласно инструкции, при частичных выделах отруба режутся, начиная с самой дальней межи»¹.

Пример села Романково — один из тех, которые наглядно показывают, насколько реальная история богаче наших представлений о ней. В данном конкретном случае мы видим, что у крестьян были мотивы, которые историки просто не учитывают — либо в силу непривычки придавать значение таким «мелочам», либо из-за простого незнания подобных деталей.

Априори несложно представить, *насколько* сложной в принципе была миссия сотрудников комиссий, того же инструктора землеустройства, учитывая условия *реальной* жизни тысяч и тысяч *конкретных* деревень, какой подготовкой и какими личностными качествами он должен был обладать, чтобы добиться успеха.

Нетрудно вообразить картину беседы землеустроителя с сельским сходом, состоящим из десятков, чаще — из сотен, а иногда и тысяч мужчин и женщин, которым незнакомый «барин» предлагает ни больше и ни меньше, как изменить тот образ, тот строй их жизни, который был прожит поколениями предков. Был прожит, а, значит, согласно представлениям крестьян, тем самым гарантирует выживание и им самим.

Какие слова нужно уметь находить в подобных случаях?

Ведь, по сути, такого рода собрания — особый тип митинга, а на митингах умеют выступать далеко не все.

Проблема привлечения симпатий населения к реформе не ограничивалась одной прямой агитацией. Комиссии должны были устраивать экскурсии в уже существующие районы хуторского расселения, которые оказались действенным средством убеждения крестьян, создавать агрономическую службу и многое другое.

В работе 47 губернских и 463 уездных Комиссий участвовали многие тысячи представителей образованного класса России, и априори понятно, что уровень их компетентности, заинтересованности и энтузиазма не мог быть в равной степени высок.

Различались, конечно, и сама *постановка дела* землеустройства, и то, что можно назвать стратегическим видением реализации преобразований в данной местности.

Так, исключительно благоприятная для землеустройства ситуация сложилась в Московской губернии, где реформе сразу начал уделять большое внимание яркий, талантливый и влиятельный губернатор В. Ф. Джунковский. В состав неперенных

¹ Там же. С. 5. Вспоминается отчет о землеустройстве в Пензенской губернии в 1908–1913 гг., весьма минорный по тональности, где автор, повествуя о спаде в работе Землеустроительных комиссий после 1911 г., в частности, пишет: «Наименее успешно шли работы в Мокшанском, Саранском и Городищенском уездах, причем в последнем исключительно по вине землемеров, из коих один ушел со службы, оставив работу недоконченной, второй оказался крайне неопытным, а двое остальных крайне медлительными. Совсем же неуспешно протек полевой период в Наровчатском уезде отчасти вследствие малой распорядительности Непременного члена, главным же образом благодаря тому, что два землемера, работавших в этом уезде, заболели: оба воспалением легких.

Вообще нужно сказать, что если в 1913 году план работ не выполнен полностью то это, главным образом, по вине межевого состава, так как трое землемеров ушли со службы в такое время, когда взамен их было уже невозможно пригласить новых; трое в течение полевого периода более или менее продолжительное время хворали, и, наконец, один злоупотреблял вином. При сравнительно небольшом межевом составе вышеуказанные обстоятельства не могли не отразиться заметно на результатах работы количественном отношении». К тому же земские начальники «как неоднократно указывала практика, в роли землеустроителей в большинстве случаев, к сожалению, оказываются не на должной высоте... Все это вместе взятое, разумеется, нарушало планомерность работы и вносило некоторую дезорганизацию в налаженное дело». (РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 842. Л.118–118об.)

А мы объясняем показателем землеустройства степень включенности губернии в рынок! Вот они, факторы землеустройства! Вот от чего иногда зависят наши оценки судеб преобразований (и не только), если их оценивать исключительно в цифрах!

членов уездных комиссий вошли люди, ранее служившие в крестьянских учреждениях губернии, из которых семеро были земскими начальниками, а также бывшие — председатель, член уездной Земской управы, старший землемер землеустроительных комиссий, наконец, один местный землевладелец, окончивший юридический факультет и прослушавший курс Сельскохозяйственного института. Девять непременных членов имели университетское или высшее сельскохозяйственное образование, остальные были отставными военными.

Джунковский пишет, что «на постановку дела и работу землеустроительных учреждений весьма благоприятно отразилось то обстоятельство, что лица, вошедшие в их состав, были хорошо ознакомлены с крестьянским делом вообще, в частности, отлично осведомлены о местных земельных нуждах и являлись воодушевленными сторонниками намеченных правительством земельных реформ. Ими установлены отличные, вполне обеспечивающие успех работы взаимоотношения с представителями крестьянских и иных учреждений, с которыми приходится совместно работать. **В большинстве уездов отношения крестьян, их доверие к землеустроительным комиссиям и, в частности, к непременным членам, не оставляет желать лучшего**»¹.

«В состав землемеров Землеустроительных комиссий входят немало техников с высшим образованием. Процент межевых инженеров по годам распределен следующим образом: в 1907 г. — 84%, в 1908 г. — 55%, в 1909 г. — 50%, в 1910 г. — 36%, остальные землемеры — со средним техническим образованием, не ниже землемерных училищ. Сокращение процента межевых инженеров объясняется усиленным спросом на них и невозможностью его удовлетворить при сравнительно незначительном числе лиц, ежегодно оканчивающих Межевой Институт.

В 1907 и 1908 гг. землемерным составом и техническим надзором за ходом работ заведовал московский губернский землемер Рудин, назначенный с начала 1909 г. ревизором Межевого управления. Совмещая должность губернского землемера с чтением лекций в Межевом Институте, Рудин имел возможность формировать кадры землемерных чинов из лучших сил Межевого ведомства — межевых инженеров — и с самого начала положил в основу работы тесную связь между технической и юридической стороной дела, согласно существующим правилам землеустройства и законов Межевого ведомства.

В 1909 г. впервые были назначены для поверки и непосредственного руководства землемерными работами в натуре ревизоры из состава старших землемеров. Институт ревизоров-инструкторов оказался в высокой степени полезным, и призванные к этому делу лица сказались на высоте своего положения. В том же году были впервые назначены помощники землемеров, получившие подготовку на курсах при Межевом Институте и проводившие один летний период на практике. Многие из них весьма удовлетворительно освоились с работой, что дало возможность избранным из них поручать самостоятельные работы по выделам, каковые ими производились под руководством старших землемеров весьма успешно»².

После ухода Рудина на повышение его заменил Мунтян. Джунковский вспоминает: «Мне было очень жаль расстаться с Рудиным, который упорядочил межевое дело в губернии и значительно поднял его. Это был очень умный, способный человек, живого темперамента, энергичный, с большим жизненным опытом, большой ловкач, немного

¹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 49об-50.

² Там же. Л. 50-50об.

фокусник, умевший втирать очки, но с блестящим умом и работник незаменимый. Кроме того, это был человек компанейский, умел собирать вокруг себя дельных сотрудников. Его заместитель, Мунтян, был несколько в другом роде. Он не был столь блестящ, но это тоже был выдающийся работник и по своему знанию дела, и по работоспособности, пожалуй, был и серьезнее Рудина, и более верный, если так можно выразиться, сотрудник. Очки никому не втирал, был занят исключительно делом»¹.

Непременным членом Землеустроительной комиссии был известный Ф. В. Шлиппе, «агроном, знаток сельского хозяйства и отлично знавший землеустроительное дело не только в теории, но и на практике. Будучи по природе человеком живого ума, широкого взгляда, не рутинер, он был мне незаменимым помощником в деле землеустройства в губернии. Он умел подбирать себе и сотрудников, объединить их деятельность, благодаря своему уживчивому, всегда ровному характеру, у него сложились отличные отношения с губернскими землемерами, сначала Рудиным, а затем и Мунтяном... и со всеми землемерами, работавшими по землеустройству. Вследствие этого все деятели по землеустройству под руководством воодушевлявшего их энергичного Ф. В. Шлиппе работали как одна семья, и успех дела был несомненен»².

Губернская комиссия сразу взяла стратегически верный курс. Число однопланнных селений в Московской губернии колебалось от 30 до 70% на уезд (схожая картина была во многих великорусских губерниях), и комиссия решила сосредоточиться сначала на их размежевании, с тем чтобы создать условия для последующего расширения землеустройства единоличного.

О масштабах проблемы можно судить по следующему примеру: «В состав однопланнных селений входят нередко несколько десятков селений, неразделенных между собою совершенно или имеющих значительное количество чересполосно расположенных общих владений. Как на пример, следует указать на одно дело в Богородском уезде, где 59 селений имеют общее владение площадью свыше 25000 дес., на 700 с лишком участках с вкрапленными чересполосно землями, принадлежащими Уделам и Павловскому Посаду. Эта работа производится партией землемеров и будет, вероятно, закончена в настоящий полевой период. В Волоколамском и Можайском уездах работы по разделу однопланнных селений в скором времени буду совершенно закончены и таким образом расчищено поле для окончательных землеустроительных действий — разверстания целых селений и выделов»³.

Неслучайно в «Обзоре деятельности Землеустроительных комиссий Центрального района в 1912 г.» говорится, что в 1912 г. площадь работ по групповому землеустройству увеличилась во всех губерниях, кроме Московской. В ней, напротив, значительно увеличилась площадь работ по единоличному землеустройству. Причина была в том, что до 1912 г. в Московской губернии «все силы Землеустроительных комиссий были направлены главным образом на уничтожение внешней чересполосности однопланнных селений (около половины всей надельной земли Московской губернии состоит во владении однопланнных селений), а с 1912 г., когда почва для единоличного землеустройства была уже достаточно подготовлена предшествовавшим групповым землеустройством, начинают все более и более преобладать работы по образованию хуторских и отрубных участков. В то время как за период времени с открытия Землеустроительных

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1997. Т. 1. С. 378.

² Там же. С. 432.

³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 46об-47.

комиссий Московской губернии и до 1 января 1912 г. единоличных хозяйств в губернии образовано 3334, в 1912 г. их создано 3569»¹.

Результаты землеустройства в Московской губернии полностью подтверждают все вышесказанное. В 1907-1908 гг. Московская губерния по числу групповых прошений заняла 2-е место из 47 губерний, а по числу личных — 40-е, в 1909 г. — соответственно 2-е и 34-е, в 1910 г. — 4-е и 30-е, в 1911 г. — 7-е и 23-е, в 1912 — вновь 2-е и 31, в 1913 г. — уже 10-е и 25-е, в 1914 г. — 17-е и 21-е, а в 1915 г. — 17-е и 22-е.

Количественное выражение этого процесса можно видеть в таблице 207.

Таблица 207

**Ходатайства о личном и групповом землеустройстве
в Московской губернии в 1907–1915 гг.²**

<i>Годы</i>	<i>1907–1908</i>	<i>1909</i>	<i>1910</i>	<i>1911</i>	<i>1912</i>	<i>1913</i>	<i>1914</i>	<i>1915</i>	<i>Всего</i>
Групповые ходатайства	21358	38785	21906	14477	41755	19364	8559	4982	171186
Личные ходатайства	634	3871	4974	5918	7050	10060	7929	2711	43147
Всего	21992	42656	26880	20395	48805	29424	16488	7693	214333

Весьма примечателен тот факт, что в результате указанной политики комиссий Московская губерния в 1912–1915 гг. заняла 20-ю позицию из 47 по величине ходатайств о разверстании целых селений, в то время как в 1907–1911 гг. она была лишь 30-й. Количество прошений об этом виде землеустройства при этом почти удвоилось — 20401 против 11250.

Конечно, Московская — столичная губерния, априори имевшая ряд преимуществ в сравнении с провинцией. И тем не менее ее пример, как мы увидим, не был единственным.

Так, Кофод, рассматривая в 1913 г. распределение единоличных хозяйств по стране, писал: «Видно, что единоличное землеустройство развивается чрезвычайно неравномерно. Наряду с непочатыми еще уездами, имеются такие, в которых уже более половины домохозяев перешло к хуторскому и отрубному землепользованию. **В особенности выделяется Новоузенский уезд Самарской губернии, где благодаря энергии, превосходному знанию местных условий и умению находить отвечающие стремлениям местного населения формы землеустройства и способы осуществления их со стороны бывшего неперменного члена уездной Землеустроительной комиссии А. Ф. Бир**, из общего количества 43839 крестьянских дворов уже к ... 1 января 1912 года разверстались целыми селениями или выделались — 23346; в течение же 1912 года перешли к единоличному хозяйству еще 7662»³.

Ревизор ГУЗиЗ в том же 1913 г. так дополняет мнение Кофода: «Деятельность уездных землеустроительных комиссий Самарской губернии началась в 1907 году и была направлена, исключая Новоузенскую, на ликвидацию земель Крестьянского поземель-

¹ Там же. Д. 827. Л. 69-69об.

² С 1912 г. установленная в 1906 г. номенклатура землеустроительных действий изменилась, и в ГУЗиЗ уточнили количественные характеристики землеустройства для каждой губернии и в «Отчетных сведениях ... на 1 января 1913 г.» дали новые суммарные данные для каждой губернии за 1907–1911 гг. Поскольку в таблицах 207 и 208 мне важно подчеркнуть динамику подачи прошений о личном и групповом землеустройстве, я намеренно использовал данные из отчетов за 1907–1908, 1909, 1910 и 1911 гг. со старой номенклатурой. Как можно видеть из Приложения V, где помещены официальные итоги за 1907–1915 гг., расхождения в данном случае совершенно не принципиальны.

³ Кофод А. А. Русское землеустройство... С. 109–110.

ного банка. В Новоузенском уезде в то время Крестьянский банк владел всего только двумя незначительными имениями, которые по своим невысоким качествам не могли иметь значения для целей ликвидации, поэтому силы Комиссии были направлены на земли надельные и отчасти на казенные. По издании закона 9 ноября 1906 г. в Новоузенском уезде крестьяне усиленно начали укреплять землю в личную собственность, чем воспользовались землеустроители и стали проводить идею об отводе наделов к одному месту. Благодаря многополосности, длинноземелью и обширности поселений идея об отводе земли к одному месту скоро нашла среди крестьян сторонников и в первый же (1907) год появились запросы на производство работ¹.

Затем в Обзоре рисуется картина поступательного развития землеустройства в уезде и делается следующий вывод: «За пять истекших лет работы комиссия сделала то, что в уезде большая половина всех надельных земель (около миллиона десятин) разверстана на отруба, которые уже во многих местах заселены и там, где раньше нельзя было встретить на много десятков верст ни одного жилья и только однообразные громадные пространства залежных земель и пшеничных полей, в настоящее время эта полупустыня пестрит хуторами с правильно устроенными севооборотами и рядовыми посевами»². А. Ф. Бир, чья деятельность столь высоко была оценена Кофодом, в Обзоре не упоминается, но как бы присутствует в данном описании «за кадром».

Однако, как минимум, не везде ситуация была столь благоприятной. Мы уже знаем, что некомпетентность Землеустроительной комиссии стала причиной срыва начального этапа землеустройства в Астраханской губернии. И эта ситуация определенно не была уникальной, пусть и не на губернском уровне.

Выше в связи с положением землеустройства в Курской губернии говорилось о материалах инспекционной поездки, предпринятой чиновниками ГУЗиЗ, д.с.с. С. А. Куколь-Ясницким и с.с. Н.Н. Купреяновым, вместе с Кофодом объехавшими 23 уезда Псковской, Витебской, Могилевской и Курской губерний в 1907 г.

Эти данные представляют интерес и в более широком контексте, поскольку показывают, что землеустройство в гигантской степени зависело от уровня коммуникации между Землеустроительными комиссиями и населением. В силу того, что в 1907 г. крестьяне жаждут земли ничуть не меньше, чем в 1905–1906 гг., **«для комиссий создавалась весьма благоприятная почва, которую наиболее энергичные и деятельные из них ко времени прибытия уполномоченных правительством лиц уже до известной степени успели возделывать, наладив добрые отношения с крестьянами и вызвав все численно возраставшие обращения последних за советом и помощью»**³.

Но энергия и деятельная предприимчивость не являются, увы, общим достоянием.

Если члены Порховской уездной (землеустроительной — М. Д.) комиссии, пишут авторы отчета, жалуются, что крестьяне равнодушны к реформе, то это объясняется тем, что они еще ничего не сделали даже для того, чтобы в более или менее широких масштабах оповестить сельское население о своих целях и задачах: **«Тщетно, сидя в четырех стенах, ожидать, что крестьян охватит внезапное доверие и что они сами станут притекать. На первых порах, убедившись в отчужденности на-**

¹ РГИА. Ф.408. Оп. 1. Д. 696. Л. 47.

² Там же. Л. 49.

³ Там же. С. 189–190.

селения, члены комиссии должны сами объезжать волости, всюду разнося живую проповедь правительственных начинаний на пользу крестьян.

Если в течение целых годов антиправительственные агитаторы, видевшие в темной сельской массе лишь обильный материал для бунта и погромов, успешно прививали этой массе яд своей лжи и лести, то может ли быть обречена на неудачу убежденная, правдивая проповедь экономического возрождения крестьян, составляющего задачу землеустроительных комиссий?

В общем, несомненно, что во всех двадцати трех уездах четырех посещенных губерний от самих комиссий зависит приручить к себе крестьян, а дальнейшее доверие сельского населения удастся сохранить исключительно лишь плодотворною деятельностью»¹.

Сказано вполне внятно, хотя мысль о гарантированном успехе землеустроительной «проповеди» не бесспорна.

Любопытно сравнить ход землеустройства в Воронежской и соседних губерниях Центрально-Черноземного района. Воронежская губерния по числу всех ходатайств вообще была лидером среди 47 губерний, Курская занимала 18-ю позицию, Орловская — 26-ю, Рязанская — 21-ю, Тамбовская — 11-ю и, наконец, Тульская — 17-ю.

Таблица 208

**Динамика подачи ходатайств
об изменении условий землепользования в 1907–1915 гг.**

<i>Годы</i>	<i>1907–1908</i>	<i>1909</i>	<i>1910</i>	<i>1911</i>	<i>1912</i>	<i>1913</i>	<i>1914</i>	<i>1915</i>	<i>Всего</i>
Воронежская групповые	33956	25744	37828	17137	32870	41834	32085	30569	252023
Воронежская личные	1330	4530	4962	8445	20643	21048	11245	3951	76154
Всего	35286	30274	42790	25582	53513	62882	43330	34520	328177
Курская групповые	7482	4401	6671	8384	12890	16261	3074	4652	63815
Курская личные	3245	7870	7612	7915	16134	10318	11672	4491	69257
Всего	10727	12271	14283	16299	29024	26579	14746	9143	133072
Орловская групповые	5650	3745	6628	8846	10064	8189	6357	3703	53182
Орловская личные	2760	9117	8552	5519	8252	6430	6318	4445	51393
Всего	8410	12862	15180	14365	18316	14619	12675	8148	104575
Рязанская групповые	9510	13786	6988	6308	16683	12490	14456	6431	86652
Рязанская личные	873	4404	4913	3871	5263	8763	7272	2163	37522
Всего	10383	18190	11901	10179	21946	21253	21728	8594	124174
Тамбовская групповые	13745	12251	4713	9232	32746	24707	15974	5053	118421
Тамбовская личные	2751	8348	9720	8514	13047	6110	4976	2446	55912
Всего	16496	20599	14433	17746	45793	30817	20950	7499	174333
Тульская групповые	8476	16495	8759	11460	19854	13284	17823	10814	106965
Тульская личные	1533	3705	3715	4111	9699	6955	8271	4650	42639
Всего	10009	20200	12474	15571	29553	20239	26094	15464	149604

Интересно сопоставить число ходатайств и дворов в этих губерниях.

¹ Там же. С. 190.

Таблица 209

Число дворов и ходатайств об изменении условий землепользования

<i>Губернии</i>	<i>дворов по переписи 1905 г.</i>	<i>дворов по данным Кофода</i>	<i>все прошения</i>	<i>доля от данных 1905 г.</i>	<i>доля от данных Кофода</i>
Воронежская	388570	427427	328177	84,5	76,8
Курская	335271	368798	132938	39,7	36,0
Орловская	287166	315883	104416	36,4	33,1
Рязанская	280906	308997	123333	43,9	39,9
Тамбовская	405953	446548	174188	42,9	39,0
Тульская	214004	235469	149949	70,1	63,7

Источники: См. табл. 204; Кофод А. А. Русское землеустройство. СПб., 1913. С. 116.; Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916.

Итак, в Воронежской и Тульской губерниях общее число ходатайств превысило по более высоким данным Кофода три четверти и две трети наличных дворов этих губерний соответственно. В то же время в остальных губерниях ЦЧР показатели куда скромнее.

Ясно, что в итоговых погубернских цифрах мы имеем дело с двойным счетом (размеры которого пока не очень ясны, хотя едва ли они велики) в силу того, что вслед за проведением группового землеустройства множество крестьян, как сообщают источники, сразу же стремилось перейти на хутора и отруба. И тем не менее тенденция вполне очевидна.

Легче всего объяснить относительно скромные результаты землеустройства в большинстве губерний ЦЧР глубиной и крепостью общинных симпатий крестьян, чем десятилетиями и занималась традиционная историография. Привычку немалой части российской деревни к общине оспаривать нелепо — удивляло бы обратное. Однако это объяснение — явно недостаточное, поскольку общинная психология в смысле неизменяемости не есть Гринвичский меридиан.

А вот негативные характеристики, которые Куколь-Ясницкий и Купреянов в 1907 г. дают членам Землеустроительных комиссий ревизуемых ими уездов¹, более

¹ Вот одна из типичных: «Обоянская комиссия. Недавно избранный предводитель дворянства Прибытков — человек молодой и хорошего направления, но бесцветный, маловлиятельный, вялый. Время свое он делит между г. Курском, где живет его семья после бывших у него в имении аграрных волнений, упомянутым именем и Обоянью. Трудно ожидать от безвольного Прибыткова, чтобы он стал вдохновителем председательствуемой им комиссии, хотя убеждения командированных лиц временно пробудили в нем желание поработать на пользу местного крестьянства.

Непрерывный член Кондратов — бывший кавалерийский офицер, вероятно не дурной, и бывший земский начальник, несомненно, очень плохой. В бытность свою земским начальником Кондратов не наблюдал за своим участком, но склонность к произвольному попечительству над крестьянами имел большую и к собственноручным расправам над ними немалую. С населением он обращался привычно, смело, как с коренным народом.

Кондратов отличается энергией, несколько дикою, и страстностью главнейше в нападках на низкие оценки Крестьянского банка при покупке имений у частных владельцев. Вообще же он не способен подняться над самыми узкими обыденными интересами, в том числе и чисто эгоистическими, не может отдаться служению делу.

При приезде командированных лиц Кондратов не знал ни Наказа, ни законов о выходе из общины и о залоге надельных земель: задачу землеустроительных комиссий сводил к купле-продаже земли, а свою — к составлению протоколов; поняв из разъяснений упомянутых лиц, что такое хуторское расселение, он стал против него приводить чисто крестьянские возражения.

поздние аттестационные списки непреременных членов уездных Землеустроительных комиссий объясняют куда больше в не слишком динамичном развитии землеустройства во многих губерниях.

1907 г. — самое начало землеустройства. Прошло 5 лет, и почти все непреременные члены, о которых говорили в 1907 г., сменились, однако подобрать энергичных и увлеченных реформой людей во все Комиссии Комитету по Землеустроительным делам не удалось. С одной стороны, среди аттестаций есть такие: «Грайворонский уезд, Эмних Константин. — По своим способностям, выдающейся энергии, знанию дела и любви к нему г. Эмних должен быть выдвинут на первое место из остальных непреременных членов Курской губернии. **Благодаря только его выдающейся деятельности и большому влиянию, которым он пользуется в уезде, между местными деятелями и крестьянами**, Грайворонский уезд, в котором при его предшественнике вовсе не было работ, в настоящее время занял первое место, как по количеству работ, так и по качеству их — выдающийся (аттестационная оценка — М. Д.).

Дмитриевский уезд, Анатолий Аладьин. — Знание дела, достаточная энергия, авторитет между местными деятелями и крестьянами выдвигают г. Аладьина на одно из первых мест в ряду землеустроителей Курской губернии — выдающийся»¹.

С другой стороны, есть иные отзывы: «Курский уезд, Севастьян Романовский. — Будучи неглупым человеком, но упрямым и со странностями, а также пожилым и малоподвижным, г. Романовский **не любит дело землеустройства и совершенно не желает работать**. Несмотря на настойчивое побуждение его заняться делом и неоднократные выезды на место работы непреременных членов губернской комиссии, не удалось заставить его закончить хотя бы одно порученное ему дело, не говоря уже о подготовке новых. Даже дело, порученное земскому начальнику, непреременный член Романовский всячески в Комиссии тормозил, благодаря чему и гг. земские начальники (два из них очень дельные землеустроители) не желают работать при нем — неудовлетворительно.

Львовский уезд, Александр Щербаков. — Несмотря на очень добросовестное отношение к делу и желание развить его, а также довольно основательное знакомство с законом 29 мая 1911 г., дело в Львовском уезде не спорится, что надо отнести к вялости и недостатку авторитета у г. Щербакова, **а отчасти полному неказанию ему содействия, и отчасти даже противодействия со стороны некоторых членов комиссии**. Кроме того, не совсем крепкое здоровье не дает возможности г. Щербакову проявить в должной мере энергию к развитию дела — удовлетворительно...

Щигровский уезд, Петр Михайлов. — энергичный и способный, мог бы быть прекрасным землеустроителем, но, будучи из состоятельных, он мало уделяет землеустройству времени, проводя время у себя в деревне, почему уездная комиссия имеет вид заброшенности и дела уезда, стоящего при его предшественнике во главе губернии, при нем пришли в упадок. Понуждаемый со стороны Предводителя и губернской комиссии г. Михайлов немного подтянулся»².

Все три члена комиссии от земства совершенно незначительны, а крестьяне ни одного представителя от себя избрать не согласились. Из местных земских начальников лучший — Афросимов (2-й участок), неплох Павлов (4-й участок). **В таком составе комиссия успешно действовать не способна, ибо названные земские начальники постоянными в ней работниками быть, конечно, не могут**». Столыпинская реформа и землеустроитель. (Гутерц А. В. Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод... С. 185.)

¹ РГИА, ф. 408, оп. л. 36об-37.

² Там же, л. 37-37об, 39об.

В сравнении с 1907 г. ситуация с непременными членами Землеустроительных комиссий в Курской губернии явно улучшилась, однако оставалась весьма далекой от идеала. Большие резервы в смысле совершенствования кадрового состава Комиссий были и в Воронежской губернии, правда, эта информация относится к 7 января 1911 г.¹

Можно сколь угодно пространно рассуждать об общинном характере психологии русского народа. Однако достаточно сопоставить ситуацию в Московской и Воронежской, с одной стороны, а с другой, Курской и Орловской губерниях, чтобы увидеть, насколько реальные показатели землеустройства зависели от личностных характеристик членов комиссий и — что не менее важно — от их политических взглядов.

Реформа могла идти успешно только при том уровне взаимопонимания между землеустроителями и крестьянами, который существовал в Московской губернии, где обе стороны, сколько можно судить, взаимно обогащали друг друга энтузиазмом.

Итак, повторяю, неправильно думать, что все крестьяне имели равные возможности для землеустройства и что статистические показатели — адекватное отражение этих возможностей (о препятствиях юридических и организационных мы здесь не говорим, а равно и о потере немалой частью крестьян интереса к сельскому хозяйству из-за успешного отходничества). Приведенные документы показывают, во-первых, что определенно не было стопроцентно налаженной и насыщенной коммуникации между Землеустроительными комиссиями и крестьянством, а во-вторых, что часть работников — и Землеустроительных комиссий, и агрономов — была противниками реформы, и возможностей для того, чтобы ее игнорировать, у них было немало.

Проблема уровня подготовленности аграрной реформы в этом аспекте всерьез еще не рассматривалась. Очевидно, что в стране имелось достаточное число образованных

¹ Характеристики Воронежского губернатора С. И. Голикова от 7 января 1911 г. в большинстве случаев более чем лаконичны: «Непременный член Бирюченской уездной Землеустроительной комиссии Тихобаев — неудовлетворителен и потому мной предложено ему подать в отставку.

Непременный член Бобровской... комиссии Самойлович назначен лишь 17 мая 1910 г., проявил себе за это краткое время достаточно энергичным и опытным работником. Деятельность Самойловича — удовлетворительна.

Непременный член Богучарской... комиссии Керстич — малоопытен и не энергичен. Хотя в Богучарском уезде законченных работ по единоличному землеустройству в текущем году и более чем в других уездах губернии, а именно: на площади до 12000 дес, но такой результат получился, благодаря, главным образом, энергичному ведению дела землемерами. Малая подготовленность г. Керстича к служебным обязанностям непременного члена Землеустроительной комиссии, несомненно является большим препятствием в развитии землеустроительного дела в уезде. Деятельность Керстича — неудовлетворительна.

Непременный член Воронежской... комиссии Крашенинников. Деятельность удовлетворительна.

Непременный член Задонской... комиссии Марковский назначен лишь 3 мая 1910 г. и за это время не проявил себя настолько, чтобы можно было определенно судить о его способностях и деятельности.

Непременный член Землянской... комиссии Марин — неудовлетворителен и потому мной предложено ему подать в отставку.

Непременный член Коротоякской... комиссии Штрупп состоит в должности с 17 мая 1910 г. и за это время успел проявить себя с хорошей стороны. Деятельность Штруппа удовлетворительна.

Непременный член Нижнедевицкой... комиссии Клобуцкий... Деятельность г. Клобуцкого весьма удовлетворительна.

Непременный член Новохоперской... комиссии Аршеневский может быть признан удовлетворительным, ибо хотя законченных работ по Новохоперскому уезду мало, но непременным членом удовлетворительно подготовлены дела к 1911 г. и оказано содействие успешной ликвидации банковских и казенных земель.

Непременный член Острогожской... комиссии Куликовский. В текущем году деятельность г. Куликовского была мало удовлетворительна, благодаря его болезни, потребовавшей отпуска для лечения. По возвращении г. Куликовского из отпуска мной будет ему предложено обратить особое внимание на те упущения, которые замечены в исполняемых работах.

Непременный член Павловской... комиссии Потапьев — удовлетворительно» (РГИА, ф. 408, оп.3, д. 33 л. 9-10).

людей, которые могли бы эффективно участвовать в работе землеустроительных комиссий и других органов реформы, но они выступали как ее противники — прежде всего по идейным соображениям. Многие из представителей образованного класса России начала XX в. по разным причинам, как говорилось, видели свою жизненную миссию вовсе не в утверждении частной собственности крестьян на землю.

Понятно, что партийная борьба вокруг реформы, столь резко проявившаяся в Думе и Государственном Совете, продолжалась и за их стенами. В каких разнообразных и изощренных формах может проявляться «несочувствие» должностных лиц (в данном случае членов комиссий) к установкам правительства, мы хорошо знаем и в начале XXI в.

А ведь помимо явных политических противников в осуществлении преобразований Столыпина участвовали люди просто равнодушные¹.

¹ Об этом, в частности, можно судить по характеристике Кофодом непреходящих членов уездных землеустроительных комиссий Екатеринославской губернии за 1909 год. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в нем оценки губернатора сопровождаются мнением А. А. Кофода:

«Фромандиер Иосиф Иванович (С. Хоз. Инст. — речь идет о полученном образовании — М. Д.) — Бахмутская Землеустроительная комиссия.

Губернатор: Вполне удовлетворительный. Отличается особенной любовью и преданностью к делу, неутомимый и добросовестный работник, знает дело. Дело землеустройства в уезде поставлено широко, и если в этом году окончено работ только по выделам на пространстве 10991 дес., то всех работ производится значительно более...

А. А. Кофод: Не хозяин дела и не любит разъездов. Не сумел использовать в полной мере желания земства пойти навстречу всем землеустроительным начинаниям. 3+ (так в док. — М. Д.)

Малама, Сергей Иванович (Имп. Унив.) — Екатеринославская Землеустроительная комиссия.

Губернатор: Удовлетворительный. Неглупый человек, но, пользуясь своим положением родственника Уездного Предводителя дворянства и Председателя Земской управы, далеко не ревностный работник; тем не менее, будучи ликвидатором удельного имения, купленного Банком, Малама весьма хорошо устроил поселки и хутора, а разверстание земли большого сельского общества Томаковки, площадью в 18711 дес. идет весьма успешно, постоянный надзор со стороны Губернской Комиссии несомненно влияет на продуктивность работ...

А. А. Кофод: Лентяй редкостный, враль нахальнейший, ничего в деле не смыслит. 1. Двоюродный брат Предводителя дворянства и свояк Председателя Земской управы.

Лазарев Федор Александрович (Воен. Уч.) — Мариупольская

Губернатор: Выдающийся. Человек знающий дело, преданный ему, опытный и весьма добросовестный. Как бывший хороший земский начальник, Лазарев свои познания крестьянского дела умело применяет и в делах по землеустройству и является в губернии выдающимся непреходящим членом. Произведено работ по 11 обществам для 2384 дворов, на пространстве 52811 дес.

А. А. Кофод: Нерешителен, не хозяин дела, но попались ему выдающиеся землемеры, и дело идет удовлетворительно.

Филатов, Нил Михайлович (Император. Ал. Лицей). — Славяносербская.

Губернатор: Неудовлетворительный. Человек образованный, способный — тем не менее Филатов не желает работать в направлении, предудказанном распоряжениями по землеустроительным делам. До сего времени в Славяносербском уезде нет ни одного, даже небольшого сельского общества, которое перешло бы все на отрубное или хуторское хозяйство. Усвоив себе только правило обязательного выдела, Филатов ввел это в практику и, защищаясь определениями уездного съезда, представляет проекты выделов крайне неудовлетворительные. На неуспешность работ по землеустройству в уезде влияет и то обстоятельство, что в состав комиссии входят: предводитель дворянства — тесть Филатова, председатель управы — родной его отец (в настоящее время председателем управы избрано другое лицо). Признавая в то же время Филатова не безнадежным служащим, я полагал бы возможным оставить его на месте некоторое время, потребовав энергичной деятельности и, если он в течение нескольких месяцев не представит мне несомненных доказательств своей умелой работы, я доведу об этом до сведения Главного Управления с просьбой об увольнении Филатова. Произведено работ по 12 обществам для 462 дворов на пространстве 3530 дес.

А. А. Кофод: Говорят, что ничего не делает. В смысле количества работы дела у него идут отвратительно. Хорошо бронирован — сын предводителя дворянства и зять председателя Земской управы, или наоборот». (РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 692, л. 326об-327.)

Итак, непреходящие члены в половине из восьми уездов Екатеринославской губернии, *первой* в стране по показателям личного землеустройства, по мнению едва ли не самого компетентного в стране специалиста, были, мягко выражаясь, попросту не на своем месте.

Таким образом, во многих уездах страны кадровый состав землеустроительных комиссий оставлял желать лучшего, и оценивая итоговые показатели землеустройства, мы должны об этом помнить. Личностные качества членов Землеустроительных комиссий, безусловно, являются важным фактором, определявшим ход реформы в отдельных губерниях и уездах и, следовательно, количественные показатели землеустройства. Данный фактор мог играть как стимулирующую, так и тормозящую роль в преобразованиях, и выяснение этого баланса — важная задача будущих исследований.

Все эти сюжеты требуют отдельного внимательного изучения, основанного на материалах областных архивов. Пока же оттуда в основном извлекаются сведения о скандалах, которые солдатки, вполне сознававшие свою безнаказанность, устраивали землемерам, и прочая концептуальная информация.

С течением времени произошли, как мы видели, перемены к лучшему.

Но велик ли был кадровый резерв? Велики ли были ресурсы правительства в данной сфере? Едва ли их следует преувеличивать.

Кроме того, вышесказанное позволяет, полагаю, увидеть в Столыпинской аграрной реформе некоторые довольно неожиданные ракурсы.

Противники реформы сумели, начиная с 1907 г., создать образ гигантской государственной машины, обрушившейся своей неисчислимой мощью на незащитное общинное крестьянство — так, будто речь идет о сплошной коллективизации.

Приведенные материалы, как кажется, серьезно девальвируют подобные подходы. Завершать «дело 1861 г.» в ряде аспектов оказалось куда труднее, чем начинать его. Правительство, естественно, имело аппарат и, начиная реформу, рассчитывало на местных деятелей т.д. Но выясняется, что они далеко не во всех случаях были лояльны и не спешили «брать под козырек».

Традиционно считается, что чины местной администрации — преданные и верные проводники реформы. Мы видим, что это мнение, по меньшей мере, не всегда верно. Документы говорят об открытом противодействии реформе на местах.

Мы привыкли к тому, что роль земских начальников в реформе была огромна. Но и это, оказывается, не вполне соответствует действительности, не говоря о том важном факте, что их престиж в ряде местностей был сильно поколеблен в 1905–1907 гг. Удивительно, на первый взгляд, но многие земские начальники, которых традиционная историография всегда считала надежнейшей опорой власти, отдельными поступками нередко, думаю, могли бы порадовать С. М. Дубровского, П. Н. Зырянова и их единомышленников.

Другими словами, дело *буквально* жизненно важного значения Империя начинала, не имея подготовленного полноценного кадрового резерва; нехватка землемеров — лишь одна из сторон проблемы. И тем не менее можно говорить о том, что этот дефицит постепенно уменьшался.

Понятно, что все вышесказанное о роли субъективного фактора в развитии землеустройства как одного из направлений реформы, относилось и ко всем другим ее направлениям и аспектам. Везде значение людей компетентных и неравнодушных было одним из важнейших факторов успеха преобразований.

Выше говорилось о том, что в периоды больших исторических переломов людям особенно важно понимать важность и ценность смысла своей жизни в контексте настоящего и будущего своей страны. Эпоха реформ Столыпина и была таким периодом, просто для нас он заслонен гигантской тенью Октябрьского переворота.

Множество людей после 1906 г. обрело это понимание благодаря реформе, с большей или меньшей активностью включившись в ее реализацию. Некоторое представление о том, как это происходило, мы можем почерпнуть из воспоминаний А. В. Тырковой-Вильямс «На путях к свободе». Они интересны во многих отношениях, а для наших сюжетов особенно любопытно следующее обстоятельство.

Логично, когда в мемуарах видного общественного деятеля начала XX века, члена ЦК партии конституционных демократов, 13-я глава называется «Революция продолжается», 14-я — «Дума за работой», 15-я — «Кадетская партия». Однако если 16-я, заключительная, глава таких воспоминаний имеет заголовок «Кооперация», то это не может быть объяснено случайностью, недосмотром автора или дефицитом тематики.

Это — программный момент.

Это — прямое указание на путь, по которому Россия должна была идти к свободе, и, если угодно, одновременное раскаяние и извинение (насколько тут уместны такие слова) за непонимание данного факта во времена активной политической деятельности.

С высокой похвалой отзываясь о работе ГУЗиЗ, Тыркова подробно перечисляет перемены, которые начались в стране благодаря его деятельности. Затем, отмечая, что министерство (ГУЗиЗ станет министерством лишь в 1913 г.) действовало, главным образом, «через местных людей, земцев, крестьян», она сообщает, что у них «в Вергезе первым откликнулся старший в роде — мой отец. Кооператором он не был, но он устроил сельскохозяйственное общество и был его первым председателем. Со свойственной ему энергией, которую он сохранил до конца жизни, он в трех соседних волостях вербовал членов общества, добывал кредиты, ходил по петербургским канцеляриям, устраивал местные агрономические съезды и совещания, привозил инструкторов и лекторов для зимних сельскохозяйственных курсов, где читались практические лекции по скотоводству, полеводству, огородничеству, пчеловодству. Все это для наших деревень было большой новизной»¹.

Ариадна Владимировна точна как мемуаристка. В «Справочных сведениях по сельскохозяйственным обществам» в Новгородском уезде фигурирует основанное в 1901 г. Чудовское сельскохозяйственное общество, действующее в 4 волостях: Чудовской, Спасско-Полистной, Высоковской и Соснино-Пристанской. Председатель общества — Владимир Алексеевич Тырков, секретарь — учитель Иван Федорович Щелкопутов. Вступительный взнос в общество составлял 2 руб., ежегодный — 3 руб. К 1912 г. в обществе насчитывалось 40 членов. Оно имело библиотеку и два случных пункта — «конский и бычий»².

В. А. Тырков «будил, тормошил мужиков», он устроил в Чудове первую в тех краях сельскохозяйственную выставку, которая затем стала ежегодной; «Мужики с изумлением и любопытством бродили по ней и, почесывая в затылках, говорили:

— Ишь какую капустину вырастили. Надо и мою бабу научить. У курляндцев рожь-то какая колосистая... А земля небось не лучше чем у нас.

— Земля то у них не лучше, да башка лучше работает, — задорно говорил молодой агроном-инструктор.

Но русская башка тоже уже заработала. Мужики поняли, что каждый мешок удо-

¹ Тыркова-Вильямс Ариадна. На путях к свободе. М., Московская школа политических исследований. 2007. С. 381–382.

² Справочные сведения по сельскохозяйственным обществам по данным на 1915 г. (под ред. В. В. Морачевского). Пг., 1916. С. 269.

брения, каждая мера хороших семян сторицей вознаграждает их за работу и расходы. Понемногу сдвигалось с мертвой точки мужицкое хозяйство, а с ним и все мужицкое царство. Деревня начала просыпаться. И мой отец был одним из тех многих русских просвещенных людей, которые это пробуждение приветствовали, ему способствовали»¹.

В. А. Тырков умер в 1912 г., и «его работа помещика и общественного деятеля естественно, сама собой перешла к жившему с ним сыну, Аркадию. Так в Вергеже, вопреки всем шквалам, вопреки, казалось бы, непримиримым политическим расхождениям во взглядах отца и сына, жизнь утверждала ту семейную преемственность, на которой строилось тысячелетнее существование России. И это несмотря на то, что в Аркадии не было ни папиной энергии, ни его потребности действовать»².

Дело в том, что А. В. Тырков был народовольцем и лишь в 1903 г. вернулся из Сибири. Судя по мемуарам, разочарование в идеалах молодости у него было глубоким.

Дальнейшее немного напоминает эпилог «Войны и мира», где Л. Н. Толстой описывает превращение сына непрактичного отца и лихого гусара Николая Ростова в преуспевающего помещика, и гораздо больше — заботы Левина в «Анне Карениной».

«Все свое время и внимание он отдавал разрастающемуся вергежскому хозяйству. Дом и сад по-прежнему вела мама, но все остальное — поля, покосы, скотный двор, лесные заготовки — все было под надзором Аркадия.

Это произошло постепенно. Он сам не заметил, как втянулся в хозяйство, как полюбил землю отцов, он изучил особенности и свойства каждого тырковского поля и лужка, каждой дойной коровы. Целые дни проводил в полях. Иногда брал с собой лопату, чтобы собственноручно поправить канаву, ездил на косилке или конных граблях, возвращался домой весь выпачканный в земле, к обеду опаздывал, ворчал, что ему надоело возиться с навозом, с глупыми рабочими, но на самом деле с каждым годом все больше сживался с обязанностями помещика.

Тем более что в имени, как и в деревнях кругом, усилия не пропадали даром. Аркадия тешило также, что росла хозяйственная слава Вергежи. К нам привозили экскурсантов-школьников из агрономических училищ, чтобы показать им одно из лучших хозяйств в уезде. Брат не без гордости водил их по своим полям.

А тут еще к нему потянулась крестьянская молодежь, увлеченная кооперацией. Около него собралось целое гнездо»³. Тут же мемуаристка уточняет, что все же «не совсем около», поскольку тяга к улучшенному хозяйству, к кооперации в этой местности Новгородского уезда шла с другого, правого берега Волхова. В ближайших к Вергеже деревнях жили потомки бывших крепостных, а там — «несравненно более зажиточные и хозяйственные потомки аракчеевских военных поселенцев. Они были бойчее, свободнее, предприимчивее, зажиточнее наших»⁴.

Любопытны портреты крестьян, которые Тыркова сохранила в своей памяти. Так, «одним из зачинателей маслодельной артели и кооперативных лавок, с которых началось движение, был молодой крестьянин села Высокое Яков Иваныч», сын волостного старшины, помнившего еще аракчеевские времена и даже попавшего «под перо» Глеба Успенского, однажды жившего у него летом на даче с семьей»⁵.

Его сын, Яков Иванович, унаследовал «хозяйственность, деловитость» отца, «ка-

¹ Тыркова-Вильямс Ариадна. На путях к свободе ... С. 382.

² Там же.

³ Там же. С. 382–383.

⁴ Там же. С. 383.

⁵ Там же. Успенского он, в частности, поверг в шок, сообщив, что «при Аракчееве не худо было».

чества для кооператора ценные. Тем более что в этом широкоплечем, круглолицем, медлительном парне они совмещались с добрым запасом идеализма.

Наши кооператоры, во всяком случае их вожаки, были идеалисты. Для них кооперация была орудием воспитания общественных навыков и способом поднять уровень народной жизни. О служении народу они не говорили. Они сами были народ.

Но с народниками у них была преемственная связь и не случайно они с первых же шагов обратились к Аркадию Тыркову. Для них он был не сын крупного помещика, а старый революционер, пострадавший за то, что хотел добыть народу землю и волю. Они приходили к нему за советом, как ученики к любимому учителю, прислушивались к каждому его слову, окружали его трогательной преданностью¹.

Лидером крестьянского кружка был Ивлев, «хороший собеседник, более бойкий и словоохотливый, чем Яков Иваныч. В нем было больше размаха, больше честолюбия, которого тот был лишен. И политически Ивлев был острее, кажется, он был с.-р., но об этом помалкивал, не хотел вредить своей кооперативной работе, ради которой ему приходилось ходить по правительственным учреждениям и поддерживать отношения с чиновниками. Настойчивый и выдержанный, он быстро закрепил за собой заслуженную славу дельного работника, на которого можно положиться. Несмотря на его молодость, с ним считались»².

Интересно, что одним из факторов, пробудивших стремление Ивлева к улучшению хозяйства, стала поездка в Чехию на полгода, организованная обществом «Русское зерно», которое возглавлял младший брат реформатора А. А. Столыпин. Оно отправляло группы молодых крестьян в славянские земли Австро-Венгрии, где они знакомились с тем, как ведется за границей небольшое крестьянское хозяйство.

«Ивлев вернулся потрясенный тем, что видел за границей. Он оценил благосостояние чешских крестьян, налаженность их жизни, их умение вести хозяйство. Но больше всего его поразил престиж, которым Россия пользовалась в чужих государствах, и крепкое национальное чувство чехов. То и другое было для него новинкой, открытием. Этот новгородский крестьянин уже был затронут влиянием интернационального социализма. **Чехи пробудили в нем исторические воспоминания, горделивую любовь к русскому прошлому.** Он стал устраивать для деревенских школьниц и школьников исторические экскурсии в Новгород, вещь в наших краях неслыханная»³.

Тыркова считает, что ее брату «дружба с новой крестьянской интеллигенцией давала, пожалуй, больше, чем его встречи в моей петербургской квартире с видными писателями и политиками. Кооператоры развивались и зрели на его глазах, при его помощи. Это всегда сближает».

Спираль «кооперативной энергии» раскручивалась снизу вверх. Один из создателей кадетской партии кн. Д. И. Шаховской стал очень видным деятелем кооперации: «Верное общественное чутье подсказало ему, что через кооперацию может он собирать, сближать следующие круги людей, более мелких, но и более многочисленных, приучать их к совместной работе, закреплять в них те навыки, на которых должно держаться человеческое общежитие. Кадетская партия, по мере сил своих, все это делала в области политики, но политические интересы захватывают небольшой круг.

¹ Там же. С. 384.

² Там же. С. 385.

³ Там же. С. 385–386.

Кооперация тягивает миллионы. Она проще, доступнее, понятнее массам, она связана с ежедневными нуждами, доступна пониманию каждой бабы. Для книжников это делает кооперацию скучной, для рядового человека — более жизненной»¹.

Характерно, что кадеты, «захваченные политической игрой, которая шла в Таврическом дворце», не оценили перспектив кооперации, несмотря на все усилия Шаховского, мечтавшего через нее соединить партию, наконец, «с толщей населения... заставить нас подумать подробнее о жизни маленьких людей, втянуть их в нашу деятельность». Тыркова в связи с этим сетует на «наше неизлечимое пристрастие к отвлеченным теориям, к политической алгебре, когда России еще была нужна немудрая арифметика»².

А вот кооператоры сразу же оценили Шаховского, и в Москве, которая была кооперативным центром страны, «он пользовался исключительным авторитетом, стал их идеологом, их гордостью и украшением. Там, в центре, в этих быстро растущих организациях, которые сразу заворачивали миллионами, к Шаховскому относились с такой же дружеской преданностью, с таким же вниманием и уважением, с каким соседние с Вергежей кооператоры относились к моему брату. Тут тоже сказалась власть правдивого сердца, прелесть которого эти практики, эти общественные лавочки чувствовали даже при самых будничных разговорах»³.

По мнению Тырковой, и бывший террорист Аркадий Тырков, и либеральный помещик князь Дмитрий Шаховской вносили в «кооперативную среду, неотесанную, грубоватую, очень земную... мягкий свет старой русской культуры. Политическая свобода, первые зачатки которой были заложены с учреждением Государственной думы, придавала новую силу, открывала перед русским народом новые возможности»⁴.

Ясно, что перед нами сложный текст, в котором есть и сожаление о молодости, смешанное с сожалением о *той* России, которую многие современники не очень-то ценили, пока Октябрьский переворот не раздвинул для них границы возможного. Конечно, автора несложно упрекнуть в элегичности описания и т. д. Понятно, что в десятках тысяч других кооперативов все было много прозаичнее. Однако даже если ввести в этот текст «поправку на идеализацию», у нас останется живое свидетельство, заслуживающее внимания.

Нельзя в связи с этим не вспомнить, что цитируемые воспоминания вышли в свет в 1952 г., а в 1956 г. Марк Алданов выпустил свой роман «Самоубийство», охватывающий период 1903–1924 гг. Одна из героинь романа на первых страницах фигурирует как убежденная социал-демократка, участница II съезда РСДРП, а затем после событий 1905–1906 гг. идет работать в одну из московских кооперативных организаций и обретает свое место в жизни. Трудно не увидеть здесь некоторого сходства с биографией Аркадия Тыркова, с сестрой которого Алданов был знаком.

Преобразования были столь масштабны, фактически — необъятны (учитывая размеры страны и наличие 463 уездных и 47 губернских Землеустроительных комиссий) и до сих пор так мало изучены, что свободное поле для исследований по-прежнему очень просторно (по аналогии — закончен ли анализ реформы 1861 г.?).

Реформа актуализировала множество прежде неизвестных России и российским

¹ Там же. С. 388.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 390.

⁴ Там же.

управленцам сюжетов: масштабное землеустройство, агрономическая помощь, переформатирование деятельности Крестьянского поземельного банка и Переселенческого Управления, беспрецедентный подъем кооперативного движения и многое другое.

Для успешной реализации всего перечисленного требовались согласованные усилия, во-первых, разных ведомств, во-вторых, чиновников разных уровней одного ведомства, в-третьих, чиновников и представителей общественности, в том числе и земств (насколько земства могут считаться таковыми), в-четвертых, работников Землеустроительных комиссий и, наконец, тех, кто непосредственно проводил реформу и самого крестьянства как объекта преобразований. Есть и в-шестых, и в-десятых.

Каждый такой пункт, каждая такая точка встречи (сопряжения) интересов обозначала потенциальное «узкое место» реформы, где нередко происходило столкновение этих последних, где было возможно недопонимание, а иногда — и непонимание, и противодействие сторон друг другу. Очевидно, что работа этих, условно говоря, шарниров реформы влияла на механизм ее проведения.

В последние годы историки справедливо уделяют повышенное внимание всем профессиональным группам, участвовавшим в реализации реформы¹. У каждой из них, безусловно, была своя психология, свое представление о месте в реформе и в мире, корпоративность и прочее, которые, бесспорно, воздействовали на реформу. Я не стану вдаваться в дискуссии относительно размеров (процентов или их долей) этого влияния — каждый исследователь, который занимается кооператорами, землемерами, агрономами вполне естественно склонен преувеличивать их роль — в том числе и автор этих строк. Это понятно, и тем более понятно, что таких «незаметных героев», о которых, бывает, даже не знают их потомки, часто нельзя не уважать.

Отмечу, однако, два момента.

Во-первых, нельзя забывать, что реформа была рассчитана на десятилетия, и непродуктивно, на мой взгляд, интерпретировать многочисленные спорные, дискуссионные и т.п. коллизии и ситуации первых лет становления и формирования ее механизма как нечто окончательное и не подлежащее изменению и на этом основании делать выводы о судьбе преобразований в целом. Все же со здравым смыслом у реформаторов было лучше, чем думали и думают их оппоненты.

Во-вторых, в данном случае исследователям лучше бы не поддаваться под обаяние источников личного происхождения, а также документов профессиональных сообществ, съездов и т.д. Знания и умения специалистов по сельскому хозяйству никогда не были востребованы в России в такой мере, как после 1906 г. В силу этого у профессионалов, подобных А. В. Чайнову, с осознанием собственной — внезапно социально признанной — важности было все в порядке. С пониманием того, на чем она зиждится, — куда хуже. С людьми так бывает, особенно в периоды перемен (вспомним, например, профсоюзных деятелей эпохи перестройки).

Текст этой книги показывает, насколько я далек от преуменьшения значимости деятельности профессиональных специалистов для реформы. Однако равным образом не стал бы преувеличивать и степень их независимости и самоценности. Ведь основным ее базисом, чтобы они сами ни думали на этот счет, были ассигнования правительства,

¹ Коцюнис Янни. Как крестьян делали отсталыми М. НЛЮ. 2006; Gerasimov I. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930. Houndmills, 2009. Особо рекомендую читателям глубокую работу А. М. Никулина «Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему». М., Дело, РАНХиГС. 2014.

к которому профессионалы часто относились свысока, с обычной снисходительностью — в лучшем случае — людей левых взглядов. Эта последняя обычна и для современных исследователей их деятельности (причем в весьма развязной форме)¹, особенно, если апелляция к фигуре Столыпина является средством компрометации нынешней власти; выше я упоминал об этом.

Цену *всем* амбициям всех профессионалов, как и всех оппозиционных политиков, кроме большевиков, показали события 1917–1920 гг., когда исчезли условия, при которых их деятельность была важной и нужной.

8.13. Когда не знаешь будущего — полтора года предвоенных забот

Полагаю, будет правильным закончить рассказ об аграрной реформе Столыпина кратким рассмотрением деятельности ГУЗиЗ — какой она представляется на страницах последнего предвоенного «Обзора» за 1913 г. Это поможет оценить *масштаб* процесса, запущенного указами 4 марта, 5 октября и 9 ноября 1906 г.

Здесь, понятно, неизбежны некоторые повторы, но, как представляется, они не должны уж слишком усложнить текст.

1913 год — год 300-летия Дома Романовых и «Обзор», понятно, начинается с сообщений, так или иначе связанных с этим юбилеем.

ГУЗиЗ «приложило в пределах своих полномочий, все силы к неукоснительному осуществлению тех льгот и милостей, которые дарованы были (императором — М. Д.) переселенцам, арендаторам оброчных статей, заемщикам из капитала на сельскохозяйственные улучшения».

Далее следует потрясающее сообщение о том, что в 1913 г. Государственная дума приняла «принципиальное решение» о создании фонда в 150 млн руб., распределенных на 5 лет, для финансирования масштабных мелиоративных работ в Европейской и в Азиатской России. ГУЗиЗ приступил к разработке конкретного плана этих мероприятий.

Читатель, полагаю, теперь представляет, что такое 150 млн руб. в 1913 г., особенно с учетом того, что еще в 1908 г. на мелиорацию было выделено 844 тыс. руб.

И в связи с этим проектом «Обзор» упоминает освящение 5 сентября 1913 г. «Романовского» канала в Голодной степи, который «должен служить прообразом тех сооружений, которые, согласно намеченному плану, обратят в различных частях Империи, десятки тысяч неудобных земель в ценные культурные угодья» (см. выше).

Далее в «Обзоре» говорится, что в текущей деятельности ведомства в отчетном году на первом месте по-прежнему оставалось крестьянское дело, и этот тезис анонсируется фразой: **«Развитие землеустройства и переселения шло полным ходом».**

А конкретика такова: «С изданием Положения 29 мая 1911 г. землеустройство вступило в период особого оживления.

В течение 1913 г. вошло в законную силу свыше 9 тысяч исполненных в натуре и предъявленных населению проектов, — устроено около 400 тысяч домохозяев-крестьян на площади 29 млн дес.», причем за 1912–1913 гг. было устроено мелких вла-

¹ Герасимов И. Как делается другая Россия: модернизация и ее симулякры // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).

дельцев, чьи земли граничили с крестьянскими, в 4,5 раза больше, чем за предыдущие 5 лет.

В отчетном году были произведены обследование и подготовительные работы по ходатайствам 807 тыс. домохозяев-крестьян, 15,2 тыс. мелких собственников и 1,9 тыс. прочих владельцев на общей площади 6,8 млн дес.

«Новые ходатайства о содействии переходу к более совершенным формам землепользования поступили от 1,1 млн домохозяев.

Такое непрерывное «количественное» развитие дела требовало от ведомства напряженной работы. Несмотря на осложнение процесса подготовки землеустроительных дел, достигнуто ускорение ее; число землемерных чинов вновь увеличено на 410 человек (общее количество в 1913 г. — 6397); благодаря тщательности подготовки дел улучшена техническая сторона землеустройства (меньше отвергнутых проектов, меньше жалоб).

Помимо этой внутренней стороны самого землеустройства, в отчетном году продолжали развиваться мероприятия, связанные с землеустройством, но по существу самостоятельные — различные виды культурной помощи устроенным крестьянам. Сумма выданных в 1913 г. ссуд и пособий при землеустройстве достигла 6,5 млн руб. (в 1912 г. — около 6 млн); сверх того, получила заметное развитие операция выдачи «предметных» ссуд (хозяйственным инвентарем). — К концу отчетного года соглашение относительно продажи в кредит крестьянам сельскохозяйственных машин и орудий подписано было, считая с 1909 г., 20 фирмами, 457 кредитными и 93 ссудо-сберегательными товариществами.

Другим существенным видом помощи устроенным крестьянам являются агрономические мероприятия, на которые в 1913 г. отпущено 6 млн руб. (сверх того, 1 млн руб. на гидротехнические работы). Результаты этих мероприятий пока еще не могут быть учтены, но замечено, что крестьянами обращается больше внимания на очистку зерна и общую тщательность посева. Обороты земских сельскохозяйственных складов по продаже семян, кормовых трав и хлебов возросли за последнее время в несколько раз, в особенности в районах землеустройства. Чаще встречаются у крестьян многопольные севообороты с посевом трав; тщательнее обрабатывается пашня¹. Здесь нельзя не отметить активной позиции ведомства, которое не ожидало просьб с мест о содействии, а само предлагало кооперативам варианты сотрудничества.

Затем «Обзор» сообщает об организации обследования землеустроенных хозяйств, о результатах которого говорилось выше.

Для дальнейшего развития землеустройства было необходимо решить проблему сервитутов, которая серьезнейшим образом тормозила землеустройство в западных губерниях — Ковенской, Гродненской, Виленской, Киевской, Подольской, Волынской, Минской и части Витебской. Законопроект об их ликвидации был внесен в Государственную Думу в декабре 1913 г.

Другой важный законопроект был направлен против дробления мелкой земельной собственности. Правительство имело основания опасаться, что вновь устроенные хутора и отруба будут делиться дальше. «Вопрос этот имеет такое громадное значение для всего будущего крестьянского хозяйства, что ведомство сочло необходимым разослать его во все Землеустроительные комиссии для обсуждения на местах при самом широком участии крестьянских представителей. Кроме того, законопроект был разослан во все

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. III–IV.

крупные периодические органы печати, ученые общества и наиболее известным писателям и ученым — специалистам по аграрному вопросу. В соответствии с высказанными на местах и в печати замечаниями первоначальный проект подвергся серьезной переработке и только в 1914 г. был внесен на рассмотрение Государственной Думы»¹.

Далее «Обзор» следующим образом формулирует приоритеты ведомства: «Второй круг задач ведомства объединяется целью **непосредственного служения нуждам сельского хозяйства**.

И по разнообразию, и по важности эти задачи занимают **центральное место**, и если на первом плане в деятельности ведомства стоят все же вопросы землеустройства и переселения, то это лишь потому, что **переустройство земельного быта крестьян является, по времени, очередным и необходимым условием последующего сельскохозяйственного развития страны**»².

Мне слышится в этих словах не очень завуалированный упрек в адрес всех тех, из-за которых реформа началась так поздно, в силу чего перечисляемые ниже мероприятия, необходимые для непрерывного совершенствования аграрного сектора страны, находятся на втором плане, а могли бы и доминировать — с 1861 г. немало воды утекло.

Расходы на сельскохозяйственные мероприятия, считая кредиты на земельные улучшения, составили в 1913 г. около 43 млн руб.; только по Департаменту земледелия было ассигновано 29 млн руб. между тем еще в 1906–1907 гг. смета этого Департамента не превышала 4 млн руб.

По сравнению с 1912 г. расходы на сельскохозяйственные мероприятия возросли на 12 млн руб. Значительнее других увеличены кредиты на агрономическую помощь, сельскохозяйственное образование, опытное дело и земельные улучшения.

В постановке **агрономической помощи** в отчетном году достигнуто приближение ее к населению. Состав агрономического персонала вновь увеличился, достигнув 9,9 тыс. чел. (в 1909 г. было 2,8 тыс. чел.)³.

Конечно, это не могло не влиять благотворно на работу местной сельскохозяйственной организации ведомства: «Показательные поля и станции приобретают постепенно характер живой и наглядной школы, инструктора становятся учителями, руководителями населения, заслуживая все большее его доверие.

В Азиатской России особенное внимание уделялось ценной культуре хлопка: расширен штат инструкторов, вновь устроен ряд семенных плантаций и машинно-прокатных пунктов, вновь организованы два опытных поля и начата организация в Ферганской области селекционной станции. Одну из задач последней составляет подбор новых сортов хлопчатника, наиболее отвечающих природным условиям Туркестанского края»⁴.

В 1913 г. состоялись съезды хлопководов в Тифлисе и Ташкенте, которые, в частности, высказались за создание местных хлопковых комитетов. Ведомство одобрило эту идею и разработало проект нормального устава порайонных комитетов: «Таким образом, в ближайшие годы хлопководы будут иметь на местах для защиты и представительства своих интересов постоянные учреждения, деятельность которых объединит Центральный хлопковый комитет»⁵.

¹ Там же. С. IV–V.

² Там же. С. VII.

³ Там же.

⁴ Там же. С. VIII–IX.

⁵ Там же. С. VIII.

Мы еще раз видим стремление ведомства к сотрудничеству с общественностью. Специальные анкеты Хлопкового комитета были посвящены разнообразным вопросам организации хлопководства, в том числе удобрению, географии распространения хлопковых посевов, способам очистки, прессовки и устранения сорности хлопка.

В целях улучшения культуры льна ГУЗиЗ бесплатно распространяло среди населения основных льноводческих губерний отборный посевной материал. Пять льнодельных станций делились опытом улучшенной обработки волокна. При этом Департамент земледелия следил за нововведениями в этой области.

Началось устройство опытной льняной станции при Московском сельскохозяйственном институте.

Расширилась в 1913 г. деятельность ведомства и в области табаководства — «6 опытных табачных плантаций в различных районах уже вели хозяйство в отчетном году и обстраивались для расширения деятельности в последующие годы». В ряде губерний прошло обследование состояния культуры табака¹.

Из других специальных отраслей сельского хозяйства в 1913 г. большее внимание уделялось животноводству.

Ведомство приняло меры для снабжения скотоводов известными племенными породами, выделило земствам различных губерний 100 тыс. руб. пособий на производство обследований состояния животноводства, увеличило число казенных инструкторов (только специалистов теперь имелось 64 человека, не считая низшего персонала) и, кроме того, отпустило земствам 91 тыс. руб. для приглашения инструкторов.

При Рижском Политехническом институте Департамент земледелия организовал курсы для подготовки специалистов по животноводству. Поэтому авторы «Обзора» выражают уверенность в том, что «удовлетворение возрастающей потребности в подготовленных руководителях по улучшению животноводства не встретит, по-видимому, затруднений».

Отмечается устройство в Ханчарбаке Самаркандского уезда рассадника (питомника) каракулевых овец.

Кролиководство может показаться (и кажется!) не слишком важным делом всем, кроме тех, кто им занят. Однако ГУЗиЗ вполне понимало перспективы этой подотрасли животноводства: «Спрос на мех и шерсть кроликов, в последнее же время и на кроличье мясо, все возрастает, а меры, принимаемые ведомством для распространения кроликов, дают быстрые результаты. Распределение пород производится по плану, согласованному как с местными особенностями и потребностями, так и с условиями сбыта. Попутно обращается внимание и на технику обработки кроличьего пуха и шкурки в соответствии с требованиями рынка. Успешно развивающееся кролиководство обещает в будущем нашему сельскому хозяйству немаловажный источник дохода»².

Особым направлением деятельности ГУЗиЗ было, как тогда говорили, рыбное дело.

В «Обзоре» говорится: «Несмотря на то, что ежегодный улов рыбы в последнее время (1912–1913 гг.) оценивается уже около 160 млн руб., рыболовство далеко не покрывает потребностей внутреннего рынка; в 1912 г. ввезено рыбы из-за границы на 33 млн руб., в 1913 г. на 35 млн руб.

¹ Там же. С. VIII–IX.

² Там же. С. IX.

Главная причина этому неумелый и хищнический характер нашего рыбного хозяйства. Основные задачи ведомства в этой области: охранение оставшихся запасов рыбы (организация охраны и рыбное законодательство) и возможное пополнение их (рыбоводство). В отчетном году был внесен в Государственную Думу ряд законопроектов, регулирующих рыбный промысел в Каспийско-Волжском и Дальневосточном районах, и выработан общий план деятельности по восстановлению рыбных запасов»¹.

В 1913 г. начались опыты искусственного разведения лосося в р. Куре, разведения семги в реке Онеге, Саратовскому показательному заводу выделены деньги на масосовое разведение стерляди, был разработан проект рыбоводного завода в низовьях р. Амура для оплодотворения икры лососевых и др. При Московском сельскохозяйственном институте, по закону 13 июля 1913 г., было открыто отделение рыбоведения.

ГУЗиЗ занимался также развитием кустарного дела. В 1913 г. ведомство в основном занималось вопросами организации сбыта предметов кустарного производства и учреждения среди кустарей товариществ, артелей и других кооперативов. В распоряжении ГУЗиЗ в 1913 г. было 52 специалиста по кустарным производствам и 18 инструкторских школ. «Успехи кустарного производства были наглядно представлены на 2-й Всероссийской выставке в Петрограде, вызвавшей живой интерес и в публике, и в торговом мире, и среди кустарей»². Размеры всероссийского рынка всегда оставляли кустарям огромное поле для деятельности.

С непосредственной помощью отдельным отраслям сельского хозяйства были прямо связаны распространение сельскохозяйственных знаний и опытное дело, о развитии которых мы уже имеем некоторое представление. Напомню лишь, что благодаря росту ассигнований в 1913 г. открылись два ВУЗа — Воронежский сельскохозяйственный институт Императора Петра I и сельскохозяйственные курсы в Саратове³.

«Обзор» фиксирует: «Отчетный год отмечен и некоторыми общими мерами в отношении сельскохозяйственного образования. Так, например, в этом году разработан план последовательного учреждения 5 новых высших сельскохозяйственных учебных заведений, утвержден закон (30 июня 1913 г.) об изменении порядка открытия средних сельскохозяйственных училищ, издан новый устав (27 ноября 1913 г.) для низших сельскохозяйственных училищ, высочайше утвержден закон до допущения лиц женского пола к государственной службе по учебно-воспитательной части, разработан проект организации специальных садовых учебных заведений и др. Число кратковременных курсов возросло с 469 до 820, т. е. на 75%, число слушателей — с 27,2 до 54 тыс., т. е. почти вдвое, а суммы ассигнованных на курсы средств увеличилась с 290 тыс. до 480, т. е. на 64%»⁴.

А вот любопытный пример нестандартности подходов ведомства к решению актуальных проблем отечественного сельского хозяйства.

Департамент земледелия отпустил 1380 руб. Охтенскому заводу взрывчатых веществ в Петербурге для постановки опытов получения суперфосфата из нерастворимых фосфатов при помощи заводских кислотных отбросов. Эти опыты имели целью

¹ Там же. С. IX–X.

² Там же. С. X.

³ Там же. С. XI.

⁴ Там же. С. XI–XII.

выяснить рентабельность использования кислотных отбросов, которых на заводе ежегодно накапливалось до 150 тыс. пуд., при производстве суперфосфата. Идея заинтересовала заводскую администрацию, и в конце 1913 г. при заводе было оборудовано суперфосфатное отделение с ежедневной производительностью в 500 пудов суперфосфата. Продукция тут же была разослана в разные места для производства коллективных опытов.

Мы уже знаем, что в ходе реализации реформы с 1910 г. резко возрастает — сообразно увеличению финансирования — роль Отдела земельных улучшений, под которыми понимался комплекс таких проблем, как осушение, орошение и обводнение, укрепление песков и оврагов, берегов рек и т. д.

Введение к «Обзору» конспективно излагает основные достижения в этой сфере: «Дело земельных улучшений в России стало развиваться только в самые последние годы, хотя площадь неудобных земель составляет у нас до 50 млн дес. Еще в 1908 г. кредит на мелиоративные работы составлял всего 844 тыс. руб. Между тем в 1913 г. на земельные улучшения отпущено было уже около 10 млн руб., т. е. в 11 раз больше.

В 1913 г., кроме ряда текущих работ по осушению и орошению, говорится далее, закончено устройство Романовского канала в Голодной степи и Верхнего Муганского канала, оросивших в общей сложности около 70 тыс. дес. хлопковых земель. Весной 1913 г. Главноуправляющий Землеустройством и земледелием совершил поездку на Мугань, где подробно осматривал новую оросительную систему и первые поселения крестьян-хлопководов.

За первыми опытами крупного гидротехнического строительства, продолжает «Обзор», должно «последовать осуществление многочисленных сооружений, проекты которых составляются в настоящее время изыскательными партиями отдела земельных улучшений. Так, в отчетном году составлены проекты устройства водохранилищ и водопроводов в Крыму для охранения ряда местностей и для орошения 4000 дес. в долине Салгири. Составлен проект орошения Мильской степи в Закавказье площадью в 87,5 тыс. дес.

Закончены детальные проекты орошения отдельных участков площадью около 62 тыс. дес. в районе реки Чу в Семиреченской области и, кроме того, разработан проект орошения 225 тыс. дес. из самой реки Чу»¹.

В сущности, взвешенность подходов ведомства к этой важнейшей проблеме видна из следующего программного заявления: «Не задаваясь неисполнимой задачей одновременного улучшения всей площади неудобных земель, составляющей в одной Европейской России около 32 млн дес., ведомство выделило в первую очередь наиболее неотложные мероприятия, поставив целью создать такую организацию дела, которая обеспечила бы возможность последовательного и непрерывного развития мелиоративных работ по определенному плану»².

Постепенное расширение фронта мелиоративных работ привело ГУЗиЗ к мысли об организации особых товариществ земельных улучшений. Они должны были создаваться из всех землевладельцев какого-либо района, включая, разумеется, и крестьян, для совместного производства и поддержания земельных улучшений.

Идея исходила из практики водного хозяйства. Поскольку земельные улучшения часто касались интересов широкого круга лиц, причем не только тех, кто непосред-

¹ Там же. С. XII–XIII.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. 120.

ственно проводил ту или иную мелиоративную работу, но и их соседей, близких и дальних, то примирить их не всегда одинаковые интересы часто было невозможно вне правового поля.

В 1913 г. ГУЗиЗ закончило разработку соответствующего проекта, которому придавало «особенно серьезное значение», и отправило, как это было принято, на заключение других ведомств.

Одновременно создавались правила «о мелиоративных работах, предпринимаемых государственными и общественными учреждениями *в видах общей пользы*».

В тех случаях, когда и земские, и правительственные органы признают, что производство тех или иных земельных улучшений «необходимо в видах общей пользы», то они будут составлять технический проект планируемых работ, определять смету и круг землевладельцев, которые должны быть вовлечены в эти работы.

Но этого мало. ГУЗиЗ выдвинуло идею создания особых местных органов водного хозяйства, так как только при наличии подобных органов и товарищества земельных улучшений, и мелиоративные работы общей пользы могли получить на практике достаточно широкое распространение. В 1913 г. Отделом земельных улучшений были подготовлены все необходимые документы также для представления, как это было положено, соответствующего законопроекта в особое междуведомственное совещание.

В 1913 г. были разработаны и внесены в Государственную Думу проекты законов о разрешении частных оросительных предприятий в Туркестане (!)¹.

Перечисленные меры, во-первых, вновь демонстрируют стремление ведомства сделать общественность участником реформы, и при этом сблизить на местах соседей—землевладельцев, принадлежащих к разным социальным стратам. Во-вторых, уже отмечавшуюся ставку на инициативу отдельных людей.

Увеличение сметы позволило расширить штат Отдела земельных улучшений. В 1913 г. появились 8 новых должностей, в том числе 4 инженеров-гидротехников и одна — журналиста (!). Число вольнонаемных инженеров и техников, составлявших подавляющее большинство гидротехнического персонала на местах, в 1913 г. выросло до 349 человек.

Сообразно росту ассигнований увеличился и состав гидротехнических чинов, работавших на Кавказе, в Туркестане, Степных областях, в Сибири и на Дальнем Востоке.

На примере сельскохозяйственного образования мы уже видели ясное стремление ГУЗиЗ к увеличению численности специалистов в разных отраслях. Такое же осознание перспективы мы наблюдаем и в данном случае.

В смету 1913 г. был впервые включен особый кредит на пособия частным учебным заведениям по содержанию при них гидротехнических отделений или курсов по гидротехнике, в том числе и на содержание практикантов. В 1913 г. на эти задачи было истрачено для начала 10 тыс. руб., из которых 6 тыс. руб. — пособие на устройство гидротехнического отделения при среднем строительном-техническом училище товарищества Московских инженеров и педагогов, 1000 руб. — на устройство курсов десятиклассников и 3 тыс. руб. на приглашение годовых практикантов.

Выше говорилось об утверждении в 1914 г. общего устава и учебного плана на средних сельскохозяйственно-гидротехнических училищ и о готовившемся в 1913–1914 гг. открытии гидротехнического отделения при Воронежском сельско-

¹ Там же. С. 108–109.

хозяйственном институте и подготовке создания Института инженеров земельных улучшений.

С аналогичной целью подготовки опытных специалистов Отдел земельных улучшений командировал 20 человек в Западную Европу, Америку и Индию для ознакомления с постановкой крупных мелиоративных работ, работой экскаваторов и различных гидроэлектрических установок¹.

В 1913 г. Отдел земельных улучшений вел в Европейской России гидротехнические работы следующих категорий: 1) работы общей пользы, 2) работы по расширению площади государственного земельного фонда и улучшению казенных лесных дач и земель, 3) различные мелиорации при земельном устройстве населения и, наконец, 4) работы особых партий.

Операционные расходы по данным работам составили сумму в 2751,2 тыс. руб.

Работы общей пользы продолжались в сотрудничестве с земствами. Ведомство выделило им 27,7 тыс. руб. на организацию земских гидротехнического бюро. Кроме того, казна оплачивала половину, а в исключительных случаях даже 75% стоимости работ по прокладке магистральных каналов и регулированию водотоков, причем земства отвечали за хозяйственную часть работ, а ОЗУ — за технический надзор. На таких основаниях велись работы в Черниговской, Московской, Тверской и Псковской губерниях.

Основные результаты проведенных в 51 губернии работ 1913 г. заключались в следующем. На площади в 2,3 млн дес. прошли общие изыскания по осушению и обводнению, в том числе для нужд землеустройства — 1,4 млн дес., для улучшения государственного земельного фонда — 750,2 тыс. дес., за счет мелиоративных ссуд — 17,5 тыс. дес., по ходатайствам земств — 42,1 тыс. дес., частных лиц — 20,3 тыс. дес. и Крестьянского банка — 1,9 тыс. дес².

В Европейской России «Обзор» выделяет работы, проведенные в Крыму, Поволжье и Полесье.

В Крыму главным объектом внимания был Южный берег с 1-й грядой Крымских гор и степные районы, страдавшие как от недостатка влаги и неравномерного ее распределения, так и от периодически повторяющихся ливней. Здесь речь шла о составлении проектов водопроводов и ливневодоов.

Началось составление проекта ливневого водохранилища на реке Учан-Су для предохранения Ялты от наводнений и проектов орошения 4 тыс. дес. в долине р. Салгира из водохранилища, емкостью 1,5 млн куб. саж. (14,6 млн куб. м).

Специалистами по луговодству на площади около 5 тыс. дес. были исследованы портящиеся альпийские луга Яйлы вплоть до Алушты.

Начали готовиться масштабные изыскательские работы в Нижнем Поволжье, для чего, в частности, был образован ряд совещаний с участием представителей правительства и земства и приняты меры «по техническому оборудованию партий в целях возможно полного использования полевого периода 1914 г.»

В бассейне р. Птичь в Полесье проводились изыскания в пределах Игуменского и части Бобруйского уездов Минской губернии для решения вопроса о регулировании русла этой реки для осушения болот и сплава леса, о чем в 1912 г. ходатайствовало Игуменское земство.

¹ Там же. С. 110.

² Там же.

На Северном Кавказе велись «различные мелкие», но тем не менее необходимые населению работы и изыскания¹.

Однако основные усилия Отдела земельных улучшений были сконцентрированы в Азиатской России, включая Закавказье.

«Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г.» — как почти всегда в таких случаях — трудное чтение, поскольку нам известно, чем все закончилось, а людям, которые его писали — нет. И поэтому очень важно понимать, каковы были их планы на дальнейшую жизнь и как они собирались ее строить.

«Обзор» за 1914 г. — последний из существующих — начинается динамикой роста сметы ведомства в последние годы.

В 1909 г. расходы составили 71,2 млн руб., в 1910 г. — 85,6 млн руб., в 1911 г. — 103,5 млн руб., в 1912 г. — 119,8 млн руб., в 1913 г. — 135,8 млн руб.; на 1914 г. было намечено 157,5 млн руб., но из-за начавшейся войны сумма была сокращена на 13 млн руб. до 144,5 млн руб.²

«Итак, война вызвала не столько сокращение деятельности ГУЗиЗ», — констатируют составители, — «сколько временную приостановку дальнейшего ее развития. В большей степени, чем бюджетные сокращения, отозвалось на деятельности ведомства неизбежное в военное время изменение нормальных условий работы: уменьшение рабочих сил деревни, сокращение ввоза необходимых товаров, затруднения перевозки и, в особенности, призыв в ряды армии большого числа служащих ведомства.

В области землеустройства в полевой период 1914 г. предполагалось по плану производить межевание на площади свыше 7,5 млн дес. находившихся во владении около 780 тыс. дворов. На работы было командировано в начале полевого периода около 7000 землемерных чинов, свыше 3800 землеустроителей и до 700 гидротехников

Общая мобилизация и призыв запасных и ратников ополчения сократили находившийся на землеустроительных работах состав более чем на 25%. Немедленно заметить выбывших новыми чинами оказалось, конечно, невозможным. Пришлось соответственно сократить план работ. Еще существеннее было то обстоятельство, что на войну ушло много крестьян-домохозяев, по ходатайствам которых были начаты работы. При пересмотре плана были приостановлены работы на площади около 1 млн дес. (13% первоначального плана).

Тем не менее результаты землеустройства за 1914 г. явились более благоприятными, чем можно было ожидать. Число ходатайств о разверстании, хотя и уменьшилось против предыдущих лет двух лет, но все-таки достигло цифры 828 тыс. дворов, превышающей все более ранние (до 1911 г.) периоды³.

Общее же число ходатайств о землеустройстве, поданных к 1 января 1915 г. достигло почти 5,8 миллионов дворов, около половины общего числа дворов Европейской России.

За 1914 г. были подготовлены проекты землеустройства для $\frac{4}{5}$ поступивших ходатайств, а размежевано в натуре 3945 тыс. дес., принадлежащих 496 тыс. дворохозяев. Это составило около 60% относительно окончательного плана работ (6700 тыс. дес.), в то время как обычно исполнялось порядка 65% плана.

¹ Там же. С. 111–112.

² Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. Пг., 1915. С. I.

³ Там же. С. I–II.

Всего же на 1 января 1915 г. землеустройство в натуре было выполнено на площади около 22 млн дес. из них окончательно оформлены дела по устройству 16,8 млн дес. почти для 2 млн крестьянских дворов.

«Из числа отдельных связанных с землеустройством мер заслуживает прежде всего внимания **впервые произведенный в 1914 г. опыт постройки грунтовых дорог американскими дорожными машинами**», — отмечает «Обзор»¹. Строго говоря, уже в Отчете Переселенческого Управления за 1913 г. говорится, что «в 1913 г. в Забайкальском районе при сооружении дорог и ремонте полотна был впервые применен паровой каток фирмы «Ричард Гаррет и сын», весом 480 пудов (7862 кг), 30 сил, приобретенный в 1913 г. за 8000 руб. На крепких щебенистых грунтах достаточно трех проходов катка, чтобы полотно уплотнилось настолько, что не пробивалось ломом»². Здесь уместно напомнить, что за годы реформы в Азиатской России было построено около 15 тыс. км дорог³.

Любопытно отметить также, технический прогресс не миновал и переселенческого дела — в 1913 г. в Кулундинской степи работали (тогда это называлось «рейсировали») два купленных Управлением автомобиля, перевезшие около тысячи пассажиров, из них 503 переселенцев; к концу года появилось еще два⁴. В 1914 г. парк автомобилей вырос до 8 (их них три легковых). Автомобили начали использовать также в Амурском районе⁵.

Продолжились начатые в 1913 г. работы по составлению двух законопроектов: 1) об упразднении сервитутов в Северо- и Юго-Западном крае, в губерниях Минской и части Витебской, 2) о борьбе с дроблением мелкой собственности, внесенный в Государственную Думу 10 октября 1914 г. под названием «О мерах к ограничению мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства»⁶.

В отношении переселенческого и поземельно-устроительного дела в Азиатской России 1914 г. резко разделился на два периода: до и после войны.

За первые семь месяцев общее движение за Урал значительно превысило прошлогодние размеры, достигнув 324 тыс. душ против 251 тыс. в 1913 г. По опыту прежних лет можно было рассчитывать на итоговую цифру переселения порядка 400 тыс. человек. Однако за последние пять месяцев число переселенцев по понятным причинам резко упало и составило лишь 12,6 тыс. чел. В итоге 1914 г. дал столько же переселенцев, сколько 1913 г. (336 и 337 тыс. чел.).

Из-за войны сократились ассигнования по большинству позиций, связанных с обустройством переселенцев. Тем не менее были закончены постройкой 55 церквей, 1 часовня, 20 молитвенных домов, 45 причтовых домов и 247 школ⁷.

На площади 250 тыс. дес. было произведено внутринадельное разверстание переселенческих поселков. Внутринадельное же межевание переселенческих и старожильческих селений при помощи правительственных ссуд (371 тыс. руб.) достигло в минувшем году 2,5 млн дес.

Новых переселенческих участков в 1914 г. было отмежевано 1609 тыс. дес., из них

¹ Там же. С. II.

² Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. ... С. 241–242.

³ Токавкин В. Г. Великоорусское крестьянство... С. 270.

⁴ Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. ... С. 238–239.

⁵ Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. ... С. 230–231, 235–236.

⁶ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. ... С. III.

⁷ Там же. С. IV–V.

1168 тыс. дес. общинного пользования и 441 тыс. единоличного. Из прежнего фонда общинных участков разбито на отрубные владения около 300 тыс. дес.

Склады сельскохозяйственные сделали оборот 8 млн руб. против 7 млн руб. в 1913 г., соответственно чистая их прибыль увеличилась до 650 тыс. руб. Число пунктов продажи выросло с 277 до 326.

Значительно поднялись обороты Томского аптекарского склада. До 1911 г. они составляли около 30 тыс. руб. в год, в 1911 г. — сразу выросли до 110 тыс. руб., в 1912 г. — около 135 тыс. руб., в 1913 г. — 312 и в 1914 г. общая стоимость проданных аптекарских товаров превысила 527 тыс. руб¹.

Успешно развивалось «заселение орошенных участков в Туркестане, в Голодной Степи, а также Урянхайского края в Монголии и плодороднейших хлопковых земель в Астрабадской провинции Северной Персии»².

В целом все работы шли в привычном режиме с естественной поправкой на условия военного времени, в частности, на призыв 24% межевых чинов, занятых устройством старожильского населения Сибири.

3 июля 1914 вошел в силу закон о порядке наделения землей Семиреченского казачьего войска. Для его скорейшей реализации ГУЗиЗ разработало подробный план наделения землей Семиреченского войска, связанный, между прочим, с агрономическими обследованиями и с разбивкой оросительной сети, который было намечено завершить в 4 года. Работы начались в 1915 г.

Мероприятия по сельскому строительству охватывали в 1914 г. 45 губерний Европейской России. Первоначальный кредит 6,3 млн руб. (на 27% больше 1913 г.), был сокращен незначительно — на 450 тыс. руб.

«Очередная задача ведомства в области сельского строительства заключалась в том, чтобы **не отстать от пробудившегося в крестьянской среде стремления к постройке огнестойких жилищ и устранить главные затруднения, которые испытывало дело сельского строительства**: недостаток хорошо подготовленного технического персонала и недостаточное число заводов и мастерских, вырабатывающих огнестойкие материалы». Отмечается факт быстрого распространения в деревне такого новшества, как глиносоломенные крыши³.

С началом войны в сфере непосредственного обслуживания потребностей отечественного сельского хозяйства перед ГУЗиЗ встали новые и весьма ответственные задачи: «1) организация закупок для армии хлеба, продовольствия, фуража, одежды; 2) поддержание нормального течения сельскохозяйственной жизни, для чего необходимо было прежде всего оказать содействие при полевых работах семьям запасных и ратников ополчения и, наконец, 3) восполнение недостатка необходимых для сельского хозяйства предметов ввоза из-за границы»⁴.

«Обзор» сообщает, что решение этих задач было серьезно облегчено, во-первых, тем, что в ходе реформы ведомству удалось значительно увеличить агрономический персонал, и теперь 886 его представителей занимались заготовками для нужд армии, не считая земских агрономов, исполнявших поручения своих земств по поставке продуктов.

¹ Там же. С. V.

² Там же. С. VI.

³ Там же. С. VII.

⁴ Там же.

Во-вторых, при организации помощи семьям запасных ведомство использовало свыше 8000 зерноочистительных обозов и 12000 прокатных пунктов сельскохозяйственных орудий — как своих, так и земских. На их устройство Департамент земледелия в последние годы перед войной затратил более 4 млн руб., причем он продолжал непрерывно пополнять их инвентарь, израсходовав на это с момента начала войны вместе с ассигнованиями на предметные ссуды более миллиона руб. (1048 тыс. руб.).

Достоинство проявили себя в деле помощи семьям воинов сельскохозяйственные учебные заведения. Преподаватели и учащиеся в 79 школах образовали особые дружины и уже в осеннюю жатву 1914 г. помогли деревне, а по их примеру подобные дружины стали создаваться и в школах других ведомств¹.

Примечательны некоторые факты содействия ведомства развитию специальных культур в условиях начавшейся войны. Так, в льняном деле обострился вопрос о реализации урожая льна, поскольку прекращение экспорта сразу значительно понизило цены на него. Однако падение цен было приостановлено Государственным банком, который по ходатайству Департамента земледелия начал выдавать ссуды земствам, частным кредитным учреждениям и кооперативам под льняное семя. Это стабилизировало рынок и помогло, по крайней мере в 1914 г., льноводству пережить возникший было кризис без особых потрясений.

В Орле в целях содействия коноплеводству была расширена пенькопрядильная мастерская с вновь выписанными из Англии машинами для приготовления из пеньки шпагата для сноповязалок².

В 1913 и 1914 гг. северные губернии поразил неурожай кормовых трав, и возникла опасность массовой распродажи крестьянами крупного рогатого скота на убой в ряде районов Ярославской, Вологодской, Владимирской и Нижегородской губерний.

Что же сделало ГУЗиЗ для предотвращения этого?

В Ярославской губернии благодаря выдаче премий удалось сохранить большую часть зарегистрированных животных на руках у хозяев, причем параллельно был устроен ряда курсов, которые познакомили население с концентрированными кормами для скота.

В Вологодской губернии в 74 селениях (!) были устроены показательные кормления, которые очень заинтересовали местное население и способствовали распространению концентрированных кормов, возможному удешевлению стоимости кормления и бережному использованию грубых кормов.

Удачными оказались проводившиеся ведомством опыты откорма крупного рогатого скота пареной свеклой (производство пуда мяса стало дешевле примерно на 1 руб.) и кукурузного откорма (удешевление порядка 60 коп./пуд. при увеличении суточного привеса животных с 2,5 до 3,5 фунтов). «Экземпляры животных каждого откорма» в мае 1914 г. экспонировались на Второй Всероссийской выставке мясных пород в Петербурге и были проданы по весьма высокой цене — 7,7 руб./пуд.

В качестве первых трофеев начавшейся войны ГУЗиЗ получил от Военного министерства племенной скот, реквизируемый в Восточной Пруссии, — 713 голов крупного рогатого скота и 4649 овец.

¹ Там же. С. VI–VII.

² Там же. С. VIII.

В сфере молочного хозяйства ГУЗиЗ, главным образом, проводил мероприятия по объединению крестьянского населения в контрольные союзы и маслодельные союзы, а также по поддержке маслоделов Сибири и севера Европейской России. Однако война, затруднения в торговле с Англией и прекращение правильного грузового движения по железным дорогам все же тяжело отразились на развитии маслоделия, в особенности на русском Севере, в Ярославской и Вологодской губерниях, где, как говорилось, был еще и недород кормов¹.

В области борьбы с вредителями сельского хозяйства закончилось изучение сусликов и тушканчиков в Тургайской и Уральской областях.

Для борьбы с вредителями ведомство выписало из-за границы бесплошно свыше 5 тыс. пуд. различных химикатов. До войны главным поставщиком этих веществ была Германия, а с ее началом Департамент земледелия завязал контакты с французскими и английскими химическими фирмами².

25 сентября 1914 г. был утвержден разработанный ранее общий устав и учебный план средних сельскохозяйственно-гидротехнических училищ. Также разработан вопрос об учреждении высшего сельскохозяйственного учебного заведения нового типа — Института инженеров земельных улучшений.

В 1914 г. было открыто 23 новых низших сельскохозяйственных учебных заведения; всего же к концу 1914 г. их насчитывалось 341.

Хочется выделить состоявшееся в 1914 г. совещание при ГУЗиЗ по вопросу об использовании начальной школы для распространения сельскохозяйственных знаний, которое, безусловно, должно было иметь особое значение в этом столь важном деле.

Было решено **«ввести в программу всех начальных народных училищ со-общение знаний, относящихся к родино- и природоведению, в применении к местной сельской жизни вообще и к сельскому хозяйству, в частности, в связи с практическими занятиями, доступными возрасту и степени развития учащихся»**³.

Думаю, не нужно специально пояснять, какие перспективы для агрономического образования крестьян, которые начали бы самостоятельно хозяйствовать в конце 1910 — начале 1920-х гг., имела бы эта мера!

ГУЗиЗ начало успешно перенимать германский опыт и в области внешкольного образования — начались сельскохозяйственные чтения в войсковых частях. До войны они проходили в большинстве губерний Петербургского, Московского и Киевского военных округов, а с августа их заменили чтениями для раненых в госпиталях и лазаретах.

По стране начали курсировать агрономические поезда, а на Сибирской железной дороге за счет средств Департамента земледелия, Переселенческого управления и Управления железных дорог были оборудованы 2 вагона-аудитории.

Опытное дело в 1914 г. из-за сокращения кредитов не получило дальнейшего развития. Тем не менее было отпущено пособие Охтенскому заводу взрывчатых веществ на изготовление 90 тыс. пуд. суперфосфата, «охотно разбираемого на рынке», и решено организовать такое же производство на аналогичном Сергиевском заводе у Самары.

¹ Там же. С. IX–X.

² Там же. С. XI.

³ Там же. С. XI.

В сфере содействия кустарной промышленности ГУЗиЗ также проявило присущую ему оперативность и начало предпринимать меры для развития производства ряда товаров, которые до войны ввозились в Россию из Германии и Австрии, как, например, кос, садовых инструментов, некоторых сельхозмашин, шпагата для сноповязалок, игрушек, выделанных мехов. Кроме того, ведомство обратило внимание на развитие производств таких необходимых войскам предметов снаряжения и обмундирования, как перчатки, полушубки и фуфайки.

«Ближайшее участие приняло ГУЗиЗ в деле организации ремесленных занятий раненых воинов, в лазаретах. Эти работы имели целью дать раненым воинам заработок во время пребывания их в лазаретах, а также подучить их какому-либо ремеслу на случай невозможности заниматься полевым хозяйством»¹.

В 1914 г. вошли в силу несколько разработанных ГУЗиЗ законов, регулирующих рыбный промысел в бассейне Балтийского моря и на Дальнем Востоке.

«Обзор» сообщает, что самым важным мероприятием административно-хозяйственного характера, проведенным в этом году, стало учреждение местных районных организаций по рыбоводству. И здесь вновь мы видим четкую направленность на сотрудничество с общественностью, на интеграцию интересов и усилий.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживают меры, предпринятые для восстановления запасов ценных промысловых рыб. В 1914 г. ведомство начало:

«1) организацию массового разведения осетровых (севрюга и осетр) на реке Куре. Эти работы дали ощутительные результаты, главным образом, вследствие удачного применения выработанного здесь метода освобождения осетровой икры от клейкости, что значительно понизило смертность икры во время вывода. Всего выведено и выпущено в реку Куру около одного миллиона мальков осетра и севрюги.

Кроме того, начато 2) разведение стерляди на Волге и

3) массовый сбор икры чудского сига с целью выпуска искусственно выведенных мальков в Чудское озеро. Добытая икра в количестве около 2 млн штук размещена на Юрьевском и Петроградском рыбоводных заводах»².

Поскольку вывоз русской пушнины через западную границу прекратился, ГУЗиЗ начал обследование американского пушного рынка на предмет возможности экспорта мехов непосредственно в США, минуя посредничество Германии.

Понятно, что из-за войны размеры выданных ссуд на сельскохозяйственные улучшения в сравнении с 1913 г. несколько уменьшались.

Был закончен, как говорилось, разработкой проект правил: 1) о товариществах земельных улучшений и 2) о производстве земельных улучшений земскими и правительственными учреждениями в видах общей пользы.

Земельные улучшения велись в наиболее крупных размерах в Закавказье и Голландной Степи. Местный гидротехнический персонал вырос с 349 до 549 лиц, т. е. в 1,6 раза и включал теперь 68 инженеров и 487 техников. После призыва в действующую армию он значительно сократился, но и здесь нельзя не отметить системный подход ведомства — часть специалистов была выделена в особую гидротехническую организацию, командированную в район военных действий для улучшения санитарных условий. Организация эта затем «значительно разрослась».

Была закончена разработка упомянутых выше проектов правил: 1) о товарище-

¹ Там же. С. XIV–XV.

² Там же. С. XV.

ствах земельных улучшений и 2) о производстве земельных улучшений земскими и правительственными учреждениями в видах общей пользы.

Итак, реформа продолжалась, и едва ли будет ошибкой сказать, что к 1 августа 1914 г. она только начала разворачиваться на полную мощность. Не случайно в официальных отчетах по-разному высказывается одна и та же мысль — да, многое сделано, но еще больше остается сделать.

Вместе с тем читатели, полагаю, имели возможность убедиться, насколько выше-сказанное далеко от стандартного негативистского изображения России в конце XIX — начале XX вв.

8.14. Столыпинская аграрная реформа — предварительные итоги

Настало время подвести промежуточные итоги аграрной реформы Столыпина. Я настаиваю на термине «промежуточные» применительно к истории преобразований 1906–1916 гг., которые не закончились не только с гибелью Петра Аркадьевича в 1911 г., но и с началом Первой мировой войны; последний протокол заседания Комитета по Землеустроительным делам, хранящийся в РГИА, датируется январем 1917 г.

Понятно, что говорить об успехе преобразований, которые были насильственно прерваны отречением Николая II и революцией 1917 г., некорректно. Однако вполне допустимо поставить вопрос о том, успешно ли они развивались и каких результатов достигла страна в ходе их реализации.

Все читатели данной книги — современники *неудачных* реформ, и опыт постсоветского реформирования ясно говорит о том, что за 7–8 лет вполне возможно понять, развиваются ли преобразования позитивно или же нет.

Промежуточные итоги Столыпинской аграрной реформы подводить и легко, и трудно.

Легко — потому что, как следует из предыдущего изложения, у нас в изобилии материала, который говорит о мощном поступательном движении страны вперед, — и именно благодаря реформе, неизмеримо расширившей возможности самореализации для большинства населения страны. Проблем в российской деревне оставалось немало, но со временем они должны были быть урегулированы, поскольку, как выяснилось, аграрный вопрос в России *можно* решать.

Трудно — потому что реформа за относительно немногие годы затронула и изменила столько находящихся в очень сложной взаимосвязи сторон жизни страны и ее населения, что, подводя краткие итоги, можно что-то упустить. К тому же не всем этим изменениям уделено равное внимание, а некоторые и вовсе остались «за кадром», как, например, деятельность Крестьянского поземельного банка, развитие сельскохозяйственного производства в начале XX в. и др.

«Настоящий краткий отчет за пятилетие представляет собой первую попытку оглянуться на пройденный за эти годы путь, дать общий очерк деятельности ведомства в связи с его программой, свести воедино главнейшие цифровые итоги в той широкой перспективе, в которой утрачивают всякое значение и второстепенные ошибки и недочеты, — несомненные и многочисленные — и второстепенные успехи, и резко выступают лишь главные линии, **общий смысл совершающейся работы.**

Конечно, в такой перспективе яснее обнажается вся недостаточность этой работы по сравнению с тем, что надо еще сделать, что требуется насущными интересами сельской жизни, но для правильной оценки сделанного и для отчетливого сознания предстоящих задач, подведение время от времени таких итогов необходимо»¹.

Так начинается обзорный очерк деятельности ГУЗиЗ за 1909–1913 гг., выпущенный буквально за несколько недель до начала Первой мировой войны. Те, кто готовил и писал этот текст, не знали, что в широкой печати они подводят итоги работы своих коллег и собственной в предпоследний раз.

В чем же заключался «общий смысл» работы реформаторов?

Вот как отвечает на этот вопрос А. В. Чаянов: «За последние десять лет русская деревня пережила глубокий и коренной переворот.

Русский крестьянин сотни лет пахал землю такой же сохой, какой пахали его предки при Иване Грозном, сотни лет делил землю на три поля и гонял по тощему пару свою скотину. Все теснее и теснее становилось жить на земле, труднее жилось крестьянству, но оно упорно сохраняло старые обычаи, завещанные ему далекими предками, и только за последние годы, как вешний снег, распались старые хозяйственные устои, и на месте былой нужды стали пробиваться ростки новой жизни, новой сельскохозяйственной культуры. Ростки эти крепили с каждым днем, становились ярче и ярче, и верилось, что пройдет еще одно-два десятилетия, и русская деревня ярко зацветет народным благополучием.

Русское земство, возникшее пятьдесят лет тому назад, сыграло в этом возрождении народного хозяйства очень крупную роль. Заботясь с первого дня своего возникновения о главнейших нуждах народных, народном здравии и народном просвещении, русское земство очень скоро поняло, что воздвигаемые им школы и больницы не уничтожат нужды и темноты народной, пока на крестьянских полосах будут чахнуть редкие овсы, перемешанные с сорными травами, пока крестьянские тощие коровенки будут жевать зимою распаренную ржаную солому и крестьяне, не имея возможности прожить на своей земле, будут уходить из деревни на заработки.

Земство поняло, что новая грамотная и здоровая деревня может быть построена только на фундаменте хотя бы небольшого хозяйственного достатка, и, поняв это, пригласило к себе на службу сведущих в сельском хозяйстве агрономов и поручило им ознакомиться с местным крестьянским хозяйством, выяснить его нужды и указать крестьянам новые, более выгодные способы ведения хозяйства.

Агрономы, разъезжая по деревням, разъясняли крестьянам выгоды плуга перед сохой, молотилки и веялки перед цепом и лопатой, советовали в деревнях, издавна бедствующих кормами, заводить четырех или шестиполье с посевом клевера, устраивали маслodelьные артели, кредитные товарищества и другие кооперативы.

Государственный банк и земство поддержали советы агрономов тем, что давали значительные денежные ссуды кредитным товариществам крестьян, нуждавшихся в средствах для подъема своего хозяйства.

Вначале усилия земских агрономов не имели особенного успеха, так как деревенское население всегда недоверчиво относится к чужому ему человеку. Но польза, о которой говорили агрономы, была так очевидна, выгода производимых отдельных хозяйств так наглядна, что очень скоро рухнуло вековое недоверие ко всякой новизне.

¹ ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.)... С. 3–4.

Соха очень быстро сменилась плугом, молотилка, веялка и льномялка, приобретенные в устроенных земством сельскохозяйственных складах, застучали на крестьянских дворах. Бойко начали работать земские и кооперативные зерноочистительные пункты.

На крестьянской пашне все чаще и чаще замелькали поля клевера; тощие коровки, жующие солому и дающие навоз, начали понемногу вытесняться правильно поставленным молочным хозяйством. Лен, подсолнух, свекла и другие промышленные культуры открыли крестьянству новые источники денежного дохода.

Тысячи кредитных товариществ и сельских потребительских обществ, сотни крестьянских маслодельных артелей, артели овощные, смолокурные, картофелетерочные густою сетью охватили русское крестьянство, нашедшее в них свою силу и свою опору.

Словом, наша родина переживает сейчас такое же «возрождение села», какое несколько десятилетий назад пережили датские, итальянские, бельгийские и другие европейские крестьяне. Конечно, возрождение это идет не всегда так гладко, как хотелось бы: бывают успехи, бывают и неудачи.

Многое сделано, еще больше остается сделать. Но несомненно одно: крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию¹.

Как можно видеть, этот панорамный фрагмент с большим энтузиазмом суммирует многие из достижений Столыпинской аграрной реформы, хотя нельзя не заметить, что у Чайнова, как и у советских авторов, собственно реформа до некоторой степени остается «за кадром». На описание им повседневных, ежедневных изменений в жизни отечественной деревни, несомненно, повлияли его партийные симпатии². Отнюдь не все земства, как мы знаем, с восторгом приняли реформу и сразу пошли на сотрудничество с правительством.

Однако в данном случае это не принципиально — здесь нам важна внятно изложенная выдающимся аграрником необходимость комплексных перемен в жизни российской деревни и фиксируемые им многочисленные и многоплановые факты этих перемен.

Полагаю, в его заключительной мысли о том, что **«несомненно одно: крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию»**, и раскрывается во многом «общий смысл» работы реформаторов.

В этой книге приведено немало статистических показателей, наглядно подтверждающих эти слова Чайнова, демонстрирующих успех преобразований, показывающих, что благодаря реформе миллионы людей действительно начали новую жизнь.

По своему масштабу аграрные преобразования Столыпина не имели аналогов в

¹ Чайнов А. В. Война и крестьянское хозяйство. М., 1914. С. 1–4.

² Чайнов, как можно видеть, связывает изменения, происшедшие в жизни российской деревни, целиком и полностью с земством, что является безусловной натяжкой. Он не упоминает ни о землеустройстве, ни об усилиях правительства, стимулировавшего деятельность земств, ни о переселении в Азиатскую Россию, ни об увеличении землепользования крестьян благодаря деятельности Крестьянского поземельного банка. Автор ни словом не обмолвился ни о частной собственности на землю и ее роли в изменении психологии крестьянства, наконец, ни о роли государства в преобразованиях (Государственный банк упоминается лишь как кредитор кооперативов) и т. д. Из текста по умолчанию вытекает, что все эти перемены идут в рамках общины. Такой взгляд, полагаю, объясняется тем, что Чайнов был партийным противником землеустройства. (Я. Коцонис. Как крестьян делали отсталыми... С. 173).

мировой истории. Конечно, можно сказать, что площадь земель, полученных жителями США по Гомстед-акту, была значительнее, однако он и действовал не 10 лет, а более ста — с 1862 г. до конца XX в.; знаменитые «Земельные гонки» имели место в 1889–1895 гг. При этом невозможно сопоставлять степень сложности нарезки на участки пустой прерии и землеустройства в давно населенной местности с огромной чересполосицей и дальнеземельем, как это было в Европейской России и даже в Сибири.

Уникальность российских аграрных преобразований была ясна уже непредвзятым современникам. В «Итогах работ» приводится выдержка из «последнего капитального труда о русском землеустройстве, вышедшего в 1913 году в Германии», автор которого Вит-Кнутсен замечает: «Всякий непредубежденный, ознакомившийся с основными линиями новой русской аграрной реформы, не может не вынести впечатления, что мы тут стоим перед глубоко задуманной земельной реформой, с широким размахом проводимой в жизнь. Более того: следует признать, что изданные после 1905 г. русские аграрные законы не имеют себе равных во всемирной аграрной истории как по принципиальной важности их, так и по ходу их осуществления.

Правда, благотворные последствия проводимых реформ для русского крестьянского хозяйства обнаружатся не сразу, а воздействие их на условия сельскохозяйственного производства других стран старого света, быть может, заставит себя ждать еще долго. Но нельзя отрицать, — это было бы непризнанием явных фактов и истин аграрной политики, — что мы имеем дело с решительным, коренным поворотом к лучшему в истории русского сельского хозяйства. Громадные же размеры русского колосса и более, его способность к развитию, заставляют думать, что тут началась постепенная передвижка центра тяжести европейской хозяйственной жизни к востоку» (*Vauefrage und Agrarreform in Russland. Munchen, 1913, стр. 180*)¹.

Напомню, что до 1 января 1916 г. в Землеустроительные комиссии поступили ходатайства о землеустройстве от 6,2 млн домохозяев-крестьян, живших в 222,9 тыс. земельных единиц. Из этого количества для 3,8 млн дворов, или 62,1 %, были произведены обследования на местах и предварительные землемерные работы, т.е. «закончена подготовка»; для 2,9 млн, или 46,4 %, выполнены землеустроительные работы в натуре, и в отношении 2,4 млн дворов, или 38,2 %, последние юридически были завершены. В стране появилось около 1,5 млн индивидуальных крестьянских хозяйств.

Площадь завершенных и подготовительных землеустроительных работ составила 34,3 млн дес., или 374,7 тыс. кв. км., что равно сумме территории современных Италии и Ирландии. Если же добавить к этой цифре 10 млн дес., купленных крестьянами у Крестьянского банка и при его посредничестве, и, как минимум, 20 млн дес. землеустройства в Сибири (на деле — больше), то мы получим 64 с лишним млн дес., т.е. 700 тыс. кв. км, что равно площади Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии вместе взятых. И все это землеустроители и землемеры сделали — формально — за 9 полевых сезонов, из которых лишь немногие могут считаться нормальными! Ведь реформа с одной своей стороны была как бы подожжена революцией 1905 г., а с другой — Мировой войной.

¹ Цит. по: ГУЗиЗ. Итоги работ ... С.28

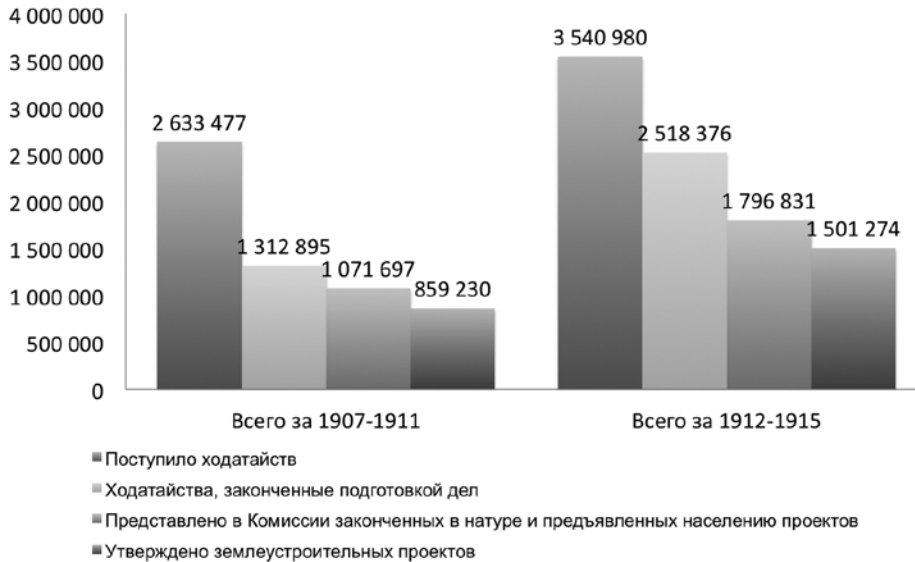

Диаграмма 30. Статистика землеустройства в 1907–1915 гг. (число домохозяйств).

Источник: Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. (1914, 1915 1916 г.). СПб., 1913–1916.

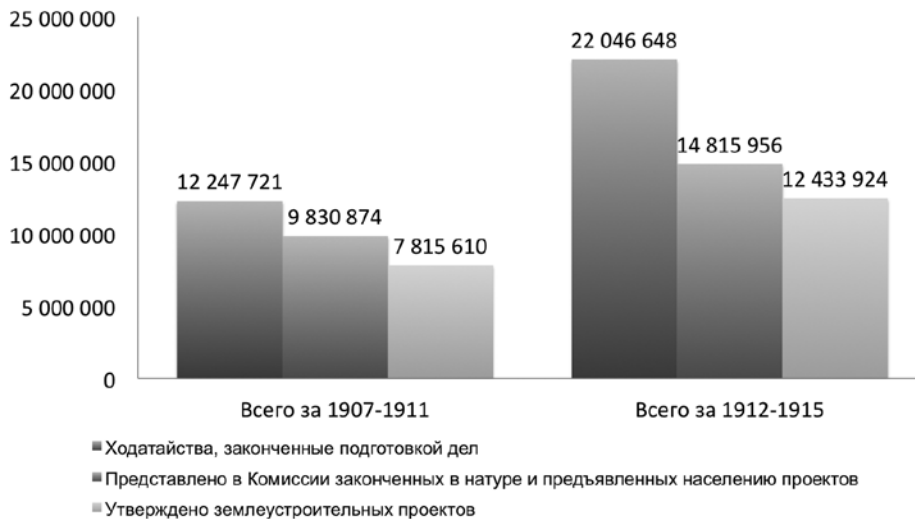

Диаграмма 31. Статистика землеустройства в 1907–1915 гг. (площадь в дес.).

Источник: Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. (1914, 1915 1916 г.). СПб., 1913–1916.

Установлено при этом, что личностные качества членов Землеустроительных комиссий являлись очень важным фактором, определявшим ход реформы в отдельных губерниях и уездах и, следовательно, количественные показатели землеустройства. Хотя преобразования с самого начала оказались в эпицентре политических страстей, вызвав весьма серьезное сопротивление общества, в том числе и со стороны ряда правительственных чиновников, включая земских начальников (!), тем не менее в целом они протекали успешно.

Анализ материалов обследования «Землеустроенные хозяйства» позволяет сделать вывод о том, что землеустройство действительно создавало внешние предпосылки для подъема крестьянского хозяйства за счет радикального сокращения чересполосицы и уменьшения дальnozемелья, способствовало рациональной реорганизации сельскохозяйственной территории единоличных хозяйств и прогрессивной перестройке их экономического строя.

Важно отметить, что землеустройство автоматически повышало цену крестьянской земли — по крайней мере в полтора раза¹.

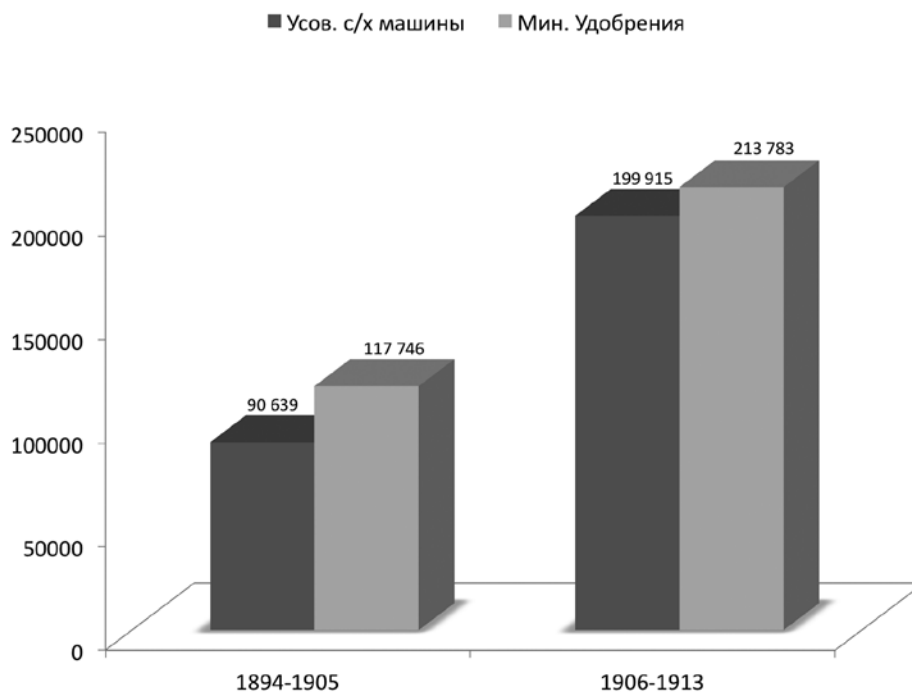

Диаграмма 32. Суммарные железнодорожные перевозки сельхозмашин и орудий и минеральных удобрений в 1894–1905 и 1906–1913 гг. (тыс. пуд.).

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1899 г. СПб., вып. 60; То же за 1913 г. Пг., 1915. Вып. 56

¹ Кофод А. Русское землеустройство... С. 171; Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 192.

За годы реформы 2,5 млн крестьянских дворов укрепило землю в собственность. Надельная земля вошла в рыночный оборот, и 4 млн дес. земли сменило владельцев¹. Землю продавали переселенцы, создавая тем самым начальный капитал для обустройства на новых местах, покупатели земли у Крестьянского банка, осевшие в городах крестьяне и т. д.

Уникальны по объему были и операции Крестьянского поземельного банка, при посредничестве которого, согласно его отчетам, было куплено 10012,7 тыс. дес. «крестьянской земли»² (площадь современной Болгарии). Нельзя в связи с этим не вспомнить мысль Б. Д. Бруцкуса о том, что, в отличие от бесплатной раздачи земли крестьянам, которую планировали кадеты и социалисты, процесс земельной мобилизации при участии Банка «привел к переходу земли из рук плохих хозяев (т.е. помещиков — М.Д.) не в руки всякого случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее ее использование»³.

Переселенческая политика позволила, как минимум, 2,7 млн чел. начать новую жизнь в Азиатской России; есть обоснованное мнение о том, что эту цифру нужно повысить до 3,3 млн чел.⁴

Реформа Столыпина начала агротехнологическую революцию в России. Благодаря правительственным ассигнованиям развернулась масштабная агрономическая помощь, на которую за 1910–1913 гг. было израсходовано больше средств, чем за 1895–1909 гг., — 49,6 против 47,3 млн руб. Только железнодорожные перевозки сельхозмашин и орудий, которые в 1905 г. составили 12,8 млн пуд., в 1909 г. увеличились уже до 21,5 млн пуд., а в 1913 г. — до 34,5 млн пуд., т. е. выросли с начал реформы в 2,7 раза, а перевозки минеральных удобрений увеличились с 14,7 млн пуд. в 1905 г. до 23,5 млн пуд. в 1909 г., и до 37,2 млн пуд. в 1913 г., т. е. выросли в 2,5 раза.

Численность правительственного и земского агрономического персонала, пришедшего в деревню, далеко превысила 10 тыс. чел. Были открыты тысячи прокатных станций сельскохозяйственной техники и зерноочистительных пунктов, организованы многие тысячи показательных полей и участников, а также образцовых хуторов и т.д. В годы реформы во многом был преодолен порог базового недоверия крестьянства к агрономии и к специалистам по сельскому хозяйству вообще.

Благотворное влияние преобразований отражается и в погубернской статистике возникновения учреждений мелкого кредита и сельскохозяйственных обществ в 1905–1915 гг. Она показывает гигантский, беспрецедентный — благодаря усилиям правительства — рост кооперации в годы Столыпинской реформы, сделавший Россию одним из мировых лидеров кооперативного движения. Кооперация охватила десятки миллионов людей — к осени 1917 г. до половины жителей страны⁵.

Землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн руб.⁶, домообзаводственные и путевые ссуды, полученные пересе-

¹ История СССР с древнейших времен... Т. VI. С. 379.

² Проскуракова Н. А. Земельные банки... С. 345–346.

³ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 109–110.

⁴ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство... С. 263–269.

⁵ Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение... С. 366.

⁶ Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 24; Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 25

ленцами за 1906–1914 гг. Переселенческого Управления составили 75,9 млн руб.¹, а всего — 110,2 млн руб.

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд на 1912,3 млн руб., т. е. в 17,4 раза больше (без Польши и Прибалтики, где реформа официально не проводилась; учет показателей этих районов увеличивает ссуды до 2,5 млрд руб.) Эта сумма в 5,3 раза превышает затраты правительства за землеустройство и переселение и в 5,8 раза — стоимость всех сельхозмашин и орудий, импортированных в Россию за 1906–1913 гг.

А.П. Корелин считает, что всеми кооперативами в целом «только за предвоенное пятилетие в сельское хозяйство и кустарные промыслы было инвестировано около 3 млрд руб., что не только послужило поддержкой для сотен тысяч крестьянских хозяйств в сложный период столыпинских преобразований, но и способствовало агрикультурной и агротехнической модернизации наиболее предприимчивой части деревни»².

За годы реформы благосостояние населения страны значительно выросло. Число сберкнижек в государственных сберегательных кассах выросло на 60,5% — с 5,4 до 8,6 млн, а сумма вкладов на них — на 63,9% — с 945,4 до 1549,8 млн руб. При этом количество крестьянских книжек увеличилось на 82,3% — с 1,4 до 2,5 млн, а вклады выросли на 83,4% — с 261,9 до 480,2 млн руб.

Однако следует иметь в виду, что в 1913 г. сумма вкладов в кредитных и ссудо-сберегательных товариществах равнялась 363,2 млн руб., увеличившись с 1 января 1905 г. в 11 раз.

Позитивное воздействие преобразований на развитие сельского хозяйства страны и, в частности, на его интенсификацию подтверждается анализом железнодорожных грузовых перевозок и статистики экспорта (см. ниже), который демонстрирует уверенный рост транспортировки и вывоза продукции полуинтенсивных и интенсивных отраслей сельского хозяйства в 1906–1913 гг. как по абсолютной, так и по относительной величине.

Особо следует отметить тот факт, что реформа позитивно повлияла и на положение той части крестьянства, которая должна была предлагать на рынке свои рабочие руки.

Источники говорят о том, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих после 1905 г. повсеместно увеличивается. При этом до 1909 г. этот рост еще можно было объяснять параллельным ростом цен на хлеб, однако он продолжался и позже, когда эти цены стабилизировались.

В 1912–1913 гг. «Торгово-Промышленная газета» провела анкетное обследование рынка сельскохозяйственной рабочей силы, результаты обработки которого были представлены Я. Я. Полферовым в исследовании «Сельскохозяйственные рабочие» (СПб., 1913 г.).

Вот как Б. Д. Бруцкус комментирует основные выводы этой работы: «Важнейшим сельскохозяйственным рабочим рынком России являются южнорусские степи. Сюда изливаются избыточные рабочие силы северной черноземной полосы.

¹ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. ... С. 12; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. ... С. 23; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1910 г. ... С. 9; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. ... С. 12; Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. ... С. 29.

² Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение. ... С. 369.

Поэтому состояние этого рынка надо признать решающим для характеристики положения сельскохозяйственного населения русских районов аграрного кризиса.

В 1890-х гг. положение этого рынка складывалось неблагоприятно для рабочих. Крестьянство северной черноземной полосы выбрасывало громадные кадры избыточных рабочих сил, а распространение на юге сельскохозяйственных машин ограничивало спрос на рабочие руки. Цены на них падали.

Решительный поворот в этом отношении приходится констатировать в текущем столетии. Выгоды от распространения сельскохозяйственных машин вызвали дальнейший рост распашки степей и некоторое интенсирование хозяйства. Спрос на рабочие руки опять возрос. Однако, их предложение решительно пошло на убыль.

Куда же девались эти рабочие? Есть ряд причин иссякания этого когда-то обильного источника.

Здесь имеет значение отлив рабочих на фабрики, отлив рабочих из западных губерний за границу (сезонный — *М. Д.*), интенсирование сельского хозяйства — рост свеклосахарной культуры, культуры картофеля на винокурение, гидротехнические работы, развитие молочного хозяйства, развитие яичного дела, — наряду с этим определенно ссылаются на то, что малоземельные, когда-то шедшие в отход, теперь понакупили земли, что хутора поглощают гораздо больше рабочих сил, чем прежние чресполосные участки, что избытки рабочей силы ушли в Сибирь, т. е. иссякание избыточных рабочих ставится в совершенно определенную, непосредственную связь с правительственной аграрной реформой.

Времена, когда экономии осаждались пришлыми рабочими, и ими можно было всегда располагать, миновали. Их надо теперь искать у станций железных дорог, ибо они уже не бредут пешком, а приезжают по железным дорогам и иногда даже в классных вагонах, или на центральных рынках найма, где цены на рабочие руки носят не случайный характер. Цены эти с 1907 г. определенно растут. Рабочие становятся все более требовательны на харчи, и вообще с их желаниями и вкусами приходится нанимателю все больше считаться.

Наниматели все больше приходят к заключению, что с прежней организацией труда, когда его низкое качество окупалось дешевизной и возможностью каждую минуту избавиться от лишних рабочих рук, ибо их всегда можно найти, — с этим невыгодным, хотя и малоподходящим для культурного хозяйства порядком, — пора кончать...

Приведенные данные о положении рынка труда на юге служат решающим показателем не только прогрессивного развития русского народного хозяйства, но и благотворного его влияния на ликвидацию явлений перенаселения в той массе черноземного крестьянства, хозяйственный кризис которого и составлял корень аграрного вопроса в России»¹.

Эти мысли отчасти подтверждает таблица 210. Как можно видеть, цены на труд всех категорий работников во все периоды сельскохозяйственных работ увеличиваются. Та же тенденция однозначно прослеживается и по отдельным губерниям, и по экономическим районам.

¹ *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 127–129.

Таблица 210

Средние цены на рабочие руки (поденная плата):
а) в период весенних посевов, б) во время сенокоса,
в) во время уборки хлебов (в копейках)

Категория работника	Виды работ	Среднее по 50 губерниям					Среднее по Новороссийскому району						
		1901–1906	1906–1910	1909–1913	1911	1912	1913	1901–1906	1906–1910	1909–1913	1911	1912	1913
Конному рабочему на своих харчах	а	[122]	145	160	158	[164]	174	167	215	241	261	239	236
	б	[133]	151	170	160	[177]	[193]	183	203	235	[224]	241	259
	в	[138]	159	184	170	190	[210]	211	204	285	277	275	306
Пешему рабочему на своих харчах	а	55	63	70	68	72	79	55	71	79	80	81	81
	б	70	81	90	85	95	[103]	85	[90]	102	114	109	107
	в	70	80	93	84	97	108	104	116	126	116	128	138
Пешему рабочему на хозяйских харчах	а	37	45	53	50	54	60	44	52	57	53	60	59
	б	[54]	61	70	67	75	81	69	74	82	83	83	86
	в	66	70	74	67	77	87	75	106	105	100	104	111
Работнице на своих харчах	а	[31]	36	44	42	46	49	40	49	54	54	58	54
	б	[40]	45	54	51	57	[60]	55	61	66	67	71	69
	в	[53]	56	63	57	66	73	75	82	87	79	89	96
Работнице на хозяйских харчах	а	[24]	27	32	31	33	36	31	35	39	40	43	40
	б	[32]	34	41	39	43	[46]	42	46	51	53	53	53
	в	[39]	46	49	45	52	58	58	66	72	68	72	74

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год шестой. СПб., 1913 С. 506–507; То же. Год десятый. Пг., 1917. С. 532–533.

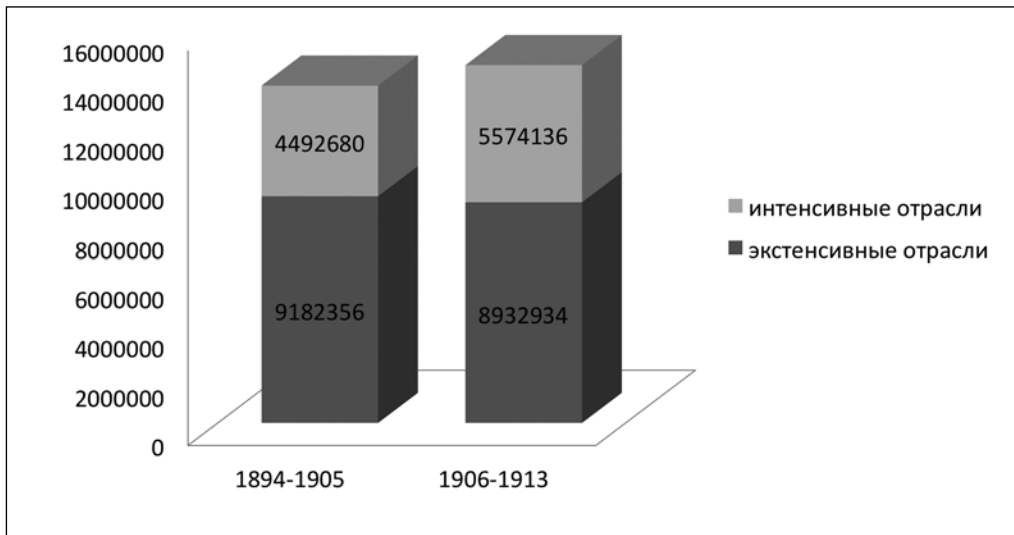

Диаграмма 33. Суммарные железнодорожные перевозки продукции экстенсивных и интенсивных отраслей сельского хозяйства в 1894–1905 и 1906–1913 гг. (тыс. пуд.).

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1899 г. СПб. Вып. 60; То же за 1913 г. Пг., 1915. Вып. 56

В итоге реформа стала важнейшим фактором промышленного подъема 1909–1913 гг.

И это было только начало. К. А. Кофод со знанием дела полагал, что землеустройство рассчитано примерно на 50 лет¹.

Разнообразные источники фиксируют, что в российской деревне началось довольно быстрое изменения трудовой этики, что вполне естественно — отношение к труду не могло не измениться после того, как крестьяне начали хозяйствовать на своей собственной земле.

Специального внимания заслуживают действия правительства. В течение 1907–1908 гг. была изменена первоначальная стратегия Столыпинской аграрной реформы. Если в 1906 г. главной задачей считалась продажа крестьянам банковских, казенных и помещичьих земель (при посредстве Крестьянского банка), а также переселение крестьян в Азиатскую Россию, то в 1908 г. стало ясно, что стержнем преобразований станет внутринадельное землеустройство.

Мы знаем, что аграрная реформа началась в условиях острого дефицита кадров; нехватка землемеров — лишь одна из сторон проблемы. Тем не менее, когда, вопреки ожиданиям, на первый план выдвинулось землеустройство, что привело к значительным изменениям в структуре преобразований, ГУЗиЗ в целом успешно справилось с этим, в невиданно короткий срок обучив тысячи землемеров.

Оно привлекло к участию в реформе тысячи представителей образованного класса самых разных политических взглядов, сделав их своими союзниками (вольными или невольными, постоянными или временными — сейчас неважно!), сумев найти общий

¹ Кофод К. А. 50 лет в России... С. 197.

знаменатель совместной деятельности — желание сдвинуть деревню «с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной».

И это позволяет говорить о значительных позитивных ресурсах правительственного механизма, о его способности мобильно перегруппироваться, перестроиться в интересах стратегической концепции реформ, несмотря на неизбежные неудачи и потери.

На момент начала Первой мировой войны в Землеустроительных комиссиях работали порядка 11–12 тыс. сотрудников¹. Численность правительственного агрономического персонала составила в 1913 г. 9935 человек (в 1909 г. их было 2810)² и 3,2 тыс. земских агрономов, свыше 800 гидротехников, а всего порядка 24 тыс. человек. Одновременно в 1913 г. в сельскохозяйственных учебных заведениях — высших, средних и низших — обучалось свыше 21 тыс. будущих специалистов по сельскому хозяйству.

Таким образом, в реализации реформы прямо и косвенно участвовали, не считая кооператоров, не менее 45 тыс. человек, что сопоставимо с численностью офицерского корпуса Российской Империи в 1914 г. (48 тыс. офицеров, врачей и чиновников). И ведь это было лишь начало³.

Следовательно, за годы реформы внутри образованного класса России сформировался слой людей, специальностью которых стало мирное переустройство российской деревни, а в более широком смысле — приобщение крестьян к новой жизни.

Такие результаты являются выдающимися в любом случае, особенно с учетом того, что в 1906–1908 гг. все начиналось буквально с нуля, с 200 землемеров и неуккомплектованных за недостатком кадров Землеустроительных комиссий. Ведь страна — по гамбургскому счету — не была готова ни к реформе, ни к тому, что преобразования примут *такой* масштаб, поскольку ее правительство вело *абсолютно* противоположную политику в течение более чем 40 лет после 1861 г.

И тем не менее, повторюсь, правительство оказалось на высоте своего положения, и конкретная история реформы неоднократно подтверждает эту мысль.

Однако за всеми этими впечатляющими цифрами нельзя забывать *главного*, того, что ими не измеряется — факта обретения 5 октября 1906 г. ста миллионами крестьян полноты гражданских прав, т. е. попросту говоря — *свободы* распоряжаться собой и своим достоянием по собственному усмотрению.

Осенью 1906 г. у десятков миллионов людей, живущих на территории, равной половине континента Европа, с самыми разнообразными природными, культурными, историческими и иными условиями, неизмеримо расширилась возможность *выбора*.

С некоторым упрощением можно сказать, что для обычного человека существуют два типа реформ, которые серьезно влияют на его жизнь. Одни просто меняют старый тип жизни на новый вне зависимости от желания самого человека. От него не зависят сами по себе такие события, как, например, решение Алексея Михайловича провести церковную реформу, как введение подушной подати Петром I или подписание Манифеста об освобождении крестьян — это принимается им как данность, как восход солнца и т. п. Хочет он того или нет — он начинает жить в меняющемся мире, он должен адаптироваться к нему (удачно или нет — сейчас неважно). Но это вторично по отношению к его волеизъявлению, — выбора у него нет. Он может только решать, как ему действовать в этом мире.

¹ РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 957, л. 2.

² ГУЗиЗ. Итоги работ ... С. 7.

³ При этом мы помним, что не все они были сторонниками реформы и деятельно поддерживали ее.

Другой вариант — Столыпинская реформа и подобные ей, когда выбор *предлагается* — обычный человек может продолжать жить так, как жил (иногда — с оговорками), а может попробовать сделать свою жизнь иной. При этом оба варианта реформ меняют старую среду обитания, но по-разному с точки зрения самого человека, с точки зрения участия его в этой новой жизни. Он может выйти из общины, а может остаться в ней, может поддаться на уговоры агронома и купить сеялку или жатку, а может проигнорировать их, может стать членом кооператива, а может думать, что это «баловство» и т. д. Но теперь он может устроить свою жизнь так, как хочется *ему*. Он волен выйти из общины на хутор или отруб, уехать в Сибирь, на шахту в Юзовку или куда угодно, продав землю за нормальные деньги, а не за бесценок шантажирующему его «миру» и т. д.

Я не хочу сказать, что счастье для крестьян могло быть только вне общины. Социальный и иной «пейзаж» для счастья — материя весьма тонкая, и здесь выбор каждый делает сам. Но одно дело — если человек может выбирать самостоятельно, и совсем другое — если выбор ему навязан вместе с присвоенным от рождения социальным статусом, как это было до реформы.

И если крестьян устраивала жизнь в общине — могли оставаться в ней, и наоборот. В реформе Столыпина не было «очередей коллективизации», не было декретированных сверху сроков и «процентов охвата колхозным движением», и не было «черных досок»¹. Выбор крестьяне могли сделать позже, выбор могли сделать их дети, но это был *их* выбор — хоть вступить в общину толстовцев.

Страна шла вперед.

С одной стороны, реформа, даровав крестьянству полноту гражданских прав, начала несколько совершенно новых процессов, таких, как укрепление наделов в собственности и тем самым — процесс мобилизации надельной земли, как землеустройство и агрономическая помощь (де-факто), а с другой стороны, она радикально укрупнила масштаб явлений, которые начались до нее, — покупку земель Крестьянского банка, организованное переселение, кооперацию, совокупным результатом чего стал новый и весьма мощный импульс, полученный стихийной интенсификацией крестьянского хозяйства, начавшейся до 1906 г.

Эти *взаимосвязанные* процессы изменили сами условия функционирования народного хозяйства Империи и знаменовали конец того самого «векового застоя», о котором писал Чаянов. Они протекали в *каждой* из 47 губерний, но, понятно, с неодинаковой интенсивностью. В силу того, что в большой мере они характеризуются количественно, мы можем оценить меру успехов той или иной губернии по данным об укреплении крестьянами земли в собственность, о землеустройстве, о площади земель, купленных у Крестьянского банка или через его посредничество, о переселении в Азиатскую Россию, о динамике мелкого кредита, о перевозках сельскохозяйственных продуктов и т. д.

Соответствующие таблицы рангов показывают, что среди губерний-лидеров чаще всего встречаются Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Киевская, Полтавская, Воронежская, Тамбовская, Саратовская, Самарская, Пермская губернии. Это губернии с повышенной экономической энергетикой, в которых фиксируется большая готовность к землеустройству, психологическая и «юридическая», высокий уровень

¹ Зеленин И. Е. Сталинская революция сверху» после «великого перелома» 1920–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 86–88 и далее.

вовлеченности в рыночные отношения, повышенный общий, если так можно выразиться, градус деловой активности населения в целом; в ряде из них земства уделяли повышенное внимание аграрному сектору и т. д.

Так, Харьковская губерния занимает 6-е место по получению сельхозмашин и орудий, 2-е — по числу всех ходатайств о землеустройстве, 1-е — по числу всех утвержденных проектов, 2-е — по числу ходатайств о личном землеустройстве, 3-е — по числу утвержденных проектов о личном землеустройстве, 8-е — по числу переселенцев, 16-е — по площади продаж Крестьянского поземельного банка, 9-е — по числу сберкнижек, 10-е — по сумме вкладов, 11-е — по числу кредитных кооперативов, 7-е — по количеству членов, 2-е — по величине оборотных средств, 11-е — по числу сельскохозяйственных обществ, 5-е — по сумме государственного промыслового налога, она 6-я по числу крестьян, реально укрепивших землю в собственность и 3-я по размерам земских ассигнований на сельское хозяйство.

В то же время Екатеринославская губерния находится на 3-й позиции по получению сельхозтехники, на 7-й — по количеству всех ходатайств о землеустройстве, на 5-й — по числу всех утвержденных проектов, на 1-й — и по числу прошений о личном землеустройстве, и по числу утвержденных проектов, на 2-й — по количеству переселенцев, на 24-й — по продажам Крестьянского банка, на 6-й — и по числу сберкнижек, и по сумме вкладов на них, на 13-й — по количеству кредитных кооперативов, на 17-й — по числу членов, на 5-й — по объему оборотных средств, на 10-й — по количеству сельскохозяйственных обществ, на 7-й — по сумме выплаченного в 1913 г. государственного промыслового налога, она 2-я по числу крестьян-укрепленцев и 1-я по земским ассигнованиям на сельское хозяйство.

Во втором — условном, понятно, — десятке находятся Область Войска Донского, Волынская, Черниговская, Курская, Смоленская, Таврическая, Орловская, Московская Тульская, Нижегородская, Бессарабская губернии.

Эти факты, с одной стороны, естественны — в реформе такого масштаба всегда есть и будут «эшелоны реформирования», т. е. лидеры и, условно говоря, пелотон.

Однако это не означает, с другой стороны, что в других частях страны жизнь осталась прежней — она изменилась везде, но не одинаково, потому что не везде перемены были в равной степени нужны и не везде были в равной степени возможны.

И было бы упрощением судить об интенсивности хода реформы только по указанным показателям институциональных перемен (при всей их важности), поскольку поле воздействия («облучения») преобразований выходило за рамки землеустройства, покупки земель у Крестьянского банка и переселения в Сибирь, не говоря о том, что благосостояние значительной части крестьян уже не было связано только с сельским хозяйством.

Землеустройства иногда приходилось ждать годами, и не во всех губерниях были равные возможности для расширения крестьянского землевладения за счет банковских земель. Переселение стало выходом для сотен тысяч, однако не для всех.

При этом реформа дала возможность улучшить жизнь и тем крестьянам, которые остались в общине и которые не пошли на землеустройство (возможно, — пока не пошли; у многих из нас есть знакомые, которые до сих пор не приватизировали квартиры).

Ведь полученная личностная свобода увеличивала вариативность экономического поведения, а развитие кооперации стала тем приводным ремнем, который позволял

реализовать эти потенции здесь и сейчас и — с большой вероятностью — повысить благосостояние.

Очевидно, что нет общей для всех 47 губерний формулы вовлеченности в реформу и общего варианта диагностики ее успешного развития.

Совокупность источников, повторюсь, приводит к выводу о том, что реформа была востребована повсеместно, однако не все ее направления для крестьян отдельных губерний были актуальны в равной степени. Это, в числе прочего, и определило неравномерное течение преобразований. Здесь многое решалось особенностями социально-экономического строя крестьянского хозяйства, сложившегося в данной местности к 1906 г., уровнем и направлением интенсификации аграрного сектора и др.

В частности, тот факт, что крестьянство великорусского Нечерноземья в целом осталось равнодушно к переселению в Сибирь, является индексом его включенности в процессы модернизации, при которых сторонние заработки отодвигают земледелие на второй план¹, с одной стороны, а с другой, показателем продвинувшейся сельскохозяйственной специализации (молочное хозяйство, овощеводство, скотоводство), при которой зерновое хозяйство занимает подчиненное положение.

Вновь напомним о важнейшей роли субъективного фактора, т. е. наличия рядом с крестьянами квалифицированных и заинтересованных «культурных кадров» (работников Землеустроительных комиссий, агрономов, кооператоров и т. д.), в развитии преобразований.

При этом нельзя забывать, что интенсификация крестьянского хозяйства началась до 1906 г., а реформа Столыпина ей «открыла шлюз», наложилась на нее.

Таблицы 211–213, как кажется, подтверждают мысль о том, что неверно было бы оценивать преобразования только по показателям укрепления земли в собственность, землеустройства, переселения и покупок земли у Крестьянского банка.

Таблица 211

**Железнодорожные перевозки свиней,
свинины и сала, яиц, битой и живой птицы в 1909–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Свины поштучно		Свинина и сало		Яйца		битая птица		птицы живые	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Полтавская	786465	Тамбовская	2871	Ярославская	6622	Тамбовская	1516	Виленская	1721
Волынская	314521	Нижегородская	1083	Воронежская	5373	Воронежская	1422	Черниговская	1445
Тамбовская	301251	Пензенская	1048	Тамбовская	4763	Донская	510	Могилевская	1122
Бессарабская	262831	Московская	1011	Казанская	4453	Курская	335	Волынская	632
Гродненская	198027	Вятская	668	Курская	4276	Саратовская	254	Херсонская	624
Херсонская	181732	Симбирская	622	Подольская	4008	Харьковская	201	Киевская	475
Подольская	156492	Рязанская	460	Киевская	3293	Рязанская	134	Полтавская	448
Минская	138813	Орловская	438	Харьковская	3076	Орловская	98	Воронежская	442
Воронежская	111908	Воронежская	431	Бессарабская	2918	Тульская	93	Тамбовская	434
Харьковская	111354	Витебская	429	Херсонская	2708	Казанская	85	Ковенская	404

¹ Замечу на полях, что лесозаготовки (и даже участие в сплаве леса) были основной работой многих десятков тысяч крестьян различных губерний, однако в историографии этот факт учитывается не слишком часто.

Окончание таблицы 211

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Киевская	109624	Пермская	270	Волынская	2498	Петербургская	73	Курская	334
Виленская	98388	Новгородская	269	Пензенская	2302	Пензенская	68	Гродненская	322
Пензенская	94770	Казанская	266	Донская	2187	Пермская	56	Харьковская	290
Саратовская	90399	Подольская	194	Орловская	2047	Ярославская	45	Витебская	228
Курская	68943	Петербургская	192	Полтавская	1864	Псковская	41	Подольская	189
Черниговская	62496	Саратовская	186	Самарская	1638	Полтавская	36	Бессарабская	184
Симбирская	53609	Псковская	184	Вятская	1593	Херсонская	33	Псковская	154
Екатеринославская	46261	Херсонская	180	Симбирская	1429	Московская	32	Донская	133
Донская	42303	Минская	176	Уфимская	1236	Симбирская	29	Саратовская	122
Нижегородская	35147	Владимирская	162	Пермская	1215	Новгородская	26	Тульская	114

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией ...; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.

Таблица 212

Железнодорожные перевозки масла, молочных скоп и свекловицы в 1909–1913 гг. и свежего молока и сливок в 1912–1913 гг. (тыс. пуд.)

Масло		Молочные скопы		Молоко и сливки		Свекловица	
Вологодская	2654	Московская	1274	Петербургская	2347	Харьковская	95890
Ярославская	1137	Ярославская	786	Московская	1528	Курская	95523
Новгородская	898	Тверская	694	Тульская	789	Подольская	89656
Тверская	643	Рязанская	656	Новгородская	591	Киевская	78292
Московская	571	Херсонская	642	Рязанская	567	Полтавская	76243
Волынская	505	Смоленская	593	Виленская	456	Черниговская	53876
Петербургская	352	Минская	516	Ковенская	387	Волынская	43916
Витебская	351	Петербургская	381	Владимирская	372	Бессарабская	36797
Нижегородская	300	Костромская	368	Витебская	343	Воронежская	16449
Ковенская	268	Бессарабская	301	Ярославская	232	Херсонская	10808
Вятская	247	Гродненская	261	Тверская	191	Тамбовская	7619
Пермская	240	Ковенская	231	Калужская	163	Тульская	2430
Гродненская	220	Витебская	190	Смоленская	155	Орловская	1482
Минская	200	Донская	176	Гродненская	130	Екатеринославская	698
Могилевская	147	Виленская	132	Псковская	111	Пензенская	308
Смоленская	145	Могилевская	114	Минская	98	Виленская	211
Уфимская	144	Подольская	104	Полтавская	87	Рязанская	200
Херсонская	143	Новгородская	99	Могилевская	73	Донская	174
Виленская	126	Нижегородская	88	Тамбовская	56	Гродненская	169
Тамбовская	120	Владимирская	87	Черниговская	39	Таврическая	100

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией ...; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.

Таблица 213

**Железнодорожные перевозки картофеля в 1909–1913 гг.,
капусты, лука, огурцов малой скоростью, а также овощей, грибов и зелени свежей
поездами большой и пассажирской скорости в 1912–1913 гг. (тыс. пуд.)**

<i>Картофель.</i>		<i>Капуста</i>		<i>Лук</i>		<i>Огурцы</i>		<i>Овощи, зелень с б.ск</i>	
Воронежская	16125	Рязанская	1720	Курская	959	Рязанская	1345	Херсонская	642,9
Тамбовская	12121	Тульская	1561	Пензенская	848	Московская	1343	Московская	442,7
Ярославская	11791	Московская	1302	Рязанская	834	Тульская	700	Донская	363,0
Тульская	11785	Донская	733	Ярославская	656	Полтавская	663	Саратовская	225,5
Подольская	11762	Тамбовская	592	Черниговская	411	Пермская	315	Екатеринославская	199,7
Курская	11125	Екатеринославская	549	Тульская	408	Ярославская	213	Петербургская	197,6
Харьковская	10305	Херсонская	366	Нижегородская	372	Калужская	171	Таврическая	189,5
Черниговская	9928	Воронежская	330	Херсонская	359	Орловская	136	Рязанская	115,8
Пензенская	7532	Владимирская	317	Уфимская	344	Тверская	136	Пермская	114,3
Киевская	6315	Харьковская	278	Тамбовская	236	Подольская	132	Ярославская	101,4
Гродненская	5307	Орловская	271	Волынская	210	Уфимская	122	Харьковская	97,7
Орловская	4510	Курская	254	Киевская	194	Черниговская	105	Полтавская	90,9
Минская	3844	Гродненская	243	Московская	180	Тамбовская	96	Тамбовская	90,6
Рязанская	3108	Пензенская	221	Подольская	161	Витебская	95	Астраханская	84,6
Полтавская	2847	Саратовская	193	Саратовская	142	Херсонская	87	Владимирская	84,4
Могилевская	2846	Калужская	184	Харьковская	140	Астраханская	85	Тверская	82,0
Екатеринославская	2711	Киевская	173	Самарская	123	Бессарабская	60	Новгородская	71,0
Херсонская	2495	Псковская	170	Воронежская	108	Смоленская	44	Киевская	67,5
Московская	2237	Ярославская	166	Екатеринославская	93	Псковская	40	Орловская	66,0
Волынская	2019	Петербургская	160	Владимирская	80	Гродненская	37	Псковская	50,0

Источник: Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией ...; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.

Таблицы 211–213 дают некоторое представление о многообразии вариантов развития аграрного сектора в отдельных губерниях и регионах страны, а значит, и крестьянского хозяйства¹, и при этом далеко не исчерпывают схожей информации, имеющейся в нашем распоряжении.

В частности, эти данные показывают, что неправильно оценивать сельское хозяйство, например, Центрально-Черноземного района только через призму зернового хозяйства.

Так, «институциональные» показатели Рязанской губернии достаточно скромны. По большинству позиций она, как правило, занимает места с 21 — го по 35-е, поднимаясь на 14-ю позицию по площади продаж Крестьянского банка, на 17-е по количеству сберкнижек и 15-е — по сумме вкладов на них. Примерно то же можно сказать и о Тульской губернии, которая, однако, имеет 17-й ранг по числу всех ходатайств и 8-й по числу всех утвержденных проектов, 12-й — по продажам Крестьянского банка.

¹ Лишь в производстве свекловицы доля помещичьего хозяйства была больше, чем крестьянского, однако доля последнего неуклонно росла. (Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией... С. 11.)

Вместе с тем по отправлению сыра в 1909–1913 гг. Рязанская губерния стоит на 4-м месте, по отправлению свежего молока и сливок в 1912–1913 гг. Тульская губерния занимает 3-ю позицию, а Рязанская — 5-ю, по отправлению картофеля в 1909–1913 гг. Тульская стоит 4-й, а Рязанская — 14-й, по отправлению капусты в 1912–1913 гг. Рязанская — лидер, а Тульская — 2-я, лука в 1912–1913 гг. — Рязанская — 3-я, Тульская — 6-я, огурцов в 1912–1913 гг. — Рязанская — 1-я, Тульская — 3-я, овощей и зелени большой скоростью в 1912–1913 гг. — Рязанская — 8-я. Другими словами, немалое число крестьян этих губерний специализировалось на снабжении Москвы молочными продуктами и овощами.

Таблицы рангов показывают, что среди 47-ми губерний нет абсолютных аутсайдеров — у каждой губернии есть достижения в каких-то сегментах народного хозяйства. К тому же в ряде случаев необходим подсчет относительных показателей, иногда серьезно корректирующих картину, которая создается абсолютными данными. Например, доля крестьянских семей, имевших сберкнижки, в Тульской и Рязанской губерниях была выше, чем в остальных губерниях региона (15–17%).

У меня не было возможности сколько-нибудь подробно говорить собственно о сельскохозяйственном производстве в рассматриваемый период.

Имеющиеся в традиционной историографии утверждения о негативном влиянии реформы на сельское хозяйство страны¹ настолько комичны, что о них не стоило бы и упоминать, если бы не новейшая активизация, так сказать, «некрасовской» («Выдь на Волгу, чей стон раздастся...») линии в отечественной историографии.

Успехи сельского хозяйства России в начале XX в. и прежде всего именно в годы реформы так очевидны, что это была вынуждена признавать даже советская историография,² которая из понятных соображений относила их за счет «кулацко-зажиточной части крестьянства», что немедленно девальвировало их в глазах читателя.

Дело, однако, отнюдь не только в уверенном росте большинства показателей развития аграрного сектора, но и в том, что за ними стояло. И здесь вполне уместно привести точку зрения А.Н. Челинцева. Выше мы познакомились с его взглядами на процессы интенсификации отечественного сельского хозяйства в 1890–1900-х гг.³ В работе «Русское сельское хозяйство перед революцией» он продолжил изучение данной проблематики и, применив довольно оригинальную методику, выделил на уровне уездов свыше 200 мелких районов, объединив их затем в 42 подрайона и, наконец, в 13 организационно-производственных районов⁴.

Автор пришел к следующим выводам: «Можно сказать, что в 1916 г. почти каждый из более интенсивных районов дал расширение на восток за счет смежных, всякий раз менее интенсивных районов. Эта подвижка границ районов с ходом времени вполне

¹ Данилов В. П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Т. Шанин (сост.). М., 1992. С. 317; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 337.

² История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. VI. С. 298–302.

³ Говоря о прогрессивных тенденциях в отечественном сельском хозяйстве, мы должны помнить, что понятие «экстенсивный» в аграрном секторе далеко не всегда является синонимом понятия «отсталый», «невыгодный» и т. п.: «Рациональным», т. е. экономически выгодным, может оказаться и экстенсивное и интенсивное хозяйство, и зерновая продукция и мясная, молочное скотоводство и племенное. И все это на одном и том же участке земли и с одними и теми же средствами производства. Все зависит здесь от сочетания и колебаний экономических и естественно-исторических условий производства. Роль сельскохозяйственного предпринимателя, таким образом, в настоящее время чрезвычайно усложнилась и выдвинулась на первый план» (Л. Н. Литовченко. Социализация земли... С. 82).

⁴ Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство... С. 65–66.

отвечает и существу признаков, по которым они выделяются как эволюционные, и направлению самой эволюции в сторону расширения незерновых трудоемких отраслей во всех случаях, когда изжита возможность расширения зерновой продукции». Если же возможность увеличить зерновое хозяйство существовала, то рост более интенсивных зерновых районов за счет экстенсивных зерновых же районов выражался в расширении посевной площади и сокращении экстенсивных отраслей животноводства (мясного скотоводства и овцеводства). Оговаривая «условность» выработанной им шкалы, исследователь уверен, что полученные им цифры «говорят нам о фактах несомненной прогрессивности крестьянского хозяйства с переходом от одного района к другому. В годы войны разница между районами сохранилась та же, что был отмечена и раньше. Реализуя организацию в направлении сокращения доли зерновой продукции и зерновых доходов, сельское хозяйство путем затраты большего количества труда и капитала получает все больший доход с единицы площади»¹.

Привлекая в подтверждение своей точки зрения также и материалы очень интересного бюджетного обследования южных уездов левобережной Украины, А. Н. Челинцев резюмирует: «Таким образом, как и по данным прежнего времени, мы констатируем тот факт, что крестьянское сельское хозяйство обнаруживает существенный прогрессивный сдвиг»².

К тем же выводам нас приводит и анализ самых разнообразных статистических материалов, в том числе и приводимые в этой книге данные о железнодорожных перевозках сельскохозяйственной продукции.

Об этом говорят и данные внешней торговли.

Таблица 214

**Экспорт сельскохозяйственной продукции в начале XX в.
(тыс. пуд. и тыс. руб.)**

Наименование товаров	1901	1906	1913	1901	1906	1913	1901	1906	1913	1901	1906	1913
	количество (тыс. пуд.)			принимая 1901 г. за 100%			ценность (тыс. руб.)			принимая 1901 г. за 100%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Продукты земледелия												
<i>Продукция экстенсивных отраслей</i>												
Всего хлебов*	436597	553847	606200	100	126,9	138,8	328173	450608	561270	100	137,3	171,0
Отруби хлебные	32403	39523	48672	100	122,0	150,2	16406	21614	32716	100	131,7	199,4
Всего							344579	472222	593986	100	137,0	172,4
<i>Продукция средне-интенсивных отраслей</i>												
Жмыхи	23561	32007	44862	100	135,8	190,4	16745	25781	38687	100	154,0	231,0
Лен, льняная кудель и пакля	10492	15981	18626	100	152,3	177,5	49894	67958	94188	100	136,2	188,8
Пенька и пеньковая пакля	3208	3456	4148	100	107,7	129,3	11295	11717	22870	100	103,7	202,5
Семена масличные	7012	10847	15266	100	154,7	217,7	11771	15109	21234	100	128,4	180,4
Семена кормовых трав	2308	3098	3594	100	134,2	155,7	4734	5478	9769	100	115,7	206,4

¹ Там же. С. 67–69.

² Там же. С. 71.

Окончание таблицы 214

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Масло растительное	121	200	470	100	165,3	388,4	638	921	2305	100	144,4	361,3
Всего							95077	126964	189053	100	133,5	198,8
<i>Продукция интенсивных отраслей</i>												
Сахар	7830	5927	8995	100	75,7	114,9	10749	19510	27559	100	181,5	256,4
Спирт (млн градусов)	41	70	286	100	170,7	697,6	563	1301	5163	100	231,1	917,1
Табак и табачные изделия	369	597	838	100	161,8	227,1	2976	5573	9939	100	187,3	334,0
Свекловица	5533	3440	5008	100	62,2	90,5	711	430	901	100	60,5	126,7
Картофель	2075	3986	4996	100	192,1	240,8	514	817	1445	100	158,9	281,1
Хмель	59	55	107	100	93,2	181,4	642	758	2173	100	118,1	338,5
Фрукты и ягоды	270	455	508	100	168,5	188,1	1040	2137	2831	100	205,5	272,2
Овощи и пряности	771	773	1008	100	100,3	130,7	966	1377	1802	100	142,5	186,5
Всего							18161	31903	51813	100	175,7	285,3
Продукция животноводства												
<i>Продукция экстенсивных отраслей</i>												
Лошади в тыс. шт.	73	122	107	100	167,1	146,6	6633	10669	13885	100	160,8	209,3
Мясо свежее, кроме свинины	51	73	341	100	143,1	668,6	266	435	2416	100	163,5	908,3
Мясо соленое, копч., кроме свиного							103	322	558			
Кожи невыделанные и шкуры	1160	2766	3363	100	238,4	289,9	12338	35968	53183	100	291,5	431,1
Шерсть	659	1177	1072	100	178,6	162,7	5622	7488	10664	100	133,2	189,7
Конский волос	106	129	139	100	121,7	131,1	2876	2337	3088	100	81,3	107,4
Кость	1762	2161	2424	100	122,6	137,6	1221	1483	1559	100	121,5	127,7
Всего							29059	58702	85353	100	202,0	293,7
<i>Продукция среднеинтенсивных и интенсивных отраслей</i>												
Боровы и свиньи в тыс. шт.	70	106	110	100	151,4	157,1	2998	4456	8677	100	148,6	289,4
Свинина свежая	202	182	229	100	90,1	113,4	1001	1113	1457	100	111,2	145,6
Мясо копченое, соленое, проч.	171	285	724	100	166,7	423,4	884	1641	5129	100	185,6	580,2
Сало	97	48	29	100	49,5	29,9	588	350	238	100	59,5	40,5
Щетина	129	138	159	100	107,0	123,3	5425	4372	8871	100	80,6	163,5
Масло	1968	3211	4763	100	163,2	242,0	26434	44812	71558	100	169,52	270,7
Молочные продукты	367	700	1028	100	190,7	280,1	576	1063	2601	100	184,55	451,56
Птица домашняя живая в тыс. шт.	8152	9358	9898	100	114,8	121,4	6735	7857	9467	100	116,7	140,6
Птица битая	477	608	807	100	127,5	169,2	2812	3647	7048	100	129,7	250,6
Яйца в млн штук	1997	2833	3572	100	141,9	178,9	35392	56157	90646	100	158,7	256,1
Всего							82845	125468	205692	100	151,4	248,3

Таблица 215

**Соотношение стоимости экспорта продукции экстенсивных
и интенсивных отраслей сельского хозяйства в начале XX в. (тыс. руб., %)**

<i>Наименование групп товаров</i>	<i>1901</i>	<i>1906</i>	<i>1913</i>	<i>1901</i>	<i>1906</i>	<i>1913</i>
Экстенсивная продукция земледелия (хлебный вывоз)	344579	472222	593986	100	137,0	172,4
Экстенсивная продукция животноводства	29059	58702	85353	100	202,0	293,7
Сумма экстенсивной продукции	373638	530924	679339	100	142,1	181,8
Всего интенсивной продукции земледелия	113238	158867	240866	100	140,3	212,7
Всего интенсивной продукции животноводства	82845	125468	205692	100	151,4	248,3
Сумма интенсивной продукции	196083	284335	446558	100	145,0	227,7
Всего продукции сельского хозяйства	569721	815259	1125897	100	143,1	197,6
Доля хлебного вывоза (экстенсивной продукции земледелия) в общем экспорте (%)	60,5	57,9	52,8			
Доля всей экстенсивной продукции (%)	65,6	65,1	60,3			
Продукция интенсивных отраслей земледелия к хлебному вывозу (%)	32,9	33,6	40,6			
Продукция интенсивных отраслей животноводства к продукции экстенсивных отраслей животноводства (%)	285,1	213,7	241			
Сумма интенсивных отраслей к сумме экстенсивных отраслей (%)	52,5	53,6	65,7			
Сумма интенсивных отраслей к хлебному вывозу (%)	56,9	60,2	75,2			

Источники: Сельское хозяйство России в XX веке. М., Новая деревня. 1923 г. С. 300–305; Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границе за 19... СПб.

Таблицы 214–215 содержат очень интересную информацию, но комментировать ее подробно сейчас нет возможности. Как можно видеть, растут и физические, и ценностные параметры всех пунктов экспорта, однако вторые, благодаря повышению цен на мировом рынке, увеличиваются быстрее. Предупреждая возможные вопросы, замечу, что в силу абсолютной доминанты мелких крестьянских хозяйств на аграрном рынке преобладающая часть продукции, фигурирующей в этих таблицах, была произведена ими.¹

Приводимые данные весьма красноречиво свидетельствуют о повышении роли вывоза продукции интенсивных отраслей сельского хозяйства в 1901–1913 гг., что, понятно, отражало общую интенсификацию сельского хозяйства. Доля продукции всех экстенсивных отраслей в общей стоимости русского сельскохозяйственного экспорта за 1901–1913 гг. снижается с 65,6% до 60,3%, а хлебного вывоза — с 60,5% до 52,8%. Тенденция вполне ясная.

Если в 1901 г. незерновая продукция земледелия составляла 32,9% стоимости хлебов и отрубей, то в 1906 г. — 33,6%, а в 1913 г. — 40,6%. Ценность всей интенсивной продукции сельского хозяйства в 1901 г. равнялась 52,5% всей экстенсивной продукции, в 1906 г. — 53,5%, а в 1913 г. приблизилась к двум третям — 65,7%, а относительно стоимости зернового экспорта увеличилась с 56,9% до 75,2%. При этом повторю, что термин «экстенсивный» в данном контексте не имеет негативной коннотации.

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 127.

Л. Н. Литошенко, перечисляя успехи отечественного сельского хозяйства и, видимо, не желая далее утомлять читателя, так резюмирует свое изложение: «Можно было бы **произвольно** увеличить число примеров и доказательств, свидетельствующих о подъеме сельского хозяйства в начале XX в. Все признаки говорили о том, что это был длительный и прочный прогресс, основанный на массовом расцвете мелкого крестьянского хозяйства.

Успехи последнего подводили фундамент и под все здание экономического благосостояния страны. Развитие покупательной силы крестьянского населения создавало платежеспособный спрос на продукты промышленности. Увеличение платежеспособности крестьянина позволяло найти точку опоры для государственных финансов. Начало XX в. отмечено не только прогрессивными течениями в сельском хозяйстве, но и пышным расцветом промышленности и ростом государственного бюджета. После долгого застоя, обусловленного по преимуществу аграрным кризисом, страна, наконец, вступила на путь несомненного экономического прогресса»¹.

Всегда полезно увидеть, как данные статистики «материализуются» в реальной жизни. Приводимый ниже пример кажется мне особенно симпатичным, тем более, что в этом тексте содержится один из вариантов общего резюме Столыпинской аграрной реформы: «Революция 1905 г. провела глубокие борозды, перепахала всю Россию, но ничего не сокрушила, не оборвала преемственности старой власти, не сломала быта, на который столетиями опиралась Россия.

Новые ростки побежали от старых корней. Народное представительство было только одним из проявлений народной энергии... **Во всех областях пошли сдвиги. Стремительно развивалось просвещение и все отрасли народного хозяйства, промышленность, банки, транспорт, земледелие. Трудно было уследить за движением, осмыслить все, что происходило в стране...**

Увлеченные столичной суматохой, они (думцы и общественники, жившие в столице — М. Д.) недооценивали того, что творится в глубине России, того, с какой быстротой налаживаются новые условия жизни. С тем большим интересом, почти волнением слушали мы доклады городских деятелей.

Особенный успех имели сибиряки. Городской голова Новониколаевска (переименован теперь в Новосибирск. — А. Т.-В.) имел большой успех. Он рассказывал, как за какие-нибудь 10 лет маленький поселок разросся в образцовый город с 200000 населения. Были разбиты сады, проложены хорошие мостовые, проведены трамваи, электричество, телефон, построены просторные общественные здания, школы, театр, комфортабельные частные дома. Маленький поселок перегнал старые города, получал все, что давала тогда передовая техническая цивилизация. Мы слушали что-то, напоминающее рассказы из американской жизни. Молодой городской голова² видел, какое он производит впечатление на слушателей, и явно гордился своим городом. Это льстило его сибирскому честолюбию. Сибиряки свой край любили и заботиться о нем умели.

Росту городов и промышленности помогала правительственная система кредитов, правильная постановка железнодорожного хозяйства... Железные дороги отлично обслуживали интересы населения и в то же время не ложились бременем на казну. Дешевые дифференциальные тарифы для пассажиров и товаров очень помогли **быстро-экономическому и просветительному росту.**

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли... С. 146–147.

² В. И. Жернаков (1878–1942) — М. Д.

Этот рост ощущался на каждом шагу, даже в нашем небольшом деревенском углу. Мужики становились зажиточнее, были лучше обуты и одеты. Пища у них стала разнообразнее, прихотливее. В деревенских лавках появились такие невиданные раньше вещи, как компот из сушеных фруктов. Правда, он стоил только 18 коп. фунт, но прежде о такой роскоши в деревне не помышляли, как не воображали, что пшеничные пироги можно печь не только в престольный праздник, но каждое воскресенье. А теперь пекли, да еще с вареньем, купленным в той же деревенской лавке. Варенье было скверное, но стоило оно 25 коп. фунт, был в нем сахар, были ягоды, все вещи, от которых под красной властью коммунистов пришлось отвыкнуть. С быстрым ростом крестьянского скотоводства и в Европейской, и в Азиатской России увеличилось производства молока и масла.

Жизнь действительно становилась обильнее, легче. В ней пробивалась всякая новизна, о которой не было помину, когда я молодой девушкой жила в Вергее. Деревенская молодежь стала грамотной. Сама по себе грамотность не вносила резкой духовной перемены в деревенский быт, т.к. потребности у учению у большинства по-прежнему не было.

Но над общим уровнем уже вставало отборное меньшинство, завелась думающая молодежь. Стали появляться деревенские интеллигенты из крестьян. Одни из них отрывались от земли, уходили в города, другие возвращались после школы в деревню и там, в родной обстановке, становились местными общественными деятелями, искали способы улучшить крестьянскую жизнь.

Правительство шло им навстречу. Уж на что у нас было принято ругать каждое министерство отдельно и все правительство в целом, но и оппозиция вынуждена была признать, что министерство земледелия хорошо работает, систематически проводит в жизнь очень разумный план поднятия крестьянского хозяйства.

Мелкий кредит, ссуды для кооперации, производительной и потребительской, опытные сельскохозяйственные станции, агрономические школы, разъездные инструктора, склады орудий, семян, искусственные удобрения, раздача племенного скота — все это быстро повышало производительность крестьянских полей. Министерство действовало не столько через своих чиновников, сколько через местных людей, земцев, крестьян»¹.

Вот так данные о перевозках грузов 5-й тарифной группы «Бакалейный, гастрономический, колониальный и кондитерские товары и пряности», в частности, пунктов Г (изюм), Д (чернослив), Е (вяленые, моченые и сушеные плоды и ягоды), И (кондитерские товары, как-то: варенья, жидкие и сухие, желе... конфекты) из столбика абстрактных цифр становятся чем-то осязаемым. С сельхозмашинами и мануфактурой в этом смысле как-то проще.

Я не хочу абсолютизировать мнение Тырковой, однако нельзя не заметить, что ее взгляд на деятельность ГУЗиЗ и весьма позитивная оценка этой деятельности, совпадает с точкой зрения Кауфмана. Приводимый выше рассказ мемуаристики о кооперации начинается непосредственно после этого фрагмента.

Конечно, несложно привести свидетельства противоположного рода, притом в изобилии, — ведь о «провале» реформы написана целая библиотека. Тут, однако, есть нюанс, который делает бессмысленным, условно говоря, соревнование — один свиде-

¹ Тыркова-Вильямс Ариадна. На путях к свободе... С. 379–381.

тель против другого. Отыскать негативную оценку положения в российской деревне в 1861–1916 гг. проще простого, а вот положительную — причем такую объемную, какую дает Тыркова, — до 1909–1910 гг., т.е. до момента, когда аграрная реформа Столыпина развернулась всерьез, полагаю, несколько сложнее.

Сама возможность появления подобных отзывов, немислимых в предшествующее время, свидетельствует о позитивном векторе развития преобразований.

Здесь на такой — в целом оптимистической — ноте и следует, видимо, закончить подведение предварительных итогов аграрной реформы Столыпина.

Подчеркну лишь снова, что у ГУЗиЗ не было ни малейшей эйфории — оно слишком хорошо осознавало масштаб проблем, которые взялось решать. Вот как, например, комментируется в «Итогах работ» рост сметы ведомства, израсходовавшего за 1909–1913 гг. 511,5 млн руб. — цифра эта, «взятая безотносительно, кажется крупной». Однако если перевести эти деньги на единицу культурной площади, то окажется, что в России в год тратится на десятину 36 коп., а в Швеции — 52 коп., в Бельгии — 1 руб., в Пруссии — в 1,33 руб., в Венгрии и Норвегии — 2 руб. и т. д.¹

Характеризуя деятельность ведомства, отчет говорит, что задачи правительства в области содействия сельскому хозяйству заключаются преимущественно «в том, чтобы обеспечить возможно широкий прилив денежных средств, людей, технических знаний на службу сельскому хозяйству России, и, что, быть может, еще важнее, **содействовать созданию для него общей, возможно более благоприятной экономической обстановки.**

В этой области за минувшее пятилетие Главным управлением выполнен ряд **подготовительных мероприятий**: увеличивались средства, объединялись и организовывались наличные местные силы, подробно выяснялся план предстоящей работы и **сделаны первые шаги** к его осуществлению. Наибольших результатов удалось пока достигнуть в районах нового землеустройства, т. е. там, где сельскохозяйственные мероприятия находили для себя прочную основу в личной поземельной собственности крестьян, раскрепощенной от общины и неизбежного в ней «равнения» по слабейшему².

Таким образом, ГУЗиЗ совершенно не обольщалось достигнутым и не страдало обычной для отечественной бюрократии во все времена «исторической болезнью» — головокружением от промежуточных успехов.

И эта сдержанность в оценке всех перечисленных выше бесспорных успехов и достижений — уже и тогда уникальных для человечества, — квалификация их лишь как итогов «подготовительного периода» была одним из залогов того, что Россия успешно пройдет тот долгий путь, на который она вступила в 1906 г.

Если, вспоминая классика, надеяться на будущее как на естественный вывод из прошлого, то у преобразования России, известного как Столыпинская аграрная реформа, несомненно, были очень масштабные перспективы.

* * *

Пока я в основном рассказывал о результатах собственных изысканий.

Вместе с тем в последние годы вышел ряд серьезных исследований, авторы которых на совершенно других материалах также приходят к выводам, противоречащим парадигме кризиса и пауперизации.

¹ ГУЗиЗ. Итоги работ... С. 5.

² Там же. С. 6.

Это, прежде всего, монография Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» (М., 2010; 2-е изд. М., 2012), первое исследование российской исторической антропометрии, а также целого ряда сюжетов, связанных с проблематикой благосостояния в целом.

В работах И. В. Поткиной¹, А. М. Маркевича и А. К. Соколова², Л. И. Бородкина, Т. Я. Валетова, Ю. Б. Смирновой, И. В. Шильниковой «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России». М., 2010.) на основании скрупулезного изучения архивов делается, в числе прочего, вывод о том, что *реальная* зарплата рабочих неуклонно росла, особенно после 1905 г. Работы С. А. Саломатиной показывают резкое ускорение процессов интеграции финансовых рынков Империи с конца 1880-х гг. и доказывают, что в начале XX века сложился достаточно эффективный банковский рынок, распространивший весь комплекс современных финансовых услуг на всю экономически активную территорию страны³.

¹ Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1817–1917. М., 2004.

² Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

³ Саломатина С. А. Инвестиционные операции коммерческих банков в дореволюционной России: поиск оптимальной модели // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012 / Под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. — М., 2012. — С. 247–292; Она же. Интеграционные процессы в банковской системе Российской империи в конце XIX в.: статистический анализ // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Вып. 8 (41) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001233-5-1> (дата обращения: 13.01.2016). DOI: 10.18254/S0001233-5-1

9. КАК НАМ ИЗМЕРИТЬ РОССИЮ

Большинство приведенных в этой книге фактов не укладываются в рамки привычного тезиса о перманентном ухудшении положения населения (крестьянства прежде всего) в пореформенное время. Вся эта информация никак не совмещается с образом страны, клонящейся к упадку, «приговоренной» к революции, обреченной на катаклизмы и т. п., а говорит ровно об обратных тенденциях.

Поскольку негативистская схема давно стала аксиомой, и попытки ее пересмотра очень часто воспринимаются на уровне покушений на систему Коперника, то это обстоятельство необходимо разъяснить.

Спорить с многочисленными свидетельствами кризиса уравнительно-передельной общины во второй половине XIX в. невозможно. Они приводятся и в данном тексте.

Однако здесь необходимо отметить как минимум два принципиальных момента. Во-первых, некорректность методики негативистской историографии, а во-вторых, факт «семантической инфляции».

1. Стандартные способы демонстрации упадка благосостояния населения после 1861 г. в большей своей части неосновательны.

Как ясно из изложенного, у нас нет ни одного источника, который позволял бы *прямо* проследить динамику благосостояния не только каждого человека в отдельности (это и сейчас нелепо), но и отдельных групп населения. Однако есть источники косвенные, и мы с ними отчасти познакомились.

Люди, как известно, очень склонны к упрощениям, к простым ответам на сложные вопросы, и вполне естественно, что это относится и к попыткам понять Историю. Когда мои студенты хотят получить от меня подобные ответы, я в ответ прошу поднять руки тех, кто считает свою жизнь простой. Рук никто не поднимает. И тогда я интересуюсь, почему же они так уверены в том, что совокупная жизнь миллионов людей описывается элементарно?

Между тем традиционная историография намеренно примитивизирует палитру исторической жизни до черно-белой гаммы. Это, понятно, проявление классового подхода, ведь социализм в целом основан на принципиальном упрощении богатства жизни. В негативистской литературе обычно выдвигается постулат, корректность которого не очевидна, например, «крестьянство ведет полуголодное существование», а затем приводится какой-нибудь пример или три примера (так, в деревне Простоквашино... и т. д.), которые якобы служат подтверждением адекватности данного тезиса для всей огромной страны.

Здесь уместно напомнить что Франция с площадью порядка 550 тыс. кв. км. справедливо считается гигантом Западной Европы. Но ведь площадь Франции — это площадь лишь **четырех** дореволюционных российских губерний из **девятиста** — Саратовской, Самарской, Оренбургской и Уфимской, суммарная территория которых составляла 480, 8 тыс. кв. верст, или 547,2 тыс. кв. км!

При этом не только каждая губерния, но нередко и отдельные уезды были целым миром со своей историей, спецификой устройства и организации жизни. Традиционная историография об этом предпочитает умалчивать, в том числе и потому, что для

ее нехитрых построений куда удобнее рассматривать Россию как пространство внутри даже не МКАД, а Садового кольца.

Попробуем представить территорию Европейской России в 5 млн кв. км, равную половине части света Европа (согласно Энциклопедическому словарю, она составляет около 10 млн кв. км). Здесь в 1861 г. в 334,5 тыс. сельских поселений проживало примерно 54 млн чел., а в 1897 г. в 591,1 тыс. сельских поселений обитало порядка 82 млн чел.¹

Понятно, что число конкретных житейских ситуаций, имевших место на этом пространстве — от Урала до Польши, от Белого моря до Каспия и от Балтики до Черного моря — приближается к бесконечности. На этих просторах всегда можно найти аргументы, для создания, условно говоря, и «Севильского цирюльника», и Реквиема. То есть, здесь нетрудно обнаружить факты, которыми можно что угодно подтвердить, и что угодно опровергнуть!

Всего два примера. Первый характеризует положение крестьянства Костромской губернии: «По характеру промысловой жизни губерния может быть разделена на три района по 4 уезда в каждом: 1) северо-западный, с населением, состоящим из отхожих промышленников, 2) северо-восточный, с населением, занятым лесными промыслами и 3) южный, с фабрично-заводским населением. Наиболее удаленным от своего хозяйства является население первого района, уходящее на все летние месяцы на заработки в столицы и оставляющее хозяйство на попечение женской половины семьи; следующим идет лесной район, где население всю зиму с половины ноября по март месяц проводит в лесу, а в ближайших к рекам селениям уходит с плотами и белянами даже до половины мая, и только в третьем районе население, занятое работою на фабриках и заводах, ведет более или менее оседлую жизнь, и, хотя урывками, но может уделять часть своего времени на ведение земледельческого хозяйства»².

Второй касается крестьян Васильковского уезда Киевской губернии: «Земледелие составляет почти исключительное занятие крестьянского населения. Южная половина уезда относится к району культуры сахарной свекловицы. Там сосредоточены 6 свеклосахарно-песочных заводов, дающих свободному местному крестьянскому населению хорошие заработки. В северной части уезда подспорьем в хозяйстве служат главным образом, заработки на разработке и возке леса в казенных дачах, заработки и службы на железной дороге, прорезывающей уезд с севера на юг с разветвлением в м. Фастове. Кроме того, развиваются отхожие промыслы. В настоящем году за 9 месяцев волостными правлениями выдано 9500 паспортов крестьянам, отправившимся на разные заработки вне пределов уезда. Кустарная промышленность, если не считать гончарного производства в 2 селениях и ткацкого в одном селении, отсутствует в уезде... В уезде, кроме уездного города с 19-тысячным населением, находятся еще 4 торговые местечка, из которых три — Фастов, Белая Церковь и Ракитно расположены по железной дороге... Местечко Белая Церковь имеет жителей свыше 50 тыс., местечко Фастов более 10 тыс. Ввиду удобного расположения железной дороги и торговых пунктов возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов вполне удовлетворительна»³.

Вопрос — как можно вывести среднее взвешенное суждение о благосостоянии со-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 291.

² Землеустройство в Костромской губернии. 1907–1912 гг. Кострома, 1913. С. 5.

³ ЦГИА Украины Ф. 442. Оп. 709. Д. 482. Ч. 2. Л. 60.

тен тысяч семей, проживавших на этих территориях? Какой источник может решить эту задачу — даже не в динамике, а на какие-то фиксированные даты?

Я привел 2 примера, а мог бы и 122. Только смысла нет.

Социально-экономические процессы такого масштаба, о котором мы говорим, в истории фиксируются на уровне статистической тенденции — больше или меньше. Поэтому и важны интегрированные показатели, а не одни лишь иллюстрации в роде деревни Простоквашино. Обойтись без них трудно, спора нет, но недопустимо основывать глобальные выводы *только* на таких примерах.

Понятно, насколько важны для потомков мнения современников, но надо ясно понимать, что не всегда они «в одну цену». Статистика не расскажет о том, как воздействовали на окружающих своим магнетизмом Петр I или Наполеон, это может сделать только очевидец. Однако очевидцы могут иметь совсем разные мнения относительно того, например, улучшилось или ухудшилось материальное положение крестьян после 1861 г., или о причинах учащения неурожая, а также и о проблеме глобального потепления. Часто это обычная иллюстрация к сюжету о стакане воды, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон. Так устроены люди.

Б. Н. Миронов анализирует материалы Комиссии Валуева¹, которая в 1872–1873 гг. провела репрезентативный массовый опрос о положении крестьянства после реформы. Все эксперты (среди них, например, были Д. И. Менделеев, будущий министр, а тогда губернатор Н. С. Абаза) высказывали суждения о той конкретной местности, которая была им знакома. Повышение благосостояния после 1861 г. фиксировали 63,2% респондентов, 28,9% отметили его понижение и 7,9% не заметили изменений. При этом иногда одни и те же люди указывали на неоднозначность изменений. «Подводя итоги, Комиссия 1872 г. отметила географию сдвигов: в северо-западных, юго-западных и южных черноземных губерниях быт и хозяйство крестьян «значительно улучшились», в малороссийских губерниях «скорее заметно направление к улучшению», в центральных нечерноземных губерниях «быт крестьян не улучшился или улучшился мало, хозяйство же или осталось на прежнем состоянии, или значительно ухудшилось» Из 73 человек, прямо ответивших на вопрос о причинах упадка крестьянского хозяйства и понижение благосостояния там, где это произошло, 42,5% указали на семейные разделы, 17,8% — на общину, 13,7% — на круговую поруку, 13,7% — на пьянство, 6,8% — на безначалие, 5,5% — на низкий уровень агротехники ввиду недостатка скота, истощения почв и т. п.»².

Важно следующее замечание Миронова: «Противоречивость изменений, происходивших в первое десятилетие после отмены крепостничества, замечалась в губерниях, в разных уездах одной губернии, в отдельных селениях одного уезда и волости и даже в пределах одного селения вследствие начавшегося расслоения крестьянства. «В Полтавской губернии крестьяне получили лучшую землю в надел; вместе с тем многие отказались от надела и получили одни усадьбы. Те и другие крестьяне резко отличаются по своему благосостоянию: крестьяне с наделом положительно богатеют, хозяйство у них идет хорошо. Это доказывается тем, что они увеличивают скотоводство, нанимают земли не из копны, а за деньги в больших имениях. Недоимок не бывает, пьянство уменьшается, а не увеличивается. Совершенно другое положение тех крестьян, ко-

¹ Высочайше учрежденная Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России под председательством министра внутренних дел П. А. Валуева.

² *Миронов Б. Н. Благосостояние населения...* С. 549–553.

торые остались с усадьбами: они ничего не имеют, и между ними развилось сильное пьянство, хозяйства у них нет никакого»¹.

Полагаю, эта информация, в числе прочего, хорошо иллюстрирует сугубую сложность анализируемых процессов и, соответственно, ограниченность сферы использования единичных примеров вне более широкого контекста. И заодно демонстрирует, насколько легковесны *однозначные* и притом как бы усредненные суждения, которые делаются по поводу такой глобальной проблемы как проблема потребления населения самой многочисленной страны Европы (и одновременно — самой большой страны мира).

Я писал уже, что средние цифры для России весьма напоминают грузовик, полученный из суммы паровоза и велосипеда, деленной пополам. В этом смысле мне нравится такой пример. В 1917 г. 52% крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т. п.»². Этот факт, безусловно, в известной степени показателен. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки земли, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи сельхозмашин и орудий 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходилось 0,2 железного плуга, а в Ставропольской — 99,4, то средняя величина и составит примерно 50%. Однако этим в принципе игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской губернии на каждые 500 сох, рал, косуль приходился всего 1 железный плуг, а в Ставропольской губернии их было в 497 раз больше³.

Россия *слишком* большая страна, чтобы всегда продуктивно описываться средними арифметическими.

Между тем народники для удобства пропаганды изобрели фикцию под названием «русский крестьянин», абстракцию такой заоблачной высоты, что впору надевать кислородную маску. Это *чересчур* сложно сочиненное среднее арифметическое вполне отражало классовое, т. е. упрощенное восприятие окружающего мира этой публикой. Фикция включает в себя, условно говоря, архангельского помора, подворника из западных губерний, крестьянина из Новороссии и Поволжья и т. д. (иногда вплоть до абхазского деда Ф. А. Искандера).

За ним, однако, маячит фигура центрально-черноземного общинника из Курской, к примеру, губернии, вобравшего в себя «все лучшее из худшего», — все отборные негативные характеристики положения каждого из перечисленных «персонажей», но не имеющего притом ничего из того позитивного, что было присуще им. Со временем этот фиктивный образ как бы материализовался и лег в основу «пессимистического» взгляда на пореформенную Россию.

Едва ли не главное, что характеризует эту фикцию — пресловутые душевые показатели потребления хлеба, получаемые в результате деления заниженного урожая на число жителей (этим сейчас активно занимается С. А. Нефедов), которые затем сопоставляются с аналогичными показателями стран Запада, из чего следует, что Россия была страной дистрофиков, а вовсе не мировой державой. К тому же — страной полуодетых дистрофиков, если привлекать сведения о душевом потреблении хлопчатобумажных тканей, например. О какой активной внешней политике могло мечтать ее правительство с такими «стартовыми характеристиками» — мне лично непонятно.

¹ Там же. С. 555.

² История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. VI. С. 299.

³ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 523.

Мне также неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах сравнительные данные душевого потребления хлеба, о проблеме сопоставимости этих сведений, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы.

Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для меня очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. В этом смысле три странички приложения к вышеупомянутой статье Н. Виноградовой об урожайной статистике мне не кажутся достаточными. И пока мы не знаем в деталях, как собирались аналогичные сведения о подушном потреблении чего угодно в Англии, Германии, в Австро-Венгрии и т. д., какая методика лежала там в основе статистических обследований, подобные сравнения нельзя считать корректными. Это все основы профессии.

Тут есть еще один нюанс. Сравнение душевых показателей потребления хлеба — не такой уж бесспорный показатель уровня удовлетворения продовольственных потребностей, как кажется на первый взгляд, еще и потому, что исходит из тезиса об идентичности структуры питания жителей разных стран, а это неверно.

Показательная иллюстрация на этот счет содержится в работе В. Г. Тюкавкина. Он приводит, в частности, данные А. А. Кауфмана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США — 7,2 пуда, в Англии — 9,4; во Франции — 12,3; в Германии — 14,2 и в России — 12 пудов на человека в год»¹. Нормы эти, по крайней мере, для России достаточно реальны, если исходить из того, что согласно Временным правилам 1900 г., вступившим в силу 1 января 1901 г., размер продовольственной ссуды не должен превышать 1 пуда зерна в месяц на взрослого человека и полупуда — на детей в возрасте до 5 лет².

Сообщая сведения Кауфмана, Тюкавкин затем тонко замечает: «Невольно вспоминаются записки одного из крупных немецких разведчиков кануна Первой мировой войны о том, что самым тяжелым бременем в его работе в Англии было ограничение в потреблении хлеба, чтобы не выделяться из окружающей среды»³.

В конце XIX — начале XX вв. душевое потребление хлеба перестает быть главным и безусловным критерием уровня потребления населения, чего и в наши дни не хотят понять адепты «голодного экспорта» и «непосильных» платежей.

С началом Первой мировой войны выяснилось, что ведомственная урожайная статистика и бесчисленные земские обследования, весьма удобные для демонстрации «язв» царского режима, не могут дать внятного ответа на один из главных для тотальной войны вопросов — каковы продовольственные потребности России?

Именно **лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915–1916 гг.** на эту тему и их усилия выяснить, сколько же хлеба потребляла и страна в целом, и отдельные губернии, равно как и кропотливая работа А. В. Чайнова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения» — один из лучших, на мой взгляд, показателей несовершенства данных урожайной статистики и бюджетных обследований. В этой работе, в частности, говорится, что, хотя «русская экономическая

¹ В. Г. Тюкавкин. Великорусское крестьянство... С. 65–70.

² Ермолов А. С. Наши неурожай... Т. 1. С. 225.

³ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство... С. 67.

литература сравнительно богата бюджетными исследованиями... к сожалению, из этого значительного количества исследований большая часть не может удовлетворить современным требованиям. Огромная часть их построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдения, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, получаемые в результате их разработки не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие построены на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»¹.

Другими словами, подавляющая часть исследований, доказывавших перманентно бедственное положение отечественного крестьянства и повлиявших на формирование мировоззрения целых поколений, на поверку оказалась агитками и была непригодна для иных целей, кроме пропагандистских.

Тем не менее, опираясь на исследования, признанные представительными, группа А. В. Чайнова провела необходимую работу, и вот каковы ее результаты: «По нашим данными душевое потребление хлеба в среднем по губерниям (без Херсонской и Олонецкой) захваченным бюджетными обследованиями равно 16 пудам хлебных продуктов (более точно 15,99).

...Обращаясь к отдельным данным по губерниям и уездам, мы видим, что потребление хлеба весьма различно, дает большие отклонения от средней, например: по Херсонскому уезду 27,46 пуд. или 171,7% от средней, по Волоколамскому уезду 11 пуд., или 68,8%. Если мы откинем эти цифры, как мало точные по методу исчисления и возьмем наиболее точные данные последних земских регистраций (по губерниям Вологодской, Вятской, Костромской, Московского у., Калужской, Тульской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Пензенской, Симбирской и др.), то и здесь отклонения от средней (для этих губерний средняя 15,62 п.) составляют: по Симбирской губ. 124% (19,45 п.), по Тульской 82% (12,77).

Даже в пределах одной губернии наблюдается большая разница в потреблении хлеба по районам губернии.

Так, например, по Костромской губернии хлеба потребляется на душу:

	<i>Всего</i>	<i>В% к среднему</i>
Район I	14,666	110,6%
Район II	11,67	88,0%
Район III	12,71	95,8%
Район IV	14,35	108,2%
В среднем по губернии	13,26	100%

Также, например, по Пензенской губернии потребление хлеба колеблется:

	<i>Всего</i>	<i>В% к среднему</i>
Район I (нечерноземн.)	15,54	109,8%
Район II (нечерноземн.)	14,22	100,5%
Район III (черноземн.)	14,4	101,6%
Район IV (черноземн.)	12,47	88,1%
В среднем по губернии	14,16	100%

¹ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 10.

Разница в потреблении хлеба зависит от различия форм экономической жизни населения, и чем резче разница в формах экономической жизни по тем или иным местностям, тем больше разницы в потреблении хлеба мы находим.

Так, если мы сравним колебания в потреблении хлеба по трем уездам Вятской губернии с более или менее однообразной экономической структурой с приведенными уже колебаниями потребления хлеба по четырем районам Костромской губернии, довольно резко отличающимся по своей экономической структуре (это резкое различие и побудило исследователей рассматривать бюджетный материал по районам, а не по уездам или по целой губернии, как то обычно делается в земской статистике), то увидим, что в Вятской губернии потребление более постоянно, а именно:

В Слободском уезде потребление хлеба 17,73 пуд. или 99,5%;

Вятском — 18,50 пуд. или 103,8;

Орловском — 17,20 пуд. или 96,5%;

Среднее по трем уездам — 17,82 пуд. или 100%;

Отсюда видно, что **средняя норма по всем губерниям имеет чисто условный характер**, зависящий от характера той совокупности губерний и уездов, которые подверглись бюджетным обследованиям.

Характерным для потребления не только хлебов, а, как увидим дальше, и других продуктов является постоянная разница по отдельным районам, обусловленная различными экономическими особенностями их. Поэтому необходимо наибольшее внимание обратить на это различие в потреблении и наблюдение правильностей и зависимости его от местных условий»¹.

Этот богатый информацией фрагмент, полагаю, наглядно показывает, насколько сомнительны и уязвимы подсчеты среднероссийского душевого потребления хлеба: «Разница в потреблении хлеба зависит от различия форм экономической жизни населения, и чем резче разница в формах экономической жизни по тем или иным местностям, тем больше разницы в потреблении хлеба мы находим...Средняя норма по всем губерниям имеет чисто условный характер».

Другими словами, это — *фикция*, точно такая же, как упомянутое выше среднее число железных плугов. *За ней нет реального содержания.* Экономические особенности регионов, прежде всего характер и величина крестьянских заработков, прямо влияя на бюджет жителей, определяли структуру их питания. И природа различий в потреблении хлеба между промышленной Костромской губернией и преимущественно земледельческими уездами Вятской губернии понятна — в Костромской крестьяне больше зарабатывали, и их питание начало меняться.

Сопоставляя полученный его группой среднегубернский показатель душевого потребления с выводами других исследователей, Чайнов высказывает крайне важную мысль, оставшуюся, по понятным причинам, незамеченной в историографии: «Сравнивая эту цифру с соответствующими цифрами других авторов, мы видим, что она ниже последних, а именно: у Н. А. Свавицкого... по 9 губерниям Европейской России на душу приходится зерновых продуктов .... 17,3 пуда; у Л. Н. Марреса... — 19,21 пуда.

Особенно велико расхождение нашей нормы с данными Л. Марреса.

Если мы обратимся к его работе, то увидим, что бюджетный материал, взятый им,

¹ Там же. С. 33–35.

собран в 70-х и 80-х годах прошлого столетия и отражает иное **построение потребления, отличное от современного**. При этом эти данные мало гарантированы от случайности: в двух случаях взято по одному бюджету, в пяти по 2 и только в шести более 10 бюджетов, Случайность некоторых данных допускает и сам Л. Н. Маррес. Несмотря на последнее обстоятельство, **все же разница полученных норм потребления хлеба (3 пуда) настолько значительна, что не может объясняться погрешностью метода и приводит нас к заключению, что потребление зерновых продуктов за последние 20–30 лет сократилось и было отчасти заменено потреблением других пищевых средств**.

Что же касается нормы, выведенной Н. А. Свавицким, то она исчислена по материалам, вошедшим и в нашу разработку. Получившееся расхождение зависит от того, что в нашей работе к данным по 9 губерниям, которыми располагал Н. А. Свавицкий, мы прибавили материалы по 9 новым работам, из которых большинство касались **районов с более низким потреблением хлебов**, благодаря чему средняя по нашей совокупности оказалась ниже средней Н. А. Свавицкого»¹.

Из сказанного следует принципиально важная для Чаянова мысль о том, что «более низкое потребление хлеба» **не является синонимом нужды**. С ней связан не менее значимый тезис о постепенных переменах в «построении потребления», о том, что «потребление зерновых продуктов за последние 20–30 лет сократилось и было отчасти заменено потреблением других пищевых средств». Понятно, почему традиционная историография проигнорировала эти тезисы.

Чаянов, разумеется, был не первым исследователем, говорившим об эволюции структуры питания. К. Ф. Головин еще в 1899 г., разбирая аргументы противников идеи перепроизводства хлеба в конце XIX в., специально останавливается на том, что показатели его ввоза в страны-потребительницы отстают от роста населения в них, и вопрошает: «Разве это сравнительное ослабление импорта доказывает недостаток хлеба на всем пространстве земного шара? Разве мы, напротив, здесь не наталкиваемся на самый узел вопроса — на коренную причину упадка цен?»

На эти вопросы он дает точный ответ: «Да, потребление хлеба в культурных странах слабеет, но не оттого, что мало производится зерна, а оттого лишь, что изменяется характер пищи.

Рост благосостояния позволяет рабочему в Западной Европе и Америке все больше потреблять овощей, мяса и молочных продуктов, а стало быть заменять хлеб пищей более сытной и вкусной. **Мы продолжаем твердить за гг. статистиками, и на основании данных, относящихся к началу 70-х годов, что в среднем на жителя Англии, Бельгии, Франции приходится в год от 19–25 пуд. муки, и чисто-сердечно ему завидуем, воображая, что чем богаче народ, тем больше он ест хлеба.**

Упускаем мы из вида лишь одно — за последнюю четверть века производство картофеля повсеместно увеличилось (а картофель дает с гектара в 10 раз больше пищевого продукта, чем любой хлеб), и что одновременно с этим, еще в больших размерах, увеличилось потребление мяса, сыра, коровьего масла, овощей и плодов. Между этим явлением и упадком цен на зерно не только причинная связь, но и взаимодействие.

Растущая бездоходность зернового хозяйства влечет за собою в Западной Европе расширение пастбищ и огородов на счет полей, а стало быть, удешевление продук-

¹ Там же. С. 33–34.

тов скотоводства и садовой культуры. По мере такого удешевления, эти продукты все более вытесняют муку из потребления бедных классов, сокращая тем самым нужду в хлебе. Вот где главная, если не единственная, причина земледельческого кризиса. И прекратится этот кризис тогда лишь, когда Запад Европы совершенно бросит хлебную культуру, обратив свои поля на производство садовых, фабричных и огородных растений, и все более расширяя площадь земель, предоставленных роскоши в виде садов и парков. Тогда, быть может, опять начнутся золотые дни и для стран менее богатых, на долю которых останется производство такого захудалого продукта, как хлеб»¹.

Головин здесь в присущей ему язвительной манере указывает на то, что время «хлебоцентристского» подхода к потреблению населения проходит, а кое-где в мире уже прошло, и отмечает общемировой вектор эволюции потребления — вытеснение муки овощами, молочными продуктами и мясом. Процесс это длительный, и хотя в России конца XIX — начала XX вв. он уже начался, но в разных регионах шел, понятно, по-разному.

Знал бы Головин, что и в начале XXI в. в России будут защищать диссертации, авторы которых «приговаривают» большую часть дореволюционного крестьянства к позижизненному существованию «на хлебе и воде»!

Еще один пример популярного в традиционной историографии сравнения, точнее «равнения на Запад». Несмотря на то, что Россия имела вторую по протяженности длину железных дорог в мире, на единицу пространства в Европейской России рельсовых путей было в 11 раз меньше, чем в Германии и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии и т. п.² Это так. Однако нельзя при этом не заметить, что площадь Германии составляла 10,4%, а Австро-Венгрии — 13,2% площади Европейской России, т. е. первая по размерам территории уступала последней в 9,6 раз, а вторая — в 7,6 раз. С учетом этого обстоятельства отставание России в протяженности рельсовой сети на единицу площади не выглядит уж таким безнадежным.

Показательно, что в 1913 г. в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской (примерно треть территории Европейской России) на площади в 1638910,5 кв. верст, в полтора раза (1,52) превышавшей суммарную площадь Германии и Австро-Венгрии, проживало порядка 11 млн чел., т. е. примерно в 10–11 раз меньше, чем в указанных странах вместе взятых.

Вопрос — нужна ли была на русском Севере и Северо-Востоке такая же разветвленная железнодорожная сеть, как в центре Европы, несколько иначе насыщенном человеческой деятельностью?

Я не оспариваю пользы такого рода сопоставлений в принципе, но хочу заметить, что они имеют ограниченную *эффективную* сферу применения.

Граница сравнений — здравый смысл. Бездумные сопоставления правды не открывают, а восприятие портят.

В этом плане и душевые сравнения опять-таки не работают так однозначно, как кажется апологетам нищей России, в силу элементарной некорректности. Например, во многих развитых странах Запада во второй половине XIX в. уже произошла модернизация, а агротехнологическая революция была в разгаре. Россия в этом отношении очень мало продвинулась со времени своего средневековья, которое отнюдь не закончилось 19 февраля 1861 г., и эта революция там начнется только со Столыпинской аграрной

¹ Головин К. Ф. Наша финансовая политика... С. 104–105.

² История СССР с древнейших времен... Т. VI. С. 576.

реформой. Можно, конечно, сравнивать результаты, условно говоря, профессиональных спортсменов и юниоров, но мне не кажется это методологически правильным. А Россия — мировая держава с точки зрения военной мощи, в других отношениях была еще «юниором», что абсолютно естественно вытекает из ее предшествующей истории. К сожалению, ей не довелось вырасти...

2. Свидетельства современников негативного характера необходимо, как говорилось, корректировать с учетом «семантической инфляции».

О том, насколько дореволюционное представление о голоде не совпадает с нашим современным можно судить по следующему примеру. До революции порядка 70–75% сахара потреблялось в виде рафинада, остальное приходилось на песок, который потребляли горожане, те, кого в источниках называли «средним классом потребителей» (крестьяне считали песок неэкономичным продуктом). Обычная разница в цене между песком и рафинадом составляла примерно рубль за пуд с тенденцией к уменьшению этой разницы. При этом в 1906–1914 гг. цены рафинада в среднем снижались на 18 коп. / пуд. ежегодно.

В 1909 г. в очередной раз распалось картельное соглашение рафинёров, то есть производителей рафинада, которые не смогли договориться о квотах производства. После этого каждый заводчик произвел рафинада столько, сколько мог и хотел. За 1909–1910 операционный год, когда не было нормировки, выработка рафинада выросла на 17% (!) в сравнении с 1908–1909 гг. и превысила, как говорят сейчас, психологический максимум в 50 млн пуд., а потребление — на 10%. Цены, понятно, значительно снизились. В то же время в стране стала ощущаться нехватка песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а, во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка более 7 млн пуд. песка.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой, рынок был буквально завален рафинадом, который дешевел с каждым днем. В № 30 еженедельного «Вестника сахарной промышленности» появилась, например, такая телеграмма из Варшавы от 22 июля 1910 г.: «На истекшей неделе на нашем рынке замечался давно не бывалый факт при продаже сахара для местного потребления. Здешние потребители, видя, что песок крупного и среднего кристалла сравнялся в цене с кусковым сахаром, стали покупать разные дешевые сорта последнего и толочь таковой на песок (для варки варенья — М. Д.). Тенденция с кусковым сахаром несколько лучше по вышеуказанной причине и спрос довольно хорош».

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом»!

Я, понятно, не хочу сопоставлять этот слегка водевильный для нас эпизод с трагедией 1891–1892 гг. (отмечу компетентное мнение Б. Н. Миронова о том, что большую часть жертв этого катаклизма унесла холера, которую не умели тогда лечить). Однако он заставляет задуматься о многом. Нельзя не отметить здесь также определенную бедность русского языка в описании такого сегмента действительности как «голод». Английский язык, например, дает куда большую дифференциацию данного понятия.

Л. Н. Толстой, чтобы точнее описать ситуации с неурожаями в 1890-х гг., прибежал к уточнению — «индийский» голод, т. е. смертный: «Если разумеешь под словом «голод» такое недоедание, вследствие которого непосредственно за недоеданием людей постигают болезни и смерть, как это, судя по описаниям, было недавно в Индии, то такого голода не было ни в 1891-м году, нет и в нынешнем»¹.

¹ Толстой Л. Н. Голод или не голод // Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 29. С. 221.

Некоторое представление о том, насколько легко и безответственно (с нашей точки зрения) употреблялся этот термин, дают следующие факты.

Например, в популярнейшей газете «Русское слово» в 1912 г. в № 80 говорится о «мануфактурном кризисе», в № 90 — о «чугунном голоде» и «лесном кризисе», в № 126 — о «чугунном голоде», в № 172 — о «нефтяном голоде», в № 238 — о «мясном кризисе», в № 239 — о «дровяном голоде», в № 248 — об «угольном голоде», в № 250 — опять о «нефтяном голоде», в № 259 — о том, что «стране грозит мясной голод, а мы снабжаем Германию дешевым мясом», в №№ 260 и 287 — вновь об «угольном голоде». В № 265 рассуждают о «борьбе с дороговизной», т. е. о «необычайном зрелище, когда крестьяне жалуются на низкие цены сельскохозяйственных продуктов, а горожане этих цен не видят». И это далеко не все. О наличии в газете постоянной рубрики «На голоде», в которой описывалась ликвидация правительством последствий неурожая 1911 г. в негативном, естественно, ключе, я и не упоминаю.

При этом напомним, что речь идет не о временах военного коммунизма, а о предпоследнем годе выдающегося экономического подъема 1909–1913 гг.!

То есть, это слово характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания.

Еще один показательный пример. Так, в официальном отчете о деятельности Отдела земельных улучшений ГУЗиЗ необходимость для отечественной хлопчатобумажной промышленности иметь собственную сырьевую базу обосновывается следующим образом: «Между тем необходимость располагать новыми районами для развития хлопководства и потребностей переселения становилась все более острой и настоятельной. Выяснилось, что на дальнейшее значительное увеличение производства столь необходимого для нашей промышленности хлопка рассчитывать в Туркестане невозможно без обращения пустующих ныне земель в культурное состояние и что заселение русскими людьми этой мусульманской окраины встречает непреодолимые затруднения в отсутствии пригодных земель».

В то же время обнаружилось, что вследствие стремления США к переработке своего хлопка в пряжу и ткани России, как и всей Европе, грозит в довольно близком будущем **хлопковый голод**.

При таких условиях вопрос об орошении новых районов как в Закавказье, так и в Средней Азии, получил крупное государственное не только экономическое, но и политическое значение¹.

Очевидно, что это совсем не тот контекст, в котором термин «голод» употребляется в русском языке с 1920-х гг.; ясно, что в конце XX — начале XXI вв. мы сформулировали бы данную мысль иначе.

Если в России конца XIX — начала XX вв. цена, положим, пуда железа вырастала на 0,2 коп. /пуд., то в стране немедленно начинался «металлический» голод. То есть, в предвоенной России это слово характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением современного понятия «дефицит», синонимом малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания. Позже, я думаю, очень многие журналисты осознали, что не нужно было некоторые слова употреблять всуе, а то ведь мысли и слова имеют тенденцию к материализации.

Вновь напомним, что «порог страданий» в конце XIX — начале XX вв. и конце XX — начале XXI вв. кардинально различаются.

¹ ГУЗиЗ. Отдел земельных улучшений... С. 74.

То есть, «пессимистические» факты не столь однозначны, как того хотелось бы традиционной историографии, и к тому же они вырваны из контекста эпохи.

Но даже и с учетом вышесказанного, оспаривать их (факты), повторюсь, невозможно.

В рамках привычного черно-белого подхода противоречия между «позитивным» и «негативным» массивами данных примирить нельзя — тут может быть правильно либо одно, либо другое.

Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники.

Указанные противоречия оказываются большей частью мнимыми, стоит только понять, что **нельзя смешивать проблему положения крестьянского хозяйства** в пореформенной уравнилельно-передельной общине **с проблемой народного благосостояния** (подобно тому, как в наши дни нельзя путать реальные доходы множества людей и те суммы, за которые они расписываются в ведомостях зарплаты). Проблемы эти, разумеется, отчасти перекрывают друг друга, но лишь отчасти, поскольку далеко не идентичны. Например, крестьянин мог мало обращать внимания на свой надел, но при этом неплохо зарабатывать. Часть хозяйств, как мы видели, не могла не деградировать в условиях уравнилельно-передельной общины, однако другая их часть развивалась достаточно успешно, не взирая на поношения со стороны земских статистиков (см. ниже).

Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и даже банальным, что, казалось бы, нет смысла говорить о нем специально. Между тем, как это ни странно на первый взгляд, в историографии подобная дифференциация отчетливо не проводится, это смешение де-факто происходит сплошь и рядом, да мы часто и не задумываемся о возможности такого взгляда на жизнь деревни!

Сам по себе отход крестьянина от своего надела на заработки традиционной историографией воспринимается как нечто аномальное, как доказательство его тяжелого материального положения. Это как если бы Робинзон начал распахивать соседний остров, не будучи в состоянии прокормиться на том, куда его определила судьба. Такова сила народнической традиции, идущей еще с дореволюционных времен. Однако почему же крестьянин не может выходить за родную околицу?

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами крестьян от ведения собственного хозяйства, т. е. количеством сельскохозяйственных продуктов, получаемых со своего надела (отсюда, кстати, вытекает одна из классических претензий русской интеллигенции к правительству — тезис о несоответствии площади крестьянских наделов размерам платежей, — как будто крестьяне давали обязательство жить только тем, что произведут в своем хозяйстве!).

Второй же показатель складывался из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков (полностью учесть которые едва ли возможно).

Динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, в статистике перевозок народнохозяйственных и потребительских грузов, статистике внешней торговли, статистике акцизных поступлений, статистике движения вкладов в сберегательных кассах, динамике роста зарплаты рабочих, статистике развития кооперации и т. д. Особо хотелось бы выделить новейшее исследование

Б. Н. Мироновым данных антропометрии — и не только!¹ Разумеется, огромное значение имеют здесь и нарративные источники.

И — взятые в комплексе — они неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской Империи, что вполне естественно.

В конце концов пора понять, что экономическая модернизация, индустриализация проходили не в вакууме, что население страны получало деньги за то, что участвовало в строительстве железных дорог, предприятий, в городском строительстве и т. д., за работу на транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере услуг, за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных, и что одновременно оно покупало эти товары!

Между тем — в полном соответствии с приведенной выше мыслью Б. Д. Бруцкуса — мы по-прежнему часто представляем себе крестьянское хозяйство только натуральным и, в отличие от С. Ю. Витте, не мыслим «русского народного хозяйства как единого целого»². Поэтому у нас в учебниках позитивная динамика роста сельскохозяйственного и промышленного производства во второй половине XIX — начале XX вв., создание в течение жизни одного поколения второй по протяженности сети железных дорог в мире, превращение еще вчера крепостнической России в одну из развитых стран мира накануне Первой Мировой войны и многое другое существуют в одном параграфе независимо от людей, создающих и потребляющих это национальное богатство, которые в соседнем параграфе живут отдельной и все более грустной жизнью. Кажется, не времена «Великого перелома» и форсированной индустриализации обсуждаются! Вот тогда действительно рост показателей (притом фальшивый, как со временем выяснилось) шел за счет многих миллионов людских жизней в прямом и переносном смысле!

Здесь *крайне важно* подчеркнуть, что старый тезис о том, что модернизация проводилась за счет крестьян, современной историографией отвергается³

Поэтому на естественный вопрос — может ли обеднение немалой, хотя отнюдь не преобладающей, части крестьянских хозяйств происходить на фоне индустриализации и фиксируемого массовыми источниками роста благосостояния населения в целом, хотя и относительно небольшого, но вполне очевидного, следует ответ — может!

Может — если мы перестанем считать, что это благосостояние определяется *только* тем, что крестьяне получают от своей земли, воображая себе пореформенное российское крестьянство как бы коллективным Робинзоном (исходя из уровня агротехники — века примерно XVII-го), который не может уйти со своего «острова»-надела, т. е. живущим в отрыве от происходивших в стране громадных перемен⁴.

¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010.

² Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 116–117.

³ См., в частности: Корелин А. П. Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России // Индустриальное наследие. Сборник материалов международной конференции. Саранск, 2005. С. 66.

⁴ Б. Д. Бруцкус писал, что «это объяснение было недостаточно даже и в 70-х гг., когда оно было формулировано; уже тогда крестьяне хозяйничали ведь не только на надельной земле, а еще на приарендованной. Тем более оно несостоятельно сейчас, когда «открылись широкие возможности для интенсификации крестьянского хозяйства, когда» крестьяне Юго-Запада и в «большой части черноземной полосы живут в значительной мере работой в чужих хозяйствах, когда население имеет разнообразные промыслы — местные и отхожие, и когда имеются целые районы промышленной полосы, в которых большинство сельского населения состоит из женщин и детей, остающихся на месте лишь потому, что в наших неблагоустроенных городах жить дорого и нездорово». (Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса... С. 7.)

Между тем буквально со школьной скамьи мы приучены к ровно противоположному взгляду, поскольку невольно являемся заложниками до сих пор неизжитой в общественном сознании **натурально-хозяйственной концепции** развития народного хозяйства — едва ли не главного источника народнической трактовки аграрного вопроса, а также и основного источника указанных противоречий¹.

Из самого термина следует, что хозяйство крестьян должно быть натуральным, как в это было в Средневековье и раннем Новом времени, что оно должно самообеспечиваться всем необходимым — и продуктами питания, и одеждой, сельскохозяйственными орудиями и т. д. и не иметь отношения к рынку.

По этой теории крестьяне **должны жить только** от дохода со своего надела, площадь которого «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что **площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни**. А поскольку этого не происходило, то именно из натурально — хозяйственной концепции вытекало массовое убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье².

Это примерно то же самое, как если бы в наши дни никто не должен был бы иметь иных источников дохода, помимо тех, которые ему дает основное место работы (например, трудиться где-нибудь еще по совместительству, сдавать квартиру и т. д.).

Естественный вопрос — а почему крестьяне были обязаны довольствоваться только тем, что им дает наделная земля?

Потому, что заработок на стороне — это форма «утонченной эксплуатации», и поэтому он неприемлем. Вот так «самобытно» в России усвоили социализм и, прежде всего, Маркса. Забавно, что все это говорится о крестьянах, которые еще недавно даром работали на барщине!

Кстати говоря, изобретенный народниками тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России³.

Отсюда же критика «вынужденных осенних продаж» — крестьяне должны вести натуральное хозяйство и круглый год есть только свой хлеб!

Сказанное требует пояснения, точнее, характеристики некоторых постулатов русского социализма. Необходимо хотя бы отчасти вникнуть в систему осмысления окружающего мира народниками, прояснить атмосферу, в которой зародились подобные взгляды, поскольку именно они породили негативистский подход к пореформенной истории России, который в модифицированном виде процветает и сегодня.

¹ По существу, в рамках социально-экономической проблематики оборот «традиционный подход(ы)» в преобладающей части вытекает именно из натурально-хозяйственной концепции.

² Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса... С. 6–7.

³ Давыдов М. А. Всероссийский рынок .... С. 360.

10. СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЛИ ПАРАФРАЗ КРЕПОСТНИЧЕСТВА?

Здесь не место разбирать происхождение теории «общинного социализма» в деталях.

Напомню лишь, что роль славянофилов и барона А. Гакстгаузена в этом процессе куда больше, чем принято считать, а Герцена — несколько меньше. Неисторики об этом знают мало, поскольку советской историографии была нужна не *правдивая*, а *правильная* родословная русского социализма.

Утопический социализм в России *беспрепятственно* распространялся с 1830-х гг., причем не только среди представителей интеллектуальной элиты, но и в различных кругах населения.

Ф. М. Достоевский, вспоминая — в контексте нечаевщины — собственный опыт приобщения к социализму, объясняет, как воспринимался социализм в России 1840-х гг. и почему он привлекал людей: «“Монстров” и “мошенников” между нами, петрашевцами, не было ни одного (из стоявших ли на эшафоте, или из тех, которые остались нетронутыми, — это всё равно). Не думаю, чтобы кто-нибудь стал опровергать это заявление мое. Что были из нас люди образованные — против этого... не будут спорить.

Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог.

Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его.

...Без сомнения, из всего этого (то есть **из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства**) произошел впоследствии социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели, покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем “будь что будет”. (Ибо по-настоящему ничего еще не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, — и вот пока вся формула политического социализма.)

Но тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете.

Действительно правда, что **зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации.**

Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, **казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества.**

Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего “обновленного мира” и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским.

Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия.

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшей далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло.

Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, **весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его,** — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться»¹.

В комментариях данный текст не нуждается. Неудивительно, что круг людей, в разной степени сочувствовавших этим идеям, далеко не исчерпывался петрашевцами. Ведь поначалу понятие «социализм» не имело сегодняшних коннотаций. Оно отнюдь не подразумевало национализации собственности, обобществления фабрик и заводов, командно-административной системы и т. д. И в теории определенно не предполагало возможность появления таких социалистов, как Ленин, Сталин, Троцкий, Мао и Пол Пот. Хотя в реальной жизни уже встречались Белинский и Бакунин, а чуть позже — Нечаев и Ткачев.

Речь шла о том, что окружающий мир ужасен, и человечество нуждается в другой жизни, справедливой, без эксплуатации и ужасов раннего капитализма. Но кто же знал, что он ранний? В. М. Вильчек как-то великолепно сказал, что заря капитализма была такой мрачной, что Маркс ее принял за закат.

Революции 1848–1849 гг. продемонстрировали, что сказки социалистов-утопистов отнюдь не так безобидны, как долго всем казалось.

Однако Герцен, который в недобрый для России час был выпущен за границу, итогами этих революций, как написано в любой книжке, оказался смертельно разочарован и от этого изобрел «общинный социализм» (М. Малиа убедительно доказывает, что и здесь не все так просто²).

Этому «разочарованию Герцена» в истории русского революционного движения и общественной мысли «в сопоставимых ценах» придается не меньшее значение, чем в истории Великих географических открытий — плаваниям Колумба и Магеллана, вместе взятым. Во всяком случае, пафоса при его описании тратится никак не меньше.

Судьбоносные теории рождаются по-разному. Это я к тому, что теория, в конечном счете искалечившая историю России, — таково мое твердое убеждение — а попутно и неисчислимое множество судеб во всем мире, родилась не в результате просветления личности масштаба Франциска Ассизского, Лютера или протопопы Аввакума. Принято считать, что она — результат всего-то «разочарования» ну очень свободолобивого и взбалмошного русского барина, грезившего о материализации «мечтательного бреда» и обманутого в своих ожиданиях, человека в своем роде очень яркого и литературно одаренного, но не более того, и уж никак не годящегося на роль апостола. Как мне

¹ Достоевский Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки. М. Т. 1. 1845–1875. С. 409–411.

² Малиа Мартин. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010.

кажется, этот факт, наряду с тем, что крестьяне Петрашевского сожгли построенный им для них фаланстер, также может быть одним из эпиграфов к судьбе социализма в России.

Поскольку Герцен уже к 1848 г. стал законченным анархистом, то его идеалом была свободная федерация самоуправляющихся общин, «коммун» и т. п. Только она могла разрешить главное, по его мнению, противоречие из существующих — между личностью и обществом. Как и большинство социалистов, он пытался убедить человечество, начиная с себя, в том, что в коллективе возможно свободное гармоничное развитие личности (отцу явно следовало в свое время отдать его в кадетский корпус!).

И поэтому Герцен хотел не трансформации, а *ликвидации государства* в принципе — как явления мироздания.

Он совершенно справедливо пришел к выводу о том, что «умирающей», «пережившей себя» Европе *такого* «дивного нового мира» не построить. В частности, потому, что, по его мнению, она — эпицентр мировой буржуазности и мещанства, которые в придуманном им светлом будущем не предусмотрены.

Европейцы, слишком привязанные к своему прошлому, в принципе не могут спасти мир от этой беды, поскольку даже пролетарии (не говоря о буржуазии) сами являются мещанами. Другими словами, вместо того, чтобы 25 часов в сутки думать о вечном и высоком, о преображении человечества в отсутствие государства, они всего лишь хотят завтра жить лучше с точки зрения материальной, чем живут сегодня, а о счастье человечества думают только на митингах. В глазах весьма состоятельного джентльмена А. И. Герцена, в жизни не державшего в руках ничего тяжелее охотничьего ружья и саквояжа, это было пошло и низко.

Пережив это тяжелейшее, невыразимое разочарование (считается, что он был близок к суициду, но это нужно исследовать тщательнее), Герцен вспомнил об идеях славянофилов и Гакстгаузена и решил — вопреки прежнему своему мнению, — что они правы, утверждая, что в русской уравнительно-передельной общине уже воплощены те идеалы эгалитаризма, демократии и пр., о водворении которых в обществе «грезят» социалисты Запада. Эта перемена произошла с ним после чтения двух первых томов сочинения Гакстгаузена¹. Перед его взором, как он сообщает, забрезжила «едва заметная полоска на востоке, намекающая на дальнейшее утро, перед наступлением которого разразится не одна туча»².

То, что для Европы является лишь мечтой — отношения равенства между людьми — писал он, «для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству».

Поскольку от светлого будущего — от социализма — человечеству не уйти, то, по Герцену, именно синтез западных социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и оживит дряхлеющую западную цивилизацию.

Европу своей «молодой кровью» обновит Россия — таков отныне его вердикт (Маркс не раз со вкусом издевался над этими мечтами).

Конечно, Запад придумал социализм, но ему не дано его воплотить в жизнь без Рос-

¹ Дружинин Н. М. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы... С. 441.

² Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. М., 1954, Т. 2. С. 281–282. Читая подобные строки Герцена, лично я всегда сожалел о том, что он не стал путешественником. Ведь Д. Ливингстон всего на год моложе его! Какими африканскими пейзажами, какими описаниями восходов и закатов мы обогатились бы!...

сии, которая «станет Иисусом для европейского Моисея и введет человечество и землю обетованную, которую пожилому пророку было позволено видеть только издалека»¹.

Таким образом, Герцен решил, что ни тяжелейшая русская история, ни века крепостного права не отразились на душевных качествах народа, в силу чего только «в русском народе скрыта потенция новой, лучшей, не мещанской, не буржуазной жизни». Он «видит эти потенции в русском мужике, в сером мужицком тулупе, в крестьянской общине. В русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности»². Воистину — Руссо живее всех живых!

Эти неотразимые аргументы позволили ему сделать вывод, что русская уравни-тельно-передельная община спасет мир — на меньшее, как водится, он согласен не был.

Именно Россия, по Герцену, призвана «сыграть роль зачинщика и вождя в социальном перевороте; порукою в этом была ему необремененность русской психики, ее варварская свежесть — и глубоко коренящееся в русском народе сознание его права на землю, **этот как бы врожденный социализм**.

...Он был убежден, что движение пойдет от нивы, от деревни, и что децентрализация будет первым признаком нашего переворота; на этом и основывалась его уверенность в том, что у нас не будет места французскому террору—явлению чисто городскому—да еще на том, что французам приходилось на место окрепнувшего веками воздвигать совершенно новое, тогда как наш переворот будет не чем иным, как сознательным возвращением к исконным народным началам, к провозглашению земли неотъемлемой стихией. **Но наш мужицкий переворот должен зажечь всю Европу**, и конец современному миру наступит тогда, когда русский крестьянин переключится с западным пролетарием-рабочим, и они поймут, что у них, собственно, одно дело»³.

Такое вот «слабое звено» в цепи всемирного мещанства.

Такие вот мечты о мировой революции в XIX в., которую миру принесет Россия, — при живом Марксе и задолго до рождения Ленина.

Такая вот запланированная победа гуманизма «черного передела» над ужасами гильотины...

Есть ли смысл комментировать утопии? Ведь здравомыслие и прагматизм жанром волшебной сказки отнюдь не предусмотрены. Вот только, когда целые поколения рождаются, чтобы сделать былью сказку, придуманную когда-то безответственными идеалистами, как правило, происходят трагические повороты мировой истории.

Оценку Бакуниным общины и общинных восторгов Герцена и Огарева мы уже знаем. А вот как оценил эти конструкции Герцена С. Н. Булгаков: «Что противопоставлял Герцен европейскому мещанству, которое его так глубоко оскорбляло, и почему он считал Россию призванною осуществить идеи Запада? Ответ поражает своей несообразностью, своим несоответствием вопросу, и в этом опять сказывается вся ограниченность мировоззрения Герцена: **потому, что в России сохранилась всеми правдами и неправдами поземельная община и признание в ней права всех на землю (как известно, признание довольно проблематическое)**.

Таким образом, огромная нравственная проблема, мировой вопрос в полном смысле

¹ *Малла Мартин*. Александр Герцен ... С. 419.

² *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 29–30.

³ *Гершензон О. М.* Социально-политические взгляды Герцена М. 1906. С. 13–14.

слова, вопрос о возможности настоящей, т. е. не мещанской, цивилизации унижается, вульгаризуется таким до детскости наивным и до мещанства материалистическим ответом. В этом фатальном несоответствии вопроса и ответа, размаха и удара есть что-то поистине трагическое...

Герцен снова и со всей силою ударяется головой о границы своего позитивного мирозерцания, которое слишком тесно для его запросов... Герцен — это Прометей, прикованный или, вернее, сам себя приковавший к бесплодной скале позитивизма, и каждый умственный его полет, смутное влечение в запредельные сферы только более дает чувствовать цепи здравого смысла, посредством которого Герцен хотел решать все вопросы быта. Философия Герцена ниже его личности, умственный мещанин, резонер здравого смысла, душит Прометея, постоянно палимого тем внутренним огнем, который был похищен им с неба.

В этом несоответствии мировоззрения духовным запросам личности, которая не может, однако, преодолеть его изнутри, и состоит душевная драма Герцена¹.

Здесь все сказано правильно. Позволю, однако, ремарку. «Душевная драма» Герцена состоит, на мой взгляд, все же в том, что этот «Прометей» «похищенный с неба» «огонь» в конечном счете зажег под крематорием. И, кажется, успел это осознать, познакомившись с Чернышевским и Нечаевым.

Был ли он искренен? Едва ли. Во всяком случае, многие, из знавших его лично, сомневались в этом. Было во всей этой затее с «общинным социализмом» нечто, отдающее интеллектуальной ноздревщиной вкуче с хлестаковщиной. Как показывает Малия, ему крайне важно было утвердить себя в качестве Большого революционера в политэмигрантском «Интернационале», и наличие в России якобы зародыша социализма в виде общины как бы повышало его статус. Он и сам касается этой темы в «Былом и Думах».

Б. Н. Чичерин пишет: «Как утопающий хватается за соломинку, он принялся возвеличивать русскую общину, в которой усматривал смутный зародыш какого-то социалистического будущего, тем самым сближался с славянофилами; но сам он ей не верил и в откровенные минуты признавался, что кидает пыль в глаза своим европейским друзьям»². В. И. Герье сообщает такой факт: «Интересен в этом отношении рассказ, переданный мне очевидцем. В самом начале 60-х годов у Герцена, в Ницце, собрались однажды корифеи тогдашнего революционного движения — Маццини, Орсини и др. Речь зашла о социализме, о его надеждах и видах на будущее за границей. Герцен с своей стороны указал на то, что и Россия может примкнуть к этому движению, в ней уже есть готовые организации — это ее сельские общины. — “La russie a la commune”. И сказав это, он обернулся к своему соотечественнику со словами: «Им все можно говорить, они ничего не знают о России». Эти слова и пренебрежительное выражение лица, которым они сопровождались, показывают, что Герцен относился довольно скептически к своему парадоксу.

Но в России парадоксу верили и социалистические вождения в русском обществе немало способствовали культу общины»³.

Основав Вольную типографию, он внезапно действительно стал (до 1863 г.) чрезвычайно значимой фигурой в жизни России и, как известно, использовал свое исключительное, совершенно уникальное положение и влияние во вред собственной стране,

¹ Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена. Киев, 1905 г. С. 42–43.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 391.

³ Герье В. И. Второе раскрытие... С. 8.

которая была еще слишком слаба интеллектуально, чтобы сопротивляться обаянию талантливо излагаемой красивой сказки.

Современник вспоминал позже: «К концу 1856 года, когда успокоились все волнения коронации, небо стало хмуриться и воздух стал грязниться... Это было начало, зародыш той эпохи, — увы! — долголетней и смутной, которая столько горя принесла России наравне со столькими благими намерениями. Началась совсем новая политическая жизнь. Забыт был Николай I, забыты были святые страды Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то нового. Это новое, смешно вспомнить, был Герцен...

Явился новый страх — Герцен; явилась новая служебная совесть — Герцен; явился новый идеал — Герцен. Герцен основал эпоху обличения. Это обличение стало болезнью времени ... Едва мы выходили из училища, то начинали слышать разговоры о Герцене; в военно-учебных заведениях... Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню при встрече с юнкерами-сверстниками разговоры о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов... во всех министерствах забили тревогу; везде явились корреспонденты Герцена из министерства... знали, что Герцен имеет читателей в Зимнем дворце»¹.

Разумеется, **явно** идейное размежевание внутри общества, начавшееся фактически с самого начала нового царствования, от Герцена не зависело, но его деятельность очень серьезно укрупнила масштабы этого процесса. Во многом именно его стараниями понятия «критика»/«обличение» и «передовое мышление» в пореформенной России вплоть до отречения Николая II стали синонимами. Адекватно воспринимать значение совершающихся колоссальных преобразований Александра II и лояльно к ним относиться означало быть не «передовым». Правительство стало модно поносить, обвинять в неискренности и с нетерпением ждать, когда оно проявит свою истинную крепостническую сущность.

В большой мере публицистика Герцена способствовала тому, что негативные оценки прошлого по инерции переносились на новые, еще неокрепшие тенденции развития общества, нуждающиеся в дружной поддержке, в заботе здоровой части этого общества, а не в превентивной (по принципу «все, что исходит от правительства — априори плохо») и часто несправедливой критике.

«Герценский террор», как и неслыханное ослабление цензурного режима, с одной стороны, в большой степени инициировал пропаганду Чернышевского, Добролюбова, Писарева и К^о, и, соответственно, резкую радикализацию части «революционной демократии» еще до 19 февраля 1861 г. С другой стороны, он провоцировал и значительный рост оппозиционных настроений внутри дворянства, в массе недовольного грядущей отменой крепостного права и поэтому приветствовавшего «обличение» правительства, откуда бы оно не исходило, пусть даже от социалиста Герцена. Здесь «критика слева» смыкалась с «критикой справа».

У меня нет возможности подробно говорить о причинах эпидемического распространения социализма в пореформенной России, в котором Герцен сыграл ключевую роль. Однако следует, полагаю, заметить следующее.

Во время больших исторических переломов людям особенно необходимо то, что сейчас не вполне точно именуют «национальной идеей», т. е. **понимание** важности и ценности **смысла своей жизни в контексте настоящего и будущего своей страны**.

¹ Мецгерский В. П. Воспоминания. М., 2001. Захаров. С. 39–40.

Для здоровой части общества такой идеей стало участие в обновлении России, по своей воле начатом императором Александром II, (притом, что большая часть общества, выпущенного императором «на волю», психологически оказалась к этому не слишком готова — по разным причинам она, конечно, была одновременно растеряна и взбудоражена; тут уместна аналогия с перестройкой М. С. Горбачева).

Великие реформы создали в стране принципиально новую ситуацию, позволяя России взять **капитальный** реванш у Истории, и множество русских людей не на словах, а на деле поддержали Александра II в этом намерении. Иначе преобразования не прошли бы так спокойно и уверенно (напомню, что в те же годы шла Гражданская война в США, унесшая свыше полумиллиона жизней!).

Однако для немалого числа образованных людей, не только разночинцев, но и дворян, **«национальной идеей» стал социализм.**

«Просто» строить Новую Россию, в которой начался переход к общегражданскому строю, им было скучно и неинтересно. Хотелось чего-то необычайного, неведомого (здесь также уместна аналогия с перестройкой). Общечеловеческие ценности для этих людей были слишком обыденны, они отдавали мещанством, как его понимал Герцен, и априори проигрывали теории, сулившей райское будущее, будь она хоть трижды надуманной, однако красивой, романтической и т. п.

Великая реформа, как известно, была победой бюрократии над дворянством, и «победитель», прямо скажем, не был ни тактичен, ни великодушен по отношению к побежденному. Дворянству просто было велено смириться — как это уже не раз бывало в русской истории. Оно и смирилось, но «обида 1861 г.» оттолкнула большую часть образованного класса от власти и стала важным фактором неприятия последней правительственной политики (и опять-таки вспоминаются настроения общества в начале 1990-х гг. !)

Выше говорилось, что для подавляющего большинства умевших читать жителей страны путь Европы, путь «капиталистический», «мещанский», был априори неприемлем. Социализм в России в немалой степени и был популярен от того, что у нас еще при Николае I слишком сильно впечатлились западной критикой капитализма (уже А. С. Пушкин сострадал не своим крепостным, а рабочим условных господ «Смита» и «Джаксона»), а затем революциями 1848–1849 гг. В силу этого либерализм, породивший «мир капитала», был загодя скомпрометирован в глазах людей, имевших о нем чуть большее представление, чем об истоках Амазонки. Да и велики ли были в насквозь крепостнической стране резервы для либерализма?

При этом малообразованное, несамостоятельное в интеллектуальном плане русское общество не имело опыта верификации чужих учений — чужих не потому только, что были изобретены не в Воронеже или Брянске, но и потому, что они исходили из условий **иной, чужой жизни**, которых русские люди не знали и не понимали, но почему-то думали, что выводы, сделанные из них, **всегда** имеют к ним отношение.

Теперь можно задать очень непростой вопрос о том, почему пропаганда Герцена имела такой успех? Мои ответы располагаются не по степени значимости (и, конечно, не исчерпывают сюжета).

Во-первых, Сен-Симон и др. мечтали сделать совершенным чужой мир, а Герцену удалось создать в полном смысле слова «завлекательную», к тому же патриотически ориентированную теорию, которая не просто обещала устроить в России земной рай, но и превращала ее мирового лидера в движении человечества в эти «райские кущи», т. е. к социализму. О мере ее реалистичности никто не думал.

Во-вторых, Герцен-обличитель самодержавия и Герцен-социалист для многих были неразделимы. Поскольку правдивость его критики режима Николая I сомнений не вызывала (и даже в Зимнем дворце), то это заодно как бы сообщало ореол достоверности и его «нелепым социалистическим статьям» (Б. Н. Чичерин) и во многом обеспечило успех его писаниям, которые воспринимались тем охотнее, что имели все признаки запретного плода.

В-третьих, часть ответа, полагаю, содержится в следующих мыслях В. А. Маклакова: «Одному самодержавию казалось под силу «освободить с землей крестьян», избежав пугачевщины. Но после осуществления Великих Реформ, в рамках обновленного строя, сама практика жизни должна была естественно вести к завершению всего, что тогда было начато; на это и надеялись лучшие люди этого времени.

Но жизнь не развивается прямолинейно.

Радикальные реформы всегда опасный момент: когда они начинаются, **от них требуют большего, чем они могут дать**. Сдержанное ранее нетерпение пробивается бурно наружу.

Когда преемник самого законченного из самодержцев Николая I начал эру Реформ, **накопленное против порядков его отца озлобление развязало внизу революционные настроения и дерзания**.

Александр II заплатил своей жизнью не за свои ошибки и колебания, а за политику своего отца. В этом заключается справедливость безличной истории. Ни что в мире не пропадает бесследно»¹.

Полагаю, рассуждения В. А. Маклакова во многом безжалостно точны.

Наличие социалистической программы канализировало это озлобление, поскольку она указывала множеству из недовольных людей «правильное» направление, давала «четкие» ориентиры и пр. Теперь было понятно, к чему должен стремиться «каждый честный человек». Сразу стали ясны очень важные для молодых людей вещи — ради чего стоит и нужно жить и кого необходимо спасать. Жить надо ради свержения самодержавия, а спасать — крестьянство, «ограбленное» в 1861 г. Социализм действительно стал настоящим оружием.

Б. Н. Чичерин писал, что именно «агитация и пропаганда» Герцена «подействовала на целое поколение как губительная, противуестественная привычка, привитая к молодому организму, еще не успевшему сложиться и окрепнуть».

И тот факт, что новые кумиры, на становление взглядов которых Герцен сильно повлиял, — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов — вскоре будут фактически издеваться над ним, ничего не меняет. «Нам не дано предугадать...». Дело было сделано, он выпустил джинна из бутылки, и вирус начал распространяться беспрепятственно.

Очевидно, что какая-то аудитория у Герцена была по определению (недовольные есть всегда и везде), притом же знакомая с социализмом — социалистическая литература с 1830-х гг. чуть ли не свободно стояла в книжных лавках, выписывалась и т. д. (стоило запрещать «Медного всадника»?!). Николай I не смог, да и не мог отгородиться от остального мира. Мощный натиск социальных низов повсюду в Европе не мог оставить равнодушными людей и в России, потому что неправды и несправедливости тут было как минимум не меньше.

Если богатый помещик Б. Н. Чичерин, родившийся в 1828 г., активно приветствовал социализм, пока не началась бойня в Париже 1848 г., то как эту теорию должен

¹ Маклаков Василий. Воспоминания. 1880–1917 М., 2006. С. 255.

был воспринимать его ровесник Чернышевский или отстоящий на полпоколения Добролюбов (родился в 1836 г.), не имевшие его карьерных перспектив? Понятно при этом, что к такого рода мотивам все свести нельзя, но и не учитывать их невозможно — слишком много людей, у которых не было иных способностей, кроме дара демагогии и умения красиво говорить, так часто принимаемого за управленческий талант, за последние полтора-два десятилетия превратились в исторических деятелей. С. Ю. Витте, кстати, был неважным оратором, хотя убеждать умел.

Особо следует остановиться на том печальном обстоятельстве, что русский социализм — это парафраз крепостничества.

Социализм стал формой компенсации крепостнического сознания умеющих читать русских людей.

Деспотический режим формирует у подданных ***вне зависимости от социального статуса и материального положения*** сознание, которое я склонен назвать крепостническим. Такое мирозерцание не представляет окружающий мир как мир, где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства» (С. Р. Воронцов). Носители подобного сознания осмысливают действительность в дихотомии безоговорочное «господство/подчинение», «рабовладелец/раб», «начальник/подчиненные» и т. п. Они непременно должны кем-то управлять, руководить, командовать. Достоевский гениально раскрыл это в понятии шигалевщины.

Поэтому социализм удивительно комфортно укладывался в такие коренные особенности психологии и мышления российского дворянства, не говоря о ***разночинцах***, как крайне низкий уровень правосознания, как восприятие низших классов в качестве, цитируя Витте, чего-то среднего между людьми и скотом, как «полудетей», «которых следует опекать», которыми нужно руководить и т. д.

После 1855 г. на авансцену выступила оппозиция принципиально другого свойства, нежели либералы 40-х годов, — разночинская, провозвестником которой во многом был Белинский, а глашатаями стали, прежде всего, Чернышевский и Ко. Сперанскими дано быть не всем, и разночинцев категорически не устраивала перспектива, уготованная им системой Николая I, сулившая большинству из них прозябание на социальных задворках, получение — в лучшем случае — низших классов Табели о рангах.

Эти «новые русские» были куда менее культурными и образованными, чем поколение западников и славянофилов. Тем не менее будущее было за ними, потому что, по словам К. Ф. Головина, «ничего нет опаснее для общества, как туманные мечтания о каком-то земном рае, где бы ни искали его прототипа, в сомнительном прошлом или в неосуществимом будущем. Оппозиция, не умеющая формулировать своих желаний (т. е. либералы 40-х годов — М. Д.), неминуемо обречена стать жертвой тех людей, у которых желания эти идут всего дальше, т. е. прямо требуют ниспровержения всего существующего... Когда севастопольский погром привел само правительство к убеждению, что надо приступить к коренным преобразованиям и с этой целью освободить общество от печати молчания, оказалось сразу, что за спиной фрондирующего дворянства с его отчасти маниловскими грезами успело вырасти нечто совсем иное, более определенно-реальное в своих требованиях — сложился с поразительной быстротой образованный разночинец, так называемый «интеллигент», успевший пройти через школу, но не усвоивший себе заодно со знанием и культуру.

Этот интеллигент выступил на сцену очень решительно, сразу выбрасывая за борт не только все существующее, но и проекты его реформировать, и все дворянско-оппозиционное направление 40-х годов. Ему надо было совершенно иного, чего не имелось вовсе ни в прошлом, ни в настоящем России, не отмены только крепостного права и невозможных судебных порядков, не реформы административного строя, с введением в него местного представительства, а полного непосредственного демократизма с фактическим господством людей, проводивших известное число лет на школьной скамье»¹.

Под «полным непосредственным демократизмом» Головин имеет в виду радикальное расширение доступа во властные структуры этих «новых русских», т. е. интеллигенто-разночинцев. Реформы Александра II им были априори неинтересны. **Им действительно были не нужны никакие улучшения Старой России, их не устроили бы никакие преобразования**, в том числе и трижды Великие. Им требовалась «кормовая территория», своего рода мандариат, в которой они заняли бы место нынешней элиты.

Правительство долго не понимало, откуда исходит главная опасность, и давало чернышевским и писаревым возможность беспрепятственной агитации, считая, что угрожает ему сопротивление дворянства. Такая позиция Власти понятна, она исходила из исторического опыта. А это был новый вызов.

Среди интеллигентов были и дворяне, и разночинцы, что внятно говорит о размытости наших социальных критериев, опять-таки идущей от народнической традиции.

Социализм был самым подходящим средством достижения их целей, что не отрицает, понятно, наличия «идеалистической» составляющей в деятельности множества конкретных людей; данные сюжеты многократно обсуждались в литературе.

Вот что писал об этом Ф. М. Достоевский М. Н. Каткову 25 апреля 1866, вскоре после покушения Каракозова на Александра II: «Учение (т. е. идея социалистов — М. Д.) «встряхнуть все за четыре угла скатерти», чтоб, по крайней мере, была *tabula rasa* для действия — корней не требует. Все нигилисты суть социалисты.

Социализм (а особенно в русской переделке) — именно требует отрезания всех связей. Ведь они совершенно уверены, что на *tabula rasa* они тотчас выстроят рай. Фурье ведь был же уверен, что стоит построить одну фаланстеру, и весь мир тотчас же покроется фаланстерами: это его слова. А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить, и он тотчас же убедит его обратиться в социализм.

У наших же, у русских бедненьких беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой вечно пребывающий **основной** пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно: энтузиазм к добру и чистота их сердец. Мошенников и пакостников между ними бездна. Но все эти гимназистики, студентики, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они совершенно беззащитны против этих нелепостей и принимают их как совершенство. Здравая наука, разумеется, все искоренит. Но когда **еще** она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? И, наконец: здравая наука, хоть и укоренится, не так скоро истребит плевела, потому что здравая наука — все еще только наука, а не непосредственный вид гражданской и общественной деятельности. А ведь бедняжки убеждены, что нигилизм — дает им самое полное проявление их гражданской и общественной деятельности и свободы»².

¹ Головин К. Ф. Вне партий. Опыт политической психологии. СПб., 1905. С. 289–290.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 томах. СПб., 1996. Т. 15. С. 282–283.

При определенных условиях вывернуть сознание молодежи наизнанку было не сложно во все времена. Сколько тысяч «русских беденьких беззащитных мальчиков и девочек» с их «энтузиазм к добру» и с «чистотой их сердец» было навсегда искалечено человеконенавистнической пропагандой Герцена, Чернышевского, Писарева и их последышей!

Что принесли светила отечественного нигилизма в наш мир, можно понять из характеристики Н. А. Бердяевым предтечи этих людей, Белинского, который, по его мнению, «может быть, первый выразил тип революционной интеллигенции и в конце своей жизни формулировал основные принципы ее мирозозерцания, которые потом развивались в 60-е и 70-е годы... По душевной своей структуре он имел в себе типически интеллигентские черты, он был нетерпимым фанатиком, склонен к сектантству, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал в себе мировоззрение не из потребности чистого знания, а для обоснования своих стремлений к лучшему, более справедливому социальному строю...

Белинский проникается, по его собственным словам, **Маратовской любовью к человечеству**. «Страшный я человек, пишет Белинский, когда в мою голову забивается какая-нибудь мистическая нелепость». Таков вообще русский человек, в его голову часто «забивается какая-нибудь мистическая нелепость»... Очень замечательны эти слова Белинского.

Из сострадания к людям Белинский готов проповедывать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. **Белинский — предшественник большевистской морали.** Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. **Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости.** Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных»¹.

Как все это похоже на Нечаева, Ткачева, Ленина, Сталина, Троцкого — далее по списку....

В этом мировоззрении интеллигенции поразительно оправдание «тиранства и жестокости» состраданием к людям, этот уродливый симбиоз деспотизма и классовой якобы справедливости, понимаемой как тривиальная уравниловка. И одновременно — феноменальная по наглости уверенность в своем праве решать за миллионы людей, как они должны жить.

С этого времени изуверская идея оправдания самого гнусного насилия мифической справедливостью, грядущим земным раем и т. п. навсегда прописывается в головах множества наших соотечественников. Как говорилось, в силу подобной логики, например, покушения на царя вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обретают характер чуть ли не обычного явления, морально-этическая оправданность которого настолько очевидна, что даже не обсуждается. И до сих пор эта извращенная логика жива — к сожалению, это не требует доказательств.

Конечно, не может быть случайностью, что в стране, которая еще только собиралась расстаться с одной формой массового принуждения, т. е. одряхлевшим вотчинно-крепостным государством, такую популярность приобрела идея более совершенной и современной формы такого принуждения — социализма, декорированная «мечтами о

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 31, 34–35.

будущем блаженстве». Герцен при всей логической и иной уязвимости своих построений был прав в том, что переход от одного варианта крепостного права к другому России было, конечно, проще сделать, чем Западу.

Об *истинной* свободе эти люди не думали, поскольку просто не понимали, что это такое, — тоже влияние крепостничества.

Другими словами, *желания царя освободить своих подданных недостаточно — нужно, чтобы они и сами хотели стать свободными*. А предлог, под которым им хочется остаться в крепостнической системе ценностей, не очень важен. Наша история убедительно показывает это.

Тут большая работа для науки психологии.

Не зря же Герцен, обосновывая тезис о том, что у России не меньше шансов на социализм, чем у Запада и, как всегда, противореча самому себе, говорил, главное ее преимущество состоит в наличии общины, поскольку для «обеспечения социализма дух коллективизма важнее, чем свобода личности»¹.

Вновь повторяю, что число приверженцев нового учения вовсе не ограничивалось теми, кого в советское время считали народниками. Мое поколение ведь учили, что есть народники хорошие, т. е. революционные (лучшие из них — террористы) и наивные недотепы, т. е. либеральные. Отдельной строкой проходили консерваторы (крепостники, охранители) и «пошлые либералы», чем и исчерпывалась идейная палитра пореформенного общества до той поры, покуда занавес не открылся, и на сцену не выступил носитель конечной истины — марксизм. Это, однако, большое упрощение.

Н. А. Бердяев писал: «У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов — одинаково народники, хотя и по разному. Народничество есть прежде всего вера в русский народ, под народом же нужно понимать трудящийся простой народ, главным образом крестьянство. Народ не есть нация. Русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов... Религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, народничество же безрелигиозное и часто антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда»².

Однако Бердяев перечислил не все оттенки «веры» и не всех «верующих». В приведенном выше мнении К. Зайцева о «восторженном» отношении «к идее какого-то особого русского национального крестьянского права» политиков, ученых и писателей, придерживающихся нередко диаметрально противоположных политических взглядов, из которого (отношения) вытекал тот факт, что народничество не было догматом кучки революционеров, а «весьма **широким и могучим духовным течением**, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность», границы народничества справедливо расширяются.

Как говорилось, широкое распространение народнических взглядов, основанных на самобытном, благодаря общине, некапиталистическом пути развития России — одна из отправных точек для понимания идейного развития пореформенной России. Без нее

¹ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М., 1986. С. 156.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 48.

не понять до конца ни эпидемического распространения социализма в стране, ни того важнейшего факта, что многочисленные партии, включая правых, имели во многом общий фундамент. Даже марксисты, посмеивавшиеся над народниками как «неправильными» социалистами, как минимум, в отрочестве были народниками и, подобно им, верили в уникальность исторического пути России и разделяли их мессианиззм.

Это в полном смысле роковое единство, во многом обрушившее Российскую Империю, имело в своей основе желание управлять десятками миллионов крестьян, сгруппированных в общину.

Однако данный тезис не учитывает эмоциональный подтекст, исключительно важный для понимания рассматриваемых сюжетов. О нем позволяет судить небольшой, но очень емкий очерк Н. П. Макарова «Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса» (1918), в котором автор ретроспективно осмыслил не успевшие еще остыть следы «черного передела».

В этой работе Макаров, в частности, объясняет то «религиозное поэтизирование земли», то «настоящее «религиозно-земельное» настроение россиян», без которого многое в только что происшедших в России событиях останется непонятным. В этом настроении «слишком много переживаний русской интеллигенции; это очень и очень типичные настроения, с которыми в России подходили, да и сейчас подходят к земельному вопросу»¹.

Н. П. Макаров ведет аграрные программы современности от «старых, старых мыслей и дум лучших русских людей». На «психологическом романтизме славянофилов» основаны «идеальные настроения» значительной части общественности, на «реализме» западников — ее «идейный материализм». Тезис об особых путях русской истории, выдвинутый «славным трио Киреевского, Хомякова и К. Аксакова», включал и «индивидуально-этическую и социально-этическую философию; ею они окрасили свою социологическую концепцию; отсюда те этические квасцы, бродильная сила которых обладает поражающе длительным действием.

Отвращение и ненависть к «гниющей Европе», протест и социально-этическая боязнь «пролетариата», органическая ненависть «восточного» человека к жестокому римскому праву с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом как естественным логическим выводом для экономической политики; идеализация прошлого натурального патриархального строя; вера во всемирно-историческое значение православия; квалификация русского народа как самого христианского народа; квалификация поэтому и русской истории как идеальной, этически особо ценной истории; как много во всем этом скрытой идеологической силы для последующих социальных настроений...

И этому противостояли холодные западники, объяснявшие, но не любившие прошлое; почитавшие роль христианства большой социальной силой, но в прошлом и без любви к этой силе; холодным спокойным взором глядевшие на Западную Европу и чуждо твердившие: учиться нам у нее надо... Нет, здесь был чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма — и не сюда уходили главные корни последующих русских социально-идеологических настроений.

«Народ — это крестьянин, — говорили славянофилы, — не по числу, а как единственный носитель русской народности».

¹ Макаров Н. П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918. С. 3–4.

Разве недостаточно этой мысли и формы, чтобы создать «народолюбство» и «народничество» интеллигенции?

И заглядывая в этот манящий идейный омут, развертывая этот бесконечно смутно сплетенный клубок, они хранили в понятии «народ» дорогие, ценные элементы.

Личность христиански-самоотрекающаяся от своих прав, смиряющаяся и добровольно входящая в общину; близость христианской общины к земельной общине, почти тождественность их; близость земельного общинного равенства христианскому этическому принципу; «любовность» славянская, могущая у некоторых славянофилов сочетаться даже с круговой порукой как возможным внешним проявлением «христианской любви» (Хомяков), славянство и община как два выражения одного и того же духа, личность, не подавляемая в общине, но лишь не терпящаяся в своем «бунте» (К. Аксаков) и т. д. и т. д.

Разве из всего этого можно было русской интеллигенции не захватить особого этического отношения к общине?

Разве не здесь лежат идейные корни нашей любви к общине, которая делает то, что «социальный вопрос в России невозможен», которая как принцип социального «самоотречения» (Ю. Самарин) есть начало доброе, но в то же время и анархистическое — в противоположность государству, началу злomu в силу его принудительного принципа.

Важно во всем этом и то, что *первоначально* община была рассмотрена славянофилами именно с *этической* стороны, а не с социологической, исторической или экономической; этическая оценка подчинила себе всякое иное рассмотрение.

От этого романтического «манящего омута», как мы увидим сейчас, пошли дальнейшие большие, дорогие русской интеллигенции мысли и чувства.

У славянофилов не было социализма, но ведь их «христианская община» (она же и крестьянская община) отдавала каким-то анархическим христианским коммунизмом. Отрицать же анархичность русской народнической идеологии, так же как и некоторый уклон по временам к примитивному коммунизму едва ли можно... Переход к социализму от славянофильства был не труден при этих условиях¹.

Макаров вслед за Д. Н. Овсяннико-Куликовским считает Герцена «социалистическим славянофилом», поскольку видит у него «то же славянофильское отвращение к западноевропейскому капитализму», ту же «ненависть к буржуазии и собственности как к “мещанству”», тот же страх «пролетариата», поскольку, как мы уже знаем, и западноевропейские пролетарии исповедуют мещанские идеалы.

И хотя «прошлое русского народа — темно», а «настоящее — ужасно ... но на будущее у него есть права», вытекающие из наличия общины, чем и обосновывает Герцен свою веру в возможность немецкого пути развития России. В 1859 г. Герцен постулирует «требования, которые завладели далее душою и сердцем русской интеллигенции: право каждого на землю, общинное владение, мирское управление»².

Ни русской интеллигенции, ни Герцену, всего лишь перефразировавшему лозунг французской революции 1848 г. о «праве на труд» в пресловутое «право на землю», которое якобы *уже* осуществлено в уравнильно-передельной общине³, не приходило в голову следующее элементарное соображение. Ведь в конкретных российских услови-

¹ Там же. С. 5–7.

² Там же. С. 7.

³ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 24; *Он же*. К современному положению аграрного вопроса... С. 9.

ях «право на землю» означало для крестьянина лишь «право на тягло», «право» на то, чтобы быть источником налоговых поступлений в казну без возможности отказаться от этого сомнительного удовольствия в любой удобный момент.

Н. П. Макаров считает, что «здесь в историко-философской этике Герцена, в его исторической концепции, при которой у России есть своя историческая миссия в мире, здесь разгадка того, почему так крепки идейные устои русского народничества».

Чернышевский, принявший эстафету от Герцена, хотя и был не согласен с последним в том, что без России Европа никогда не придет к социализму, «но и это все не вытравило у Чернышевского этических корней славянофильства; особый путь для истории России возможен и состоит он в возможности миновать западноевропейские стадии исторического развития. Анализируя вопросы производства и распределения, Чернышевский становится целиком на сторону примата распределения...

Отдавая этически руководящее главенство распределению, Чернышевский и к общине подходит с этим же мерилем; ее ценность он видит в ее распределительно-справедливом начале; в ней и он видит панацею от «пролетариатства», в ней и он видит «возможный центр кристаллизации для будущего социалистического строя»...

Высказываясь поэтому за уничтожение всякой *частной* собственности на землю и за национализацию, он делал это в виде последовательного вывода из своего этического требования. В этом примате этически-уравнительного мотива, который крепким лейтмотивом пронизывает все, в этом примате этики мы имеем глубокие корни современной постановки аграрной проблемы; *бросить на службу этической идее все* — вот страстное, властное требование, вот чем так сильны и завлекательны были писания Чернышевского.... Не там *где-то* в отдаленном будущем, которое *субъективно не мыслится реально*, будет торжество социальной этики, а здесь вот у этой земли, с которой только снимут права частной собственности. В этом вся сила власти этих мыслей»¹.

Такую поэму нельзя перебивать.

Я не имею возможности подробно комментировать этот потрясающий текст, который, впрочем, и не требует пространных пояснений. Он, конечно, крайне важен для понимания природы народничества, поскольку прямо указывает на то, чем пренебрегает традиционная историография.

Что же, «особые пути нашей русской истории» плюс «отвращение и ненависть к «гниющей Европе» — вполне актуальный для нашей страны и сегодня набор ценностей!

Историческая концепция Герцена, «при которой у России есть своя историческая миссия в мире», это, замечу, концепция, походя отметающая во имя своих бредовых идей *всю* русскую историю: «Мы свободны от прошедшего, потому что наше прошедшее пусто, бедно, узко. Невозможно любить такие вещи, как московский царизм или петербургский империализм»². А «историческая миссия» России в его трактовке, напомним, заключается в том, чтобы продемонстрировать мещанскому человечеству, как надо жить без мещанства, — так, как живут в крепостнической уравнительно-передельной общине!

Макаров в нетрадиционном ракурсе показывает, что построения славянофилов оказали сильнейшее влияние не только на русский народнический социализм, а также и на идейное развитие пореформенной общественной мысли вообще. Слишком многое у них льстило национальному самолюбию, и каждый при желании мог найти там что-то привлекательное для себя.

¹ Макаров Н. П. Социально-этические корни... С. 8–10.

² Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. С. 280.

Ведь идеализировать «прошлый натуральный патриархальный строй» (т. е. ту же общину — продукт крепостного права!) и ненавидеть «жестокое римское право с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом» могли как люди верующие, так и атеисты, как люди с прекрасным образованием, так и самодовольные недоучки, как те, кто считал историю России «идеальной, этически особо ценной историей», так и те, кто находил в ней только крепостнические «гнусности», «германскую татарщину» и мечтал начать ее (историю) заново. В действительности так и происходило. Те или иные идеи славянофилов, в повседневной жизни сильно диффузировавшие с социализмом, разделял не весь образованный класс, однако весьма значительная и в некоторых своих сегментах влиятельная его часть, включая последних императоров. С. Ю. Витте, например, признается, что в начале 1890-х гг. в крестьянском вопросе, т. е. по отношению к общине, находился под влиянием славянофилов.

Кстати, весьма показательно, что никто из «славного трио Киреевского, Хомякова и К. Аксакова», создавшего «индивидуально-этическую и социально-этическую философию», столь мощно воздействовавшую на поколения соотечественников, пальцем не пошевелил для освобождения тех многих сотен представителей — «самого христианского народа» — «русского народа», который принадлежали им лично. Более того, В.И. Семевский, специально разбиравший сюжет «Хомяков как помещик», убедительно демонстрирует, что тот в данном смысле не был, условно говоря, ни Пьером Безуховым, ни Андреем Болконским¹.

¹ Семевский пишет, что «При всем отвращении к “мерзости” крепостного права, он не освободил своих собственных крестьян на тех или иных условиях, причем, быть может, успокаивал свою совесть малоосновательным соображением, будто освобожденные крестьяне подверглись бы разным злоупотреблениям со стороны ненавистного ему чиновничества; как бы то ни было, Хомяков ограничился тем, что постепенно стал переводить своих крестьян с барщины на оброк, на основании добровольного с ними соглашения» (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. 2. С. 397). При этом «из всех показаний самого Хомякова еще нельзя заключить, что он перевел своих крестьян на оброк на очень выгодных для них условиях; крестьяне могли принять их и в том случае, если бы они были мало-мальски легче того положения, в котором они находились прежде, и, следовательно, будучи сравнительно более легкими, эти условия могли быть абсолютно довольно тяжелыми и обременительными». (Там же. С. 398).

Анализируя имеющуюся у него статистику, автор делает вывод о том, что положение крестьян Хомякова в Сычевском уезде Смоленской губернии «было значительно хуже, чем у большинства более крупных местных помещиков, хотя они и не думали кричать о мерзости крепостного права». То же относится и к крестьянам Ефремовского уезда Тульской губернии: «Совершенно ясно, что их положение было весьма не легко». Семевский резюмирует: «Эти факты заставляют нас признать, что в имениях Хомякова экономическое положение крестьян было не только не лучше, но хуже среднего уровня, так как повинности, требуемые помещиком, были выше средних. А что при взыскании этих повинностей послаблений не допускалось, видно из следующих слов Хомякова в письме Ростовцеву (1858 г.): «Считаю долгом прибавить, что взыскание годовой уплаты по совершенным выкупам должно быть с миров (т. е. сельских обществ — примечание Семевского) и производимо *с величайшей строгостью, посредством продажи имущества, скота и т. д., особенно же посредством жеребьевого рекрутства* с продажей квитанций не с аукциона (ибо это унижительно для казны), но по положительной цене, с жеребьевым розыгрышем между покупателями. *В случае крайней неисправности должно допустить выселение целых деревень в Сибирь, с продажей их земляного надела; но таких случаев почти быть не может. В этом деле неумолимая и почти жестокая строгость есть истинное милосердие*» (курсив, вероятно, В. И. Семевского — М. Д.).

После этого нас никак не удивляет, что Хомяков так не любил «утопистов» в крестьянском деле. Нельзя не признать также, что гр. Рагозинина в своем произведении «Дом сумасшедших в Москве», написанном в 1858 г., в одной из строф, направленных против Хомякова, имела право сказать о нем: «Православья страж в народе, // Крепко держит он посты, // Много пишет о свободе // Восстает на суеты. Он о мерзостях России // Протрубил во все рога... // Говорят, рука витии // Для крестьян его строга?!!»

Следует еще заметить, что Хомяков не только не отпустил на волю крестьян ни в одной из своих вотчин, но при всем отвращении к «мерзости» крепостного права находил возможным приобретать себе и новые населенные имения. Так, в 1852 г. он писал А. Н. Попову: «Купил деревню, заводу сахарный завод» и т. д.» (Там же. С. 400–401).

Ясно при этом, что отнюдь не реалистичность этих идей обеспечила их популярность. Оценим вербальный ряд: «богатый кладезь, из которого долго и щедро русская идеология удовлетворяла свою духовную жажду», «чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма», «менящий идейный омут», «народническое сердце, полное трепетного романтизма, мечтательно повторяет: «право каждого на землю», «богатое чувство, богатое стремление, хотя и в разладе с мрачным «сушим» земли».

Нужно ли доказывать, насколько такие конструкции, в которых романтизм и «красивость» ценятся выше степени адекватности, в которых жизнь десятков миллионов людей оценивается как эстетический ряд, оторваны от окружающей действительности. А насколько успешны попытки склеить виртуальность и реальность — более чем убедительно доказывает российский XX век.

«Реформа 1861 г. не разрешила «народного вопроса»; она **лишь еще большее** развернула мрачную картину настоящего; **лишь еще ярче** оттенила разорванность этических стремлений от мрака современности» — следовательно, лучше было бы 23 миллионам крестьян оставаться крепостными и гнуть спину на барщине или зарабатывать для помещика оброк!

Общечеловеческие ценности для таких построений, повторяюсь, слишком скучны.

Зачем российскому народу полнота гражданских прав?

Зачем ему частная собственность на землю?

Ведь Герцен и Чернышевский вслед за славянофилами объявили, что она ему чужда, мы не собственники, мы не мещане, мы очень духовные! Впрочем, русская интеллигенция как продукт крепостничества вообще удивительно равнодушно относилась к проблеме права, а особенно — к **чужим** правам — ведь для многих ее представителей «право на землю» стояло выше «права на жизнь», что ярко продемонстрировал народольческий террор.

Текст Макарова, в частности, показывает, как далеко уходят в своем радикализме ученики, не только образованные **хуже** учителей, но и не так тонко чувствующие. Все личные сложности и бесконечные метания Герцена были забыты — никаких прав личности у народников мы не встретим. Только «право на землю».

В высшей степени характерно при этом, что на 27 страниц брошюры Макарова, посвященной восприятию русской интеллигенцией аграрного вопроса, прилагательное «этический» встречается 66 раз и еще 12 раз употребляется слово «этика».

Интересная этическая система, в которой нет места достоинству личности, а только «уравнительной справедливости»!

«Бросить на службу этической идее все»!

А суть «этической идеи» — не в том, чтобы раскрепостить и развивать производительные и духовные силы народа, не в том, чтобы научить его, как можно эффективнее работать и соответственно жить лучше, не в том, чтобы открыть ему богатство мировой культуры, наконец.

Нет, смысл этой идеи другой. Во-первых, оставить навсегда сначала 60, затем 80 и, наконец, 100 и более миллионов людей в казарме, именуемой общиной. Во-вторых, подбросить им пару десятин помещичьей земли и в силу этого считать «себя любимых» благодетелями, а крестьян облагодетельствованными. В-третьих, заставить их делить поровну свое скудное состояние, которое в силу общинных порядков не могло не быть таковым, и, наконец, решить за них, что они теперь счастливы и объявить свою

миссию исполненной, а этическую идею реализованной. После чего величаво контролировать процесс распределения, бдительно подстригая всех под одну гребенку. Об этом очень ясно говорят аграрные проекты Временного правительства, составленные эсерами! Они всерьез хотели уравнивать всех крестьян в землепользовании — правда, узнав, что придется переселять 20 млн чел., несколько опешили, чем отчасти и воспользовались большевики.

П. П. Дюшен, как Н. П. Макаров, также выводит основанные на общинной идее аграрные программы рубежа веков из славянофильских построений и так оценивает вклад славянофилов в идейную атмосферу пореформенной эпохи: «Учение славянофилов было основано на незнакомстве с историей явления и современным строем мирской общины наших крестьян. Славянофилы были идеалисты-баричи. Действительную жизнь народа они знали плохо, а в науке были дилетантами.

По странной иронии судьбы, серьезный вред России принесли не западники, а славянофилы.

В жизни — они причиной, что великая реформа освобождения крестьян до сих пор не получила своего полного осуществления; в теории — славянофилы преемственно произвели у нас социалистов на кафедре и создали в наших университетах тот порядок, благодаря которому много талантливых сил было устранено от кафедр, а в ученой корпорации развились партийная нетерпимость и эгоизм.

Многие славянофилы получили философское образование, но и философия не помешала им проповедовать теорию, заключающую в себе противоречие.

Они видели свой идеал в том общинном строе нашей деревни, который жил и действовал при крепостном порядке. А между тем следовало признать что-нибудь одно: или прежний общинный строй противоречит крепостному праву и должен был разложиться, или он был основан на этом праве, а потому для жизни свободных крестьян не годился.

Только плохое знакомство с фактами истории и действительной жизни было причиной того, что славянофилы сами не замечали этого противоречия¹.

Надо сказать, что серьезным пробелом отечественной историографии является отсутствие работ, подробно анализирующих эволюцию общинной идеи в российской общественной мысли². Это еще одна из многих ненаписанных «историй» пореформенной эпохи.

¹ П. Д. (Дюшен П. П.) Русский социализм и общинное землевладение... С. 83.

² П. П. Дюшен прав, начиная родословную левосоциалистических взглядов конца XIX — начала XX вв. со славянофилов. Полезно, однако, помнить, что И. С. Аксаков был далеко не в восторге от таких последователей и однажды так сформулировал ключевое различие между славянофилами и левыми народниками: «"Народники" очень к нам близки, по-видимому, но и разделяются от славянофилов целою бездною. Славянофильство не мыслится вне религиозной почвы, вне христианского идеала.

«Народники» стоят на почве *позитивизма*, сворачивая то в материализм, то в какой-то особого рода нелепый мистицизм. Они путают страшно, и скорее готовы будут, я думаю, отречься и от русской народности, чем признать ее, как она есть, с ее духовною, неразлучною с верою во Христа субстанцией!...

Что по вашему лучше? Прямое *отрицание* истины или *лжесподобие*?..

По-моему, последнее хуже, опаснее и вреднее, потому что, обольщая внешним сходством, производит губительное *смещение* понятий и коварную подтасовку идеалов... Овладевая всем тем, что внесло славянофильство в общественное сознание в течение 40 лет, эти господа стараются вылущить из славянофильства, а вместе с тем и из души народной самую сущность, божественную сущность. Пустите их в народ, — они привлекая в себе сочувствие народное казистою заботою об его *материальных* интересах, будут стремиться в то же время, так сказать, *обезбожить* народ, т. е. подорвать самый основной нерв духа, самую ту силу, о которой жив народ и без которой немислимо никакие плодотворное, нравственное решение самих социальных задач». (Исторический вестник. Т. XXV. 1886, сентябрь. С. 571–572). Правоту И. С. Аксакова подтвердила жизнь.

Противники общины, как мы знаем, высказывались против нее еще в период подготовки Великой реформы¹. Однако они оставались в явном меньшинстве. В 1890-х гг. в их число входили, в частности, С. Ю. Витте, А. Е. Воскресенский, А. С. Ермолов, К. Ф. Головин, В. И. Гурко, П. П. Дюшен, А. П. Никольский, Д. А. Столыпин, П. А. Столыпин, Б. Н. Чичерин и множество других компетентных *непартийных* людей, которых можно условно назвать реалистами или «партией здравого смысла». Того самого здравого смысла, которого так не хватало русской интеллигенции, в массовом политизированном безумии активно готовившей свое коллективное самоубийство.

В своих оценках ситуации они исходили из объективного анализа ситуации, а не из утопических конструкций, в которых не оставалось места России как великой и прогрессирующей державе, что само по себе было для них неприемлемо.

Они, в частности, были убеждены, что правительство должно отказаться от сохранения сословно-тяглового строя, от политики искусственной поддержки уравнилельно-передельной общины и должно дать возможность деревне развиваться естественно, *свободно*, и вне зависимости от идеологических установок, по которым община — зародыш никем не невиданного социального строя. Они не считали нормальным, что в государстве существуют «две породы граждан: одна — пользующаяся полной свободой, обладающая правом недвижимой и движимой собственности и правом устраивать свое хозяйство по своему усмотрению, а другая — считающаяся неспособной владеть частной собственностью, прикрепленная к земле или к известному строю жизни, лишенная полной свободы передвижения и находящаяся под правительственной опекой»².

А ответ народников и других сторонников «общинного» мессианства относительно будущего крестьян был таков — Россия должна оставаться аграрной страной, зарождающийся пролетариат вместе с капитализмом нужно подавить в зародыше. Решение аграрного вопроса сводится к тому, «чтобы упрочить крестьянское землевладение (т. е. искусственно укреплять общину, что и было сделано «контрреформами Александра III» — М. Д.) и помочь его расширению в уровень с потребностями (растущего) населения в земле».

В основе мер, предлагаемых ими, лежали «две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистически эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды.

Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, — лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, — об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценою народного порабощения»³.

¹ См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). Монография. М., Русское слово, 2002.

² П. Д. (Дюшен П. П.) Наша деревня. М., 1900. С. 131–132.

³ Головин К. Ф. Мужик без прогресса... С. 34–36.

Парадоксально, на первый взгляд, но подобный «государственный» подход разделяли не только «неумытые идеалисты» народничества. К. Ф. Головин, автор этого определения, вспоминает, что «у этого алтаря (общинного — М. Д.) слился дым от каминов наших правых и левых.

Истые консерваторы, охотно бы вернувшиеся к царствованию Алексея Михайловича, встречались тут в своих симпатиях с земскими статистиками, мечтавшими о поголовном наделении землей всех и каждого (примечание Головина: «Поклонники Стеньки Разина сходились на этом с последователями знаменитого А. С. Хомякова»).

Натуральное хозяйство и возделывание хлеба лишь на собственное потребление, а не на продажу, было до некоторой степени общим идеалом обоих. Для народников сельское хозяйство как промысел, дающий барыш, казалось грехом против народа.

А в глазах иных консерваторов это был если и не грех, то, по крайней мере, излишняя роскошь. Помню, как один из таких консерваторов, П. А. Матвеев, двоюродный брат Хвостова (упоминавшегося во Введении прокурора Сената — М. Д.), мне доказывал, что довольство народа заключается в обилии сырых продуктов, а не в количестве зарабатываемых денег. Лучшим показателем сельского изобилия служили, по его мнению, те скирды необмолоченного, побуревшего хлеба, которые в доброе старое время обступали на всем черноземе околицу любой деревни. Пахать землю для прокормления полевых мышей считалось такими господами экономической мудростью. Они не додумались до того, что отсутствие барыша от земледелия приучает земледельца работать неряшливо¹.

Особо подчеркну, что все эти идеи высказывались народниками не только *после* франко-прусской войны 1870 г., но и *после* войны русско-японской, которая ясно показала, что соревнование наций перешло на новый, неизвестный доселе человечеству уровень, определяемый технологиями индустриальной эпохи!

В каком, условно говоря, поднебесье летали эти люди?

Вообще обо всем этом можно и нужно говорить много и долго, в том числе и потому, что влияние народничества на русский марксизм, а, значит, и на всех нас, неоспоримо. Долгосрочное воздействие данных взглядов до сих пор во многом не преодолено, и в массовом сознании они сказываются во всей остроте, чего мы часто и не осознаем. Однако сейчас нет возможности обсудить это. Скажу только, что удивительный примитивизм осмысления окружающей действительности, крещендо нарастающий вокруг нас последние сто лет, родился, как можно видеть, задолго до 1917 г.

Страна менялась и менялась зримо, но негативистская картина мира, создаваемая народниками всех мастей, оставалась прежней. Ее необъективность ярче всего выразилась, во-первых, в нагнетании апокалиптических настроений при описании деревни и, во-вторых, в навязывании крестьянам собственных социалистических идеалов.

Матрица характеристики бедственного положения отечественной деревни включала стандартный набор претензий к правительству — малоземелье, «непосильные платежи», вытекающие из них недоимки и «голодный экспорт» и т. п. Общую тональность этих описаний Н. П. Макаров охарактеризовал так: «Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление — вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно — так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным

¹ *Он же.* Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 2. С. 67–68.

считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о «прогрессивных течениях» русской деревни звучал каким-то диссонансом в этом настроении; «надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях» почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»¹. Трудно яснее сказать об идеологизированности и предвзятости «передовой» русской экономической мысли.

Специалист, пытавшийся взглянуть на жизнь деревни (да и страны в целом) непредвзято, для читающей публики как бы переставал существовать. Так, А. С. Ермолов в написанной по горячим — в прямом и переносном смысле — следам аграрных погромов 1905–1906 г. книге «Наш земельный вопрос» говорит, например, что в «вопросе о крестьянском малоземелье... многие видят теперь главную причину крестьянской бедности, корень претерпеваемых крестьянами, а следовательно, и всей страной бед. **Большинство** писавших по этому вопросу, в особенности в последнее время, в последние, можно сказать, дни, **выдает это за факт непреложный, всякое сомнение в котором не допускается, и грозит жестокой травлей или бойкотом тому, кто решится его высказать**»².

Заигрывание с общественным мнением, выражавшееся в первую очередь в акцентировании упадка крестьянского хозяйства, стало обычным и привычным явлением. Я уже писал об ангажированности «передовой» литературы, о том, в частности, как земский врач Шингарев на свою беду написал брошюрку «Вымирающая деревня» и прославился на всю Россию, стал депутатом Думы и даже министром Временного правительства, чтобы потом его растерзал пьяный «революционный» караул вместе с другим видным кадетом Кокошкиным³.

Вообще говоря, преобладающая часть «передовых» экономистов могла считаться экономистами только в пронизанном народническим восприятием русском обществе. Некоторые из них имели специальное образование (так и хочется добавить — «как бы имели!»), преподавали в высших учебных заведениях, были «властителями дум» и безусловными авторитетами для множества людей в стране, прежде всего потому, что исповедовали «социализм кафедр». Это о них пишет Витте, упоминая в числе сторонников уравнилельно-передельной общины «благонамеренных теоретиков, усмотревших в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма»: «Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо и восторгается «коллективизм», то, конечно, он восторгается совершенно в других формах, нежели он имел место при диком или полудиком состоянии общественности. Ученый-экономист, который может не понимать, что община мало сходна с предлагаемым современным или возможным будущим коллективным владением землею, мне напоминает садовника, который смешивает лесную дикую грушу с прекрасною дулею, выхоленной в культурнейшем современном саду... Между тем социализм залез уже давно в наши университеты»⁴.

Другие были дилетантами чистой воды, как, например, врач по образованию, В. В., однако с удивительной отвагой невежества писали на «экономические» темы в меру своего разумения. Мандатом служило знакомство с литературой соответствующего спектра, прежде всего с Марксом. Степень их компетентности была примерно

¹ Макаров Н. Социально-этические корни ... С. 16.

² Ермолов А. С. Наш земельный вопрос... С. 3–5; и др.

³ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 245.

⁴ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 40–41.

той же, что и у множества «экспертов» в современном интернете, с аналогичной же свободой волеизъявления. Существенная разница с началом ХХI в. была в том, что они безраздельно царили в самых престижных СМИ, прежде всего в толстых журналах, и имели широчайшую — с учетом уровня грамотности — аудиторию. Важно было только не выбиваться из общей народнической струи. Популярны были и те, и другие «экономисты», и университетское образование тут не решало ничего, ибо все они были далеки от подлинной науки; тут вспоминает известная мысль о том, что «оба хуже».

Однако именно эти люди адаптировали для читательской аудитории десятки томов земской статистики, содержащей пристрастные и необъективные описания крестьянской жизни, от которых, как прямо говорит Н. П. Макаров, *требовалось* «установление обнищания, разложения деревни».

В глазах народников любые интеллектуальные махинации с фактами оправдывались будущей Гармонией.

Однако настоящая Гармония не терпит вранья.

Пристрастный статистик — это понятно, но пристрастная статистика — это плохо, потому что нечестно.

Между тем земские статистики могли обосновать все, что душе угодно, притом в довольно широком диапазоне. Не случайно, П. П. Дюшен постоянно уличал земскую статистику в некорректности и подтасовках. Да что там — это же со вкусом делал и В. И. Ленин, доказывавший успешное развитие капитализма в России!

Примечателен пример, приводимый А. А. Кауфманом в своем учебнике статистики при обсуждении проблемы исследовательских предубеждений: «Предвзятость может проявиться и в тех инструкциях, которые содержат разъяснения по вопросам программы или указания относительно приемов исчисления, равно как и при словесном инструктировании и практическом обучении регистрирующего персонала. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить программы земских статистических исследований, во главе которых стояли представители народнического или наоборот — марксистского течения, или те статистические сборники, в которых воплотились результаты этих исследований». Первые исходили из тезиса «об упадке крестьянского хозяйства, как об одностороннем процессе разорения и «отслоения» значительной части хозяйств, идущего на пользу только «кулакам»», поэтому в их обследованиях «чрезвычайное внимание» уделялось «именно «упадочным» хозяйствам разных категорий», а остальные группы хозяйств отодвигались на периферию. Вторые, наоборот, по-марксистски трактовали эволюцию крестьянского хозяйства как двусторонний процесс расслоения деревни и притом знали, что роль промышленности со временем должна расти, в силу чего обращали особое внимание на капиталистическую дифференциацию деревни и на промысловые заработки крестьян, на отход в промышленность и большие города¹.

Сказанное не значит, разумеется, что 100% показаний земской статистики неверны буквально. Отнюдь. Есть работы, авторы которых исходили из искреннего желания понять, *что* есть или было на самом деле, а это и есть главный признак *настоящего* исследования (и одновременно стимул, его создающий).

Корректность исследователя при сборе информации, при обращении со статистическим материалом чрезвычайно важна. Напомню приведенную выше мысль А. В. Чая-

¹ Кауфман А. А. Теория и методы статистики. М., 1916. С. 277.

нова о несовершенстве «огромной части» бюджетных обследований, построенных «на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»¹.

Неспециалистам (а таково большинство людей, которое совершенно не обязано разбираться во всем на свете) не легко понять это, поскольку они чаще всего исходят из идеи априорной порядочности автора. Однако любой профессионал, читая чужой текст, по источникам, которые используются в работе, по самой манере обращения с цифрами легко понимает уровень компетентности и самоуважения автора, потому что он всегда может поймать его за руку и спросить, почему он одни данные привлекает, а другие игнорирует, почему он так легковесен в источниковедческом анализе и т. д.

Что касается «корифеев» народничества, то компетентные современники упрекали их не только в предвзятости и намеренном искажении фактов, но и попросту в элементарном неумении пользоваться статистическими материалами, неважно, относилось ли это к сельскому хозяйству или к фабричной промышленности.

Вот что пишет на этот счет М. И. Туган-Барановский: «Еще не так давно в нашей прогрессивной печати господствовали самые странные теории относительно характера нашего промышленного развития. Так, целый ряд писателей — гг. В. В., Николай-он, Карышев, Каблуков и др. — отстаивали с большим жаром поразительное положение, будто число фабричных рабочих в России по отношению ко всему населению (г. Каблуков утверждал, что и абсолютно) падает. По обыкновению, припутали Маркса и приписали ему чудовищный закон, по которому рост промышленности сопровождается уменьшением доли населения, занятого промышленным трудом (причем, однако, забывали указать, какие доли населения растут на счет этой падающей доли промышленных рабочих). В первом издании «Русской фабрики» я должен был отвести немало места опровержению этого вполне самобытного тезиса. Я указал (и, надеюсь, доказал), что в основании его лежит целый ряд статистических ошибок. Г. В. В. сравнивал за разные годы данные, относившиеся к различным группам фабричных рабочих. Гг. Николай-он и Карышев сравнивали с числом фабричных рабочих за новейшие годы данные, выражавшие за прошлые годы число фабричных рабочих **плюс** горнозаводские **плюс** кустари. Но всех превзошел г. Каблуков, поместивший на стр. 12 своей книги «Об условиях развития крестьянского хозяйства» две цифры фабричных рабочих в 1865 г., расхоронившиеся более чем на 100 процентов, и не заметивший противоречивости этих цифр. Дальше идти было некуда.

Быть может, по этой причине после появления книги г. Каблукова полемика по данному вопросу затихла, и главный автор означенного тезиса, г. В. В. в весьма недвусмысленных выражениях отказался от него в «Сыне Отечества» и признал ошибку Николай-она»².

Каблуков — это тот самый профессор Н. А. Каблуков, которому, по словам Н. П. Макарова, общественное мнение чуть ли не единственному только и разрешало иногда говорить о «прогрессе» крестьянского хозяйства, потому что его «не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений»³.

А. С. Ермолов как бы встраивает сказанное Туган-Барановским в более широкий контекст эпохи: «Многие из выдвигаемых ныне (в 1905–1906 гг. — М. Д.) теорий, из проектируемых для разрешения или урегулирования земельного вопроса мер грешат,

¹ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 10.

² Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 368.

³ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство ... С. 9.

прежде всего, недостаточно сознательным отношением к действительным условиям русской жизни, не соотносясь с истинным положением России вообще и сельского ее населения в частности, с разнообразным характером отдельных местностей; **все подводится под один шаблон, в основу которого кладется та или другая теория, являющаяся иногда плодом чисто предвзятой идеи, но не опирающаяся на твердые факты.**

Часто все строится на статистических данных, на средних арифметических выводах из цифр, которые либо сами по себе представляются сомнительными, либо только маскируют истину, благодаря произвольным их обобщениям, за которыми жизнь с ее разнообразными проявлениями и запросами совершенно исчезает.

И часто возникают споры, идет горячая полемика между приверженцами разных теорий именно из-за этих цифр, более, нежели из-за существа дела и вопрос вместо разъяснения еще более затемняется и запутывается»¹.

Статистика, если она беспристрастна, — очень серьезная вещь. Иногда настолько серьезная, что руководители переписи населения 1937 г. были репрессированы — Сталину была нужна другая численность населения СССР.

Между тем земские статистики совершенно сознательно подгоняли окружающую действительность под свои лекала. В частности, они решили за крестьян, что им чуждо чувство частной собственности и что община — адекватное воплощение крестьянских представлений о совершенном мироздании и т. п., как будто у крестьян, как у них, романтические мечты могли преобладать над здравым смыслом. Они приписывали крестьянам собственные социалистические взгляды и негодуяще удивлялись, когда не обнаруживали их.

А начался этот квазиинтеллектуальный подлог после «хождения в народ»: «Мы раньше были «пропагандистами» и «развивали народ», прививая ему «высшие идеи». Новая идея состояла в открытии, которое впоследствии развивалось в «Основах народничества» Каблицы (Юзова), но гораздо лучше изложена в программе кружка Натансона, да отчасти вошла и в программу «Народной воли». **Решено было, что народ русский имеет уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т. е. он, народ, отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному. Учить его было нечему, нечему и самим учиться.** Требовалось только помочь народу в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении»². Кстати, «народничеством» знаток вопроса, Л. А. Тихомиров, называет именно эту идею.

Невозможно без чувства изумления (в сочетании с другими весьма понятными чувствами) читать комментарии «народолюбивых» земских статистиков и народнических теоретиков типа В. В. и К. Р. Кочаровского, осуждающие «эгоизм», отсутствие альтруизма у крестьян, не желающих, видите ли, делиться и меняться своей унавоженной землей с «голяками». Когда крестьянин, «хорошо обработавший свою полосу и удобривший ее получает при переделе тощую, бывшую в пользовании слабого, по несчастью или лености, однообщественника», — пишет П. П. Дюшен, то «литературные защитники общины восхищаются этими фактами, видя в них прояв-

¹ Ермолов А. С. Наш земельный вопрос... С. II–IV.

² Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. С. 122.

ление «альтруизма» общины, т. е. альтруизм определяется ими как принудительная нравственность!»¹.

Если, например, крестьяне возражали против переделов земли, то это трактовалось как «регрессивное явление», в котором проявлялся «слепой эгоизм большинства», и наоборот, сокращение сроков передела и учащение жеребьевок объявлялось «результатом прогрессивной эволюции общинной идеи» и т. п. Замена хорошо унавоженной земли на «совершенно истощенную» приветствовалась статистиками — ведь теперь «богатеи» вывезет на нее накопленный навоз, а значит, эта полоса, которая раньше была у бедняка, «теперь очень кстати попала к зажиточному». При этом скверное состояние хозяйства общинников объяснялось, естественно, малоземельем, «непосильными» податями и «совокупностью разных случайностей»².

Далее Риттих не без иронии замечает: «Интересно кстати отметить, каково отношение земского обследования к этим крайне распространенным и притом бьющим в глаза по своему очевидному вреду для сельскохозяйственной культуры уравнильным порядкам». Когда крестьян спрашивают, что препятствует удобрению земли, то они «нередко» отвечают, что одна из причин — «переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением... Но, по мнению статистиков, это «указание следует принимать с большою осторожностью». На самом же деле, считают статистики, «потребность в удобрении не сделалась настоящей, и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции».

Однако, продолжает Риттих, зафиксировано множество фактов, когда крестьяне из-за «начавшихся переделов или в виду поднявшихся толков о переделе» прекращали удобрять землю, уже, видимо, убедившись в пользе этой хозяйственной операции. Многие общины, «сознающие уже эту пользу, производят жеребьевки реже или вовсе их отменяют, начинают удлинять срок переделов, прекращают верстание удобряемых нив».

Но эти явления свидетельствуют, что идея уравнивания приносится в жертву хозяйственной пользе... **По-видимому, идеалы социалистические не вяжутся с поступательным движением сельскохозяйственной культуры.**

За всем тем земские исследователи относятся весьма отрицательно к тем крестьянам, которые, защищаясь от отобрания у них «сподобленных» полос, противятся переделу. Наряду с определением их самими же крестьянами как «стоящие», «сильные» хозяева, «земляки», они квалифицируются грубо-эгоистическими членами общества, чуждыми этических, альтруистических и социальных мотивов, представителями поддонков полукультурных слоев или просто именуются кулаками, мироедами, коштанами, глотками, в лучшем случае — «зажиточными и притом жадными» крестьянами, богатеями и т. д.»³.

Здесь следует особо подчеркнуть начавшуюся уже в 1860-х гг. (реально — раньше) сознательную дискриминацию «кулачества», т. е. зажиточной части деревни, причем в стилистике, предвещающей эпоху «сплошной коллективизации», и параллельную фаворитизацию бедноты. Нередко к первому относились «просто» трудолюбивые крестьяне, а ко второй — лодыри и пьяницы.

В общественном сознании после 1861 г. закреплялся и, пожалуй, навсегда закре-

¹ П. Д. (Дюшен П. П.) Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М. 1904. С. 26–27.

² Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины... С. 48–49.

³ Там же. С. 90–91.

пился негативный, отталкивающий образ «кулака». У крестьян, как мы видим, на этот счет было свое мнение, они уважали настоящих тружеников, но внимание публики фиксировалось на оценках земских статистиков, поскольку они совпадали с идейным «мейнстримом».

Чрезвычайно важной здесь мне кажется убийственная характеристика Н. П. Макаровым восприятия российской интеллигенцией слоя «трудовых хозяйств»: «Его или не замечали, когда усиленно «вообще оплакивали», «разоряющуюся деревню», или замечали, но сердито тыкали в него «ненавистным» словом «буржуазия», с социальным умилением в сердце подходя к деревенским низам, к действительно полуразвалившейся части деревни.

Сколько нездорового социального чувства во всем этом; как сильна социальная извращенность в этом чувстве внутренней этической враждебности по отношению к здоровому крестьянскому хозяйству и матерински болезненной любви к полуразвалившемуся хозяйству!

Это такая же извращенность, как если бы мы к здоровым физически и духовно людям относились враждебно за их здоровье, а к больным относились бы наоборот «любовно». Это не значит, что надо забросить больные хозяйства — нет, для них должно быть сделано все, что может быть сделано, чтобы дать им выход в ту или иную сторону; но это означает, что здоровое хозяйство должно нас радовать, если угодно даже вызывать хозяйственно-этические и эстетические переживания¹.

Вышедшие на сцену в 1890-х гг. русские марксисты были плотью от плоти этого общества, общества с извращенными этическими принципами, в котором культивировались «нездоровые», а на самом деле — дикие «социальные чувства»! Общества, в котором нормальное, «здоровое» крестьянское хозяйство воспринималось враждебно, а отбросы деревни — с «социальным умилением» и «матерински болезненной любовью». Сначала будущие социал-демократы впитывали народническую этику и уже потом присягали Марксу.

Конечно, исходя из его теории, они относились к крестьянству совершенно иначе, чем «старые» народники 70-80-х гг. и эсеры. Социал-демократы, в полном соответствии с позицией Маркса, ненавидевшего крестьян именно за отсутствие социалистических идеалов, клеймили земледельцев за желание получать за свой труд достойное вознаграждение, за стремление жить лучше, бичевали психологию крестьянского хозяйства как психологию ограниченности, твердолобости «мелкого хозяйчика». Кто не слышал в советской школе о «двойственной природе крестьянства»? С одной стороны, они труженики, и в этом-де близки к соли земли, к пролетариату, а, с другой, они — на свою беду — собственники!

Эту ненависть и презрение своего учителя к деревне большевики унаследовали в максимальном объеме — и именно крестьянство «Великим переломом» оплатило «Большой скачок» и другие достижения советской власти. О «союзе пролетариата и беднейшего крестьянства», о комбедах нечего и говорить. «Социального умиления» тут было с лихвой.

Однако в том, что в 1929 г. немалая часть жителей СССР психологически была вполне готова к «уничтожению кулачества как класса» (легко представить, как должна была пленять множество оболваненных пропагандой людей, особенно молодых, стилистическая «окончателность», завершенность этой людоедской формулировки!)

¹ Макаров Н. Социально-этические корни... С. 24–25.

была большая «заслуга» народнической пропаганды, десятилетиями вколачивавших в общество воистину извращенные — до абсурда — догматы.

Да, мировоззрение большей части образованного класса дореволюционной России в каких-то основополагающих моментах остается непостижимым. Зашоренность, ограниченность ее мировосприятия изумляет. О какой объективности, о каком рациональном взгляде на мир тут можно вести речь?

Выше говорилось о том, что все народники фиксировали внимание на внешних факторах жизни крестьянства — малоземелье, платежах, т. е. искали «виновных» *вне* крестьянства.

Это, разумеется, было не случайно. Напомню, что общий подход русской интеллигенции к окружающему миру вытекал из руссоизма и пресловутого оптимизма рационалистов XVII–XVIII в. То есть, оппозиция была уверена, что мир прекрасен, а человечество — большое достижение Эволюции. Никакие ужасы Французской революции, никакой якобинский террор, ни даже аграрные погромы 1905–1906 гг. не поколебали этой благоглупости (ее и сейчас разделяют миллионы тех, кого не убедил в обратном весь XX век вкупе с началом XXI-го).

Исчерпывающую характеристику подобных взглядов дал, как известно, С. Л. Франк: «Современный социальный оптимист, подобно Руссо, убежден, что все бедствия и несовершенства человеческой жизни проистекают из ошибок или злобы отдельных людей или классов. Природные условия для человеческого счастья, в сущности, всегда налицо; нужно устранить только несправедливость насильников или непонятную глупость насилуемого большинства, чтобы основать царство земного рая. Таким образом, социальный оптимизм опирается на *механико-рационалистическую теорию счастья*.

Проблема человеческого счастья есть с этой точки зрения проблема внешнего устройства общества; а так как счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема *распределения*. Стоит отнять эти блага у несправедливо владеющего ими меньшинства и навсегда лишить его возможности овладеть ими, чтобы обеспечить человеческое благополучие. Таков несложный, но могущественный ход мысли, который соединяет нигилистический морализм с *религией социализма*»¹.

Другими словами, если людям плохо, то причины этого нужно искать *не внутри* них самих, а во внешних условиях их жизни. Например, если крестьяне живут плохо, то это происходит не потому, что они мало и притом неправильно работают, а потому что у них мало земли, они задавлены налогами и т. п. Стоит лишь отобрать землю у помещиков и казны — и сразу настанет страна Муравия.

Поэтому народники не могли ответить на очень простые вопросы.

Если причина ухудшения положения крестьян в малоземелье, то почему там, где наделы меньше и качество земли хуже, крестьяне живут лучше, чем в черноземных губерниях с большими наделами?

Почему на землях помещиков всегда выше урожайность?

Почему от неурожая не страдают помещики и немцы-колониисты?

Народники выдумали себе русский народ и его историю, как иногда выдумывают возлюбленных.

А между тем эпоха ребром поставила вопрос — можно ли конкурировать с Австро-Венгрией на Балканах, с Англией и Германией на Ближнем и Среднем Востоке, а с

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 168–169.

Японией на Дальнем, пренебрегая тем, что обеспечило — в широком смысле — их процветание?

Можно ли претендовать на одну из ведущих ролей в мировой политике, имея в багаже едва ли не самый отсталый в Европе аграрный сектор, население, грамотное на 20% и в массе своей еще живущее как бы в средневековье, только начавшую всерьез развиваться крупную современную промышленность, прогресс которой тормозится при этом устаревшим законодательством, и не имея многого другого, что давно стало банальностью для держав-конкурентов?

Большинство образованных людей, в том числе и в Зимнем дворце, к несчастью, просто не задумывалось о необходимости соответствовать вызовам времени.

Напомню, что в это самое время Япония, о самобытности которой как-то и говорить неловко, бурно прогрессировала, создавая с нуля «настоящий» капитализм, ультрасовременные армию и флот, вводя всеобщее начальное образование и многое другое, соответствующее содержанию времени. Она готовилась занять то место в мире, которое полагала своим, некоторым образом повторяя то, что делал когда-то Петр Великий, но с необходимыми поправками на историческую «девиацию».

Однако апологеты нашего особого пути по многоступенчатому европоцентристскому высокомерию и знать не хотели об этом!

В каком мире жили эти люди? Какого будущего они хотели своей стране? Впрочем, многих из них Россия как великая держава волновала в лучшем случае факультативно.

11. ОБЩИНА КАК «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ» И ЦЕНА «НАРОДОЛЮБИЯ»

Теперь настало время прояснить очень важные вещи.

Вспомним, как С. Ю. Витте очерчивает круг «защитников общины»: «благонамеренные и почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма»¹. Данное определение, не претендующее на научность, является, тем не менее, абсолютно верным.

Злейшие враги могут и любить одну женщину, и болеть за одну футбольную команду. Это естественно и лишь характеризует причудливость жизни.

Но если сугубо враждебные друг другу общественные силы, прямо нацеленные на уничтожение друг друга, солидарно ратуют за сохранение одного и того же института, играющего в жизни государства огромную роль, то здесь не просто недоразумение. Это значит, что в данном институте есть нечто, что привлекает, что устраивает все стороны.

Чем же так импонировала община фантазмагорическому составу ее защитников?

Тем, что она была основана *на принуждении миллионов людей* к сохранению отсталой минималистской схемы общежития. А это давало широчайшие возможности для управления этими людьми.

С долей упрощения можно утверждать следующее. Целью левых народников был социализм в России, главной их задачей на этом пути — уничтожение «ненавистного режима». Община для них имела «великое социальное значение», будучи «эмбрионом» нового социального строя и т. п. А российский народ должен был играть здесь роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, насколько удобна была для этого уравнильно-переделная община.

Для правительственного лагеря, для «охранителей» община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг.

Кроме того, за общину ратовали и те, кто считался умеренными либералами и выступал за «правовой порядок».

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий лежало тривиальное стремление так или иначе *управлять* 100 миллионами крестьян, т. е. вспоминая Введение к этой книге, заседать в Государственном Совете.

---

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... С. 40.

Только первые требовали, чтобы это право было предоставлено «народолюбивой интеллигенции», вторые — земским начальникам-чиновникам МВД, а третьи — земству.

И — по большому счету — **конкурировали они прежде всего за мандаринат, за кормовую площадь, каковой им представлялась русская деревня** — неважно под какими лозунгами!

Так или иначе они мечтали о богадельне на $\frac{1}{6}$ часть земной суши, в которой они были бы важными людьми.

П. П. Дюшен, не считавший нужным скрывать своего «глубокого отвращения к тюрьме, в которой сидит русский народ», т. е. к общине, охарактеризовал этот феномен российской жизни едва ли не исчерпывающим образом: «Защищают крепостную общину и консервативнейшие органы печати и самые либеральные.

Для охранительной печати наше общинное землевладение и связанные с ним общинные порядки ценны, как живые остатки крепостного времени. Идеалы нашей охранительной печати несомненно принадлежат к этому пережитому нами, во многих отношениях мрачному, времени. Защищать консервативные элементы общества и государства — весьма почтенное занятие; но в данном случае защита крепостной общины играет прямо в руку самых ярых врагов не только русского, но всякого государственного порядка.

Труднее себе объяснить симпатии к общине со стороны либеральной печати. Если та ее часть, которая придерживается идеалов коллективистов, защищает крепостную общину во имя нового социального начала, то так называемая «умеренная» либеральная печать всегда выставляла на своем знамени требование «правового порядка»; но что есть общего между правовым порядком и анархией нашей деревни?

Что есть общего между правом, свободой и нарушениями имущественных, семейных и личных прав крестьян в нашей деревне?

Подобное отношение нашего интеллигентного общества к крестьянской общине объясняется двумя причинами. **Во-первых**, по нашему, хозяев, мнению, **интеллигентное общество** («город», как выражался покойный А. Н. Энгельгардт) **весьма мало знакомо с бытом деревни и предается иллюзиям, не имеющим никакой почвы в действительности**. Это одинаково относится как к самым охранительным, так и к самым либеральным органам печати.

Крепостная община, несомненно, была органом вотчинной власти, но в настоящее время этот орган находится в стадии естественного умирания и его оживить нельзя ничем — так же, как нельзя восстановить пережитый период крепостного права.

Нельзя обратить нашу крепостную общину и в социальную ячейку будущего социального порядка.

Крепостная община имеет, конечно, одну общую черту с социализмом — принуждение, но это еще не резон. Крепостная община основана на понятии о тягле, и если она принуждает крестьян производить переделы, то посредством переверстки имеет в виду уравнивать повинность и вообще платежи. **Социализм же желает основать принудительное уравнивание имущества граждан на мнимом праве каждого члена общины получить соответствующий его потребностям надел**. Ученые социалисты верят, что крепостная община способна к такой эволюции; однако внимательный читатель нашего исследования вероятно уже убедился в противном.

Во-вторых, **причина сочувствия нашего интеллигентного общества к крепостной общине заключается в традициях крепостного права и основанных**

на нем возрениях на крестьянский народ, которые мы впитали в себя с молоком матери. Это — положительно так. И охранительная печать, и либеральные ее органы только и хлопочут об установлении опеки над крестьянами.

...Все охранительные меры нашего правительства, несомненно имевшие характер опеки над крестьянским землевладением и хозяйством, были приветствованы полным одобрением, как со стороны самых консервативных, так и самых либеральных органов печати.

Когда правительство отменяло 165 ст. Пол. о выкупе, узаконило неотчуждаемость крестьянских наделов, рассрочку выкупных платежей и проч., ни один орган наших либералов даже слова не выронил о правах крестьян. Защищая постоянно реформы великого царствования Государя Александра II, либеральная печать ответила на явное уклонение от принципов, установленных первой и самой грандиозной реформой освободительной эпохи, или молчанием, или даже прямым сочувствием.

Это странное явление только тем и объясняется, что мы так привыкли смотреть на крестьянский народ как на объект нашей просвещенной опеки, что никак не можем освоиться с иным взглядом»¹.

Все сказанное прекрасно понимали и крестьяне.

Сергей Терентьевич Семенов, крестьянин Волоколамского уезда Московской губернии, писатель-самородок, ученик Льва Толстого, написавший о нем интересные воспоминания², был одним из удивительных русских людей того времени, времени, когда кумирами были совсем другие персонажи.

В первых книжках «Ежемесячного Журнала» за 1914 г. Семенов опубликовал свою повесть «Односельцы», в которой на основе известного ему реального случая исследовал феномен человеческой жадности, стремление к «жадному захвату каких-нибудь материальных преимуществ, иногда даже совсем ему ненужных»³. Поскольку действие происходит в деревне после 1905 г., а она, деревня, «жила последние годы исключительно интересами, вызванными новыми законами о земле и сельском быте», то естественно, что Семенов не мог пройти мимо «тех течений, которые в последнее время бурлили в ней». И среди его персонажей есть крестьяне, которые отнеслись к аграрной реформе со вниманием, но есть и их антиподы⁴.

В результате его повесть была воспринята в полном соответствии с известной мыслью о степени корреляции между сказанным и услышанным («нам не дано предугадать...»). Для части читателей проблемы, волновавшие самого автора, оказались не слишком интересны, а на первое место выдвинулся вопрос о восприятии деревней реформы, о единоличных выделах и общине, и в итоге на страницах журнала началось обсуждение повести, причем в критической тональности: «Один из моих критиков», — пишет Семенов, — «г. В. Краснов, с развязностью истого борзописца бросил мне обвинение в сознательном искажении жизненной правды, о реакционном направлении моей повести».

Другой оппонент, г. Б. Черненко (упоминавшийся выше — М. Д.), отнесся хотя более спокойно и серьезно, но также заподозрил в моем писании не всю истину; г. Черненкова захватило то обстоятельство, что как это я—писатель из народа, живущий в деревне, знающий все стороны ее жизни, мог в изображении деревни отметить в

¹ П. Д. (Дюшен П. П.) Наша деревня... С. 282–284.

² Семенов С. Т. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. М., 1912.

³ Он же. Крестьянское переустройство. М., 1915. С. 71.

⁴ Там же. С. 72.

симпатичных тонах представителей деревни, для которых оказался приемлемым закон о выделе из общины.

Ведь, **«все русское образованное общество, восклицает г. Черненков, все его передовые политические направления до сих пор относятся к правительственному землеустройству отрицательно», а в моем изображении деревни выходит, что лучшие силы деревенского Мира тянут к формам единоличного труда и отдают явное предпочтение таким формам перед общинными.**

И не желая понять, как это случилось, г. Черненков взял под сомнение и мое знание деревни, правильность моего представления о будущем земельного труда и мое деление деревенских людей на лучших и худших. И вывел такое заключение, что в моем изображении деревни много одностороннего, а в понимании судьбы деревенского Мира неправильного. И целым рядом выдержек из газетных сообщений (! — М. Д.) и из ответов на анкеты статистиков (!! — М. Д.) и своими собственными рассуждениями (!!! — М. Д.) пробует доказать, в чем заключаются мои неправильности¹.

Читателям постарше этот текст ничего не напоминает?

Думаю, что, как и мне, напоминает. Сколько тысяч подобных писем (от тружеников любых нив и поприщ до натуральных лауреатов и академиков) публиковалось в советских газетах — всю Западную Африку можно было бы грамоте обучить, используя эту бумагу не так бездарно! Сколько тысяч поучений и поношений с трибун разной степени высотности! Нет, г. Черненков, в отличие от своих преемников (не идейных, но ситуативных), которые Пастернака и Солженицына «не читали, но знают», повесть С. Т. Семенова прочел, но тоже «знал». Поразительно, насколько одинаковы — до оскомины и скуки — реакция и стилистика подобных критиков во все времена.

Однако Семенов был, цитируя В. Б. Шкловского, «человек опытный» и полемику умел вести на весьма высоком уровне. Он отвечал так: «А между тем, односторонностью понимания деревенского мира страдают, главным образом, народные благожелатели из образованных классов. Как ни благожелательно они настроены к трудовому народу, но очевидно (что) этот народ представляется им все-таки ничем иным, как только объектом заботливого попечения о его судьбе, и они не считают возможным, чтобы этот народ мог выйти на широкий и свободный жизненный путь без их просвещенного руководства.

А руководство массами может быть легко осуществлено только тогда, когда для этих масс будут сохранены такие формы жизни, которые держали бы эти массы в большой готовой толпе.

Крестьянская община и есть такая форма.

Переход к лучшему будущему (т. е. социализму, в терминологии «благожелателей» — М. Д.) неизбежен. И вот, для подготовки к такому переходу деревенский нераздельный мир облегчит возможность организовать из народных масс нужные силы, а по окончании борьбы при установлении нового строя не нужно будет прививать новых форм трудовой жизни, а нужно воспользоваться готовыми старыми ячейками, имеющими в себе зачатки социалистического порядка пользования благами природы и взаимных отношений.

И возлагая на деревенскую общину такие прекрасные надежды и лелея эти надежды десятки лет, представители образованного класса, конечно, не могут спокойно относиться к тому, что в самых недрах народной жизни зародился и вырос на сельскую общину совершенно иной взгляд.

¹ Там же. С. 72–73.

Они легко позволяют себе обвинить представителя крестьянского мира, разошедшегося с ними в отношении к общине, — в излишне эгоистических наклонностях, в стремлении к «буржуазному благополучию», и готовы поставить его на одну доску с деревенскими кулаками, расхищающими мирское достояние — землю.

Кидают такие обвинения сторонникам новых земельных порядков представители образованного класса с большой легкостью.

И это тем более удивительно, что вся наша интеллигенция кровно страдает от всякого деспотизма и насилия... Везде интеллигенция проповедует свободу, а вот когда начинающее думать крестьянство, может быть, заразившееся от этой же интеллигенции стремлением к свободе и самостоятельности, потянулось к избавлению себя в хозяйственном распорядке и в общем положении от душившей их опеки темного, невежественного и в силу своего невежества неспособного к разумной общественности большинства мира, — эта же интеллигенция запротестовала против такого самоосвобождения, и объявила им свою немилость...

Они (выделы из общины — М. Д.) дают труженику землю свободную и на такой земле есть возможность проявить всю ту хозяйственную самостоятельность, на которую только человек и способен. **При свободной земле могут беспрепятственно развиваться те творческие задатки человека, которыми богат и русский крестьянин и которым гнет мирского большинства не давал хода. Все это так очевидно, но все это так, как будто бы, непонятно образованным представителям русского общества.**

Сознавать это очень горько...

Представители народа пошли по своему пути, а интеллигенция остановилась. Она не одобряет шага самостоятельного, сделанного народом, и отказывается помогать ему, как прежде, своими знаниями, руководством, а **готова даже вставлять палки в колеса.**

Для народа такое отношение к нему интеллигенции очень опасно. Когда же, как не теперь, крестьянству нужна просвещенная помощь интеллигенции? В особенности она нужна будет после окончания войны, когда у нас усиленным ходом должно пойти устройство хозяйственной жизни, ее твердые и всесторонние знания разве не послужили бы на пользу при этом устройстве?

Да кроме того, одна неотдаляемая близость к народу, принявшему новый закон о землеустройстве, доказала бы, что дружелюбное отношение интеллигенции к народу есть благородное, бескорыстное чувство, вытекающее из широты... высших свойств, **а не союз из определенных расчетов, когда народ нужен только как орудие для политической борьбы, и когда он отстраняется от такого рода борьбы, то становится нисколько не интересен**¹.

Сказано сильно и точно. Семенов с легкостью диагностирует крепостнические мотивы интеллигенции, желающей сохранить «деревенский нераздельный мир» как средство держать «массы в большой готовой толпе», воспользоваться им сначала в борьбе за власть (для того она и натравливала крестьян на помещиков), а потом — «при установлении нового строя», в котором интеллигенция будет блюсти распределительную справедливость, использовать его как «готовую старую ячейку, имеющую в себе зачатки социалистического порядка».

Мысли С. Т. Семенова важны еще и потому, что позволяют увидеть ситуацию в де-

¹ Там же. С. 73–74.

ревне глазами не врагов российской исторической власти, а самостоятельно и глубоко думающих крестьян.

Они делают понятнее и такой не слишком скрываемый мотив — «благожелателям» хочется, чтобы крестьяне бедствовали, крестьянам **должно** быть плохо, они просто обязаны жить скверно, голодно, иначе всей жизни «народолюбцев», их «романтическим» надеждам и т. п. грозит крушение. За что же они тогда «жизнь на алтарь положили»? Зачем же тогда «монашеский орден» создали (С. Л. Франк), отказываясь (якобы) от простых человеческих радостей?

Нельзя при этом не видеть, насколько близки взгляды крестьянина Волоколамского уезда Московской губернии С. Т. Семенова и экс-премьера министра Империи С. Ю. Витте. Близки в главном — в желании раскрепостить личностный потенциал крестьянства! О том, что мнение Семенова отнюдь не было уникальным свидетельствуют выступления крестьян в Государственной Думе при обсуждении указа 9 ноября 1906 г.¹

Повторю, что для тысяч грамотных жителей России социализм стал формой компенсации крепостнического сознания. Это сознание было лишь слегка трансформировано, закамуфлировано либо красивыми сказками об утопии, либо охранительными декларациями об устоях отечественной самобытности.

В социализме, как и во многих учениях, есть два слоя — декорации и суть. Суть социализма — принуждение и насилие над человеческой природой, которые декорировались весьма привлекательными на слух фантазиями о светлом будущем человечества, — практически совпадала по форме и по содержанию — с крепостным правом, стержнем которого была уравнительно-передельная община.

Иначе и не могло быть — люди, выросшие в атмосфере патерналистского режима, воспитанные в обществе, в котором отсутствовало то, что П. П. Дюшен называл «чувством и идеей правомерности»², были способны мыслить только в категориях патернализма (исключения, конечно, случались), чему есть множество свидетельств. Об этом прекрасно написал, в частности, Б. А. Кистяковский в «Вехах».

Так называемая любовь русской интеллигенции к народу выражалась не в стремлении раздвинуть горизонты жизни крестьян, раскрепостить их силы, дать им возможность почувствовать свободу приложения своих способностей в полном объеме, приобщить их к образованию, к культуре, к другой — в широком смысле — жизни и т. д. «Народолюбие» проявлялось в том, что эти люди в утвердительном смысле решили за крестьян ключевую дилемму Бытия — «хлебом ли единым жив человек?», — протестуя не против сохранения модуса крестьянской жизни, основанного на принуждении, а против того, что этот модус, **по их мнению**, недостаточно обеспечен в сравнении со временем крепостного права, т.е. полного рабства крестьян. Оно выражалась в упорном желании увековечить принудительные рамки уравнительно-передельной общины.

Все социалисты, включая «социалистов кафедры» и «социалистов департамента», шли, цитируя Бердяева, «на соблазн великого инквизитора»³, считая, что народу нужна не свобода, а «пайка», прожиточный минимум. С их благословения с 1870-х гг. правительственные органы явно взяли курс на сохранение и расширение временных ограничений правового статуса крестьян, на превращение их в постоянные. Большую

¹ Герье В. И. Второе раскрепощение... С. 15–30.

² П. Д. Русская интеллигенция и крестьянство... С. 291.

³ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1991. С. 30.

часть образованного класса устраивало то, что жизнь и быт крестьян вообще во многом были выведены из сферы действия общегражданских законов. Это показывает, как она ценила свободу — правда, чужую, не свою! Крепостное сознание наших «народолюбцев» тут предстает во всей красе.

Нетрудно также видеть, что знаменитая своим цинизмом мысль Ленина — нравственно то, что служит интересам пролетариата, — не просто витала в воздухе до 1917 г. Для русской интеллигенции, вне зависимости от партийной маркировки, подобный подход был сам собой разумеющимся и неотъемлемым элементом осмысления окружающего мира, что, конечно, не было случайным. Ведь социалистов не десантировали с «летающих тарелок»: «В этом своеобразном отношении к философии сказалась, конечно, вся наша малокультурность, примитивная недифференцированность, слабое сознание безусловной ценности истины и ошибка морального суждения»¹.

Рассматриваемый — поучительный для истории — пример коллективного помешательства хорошо иллюстрирует следующий случай. Заканчивая в 1918 г. цитированный выше очерк, Н.П. Макаров утверждает, что «безусловной этической ценностью» является «психология здорового крестьянства», которым «можно социально (! — М. Д.) любоваться, а русской интеллигенции от него можно оздоравливать свою психологию. **А русской интеллигенции действительно придется лечиться духовно**, если только она хочет активно участвовать в творчестве жизни. Ибо если еще и до сих пор возможна такая гимназическая постановка вопроса, как постановка сравнительно недавно сделанная Гиммером-Сухановым в споре с Огановским: «Кто нужнее: социалист или агроном?», то нет сомнения, что **мы больны и тяжело больны**»².

Спорить с Макаровым невозможно — история подтвердила его правоту.

Я считаю, что глобально больным общество вышло из крепостного права.

В. О. Ключевский не зря писал о том, что русское общество вступило в новую жизнь после 1861 г. с «запасом привычек», который он обтекаемо именуется «недобрыми». И среди них важное место занимало отсутствие четких нравственных ориентиров и критериев.

И в этом не было ничего удивительного. Барская людская, где бы она ни находилась — в захудалом ли именьеце потомков Петруши Гринева, в роскошном ли Смелянском имении графов Бобринских (правнуков Екатерины II и Григория Орлова), в Зимнем ли дворце, — скверная школа нравственности.

В 1801 г. граф С. Р. Воронцов в напутственном письме сыну Михаилу, который уезжал начинать «взрослую» жизнь на Родину, произнесет ключевые слова: «Я пренебрег бы долгом отца и друга (поскольку именно так я отношусь к вам за ум и характер, которым наделила вас природа), если бы не дал вам нескольких предостережений насчет того, как стоит вести себя по приезде и во время пребывания в той стране, в которую вы направляетесь.

Она совершенно отличается от той, что вы покидаете, и хотя новое правление делает наших соотечественников счастливее, чем прежде, и хотя, избавившись от наиболее ужасного рабства, они воображают, будто свободны, это не значит, что они свободны, как в других странах (которые (впрочем) то же не знают истинной свободы, основанной на единственной в своем роде (вариант: уникальной) конституции, которой имеет счастье обладать Великобритания, где люди подчиняются лишь закону, перед кото-

¹ Там же. С. 28–29.

² Макаров Н. П. Социально-этические корни... С. 26.

рым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства).

У нас — невежество, дурные нравы как следствие этого невежества и форма правления, которая, унижая людей, отказывая им во всяком возвышении души, приводит их к алчности, чувственным наслаждениям и к самой гнусной низости, и к заискиванию перед любым могущественным человеком или фаворитом государя.

Страна слишком велика для того, чтобы государь, будь он хоть новым Петром Великим, мог все делать сам, без конституции и твердо установленных законов, без независимых судов, чьи решения были бы непреложны. Сама природа правления обязывает его опереться на руководство самого приближенного министра, который становится, таким образом, великим везирем, назначающим в правительство и на управление провинциями своих родственников, друзей и приближенных, а они, будучи уверены в силе этой протекции и в своей безнаказанности, становятся пашами. Весь двор лежит у ног везиря, а вся империя следует его примеру.

Нация униженная, ослабленная, утопающая в роскоши и долгах, обладает в то же время такой легкостью характера, что она забудет ужас деспотизма, от которого страдала, когда ей разрешат носить круглые шляпы и туфли с загнутым носком.

Вы увидите, как они разговаривают настолько же свободно, насколько были раньше мрачны, запуганы и молчаливы, а поскольку нынешний государь хорош, они считают себя действительно свободными, не задумываясь над тем, что у человека может измениться характер, или что ему унаследует новый тиран. Нынешнее состояние государства есть ничто иное, как приостановленная тирания, а наши соотечественники подобны римским рабам в дни Сатурналий, после которых они вернутся в свое обычное рабство»¹.

Этот хирургически безжалостный и точный анализ рисует картину восточной деспотии, при этом картину не абстрактную, а в высшей степени конкретную — ведь не прошло еще и двух месяцев после убийства Павла I, в заговоре против которого С. Р. Воронцов принимал, так сказать, факультативное участие.

Годом позже с ним солидаризуется М. М. Сперанский, написавший Александру I, что в России существуют «два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»².

Сказанному не противоречила давняя практика дворцовых переворотов. Ведь и преторианцы в древнем Риме — отнюдь не свободные люди. Это рабы, сделавшие бунт доходным ремеслом.

Понятно, что к 1861 г. общество во многом изменилось, оно не было однородным, и приведенные выше слова Ключевского, разумеется, не относились ко всем образованным русским людям, однако многих из них эти слова касались напрямую.

Уже в 1862 г. Б.Н. Чичерин писал о том, что он называл «оппозиционным либерализмом»: «Боже мой! Какая тут представляется пестрая смесь людей! Сколько разнородных побуждений, сколько разнохарактерных типов — от Собакевича, который уверяет, что один прокурор — порядочный человек, да и тот свинья, до помещика, негодующего за отнятие крепостного права, до вельможи, впавшего в немилость и по-

¹ Давыдов М. А., Фокин С. А. Раскрепощенное сознание в крепостнической стране: к проблеме мировоззрения М. С. Воронцова // Исторический журнал: научные исследования». 2012. № 3. С. 107–108.

² Сперанский М. М. Избранное. М., 2010. С. 207–208.

тому кинувшегося в оппозицию, пока не воссияет над ним улыбка, которая снова обратит его к власти!

Кому не знакомо это критическое настроение русского общества, этот избыток оппозиционных излияний, которые являются в столь многообразных формах: в виде бранчивого неудовольствия ... в виде презрительной иронии и ядовитой усмешки, которые показывают, что критик стоит где-то далеко впереди, бесконечно выше окружающего мира, — в виде глумления и анекдотцев, обличающих темные козни бюрократов, — в виде неистовых нападок, при которых в одно и то же время с одинаковой яростью требуются совершенно противоположные вещи... — в виде злорадства при всякой дурной мере, при всяком зле, постигающем отечество, — **в виде вольнолюбия, всегда готового к деспотизму, и независимости, всегда готовой ползать и поклоняться.** Не перечтешь тех бесчисленных оттенков оппозиции, которыми изумляет нас Русская земля...

В практической жизни оппозиционный либерализм держится тех же отрицательных правил. Первое и необходимое условие — не иметь ни малейшего соприкосновения с властью, держаться как можно дальше от нее. **Это не значит, однако, что следует отказываться от доходных мест и чинов. Для природы русского человека такое требование было бы слишком тяжело.** Многие и многие оппозиционные либералы сидят на теплых местечках, надевают придворный мундир, делают отличную карьеру и тем не менее считают долгом, при всяком удобном случае, бранить то правительство, которому они служат, и тот порядок, которым они наслаждаются.

Но чтобы независимый человек дерзнул сказать слово в пользу власти, — боже упаси! Тут поднимется такой гвалт, что и своих не узнаешь. Это — низкопоклонство, честолюбие, продажность. Известно, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться¹.

Словами «вольнолюбие, всегда готовое к деспотизму, и независимость, всегда готовая ползать и поклоняться», — Чичерин ставит диагноз русскому обществу на полтора века вперед.

Ясно, однако, что все эти качества порождены предшествующей историей страны. То же в полной мере относится и к очень важной характерной черте пореформенного либерализма — его безусловной анархичности: «Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением»². И эта черта, полагаю, также вытекала из вековой манеры обращения вотчинно-крепостнического государства со своими подданными. Неудивительно поэтому, что такое влияние на судьбы мирового анархизма имело русское дворянство в лице М. А. Бакунина, графа Л. Н. Толстого и князя П. А. Кропоткина.

Герцен справедливо писал: «Мы повинемся по принуждению; в законах, которые нами управляют, мы видим запреты, препоны и нарушаем их, когда можем или смеем, не испытывая при этом никаких угрызений совести... Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство»³.

Казалось бы, между радикалами и «либералами» лежала пропасть. Но это далеко не так.

¹ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов... С. 151, 154.

² Там же. С. 68.

³ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. С. 251.

Вторые создавали питательную среду для первых. Л. А. Тихомиров был твердо убежден, что революционеров плодят либералы — отнюдь не своими «ничтожными... программами, а пропагандой своего общего мирозерцания», негативистского по самой своей сути. Великие реформы воспринимались либералами как «уступки» правительства и притом «недостаточные», в силу чего они постоянно их критиковали. В «Началах и концах» М. А. Тихомиров пишет: «Я положительнейшим образом утверждаю, что нет ни одного революционного течения (за исключением *терроризма*), которое бы не имело своих корней или отражения в легальной литературе, по большей части с необходимыми смягчениями, иногда и без них. Идеи анархизма не формуловались в сжатую систему, но они разлиты были повсюду, без Бакунина».

Реакцию широких слоев российского общества на нарастающие крещендо радикальные настроения можно назвать маниловским благодушием. Однако, возможно, точнее было бы охарактеризовать ее как массовую ипостась феномена, который в XX веке назовут «стокгольмским синдромом». А как же иначе квалифицировать такие факты, как непритворную радость общества в связи с оправданием участников «процесса 193-х», беспримерные восторги по поводу оправдания Веры Засулич, показавшие, как низок уровень правосознания российского образованного класса, и многое другое в том же духе?

Однако — что такое покушение Веры Засулич на Трепова, как не вариант расправы крепостных с фельдмаршалом М. Ф. Каменским или с Настасьей Минкиной? А чем убийство помещика *сущностно* отличается от убийства императора?

Террористы подхватили практику дворцовых переворотов. Можно, конечно, говорить, что в Европе XIX в. покушения на монархов и видных политиков начались до 4 апреля 1866 г. Это так. Но только в России ребенок с детства знал о трех убитых императорах, не говоря о казненном отцом царевиче.

Апогеем этих настроений (до начала XX в.) стало чуть ли не демонстративное прекращение либеральной печатью полемики с революционерами в конце 1870-х гг. До этого времени между сторонами «происходили только случайные, частичные сближения, а общности не чувствовалось. То же было и в печати. Тогдашние либеральные органы, как «Вестник Европы», «Голос», «Петербургские Ведомости», знаменем которых был правовой порядок и выборное начало, резко отличались от органов левой, и не раз в них печатались статьи, явно отрекавшиеся от всякой солидарности с передовыми радикалами»¹.

Последние, считая дворянство своим главным врагом, видели либералов среди будущих жертв своей победы и мало сочувствовали их стремлениям к конституции, отвергавшейся «передовым лагерем». Переход революционеров к прямому террору по началу вызвал в значительной части общества «омерзение».

И все же сближение произошло.

Почему?

Мне кажется, — в силу того, что общество объединяла с террористами подсознательная «генетическая» вражда к «этому» государству, которое, дав им свободу, сделало это, во-первых, не так, как следовало, и поэтому, во-вторых, не соответствовало их идеальным ожиданиям, а в-третьих, по-прежнему продолжало в их подсознании оставаться виноватым за века угнетения.

Это отчасти подтверждает удивительный эпизод, приводимый Головиным в своих воспоминаниях. Придворное общество, по его мнению, восприняло покушение Со-

¹ Головин К. Ф. Вне партий... С. 298.

ловьева на Александра II достаточно индифферентно. Когда автор поинтересовался у А. Н. Куломзина, который был тогда товарищем министра государственных имуществ, «как он объясняет себе поразительное хладнокровие общества в виду опасности, грозящей ему самому», то получил ответ, который, по его мнению, заслуживал фиксации: «Настоящего антагонизма между нами и революционерами нет, вот в чем дело... Непрерывная цепь связывает людей самых благонамеренных с заговорщиками...» А. Н. Куломзин был совершенно прав. Оппозиционный дух чувствовался в самой правительственной среде. Люди, слегка задетые какой-нибудь официальной бестактностью, либо недовольные системой классического образования, бранили правительство огулом, совершенно забывая, что все их существование с этим правительством связано. Даже те, которым не на что было жаловаться, и которые только смотрели сбоку, со стороны, как производились разные недосмотры и неловкости, не воздерживались от насмешек и порицаний. В этом и была опасность: она заключалась в отсутствии сознательной поддержки, а не в силе нападения»¹.

В своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин заканчивает характеристику Александра II такими словами: «Он принял мученический венец, который искупил все его слабости и ослабил его образ светлым ликом между русскими царями. Многие превосходили его способностями, но никто не сделал больше него для России, хотя ни ему, ни его современникам не было дано видеть добрые плоды его трудов, а пришлось только испытывать терния, рассеянные по пути.

Он погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнuzданных, а составляющих глубочайшую язву современного человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах.

Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты»². А ведь Куломзин определенно не считал себя ни холопом, ни нигилистом.

Невозможно переоценить и важность мысли Чичерина о том, что **«только при отсутствии всякого нравственного чувства можно выставлять нигилистов людьми, стремившимися к идеалу; это было не более как отребье русского общества»³.**

А между тем в журнале «Освобождение», из которого выросла либеральная якобы партия кадетов, в редакционной статье объявлялось следующее: «Мы не принадлежим к числу людей, из лицемерия или недомыслия клеймящих событие 1-го марта и позорящих его виновников. Мы не боимся открыто сказать то, что втайне известно всей искренней и мыслящей России, а именно, что деятели 1-го марта принадлежат в лучшем русском людям»⁴.

Как известно, кадеты *ни единого раза* не осудили красный террор, зато беспощадно клеймили действия правительства, которое защищало элементарную возможность спокойно дойти до булочной. Один из их лидеров, И. И. Петрункевич, еще в 1879 г. уравнил террор народовольцев и самозащиту правительства.

Чтобы понять, насколько ненормально политизированная атмосфера была создана в обществе, — достаточно прочесть в библиотеке пять-семь номеров либеральной по

¹ Головин К. Ф. Воспоминания... С. 372–373.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 291–292.

³ Он же. Россия накануне XX столетия. Берлин. 1901. С. 28.

⁴ Цит. по: Миронов Б. Н. Благосостояние населения... С. 600–601.

тем временам сытинской газеты «Русское слово», в которой писали вовсе не экстремисты, а лучшие журналисты страны, в частности, Тэффи и В. Дорошевич.

В отличие от интеллигенции советского времени, над ней не висел «карающей меч пролетарской диктатуры». Но в той системе координат доминировали другие ценности.

Исчерпывающе охарактеризовал эту проблему В. И. Гурко, рассуждая о тех, кто поддерживал партию кадетов: «За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального результата.

Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино.

При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения. Не следует, кроме того, забывать, что в то время как либерализм, так и фрондерство лишь редко препятствовали продвижению на государственной службе, наоборот, консерватизм встречал непреодолимые препятствия на пути общественной деятельности, а также в области свободных профессий.

Писатели, журналисты, адвокаты, художники, коль скоро они обнаруживали в той или иной форме свою оппозиционность правительству, всячески превозносились.

Писания первых находили множество читателей, творения вторых легко сбывались по высокой цене, помощи третьих искали все имевшие дела с судом, так как не только присяжные заседатели, но и коронный суд относился к ним с большей предупредительностью, с большим уважением.

Таким образом, материальные интересы работников свободных профессий также побуждали их щеголять либерализмом и фрондерством по адресу правительства, а следовательно, вступить в среду кадетов.

А наши ученые коллегии, разве они не расценивали подчас степень пригодности данного лица для занятия профессорской кафедры в зависимости от исповедуемых им политических взглядов, хотя бы таковые не имели никакого отношения к той науке, представителем которой эти лица являлись?

Разве Московский университет не забаллотировал совершенно выдающегося окулиста Головина, имевшего мужество высказать правые мысли, предоставив искомую им кафедру какому-то в научном отношении ничтожеству, щеголявшему политической левизной?

Разве Кони и Таганцев не были прославляемы не столько как блестящие криминалисты, сколько как выказывающие либеральные мысли, а профессор Сергиевский, столь же выдающийся криминалист, разве он не был предметом травли за проявляемый им консерватизм?

Наконец, разве не всем решительно было известно, что в диссертации на ученую степень немисливо было проводить сколько-нибудь политически консервативные взгляды, а что для успеха необходимо было снабдить ее какой-либо критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала?

Во всем этом, разумеется, была во многом виновата и государственная власть»¹.

¹ В. И. Гурко. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 495–496.

Совокупность имеющихся источников подтверждает, увы, мнение В. И. Гурко.

История повторяется, и не всегда в соответствии с сиюминутным замечанием Маркса. При Николае II трудно было защитить диссертацию без «указания во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала», а в СССР было невозможно защитить диссертацию, по крайней мере — гуманитарную, без ссылки на нетленные труды классиков марксизма-ленинизма.

Такого рода факты — ясное свидетельство уровня идеологической нетерпимости данного общества, показатель того, что в нем (обществе) создана *аномально* политизированная атмосфера, а ее не бывает без лжи, поставленной на поток и самовоспроизводящей саму себя.

Однако за массовую ложь приходится платить. Повторяя мысль В. А. Маклакова, «в этом заключается справедливость безличной истории».

Наивно думать, что нынешняя российская власть появилась ниоткуда. Последние 20 с лишним лет хорошо показывают, какого качества человеческий материал рождала советская власть.

Но ведь и ее создали отнюдь не марсиане.

Наплевательское отношение дореволюционного общества к той реальности, в которой оно пользовалось всей полнотой гражданских прав, его систематическое издевательство над правдой и здравым смыслом, в огромной степени породило «власть рабочих и крестьян».

Большевики были органической частью этого общества, в котором были очень серьезные проблемы с моралью и нравственностью, хотя слова «этика» и «справедливость» в нем были очень популярны, общества, в котором было место нечаевщине и террористы считались «святыми людьми», общества, в котором еврейские погромы осуждались, а погромы помещиков именовались «иллюминациями».

Просто большевики были еще аморальнее своих конкурентов, прежде всего народников, потому и победили.

Так или иначе, социалисты сумели закрепить свое видение пореформенной России вообще и российской деревни, в частности, в массовом сознании, поскольку безраздельно господствовали в литературе и публицистике. Это видение, повторю, было полностью унаследовано, расширено и дополнено советской историографией, призванной легитимизировать переворот 25 октября 1917 г., ужасы Гражданской войны и «обычную» советскую жизнь. Именно так утвердилась довлеющая над нами до сих пор парадигма — революция есть логическое завершение изъязнов пореформенной жизни России.

Этот фальшивый взгляд благополучно дожил до наших дней, капитально деформируя восприятие отечественной истории миллионами людей.

12. О НАСТОЯЩЕМ ГОЛОДЕ И ГОЛОДНОМ ЭКСПОРТЕ

Теперь необходимо более подробно рассмотреть вопрос о том, насколько оправданы утверждения о том, что между политикой правительства Российской Империи и советской власти в отношении народа нашей страны нет принципиальных различий. Это, напомним, составляет вторую задачу данной книги.

Прежде всего, хотелось бы коснуться важного вопроса, над которым мы не слишком часто задумываемся.

До 1917 г. оппозиция самонадеянно считала, что справится с управлением Империей (и даже во время тотальной войны!) не хуже, чем правительство, назначенное императором. Россия до сих пор — в числе прочего — расплачивается и за эту самоуверенность тоже. Политика Временного правительства в считанные месяцы весьма серьезно ухудшила положение на транспорте, в промышленности и финансах, шире — в народном хозяйстве вообще, что отчасти облегчило победу большевиков, которые до мая 1918 г. просто развалили все, до чего они смогли дотянуться.

Не могу здесь не отметить некорректность (неважно — осознанную или нет) идущей от советской историографии тенденции рассматривать период от марта до октября 1917 г. де-факто как продолжение политики царского правительства. Это явная натяжка, если не спекуляция, поскольку источники говорят ровно обратное. Об этом убедительно напомнил С. В. Куликов¹, справедливо считающий, что «надо различать, как минимум, “две России” — дофевральскую и послефевральскую»².

То есть, эффективно управлять страной оказалось не так просто, как это виделось со стороны представителям оппозиционных партий, людям, имевшим, как правило, высшее образование и нередко какой-то управленческий опыт. Хотя — чем больше социалистов становилось во Временном правительстве, тем оно работало хуже. И это при том, что на местах сохранялся старый госаппарат, обеспечивавший более или менее нормальную — относительно условий военного времени — жизнь страны. В целом же, «революция, да еще в период войны, была, особенно для России, слишком дорогим удовольствием, чего не хотели признавать лидеры левых партий, наконец-таки дорвавшиеся до воплощения своих партийных программ»³.

Здесь самое время задуматься о втором (третьем? пятом?) слое знаменитой формулы «государство рабочих и крестьян». Это — идея о том, что государство, в котором властные полномочия в подавляющем большинстве случаев осуществляют рабочие и крестьяне, может, как минимум, быть не менее эффективным, чем «старая государственная машина», т. е. исторически сложившееся государство, как его ни называть — самодержавным, буржуазным, в котором важным критерием занятия определен-

---

¹ Куликов С. В. Спор между «пессимистами» и «оптимистами» продолжается... / Рецензия на сборник статей: Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / Сост. С. М. Исхаков; отв. ред. Ю. А. Петров. М., ИРИ РАН. 2014 // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 1. С. 264–270.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 265

ных постов в госаппарате все же был определенный образовательный ценз, а не классовое происхождение, год вступления в ВКП (б), опыт гражданской войны, а с конца 1920-х гг. — и степень согласованности с «колебаниями генеральной линии партии».

Словом, в числе прочего, эта идея подразумевает, что управлять государством может, кто угодно, в том числе и пресловутая ленинская «кухарка».

Тут не вопрос о соотношении происхождения и таланта. Об интеллектуальном потенциале российского крестьянства позволяют судить биографии, например, А. В. Кривошеина, внука крепостного, генералов А. В. Алексеева и А. И. Деникина, детей крепостных рекрутов, выслужившихся в офицеры, генерала Л. Г. Корнилова, сына хорунжего, экономиста Н. Д. Кондратьева, третьего сына в крестьянской семье, и многих других выдающихся людей нашей страны.

Тут вопрос о том, все ли представители Homo sapiens могут исполнять управленческие функции эффективно. Поэтому сказанное мной означает ровно то, что на этот счет написал В. И. Ленин в работе «Лучше меньше, да лучше»¹.

Сравнивать образовательный и управленческий уровень даже Временного правительства и Совнаркома, особенно сталинского призыва (после 1929 г.) невозможно. Однако непонятно, в какую степень надо возвести эту невозможность, если начинать сопоставление качества госаппарата на местах.

Можно ли сравнивать губернаторов и первых секретарей обкомов партии? А уездных предводителей дворянства и секретарей райкомов?

До 1917 г. российский государственный аппарат обеспечивал, содействовал, условно говоря, течению жизни в рамках существующего законодательства, которое при всех изъянах все же не подразумевало всеобщей трудовой повинности, «лагерей принудительных работ», созданных декретом ВЦИК в 1919 г., существования «лишенцев» и наличия ВЧК.

После 1917 г. госаппарат превратился прежде всего в проводника репрессивных по преимуществу решений высших органов советской власти (отчасти исключая годы НЭПа). Состоял он из коммунистов, подавляющая часть которых была рабочими, крестьянами и служащими, пришедшими в РКП (б) в годы гражданской войны. Партийные переписи 1920-х гг. свидетельствуют, что «более 90% коммунистов, если и имели

¹ «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его... Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет. Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством.

Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами. И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т.д. Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых, — учиться, во-вторых, — учиться и в-третьих, — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом». (Ленин В. И. ПСС. М. 1970. издание пятое. Т. 45. С. 389–391).

какое-то образование, то не выше начального»¹. В комментариях данный факт не нуждается, полагаю.

Большевикам повезло в том смысле, что в 1920-х гг. в советских народнохозяйственных и экономических учреждениях работало немало высококвалифицированных профессионалов-экономистов, таких, как Я. М. Букшпан, Н. В. Валентинов (Вольский), В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, Н. П. Макаров, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Л. Н. Юровский и целый ряд других. Многие из них по взглядам не были большевиками, но были социалистами; встречались и беспартийные. Они остались в стране, чтобы помочь ей и русскому народу (Литошенко, например, мог не возвращаться из США, но не сделал этого, а Челинцев и вовсе вернулся из эмиграции). То же делали тысячи переживших гражданскую войну инженеров старой русской школы, работавших в народном хозяйстве.

Как распорядился их судьбами Сталин — известно. Они были предрешены «Шахтинским делом» и последующими процессами.

И с какими же управленцами остался Сталин? С теми, которые соответствовали его личным управленческим дарованиям, а также с «интеллектуалами» уровня и психотипа Лысенко.

Стоит ли после этого удивляться неэффективности работы советского госаппарата, который мог руководить только под ежедневным прессингом страха на клеточном уровне и в условиях, когда нормальные критерии экономической эффективности отсутствовали по факту? «Записки наркома» легендарного Б. Л. Ванникова дают на этот счет внятную информацию².

Выше говорилось о том, что наша история содержит, возможно, самые страшные в мировой истории примеры материализации лживых слов и мыслей.

Данный текст дает некоторое представление о *социальной* политике царизма, об отношении правительства к народным нуждам, к налоговым платежам населения, о продовольственной помощи и др.

Эта политика, разумеется, не была совершенной, и ее можно оценивать по-разному. Однако очевидно, что ее проводило правительство *христианской* страны, и уже поэтому (при всех изъянах) она не могла не укладываться в определенные нравственные нормы³.

Другое дело, что она не всегда была удачной, точнее, разумной, но нельзя забывать, что Александр II предпринял первую в мировой истории попытку вестернизации многовекового деспотического режима. И в этом смысле никакого опыта у иудеохристианской цивилизации не было.

Во всяком случае, эта политика *категорически исключала* возможность устранения государства от помощи подданным во время стихийных бедствий. И уж тем более невозможно себе представить, что правительство Империи стало бы использовать прямой геноцид для достижения политических целей.

Политика советской власти исходила из *совершенно противоположных* посылок.

По страшному капризу Истории горстке экстремистов представилась возможность реализовать на практике идеи социализма, т. е., по Достоевскому, «весь этот мечта-

¹ Соколов А. К. Курс советской истории 1917–1940. М., Высшая школа. 1999. С. 137.

² Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1–2.

³ В этом обществе даже мать государственного преступника Александра Ульянова получала пенсию за покойного мужа, не говоря о семьях попавших в плен солдат и офицеров.

тельный бред», «весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его»¹.

Власть взяли **воинствующие безбожники**, в принципе не имевшие **никаких** моральных сдержек, и фактически сразу начали железной рукой воплощать «весь этот мрак и ужас» в жизнь.

То, что называется «военным коммунизмом», как-то находится на периферии общественного сознания, и по традиции, начатой еще в «Кратком курсе»², многими считается обусловленным экстремальными условиями времени.

Однако сейчас уже и в школьном учебнике можно прочесть, что «серьезное влияние на экономическую политику (гражданской войны — М. Д.) оказывали идеологические воззрения большевиков. Они мечтали о быстром, стремительном переходе к коммунизму. В новом обществе, полагали они, не будет частной собственности, торговли, рыночных отношений, производство будет подчинено единому плану, труд станет всеобщим, а распределение материальных благ — уравнительным»³.

А. К. Соколов пишет: «Раньше считалось, что политика военного коммунизма была вынужденной, продиктованной специфической обстановкой гражданской войны. Однако, если вспомнить содержание и сущность проводимых большевиками преобразований, это выглядит не совсем так. Конечно, большое значение имела сама ситуация в Советской республике, напоминая положение осажденной крепости, в которой уже начались и голод, и мор. **И все-таки военно-мобилизационная и реквизиционная система периода гражданской войны выросла на сплетении множества факторов.**

Когда отсутствует четкая программа действий, как это было у большевиков («сначала возьмем власть, а потом посмотрим»), то конкретные шаги в той или иной области во многом диктуются складывающейся обстановкой, а из этого затем извлекаются теоретические и идеологические постулаты, привязанные к марксистской доктрине, но часто прямо противоположные тому, что задумывалось в теории.

Нельзя не обратить внимания, что социально-экономические преобразования большевиков постоянно шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, охвативших общество. Распад товарно-денежных отношений, рынка, натурализация хозяйства, постоянная угроза голода в столицах и промышленных центрах также ускорили введение мер военно-коммунистического характера, или, как писал Ленин, «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению продуктов»⁴. Продолжение этой мысли Ленина, высказанной 17 октября 1921 г., наглядно показывает глубину представлений большевистских лидеров о коммунизме: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». И эти люди подобрали власть в самой большой стране мира со 150-миллионным населением!

Куда там Марксу с Энгельсом?!

Военный коммунизм продемонстрировал все будущие пороки советской системы — и отнюдь не всегда на эмбриональном уровне. Не берусь сразу определить, какие явления позднейшей советской истории не встречаются уже в 1918–1920 гг.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки. М. Т. 1. 1845–1875. С. 409–411.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1950. С. 219.

³ Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России. XX — начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2005. С. 122.

⁴ Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940... С. 88.

Военный коммунизм показал, что бывает, когда за управление страной берутся — в прямом и переносном смысле слова — кухарки мужского и женского пола, опьяненные свалившейся на них властью, одуревшие от вседозволенности и не обремененные никакими представлениями о морали.

Крестьяне недолго наслаждались плодами «черного передела» и заплатили за реализацию своей вековой мечты цену, беспрецедентную в мировой истории. Немедленный переход к коммунизму обернулся жесточайшей гражданской войной, разрушением крестьянского хозяйства в масштабах страны и людоедством как своего рода апогеем начального этапа строительства «нового мира».

Здесь необходимо заметить, что я неоднократно имел возможность убедиться в том, что «Декрет о земле» не всегда воспринимается во всей его полноте.

Дело в том, когда в тексте Декрета мы читаем — «частная собственность на землю ликвидируется», мы в соответствии с полученными в школе знаниями думаем о помещичьем землевладении.

Однако восприятие Декрета лишь как сигнала к безнаказанному погрому помещичьих усадеб и захвату их земли несколько упрощает проблему.

Ведь на периферии внимания остаются следующие весьма важные вещи, а именно то, что Декрет аннулировал частную собственность на землю не только помещиков, но и в всех остальных социальных категорий населения, в том числе и крестьян.

Во-первых, речь идет о 2,5 млн укрепленцев, затем о 1,2 млн хуторян и отрубников. Мы знаем, что до 1905 г. крестьяне имели в частной собственности 13 млн дес., а после реформы они купили у Крестьянского банка или через его вскладчину еще 10 млн дес.

То есть, все они копили деньги на эту землю, покупали ее — впусую.

Во-вторых, уже говорилось, что миллионы крестьян в непеределявшихся общинах в 1910 г. стали по закону собственниками своей земли и де-факто могли реализовывать свое право когда им заблагорассудится.

Но и это не все.

Ведь все 123,6 млн дес. наделной земли на 1 января 1907 г. были выкуплены. Да, большая часть земли оставалась в общине и ею пользовались на общинном праве. Но потенциально эта земля **уже** была крестьянской собственностью.

Нам как-то не сразу приходит в голову, что «Декрет о земле» просто-напросто уничтожил результаты всей выкупной операции по реформе 1861 г. Оказалось, что три поколения крестьян выкупали землю, нередко с большим напряжением, напрасно.

Напрасно — надо только вдуматься в это слово.

Да, множество крестьян было в 1906–1916 гг. против частной собственности и боролись с Столыпинской аграрной реформой. Но это отнюдь не означало, что с течением времени они не изменили бы своей позиции — например, вернувшись с фронта после знакомства с сельским хозяйством австро-венгерских или румынских крестьян. Это не означало также, что их дети принимали на себя моральное обязательство отвергать частную собственность и т. д.

Теперь этот путь был закрыт — только потому, что кучка — в сравнении с численностью населения страны — недоучек мечтала о мировой революции.

Конечно, масса крестьян в силу ряда причин не осознавала этого. Позже они вникли в эту проблему предметно, и продовольственная диктатура и продразверстка наглядно продемонстрировали им, что такое национализация земли.

В мои задачи не входит всесторонний анализ аграрной политики большевиков.

Я лишь хочу привести некоторые ее характеристики, которые дает один из ведущих аграрников первой трети XX в. Л. Н. Литошенко в своей уникальной книге «Социализация земли в России»¹.

Если продрозверстка — сюжет более или менее понятный, то о разрушительном влиянии на жизнь деревни трудовой повинности как компоненте военного коммунизма известно куда меньше (оставляя в стороне «Доктора Живаго», в какой-то мере дополняющего приводимую ниже информацию).

«Социалистическое правительство считало себя вправе распоряжаться личностью своих подданных и заменять частнохозяйственные стимулы к труду. Обязательная трудовая повинность должна была дать возможность «планомерного» распределения и использования наличных запасов рабочей силы в стране для надобностей социалистического хозяйства.

Главные запасы этих сил находились в деревне, куда укрылась от голода и значительная часть пролетариата. Естественно, что лично-трудовые обязательства всю тяжесть своей должны были лечь именно на сельское население.

Запасы рабочей силы для разного рода хозяйственных целей черпались из деревни двумя способами. Во-первых, она поставляла кадры для регулярных «трудовых армий», организованных в определенные единицы и работавших на разных трудовых «фронтах». Во-вторых, на деревенское население возлагалось выполнение целого ряда эпизодических и периодических работ, требовавших массового приложения неквалифицированного труда и, главное, массового использования транспортных средств крестьянского населения.

Второй вид трудовых повинностей лег на крестьянское хозяйство несравненно более тяжелым бременем, чем первый. Грандиозные планы Троцкого о милитаризации труда окончились почти ничем....

Гораздо ощутительнее для крестьянина оказались так называемые «периодические» и иные нерегулярные натурально-личные повинности. За два года существования декрета о всеобщей трудовой повинности на крестьянина и его лошадь был возложен целый ряд всевозможнейших «общественно-необходимых» работ. Крестьянин вывозил на станции и на сыпные пункты отобранный у него же самого хлеб, сводил лес, пилил и возил в город дрова, перевозил с места на место бесчисленную советскую администрацию, расчищал от заносов железнодорожные пути, разгружал и нагружал вагоны, чинил проселочные дороги, обрабатывал поля и убирал хлеб для красноармейцев, прудил мельничьи плотины, подметал городские вокзалы и улицы, собирал для топлива еловые шишки.

Весь этот тяжелый труд, требовавший участия не только самого «трудообязанного», но и его рабочего скота вместе со скудным транспортным инвентарем, почти не оплачивался. За целый день труда взрослого мужчины с телегой и лошадью «выдавали» ничтожный «паек», состоящий из фунта хлеба, шепотки соли, коробки спичек, чаще всего десятка фунтов овса для лошади. В большинстве случаев даже эти нищенские нормы оплаты труда оказывались фактически невыполненными. По признанию официального отчета, «общие цифры задолженности государства населению достигают огромных размеров». Один только Главный лесной комитет остался должен населению 23,5 млрд рублей деньгами, 180 пудов жиров, 13 293 пуда мяса, 63 пуда чая

¹ Литошенко умер на Колыме в 1943 г., а его труд, хранившийся в Гуверовском архиве, увидел свет в 2001 г. в Новосибирске.

и т. д. Нередко повинности крестьянского населения вообще считались бесплатными». В лучшем случае труд крестьян был оплачен не более как на 8% его действительной стоимости. В итоге и сами «трудообязанные», и их работодатели, смотрели на разного рода «пайки» и денежные выдачи как на подачки, имеющие целью несколько скрасить настроения работающих. Установился, по существу, правильный взгляд, что трудовая повинность основана не на договорном начале, но представляет собой образец подневольного, обязательного и бесплатного труда (ср. общественные работы во время продовольственных кампаний до революции — М. Д.)

Обременительность трудовых повинностей усиливалась организацией их выполнения. Основные декреты по этому поводу имели в виду только интересы административно-хозяйственных органов и не содержали никаких норм, охраняющих интересы «трудообязанных».

Право пользования трудовой повинностью было предоставлено не только различным центральным «чрезвычайным» комиссиям по снабжению топлива, по борьбе с заносами, пожарами, вредителями и т. п., но и местным советским властям. На почве же «местных нужд» выростали самые уродливые формы эксплуатации городом деревни. Каждый уездный город или губернский Совет считал себя полным хозяином личных сил и транспортных средств подчиненных ему деревень. В административных органах, особенно провинциальных, сосредоточились отбросы городской культуры, не имеющие часто никакого представления об условиях деревенской жизни. Они могли искренне верить, что крестьянская лошадь работает без корма 24 часа в сутки, а крестьянское хозяйство представлялось им неисчерпаемым источником не только продовольственных ресурсов, но и свободного запаса живой силы, которым правящий класс пролетариев распоряжается по своему усмотрению. Нет той экономической бессмыслицы, которая не была бы испробована в виде обязательных заданий для трудовых повинностей. Описывать их — значило бы пуститься в расследование изобретательности каждого уездного совета и комитета труда.

...Всякий, кому приходилось зимой 1920 г. проезжать проселочной дорогой, помнит незабываемую картину принудительной организации труда. Снежные поля, пустынное шоссе, черные пятна павших при исполнении обязанностей лошадей по сторонам дороги, изредка советские трактиры с одной горячей водой, одинокий, бесконечно длинный, еледвигающийся обоз с «советскими» дровами и неизменные через каждые 15–20 верст «засады» заградительных отрядов, тщательно перерывающие возы с дровами, чтобы найти и отобрать запрещенные к провозу продовольственные припасы.

Нет никакой возможности сколько-нибудь полно и точно определить в цифрах объем выполненных деревенским населением трудовых повинностей и ущерб, нанесенный ими крестьянскому хозяйству...

Отдельные, ограниченные небольшой территорией подсчеты дают поразительные цифры. Один автор-коммунист попытался подсчитать по документальным данным, какую работу пришлось выполнить людям и лошадям его родной волости в порядке трудовых повинностей. Оказалось, что 2 000 лошадей, насчитывавшихся в этой волости, за один 1920 г. прошли по приказам Советской власти не менее 500 тыс. верст, т. е. десять раз объехали по экватору земной шар. Исследованная волость вовсе не принадлежит к числу исключительных, и усердие местных органов власти не выходит за пределы нормального¹.

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли... С. 401–406.

Литошенко, проанализировав данные по 6 губерниям, представляющих разные хозяйственные районы России, делает вывод о том, что «нет ни одной губернии, где трудовая повинность отнимала бы менее одного рабочего месяца в год мужского и женского труда вместе. В среднем по всем 6 губерниям затрата рабочего времени составляет 62 дня на одно хозяйство, или около 2,5 рабочего месяца. Нужно заметить, что в этой сумме преобладает более дорогой и ответственный в сельском хозяйстве труд мужчины, на долю которого приходится 2 месяца, или 80% трудовых повинностей. Кроме того, каждое хозяйство в среднем отдавало государству 40 рабочих дней лошади.

Если мы теперь сопоставим трудовые повинности с общим запасом рабочих сил в хозяйстве, то окажется, что в среднем по всем губерниям принудительный труд отнимал 11,3% мужской рабочей силы, 3,2% женской и 9,7% лошадиной. Это значит, что каждый мужчина в крестьянской семье отдавал социалистическому правительству каждый 9-й день своего труда, каждая женщина трудилась по приказу того же правительства каждый 30-й день и каждая лошадь в крестьянском хозяйстве работала для государства один из десяти своих рабочих дней.

Но эти средние цифры еще не говорят всей правды, потому что объем трудовых повинностей колебался по отдельным губерниям. Если в губерниях Орловской, Владимирской и Тульской принудительный труд отнимал всего 5–6% рабочего времени каждого взрослого мужчины, то в Новгородской губернии этот коэффициент социалистического использования рабочей силы поднимался до 11%, а в Уфимской и Северо-Двинской приближался уже к 20%. Даже в пределах одной и той же губернии обнаруживаются значительные расхождения. В Северо-Двинской губернии зарегистрированы хозяйства, отдававшие до 100 мужских и столько же женских дней работы. Во Владимирской есть несколько случаев, превышающих 50 дней труда и т. д.

Никакой закономерности в колебаниях этих цифр искать не следует... Пестрота размеров трудовых повинностей больше всего объясняется случайными причинами и произволом местных властей.

Но как раз этот произвол и ощущался болезненнее всего.

Крестьянин не мог располагать ни своим временем, ни своей лошадью, ни своей телегой. Всегда, зимой и летом, во время отдыха и на полевых работах, могло явиться начальство и потребовать его к отбыванию социалистической повинности. Последние разрушали его здоровье, губили лошадей и ломали последний инвентарь, не давая взамен ни материальных компенсаций, ни морального удовлетворения. Троцкий думал, что «аппарат трудовой повинности» на практике приучит крестьянскую массу к особенностям «нового режима» и разовьет в ней социалистические навыки. На деле трудовая повинность будила не мечты о земном рае, а воспоминание о недавнем прошлом, когда крестьянин был прочно опутан узами крепостного права.

Вместе с этими воспоминаниями возрождалась и психика подневольного труда.

С одной стороны, стремясь ускользнуть от гужевой повинности, крестьянин сокращал численность своего рабочего скота, недостаток же последнего заставлял ухудшать обработку почвы и сокращать площадь посева.

С другой стороны, чувствуя себя в полной зависимости от произвола местной власти и отдавая социалистическому государству не только продукт своего труда, но и самые силы и здоровье свое, **крестьянин переставал сознавать себя свободным хлебопашцем, терял интерес к ведению хозяйства, опускал руки и переходил на положение ленивого и лукавого раба.**

Если продовольственные разверстки уменьшали стимулы к производству и сокращали площадь посевов крестьянских хозяйств, то транспортная повинность сокращала наличность живого и мертвого инвентаря, а трудовая — **убивала саму душу крестьянского хозяйства, его волю к свободному труду**¹.

Далее Л. Н. Литошенко определяет реальные размеры повинностей, которые свалила на крестьянство новая власть: «Принудительное отчуждение продуктов в общей сложности составляет от 33 до 88 руб. на хозяйство в разных губерниях. По расчету на средний семейный состав хозяйства это составляет от 5,3 до 13,6 золотого рубля подушной подати; десятина посева уплачивает 8–23 рублей золотом. Неравномерность обложения сочетается здесь с высокими абсолютными размерами податного бремени.

Что касается трудовой повинности, то по своим абсолютным размерам стоимость отданного государству труда мало уступает ценности взятых им продуктов. В общем, можно заметить, что принудительные отчуждения продуктов были наивысшими в производящих хлеб губерниях, а трудовая повинность ложилась более тяжелым бременем на население потребляющей лесной полосы России.

В итоге все крестьянство находилось приблизительно в одинаковых условиях. Продуктами своего хозяйства и личным трудом оно уплачивало в пользу социалистического государства огромную подать в 127,3 руб. на хозяйство. По расчету на душу населения и десятину посева это составляет 19,5 и 31,8 золотого рубля.

Разрушительная сила налогов такого размера очевидна сама собою. Она еще резче бросается в глаза при сопоставлении с тяжестью податного бремени нормального времени».

В абсолютном выражении податное бремя на одно хозяйство в 1920/1921 г. превышало довоенную норму в среднем в 9 раз, а по расчету на душу населения — «каждый сельский житель отдавал в 1920/1921 г. государству трудом и продуктами ровно в 10 раз больше, чем при старом режиме»².

В разных губерниях в нормальное время взималось в среднем 1,4% валового дохода. В 1920/1921 г. доля государства дает уже между 8,4 и 17,3% (соответственно в потребляющих и производящих губерниях — М. Д.). В среднем тяжесть обложения возросла в 6–12 раз, и это **не считая трудовой повинности**.

Словом, каким способом ни измерять налоговое бремя, крестьянин оказывается в жестоком проигрыше уже при сопоставлении одних сумм и ставок прежних и нынешних налогов.

Для полноты картины необходимо напомнить, что в смысле обременения плательщика формы взимания налога имеют не меньшее значение, чем ее размеры. Это установлено еще А. Смитом в его знаменитых четырех правилах налоговой политики. Система советских налогов кажется построенной на принципиальном отрицании каждого из них.

Вместо налогового равенства мы имеем исключительно неравномерное, несправедливое и несогласованное с хозяйственными силами плательщиков обложение.

Вместо определенности налогов — судорожное изъятие на глаз установленных «излишков», совсем по Смиту «поощряющее нахальство и содействующее развращению сборщиков податей».

Вместо наибольшего удобства уплаты налога — наиболее тяжелая натуральная

¹ Там же. С. 406–409.

² Там же. С. 410–414.

форма налогов, связанная для плательщика с рядом добавочных обременений в виде подвоза, ссыпки и хранения продуктов.

Вместо дешевизны взимания, наконец, — громаднейший аппарат людей, складов, транспорта и упаковочных средств, поглощающих иногда до 50% собранных продуктов.

Мы не говорим уже о средневековых жестокостях, сопровождавших взимание разверсток и налогов, о «милитаризации» продовольственного дела, о лишении свободы распоряжения своей личностью всех «трудообязанных». Эти стороны социалистической налоговой системы не могли быть предусмотрены в гуманный век Смита.

Подведем теперь итог описанным выше плюсам и минусам революции. **Конфискация земель нетрудового пользования и дополнительное наделение обманули ожидания крестьянства.** Выгодная для сельского хозяйства конъюнктура войны и первого года революции быстро уступила место сокращению покупательной силы крестьянства и понижению ее по сравнению с продуктами промышленности. Освобождение от прямых и косвенных денежных налогов сменилось бестоварьем и неизмеримо более тяжким натуральным обложением. Формы взимания налогов заставляли вспоминать об остатках средневековья и крепостного права. Баланс советской политики явным образом складывался не в пользу крестьянского хозяйства. Революция возлагала на него несравненно более тяжкое бремя, чем снимала¹.

Политика советской власти закономерно повлияла на потребление деревни: «Русский крестьянин, со всех сторон теснимый социалистическим государством, в последней очереди отказался от потребления привычного количества пищи.

Тем не менее и здесь произошли сдвиги в худшую сторону. Те же анкеты показывают, что оставаясь количественно, по своему калорийному содержанию, приблизительно на одном и том же уровне, питание сельского населения ухудшалось качественно. Исчезло разнообразие пищи и привозные продукты. Рожь повсеместно вытеснила пшеницу, исчезла мука тонкого помола, появились самодельные крупы, вроде ржаной и пшеничной, стали есть овес и конину, укоренились и другие пищевые суррогаты или продукты скверного качества.

По мере приближения к современному моменту более резко обнаруживаются перемены в количественных пропорциях питания. Систематическое проведение земельно-продовольственной политики на фоне повторных неурожаев сделало свое дело.

Даже оптимистические анкеты о питании дают для 1922 г. резко выраженное падение норм потребления. Нечего и говорить, что небывалый голод, поразивший в 1921 г. огромную территорию, надолго понизил уровень питания населения соответствующих районов.

Но еще глубже и быстрее, чем питание, упал уровень жизни в области удовлетворения других материальных потребностей сельского населения².

Анализируя данные о величине различных продуктов, которые не производились крестьянами, а покупались или выменивались ими в 1919/1920 г., Литошенко констатирует: «Перед нами картина поразительного оскудения. Для его характеристики не нужно обращаться к иностранным образцам, достаточно сравнения с нормами довоенного потребления. Наибольшему сокращению подверглись самые важные потребности. Приобретение сельскохозяйственных машин и орудий упало до 10% обычной

¹ Там же. С. 416–417.

² Там же. С. 435–436.

нормы, покупка и без того скудных в крестьянском обиходе одежды, обуви и белья сократилась почти в 14 раз, потребление важнейших, не производимых в крестьянском хозяйстве продовольственных припасов (сахар, соль, чай) понизилось в 7 раз и т. д. В среднем по всем статьям покупных продуктов потребление упало с 22 руб. 42 коп. до 3 руб. 41 коп., т. е. уменьшилось приблизительно в 6–7 раз.

Смысл этих цифр может быть объяснен опять только в том же направлении. Наталкиваясь на дороговизну или прямой недостаток промышленных продуктов, крестьянин частью урезывал свои потребности, отказываясь от самого необходимого, частью заменял недостающие блага предметами собственного изготовления. Потребность в машинном инвентаре не могла быть удовлетворена собственными силами, и она осталась висеть в воздухе. Зато на смену водке явилась «самогонка», место покупных ситцев заняло домашнее полотно, недостаток керосина был пополнен дедовской лучиной. По всей линии потребления: в пище и в одежде, в постройке жилищ и в освещении — крестьянин выбрасывал все лишнее и переходил от денежного хозяйства к строго натуральному.

Все три вышеописанные черты — нивелировка крестьянского хозяйства, его натурализация и понижение жизненного уровня, вместе взятые, — дают картину ярко выраженной *натурально-хозяйственной реакции*¹.

Сбылись давние мечты народников — натурально-хозяйственная теория воплотилась в жизнь.

Естественным следствием «непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению продуктов» стал голод 1921–1922 гг.

«Россия издавна была страной частых недородов. Низкая производительность сельскохозяйственного труда, отсталая техника и климатические особенности приводили к тому, что почти каждый год частичный неурожай обнаруживался то в одном, то в другом районе. За последние 30 лет более крупные недороды, поразившие значительное число губерний, приходится на 1891, 1906, 1911, 1920 и 1921 гг. **В советской печати существует понятная тенденция относить голодовки последних лет к разряду обычных для России, неотвратимых стихийных бедствий. Это верно только отчасти.**

На деле между бедствием 1921 г., описанной выше натурально-хозяйственной реакцией и экономической политикой последних лет может быть установлена неопровержимая причинная связь. Она обнаруживается прежде всего поразительным совпадением территории, пораженной голодом в 1921 г., и области, бывшей главным театром принудительных отчуждений в предшествующих 1919 и 1920 гг.

Главным очагом голода является Поволжье и Приуралье в составе 12 губерний².

¹ Там же. С. 435–437.

² Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии и Татарская республика. Однако голод имел и свою обширную периферию. А. М. Кристалл пишет, что голод «поразил 16 российских губерний, 3 автономные республики, 3 автономные области и Трудовую коммуны немцев Поволжья. На этой территории проживало 34 589,4 тыс. человек. Однако в 1922 г. голод охватил также города Москву (население 1028,2 тыс. чел.) и Петроград (894,1 тыс. чел.). Московскую, Петроградскую, Омскую, Пензенскую, Нижегородскую, Курскую и Тамбовскую губернии с общим населением в 13 731,3 тыс. человек. Кроме того, в 1921 г. голодали пять губерний Украины с населением в 9 542,2 тыс. чел., Азербайджан (2097 тыс. чел.), Армения (1214,4 тыс. чел.), Казахстан (5018 тыс. чел.), а также Дагестан (798 тыс. чел.) и 2 автономные области (832 тыс. чел.). В 1921 г. в зоне голода, по нашим данным, уже проживало 69 795 тыс. человек (все население страны составляло 134 663 800 человек). (Кристалл А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф. канд. дисс. М., 1997. С. 17.)

Подсчитывая количество взятого в этих губерниях государством хлеба, получаем 132 млн пудов для 1919/1920 г. и 90 млн пудов для 1920/1921 г. По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44%. В 1920/1921 г., когда реквизиции на востоке были уже ослаблены, государство забрало все же в 6 губерниях Поволжья 15% чистого сбора хлебов, полученного в 1920 г. Изъятие такого количества хлеба в течение двух лет подряд не могло не отразиться на состоянии местного хозяйства.

Его положение ухудшалось, далее, крайней бессистемностью (и жестокостью) продовольственных реквизиций. Отбиравшие хлеб не считались ни с продовольственной нуждой хозяйства, ни с его потребностями в семенах и корме скота, ни с необходимостью иметь некоторый запас продуктов в качестве запасного, страхового от неурожая фонда. Последнее обстоятельство особенно губительно отразилось как раз на состоянии хозяйства Поволжья. Этот край издавна славился подверженностью засухам и резким колебаниям урожая. Годы тучных сборов чередуются здесь с тощими жатвами.

При резких колебаниях урожая крупные размеры посевной площади до некоторой степени смягчали опасность голода. Абсолютно низкий сбор с одной десятины по расчету на все хозяйство обеспечивал необходимый минимум существования. Крестьянин переставал продавать хлеб, но для скудного пропитания и редкого посева хлеба у него все же хватало.

Средство борьбы с постоянной угрозой голода население нашло в расширении посевов и накоплении запасов.

...Советские продовольственные органы принимали этот страховой фонд за скрываемые «спекулятивные» запасы и уничтожали их.

На беспорядочные реквизиции, как мы уже знаем, крестьянство отвечало систематическим сокращением посевных площадей. Страх голода отступал на задний план перед страхом правительственных разверсток. Кроме того, население не имело физической возможности засеять прежнюю площадь. Для этого у него не хватало ни семян, ни скота. В результате лишено запасов прежних лет и не обеспеченное посевами крестьянское хозяйство подвергалось величайшей опасности.

До революции общая площадь посева голодающего Поволжья составляла 10,2 млн десятин при 10,1 млн человек сельского населения. На душу населения здесь имелось, следовательно, несколько более одной десятины посева. Даже при урожае в 15 пудов с десятины своего хлеба хватало бы для прокормления семьи, а при пониженной норме потребления и с запасами прежних лет можно было обеспечить посевной материал и корм скоту. Наконец, собственные излишки у многопосевных хозяйств, излишки, несомненно получавшиеся даже при самых скудных урожаях, становились теми местными запасами, которые помогали пополнить недостаток продовольственных ресурсов, не прибегая к привозу их издалека.

Сокращение посевной площади, ухудшение обработки, нивелировка размеров хозяйства и систематическое отобрание излишков должны были радикальным образом понизить естественную сопротивляемость голоду описываемых районов. Сокращение посевов достигло, как мы знаем, наибольших размеров именно в Поволжье. В 1921 г. здесь оставалось не многим более половины прежней площади. Общая площадь посева исчислялась в 5,8 млн десятин; по расчету на душу населения, возросшего до 10,6 млн, это составляло не более 0,55 десятины посева всех хлебов, включая технические культуры. При урожае в 15 пудов с десятины на каждого человека приходилось

бы 7,5 пудов хлеба. Этого не могло хватить даже на голодное существование. Отсутствие запасов и местных излишков увеличивали опасность.

В 1921 г. Поволжье поразила редкая по силе засуха. Урожай с десятины в среднем упал с 17 пудов ниже 10 пудов с десятины. Катастрофа разразилась. Поволжье переживало страдания, небывалые со времен Годунова. В течение зимы 1921 / 1922 г. документально засвидетельствованы массовые случаи каннибальства.

Для поверхностного наблюдения или официального оптимизма причиной бедствий служит засушливое лето нынешнего года. В действительности гибель миллионов людей была предопределена продовольственной политикой последних лет. С полудесятиной посева на душу и без всяких запасов Поволжье существовать не может. Стихийные причины стали только последней каплей, упавшей на весы судьбы несчастного края.

Значение продовольственной политики и вызванной ею натурально-хозяйственной реакции не ограничивается, однако, одними местными, хотя бы и жестокими, голодовками. Под угрозой голода оказывается вся Россия»¹.

Анализ продовольственного баланса РСФСР в 1921 / 1922 г. приводит Л. Н. Литошенко к следующим размышлениям: «Потребление сельского и городского населения исчислено по минимальным нормам. Предположено, например, что в потребляющей полосе сельское население съедает только по 11,5 пуда хлеба на душу в год, включая расход на корм скота. Та же норма сохранена для пострадавших от неурожая губерний производящей полосы. Для непострадавших губерний производящей полосы норма несколько повышена. Потребление городского населения повсеместно ограничено 10 пудами хлеба. Если принять во внимание, что прежняя норма потребления хлебных продуктов, без корма скота, составляла около 18 пудов в год на душу населения, то нельзя не признать, что исчисления сделаны осторожно и исходят из предположения, что нищая страна будет питаться впроголодь.

Несмотря на это, общий баланс страны, вывезшей не далее как в 1913 г. 648 млн пудов хлеба, сводится теперь с огромным дефицитом в 61 млн пудов. [Присоединение ресурсов Украины не устраняет дефицита. Сама Украина в 1921 / 1922 г. голодает и в целом нуждается в привозе 197 млн пудов хлеба.] Чтобы просуществовать впроголодь, Россия должна ввозить значительные количества хлеба. Без этого продовольственный бюджет может быть сбалансирован лишь за счет увеличения числа голодных смертей.

Но может быть этот печальный вывод относится только к 1921 г.? Может быть он объясняется неблагоприятными климатическими условиями этого года и огромной потребностью в хлебе пораженных недородом областей?

Анализ порайонных итогов... к сожалению, заставляет отказаться от этого последнего утешения»².

Л. Н. Литошенко доказывает, что «неустойчивость хлебного баланса России не есть случайное явление, вызванное климатическими условиями 1921 г. В основе ее лежит разрушение крестьянского хозяйства всей предыдущей политикой. Это разрушение привело к небывалому голоду, а голод, в свою очередь, становится мощным фактором дальнейших разрушений. Может быть статистически доказано, что степень сокращения посевов находится в причинной связи с интенсивностью неурожая. Не только

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли ... С. 439–442.

² Там же. С. 442–443.

гибель рабочего скота и недостаток посевного материала, но и физическая слабость совместно с моральной апатией заставляют население голодающих районов сеять еще меньше, чем раньше. Учет засеянной осенью 1921 г. площади озимых по 28 губерниям показывает понижение против прошлого года на 23%. Посев яровых едва ли будет благоприятнее. Мы стоим, таким образом, перед новым сокращением посевной площади, а вместе с тем и перед продолжением кризиса.

Не может быть и речи об устойчивом балансе, пока в коренных земледельческих районах засеивается полдесятины земли на душу сельского населения. При огромном протяжении России невозможно предположить такое сочетание метеорологических условий, которое было бы благоприятно для всего сельского хозяйства. Каждый год в России бываю пораженные недородом районы.

Вся разница в том, что раньше дефицит пораженных районов пополнялся излишками более счастливых областей, а теперь таких излишков нет и население каждого района предоставлено собственным силам. Частичный недород в любом районе означает в настоящее время обречение на голод или даже голодную смерть большего или меньшего числа людей. Если бы даже одновременно в других районах вследствие высокого урожая образовались бы некоторые излишки, использование их все равно было бы до крайности затруднено распыленностью этих излишков по миллионам мелких хозяйств, слабостью стимулов у последних к обмену излишков на обесцененные денежные знаки, полным отсутствием покупательной силы у населения пострадавших районов.

Натурально-потребительская реакция крестьянского хозяйства имеет, таким образом, два ряда вредных последствий.

С одной стороны, она мешает самопроизвольному или организованному выравниванию избытков и недостатков отдельных районов, с другой — она ставит под удар продовольственный баланс всей страны. Одним из давних недугов русского народного хозяйства была тесная зависимость его процветания от размеров урожая. Теперь не только благосостояние, но и жизнь миллионов людей каждый год висят на волоске. От того, пойдет или не пойдет вовремя дождь, зависит урожай, а вместе с ним и судьба целых областей, по размерам превосходящих крупнейшие европейские государства.

В стране, лишенной возможности покупать хлеб за границей и не имеющей средств для выравнивания избытков и недостатков за государственный счет, дефицит продовольственного баланса может быть покрыт только физической смертью избыточного населения»¹.

То, что еще можно было спасти в России, спасли прежде всего Герберт Гувер и его организация АРА, которая, кроме прочего, выделила зерно для посева в 1922 и 1923 гг.

Приведенных данных более чем достаточно, чтобы понять, как быстро и страшно сформировалась и вошла в сознание миллионов людей новая система жизненных ценностей и нравственных координат, сменившая ту, которая господствовала при «малоземелье, непосильных платежах, голодном экспорте» и прочих приметах царского режима.

Однако это далеко не все, что следует сказать.

Множеству современников, конечно, были ясны причины голода 1921–1922 гг.

Тем не менее с его началом такие партийные «златоусты», как Троцкий, Радек и

¹ Там же. С. 448–450.

Ярославский в унисон стали объяснять человечеству о стихийности и непредсказуемости голода в России, пытаясь снять ответственность с режима.

После 1917 г. дореволюционные представления о стихийном бедствии сохранились, а о том, что такое *голод*, к несчастью, серьезно изменились.

Для нас принципиально важно уяснить, как менялась реакция Власти на эти вызовы. Царский режим тратил в отдельные годы, например, в 1891 г. на продовольственную помощь суммы, сопоставимые с расходами на оборону страны, он кормил, точнее «прокармливал», миллионы людей, число которых в сумме превышало население многих западноевропейских стран, он открывал тысячи столовых и пунктов медицинской помощи, он предоставлял возможность нуждающимся заработать себе на пропитание, он выдавал хлеб и деньги в ссуду, а затем прощал долги, и т. д., притом же его альтруизм прямо воспитывал у немалой части населения привычку полагаться не на себя, а на «Царский паек».

Истерики русской интеллигенции по поводу «народных бедствий» и вины правительства в огромной степени были популистской демагогией даже и по представлениям того времени. У насковоз лицемерной социалистической (да отчасти и кадетской) интеллигенции с двойными стандартами проблем не возникало. Власть была виновата в самом своем существовании.

Имперское правительство тратило сотни миллионов рублей на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества — на оборону, на всеобщее начальное образование, например, на открытие столь нужных стране военных училищ, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А теперь попробуем кратко, «пунктиром» очертить подходы «власти рабочих и крестьян» к рассматриваемой проблематике.

В 1921 г. она поначалу попросту замалчивала сам факт голода.

При этом обращает на себя внимание явная растерянность советской власти, перед которой, по точной формулировке М. Я. Геллера и А. М. Некрича, впервые возникла «задача, которую нельзя было решить силой»¹. Они считают, что Ленин боялся прямого обращения за помощью к странам Запада, «опасаясь получить решительный отказ. Отказ капиталистических стран помочь государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию, казался Ленину в первой половине 1921 г. поведением как нельзя более естественным. Безвыходное положение вынуждает Ленина после долгих колебаний согласиться на создание Всероссийского комитета помощи голодающим» (ВКПГ)², который должен был стать своего рода гарантом того, что помощь дойдет до голодающих.

История возникновения, недолгой работы и ликвидации ВКПГ, который советская историография десятилетиями разоблачала как «контрреволюционную организацию», чрезвычайно показательна.

А. М. Кристкалн, в середине 1990-х гг. проведший развернутое исследование деятельности этой организации, сделал следующий вывод: «Факты однозначно свидетельствуют: ВКПГ создавался и функционировал именно как непартийная благотворительная организация»³.

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. В 2 кн. М., 1996. Кн. 1. М., 1996. С. 122.

² Там же. С. 123.

³ Кристкалн А. М. Голод 1921 г. в Поволжье... С. 24.

Двадцать второго июня 1921 г. VII съезд Московского общества сельского хозяйства принял предложение инициатора съезда С. Н. Прокоповича о создании Всероссийского комитета помощи голодающим. Его возглавили сам Прокопович, его жена Е. Д. Кускова и Н. М. Кишкин, бывший министр продовольствия Временного правительства¹. Ленин со своим обычным «кухонно-коммунальным» юмором стал называть Комитет «Прокукишем» (от сокращения первых слогов фамилий его лидеров); даже в такой детали видны его сущностные человеческие качества.

После согласования формальностей вхожий в Кремль М. Горький, ставший членом Комитета, «29 июня 1921 г. официально внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) предложение о создании Всероссийского комитета помощи голодающим», в состав которого вошел 61 видный представитель небольшевистской общественности и 12 партийцев². Почетным председателем, как говорилось, был избран В. Г. Короленко, успевший написать Горькому в августе 1921 г., что «голод у нас не стихийный, а искусственный».

Власть даже при формировании состава ВКПГ в первую очередь блюла собственные интересы. Заслуживает внимания мысль Кристална о том, что большевики, видевшие главного идейного противника в Русской православной церкви, стремились «заручиться в борьбе с ней чем-то вроде союза с другими конфессиями или хотя бы обеспечить нейтралитет с их стороны»³. Поэтому в состав Комитета были включены представители меннонитов, баптистов, адвентистов, но не было ни одного представителя Русской православной церкви.

По мнению Кристална, «создание ВКПГ как независимого от советского правительства общественного органа вызвало одобрение во всем мире, было воспринято как признак отхода большевиков от тотального контроля над всей жизнью России.

Уже в июле 1921 г. Москва получила предложения продовольственной помощи одновременно от Лиги Наций, которой руководили Англия, Франция и Италия, и от правительства США, представленного Американской администрацией помощи (American Relief Administration, сокращенно: АРА).

И если разоренная Первой мировой войной (1914–1918 гг.) Европа не могла обеспечить весь необходимый для спасения жителей России объем продовольственной помощи, то АРА, которая существовала с 1919 г., могла свободно распоряжаться огромными излишками продовольствия, имевшимися в распоряжении правительства США.

Лига наций образовала особую комиссию для организации помощи голодающим России, во главе которой встал известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Нансеновский комитет с самого начала стал сотрудничать с советским правительством, а АРА предпочитала иметь дело с ВКПГ⁴.

В связи с этим 21 июля 1921 г. глава советского государства М. И. Калинин подписал декрет, фактически придававший ВКПГ статус организации, официально признанной властями, но совершенно независимой от них. Однако внутри ВКПГ создается коммунистическая группа во главе со Л. Б. Каменевым и Н. А. Семашко.

Еще 12 июля 1921 г. Ленин написал Семашко записку, в которой указал, как следует обращаться с руководством ВКПГ: «Директива сегодня в Политбюро — строго

¹ Там же. С. 24–25.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 26.

обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, *блюдите строго*. От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ни-че-го».

Конечно, Кускова прекрасно понимала, что ее имя просто используют, что оно служит ширмой для советского правительства, но она сознательно пошла на это, чтобы помочь своей стране. Она говорила Каменеву: «Помочь может только заграница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим»¹.

Герберт Гувер, стоявший во главе АРА, выдвинул два условия развертывания деятельности своей организации в РСФСР — самостоятельность действий своей организации и освобождение заключенных в российских тюрьмах граждан США. Ленин кипел от негодования: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, публично дать ему пощечины, чтобы весь мир видел, и Совету Лиги наций тоже».

Как можно видеть, представления о подлости у Ленина, главного творца «новой морали», были своеобразными. Подлостью у него называется, в частности, желание людей, жертвующих средствами, знать, на что они тратят *свои* деньги, и стремление быть уверенными в том, что аморальная власть не истратит их на нужды своей диктатуры.

Однако выбирать не приходилось. 25 июля Горький от имени советского правительства принял предложение Гувера. «12 августа 1921 г. Совнарком получил официальное сообщение о том, что АРА «настаивает на переговорах с советским правительством». 21 августа 1921 г. специальный посланник Совета Народных Комиссаров М. М. Литвинов подписывает в Риге соглашение с АРА о помощи голодающим в России»².

Узнав об этом, член Комитета Н. Кутлер произнес известную фразу: «Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35 % населения голодающих районов, а не все 50 или 70...».

ВКПП получил право «образовывать свои отделения на местах и за рубежом, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять помощь среди голодающих. В результате переговоров с представителями зарубежных комитетов помощи голодающим в России была достигнута договоренность о поездке делегации ВКПП в Стокгольм. Это обстоятельство не могло не беспокоить власть, т. к. в состав Помгола входили бывшие активные члены оппозиционных партий.

В то же время советская власть всячески тормозила деятельность ВКПП. Так, 23 августа 1921 г. Горький был вынужден направить из Петрограда в Москву телеграмму председателю ВКПП, в которой заявил о своем выходе из состава комитета в связи с тем, что Петроградский губисполком не утвердил состав питерского отделения ВКПП: «Деятельность Петроградского Отделения мною прекращена 23 августа. В силу этого заявляю о моем выходе из членов Всероссийского Комитета помощи голодающим». Через несколько дней, 27 августа 1921 г., перестал существовать и сам комитет»³.

Когда 18 августа 1921 г. Прокопович, Кускова и Кишкин официально ходатайство-

¹ Там же. С. 25–26.

² О деятельности АРА можно судить по весьма информативным работам Р. А. Латыпова: *Латыпов Р. А. Американская помощь Советской России в период голода 1921–1923 гг.* // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 8. М., 2005; *Он же.* «Культурный шок» в международных отношениях: опыт работы АРА в России в 1921–1923 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1; *Он же.* Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Нужда и порядок. История социальной работы в России. XX век. Сб. ст. Саратов. 2005.

³ *Макаров В. Г., Христофоров В. С.* К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. № 3. 2006.

вали перед ВЦИК о разрешении им выехать за границу для сбора пожертвований, они получили отказ с формулировкой: «Немедленный выезд делегации не вызывается необходимостью».

Советская власть тривиально испугалась — ведь ВКПГ обратился за содействием к патриарху Тихону, не говоря о том, что на счета Комитета сразу же потекли средства и т. д. «Недобитые» общественные деятели старого мира с энтузиазмом восприняли возможность сделать что-то по-настоящему полезное для народа.

26 августа Ленин написал письмо «Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б)» в своем типичном стиле: «Предлагаю, выразив возмущение наглейшим предложением Нансена (он включил в состав своей организации члена ВКПГ — М. Д.) и поведением «кукишей», сегодня же, в пятницу 26,8. постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш».

Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... и продержать месяца три, пока обследуем это собрание тщательно. Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор. Ей-ей, ждать еще — ошибка будет громадная. Пока Нансен не уехал, дело будет сделано; Нансену поставлен будет ясный «ультиматум». Игре (с огнем) будет положен конец. Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать.

Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал, а кадетам «не вместно». **Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев...** Большой зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях. Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро. Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей» и прекратить их игру (с огнем)».

Это письмо не хуже записки о «подлости» Гувера и Лиги наций вновь демонстрирует стилистику мышления советского лидера. Он не любил людей, разве что кроме существующих исключительно в его воображении абстрактных «сознательных рабочих и крестьян». Даже в *такой* ситуации он считает себя вправе ставить «ультиматумы» Нансену — помогать будете на наших условиях, а не хотите — не надо, пусть мрут от голода.

27 августа 1921 г. было принято решение Президиума ВЦИК о роспуске Всероссийского комитета помощи голодающим, и вечером того же дня собравшиеся по просьбе Каменева члены ВКПГ С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, В. Ф. Булгаков, Н. Д. Кондратьев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин и Н. Н. Кутлер были арестованы. Не тронули, что характерно, старую террористку Веру Фигнер (дожившую до 1942 г. и воочию увидевшую, как воплотились в жизнь мечты ее молодости). «В этот же день ВЧК направила циркулярное распоряжение на места о необходимости установить наблюдение за местными комитетами, запретить их собрания, арестовать участников нелегальных собраний. 28 августа 1921 г. газета «Известия» опубликовала постановление ВЦИК о ликвидации Помгола»¹.

Троих (по другим данным — шестерых) арестованных приговорили к смертной казни, но их спасло заступничество Нансена. Позже часть их была выслана за границу и

¹ Там же. Авторы считают, что Зайцев арестован не был.

тем самым спасена. Судьба Кондратьева и других членов ВКПГ, оставшихся в советской России, была куда страшнее.

Трагичной была и участь деятелей Всероссийского церковного комитета помощи голодающим (ВЦКПГ), созданного под руководством патриарха Тихона.

В августе 1921 г. русская православная Церковь в лице патриарха Тихона также предложила советскому правительству свою помощь в деле борьбы с голодом. «Е. Кускова, вспоминая «могучую энергию» патриарха, «поднявшего на дело спасения всю верующую Россию и за границу», считает, что эта энергия очень напугала большевиков, в глазах которых «проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции»¹.

Только 9 декабря 1921 г. Совнарком согласился принять помощь церкви, возложив надзор за нею на ВЧК.

19 февраля 1922 года патриарх предложил епархиальным советам передать в фонд помощи голодающим церковные ценности, за исключением священных предметов («в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления»).

А дальше началось известное теперь не по большевистским агиткам святотатство.

19 марта 1922 г. Ленин писал в «строго секретной» записке: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Нам... необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей».

Началось массовое изъятие церковных ценностей по всей стране. Чекистов тогда звали «ловцами жемчуга». В ходе изъятий произошло 1414 кровавых инцидентов².

«Сопrotивление верующих Шуи, во время которого было убито 4 и ранено 10 человек, немедленно используется Лениным для составления строго секретного инструктивного письма, адресованного членам Политбюро. «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Ленин дает указания: арестовать как можно больше «представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства», провести показательный процесс, расстрелять „очень большое число». Во время процесса, организованного в Москве в апреле-мае 1922 года, 11 обвиняемых были приговорены к смертной казни. В отношении пятерых приговор был приведен в исполнение. В качестве свидетеля, а затем и обвиняемого, был привлечен патриарх Тихон. Он был помещен под домашний арест и лишен возможности исполнять свои функции. На процессе в Петрограде (июль 1922 г.) судили 86 человек. К смерти было приговорено 10 обвиняемых, казнено четверо, в том числе митрополит Вениамин. В общей сложности в 1922 году было казнено 8100 священников, монахов и монашенок»³, открывших, по точной мысли Н. А. Кривовой, «счет новым мученикам России».

Бездушный империалистический Запад спас тех жителей России, которых еще можно было спасти. Главную роль в этом сыграла АРА: «В мае 1922 года АРА кормила 6099574 человек, американское общество квакеров — 265 тысяч, Международный союз помощи детям — 259751 человек, Нансеновский комитет — 138 тысяч, швед-

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 143.

² Кристалли А. М. Голод 1921 г. в Поволжье. С. 28–29.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 143–144.

ский Красный крест — 87 тысяч, германский Красный крест — 7 тысяч, английские профсоюзы — 92 тысячи, Международная рабочая помощь — 78011 человек. Статья «АРА» в Большой советской энциклопедии (1926) дает дополнительные сведения: АРА работала в РСФСР в голодные годы с 01.10.1921 по 01.06.1923. В период максимального развития своей деятельности она кормила приблизительно 10 миллионов человек. За время своей деятельности израсходовала около 137 миллионов золотых рублей»¹.

АРА не только кормила миллионы людей, но и оказывала им медицинскую помощь. Более того, существовала так называемая «побочная помощь» АРА — по восстановлению разрушенной гражданской войной инфраструктуры страны, т. е. «строительство дорог, санитарные работы, ремонт и сооружение водозаборных систем, различные общественные работы. Например, железнодорожное хозяйство России... просто не справлялось с объемом перевозок и разгрузочных работ для АРА, в связи с чем ее сотрудникам пришлось организовывать и восстановление путей сообщения. Так, только в Симбирской губернии был восстановлен 271 железнодорожный мост. АРА финансировала строительство дорог, мостов, фонтанов, обновление школьных зданий, больниц, заводов. Главный акцент — улучшение санитарных условий. Без этого вынужденного комплекса мер помощь голодающим лишь продлевала их агонию, снижала результативность оказываемой поддержки»².

В высшей степени показательны причины прекращения деятельности АРА в советской России, раскрываемые Р. А. Латыповым: «С начала осени 1922 г. началось сокращение помощи. Наблюдалось сокращение в объемах и географии помощи — закрытие Оренбургского дистрикта. Критическая фаза голода осталась позади, был собран хороший урожай. Большевики начали тяготиться присутствием АРА. Голод переходил в нужду и недоедание. На официальном сленге положение характеризовалось как «последгол». Однако Советы нуждались в политическом признании США, поэтому миссию приходилось терпеть, хотя начался оказываться вежливый, но жесткий нажим.

И все же, несмотря на официальный оптимизм, многие крестьяне по-прежнему голодали и звали о помощи. Голод и помощь АРА серьезно компрометировали коммунистические власти в глазах населения и мировой общественности. Поэтому власти в центре и на местах предпринимали попытки прямо или косвенно приуменьшить вклад АРА в борьбе с голодом и заодно приписать их заслуги себе. Когда кризис миновал, отношение явно изменилось, теперь помощь виделась не так нужной, власть стала тяготиться присутствием независимой от ее контроля организации, а в голосе партийных функционеров все явственнее стали проявляться нотки классовой ненависти»³.

СССР «в пику Гуверу и АРА» выдвинул на первый план фигуру Ф. Нансена, отодвинув АРА на периферию. «Большевики нашли Нансена удобным пропагандистским орудием в своих взаимоотношениях с Западом, и в особенности для нейтрализации влияния АРА. Не удивительно, что Нансен стал «звездой» советской прессы, удобным «громоотводом» для режима. Нансен возглавлял *безгосударственную* организацию, хорошо был известен в России как полярный исследователь, без политических ам-

¹ Там же. С. 125.

² Латыпов Р. А. Американская помощь Советской России... С. 269.

³ Там же. С. 270.

биций, критиковал действия западных правительств, его представители “передавали продгрузы советским органам, не требуя создания собственного особого разветвленного аппарата”.

Он работал через Советы, АРА — самостоятельно и часто *вопреки*. Нансена большевики встречали с помпой, он был обласкан всякими почестями и наградами, всюду его встречали оркестры, речи, организовывались пышные банкеты. Ближе к концу декабря 1921 г. ему воздал должное всероссийский съезд Советов, избрав почетным членом Московского Совета. Нансен стал почетным доктором Московского университета. Все эти события нашли свое отражение на многих страницах советской прессы — в центре и на местах, в то время как АРА почти полностью игнорировалась. И это накануне голосования в Конгрессе США о выделении дополнительных 20 млн долл. для помощи России. Если Международный Комитет Помощи России под руководством Нансена с сентября 1921 по сентябрь 1922 г. поставил в Россию 90 тыс. 700 тонн продовольствия, то АРА только за один год поставила около 790 тыс. тонн грузов продовольствия (не считая одежды и др.).

Летом 1922 г. советское правительство поспешило объявить миру о победе над голодом, о перспективах хорошего урожая. Официальный оптимизм был обусловлен стремлением произвести впечатление на общественное мнение Запада. Советское правительство лихорадочно нуждалось в привлечении иностранного капитала и развитии внешней торговли.

Но даже лояльно настроенный Нансен объявил 20 июля 1922 г. о катастрофе с урожаем — 11 дней спустя после того, как «Правда» провозгласила о победе над голодом. Тем не менее, хотя критический период голода прошел, был собран хороший урожай, но оставалось кормить еще 4 млн детей и 1 млн взрослых.

Гуверу снова пришлось обращаться за помощью к американским гражданам и организациям. В одной из своих речей он осудил тех, кто позволил себе выразить свои антисоветские чувства, которые он полностью разделял, но в данный момент считал их проявлением неуместными.

Новая обстановка требовала от АРА приспособления к изменившимся условиям, возник вопрос о передаче американского продовольствия правительственным институтам в связи с возможным завершением спасательных операций. В течение целого года американцы боролись за сохранение полного контроля над поставками помощи, но сейчас они должны были отступить.

Изменения в политике Советского правительства касались всех зарубежных организаций помощи в свете улучшения продовольственного положения. В случае с АРА — ее открытые кухни должны быть закрыты, не постепенно, а сразу; ее продовольственные поставки переданы советским ведомствам; также АРА возложит на себя ответственность за оплату доставки посылок и их распределение в тесном контакте с профсоюзными организациями. Последнее, в случае принятия, могло ликвидировать соглашение о посылках. То же самое касалось и медицинской программы.

Руководство АРА в России выступило решительно против, пригрозив полностью свернуть свою деятельность. Конфликт внешне был улажен, но на местах региональные инспектора АРА столкнулись с яростным сопротивлением местных властей и полномочных представителей. Они требовали закрытия всех кухонь и передачи всей инфраструктуры АРА в руки советских органов. Источником проблемы стали цирку-

ляры Последгола — государственного Комитета по борьбе с последствиями с голода, ориентировавшего местное руководство на «новый порядок».

Летом 1922 г. советская делегация на конференции в Гааге повергла мир в шок, объявив о намерении возобновить экспорт зерна. Осенью 1922 г. Москва объявила о наличии миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт, в то время, когда собственные оценки указывали на то, что в ближайшую зиму 8 млн советских граждан все еще будет нужна продовольственная помощь, половина которой может быть удовлетворена собственными ресурсами.

Американская сторона протестовала против изъятия большевиками хлеба у голодающих на экспорт, и это впоследствии имело негативное впечатление на общественное мнение в США — помощь была прекращена, отношения между странами испорчены, а официальное признание Америкой СССР было отложено еще на десять лет.

АРА заявляла о непосредственном спасении жизни советских людей, советские лидеры о возрождении индустрии для строительства социализма, который бы ликвидировал голод в будущем. Гувер не желал субсидировать реконструкцию советской промышленности за счет жизней советских людей — это стало источником его отказа от поиска средств и привело к сворачиванию деятельности АРА в Советской России.

Заявив о завершении голода, Москва заменила Помгол другой структурой — *Последголом*. Цель этой меры, ставшей по сути сменой вывески, заключалась в том, чтобы скрыть реальность продолжающегося голода, но в то же время позволить Западу и дальше направлять помощь в Россию. В январе 1923 г. жители Одессы стали свидетелями странной картины — американский корабль «Манитоба» разгружал в порту груз с поставками помощи АРА, в то время как рядом советский сухогруз «Владимир» загружался украинским зерном, направлявшимся в Гамбург.

... Отныне ценность АРА в глазах властей явно понизилась, оно изменило свое отношение к гуманитарной помощи. Центральные и местные власти стали настаивать на том, чтобы АРА сама за все платила — за автомобили, жилье, горючее, а также подписало соглашение со все более становящимися агрессивными советскими профсоюзами. Возникли визовые проблемы, проблемы с курьерской почтой и многое другое, что отравляло взаимные отношения.

Михаил Калинин в феврале 1923 г. сформулировал видение АРА с «деревенской точки зрения», сказав, что крестьянин благодарен за помощь, но сейчас голоду пришел конец и у мужика пропал всякий энтузиазм к американской помощи. Выросший на черном хлебе, немного мясе и рыбы, он не хочет, чтобы его дети употребляли белый хлеб, какао, кукурузу, рис и т. д. (!) Калинин сказал, что в глазах крестьян этот сбалансированный рацион мало пригоден для реальных нужд. Крестьянину не нравится платить налоги за доставку американского продовольствия (надо полагать, что крестьянин был восторге от уплаты продналога! — М. Д.)¹.

Примечательно заключение Латыпова: «Борьба с голодом в России стала самым трудным опытом АРА во всей ее гуманитарной деятельности в европейских странах с периода 1919 по 1923 гг. Первоначально предполагалось ограничиться распределением продуктов среди детей и больных. Это была «стандартная» процедура в других странах. Гуманитарная операция в Советской России оказалась беспрецедентной. Она вышла за рамки традиционной гуманитарной активности. Колоссальные масштабы бедствия и не

¹ Там же. С. 270–274.

менее колоссальные усилия трансформировали АРА из обычной гуманитарной организации в разновидность американской корпорации, действующей на коммерческой основе с гуманитарными целями. От смерти было спасено от 10 до 20 млн человек...

Наши школьники и студенты об этом не знают. Может быть, хотя бы сейчас мы сумеем по достоинству оценить значение и масштаб помощи Америки нашей стране, усилия тех, кого называли «аровцы», и кого мы так незаслуженно забыли¹.

Не могу не привести мнения Р. Пайпса о Г. Гувере: «Многие государственные деятели занимают видное место в истории благодаря тому, что послали на смерть миллионы людей; Герберт Гувер, скоро забытый в России, а впоследствии президент США, имеет редкую возможность занять достойное место в людской памяти как спаситель миллионов»².

Геллер и Некрич справедливо считают, что «в истории Комитета (ВКПГ — М. Д.), в истории отношения к АРА выработалась модель поведения советской власти по отношению к тем, кто приходил ей на помощь, стремясь при этом сохранить некоторую самостоятельность: 1) уступки, если нет иного выхода, 2) отказ от уступок, едва необходимость миновала, 3) месть»³.

Они вкратце прослеживают, как освещалась деятельность АРА в последующих изданиях: «Малая советская энциклопедия (1930) меняет тон: «под видом благотворительности» АРА „имела возможность содействовать ослаблению в Америке кризиса сбыта товаров». В 1950 году Большая советская энциклопедия (второе издание) информирует: «Предоставленную ей возможность создания своего аппарата в Советской России АРА использовала для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционные действия АРА вызвали решительный протест широких масс трудящихся». Энциклопедия не объясняет, почему АРА появилась в Советской России и не сообщает, что она там, кроме «шпионско-подрывной деятельности», делала. Очередное издание БСЭ (1970) признает, что АРА «оказала определенную помощь в борьбе с голодом», но «в то же время правящие круги США пытались использовать ее для поддержки контрреволюционных элементов и шпионско-подрывной деятельности, для борьбы с революционным движением и укреплением позиции американского империализма в европейских странах».

По данным ЦСУ, голод 1921–1922 гг. обернулся для России гибелью 5,1 млн человек. «Потери от голода следует прибавить к потерям гражданской войны. В 1918—1920 гг. страна потеряла 10180000 человек. Следовательно, за период гражданской войны 1918–1922 гг. потери составили более 15 миллионов человек. Это примерно 10% населения. Советский демограф Б. Ц. Урланис подсчитал, что потери в гражданских войнах в отношении к численности населения составили: в Испании 1936–1939 годов — 1,8%, в США (война Севера с Югом) — 1,6%. Эти цифры позволяют понять чудовищность гражданской войны. Сюда следует добавить около 2 миллионов человек, погибших на фронтах первой мировой войны и не менее миллиона эмигрантов, для того, чтобы составить представление о потерях страны в 1914–1922 годы»⁴.

Однако гражданская война не закончилась в 1922 г.

¹ Там же. С. 276–279.

² *Пайпс Ричард*. Русская революция. В 3-х тт. М., 2005. Т. 3. С. 524.

³ *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти... С. 126.

⁴ Там же. С. 125–126.

Сталин, разгромив оппозицию внутри ВКП (б), использовал идеи «левых», т. е. троцкистов, о том, что «первоначальное социалистическое накопление», необходимое для создания социалистической индустрии, следует получить «за счет внутренней колонии — крестьянства». В этом — основная причина коллективизации и ее гигантских жертв.

* * *

«Великий перелом» и форсированная индустриализация, как известно, сопровождались самым настоящим голодным экспортом, безо всяких кавычек и извращения элементарных понятий, которые детям объясняют в дошкольном возрасте. Власть насильственно отбирала у крестьян сельскохозяйственные продукты, а затем, пользуясь тем, что внешняя торговля была ее и только ее монополией, продавала награбленное за границей. В частности, из этих денег советское правительство совершало покупки оборудования целых заводов, флагманов пятилетки, оплачивало стоившие миллионы долларов услуги Альберта Кана, «архитектора индустриализации», приглашало в СССР иностранных специалистов, обучало на эти деньги сотни советских инженеров за рубежом и т. д. Страшные события 1932–1933 гг., унесшие от 7 до 8 миллионов жизней, — пример, насколько мне известно, не имеющий аналогов в мировой истории, — по крайней мере до «Великого Китайского голода» 1959–1961 гг.

В мою задачу, понятно, не входит подробный анализ этого периода, как и связанной с ним историографии. Я лишь хочу, опираясь на работы авторитетных специалистов, напомнить основные вехи.

Убежден, что в принципе Сталин, как и большинство членов ВКП (б), считал, что перерыв на НЭП после славной эпохи военного коммунизма затянулся.

Оценивая это время, полагаю, нельзя сводить все к «железной поступи истории», т. е. к необходимости и целесообразности «Большого скачка», преодоления разрыва, иначе «нас сомнут». Это правда, но не вся правда.

Сталину был нужен был ЕГО режим, а он комфортно чувствовал себя, только когда страна была запугана, а лучше всего — находилась в ужасе и постоянном страхе. Он органически не мог существовать в спокойной атмосфере.

Разгром правых развязал ему руки. «Кризисы хлебозаготовок» 1927/1929 г. и «Шахтинское дело» как бы подготовили трагические события 1930 г.

Фактически одновременно разворачиваются коллективизация, форсированная индустриализация и переход к государственному террору, который резко усилился в 1930 г.

В 1930 г. из более, чем 330 тыс. человек, арестованных ОГПУ, было осуждено 208 тыс. человек, а 20 тыс. из них — расстреляно. Это примерно равно числу осужденных и расстрелянных ВЧК-ОГПУ за 1921–1929 гг. Свыше 550 тыс. «кулаков» 1930 г. было сослано. Прошли процессы «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро меньшевиков», убравших из жизни тех, кто был прямым укором его кровавому авантюризму¹. Параллельно в ВКП (б) началась очередная чистка, и за 1929–1931 гг. из нее было исключено около 250 тыс. человек, из которых многие были обвинены в «правом уклоне». При этом завершается сталинизация Политбюро; Сталин отныне — безоговорочный лидер, постоянно усиливающий свои позиции с помощью интриг и насилия².

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. РОССПЭН. 2010. С. 50–51.

² Там же. С. 83.

В стране сгущается атмосфера страха и насилия, в которой Сталин чувствовал себя столь комфортно. Пресловутый тезис об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму, ставший неотъемлемым элементом теории и практики «Большого скачка», заранее делил население на жертв, уцелевших и победителей, а заодно подсказывал людям «правильную» линию выживания. О. В. Хлевнюк считает, что «сам этот курс можно было навязать стране только силой. Объективно ему противостояли наиболее жизнеспособные и в социальном, и в экономическом, и в профессиональном отношении общественные слои — успешные крестьяне, кадровые рабочие, специалисты, наиболее здравомыслящая часть партии. Профессиональные знания и жизненный опыт не позволяли им принять политику, построенную на левацких экспериментах, авантюризме и некомпетентности. Репрессии были единственным методом подавления их несогласия. Вместе с тем идеи «классовой борьбы» и уничтожения «врага» были лучшим способом мобилизации выдвинутых-активистов — малограмотных, но политически активных ударников, комсомольцев, леваков в партии и т. п., на которых сделал ставку режим. Громкие кампании разоблачения «врагов» позволяли достаточно успешно манипулировать общественными настроениями, отводить массовое недовольство возраставшими тяготами жизни от истинных виновников — Сталина и его окружения»¹. Сам Сталин ни на секунду не допускал, «что экономический кризис является результатом порочной политики скачка» и, как всегда, «переводил проблему в плоскость «вредительства и классовой борьбы», а также влияния «заграницы и ее агентов»².

Первая пятилетка началась, и достаточно успешно, когда НЭП еще не был полностью уничтожен. Однако после победы над Бухариным и Рыковым перед Сталиным встала гигантской сложности проблема — выработки конкретных мер по реализации *своего* варианта «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Речь шла о том, *как* проводить «социалистическую индустриализацию» и «социалистическое преобразование сельского хозяйства» (о культурной революции мы не говорим).

В теории «социалистическая индустриализация» отличается от «стихийной капиталистической», о которой мы уже имеем некоторое представление, во-первых, тем, что ее проводит социалистическое государство на основе принципа плановости, а во-вторых, идеей мощного индустриального прорыва путем максимальной концентрации усилий на тяжелой индустрии, что должно позволить провести техническую реконструкцию экономики в целом. После этого — опять же в теории — развитие отраслей народного хозяйства должно будет идти сбалансированно, в соответствии с определенными политэкономией пропорциями и т. д. Индустриализация в СССР, как считал Сталин, должна была ликвидировать технико-экономическую отсталость, обеспечить экономическую независимость страны и создать военно-промышленный комплекс, а также техническую базу для реконструкции аграрного сектора (тракторы, машины и др.). Ставка была сделана на покупку западных технологий и их внедрение при помощи западных же специалистов как на новых предприятиях, так и на модернизирующихся старых.

Что касается коллективизации, то марксистская «идеология требовала «выкорчевывания самых глубоких корней капитализма», которые для большевиков олицетворялись в мелком крестьянском хозяйстве. Связанные с этим настроения имели доста-

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 48–49.

точно широкое хождение в советском обществе. Идеологией определялась и *политика ликвидации кулачества как класса* («последнего эксплуататорского класса» — М. Д.), «кулаков, подкулачников и поющих с их голоса элементов».

Курс на сплошную коллективизацию предусматривал *полное производственное кооперирование мелких крестьянских хозяйств в форме колхозов или же их обобществление в рамках государственного сектора* (совхозы). Такая форма объединения также вытекала из идеологических установок. С экономической точки зрения она представляла собой *искусственное насаждение наиболее развитых форм обобществления труда в сельскохозяйственном производстве*, возможных только при наличии определенных условий (высокая степень механизации, разделения труда, специализации и т. д.). Ничего подобного в период «социалистического наступления» не было¹.

В конкретных же условиях конца 1920-х гг. коллективизация означала прежде всего (но не только!) создание системы бесперебойного (без всяких там несогласий крестьян с закупочными ценами) перекачивания ресурсов из деревни в города и в промышленность.

Сделать такое было возможно, только лишив крестьян хозяйственной и иной самостоятельности, лишив их всякой возможности влиять на ситуацию в стране, как это было во время «кризисов хлебозаготовок» в конце 1927/1928 и 1928/1929 гг.

С данной целью требовалось в максимально возможной степени огосударствить средства производства (прежде всего землю — эвфемизм насчет колхозно-кооперативной собственности никого в заблуждение не вводил), сломив при этом их естественное и ожидаемое сопротивление данной акции. Подавление крестьянства попутно де-факто создавало армию почти дармового, а вскоре и принудительного труда.

Если правые (Бухарин, Рыков, Томский) рассматривали крестьянство как, условно говоря, сторону в переговорах, то Сталин был выше этого, ему нужно было только слепое повиновение.

Не имея четкой программы и не понимая всерьез, как работает экономика (а откуда бы ему, как и его «верным сталинцам», это понимать?), Сталин сделал то, что было ему знакомо и привычно — превратил социально-экономические преобразования в очередную гражданскую войну, в которой силы сторон, однако, были заведомо неравны.

Провозглашение «социалистического наступления» сопровождалось определением фронтов — «фронта индустриализации», «фронта коллективизации», «культурного фронта», «фронта идеологического», «антирелигиозного фронта» и т. д.²

В основе «наступления» лежали массивированные и перманентно растущие капиталовложения в тяжелую индустрию и насильственное внедрение колхозного строя.

В очень большой мере это было реанимацией военно-коммунистических методов: «Экономические стимулы и методы организации производства и труда почти полностью подменялись политическими кампаниями и репрессиями. Дезорганизация финансовой системы и торговли, огромная инфляция объявлялись закономерным результатом движения к социализму, к отмиранию товарно-денежных отношений и введению продуктообмена между городом и деревней (как можно видеть, со времен диалога Ленина и К. Цеткин теоретические представления большевиков о социализме сложнее не стали — М. Д.)

Подобные теории служили обоснованием левацкой практики организации хо-

¹ Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940 ... С. 178.

² История России. XX век. / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. — М., АСТ. 2000. С. 267.

зяйственной жизни. В начале 1930 г. была проведена реформа кредитной системы, отменявшая взаимный коммерческий кредит предприятий и вводящая прямое автоматическое финансирование Госбанком плановых заданий. Воссоздавалась неповоротливая сверхцентрализованная система управления промышленными предприятиями через отраслевые объединения ВСНХ. В сфере организации труда на первый план выдвигались штурмовые методы и репрессии. С конца 1929 г. началась массовая кампания ударничества. Под административным нажимом в ударники записали значительную часть рабочих. В условиях разрушения системы заработной платы всячески поощрялась практика «уравнилельного социализма» — коммуны в промышленности и сельском хозяйстве, построенные на принципах равной оплаты труда и совместного владения даже предметами повседневного обихода. Обычная система управления экономикой оказалась разрушенной. Промышленные предприятия переходили под власть парткомов, профкомов, представителей рабоче-крестьянской инспекции и ОГПУ.

На деревню обрушилась кровавая и разрушительная кампания коллективизации. Обратной стороной и необходимым условием поддержания высокого градуса штурма и натиска была борьба с «врагами» — специалистами-«вредителями», «кулаками» и т. д. На них списывали провалы сталинской политики и нарастание социально-экономического хаоса. **Как свидетельствуют многочисленные факты, инициатором политики «Большого скачка» выступал Сталин.** Под его нажимом нарастала радикализация «генеральной линии»¹.

Именно по его настоянию в апреле 1929 г. началась вакханалия безудержного авантюристического повышения плановых заданий первой пятилетки, имевшая самые пагубные последствия для экономики. Представляется достаточно обоснованной точка зрения, согласно которой Сталин тем самым в какой-то мере стремился «перетроцкистить» Троцкого². Не зря в 1930 г. он презрительно называл цифры Троцкого «плюгавыми»³.

Планы повышались как ставки в азартной игре, с такой легкостью, как будто они уже были обеспечены ресурсами. Но ведь потом под эти нереальные цифры рассчитывались валютные заказы, а они в свою очередь были оправданием репрессий против крестьянства и, в частности, жесточайших хлебозаготовок!

Так большевистские лидеры понимали плановое хозяйство.

Чем Сталин собирался за это платить?

Деньги на индустриализацию, помимо грабежа деревни, давали государственные поставки, расширение экспортных операций, в том числе хлебных, принудительные внутренние заемы у населения, которые выросли с 1 млрд руб. в 1927 г. до 17 млрд в середине 30-х гг., возобновление продажи водки, распродажа картин и реликвий из музеев. Огромное значение имела также и работа печатного станка. За весь период первой пятилетки планировалась эмиссия в 1250 млн руб., однако уже с конца 1928 г. по июль 1930 г. в обращение было выпущено 1556 млн руб.⁴ В 1930 г. находившаяся в обращении денежная масса увеличилась в два с лишним раза быстрее, чем продукция отраслей легкой промышленности. Эта тенденция действовала до конца первой пятилетки с понятными в плане инфляции последствиями⁵.

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 33–34.

² Наше Отечество. Опыт политической истории. В 2-х т. М., Терра. 1991. Т. 2. С. 262.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти ... Кн. 1. С. 238.

⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 47.

⁵ Наше отечество ... С. 269–270.

Коллективизация стала важнейшим фактором подчинения населения страны тотальному контролю советского режима. Собственно говоря, большевики намеревались сделать это еще в 1918–1920 гг., но тогда сопротивление вооруженного народа, к тому же воевавшего с 1914 г., сломить оказалось труднее, чем «сбросить в море» малочисленную армию белых.

В конце 1920-х гг. ситуация радикально изменилась в пользу власти. В течение 1920-х гг. ОГПУ в основном разоружило крестьянство в прямом и переносном смысле, изъяв большую часть оставшегося с войны оружия и репрессировав тех крестьян, которых считало сколько-нибудь опасными для режима.

Поэтому Сталин мог не стесняться и подготовиться как следует к тому, что планировал. Отныне у крестьян ничего спрашивать не будут и они станут самыми бесправными из находящихся на свободе жителей СССР. Более того, под тотальный контроль окончательно попала вся страна.

О. В. Хлевнюк справедливо считает, что коллективизация стала одним «из ключевых достижений Сталина, на котором в значительной мере держалась его диктатура. Все остальные черты сталинской системы можно рассматривать как производные от коллективизации. Массовое насилие над самым большим классом страны требовало создания значительного карательного аппарата, системы лагерей и спецссылки, окончательно превратило террор в главный метод управления. Коллективизация резко и почти сразу разрушила многочисленные традиционные социальные связи, усилила атомизацию общества и облегчила идеологические манипуляции. Произвольное и беспощадное выкачивание из деревни ресурсов (как материальных, так и человеческих) позволяло принимать бездумные экономические планы, безнаказанно расточать «легко» полученные средства и жизни.

С самого начала насильственная коллективизация и неэффективная индустриализация нанесли по стране удар, от которого она в полной мере так и не сумела оправиться. В 1930–1932 гг. были расстреляны и заключены в лагеря несколько сотен тысяч «вредителей» и «кулаков», а более двух миллионов «кулаков» и членов их семей отправлены в ссылку. Многие высланные были обречены на смерть: в местах ссылки «кулацкие» семьи размещали в не приспособленных для жизни бараках, а нередко в чистом поле.

Ужасные условия существования, непосильный труд, голод вызывали массовую смертность, особенно среди детей. Однако и положение крестьян, избежавших репрессий, было незначительно лучше. Разоренная коллективизацией советская деревня заметно деградировала¹.

Исходя из имевшей характер директивы статьи «Год великого перелома» (3 ноября 1929 г.), пленум ЦК поставил задачу «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны... в кратчайшие исторические сроки». Соответственно, на 1929/1930 хозяйственный год вместо намеченных планом пятилетки 21,5% роста валовой продукции крупной промышленности была намечена цифра 32,1%. Одновременно был провозглашен переход к «сплошной коллективизации».

Важно отметить, что в течение 1928–1929 гг. в прессе усиливались обвинения деревни в том, что она — виновник снижения уровня жизни рабочих, а также разворачивалась антикулацкая истерия: «Нагнеталось враждебное отношение к крестьянству

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 166–167. Всего к 1 января 1950 г. было выселено «почти три с половиной миллиона крестьян». (История России. XX век. ... С. 322).

как косной и инертной массе, как носителю мелкобуржуазного сознания, препятствующего социалистическим преобразованиям. Все шире распространялся лозунг: “Закон индустриализации — конец деревне, нищей, драной, невежественной!”¹.

Первые 65 дней 1930 года «потрясают страну гораздо больше, чем те 10 дней в октябре 1917 г., которые “потрясли мир”. За эти 9 недель были сломлены основы жизни более 130 миллионов крестьян Советского Союза, был изменен — окончательно сломан — характер экономики государства, был изменен характер самого государства»².

Пятого января 1930 г. Политбюро под давлением Сталина резко сократило сроки коллективизации для зерновых районов и взяло курс на «ликвидацию кулачества как класса». Одно было неотделимо от другого. Имуущество «раскулаченных» должно было стать материально-технической базой колхозов, а их судьба — наглядным примером для остальных крестьян.

Главную роль должно было сыграть «раскулачивание», т. е. аресты и высылка самой опасной для власти части крестьянства. Кроме того, как и в 1918 г. при создании комбедов, ставка была сделана на внесение раскола в крестьянскую среду, т. е. на натравливание одной части деревни на другую. Местные руководители и активисты только ждали сигнала из Москвы.

Постановление Политбюро от 30 января 1930 г. выделяло три категории «кулаков»:

1) «контрреволюционный кулацкий актив», «подлежащий заключению в лагеря или расстрелу» с высылкой членов их семей; 2) «крупные кулаки, агитировавшие против колхозов», которые подлежали выселению вместе с семьями в другие, как правило северные, районы страны («ликвидация кулаков в даль»); 3) «остальные кулаки», подлежащие переселению в пределах той же местности.³

Операция готовилась, как показывают материалы 2-го тома издания «Трагедия советской деревни», весьма основательно, и «документы, регламентирующие проведение этой первой столь массовой карательной операции сталинского периода, в значительной мере послужили моделью для последующих государственных террористических акций 1930–1940-х годов. Сами же аресты и депортации «кулаков» в полной мере продемонстрировали черты, характерные для всех сталинских массовых карательных акций, прежде всего невероятную жестокость, порожденную директивами Москвы, «перегибами» исполнителей и отсутствием материальных ресурсов для обеспечения карательных акций, что умножало страдания жертв террора. Легче всего органы ОГПУ выполняли директивы в отношении «кулаков» первой категории. На 24 апреля 1930 г. их было арестовано около 124 тыс., **что означало перевыполнение плана (49–60 тыс.)** в несколько раз.

Иначе обстояло дело с «кулаками» второй категории. С первых шагов операции стало ясно, что для выселения сотен тысяч людей отсутствуют элементарные ресурсы. Однако от депортаций никто не собирался отказываться. Многие десятки железнодорожных эшелонов, до предела забитые крестьянскими семьями, потянулись на Урал, на Север, в Сибирь. **Эти многодневные перевозки были страшным испытанием. От железнодорожных станций измученных людей нередко многие километры гнали к «местам вселения».** «Раскулаченных» размещали в непригодных для жизни бараках, церквях. Мужчин, как правило, отделяли от семей и увозили на различные работы. Женщины, дети и старики оставались без средств су-

¹ История России. XX век ... С. 268.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти ... Кн. 1. С. 247.

³ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 36–37; Соколов. Курс советской истории. 1917–1940... С. 185.

ществования. **Ужасные условия содержания, голод, тяжелый труд вызывали массовую смертность, особенно среди детей.** Все это заставило на ходу корректировать масштабы операции. На конец мая 1930 г. в ссылку было отправлено около 100 тыс. семей (полмиллиона человек), что значительно, на 60–70 тыс. семей, не достигало до намеченных планов¹.

Уже к 20 февраля в колхозы было загнано 52,7% крестьянских хозяйств. «В реальности за этими высокими цифрами скрывалась страшная и трагическая реальность. **Многочисленные уполномоченные по колхозам и местные активисты вели себя в деревнях как орды захватчиков в завоеванной стране.** Крестьян арестовывали, **в лучшем случае** унижали и избивали, требуя вступления в колхозы. Обычным делом были грабежи и присвоение имущества «раскулаченных» активистами и уполномоченными. Широкое распространение получили закрытие церквей и аресты священнослужителей, надругательство особенно со стороны комсомольской молодежи над религиозными чувствами крестьян»².

В разосланной Сталиным 7 марта 1930 г. членам Политбюро и Президиума ЦКК докладной записке ОГПУ, сообщалось, в частности, что на Украине и в Центрально-Черноземной области «бригады по коллективизации расхищали имущество крестьян, избивали их, раздевали и голыми выгоняли на улицу, у матерей отнимали маленьких детей, насиловали женщин, применяли пытки (например, подвешивание) и т. д. В тот же день аналогичную информацию по тем же регионам, а также Средневолжскому краю и Сибири сообщил Сталину Ягода³.

На насилие деревня ответила восстаниями, и хотя силы заведомо были не равны, власти вынуждены были пойти на временное тактическое отступление накануне весеннего сева. Второго марта 1930 г. в «Правде» появилась знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», которая наряду с констатацией «коренного поворота деревни к социализму» осуждала «ретивых обобществителей» за «антиленинские настроения» и «"политику" унтера Пришибеева». Оказывается, надо было насаждать не коммуны, обобществлявшие все имущество крестьян, а сельскохозяйственные артели и помнить о том, что «успехи нашей колхозной политики объясняются ... тем, что она... опирается на добровольность... и учет разнообразия условий в различных районах СССР» и т. п.

Виновными в «искривлениях» партийной линии Сталин объявил местных «рреволюционеров», начинающих революцию со снятия колоколов и «головотяпских (какой милый эвфемизм! — М. Д.) упражнений по части "обобществления"». Словом, это была типично сталинская статья, в которой кремлевский небожитель мудро поправляет зарвавшихся исполнителей, которых сам же спустил с поводка, и «переводя стрелки», снимает ответственность с себя.

Через неделю постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» потребовало создавать артели, вернуть крестьянам приусадеб-

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 37.

² Там же.

³ Там же. С. 38–39. К письму Ягоды есть приложение, которое начинается со следующих фактов: «Украина. Зиновьевский окр. Здесь зарегистрированы преступно-хулиганские и провокационные выходы со стороны бригад, проводивших сбор посевного материала в Ново-Украинском районе сплошной коллективизации.

Мало-Помошнянский штаб вызвал 28-летнего середняка, предложил ему немедленно дать подписку о выполнении плана посевкампании. Когда середняк отказался дать подписку, его заставили плясать под звуки струнного оркестра до обморочного состояния, после чего посадили в холодную комнату, продержав там 1,5 часа. Этой же бригадой изнасилованы 2 кулачки, избит 65-летний старик, которого заставляли плясать, петь, обливали водой, давали в зубы загаженную папиросу...».

ную землю, обобществленных коров, мелкий скот и птицу, покончить с «насильственной коллективизацией» и т. п.

К лету процент коллективизированных хозяйств упал до 23,6%, к осени — до 21,5%, однако производительные силы отечественной деревни в огромной степени были уже подорваны. (Ниже мы увидим, что, по официальным данным, за годы коллективизации животноводству страны был нанесен ущерб больший, чем за годы Великой Отечественной войны). При этом на 1929–1930 гг. пришлось 21,8% всех лошадей, потерянных за 1929–1934 гг., 89,7% голов крупного рогатого скота, 39,8% овец и коз и 83,9% свиней соответственно; основная часть скота была уничтожена в январе-феврале.

Колхозное безумие и твердое намерение власти воплотить его в жизнь «запустили механизм эскалации всеобъемлющего кризиса... Накануне нового урожая, весной и летом 1930 г., во многих районах начался голод. Сводка ОГПУ от 5 июня сообщала о случаях голодной смерти и многочисленных опуханиях и болезнях, об употреблении в пищу лебеды, желудей и павшего скота в Средне-Волжском крае, на Урале, на Украине, в Сибири и Казахстане, в сводке от 30 июня к этому перечню добавился Северный Кавказ и Центрально-Черноземная область, в сводке от начала июля — Нижегородский край, Башкирия, Татария и Крым»¹.

На почве голода в деревнях вспыхивали волнения. Крестьяне требовали вернуть им изъятый государством хлеб. Хлебозаготовки из урожая 1930 г. шли тяжело, крестьяне не хотели сдавать хлеб, увеличился забой скота.

Между тем индустриализация была в разгаре. Первая пятилетка началась, когда в какой-то степени еще действовали хозяйственные механизмы НЭПа, и первые полтора-два года (1928–1929 гг.) дали превышение намеченного плана². Затем эти механизмы были окончательно отброшены, и начался хаос. Однако официальная пропаганда усиленно подогревала оптимизм, естественно появившийся после первых успехов, а затем то же делали «многочисленные книги, кинофильмы, воспоминания о первой пятилетке. В них насаждался миф о «ревушей индустриализации», возникающих на пустом месте заводах, создаваемых ударным трудом советских рабочих и инженеров. На самом деле большинство объектов индустриализации начали строиться еще в годы НЭПа под выделенные на них материально-технические ресурсы. Были и такие, которые возводились на строительных площадках и по проектам, оставшимся еще со времен дореволюционного предпринимательского грюндерства и программ развития производительных сил России при прежнем режиме. К ним, например, следует отнести заводы «АМО», «Электросталь», Московское метро и др.»³.

Автор этих строк, как и множество людей его поколения, испытал на себе воздействие данного мифа. Его изнанку приоткрывают работы Б. М. Шпотова⁴, который, в

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 45.

² Наше отечество... С. 266.

³ Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940... С. 182–183.

⁴ Помимо цитируемых в этой книге см.: Шпотов Б. М. Болезни роста или синдром кнопки: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки: с. ст. / под ред. А. О. Чубарьяна. М. РОССЭПН. 2002; *Он же*. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая поомшь в строительстве Нижегородского автозавода. 1929–1931 // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М. РОССЭПН. 2003; *Он же*. Учителя и ученики: американская техническая помощь Советскому Союзу в годы индустриализации (1929–1939) // Российско-американские связи: схожие проблемы — различные взгляды / Под ред. Ю. П. Третьякова и Н. А. Александровой. СПб.: Академический проект, 2007. С. 100–121; *Он же*. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Под ред. В. А. Колеснико. В 3-х т. М.: ИВИ РАН, 2010. Т. 3. С. 133–196.

частности, писал: «Поставить коробки цехов, заполнить их новейшим оборудованием и научиться на нем работать могло показаться, на первый взгляд, не слишком сложной задачей. Но реальные трудности начинались буквально на всех объектах, как только приступали к их возведению, и когда пускали с огромными усилиями смонтированные цеха. Инженеры из США, приехавшие на строительство Нижегородского автозавода, отмечали, что русские хотят иметь все и сразу и одержимы «идеей кнопки». Увидев, что в Америке достаточно нажать кнопку — и все сделано, они мечтают иметь такую же у себя. Однако их «кнопка» — без механизма: чтобы она сработала, нужна, по меньшей мере, волшебная лампа Аладдина. В Америке множество волшебных кнопок, но за ними не меньше четверти века эффективности и индустриального прогресса»¹.

Думается, что проблема была шире и глубже. «Идеей кнопки» были одержимы также Сталин и его единомышленники, которые думали, что достаточно вбухать гигантские деньги в строительство новых заводов — и с конвейера рекой сами собой потекут тракторы и автомобили. А что же тут сложного? «Нет в мире таких крепостей, которые большевики не могли бы взять!». Страшен дилетантизм всевластия.

Между тем непродуманная даже на элементарном уровне форсированная индустриализация с самого начала оказалась «разорительной и малоэффективной... В результате бездумной траты средств многие сотни миллионов рублей оказались вложенными в незавершенное строительство, не давали отдачи. Действующие же предприятия, особенно те, которые обслуживали потребности населения, сокращали производство из-за нехватки оборудования и сырья. Росла себестоимость промышленной продукции, резко ухудшилось ее качество»².

Нарядно-карточная система распределения и снабжения закономерно вела к появлению дефицита строительных материалов (и не только), потому что в условиях рыночной экономики такие проблемы элементарно решает рынок, и даже при НЭПе с его биржами и другими институтами с этим было проще. А в новых условиях сбой в выполнении плана одним или несколькими поставщиками вызывал цепную реакцию простоев и невыполнения планов теми, кто зависел от них.

В таких условиях неизбежно сложилась «система приоритетов и очередности», ставшая визитной карточкой советской промышленности на десятилетия вперед. ВСНХ в 1930–1932 сконцентрировал внимание на 50–60 стройках, получавших почти половину средств, которые выделялись на сооружение порядка 1,5 тысяч заводов, вступивших в строй в годы первой пятилетки. Орджоникидзе выделил из «главных» 14 самых важных — «вместе взятые, они составляли менее одного процента сооружавшихся предприятий, но именно они обеспечивались лучше и полнее всех остальных, в том числе и зарубежной техникой»³. На Кузнецкстрой, Уралмаш, Магнитострой и другие такие объекты равнялись все. Но не у всех был приоритет, поэтому в наркоматах те, кого в период «застоя» будут называть снабженцами-«толкачами», пытались выбивать средства и ресурсы, которых не хватало и не могло хватить для всех начатых объектов.

Однако трудности индустриализации сказанным отнюдь не исчерпывались.

Хлевнюк пишет, что «управление промышленностью было дезорганизовано из-за

¹ Шпотов Б. М. Зарубежная техническая помощь: ее эффективность и роль в индустриализации СССР// Экономические реформы: уроки истории (История мировой экономики. Вып.2). Сборник статей. М.: Институт экономики РАН. 2013. С. 227–228.

² Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 45.

³ Наше Отечество... С. 265.

кампаний выявления «вредителей». Инженеры и управленцы, находясь под растущим давлением и постоянной угрозой арестов, фактически отказывались проявлять инициативу и выполнять свои обязанности. Многие рабочие, чувствуя безнаказанность, работали спустя рукава и безоглядно нарушали элементарные нормы дисциплины. Летом 1930 г. индустриальные отрасли экономики охватил кризис.

Одной из важных причин низкой производительности труда в промышленности было заметное падение уровня жизни рабочих. Его причинами были коллективизация и деградация сельского хозяйства, направление огромных средств в тяжелую промышленность, массовый вывоз продовольствия на экспорт. Даже в крупных городах, население которых правительство рассматривало в качестве своей основной социальной базы и старалось обеспечивать продовольствием в первую очередь, выстраивались огромные очереди за продуктами, которые распределялись по карточкам. Цены на свободном рынке для большинства были недоступны. Весной 1930 г. даже в Москве норма выдачи белого хлеба была снижена на 50%... Введенная в июле 1930 г. карточная система на мясо (карточки на хлеб появились еще в 1929 г.) даже формально охватывала 14 млн человек из 160-миллионного населения страны. Молоко во многих районах выдавали только детям и больным... Повсеместные невыплаты заработной платы были одним из симптомов разрушения денежной системы и разорения бюджета. Огромный финансовый дефицит латали за счет повышения цен, введения принудительной подписки на заемы, а главное — эмиссии. За год и девять месяцев, с конца 1928 по июль 1930 г., в обращение было выпущено 1556 млн руб., в то время как пятилетний план предусматривал общую эмиссию на пятилетку 1250 млн руб. Обесценение денег вело к массовой скупке товаров в запас и натурализации товарообмена¹. Имели место забастовки.

Возможность изменения курса существовала, но для Сталина и его окружения было неприемлемо даже минимальное признание своих ошибок и коррекция курса. Во-первых, это могло «подорвать политические позиции только что укрепившейся у власти сталинской фракции. Во-вторых, Сталин, по-видимому, искренне полагал, что потенциал политики насильственной коллективизации и форсированной индустриализации еще не исчерпан, а отсутствие ожидаемых позитивных результатов объясняется «трудностями роста» и незавершенностью начатых преобразований. Игнорируя очевидные факты и безжалостно подавляя малейшее сопротивление, Сталин настаивал на продолжении штурма².

После дела Сырцова-Ломинадзе, ясно показавшего партии, что малейшие сомнения в правоте Сталина исключены, поста Председателя СНК и членства в Политбюро лишился Рыков, единственный член Политбюро, который был достаточно компетентен в «проблемах повседневной экономической жизни и административной практики»³.

В деревне Сталин, вынужденный временно отступить, с осени 1930 г. возобновил давление на крестьян. Хлебозаготовки 1930 г. были очень жестокими, но хлеба, несмотря на хороший урожай, он взял меньше, чем в следующем неурожайном 1931 г.

Все это время миллионы пудов продовольствия, вырванные у крестьян самым зверским образом, вывозились из страны. Хлеб стал крупной статьёй советского экспорта и важным в 1930-1931 гг. источником валюты.

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 45–47.

² Там же. С. 71–72.

³ Там же. С. 73.

С началом мировой депрессии цены на мировом хлебном рынке упали, однако экспорт зерна из СССР до 1931 г. нарастал — в 1928 г. он составил 100 тыс. т, в 1929 г. — 1,3 млн т, в 1930 г. — 4,8 млн т, в 1931 г. — 5,2 млн т, и даже в 1932 г. — 1,8 млн т. В сумме это — 13 млн т, т. е. порядка 800 млн пуд.

Надо сказать, что имперская Россия за один год, например, 1910-й или 1911-й вывозила больше хлеба и с куда меньшими усилиями, не говоря о жертвах.

Экспорт зерна занимал особое место в планах хлебозаготовок. Так, в постановлении Политбюро от 29 августа 1930 г., принятом по инициативе Сталина, подчеркивалось: «Необходимо помнить, что своевременность выполнения установленного плана хлебозаготовок связана с осуществлением экспортного плана, имеющего исключительное значение для обеспечения развертывания в стране промышленного строительства и прежде всего индустриальных гигантов (Магнитстрой, Челябинскстрой и т. д.)»¹.

В письме Молотову (№ 59, не ранее 23 августа 1930 г.) он писал: «Нам остается еще 1–1,5 месяца для экспорта хлеба, с конца октября (а может быть, и раньше) начнет поступать на рынок в массовом масштабе американский хлеб, против которого нам трудно будет устоять. Если за эти 1–1,5 месяца не вывезем 130–150 млн пуд. хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным. Еще раз надо форсировать вывоз хлеба изо всех сил»².

Двадцать четвертого августа (№ 60) он писал Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут, и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пуд. Я думаю **этого мало**. Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пуд. **минимум**. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинзавод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат **подождать** с вывозом, пока цены на международном рынке не подымутся «до высшей точки». Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этим мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан... Словом, нужно **бешено форсировать** вывоз хлеба»³.

И. Е. Зеленин отмечает: «Сталин лично следил за тем, как выполняются экспортные операции по хлебу. Так, в подписанной им вместе с Молотовым 10 февраля 1931 г. шифротелеграмме, адресованной Косиору, Андрееву, Птухе и Благодравову, указывалось, что «задания по экспорту хлеба выполняются совершенно неудовлетворительно», «срывается план экспорта». Потребовали: «Под персональную ответственность» «принять немедленно самые решительные меры» с тем, чтобы «обеспечить окончание задания не позднее 18 февраля». При этом «ежедневно телеграфировать ЦК и СНК о ходе погрузок». А 7 марта Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило «Директиву советской делегации на переговорах с немцами по экспорту зерна». В ней напоминалось об определенных ранее ценовых условиях этой сделки. Затем последовало дополнение: в случае «полной невозможности договориться» разрешалось «сторговаться на меньшем проценте». Видимо, речь шла о демпинговых ценах, решительно отвергаемых советской стороной в официальных документах, но недвусмысленно подтвержденных Сталиным в переписке с Молотовым»⁴.

В отношении промышленности, в отличие от деревни, даже о временном отступлении не было и речи: «Капитальные вложения в новое строительство совершенно

¹ Цит. по: Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома» 1930–1939. Политика, осуществление, результаты. М., Наука. 2006. С. 51.

² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 203–204.

³ Там же. С. 203–204.

⁴ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» ... С. 51–52.

бездумно и без всяких расчетов нарастали на протяжении всего 1930 г. Результаты не заставили себя ждать. В декабре 1930 г. председатель ВСНХ Г. К. Орджоникидзе представил в Политбюро крайне тревожные материалы об итогах промышленного развития. Главной проблемой, ставившей под сомнение всю политику индустриального скачка, был невероятно большой рост средств, «увязших в незаконченном строительстве». По весьма приблизительным данным, охватывающим 70–80% промышленности, в 1928/1929 хозяйственном году при капитальных вложениях 1,89 млрд руб. в эксплуатацию были введены объекты стоимостью 1,5 млрд, в 1929/1930 г. соответствующие показатели составляли уже 2,99 и 1,6 млрд руб. В результате на 1 октября 1930 г. в промышленном строительстве увязло около 3 млрд руб, а вместе с оборотными средствами 4 млрд.

Причем Орджоникидзе признавался, что эти данные ориентировочные, а на самом деле реальная ситуация в индустрии в силу принятого метода форсированной индустриализации не поддавалась учету. Целый ряд ключевых объектов, таких как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Нижегородский автозавод, Бобриковский химкомбинат строились без готовых проектов. Во многих случаях, говорилось в записке, «деньги расходуются без всяких смет», что вело к преувеличению затрат. «Отчетность чрезвычайно слаба и запутана. До сих пор никто не может сказать, сколько стоила постройка Сталинградского тракторного завода».

Растущие планы не были обеспечены ресурсами. Например, в планы на 1931 г. были включены фонды чугуна, который предстояло выплавить на Магнитке. По расчетам, печи должны были войти в строй 1 октября 1931 г, однако еще в декабре 1930 г., как признавался Орджоникидзе, не был готов ни проект Магнитки в целом, ни чертежи доменных печей. Расточительная индустриализация была возможна благодаря закупкам огромного количества оборудования и материалов за границей. О рациональности этих закупок и их реальном использовании никто не думал.

Неразбериха и крайняя неэффективность были вполне ожидаемым результатом сталинского метода скачкообразной индустриализации. Отсутствие реальных методов контроля за деятельностью предприятий и строек вело к хаосу и пустой трате ресурсов, оплаченных лишениями большинства населения страны. Размазанные по многим объектам деньги и оборудование не давали отдачи. Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные с огромным напряжением в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках.

Все это ярко демонстрировало правоту «правых», призывавших к осторожности и рассчитанным темпам. Но именно по этой политической причине Сталин не желал сделать очевидный и вполне осознаваемый шаг: притормозить наращивание капитальных вложений и сосредоточиться на пусковых объектах. На такие меры сталинское руководство пошло позже, когда ресурсов для продолжения сверхфорсированной индустриализации не осталось, а провал первой пятилетки стал свершившимся фактом¹. Но чем за это заплатили миллионы людей?

Огромная проблема была в том, что «техническая помощь Запада попадала в неадекватную социально-экономическую среду. Интерес к американской технике начинался с веры в ее сверхвысокие возможности, но когда начиналось ее внедрение в СССР, даже побывавшие в США на стажировке рабочие и инженеры с трудом приспособились к новым условиям и требованиям производства и сопротивлялись им.

¹ Там же. С. 84–85.

Если при капитализме рост предприятий происходил в определенной последовательности, от малых к средним и крупным, за счет добавления функциональных отделов, то в СССР все осуществлялось наоборот. Вначале были построены, по зарубежным проектам, самые современные заводы, получены технологии и производственные нормативы (себестоимость продукции, скорость работы, производительность труда и др.), а уже к ним надо было «подтягивать» остальные факторы производства, что и оказалось труднее всего»¹.

Форд устанавливал и запускал конвейер 4 года, не спеша, от простого его рабочие шли к сложному. Даже думать не хочется, что было бы с Фордом в советских условиях, где он немедленно был бы объявлен «вредителем». Однако в СССР при плановой экономике оказалось невозможным «достичь необходимого уровня снабжения одновременно с пуском предприятия или вскоре после него... От скоростных темпов возведения заводов-гигантов отставали как их материальное снабжение, так и сфера жизнеобеспечения.

Так появились эффекты торможения. Они выражались в следующем:

— попытках советской стороны переделывать американские проекты, внедрять доступные инженерные решения, игнорируя перспективы развития;

— контрафактном копировании станкоинструментального оборудования и самой продукции (например, подделка тракторов «Фордзон» под маркой «Красный Путиловец»);

— недооценке зарубежного опыта, конфликтах и спорах с иностранными специалистами;

— снижении производственных заданий после пуска завода, корректировке планов от жестких годовых к «ситуационным» — поквартальным и помесечным»².

«В многочисленных архивных и опубликованных материалах по истории «великих строек» отчетливо просматриваются два мотива. Это, с одной стороны, нехватка механического оборудования, перебои с поставками комплектующих для сборки, дефицит квалифицированных кадров и др. С другой — относительный избыток той же техники в смысле ее недостаточного и неэффективного использования: простои по разным причинам доходили в 1930-е гг. до 60% рабочего времени. Не срабатывали эффект масштаба и отдача от инвестиций. Сложилась ситуация, когда бурный рост капиталовложений и импорта техники одновременно по многим направлениям обусловил рост объема незавершенного капитального строительства и несмонтированного оборудования.

Большое напряжение испытывал железнодорожный и водный транспорт, автомобильный только зарождался, а дорог с твердым покрытием, несмотря на темпы их создания, не хватало. Решить проблему пытались, помимо административных мер и репрессий, с помощью дополнительных ассигнований и увеличения контингента рабочей силы.

Это вело к потере эффективности за счет снижения средней выработки на человека и колоссальному удорожанию строек, что единодушно отмечали их советские и иностранные участники»³.

¹ Шнотов Б. М. Зарубежная техническая помощь ... С. 234–235.

² Там же. С. 235.

³ Шнотов Б. М. Шаг назад и два вперед: роль технико-технологических инноваций в индустриализации СССР // Экономические реформы в России за рубежом (История мировой экономики. Вып. 3). М., Институт экономики РАН. 2014. С. 278.

Примеры, приводимые Шпотовым, вполне подтверждают эти тезисы.

«2-й (Московский) автосборочный завод им. КИМ, пущенный в ноябре 1930 г., являлся подобием одного из фордовских сборочных заводов. Он имел фирменное оборудование и предназначался для выпуска советских «Фордов» из присылаемых из Америки комплектующих. Прямой показатель его эффективности — нагрузка оборудования, колебался по кварталам и определялся отношением фактической сборки автомобилей к проектной, рассчитанной на 100%-е использование производственного потенциала завода. В среднем за отчетный 1931 г. завод работал на 56% мощности.

Чтобы не выработать месячный запас импортных деталей за две-три недели, после чего останавливать производство, приходилось «растягивать» запасы. Неполная загрузка оборудования не позволяла проверить соответствие запроектированного в США технологического процесса советским условиям. Нельзя было дать надлежащую оценку качеству импортного оборудования и инструмента, выявить узкие места, которые определяли пропускную способность завода в целом, наладить производство по всем правилам, рационально использовать рабочую силу, а главное, снизить себестоимость работ.

Зависимость от импорта авточастей создавала резкие колебания в производственной программе завода. В феврале 1931 г. он простаивал из-за отсутствия деталей для сборки, а на август получил задание собрать 3 тыс. грузовиков для перевозки урожая, из-за чего в 3-м квартале коэффициент использования оборудования вырос. Зато в сентябре потребовалось втрое меньше машин. На 4-й квартал валютный лимит для закупок авточастей сокращался трижды и с 4 млн руб. упал до 1,5 млн, из-за чего программа на ноябрь пересматривалась четыре раза. В течение года валютные ассигнования и программа работы завода менялись «десятки раз», и «приспособить полностью снабжение к таким скачкам было совершенно невозможно». Создавались избыточные запасы одних материалов при нехватке других. Заводская администрация пришла к выводу, что «работа по снабжению (как и вся работа завода) в течение 1931 г. по существу протекала без всякого плана». Режим работы не отвечал фордовскому принципу непрерывной подачи сырья и материалов и безостановочного выхода готовой продукции.

План по рабочей силе был в целом невыполнен из-за простоя части оборудования, но из-за неопределенности с поставками приходилось нанимать дополнительных рабочих, получавших деньги ни за что. Зато по количеству служащих план перевыполнили — 126%. Из-за перехода с односменной на двухсменную работу возросла численность инженерно-технических работников, учетчиков и бухгалтеров. Квалифицированных служащих не хватало, и это приходилось восполнять количественно. На фордовских заводах был минимум служащих, а учет, например, количества заготовок, поданных в цех, происходил очень просто: мастер снимал с контейнера, где всегда лежало определенное их количество, стандартную бирку и клал в карман.

На Московском сборочном заводе ввели, как и во многих отраслях советской промышленности, сдельную оплату труда, что шло вразрез с принципами Форда. Он считал, что сдельщина заставляет рабочих торопиться и снижать качество, а при конвейерном производстве требуется равномерный и ритмичный труд, для чего нужна достаточно высокая повременная плата. Фордовский менеджер Б. Копф, побывав на этом заводе, отметил, что такая система разрывает синхронность операций: группы, монтирующие рамы и оси, могут работать быстрее других, и заваливают ими завод. Те

же, кто делает последующие операции, не успевают за ними. **Качество продукции он назвал «ужасным», но поскольку завод работает на государство, его персоналу не о чем беспокоиться.**

Инженер компании Форда Н. Чавр (Chavre), работавший консультантом отдела технического контроля ГАЗ, сообщил в конце 1932 г. американскому консулу в Риге перед отъездом в США, что «Автострой», полностью перенявший фордовский метод, не обеспечил изначально предусмотренной производительности в 1200 грузовиков в день.

План на первые два года был понижен до 500 грузовиков в день, но их фактическая дневная выработка составляла в среднем 75, из которых на ходу было всего 30. Неукомплектованные машины накапливались на заводском дворе, а когда двор переполнялся, их эвакуировали на 1-й сборочный завод, расположенный в шести милях, где они простаивали до получения необходимых деталей.

Инженер назвал основные причины невыполнения плана: плохая работа транспорта, снабжавшего завод, и несоответствие комплектующих, присылаемых другими заводами, фордовским нормативам. Большая часть стального проката поступала из Германии и Англии, но та, что поставлялась советскими заводами, была низкого качества, «иногда абсолютно непригодной».

В феврале 1933 г. ситуация на ГАЗе изменилась мало. По свидетельству американского инженера Х. Вольфсона, автомашины, которым не хватало тех или иных деталей, больше не загромождали заводской двор, а оставались на главном конвейере. Вместо 60–70 грузовиков в день — а столько удавалось выпускать осенью 1932 г., завод стал давать по 30–35 единиц. Автомашины стояли на конвейере до полной комплектации, и вместе с ними простаивал весь завод. Советская промышленность, отмечал далее инженер, не могла изготовить новое оборудование взамен изношенного, и его приходилось импортировать каждый год, чтобы завод вообще работал. Невозможность получения исходных материалов — результат общего положения дел в тяжелой индустрии.

Однако советские автозаводы неудовлетворительно работали не только первые месяцы, но и годы после пуска, и не будь в 1934 г. расторжения, по советской инициативе, договора с компанией Форда, ее инженеры могли бы помогать осваивать новое оборудование по меньше мере еще три года. Причина разрыва — нехватка валюты.

На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ), пущенном в июне 1930 г., отсутствие некоторых механических приспособлений и мелких деталей оборачивалось колоссальными потерями. В конце ноября газета «За индустриализацию» писала: «Системы не было... Все строилось на стихийности. Завод жил случайностями текущей минуты». Одних деталей накапливались горы, других не хватало. Дефицитные части приходили с опозданием, и «чтобы установить их, надо было прилагать в сотни раз больше сил, времени и энергии... **Каждая такая машина, по далеко не полным подсчетам бухгалтерии, обходилась не в две с половиной «ориентировочных» тысячи рублей, а в шестьдесят пять — семьдесят пять тысяч плюс неоплачиваемая никакими тысячами потеря времени, плюс поломанное оборудование...**». Ликвидация одних узких мест порождала десятки других. Если в июле 1930 г. надо было дать 35 тракторов — дали 3; в августе вместо 420 дали 10; в сентябре вместо 2100 машин — 35.

Через четыре месяца после торжественного пуска СТЗ возникла угроза остановки

завода. 5 октября 1930 г. было выпущено 8 тракторов, 6 — четыре, 7 октября, к середине дня — ни одного. Из 166 заказанных в США механосборочных приспособлений получено было 109. Но и без мелких деталей трактор не пойдет! Стоят 14 спущенных с конвейера новеньких машин, на которых не хватает всего четырех (!) деталей, не изготовленных по вине СТЗ. Завод «Красный гвоздильщик» не сумел за год освоить производство нужных болтов.

В начале 1931 г. газеты сообщали все ту же печальную статистику: после выпуска 25 января 55 тракторов кривая производства вновь резко упала. Двадцать седьмого января завод дал 42 машины, 28-го — 30 штук, 29-го — 11, 30 января — ни одной, зато в последний день месяца — 66: рекордная цифра выработки со времени пуска завода, и явно за счет «довинчивания гаек» на почти собранных машинах. Январский план 1931 г. СТЗ выполнил на 78,4%, собрав в общей сложности 706 тракторов вместо 900. А в феврале предстояло дать 1150 машин.

В августе 1931 г. проверочная комиссия из Москвы нашла одно из узких мест завода: это плохие контрольно-измерительные приборы и станкоинструментальное оборудование. При сборке на конвейере тракторных двигателей с резьбовыми соединениями требовалось 80% подгонки. Если разобрать на части 10 тракторов и смешать их однородные детали, то при новой сборке без подгонки и подборки с трудом удастся собрать 2-3 машины. Положение на СТЗ удалось выправить лишь к маю 1932 г., через год после приезда туда председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе, взявшего ситуацию на контроль. Кадровые перестановки, координация действий с заводами-смежниками, обучение рабочих позволили высвободить американских и других иностранных мастеров и достичь проектной мощности. После 20 апреля 1932 г. с конвейера стало сходить более 140 тракторов в сутки.

Почему «великие стройки социализма» 1930-х гг. обходились гораздо дороже и требовали больше работников, чем сооружение аналогичных объектов на Западе? Откуда высокие издержки?

Трудовая дисциплина была низкой, текучесть рабочей силы — высокой, вследствие чего приходилось нанимать и обучать дополнительных рабочих. Импортную технику использовали неумело, она часто ломалась и простаивала, а дефицит вынуждал производить необходимые материалы прямо на стройке, «хозяйственным способом», что требовало дополнительных затрат.

Установился обычай сдавать объекты к праздничным датам досрочно, а значит, с недоделками, которые приходилось устранять позже, что и стоило дороже, и задерживало пуск предприятия на проектную мощность. Имели место прямые потери и порча материалов и техники от небрежного хранения вследствие экономии на складских помещениях, потери рабочего времени вследствие плохо налаженного снабжения. И, конечно, переплата за отсталость из-за перехода на новые стройматериалы — железобетонные и стальные конструкции. Первые стоили в СССР в 6–8 раз дороже, чем в США, вторые — в 3,5–3,7 раза....

В принципе и капиталистическое, и социалистическое предприятие могли работать одинаково успешно при наличии кругооборота поставок и сбыта. Однако советскую индустрию в период ее становления отличала административная, междуведомственная разобщенность. Даже крупный завод, находясь внизу иерархической вертикали управления с «высшим менеджментом» в лице Госплана, не мог самостоятельно договариваться с поставщиками и продавать продукцию на рынке, а форсированное

индустриальное строительство отодвигало задачу «подтягивания тылов». **Новейшая техника не решала проблему поставок, даже, наоборот, увеличивала спрос на сырье, материалы, электроэнергию.** Крупные объекты индустриализации строили быстро, подчас быстрее, чем в США, но запустить их на проектную мощность удавалось не раньше, чем через 2–3 года. Это сказывалось на темпах и заданиях пятилетки.

В США советские специалисты восхищались американскими методами, но на родине чувствовали себя хозяевами, а не учениками. Приезжие американцы ожидали от них не споров и дискуссий, а такого же послушания и дисциплины, как на своих заводах.

Им приходилось убеждать советских инженеров в превосходстве американских методов и настаивать на неукоснительном выполнении своих указаний. Те оправдывались нехваткой самых необходимых материалов, станков и инструментов, вносили поправки в выполненные американцами проекты, добиваясь «удешевления» работ, чтобы вести их привычными методами.

Споры доходили подчас до конфликтов, что тормозило работы... Уверенные в своем профессионализме советские инженеры, в том числе выпускники вузов, обучавшиеся по сокращенным программам, не хотели переучиваться у американцев»¹.

А в это время по стране шла кровавая вакханалия коллективизации, затеянной, в числе прочего, ради того, чтобы учились «довинчивать гайки».

Большинство факторов, снижавших эффективность технической помощи Запада, сохранилось до конца существования СССР, и во многом они были причиной того, что мы не смогли высадиться на Луне и создать персональный компьютер.

На 1931 г. вновь были утверждены «безумные показатели прироста промышленной продукции — 45% (которые в реальности не были достигнуты и наполовину). До 50% всех хозяйств предлагалось согнать в 1931 г. в колхозы... Сталинская революция продолжалась, обрекая страну на продолжение трагедии.

Новая волна коллективизации, хотя и отличалась от событий 1930 г. (например, отказом от насаждения коммун и обобществления всего имущества крестьян), была столь же жестокой и сопровождалась еще большими массовыми арестами и депортациями.

Всего в 1930–1931 гг. в специальные поселения в отдаленных районах страны было отправлено более 380 тыс. крестьянских семейств общей численностью более 1,8 млн человек. 200–250 тыс. семей (т. е. около миллиона крестьян), по оценкам историков, не дожидаясь репрессий, бежали в города и на стройки. Еще примерно 400–450 тыс. семей (около 2 млн крестьян) были выселены по так называемой третьей категории (в пределах своей области) и также, потеряв имущество, в большинстве ушли в города и на стройки... **Сталинская модель индустриализации в силу своей крайней неэффективности и высоких затрат поглощала эти ресурсы во все возрастающих масштабах.** Непомерно раздутые строительные программы при слабой механизации требовали миллионы дополнительных рабочих рук, которые могла дать только деревня»².

С началом сплошной коллективизации осенью 1929 г. миллионы крестьян стали уходить из деревни, что дало возможность обеспечить стройки почти дармовой рабочей силой с тачками и лопатами. Но рабочих все равно не хватало. С лета 1931 г. на

¹ Шпотов Б. М. Зарубежная техническая помощь... С. 235–243.

² Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 85–87.

стройках начали применять принудительный труд¹, в том числе на прославленных объектах — Кузнецке, Магнитке, Днепрогэсе, Челябинском тракторном заводе, на химкомбинате в Березниках, на Беломорканале. Согласно официальным данным, к осени 1931 г. 245 тыс. семей раскулаченных работало в промышленности.²

«Крах наступил в второй половине 1931 г., хотя признаки его наступления отмечались и ранее. Страна погрузилась в состояние экономического и социального хаоса. Размеры новых капиталовложений резко упали, снизилась их отдача. Если в 1929 г. промышленный рост составил 23,7%, то в 1931 г. только 5%»³.

На 1 июня 1931 г. было прекращено финансирование 613 из 1659 основных строек тяжелой промышленности, чтобы обеспечить ресурсами остальные объекты.⁴

Тем не менее на 1932 г. опять были намечены фантастические планы — прирост промышленной продукции в 36% и прирост капиталовложений в 40%.

Однако «запущенный без должных расчетов и плохо контролируемый процесс наращивания закупок промышленного оборудования и сырья (прежде всего металла) за границей, неизбежно вел к критическому росту дефицита внешнеторгового баланса. К осени 1931 г. СССР оказался на грани банкротства по внешним платежам. **Это, в свою очередь, вело к наращиванию вывоза продовольствия**»⁵.

Несмотря на некоторые уступки (в историографии их называют «мини-реформами») в частности, инженерно-технической интеллигенции, «генеральная линия» осталась неизменной, а глобальный кризис углублялся. Курс на форсированную индустриализацию и дальнейший рост капиталовложений в отрасли группы «А» оставался прежним, несмотря на частичную коррекцию планов. На такие проблемы, как перманентное невыполнение планов, катастрофически низкая производительность труда, слабая фондоотдача и многие другие внимания не обращалось, они считались неизбежными и оправданными издержками.

«Когда наступило время публично докладывать о результатах первой пятилетки, Сталину пришлось проявить некоторую изобретательность. Пользуясь правом победителя, он не назвал ни одной реальной цифры и просто объявил черное белым. Пятилетка, по словам Сталина, была выполнена досрочно!

Конечно, вложение огромных ресурсов и массовые закупки оборудования и техно-

¹ «В феврале-марте 1931 г. началась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за ее осуществлением была создана специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. Вначале спецпереселенцы (т. е. крестьянские семьи, высланные из своих районов) направлялись в распоряжение тех хозяйственных органов, которые давали на них заявки. Но вскоре комиссия Андреева упростила дело и передала все хозяйственные, административные и организационные «заботы» о спецпереселенцах в ведение ОГПУ. Огнине у выселенных крестьян появилась «надежная прописка» — концлагери и поселки (уральские, сибирские, дальневосточные), мало чем отличавшиеся от концлагерей. Комиссия Андреева работала на полную мощность. Приведем для примера протокол ее заседания от 30 июля 1931 г.: «Слушали: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их. Постановили: ...Обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев; удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договоры; заявки Цветметзолото — на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО — на 5 тысяч кулацких семей — удовлетворить; по углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев: Востокугля — на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю на 4500 кулацких семей принять условно; по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей... В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков». (Наше Отечество... С. 266–267).

² История России. XX век... С. 314.

³ Соколов А. К. Курс советской истории 1917–1940 ... С. 183–184.

⁴ История России. XX век ... С. 313.

⁵ Хлевнюк О. В. Хозяин ... С. 87–88.

логий на Западе принесли результаты. В стране было построено много современных предприятий, существенно увеличилось производство промышленной продукции. Однако чуда не произошло. Невыполнимые планы пятилетки не были достигнуты даже приблизительно. Производство чугуна вместо 17 млн тонн составило в 1932 г. 6,2 млн, производство нефти вместо 45 млн тонн — 21,4 млн, производство тракторов вместо 170 тыс. — 48,9 тыс., производство автомобилей вместо 200 тыс. — 23,9 тыс. и т. д. В особенно трудном положении находилась промышленность, выпускавшая товары широкого потребления.

Однако главная проблема первой сталинской пятилетки заключалась в том, что она заложила основы низкоэффективной, избыточно затратной, ограниченно инновационной модели индустриализации» — констатирует О. В. Хлевнюк¹.

Ценой, заплаченной за эти результаты, стали коллективизация и голод.

«Хотя голод начала 1930-х годов был сложным явлением, мы имеем полное право на его персонификацию.

Это был сталинский голод.

Во-первых, потому что именно сталинская политика послужила главной причиной голода.

Во-вторых, потому что именно Сталин принимал решения, которые в 1932 и 1933 гг. могли смягчить или, наоборот, усилить трагедию»².

Все историки считают бесспорными следующие факты: «Во-первых, в результате хлебозаготовок 1932 г. основные сельскохозяйственные районы страны поразил жесточайший голод, который продолжался до нового урожая. Во-вторых, причиной этого голода были не природные катаклизмы, а целенаправленные действия сталинского руководства, жесткой рукой, невзирая на миллионные жертвы, изымавшего из деревни последние ресурсы. В-третьих, голодающему крестьянству практически не оказывалась государственная помощь, являвшаяся обычным способом смягчения голода в истории досоветского и начального советского периода. В-четвертых, основная часть голодающих районов (прежде всего Украина и Северный Кавказ) были окружены полицейскими кордонами, не допускавшими выезд крестьян в более благополучные области, что вело к еще большему увеличению смертности. Все это позволяет историкам утверждать, что голод имел рукотворный, искусственный характер»³.

Сокращение импорта и вынужденное уменьшение капиталовложений в промышленность позволили избежать банкротства, но не предотвратили разрастание и углубление страшного кризиса внутри страны: «Не отказываясь от форсированной индустриализации и большого экспорта сельхозпродуктов, сталинское руководство не могло отказаться и от наращивания реквизиций в деревне. Хлебозаготовки из урожая 1931 г. по своей жестокости превзошли аналогичные кампании предыдущих лет. В деревне было изъято до 40% всего наличного хлеба в отличие от 30%-го изъятия в предыдущем году. Учитывая, что урожай 1931 г. был плохим, в деревне осталось хлеба намного меньше: около 40 млн т по сравнению с 50 млн т в 1930 г. В результате в основных зерновых районах (прежде всего на Украине), подвергшихся особенно значительному опустошению, начался голод»⁴.

¹ Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. 2015. АСТ. С. 168–169.

² Там же. С. 169.

³ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 129.

⁴ Там же. С. 119.

В мае и июне 1932 г. продовольственные запасы были практически истощены, и голод нарастал. Попытки украинских руководителей С. В. Косиора, В. Я. Чубаря и Г. И. Петровского уменьшить планы, смягчить ситуацию успеха не имели. Более того, Сталин взял их на заметку как недостаточно решительных руководителей и начал подумывать об их замене.¹

Голод в стране уже фактически начался, однако 7 июля 1932 г. Политбюро по настоянию Сталина фактически повысило планы хлебозаготовок 1932 г. «до уровня почти равного нереальному и невыполненному плану 1931 г.», попутно приняв решение о «страховой надбавке» в 4–5%, чтобы обеспечить выполнение планов областью в целом. Это еще больше усугубило ситуацию, поскольку план, спущенный на уровень колхозов, часто превышал виды на урожай, а «для крестьян это означало неизбежный голод после заготовок, независимо от того, насколько старательно они собирали бы урожай. Недоверие деревни к государству достигло крайних пределов»².

7 августа был принят печально знаменитый «закон о пяти колосках», на основании которого развернулись репрессии против крестьян и работников низового звена. В письмах крестьян, поступивших в конце 1932 г. в Секретариат Президиума ЦИК СССР и ВЦИК, по мнению самого Секретариата, стоял «сплошной вопль, требование отменить его, так как он направлен против крестьян, ворующих от голода»³. Закон предусматривал всего две меры — осуждение на 10 лет и расстрел.

Уже на 1 января 1933 г. только по РСФСР было осуждено по этому закону 54645 человек, из которых было расстреляно 2100. Нарком юстиции РСФСР Крыленко, сообщивший об этом на январском пленуме ЦК, считал, что эта цифра ничтожно мала. «На местах, — возмущался нарком, — проявились не только непонимание, но и прямое смазывание этого закона, его политической роли, его политического существа ... Один народный судья мне прямо сказал: “У меня рука не поднимается, чтобы на 10 лет закатать человека за кражу колосьев”... Мы же сталкиваемся тут с предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что так нельзя, что обязательство судить должно не исходя из политических указаний партии и правительства, а из соображений “высшей справедливости”... Мы ответили, что требования политической необходимости должны быть выполнены»⁴. Крыленко обнадежил Сталина: «На сегодняшний день мы имеем систематическое нарастание дел», видимо, имея ввиду расстрельные дела.⁵

«Нараставшая угроза кризиса была очевидна для всех, включая Сталина, задолго до осени 1932 г., когда голод вступил в свою высшую фазу.

На поверхности лежали и методы, при помощи которых можно было если не предотвратить голод совсем, то по крайней мере ограничить его.

Первый из этих методов — установление твердых норм сдачи зерна государству. Иначе говоря, движение от колхозной продразверстки к колхозному продналогу. Это стимулировало бы интерес крестьян к наращиванию производства. Однако Сталин отверг такую меру. Он предпочитал не связывать себе руки обязательствами.

¹ Там же. С. 120–123.

² Там же. С. 123.

³ Цит. по: *Зеленин И. Е.* Революция сверху... С. 72. Автор приводит примеры из сводки ОГПУ по Северному Кавказу (август 1932 г.): «В колхозе «пролетарская диктатура» Краснодарского района группа обеззачиков обнаружила на полях пятерых женщин, срезавших колосья пшеницы. Бдительные охранники дважды стреляли в них. Одна женщина была смертельно ранена, оставшиеся в живых пойманы и отданы под суд. На полях колхоза станицы Белореченской было задержано несколько подростков, срезавших колосья». Там же.—

⁴ Там же. С. 73–74.

⁵ Там же. С. 74.

Важным шагом для предотвращения голода могло быть сокращение экспорта зерна, а также его закупка за границей. Такие закупки в ограниченных размерах производились весной 1932 г., что свидетельствовало о том, что в принципе это возможно.

Однако Сталин отказался следовать этим путем дальше. Любые уступки, прямо или косвенно свидетельствующие об ошибочности «большого скачка», были противны самой натуре Сталина и политически опасны для диктатуры. Для смягчения давления на крестьян требовалось снизить темпы индустриального роста. Скрепя сердце, Сталин согласился на такую корректировку курса только в 1933 г. Промедление с этим решением было оплачено миллионами жизней¹.

При этом у него были резервы — около 1,4 млн т по всем зерновым культурам, в том числе более 1 млн т продовольственных хлебов, а, возможно, и больше. «По подсчетам В. П. Данилова, крестьянское хозяйство в России ежегодно потребляло 262 кг зерна на душу. Даже если принять самую низкую и не вызывающую сомнений цифру неизрасходованных запасов на 1 июля 1933 г. (более 1 млн тонн), то получается, что за счет этого зерна по нормальным нормам можно было кормить целый год около 4 млн человек, а по голодным нормам еще больше. Более впечатлительная картина получается, если учесть ресурсы, направленные в голодные годы на экспорт. Несмотря на вынужденное сокращение, экспорт зерна оставался немалым — 1,8 млн тонн в 1932 г. и 223 тыс. тонн в первые шесть месяцев 1933 г. В целом, по мнению В. П. Данилова, только за счет использования запасов и прекращения экспорта можно было предотвратить массовую смертность от голода.

Наконец, одним из важнейших обвинений в адрес Сталина в связи с голодом 1932–1933 гг. является полный отказ от закупок продовольствия за границей и от международной помощи. Получение продовольствия извне, несомненно, могло спасти огромное количество жизней.

Историки справедливо напоминают, что большевики под руководством Ленина приняли международную помощь во время голода 1921–1922 гг. Некоторые современные исследователи полагают даже, что Сталин мог принять такую помощь даже без слишком больших потерь на международной арене. Добавим, наконец, что существовали некоторые другие зарубежные источники, к которым, как уже говорилось, в ограниченных размерах сталинское правительство прибегало еще в начале 1932 г. — например, закупка продовольствия у восточных соседей СССР. Однако Сталин, как свидетельствуют документы, даже не рассматривал возможность какого-либо серьезного обращения к зарубежной помощи².

Удивляться такой бесчеловечности не приходится, если подобное возможно. При всей сложности ситуации начала 1930-х гг. в основе этой политики лежала ненависть Сталина и большевиков в целом к крестьянам (впрочем, разве только к ним?): «В конечном счете главным фактором, определявшим отношение сталинского руководства к голоду, фактором, обострявшим и восприятие всех других текущих обстоятельств, была принципиальная антикрестьянская позиция большевиков. В советской идеологической доктрине крестьянство рассматривались как реакционная и в силу своей многочисленности крайне опасная сила, препятствие на пути социалистического строительства, класс, исторически обреченный на вымирание. Это предубеждение против крестьян только усиливалось в ходе многолетней войны, которую государство вело с

¹ Хлевнюк О. В. Сталин ... С. 170.

² Хлевнюк О. В. Хозяин ... 139–140.

крестьянством сначала в годы военного коммунизма, затем в период хлебного кризиса конца 1920-х годов и, наконец, в связи с массовой коллективизацией. На всех этапах этой войны большевистское государство действовало в отношении крестьян крайне жестоко и безжалостно»¹.

По мнению ряда историков, большевики считали голод не гуманитарной катастрофой, а необходимой ценой, заплаченной за прорыв к «светлому будущему всего человечества». Более того, «в среде большевистских лидеров циркулировал аргумент о том, что голод должен научить крестьян добросовестно работать в колхозах. «Голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму», — писал, например первый секретарь ЦК компартии Украины С. В. Косиор в ЦК ВКП(б) в разгар голода, 15 марта 1933 г. Месяц спустя, 19 апреля 1933 г. В. Фейгин, побывавший в командировке в Днепропетровской области, писал Сталину и Молотову о том, что колхозники осознали: «За колхоз не выпрыгнешь, а плохая работа в колхозе приводит к голоду». О широком использовании таких аргументов свидетельствовал также врач из райцентра Звенигородка Киевской области П. Блонский. В письме наркому здравоохранения Украины он сообщал (письмо было переправлено в Москву и его копия отложилась в фондах ОГПУ): «Очень распространенная среди руководящих и рядовых работников политически вредная «теория», что в голоде виноваты сами голодающие, не хотели, мол, работать, говорят, а раз так — пускай дохнут — не жалко». Конечно, все это была ложь. Документы периода голода переполнены доказательствами того, что от голода умирали все крестьяне, в том числе колхозники-передовики, выработавшие рекордное количество трудодней. Однако такие заявления демонстрировали направление мысли советских чиновников, усвоенное ими по указанию сверху: крестьяне сами виноваты в своем положении, а потому голод есть наказание, вполне заслуженное ими»².

Нельзя в связи с этим не вспомнить следующий эпизод: «М. Горький, вынужденный под давлением Ленина покинуть советскую республику, выразил свое отношение к крестьянству в интервью зарубежным журналистам (речь шла о трагедии 1921–1922 гг. — *М. Д.*). Точка зрения Горького в этом отношении несомненно отражала взгляды Ленина и других большевиков. «Я полагаю, — заявил Горький в Берлине, — что из 35 миллионов голодных большинство умрет». Великий гуманист смотрел на будущее оптимистически: «... вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей»³.

Как говорилось, после сталинской статьи «Головокружение от успехов» начался отлив крестьян из колхозов. Власть временно отступила, дала им минимальную передышку, а осенью 1930 г. возобновила насилие. 15 ноября 1930 г. Горький опубликовал в «Правде» и «Известиях» статью со ставшим печально знаменитым заголовком: «Если враг не сдается, его истребляют», в которой сообщил: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют». По очень точному определению М. Я. Геллера и А. М. Некрича, основоположник социалистического реализма «создал формулу, отпускавшую геноцид»⁴.

¹ Там же. С. 144.

² Там же. С. 144–145.

³ Цит. по: *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти ... Кн. 1. С. 126.

⁴ Там же. С. 250.

Так эти люди смотрели на крестьянство. «В глазах Сталина, — рассказывает в своих «Мемуарах» Хрушев, — крестьяне были вроде отбросов. У него не было никакого уважения к крестьянству и его труду. Он считал, что крестьян можно заставить работать только путем нажима. Жми, дави, силой забирай, чтобы кормить города»¹.

О том, как проходили хлебозаготовки, можно судить по известному письму М. А. Шолохова Сталину от 4 апреля 1933 г. Оно важно не только как свидетельство очевидца, но и как информация, с которой Сталин гарантированно ознакомился.

Вот что пишет, в частности, Шолохов о методах хлебозаготовок: «1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК... допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос...

Вот установки, которые он (Шарапов, директор Ростовского завода «Красный Аксай», уполномоченный по хлебозаготовкам в Вешенском и Верхне-Донском районах Северо-Кавказского края — М. Д.) давал уполномоченным РК, командирам агитколлонн, всем, кто заготавливал хлеб: «Не открывают ям — оштрафуй хозяйств 10-15, забери у них все имущество, картофель, солку, выкинь из домов, чтобы гады подышали на улице! А через два часа, если не будет перелома, снова созывай собрание и снова выкидывай на мороз хозяйств десять!»...

О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскритых при обысках крыш и разваленных печей.

«Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу...

По колхозам широкой волной покатались перегибы. **Собственно то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя было назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья;** и не только пытали в комсодах, превращенных, буквально, в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколлонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий...

Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласно установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шарапова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 центнеров. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устанавливаемую убыточность, понесенную колхозом за прошлые годы, и предъявляли все платежи, как к единичнику. Причем соответственно сумме платежей расценивалось имущество кол-

¹ Там же. С. 252.

хозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60-80 руб. (но ведь кто-то покупал! — М. Д.), а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем, как тени, слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском, Лебяженского колхоза, ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?

Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь крайкома Зимин. По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки, — «Сколько у тебя выселенных из домов?». «Сорок восемь хозяйств». «Где они ночуют?». Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!».

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать.

В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. **Под утро ребенок замерз на руках у матери.** Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. Зимин?

Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевки на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками.

Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избияния колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную». «Есть яма?». — «Нет». — «Ступай, садись в амбар!». Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают...

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский, при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику — подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрешенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. (Нумерация нарушена Шолоховым. — *Ред.*) В Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?». «Не зарывал, товарищ!». «Не зарывал? А, ну, высовывай язык! Стой так!». Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по несколько раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок¹.

Сталин отвечал в своем духе — он обвинил крестьян в том, что они устраивали «итальянку», т. е. забастовку. Названные Шолоховым лица получили партийные взыскания; расстреляют некоторых из них в 1937–1938 гг. А тогда людей расстреливали или сажали на 10 лет по закону «о пяти колосках».

«Тотальные реквизиции хлеба и другого продовольствия в деревне», — резюмирует О. В. Хлевнюк, — «были главной причиной резкого усиления голода. Хотя в той или иной степени голодало или испытывало серьезные продовольственные трудности население всех частей страны, в наибольшей степени голод поразил регионы, население которых составляло более 70 млн человек из 160 млн общего населения СССР. Общее количество жертв голода не поддается сколько-нибудь точному определению, в том числе потому, что сталинское руководство делало все возможное для сокрытия истинных масштабов трагедии.

Современные оценки жертв голода имеют разброс от 5 до 8 млн человек. Даже самые низкие цифры огромны. При этом невозможно подсчитать, например, сколько людей в результате голода перенесли тяжелейшие заболевания, остались инвалидами и умерли несколько лет спустя после того, как сам голод прекратился.

От голода люди теряли человеческий облик. Родители выгоняли детей на улицу или отвозили на ближайшие железнодорожные станции и бросали там. Это явление было характерно для всех голодающих районов. Широкое распространение оно получило, в частности, в Казахстане, несколько лет страдавшем от страшного голода. «Многие кочевники бросают детей на произвол судьбы, — сообщал, например, Сталину в марте 1933 г. заместитель председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулов. — [...] Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям железных дорог в Казахстане. Казашки приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. Казахские органы еще в конце 1932 г. официально сообщали о неустроенных еще 50 тыс. казахских беспризорных детей. Существующие детдома в Казахстане переуплотнены и немало смертности среди детей [...]». По сообщениям Актюбинского отряда Красного Креста, как писал Рыскулов, «детскому населению грозит полное вымирание[...]», на станции Аягуз был зафиксирован случай, когда мать бросила двух своих детей под поезд, в Семипалатинске мать бросила двух детей в прорубь.

В пищу потреблялись различные отходы, мясо павших животных, разрывались скотомогильники. В голодающих деревнях были съедены все кошки и собаки.

Чрезвычайно широкое распространение получил каннибализм. Люди ели не только мясо умерших от голода, но нередко убивали и съедали своих родственников или односельчан. Типичными были случаи, когда матери убивали одного ребенка, чтобы

¹ Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 годы / Сост. Ю. Мурин. М., 1997. С. 28–58.

прокормить их мясом других своих детей. Как отмечалось в сообщении ГПУ по Киевской области от 12 марта 1933 г., «в ряде случаев людоедство переходит даже “в привычку” [...] В пораженных людоедством селах с каждым днем укрепляется мнение, что возможно употреблять в пищу человеческое мясо. Это мнение распространяется особенно среди голодных и опухших детей». Страну охватили эпидемии. В 1932–1933 гг. в СССР было зарегистрировано более 1,1 млн случаев заболеваний сыпным тифом и более 0,5 млн — брюшным тифом»¹.

И. Е. Зеленин сообщает: «К 60-летию голода на Украине историки республики издали народную книгу-мемориал “Голод 1933”, где собрана тысяча свидетельств очевидцев голодомора, проживавших в семи областях республики.... Наряду с воспоминаниями в книге публикуются и документы «рассекреченных архивов», комментарии историков, подкрепляющие свидетельства крестьян, переживших эту страшную трагедию.

Простые и бесхитростные, эти воспоминания воспроизводят различные стадии величайшего народного бедствия. Приведем отрывки из некоторых воспоминаний.

— *И. Ф. Бурлака, с. Городище Винницкой области*

“Село наше Городище лежит по обоим берегам речки Згар. Люди пыли работающие, что ни двор, то бондарь, стельмах, кузнец, швеи, кожемяка... С осени 1932 г. началась выкачка хлеба. Люди начали прятать хлеб в бутылки, в горшки, закапывали в землю, спускали под воду в копанках. Но комнезамы и активисты находили все и везде. Кто ховал, того из хаты выгоняли как кулака или подкулачника. Зимой и весной 1933 г. люди пухли и массово умирали... Мне было всего 5 лет, кроме меня было еще две сестрички и братик”.

— *Р. С. Соколовская, Житомирская область*

“В 1933 г. в селах начался страшный голод. Начали массово умирать маленькие дети, потом пожилые и больные, а потом — все подряд. Вымирили семьями, родами. Люди пухли от голода, теряли ум и рассудок. В нашей семье за неделю умерло четверо детей. Умерла также старенькая бабушка. Умирая, она очень сильно просила кусочек хлеба или картошечку, но дать было нечего. Умерших хоронили без одежды, без гробов, в общих могилах... Только за зиму и весну того страшного 1933 г. в нашем селе голод забрал больше половины людей”.

— *Д. В. Васильченко, с. Билики Полтавской области*

“Однажды к нам во двор пришел хлопчик лет девяти-десяти. Он был страшно худой, изможденный, со страшной синей полосой на шее. Бабушка дала ему поесть и начала расспрашивать. Оказалось, зовут его Митькой, а в семье четверо детей, отец и маленькая сестричка умерли от голода, а старший брат начал гнать его из хаты. А потом вместе с матерью хотели его повесить... Но веревка оборвалась, Митька убежал и теперь боится идти домой... До сих пор в памяти тот хлопчик с синей полосой на шее. Все думаю: как могло так быть между родными людьми?”

— *М. Я. Ничипоренко, Харьковская область*

“Страшно все это вспоминать, ой, страшно. Как теперь вижу: каждый день ездил по дорогам специальный человек с лошадей, подбирал мертвых. Войдет бывало в хату: есть неживые или живые? Если живые, еще дышат, но уже не жильцы, так он и их вез к яме. А еще, помню, умирала женщина, оставила малых деток, грудных еще. Лазят они по матери и сосут неживую грудь. Были дети, стали сироты”.

— *П. Л. Калалач, Днепропетровская область*

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 136–137.

“Мы зашли в село под Кривым Рогом и в одной хате увидели такое, что жутко и сегодня. Мы попросились переночевать, в хате были муж и жена. Мы еще удивились, везде люди, как с креста снятые, а эти мордастые, румяные, моторные. А когда осмотрелись, я заглянула под лавку и онемела. Там в корыте лежала человеческая голова, без туловища. Мы выбежали из этой хаты, не знаю где сила взялась”.

— *С. С. Григорович, с. Муховец Винницкой области*

“В 1933 г. ...люди умирали на улицах. У нас в селе от голода умерло 183 человека, а на войне погибло 160 односельчан... А в Немировке, 4 км от нас, во всю работал спиртзавод. Весь год на его площадках лежали бурты кукурузы в кочанах, ждали своей очереди на переработку. Кукурузу, конечно, сильно охраняли, потому что рядом люди умирали тяжелой голодной смертью”.

Прекращение массовой смертности сельского населения в республике произошло только в августе-сентябре 1933 г. после сбора нового урожая¹.

Когда читаешь эти документы и погружаешься в этот поток горя, все время стоит вопрос — за что? Зачем? Для чего?

Будь это в моей власти, я бы принудительно заставлял сталинистов читать подобные документы по 10 часов в день без перерыва. Опубликованные архивные материалы дают такую возможность.

Итоги коллективизации известны. Она действительно покончила со старой Россией. О масштабах человеческих жертв уже говорилось. И ведь эти люди погибли всего через 10 лет после страшного кровопускания, которое сделала гражданская война, погибли **в мирное время!**

О воздействии коллективизации на сельское хозяйство в целом можно судить по тому, в частности, что производство хлеба и урожайность падали вплоть до 1950-х гг.

Что касается потерь животноводства, то в Отчетном докладе ЦК ВКП (б) на XVII съезде Сталин привел следующую статистику, согласно которой число лошадей в 1929 г. составляло 34,0 млн голов, в 1930 г. — 30,2, а в 1934 — 16,6 млн голов, крупного рогатого скота — соответственно 68,1–52,5–38,6 млн голов, овец и коз — 147,2–108,8–50,6 млн голов, свиней — 20,9–13,6–12,2 млн голов². Проблему достоверности этих данных сейчас оставляем в стороне — понятно, что докладчик явно не был склонен преувеличивать масштабы потрясения.

Таким образом, только за 1929–1930 гг. сельское хозяйство страны лишилось 3,8 млн голов лошадей, 15,6 млн голов крупного рогатого скота, 38,4 млн голов овец и коз, а также 7,3 млн голов свиней; подавляющая доля скота была забита в первые два месяца 1930 г.

А всего за 1929–1934 гг. поголовье лошадей уменьшилось на 17,4 млн голов, т. е. более, чем вдвое, крупного рогатого скота — на 29,5 млн голов, т. е. почти наполовину, овец и коз — на 96,6 млн голов, свиней — на 8,7 млн голов.

Оценить масштаб этих цифр помогают следующие факты. Численность лошадей в СССР за 1941–1945 гг. уменьшилась с 21,0 до 9,9 млн голов, крупного рогатого скота — с 54,5 до 44,2 млн голов, овец и коз — с 91,6 до 70,2 млн голов, свиней — с 27,5 до 8,8 млн голов³. Таким образом, потери составили 11,1 млн голов лошадей, 10,3 млн голов крупного рогатого скота, 21,4 млн голов овец и коз и 18,7 млн голов свиней.

¹ Зеленин И. В. Сталинская «революция сверху»... С. 103–104.

² Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 320.

³ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (статистический сборник). М. Информационно-издательский центр. 1990. Подсчеты автора.

Следовательно, *за годы Великой Отечественной войны наше животноводство потеряло скота меньше, чем за коллективизацию*, исключая свиней.

В эту статистику стоит серьезно вдуматься.

Производство тракторов и комбайнов не компенсировало убыли рабочего скота и оказалось еще одним блефом «социалистического преобразования деревни», которое сам Сталин в докладе именует нейтральным словом «реорганизация»¹. Гибель лошадей привела к потере 8,8 млн лошадиных сил². Даже в 1935 г., когда было уже 380 тыс. тракторов, все еще не хватало 2,2 млн лошадиных сил, в сравнении с 1928 г. с его 26,7 тыс. тракторов³.

Это, однако, не все.

О. В. Хлевнюк пишет: «Из-за коллективизации деревня лишилась наиболее трудоспособных и грамотных работников, на смену которым в основной массе пришли всевозможные «активисты». В лучшем случае искренние в своих идейных устремлениях, они умели бороться, но не работать. Как обычно случалось в революционные периоды, к «должностям» энергично и жадно потянулись подонки общества. Их ненасытная и слабо контролируемая жажда власти, обогащения и насилия усугубляли и без того жестокую «генеральную линию» сталинского руководства. Принудительно коллективизированные крестьяне рассматривали колхозы как новое издание крепостного права и при каждом удобном случае пытались выйти из них»⁴.

Я разделяю точку зрения, согласно которой «среди важнейших итогов коллективизации — социологический шок. Всколыхнувший страну послеоктябрьский шок не задел глубинные слои общества. Шок коллективизации разрушил деревню до корней, ликвидировал крестьянство, породил новый социальный слой — колхозников, людей, быстро потерявших любовь к земле, интерес к труду на земле»⁵.

В меньшем масштабе ситуация 1932–1933 гг. повторилась во время голода 1946–1947 гг., унесшего жизни, как минимум, миллиона человек, когда 2,5 млн тонн хлеба ушло в страны будущей «социалистической демократии».

Вот что об этом пишет В. Е. Зима: «Засуха 1946 г. в зерновых районах России, Украины, Молдавии привела к тому, что в целом по стране собрали 4,6 ц зерна с гектара, т. е. меньше, чем в 1944–1945 гг. В создавшейся обстановке правительство использовало засуху для применения жестких мер продразверстки, заставив колхозы и совхозы сдать государству 52% урожая, т. е. больше, чем в годы войны. Государственные поставки зерна составили в 1946 г. 17,5 млн т, что было на 2,5 млн т ниже уровня 1945 г. и в два раза меньше, чем в 1940 г. Собранного количества зерновых с учетом имевшихся запасов и резервов было достаточно для обеспечения всего населения страны.

Решив максимально сохранить накопленное, правительство избрало иной путь. Осенью того же года сняли с карточного снабжения 28 млн рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. Всего в конце 1946 г., включая колхозников, не было обеспечено хлебом более 100 млн человек. Практически миллионы людей не были защищены от голода, свирепствовавшего с ноября 1946 г. по август 1947 г. в областях Черноземной полосы, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, Украины и в соседних с ней областях Белоруссии, Молдавии...

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 318 и далее.

² Это мнение подтверждается официальным справочником ЦУНХУ Госплана, где за 1930–1933 гг. указано убыль рабочих лошадей в 6661 тыс. голов. Социалистическое строительство СССР. (Статистический ежегодник). 1934. С. 226.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти ... Кн. 1. С. 251–252.

⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 87.

⁵ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти ... Кн. 1. С. 257.

Обезлюдившему, разоренному селу был не по силам завышенный план весеннего сева 1946 г., завершившегося к тому же с большим опозданием; осенью низкий урожай зерновых не смогли убрать в срок. Поступление зерна на рынок в 1947 г. по сравнению с 1946 г. сократилось в 1,7 раза. В результате хлеба выпекали в 3 раза меньше, чем в довоенном 1940 г...

Вслед за сокращением поступлений хлеба на внутренний рынок в сентябре 1946 г. были повышены в 2–2,5 раза розничные цены на хлеб и другие продовольственные, а заодно и на промышленные товары, распределявшиеся по карточкам.

С помощью карточной системы огромную массу сельских жителей, составлявших 65% общей численности населения, изолировали от государственной торговли. Председателям колхозов и секретарям сельсоветов запрещалось выдавать справки и документы людям для поездки в города с целью покупки продовольствия... Такая политика протравки, примененная к колхозам и совхозам, дала возможность государству собрать достаточное количество продовольствия для нормированного снабжения населения городов и обеспечить пополнение резервов, но тем самым она обрекла на массовый голод жителей деревни. На страницах газет тех лет писали о трудностях и путях их преодоления, о том, что «без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны». Сообщалось о засухе, но ни слова о голоде.

Непризнание факта голода в стране позволяло правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи населению...

Глава тогдашнего правительства Украины Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что сообщал Сталину о голоде и людоедстве зимой 1947 г., но ответом был лишь гнев вождя: «Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы»¹.

Это искреннее, жуткое потрясение верного ленинца-сталинца, Первого секретаря КП(б) Украины Н. С. Хрущева дорогого стоит. Легко представить, чего ему, имевшему к 1946 г. ясное представление о характере Сталина, стоил этот звонок!

Более того, Сталин отказался от продовольственной помощи, которую СССР продолжал получать, хотя после войны и в меньшем размере, по линии Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). Когда на Западе стало известно о начавшемся в 1946 г. массовом голоде, то в течение 1946/1947 г. американский Красный Крест, в основном благотворительная организация Рашен Релиф (США), направила в СССР грузов на 31 млн долларов. Это была самая крупная помощь, направленная в СССР во время голода. Кроме того, «под предлогом помощи жертвам войны (иначе советская сторона подарки не принимала) поступили сотни тысяч посылок из Аргентины, Дании, Ирана, Швейцарии, Швеции и др...

Советское правительство с подозрением относилось к послевоенной помощи и искало предлог для отказа, что не раз и делалось.

Направленные в СССР по линии обществ Красного Креста грузы распределял Совмин СССР. Поскольку помощь часто обезличивалась и передавалась по другим адресам, а жертвователи не получали вразумительных ответов об ее участии, то за границей распространились слухи, что посылаемые в СССР подарки расхищаются. В мае 1947 г. безадресные поступления подарков по линии Красного Креста прекратились и направлялись только грузы целевого назначения.

Тому немало способствовало мнение советского руководства о нецелесообразности

¹ Зима В. Е. Тупики аграрной политики (1945–1953) // СССР и холодная война. М., 1995. С. 142–150.

организации сбора средств в пользу СССР, что могло бы быть использовано Западом «для демагогической пропаганды». Министерство иностранных дел рекомендовало исполкому СОКК и КП под благовидным предлогом отказаться от предлагаемой помощи.

Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии в эти и другие страны в 1946–1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн т зерна.

Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80–90% пополнив запасы зерна. Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоявшим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе¹.

У нас есть возможность конкретизировать ситуацию вокруг голода на Украине и обращения Хрущева Сталину: «В 1946 г. в год сильнейшей засухи, украинские колхозники должны были сдать государству 400 млн пуд. (7,2 млн тонн) зерна. Эта цифра, как и большинство других плановых заданий, произвольно была установлена и никак не соотносилась с действительными возможностями украинского сельского хозяйства. Отчаявшиеся крестьяне слали письма украинскому правительству в Киев и союзному в Москву, умоляя прийти им на помощь и спасти от голодной смерти. Хрущев, который был в то время первым секретарем ЦК КП(б)У после долгих и мучительных колебаний (он опасался быть обвиненным в саботаже и потерять свое место) все же послал письмо Сталину, в котором просил разрешить временно ввести карточную систему и сохранить продовольствие для снабжения сельскохозяйственного населения. Сталин в ответной телеграмме грубо отверг просьбу украинского правительства. Теперь украинских крестьян ожидали голод и смерть. Народ начал умирать тысячами. Появились случаи каннибализма. Хрущев приводит в своих мемуарах письмо к нему секретаря Одесского областного комитета партии А. И. Кириченко, посетившего в зиму 1946–1947 года один из колхозов. Вот, что он сообщал: «Я увидел ужасную сцену. Женщина положила трупик своего собственного ребенка на стол и разрезала его на куски. Она безумолчно говорила, когда это делала: «Мы уже съели Манечку. Теперь мы засолим Ваничку. Это поддержит нас некоторое время». Можете Вы себе это представить? Женщина сошла с ума на почве голода и разрушила собственных детей на куски!». Голод бушевал на Украине.

Однако Сталин и его ближайшие помощники не желали считаться с фактами. На Украину был послан беспощадный Каганович в качестве первого секретаря ЦК КП(б) У, а Хрущев временно впал в немилость, был перемещен на пост Председателя Совнаркома Украины. Но никакие перемещения не могли спасти положения: голод продолжался, и он унес около миллиона человеческих жизней².

И при этом миллионы тонн зерна, напомним, вывозились в страны будущей народной демократии.

До каких же глубин цинизма нужно опуститься, чтобы после этого десятилетиями твердить о «голодном экспорте», о «проклятом царизме», а в наши дни — и о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при П. А. Столыпине?!

¹ Там же. С. 150–152.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1996. Т. 2. С. 25–26 (517–518).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Модернизация Витте-Столыпина была временем весьма успешных социально-экономических и политических преобразований, которые превратили в конце XIX — начале XX вв. Российскую Империю в одну из самых динамично развивающихся стран в мире и позволили во многом сократить ее отставание от крупнейших держав.

Среди причин этого феномена¹ — модификация торгово-промышленного и финансового законодательства, освободившая экономику от многих юридических стеснений предшествующего времени, динамичное строительство железных дорог, в сильнейшей степени стимулировавшее мощное развитие тяжелой промышленности, реформа железнодорожных тарифов, введение золотого обращения, активное привлечение иностранного капитала, что в большой мере позволило решить проблему финансовых источников индустриализации, реформа налогообложения, включая введение винной монополии, ряд мер, оптимизировавших функционирование отдельных отраслей народного хозяйства, и т. д.

Во многом это способствовало расширению внутреннего рынка для промышленности, а в 1906 г. преобладающая часть населения страны — крестьянство — была уравнена в гражданских правах с остальным населением страны и получила возможность стать собственником своей земли. Столыпинская аграрная реформа способствовала преодолению кризисных явлений в ряде губерний страны и заметно ускорила процессы стихийной интенсификации сельского хозяйства, начавшиеся в конце XIX в.

В этот период окончательно формируется всероссийский рынок — от Варшавы до Владивостока, от Петербурга и Архангельска до Карса и Ферганы.

Представленные в данной книге результаты демонстрируют явную несостоятельность ряда ключевых положений парадигмы кризиса и пауперизации населения страны после 1861 г., а значит, и всех попыток представить «обнищание народных масс» главным фактором революции 1917 г.

1. Тезис о недостоверности урожайной статистики ЦСК МВД, на материалах которой в большой мере основан пессимистический подход к проблеме потребления населения, получил серьезное подкрепление новыми статистическими и нарративными источниками. Это еще раз подчеркивает, что опирающиеся на данную статистику рассуждения о крестьянстве, якобы «балансирувавшем на грани голода» в течение полувека, не выдерживают ни малейшей критики.

2. Установлено, что так называемый «голодный экспорт» хлеба в конце XIX — начале XX вв. — пропагандистский миф, не находящий подтверждения в статистике урожая, перевозок и потребления хлеба. Имперское правительство, в отличие от СНК СССР, не обладало монополией внешней торговли и не имело рычагов, позволяющих выкачивать хлеб из деревни. Экспорт, как всегда и бывает в странах с рыночной экономикой, был частью хлебной торговли, причем статистика недвусмысленно показывает значительный рост внутреннего рынка в течение рассматриваемого периода.

Мифологический характер идеи «голодного экспорта» вполне доказывает тот факт,

---

¹ Далее они излагаются не в порядке значимости.

что в 1894–1913 гг. среднегодовой прирост питейного дохода в 1,7 раза превышал среднегодовой прирост стоимости всего хлебного экспорта, а сумма питейного дохода за данный период превысила стоимость всего вывоза хлеба на 13,5%.

Принципиально важно при этом, что правительство Империи в неурожайные годы никогда не бросало население страны на произвол судьбы, как это было после 1917 г., и уж тем более не устраивало смертный голод намеренно, как это было в 1932–1933 и 1946–1947 гг. Существовавшая государственная система продовольственной помощи в рассматриваемый период не раз доказывала свою эффективность. На поддержку пострадавших от неурожая тратились гигантские суммы — порядка 500 млн руб. за 1891–1908 гг., 88,1% которых пришлось на 15 черноземных губерний с наиболее сильным общинным режимом (а также Псковскую)¹. Правительство фактически принимало *на себя* ответственность за стихийные бедствия, поскольку регулярно списывало с крестьян подавляющую часть продовольственных долгов.

3. Не выдержал верификации один из ключевых постулатов негативистской историографии о росте недоимок после 1861 г. как объективном показателе падения уровня жизни крестьян.

Свыше 90% процентов недоимок по окладным сборам стабильно приходилось на те же 16 общинных губерний, которые одновременно были главными получателями государственной продовольственной помощи. Именно наличие уравнильно-передельной общины в первую очередь и определяло указанные негативные явления в российской деревне.

Проведенный на уровне уездов анализ статистики землевладения и податной статистики в этих наиболее задолженных губерниях показал, что ни размеры крестьянских платежей, ни величина недоимок *не зависели* от площади крестьянских наделов (в частности, от пресловутого малоземелья), а определялись другими факторами, прежде всего несовершенством созданной в 1861 г. системы крестьянского самоуправления, частью которой стало податное дело, основанное на круговой поруке. Неплатежи стали своего рода формой самозащиты общинников от несправедливой податной системы и не являются доказательством снижения жизненного уровня подавляющего большинства крестьян, тем более, что весьма видное место среди должников занимали зажиточные хозяева, в том числе и представители крестьянской администрации.

Некорректно рассматривать так называемые «вынужденные осенние продажи» хлеба лишь в налоговом контексте и забывать, что осень была временем окончания годового сельскохозяйственного цикла, сопряженного с месяцами наибольшей брачности населения.

4. Проведенное исследование продемонстрировало наличие весьма острой герменевтической проблемы — проблемы «семантической инфляции» используемой терминологии, которая прямо влияет на делаемые историками выводы.

Совершенно очевидно, что жители Российской Империи в конце XIX — начале XX вв. в понятия «голод», «нужда», «непосильные платежи», «насилие», «произвол» и т.п., которые для негативистской историографии являются ключевыми при описании дореволюционной России, вкладывали не совсем тот смысл, который вкладываем мы сейчас.

Особенно показателен в этом плане термин «голод».

До революции 1917 г. он служил для обозначения любого крупного неурожая хле-

¹ Ермолов А. С. Неурожай и продовольственный вопрос... Т. 2. С. 7–28.

бов в нескольких губерниях (в том числе и считающегося смертным голодом в 1891–1892 гг., совпавшего с эпидемией холеры, которая и унесла основную часть жертв), при котором автоматически начинал действовать «Продовольственный устав» и жители пострадавших районов получали от государства продовольственная помощь.

В более широком контексте «голод» широко употреблялся для характеристики *любого* дефицита. В литературе, в публицистике и в аналитических текстах можно встретить такие словосочетания, как «сахарный голод», «металлический голод», «хлопковый голод», «нефтяной голод», «дровяной голод», «мясной голод» и т. д.

Такова была языковая норма, вытекавшая из дореволюционной системы координат «плохо/хорошо». В каждый исторический период у живущего поколения есть своя система негативных ценностей, в которой ранжированы и определенным образом вербализованы отрицательные явления окружающей действительности — сообразно с мерой представлений эпохи и жизненных впечатлений живущих в это время людей.

После 1917–1922 гг. эта система на глазах одного поколения радикально изменилась, неизмеримо ужесточившись. Перечисленные термины получили новое и куда более страшное наполнение. Так, «голод» стал обозначать смертный голод с людоедством. Для громадного большинства жителей нашей страны самая первая ассоциация с этим словом — голод блокадного Ленинграда, а затем — голод 1932–1933 гг.

Хотя до 1917 г. источники описывают *принципиально иную* ситуацию — неурожай, сопровождавшиеся продовольственной помощью правительства, однако советскими и постсоветскими историками эти недороды — иногда по недопониманию, но чаще преднамеренно — трактуются (и соответственно их читателями воспринимаются!) уже *в меру этого нового знания*, полученного в советскую эпоху, то есть, именно как реальный смертный голод с людоедством.

Это привело к серьезнейшим деформациям наших представлений о прошлом. Историки, как правило, и вовсе не подозревают о существовании в дореволюционной России системы государственной продовольственной помощи.

Если не осмыслить данный феномен всерьез, если не ввести жесткую поправку на «семантическую инфляцию», то можно оставить мысль о том, что мы имеем сколько-нибудь адекватное представление об истории России после 1861 г. Ведь сейчас, если называть вещи своими именами, немалой частью историков, не говоря о «читающей публике», ключевые проблемы эпохи трактуются и воспринимаются зачастую в корне неверно.

Сказанное, разумеется, не делает фиктивными и не обесценивает нужду и недоедание людей во время неурожаев конца XIX — начала XX вв. Однако нельзя сомневаться в том, что, используя те или иные термины, особенно связанные с такой эмоционально острой темой, как голод, историки должны ясно, без малейшей двусмысленности понимать, что они обозначают.

Невозможно, чтобы недороды конца XIX — начала XX вв., голодомор 1932–1933 гг. и блокадный голод Ленинграда именовались одинаково. Сказанное, безусловно, относится и к другим перечисленным терминам негативного спектра.

5. Статистика государственных сберегательных касс показывает значительное увеличение числа вкладчиков и суммы сбережений в конце XIX — начале XX вв., причем это в первую очередь относится к представителям низших социальных слоев общества. В 1897 г. в стране с населением 126,4 млн чел. насчитывалось 2,3 млн сберкнижек, на которых хранилось 412 млн руб. (28,3% бюджета Империи в

1458 млн руб.¹); т. е. сберкнижки были примерно в 9–10% семей, исходя из среднего размера семьи в 6 человек. При этом сельское население, численность которого составляла 109,8 млн чел., обладало лишь 430 тыс. сберкнижек с 77,7 млн руб. (это примерно 2,35% семей и 18,7% всех сбережений).

В 1913 г. на 175,1 млн жителей России приходилось 8,6 млн книжек, на которых находилось 1550 млн руб. (45,3% бюджета Империи в 3420 млн руб.); т. е. по тому же расчету, порядка 30% семей страны хранило деньги в сберегательных кассах. Сельское население увеличилось до 148,8 млн чел. и теперь оно держало на 2546,6 тыс. книжек 480,2 млн руб.; число крестьянских семей, имевших сберкнижки, выросло примерно до 10,3%.

Другими словами, если население Империи увеличилось за 1897–1913 гг. в 1,39 раза, то число книжек и сумма вкладов на них — в 3,8 раза. Численность сельского населения выросла в 1,35 раза, число же крестьянских книжек — в 5,8 раза, а сумма вкладов — в 6,2 раза.

При этом вкладчики, проходившие в статистике сберегательного дела по категориям «земледелие и сельские промыслы», «городские промыслы», «фабрики, заводы, рудники», «услужение» и «нижние чины», в 1897 г. в сумме имели 1133,4 тыс. книжек со 173,9 млн руб., то в 1913 г. — соответственно 5173,6 тыс. и 867,7 млн руб., т. е. число принадлежащих им книжек выросло в 4,6 раза, а сумма вкладов — в 5,0 раз. Если книжки вкладчиков этих категорий в 1897 г. составляли 49,8% всех книжек, то в 1913 г. — уже 60,1%, а доля их вкладов повысилась с 42,2 до 56,0%.

Важно отметить, что более чем в 30 губерниях доля крестьянских семей, имевших сберкнижки, превышала 10%, в 14 — 20%, а в Ярославской, Тверской, Московской, Эстляндской, Костромской и Владимирской — была выше 30%; в Ярославской губернии она составила 68,1%, в Тверской — 47,4%². При этом крестьяне ряда губерний Центрально-Черноземного района, Малороссии, Юго-Запада, Новороссии и Предкавказья предпочитали вкладывать сбережения в кредитные кооперативы, которые за счет более высоких процентов по вкладам и отсутствия ограничений по их сумме с началом реформы Столыпина успешно конкурировали со сберегательными кассами.

В совокупности эти факты поворачивают проблему крестьянского благосостояния в совершенно иную плоскость, неизвестную традиционной историографии.

Динамика сберегательного дела, а также динамика вкладной операции в кредитных кооперативах подтверждают точку зрения Л. Н. Литошенко, согласно которой к концу XIX в. аграрный сектор страны справился с кризисными явлениями, благодаря выделению слоя крупных хозяйств (15–20% общего их числа) с повышенными доходами, которые создали внутренний рынок для отечественной промышленности.

б. Транспортная статистика фиксирует мощный рост как грузового, так и пассажирского движения, что для страны с рыночной экономикой является безусловным показателем подъема народного хозяйства и растущего благосостояния ее населения.

Перевозки всех грузов (кроме перевозимых поштучно) выросли с 2,5 млрд пуд. в 1894 г. до 8,0 млрд пуд. в 1913 г., т. е. в 3,2 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32,7 тыс. км в 1894 до 69,2 тыс. км в 1913 г., т. е. в

¹ Министерство финансов. 1802–1902 ... Т. 2. С. 646–647.

² Напомним, что некоторые вкладчики могли иметь на свое имя две сберкнижки — одну на вклады до востребования и вторую на вклады условные (они делились на вклады «до совершеннолетия», «на погребение», «с другими назначениями»). На условные вклады приходилось порядка 3% всех книжек и суммы вкладов. Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г. ... С. 22.

2,1 раза¹. При этом в сравнении 1894–1900 гг. среднегодовая перевозка всех грузов в 1901–1908 гг. выросла на 43,8%, а в 1909–1913 г. — более чем удвоилась (рост на 109,6%).

Число поездок пассажиров по общему и пригородному тарифам за 1894–1913 гг. увеличилось в 5,0 раз, а за 1906–1913 гг. — в 2,0 раза, в том числе количество поездок взрослых пассажиров I–IV классов по общему тарифу за те же периоды выросло соответственно в 3,3 раза и в 2,3 раза. Политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие модернизации страны, усиливая процесс интеграции между частями Империи.

Таким образом, совокупность проанализированных источников приводит к выводу о том, что ключевые постулаты традиционной историографии, призванные демонстрировать безысходное якобы положение отечественной деревни, не подтверждаются фактами, а часто просто противоречат им.

Следовательно, пессимистический взгляд на социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX вв. во многом несостоятелен.

7. Однако это не означает, что имеющиеся свидетельства тяжелого положения части крестьян — даже с учетом «семантической инфляции» — неверны и их следует игнорировать.

В ходе исследования был сделан принципиальный вывод об отсутствии противоречий между негативным и позитивным массивами данных об уровне жизни и потребления населения России в конце XIX — начале XX вв.

В рамках классового черно-белого подхода, призванного доказать неизбежность «Великого Октября», это противоречие неразрешимо.

Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники (при этом, повторяюсь, пессимистические описания жизни части общинных крестьян должны оцениваться с обязательной поправкой на «семантическую инфляцию»).

Это противоречие исчезает, как только мы перестаем путать проблему положения крестьянского хозяйства в пореформенной уравнительно-передельной общине с проблемой народного благосостояния. Проблемы эти, разумеется, отчасти налагаются друг на друга, но они далеко не идентичны.

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами, получаемыми со своего надела. Второй же показатель складывался из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков, прямо учесть которые мы не в состоянии, но о которых можем судить косвенно.

Ведь динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих социальное и экономическое развитие страны в целом, и — взятые в комплексе — все эти данные неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской Империи, что вполне естественно.

Нужно только помнить, что миллионы крестьян в той или иной форме принимали участие в экономической модернизации и индустриализации. Население страны полу-

¹ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1899 г. СПб., 1902. Вып. 77. С. 60; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 г. Вып. 56. С. 4. Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР... С. 257.

чало деньги за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных (и одновременно было их покупателем!), за то, что участвовало в железнодорожном, промышленном, городском строительстве, за работу на перевозившем все больше грузов транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере разнообразных услуг и пр. Это отчасти отражалось в росте акцизных доходов, в динамике вкладов в сберегательные кассы и кредитные кооперативы, в увеличении транспортировки потребительских товаров и т.д.

И следует помнить, что каждый пуд из сотен миллионов, фигурирующих в статистике производства, торговли и перевозок, был неоднократно оплачен.

То, что негативистская историография до сих пор подменяет проблему народного благосостояния проблемой положения крестьянского хозяйства в рамках уравнильно-передельной общины, — прямое следствие неизжитой в умах исследователей натурально-хозяйственной концепции экономической жизни, этого весьма примитивного продукта восприятия социалистических идей в пореформенной России.

Данная теория, во-первых, ставит крестьянские доходы в прямую связь с площадью наделов, игнорируя при этом количество и качество прилагаемого к земле труда, а также фактор интенсификации; априори предполагается, что крестьянин сведущ в агрономии и весьма трудолюбив. Именно отсюда вытекает тезис о малоземелье как главной причине «бедствий» деревни — ведь наделы не увеличиваются в соответствии с ростом населения. Во-вторых, натурально-хозяйственная концепция отвергает рынок как одну из «язв капитализма» и исходит из тезиса о том, что крестьянское хозяйство должно быть натуральным — во избежание «эксплуатации человека человеком».

Внезадельные заработки крестьян в рамках этой логики безоговорочно осуждаются и трактуются только как свидетельство упадка, а не как, например, показатель стремления крестьян увеличить свой достаток. Крестьянство в силу этого как бы перестает участвовать в модернизации, и это не случайно, ибо народники не воспринимали народное хозяйство как единое целое и на модернизацию смотрели как на временную досадную помеху.

Разумеется, экономическая ценность этой теории приближается к минус бесконечности. Поразительно, однако, что именно она является главным источником не только народнической трактовки аграрного вопроса до 1917 г., но и взглядов многих современных исследователей, стоящих на традиционных позициях. Из нее вытекает также и кажущееся противоречие между негативным и позитивным массивами данных о положении российской деревни после 1861 г.

Отказ историков от натурально-хозяйственной концепции, полагаю, является как необходимым условием, так и здоровой основой для объективного переосмысления социально-экономической ситуации в дореволюционном аграрном секторе.

Важнейшей вехой предвоенной модернизации стала аграрная реформа Столыпина, прерванная революцией 1917 г. Ее предварительные итоги были подведены выше, а сейчас коротко резюмируем вышесказанное.

Настоящее исследование позволяет рассматривать аграрные преобразования Столыпина как основанный на предоставлении крестьянам де-факто полноты гражданских прав целостный масштабный процесс реформирования аграрного сектора российской экономики, который включал:

1) радикальное расширение площади крестьянской частной земельной собственности благодаря укреплению надельной земли в собственность, а также покупке земель у Крестьянского поземельного банка и при его посредничестве;

2) переструктурирование крестьянского землепользования путем землеустройства, охватившее гигантскую территорию в Европейской и Азиатской России, равную по площади современным Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии.

3) агротехнологическую революцию, т. е. повышение уровня крестьянского земледелия, его производительности и материального благосостояния путем интенсификации крестьянского хозяйства. Освобождение его от пут архаичного общинного земельного права само по себе должно было стимулировать инициативу и предприимчивость крестьян. Параллельно, благодаря соединенным усилиям правительства и земств, стремительными темпами стало расти агрономическое просвещение крестьян;

4) развитие всех видов кооперации, сделавшее Россию одним из мировых лидеров кооперативного движения. Кредитная кооперация инвестировала в деревню миллиарды рублей. Десятки тысяч кооперативов с десятками же миллионов участников стали абсолютно новым и весьма значимым компонентом жизни страны. Настолько значимым, что после краха военного коммунизма Ленин вынужден был задуматься о плане построения социализма через кооперацию.

5) новую переселенческую политику;

6) начало реализации грандиозного по замыслу и размаху плана освоения Азиатской России, а также ее интеграции в жизнь страны и во всероссийский рынок; позже этот план был как бы экспроприирован советской властью, которой по незнанию и «иным соображениям» мы и приписываем его авторство.

По сути же Столыпинская аграрная реформа начала — не более и не менее — *мирное*, эволюционное — но притом ускоренное — социальное, экономическое и во многом культурное переустройство Российской Империи в целом. Полагаю, так быстро и масштабно жизнь страны не менялась со времени Великих реформ, если не эпохи Петра I.

Преобразования прямо, хотя и не в равной степени, затрагивали все пять сфер, в которых, как считается, происходит совокупность модернизационных процессов, — политическую, социальную, культурную, экономическую и психологическую. Следствием этого стало, в частности, начало постепенного изменения антирыночной и антимодернизационной ментальности значительной части населения страны.

С самого начала реформа была принципиально нацелена на масштабное сотрудничество с общественностью, с местными силами везде, где это было необходимо и возможно, на преодоление извечной оппозиции «Мы — Они», возникшей в русском обществе в эпоху Николая I и резко усилившейся в начале XX в. В ходе реализации реформы начала складываться новая модель взаимоотношений правительства и общества.

Реформа в считанные годы начала преобразовать Россию. Она значительно усилила процессы интенсификации отечественного сельского хозяйства и стала мощным фактором выдающегося промышленного подъема 1909–1913 гг. Во многом благодаря ей промышленное производство и народное потребление стали развиваться в определенной гармонии.

Экономический рывок, сделанный Россией в ходе модернизации Витте-Столыпина, был огромен. Напомню, что средний темп промышленного роста России в конце

XIX — начале XX вв., согласно расчетам П. Грегори, подтвержденным Л. И. Бородинским¹, составил 6,65%, в силу чего Россия в этот период была «абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда»².

Эти народнохозяйственные успехи сами по себе изменяли политическую ситуацию в стране, что прекрасно понимали все оппозиционные политики, начиная с «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина.

Понятно, однако, что индекс модерности сознания населения страны, если бы его можно было измерить, далеко отставал бы от индекса промышленного развития. Это естественно — слишком долго и правительству, и большей части общества средневековая психология крестьянства казалась национальным достоянием, не говоря о тактических удобствах такой психологии для управленческих целей, и поэтому они с энтузиазмом консервировали ее после 1861 г.

Правительство очнулось после 1905–1906 гг., и все, что мы знаем об антропологической составляющей аграрной реформы Столыпина, позволяет говорить о том, что в этой сфере начались серьезные сдвиги.

И все-таки главным достижением реформы была свобода, «второе раскрепощение» крестьянства.

Следует особо подчеркнуть, что реформа Столыпина, основанная на идеях Манифеста 17 октября 1905 г., стала началом реального разрыва многовековой патерналистской традиции управления Россией.

В конце XIX — начале XX вв. наша страна завершила долгий путь от всеобщего закрепощения сословий при Петре I (когда дворян пытали и засекали до смерти так же, как и крестьян³) до обретения большинством населения страны полноты гражданских прав.

В самом общем, «грубом» виде, как известно, можно выделить два полярных типа государственного строя (со множеством переходных форм между ними). Первый ставит себе задачей обеспечение прожиточного минимума большинства населения, лишённого при этом всех или части гражданских прав. Второй предоставляет возможности своим гражданам, благодаря имеющимся у них правам, самим зарабатывать себе на жизнь и отвечать за нее.

Россия до 1906 г., безусловно, относилась к первому типу. В определенном смысле русскую историю от Полтавы до Синопа можно трактовать как успешную попытку быть мировой державой, имея в основе крепостное право и гражданскую неполноправность населения. С началом индустриальной эпохи этот путь исчерпал себя, потому что на новом витке развития цивилизации среди факторов, определяющих статус великой державы, появилась, условно говоря, человеческая индивидуальность, Личность в широком смысле, имеющая правовые возможности для самореализации и хотя бы умеющая читать и писать.

Российские элиты этого, к сожалению, долго не понимали. Капитализм, неизбежно

¹ Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. ... С. 471–490; Бородин Л. И. О темпах промышленного роста дореволюционной России: модернизационный контекст дискуссии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение... С. 84–93.

² Грегори П. Поиск истины в исторических данных ... С. 488.

³ Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х т. СПб., Дмитрий Буланин. 2015. Т. 2. С. 16.

ведущий к расширению прав человека, в России ненавидели и революционеры, и министры, причем с сопоставимой степенью ярости. И тем, и другим различные модификации патернализма, а на деле — крепостного права, были привычнее и понятнее, не говоря о том, что в крепостническом модусе надо только командовать, а думать можно не всегда.

Термин «патернализм» обладает неким убаюкивающе-умиротворяющим эффектом, на мой взгляд, за счет странного привкуса защищенности.

Однако эфемерность этого чувства исчерпывающе описал Витте в уже цитированном фрагменте: «Государственная власть считала, что для нее самое удобное держать три четверти населения не в положении людей, граждански равноправных, а в положении взрослых детей (сущест^вь особого рода), [когда] взяло на себя роль, выходящую из сферы, присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, когда три четверти населения не person'ы, а полуперсоны».

Это закономерно вызывало ответную реакцию народа, не приученного к иной ответственности, кроме податной: «Но раз ты попечитель, то, если я голодаю, корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих», «раз ты меня держишь на уздечке, не даешь свободы труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги — нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай земли по мере увеличения населения»¹.

И когда началась революция, спровоцированная войной с Японией, правительство в полном объеме «вкусило прелести такого режима», который оно искренно принимало за государственный социализм.

Аграрная реформа Столыпина начала слом патерналистской схемы. Конечно, множество представителей бюрократии всех уровней об этом еще и не подозревало. Однако патерналистский статус-кво уже был серьезно нарушен, и теперь требовалось только время, чтобы данный процесс постепенно охватил все большее пространство жизни.

То, что большая часть крестьянства отреагировала на правительственную программу позитивно, подтверждает приводимая выше разнообразная статистика, которая в данном случае «играет» роль своего рода избирательного бюллетеня. При этом в реальной жизни роль государства намного усилилась, поскольку реформа сразу же заметно расширила сферу компетенции правительственного аппарата и потребовала от него совершенно иного уровня активности. Мы видели, что буквально все аспекты преобразований развивались только при финансовой и организационной поддержке правительства.

Но это уже была другая схема отношений между властью и подданными — между пасомыми и ведомыми (ведомыми до поры!) есть принципиальная разница.

А для политизированной части русского общества аграрная реформа стала моментом истины.

Как мы знаем, в начале XX в. представители разных политических сил не меньше правительства хотели руководить сгруппированным в уравнилельно-передельную общину народом и со временем надеялись воспользоваться данным, по их мнению, преимуществом российской системы управления. Тот факт, что с 1906 г. Власть начала отказываться от старой парадигмы, не мог их оставить равнодушными.

Этим вызвана насквозь пронизанная фальшью и лицемерием ситуация, когда правительством — извечный «противник вольности» — подвергалось жестокой критике

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 47–50.

за то, что предоставило крестьянам полноту гражданских прав, в том числе и право собственности на землю!

Психологический подтекст критики реформы частью русского общества великолепно сформулирован С. Н. Сыромятниковым: «Защитники опеки над крестьянами должны прямо и честно поставить себе вопрос, что же они защищают: обязанность государства кормить тунеядцев или обязанность граждан содержать государство?»

Но есть еще вопрос того же порядка, который надо было решить защитниками общины: представляют ли русские крестьяне особую породу людей, особую народность, или они такие же русские люди, как русские купцы, русские мещане, русские дворяне. Есть ли они особая народность, особая низшая раса, как думали в XVIII и первой половине XIX века иные крепостники?

Если крестьяне — черная кость, «хамы», «рабы», то конечно, для них должны существовать и особые законы. У них не может быть права собственности и наследования, из крепостной зависимости от помещиков они должны были перейти в крепостную зависимость от мира и чиновников, все равно государственных или социалистических. Но если крестьяне ничем не отличаются от дворян и купцов, кроме степени образования и зажиточности, то они должны пользоваться теми же гражданскими правами и нести те же гражданские обязанности, как и дворяне и купцы...

Итак, противники общины исходят из того положения, что крестьян как особой народности нет, а есть русские граждане, которые имеют право пользоваться охраной общих гражданских законов, а защитники общины говорят то же, что говорили защитники крепостного права: что крестьяне есть народность низшая, слабая, безнравственная и глупая, которая не в состоянии пользоваться гражданской свободой.

Это, будто бы, вечные дети, над которыми должна висеть вечная розга. Это, будто бы, стадо скота, при котором должен быть бдительный пастух. Когда это стадо не может добывать себе пищу, — его надо кормить царским пайком. Какая же собственность и какое право наследования может быть у стада?»¹

Реакция немалой части образованного класса на реформу — справа налево — не оставляет сомнений в том, какой ответ она дала на этот ясно поставленный вопрос.

Критики преобразований не видели противоречия в том, что они, «народные избранники», в том числе и члены «партии народной свободы», заседая в вожделенном российском парламенте, в Думе, голосуют *против* предоставления каждому четверым из пяти своих сограждан элементарного права по своей воле распоряжаться собственной жизнью, *против* их права быть владельцами той земли, которую они обрабатывают и т. д.

И не важно, чем прикрывались оппоненты Столыпина — «народолюбием» во всех возможных вариантах (охранительном, лево- и правосоциалистическом), стратегической заботой о духовных скрепах нации или иной словесной эквилибристикой. Ведь что бы они ни говорили, какие бы аргументы они ни приводили — в основе их критики лежит апология рабства. Для них крестьяне — по Сыромятникову — действительно «вечные дети, над которыми должна висеть вечная розга. Это, будто бы, стадо скота, при котором должен быть бдительный пастух».

Любопытная картина, кстати, получается, если в претензиях критиков реформы патриотичный термин «община» заменить на «крепостное право». Просто до 1861 г. у

¹ Сыромятников С. Н. Юрьевский Б. Н. Землеустроительный смотр. СПб., 1913. Как мы помним, образ «стада» использует и Витте.

противников освобождения не было тех возможностей для обнаружения своей точки зрения, что у противников Столыпина после 1905 г.

В позиции противников реформы был еще один капитальный изъян, о котором не раз упоминалось на предыдущих страницах и который был точно охарактеризован М. В. Красовским: «Перед Россией, перед русским народом стоят такие задачи, что ему нужно напряжение всех сил для того, чтобы побороть свои невзгоды внутренние и своих внешних соперников. **Архаические, отжившие по нашему времени формы земельного владения, выражающиеся в общинном строе, представляют собою то оружие, которое отбито на Куликовом поле и с которым хотят теперь выступить против пулеметов.** Мы же говорим: оставьте это прекрасное, славное для русского народа воспоминание в музеях как реликвию, но не несите его в бой. В бою нам нужны живые силы, нужны свежие элементы, нужна здоровая инициатива, нужно равнение по лучшим, а не по худшим. Вот почему мы утверждаем, что с общиной мы должны считаться не как с жизненным учреждением, а как с терпимым и только дотоле — доколе у народа и у правительства не будет достаточно сил, чтобы сдать ее в архив»¹.

Хочу быть правильно понятым.

В этой книге содержится так много критики в адрес представителей отечественного образованного класса, что, боюсь, поневоле может возникнуть тот же эффект, что и при обсуждении «отрезков» и недоимок, когда происходит психологический перенос (замещение) и рассуждения о части автоматически начинают относиться к целому.

Повторюсь, мои критические замечания в адрес русского общества относятся прежде всего к той его части, которую можно назвать «профессиональными борцами за счастье человечества» (или, что то же самое, — «борцами с несовершенством окружающего мира»; в середине XIX в. этот род занятий появился и в России) и которая оппонировала при этом каждому действию правительства только потому, что оно исходило от него. Нельзя не признать, однако, что подобная позиция не только этих людей, но и значительной части общества в целом в большой мере была следствием политики власти в первую половину царствования Николая II, когда правительство сопротивлялось «всякому проявлению активности, хотя бы и вполне законному и бесспорно разумному, если только оно не было по приказанию свыше, а носило автономный характер», что, по точному замечанию В. В. Леонтовича, «было плохим признаком, указывавшим на распад подлинной власти и на исчезновение способности править страной у всех тех, кто стоял во главе бюрократического аппарата и на ком лежала ответственность за судьбы России»².

К счастью, история Столыпинской аграрной реформы продемонстрировала, что «партия здравого смысла» оказалась куда многочисленнее, чем могло показаться в 1905–1906 гг.

В личных документах, в литературе и публицистике пореформенной эпохи немало говорится об инертности, об «абсентеизме» русского общества, и спорить с современниками трудно; так, разочарование в земстве толстовского Левина вполне типично.

Однако после 1906 г. для людей неравнодушных открылись совсем иные, в сущности, почти неизвестные в русской истории возможности участвовать в жизни страны. Когда спал угар революции и жизнь стала возвращаться в привычное русло, правительству нашлось, с кем работать.

¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 гг. СПб., 1910. Стлб. 1282–1283.

² Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. Париж. С. 344.

Мы знаем, что с самого начала аграрной реформы Столыпина сотрудничество с общественностью стало одним из приоритетов ГУЗиЗ. Это проявилось многообразно — в создании десятков (в сумме — сотен) совещаний по землеустройству, агрономии, сельскому хозяйству, мелиорации, комитетов, организации множества выставок — очень важного в то время сегмента коммуникации. А организация десятков тысяч самых разных кооперативов?

Отчеты агрономов, материалы разнообразных совещаний, публицистика, источники личного происхождения убедительно показывают, что новая схема отношений правительства и общества оказалась не «бессмысленным мечтанием», не благим пожеланием, а реальностью российской жизни.

У всей этой разноплановой информации есть общий знаменатель — пробудившаяся заинтересованность образованных людей, увидевших настоящую возможность помочь стране, используя свои профессиональные навыки и человеческие качества, осознанная ими возможность эффективной самореализации. Они понимали, что Россию двинут вперед не «отвлеченные теории», вспоминая А. В. Тыркову-Вильямс, не «политическая алгебра», а «немудрая арифметика», позволяющая крестьянам выйти за рамки обыденности, — агрономическое и хозяйственное просвещение, кооперация.

Агрономы и землеустроители, тысячи единомышленников Аркадия Тыркова и князя Дмитрия Шаховского, работавшие в самых разных сферах реформы, начали реализовывать новые варианты сценариев своей жизни, в основе которых лежала повседневная созидательная работа, приобщавшая миллионы крестьян, а значит, и Россию, к новой жизни.

Ход преобразований показывает, что их усилия не пропадали даром и что крестьянство оказалось во многом «благодарной аудиторией». Конечно, все было непросто, однако очевидно, что народ в большой мере был готов к переменам, которые сопровождали получение им полноты гражданских прав. Это свидетельствовало о том, что «развращающее действие казенного социализма» (П. А. Столыпин) коснулось далеко не всех крестьян.

Реформа была нацелена на пробуждение таких качеств, как самостоятельность, ответственность, трудовая инициатива и деловая предприимчивость, и выяснилось, что этот расчет был верным и что сто лет назад в нашем народе в данном смысле было, что выявлять.

Годы преобразований продемонстрировали определенную степень открытости значительной части крестьянства, его готовности к изменению базовых характеристик повседневности. Это само по себе вело к довольно быстрым изменениям к психологии значительной части деревни; я имею в виду, в частности, фиксируемые источниками перемены в отношении к крестьян земле, в их трудовой этике, шире — в другом взгляде на свою жизнь вообще.

Понятно, что эти сложнейшие процессы только начинались и их нельзя уподоблять чему-то механическому. Однако то, что сто лет назад народ был способен меняться, так сказать, «взрослеть» — для меня очевидно.

И в этой ситуации созданный «народолюбцами» треугольник Карпмана, в котором народу отводилась роль «преследуемого», переставал работать. Это ясно показывают самые разные источники — от текстов С. Т. Семенова до отчетов агрономов и материалов конкурса крестьян-единоличников в 1913 г.

Народ выходил из статуса вечного «агнца на заклятие» и сам становился хозяином

своей судьбы. А из психологии известно, что один из верных способов выйти из положения жертвы — это обретение самостоятельности и самодостаточности, что неизбежно повышает самооценку.

Именно свобода труда на своей земле дала возможность появиться тем отзывам об изменениях в крестьянском хозяйстве, которые ранее невозможно было представить и которые вознаграждали многолетние усилия агрономов: «Время делает свое. Казавшееся несбыточной мечтой становится с течением времени осуществимым. Весь материал, брошенный в деревню в виде различного рода агрономических мероприятий (показательные поля, беседы, прокатные пункты и проч.), дает солидную работу мысли сельскому обывателю, и эта мысль, по-видимому выбивается постепенно на правильную дорогу; дорога эта — маленькие, но постепенные, упорно проводимые хозяйственные улучшения»¹; «Успехи агрикультуры колоссальны. В течение 4–5 лет произошла какая-то магическая метаморфоза»².

Именно владение своей землей позволило волоколамскому крестьянину так сформулировать причины того морального подъема, который С.Т. Семенов ощутил, объезжая соседние хутора: «Почему у новых хозяев такая бодрость, — мне намекнул один хуторянин. — Мы, — говорит он, — как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на век вечный. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не ползет...»³.

По моим наблюдениям, люди, если они не поэты и не графоманы, пытаются выразить свои чувства в рифмах тогда, когда жизнь сталкивает их с чем-то настолько будоражаще невиданным, переполняющим их в такой степени, что привычные способы выражения чувств уже не годятся.

Один из таких случаев, притом явно не трагический, приводит Б. Д. Бруцкус, заканчивая в своей монографии анализ землеустройства: «Мы не можем здесь удержаться от того, чтобы процитировать простодушные рифмы псковского хуторянина, доставленные мне местным жителем И. К. Кузьминым; они хорошо отражают психологию хуторянина:

Хутор — поле небольшое,
Оно вечное мое,
Смело в землю плуг пускаю,
Смело садик развожу.
Не бояся переделов,
Все навозом уложу.
С капиталом соберусь,
Все кругом огорожу.
Теперь смело расчищаю,
Что сосед мой зарастил,
Смело камни убираю,
Не жалея своих сил»⁴.

¹ Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1912 г. Херсон, 1913. С. 38–39.

² Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г. Составил зав. агрономической помощью в районах землеустройства Херсонской губернии А. А. Сорокин. Херсон 1915. С. 5.

³ Семенов С. Т. Крестьянское переустройство... С. 69–70.

⁴ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 200.

По моему глубокому убеждению, эти 12 строк перевешивают ту интернациональную библиотеку антистопыпинской литературы, которая сооружается уже 110 лет.

Благодаря реформе крестьяне из «дошкольников», из объекта опеки, превратились в объект деловой рациональной помощи правительства. Они, вспоминая Витте, начали становиться «действительно свободными и верноподанными» гражданами страны, а значит, партнерами правительства по выполнению важнейшей миссии — достижению Российским государством «того мирового значения, которое ему предуказано природою вещей, а может быть, и судьбою»¹.

В. В. Леонтович, характеризуя модус действий власти в конце XIX — начале XX вв. (до 1905 г.), со ссылкой на Мориса Ориу показывает, что «в начале столетия российское правительство смотрело на все новое с недоверием и антипатией... все больше теряло способность решать новые проблемы, справляться с непредвиденными обстоятельствами, обращать на пользу государства какую-либо деятельность, для которой не находилось обоснования в законе и даже в инструкциях надлежащих ведомств»², и в большой мере это справедливая точка зрения.

Представляется, что с 1906 г. — по крайней мере в пространстве аграрной реформы — правительство, наконец, перестает идти за событиями или у них на поводу, а начинает действовать стратегически и, видя перспективу, оперативно решает проблемы настоящего и упреждает, если угодно, проблемы будущего.

В книге приведено немало фактов, которые демонстрируют высокую профессиональную квалификацию правительства, глубину понимания им проблем, которые стояли перед Россией, и эффективное сочетание тактической гибкости и стратегической масштабности при их решении. Достаточно вспомнить оперативное изменение приоритетов реформы и институциональное их обеспечение, изменение условий деятельности Крестьянского поземельного банка, «Новый курс» переселенческой политики, проекты «Нового Туркестана» и «Нового Закавказья», тот факт, что во время неурожая 1911–1912 г. акцент делался не на привычную дармовую кормежку, а на общественные работы, а также на массивное открытие кооперативов в Сибири и Туркестане и др.

Социалисты — в соответствии с уровнем образованности и общей культуры — были уверены, что аграрный вопрос в России решит конфискация некрестьянской земли и «справедливое распределение» оной. Так они думали сделать всех крестьян счастливыми — по своим народническим критериям, конечно. **Что** при этом будет с огромной страной, их заботило меньше.

Правительство думало иначе и аграрный вопрос видело несравненно шире, поскольку, как мне кажется, осознавало сложнейшую, молекулярную взаимосвязь всего сущего в окружающем мире. Обзоры деятельности ГУЗиЗ, особенно за 1912–1914 гг., создают впечатление, что ни одна сфера сельского хозяйства, ни одна якобы мелочь — мелочь, конечно, на фоне «черного передела» — не ускользала от его внимания. О землеустройстве, переселении и агрономической помощи я не говорю — эти приоритеты не обсуждались. Однако ведомство старалось охватить, по возможности, все: от запуска миллиона мальков осетра и севрюги в р. Куру, разведения семги в р. Онеге, стерляди на Волге и сига на Чудском озере до открытия новых учебных заведений и опытных станций, от черепичных заводов для огнестойкого строительства

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 537–541.

² Леонтович В. В. История либерализма в России... С. 344.

и проблем орошения Туркестана до содействия развитию специальных отраслей (табако-, льно-, хлопко-, птицеводства) и пропаганды специализированных кормов для скота, от осушения Барабинской степи и открытия там автомобильного сообщения до шитья теплой одежды фронтовикам и чтения раненым в госпиталях лекций по сельскому хозяйству.

И делалась эта работа большей частью весьма профессионально.

По моему мнению, настоящее правительство должно смотреть на карту своей страны так, как это делали реформаторы в 1906–1916 гг., — как *истинный хозяин*, которого не спутать с «Хозяином СССР», находившимся в состоянии перманентной гражданской войны с собственным народом, — это о нем сейчас с придыханием горюет новая генерация его опоздавших «к раздаче» потенциальных «помощников».

Те, кто именуются государственными деятелями, в числе прочего делятся на две неравные группы. Одни считаются таковыми только потому, что в какое-то время заняли тот или иной государственный пост и уже в силу этого вошли в анналы истории. Это государственные деятели, так сказать, по названию.

Другие — абсолютное меньшинство — государственные деятели по самой сути термина, как говорили в первой половине XIX в. — «во всей силе этого слова».

Это люди, которые меняют историю не в силу ошибок и просто глупостей (вроде «маленькой победоносной войны», где бы она ни происходила), совершенных по дилетантизму и некомпетентности, как часто бывает с деятелями первого типа.

Это гроссмейстеры политики, которые видят перспективу, которые, условно говоря, мыслят континентами и эпохами.

Таковы С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин (в какой-то мере и их ближайшие сотрудники), олицетворявшие гигантский потенциал Российской Империи, ту мощную и еще не до конца востребованную ее энергию, для реализации которой было необходимо освобождение от «политики средних веков».

Они мечтали сделать ее Великой Россией по сути, «силой вещей», а не потому только, что она занимала на карте мира много места и имела большую армию. «Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его — крестьянство — слабо. Мы все кричим о том, что Российская империя составляет $\frac{1}{5}$ часть земной суши и что мы имеем около 140 млн населения», — писал Витте и резонно вопрошал: «Ну что же из этого, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей Российскую империю, находится или в совершенно некультурном (диком), или в полукультурном виде и громаднейшая часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а полу— и даже четверти единиц?»¹.

Реформаторы прекрасно понимали, что в современном им мире политическая мощь страны в огромной степени определяется ее экономической мощью, а значит, не столько числом жителей, сколько, в числе прочего, уровнем их достатка.

Поэтому преобразования, которые они проводили, обеспечивали стране не только высокие темпы экономического развития, но и повышали благосостояние людей, а также, смею думать, делали лучше самих этих людей, поскольку многие из них — благодаря *свободе* самореализации — получили возможность исполнить свои мечты. Жизнь, которую создавали реформаторы, была справедливее той, которую большинство населения страны вело 40 лет после реформы.

В контексте сказанного как-то и неловко напоминать о том, что модернизация

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 44.

Витте-Столыпина происходила не за счет *запланированной* потери миллионов человеческих жизней ради строительства заводов, как это будет в начале 1930-х гг. Успехи, достигнутые такой ценой, недолговечны и не имеют исторической перспективы, чтобы ни твердили трубадуры принудительного труда и певцы ГУЛАГа, с готовностью меняющие миллионы жизней на тысячи фабричных труб, на миллионы тонн выплавленной стали и тысячи километров выкопанных каналов и т. д.

Да, и бомбу мы построили достаточно быстро (пусть и по чужим чертежам), и первый искусственный спутник Земли запустили мы, и Юрий Гагарин первым полетел в космос. Но на Луне высадились не мы. И компьютер 5-го поколения, и еще много чего важного и полезного сделали не мы, потому что советская экономическая система, как ее ни назови — «планово-распределительная», «командно-административная» — была прямым издевательством над человеческой природой и элементарным здравым смыслом.

Об этом можно говорить бесконечно, я коснусь лишь одного момента.

О жесточайшем давлении на советскую деревню, особенно послевоенную, говорилось выше. Площадь личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников, рабочих и служащих, единоличных крестьянских хозяйств «и других групп населения» в РСФСР составляла в 1940 г. 3,63 млн га, в 1950 г. — 3,31, а в 1953 г. — 3,41 млн га, или соответственно 3,5%, 4,1 и 3,3% всей посевной площади республики.

Даже при тех условиях в 1940 г. на этих небольших площадях находилось 44,4% всего посева овоще-бахчевых культур, в 1950 г. — 47,6% и в 1953 г. — 45,3%¹; полагаю, урожайность там была несколько выше, чем на колхозных и совхозных полях. В 1945 г. на ЛПХ приходилось 42,7% плодово-ягодных насаждений, а в 1952 г. — 52,0%.²

В ЛПХ на 1 января 1941 г. находилось 49,0% поголовья крупного рогатого скота, на 1 января 1951 г. — 43,0%, на 1 января 1953 г. — 39,1%. Соответствующие показатели для коров равны 67,5 — 63,6 — 57,7%, для свиней — 43,4 — 20,6 — 19,9%, для овец — 45,1 — 21,5 — 17,1%, для коз — 80,3 — 80,7 — 84,6%.³

В 1952 г. колхозник лишь 20% дохода получал по трудовням, а остальное давало ЛПХ, нещадно эксплуатировавшееся государством — каждое хозяйство в год обязано было «сдать около 40 кг мяса, от 50 до 100 штук яиц, около 300 л молока. Цены на такую продукцию были просто грабительскими: мясо закупалось в 79 раз дешевле розничной цены, а молоко в 11 раз»; денежный налог на ЛПХ вырос с 1940 по 1950 г. в 4,6 раза.

«Однако вопреки всем этим мерам личное хозяйство успешно конкурировало с совхозами: приусадебные участки давали 51% всего валового производства сельхозпродукции, в том числе 62% продукции животноводства. В центральной России его продуктивность была еще выше: в 1950 г. в личных хозяйствах Тульской области было произведено 75% мяса, 80% молока, 85% яиц. Урожайность в подсобных хозяйствах была в среднем в 2–4 раза выше, а продуктивность скота в 2–3 раза выше, чем в совхозах и колхозах.

Почти в двадцатилетнем споре между общественным и личным подсобным хозяйством последнее явно одерживало верх»⁴.

¹ Народное хозяйство РСФСР (1956 год) (Статистический ежегодник). М., 1957. С. 131–134. Подсчеты автора.

² Там же. С. 135. Подсчеты автора.

³ Там же. С. 137–140. Подсчеты автора.

⁴ Соколов А. К., Тяжелыникова В. С. Курс советской истории. 1941–1991. М. С. 148–149.

При этом уже за период с 1 января по 1 октября 1953 г. в ЛПХ фиксируется рост поголовья крупного рогатого скота с 11530 до 14606 тыс. голов, или на 26,7%, коров — с 7622 до 8030 тыс. голов, или на 5,3%, свиней — с 2890 до 9688 тыс. голов, т. е. в 3,4 раза, овец — с 7934 до 12729 тыс. голов, или в 1,6 раза, коз — с 6428 до 10183 тыс. голов, также в 1,6 раза больше¹. Другими словами, люди перестали резать молодняк. Таково, надо думать, было влияние августовской сессии Верховного Совета СССР и сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г., резко изменивших политику в отношении ЛПХ — с них были списаны недоимки по обязательным госпоставкам, а сельхозналог снижен в 2 раза. Крестьяне в который раз *поверили* власти, думая, что смерть самого страшного их врага что-то изменит всерьез.

И вот ради такого «социалистического преобразования сельского хозяйства» и была уничтожена крестьянская страна Россия?

Иногда мне грустно смотреть на численность жителей Империи в 1913 г. — 175,1 млн чел., т. е. примерно 28–30 миллионов семей.

Сколько из них пережило 1917–1922 гг.?

Сколько из них существуют сегодня?

Сколько их могло бы быть сейчас?

Напомню, что согласно прогнозам Д.И. Менделеева, принявшего в 1906 г. среднегодовой темп прироста населения в 1,5%, в 1950 г. в России должно было насчитываться 282,7 млн чел., а к 2000 г. — 594,3 млн чел.²

Э. Тэри (Thery) в 1914 г., исходя из того, что за 1900–1912 гг. прирост населения Империи составил 26,7%, сделал вывод — если такие темпы сохранятся в будущем, то население России составит к 1948 г. 343,9 млн чел.³

Однако на начало 1951 г. в СССР жило 182,3 млн чел.⁴

Нужно ли спрашивать, почему наша страна не досчиталась ста миллионов человек — даже относительно осторожного прогноза Менделеева?

В 1942 г. в Москве Сталин сообщил У. Черчиллю, что коллективизация обошлась в 10 миллионов жизней.⁵

Если представить, что эти люди встали бы вдоль железной дороги и взялись за руки, причем на каждого человека пришлось бы не более метра, то один миллион погибших занял бы расстояние в тысячу километров. Таким образом, непрерывная цепь жертв коллективизации протянулась бы до Владивостока...

Однако сейчас мы наблюдаем новый взрыв любви к Сталину.

Анатолий Рыбаков пишет: «В начале шестидесятых годов, работая над романом «Дети Арбата», я поехал на Ангару в те места, где отбывал когда-то ссылку. Встретился там с секретарем райкома комсомола, милым, веселым, предупредительным парнем. Оказался он из семьи спецпереселенцев, вывезенных сюда в конце двадцатых «кулаков» с Кубани. Привезли зимой, бросили в снег, выживай, как хочешь. Многие

¹ Народное хозяйство РСФСР ... С. 137–140. Подсчеты автора.

² Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907. С.12.

³ Тэри Э. Экономическое преобразование России. М. РОССПЭН. 2008. С. 14. Эдмон Тэри (Thery) французский экономист, редактор журнала «Economist Europeen», получил задание от министра сельского хозяйства Франции на месте изучить развитие аграрной реформы Столыпина. Автор серьезно поработал с отечественной статистикой и дал очень высокую оценку преобразованиям. Результатом поездки стала книга «Экономическое преобразование России» (1914). Предположенная им численность населения России должна была превысить суммарное население Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции и Италии (336 млн чел.), если бы и в этих странах сохранился тот темп прироста населения, что за 1900–1912 гг.

⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. М., Наука. 1993.

⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. М., 1955. Т. IV. С. 493.

погибли в ту зиму. И дед его, и бабка тоже погибли. Отец с матерью уцелели, выкарабкались, прижились тут, детей вырастили.

Говорил он спокойно, ничто не дрогнуло на его лице при рассказе о гибели родных, о судьбе односельчан.

Я спросил:

— Как ты теперь на это смотришь?

Он пожал плечами.

— Досталось, конечно, и деду и бабке, и родителям моим туго пришлось. Но ведь с какой стороны посмотреть. Вот я — секретарь райкома комсомола, учиться поеду в Москву в партийную школу, брат мой — заместитель главного инженера на Красноярской ГЭС, сестра — директор универсама в Иркутске. А не выслали бы тогда деда и бабку и родителей моих, пас бы я теперь на Кубани свиней и гусей, в лучшем случае в трактористы или в комбайнеры вышел. Так что обиды на власть не чувствую. Так получилось. И, выходит, к лучшему. У этого милого парня не было никакой памяти о своем народе, о его невзгодах и страданиях. И сейчас, когда я вижу, как топчут память о солдатах, погибших в Великую Отечественную войну, вижу на демонстрациях портреты Сталина, уничтожившего многие десятки миллионов русских людей, в том числе дедов, бабок, отцов и матерей тех, кто эти портреты несет, я задаюсь все тем же вопросом: неужели у нашего народа нет памяти? А ведь у народа без памяти нет будущего»¹.

Сегодня очень умилительно выглядят якобы «властители дум», уверяющие, что они готовы свою семью отдать на уничтожение «ради государства», т.е. ради исторической необходимости, — ну, и себя, надо думать, тоже готовы, не говоря уж об остальном человечестве.

Вспоминается, однако, следующее. В 1917–1922 гг. появилась генерация людей, этаких гибридов не очень умного Ганнибала Лектера с социалистически ориентированным Маниловым, которые во времена гражданской войны, военного коммунизма и «Великого перелома» определенно ощущали себя беспощадными орудиями этой необходимости — «лес рубят, щепки летят»! Они были абсолютно органичны в этом амплуа и не испытывали ни сожаления, ни раскаяния из-за тысяч, а в сумме — миллионов загубленных ими жизней и судеб. Они, конечно, пели песню «И как один умрем в борьбе за это!» и говорили соответствующие слова о готовности подтвердить это делом.

В 1936–1938 гг. выяснилось, что, условно говоря, лес оказался недорубленным, но у них отняли роль Железных Дровосеков истории и велели сменить амплуа — перейти в массовку «деревьями», «щепками» и т.д. Другими словами, пасть очередными жертвами исторической необходимости на новом этапе «построения социализма в СССР». И вот тут многое встало на свои места — эти люди почему-то оказались не столь решительны и категоричны.

Удивительный у нас народ...

* * *

Выдающиеся результаты, с которыми Россия встретила новый 1914 год, не означали, снова повторяю, что у нее не было проблем. Были — как и во всякой стране с населением в 175 млн чел. и огромной территорией. Однако они явно не были связаны с ухудшением положения и благосостояния народа и тем более с его обнищанием, как нас уверяют почти сто лет.

¹ Рыбаков А. Роман-воспоминание. М., 1997. Вагриус. С. 84.

Страна вступила в Первую Мировую войну, находясь на пике экономического, в том числе, и промышленного подъема. Новейшие исследования демонстрируют, что трудности Первой Мировой войны Империя переживала легче, чем ее противники, в первую очередь Германия. Б. Н. Миронов утверждает, что «только Россия не испытывала серьезных проблем с продовольствием. Во всех воюющих странах положение с продовольствием было гораздо хуже, чем в России, в том числе во Франции и Англии, не говоря уже о Германии и Австро-Венгрии», и убедительно доказывает эту точку зрения¹. Л. И. Бородин показывает рост реальной заработной платы рабочих вплоть до 1917 г.²

Л. Н. Литошенко пишет, что война опровергла все пессимистические прогнозы относительно ее влияния на сельское хозяйство и жизнь деревни, которые были популярны в первые недели военных действий. Сразу после объявления войны семьи призванных начали получать от государства денежные пособия, согласно закону 25 июня 1912 г., весьма широко определившему круг лиц, имевших право на это. Это был один канал получения деревней денег, причем быстро возраставший.

За первые 5 месяцев войны было выдано пособий на сумму свыше 267 млн руб. В 1915 г. объем пособий достиг 623,7 млн руб., в 1916 г. — 1106,8 млн руб., в 1917 г. — около 3 000 млн руб. Преобладающая часть этих гигантских сумм попадала в деревню, где ее значение было тем больше, что одновременно с выдачей пособий призванные на войну члены семьи переходили на казенное содержание и соответственно вычеркивались из расходного бюджета семьи.

Помимо «казенных пособий война еще и косвенным образом увеличивала денежные доходы крестьянина. Она оставила в его карманах ту сумму, которая тратилась раньше на покупку водки и других спиртных напитков. Для всей России эта сумма составляла около 1,25 млрд руб. в год. Вместе с доходом от казенных пособий составлялась внушительная цифра (для 1916 г., например, в 2,5 млрд руб.), которая с избытком перевешивала денежные убытки от разорения промыслов»³.

Понятно, что развитие аграрного сектора в годы Первой мировой войны, как и всей экономики, шло сложно и неоднозначно. Тем не менее, вывод Л. Н. Литошенко однозначен: «Военное хозяйство принесло крестьянину не вред, а пользу. **Все исследователи и наблюдатели деревни констатируют ее значительный расцвет с первого же года войны.** Вместе с потоком бумажных денег в деревню потекли предметы городской культуры и комфорта. Крестьянин стал обзаводиться лучшей одеждой, обувью, граммофоном, мягкой мебелью. Сельское население переживало период небывалого ранее благополучия»⁴, что лучше всего доказывает статистика роста посевных площадей и численности скота за 1914–1917 гг.

«Важно при этом отметить, что успехи его (сельского хозяйства — М. Д.) не были эфемерными. В отличие от промышленности и торговли, где война меняла старые отношения и создавала иногда искусственные формы развития, в сельском хозяйстве война только стимулировала и усиливала наметившиеся уже до войны пути эволюции»⁵.

Крайне важен вывод Литошенко: «В целом, за те три года, которые Россия провела

¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 576–578.

² Бородин Л. И. Динамика уровня жизни российских рабочих в годы Первой мировой войны: новые подходы, новые оценки.

³ Литошенко Л. Н. Социализация земли ... С. 148, 151, 153.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Там же. С. 161.

в мировой войне, влияние последней продолжило и укрепило уже ранее наметившиеся тенденции в развитии крестьянского хозяйства... По отношению к сельскому хозяйству война не предъявляла никаких специфических требований, и то, что производилось во время войны, могло годиться и для мирного времени. Не будет преувеличением сказать, что, если бы мировая война не окончилась для России революцией, русское сельское хозяйство начало бы свой путь послевоенного развития от более высокой точки, чем та, на которой его застала война»¹.

Есть и другие свидетельства того, что отнюдь не бытовыми проблемами, в том числе и проблемой питания, исчерпывалась жизнь людей в 1914–1916 гг.

Напомню, в частности, что с 1 января 1914 г. до 1 января 1916 г. число кредитных кооперативов увеличилось на 2423, а количество их членов — на 1817,2 тыс. чел., т. е. на 18,6% и 22%) соответственно.

В 1913 г. число сберкнижек выросло на 515,8 тыс., за 1914 г. — на 248,8 тыс., за 1915 г. — на 714,7 тыс., а за первые полгода 1916 г. — на 1028 тыс., т. е. больше, чем за 1914 и 1915 гг. вместе взятые. На 1 января 1914 г. в сберегательных кассах насчитывалось 8609 тыс. книжек, а на 1 июля 1916 г. — 11013 тыс.², т. е. на 27,9% больше.

Если в 1913 г. было открыто 548 новых государственных сберегательных касс, в 1914 г. — 500, а в 1915 г. — 802, то за январь — сентябрь 1916 г. — 2730 (!). В итоге на 1 октября 1916 г. в России числилось 12585 сберегательных касс, т. е. на 4033 кассы (на 47,1%) больше, на 1 января 1914 г.³ Иными словами, за неполных три года число сберегательных касс выросло почти в полтора раза!

Полагаю, это совсем неплохие, а главное — весьма неожиданные показатели для страны-участницы тотальной войны, мобилизовавшей самую большую в мировой историю армию — порядка 14 млн мужчин, многие из которых были главами семейств. Эти цифры как-то плохо сочетаются с образом доведенного до отчаяния, до безысходности и т. д. народа. Порог сжимаемости потребностей населения России, об эластичности которого дает представление советская история, к началу 1917 г. далеко не был достигнут.

Так что не в «обнищании народа», не в не в «системном кризисе самодержавия» надо искать причины революции 1917 г.

А в чем же, спросят читатели?

Что дает в начале XXI в. знание о том, что парадигма кризиса и пауперизации неверна? Каковы «уроки истории»? И нужны ли они? Так ли важно понимать сегодня истинные причины революции 1917 г. и последующих трагедий 1917–1922 гг.?

Очень важно.

Я должен говорить сейчас о вещах одновременно и простых, и очень сложных.

С обсуждаемыми проблемами связан психологически очень важный и, к сожалению, недооцениваемый момент.

Зная, как развивалась история, мы как бы переносим это наше знание на людей, живших в прошлом, приписываем им его и постфактум включаем это знание в мотивы их действий, поступков и т. д., а также в «логику Истории». В результате, понятно, искажаем и упрощаем исторический процесс — будто банально подгоняем ответ.

Лучший пример — вечный аргумент сталинистов о том, что, не будь Великого перелома и Большого скачка, мы не выстояли бы в Великой Отечественной войне.

¹ Там же. С. 164.

² Там же. Данные, помещенные в нарративной части Отчета почему-то не совпадают со статистическими.

³ Там же. С. 4–5.

Можно подумать, что XV съезд ВКП(б) определил не только директивы 1-й пятилетки, но и вынес постановление о Второй Мировой войне, о дате ее начала и о составе ее участников, распределив их по коалициям. При этом у Сталина в Кремле как будто поставили таймер, отсчитывавший, сколько дней осталось до Великой Отечественной войны. Во время визита Риббентропа в Москву в августе 1939 г. он, надо думать, тоже продолжал щелкать.

1913 год в нашем сознании типологически схож с 22 июня 1941 года, хотя масштаб Первой Мировой войны для нас несравнимо меньше, и связь между этими войнами мы не конца осознаем, а надо бы.

1913 год — грань, за которой для нас начинается другая жизнь. Это — как финал симфонии. Соответственно, наши эмоции переключаются, и мы, зная дальнейший ход истории, уже начинаем как бы «слушать» параллельно другое произведение, не дождавшись финала первого и уже *игнорируя* его.

Другими словами, «начинаем» ждать революции 1917 г., которая по факту не просто девальвирует, а убивает многое, если не все, из того, чего добилась Россия к началу 1917 г. Подсознательно мы суммируем все известные нам негативные черты развития России, которые — по нашему мнению, сформированному без малого столетней пропагандой, — объясняют «взрыв народного гнева».

Но парадокс заключается в том, что в феврале 1917 г. никакого взрыва не было. «Конец самодержавия» происходит даже без аккомпанемента холостого выстрела «Авроры». Февральские события возникают как бы ниоткуда, что прямо ставит вопрос о мере предопределенности свержения монархии.

Традиционная точка зрения состоит в том, что Февраль 1917 г. — это, условно говоря, ответ Истории на «системный кризис самодержавия». Убедительно аргументированная позиция С. В. Куликова такова — Февраль 1917 г. — это успешный верхушечный заговор под лозунгом «революция во имя победы», вызванный стремлением переломить ход войны, отодвинув от руководства Николая II с его «изменницей-царицей»¹.

Разница между этими подходами — громадная.

Потому что в первом случае — речь идет о глобально неверной стратегии развития страны в течение длительного периода, а это определенно не так.

Во втором же варианте речь идет о роковой недальновидности достаточно узкой группы элит, самонадеянно пробудившей силы, с которыми она наивно рассчитывала совладать, но, разумеется, не смогла справиться. Не будь заговора во главе с А. И. Гучковым — до осени 1918 г. русская армия безусловно удержала бы фронт, и Россия оказалась бы державой-победительницей². Едва ли не лучшее свидетельство того, что революция не вытекала из логики развития страны как после 1906 г., так и после 1 августа 1914 г., — произнесенные Лениным в январе 1917 г. известные слова о том, что «нам, старикам», грядущей революции уже не увидеть.

Пора осознать, что история невероятно сложна. И, строго говоря, в любой внешне преуспевающей стране в скрытом виде предпосылки революции есть *всегда*, поскольку в социальной жизни общества *всегда* существуют те или иные противоречия. Почему

¹ Куликов С. В. Революции неизменно идут сверху... Падение царизма... С. 154.

² Напомним, что в марте-апреле 1915 г. Англия и Франция согласились, в частности, на передачу России после войны Константинополя и проливов, а в 1916 г. — и значительной части восточной Турции («области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса», а также части Курдистана). (История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. VI. С. 543–544).

они выходят или не выходят на поверхность, актуализируются или остаются потенциальными возможностями — отдельная и большая тема.

Ключевой вопрос в том, что играет роль детонатора. В данном конкретном случае не снижение уровня жизни, а поражения на фронтах привели нескольких слишком инициативных людей к мысли о том, что Россия не сможет победить в войне, пока ей руководит Николай II, и с лета 1915 г. они начали готовить отстранение императора от власти, пока еще не планируя конца монархии в России.

Уравнивать оба варианта (дескать, какая разница, ведь все равно «Великий Октябрь» произошел!) можно только по недомыслию.

Потому что нам важно, наконец, научиться понимать, что движет историей.

Потому что *иногда* ход истории может изменить, вспоминая М. Алданова, всего один батальон, поставленный в нужное время в нужном месте, и страна с миллионами жителей окажется заложницей командира этого батальона — разумеется, при наличии других благоприятных условий.¹

Тот факт, что в предвоенные годы Россия не просто находилась на подъеме, — она вступила в новый, восходящий период своей истории, важен не только для тех, кто, подобно автору этих строк, занимается эпохой конца XIX — начала XX вв. профессионально.

Вред, нанесенный негативистской трактовкой предвоенной истории России, громаден, и в первую очередь потому, что она во многом сформировала тот отчасти нигилистический, отчасти безнадежный взгляд на нашу историю, который поныне преобладает во многих умах и который лишает нашу страну перспектив.

Мое исследование, как и труды моих коллег-единомышленников, показывает также, что теоретические, историософские работы, особенно вышедшие в России после 1991 г. и построенные на традиционной историографии (особенно в части «провала» аграрной реформы Столыпина), имеют в основе зыбкий фундамент.

В силу этого они примитивизируют нашу историю. Не понимая сути и масштаба событий предвоенного 20-летия, как бы пролистывая его в череде других «неудачных» (неправильных?) периодов нашего прошлого, они интерпретируют его неверно. А следствием этого становится якобы неизбежность — а для многих авторов и оправданность — большевистского «эксперимента» — ведь все остальное, дескать, было испробовано.

А между тем факт позитивного развития модернизации Витте-Столыпина ломает эту схему и демонстрирует, что Россия была способна вполне успешно идти в сторону построения правового государства и полноценного гражданского общества. Да, этот путь был бы долгим и трудным, однако *не невозможным*. И определенно не труднее, чем путь «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Все сказанное порождает закономерный вопрос — а в чем же тогда причины революционных катаклизмов?

Ответ на него выходит за рамки данной книги, и даже краткое изложение моего видения этого комплекса проблем не будет лаконичным. Я остановлюсь лишь на одном, *основополагающем*, на мой взгляд, факторе, который predeterminedил очень многое, если не все. Он начал действовать со 2 марта 1917 г., а затем, нарастая вширь и вглубь

¹ Развивать эту мысль сейчас я не буду — *sapienti sat*; полагаю, что читатели, как и автор этих строк, имеют некоторое представление о всей сложности *недосказанного*.

в пространстве и времени, стал, быть может, важнейшим слагаемым событий 1917-1920 гг.

Чтобы ни писали штатные и внештатные пропагандисты о воплощении идеалов человечества в ходе революций, исторический опыт показывает, что массовая, народная революция, в числе прочего, означает — и чуть ли не в первую очередь — разнуздание миллионов людей и демонстрацию ими худших свойств человеческой природы.

Традиционная историография исходит из того, что эти явления могут быть только продуктом трудностей экономического и бытового характера. Чуть упрощая — люди предъявляют окружающему миру черную сторону своей натуры только потому, что они плохо едят (продолжая аналогию — причиной распада семьи могут быть исключительно материальные трудности и никакие иные). Это опять какой-то руссоистский взгляд, за пропаганду которого людям, претендующим на то, что они историки-профессионалы, нужно объявлять «неполное служебное соответствие».

Спора нет, плохое питание может быть причиной плохого поведения. Однако есть встречный вопрос — а если люди питаются хорошо, всегда ли они ведут себя как законопослушные граждане?

Случившуюся с Россией трагедию гениально провидел Ф. М. Достоевский.

Менее известно провидение Л. Н. Толстого — в своем роде не менее масштабное.

В начале 1855 г. Л. Н. Толстой написал текст, условно названный «Запиской об отрицательных сторонах русского солдата и офицера», в котором он осмыслил горькие уроки, вынесенные им из участия в Крымской войне и обороне Севастополя¹.

«По долгу присяги, а еще более по чувству человека, не могу молчать о зле, которое открыто совершается передо мной и очевидно влечет за собой гибель миллионов людей — гибель силы, достоинства и чести отечества...

Зло это есть разврат, пороки и упадок духа русского войска. В России, столь могущественной своей матерьяльной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов, повинующихся вора́м, угнетающим наемникам и грабит[елям] и в этой толпе нет ни преданности к царю, ни любви к Отечеству... ни рыцарской чести и отваги, есть, с одной стороны, дух терпения и подавленного ропота, с другой, дух угнетения и лихоимства...

У нас есть солдаты трех родов — я говорю про армейских, которых знаю. Есть **угнетенные, угнетающие и отчаянные**.

Угнетенные — люди, сроднившиеся с мыслью, что они рождены для страдания, что одно качество возможное и полезное для него есть терпение, что в общественном быту нет существа ниже и несчастнее его. Угнетенный солдат морщится и ожидает удара, когда при нем кто-нибудь поднимает руку; он боится каждого своего слова и поступка: — каждый солдат — годом старше его, имеет право и истязает его, и он, угнетенный солдат, убежден, что все дурно, что только знают другие, **хорошо же то, что можно делать скрытно и безнаказанно**.

Офицер велел дать 100 розог солдату за то, что он курил из длинной трубки, другой наказал его за то, что он хотел жениться; его бьют за то, что он смел заметить, как

¹ В. И. Срезневским считается, что Толстой намеревался представить ее одному из сыновей Николая I, участвовавших в обороне Севастополя — Николаю Николаевичу или Михаилу Николаевичу. (Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1935. Т. 4. С. 414–415.)

офицер крадет у него, за то, что на нем вши — и за то, что он чешется, и за то, что он не чешется, и за то, что у него лишние штаны; его бьют и гнетут всегда и за все, потому что он — угнетенный и потому что власть имеют над ним бывшие угнетенные — самые жестокие угнетающие.

Угнетенный не получает $\frac{1}{3}$ того, что дает ему правительство, знает это и молчит, включая всех начальников в одно безысключительное чувство подавленного презрения и нелюбви — «господ много, всем надо жить», вот его мнение.

Зародыш чувства мщения есть в душе каждого, но оно слишком глубоко подавлено угнетением и мыслью о невозможности осуществить его, чтобы не обнаруживаться.

Но, Боже! Какие ужасы готовит оно отечеству, когда каким-нибудь случаем уничтожится эта невозможность.

Теперь же это чувство это являет себя в те минуты, когда мысль о близкой смерти уравнивает состояния и уничтожает боязнь. В бою, когда сильнее всего должно бы было действовать влияние начальника, солдат столько же, иногда более, ненавидит его, чем врага; ибо видит возможность вредить ему. Посмотрите, сколько русских офицеров, убитых русскими пулями, сколько легко раненых, нарочно отданных в руки неприятелю, посмотрите, как смотрят и говорят солдаты с офицерами перед каждым сражением: в каждом движении, каждом слове его видна мысль: «не боюсь тебя и ненавижу». Угнетенный солдат не боится ни физических, ни моральных страданий и оскорблений: первые дошли до такой степени, что хуже ничего не может быть, — смерть же для него есть благо, — последние же не существуют для него»¹.

Это чрезвычайно насыщенный информацией фрагмент, как и вся «Записка» в целом, которую можно проецировать во времени и назад, и вперед. В любом случае полезно знать, что Россия вступила в пореформенную эпоху, имея и такой эмоциональный багаж тоже.

Я не буду оговаривать понятные различия между временем, которое описывает Л.Н. Толстой, и 1917 г.

Я не буду утверждать, что в 1917 г. правнуки солдат, описанных Толстым, мстили за своих предков, хотя и на 100% исключать этого не стану — механизмы актуализации исторической памяти не очень хорошо изучены².

Здесь важна в первую очередь весьма ясно высказанная мысль о *масштабах* потенциального возмездия низших высшим и об обязательном условии, которое делает эти «ужасы» реальными для «Отечества», — возможности творить их *безнаказанно*.

Отречение Николая II и сделало это возможным. Не зря С.В. Зубатов, экс-начальник Московского охранного отделения, узнав об отречении императора, молча вышел в свой кабинет и застрелился. Он, в отличие от Гучкова и Ко, точно знал, что будет дальше, и не хотел на это смотреть. Так же, как и Витте, не исключавший в силу знания характера Николая II трагического разворота событий и не раз повторявший, что не хотел бы него дожить.

¹ Там же. С. 285–287.

² Напомню мысль Людвиг фон Мизеса: «Несравнимый ни с чем успех марксизма обязан обещанию исполнить мечты о счастье и мечты о возмездии, которые столь глубоко укоренились в душе человека с незапамятных времен. Он обещает рай на земле, страну с молочными реками и кисельными берегами, полную счастья и наслаждения, а также – что еще слаще для всех, кому пришлось плохо, – он обещает низвержение тех, кто сильнее и лучше массы». (Мизес Людвиг фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 18). Понятно, что применительно к России 1917–1922 гг. мысль именно о марксизме не нужно понимать прямолинейно.

Выше говорилось, что индекс развития психологии модерна у населения Российской Империи, если бы его было возможно вычислить, несомненно, был бы заметно ниже индекса промышленного развития. Это неудивительно поле всего, что мы знаем о «втором закреплении крестьянства» после 1861 г.

Правительство и немалую часть общества общинная психология крестьянства вполне устраивала, об ее изменении они и слышать не хотели, за что с лихвой и расплатились после 1916 г., когда народ, воспитанный вне правового поля (что за считанные годы могла изменить здесь реформа Столыпина?) и отягощенный исторической памятью не только о временах, когда писалась «Записка» Толстого, но и о других подобных периодах, продемонстрировал все «прелести» такого воспитания.

Второго марта 1917 г. произошла следующая страшная вещь — отречение Николая II воистину росчерком пера уничтожило привычную, незыблемую для большинства из 160 млн жителей России систему мироздания, вековой порядок вещей, в центре которого стояла фигура Императора.

И включило механизм реализации апокалиптического провидения Достоевского, которое в результате долгого бытования обычно излагается так — если Бога нет, то все позволено. По моему глубокому убеждению, все последующее вытекает из этого. Российские газеты уже за март-апрель 1917 г. дают обильную информацию, позволяющую без труда прогнозировать дальнейшее развитие событий.

Иначе говоря, с ликвидации монархии началось постепенное *разнуздание* преобладающей части населения — в тылу и на фронте, освобождение ее от тех нравственных сдержек, которые в привычной жизни обеспечивают приемлемое общежитие, нормальную коммуникацию между людьми вообще и представителями различных социальных страт, в частности.

Отречение царя разбудило архетипы сознания, и тонкий слой цивилизации был в секунду — с точки зрения Истории — сметен появившейся возможностью творить зло безнаказанно.

Большинством населения новая власть априори не могла восприниматься как *настоящая*, и к тому же она, начиная с «Приказа № 1», не упустила ни одной возможности, чтобы разубедить народ в этом мнении. Она стремительно теряла авторитет и переставала внушать не то, что страх, но даже и опаску; тут многое было прорепетировано в 1905–1906 гг. «Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не страх», — писал Н. М. Карамзин, и спорить с ним невозможно — история каждой массовой революции, в числе прочего, подтверждает данный тезис.

В свете этого не очень важен частый вопрос о том, как совмещается успешное развитие России в предвоенный период, повышение благосостояния крестьянства с теми ужасами, которые оно творило в 1917–1918 гг., почему хуторяне участвовали в погромах помещиков и т. д.

Мой ответ таков — народ не выдержал испытания возможностью безнаказанного мародерства.

А часто ли представители Homo sapiens его выдерживают?

И в *данном* контексте, полагаю, не так уж существенно, когда началась аграрная реформа Столыпина. В тех конкретных условиях 1917 г. от «черного передела» Россию могли спасти только эффективные силы охраны правопорядка, а именно они и не подумевались конкретными условиями.

Народ, как мы знаем, сполна расплатился за это...
«Справедливость безличной истории»?..

* * *

Суммируем вышесказанное.

Свою предыдущую монографию я закончил всегда актуальными словами В. О. Ключевского, который писал, что история «не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*¹: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»².

Мне приходится вспомнить их и сейчас, поскольку эта книга подтверждает банальную, но от того не устаревающую мысль о том, что элиты должны быть на уровне вызовов времени и что нельзя, вспоминая Витте, в XX в. вести политику средних веков, как нельзя в XXI веке вести политику XX века, уже доказавшую свою несостоятельность.

Это я, в частности, о том, что правительству и обществу необходимо понимать, где заканчивается «самобытность» и где начинаются общеэкономические законы.

Ведь я пишу не только об успехах дореволюционной индустриализации, но и о том, почему она не развернулась раньше, не только о достижениях аграрных преобразований П.А. Столыпина, но и о нереализованных возможностях сделать Россию еще более великой и сильной, чем она была в 1913 г., — нереализованных из-за отсутствия у части элит уважения к своему народу и веры в него и одновременно самонадеянной «веры в себя», в свое якобы знание и понимание страны.

Недопустимо, когда для правительства и граждан прошлое России — только *игра ума*, притом не слишком обремененного знаниями.

Недопустимо, чтобы искаженная картина развития Российской Империи продолжала деформировать мировосприятие миллионов наших соотечественников, не позволяя им адекватно оценивать Историю своей страны.

Потому что настоящее, которое вытекает из *такого* прошлого, не может иметь Будущего.

¹ Наставница жизни (лат.).

² Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

К полемике Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова

В 2009 г. я участвовал в дискуссии об уровне благосостояния населения дореволюционной России, начавшейся полемикой между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым. Ее материалы опубликованы в сборнике «О причинах русской революции» (М., 2010).

Однако мой текст был опубликован с большими и принципиально важными сокращениями, причем без уведомления со стороны редколлегии¹. Поэтому я считаю необходимым представить сокращенную его часть в печатном виде, исключая явные повторы, тем более, что тема дискуссии имеет самое непосредственное отношение к тематике данной книги².

К тому же это позволит читателям оценить в своем роде особенное «достижение» негативистской историографии, когда попытку доказать свою предвзятую концепцию предпринимает человек, не имеющий базового исторического образования (в 2009 г. мне было неизвестно, что Нефедов — математик³).

Такова *трагикомичная* судьба отечественного исторического знания в конце XX — начале XXI вв. — быть ареной самоутверждения для бойких дилетантов.

Когда-то А. Л. Шлецер удивлялся тому, что «императрица Елизавета Петровна приказала написать оную («Историю России» — М. Д.) химии адъюнкту Ломоносову»⁴. Прошло 250 лет, и нам снова объясняют историю такие специалисты, как доктор химических же наук С. Г. Кара-Мурза, как математики — академик А. Т. Фоменко, кандидаты физико-математических наук Г. В. Носовский и С. А. Нефедов, не прослушавшие ни одной лекции по источниковедению, не говоря о прочем. Если к ним добавить выпускника Одесского технологического института холодильной промышленности и одновременно чемпиона по кроссвордной эрудиции Анатолия Вассермана, подвизающегося в СМИ в качестве эксперта по истории и политологии, то это даст некоторое представление о степени культурного одичания нашего общества в эпоху постпостмодернизма.

Впрочем, иногда мне кажется, что тот или иной уровень «лысенковщины» как ипостаси квазинаучного самозванчества — это наша «карма», производная от вековой диктатуры дилетантизма.

Фигура Нефедова в определенном смысле символична еще и потому, что его работы лишней раз убедительно показывают, что предвзятая, некорректно обоснованная теория еще может иметь *отчасти* правдоподобный вид и хоть *как-то* восприниматься, когда ее излагают, продвигают люди, профессионально образованные.

---

¹ Размещен на сайте <http://polit.ru/article/2010/12/10/consumlevel/> Дата обращения 16 января 2016 г.

² Разумеется, часть информации уже известна читателям, — в 2009 г. я не знал, что напишу эту книгу. В тексте статьи есть ряд таблиц, с которыми мы уже знакомы. На мой взгляд, нет смысла дублировать их, и поэтому я отсылаю, там где это необходимо, читателей к ним.

³ См. главу «Голый король: детективная история» (ответ С. А. Нефедову) в книге Б. Н. Миронова «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М. Весь мир. 2013.

⁴ Цит. по: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., Аспект Пресс. 1998. С. 303.

Однако когда ту же задачу решают дилетанты-неофиты, не чувствующие, не понимающие азов исторического исследования, то все пороки такой теории доводятся до совершеннейшего абсурда.

Теория в таких случаях компрометируется окончательно — потому что неофит, для которого важно доказать свою правоту собственным «авторским» методом, доводит до гомерических размеров старые стереотипы, обнажая их скрытую несуразность, предвзятость, да и попросту лживость.

Дилетант просто не чувствует, не понимает нюансов, которые даются только профессиональным образованием, либо — в известных мне успешных случаях — многолетней и упорной работой над собой

Однако случай Нефедова явно не из этого числа, прежде всего потому, что он пришел не *учиться* у Истории. Он пришел *учить* несмышленных гуманитариев тому, как устроен мир, и история для него нечто вроде склада стройматериалов, из которых можно соорудить любую конструкцию. Типичный для многих (однако — не всех!) людей с техническим образованием инженерно-математический подход к гуманитарному знанию.

Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX вв.

Кн. Васильчиков, вероятно, учился, как и все мы, тому, что преподается в гимназии; хорошо ли или плохо он усвоил себе гимназический курс, это нам неизвестно, но достоверно то, что когда он принялся писать свое ученое сочинение, он не считал нужным обременять свой высокий полет элементарными сведениями. Нет ни одной школьной науки, которая не могла бы пожаловаться на пренебрежение с его стороны.

В. И. Герье, Б. Н. Чичерин

Прощай, немытая Россия...

М. Ю. Лермонтов

Я весьма признателен редакторам альманаха за предоставленную возможность высказать свое мнение по поводу обсуждаемых проблем.

В начавшейся полемике между Б. Н. Мионовым и С. А. Нефедовым я, разумеется, принимаю сторону Б. Н. Мионова, и этот выбор был не слишком сложен.

С первых страниц чтения статьи Нефедова появляется классическое ощущение дежа вю.

Во-первых, сразу вспоминается монография В. И. Герье и Б. Н. Чичерина «Русский дилеттантизм¹ и общинное землевладение» (Герье В., Чичерин Б. 1878), в которой анализируется нашумевшая 130 лет назад книга одного из предшественников Нефедова по поверхностному знанию описываемых сюжетов, а также по «ненависти» к крупно-

¹ Орфография подлинника.

му землевладению, князя А. Васильчикова, «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах». И хотя князь Васильчиков написал 1008 страниц, а Нефедов несколько меньше, притом же не упоминая общину ни разу и возлагая вину за «голодание» миллионов крестьян на «грабительскую реформу» и «голодный экспорт», в отношении «дилеттантизма» его текст вполне подтверждает злободневность труда знаменитых русских ученых. Из последнего можно выписывать цитаты для характеристики опуса Нефедова периодами, делая лишь понятные поправки «на девиацию».

Во-вторых, я никогда не предполагал, в частности, что увижу «живую» иллюстрацию к работе К. Ф. Головина «Мужик без прогресса или прогресс без мужика?» (Головин К. Ф. 1895), написанной летом 1895 г., когда в качестве марксистов только-только дебютировали П. Б. Струве и Г. В. Плеханов, тут же подвергшиеся атакам народников, а В. И. Ленин с Ю. О. Мартовым даже не создали еще свой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

О возможности существования такого гибрида народничества и марксизма, как текст Нефедова, я, по бедности воображения, и думать не мог. А если учесть, что он инфицирован еще и мальтузианством...

Характеризуя полемику народников и марксистов, К. Ф. Головин, в частности, писал: «Но всего забавнее то, что обе стороны с одинаковым рвением защищаются именем Маркса, обличая друг друга в непонимании его учения. Обе стороны, по-видимому, глубоко убеждены, что мнение немецкого публициста в глазах всей читающей России — *ultima ratio*¹, и что, обеспечив себе его поддержку, можно безнаказанно говорить вздор. Пускаясь в поход, и народники и их враги сперва как будто совершают обряд моления перед домашним идиолом Маркса, и затем уже, вымолив себе его благословение, храбро идут на бой» (Головин, 1895: 9–10).

У Нефедова «друзья народа» и их «враги», социал-демократы, вполне примирились стараниями автора, накануне сражения за «закономерность» революции 1917 г., воздают теперь почести «домашнему идолу» Мальтуса. За ним, однако, как бы прячутся Маркс и Ленин, причем без разрешения, поскольку они его нещадно критиковали.

Дело в том, что в концепции Нефедова признание идеи закономерности — и есть тот видовой признак, который важнее немодной нынче идеологической чистоты; они все вместе, условно говоря, едут на трамвае до остановки «Историческая закономерность».

В сущности, поскольку русская революция все равно произошла не вполне «по Марксу», хотя и «закономерно», то с определенной точки зрения не столь уж важно, что марксистскую закономерность потеснила мальтузианская.

Как у всякого народника, у Нефедова есть собственная вымышленная Россия.

С одной стороны, она похожа на все другие нищие России из народнической публицистики и советских учебников, но, с другой, тут аккуратно моют руки и активно протирают полы в избе карболкой (буде они существуют).

В его России крестьяне 50 лет «балансируют на грани выживания». И поскольку в таких условиях они, естественно, не едят ничего, кроме хлеба, и не пьют ничего, кроме воды, то по этой причине, по-человечески вполне понятной, «по крайней мере половина крестьян», считает Нефедов, «постоянно испытывала голод и была готова к бунту». Эта, по сути, прямая цитата из М. А. Бакунина заставляет предполагать, что нефедовская Россия пока обходится без «хождения в народ», затеянного, как известно, в России настоящей в 1870-х гг. с целью проверить данный постулат.

¹ Последний довод (лат.).

Здесь в 1905–1906 гг. был смертный (???) голод, который «превратил тлеющую (?) революцию 1905 года в крестьянскую войну».

О продовольственной помощи, о «царском пайке» крестьяне Нефедова даже и не подозревают. Власть тут не только не кормит их в неурожайные годы и не слагает с них сотни миллионов рублей продовольственных долгов, но, напротив, здешнее российское правительство всерьез озабочено тем, как побыстрее отправить на погост своих подданных с помощью построенных специально для «голодного экспорта» «вывозных» железных дорог.

В этом ему содействуют антипатриотично настроенные помещики-дворяне, мало того, что взимающие деньги с крестьян за аренду своих земель и вывозящие «при поощрении властей» хлеб за границу (а взамен покупающие предметы роскоши), но и — о, ужас! — постоянно живущие за границей. Совсем как Ленин с Плехановым и множеством других борцов с народными страданиями.

В этой России еще до установления советской власти можно было отменить рыночные отношения, но по досадному недосмотру царизма они существуют.

В нефедовской России, как и положено у народников, размер наделов прямо определяет материальный достаток крестьян, в силу чего государственные крестьяне считаются «благополучными», а помещичьи «голодающими» (никаких промежуточных положений, середины, у него, как водится, не бывает принципиально!) и т. д. и т. д.

Словом, умом его Россию не только не понять, но даже и не представить.

Нефедову требуется доказать, что причины революции 1917 г. объясняются неомальтузианской теорией демографических циклов.

Для этого ему необходимо убедить читателей в том, что быстрорастущее население пореформенной России «на протяжении полувека» «балансировало на грани голода», а потому — в рамках *этой* логики — любой случайный толчок мог запустить мальтузианскую закономерность и привести к социальному взрыву. При этом он считает, что «увеличение среднего роста (жителей России — М. Д.), трактуемое Б. Н. Мироновым как доказательство увеличения потребления, в действительности было следствием распространения мыла и карболки».

Широкое распространение санитарно-гигиенических навыков, происходящее на фоне перманентного недоедания большей, если не большей, части жителей страны — это из области фантастики, причем той ее части, которая именуется «фэнтэзи». Для того, чтобы увидеть, как коррелируют снижение уровня жизни и гигиена с санитарией, достаточно дойти до железнодорожного вокзала и увидеть тех, кого именуют лицами «без определенного места жительства». Не думаю, что в этом отношении Екатеринбург принципиально отличается от Москвы. Замечу также, что, по моим армейским воспоминаниям и немалому археологическому опыту, запах карболки вовсе не успокаивает чувство голода.

Основную свою аргументацию Нефедов почерпнул у тех, для кого описание бедственного положения российского крестьянства было профессией — у дореволюционной народнических публицистики и литературы и их прямой наследницы — советской историографии соответствующего спектра.

До 1917 г. истинные и мнимые бедствия крестьянства, о которых трубили народники, породившие почти всю оппозиционную литературу, как бы оправдывали борьбу с «ненавистным режимом» царизма, а после 1917 г. они стали естественным оправданием ужасов революции, гражданской войны и «обычной» советской жизни.

В преобладающей своей части эта литература была политически ангажирована и чрезвычайно конъюнктурна и уже в силу этого в большой мере попросту недостоверна.

Тому, кто не занимается профессионально пореформенной эпохой, чрезвычайно трудно представить степень политизированности общества того времени.

Для «передовой» русской интеллигенции, которая скромно именовала себя «народолюбивой», притом без кавычек, борьба с «ненавистным режимом» ради грядущей Справедливости была едва ли не главной жизненной задачей (о России они не думали вовсе!). Во имя этого они были готовы на любое интеллектуальное шулерство, на какие угодно фальсификации, лишь бы это, по их мнению, шло на пользу Делу. Их сегодняшняя, выражаясь мягко, нечестность оправдывалась будущей Гармонией, суть которой, строго говоря, определяется бессмертным шариковским «Взять все, да и поделить!».

Конкретную «родословную» взглядов Нефедова проследить несложно. Это, прежде всего, натурально-хозяйственная концепция народного хозяйства — едва ли не главный источник народнической трактовки российской аграрной проблематики вообще.

Согласно этому взгляду, «все сельское население должно жить от дохода с собственной земли», а площадь этой земли «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следовало, что площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность крестьян. И поскольку этого не происходило, то именно на натурально—хозяйственной концепции базировалось убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье (*Бруцкус, 1917: 6–7*).

Другими словами, эта теория исходит из того, что крестьяне — Робинзоны, которые не только не могут уйти со своего «острова», но и не имеют возможности ни арендовать, ни покупать землю, ни заниматься отходничеством и/или промыслами, ни работать в соседних имениях, ни интенсифицировать свое хозяйство. Притом же это клонированные Робинзоны, поскольку не имеют индивидуальных различий и, в частности, обладают одинаковой мерой трудолюбия, ответственности и т. п.

Идея бедствия крестьян из-за малоземелья, в котором виновато правительство, определяла все остальные построения народнической мысли, да и большей части российского общества в целом.

Вместе с тем натурально-хозяйственная концепция — часть общих воззрений русской интеллигенции на аграрный вопрос, эволюцию которых Н. П. Макаров характеризует следующим образом: «Он (аграрный вопрос — *М. Д.*) превратился в вопрос политический; все партии оппозиции, строго говоря, в той или иной мере не мыслили вопроса о «земле» без вопроса о «воле»; но очень скоро произошло обратное — для «воли» потребовалась «земля».

Поэтому все историческое обоснование аграрного вопроса, в особенности в лице идеи о малоземелье, попало в неразрывную связь с лучшими политическими переживаниями русского общества».

В 1877 г. появились известные «Опыты» Ю. Янсона, и «этим исследованием окончательно фиксируется положение о «недостаточности наделов»; идейно от него идут все нити изучения «нужд деревни».

Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений¹.

¹ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитат, а выделение жирным шрифтом — мне — *М. Д.*

В своем месте мы еще увидим, как «оплакивали» и почти хоронили крестьянское хозяйство в основной русской экономической литературе; и этот плач тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом.

Говорить о прогрессе было довольно трудно; разрешалось это таким экономистам, как напр. В. В., Н. Каблуков и т. п., которых не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений; но и то, Н. А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет...

Быть может самым характерным в этом отношении является противопоставление дополнительного наделения интенсификации и отрицание последней как способа вывести крестьянское хозяйство из кризиса.

Принципиальное противопоставление и непонимание условий и экономического значения интенсификации сельского хозяйства, соединяемое с боязнью, что так хотят «замолчать» земельный вопрос или так могут его «замолчать», типично для настроений русского общества, как в широких его партийных и непартийных «ругах, так и в экономической литературе.

Известный редактор сборника по «Аграрному вопросу», одного из серьезнейших течений по своим приемам подхода к вопросу, И. Петрункевич, в предисловии к этому сборнику почти официально формулирует эту позицию. «Если бы урожайность была доведена до нормы западноевропейских стран», то тогда надо бы интенсификацию соединить с общей реорганизацией хозяйства; но это путь «медленный» и «обусловленный», а здесь приходится разрешать определенный социальный вопрос, формулируемый как малоземелье.

...Условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, **но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познания реальности жизни и к требованию земли в области программных построений**» (Макаров, 1920: 8–10).

Что и говорить, комфортно причитать по графаретам!

Очень удобно «познавать реальности жизни», т. е. проводить статистические исследования, когда заранее знаешь, что надо «устанавливать»!

Разумеется, эти первичные исследования крестьянского хозяйства становились основанием для построений более высокого уровня обобщения, которые делались уже идеологами левого лагеря, для масштабных выводов социально-политического характера. Земская статистика для противников Власти стала подсобным орудием пропаганды, притом же одним из самых убедительных — с цифрами, не будучи профессионалом, не поспоришь! А профессионалов сразу записывали в реакционеры, в «охранители» со всеми вытекающими последствиями (в том числе — потерей репутации и аудитории).

Об этой неискренности, о дву(три?)смысленности народнических позиций Макаров пишет в другой работе: «Деревня не умирает, деревня не отупела совсем—говорили они в идейной борьбе с марксистами, не переставая твердить обратное в идейной борьбе с правительством. Деревня не разлагается, капитализм ее не затрагивает—и этому обоснованием являлись многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства» (Макаров, 1918: 17).

Советская историография, как известно, полностью усвоила, расширила, дополнила

и усилила негативистские подходы к дореволюционной истории России, которые были сутью оппозиционной литературы. При этом «как бы ни критиковали народнических авторов некоторые советские историки, какое бы пренебрежение ни сквозило в их оценках взглядов народников, тем не менее «историки-марксисты» прекрасно усвоили основное из их трудов — народническую концепцию аграрного развития пореформенной России. Главным ее постулатом, как известно, было бедственное положение подавляющего большинства крестьянства — *всегда, везде, при любых обстоятельствах*» (Давыдов, 2003: 5).

«До 60-х годов прошлого столетия в России... преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской войны и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право.

Но и после отмены крепостного права помещики продолжали угнетать крестьян. Помещики ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при «освобождении» значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше. Эту часть земли крестьяне стали называть «отрезками». Крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое «освобождение» — около двух миллиардов рублей.

После отмены крепостного права крестьяне вынуждены были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю...

Таким образом, оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве...

Помещики выжимали последние соки из отсталого крестьянского хозяйства различными грабительскими способами (аренда, штрафы). Основная масса крестьянства из-за гнета помещиков не могла улучшать свое хозяйство. Отсюда крайняя отсталость сельского хозяйства в дореволюционной России, приводившая к частым неурожаям и голодовкам.

Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу».

Это — вовсе не из текста С. А. Нефедова о мальтузианском кризисе в России, как может на первый взгляд показаться, а из «Истории Всесоюзной Коммунистической партии Советского Союза» издания 1950 г. (с. 5–6), другими словами, из «Краткого курса».

Таковы истоки взглядов Нефедова.

Впрочем, может быть, он об этом не осведомлен, подобно герою Мольера, не знавшему, что он говорит прозой?

Поскольку Нефедову необходимо заполнить пропасть между желаемым и тем, что было в действительности, для его построений особую важность обретает проблема достоверности его главного источника — урожайной статистики ЦСК МВД.

В разделе своего текста «Дискуссия вокруг статистики» Нефедов, в частности, пишет: «Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М. А. Давыдов и Б. Н. Миронов. Оба историка не привлека-

ют каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А. Ф. Фортунатова и Д. И. Иванцова».

Хотя Нефедов и упоминает мою книгу, я сомневаюсь в том, что он знаком с ней, ибо значительная ее часть посвящена доказательству мифологического характера проблемы «голодного экспорта», играющего в мальтузианских построениях Нефедова ключевую роль.

Во-первых, на А. Ф. Фортунатова я не ссылаюсь и никаких поправок к урожайной статистике не предлагал. Это просто не входило в мои задачи.

Во-вторых, мнение Нефедова о том, что я не «привлекаю каких-либо новых данных», попросту не соответствует действительности.

Проблему достоверности урожайной (и не только) статистики я рассматривал, в частности, в связи с исследованием темы «Внутренний и внешний хлебные рынки в конце XIX — начале XX вв. и проблема «голодного экспорта», в результате которого я присоединился к тем специалистам, которые считают урожайную статистику ЦСК МВД, деликатно выражаясь, не всегда достоверным источником <...>

Я высказал предположение, что причина этого проста и тривиальна — **в неурожайные годы происходило занижение урожайности респондентами ЦСК МВД**, или, что то же самое, преувеличение масштабов бедствия.

Этот вывод, сделанный на основании сопоставления урожайной и транспортной статистики, вполне подтверждается и многочисленными нарративными источниками, которые позволяют утверждать, что и в обычные («средние») или урожайные годы эта тенденция безусловно имела место <...>

В этом смысле не весьма убедительно выглядит комментарий Нефедовым абсолютно верной мысли Б. Н. Миронова о том, что «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведения».

Нефедов как бы предостерегающе недоумевает: «То есть под сомнение теперь ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные представлялись **добровольными** корреспондентами, которых никто не заставлял лгать».

О-о, если бы в жизни все было так просто, как представляется С. А. Нефедову!

Как будто люди, в том числе и **«добровольные** корреспонденты», лгут только тогда, когда их заставляют!

Полагаю, здесь следует прислушаться к мнению А. Кауфмана: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики **для земства** — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии **населения**.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения: раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других, — отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо-недружелюбное отношение населения является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики.**

Чтобы земская статистика... приобрела, в самом деле, доверие и сочувствие массы населения — то доверие и сочувствие, которое так облегчило бы ее работу и **повысило бы достоверность ее результатов**, необходимо, чтобы земская статистика приняла непосредственное участие в земской работе...» (Кауфман, 1915: 4–5).

Рассматривая проблему связи агрономии и статистики, Кауфман описывает недостатки «корреспондентского приема», «основного приема, которым оперирует текущая сельскохозяйственная статистика, как земская, так и государственная». Недостатки сбора сведений через добровольных корреспондентов «чрезвычайно существенные» — «это, прежде всего, именно *случайность состава корреспондентов*, — случайность, притом как *количественная*, так и *качественная*.....**Можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в состав корреспондентов, давать сознательно неверные сведения:** реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще — в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями» (Кауфман, 1915: 17–18).

Как представляется, круг проблем, связанных с проблемой репрезентативности не только урожайной статистики, но и бюджетных обследований, очерчен здесь достаточно четко <...>

Вышесказанное не означает, разумеется, что 100% показаний российской сельскохозяйственной статистики неверны. Однако по меньшей мере наивно на этих данных строить *безоговорочную* модель душевого потребления и полагать, что она соответствует действительности.

Мы вынуждены, тем не менее, использовать указанные материалы, поскольку нам необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени.

Я убежден, что можно пользоваться и урожайной статистикой ЦСК МВД, зная вектор искажения, понимая, что в действительности положение дел с урожайностью в реальности было *лучше*, чем она его рисует, но не воспринимая ее данные как поэтический текст, т. е. как нечто абсолютное и абсолютно достоверное.

Конкретные экскурсы Нефедова в историю и источниковедение не выдерживают ни малейшей критики. Вот несколько примеров, наглядно это иллюстрирующих.

«Области, которые не могут обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов, по определению (чьему??? — М. Д.) считаются перенаселенными, в этих областях Сжатия население ищет себе работу в ремесле или промышленности, чтобы получить продовольствие путем обмена».

То есть, по Нефедову, Великий Новгород был «перенаселен» уже в домонгольские времена, поскольку во многом довольствовался привозным, в частности, «низовым» хлебом. Равно как и Архангельская и Олонецкая губернии в более позднее время!

«Данные губернаторских отчетов — это те данные, которые реально имеются в архивах, и которые принимает большинство историков. Однако Б. Н. Миронов занимает иную позицию», — укоризненно сетует Нефедов.

Что и говорить, факт нахождения отчетов в архиве — сильный аргумент в пользу их абсолютной достоверности! Это, во-первых. А во-вторых, он, что, полагает, будто вопросы репрезентативности источников решаются всенародным голосованием?

«Несостоятельной», — продолжает Нефедов, — «является и ссылка Б. Н. Миронова на то, что крестьяне и помещики стремились преуменьшить урожайность: ведь

губернаторские отчеты писали не крестьяне, а чиновники и губернаторы, которые, как мы видим на примере И. И. Вильсона, старались всемерно зависить «отчетность».

Нефедов определенно вновь путает Россию с какой-то другой страной. На уровне его претензий можно бы и знать, что в реальной Российской Империи губернаторов и их чиновников, в отличие от секретарей обкомов и райкомов в СССР, за размеры урожайности не наказывали и не поощряли, ибо тогда справедливо считалось, что сие выходило за пределы их компетенции. Критерии профпригодности бюрократии до и после 1917 г. несколько различались.

Равным образом, это Политбюро ЦК ВКП(б) (позже — КПСС) определяло размеры экспорта и импорта *всего* — от танков и самолетов до чулочно-носочных изделий и бритвенных лезвий, а вовсе не имперское правительство, как почему-то думает Нефедов.

Далее. По меньшей мере недоумение вызывает следующий пассаж Нефедова: «Таким образом, имеющаяся статистика скорее завышает, чем занижает уровень потребления — но гадать об этом бессмысленно: в реальности мы имеем то, что имеем — данные губернаторских отчетов».

«Мы имеем» несколько больше, чем полагает — в соответствии с уровнем своей образованности — Нефедов, изучающий, кстати, не XV и не XVI века российской истории, когда пробелы в источниках имеют катастрофический характер. Есть источники и помимо губернаторских отчетов, о которых он, видимо, и понятия не имеет! Надо «всего лишь» идти в архивы и библиотеки, работать (и, возможно, не один год!), искать документы, а не обтесывать историю страны под свою предвзятую схему.

Пытаясь доказать непродуктивность расходования доходов от экспорта хлеба, Нефедов не вполне корректен. Так, он берет «для примера» данные за 1907 г. и, в частности, пишет, что на импорт сельхозтехники было истрачено 18 млн руб. Однако в 1908 г. этот показатель составил уже 27,7 млн руб., в 1909 г. — 40,2, в 1910 г. — 42,5, в 1911 г. — 57,9 млн руб., в 1912 г. — 63,5 и в 1913 г. — 51,1 млн руб. (Давыдов, 2003: 346), о чем Нефедов не считает нужным сообщить. Почему он не взял «для примера» 1911, 1912 или 1913 гг. ?

Собирая воедино все, что, по его мнению, так или иначе говорит о тяжелом положении народа, Нефедов пишет: «Голод привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1848 году было зарегистрировано 160 крестьянских волнений — число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень».

«Невиданная до тех пор волна крестьянских волнений!»

Бог мой, сколько пафоса по поводу «аж» 160 волнений в стране, в сельской местности которой насчитывалось тогда более 330 тысяч поселений! (Миронов, 1998. Т. 1: 291).

Могу подсказать, какую долю составляют населенные пункты, по которым прокатилось это цунами классовой борьбы, от общего числа сельских поселений в России середины XIX в. — 0,05% — целых пять сотых процента! Ну просто Пугачевщина!

Далее. Он пишет: «Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам.

Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 года, освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное землевладение помещиков.

В 1877 году средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян — 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 году наделы уменьшились и составляли соответственно 6,7 и 12,5 десятины (Анфимов 1980: табл. 18). Эти данные говорят о том, что в деревне существовало резкое разделение имуществ, при котором одна половина крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой. Таким образом, по крайней мере половина крестьян постоянно испытывала голод и была готова к бунту.

Имущественное разделение крестьян имело географический аспект: в эпоху своего расцвета крепостничество укрепилось, прежде всего, в центральных областях государства, в то время как на окраинах преобладали государственные крестьяне».

Вот что пишет об этом министр земледелия двух последних российских императоров, А. С. Ермолова: «Что собственно следует разуметь под малоземельем и какой размер землепользования мог бы считаться для крестьян достаточным?»

Мне пришлось на своем веку изъездить всю Россию (кроме самых северных губерний) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нет такой местности в России — кроме разве северных губерний — где не приходилось бы выслушивать жалобы на малоземелье, на земельное утеснение.

Жалобы эти раздаются, например, на Северном Кавказе, в казачьих станицах, где наделы достигают еще и ныне 20 и более десятин на душу. Слышны они и в Сибири... Приходилось мне, например, в Олонецкой и в Пермской губерниях встречаться с наделами в 30–40 и более дес. на душу, из которых фактически утилизируется лишь незначительная часть.

Что же, и это считать малоземельем, и таким крестьянам отводить дополнительные наделы?...

Очевидно, что в дело в огромном большинстве случаев, не в абсолютном малоземелье, а в недостатке земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствующих более ни изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения.

Но изменять формы хозяйства можно, хотя это требует и труда, и времени, и знаний, — а создавать вновь землю нельзя, — для отживших, но упорно удерживаемых приемов земледелия ее всегда будет недоставать...

Обращаясь к губерниям центральной России, мы и в них прежде всего столкнемся в фактом чрезвычайного разнообразия величины крестьянской наделной земли — от 0,25 дес на ревизскую душу крестьян, сидящих на дарственном наделе, продолжая низшим средним и высшим наделами крестьян бывших помещичьих, которые в среднем редко превышали 3–3,5 дес. на ревизскую душу, и кончая 8–10 и даже 15 десятинами на душу крестьян государственных.

Заметим мимоходом, что особой разницы в благосостоянии крестьян, размеры землепользования коих столь различны, за исключением только действительно бедственного положения тех из них, которые сидят на даровом нищенском наделе — во многих случаях констатировать нельзя, а напротив, иногда крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных» (Ермолов, 1906: 4–5).

При этом «суммы, выручаемые крестьянами от обработки своих наделных земель далеко не пропорциональны площади этих наделов, и во многих случаях при меньшей площади надела они получают с него не только относительно, но и абсолютно больше, нежели в других губерниях крестьяне с наделов более крупных», что «чем площадь

надела больше, тем производительность его и чистый получаемый от десятины доход меньше» (Ермолов, 1906: 39–41).

Более чем наглядной иллюстрацией методы Нефедова является следующий факт.

В таблице 2 он приводит суммарные подсчеты потребления по 53 губерниям Европейской России. В таблице 4, весьма важной для его «построений», мы видим, однако, лишь 30 губерний.

Резонный вопрос — а что случилось с другой половиной страны, с 23 губерниями и областями Европейской России — Казанской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, Подольской, Волынской, Олонецкой, Виленской, Ковенской, Гродненской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниями, а также Областью Войска Донского, Кубанской и Терской областями?

Нефедов пишет, что «представляется важным исследовать динамику потребления в региональном разрезе, чтобы установить, каковы были различия в уровне потребления, какие области России были богатыми, и какие — бедными. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные транспортной статистики. Такие данные имеются в распоряжении историков, но они обладают некоторыми дефектами: имеются пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье, и, что более существенно, недостаточно данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов — в том числе, гречихи, проса и кукурузы. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения губернии Степного Юга и ограничиться рассмотрением района, где преобладало возделывание «главных хлебов»: ржи, пшеницы, ячменя и овса».

Людам, далеким от аграрной истории России, в частности, участникам дискуссии, которые читают тексты С. А. Нефедова, возможно, трудно оценить уровень некомпетентности сказанного.

Смею уверить читателей, что приведенных Нефедовым аргументов *совершенно недостаточно* для исключения из анализа всей Новороссии и Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья, а также Олонецкой, двух из трех Юго-Западных губерний, Литвы и Прибалтики, о причинах невнимания к которым Нефедов не счел нужным упомянуть, хотя, повторяю, в таблице 2 он приводит подсчеты по 53 губерниям Европейской России.

Бессмысленно говорить о том, что он, видимо, искренне не понимает, что источников, в том числе и статистических, без «некоторых дефектов» не бывает в принципе и что задача исследователя, в числе прочего, состоит в их (дефектов) преодолении, насколько это возможно, а в данном случае это вполне возможно!

Я не задаю вопроса о том, какие именно «пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье» имеет он в виду, и почему эти пробелы отсутствуют «в отношении» перевозок в бассейнах других рек, в том числе и довольно большой части той же Волги, сведения о которых Нефедов приводит.

Я не спрашиваю о том, кому, кроме Нефедова, и каких именно «данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов — в том числе, гречихи, проса и кукурузы» недостаточно для анализа потребления в самых благодатных краях страны.

Я хочу сказать, что *таких данных более, чем достаточно*, к тому же они отнюдь не находятся в спецхране. Они содержатся в выпусках «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», посвященных перевозкам хлебных грузов. «Сводная статистика» позволяет восстановить перевозки не только всех вообще хлебов, но

и каждого в отдельности, в том числе и упомянутых, в масштабах всей Империи за 1890–1913 гг. Источник надо «только» обработать.

Правда, процедура это весьма трудоемкая.

Конечно, куда проще и удобнее говорить о голоде, хотя бы и мнимом, исключив из анализа свыше 40% губерний Европейской части страны, притом же из числа наиболее процветающих, производивших основную массу товарного, в том числе и экспортного, хлеба, по смехотворной причине якобы нехватки или неполноты статистических данных. Кажется, не времена Всеволода Большое Гнездо обсуждаются.

Конечно, кульминацией рассуждений Нефедова является раздел о «голодном экспорте» хлеба.

В 2003 г. при характеристике народнического спектра историографии я говорил, «что сама постановка вопроса о «голодном экспорте» имеет вполне провокационный характер — подразумевается некий, пусть и не всемирный, но заговор против нормального питания российского крестьянства. Если довести идеи народнической публицистики (и С. А. Нефедова — М. Д.) до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской Империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. И для этого в числе других средств оно использовало экспорт хлеба.

Нельзя не заметить, что **такой подход выдвигает экспорт хлеба не просто как главную, но чуть ли не как единственную причину недоедания российских крестьян**. То есть, если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально» (Давыдов, 2003: 211–212).

Моя ирония оказалась совершенно неуместна. Я-то наивно полагал, что подобные нелепости остались в прошлом, но Нефедов *буквально* убеждает в обратном.

Он пишет: «Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX века по начала XX века существенно вырос. **Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX века достигло бы примерно 25 пудов на душу — уровня социальной стабильности.** Однако стремительный рост экспорта после постройки «вывозных» железных дорог привел к тому, что в 1870–90 гг. при росте душевого производства потребление убывало.

Возникает естественный вопрос: почему это происходило? Почему был возможен вывоз, доводящий крестьян до голода? Очевидно, существовал слой землевладельцев, имевших для продажи большие количества хлеба, и **этот хлеб при поощрении властей уходил за границу, в то время как миллионы бедняков голодали**».

По закону драматургии тут должна быть немая сцена.

Однако это — как бы научный текст.

В 1895 г. К. Ф. Головин писал: «Нетрудно в произведениях гг. народников отыскать места, где они оплакивают постройку железных дорог, как пагубный дар буржуазной цивилизации, смывавшей мужицкий хлеб из родных гумен на всемирный рынок. У Глеба Успенского — главного представителя народничества в беллетристике, — есть любопытная тирада... где сожаление о погибающей старине распространяется и на лучинушку, выгнанную из мужицкой избы пагубной конкуренцией керосина», и при этом «им представляется как-то, что производство, рассчитанное для вывоза на рынок, непременно должно сопровождаться ограблением народной массы в пользу более ловкого и более зажиточного меньшинства» (Головин, 1895: 12);

Несколько ниже он добавляет: «В основе их (народнических построений) лежат две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистический эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды. Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, — лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, — об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценой народного порабощения» (Головин, 1895: 26).

Осудив «голодный экспорт», Нефедов начинает разоблачение тех, по чьей вине страдало отечественное крестьянство: «Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, — это помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России».

Позволю себе задать вопрос (один из множества).

Головин все же писал о людях, учившихся в XIX в.

Я не знаю, где Нефедов получал образование в XX веке, но предполагаю, что политэкономии капитализма там преподавали. А впечатление такое, что Нефедов и понятия не имеет о соотношении спроса и предложения. Неужто ему на 2-м курсе не объяснили, помимо прочего, что при переходе от натурального хозяйства к меновому, сопровождающемуся строительством железных дорог, в том числе и «вывозных» (тоже претензия! Видимо, чтобы получить одобрение Нефедова, Власти надо было строить железные дороги только между Урюпино и Валулками) — «стремительно растет» не экспорт, а *доступ* хлеба — безразлично чьего (хоть марсианского!) — на рынок, а уж рынок «решает», куда и какой хлеб будет в итоге отправлен, что продавец заинтересован в достижении лучшей цены и что ему при прочих равных безразлично, кто ее платит?

Боюсь, не объяснили.

Иначе он не задавал бы подобного вопроса: «Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества?» и не давал бы такого категоричного ответа: «Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта».

Головин в одном месте так комментирует писания народника В. П. Воронцова: «Г. В. В., между прочим, не без комизма восклицает: «что выиграла Россия от того, что за последнее двенадцатилетие вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры 50 мил. пудов?»

Ответ содержится в самом вопросе: она выиграла всю продажную стоимость этих миллионов пудов, всю оплодотворяющую силу приобретенных капиталов. Г. В. В. наивно вообразает, по-видимому, что суммы, полученные крупными производителями,

так и остаются в их кармане, не принося стране никакой пользы. Могло бы это произойти лишь в том случае, если бы все эти производители были Плюшкиными, добывающими деньги, чтобы запереть их у себя в сундуки, Неужели г. В. В. ни от кого не слышал, что крупные капиталы, хотя бы приобретенные немногими лицами, становятся могучим стимулом производства и обмена; что многочисленные мертвые богатства ждут не дождутся у нас оживляющего прикосновения капитала и предприимчивости?» (Головин, 1895: 59).

Как можно видеть, рыночные отношения (и экспорт в том числе) Нефедов трактует с позиций классово-«патриотических». В силу того, что и народники, и дореволюционные марксисты, беспокоясь о судьбах классов, о судьбе России не думали вовсе, на помощь ему приходит советский марксизм с обвиняющими интонациями образца 1946–1953 гг.

Правда, затем он утешает читателей тем, что не только в России были такие антипатриотичные и бессердечные помещики, совсем некстати вспоминая страны «второго издания крепостничества» (в веках этак XVI–XVII) и приводит не имеющую ни малейшего отношения к пореформенной России мысль Ф. Броделя, долженствующую, как он почему-то воображает, подтвердить его мнение о том, что «русский хлебный экспорт (!) был остатком феодализма (!!!), он был основан на феодальном по происхождению (!) крупном землевладении и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство (!)».

Вообще манера цитирования Нефедовым зарубежных авторов и ссылок на них весьма напоминает характеристику Головиным стиля изложения раннего П. Б. Струве: «Как свежесвыпущенный из корпуса молодой офицер при каждом удобном случае звякает шпорами, так и наш юный исследователь то и дело угощает читателя мудреными терминами, очевидно, желая пощеголять свою начитанностью» (Головин, 1895: 86).

Далее Нефедов строго замечает: «Напомним, что согласно современным воззрениям, уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» — это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах» (и зачем-то пытается привязать сюда «проект Витте-Кутлера», который к рассматриваемым сюжетам относится чуть ближе, чем Соборное Уложение 1649 г.).

Нефедов, полагаю, уже не так юн, как Струве в 1895 г., но, вспоминая Головина, «здесь он, очевидно, уже чересчур бойко звякнул шпорами» (Головин, 1895: 87).

Бедный Александр III!

Вот кто главный виновник страданий российского крестьянства!

Теперь-то уж всем должно быть ясно, что Ему надо было 19 февраля 1861 г. не Манифест об освобождении крестьян подписывать, а «Декрет о земле», и сразу ликвидировать частную собственность на землю, чтобы «революция модернизации» прошла успешно и страна избавилась от мучений мальтузианского кризиса! А там, чем черт не шутит, может быть, и Совнарком возглавить?!

Ну как все это можно обсуждать всерьез?

Нефедов слышал о «борьбе за землю», но снова как-то уж очень буквально все понял.

Конечно, он не первый из борцов с крестьянским малоземельем (людей, как правило, хотя и заинтересованных, но не всегда сведущих), с кем созерцание карты России сыграло злую шутку. Поклонникам «черного передела» российские просторы обещают

куда больше, чем могут дать в действительности, о чем и до революции неустанно твердило немало компетентных отечественных специалистов.

Советовать Нефедову «учить матчасть» я не стану, а ограничусь следующим эпизодом, характеризующим последствия реализации ликвидации крупного землевладения в России.

При разоблачении бедствий пореформенной эпохи Нефедов нередко черпает вдохновение у народнического экономиста Н. П. Огановского.

В 1922 г. вышла его работа «Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам)», которая предваряется следующим весьма любопытным Предисловием (а, точнее, предупреждением): «Издательство Н. К. З. «Новая деревня» выпускает книгу проф. Огановского по экономической географии России, курс лекций, прочитанных автором в 1-м Московском Государством Университете, как исходное пособие для изучения производительных сил Республики.

К сожалению, автор не мог удержаться на объективной позиции и допустил ряд совершенно неправильных выводов. Так, на стр. 81–83, в отделе «Распределение земли после революции» он утверждает, что «формальный переход (всей земли к крестьянам после 1917 г. — М. Д.) принес лишь незначительную прирезку», между тем, как сам же автор, пользуясь данными Б. Н. Книповича, несколькими строками выше приводит цифры, указывающие на многомиллионное увеличение площади крестьянского землепользования.

Он считает, что переход всей земли от помещиков к трудовому крестьянству, есть не «главный эффект» и говорит лишь об уничтожении экономической зависимости крестьян от помещиков. Но на стр. 82 он рисует картину падения нашего рубля и разрушение революцией городской промышленности и указывает на разрушительное влияние продразверстки, не давая ясного и точного объяснения, почему эта продразверстка была введена».

В 1922 г. та самая власть, которая вскоре обеспечит, по Нефедову, уровень «социальной стабильности» в 25 пудов хлеба на душу, еще ограничивалась такими вот Предисловиями, которые ставили старых «борцов» за землю из «народолюбивой» русской интеллигенции на то место, на котором хотела их видеть. После обеспечения ею (властью) означенного уровня разговор с теми, кто, приветствуя революцию, посягает тем не менее на «единственно верное» понимание ее значения, будет другой¹.

А вот, кстати, и сам текст Огановского: «Но как бы то ни было — везде после революции крестьяне оказались владеющими 96–98% всей удобной площади (кроме леса): однако фактически в виде ли купчей или арендованной, половина частновладельческой земли уже ранее оказалась в руках крестьян. Этот формальный переход принес им лишь незначительную прирезку. Даже по официальным данным в 29 губерниях Европейской России эта прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес., т. е. всего на 0,39 дес. Но так как в прирезанную землю входила арендованная, то в действительности средняя прибавка не превышала, вероятно, 0,2 дес. на едока. И, конечно, не в этой микроскопической прибавке заключался главный положительный эффект революции для крестьян» (Огановский, 1922: 81).

Я хочу спросить Нефедова, как согласуется приведенная информация — совсем не секретная, кстати, — с его демагогическими филиппиками в адрес помещичьего

¹ Примечание 2016 г. – Н. П. Огановский (1874–1938) в 1931 г. был приговорен к 5 годам заключения, в 1933 г. на оставшийся срок выслан в Башкирию, умер в Уфе. Реабилитирован посмертно в 1989 г.

землевладения, якобы обрекавшего крестьян на 50-летнее «балансирование на грани голода»?

Пытаясь подтвердить свои рассуждения о классовом характере хлебной торговли, о связи экспорта исключительно с помещиками (до этого и народники не всегда додумывались!), он пишет: «При 712 млн пудах среднего ежегодного вывоза в 909–1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов — эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения».

Итак, Нефедов, непонятно почему, убежден, что помещичий хлеб до последнего пуда шел строго на экспорт, а крестьянский — на потребление компатриотов-горожан. Доказать этого он, понятно, не может. Из приводимых им цифр следует, что помещики сами злонамеренно экспортировали лишь 38,7% хлеба. Остальные 61,3% вывозятся вследствие другой подрывной акции помещичьего дворянства — сдачи крестьянам земель в аренду: «Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать ... не менее 360 млн пудов хлеба». Вынужденный характер аренды в глазах Нефедова, видимо, несколько реабилитирует крестьянство за участие в антинародной акции по получению Россией главного источника валюты, т. е. в экспорте хлеба.

Я намеренно не касался пока главной жемчужины, воистину — перла — этого сюрреалистического повествования.

Вот она: «Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских — на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса».

Это уже чересчур даже для такого любителя «ответов, лежащих на поверхности», как Нефедов.

Я не говорю о том, что представить эту, академично выражаясь, нелепую конструкцию, тем более «условно», конечно, можно, но что, честное слово, лучше этого не делать.

Я оставляю в стороне стиль мышления автора — «можно условно представить» «и тогда получится... что... как бы...»

Я хочу задать автору простой вопрос — а кому принадлежали помещичьи земли? Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции? Может быть, США? Или оптом Тройственному Союзу или Антанте?

Кто платил налоги за эти земли? В чью пользу шли средства, полученные от обложения этих земель?

Кто работал на этих землях и зарабатывал там деньги для своих семей? Гастарбайтеры, не входившие в «русский этнос»? Тогда это — открытие.

И что такое, кстати, в контексте обсуждаемых проблем истории Российской Империи пореформенного времени «экологическая ниша русского этноса»?

На каком основании Нефедов решил, что «население страны не получало продовольствия от этих земель»? Ведь двумя строками выше он пишет об аренде крестьянами помещичьих земель? Выходит, они «арендовали для аренды», во-первых, и для того, чтобы Нефедов об этом упомянул, во-вторых?

До такого не додумывались, кажется, и в 1920-е годы.

Что мы обсуждаем?

Чтобы уменьшить зависимость читателей от нефедовских конструкций, а заодно и показать их настоящую цену, приведу несколько характеристик аграрного развития России конца XIX — начала XX вв. (Давыдов, 2003: 81–181)

Среднегодовую структуру потребления главных хлебов в 1909–1913 гг. позволяет восстановить издание «Производство, потребление и перевозки хлебов в России в 1909–1913 гг.» (Пг., 1916), используемое и С. А. Нефедовым. Этот комбинированный источник, дающий достаточно близкую — с учетом состояния источниковой базы — к реальной картину, который вполне можно использовать как ориентир, как бы подводит итоги эволюции российского хлебного рынка в пореформенную эпоху.

Рожь. Эта культура, «главный крестьянский хлеб», доминировала среди главных хлебов — 36,3% потребления по стране в целом; 40,0% в Европейской России. В 50 из 63 губерний этой части страны на рожь приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ потребления главных хлебов, притом в 28 губерниях — более 50%. Нехватка ржи фиксируется в 51 губернии из 87, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105352 тыс. пуд. Более трети (35%) этого количества приходится на Петербургскую и Московскую губернии, 39,2% — на Владимирскую, Петроковскую, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Костромскую, Калужскую и Ярославскую, которые ввозили от 3 до 8 млн пуд. ржи. Таким образом, почти $\frac{3}{4}$ нехватки ржи в Империи было сосредоточено в 10 из 87 губерний.

Пшеница. Доля ее в потреблении главных хлебов составляла 28,3% в целом по стране и 24,1% в Европейской ее части. В 34 из 87 губерний на нее приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ потребления, причем 22 из этих 34 губерний располагались в Азиатской части России. Две столичные губернии и Ферганская область поглощали 22,1% общего недостатка пшеницы, равного 216208 тыс. пуд., а 22 губернии с нехваткой от 3 до 10 млн пуд. — 56,2%. Более слабая, в сравнении с рожью, концентрация (по числу губерний) нехватки пшеницы отражает, полагаю, относительную ограниченность ареала производства товарной пшеницы, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 492193 тыс. пуд. распределялся между 32 губерниями, но, конечно, не в равной степени. Почти $\frac{2}{5}$ его концентрировалось в Донской и Кубанской областях и Самарской губернии, 27,6% — в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а 22,4% в пяти губерниях с избытком от 10 до 25 млн пуд. То есть, 89,5% «лишней» пшеницы приходилось на 11 губерний.

Ячмень. Среди главных хлебов как потребительская культура он занимал скромное место — 11,8% в общем потреблении по России в целом; 12,0% в ее европейской части.

Лишь в 19 из 87 губерний на его долю приходилось более 20% потребления и только в шести из них — более $\frac{1}{3}$. Подавляющее большинство губерний практически

самообеспечивалось ячменем, ибо хотя недостаток его отмечается в 47 губерниях, но размеры его сугубо символические — 9078 тыс. пуд., что вполне можно объяснить несовершенством статистики. На столичные губернии приходится 28,6% этого количества.

Зато избыток ячменя был весьма внушительным — 236858 тыс. пуд. в 40 губерниях, но для большинства из них он, как и недостаток, был чисто номинальным. При этом пять Новороссийских губерний и Кубанская область концентрировали 85,5% «лишнего» ячменя, свидетельствуя об экспортном характере этой культуры.

Овес. На его долю приходилось в целом по стране 23,6% потребления главных хлебов, а в Европейской России — 24,0%. Суммарная нехватка овса в 57 губерниях определяется в 78096 тыс. пуд., но более половины его — 52,1% этого количества — поглощали две столичные губернии, а 8,1% — Варшавская и Петроковская, которым не хватало чуть более 3 млн пуд. Наконец, 22,1% концентрировались в 11 губерниях с нехваткой от 1 до 3 млн пуд.

Избыток овса в количестве 139928 тыс. пуд. отмечается в 30 губерниях. На Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Казанскую губернии приходилось 54,9% этого количества, а 37,2 — на 9 губерний с избытком от 3 до 10 млн пуд. Всего на эти 14 губерний приходилось 92,1% избытков овса.

Итак, концентрация в небольшом числе губерний как недостатков, так и излишков главных хлебов в 1909-1913 гг. была весьма высокой. Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко неравноценным. Равным образом и концентрация отправления главных хлебов также была высока. Достаточно сказать, что половину всей ржи в стране отправляли восемь губерний из 87, пшеницы — пять, ячменя — две, овса — 7 губерний. Это показывает, насколько далеко зашел процесс специализации конкретных губерний и регионов на товарном производстве отдельных хлебов.

Таковы некоторые важные характеристики хлебного рынка накануне войны с точки зрения производства главных хлебов, а также их избытков и недостатков. В этой картине, казалось бы, нет ничего необычного — разделение губерний на производящие и потребляющие весьма четко укладывается в устоявшиеся представления о черноземных и нечерноземных губерниях — первые вывозят хлеб, вторые его потребляют. Однако это не вполне точно. Ведь наличие избытков и недостатков — явление историческое, другими словами преходящее. Когда-то и в нечерноземных губерниях были избытки хлеба, а Центрально-Промышленный район, наряду с Центрально-Черноземным, лидировал по величине урожая. Как известно, объемы ввоза и вывоза хлебов являются важными характеристиками той стадии аграрной эволюции, которую переживает данный регион в изучаемый период. А эта стадия в значительной степени связана с численностью населения и степенью индустриализации региона.

Избытки хлеба покрывали потребности внутреннего и внешнего рынков.

В таблицах 1 и 2 представлены сведения о структуре хлебного экспорта в абсолютном и относительном выражении (см. таблицы 1 и 2 данной монографии — М. Д.).

Как можно видеть из приведенных таблиц, вплоть до 1909-1913 гг. пшеница со значительным отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, однако доля в хлебном экспорте постепенно падала с 41,9% в 1889–1893 гг. до 35,6% в 1909–1913 гг. и 29,2–31,2% в 1911–1913 гг.; даже в урожайные 1912–1913 гг. вывоз ее уменьшился и по абсолютной величине, что весьма показательно.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям и в 1911–1913 гг. обо-гнал пшеницу — факт небывалый. В 1889–1893 гг. на ячмень приходилось 17,5%, а в 1909–1913 гг. — 31,2% вывоза всех хлебов (в 1913 г. — 36,8%). В сумме пшеница и ячмень давали от 60 до 72% всего экспорта, и не будет ошибкой сказать, что вывоз хлеба из России в конце XIX — начале XX вв. — это главным образом вывоз пшеницы и ячменя, специально производившихся на экспорт в Новороссии и Предкавказье.

Нетрудно заметить, что экспорт ржи стабильно снижался, достигая в предвоенное пятилетие величины урожая, скажем, Пензенской губернии в те же годы, но уже никак не Курской или Уфимской. Почти в три раза упала доля ржи в экспорте — с 14,5 до 5,5%. Вывоз овса по пятилетиям показывает рост, хотя и незначительный, но очевидно его существенное снижение в 1912–1913 гг. Экспорт муки был невелик, что отражало, в частности, недостаточное развитие мукомольной промышленности в России. Увеличивался как в абсолютном, так и в относительном выражении экспорт второстепенных хлебов, большую часть которого составляли кукуруза, отруби и жмыхи — в отдельные годы он превышал 20%. Очевидна неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще — перепады в соседние годы иногда достигают 300 и более процентов.

Это закономерно ставит вопрос о соотношении размеров экспорта хлеба и урожая.

В таблице 3 можно видеть данные о соотношении между урожаями и вывозом главных хлебов в конце XIX — начале XX вв. (см. таблицу 3 данной монографии — М. Д.)

В нескольких словах данный аспект зернового хозяйства России в этот период можно охарактеризовать так: урожаи главных хлебов в стране продолжали расти, однако доля экспорта в урожае всех главных хлебов, кроме ячменя, уменьшалась (причем, иногда и в абсолютном выражении).

Весьма показательны в этом смысле цифры средних ежегодных приростов показателей производства и экспорта хлеба, вычисленными при построении линейных трендов приведенных выше динамических рядов. Так, средний ежегодный прирост урожая ржи составлял 9364 тыс. пуд., а вывоз падал ежегодно в среднем на 1926 тыс. пуд., овса собирали ежегодно в среднем на 12879 тыс. пуд. больше, а экспортировали на 93 тыс. пуд. меньше. Среднегодовой прирост урожая пшеницы равнялся 27053 тыс. пуд., а ее экспорт ежегодно увеличивался в среднем на 3121 тыс. пуд., то есть, в стране ежегодно в среднем оставалось на 23932 тыс. пуд. пшеницы больше, чем в предыдущем году. Эта цифра превышает среднегодовой урожай всех Центрально-Черноземных, Центрально-Промышленных, Белорусских, Приозерных, а также Черниговской и Эстляндской губерний, вместе взятых, в 1909–1913 гг. Соответствующие показатели для ячменя составляли 15070 и 7197 тыс. пуд. Другими словами, за границу продавалось лишь 10,6% прироста сборов пшеницы и около половины (47,8%) прироста сборов ячменя.

Показательно, что доля вывозимой ржи, составлявшая в 1891–1895 гг. 5,7% урожая, упала до 3,3% в 1911–1913 гг., доля пшеницы снизилась с 34,6 до 19,8% (причем с 1910 г. экспорт пшеницы уменьшается и по абсолютной величине), доля овса — с 10,7% до 7,5%, а доля ячменя возросла с 34,6 до 37,9% (как уже отмечалось, это объясняется форсированием производства в Новороссии и Предкавказье ячменя как культуры почти исключительно экспортной). **Все эти факты неоспоримо говорят о возрастании объема внутреннего рынка для главных хлебов и соответственно о постепенном снижении роли внешнего рынка.** Данные транспортной статистики по-

звонят конкретизировать это явление и в общих чертах проследить, как протекали указанные перемены.

Анализ соотношения внутреннего и вывозного железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов черноземными губерниями, которые в в конце XIX — начале XX вв. оставались основными поставщиками товарного хлеба на внутренний и внешний рынки, привел к следующим выводам.

В ряде не только северно-, но и южно-черноземных губерний очевидно замедление темпов роста железнодорожного отправления всех хлебных грузов, отражающее рост плотности населения, усиление в силу этого местного потребления производимых хлебов и завершение экстенсивного этапа расширения зернового хозяйства.

В Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Подольской и Киевской губерниях с 1894–1895 гг. до 1908–1911 гг. общее снижение экспортного отправления составило 19,0 млн пуд. В остальных черноземных губерниях оно выросло на 173, 2 млн пуд¹. Из этого количества 76,7 млн пуд., или 44,3% приходится на Херсонскую губернию, Донскую и Кубанскую области; еще 29,5% прироста (51,2 млн пуд.) сконцентрировано в Екатеринославской, Саратовской, Самарской и Ставропольской губерниях.

То есть, экспорт хлеба из России увеличивался в конце XIX — начале XX вв. прежде всего за счет лишь семи губерний степной полосы², которые дали в сумме 127,8 млн пуд., или 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов.

Данное обстоятельство делает куда понятнее логику Нефедова, исключившего «неудобную» для себя половину страны из анализа.

О том, **чем** были южнорусские степи для сельского хозяйства России рассматриваемого периода, можно судить по следующим фактам.

Средний урожай пшеницы по 63 губерниям Европейской России в 1901–1903 гг. составил 838416 тыс. пуд., из которых на долю только Новороссии (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского), а также Ставропольской губернии и Кубанской области пришлось 417723 тыс. пуд., т. е. 49,8%, а в 1908–1911 гг. суммарный среднегодовой урожай пшеницы в 63-х губерниях был равен 974900 тыс. пуд., из которых 500573 тыс. пуд., т. е. 51,3%, были выращены в перечисленных губерниях. При этом в 1901–1903 гг. они дали 146920 тыс. пуд., или 56,0% общего среднегодового отправления пшеницы черноземными губерниями, а в 1908–1911 гг. — 203643 тыс. пуд., или 57,4%. Доля этих губерний в вывозном отправлении черноземных губерний составила соответственно 80,4% (113840 тыс. пуд.) и 74,5% (153171 тыс. пуд.) (Давыдов, 2003: 123–129).

Рожь никогда не была популярна в южнорусских степях (она вытеснила пшеницу лишь на время гражданской войны), и в рассматриваемый период ее выращивали там в основном на экспорт.

На Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую губернии, а также Донскую и Кубанскую области в 1901–1903 гг. пришлось в общей сложности 104321 тыс. пуд. из 1290265 тыс. пуд. среднегодового суммарного урожая ржи в 63-х губерниях, т. е. 8,1%, а в 1908–1911 гг. — 68297 тыс. пуд. из 1242723 тыс. пуд., или 5,5%, т. е. относительно небольшая часть сбора. Тем не менее в 1901–1903 гг. данный регион дал 34,6% (50337 тыс. пуд.) общего отправления ржи из черноземных губер-

¹ Данные за 1909–1913 гг. еще выразительнее.

² К ним, возможно, следует добавить и Таврическую губернию, но этот вопрос требует специального изучения.

ний, а в 1908–1911 гг. — 22,9% (25473 тыс. пуд.). А вот доля экспортного отправления ржи со станций региона превысила половину и равнялась соответственно 54,7% (41864 тыс. пуд.) и 52,9% (18968 тыс. пуд.) (Давыдов, 2003: 158–159).

Пять губерний и три области Новороссии и Предкавказья в 1901–1903 гг. производили ежегодно 53,2% урожая ячменя в 63-х губерниях (216494 тыс. пуд. из 407117 тыс. пуд.), в 1908–1911 гг. — 58,2% (328163 тыс. пуд. из 563577 тыс. пуд.), 84,3% (62699 тыс. пуд. из 74407 тыс. пуд.) и 91,0% (137223 тыс. пуд. из 150739 тыс. пуд.) общего отправления ячменя из главных губерний-производительниц и 89,8 (53911 тыс. пуд. из 60032 тыс. пуд.) и 94,6% (127970 тыс. пуд. из 135226 тыс. пуд.). Ячмень, как известно, был сугубо экспортной культурой (Давыдов, 2003: 176–181).

Теперь читателям легче оценить степень научной корректности Нефедова — он исключает данные по этому, в частности, вполне преуспевающему региону из анализа потребления, поскольку они явно противоречат его построениям, но затем рассматривает вывоз отсюда хлеба как угрозу нормальному питанию жителей России. Как будто до 1917 г. кто-то мог заставить крестьян Новороссии выращивать пшеницу и ячмень на экспорт (а дехкан Средней Азии — хлопок)!

Совсем иная картина возникает при анализе внутреннего железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов.

Его прирост в 1908–1911 гг. в сравнении с 1894–1895 гг. в Курской губернии составил 12035 тыс. пуд. (тогда как абсолютные размеры среднегодового вывозного отправления снизились на 1702 тыс. пуд.); схожая картина наблюдается в Орловской (соответственно 6704 и минус 3170 тыс. пуд.), Тульской (6565 и минус 2402 тыс. пуд.), Рязанской (4863 и минус 765 тыс. пуд.), Киевской (10281 и минус 1505 тыс. пуд.), Подольской (4411 и минус 9444 тыс. пуд.) губерниях. Заметим, что даже в тех губерниях, общее отправление которых имело тенденцию к уменьшению (Бессарабской, Юго-Западных, Черниговской), это происходило не за счет внутреннего отправления, а за счет сокращения перевозок в таможенные пункты.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления. Подобная картина наблюдается в таких губерниях, как Харьковская (17393 против 2384 тыс. пуд.), Полтавская (20413 против 4658 тыс. пуд.), Оренбургская (18493 и 5182 тыс. пуд.), Самарская (24924 и 14534 тыс. пуд.), Воронежская (18898 и 6865 тыс. пуд.), Саратовская (24703 и 9800 тыс. пуд.), Тамбовская (18706 и 901 тыс. пуд.), Терская (14334 и 3660 тыс. пуд.). Существенный рост значения внутреннего рынка и падение роли рынка внешнего совершенно очевидны.

Лидерами внутреннего отправления были Самарская, Полтавская, Воронежская, Оренбургская, Тамбовская, Харьковская, Саратовская, Екатеринославская, Терская и Курская губернии, которые в сумме сосредоточили 65,1% прироста внутренних перевозок.

Итак, анализ транспортной статистики показывает, что основную часть вывозной пшеницы давали Новороссия и Предкавказье, как бы замкнутые на порты Черного и Азовского морей. В еще большей степени это относится к ячменю, почти 90% избытков которого в 1909–1913 гг. находилось в пяти Новороссийских губерниях и Кубанской области. Этот регион, разумеется, поставлял зерно на внутренний рынок, но близость портов естественно стимулировала работу на экспорт. Главными поставщиками пшеницы на внутренний рынок были Самарская и Саратовская губернии, а также Донская

область. Для Нижневолжских, Малороссийских, Юго-западных губерний приоритетным было внутреннее отправление, которое почти всегда превосходило вывозное. Последнее возрастает лишь в случае хорошего урожая, когда за границу «сбрасывались» излишки пшеницы, не находившие размещения на внутреннем рынке, как это было, например, в 1909–1910 гг.

То есть, очевиден существенный рост значения внутреннего хлебного рынка и снижение роли рынка внешнего. Если вспомнить о заметном недоучете водных перевозок, а также о том, что используемая статистика никак не фиксирует гужевые перевозки хлеба, то станет очевидно, что реальный размер внутренней транспортировки хлеба, а значит, и внутреннего рынка был намного выше.

В целом же обгоняющее развитие внутреннего рынка в сравнении с внешним было одним из непосредственных результатов индустриализации, урбанизации и роста капитализма в стране.

Подсчеты Нефедовым душевого потребления представляются совершенно неудовлетворительными, что естественно вытекает из такой манеры обращения с источниками.

В отечественной историографии с дореволюционных времен пищевую ценность картофеля традиционно оценивали в соотношении 3:1. Данные современной поваренной книги снижают его до 2,1–2,5:1 (не касаясь вопроса о том, что калорийность картофеля заметно повышается при тепловой обработке — печении, не говоря о жарении). Даже это уточнение дает *существенную* разницу, в том числе и при анализе душевого потребления. Между тем Нефедов исходит из соотношения 5:1. На каком основании? Как отражены в его подсчетах немаленькие цифры душевого потребления картофеля, которые используемый им источник (упомянутые «Производство, перевозки...») фиксирует даже в тех губерниях, которые Нефедов оставил для доказательства перманентного голодания страны? Например, в 1909–1913 гг. в Витебской губернии этот показатель составил 14,4 пуд., в Минской — 31,44 пуд., в Могилевской — 24,99 пуд., во Владимирской — 15,47 пуд., (в Воронежской — 11,6, в Калужской — 14,01 пуд., Курской — 14,69 пуд, в Орловской — 19,69 пуд, Пензенской — 20,97 пуд, Псковской — 12,5, Рязанской — 17,29 пуд. и т. д.

Куда исчезли эти центнеры картофеля даже с учетом некорректной нормы 5:1? Неужто все в спирт перекурили? Или он в реальности пересчитывает в соотношении 10 к 1?

Наконец, пора заметить, что, помимо прочего, в концепции С. А. Нефедова мне непонятны следующие моменты.

Как можно рассуждать о голоде в пореформенной России, ни словом не упоминая о продовольственной помощи, о пресловутом «царевом пайке»?

<...> Наконец, как можно анализировать потребление, умалчивая о сотнях миллионов рублей, которые пропивались населением, крестьянами даже в голодные годы?

Исполненные праведного негодования рассуждения о голодании российской деревни всегда выглядели несколько комично на фоне данных о потреблении населением страны водки в рассматриваемый период.

Надо заметить, кстати, что тем людям, которые сто с лишним лет уверяют человечество в бедственном положении отечественного крестьянства, вообще свойствен несколько целомудренный, как бы стыдливый подход к этой стороне его жизни. Ведь им всегда важно было создать впечатление о том, что крестьяне потребляли только углеводы, питаясь только хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой.

Между тем источники говорят обратное <...>

Чтобы еще больше прояснить для участников дискуссии уровень платежеспособности населения страны, динамику уровня жизни в России в предвоенные годы, во-первых, и, во-вторых, закончить обсуждение степени адекватности теории «голодного экспорта» реальным фактам жизни страны, приведу две таблицы (см. таблицу 46 данной монографии — М. Д.).

Данные (см. таблицу 46 данной монографии) никак не позволяют говорить о снижении жизненного уровня в конце XIX — начале XX вв. Как можно видеть, за 1890–1913 гг. сахарные акцизные сборы выросли в 6,9 раза (т. е. сахар, оставаясь не самым дешевым продуктом, перестал, тем не менее, быть предметом роскоши), табачные сборы — в 2,9 раза, в 4 с лишним раза увеличились сборы нефтяные и спичечные. В 3,6 раза вырос и питейный доход, достигший (кстати, без таможенных доходов со спиртного и стоимости импортных спиртных напитков) в 1913 г. астрономической суммы в 952,8 млн руб., которая лишь на 16,2 млн руб. уступала суммарному бюджету министерств военного, морского и народного просвещения в последнем предвоенном году (Ежегодник Министерства финансов на 1915 г. Пг., 1915. С. 36–38).

В контексте настоящей дискуссии небезынтересно, полагаю, сопоставить также размеры питейного дохода и экспорта хлеба из России в рассматриваемый период (таблица 7 — см. таблицу 14 данной монографии — М. Д.).

Информация таблицы 7 более чем красноречива и, как мне кажется, заслуживает некоторых размышлений. Питейный доход здесь сравнивается, во-первых, с экспортом хлебов, а, во-вторых, с суммарным экспортом хлебов, а также семян и жмыхов; хотя последние, строго говоря, не относятся к *хлебам*, я хочу избежать возможных упреков в занижении показателей вывоза. Нетрудно видеть, что до 1899 г. питейный доход составлял порядка 80–95% стоимости хлебного экспорта, а после 1899 г. лишь в годы больших урожаев — 1909 и 1910 — цена вывоза слегка превысила цену выпитого алкоголя.

Если эта ситуация называется «голодным экспортом», тогда С. И. Ожегов, видимо, составил свой «Словарь» не совсем корректно.

Я не намерен вторгаться в сферу психологии, обсуждать сложнейший феномен удовлетворения человеческих потребностей, я не собираюсь, условно говоря, никого ни извинять, ни обвинять и тем более ставить «диагноз».

Я просто хочу указать на столь явное противоречие между привычными народническо-марксистскими рассуждениями о «голодном экспорте» и других столь же достоверных приметах дореволюционной России (с такой готовностью повторяемыми Нефедовым и его единомышленниками), и реалиями ее жизни, которые не готовы укладываться в рамки теорий, трактуемых предвзято, в том числе и структурно-диалектической теории.

Из сказанного *никоим* образом не следует, что в конце XIX — начале XX вв. Империя была, условно говоря, территорией «всеобщего благоденствия» — таких не бывает в принципе. Однако я вполне разделяю мысль Б. Н. Миронова, высказанную в рамках настоящей дискуссии. Он считает нужным подчеркнуть, «во избежание недоразумений и неверных толкований», что сделанный им «вывод о систематическом повышении уровня жизни населения в XIX — начале XX в.» не означает, что «широкие массы российского населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, как, впрочем, и

большинство населения других европейских стран, уступая лишь наиболее развитым из них. Но **уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваться**».

И последнее. Не могу не высказать своего мнения по следующему, полагаю, принципиально важному вопросу.

Нефедову никогда не приходило в голову, что одни и те же слова с течением времени могут обретать иной смысл, менять семантику? Что, в частности, представления людей конца XIX — начала XX вв. о голоде и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличаются от наших современных, воспитанных на **историческом опыте советской эпохи?**

Этот опыт, напомним, включает голодовки времен Гражданской войны, голод 1921 г., унесший свыше 5 миллионов жизней, голод 1932–1933 гг., во время которого погибло от 7 до 8 миллионов человек, голод 1946–1947 гг., стоивший жизни примерно миллиону наших сограждан. О многих и долгих годах **полуголодного** существования и говорить не приходится.

Полагаю, необходимо иметь представление о мере вещей, в истории особенно.

Правительство дореволюционной России отпускало сотни миллионов рублей на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества — на оборону, например, на открытие столь нужных стране военных училищ, на всеобщее начальное образование, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А подходы Советской власти, добившейся уровня «социальной стабильности» в 25 пудов на душу (какой ценой, надо напоминать?) к рассматриваемой проблематике наглядно характеризует то, что в 1932–1933 гг., когда распухшие от голода люди стали привычной частью привокзальных пейзажей, через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия. И после Великой Отечественной войны «Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии, Румынии, Польши, в Чехословакии в эти и другие страны в 1946–1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн т зерна. **Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80–90% пополнив, запасы зерна.** Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоявшим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе» (Зима, 1995: 150–152).

Вот это и есть самый настоящий голодный экспорт — без кавычек и без подмены понятий!

Неужто С. А. Нефедову это неизвестно?

И после этого он может писать то, что пишет?

Р. С. Обсуждение показало, что, как ни странно, построения Нефедова во многом поддерживаются его участниками. Н. С. Розов упомянул даже о том, что «большая макроисторическая правда... явно на его (Нефедова) стороне».

Убежден, что это не так. Тезис Нефедова о России как о государстве, в котором население бедствует, постоянно недоедая и часто голодая, государстве, «приговоренном» к революции, не выдерживает критики.

Сто лет назад Россия, как представляется, была весьма динамично развивающейся страной с гигантским потенциалом, который только начал по-настоящему реализовыв-

ваться, в очень большой степени благодаря реформам С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Обсуждаемые процессы сами по себе столь масштабны, что тот или иной вектор их развития непременно должен находить — и находит! — подтверждение в самых разных источниках <...>

В ходе дискуссии практически не затрагивалась Столыпинская аграрная реформа. А она многое объясняет в обсуждаемых сюжетах.

Я отношусь к числу тех историков, которые считают, что трагических событий начала XX в. можно было избежать. Потенциал Великих реформ в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Лишь в эпоху Александра III началась масштабная индустриализация. При этом на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России к концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участившиеся неурожайные годы и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик.

Вместе с тем в более широком масштабе это был кризис системы, которая была основана на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглого строя, что выражалось в числе прочего в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне, на том, что Власть игнорировала (на деле — боялась!) давно назревшую необходимость просвещения миллионов крестьян, просвещения, в том числе и агрономического.

Кризис этот, однако, в огромной степени был, как справедливо считает Б. Н. Миронов, вызван именно **«недостатком у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности»**, т. е. тех самых качеств, которые, по мнению некоторых участников дискуссии «вряд ли что-либо объясняют» в причинах русских революций. Однако, цитируя В. Б. Шкловского, это факт их (участников) биографии.

Само неприятие данной мысли Миронова (и, конечно, не только его одного), впрочем, весьма симптоматично. Не потому ли, что речь идет о феноменах, которые в пудах и калориях не измерить?

Между тем, профессионалу совершенно понятно, что Миронов подразумевает, в числе прочего, глобальное непонимание высшими носителями Власти, а также частью умеющих читать подданных этой Власти особенностей меняющегося мира, в котором они жили.

Следствием этого была, во-первых, намеренная ревизия не только духа, но и буквы Великих реформ, искусственная поддержка из идеологических соображений уравнительно — передельной общины со всеми вытекающими последствиями.

Во-вторых, авантюрная внешняя политика Николая II, прежде всего — «несчастливая война» (С. Ю. Витте) с Японией, вызванная стремлением царя самоутвердиться, спровоцировавшая революцию 1905 г.; вопрос о франко-русском союзе и Антанте оставляю в стороне ввиду специфики дискуссии.

В-третьих, агрессивная русификация, не вызывавшаяся объективным положением дел в Империи, которая выбросила за борт все то полезное, что делали императоры России от Петра I до Александра II в плане консолидации многомиллионного населения многонациональной страны. В результате Власть превратила национальный вопрос в один из острейших, притом, что Европа, в том числе и соседи-конкуренты (Австро-Венгрия, Германия) демонстрировали куда более взвешенные подходы к этим проблемам. Напомню, кстати, что и Александр III, и его сын были воспитаны правыми славянофилами.

В-четвертых, идущая из крепостнической эпохи боязнь просвещения. Россия была единственной из великих держав, не имевшей всеобщего начального образования. Прошу поверить, что есть и «в-пятых», и «в-десятых»; при этом Миронов, возможно, предложит несколько иную иерархию.

Едва ли не главный порок модернизации 1860-х — создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира, не в смысле общины, а в смысле реальности («планеты», «материка» и т. п.) Подавляющее большинство населения страны жило отдельной жизнью и до 1861 г. — в смысле бытовом, юридическом, экономическом, культурном и, естественно, психологически было *иным*, нежели образованное меньшинство. Но и после освобождения масса крестьян не слишком сблизилась с ним. Более того, указанная «отдельность» получила новый импульс, поскольку правительство искусственно консервировало общинный уклад и архаичное сознание крестьянства — при полной поддержке «передовой» русской интеллигенции¹.

В результате совместных, хотя и не скоординированных, усилий людей, умеющих читать, крестьянская уравнильно-передельная община стала фокусом большинства проблем пореформенной жизни страны, одновременно превратившись в главное препятствие на пути ее поступательного развития...

Одним из итогов такой политики было то, что Россия вступила в XX век, имея народ, во многом живущий представлениями XVII века (и это, забегая вперед, естественно, *многообразно* и со всей силой сказалось и во время революций, и в годы Первой Мировой и гражданской войн). Данная ситуация едва ли была терпима для страны, претендовавшей на первые роли в мировой политике.

Власти нужно было *испугаться всерьез*, для чего понадобились несчастная японская война² и спровоцированная ею революция, поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы, наконец, уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, *что* она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы, наконец, прислушаться к голосу здравого смысла.

И тогда пришло время П. А. Столыпина <...>

«Механизм» реформы оказался весьма эффективным. Принципиально важно отметить, что к 1911 г. он был уже настолько отлажен, а реформа набрала такое движение, такой размах, что с *внешней* стороны гибель П. А. Столыпина не отразилась на ходе преобразований. Иногда поклонники традиционных подходов уверены даже, что убийство П. А. якобы доказывает «крах» реформы, — этот абсурдный взгляд приобрел бы даже некоторую комичность, если бы речь не шла о сюжетах, совсем несмешных.

Период 1907–1915 гг. делится нормативными юридическими документами на два этапа — 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг. В первом из них было подано 2,6 млн ходатайств, во втором — 3,5 млн ходатайств, т. е. на 34,5% больше (Отчетные сведения, 1916).

Это само по себе показывает цену одного из вечных причитаний советской историографии о том, что реформа с 1911 г. шла на убыль. Термин «провал реформы» даже и обсуждать как-то стыдно. Анализ погубернской динамики дает обширный интересный материал для выводов, которые, конечно, далеко не совпадают с тем, что хотелось

¹ Под интеллигенцией я, как это и считалось сто лет назад, подразумеваю политически активную и/или политизированную часть образованного класса России.

² Эта абсолютно ненужная России война — весьма важное свидетельство того, как «недостаток мудрости и дальновидности» последнего императора *прямо* влияет на 140 миллионов его подданных. Но как может страна, условно говоря, повзрослеть, если ей управляют инфантильные догматики, а главный из них — сам император? Это — случайность или закономерность?

бы видеть традиционной историография. В частности, выясняется несостоятельность излюбленного тезиса последней о том, что великорусские крестьяне, особенно в Черноземье, были очень привязаны к общине.

Вместе с тем и рост крестьянского землепользования, и проведение землеустройства, и упорядочение аграрного строя создавали только основу для подъема российского сельского хозяйства. А он был невозможен без ряда других предпосылок, в том числе материального и духовного капитала.

Правительственных ссуд явно не хватало, и только на основе кооперации можно было обеспечить крестьянское население кредитами. Власть это понимала. Но, как всегда, боясь ослабить свое влияние, опасаясь всякой организации, демократии, она занимало двойственную позицию по отношению к кооперации. Т. е., с одной стороны, правительство считало необходимым не только поддерживать ее, но и активно развивать, а с другой стороны, стремилось ее удерживать под своей опекой, ставя препятствия к ее внутренней консолидации.

Рост кооперации (и не только ее) в России после 1905 г. для Европы был беспрецедентным, хотя это, конечно, был «рост с нуля». К 1 января 1914 г. число учреждений мелкого кредита превысило 13 тыс., а численность членов в них — 10 млн. Подавляющая часть этих учреждений были сельскими.

На 1 января 1912 г. суммы местных вкладов и займов (не считая правительственных средств) в ссудосберегательных и в кредитных товариществах составили 242 млн руб., на 1 января 1913 г. — 308 млн (рост свыше 20%), на 1 января 1914 г. — уже 423 млн руб., т. е. рост свыше 30%. О масштабе этих показателей можно судить по уже приведенным в настоящей статье данным (*Бруцкус, 1922: 95–99*).

Духовный капитал — это агрономическая помощь. С точки зрения истории России, любой из сюжетов, которых я здесь бегло касаюсь, — это целый «континент», об этом нужно писать и писать, потому что мы знаем об этом, на самом деле, еще очень мало (почему — понятно, надо было описывать истинные бедствия российской деревни и придумывать мнимые!).

Это относится и к такой капитальной важности проблеме, как агрономическая помощь. Можно сколько угодно упрекать русское крестьянство и крестьянство других стран за косность, консерватизм и пр. Упрек этот неисторичен, потому что для крестьян соблюдение традиций — это гарантия выживания. В лучшем ли режиме, в худшем режиме — так жили предки, и так они могут сохранить себя дальше.

Но рано или поздно правительство должно осознать, что пора «переводить» сельское хозяйство на новый уровень развития. Не сомневаюсь, что участникам дискуссии известно, что в Средние века и в Новое время голодовки — это обычный спутник сельского хозяйства стран Западной Европы (даже в середине XIX в. в Ирландии в результате болезни картофеля от голода умер 1 млн человек. В других европейских странах этого уже не было). Но, начиная с определенного момента, сельское хозяйство Запаदा резко интенсифицируется. И бывают, естественно, годы с большими или меньшими урожаями, но голодовок не бывает. Голодовка — это функция от низкого уровня агрикультуры в стране.

Однако переходом к интенсификации сельского хозяйства должны заниматься государство и общество, если они до этого дозрели. Во Франции, Бельгии, Германии, даже тогдашней Италии, не говоря о США, сельскохозяйственное просвещение населения брало на себя государство. Это целая отдельная тема.

А в России ничего похожего не было. Власть, как говорилось, боялась любого образования. Агронмия выпадала и из сферы внимания подавляющего большинства земств. При этом, конечно, были выдающиеся в этом смысле земства, прежде всего, земства новороссийских и малороссийских губерний (Херсонское, Екатеринославское, Харьковское, Полтавское, несколько других. А вот земства центрально-черноземных губерний, нечерноземных губерний за небольшими исключениями уделяли сельскому хозяйству мало внимания. И только с началом столыпинской аграрной реформы, когда ГУЗИЗ пообещало земствам кредиты на развитие агрономической помощи, история агрономического просвещения России вошла в новую стадию.

Чтобы минимизировать изложение, приведу несколько цифр, впрочем, еще не окончательных. С 1907 по 1912 гг. число правительственных агрономов, агрономов при землеустроительных комиссиях, выросло со 141 до 1400, земских — с примерно 600 до 3300.

Деятельность последних падала на более подготовленную почву, потому что в стране к началу Мировой войны было примерно 3,5 тыс. сельскохозяйственных обществ, причем, как правило, обществ малого района, которые охватывали одну или несколько деревень, могли охватывать волость и т. д.

Развивалось и внешкольное сельскохозяйственное образование. В 1905 г. на сельскохозяйственных курсах было 2 тыс. слушателей, а в 1912 г. — 58 тыс. Множество источников говорит о том, что в массе курсисты (так это тогда называлось), возвращаясь домой, становились учителями для односельчан. На эту тему можно очень много говорить, бездна свидетельств этого рода. В 1905 г. на сельскохозяйственных чтениях, которые проводили агрономы, присутствовало 32 тыс. слушателей. 1905 г., может быть, не самый удачный год в плане начала отсчета статистики (крестьяне другим были заняты), но, тем не менее, в 1912 г. (мы не знаем пока цифр за 1913 г.) — это 1 (один!) млн слушателей (*Бруцкус*, 1922: 98–99; *Давыдов*, 2003: 448–563).

Столыпинская аграрная реформа стала началом агротехнологической революции в России. Достаточно посмотреть на динамику перевозок сельскохозяйственных машин в России. В 1901 г. железнодорожные перевозки сельхозмашин составили 8,8 млн пудов, в 1902 г. — 10,7 млн, в 1909 г. — 21,5 млн, а в 1913 г. — 34,5 млн пудов. За немногие годы Столыпинской реформы в этом смысле произошли очень серьезные сдвиги, которые были только началом (*Давыдов*, 2003, 301-448). И хотя само по себе применение сельхозтехники не во всех случаях является индексом подъема агрикультуры, но в данном случае как раз речь идет именно о начале качественно иной стадии в жизни русской деревни (и я могу это легко показать и доказать). Схожа динамика (даже в количественном отношении) перевозок сельскохозяйственных удобрений, хотя здесь ситуация несколько иная. Все-таки удобрения в российской деревне к началу Мировой войны не стали еще повсеместным явлением.

Приведенные цифры рисуют вполне определенные перспективы реформы и, соответственно, страны, хотя это и типичный «рост с нуля».

Но цифрами, говорил академик Б. В. Раушенбах, можно измерить то, что поддается измерению.

А как измерить масштаб перемен, который начал происходить в душе многих тысяч крестьян по отношению к окружающему миру, в том числе к основе своего существования — сельскому хозяйству? А эти перемены вполне определенно начались.

Приведу лишь одно мнение (из множества подобных) на этот счет. Оно принад-

лежит русскому крестьянскому писателю-самородку С. Т. Семенову, который внимательно следил за новыми явлениями в жизни деревни. В частности, он так описывал изменения, происшедшие в хозяйстве живших по соседству, в том же Волоколамском уезде Московской губернии, крестьян: «После того, как я первый раз был на С-ких хуторах, прошло три года. Мне снова понадобилось поехать в С. Дело было в июне. Весна была ранняя. Снег согнало еще в марте. Но в апреле и мае наступили холода и засуха. Плохо шла рожь. Яровые только что всходили, и всходы были пестрые, с большими плешинами, и шли они туго. Трава была заметна в низине да кустах. Общинный скот в попутных деревнях перешел уже на пар, где совсем нечего было взять. Лошади рвались в хлеб и клевер, коровы, возвратившись домой, ели подстилку и мало давали молока. Мужики тужили и боялись недорода. Уже начали распродавать скот, цены на который, по сравнению с вешними ценами, упали довольно значительно.

И только я миновал знакомый лесок и выехал на обрытую канавами дорогу среди отрубов, как передо мною раскрылась совсем новая картина. Как будто здесь был другой климат. Рожь на отрубных участках стояла стеной и напоминала старые годы. Особенно поражал первый участок, где край десятины, засеянный рожью, сбегал в низину. А в низинах-то рожь в этот год и пропала. Здесь же она была такою, как у нас говорят, «хоть борону подставляй». Веселее, чем везде, глядели клевера, дружной всходили овсы и льны. Покосные участки в низинах были разделаны и засеяны овсом с викой, в которые, вероятно, были пущены многолетние травы. Был уже кое-где вывезен и запахан навоз. В особо отведенных углах ходили привязанными лошади, паслись коровы. Их пастбище было куда лучше деревенских пастбищ, и сам скот имел сытый и спокойный вид. И построек на отрубях уже было больше. Росли сараи и риги. Около последних лежали ометы соломы. Вдали, направо, красовалось обширное жилое помещение, около которого паслось 6 штук крупного скота. Особенно хороши участки были ближе к селу. Почти весь хлеб был так хорош, что обещал незаурядный урожай.

Невольно меня потянуло на хутора, навестить моих старых знакомых... Побывши с час в селе, где я, между прочим, узнал, что открытое тогда кредитное и молочное товарищество действует отлично, — для с-цев прошедшей зимой устраивались курсы по молочному делу, где слушатели не только слушали лекции, но и участвовали в практических работах по новым способам ухода за скотом и молоком, — и что заречная слобода С., оставшаяся при первом выделе при общинном пользовании и перешедшая на широкие полосы, нарушает прежнее владение и переходит на отруба...

Есть у нас хутора и кроме С-ких. Особенно много их под уездным городом. Бывал я и на этих хуторах. И в большинстве случаев, у всех новых хозяев на первых же порах замечал одно обстоятельство, это быструю освоенность с более культурными приемами хозяйствования. Почти всем хуторянам достаются запольные, заброшенные, тощие земли. И все-таки на этих землях урожайность идет лучше, чем на деревенских полях. Вся площадь дружно разрабатывается. Корчуются пни, осушаются и распахиваются болота, проводятся каналы, везде вводится осенняя вспашка, более правильный сев и более правильная вывозка и запашка навоза. У многих стремление развести садик, завести пчелок. Есть хозяева, которые отвели под сады довольно большую площадь своей земли и засаживали их по указанно и под руководством агронома.

И где я ни бывал, нигде не наблюдалось ни грусти, ни тоски, не слышалось ни жалоб, ни сожаления о переходе, хотя иногда положение было очень трудное. Всех наполняла удивительная бодрость.

Почему у новых хозяев такая бодрость, — мне намекнул один хуторянин. Мы, — говорит он, — как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на век вечный. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет...

Во всей жизни деревни и у нас можно найти отрицательные стороны. Шло и разрасталось пьянство, получившее в последнее время перед запрещением полную свободу для своего развития. Все более и более исчезает старинное понятие о нравственности. Молодежь может вести себя не так скромно, как в былые времена. Но на фоне этой темной декорации ярко выделяются явления несомненного сознательного отношения ко многому, что я и отмечаю в своих наблюдениях. Все описанные мною проявления крестьянского хозяйственного творчества не выискивались мной, а все это само шло на меня. И я наивозможно беспристрастно сообщаю их читателям. Такое течение в крестьянской трудовой жизни мне лично очень уверенно свидетельствует, что мы живем перед началом гораздо лучшего будущего. И, кто знает, может быть, это будущее откроет перед нами такие перспективы, при одном представлении которых забудется и не совсем хорошее настоящее и печальной памяти прошлое» (Семенов, 1915: 57–58, 62, 69–70).

Модернизация П. А. Столыпина, которая продолжалась и после его гибели, открывала перед Россией совершенно новые перспективы, и на этом пути страна не знала бы ни ГУЛАГа, ни «Большого скачка», ни «Большого террора»...

Революция 1917 г., на мой взгляд, трагическая случайность.

Здесь, после всего сказанного, уместно, видимо, вспомнить комментарий Н. С. Розова от 16 ноября, в котором он упрекает Б. Н. Миронова за якобы «нежелание дать свое объяснение глубочайшего кризиса 1905... и катастрофы 1917–1918 гг.» и т. д. Прочитав мой текст, он, видимо, вновь задаст вопрос в том смысле, что если все было благополучно, почему же произошла революция и укоризненно повторит: «Неужели опять все сваливается на неудачи в войнах?».

Во-первых, ни один историк в здравом уме никогда не скажет, что **все** где-либо или когда-либо находилось в порядке или, напротив, беспорядке. **«Все подробности»** — это из стилистически не слишком образованного современного телевидения. Мы же ведем речь совсем о другом.

Во-вторых, задам встречный вопрос — а три соседние с Российской империи — Германская, Австро-Венгерская и Османская в 1918 году тоже рухнули от недоедания? Или были, возможно, какие-то другие причины?

Может быть, революция 4 сентября 1870 г. (а затем и Парижская коммуна) возникла от перебоев в снабжении, а не после поражения при Седане, когда во время капитуляции французские солдаты ломали свои сабли и кричали об измене? Или Розов полагает, что на фоне, предположим, известий о победах в Маньчжурии, о разгроме японцев при Порт-Артуре и пр. к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. двинулись бы люди, чем-то недовольные, чего-то требующие? Что рабочие поддались бы на провокационную агитацию?

Революции, конечно, происходят не только после проигранных войн, но весьма часто происходят и после них, потому, что при прочих равных они **деморализуют** нацию и явно демонстрируют несостоятельность Власти.

Но поражение поражению рознь, а в истории все конкретно! Как и в частной жизни участников этой дискуссии.

Розов как «теоретик», снисходящий до роли арбитра в споре «эмпириков», должен

понимать, что в жизни почти любой страны почти в любое время в латентном виде есть предпосылки как для подъема, так и для упадка, в том числе и для революции.

То, что можно условно назвать «народной ненавистью» (на термине я не настаиваю) к тем, кого крестьяне считают виноватыми («угнетателями» и т. п.) во многих странах (но не везде!) рано или поздно как-то прорывается и народ пытается дружно мстить и за предков, и за себя, и «просто так».

Это — одна из констант истории. В скрытом (или не очень скрытом) виде она есть почти *везде* и почти *всегда*, и она покрывает, понятно, огромный пласт жизни. Накал ее может колебаться в зависимости от социального «самочувствия» субъектов ненависти, или — что то же самое — уровня недовольства окружающей действительностью, которое эту ненависть может обострять, стимулировать или, напротив, отодвигать на периферию и т. д.

Типологически едва ли не главный вопрос тут в мере потрясений, в количестве пролитой крови. Это может быть Великая Французская революция, а может быть революция 1848–1849 гг., скажем, в германских землях. Страна может оставить в стороне французский вариант, прорепетированный когда-то в России под прозаическим названием Пугачевщины, а может и не пройти мимо него; 1905 год недвусмысленно показал, что для России это — вполне реальный вариант.

История «устроена» так, что «народная ненависть» может прорваться, а может и не прорваться (это зависит от многих причин, в том числе и от силы Власти в данный конкретный момент), хотя до конца никуда не исчезнет (см., в частности, канал «Euronews»). Однако если возможность прорваться возникла — она непременно будет реализована, что и случилось в России в 1917 г.

Более того. В жизни любой страны всегда был, есть и будет конгломерат проблем и противоречий разной степени сложности и остроты, которые переживаются, перемалываются ею в одних случаях, и сокрушают ее в других.

Порох при правильном обращении может храниться веками. Но если, условно говоря, жарить в пороховом погребе яичницу, то результат этой процедуры вполне предсказуем.

И поэтому ключевой вопрос состоит в том, **что именно** становится детонатором, взрывающим привычную жизнь.

Для России в 1917 г. им стала безнадежно проигрываемая война со всеми многочисленными последствиями, о которых сейчас нет возможности говорить.

Н. С. Розов, полагаю, во время войны в Афганистане, с которой начался распад той страны, в которой все участники дискуссии родились и выросли, определенно вышел из школьного возраста и должен многое помнить. А ведь эта война не была тотальной войной, как Первая мировая война, во время которой было мобилизовано порядка 14 миллионов мужчин (минимум 80% которых были крестьянами), два с половиной года сидевших в окопах от Балтики до Черного моря во время **проигрываемой войны** (во многом опять-таки из-за недостатка «дальновидности» и «мудрости» тех, кто руководил Россией), которые после отречения «Хозяина земли Русской», капитулировавшего перед хлебным бунтом в своей столице, оказались просто **в другом мире и с оружием в руках!**

Иногда нации сплачиваются после поражений, как Россия после тяжело переживавшихся Аустерлица и Тильзита, как СССР в 1941–1942 гг. и побеждают врага, но иногда этого не происходит.

А ведь начнись Первая мировая война даже в 1915 г., не говоря о 1916, ее исход для России и вся наша (и не наша) жизнь были бы другими.

Здесь уместно, как мне кажется, привести мнения двух современников, хорошо

знавших Николая II, что, возможно, побудит некоторых участников дискуссии глубже ознакомиться с тем, что, по их мнению, **ничего не объясняет**.

В. И. Гурко, повествуя о трагических событиях, связанных с отступлением русской армии в 1915 г., в частности, пишет: «Вновь и вновь Совет министров обращается с соответствующими представлениями к государю: власть царя в то время еще всемогуща, но пользоваться ею в порядке действительном он все меньше решается. На мольбы министров о созыве военного совета он отвечает неизменно (одно и) то же: «погодите», «со временем». Сознавая свое слабование, государь, очевидно, опасался, что под напором всего правительственного синклита он вынужден будет принять какое-либо определенное решение, но именно этого он не желал». Гурко делает к этому сообщению в высшей степени важное примечание: «Известный психиатр Карпинский, пользовавшийся царскую семью, положительно утверждал, что, наблюдая за государем, он пришел к убеждению, что Николай II страдает душевной болезнью, именуемой в медицине негативизмом. Болезнь эта состоит в том, что пациент проявляет в общем сильный упадок воли в отношении противодействия решениям, принимаемым другими лицами даже в делах, касающихся его самого, и проявляет крайнее упорство в смысле отрицательном, а именно отказываясь лично предпринять какие-либо действия в любом направлении. Болезнь эта сопровождается обычно развитием недоверия ко всем лицам, что-либо исполняющим для больного и с которыми он вообще вынужден иметь дело» (Гурко, 2000: 672).

Недоверие царь не испытывал, по крайней мере, к одному человеку — к Александре Федоровне. С. Ю. Витте считает воздействие на Николая II его жены в полном смысле слова роковым: «**Если бы государь имел волю**, то такая жена, как Александра Федоровна, была бы соответственная. Она жена императора — и только. Но несчастье в том, что государь безвольный. Кто может на него иметь прочное и непрерывное влияние? Конечно, только жена. К тому же она красива, с волею, отличная мать семейства, может быть, она была бы неприятна **для царя с волей**, но не для нашего царя. В конце концов она забрала в руки государя. Несомненно, что она его любит, желает ему добра — ведь в его счастья ее счастье. Но, может быть, она была бы хорошею советчицею какого-либо супруга — немецкого князька, но является пагубнейшею советчицею самодержавного владыки Российской империи. В конце концов она приносит несчастье себе, ему и всей России... Подумаешь, от чего зависят империя и жизни десятков, если не сотен миллионов существ, называемых людьми» (Витте, 2002. Т. 2: 367–368).

А ведь Витте не дожидаясь апогея «распутинщины»!

Витте характеризовал Николая II как человека «со слабой умственной и моральной натурой, но, главным образом, исковерканной воспитанием, жизнью и особенно ненормальностью его Августейшей супруги» (Витте, 2002. Т. 2: 203). О «ненормальности» Александры Федоровны автор говорит неоднократно, лишь однажды упоминая о диагнозе: болезнь нервно-психологического характера, которой императрица болела уже много лет (Витте, 2002. Т. 2: 685).

Впрочем, нужны ли пространные комментарии после трагикомической истории с мнимой беременностью царицы? В некотором роде предшественник Распутина, известный доктор Филипп, внушил ей, что у нее будет сын. Она этому поверила. В последние месяцы мнимой беременности Александра Федоровна начала носить старые платья, перестала надевать корсет и т. д. Придворные заметили, что она сильно потолстела. Царь радовался, о беременности императрицы сообщили официально. Теперь все ждали количества залпов со стен Петропавловской крепости, чтобы определить

пол ребенка. Лейб-акушер профессор Отт переселился со своим персоналом в Петергоф. Однако роды все не начинались. В итоге Отт добился возможности осмотреть царицу и сообщил, что она не беременна и *не была* беременна.

Резюме этой истории Витте более всего похоже на «крик души»: «Если какой-либо шарлатан может внушить женщине, что она забеременела, и женщина под этим внушением находится девять месяцев, то **что** тот или иной проходимец **не может** внушить такой особе? А раз ей что-либо внушено, то сие внушение передается ее безвольному, но прекрасному мужу, а этот муж неограниченно распоряжается судьбою величайшей империи и благосостоянием, и даже жизнью 140 млн человеческих душ, т. е. божественными искорками Всевышнего» (*Витте*, 2002. Т. 1: 660).

Характер Николая II — закономерность или случайность? А его влияние на историю?

Вообще следует заметить, что в настоящей дискуссии есть явный диссонанс между уровнем владения теоретическим материалом и уровнем знания проблем истории той страны, которую эти теории должны объяснить.

Полагаю, что та или иная теория, претендующая на объяснение хода истории, должна помочь организовать множество конкретных фактов в некую логически непротиворечивую структуру, которая сделает яснее, понятнее и т. д. изучаемые процессы (как это безусловно делает, например, теория модернизации). Однако в данном случае при том явно недостаточном уровне владения фактами русской истории и ее историографией, который фиксируется в представленных материалах, сделать это едва ли это возможно.

Состоявшийся обмен мнениями ясно показывает правоту Б. В. Раушенбаха, в своих последних книгах немало написавшего о двух типах мышления, логическом и вне-логическом, и о том, как трудно представителям «точного знания» понимать то, что логически не описывается или описывается не всегда.

С давних времен человечество пыталось вывести «формулу истории». Это так соблазнительно, а желание найти «сезам» так понятно! С. Ю. Витте в этих случаях говорил, что «это слишком по-человечески».

И каких только моделей, теорий не было и нет — на любой вкус! При этом я вовсе не хочу сказать, что все они бесполезны. Отнюдь. Но у каждой из них есть свои границы применения.

История, среди прочего, наука о людях. В данном случае ее, в частности, можно рассматривать как описание совокупной жизнедеятельности огромных масс людей.

В этом качестве какие-то ее части, фрагменты, какие-то компоненты, *безусловно*, можно объяснить логически, поэтому в истории есть несколько «простых» аксиом. Однако в совокупности История *далеко не всегда* объясняется рационально и далеко не все ее слагаемые можно измерить.

Как измерить готовность народа к революции? Как посчитать меру его терпения?

Обсуждаемые проблемы очень сложны, как вообще невероятно сложна История.

Цитируя тонкую стилистическую находку Н. С. Розова, «большая макроисторическая правда», полагаю, состоит не в том, чтобы подгонять факты под теорию (в роде «здесь наиболее адекватны веберовские идеи Сковпол и Коллинза, а также миросистемные идеи А. Г. Франка и И. Валлерстайна») или уж тем паче придумывать их, а в том, чтобы построить теорию, объясняющую, систематизирующую и т. д. эти факты.

Для этого надо «всего лишь» быть на уровне изучаемых событий и проблем.

И помнить, что никакой коэффициент, условно говоря, не отменит факта восхода солнца.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

О перевозках хлеба в порты Черного и Азовского морей в 1893–1913 гг.

В данном тексте сделана попытка определить размеры получения хлебных грузов портами Черного и Азовского морей в 1893–1913 гг. и в связи с этим — роль гужевого подвоза в этом процессе.

Начальная дата исследования определяется фактом возобновления в 1893 г. хлебного экспорта, прекращенного из-за голода 1891–1892 гг.

Хлеб мог поступать в порты по железной дороге, по речным путям, по морю и гужем. Соответственно, основными источниками являются данные «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», «Статистических сборников МПС» и содержащиеся в «Обзорах внешней торговли по Европейской и Азиатской границам» статистика экспорта хлеба из России и статистика морских перевозок малым каботажем, под которым понимаются перевозки внутри бассейна Черного и Азовского морей, а также Дуная¹.

Исзуемая тема находится на периферии внимания исследователей. Во всяком случае, после выхода в 1966 г. монографии В. А. Золотова «Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в.» специально к этой проблематике советские и российские историки не обращались, хотя отдельные связанные с нею сюжеты анализировались в историографии².

В первую очередь нам необходимо определить величину общего получения хлебных грузов крупными и средними портами региона.

При анализе железнодорожной транспортировки неприятной проблемой являются перевозки внутри Одесского городского узла. Он включал несколько станций — Одесса-Главная, Одесса товарная, Одесса-Пересыпь, Одесса-Застава, Одесса-порт, Одесса-городская станция, Одесса-Газовый завод и др. Перевозки между ними учитывались «Сводной статистикой» не вполне обычно, и непоследовательность сотрудников Статистического отдела Департамента железнодорожных дел Министерства финансов весьма затрудняет работу с источниками, агрегирующими информацию «Сводной статистики», например, «Материалами к пересмотру торгового договора»³

В данной работе нами перевозки внутри Одесского узла *не* учитываются. Вместе с тем это создает проблемы при анализе круга губерний-поставщиков хлеба в Одессу. Дело в том, что по непонятным причинам в «Материалах по пересмотру торгового договора» в одних случаях — как в 1901, 1903, 1908, 1910 г. — получение Одессы не включает перевозки внутри города, а в других — как в 1902, 1909, 1911 гг. — напротив, включает их.

¹ Эта статистика еще не была предметом специального источниковедческого исследования. Опыт ее использования в нашей работе следует оценить позитивно и он позволяет высказать некоторые соображения в пользу ее надежности, однако этот опыт пока не следует абсолютизировать

² *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., Алетейа. 2010.

³ Подробнее см.: *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 60–63.

Водные перевозки — речные и морские (малым каботажем) играли очень важную и сложную роль в функционировании хлебного рынка Юга России. Отправители использовали и рельсовые пути, и речные, и морские, и смешанные — водно-железнодорожные (или наоборот). Водная транспортировка обходилась несравненно дешевле железнодорожной, тем более, что, как известно, виттевская система железнодорожных тарифов относительно удорожала перевозку именно на сравнительно небольших — по российским критериям — расстояниях. Хлеб мог перегружаться с железной дороги на реку (например, с железнодорожной станции Александровск на пристань Александровск на Днестре), с железной дороги на морские суда, с реки на железную дорогу (пристань и станция Варница на Днестре и др.), а также с речных судов на морские (в Аккермане, в Херсоне и др.).

Особенно большое значение водная транспортировка имела в снабжении хлебом Одессы, Николаева, Херсона и Ростова.

Проблема Одессы и Херсона

Водным путем хлеб в Одессу поступал с запада и с востока.

С запада — в первую очередь из Бессарабской губернии по рекам Днестру и Пруту, а также малым каботажем. Хлеб из северных уездов Бессарабской губернии шел за границу по железной дороге в основном в Австро-Венгрию через Новоселицы в Львов (Лемберг) или Краков.

Из центральных уездов Бессарабской губернии хлеб по железной дороге или по Днестру направлялся в Одессу. В зависимости от количества воды в реке баржи и паромы с хлебом доходили до Одессы за 4–6 недель, что было дешевле перевозки по железной дороге на 4 коп. с пуда. Однако такая транспортировка считалась «слишком неудобной, так как хлеб долго находится в пути, мокнет и сыреет, а в баржах нагревается; случается, что паромы тонут»¹. Возможно поэтому и сплав хлеба по Днестру относительно невелик — по данным «Статистических сборников МПС» примерно 2 млн пуд. ежегодно прибывало на пристань Варницу, откуда он, видимо, перегружался на соседнюю железнодорожную станцию Бендеры Юго-Западных железных дорог.

Из южных и припрутских уездов Бессарабской губернии зерно водным путем направлялось с русских берегов баржами вверх по р. Дунаю (Измаил, Килия, Рени, Бургас) в Галац и Сулин (Румыния) или по Бендеро-Галацкой линии Юго-Западных железных дорог — из прилегающих к ней местностей — в Рени или в Одессу.

Лященко отмечает, что около 80% хлеба южных уездов вывозилось на иностранных судах (баржи) по Пруту и Дунаю в румынский порт Галац в 18 верстах выше порта Рени на Дунае. В Галаце русский хлеб перегружался на иностранные пароходы, которые через Сулинский канал вывозили его в Западную Европу².

А примерно 20% хлеба южных уездов вывозилось судами Русско-Дунайского пароходства через порт Рени на Одессу и далее за границу. Из Рени хлеб подвозился на иностранных баржах в румынский Сулин, где он перегружался на морские пароходы. Иногда в порт Рени заходят иностранные пароходы, которые нагружают хлеб для непосредственного отправления в конечные пункты назначения.

С 1906 г. Русское пароходство начало вывозить хлеб в Одессу из припрутских райо-

¹ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 92.

² Там же.

нов смешанным морским и речным путем на расстояние до 288 миль — в Рени хлеб перегружался с речных барж на морские суда¹.

С востока хлеб водным путем поступал в Одессу из Днепровско-Бугского лимана.

Реки Южный Буг, на котором расположен Николаевский порт, и Днепр с Херсонским портом впадают в этот лиман, который является обширным заливом северной части Черного моря. Длина лимана идущего почти по прямому направлению с запада на восток — около 60 км².

Обширный хлебородный район Днепра ниже порогов всегда активно использовал свой естественный дешевый водный путь. И несмотря на то, что Херсон еще не был экспортным (отпускным, как тогда говорили) портом и что стоимость хлеба удорожалась накладными расходами по перегрузке и доставке его в Одессу, этот район за 1891–1900 гг. отправлял из гирла ежегодно в среднем по 750 тыс. т разных товаров, главным образом, свыше 500 тыс. т хлеба³.

П. А. Лященко пишет, что Южный Буг и его верховая пристань Вознесенск, отправлявший до 12 млн пуд. хлеба, привлекали «громадное количество грузов с соседней Подольской губернии»⁴. Статистика речных перевозок показывает, что количество хлеба, отправленное вниз по Южному Бугу, в целом совпадает с получением Николаева.

Из днепровских пристаней важнейшей был Александровск Екатеринославской губернии, куда хлеб прибывал транзитом даже из внутренних губерний Европейской России по железной дороге, и гужем из соседних местностей для дальнейшей перегрузки и переотправки вниз по Днепру к Херсону в количестве примерно 10 млн пуд.⁵ Это, кстати, препятствует определению губернской принадлежности части хлеба, который учитывают речные перевозки. До всех портов хлеб доставлялся в течение трех-пяти, максимум — семи дней⁶.

Порядка 3 млн пуд. отправлял вниз по Днепру Никополь и пристани Таврической губернии — Каховка, Лепетиха (Таврическая губерния), Берислав, Качкарровка (Херсонская губерния), которых отправляли хлеб из окрестных районов.

Для сплава по Днепру зерно грузилось насыпью в деревянные суда («берлины») и железные баржи, которые вмещали от 10 до 40 тыс. пуд. зерна. Из нескольких таких груженых зерном судов составлялся караван, который тянул сильный пароход. От Каховки до Херсона такой караван в зависимости от погоды шел 24–36 часов.

Лященко говорит, что были случаи, когда некоторые крупные хозяева-зерновладельцы на собственных судах перевозили свой хлеб прямо в порты — «но такие случаи, конечно, более редки»⁷.

Поэтому при анализе перевозок в Одессу нам не обойтись без сведений о каботажных перевозках хлеба каботажем из малых портов западной части Северного Причерноморья.

При этом «Статистические сборники Министерства путей сообщения», содержащие данные о получении хлеба в Херсоне, Николаеве и Ростове, а также «Обзоры

¹ Там же. С. 92–93.

² Министерство торговли и промышленности. Отдел торговых портов. Труды отдела торговых портов. выпуск XXIV. Приморские торговые порты Европейской России. Белое, Балтийское, Черное и Азовское моря. СПб., 1908. Глава Черное море. С. 48.

³ Там же. С. 63.

⁴ Лященко П. И. Хлебная торговля... С. 81.

⁵ Там же. С. 81, 119.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 131.

внешней торговли России», дающие сведения о малом каботаже, сообщают не вполне однородные сведения. Статистика Министерства путей сообщения дает информацию о ржи, пшенице, овсе, ячмене, муке ржаной и муке пшеничной, гречке и пшене. «Обзоры внешней торговли» сверх этого сообщают также сведения о кукурузе и других хлебах. Однако с этим недостатком мы должны примириться, тем более что львиная доля перевозок, как следует из приводимых ниже таблиц, приходилась на главные хлеба.

Наибольшие сложности представляет вопрос о поступлении на рынок хлеба с пристаней нижнего течения Днепра.

С одной стороны, у нас есть данные о привозе хлебных грузов по Днепру в Херсон, а с другой, — сведения об отправлении хлеба портами Черного и Азовского морей малым каботажем, а также о привозе их по морю в Одессу (см. таблицу 1).

В «Статистических сборниках МПС» к данным о получении Херсона всегда делается стандартное примечание: «В прибытие Херсона входят грузы, как разгружавшиеся в самом Херсоне, так и прошедшие мимо в Одессу и другие порты Черного моря».

В самом Херсоне разгружалось незначительное количество хлебных грузов. Ключевой вопрос в том, куда и в каком объеме шла подавляющая масса остального хлеба.

Сопоставление данных о привозе хлеба в Херсон по Днепру и об отправлении хлеба из Херсона по морю малым каботажем показывает, что до 1905 г. они очень близки — в первую очередь по главным хлебам, — причем вывоз хлеба из Херсона, как правило, несколько больше его прибытия в него.

Таблица 1

Сопоставление прибытия хлебных грузов в Херсон по р. Днепр и отправления хлеба из Херсона малым каботажем (тыс. пуд.).

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Остальные хлеба	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1893	4779	18541	278	9709	515	33822
1893	6173	20821	271	11538		39187
1894	10368	17409	83	7452	515	35827
1894	13085	21644	254	11638		47619
1895	10447	26445	117	10981	1215	49205
1895	10169	26209	160	10060		47637
1896	5828	19724	287	8907	504	35250
1896	7013	24854	246	10128		42781
1897	3705	18444	328	9142	362	31981
1897	4654	22032	330	10429		37065
1898	3734	18045	350	11312	765	34206
1898	4180	16728	363	10824		33189
1899	2972	12256	601	10105	1188	27122
1899*	3759	12731	310	7140	0	24769
1900	2768	9341	180	3210	762	16261
1900	3337	8733	257	3456		16348
1901	2865	9412	200	4164	2432	19073
1901	5226	9162	150	5030		19568

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
1902	10331	13177	140	8275	977	32900
1902	11266	13433	79	8686		33464
1903	11352	28216	238	13123	2022	54951
1903	11247	28652	376	13820		56392
1904	7272	30155	514	16820	1532	56293
1904	6511	33891	539	16847		59890
1905	5664	29093	440	10989	1287	47473
1905	4046	24389	520	6615	1047	36617
1906	4491	13852	47	8644	1808	28842
1906	3134	13325	100	3411	1154	21124
1907	5973	20846	32	7804	1247	35902
1907	775	3242	6	638	962	5623
1908	2359	14561	100	13557	1325	31902
1908	378	1935	49	326	1	2689
1909	1496	24824	219	12697	1454	40690
1909	41	678	99	7	80	905
1910	4725	21786	131	20832	2250	49724
1910	569	824	45	6	7	1451
1911	5454	25986	342	27097	1577	60456
1911	170	1312	31	5	17	1535
1912	1161	8799	73	7872	370	18275
1912	169	1852	20	9	1033	3083
1913	3546	15960	329	28684	1990	50509
1913	57	1515	126	390	1653	3741

Источник: «Статистические сборники МПС»; «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам».

Примечание: верхняя строка за каждый год — получение Херсоном хлеба, поступившего по Днепру, нижняя строка курсивом — отправление хлеба из Херсона малым каботажем.

* В РНБ хранится дефектный экземпляр «Обзора внешней торговли России» за 1899 г., в силу чего реальные сведения об отправлении хлеба из Херсона малым каботажем отсутствуют. Мне пришлось аппроксимировать данные за 1898 и 1900 гг.

Следовательно, мы вправе считать, что хлеб, который статистика МПС показывает как прибывший в Херсон по Днепру, затем практически весь перегружался на пароходы и следовал до Одессы, притом что какое-то количество зерна, разумеется, поступало в Херсон и из окрестных селений гужем.

Так продолжалось до 1901 г., когда Херсон стал превращаться в полноценный вывозной пункт, поскольку его порт стал доступен для судов с осадкой около 16–17 футов. Уже в 1902 г. статистика внешней торговли показывает экспорт из Херсона, хотя продолжались и перевозки малым каботажем в Одессу.

С этого времени разрыв между получением хлеба по реке и отправлением его по морю начинает увеличиваться. В 1902 г. оно составлял 564 тыс. пуд., в 1903 г. —

1441 тыс. пуд., в 1904 г. — 3597 тыс. пуд., в 1905 г. — 10856 тыс. пуд., в 1906 г. — 7718 тыс. пуд., а в 1907 г. — уже 30279 тыс. пуд.

То есть, лишь с 1905 г. наши источники позволяют считать такую разницу получением нового порта на Черном море и включать в итоговую статистику подвоза хлебных грузов к портам Черного и Азовского морей. Конечно, это вынужденное допущение, однако иной вариант едва ли возможен.

Таблица 2

**Вывоз хлебных грузов каботажем из портов западной части
Черного моря и суммарный привоз их в Одессу
в 1893–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Хлеб	Вывезено из портов							Всего вывезено	Привоз в Одессу
	Рени	Измаил	Киуля	Аккерман	Очаков	Николаев	Херсон		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1893									
Пшеница	13	55	54	787	823	222	20821	22775	23365
Рожь	2	18	3	180	853	5	6173	7234	7690
Ячмень	4	64	186	4218	1034	31	11538	17075	17797
Овес		5	4	124	7	32	271	443	452
Кукуруза		48	69	3	53	114	384	671	465
Всего	19	190	316	5312	2770	3091	40231	51929	49769
1894									
Пшеница			23	2140	1243	107	21644	25157	25748
Рожь				1047	1185	264	13085	15581	16070
Ячмень				3283	1099	10	11638	16030	16434
Овес				35	15	11	254	315	330
Кукуруза				1414			108	1522	1564
Всего		8	65	7966	3641	652	47619	59951	62332
1895									
Пшеница				4746	975	48	26209	31978	32497
Рожь				968	885	23	10169	12045	12317
Ячмень				3564	549	23	10060	14196	14485
Овес				28	14	1	160	203	214
Кукуруза				646	35		44	725	757
Всего		1	51	9953	2485	160	47637	60287	62681
1896									
Пшеница			81	2518	1175	18	24854	28646	28758
Рожь			41	817	429		7013	8300	8353
Ячмень			13	929	562	9	10128	11641	11687
Овес				10	38	37	246	331	337
Кукуруза				598				598	656
Всего		61	208	4873	2211	149	42781	50283	51965

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
1897											
Пшеница		4	4	1611	657	24	22032	24332	24619		
Рожь		8	7	68	269	362	4654	5368	5418		
Ячмень		9	2	3775	722	85	10429	15022	15426		
Овес				117	60	4	330	511	533		
Кукуруза				372				372	470		
Всего	2	25	66	5947	1713	593	37065	45411	48686		
1898											
Пшеница		12	21	1304	412	22	16728	18499	19202		
Рожь				59	277	41	4180	4557	4974		
Ячмень		4	15	3708	684		10824	15235	15912		
Овес		4		144	33	6	363	550	625		
Кукуруза				1764			51	1815	1832		
Всего	2,2	26	105	6985	1440	298	33189	42045,2	45253		
1900											
Пшеница	41	80	1	460,5	154	9	8733	9478,5	9706		
Рожь	12			46	66	1	3337	3462	3729		
Ячмень	2		3	2766	171	5	3456	6403	6529		
Овес				177	18	9	257	461	483		
Кукуруза				622				622	752		
Всего	78	104	63	4121	425	186	16348	21325	23153		
<i>Хлеб</i>	<i>Вывезено из портов</i>									<i>Всего вывезено</i>	<i>Привоз в Одессу</i>
	<i>Рени</i>	<i>Измаил</i>	<i>Килия</i>	<i>Аккерман</i>	<i>Очаков</i>	<i>Николаев</i>	<i>Херсон</i>	<i>Хорлы</i>	<i>Бакал</i>		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1901											
Пшеница	1	45	45	2095	377	70	9162			11795	11831
Рожь		40	72	247	272	115	5226			5972	6130
Ячмень	16	85	229	3431	480	429	5030			9700	9760
Овес		3	0,2	280	4	8	150			445,2	462
Кукуруза		130	168	1354			27			1679	1680
Всего	17	303	514,2	7407	1133	622	19595			29591,2	29863
1902											
Пшеница	21	32	250	1915	202	87	13433			15940	15370
Рожь	13	38	80	125	129	34	11266			11685	11278
Ячмень	4	20	165	2775	219	93	8686			11962	12108
Овес	2		0,5	44	0,3	1	79			126,8	139
Кукуруза		10	0,7	1776	6	51	171			2014,7	2844
Всего	40	100	496,2	6635	556,3	266	33635			41728,5	41739

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1903											
Пшеница	15	84	223	1916	112	76	28652			31078	30527
Рожь	5	17	5	199	58	11	11247			11542	11453
Ячмень			358	4810	378	50	13820			19416	20014
Овес				274		4	376			654	632
Кукуруза			92	1557	4		298			1951	1922
Всего	20	110	719	8978	559	263	56392			67041	68257
1904											
Пшеница	44	58		413	197	18	33891	10		34631	31538
Рожь	10	11	1	36	33	1	6511		2	6605	5470
Ячмень	11		77	1326	294		16847		93	18648	17281
Овес	7			97	1	9	539	18	1	672	656
Кукуруза	33	16	43	1261		7	512			1872	1847
Всего	110	100	167	3228	531	252	59890	28	96	64402	61153
1905											
Пшеница	45	0,6	189	1244	81	3818	24389	21	202	29989,6	24877
Рожь	295	36	67	55	5		4046	7	11	4522	4162
Ячмень	30	1,5	72	3356	170		6615	8	229	10481,5	10351
Овес	8			87	1	12	520		9	637	616
Кукуруза		19	68	11		3	8			109	433
Всего	377	64	416	4784	265	262	36617	37	451	43273	43315
1906											
Пшеница	105	34	314	4261	159	12	13325	13	808	19031	17560
Рожь	78	103	30	492	111	70	3134	47	105	4170	4667
Ячмень	36	63	111	4939	354	3	3411	13	943	9873	9160
Овес	2			53		25	100	3	3	186	163
Кукуруза			93	207		4	14			318	485
Всего	225	313	572	10216	671	466	21124	78	1859	35524	34624
1907											
Пшеница	5	120	553	1063	67	28	3242	112	1152	6342	5936
Рожь	5	172	74	171	25	108	775	2	39	1371	1401
Ячмень	6	289	919	3422	326	3	638	16	499	6118	6150
Овес		1	1	16		9	6	2		35	100
Кукуруза	49	532	390	3206	4	14	146			4341	4951
Всего	66	1161	1965	8077	426	469	5623	136	1689	19612	20065
1908											
Пшеница	1	45	45	2095	377	70	9162			11795	11831
Рожь		40	72	247	272	115	5226			5972	6130

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ячмень	16	85	229	3431	480	429	5030			9700	9760
Овес		3	0,2	280	4	8	150			445,2	462
Кукуруза		130	168	1354			27			1679	1680
Всего	17	303	514,2	7407	1133	622	19595			29591,2	29863
1909											
Пшеница	21	32	250	1915	202	87	13433			15940	15370
Рожь	13	38	80	125	129	34	11266			11685	11278
Ячмень	4	20	165	2775	219	93	8686			11962	12108
Овес	2		0,5	44	0,3	1	79			126,8	139
Кукуруза		10	0,7	1776	6	51	171			2014,7	2844
Всего	40	100	496,2	6635	556,3	266	33635			41728,5	41739
1910											
Пшеница	15	84	223	1916	112	76	28652			31078	30527
Рожь	5	17	5	199	58	11	11247			11542	11453
Ячмень			358	4810	378	50	13820			19416	20014
Овес				274		4	376			654	632
Кукуруза			92	1557	4		298			1951	1922
Всего	20	110	719	8978	559	263	56392			67041	68257
1911											
Пшеница	44	58		413	197	18	33891	10		34631	31538
Рожь	10	11	1	36	33	1	6511		2	6605	5470
Ячмень	11		77	1326	294		16847		93	18648	17281
Овес	7			97	1	9	539	18	1	672	656
Кукуруза	33	16	43	1261		7	512			1872	1847
Всего	110	100	167	3228	531	252	59890	28	96	64402	61153
1912											
Пшеница	45	0,6	189	1244	81	3818	24389	21	202	29989,6	24877
Рожь	295	36	67	55	5		4046	7	11	4522	4162
Ячмень	30	1,5	72	3356	170		6615	8	229	10481,5	10351
Овес	8			87	1	12	520		9	637	616
Кукуруза		19	68	11		3	8			109	433
Всего	377	64	416	4784	265	262	36617	37	451	43273	43315
1913											
Пшеница	105	34	314	4261	159	12	13325	13	808	19031	17560
Рожь	78	103	30	492	111	70	3134	47	105	4170	4667
Ячмень	36	63	111	4939	354	3	3411	13	943	9873	9160
Овес	2			53		25	100	3	3	186	163
Кукуруза			93	207		4	14			318	485
Всего	225	313	572	10216	671	466	21124	78	1859	35524	34624

Источник: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 189.. год.

Что же касается каботажного привоза хлеба в Одессу, то из таблицы 2 следует, что сумма каботажного отправления хлеба из небольших портов и Херсона северо-западной части Черного моря достаточно близка к величине общего привоза хлебных грузов в Одессу малым каботажем. Разумеется, это не дает нам оснований считать, что весь хлеб из перечисленных в таблицах пунктов всегда строго отправлялся в Одессу. Определенно это можно утверждать применительно к Аккерману и Херсону. Однако едва ли можно сомневаться в том, что это касалось значительной его части, отправлявшейся и из других портов, поскольку эта информация подтверждает данные нарративных источников.

Поэтому итоговые показатели Одессы (таблица 5) получаются сложением, с одной стороны, данных о железнодорожном получении (таблица 3), а с другой, — данных о получении малым каботажем (таблица 4).

Таблица 3

**Железнодорожное получение хлебных грузов Одессой в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

<i>Годы</i>	<i>Рожь</i>	<i>Пшеница</i>	<i>Овес</i>	<i>Ячмень</i>	<i>Остальные хлеба</i>	<i>Всего</i>
1893	5973	17834	4081	18357	12029	58274
1894	8365	17208	3443	11142	36624	76782
1895	7398	28285	2355	6512	15343	59893
1896	4420	29474	1765	2560	9668	47887
1897	2897	14695	1069	5520	10029	34210
1898	2955	18637	1323	7778	21968	52661
1899	3437	13237	2002	3578	17777	40031
1900	3539	8852	1562	1244	8925	24122
1901	5994	20961	2331	6105	20947	56338
1902	6581	32233	2367	4591	37915	83687
1903	8177	42299	2341	6958	22244	82019
1904	6885	33717	1978	5014	14065	61658
1905	5593	25134	1614	3069	5886	41296
1906	12694	38439	1755	8296	13055	74239
1907	1935	7791	2442	10132	34932	57232
1908	711	3331	1811	6905	24346	37104
1909	2368	12026	2210	10487	23554	50645
1910	7036	19681	1706	9608	20253	58284
1911	5590	8930	1968	15054	49759	81301
1912	2407	6562	1902	6997	19691	37559
1913	2204	9256	1775	20391	14686	48312
Всего	107159	408581,5	43799,5	170297,5	433696	1163534
Баланс хлебов (%)	9,2	35,1	3,8	14,6	37,3	100,0

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189.. год.

Таблица 4

**Получение хлебных грузов Одессой каботажом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

<i>Годы</i>	<i>Рожь</i>	<i>Пшеница</i>	<i>Овес</i>	<i>Ячмень</i>	<i>Остальные хлеба</i>	<i>Всего</i>
1893	7690	23365	452	17797	465	49769
1894	16070	25748	330	16434	3750	62332
1895	12317	32497	14485	214	3168	62681
1896	8353	28758	337	11687	2830	51965
1897	5418	24619	533	15426	2690	48686
1898	4974	19202	625	15912	4540	45253
1899	3099	12402	683	9794	4635	30613
1900	3729	9706	483	6529	2706	23153
1901	6130	11831	462	9760	1680	29863
1902	11278	15370	139	12108	2844	41739
1903	11453	30527	632	20014	5631	68257
1904	5470	31538	656	17281	6208	61153
1905	4162	24877	616	10351	3309	43315
1906	4667	17560	163	9160	3074	34624
1907	1401	5936	100	6150	6478	20065
1908	666	3260	98	5190	2993	12207
1909	304	1556	132	8004	3251	13247
1910	1635	5392	156	8709	1657	17549
1911	876	3059	202	10137	3741	18015
1912	652	2364	218	5325	4461	13020
1913	652	5166	221	10877	5614	22530
Всего	110996	334733	21723	226859	75725	770036
Баланс хлебов (%)	14,4	43,5	2,8	29,5	9,8	100,0

Источник: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 189.. год.

Таблица 5

**Суммарное получение хлебных грузов Одессой в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

<i>Годы</i>	<i>Рожь</i>	<i>Пшеница</i>	<i>Овес</i>	<i>Ячмень</i>	<i>Остальные хлеба</i>	<i>Всего</i>
1	2	3	4	5	6	7
1893	13663	41199	4533	36154	12494	108043
1894	24435	42956	3773	27576	40374	139114
1895	19715	60782	16840	6726	18511	122574
1896	12773	58232	2102	14247	12498	99852
1897	8315	39314	1602	20946	12719	82896
1898	7929	37839	1948	23690	26508	97914
1899	6536	25639	2685	13372	22412	70644
1900	7268	18558	2045	7773	11631	47275

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
1901	12124	32792	2793	15865	22627	86201
1902	17859	47603	2506	16699	40759	125426
1903	19630	72826	2973	26972	27875	150276
1904	12355	65255	2634	22295	20273	122810,5
1905	9755	50011	2230	13420	9195	84611
1906	17361	55999	1918	17456	16129	108863
1907	3336	13727	2542	16282	41410	77297
1908	1377	6591	1909	12095	27339	49311
1909	2672	13582	2342	18491	26805	63892
1910	8671	25073	1862	18317	21910	75833
1911	6466	11989	2170	25191	53500	99316
1912	3059	8926	2120	12322	24152	50579
1913	2856	14422	1996	31268	20300	70842
Всего	218155	743314,5	65522,5	397156,5	509421	1933570
Баланс хлебов (%)	11,3	38,4	3,4	20,5	26,3	100,0

Намного проще случаи Николаева и Ростова — здесь достаточно просто суммировать данные железнодорожного и речного получения — по рекам Южному Бугу и Дону.

Таблица 6

Железнодорожное получение хлебных грузов Николаевом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Остальные хлеба	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1893	1423	11503	2602	6240	640	22408
1894	4620	16309	1833	9826	1906	34494
1895	7445	20773	1391	6464	2274	38347
1896	7763	22189	1190	4082	2056	37280
1897	4898	22534	367	3122	2599	33520
1898	3094	20459	543	3141	1236	28473
1899	4132	9489	2496	3207	1364	20688
1900	4757	4310	1831	1103	998	12999
1901	7218	10823	2688	5543	996	27268
1902	19762	25549	3467	7467	1510	57755
1903	15274	31660	4100	10195	1657	62886
1904	10706	31131	6912	8499	1694	58942
1905	6138	30602	9723	6803	1731	54997
1906	7314	28746	7129	15292	1839	60320
1907	4050	7310	5976	11280	1626	30242

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7
1908	336	9075	7592	13833	2858	33694
1909	4010	44212	10827	17931	3349	80329
1910	6277	40603	4459	20996	3140	75475
1911	8208	16140	5115	22640	4989	57092
1912	4130	8484	4971	18761	3030	39376
1913	4664	9938	3899	27775	4718	50994
Всего	136219	421839	89110,5	224200	46210	917579
Баланс хлебов (%)	14,8	46,0	9,7	24,4	5,0	100,0

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189.. год.

Таблица 7

**Речное получение хлебных грузов Николаевом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Остальные хлеба	Всего
1893	1526	2831	54	5183		9594
1894	5277	6937	92	8199		20505
1895	4683	8645	45	7048		20421
1896	5196	8205	69	4075		17545
1897	2105	7373	16	6339		15833
1898	1507	5930	14	7188		14639
1899	718	3729	1	2158		6606
1900	2196	3297		2241		7734
1901	5776	6387	32	5912		18107
1902	6577	8841	35	4719	29	20201
1903	4879	10767	4	8221	42	23913
1904	1322	6236	21	5431	41	13051
1905	1148	3552	20	2935		7655
1906	7516	7397	10	9915	23	24861
1907	1434	4506	6	10288	12	16246
1908	327	3032	69	12344	7	15779
1909	1487	6391	6	13676	6	21566
1910	2350	4420	0	14230	11	21011
1911	1145	2452	7	12586	26	16216
1912	671	1108	21	8730	6	10536
1913	1598	1939	45	17725	787	22094
Всего	59438	113975	567	169143	990	344113
Баланс хлебов (%)	17,3	33,1	0,2	49,2	0,3	100,0

Источник: Статистические сборники МПС.

Таблица 8

**Суммарное получение хлебных грузов Николаевом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

<i>Годы</i>	<i>Рожь</i>	<i>Пшеница</i>	<i>Овес</i>	<i>Ячмень</i>	<i>Остальные хлеба</i>	<i>Всего</i>
1893	2949	14334	2656	11423	640	32002
1894	9897	23246	1925	18025	1906	54999
1895	12128	29418	1436	13512	2274	58768
1896	12959	30394	1259	8157	2056	54825
1897	7003	29907	383	9461	2599	49353
1898	4601	26389	557	10329	1236	43112
1899	4850	13218	2497	5365	1364	27294
1900	6953	7607	1831	3344	998	20733
1901	12994	17210	2720	11455	996	45375
1902	26339	34390	3502	12186	1539	77956
1903	20153	42427	4104	18416	1699	86799
1904	12028	37367	6933	13930	1735	71993
1905	7286	34154	9743	9738	1731	62652
1906	14830	36143	7139	25207	1862	85181
1907	5484	11816	5982	21568	1638	46488
1908	663	12107	7661	26177	2865	49473
1909	5497	50603	10833	31607	3355	101895
1910	8627	45023	4459	35226	3151	96486
1911	9353	18592	5122	35226	5015	73308
1912	4801	9592	4992	27491	3036	49912
1913	6262	11877	3944	45500	5505	73088
Всего	195657	535814	89677,5	393343	47200	1261692
Баланс хлебов (%)	15,5	42,5	7,1	31,2	3,7	100,0

Таблица 9

**Железнодорожное получение хлебных грузов Ростовом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

<i>Годы</i>	<i>Рожь</i>	<i>Пшеница</i>	<i>Овес</i>	<i>Ячмень</i>	<i>Остальные хлеба</i>	<i>Всего</i>
1	2	3	4	5	6	7
1893	2271	14001	863	4326	1616	23077
1894	2818	10404	847	4011	1469	19549
1895	3912	11140	1130	3641	2328	22151
1896	1921	10393	705	1882	2988	17889
1897	2012	8373	568	768	2337	14058
1898	2618	9493	383	1933	1784	16211

Окончание таблицы 9

1	2	3	4	5	6	7
1899	4148	8876	673	4645	1612	19954
1900	4559	10918	889	2748	1722	20836
1901	2846	11899	691	2444	1212	19092
1902	3628	14815	768	5586	2069	26866
1903	3629	23291	960	5554	3020	36454
1904	3274	23969	699	5820	1918	35679
1905	2918	24646	437	6086	816	34903
1906	1373	21297	542	5129	1253	29594
1907	3693	16610	628	6067	945	27943
1908	641	17649	579	7760	989	27618
1909	1775	37392	640	11523	905	52235
1910	2387	43895	886	11621	1143	59932
1911	2227	24660	1036	7698	1292	36913
1912	706	31051	920	5981	1349	40007
1913	1085	37890	1127	7620	1594	49316
Всего	54441	412662	15971	112843	34361	630276,5
Баланс хлебов (%)	8,6	65,5	2,5	17,9	5,5	100,0

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189.. год.

Таблица 10

**Речное получение хлебных грузов Ростовом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Остальные хлеба	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1893	1020	3459		369	97	4945
1894	4589	3550	74	2284		10497
1895	9621	6582	88	2761		19052
1896	7565	10255	33	1589		19442
1897	9643	13689	24	1449	134	24939
1898	10638	12734	36	847	132	24387
1899	11749	8403	225	2983		23360
1900	12365	9983	1059	2747	24	26178
1901	8597	10115	403	1757	2	20874
1902	8871	8854		3559	3	21287
1903	8466	14303	65	6902	913	30649
1904	10880	17550	55	8953	84	37522
1905	10558	19031	599	7086	73	37347
1906	2902	7778	387	3230	96	14393

Окончание таблицы 10

1	2	3	4	5	6	7
1907	7963	2423		4204	49	14639
1908	7004	5126		8160	74	20364
1909	5047	12662	66	10461	165	28401
1910	2794	23689	5	13919	83	40490
1911	4235	13563	4	8438		26240
1912	3674	6109		5359	67	15209
1913	4427	12903		8856	45	26231
Всего	152608	222761	3123	105913	2041	486446
Баланс хлебов (%)	31,4	45,8	0,6	21,8	0,4	100,0

Источник: Статистические сборники МПС.

Таблица 11

**Суммарное получение хлебных грузов Ростовом в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Остальные хлеба	Всего
1893	3291	17460	863	4695	1713	28022
1894	7407	13954	921	6295	1469	30046
1895	13533	17722	1218	6402	2328	41203
1896	9486	20648	738	3471	2988	37331
1897	11655	22062	592	2217	2471	38997
1898	13256	22227	419	2780	1916	40598
1899	15897	17279	898	7628	1612	43314
1900	16924	20901	1948	5495	1746	47014
1901	11443	22014	1094	4201	1214	39966
1902	12499	23669	768	9145	2072	48153
1903	12095	37594	1025	12456	3933	67103
1904	14154	41519	754	14773	2002	73201
1905	13476	43677	1036	13172	889	72250
1906	4275	29075	929	8359	1349	43987
1907	11656	19033	628	10271	994	42582
1908	7645	22775	579	15920	1063	47982
1909	6822	50054	706	21984	1070	80636
1910	5181	67584	891	25540	1226	100422
1911	6462	38223	1040	16136	1292	63153
1912	4380	37160	920	11340	1416	55216
1913	5512	50793	1127	16476	1639	75547
Всего	207048,5	635422,5	19094	218756	36402	1116723
Баланс хлебов (%)	18,5	56,9	1,7	19,6	3,3	100,0

Понятно, что эти сведения заведомо неполны, ибо не учитывают гужевую транспортировку хлеба.

Впрочем, в нашем распоряжении есть некоторые данные, которые позволяют составить общее представление о ее размерах. Они, понятно, зависели от сугубо конкретных причин, — от насыщенности ближайшего региона железнодорожной сетью, от размеров «полосы притяжения» порта, от уровня сельского хозяйства соседних с портом регионом, от развитости торговой инфраструктуры этой местности и т. д., — словом, от всего сложнейшего комплекса причин, определявших ход хлебной торговли в данном порте в данное время.

В. А. Золотов пишет, что с постройкой железных дорог перевозки гужем потеряли прежнее значение, однако в силу того, что районы торгового земледелия непосредственно примыкали к южным портам, немалая часть хлеба подвозилась гужевым транспортом, тем более, что перегрузка на станциях стоила денег. Тарифная система, созданная С. Ю. Витте, в отличие от владельцев подвод, слабо дифференцировала плату на небольшие расстояния, поэтому иногда грузовладельцы предпочитали смешанной транспортировке гужем и железными дорогами исключительно гужевую перевозку на всем пути следования товара¹.

Заслуживает внимания сообщение Золотова о том, что, согласно архивным данным, в 1897 г. высота специального тарифа Владикавказской железной дороги стимулировала гужевые перевозки и что «особенно много хлеба гужем доставляли крестьяне и казаки, которые не в состоянии были отправлять хлеб по железной дороге; десятки и даже сотни верст везли они хлеб по степным дорогам»². К сожалению, неясно, о каком именно тарифе и о каких расстояниях говорит автор, но сам по себе факт гужевой перевозки грузов на 100–150 верст в России того времени сомнений не вызывает.

Со ссылкой на сведения Ростовского комитета торговли и мануфактур, Золотов пишет, что в 1880-е гг. в Ростов ежегодно привозилось гужем не менее 10 млн пуд. хлеба, т. е. от 20 до 50% всего городского привоза зерна, а в 1898 г. это число составило 9,12 млн пуд. По данным Таганрогского комитета торговли и мануфактур, гужевой подвоз хлеба в 1890-х гг. составлял 3,25–3,5 млн пуд. ежегодно, в Николаев в 1882–1884 гг. — 6 млн пуд., т. е. 38% тогдашнего привоза хлеба³.

Большой интерес представляет таблица, построенная Золотовым на информации Отчетов Одесского комитета торговли и мануфактур. В числе прочего, в этой таблице интересен перепад между показателями 1892 г. и 1893 г., когда возобновился экспорт — 500 тыс. пуд. и 20 млн пуд.

В 1900 г. гужем было доставлено в Одессу, «по-видимому, около 8 млн пуд., или 14,18% (общего привоза хлеба — М. Д.); в 1899 г. привезено было, кажется, еще меньше — около 3 млн пуд.; в предшествующие годы доставка гужем бывала весьма значительно; например, в 1898 г. — 29 млн пуд.»⁴ В 1901 г. аналогичные показатели составили «около 10,5 млн пуд., или 11,17%»⁵.

¹ Золотов В. А. Хлебный экспорт России... С. 77.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

⁴ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1900 г. Одесса. 1901. С. 29.

⁵ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1901 г. Одесса. 1902. С. 25.

Таблица 12

**Гужевой подвоз хлеба в Одессу,
по данным Одесского комитета торговли и мануфактур**

<i>Год</i>	<i>тыс. пуд.</i>	<i>% ко всему привозу</i>
1892	500	1,1
1893	20000	19,3
1894	31000	18,9
1895	12000	11,1
1896	10500	9,5
1897	17500	19,4
1898	29000	25,9
1899	3000	4,4

Источник: Золотов В. А. Хлебная торговля ... С. 78.

К сожалению, 1901 г. был последним годом, когда небольшой раздел «Пути питания одесского рынка» фигурирует в Отчетах комитета торговли и мануфактур.

Впрочем, из Отчета за 1906 г. мы узнаем, что в 1905 г. подводами было доставлено в Одессу 15088 тыс. пуд. (22,6% всего подвоза), а в 1906 г. — даже 57951 тыс. пуд., т. е. 61,4% (!) всего привоза в Одессу¹. Эта гигантская цифра, безусловно, следствие беспорядков на железных дорогах во время революции 1905–1907 гг., в которой Одесса играла не последнюю роль. В то же время мы видим гибкую реакцию хлебного рынка на трудности революционного времени.

К сожалению, других данных о гужевой транспортировке хлеба в Одессу в Отчетах вплоть до 1913 гг. обнаружить не удалось.

Весьма важную информацию сообщает П. А. Лященко: «За последнее время в районах, тяготеющих к портам, резко изменилось соотношение между количеством зерна, поступающего на экспорт с гужевого привоза и с железной дороге. Раньше, лет 5–6 назад, 75% хлебного экспорта в азовских портах шло с гужевого привоза, ныне же $\frac{3}{4}$ его покрывается вагонным поступлением.

Такой перемене способствовало проведение 2-й Екатерининской железной дороги, развитие скупки при железнодорожных станциях в уезде, образование причалов с амбарами для скупки в приморских селах (в Урзуфе и Ялте, Мариупольском уезде, на Кривой и Безымянной косах Таганрогского округа). Причины эти сказались благоприятно как операциях хлеботорговцев, сократив расходы по скупке (до 10 к. с четверти), так и на сбыте хлебного зерна производителей, облегчив им сбыт (экономия времени, уменьшение затрат на поездки)»².

В принципе о том, что значение гужевой транспортировки хлеба в азовские порты было велико, можно было говорить утвердительно и без всяких подсчетов — хотя бы по показателям экспорта из Бердянска до соединения его с железнодорожной сетью страны (см. ниже). Однако мнение Лященко весьма важно и интересно, и мы можем

¹ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1906 г. Одесса. 1907 г. С. 44–45.

² Лященко П. А. Хлебная торговля... С. 118.

его проверить. Для этого необходимо лишь сопоставить наши сведения о подвозе в порты и экспорте оттуда главных вывозных хлебов — ржи, пшеницы и ячменя, на долю которых падало, как правило, не менее 70% всего экспорта России (см. таблицы 1–2 в основном тексте).

Выращивался этот хлеб преимущественно в Новороссии и Предкавказье. Хозяйственная деятельность зернового хозяйства причерноморских губерний во многом была как бы замкнута на вывозные порты. Из множества имеющихся в нашем распоряжении свидетельств, говорящих о том, как влиял экспорт хлеба на аграрное развитие Новороссии, приведем характеристику сельскохозяйственной ситуации, данную в 1912 г. агрономом Землеустроительной комиссии по Мариупольскому уезду Екатеринославской губернии: «Хозяйственная жизнь уезда быстро развивалась и претерпевала значительные изменения, заметные в коротких промежутках времени. Население уезда увеличивалось: ...в 1886 г. — 155 тыс., в 1901 — 208 тыс., в 1910 — 246 тыс. С увеличением населения началась усиленная распашка целинных земель, многолетних перелогов, выгонов и сенокосов. Отдыхавшие прежде по несколько лет под толокой и сенокосами пахотные участки стали ежегодно поступать под посевы, в силу чего в настоящее время наблюдается почти полное отсутствие сенокосов... Вместе с этим наблюдавшееся ранее разнообразие посевных хлебов сменилось резким преобладанием пшеницы и ячменя, и уезд был поставлен в полную зависимость от рынка, а не от собственных потребностей натурального хозяйства населения. Почти совершенно исчезли озимая пшеница, просо, овес, сократились посевы озимой ржи.

Сокращение всех этих хлебов поглотилось увеличением посевов ячменя. Яровая пшеница сохранила свое преобладающее значение. В последние годы заметно расширение посевов кукурузы». Структуру посевов изменила прежде всего «самая выгодная в рыночном отношении комбинация посевов яровой пшеницы и ячменя»¹. Схожая картина наблюдалась и в других районах Новороссии.

Характерная особенность транспортировки хлебных грузов в южные порты — близость так называемых районов тяготения, т. е. местностей, из которых поставлялась основная часть хлеба; это отличало таможни Причерноморья от остальных пограничных пунктов европейской границы. Дальность железнодорожного пробега примерно 90% всего привозимого в порты хлеба не превышала 500 верст; эта цифра, понятно, снижается до примерно 80% у Новороссийска, отделенного горами от ближайших хлеботородных местностей.

Порты Черного и Азовского морей Россия были главным экспортным регионом, через который Россия вывозила основные объемы главных экспортных культур — ржи, пшеницы и ячменя.

Как можно видеть из таблицы 13, за 1894–1913 гг. через порты Черного и Азовского морей было вывезено 88,5% всей пшеницы, 93,6% всего ячменя, 69,4% всей ржи и 12,0% овса, а также две трети основного из второстепенных хлебов — кукурузы (см. таблицу 14).

¹ Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1912 г. Екатеринослав, 1913. С. 169–170.

Таблица 13

**Вывоз главных хлебов из портов Черного и Азовского морей
относительно их экспорта из России (тыс. пуд. и%)**

Годы	Экспорт пшеницы			Экспорт ржи			Экспорт овса			Экспорт ячменя		
	через порты	весь экспорт	доля портов	через порты	весь экспорт	доля портов	через порты	весь экспорт	доля портов	через порты	весь экспорт	доля портов
1894	194478	204284	95,2	67816	80970	83,8	8092	94394	8,6	139174	152984	91,0
1895	222601	237108	93,9	67737	91292	74,2	3497	66738	5,2	98383	108166	91,0
1896	196975	219496	89,7	44055	79255	55,6	3296	67512	4,9	72519	81532	88,9
1897	168062	213270	78,8	43582	73484	59,3	2668	43615	6,1	80475	89406	90,0
1898	134493	177481	75,8	33172	66906	49,6	1640	25263	6,5	95184	106235	89,6
1899	97587	107892	90,4	31169	60659	51,4	3952	28461	13,9	67863	74491	91,1
1900	101208	116739	86,7	41923	93221	45,0	7157	80033	8,9	49495	53550	92,4
1901	120601	138512	87,1	49793	82732	60,2	7990	80307	9,9	73447	77581	94,7
1902	175171	186030	94,2	74140	98220	75,5	5957	63315	9,4	98118	104139	94,2
1903	242257	254835	95,1	69879	82220	85,0	9642	59479	16,2	139532	145482	95,9
1904	244108	280781	86,9	43298	60048	72,1	10496	53957	19,5	144763	151701	95,4
1905	262985	293731	89,5	47413	59668	79,5	15729	127098	12,4	132288	138023	95,8
1906	207071	219926	94,2	55930	65363	85,6	13369	69468	19,2	140517	148724	94,5
1907	139486	141281	98,7	36809	45163	81,5	7384	26092	28,3	125223	132573	94,5
1908	87822	89601	98,0	20418	24902	82,0	8755	29359	29,8	154434	161278	95,8
1909	252673	314469	80,3	22550	35499	63,5	15259	74663	20,4	208500	219202	95,1
1910	311908	374590	83,3	35244	40538	86,9	8017	83947	9,6	235080	244702	96,1
1911	208435	240545	86,7	45454	53874	84,4	8126	85130	9,5	243792	262638	92,8
1912	149286	161020	92,7	20978	30596	68,6	5053	51799	9,8	148847	168708	88,2
1913	178240	203256	87,7	25735	39470	65,2	3945	36604	10,8	229342	239708	95,7
Всего	3695447	4174847	88,5	877095	1264080	69,4	150024	1247234	12,0	2676976	2860823	93,6

Источник: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 189... год.

Таблица 14

**Экспорт кукурузы из главных вывозных портов в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд. и%)**

Год	Экспорт из России	Экспорт из				Всего	Доля
		Одессы	Новороссийска	Поти	Батума		
1	2	3	4	5	6	7	8
1894	58259	35147	2054	0	0	37201	63,9
1895	25612	11183	2274	4038	525	18020	70,4
1896	12935	4534	708	287	99	5628	43,5
1897	21160	7765	741	1641	472	10619	50,2

Окончание таблицы 14

1	2	3	4	5	6	7	8
1898	46317	19313	520	2296	465	22594	48,8
1899	28609	15487	130	1695	334	17646	61,7
1900	19057	6236	2646	2125	1291	12298	64,5
1901	29711	13476	1824	1619	1421	18340	61,7
1902	68461	39857	5895	1443	503	47698	69,7
1903	39310	17365	4192	2347	531	24435	62,2
1904	28895	11407	6656	883	91	19037	65,9
1905	11432	1508	2891	1551	265	6215	54,4
1906	15321	3249	2445	1171	512	7377	48,1
1907	59913	34747	11574	122	314	46757	78,0
1908	36511	21528	3005	644	189	25366	69,5
1909	41143	19619	5072	2208	1277	28176	68,5
1910	27425	11272	3566	1824	1443	18105	66,0
1911	81813	41706	7730	3899	2318	55653	68,0
1912	46968	17079	3293	1329	1215	22916	48,8
1913	35511	9105	8825	1991	869	20790	58,5
Всего	734363	341583	76041	33113	14134	464871	63,3

Источник: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 189... год.

Получение хлебных грузов отдельными портами

Как распределялся привезенный хлеб по конкретным портам?

Как известно, в пореформенное время главным средством доставки хлеба в порты стали железнодорожные дороги. Они значительно расширили географию русского экспорта. Большинство портов, деятельность которых рассматривается в главе, в 1893 г. уже было соединено с железной дорогой. В Бердянск она была проведена в 1899 г., в Керчь — в 1900 г., в Херсон — в 1907 г., в Ейск — в 1911 г. При этом к 1897 г. закончилась международная торговля в Севастополе, который, например, в 1894 г. получил хлеба больше, чем Новороссийск.

Исходя из размеров торговой деятельности, порты Черного и Азовского морей можно разделить на три группы. В первую входят наиболее крупные — Одесса, Николаев, Ростов и Новороссийск. Во вторую — Феодосия, Геническ, Бердянск, Мариуполь и Таганрог. В третью — Севастополь, Керчь, Ейск, Поти и Батум, данные о которых в общих таблицах суммированы в графе «остальные порты» (см. таблицу 22); данные о железнодорожном получении Херсона не рассматриваются ввиду его незначительности.

За 1893–1913 гг. учтенный подвоз хлебных грузов к портам Черного и Азовского морей по железной дороге составил 4641,5 млн пуд., а по водным путям — 1888,4 млн пуд., а всего 6529,9 млн пуд.

О распределении этих объемов по отдельным портам можно судить по таблице 15.

Таблица 15

**Суммарное получение хлебных грузов портами Черного и Азовского морей
в 1893–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Год	Одесса	Николаев	Херсон	Феодосия	Генчическ	Бердянск	Мардуполь	Таганрог	Ростов	Новоросс	Остальные порты	Всего
1893	108043	32002		3198	1610		4448	8364	28022	29268	27561	242516
1894	139114	54999		5855	1644		4247	6907	30046	30002	36027	308841
1895	122574	58768		5031	2560		5821	6944	41203	38440	21286	302627
1896	99852	54825		8607	2067		6358	7241	37331	37186	11233	264700
1897	82896	49353		11123	2067		4315	6728	38997	16636	4318	216433
1898	97914	43112		14386	2118		3616	7990	40598	18253	3632	231619
1899	70644	27294		7039	667	1486	3619	4387	43314	22000	3545	183995
1900	47275	20733		8043	908	1068	2220	4680	47014	33508	4066	169515
1901	86201	45375		6506	463	691	1671	2330	39966	35526	4302	223031
1902	125426	77956		16785	387	2227	7381	4008	48153	42787	3527	328637
1903	150276	86799		18474	2227	5764	8687	7053	67103	46030	4788	397201
1904	122811	71993		19009	1786	8130	11535	8927	73201	42484	4291	364164
1905	84611	62652	10936	19543	1345	10496	14383	10800	72250	38937	3794	329747
1906	108863	85181	7771	15788	834	11910	8090	7634	43987	46561	4610	341229
1907	77297	46488	30279	10245	2383	3504	4772	6968	42582	47718	2930	275166
1908	49311	49473	29213	9838	2027	5366	6127	9745	47982	40361	3575	253018
1909	63892	101895	39785	19751	3857	14370	16156	20951	80636	84945	5507	451745
1910	75833	96486	48273	22002	6591	19203	24028	30724	100422	75556	4895	504013
1911	99316	73308	58921	20363	7293	13239	15427	16711	63153	67511	11629	446871
1912	50579	49912	15855	11427	3413	5016	14929	13136	55216	47730	14877	282090
1913	70842	73088	46768	15018	5908	4125	15085	12334	75547	71902	22097	412714
Всего	1933570	1261692	287801	268031	52155	106595	182915	204561,5	1116723	913340,5	202490	6529872
Баланс	29,6	19,3	4,4	4,1	0,8	1,6	2,8	3,1	17,1	14,0	3,1	100,00
Тренд	-2175	1843	2559	621	193	657	699	615	2186	2281	-469	9010

Таблица 16

**Получение хлебных грузов «остальными портами» в 1893–1913 гг.
(тыс. пуд.)**

Год	Севастополь	Керчь	Поти	Батум	Ейск	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1893	24898		2393	270		27561
1894	34143		1472	412		36027
1895	17988		2613	685		21286
1896	10790		258	185		11233
1897	2573		1080	665		4318
1898	1625		1160	847		3632
1899	1570		1123	852		3545

Окончание таблицы 16

1	2	3	4	5	6	7
1900	1532		844	1690		4066
1901	1251	108	1235	1708		4302
1902	1541	190	825	971		3527
1903	1822	215	1759	992		4788
1904	1912	141	1446	793		4291
1905	2001	67	1132	594		3794
1906	1836	924	911	939		4610
1907	1515	637	198	580		2930
1908	1566	675	565	769		3575
1909	1987	541	1702	1277		5507
1910	2449	247	1016	1183		4895
1911	2309	746	2643	1738	4193	11629
1912	2454	714	956	1667	9086	14877
1913	2916	905	1263	1524	15489	22097
Всего	120678	6110	26593,5	20341	28768	202490

Первое место среди портов ожидаемо занимает Одесса, получившая 1933,6 млн пуд., или 29,6% общего итога, затем следует Николаев с показателем 1261,7 млн пуд., или 19,3%, Ростов с 1116,7 млн пуд., или 17,1%, Новороссийск с 913,3 млн пуд., или 14,0%; вместе на эти четыре порта пришлось 5225,3 млн пуд., т. е. 80,0% общего итога.

Пятую позицию занимает Херсон — 287,8 млн пуд. (4,4% всего получения), затем идут Феодосия — 268,0 млн пуд. (4,1%), Таганрог — 204,6 млн пуд. (3,1%), Мариуполь — 182,9 млн пуд. (2,8%), Бердянск — 105,6 млн пуд. (1,6%) и Геническ — 52,2 млн пуд. (0,8%). Из числа «остальных портов» больше Геническа получил Севастополь, однако он, как мы знаем, перестал быть вывозным с 1896 г.

При этом нельзя не заметить, что средний ежегодный прирост получения хлеба Одессой и «остальными портами» имеет отрицательное значение — 2175 тыс. и — 469 тыс. пуд. (из-за прекращения экспорта хлеба из Севастополя).

Таблица 17

**Среднее ежегодное получение всех хлебных грузов портами
Черного и Азовского морей в 1893–1913 гг. (тыс. пуд.)**

Годы	Одесса	Николаев	Херсон	Феодосия	Геническ	Бердянск	Мариуполь	Таганрог	Ростов	Новорос- сийск	Остальные порты	Всего
1893–1898	108399	48843	0	8033	2011	0	4801	7362	36033	28298	17343	261123
1899–1903	95964	51631	0	11369	930	2247	4716	4492	49110	35970	4046	260476
1904–1908	88579	63157	15640	14885	1675	7881	8981	8815	56000	43212	3840	312665
1909–1913	72092	78938	41920	17712	5412	11191	17125	18771	74995	69529	11801	419487

Таблица 18

То же в процентах

Годы	Одесса	Николаев	Херсон	Феодосия	Генчак	Бердянск	Маріуполь	Таганрог	Ростов	Новорос- сийск	Остальные порты	Всего
1893–1898	41,5	18,7	0,0	3,1	0,8	0,0	1,8	2,8	13,8	10,8	6,6	100,0
1899–1903	36,8	19,8	0,0	4,4	0,4	0,9	1,8	1,7	18,9	13,8	1,6	100,0
1904–1908	28,3	20,2	5,0	4,8	0,5	2,5	2,9	2,8	17,9	13,8	1,2	100,0
1909–1913	17,2	18,8	10,0	4,2	1,3	2,7	4,1	4,5	17,9	16,6	2,8	100,0

Таблицы 17 и 18 сообщают нам об основных переменах на хлебном рынке Северного Причерноморья. Одесса безусловно теряет первенство — подвоз хлебных грузов в нее уменьшается и по абсолютной, и по относительной величинам. В 1909–1913 гг. она — лишь третья после Николаева и Ростова и незначительно опережает идущий четвертым Новороссийск.

Напротив, средние показатели остальных портов стабильно растут.

Нельзя не отметить также, что в 1893–1898 гг. Одесса и Николаев в сумме получили 60,2% всех хлебных грузов, а в 1909–1913 гг. вместе с Херсоном, который теперь экспортировал большую часть хлеба, который раньше шел в Одессу, 46,0%. Это — довод в пользу более интенсивного развития экспорта из портов Азовского моря.

Таблица 19

То же, принимая показатели 1893–1898 гг. за 100%

Годы	Одесса	Николаев	Херсон	Феодосия	Генчак	Бердянск	Маріуполь	Таганрог	Ростов	Новорос- сийск	Остальные порты	Всего
1893–1898	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1899–1903	88,5	105,7		141,5	46,3	100,0	98,2	61,0	136,3	127,1	23,3	99,8
1904–1908	81,7	129,3	100,0	185,3	83,3	350,7	187,1	119,7	155,4	152,7	22,1	119,7
1909–1913	66,5	161,6	268,0	220,5	269,1	498,0	356,7	255,0	208,1	245,7	68,0	160,6

Из таблицы 19 нетрудно видеть, что интенсивность хлебной торговли в отдельных портах различается, при этом показатели портов Азовского моря и Новороссийска растут быстрее, чем Николаева, не говоря об Одессе, получение которой снижается ровно на треть в сравнении с 1893–1898 гг.

Перейдем к сопоставлению величин получения и экспорта трех главных хлебов, и начнем со средних по объемам вывоза портов с относительно небольшим местным потреблением.

Таблица 20

Феодосия: Получение и экспорт трех главных хлебов. (тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля подвоза
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	подвоз	экспорт	
1893	21	1673	1072	1	2368	1037	2100,0	70,7	103,4	2766	3406	81,2
1894	45	3430	1597	81	5380	2609	55,6	63,8	61,2	5072	8070	62,9
1895	61	2367	1539	79	3937	2190	77,2	60,1	70,3	3967	6206	63,9
1896	56	4494	2668	60	5532	3738	93,3	81,2	71,4	7218	9330	77,4
1897	304	6909	2697	202	7285	3678	150,5	94,8	73,3	9910	11165	88,8
1898	511	6645	4586	477	7780	4877	107,1	85,4	94,0	11742	13134	89,4
1899	222	4111	1348	295	6497	2434	75,3	63,3	55,4	5681	9226	61,6
1900	212	5455	184	189	7364	262	112,2	74,1	70,2	5851	7815	74,9
1901	224	4202	1195	263	5291	1157	85,2	79,4	103,3	5621	6711	83,8
1902	2981	8274	3880	2424	9815	4405	123,0	84,3	88,1	15135	16644	90,9
1903	1269	8513	6420	1902	10035	6542	66,7	84,8	98,1	16202	18479	87,7
1904	966	9968	6214	776	14878	6568	124,5	67,0	94,6	17148	22222	77,2
1905	663	11423	6008	665	15819	8977	99,7	72,2	66,9	18094	25461	71,1
1906	460	8954	5171	631	11063	5855	72,9	80,9	88,3	14585	17549	83,1
1907	126	8253	885	174	9263	1162	72,4	89,1	76,2	9264	10599	87,4
1908	40	6055	2519	35	6397	2485	114,3	94,7	101,4	8614	8917	96,6
1909	253	14938	3360	176	16102	3201	143,8	92,8	105,0	18551	19479	95,2
1910	415	15241	4583	259	16101	5194	160,2	94,7	88,2	20239	21554	93,9
1911	438	12358	5722	562	15433	7254	77,9	80,1	78,9	18518	23249	79,7
1912	99	7961	1849	123	10654	2618	80,5	74,7	70,6	9909	13395	74,0
1913	71	10205	2860	37	11846	3130	191,9	86,1	91,4	13136	15013	87,5
Всего	9437	161429	66357	9411	198840	79373	100,3	81,2	83,6	237223	287624	82,5
Тренд	4	480	111	5	523	112				595	640	

Таблица 21

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля подвоза
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	подвоз	экспорт	
1893–1898	166	4253	2360	150	5380	3022	110,9	79,0	78,1	6779	8552	79,3
1899–1903	982	6111	2605	1015	7800	2960	96,7	78,3	88,0	9698	11775	82,4
1904–1908	451	8931	4159	456	11484	5009	98,9	77,8	83,0	13541	16949,6	79,9
1909–1913	255	12141	3675	231	14027	4279	110,3	86,6	85,9	16071	18538	86,7
1893–1913	449	7687	3160	448	9469	3780	100,3	81,2	83,6	11296	13696	82,5

За 1893–1913 гг. суммарный экспорт трех главных хлебов из Феодосии составил 287,6 млн пуд., а их железнодорожный подвоз в Феодосию — 237,2 млн пуд., т. е. 82,5% вывоза, а средние ежегодные величины — соответственно 13696 и 11296 тыс. пуд. Разностью между ними — 2400 тыс. пуд. и можно примерно определить минимум среднего ежегодного гужевого подвоза.

Для Геническа (таблицы 22 и 23) суммарный экспорт за 1893–1913 гг. равен 196,0 млн пуд., а прибытие хлеба по железной дороге — 49,9 млн пуд., или 25,5% экспорта. В среднем за год — соответственно 9334 и 2376 тыс. пуд., следовательно, 6958 тыс. пуд. — примерная величина гужевого подвоза.

Для Мариуполя (таблицы 24 и 25) суммарные показатели составляют 349,6 млн пуд. и 172,4 млн пуд., или 49,3% вывоза, а среднегодовые — 22933 и 16564 тыс. пуд., значит размер подвоза в среднем был равен 6369 тыс. пуд.

Для Таганрога (таблицы 26 и 27) — соответственно 483,4 млн пуд. и 176,0 млн пуд., или 36,4% экспорта. По железной дороге подвозили в среднем за год 8380 тыс. пуд., а вывозили за границу 23017 тыс. пуд., т. е. на 14637 тыс. пуд. больше.

В Бердянск (таблицы 28 и 29) железная дорога была проведена в 1899 г. В 1893–1898 гг. порт экспортировал от 7,8 до 15,3 млн пуд. ржи, пшеницы и ячменя и, учитывая незначительность каботажных перевозок, можно уверенно говорить о том, что почти весь хлеб привозился в город гужем. За 1893–1913 гг. вывоз трех главных хлебов из Бердянска составил — 291,1 млн пуд., а их железнодорожное получение — 100,2 млн пуд., т. е. 45,4%. Разность среднегодовых показателей составляет 9093 тыс. пуд.

Приведенные выше таблицы показывают абсолютный и относительный рост железнодорожного получения хлебов азовскими портами к концу рассматриваемого периода, в целом подтверждая сообщение П. И. Лященко о значительной роли гужевого транспорта в снабжении портов Азовского моря хлебом. Разумеется, мы не ищем буквального соответствия слов Лященко о 75% подвоза статистическим данным, однако тенденцию его корреспонденты определяют верно — гужевого транспорта была одним из основных каналов питания хлебного рынка. Можно думать, что и какая-то часть хлеба, привозимого каботажом, также шла на экспорт, хотя, повторимся, речь идет о весьма небольших объемах.

Такие же подсчеты были сделаны и для крупных портов. Конечно, проблема в этом случае заметно усложняется, поскольку в нее включаются такие сложноучитываемые факторы, как значительное местное городское потребление, особенно в Одессе, как наличие крупных запасов хлеба в портовых и городских складах и т. д.

Однако и в этом случае вполне возможно получить некоторое представление об интересующем нас сюжете.

Экспорт трех главных хлебов Одессой в 1893–1913 гг. равен 1414,4 млн пуд. зафиксированное их получение 1358,6 млн пуд., т. е. 96,1%. Аналогичные показатели для Николаева составляют 1434,2 млн пуд. и 1124,8 млн пуд., т. е. 78,4%, для Ростова — 1267,5 млн пуд. и 1061,2 млн пуд., или 83,7%, а для Новороссийска — 615,3 млн пуд. и 616,9 млн пуд., т. е. 100,3%. Именно подсчеты по Новороссийску, на наш взгляд, подтверждают правильность предлагаемой методики — гужевого подвоза в этот порт в силу топографии априори не мог быть сколько-нибудь значительным.

Среднегодовые показатели вывоза и получения трех главных хлебов для Одессы равны соответственно 67352 и 64696 тыс. пуд., разность между ними — 2656 тыс. пуд., для Николаева — 68294 и 53563 тыс. пуд., разность составляет 14731 тыс. пуд., для Ростова

— 60358 и 50535 тыс. пуд., разность — 9823 тыс. пуд. и для Новороссийска — 29298 и 29375 тыс. пуд., т. е. здесь подвоз в среднем превышал экспорт на 77 тыс. пуд.

Оценивая полученные данные, нужно иметь в виду, что в конце XIX — начале XX вв. годовое потребление Одессы оценивалось примерно в 8 млн пуд.¹, притом, что жителей по переписи 1897 г. в ней насчитывалось 403,8 тыс., а к Первой мировой войне — как минимум 499,6 тыс.²; население Ростова было меньше в 3–4 раза. Николаев и Новороссийск были относительно невелики.

И, конечно, необходимо помнить условность расчетов для больших городов. Уже говорилось, что в Одессе гужевой привоз был выше, чем получившиеся у нас 5%. В любом случае понятно, что речь идет о хлебе, который привозился из соседних с портом местностей.

Таблица 22

**Геническа: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)**

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	87	445	955	862	2030	4541	10,1	21,9	21,0	1487	7433	20,0
1894	127	1006	414	2592	5243	4581	4,9	19,2	9,0	1547	12416	12,5
1895	228	1827	352	1069	4553	4818	21,3	40,1	7,3	2407	10440	23,1
1896	27	1235	674	143	3168	5735	18,9	39,0	11,8	1936	9046	21,4
1897	41	1326	586	121	4046	4882	33,9	32,8	12,0	1953	9049	21,6
1898	48	933	1003	41	2113	6377	117,1	44,2	15,7	1984	8531	23,3
1899	79	507	38	172	2661	2105	45,9	19,1	1,8	624	4938	12,6
1900	82	724	36	86	1653	2054	95,3	43,8	1,8	842	3793	22,2
1901	180	208	46	84	1742	1222	214,3	11,9	3,8	434	3048	14,2
1902	73	209	49	733	2370	2945	10,0	8,8	1,7	331	6048	5,5
1903	32	833	1257	827	3814	8413	3,9	21,8	14,9	2122	13054	16,3
1904	32	648	1024	930	5690	6783	3,4	11,4	15,1	1704	13403	12,7
1905	32	463	791	375	3060	5797	8,5	15,1	13,6	1286	9232	13,9
1906	30	454	291	234	2846	2869	12,8	16,0	10,1	775	5949	13,0
1907	79	1254	990	459	3199	3778	17,2	39,2	26,2	2323	7436	31,2
1908	65	522	1351	196	1009	5341	33,2	51,7	25,3	1938	6546	29,6
1909	92	2051	1597	368	4317	5858	25,0	47,5	27,3	3740	10543	35,5
1910	191	2813	3503	686	5138	10169	27,8	54,7	34,4	6507	15993	40,7
1911	508	2035	4354	1247	2873	11774	40,7	70,8	37,0	6897	15894	43,4
1912	16	998	2251	102	1300	7101	15,7	76,8	31,7	3265	8503	38,4
1913	13	1493	4293	358	3149	11207	3,6	47,4	38,3	5799	14714	39,4
Всего	2062	21984	25855	11685	65974	118350	17,6	33,3	21,8	49901	196009	25,5
Тренд	2	37	151	23	21	258				190	214	

¹ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1900 г. Одесса. 1901. С. 28.

² Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР... С. 199.

Таблица 23

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	93	1129	664	805	3526	5156	11,6	32,0	12,9	1886	9486	19,9
1899–1903	89	496	285	380	2448	3348	23,4	20,3	8,5	871	6176	14,1
1904–1908	48	668	889	439	3161	4914	10,8	21,1	18,1	1605	8513	18,9
1909–1913	164	1878	3200	552	3355	9222	29,7	56,0	34,7	5242	13129	39,9
1893–1913	98	1047	1231	556	3142	5636	17,6	33,3	21,8	2376	9334	25,5

Таблица 24

Мариуполь: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	124	1620	2498	430	5294	7994	28,8	30,6	31,2	4242	13718	30,9
1894	380	862	2729	909	7695	10789	41,8	11,2	25,3	3971	19393	20,5
1895	805	1543	2948	1066	7773	8416	75,5	19,9	35,0	5296	17255	30,7
1896	515	1729	3059	469	5957	9043	109,8	29,0	33,8	5303	15469	34,3
1897	380	1360	1286	583	5728	6129	65,2	23,7	21,0	3026	12440	24,3
1898	445	1112	993	494	4024	6481	90,1	27,6	15,3	2550	10999	23,2
1899	659	1120	1059	754	4007	5557	87,4	28,0	19,1	2838	10318	27,5
1900	435	872	371	533	5341	4015	81,6	16,3	9,2	1678	9889	17,0
1901	356	833	242	580	3987	2594	61,4	20,9	9,3	1431	7161	20,0
1902	267	2587	4224	238	6585	7965	112,2	39,3	53,0	7078	14788	47,9
1903	446	3530	4340	458	7466	7030	97,4	47,3	61,7	8316	14954	55,6
1904	296	6628	4376	398	12243	11203	74,4	54,1	39,1	11300	23844	47,4
1905	146	9725	4412	210	15507	8812	69,5	62,7	50,1	14283	24529	58,2
1906	42	3656	4166	63	6872	8251	66,7	53,2	50,5	7864	15186	51,8
1907	255	1110	3178	251	3573	7598	101,6	31,1	41,8	4543	11422	39,8
1908	16	1036	4788	155	3258	10193	10,3	31,8	47,0	5840	13606	42,9
1909	244	6611	8873	195	9766	14719	125,1	67,7	60,3	15728	24680	63,7
1910	121	9799	13555	127	11289	17510	95,3	86,8	77,4	23475	28926	81,2
1911	583	6550	7713	587	9495	13248	99,3	69,0	58,2	14846	23330	63,6
1912	330	7008	7121	308	8835	9795	107,1	79,3	72,7	14459	18938	76,3
1913	188	6131	7993	180	6733	11877	104,4	91,1	67,3	14312	18790	76,2
Всего	7033	75422	89924	8988	151428	189219	78,2	49,8	47,5	172379	349635	49,3
Тренд	-14	335	388	-29	166	304				710	442	

Таблица 25

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	442	1371	2252	659	6079	8142	67,0	22,6	27,7	4065	14879	27,3
1899–1903	433	1788	2047	513	5477	5432	84,4	32,7	37,7	4268	11422	37,4
1904–1908	151	4431	4184	215	8291	9211	70,1	53,4	45,4	8766	17717	49,5
1909–1913	293	7220	9051	279	9224	13430	104,9	78,3	67,4	16564	22933	72,2
1893–1913	335	3592	4282	428	7211	9010	78,2	49,8	47,5	8209	16649	49,3

Таблица 26

Таганрог: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	430	3848	3405	676	9495	8667	63,6	40,5	39,3	7683	18838	40,8
1894	741	2183	3172	2295	12076	12933	32,3	18,1	24,5	6096	27304	22,3
1895	1181	2225	2388	2236	12562	6877	52,8	17,7	34,7	5794	21675	26,7
1896	752	2715	2308	577	9725	7593	130,3	27,9	30,4	5775	17895	32,3
1897	607	3400	1255	2313	9840	4637	26,2	34,6	27,1	5262	16790	31,3
1898	662	4543	1481	921	7706	7304	71,9	59,0	20,3	6686	15931	42,0
1899	292	1511	1431	1068	4835	6768	27,3	31,3	21,1	3234	12671	25,5
1900	365	1861	1122	881	6472	6179	41,4	28,8	18,2	3348	13532	24,7
1901	168	699	269	833	6990	3245	20,2	10,0	8,3	1136	11068	10,3
1902	284	1363	1228	622	7941	6061	45,7	17,2	20,3	2875	14624	19,7
1903	356	2835	2563	663	9467	8732	53,7	29,9	29,4	5754	18862	30,5
1904	280	4721	2742	705	14671	12939	39,6	32,2	21,2	7743	28315	27,3
1905	203	6607	2921	738	16982	9124	27,5	38,9	32,0	9731	26844	36,3
1906	525	3214	2590	746	11178	8893	70,4	28,8	29,1	6329	20817	30,4
1907	283	2545	3167	832	9052	10874	34,0	28,1	29,1	5995	20758	28,9
1908	29	3213	5108	252	9653	13892	11,5	33,3	36,8	8350	23797	35,1
1909	165	12727	6571	357	24367	16615	46,2	52,2	39,5	19463	41339	47,1
1910	416	21257	7596	838	29471	17117	49,6	72,1	44,4	29269	47426	61,7
1911	470	9788	4301	1060	20514	14660	44,3	47,7	29,3	14559	36234	40,2
1912	330	7814	2963	527	15952	7231	62,6	49,0	41,0	11107	23710	46,8
1913	233	6715	2836	348	15578	8999	67,0	43,1	31,5	9784	24925	39,3
Всего	8772	105784	61417	19488	264527	199340	45,0	40,0	30,8	175973	483355	36,4
Тренд	-25	445	147	-56	587	297				567	828	

Таблица 27

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	729	3152	2335	1503	10234	8002	48,5	30,8	29,2	6216	19739	31,5
1899–1903	293	1654	1323	813	7141	6197	36,0	23,2	21,3	3269	14151	23,1
1904–1908	264	4060	3306	655	12307	11144	40,3	33,0	29,7	7630	24106	31,6
1909–1913	323	11660	4853	626	21176	12924	51,6	55,1	37,6	16836	34727	48,5
1893–1913	418	5037	2925	928	12597	9492	45,0	40,0	30,8	8380	23017	36,4

Таблица 28

Бердянск: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.).

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	подвоз	экспорт	
1893	0	0	0	0	10250	1942	0	0	0	0	12192	0,0
1894	0	0	0	277	13036	2010	0	0	0	0	15323	0,0
1895	0	0	0	535	12267	1196	0	0	0	0	13998	0,0
1896	0	0	0	228	10350	693	0	0	0	0	11271	0,0
1897	0	0	0	223	8906	918	0	0	0	0	10047	0,0
1898	0	0	0	0	6964	845	0	0	0	0	7809	0,0
1899	19	913	135	53	6545	1152	35,8	13,9	11,7	1067	7750	13,8
1900	2	860	13	32	5925	295	6,3	14,5	4,4	875	6252	14,0
1901	2	542	7	4	5626	212	50,0	9,6	3,3	551	5842	9,4
1902	26	1693	335	57	7863	938	45,6	21,5	35,7	2054	8858	23,2
1903	90	4520	844	132	11072	1928	68,2	40,8	43,8	5454	13132	41,5
1904	111	6553	1144	224	13001	2828	49,6	50,4	40,5	7808	16053	48,6
1905	132	8586	1444	227	18138	2828	58,1	47,3	51,1	10162	21193	47,9
1906	279	8181	3065	351	16739	4447	79,5	48,9	68,9	11525	21537	53,5
1907	39	2451	784	85	11488	2081	45,9	21,3	37,7	3274	13654	24,0
1908	23	3182	1822	30	7960	2556	76,7	40,0	71,3	5027	10546	47,7
1909	111	10314	3439	98	18559	5118	113,3	55,6	67,2	13864	23775	58,3
1910	149	14590	3873	155	23912	6350	96,1	61,0	61,0	18612	30417	61,2
1911	466	7987	3891	477	15052	7080	97,7	53,1	55,0	12344	22609	54,6
1912	120	3069	1217	124	7222	2587	96,8	42,5	47,0	4406	9933	44,4
1913	40	1643	1476	62	5706	3189	64,5	28,8	46,3	3159	8957	35,3
Всего	1609	75084	23489	2111	174808	43589,0	76,2	43,0	53,9	100182	220508	45,4
Тренд	12	399	210	10	425	330				621	764	

Таблица 29

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	подвоз	экспорт	
1893–1898	0	0	0	211	10296	1267	0,0	0,0	0,0	0	11773	0,0
1899–1903	28	1706	267	56	7406	905	50,0	23,0	29,5	2000	8367	23,9
1904–1908	117	5791	1652	183	13465	2948	63,7	43,0	56,0	7559	16597	45,5
1909–1913	177	7521	2779	183	14090	4865	96,7	53,4	57,1	10477	19138	54,7
1893–1913	77	3575	1119	101	8324	2076	76,2	43,0	53,9	4771	10500	45,4

Таблица 30

Одесса: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.).

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	13663	41199	36154	10427	31684	31167	131,0	130,0	116,0	91016	73278	124,2
1894	24435	42956	27576	28794	47358	36439	84,9	90,7	75,7	94967	112591	84,3
1895	19715	60782	6726	20956	60501	24937	94,1	100,5	27,0	87223	106394	82
1896	12773	58232	14247	13303	57205	15053	96,0	101,8	94,6	85252	85561	99,6
1897	8315	39314	20946	12598	47187	27063	66,0	83,3	77,4	68575	86848	79
1898	7929	37839	23690	8829	33238	29690	89,8	113,8	79,8	69458	71757	96,8
1899	6536	25639	13372	5974	23514	13872	109,4	109,0	96,4	45547	43360	105
1900	7268	18558	7773	8023	22015	8656	90,6	84,3	89,8	33599	38694	86,8
1901	12124	32792	15865	13482	27438	19346	89,9	119,5	82,0	60781	60266	100,9
1902	17859	47603	16699	20517	45877	18705	87,0	103,8	89,3	82161	85099	96,5
1903	19630	72826	26972	21408	69818	29755	91,7	104,3	90,6	119428	120981	98,7
1904	12355	65255	22295	7874	51421	20904	156,9	126,9	106,7	99904	80199	124,6
1905	9755	50011	13420	9382	46840	14733	104,0	106,8	91,1	73186	70955	103,1
1906	17361	55999	17456	19945	51204	21149	87,0	109,4	82,5	90816	92298	98,4
1907	3336	13727	16282	5420	24431	18930	61,5	56,2	86,0	33345	48781	68,4
1908	1377	6591	12095	1628	2964	16000	84,6	222,4	75,6	20063	20592	97,4
1909	2672	13582	18491	1959	7835	22713	136,4	173,4	81,4	34745	32507	106,9
1910	8671	25073	18317	6540	24794	24943	132,6	101,1	73,4	52061	56277	92,5
1911	6466	11989	25191	7277	11719	32420	88,9	102,3	77,7	43646	51416	84,9
1912	3059	8926	12322	5048	6107	15365	60,6	146,2	80,2	24307	26520	91,7
1913	2856	14422	31268	3797	11014	35211	75,2	130,9	88,8	48546	50022	97
Всего	218155	743315	397157	233181	704164	477051	93,6	105,6	83,3	1358626	1414396	96,1
Тренд	-642	-1806	-54	-680	-1879	-83				-2502	-2643	

Таблица 31

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	14472	46720	21557	15818	46196	27392	91,5	101,1	78,7	82749	89405	92,6
1899–1903	12683	39484	16136	13881	37732	18067	91,4	104,6	89,3	68303	69680	98,0
1904–1908	8837	38317	16310	8850	35372	18343	99,9	108,3	88,9	63463	62565	101,4
1909–1913	4745	14798	21118	4924	12294	26130	96,4	120,4	80,8	40661	43348	93,8
1893–1913	10388	35396	18912	11104	33532	22717	93,6	105,6	83,3	64696	67352	96,1

Таблица 32

Николаев: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	2949	14334	11423	4792	24105	16937	61,5	59,5	67,4	28706	45834	62,6
1894	9897	23246	18025	17260	37792	26332	57,3	61,5	68,5	51168	81384	62,9
1895	12128	29418	13512	15109	40362	18099	80,3	72,9	74,7	55058	73570	74,8
1896	12959	30394	8157	14898	39848	9939	87	76,3	82,1	51510	64685	79,6
1897	7003	29907	9461	12354	39598	17692	56,7	75,5	53,5	46371	69644	66,6
1898	4601	26389	10329	6581	33681	16239	69,9	78,3	63,6	41319	56501	73,1
1899	4850	13218	5365	4574	17221	6970	106	76,8	77	23433	28765	81,5
1900	6953	7607	3344	7911	12406	5368	87,9	61,3	62,3	17904	25685	69,7
1901	12994	17210	11455	15729	21982	13763	82,6	78,3	83,2	41659	51474	80,9
1902	26339	34390	12186	27625	40402	13510	95,3	85,1	90,2	72915	81537	89,4
1903	20153	42427	18416	24924	54745	23062	80,9	77,5	79,9	80996	102731	78,8
1904	12028	37367	13930	9801	48870	21504	122,7	76,5	64,8	63325	80175	79
1905	7286	34154	9738	10368	52514	16949	70,3	65	57,5	51178	79831	64,1
1906	14830	36143	25207	14805	43813	30487	100,2	82,5	82,7	76180	89105	85,5
1907	5484	11816	21568	5817	20416	24050	94,3	57,9	89,7	38868	50283	77,3
1908	663	12107	26177	3314	14764	29369	20,0	82	89,1	38947	47447	82,1
1909	5497	50603	31607	4252	46536	39070	129,3	108,7	80,9	87707	89858	97,6
1910	8627	45023	35226	9440	51413	46479	91,4	87,6	75,8	88876	107332	82,8
1911	9353	18592	35226	11213	25135	46927	83,4	74	75,1	63171	83275	75,9
1912	4801	9592	27491	4825	15637	32540	99,5	61,3	84,5	41884	53002	79
1913	6262	11877	45500	7233	14160	50655	86,6	83,9	89,8	63639	72048	88,3
Всего	195657	535814	393343	232825	695400	505941	84,0	77,1	77,7	1124814	1434166	78,4
Тренд	-121	49	1468	-292	-282	1599				1395	1027	

Таблица 33

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	9907	30738	14181	14199	43077	21048	69,8	71,4	67,4	54826	78324	70,0
1899–1903	14258	22970	10153	16153	29351	12535	88,3	78,3	81,0	47381	58038	81,6
1904–1908	8058	26317	19324	8821	36075	24472	91,4	73,0	79,0	53700	69368	77,4
1909–1913	6908	27137	35010	7393	30576	43134	93,4	88,8	81,2	69055	81103	85,1
1893–1913	9317	25515	18731	11087	33114	24092	84,0	77,1	77,7	53563	68294	78,4

Таблица 34

Ростов: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	3291	17460	4695	4012	26088	10426	82,0	66,9	45,0	25446	40526	62,8
1894	7407	13954	6295	7884	20663	16025	93,9	67,5	39,3	27656	44572	62,0
1895	13533	17722	6402	19143	31572	12528	70,7	56,1	51,1	37657	63243	59,5
1896	9486	20648	3471	11744	28735	6812	80,8	71,9	51,0	33605	47291	71,1
1897	11655	22062	2217	13203	24345	3602	88,3	90,6	61,5	35934	41150	87,3
1898	13256	22227	2780	13982	21728	7956	94,8	102,3	34,9	38263	43666	87,6
1899	15897	17279	7628	16827	17028	15578	94,5	101,5	49,0	40804	49433	82,5
1900	16924	20901	5495	20244	21321	10670	83,6	98,0	51,5	43320	52235	82,9
1901	11443	22014	4201	12716	19688	10608	90,0	111,8	39,6	37658	43012	87,6
1902	12499	23669	9145	13977	24265	18285	89,4	97,5	50,0	45313	56527	80,2
1903	12095	37594	12456	15035	39039	24924	80,4	96,3	50,0	62145	78998	78,7
1904	14153,5	41518,5	14773	15643	41541	29405	90,5	99,9	50,2	70445	86589	81,4
1905	13476	43677	13172	15255	42015	25634	88,3	104,0	51,4	70325	82904	84,8
1906	4275	29075	8359	4480	22108	18081	95,4	131,5	46,2	41709	44669	93,4
1907	11656	19033	10271	12377	13228	21671	94,2	143,9	47,4	40960	47276	86,6
1908	7645	22775	15920	8507	12771	28395	89,9	178,3	56,1	46340	49673	93,3
1909	6822	50054	21984	7457	48844	38928	91,5	102,5	56,5	78860	95229	82,8
1910	5181	67584	25540	4699	63750	36908	110,3	106,0	69,2	98305	105357	93,3
1911	6462	38223	16136	8279	34305	24632	78,1	111,4	65,5	60821	67216	90,5
1912	4380	37160	11340	5340	33427	16261	82,0	111,2	69,7	52880	55028	96,1
1913	5512	50793	16476	6327	42665	23922	87,1	119,1	68,9	72781	72914	99,8
Всего	207049	635423	218756	237131	629126	401251	87,3	101,0	54,5	1061227	1267508	83,7
Тренд	-257	1686	809	-333	908	1099				2237	1674	

Таблица 35

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	9771	19012	4310	11661	25522	9558	83,8	74,5	45,1	33094	46741	0,71
1899–1903	13772	24291	7785	15760	24268	16013	87,4	100,1	48,6	45848	56041	0,82
1904–1908	10241	31216	12499	11252	26333	24637	91,0	118,5	50,7	53956	62222	0,87
1909–1913	5671	48763	18295	6420	44598	28130	88,3	109,3	65,0	72729	79149	0,92
1893–1913	9859	30258	10417	11292	29958	19107	87,3	101,0	54,5	50535	60358	0,84

Таблица 36

Новороссийск: получение и экспорт трех главных хлебов
(тыс. пуд.)

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893	1433	17783	3600	1093	16514	2612	131,1	107,7	137,8	22816	20219	112,8
1894	1674	15333	4033	1286	17369	4192	130,2	88,3	96,2	21040	22847	92,1
1895	1019	19906	4955	1105	19975	5935	92,2	99,7	83,5	25880	27015	95,8
1896	396	18568	3736	304	18223	2882	130,3	101,9	129,6	22700	21409	106,0
1897	50	9856	741	44	10563	1210	113,6	93,3	61,2	10647	11817	90,1
1898	245	8371	3691	150	9368	2509	163,3	89,4	147,1	12307	12027	102,3
1899	1433	5189	6246	871	4642	7513	164,5	111,8	83,1	12868	13026	98,8
1900	2745	8684	6987	2614	6256	5607	105,0	138,8	124,6	18416	14477	127,2
1901	4815	8306	10214	2780	10330	10862	173,2	80,4	94,0	23335	23972	97,3
1902	2686	12656	12809	4393	10117	12566	61,1	125,1	101,9	28151	27076	104,0
1903	1135	15255	14680	1055	13913	11897	107,6	109,6	123,4	31070	26865	115,7
1904	2059	14664	13256	2125	19246	15426	96,9	76,2	85,9	29978	36797	81,5
1905	2982	14072	11832	2086	15672	12450	143,0	89,8	95,0	28886	30208	95,6
1906	3100	11085	14582	3796	11233	13618	81,7	98,7	107,1	28767	28647	100,4
1907	2520	9664	11684	2311	9240	14265	109,0	104,6	81,9	23868	25816	92,5
1908	2545	6214	16515	2414	4352	12224	105,4	142,8	135,1	25274	18990	133,1
1909	2638	37581	25526	2331	32675	25626	113,2	115,0	99,6	65745	60632	108,4
1910	1428	37346	20098	1341	34561	19444	106,5	108,1	103,4	58872	55346	106,4
1911	1410	19739	23989	1792	25918	27621	78,7	76,2	86,9	45138	55331	81,6
1912	330	13646	17853	580	17109	19823	56,9	79,8	90,1	31829	37512	84,9
1913	565	25662	23062	326	22850	22055	173,3	112,3	104,6	49289	45231	109,0
Всего	37208	329580	250089	34797	330126	250337	106,9	99,8	99,9	616876	615260	100,3
Тренд	23	504	1100	38	498	1139				1626	1675	

Таблица 37

То же по пятилетиям

Годы	Получение			Экспорт			Доля получения в экспорте			Сумма трех хлебов		Доля получения
	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	рожь	пшеница	ячмень	получение	экспорт	
1893–1898	803	14970	3459	664	15335	3223	121,0	97,6	107,3	19232	19222	100,0
1899–1903	2563	10018	10187	2343	9052	9689	109,4	110,7	105,1	22768	21083	108,0
1904–1908	2641	11140	13574	2546	11949	13597	103,7	93,2	99,8	27355	28092	97,4
1909–1913	1274	26795	22106	1274	26623	22914	100,0	100,6	96,5	50175	50810	98,7
1893–1913	1772	15694	11909	1657	15720	11921	106,9	99,8	99,9	29375	29298	100,3

Суммируя разность между среднегодовым вывозом трех главных хлебов и зафиксированным их прибытием в перечисленные порты получаем цифру 66590 тыс. пуд. — без Херсона, Евпатории и Керчи, а также Ейска и Темрюка, добавление которых увеличит эту цифру никак не менее, чем на 10–15 млн пуд.

А с учетом того, что рожью, пшеницей и ячменем номенклатура хлебных грузов не исчерпывалась, можно думать, что общая средняя величина гужевого подвоза к портам из Новороссии и Кубанской области должна оцениваться примерно в 90 млн пуд. ежегодно.

И на мой взгляд, это весьма серьезный довод в пользу занижения урожайной статистикой ЦСК МВД данных об урожайности.

Разумеется, нам трудно обойти вопрос о том, насколько подвоз хлеба в порты был связан с его экспортом. Корреляционный анализ соответствующих динамических рядов (остатков, т. е. за вычетом трендов) дал следующие результаты.

Таблица 38

**Коэффициенты корреляции
между прибытием и экспортом трех главных хлебов**

Хлеб	Одесса	Николаев	Феодосия	Генчешек	Мариуполь	Таганрог	Ростов	Новорос- сийск
пшеница	0,95	0,95	0,91	0,58	0,94	0,91	0,97	0,97
ячмень	0,82	0,95	0,95	0,90	0,91	0,89	0,93	0,83
рожь	0,94	0,95					0,97	0,84

Таблица 38 показывает, что в подавляющем большинстве случаев получение хлебов и их экспорт связаны очень сильно — из 20 коэффициентов 15 колеблются от 0,90 до 0,97, 4 — от 0,82 до 0,89.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Статистика сберегательного дела в 1897 и 1913 гг.

Таблица 1

Число сберегательных книжек по категориям вкладчиков на 1 января 1898 г.

<i>Губернии и области</i>	<i>Землевладение</i>	<i>Земледелие и сельские промыслы</i>	<i>Городские промыслы</i>	<i>Фабрики, заводы и рудники</i>	<i>Услужение</i>	<i>Торговля</i>	<i>Духовное звание</i>	<i>Офицеры</i>	<i>Нижние чины</i>	<i>Служба гражданская</i>	<i>Служба общественная и частная</i>	<i>Прочие занятия</i>	<i>Всего</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Архангельская	3	2515	345	119	369	600	611	49	213	1057	583	842	7306
Вологодская	102	14215	667	112	1729	2050	2541	68	131	2548	1527	2907	28597
Олонеккая	14	2470	285	74	427	414	410	24	48	1060	632	682	6540
Всего	119	19200	1297	305	2525	3064	3562	141	392	4665	2742	4431	42443
Нюландская	2	3	0	0	2	3	20	58	237	54	1	57	437
Петербургская	220	4872	37653	21360	42348	8042	1551	3473	16929	9196	13285	50095	209024
Новгородская	319	10109	1393	265	2342	1823	2232	349	629	1840	2160	4045	27506
Псковская	490	4001	761	43	1163	1134	921	181	2453	830	906	3030	15913
Всего	1029	18982	39807	21668	45853	10999	4704	4003	20011	11866	16351	57170	252443
Курляндская	673	9472	3364	229	3164	2155	146	232	482	1140	3028	7265	31350
Лифляндская	2455	12370	5722	1669	10413	2106	468	277	1200	1823	3271	4739	46513
Эстляндская	90	8356	1496	240	3586	644	121	179	3764	597	575	2080	21728
Всего	3218	30198	10582	2138	17163	4905	735	688	5446	3560	6874	14084	99591
Виленская	528	4261	3963	366	2888	2191	319	438	988	1369	2435	4754	24500

Продолжение таблицы 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Гродненская	422	4451	3648	1479	1909	2667	730	690	4099	1529	2989	4306	28919	
Ковенская	638	2794	1385	134	1685	1894	273	319	690	1533	1490	3114	15949	
Всего	1588	11506	8996	1979	6482	6752	1322	1447	5777	4431	6914	12174	69368	
Витебская	393	3201	3015	191	1697	3648	801	448	1325	1806	3086	4924	24535	
Минская	991	4538	3496	277	2449	1992	995	364	1002	1660	3221	7579	28564	
Могилевская	672	3778	2219	76	2198	2537	1059	192	634	1403	2078	4209	21055	
Смоленская	1038	10695	1806	631	3091	3097	2829	706	1439	1972	2530	4094	33928	
Всего	3094	22212	10536	1175	9435	11274	5684	1710	4400	6841	10915	20806	108082	
Московская	167	15406	36825	16349	30769	9722	4478	1668	3095	7924	18140	30576	175119	
Владимирская	386	13670	2763	9978	3559	2766	3444	240	292	2084	4754	8063	51999	
Калужская	408	7887	993	565	1857	2286	1670	105	356	993	1193	4479	22792	
Костромская	468	33373	3192	3175	2273	3807	4096	175	375	2666	2839	7047	63486	
Тверская	516	29687	3608	2864	5659	3822	4044	205	786	2008	3013	7410	63622	
Ярославская	246	40051	3041	5061	3237	4677	3666	352	1039	2716	2752	7447	74285	
Всего	2191	140074	50422	37992	47354	27080	21398	2745	5943	18391	32691	65022	451303	
Воронежская	556	7304	1655	49	2530	2251	3527	545	362	2184	3052	6548	30563	
Курская	902	6576	1632	52	2350	2586	3404	419	1339	1906	3033	5314	29513	
Орловская	692	7720	3382	2865	2280	2642	3702	654	2330	2439	2974	6469	38149	
Рязанская	487	10874	1725	954	2959	2407	3501	318	591	1910	2479	5296	33501	
Тамбовская	567	9607	3511	117	3046	2660	4210	423	662	2377	4224	5035	36439	
Тульская	343	7005	1560	1220	2396	1584	2354	231	218	1497	2467	6452	27327	
Всего	3547	49086	13465	5257	15561	14130	20698	2590	5502	12313	18229	35114	195492	
Казанская	165	8046	2053	377	2782	2383	2111	234	699	2045	2920	8011	31826	
Нижегородская	221	7025	1999	522	2671	2575	3687	209	1788	2828	1360	8638	33523	
Пензенская	188	4877	823	47	1700	1356	2366	137	150	1182	1801	3430	18057	

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Симбирская	352	6756	1652	53	1640	2152	2264	160	304	1664	3038	4972	25007
Всего	926	26704	6527	999	8793	8466	10428	740	2941	7719	9119	25051	108413
Самарская	170	4592	1917	131	1651	1702	2325	175	530	1625	3274	5757	23849
Саратовская	594	11432	5382	109	5016	4889	3216	337	1034	2520	5970	7894	48393
Оренбургская	88	10035	2106	68	1193	1582	1005	802	3309	1902	2344	4042	28476
Уфимская	177	3140	794	840	975	1322	1019	103	379	1547	1869	3218	15383
Астраханская	131	982	2184	425	1833	2587	800	145	264	1288	2554	3305	16498
Всего	1160	30181	12383	1573	10668	12082	8365	1562	5516	8882	16011	24216	132599
Полтавская	1141	2562	1908	61	2213	3006	2605	642	650	2055	2634	5922	25399
Харьковская	337	8743	4253	419	5083	2364	1916	539	2318	2125	5539	11736	45372
Черниговская	1639	5251	2384	182	2672	2471	2490	298	294	2127	2764	4906	27478
Всего	3117	16556	8545	662	9968	7841	7011	1479	3262	6307	10937	22564	98249
Вольнская	1007	2670	3237	227	2032	4572	2078	870	2148	2206	3317	6196	30560
Киевская	374	4170	9363	935	8227	7541	3233	789	2058	3052	7595	18416	65753
Подольская	520	2683	1851	151	1755	3611	2596	407	910	1879	3025	6473	25861
Всего	1901	9523	14451	1313	12014	15724	7907	2066	5116	7137	13937	31085	122174
Бессарабская	218	2127	3619	46	2641	3980	1366	257	640	1432	3063	7047	26436
Херсонская	308	3213	14484	2141	9399	6316	1459	843	1407	5928	5436	14357	65291
Таврическая	208	2752	3436	60	3506	2262	819	804	1884	1580	2606	7225	27142
Екатерино-славск.	280	1991	4718	4290	3780	3113	1401	363	384	1591	4668	8200	34779
Донская	215	5930	4417	1252	4083	3877	2574	1766	2947	2335	6687	9121	45204
Всего	1229	16013	30674	7789	23409	19548	7619	4033	7262	12866	22460	45950	198852
Вятская	54	12149	1455	2652	2321	2608	3305	87	248	2426	3429	5055	35789
Пермская	42	8251	3705	2093	3047	3771	2543	121	418	3022	6031	8724	41768

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Всего	96	20400	5160	4745	5368	6379	5848	208	666	5448	9460	13779	77557
Кубанская	421	1649	827	13	1093	1156	1191	837	439	1061	1365	2476	12528
Ставропольская	7	1740	297	1	289	364	1040	135	90	734	329	1252	6278
Терская	26	1928	1132	75	890	997	395	982	1745	1024	1209	1674	12077
Черноморская	0	95	298	49	288	104	43	39	45	163	418	272	1814
Всего	454	5412	2554	138	2560	2621	2669	1993	2319	2982	3321	5674	32697
Варшавская	479	576	14979	2360	9005	6569	117	787	2083	2686	6656	16362	62659
Калишская	161	279	1241	410	694	1434	79	116	205	713	306	975	6613
Кельцкая	80	166	490	55	359	943	37	83	325	605	283	660	4086
Ломжинская	41	259	442	21	242	716	41	303	681	756	199	555	4256
Люблинская	107	528	1039	124	1048	1566	254	329	1506	897	536	2792	10726
Петровская	238	525	5106	4752	3073	5727	66	224	662	1405	3383	2822	27983
Плоцкая	222	314	871	101	596	1464	63	299	1500	781	332	881	7424
Радомская	142	285	818	138	414	1295	43	172	274	511	611	355	5058
Сувалкская	81	366	350	18	250	487	46	228	943	666	277	279	3991
Седлецкая	81	299	489	46	565	610	128	124	445	684	248	826	4545
Всего	1632	3597	25825	8025	16246	20811	874	2665	8624	9704	12831	26507	137341
Бакинская	51	201	1621	2577	1616	1379	111	146	570	1197	2798	3505	15772
Дагестанская	5	47	265	4	158	303	31	407	515	457	251	396	2839
Елисаветпольская	106	367	423	30	275	506	74	100	207	846	385	329	3648
Закавказ.	4	64	0	0	8	57	13	30	67	55	0	54	352
Карская	1	36	54	0	76	149	30	264	1172	224	27	130	2163
Кутаисская	57	265	1172	115	887	888	360	297	755	951	1323	1371	8441
Тифлисская	278	1040	2373	320	2270	1531	734	1144	1898	2523	2838	4899	21848
Эрианская	49	132	114	36	117	465	54	224	591	675	94	222	2773

Окончание таблицы 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Всего		551	2152	6022	3082	5407	5278	1407	2612	5775	6928	7716	10906	57836
Амурская		0	120	168	64	179	61	60	67	226	239	382	956	2522
Енисейская		17	1317	1174	37	865	841	435	98	92	892	1190	1015	7973
Забайкальская		13	389	890	201	232	475	231	146	228	994	799	511	5109
Иркутская		0	855	672	175	682	760	319	210	113	923	1498	3264	9471
Приморская		0	291	534	0	328	251	98	418	4618	669	394	1506	9107
Тобольская		4	1913	774	82	475	922	780	70	227	1074	1421	1409	9151
Томская		37	2325	2635	151	1215	1675	1268	172	270	1643	2482	4007	17880
Якутская		4	50	30	0	1	39	81	12	31	202	53	2	505
Всего		75	7260	6877	710	3977	5024	3272	1193	5805	6636	8219	12670	61718
Акмолинская		2	441	352	12	323	468	261	366	247	1001	478	1427	5378
Семи-палатинская		8	246	202	15	141	286	130	132	85	394	286	339	2264
Семиреченская		4	307	114	14	100	197	116	235	326	558	115	511	2597
Тургайская		0	12	7	0	15	18	16	14	98	97	54	52	383
Уральская		0	279	276	0	267	511	114	233	281	341	222	536	3060
Всего		14	1285	951	41	846	1480	637	980	1037	2391	1155	2865	13682
Закаспийская		2	23	888	8	610	194	35	339	2486	464	1409	526	6984
Заряшан.окр..		0	0	2	3	27	9	1	32	300	36	13	0	423
Самаркандская		2	2	246	7	137	62	12	122	600	220	393	212	2015
Сыр-Дарьинская		10	142	163	17	381	383	88	474	1654	1058	295	1019	5684
Ферганская		4	11	98	0	91	108	10	210	799	341	307	332	2311
Всего		18	178	1397	35	1246	756	146	1177	5839	2119	2417	2089	17417
Империя		25961	430522	256471	99626	244877	184217	114306	34090	101870	141240	212300	432214	2277694

Источник: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1897 г. СПб., 1898. Таблица 18. Распределение по губерниям, областям и округам вкладов и книжек в сберегательные кассы к 1 января 1898 г.

Таблица 2

Распределение вкладов по категориям вкладчиков на 1 января 1898 г.
(тыс. руб.)

Губернии и области	Землевладение	Земледелие и сельские промыслы	Городские промыслы	Фабрики, заводы и рудники	Услужение	Торговля	Духовное звание	Офицеры	Нижние чины	Служба гражданская	Служба общественная и частная	Прочие занятия	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Архангельская	1	462	79	19,7	49,8	223,3	131,6	9,4	37,8	206,2	117,8	186,6	1524,2
Вологодская	18,6	2133,9	101	9,3	164,9	511,8	586	14,6	21,4	444,6	186,5	426,6	4619,2
Олонечкая	3,7	428,3	37,4	14,2	41,5	100,5	77,8	3,7	5,8	198,2	117,4	119,6	1148,1
Всего	23,3	3024,2	217,4	43,2	256,2	835,6	795,4	27,7	65	849	421,7	732,8	7291,5
Нюландская	0,12	1	0	0	0	0,86	7,5	21,2	33,8	9,8	0,02	15,5	89,8
Новгородская	84,4	2252,1	297	57	349,6	550,5	622,2	69,9	66,2	356,2	470,5	812,1	5987,7
Петербургская	58,4	1056,2	5166,1	2654,9	6340	1699,9	260,3	582,5	1424,8	1441,8	2219,9	7862,5	30767,3
Псковская	107	904,6	138,9	9,1	173,4	334,4	299,5	37,2	38,6	164,4	171,5	622	3000,6
Всего	249,8	4212,9	5602	2721	6863	2584,8	1182	689,6	1529,6	1962,4	2861,9	9296,6	39755,6
Курляндская	99,7	1130,6	444	30,3	267,1	320,2	26	35,5	66,2	136,4	409,8	954,5	3920,3
Лифляндская	612,8	2041,6	850,4	226,8	1640,5	450,7	98,4	49,4	95	308,7	525,2	702,2	7601,7
Эстляндская	8,2	1134,3	223,1	34,8	558,4	111,6	14,5	22,6	61,7	72,1	71,9	264,2	2577,4
Всего	720,7	4306,5	1517,5	291,9	2466	882,5	138,9	107,5	222,9	517,2	1006,9	1920,9	14099,4
Виленская	136	936,8	446,8	40,6	347	283	96,9	102,2	182,9	272,2	394,5	700,2	3939,1
Гродненская	112,3	1108,6	533	190,1	246,8	448,5	222,8	165,2	271,8	356,5	684,7	776	5116,3
Ковенская	190,8	690,3	254,9	22,2	200,7	325,9	85	64,3	128,6	298,7	260,1	580,9	3102,4
Всего	439,1	2735,7	1234,7	252,9	794,5	1057,4	404,7	331,7	583,3	927,4	1339,3	2057,1	12157,8

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Витебская	86,5	676,2	310,4	20,4	179,3	442	216,5	85,4	112,3	375,9	520,1	787,9	3812,9
Минская	269	1025,3	415,1	34,5	304	171,6	330,4	86	152,9	367	640,2	1261,6	5057,6
Могилевская	193,7	766,1	222,9	13,6	284,3	244,8	376	42,3	40,9	334,1	437,6	702,1	3658,4
Смоленская	173,2	2470,3	318,3	138,3	434,3	837,5	918,8	110,1	67,3	388,3	553	922,2	7331,6
Всего	722,4	4937,9	1266,7	206,8	1201,9	1695,9	1841,7	323,8	373,4	1465,3	2150,9	3673,8	19860,5
Московская	43,2	3077,2	5992,7	2188,8	5024,9	1986,6	1018,5	279,7	488,1	1410,6	3096,1	5076,9	29683,3
Владимирская	87,1	3375,3	595,9	1699,9	551,2	924,4	1062,9	48,8	47,7	444,2	1091,7	1826,1	11755,2
Калужская	89,6	1688,5	213,9	103,8	312,6	784,9	594,1	25,7	49,4	211,4	259	1133	5465,9
Костромская	69,5	2590,6	395,5	330,9	221,6	663,3	952	31	58,3	403,5	383,3	1007,4	7106,9
Тверская	143,4	6512,2	806,8	388,2	969,5	1204	1315,4	41,7	108,8	392,3	644,5	1685,9	14212,7
Ярославская	46,8	4356,3	446,2	266,3	416,6	983,9	832,7	80,9	149,9	472,3	383,1	1385	9820
Всего	479,6	21600,1	8451	4977,9	7496,4	6547,1	5775,6	507,8	902,2	3334,3	5857,7	12114,3	78044
Воронежская	202,1	1049,2	301,7	12,1	362,5	706,3	1444,1	98,3	69,2	566,1	691,0	1378	6880,6
Курская	278,5	1210,4	335,1	11,5	356,6	801,6	1394,1	85,7	95,1	499,1	766,0	1247,3	7081
Орловская	157,2	1500,4	715,5	486,1	282,9	811,2	1340,6	107,2	133	495,7	661,0	1278,7	7969,5
Рязанская	123,4	2336,4	398	159,2	455,3	773,1	1156,9	79,6	92,2	414,7	598,5	1262,8	7850,1
Тамбовская	175	1916,4	747,7	28,2	489,6	850,5	1688	104,7	149,3	650,1	1148,8	1233,4	9181,7
Тульская	78,2	1414,4	323	157,7	349,9	440,8	747,1	51,4	33,6	262,7	520,3	1323,9	5703
Всего	1014,4	9427,2	2821	854,8	2296,8	4383,5	7770,8	526,9	572,4	2888,4	4385,6	7724,1	44665,9
Казанская	39,7	1505,6	324,6	56,7	326,1	673,6	631,2	61	57,2	419,8	537,2	1426,1	6058,8
Нижегородская	72,7	1720,5	416,6	121,6	409,7	858,6	1218,5	52	404,4	584,6	235,2	1952,4	8046,8
Пензенская	43,4	870,6	152,3	7,7	259,5	422,9	876,4	37,6	17,7	260,2	388,3	774,8	4111,4
Симбирская	83,9	1467,3	266,5	12,2	224,4	662,9	732,9	40,5	45,8	357,7	590,4	1030,4	5514,9
Всего	239,7	5564	1160	198,2	1219,7	2618	3459	191,1	525,1	1622,3	1751,1	5183,7	23731,9

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Самарская	54,2	1143,4	323,6	16,5	212,7	443,4	871	29,6	89,6	354,7	605,9	1217,2	5361,8
Саратовская	186,9	2087,3	973,6	20,8	636,7	1539,9	1342,8	77,9	108,1	548	1199,4	1623,5	10344,9
Оренбургская	21	826,4	324,4	15,3	117	437,8	299,5	191,1	180,9	386,9	430,2	647,2	3877,7
Уфимская	39	651,8	121,2	117,3	104,5	375,2	305,3	22,4	41	323	331,0	545,1	2976,8
Астраханская	21	211,8	355,3	74,9	195,4	853	248,8	41	39,8	257,5	460,3	765,5	3524,3
Всего	322,1	4920,7	2098,1	244,8	1266,3	3649,3	3067,4	362	459,4	1870,1	3026,8	4798,5	26085,5
Полтавская	370	597,5	266,5	9,8	274,7	508,8	949	189,7	86,7	514,6	527,6	1363,2	5658,1
Харьковская	120,2	1125,2	781,1	93,4	800,1	795,2	725,5	74,9	151,5	519	1276	2474	8936,1
Черниговская	435,2	882,7	344,1	24,2	280,9	428,5	869,9	89,4	49,4	474,1	497,1	1050,6	5426,1
Всего	925,4	2605,4	1391,7	127,4	1355,7	1732,5	2544,4	354	287,6	1507,7	2300,7	4887,8	20020,3
Волынская	288,8	527,9	323,7	36,7	198,2	449,6	724,7	221,6	202,6	483,2	609,3	1070,6	5136,9
Киевская	101,4	742,7	1449,1	113,5	1052,2	1065,6	1014,6	211,2	221,7	622	1275	3067,7	10936,7
Подольская	163,4	571,2	164,3	13	151,5	339	944,6	106,6	115,2	397	479,3	1086,1	4531,2
Всего	553,6	1841,8	1937,1	163,2	1401,9	1854,2	2683,9	539,4	539,5	1502,2	2363,6	5224,4	20604,8
Бессарабская	58,6	522,8	268,3	3,9	173,2	503,7	467,4	65,8	74,9	243,2	408,5	995,3	3785,6
Херсонская	99	786,8	1836,8	277,1	1266,7	973,8	449,4	180,9	259,6	898,2	769,6	2268	10065,9
Таврическая	43	466,3	494	7,7	482,5	363	258,3	178	165	303,2	466,8	1244,4	4472,2
Екатеринославская	82,4	397	613,7	746,1	548	642,1	590,6	86,1	63,2	397,2	1079	1548,2	6793,6
Донская	79	1047,5	738,4	202,3	594,7	1115,4	1077,6	608,2	208	603,7	1380,4	2041,4	9696,6
Всего	362	3220,4	3951,2	1237,1	3065,1	3598	2843,3	1119	770,7	2445,5	4104,3	8097,3	34813,9
Вятская	20,4	2780,7	242,2	359,5	286	734,5	988,3	18,3	37,3	518,5	688,4	996,6	7670,7
Пермская	4,5	1678,2	565,3	333,3	331,4	1031,9	705,3	23,7	45,2	592,3	1055	1483,2	7849,3

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Всего	24,9	4458,9	807,5	692,8	617,4	1766,4	1693,6	42	82,5	1110,8	1743,4	2479,8	15520
Кубанская	96,5	331,8	131,4	3,8	171,5	292	482,2	244,8	57,9	228,5	256,8	508,6	2805,8
Ставропольская	0,3	294,1	50,7	0	35,9	105,5	472,4	33,3	6,3	173,9	59	304,8	1536,2
Терская	8	314,1	205,4	16,7	126,2	279,7	123	266,7	116,3	210,8	237,8	346,2	2250,9
Черноморская	0	13,9	46,9	6,7	42,5	20,2	13,1	8,5	4,5	30,2	93,6	61,7	341,8
Всего	104,8	953,9	434,4	27,2	376,1	697,4	1090,7	553,3	185	643,4	647,2	1221,3	6934,7
Варшавская	94	172,9	2058,7	286,1	1243,1	1041,2	40,3	170	312,6	434,6	1037,1	2488,2	9378,8
Калишская	10,7	47,1	158,2	50,5	75	107,3	12,5	26,7	48,1	89	33,4	113,7	772,2
Келецкая	7,9	21,5	37,3	5,7	26,1	53,3	6,3	16,9	29,4	65,8	32,3	53,1	355,6
Ломжинская	10,8	69,2	52,8	3,3	23,5	59,3	7,7	73,5	86,1	110,4	39,2	99,1	634,9
Люблинская	21,4	88,3	94,6	13,5	81,7	142,8	63,1	67,1	79,5	159,2	66,8	304,6	1182,6
Петровская	39	108,8	526,6	561,5	283	646,6	13,7	40,9	95,3	199,8	384,7	364,2	3264,1
Плоцкая	48,8	103,9	90,5	14,3	61,5	122,5	13,5	58,7	75,7	97,6	42,9	122,3	852,2
Радомская	19,6	60,5	72,9	29,3	29,9	75,2	7,8	33,1	38,1	70,2	62,8	44,4	543,8
Сувальская	23,1	115,8	45,4	2,6	22,7	69,5	7,9	43,1	48,5	87,1	56,1	53	574,8
Седлецкая	12,9	70,5	37,5	7,4	62,1	50,9	32,9	36,7	55,4	116,1	34,7	107,9	625
Всего	288,2	858,5	3174,5	974,2	1908,6	2368,6	205,7	566,7	868,7	1429,8	1790	3750,5	18184
Бакинская	20,1	68,2	247,5	468,5	222,5	405,6	41,9	34,2	61,1	226,3	467,9	765,0	3028,8
Елисаветпольская	47,6	127,1	94,6	5,0	52,1	133,2	19,0	24,2	15,6	210,5	97,9	88,7	915,5
Закавказье	1,6	9,1	0,0	0,0	1,9	10,3	4,1	8,2	1,0	6,7	0,0	8,1	51,0
Дагестанская	0,7	10,2	52,0	1,4	17,8	99,2	6,1	94,6	44,5	100,4	46,4	93,4	566,7
Карская	0,1	4,1	6,2	0,0	11,2	34,6	9,4	70,2	51,8	40,8	5,5	25,8	259,6
Кутаисская	14,5	57,1	165,5	22,1	86,7	213,8	91,7	60,4	74,1	200,0	210,7	284,2	1480,8
Тифлисская	57,3	289,6	357,0	52,5	354,6	321,0	198,6	246,2	248,1	556,0	488,5	925,3	4094,7
Эриванская	19,5	40,2	24,9	9,1	18,3	100,7	14,2	50,8	52,1	150,5	16,6	31,5	528,4

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Всего	161,4	605,6	947,7	558,6	765,1	1318,3	385,0	588,8	548,3	1491,2	1333,5	2222,0	10925,5
Амурская	0,0	59,4	37,5	15,7	39,2	22,2	14,1	15,9	31,2	54,6	98,4	216,3	604,5
Енисейская	5,9	496,3	281,5	6,0	124,0	373,6	165,4	18,7	17,3	198,6	319,4	277,4	2284,1
Забайкальская	4,4	98,6	210,1	47,1	37,0	159,7	71,4	45,0	22,8	236,4	208,4	111,8	1252,7
Иркутская	0,0	347,8	135,0	28,5	110,0	239,6	74,4	44,1	23,5	186,0	362,6	781,8	2333,3
Приморская	0,0	91,2	126,2	0,0	62,4	86,5	22,3	92,6	506,0	175,3	108,6	340,0	1611,1
Тобольская	1,0	358,8	132,2	14,8	48,0	317,3	240,8	21,3	17,4	221,7	257,6	339,4	1970,3
Томская	6,7	500,4	377,0	29,6	126,3	504,7	413,5	27,3	42,7	328,7	457,0	797,5	3611,4
Якутская	1,5	15,2	5,5	0,0	0,0	2,2	18,9	7,3	5,2	38,5	9,0	2,0	105,3
Всего	19,5	1967,7	1305,0	141,7	546,9	1705,8	1020,8	272,2	666,1	1439,8	1821,0	2866,2	13772,7
Акмолинская	1,7	104,6	48	2	34,6	122,8	70,5	57,3	35,9	188	88,8	276,8	1031
Семипалатинская	7	65	28,6	2,2	13,7	87,4	37,7	37,9	7,9	67,3	71,8	85,9	512,4
Семиреченская	1,8	71,8	19	3,5	6,5	76,5	26,9	49,5	21,2	98,1	22,5	108,3	505,6
Тургайская	0	1,1	0,1	0	0,7	1,09	2,3	4,5	2,91	13,2	6,8	3,2	35,9
Уральская	0	138,1	39,5	0	30,3	152,8	39,4	75,1	26,9	83,1	24,9	127,1	737,2
Всего	10,5	380,6	135,2	7,7	85,8	440,59	176,8	224,3	94,81	449,7	214,8	601,3	2822,1
Закаспийская	0,2	4,2	148,4	2,5	72,2	45,5	13,2	81,7	144,9	94,5	315,9	111	1034,2
Заряшан.ок.	0	0	0,2	0,2	2,5	2,5	0,2	7,6	6,5	1,9	3,2	0	24,8
Самаркандская	0	0,3	42,9	2,5	18,5	12,1	4,3	38,4	46,2	45,9	89,3	40,3	340,7
Сыр-Дарьинская	2,7	38,5	20,1	1,8	35	127,9	24,6	114,2	114,2	209,9	52,8	208,3	950
Ферганская	1,2	3,6	14,1	0	9,7	15,8	1,7	54,9	41,8	60,8	65,9	68,3	337,8
Всего	4,1	46,6	225,7	7	137,9	203,8	44	296,8	353,6	413	527,1	427,9	2687,5
Империя	6665,6	77669,6	38678,4	13728,4	34121,3	39942,0	37131,2	7645,8	9663,9	27879,3	39647,5	79295,8	412067,4

Источник: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1897 г. СПб., 1898. Таблица 18. Распределение по губерниям, областям и округам вкладов и книжек в сберегательные кассы к 1 января 1898 г.

Таблица 3

Число сберегательных книжек по категориям вкладчиков на 1 января 1914 г.

Губернии и области	Землевладение	Земледелие и сельские промыслы	Городские промыслы	Фабрики, заводы и рудники	Услужение	Торговля	Духовное звание	Офицеры	Нижние чины	Служба гражданская	Служба общественная и частная	Прочие занятия	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Архангельская	0	16688	2142	2638	1646	2365	1353	156	229	2401	5393	1293	36304
Вологодская	142	55887	4526	1037	3702	4024	4056	99	282	3691	8548	2388	88382
Олонейкой	0	9680	1059	451	1160	1124	829	53	122	2006	3759	662	20905
Всего	142	82255	7727	4126	6508	7513	6238	308	633	8098	17700	4343	145591
Нюландская	0	26	203	52	105	74	13	183	1717	94	180	8	2655
Петербургская	344	30124	140822	72621	118831	40981	3551	7885	60032	22655	112588	128916	739350
Новгородская	642	60504	6926	972	6103	5911	3772	1100	1923	3604	10849	2058	104364
Псковская	2918	28667	2917	225	4681	4612	1718	337	2046	1887	5975	4603	60586
Всего	3904	119295	150665	73818	129615	51504	9041	9322	64001	28146	129412	135577	904300
Курляндская	1579	20309	7675	12842	12272	4779	308	642	6306	2359	9604	5614	84289
Лифляндская	262	44394	13419	17125	16579	5240	797	753	4671	3015	16162	10919	133336
Эстляндская	408	24884	7071	4482	7600	2413	288	569	4302	1248	9931	4758	67954
Всего	2249	89587	28165	34449	36451	12432	1393	1964	15279	6622	35697	21291	285579
Виленская	844	36867	9302	1693	9297	7425	953	1321	7411	5320	13216	7911	101560
Гродненская	391	39751	6329	2732	6091	6933	1219	2046	12272	3829	12385	5730	99708
Ковенская	1083	39132	3247	1243	4492	6264	698	1072	5429	2212	6064	7221	78157
Всего	2318	115750	18878	5668	19880	20622	2870	4439	25112	11361	31665	20862	279425
Виттебская	1286	31789	10001	495	5940	9798	1651	1640	3060	4370	11263	2702	83995

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Минская	610	59593	8169	1733	8123	6298	1968	874	2921	3876	16658	10079	120902
Могилевская	2851	43112	4006	817	4848	6529	1937	538	1479	3346	10582	4430	84475
Смоленская	917	78824	8148	1468	7552	9434	3979	1593	2433	3525	9554	8099	135526
Всего	5664	213318	30324	4513	26463	32059	9535	4645	9893	15117	48057	25310	424898
Московская	783	106848	156905	86535	112768	44541	8390	3397	16113	10421	150030	111540	808271
Владимирская	298	89093	16341	52104	9183	10646	4969	387	1727	3674	18327	11273	218022
Калужская	493	50401	5787	2179	5800	6597	3213	364	716	2066	9428	10634	97678
Костромская	470	91124	11045	21592	7266	9871	5637	509	607	4832	11788	2551	167292
Тверская	483	171902	16039	10972	13531	11994	6842	612	1304	4216	13033	2852	253780
Ярославская	192	122857	14723	9084	8433	14041	4505	869	878	4010	10619	6223	196434
Всего	2719	632225	220840	182466	156981	97690	33556	6138	21345	29219	213225	145073	1741477
Воронежская	818	38401	6456	755	7185	8781	5600	487	1255	2816	15737	8881	97172
Курская	1102	46973	5830	509	5712	8937	6255	620	1975	4569	13957	10745	107184
Орловская	1097	44503	11829	939	6901	12909	5695	1099	5843	3853	19731	8388	122787
Рязанская	766	70860	6067	4057	10097	9515	5238	582	1950	3958	11416	6467	130973
Тамбовская	1578	59897	11424	450	9873	12521	8276	1344	1582	4913	20526	7895	140279
Тульская	978	41150	8649	3209	7495	7117	4285	243	1009	3170	11863	9812	98980
Всего	6339	301784	50255	9919	47263	59780	35349	4375	13614	23279	93230	52188	697375
Казанская	333	31068	11859	960	9068	8808	4624	884	2491	6036	13195	5294	94620
Нижегородская	190	59092	12297	4287	9806	13851	6737	595	861	4211	20374	12899	145200
Пензенская	429	34487	3626	294	3395	5926	2948	177	3523	2082	7882	6443	71212
Симбирская	279	46419	6607	100	4044	8202	3340	626	3072	2874	9854	7681	93098
Всего	1231	171066	34389	5641	26313	36787	17649	2282	9947	15203	51305	32317	404130
Самарская	201	31225	11694	716	7809	10969	4155	401	1594	3128	19335	18062	109289

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Саратовская	590	40836	28321	2697	9985	18446	5096	1268	2617	4605	38132	15884	168477
Оренбургская	21	32118	9058	2183	3021	7226	2187	1092	842	3297	12086	7998	81129
Уфимская	177	20868	5218	3756	2791	3989	1477	178	627	2539	7549	7652	56821
Астраханская	124	8232	14755	533	4113	7553	1464	234	382	2168	12706	6314	58578
Всего	1113	133279	69046	9885	27719	48183	14379	3173	6062	15737	89808	55910	474294
Полтавская	1607	22972	10020	540	4681	9684	4503	974	2511	4876	16119	11102	89589
Харьковская	736	48287	21028	2518	17318	11009	3946	1339	3815	4655	31577	28011	174239
Черниговская	1719	59862	13143	1463	8147	10913	3994	751	1503	4400	14025	5756	125676
Всего	4062	131121	44191	4521	30146	31606	12443	3064	7829	13931	61721	44869	389504
Вольнская	868	31584	8815	661	5901	14646	3758	2559	8439	4826	16450	4966	103473
Киевская	963	45858	50209	5447	28891	29069	6888	4126	9510	9685	57084	30386	278116
Подольская	497	19870	6395	196	4828	9313	3994	1161	7365	4139	12770	10645	81173
Всего	2328	97312	65419	6304	39620	53028	14640	7846	25314	18650	86304	45997	462762
Бессарабская	603	13085	13945	204	5575	10907	3024	817	6408	4177	12790	4319	75854
Херсонской	572	18204	46516	5876	21229	19136	2728	2523	7319	5359	42581	27719	199762
Таврическая	676	11436	25795	1425	12302	8339	1512	2151	8584	3473	13959	20011	109663
Екатерино- славская	299	41962	28066	32353	8229	15336	2544	667	712	3512	39166	30410	203256
Донская	216	41134	31105	4209	11042	18324	4675	3270	1847	7330	35598	13909	172659
Всего	2366	125821	145427	44067	58377	72042	14483	9428	24870	23851	144094	96368	761194
Вятская	65	53829	8492	5501	6662	8539	5708	275	722	4543	17090	3649	115075
Пермская	14	61244	14964	15176	10034	13190	4586	421	1049	5642	31369	7420	165109
Всего	79	115073	23456	20677	16696	21729	10294	696	1771	10185	48459	11069	280184
Кубанская	124	22077	10239	58	3786	7475	1732	1456	358	2623	10084	7180	67192

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Старопольская	26	4787	2049	1	521	1961	1715	220	233	1563	3617	1710	18403
Терская	140	10465	9304	1601	2857	5190	980	2562	2890	3717	11137	6009	56852
Черноморская	104	2092	4714	1428	1300	1284	143	99	324	1038	2953	1970	17449
Всего	394	39421	26306	3088	8464	15910	4570	4337	3805	8941	27791	16869	159896
Варшавская	888	6708	58136	9890	21483	24867	497	2794	15069	11165	37631	19727	208855
Калишская	208	2176	2397	1220	1011	3957	97	498	580	1256	1743	741	15884
Келецкая	145	2867	1565	609	1131	2599	79	127	804	858	1884	1119	13787
Ломжинская	175	5789	2243	58	967	2223	126	705	4648	1805	1106	679	20524
Люблинская	204	5411	2642	348	2225	2876	245	355	3786	1789	2911	3550	26342
Петроковская	300	3274	16111	14138	4878	14585	134	612	1794	3106	11778	3307	74017
Плоцкая	255	2754	1866	160	719	2758	95	437	786	1336	828	924	12918
Радомская	218	2119	1844	678	1120	2965	94	229	447	945	1649	618	12926
Сувальская	211	8107	1381	116	2232	1768	154	573	2658	1419	1690	487	20796
Холмская	104	14131	1851	22	2032	1630	823	409	1972	1121	2068	420	26583
Всего	2708	53336	90036	27239	37798	60228	2344	6739	32544	24800	63288	31572	432632
Бакинская	96	5703	13682	10281	5998	4832	199	440	614	2023	17229	13711	74808
Багумская	21	217	1567	148	1056	885	77	97	1626	500	1844	2821	10859
Датгестанская	22	537	2334	12	454	828	53	676	889	660	1763	1350	9578
Елисаветпольская	311	3259	2412	66	802	2775	220	239	907	1630	2430	170	15221
Карская	10	459	227	0	189	480	92	257	3323	632	301	141	6111
Кутанская	199	3591	1861	65	1187	2293	675	338	1139	1322	3032	3197	18899
Тифлисская	782	6756	8140	2097	6303	5723	1235	1691	5122	4726	12320	16695	71590
Эриванская	128	1136	785	7	607	1494	180	450	2477	1471	2411	569	11715
Всего	1569	21658	31008	12676	16596	19310	2731	4188	16097	12964	41330	38654	218781

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Амурская	0	4960	7400	181	567	699	222	519	893	1096	5990	2420	24947
Забайкальская	72	10320	8616	800	1763	2567	800	1028	6646	2529	9855	1400	46396
Енисейская	0	11095	4089	193	1508	3235	911	211	2918	2112	5491	4456	36219
Иркутская	0	10527	6531	3099	4747	3664	527	616	2248	2308	11923	8509	54699
Камчатская	0	216	80	0	23	36	13	0	19	57	78	63	585
Приморская	214	13473	11750	1520	3661	2681	589	4256	27901	3940	17331	11740	99056
Тобольская	6	11741	6568	375	1923	4055	1642	102	361	2128	7623	2486	39010
Томская	6	25021	16951	280	4853	8079	3051	284	1101	4905	24674	7521	96726
Якутская	0	393	167	0	137	191	241	16	150	515	266	106	2182
Всего	298	87746	62152	6448	19182	25207	7996	7032	42237	19590	83231	38701	399820
Акмолнинская	63	6004	4094	302	1498	2700	855	1140	966	2588	5926	3516	29652
Семипалатинская	0	2585	1341	615	482	1263	330	317	328	1192	2097	897	11447
Семиреченская	0	2638	1489	9	385	1188	320	544	747	1628	1348	210	10506
Тургайская	0	1161	363	0	168	432	170	13	130	396	1352	138	4323
Уральская	9	1739	3864	2	598	2196	256	502	43	429	1804	1281	12723
Всего	72	14127	11151	928	3131	7779	1931	2516	2214	6233	12527	6042	68651
Закаспийская	50	928	3565	33	1707	1321	110	1199	6512	1240	7009	2499	26173
Самаркандская	7	123	1079	30	591	994	47	311	1737	692	2841	1378	9830
Сыр-Дарьинская	4	975	4521	12	1886	2521	171	995	1968	2947	6391	2490	24881
Ферганская	23	417	2736	51	1249	2174	61	123	1574	896	4563	783	14650
Всего	84	2443	11901	126	5433	7010	389	2628	11791	5775	20804	7150	75534
Империя	39639	2546643	1121539	456611	712741	680493	201844	85303	336075	297796	1299828	830170	8608692

Источники: Приложение к Отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг., 1914. С. 172–173. Приложение 7. Распределение денежных вкладов по роду занятий индивидуальных вкладчиков к 1 января 1914 г.

Таблица 4

Распределение вкладов по категориям вкладчиков на 1 января 1914 г. (тыс. руб.)

Губернии и области	Землевладение	Земледелие и сельские промыслы	Городские промыслы	Фабрики, заводы и рудники	Услужение	Торговля	Духовное звание	Офицеры	Нижние чины	Служба гражданская	Служба общественная и частная	Прочие занятия	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Архангельская	0	3312,3	335,8	340,1	211	678,3	324,7	28	24,4	460,8	1173,9	249,7	7139
Вологодская	23	9340,4	668,1	66,4	434,7	873,5	1060,2	23,8	33,6	671,6	1547,8	380,9	15124
Олонечкой	0	1713,8	149,4	40,9	143	289,3	171,2	7,6	16,0	359,6	682,5	87,3	3660,6
Всего	23	14367	1153,3	447,4	788,7	1841,1	1556,1	59,4	74,0	1492	3404,2	717,9	25923,6
Нюландская		8,7	57,7	9,1	22,4	22,3	2	41	299,8	22,7	46,8	0,9	533,4
Петербургская	78,6	6880,5	25125	12400	25223,6	9697,3	741,8	1390,7	4118,9	3961,6	23078,2	20109	132804,8
Новгородская	117,4	11474	1148,4	176,9	931,9	1521,9	914,7	218,5	185,4	641,2	2224,9	443,3	19998,5
Псковская	703,8	6340,6	478,7	6,5	570,3	1144,8	504,1	58,4	95,2	367,2	1229,8	877,4	12376,8
Всего	899,8	24695	26752	12583,4	26725,8	12364	2160,6	1667,6	4399,5	4970	26532,9	21429,7	165180,1
Курляндская	277	3076,7	1010,9	1947,1	1604,3	707,2	47,4	114,3	430,6	332,5	1606,2	678,6	11832,8
Лифляндская	43	7742	2131,1	2672,2	3077,8	906,7	154,7	154	270,4	442,3	2783,1	1542,4	21919,7
Эстляндская	97,8	5304,7	1190,5	836,7	1456,3	420,8	51	116,8	243,7	208,4	1858,4	650,7	12435,8
Всего	417,8	16123	4332,5	5456	6138,4	2034,7	253,1	385,1	944,7	983,2	6247,7	2871,7	46188,3
Виленская	236,8	9217,3	1465,3	262,1	1267,2	1753,9	302,2	281,9	311,4	995,7	2563,4	1516,1	20173,3
Гродненская	83,9	9969,5	1361,3	497,6	992,7	1539	358,5	481,3	698,3	891,2	3241,1	1105,4	21219,8
Ковенская	370,5	10944	653	246,6	700,3	1511	246,8	271,8	264,1	390,7	1373,3	1591,2	18563,7
Всего	691,2	30131	3479,6	1006,3	2960,2	4803,9	907,5	1035	1273,8	2277,6	7177,8	4212,7	59956,8
Витебская	358,2	6772,1	1613,8	73,5	867	1575,7	496,1	277,5	173,9	874	2298,2	461,6	15841,6

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Минская	179,4	13231	1247,3	293,3	1040,2	1128,9	630,2	211,7	248,3	765,3	3490,7	1875,8	24342
Могилевская	528	7368,9	587,9	143,5	626,2	964,3	547,2	101,8	156,1	676	2155,3	818,9	14674,1
Смоленская	263,7	16697	1538,6	217,1	1225,9	2351	1283,8	196,6	125,6	768,3	2119,2	1694,8	28482
Всего	1329,3	44069	4987,6	727,4	3759,3	6019,9	2957,3	787,6	703,9	3083,6	10063,4	4851,1	83339,7
Московская	166,5	21874	28200	14496,7	21208,1	10712,8	2057,4	601,8	750,6	1861,1	28920,9	18378,7	149228,4
Владимирская	76	19121	3455	9572,7	1675,4	3198,7	1570	85,3	123	764,7	4127,4	2553,2	46322,2
Калужская	123,8	10500	1214,8	469,1	1083,5	1886,5	1001,5	68,3	53,1	436,1	2142	2389,9	21368,9
Костромская	76,2	13019	1837	3155,7	909,4	2376,3	1445,1	67,1	71,9	875,4	2302,8	436	26572
Тверская	110,8	31928	3151,2	1517,4	2366,1	3449,8	1945,6	133,3	123,8	882,6	2916,6	608,6	49133,5
Ярославская	35,2	19194	2701,8	771	1256,9	3584,2	1057,1	181,2	44,7	743	1964,4	1135,8	32669
Всего	588,5	115636	40560	29982,6	28499,4	25208,3	9076,7	1137	1167,1	5562,9	42374,1	25502,2	325294
Воронежская	212,8	6596,1	1222,2	124,9	1252,1	2385	2164	118,3	145,9	572,3	3522,4	2137,4	20453,4
Курская	298,8	9141,6	1272,7	95,5	837,9	2640,7	2453,3	140	156,1	1041,8	3235,6	2171,3	23485,3
Орловская	293,3	8213,4	1881,4	181,2	922,7	3686,9	1971,6	230,4	226,7	813,2	4330,7	1768,8	24520,3
Рязанская	186,7	13447	1328,8	780,5	1574,4	2841,9	1845,1	152,9	208,6	1032,7	2784,1	1378,6	27561,3
Тамбовская	442,8	11107	2025,5	78,9	1438,7	3393,9	3100,5	252,2	137,6	1162,1	4933,5	1843,6	29916,7
Тульская	235,7	7586,6	1597,4	629,3	1178	2225,3	1360,6	71,2	142,6	657	2617,5	2131,5	20432,7
Всего	1670,1	56092	9328	1890,3	7203,8	17173,7	12895,1	965	1017,5	5279,1	21423,8	11431,2	146369,7
Казанская	55,8	5695,4	1931,8	128,8	1296	2267,4	1296,3	228,8	207,6	1232,2	2600,8	957,5	17898,4
Нижегородская	51,5	11005	1977,6	463,8	1195,7	4509,4	2271,7	174,4	99,5	793,6	4262,4	3023,4	29828,3
Пензенская	127,1	6269,3	663,6	37,6	548,7	1225,8	953,5	35	135,1	375,5	1730,6	1548	13649,8
Симбирская	77,3	8338,1	988,7	10,7	452	2288,1	1186,1	160,1	123,7	592,9	1801,8	1588,8	17608,3
Всего	311,7	31308	5561,7	640,9	3492,4	10290,7	5707,6	598,3	565,9	2994,2	10395,6	7117,7	78984,8
Самарская	49,9	6237,9	1593,3	61,2	996	2594	1249,2	84,2	100,4	511,9	3434,4	3392	20304,4

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Саратовская	176,6	7833,5	4039,5	315	1308,1	4857,5	1754,6	232,1	190,9	914,1	6680,2	2898,5	31200,6
Оренбургская	4,1	3769	1161,4	284,8	299,1	1769,7	564,4	253,6	79,6	622,6	2079,3	1139,9	12027,5
Уфимская	28,8	3678,7	695,7	477,4	311,1	1103,6	384,3	27,5	43,4	433,2	1277,8	1120,3	9581,8
Астраханская	35,2	1700,8	2840,2	88,3	590,4	2081,8	389,4	49,1	36,9	419,1	2668	1331	12230,2
Всего	294,6	23220	10330	1226,7	3504,7	12406,6	4341,9	646,5	451,2	2900,9	16139,7	9881,7	85344,5
Полтавская	380,2	3866,2	1244	52,4	539,9	1568,5	1304,1	204,6	172,3	1008,8	2441,1	2121,1	14903,2
Харьковская	157,8	7378,5	3374,4	432,6	2605,1	2956,4	1192,2	275	264	990,2	5917,4	5066	30609,6
Черниговская	446,8	9461,3	1996	174,9	905,9	1531,3	1143,8	180,9	138,3	768,9	2385,9	912,5	20046,5
Всего	984,8	20706	6614,4	659,9	4050,9	6056,2	3640,1	660,5	574,6	2767,9	10744,4	8099,6	65559,3
Вольнская	133,2	4696	1095,7	90,1	601,5	1615,3	1122,7	574,1	473,9	937,8	2734,5	765	14839,8
Киевская	171	6091,8	5845,7	617,4	3486,2	4436,3	1748,1	743,5	517,6	1768,1	8840	4114,3	38380
Подольская	89,6	2892,2	766,1	37,7	475,8	1017,1	1077,4	226,1	374	695,7	1928	1632,8	11212,5
Всего	393,8	13680	7707,5	745,2	4563,5	7068,7	3948,2	1543,7	1365,5	3401,6	13502,5	6512,1	64432,3
Бессарабская	71,9	1590,3	1241,2	8,4	356,1	838,5	713,1	117,8	140,5	482,7	1336,5	352,4	7249,4
Херсонской	171,9	2015,7	5310,3	596,7	2591	3083,2	690,4	462,8	364,6	873,7	6451,8	4041,3	26653,4
Таврическая	110,4	1549,2	3327,1	193,8	1404,6	1403,2	364	463,1	533,3	564,1	2102,2	2751,2	14766,2
Екатеринослав.	52,1	7505	4385,8	4852,9	1088	3080,5	724,5	102,4	80	615,9	7187,7	5293,7	34968,5
Донская	53,3	6974,4	4972,6	569,1	1433,9	4507,8	1435,7	758,8	333,9	1473,8	6617,2	2338,9	31469,4
Всего	459,6	19635	19237	6220,9	6873,6	12913,2	3927,7	1904,9	1452,3	4010,2	23695,4	14777,5	115106,9
Вятская	15,8	10686	1340,9	672,4	882,9	2110,5	1585,3	46,9	68,1	942,9	3430,9	640,4	22423,2
Пермская	3,5	10265	2125,7	2051,6	1250	3234,8	1115,1	94,1	70,8	973	5281,5	1522	27987,3
Всего	19,3	20951	3466,6	2724	2132,9	5345,3	2700,4	141	138,9	1915,9	8712,4	2162,4	50410,5
Кубанская	36,5	3990,7	1563,6	14,5	416,3	1676,5	454,7	313	37,1	432,3	1619,1	1154,9	11709,2
Ставропольская	7,5	796	402,4	0,1	62,2	383,3	521,2	35,6	26,3	306,4	623,4	310	3474,4

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Терская	34,2	1614,9	1449,2	190,5	340,2	994,3	232,2	479,7	171,4	523,5	1771	1017,2	8818,3
Черноморская	15,2	304,7	640,1	154,2	157,4	225,5	30,4	10,6	28,1	143,4	497,9	269,2	2476,7
Всего	93,4	6706,3	4055,3	359,3	976,1	3279,6	1238,5	838,9	262,9	1405,6	4511,4	2751,3	26478,6
Варшавская	179	1892,6	7867	1575,5	3100,7	3861,1	105,5	715,2	1006,7	2395,5	6061,7	2588,9	31349,4
Калишская	19,2	675,8	284,8	138,4	158	390,6	15,4	78,1	42,3	162,8	303,2	95,9	2364,5
Келецкая	21,7	663,4	242,5	137,8	181,6	284,8	15,7	28,2	46,6	140	362,3	149,3	2273,9
Ломжинская	54,5	1919,7	418,1	10,6	181,3	352,3	40,1	143,5	338,4	324,4	249,8	183,8	4216,5
Люблинская	23,8	1404,6	277,4	46,8	272,1	308,1	47,3	70,2	275,4	306,9	542,6	546,7	4121,9
Петровская	51,6	716,6	2305,8	2251,8	604,6	2281,9	27,5	110,6	230,1	582,2	1889,6	490,5	11542,8
Плоцкая	46,6	996	259,3	35,8	103,4	272	24,8	92,9	127,9	220,8	169,8	191	2540,3
Радомская	31,4	548,7	252,9	130,4	187,7	305,9	20,6	52,8	58,4	146,7	304,9	88,7	2129,1
Сувалкская	61,3	2861,2	321,8	23,7	511,9	422,1	56	162,5	225,5	279,1	420,5	99,8	5445,4
Холмская	10,3	3392,4	383,1	3,3	357,6	225,1	237,1	108,3	165,9	225,3	460,6	70,2	5639,2
Всего	499,4	15071	12613	4354,1	5658,9	8703,9	590	1562,3	2571,2	4783,7	10765	4504,8	71623
Бакинская	42	1188,8	2597,2	1796	869,2	1164,4	65,8	106	48,7	371,6	3077,9	2052,1	13379,7
Батумская	4,2	28,4	205,6	16	73,8	158,4	12,6	16,7	111,8	83,1	277,8	498	1486,4
Дагестанская	7,8	120,5	343,2	2	77	173,4	6,5	102,3	75,5	127,2	327,3	362,9	1725,6
Елисаветполь- ская	110,3	772,3	407,5	12,6	99,3	567	55,8	55,7	95,6	342	415,4	38,6	2972,1
Карская	7,2	173,4	35,6	0	23,4	100,8	22,5	52	312,5	112,2	50,7	21	911,3
Кутаисская	54,6	670,6	266	5,6	200,8	452,6	164,5	65,6	79,5	196,4	543,4	653,4	3353
Тифлисская	149,7	1483,1	1164,1	254,4	942,2	1183,2	292,2	392,6	385,6	956,1	2129	2984,7	12316,9
Эриванская	40	251,7	115,4	0,1	78,6	274,6	42,7	146	270,1	294,7	462,9	54,4	2031,2
Всего	415,8	4688,8	5134,6	2086,7	2364,3	4074,4	662,6	936,9	1379,3	2483,3	7284,4	6665,1	38176,2
Амурская	0	1681,4	2014,4	56,1	124,5	227,3	61,8	87,7	61,6	254,2	1454,1	607,4	6630,5
Енисейская	0	2410,5	699,4	33	174,3	805,7	297,6	45	166,5	400,5	1180,3	932,1	7144,9

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Забайкальская	22,6	2283,9	1574,3	127,6	228,5	651	213,6	225,3	303,3	540,2	2123,4	305,3	8609
Иркутская	0	2098	918,6	757,6	380,2	1091,8	141,6	131,4	202,7	384,5	2347,6	1722,4	10176,4
Камчатская	0	39,9	9,5	0	2,7	12,3	4,9	0	5,3	9,8	21	13,6	119
Приморская	62,2	3287,8	2444	304,5	725,1	737,4	146,8	839,6	1805,2	762,4	4365,2	2917,2	18367,4
Тобольская	5,1	2469,8	872,9	27,2	165,7	1095	458,4	9	40,3	381,3	1212	470,2	7206,9
Томская	2	4962,9	2304,6	36,7	538,8	1854,3	882,6	57,9	113,4	854,3	4439,9	1204,4	17251,8
Якутская	0	141,5	21,6	0	25	45,3	46,1	2,1	17,2	113,9	50,8	22,1	485,6
Всего	91,9	19346	10859	1342,7	2364,8	6520,1	2253,4	1398	2715,5	3701,1	17194,3	8194,7	75991,5
Акмолинская	56,3	1351,4	596,4	57,9	158,5	720,3	227,6	189,4	37,9	474,3	1176	648,6	5694,6
Семипалатинская	0	576,7	157,8	47,4	34,8	255,9	99,9	54,6	20,4	194,8	348,1	102,5	1892,9
Семиреченская	0	557,2	219,7	0,7	33	271,4	86,9	92,7	64,8	227,2	185,4	31,6	1770,6
Тургайская	0	192	43,8	0	13,8	83,2	58,5	3,4	11,4	80,4	178,2	19,4	684,1
Уральская	1,1	593,2	388,1	0,1	43,3	647,3	68,5	84,4	3,3	67,3	304	199,9	2400,5
Всего	57,4	3270,5	1405,8	106,1	283,4	1978,1	541,4	424,5	137,8	1044	2191,7	1002	12442,7
Закаспийская	10,4	178,7	678,1	8,1	277,9	269,4	32	234,2	380,8	241,1	1507	493,5	4311,2
Самаркандская	1,6	12,7	157,4	5,7	75,1	170,2	12,1	55,8	79,3	88,9	564,6	303,8	1527,2
Сыр-Дарьинская	1,4	244,4	621,7	1,4	249,4	562,7	31,9	198,3	131,6	422,2	1163,1	398,1	4026,2
Ферганская	5,8	108,9	435,2	8,6	181,9	420,3	15,1	23	160,3	135,3	995,7	145,1	2635,2
Всего	19,2	544,7	1892,4	23,8	784,3	1422,6	91,1	511,3	752	887,5	4230,4	1340,5	12499,8
Империя	9260,6	480248,8	179527,5	72592,8	113147,8	149527,3	59451,3	17255	22193,4	55967,0	246637,9	144026,8	1549835,7

Источники: Приложение к Отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг., 1914. С. 172–173. Приложение 7. Распределение денежных вкладов по роду занятий индивидуальных вкладчиков к 1-му января 1914 г.

В своих работах я придерживаюсь районирования губерний Европейской России, принятого И. Д. Ковальченко и А. В. Муравьевым с небольшими поправками. Выделяются следующие экономико-географические районы: **Северный** (Архангельская, Вологодская, Олонецкая), **Северо-Западный** (Петербургская, Новгородская, Псковская), **Прибалтийский** (Курляндская, Лифляндская Эстляндская), **Литовский** (Виленская, Гродненская, Ковенская), **Белорусский** (Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская), **ЦПР — Центрально-Промышленный** район (Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Тверская, Ярославская), **ЦЧР — Центрально-Черноземный** район (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская), **Средневожский** (Казанская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская), **Нижневожский — Юго-восточный** (Самарская, Саратовская, Оренбургская, Уфимская, Астраханская), **Малороссийский** — Левобережный Украинский (Полтавская, Харьковская, Черниговская), **Юго-Западный** (Киевская, Волынская, Подольская), **Новороссийский — Южный степной** (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Донская), **Приуральский** (Вятская, Пермская), **Предкавказский** (Кубанская, Терская, Ставропольская и Черноморская)¹.

В Азиатской России выделяются **Польша — Царство Польское** (10 губерний, в данных за 1913 г. Седлецкую губернию заменяет Холмская, хотя территориально они не вполне совпадают), **Кавказ, Сибирь и Дальний Восток** рассматриваются как единый регион, **Степной край** (Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская и Уральская), **Туркестан** (Закаспийская, Самаркандская, Сыр-Дарьинская, Ферганская).

При анализе статистики сберегательных касс я ввожу новый район — Столичный (Петербургская и Московская) ввиду специфики развития сберегательного дела в столицах.

¹ Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР... С. 183–184.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Данные о землевладении в 1905 г.

Таблица 1

**Число личных владений крестьян и мещан и площадь их землевладения
(тыс. дес.) в 1905 г.**

Губерния	Число личных крестьянских владений	Площадь личного крестьянского землевладения	Число личных владений мещан	Площадь личного мещанского землевладения	Всего личных владений крестьян и мещан	Площадь личной собственности крестьян и мещан
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская	16789	61,4	5	0,03	16794	61,43
Астраханская	63	26,1	27	5,5	90	31,6
Бессарабская	1971	94,7	872	124,7	2843	219,4
Виленская	4835	170,9	1181	43,3	6016	214,2
Витебская	1791	178,4	2767	140,1	4558	318,5
Владимирская	5943	217,9	1093	56,5	7036	274,4
Вологодская	38220	583,3	892	45,9	39112	629,2
Вольнская	9221	157,5	5050	157,9	14271	315,4
Воронежская	3965	161,8	452	38	4417	199,8
Вятская	2606	78,3	188	12,4	2794	90,7
Гродненская	7862	114,3	12854	153,3	20716	267,6
Донская	3755	543,0	797	132,5	4552	675,5
Екатеринославская	4494	483,6	538	70,5	5032	554,1
Казанская	1687	65,2	149	14,7	1836	79,9
Калужская	6981	212,3	1202	81,6	8183	293,9
Киевская	6782	115,3	1841	41,9	8623	157,2
Ковенская	5617	186,6	1033	68,4	6650	255
Костромская	13987	543,6	1692	163,1	15679	706,7
Курляндская	37	5,5	11	4,9	48	10,4
Курская	22973	258	1092	35	24065	293
Лифляндская	0	0	0	0	0	0
Минская	3414	141,8	955	61	4369	202,8
Могилевская	6340	220	5630	158,3	11970	378,3
Московская	3577	108,4	1893	38,1	5470	146,5
Нижегородская	15580	223,4	565	39,3	16145	262,7
Новгородская	39429	1147,4	1770	148,3	41199	1295,7
Олонецкая	397	87,1	32	5,4	429	92,5
Оренбургская	740	264,4	164	63,9	904	328,3
Орловская	11559	196,7	1377	69,6	12936	266,3

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Пензенская	4007	118,2	616	51,3	4623	169,5
Пермская	358	19,4	42	4,4	400	23,8
Подольская	3787	63,8	790	18,3	4577	82,1
Полтавская	35986	344,6	8079	79,8	44065	424,4
Псковская	19090	479,1	2268	122,8	21358	601,9
Рязанская	14361	213,9	1670	62,1	16031	276
Самарская	3049	803,1	748	140,5	3797	943,6
Петербургская	5113	208,7	1614	68,7	6727	277,4
Саратовская	2694	247,3	634	76,3	3328	323,6
Симбирская	5040	145,4	489	30,6	5529	176
Смоленская	11030	319,7	1986	120,7	13016	440,4
Таврическая	10305	831,9	1380	153,3	11685	985,2
Тамбовская	7455	214,3	1053	84,5	8508	298,8
Тверская	30721	567,1	908	46,7	31629	613,8
Тульская	6731	124,9	942	41,2	7673	166,1
Уфимская	3385	229,1	349	57,9	3734	287
Харьковская	10757	260,4	1847	83,1	12604	343,5
Херсонская	2982	493,2	2649	317,3	5631	810,5
Черниговская	45574	396,6	6854	101,5	52428	498,1
Эстляндская	0	0	81	31,1	81	31,1
Ярославская	23297	474,3	3780	97,5	27077	571,8
ВСЕГО	486337	13201,9	84901	3763,73	571238	16965,63

Таблица 2

Площадь обществ и товариществ в 1905 г. (тыс. дес.)

Губерния	Земельная собственность целых обществ		Мещанские товари- щества	Смешанные товари- щества крестьян и мещан	Крестьян- ские товари- щества	Разно- словные товари- щества	Торгово- промышленные товарищества	Итого обществ и товариществ
	крестьян- ских	иных						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	0,4				0		0,2	0,6
Астраханская	0				0			0
Бессарабская	80,6		1,9		142,8		7,7	233
Виленская	0,6	0,03			12,9			13,53
Витебская	13,9		6,1	4,1	167,2			191,3
Владимирская	0,035	0,2	1,1	7,3	113,4	64,1	195,8	381,935
Вологодская	78,1	12,3	0		69,8	0,1	29,7	189,95
Вольнская	18,2	67,7	0		109,4	5,8	34,3	235,4
Воронежская	55,4		0	0,1	143,9	1,0	3,5	203,9
Вятская	7,4		0,1		10,4		12,9	30,8
Гродненская	15,1	1,3	2,5	0,3	113,7	0,02	0,2	133,12

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Донская	57,5		0		354,6		17,7	429,8
Екатерино-славская	168,4		6,4	13,4	394,1	9,2	86,7	678,2
Казанская	16			0,2	59,4	0,2	2,2	78
Калужская	85,8	0,9		0,1	30,6	0,8	68,9	187,1
Киевская	6,8	1,1	13,4	1,4	197,0	54,9	16,8	291,4
Ковенская	1,4				1,8			3,2
Костромская	163,4		4,6	10,9	195,5	4,2	152,8	531,4
Курляндская	0							0
Курская	47,6	2,2			69,1	0,5	12,3	131,7
Лифляндская	0						0,4	0,4
Минская	5,1		0,2	0,1	337,3	46,8	30,9	420,4
Могилевская	208,8	0,02	1,4		224,1		10,7	445,02
Московская	61,2	3	0,8	3,3	28,6	9,8	73,3	180
Нижегородская	93,8			0,3	106,5	25,2	103,2	329
Новгородская	184,3	2,4	2,8	0,022	365,0	6,6	342,8	903,922
Олонецкая	0				0,7		225,5	226,2
Оренбургская	186,5		0,3	2,8	247,0	18,3	451,9	906,8
Орловская	46,9	0,4	0,072		140,9		71,9	260,172
Пензенская	42,6	1,6	0,2	0,7	98,8	0,1	4,9	148,89
Пермская	1	1	0		99,2		1449,2	1550,4
Подольская	17,8	0,8	0,3	5,6	138,8	1,2	17,9	182,4
Полтавская	27,5	1,9	0,018	0,5	165,2	0,0	14,5	209,638
Псковская	38,9		15,6		230,0	69,9	13,4	367,8
Рязанская	85,7	0,7	0,4	0,042	104,6	4,3	36,7	232,442
Самарская	160,9	27,1		0,3	218,2		0,1	406,6
Петербургская	86	0,3	0,6		40,1		27,8	154,8
Саратовская	307,9		0,2	0,7	290,8	4,1	14,4	618,1
Симбирская	46,1			0,1	75,7	0,0	5,7	127,62
Смоленская	234,3				381,5	2,6	5,2	623,6
Таврическая	186,9	1			82,8		2,9	273,6
Тамбовская	83	2	0,029	0,3	96,3		21,6	203,229
Тверская	228,5		2	3,6	338,6	4,1	112,8	689,6
Тульская	38,9	0,2		0,03	83,9		2	125,03
Уфимская	267,6	25,9	2,3		729,4	3,3	15,8	1044,3
Харьковская	20,8	1,5			229,6		12	263,9
Херсонская	12,6			1,1	391,2			404,9
Черниговская	143,3	10,5	0,5	2,5	156,3	1,0	39,4	353,5
Эстляндская	0,3	1,7		0	0,0		3,4	5,4
Ярославская	95,4	0,5	1,1	0,6	67,3	1,8	10,5	177,2
ВСЕГО	3729,235	168,25	64,919	60,394	7654,0	339,9	3762,5	15779,198

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Статистика землеустройства в 1907–1915 гг.

Таблица 1

**Ходатайства об изменении условий землепользования
в рамках официальной номенклатуры землеустройства. 1907–1915 гг.¹**

<i>Губернии</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>Всего</i>
Архангельская	347	1189	14850	299	0	1888	0	739	19312
Астраханская	30908	9473	19911	2682	21	3465	0	12257	78717
Бессарабская	60772	2461	18607	3136	1571	1344	83	3698	91672
Виленская	32955	0	128	637	2830	2581	1947	145	41223
Витебская	64731	8183	4742	1401	1147	3010	1061	1553	85828
Владимирская	18347	9991	101465	288	2231	26510	1499	5394	165725
Вологодская	14149	6823	52601	495	5449	10458	445	3796	94216
Волынская	91385	185	910	163	52844	26948	11227	2380	186042
Воронежская	14263	48421	164438	31066	13470	25972	2338	28209	328177
Вятская	4492	14166	36520	6407	1374	7514	493	137	71103
Гродненская	40185	536	432	594	11220	9277	6781	4340	73365
Донская	12276	16605	12381	3974	1403	956	1230	12445	61270
Екатеринослав.	100876	66915	20848	8885	1727	165	53	1423	200892
Казанская	4114	27707	147754	8375	7940	71594	40	11331	278855
Калужская	11902	10808	41474	2047	5875	19358	2084	15355	108903
Киевская	67346	342	336	42	8806	9762	21955	52185	160774
Ковенская	59378	5	147	104	0	0	0	0	59634
Костромская	18734	7205	70810	353	1511	2834	607	2186	104240
Курская	40736	22518	46532	5062	6048	7755	1657	2630	132938
Минская	63536	299	2686	785	2675	7230	6549	1117	84877
Могилевская	50298	13124	2952	3300	903	2254	587	1310	74728
Московская	31651	8752	103463	1621	2744	35527	343	29839	213940
Нижегородская	20186	18663	55955	6422	12847	41534	3770	8202	167579
Новгородская	41876	14504	47980	866	1314	1546	467	2204	110757
Олонекская	3797	1176	19923	43	2	667	83	38	25729
Орловская	24142	18936	24931	8532	8290	11631	921	7033	104416
Пензенская	7726	30761	54352	1860	4389	5995	682	17313	123078
Пермская	31805	19183	72973	7857	5837	86961	1924	3487	230027
Подольская	21480	215	179	510	1794	4897	33705	12582	75362
Полтавская	85259	1794	4842	2208	56615	668	2841	10092	164319

¹ Категории 1, 2, 5 относятся к личному землеустройству, категории 3, 4, 6–8 — к групповому землеустройству.

Окончание таблицы 1

Губернии	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
Псковская	42591	14215	7442	3841	643	1689	98	748	71267
Рязанская	16676	16259	41353	6587	4587	17511	4420	15940	123333
Самарская	68170	70120	21051	4880	326	3111	727	10299	178684
Петербургская	46512	6313	28168	933	2613	2102	475	4252	91368
Саратовская	40084	82325	70657	2717	3808	22570	269	58985	281415
Симбирская	6888	26302	28594	2860	547	29379	2100	6475	103145
Смоленская	82168	15109	11358	9400	1091	1484	277	4839	125726
Ставропольская	4044	38172	11182	2235	0	2144	0	11369	69146
Таврическая	51729	15613	10709	4400	1244	1303	1355	3165	89518
Тамбовская	19000	29919	46048	20120	6993	27281	1690	23137	174188
Тверская	53797	13930	81901	3424	2612	6057	301	1558	163580
Тульская	19058	18720	43882	23171	5257	21611	2479	15771	149949
Уфимская	28032	33866	37959	7151	196	5179	2326	931	115640
Харьковская	100827	50713	114504	9027	1103	35623	1592	5534	318923
Херсонская	113684	32299	5942	7337	0	983	1839	15407	177491
Черниговская	19991	10798	5544	1848	30429	15146	4040	5097	92893
Ярославская	26253	10273	79389	352	1735	10074	1851	569	130496
Всего	1809156	865886	1790805	220297	286061	633548	131211	437496	6174460

Значения п. 1–8 первой строки:

1. Разверстание на хутора и отруба земель целых селений.
2. Выдел отрубных участков отдельным домохозяевам.
3. Выдел земель отдельным селениям сельских обществ.
4. Выдел земель выселкам и частям селений.
5. Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания.
6. Уничтожение чересполосности с прилегающими владениями.
7. Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев.
8. Отграничение земель.

Таблица 2

**Утвержденные землеустроительные проекты в
рамках официальной номенклатуры землеустройства. 1907–1915 гг.¹**

Губернии	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
Архангельская	176	90	7167	58	0	560	0	720	8771
Астраханская	2209	3164	4168	731	0	0	0	1975	12247
Бессарабская	22870	181	844	768	0	570	0	976	26209
Виленская	11598	0	0	56	297	624	398	145	13118
Витебская	38169	1770	1865	818	33	872	737	1005	45269
Владимирская	9657	3243	41359	37	254	9142	158	1350	65200
Вологодская	6632	710	18465	184	144	6809	34	3361	36339
Волынская	25686	5	465	104	5119	5482	1751	837	39449
Воронежская	5043	20875	49845	7903	3941	5788	2062	4236	99693

¹ Категории 1, 2, 5 относятся к личному землеустройству, категории 3, 4, 6–8 — к групповому землеустройству.

Окончание таблицы 2

<i>Губернии</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>Всего</i>
Вятская	1730	2334	9199	975	0	2186	93	0	16517
Гродненская	8345	0	0	484	750	2664	1284	3273	16800
Донская	3115	8401	9083	1320	54	0	54	4408	26435
Екатеринославская	51574	35332	8219	5147	0	0	0	107	100379
Казанская	1504	15372	67039	2550	0	44730	0	1952	133147
Калужская	5101	3484	16582	825	2484	7045	621	4194	40336
Киевская	31945	11	93	0	1082	1700	1382	19352	55565
Ковенская	23677	0	38	3	0	0	0	0	23718
Костромская	5790	1315	22094	69	326	389	66	672	30721
Курская	16259	7798	19421	1647	307	429	44	80	45985
Минская	13344	1	709	66	142	1884	171	318	16635
Могилевская	23988	2993	1330	1285	151	157	117	478	30499
Московская	15116	2858	62159	1100	1757	11399	57	6763	101209
Нижегородская	9135	9103	24052	1880	4699	11307	32	3544	63752
Новгородская	15854	3032	15358	209	148	358	105	581	35645
Олонецкая	861	84	4179	0	0	519	0	0	5643
Орловская	9058	6235	9118	1914	785	1401	54	168	28733
Пензенская	4327	17127	23255	125	198	958	482	9928	56400
Пермская	8021	4307	14619	574	0	14870	0	575	42966
Подольская	10472	0	0	57	34	392	3898	0	14853
Полтавская	44158	367	1657	670	1644	55	49	9858	58458
Псковская	23525	2087	2762	2198	5	216	33	543	31369
Рязанская	4674	7843	20472	3385	797	1588	358	6285	45402
Самарская	48858	31731	9235	750	0	129	0	1271	91974
Петербургская	26312	1971	15099	451	2101	587	53	1149	47723
Саратовская	21034	34795	17156	352	0	3211	0	49448	125996
Симбирская	2930	17041	13307	770	4	13116	0	2517	49685
Смоленская	31678	3525	2415	1202	361	499	107	1133	40920
Ставропольская	1125	29914	7189	1787	0	1500	0	5989	47504
Таврическая	29265	7104	6161	2753	121	407	0	2230	48041
Тамбовская	10027	14031	23540	4867	294	3524	0	11414	67697
Тверская	20996	2608	42625	1244	60	511	70	105	68219
Тульская	9976	10018	32113	15430	755	4855	1030	7610	81787
Уфимская	9987	7101	12696	1442	0	169	54	618	32067
Харьковская	54281	20000	42892	1938	30	14913	274	2721	137049
Херсонская	45509	15221	4400	3570	0	368	1326	5076	75470
Черниговская	6791	2898	1658	1513	2280	3739	2519	2097	23495
Ярославская	11047	1437	37209	53	348	4779	336	206	55415
ВСЕГО	783429	359517	723311	75264	31505	186401	19809	181268	2360504

Значения п. 1–8 первой строки — см. таблицу 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Статистика железнодорожных перевозок сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг.

Таблица 1

Получение сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (тыс. пуд.).
Вариант 1

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Архангельская	0	0	0	0	0	2	2	3	6	6	6	8
Олонецкая	0	0	0	0	0	0	0	0	2	4	5	5
Вологодская	5	4	5	10	15	22	24	23	36	39	63	86
Петербургская	38	41	23	43	57	70	85	100	96	109	145	166
Псковская	11	21	10	15	31	40	34	37	53	71	99	114
Новгородская	7	11	5	6	12	20	16	17	18	42	55	79
Курляндская	49	49	52	62	48	87	109	92	99	144	175	175
Лифляндская	107	105	88	122	116	194	201	316	240	279	340	415
Эстляндская	13	13	9	35	27	56	62	84	76	54	61	70
Виленская	33	36	39	31	50	56	67	106	87	132	180	194
Гродненская	44	49	21	54	83	100	99	63	102	115	167	213
Ковенская	32	49	65	50	73	107	98	103	126	166	214	267
Витебская	41	46	27	47	53	77	81	92	120	164	212	276
Минская	53	49	45	81	90	95	119	120	127	152	217	240
Могилевская	30	29	21	49	39	41	44	41	64	98	168	250
Смоленская	12	22	26	41	46	50	33	40	54	81	151	198
Черниговская	39	23	33	65	55	49	39	57	87	152	220	242
Московская	242	176	164	189	175	189	237	184	236	364	369	482
Владимирская	23	78	46	33	95	43	46	52	58	69	73	81
Костромская	0	0	8	17	13	15	21	15	31	20	38	52
Тверская	19	20	10	39	54	59	39	27	34	62	109	132
Ярославская	16	23	22	58	24	26	27	24	25	27	35	51
Калужская	5	11	7	19	22	30	19	19	24	50	83	89
Курская	100	117	109	136	116	152	139	154	225	300	363	390
Орловская	35	42	22	91	105	103	113	132	219	209	268	308
Тамбовская	73	70	55	193	79	130	196	247	381	325	485	447
Тульская	32	38	22	62	58	63	104	127	93	156	192	208
Рязанская	21	26	9	41	24	51	79	75	78	103	106	160
Пензенская	9	18	15	64	22	61	67	110	131	137	213	252

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Симбирская	36	37	17	60	62	96	85	73	79	106	115	152
Казанская	37	52	36	87	59	42	44	60	56	50	54	145
Нижегородская	36	39	45	122	73	53	76	74	70	90	109	164
Киевская	273	293	415	452	472	477	319	475	563	705	914	883
Подольская	89	140	157	234	235	230	197	270	314	443	539	398
Волынская	71	126	166	156	188	182	138	136	174	287	349	392
Донская	787	765	764	1164	856	1073	1408	1666	1901	1749	1494	1831
Екатеринослав.	164	123	155	963	995	900	1048	1413	1843	2204	2069	1551
Херсонская	156	335	562	630	930	804	770	1057	1368	1469	1560	1426
Бессарабская	28	148	202	233	258	207	182	270	340	420	507	391
Таврическая	111	95	102	260	281	349	361	434	652	712	640	607
Харьковская	236	198	242	396	303	313	410	450	569	842	1188	1088
Полтавская	153	151	281	491	443	426	298	434	618	955	1162	929
Воронежская	79	66	58	157	92	94	170	267	411	537	693	702
Саратовская	253	241	218	520	236	363	509	585	924	831	606	1184
Самарская	333	446	366	590	296	335	587	1079	1569	1278	995	2331
Оренбургская	312	467	490	424	587	490	738	743	771	628	473	947
Уфимская	56	66	85	155	169	135	208	246	357	283	171	362
Астраханская	0	0	0	6	3	5	8	6	4	7	8	28
Вятская	0	0	0	3	4	5	9	15	34	34	47	85
Пермская	33	32	25	90	112	156	173	181	181	184	170	441
Кубанская	453	640	833	803	971	1024	1112	1276	1546	1383	1543	1658
Ставропольская	144	217	200	157	158	210	244	247	277	231	252	377
Терская	180	244	214	201	205	273	313	340	406	352	368	392
Уральская	42	110	77	43	32	26	35	88	143	134	122	243
Тургайская	0	0	0	0	16	49	146	115	145	133	134	213
Ферганская	3	4	9	8	5	17	20	17	56	60	54	70
Сыр-Дарьинская	7	13	20	0	58	84	101	62	55	83	100	122
Закаспийская	0	0	0	2	2	8	7	7	8	13	6	11
Самаркандская	0	0	0	0	3	8	6	3	8	13	9	19
Бухара	0	0	0	0	0	5	8	3	12	18	5	6
Елисаветпольск	4	3	0	4	6	7	13	15	16	20	29	27
Бакинская	6	6	0	11	16	20	23	27	22	39	61	75
Эриванская	3	4	0	13	12	9	9	11	17	22	24	13
Карсская	2	4	7	6	8	6	5	6	9	18	23	15
Тифлисская	0	16	16	22	21	24	17	25	44	36	43	47
Дагестанская	0	0	0	6	16	5	12	6	6	4	8	9

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Кутаисская	0	0	0	2	0	2	0	0	5	2	5	0
Тобольская	50	56	70	218	247	266	386	386	341	286	284	475
Акмолинская	139	163	292	267	708	924	1233	2021	1078	1473	1472	1740
Семипалатинская	0	0	0	0	7	11	24	6	0	0	2	3
Томская	71	83	180	172	670	1222	1455	1260	1237	1822	1768	2331
Енисейская	21	15	33	56	234	267	200	188	231	325	221	237
Иркутская	12	20	18	15	93	106	55	76	122	142	97	88
Забайкальская	0	0	8	27	85	133	72	88	133	268	282	170
Приморская	112	87	94	3	73	171	120	118	116	268	276	415
Амурская	0	0	0	0	0	49	39	17	103	113	119	210
Варшавская	198	292	198	346	426	512	652	507	510	561	818	785
Ломжинская	23	18	9	28	36	57	48	36	50	70	76	85
Сувалкская	11	22	30	20	33	41	35	46	58	75	88	125
Петроковская	25	21	17	39	65	120	124	107	157	179	203	209
Плоцкая	11	9	18	19	28	33	34	32	36	49	52	67
Люблинская	44	58	50	49	67	75	87	80	100	117	168	191
Седлецкая	27	23	22	34	39	54	78	71	90	86	129	165
Радомская	27	21	34	34	48	57	48	42	56	86	110	119
Келецкая	29	15	18	19	37	43	39	39	48	68	92	112
Калишская	0	0	0	10	14	23	31	20	26	20	38	31
Всего учтено	5976	7150	7811	11477	12672	14658	16762	19777	22983	26009	27749	32537
Всего перевезено	8152	8842	10660	12798	14034	16006	18258	21461	24373	27520	29673	34517
Доля учтенного,%	73,3	80,9	73,3	89,7	90,3	91,6	91,8	92,2	94,3	94,5	93,5	94,3

Таблица 2

Получение сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг. (тыс. пуд.)**Вариант 2¹**

Губернии	1900	1901	1902	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Оренбургская	312	467	490	4235	5809	4751	5497	5755	6023	4901	2539	7464
Тобольская	50	56	70	2176	1676	2498	3050	2871	1985	1394	1725	3945
Акмолинская	139	163	292	2670	5120	8820	9546	17817	7303	10148	12714	12396
Томская	71	83	180	1720	5815	11061	13090	10783	9924	15634	14786	20930
Енисейская	21	15	33	562	1795	2405	1426	1419	1572	2604	1557	1894
Остальные губернии России	См. данные в таблице 1											
Всего	5976	7150	7811	114768	122486	144431	160107	190449	220118	249430	268647	314710

¹ Подробно см. § 6.4.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

Статистика кредитной кооперации на 1 января 1906 г., 1914 г. и 1915 г.

Таблица 1

Кредитные кооперативы на 1 января 1906 г.

Губернии и области	Кредитные товарищества				Судно-сберегательные товарищества				остаток на 1 января 1906 г. (тыс. руб.)	
	число товариществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	выдано ссуд в течение года (тыс. руб.)	остаток на 1 января 1906 г. (тыс. руб.)	число товариществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)		выдано ссуд в течение года (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Архангельская	0	0	0,0	0,0	0,0	2	126	7,9	11,5	6,0
Астраханская	2	1069	77,3	168,7	67,9	1	43	35,7	9,3	15,8
Бессарабская	3	940	22,9	27,0	19,9	25	14560	969,9	1172,5	868,1
Виленская	0	0	0,0	0,0	0,0	10	6047	326,7	420,0	187,5
Витебская	0	0	0,0	0,0	0,0	8	5042	256,5	439,3	233,6
Владимирская	20	9185	170,8	264,7	146,7	6	2144	266,6	145,6	106,1
Вологодская	1	181	3,0	3,9	2,8	3	242	35,4	103,0	31,3
Вольнская	6	665	17,2	20,7	15,9	2	1014	167,0	267,3	143,3
Воронежская	30	17619	448,4	631,1	406,1	20	15437	825,9	1326,4	702,3
Вятская	5	907	28,9	52,9	26,4	9	3334	141,7	239,7	115,1
Гродненская	0	0	0,0	0,0	0,0	3	3054	222,6	232,1	120,1
Донская	20	3207	109,8	142,5	106,3	19	6960	880,9	1407,2	789,5
Екатеринославская	39	14622	577,5	932,1	552,5	14	7375	641,7	895,0	577,6
Казанская	15	4002	54,6	77,5	47,2	4	1071	61,5	60,3	53,3
Калужская	7	1431	41,2	53,4	37,0	3	158	52,9	115,1	36,2
Киевская	14	3154	78,4	82,4	73,0	15	15552	1110,7	1158,2	990,3
Ковенская	0	0	0,0	0,0	0,0	31	18261	2814,6	2231,2	2341,2

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Костромская	1	1228	32,5	67,4	30,8	9	1309	109,7	170,0	87,3
Куряндская	0	0	0,0	0,0	0,0	73	14460	7460,5	6787,9	6530,5
Курская	52	19570	492,3	442,6	453,5	2	155	19,3	39,7	14,7
Лифляндская	0	0	0,0	0,0	0,0	66	21322	13963,4	10260,1	11792,8
Минская	1	1533	41,3	86,3	36,0	17	11250	956,0	1763,2	820,2
Могилевская	4	1929	131,5	201,0	116,3	4	3039	172,4	281,0	126,9
Московская	13	5978	154,5	180,7	127,8	8	2793	238,5	198,8	170,6
Нижегородская	22	4826	120,9	146,9	100,1	4	1158	129,5	341,4	104,2
Новгородская	17	6765	98,4	121,7	90,1	15	6082	291,1	657,4	246,6
Олонечкая	0	0	0,0	0,0	0,0	0	0	0,0	0,0	0,0
Оренбургская	15	2853	46,8	76,6	39,1	1	46	10,1	7,4	7,0
Орловская	19	10963	165,4	206,4	157,7	3	785	24,3	29,4	19,4
Пензенская	10	1480	21,1	26,7	20,0	0	0	0,0	0,0	0,0
Пермская	29	19899	444,7	576,0	369,5	63	22773	1015,4	1268,7	871,6
Подольская	0	0	0,0	0,0	0,0	4	9378	928,8	1473,0	831,2
Полтавская	29	14075	778,4	793,8	700,1	20	6698	651,2	1337,3	579,1
Псковская	3	1428	25,8	36,0	11,9	21	15094	703,7	582,4	580,8
Рязанская	4	1980	41,8	104,3	39,7	4	1575	96,3	205,5	81,1
Самарская	81	36228	871,4	1436,7	718,0	3	373	27,1	38,7	24,2
Петербургская	4	721	53,9	47,6	28,6	23	4825	426,6	430,8	369,2
Саратовская	27	5739	133,8	208,6	122,2	25	10370	768,0	1756,8	659,4
Симбирская	16	6160	162,0	196,8	148,6	1	873	80,0	108,8	65,5
Смоленская	12	5424	92,1	169,3	75,4	6	4871	206,1	282,2	170,8
Таврическая	18	18562	1527,2	1671,0	1251,8	48	38078	4456,7	6077,4	3729,8
Тамбовская	14	3288	115,7	132,0	101,7	15	4361	389,6	668,8	314,1
Тверская	5	2401	49,8	60,3	37,5	13	4451	489,0	1113,6	407,7
Тульская	16	2195	28,1	31,9	24,9	7	2326	84,0	153,5	71,6
Уфимская	23	8837	106,9	205,8	82,2	5	859	41,2	50,8	30,1

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Харьковская	16	2904	66,5	86,4	55,8	11	5060	537,1	691,1	498,3
Херсонская	85	28402	511,0	604,1	481,6	6	2700	391,2	446,6	361,4
Черниговская	2	1903	136,3	150,1	121,0	19	8843	620,1	900,0	556,6
Энгельндская	0					7	1093	1430,0	1333,7	901,6
Ярославская	6	1440	24,2	37	21,2	6	982	105,8	131,0	69,0
Всего	706	275693	8104,3	10561	7064,8	684	308402	45640,9	49820,7	38410,6
Варшавская	1	1727	103,5	88	73,2	26	20647	3571,3	2143,9	3125,6
Калишская	1	929	44,6	40,3	38,7	19	5525	856,4	1153,5	757,7
Келецкая	0	0	0	0	0	8	3904	346,5	357,4	309,9
Ломжинская	2	464	33	25	25,3	6	1644	204,6	171,6	187,3
Люблинская	1	1156	75,2	63,4	70,7	14	10005	1641,8	1564,7	1463,7
Петрововская	0	0	0	0	0	25	20653	2775,5	2137,6	2498,5
Плоцкая	15	11159	674,7	849,6	567,6	1	87	5,8	4,5	5,5
Радомская	0	0	0	0	0	11	7278	848,9	1097,5	814,6
Сувальская	0	0	0	0	0	3	1002	132,6	161,8	125,7
Седлецкая	0	0	0	0	0	5	1042	140,8	105,8	135,0
Всего	20	15435	931	1066	775,5	118	71787	10524,2	8898,3	9423,5
Бакинская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Батумская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Дагестанская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Елисаветпольская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Карская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кубанская	16	2747	73,9	116	57,1	20	13189	1920,1	2148,9	1687,9
Кутаисская	1	35	1,1	0,1	0,9	21	3724	242,9	372,5	236,9
Сухумский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ставропольская	13	5934	276,2	307,1	248,8	0	0	0	0	0
Терская	6	2155	95,4	196,8	90,3	0	0	0	0	0

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тифлисская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Черноморская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Эриванская	2	100	3,6	3,9	3,3	3	1138	124,8	277,9	98,9
Всего	38	10971	450,2	623,9	400,4	44	18051	2287,8	2799,3	2023,7
Амурская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Енисейская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Забайкальская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Иркутская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Приморская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тобольская	0	0	0	0	0	4	469	36,7	55,2	20,5
Томская	4	1303	18,3	32,7	15,2	3	390	14,2	24,7	13,6
Якутская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
О-в Сахалин	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	4	1303	18,3	32,7	15,2	7	859	50,9	79,9	34,1
Акмолинская	5	955	18,3	18,1	16,7	2	404	42,2	69,9	41,4
Закаспийская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Самаркандская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Семипалатинская	0	0	0	0	0	1	93	11,5	21,8	9,3
Семиреченская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сыр-Дарьинская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тургайская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Уральская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ферганская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	5	955	18,3	18,1	16,7	3	497	53,7	91,7	50,7
Империя	773	304357	9522,1	12302	8272,6	856*	399596	58558	61690	49943

Источник: Статистический ежегодник России. 1908 г. ... С. 452—453.

* В том числе 87 судо-сберегательных товариществ 1904 г. ввиду не представления отчетов за 1905 г.

Таблица 2

Кредитные товарищества на 1 января 1914 г. и на 1 января 1916 г.

Губернии и области	На 1 января 1914 г.				На 1 января 1916 г.			
	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	остаток ссуд (тыс. руб.)	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	остаток ссуд (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	32	8695	201,6	181,6	42	11946	282,8	220,3
Астраханская	42	21055	1618,3	1367,1	44	23424	2355	1639,4
Бессарабская	231	216439	16882,7	15311,8	258	218400	17571,1	14567,6
Виленская	32	12918	428,7	400,8	48	20453	685,4	578,4
Витебская	29	15993	936,6	839,7	36	23971	1478,6	1286,7
Владимирская	177	127447	5707,6	4610,3	194	142898	6982,1	3936,5
Вологодская	87	40872	900,9	796,8	120	66792	2125,6	1289,1
Вольнская	291	139468	5193,0	4805,8	344	180079	6940,7	6062,9
Воронежская	206	229651	13418,4	10456,5	236	260030	17273,7	9340,0
Вятская	356	301729	8799,0	7844,8	419	365040	14181,6	9242,0
Гродненская	78	33150	1886,6	1605,7	83	44317	2098,5	1682,9
Донская	215	139484	12385,1	11024,2	241	163919	18115,9	13646,4
Екатеринославская	173	95322	7636,5	7166,6	195	110651	10274,2	8744,4
Казанская	180	145766	4325,5	3936,0	202	180577	5875,1	4328,8
Калужская	48	24955	890,6	716,7	59	34656	1329,4	784,9
Киевская	142	116065	7813,0	6602,3	188	162390	10190,6	7492,5
Ковенская	5	2320	211,1	165,3	7	4049	313,5	270,4
Костромская	151	77335	2318,8	1987,7	235	118467	4302	2897,9
Курляндская	1	658	220,5	212,1	1	747	279,6	264
Курская	198	134482	6730,8	5529,3	225	162786	9584,1	5374,7
Лифляндская	1	316	80,3	76,1	1	353	95,0	89,9
Минская	53	25626	1098,0	986,0	89	48531	1944,1	1457,9
Могилевская	91	78483	3565,7	3199,1	96	97895	3408,9	2622,6
Московская	135	66169	2978,2	2487,0	174	97079	5690,7	3270,5
Нижегородская	195	103931	4515,7	3883,8	235	131536	7213,3	4564,5
Новгородская	92	45088	1193,5	1039,5	129	66963	2459,2	1453,6
Олонецкая	45	12253	228,3	209,7	64	23105	546,1	434,1
Оренбургская	251	164827	6490,8	5776,8	305	211540	15650,9	11872,2
Орловская	215	194812	7916,6	6914,2	226	220118	10653	5801,7
Пензенская	177	131142	4970,7	4383,8	205	152634	7193,9	4956,8
Пермская	378	274452	9204,8	7320,9	423	332095	14767,5	9073,9
Подольская	83	53549	2419,7	2179,3	129	77829	3212,5	2647,1
Полтавская	229	171755	11791,4	10722,6	250	200234	15541,2	11234,3
Псковская	76	38897	929,7	666,9	117	63754	1452,0	848,8
Рязанская	188	127830	4167,1	3549,4	217	160741	5869,8	3660,7
Самарская	289	218854	11605,5	10024,2	315	251082	16003,8	10457,9

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Петербургская	12	4558	215,4	135,4	15	7368	386,9	187,9
Саратовская	197	129473	6147,7	5279,7	245	164327	10922,4	7912,7
Симбирская	127	94544	3257,3	2740,0	153	129024	6081,4	3457
Смоленская	131	75962	2983,3	2255,8	186	112198	4840,7	2917,3
Таврическая	94	73372	8054,5	6725,4	107	80373	12725,6	8419,4
Тамбовская	256	170505	6762,3	6043,7	297	225727	11944,3	7576,4
Тверская	83	41493	1576,9	1071,1	145	72360	3244,0	1603,7
Тульская	212	130885	5112,7	4492,9	227	139322	8093,2	4630,1
Уфимская	243	212520	5907,7	5099,3	291	274884	9321,9	6059,6
Харьковская	238	218523	14722,2	13238,6	265	261092	19945,7	14472,7
Херсонская	324	227901	15991,4	13711,4	347	230578	19208,3	14196,5
Черниговская	203	107212	4921,7	4547,6	237	144449	7553,4	6584,4
Эстляндская	0	0	0	0	0	0	0	0
Ярославская	143	82175	3442,3	2615,8	170	106174	6672,3	3172,5
Всего	7435	5160911	250756,7	216937,0	8837	6378957	364882	249287
Источник	7434	5160911	250777,0	216937	8837	6378956	364882	249289
Варшавская	4	5120	412,7	334,2	5	5071	451,2	368,7
Калишская	1	2371	239,9	197,8	1	2435	278,4	204,5
Ломжинская	7	8279	993,5	678,9	7	8519	1126,1	717,4
Люблинская	10	16067	1860,9	1668,3	10	17467	1016	1669,6
Петровская	2	710	61,8	54,6	2	782	1896,7	63,2
Плоцкая	29	31760	3508,8	3071,9	29	32622	70,2	3212,6
Келецкая	37	9938	923,7	859,4	41	11737	3696,5	1056,1
Радомская	4	1488	176,5	146,1	4	1757	214,6	181,6
Холмская	22	10704	866,0	787,6	22	11598	974,8	880,1
Всего	116	86437	9043,8	7798,8	121	91988	9724,4	8353,8
Бакинская	53	12784	611,2	508,4	85	26661	1259,7	973,9
Батумская	7	1175	42,4	40,7	7	1412	60,9	55,3
Елисаветпольская	12	4223	151,9	142,4	22	10889	456,6	421,8
Карсская	3	1043	16,2	15,3	3	1192	11,3	9,9
Кубанская	172	129336	13905,6	11975,4	188	138371	17505,5	12623,3
Кутаисская	80	21671	632,9	595,8	111	37759	1376,9	1211,6
Ставропольская	49	39190	3028,0	2565,5	61	45681	5722,2	4229,3
Терская	106	52775	4144,4	3577	128	79904	8361,3	6140,8
Тифлисская	85	27013	616,0	545,1	96	34926	1312,8	1138,9
черном	13	4008	193,3	168,2	13	4521	249	201,7
Эриванская	30	11784	193,8	163,4	34	15353	386,2	290
Сухумский окр.	9	2007	92,4	83,4	16	3604	215,6	204,9
Дагестанская	12	1943	111,6	90,2	25	6090	262,3	223,4

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего	631	308952	23739,7	20470,7	789	406363	37180,3	27724,8
Источник	633	308592	23739,7	20470,7	789	406363	37180,4	27724,9
0								
Акмолинская	117	45614	1564,1	1464,7	134	61619	2749,2	2275,6
Енисейская	95	49098	1339,5	1154,8	115	69161	2318,3	1365,9
Забайкальская	68	23783	645,2	512,3	100	45295	1535,2	981,4
Закаспийская	6	1291	40,9	39,5	2	431	47,3	38,4
Приморская	58	14150	639,6	543,8	69	24163	1343,5	1054,0
Самаркандская	89	21572	443,4	301,9	110	32018	513	156,6
Семипалатинская	30	9712	456,9	390,4	40	16893	999	770,1
Семиреченская	22	8883	300,7	273,7	39	19024	823,9	669,8
Сыр-Дарьинская	14	1722	36,8	33,3	1	230	11,9	10,6
Тобольская	210	140609	4730,0	4197,2	227	156537	6526,9	4353,1
Томская	378	260734	8619,2	6939,8	465	342576	15864,2	9226,8
Тургайская	44	16542	443,4	408	75	36794	2730,2	2422,9
Уральская	25	10748	522,3	464,8	29	14756	1112,6	932,2
Ферганская	118	28694	612,6	423,9	123	33797	747,1	398,6
Иркутская	63	30670	883,8	765,5	83	45536	1779,6	1309,2
Амурская	20	4314	257,8	224,8	36	10834	880,8	805,4
Якутская					1	95	7,2	6,9
Сахалин					2	155	11,3	10,5
Всего	1357	668136	21536,2	18138,4	1651	909914	40001,2	26788,0
Империя	9540	6224436	305096,3	263344,9	11398	7787221	451787,6	312155,4

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 564–569.

Таблица 3

Ссудо-сберегательные товарищества на 1 января 1914 г. и на 1 января 1916 г.

Губернии и области	На 1 января 1914 г.				На 1 января 1916 г.			
	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	остаток ссуд (тыс. руб.)	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	остаток ссуд (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	4	495	21,5	16,2	4	594	27,1	18,9
Астраханская	35	11197	1374,9	886,7	45	15145	2387,4	1232,0
Бессарабская	133	97332	10385,1	9348,0	139	94641	9686,6	8374,1
Виленская	64	28854	2925,5	2162,8	64	28691	1898,0	1483,7
Витебская	97	55127	4553,0	3604,2	120	71625	4884,4	3464,5
Владимирская	17	8462	775,9	477,4	19	10159	999,3	451,5
Вологодская	4	1412	62,8	54,7	3	1662	79,9	40,3
Вольнская	72	50787	4795,5	3805,3	81	59247	3923,7	3288,2
Воронежская	19	18723	1302,1	1112,2	21	18139	1521,5	1037,7

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вятская	11	6913	327,7	280,7	11	6999	408,1	280,7
Гродненская	43	34026	4301,5	3164,5	43	35505	2438,6	1950,4
Донская	80	50763	6634,3	5697,2	83	52395	8650,2	6369,3
Екатеринославская	82	56173	6041,3	5526,4	91	61144	8190,8	5983,5
Казанская	13	7894	445,3	360,0	14	8819	519,6	375,4
Калужская	68	29823	1036,5	872,0	88	41798	1689,6	1025,6
Киевская	155	155000	14622,3	12465,1	189	167608	13431,2	10304,1
Ковенская	57	27995	4834,7	3270,8	63	29560	4746,0	3362,0
Костромская	13	4219	216,1	178,5	14	5273	292,5	208,1
Курляндская	100	35500	22941,8	20695,6	102	46327	24755,6	22264,8
Курская	4	2495	240,1	216,9	4	2215	326,2	187,6
Лифляндская	138	68138	52122,9	43559,5	139	69806	50738,7	43235,4
Минская	103	58273	6553,9	5508,8	103	59973	5184,5	4096,0
Могилевская	48	34524	2779,3	2326,8	51	35405	1959,9	1379,1
Московская	50	22068	1121,2	936,9	53	29880	1800,7	1116,6
Нижегородская	14	4887	289,1	250,7	16	6404	454,5	338,7
Новгородская	20	9589	463,3	369,0	29	12527	658,8	417,4
Олонецкая	0	0	0,0	0,0	0	0	0,0	0,0
Оренбургская	4	1285	100,2	90,2	4	1894	265,5	204,2
Орловская	25	19590	1149,5	925,3	29	23777	1608,7	872,4
Пензенская	10	6334	307,3	273,9	11	7708	400,8	303,2
Пермская	34	15866	974,7	833,2	34	14113	1066,7	781,4
Подольская	112	75962	6199,3	5211,6	163	91531	5807,4	4855,2
Полтавская	73	44129	3894,7	3408,1	77	47438	5027,3	3368,6
Псковская	18	12314	634,3	475,0	17	11800	599,9	424,9
Рязанская	16	10345	491,6	405,6	16	11763	649,2	388,9
Самарская	8	4298	279,7	244,3	10	5554	580,8	407,6
Петербургская	69	30550	3469,7	2908,5	78	35120	4082,2	2854,4
Саратовская	34	21718	1897,3	1595,4	32	18148	2232,4	1474,6
Симбирская	5	1988	149,0	127,4	5	2257	263,3	167,2
Смоленская	13	7499	454,7	338,4	15	8014	503,1	345,5
Таврическая	57	60685	9320,2	7925,3	61	61468	12619,2	9017,7
Тамбовская	61	41068	2492,7	2146,8	61	45101	3701,6	2310,7
Тверская	19	6289	447,3	353,4	20	7464	684,8	372,4
Тульская	22	13406	655,0	546,7	23	14869	1091,6	643,2
Уфимская	6	3217	194,0	164,2	6	3328	261,3	168,9
Харьковская	23	19500	2547,3	2195,9	24	22242	3299,7	2286,6
Херсонская	74	53644	5365,6	4404,0	92	59408	6051,6	4330,5
Черниговская	52	35371	3346,2	2872,5	56	37302	3663,1	2744,8
Эстляндская	44	14230	7576,2	5603,7	44	16119	7368,4	5832,4
Ярославская	30	12053	559,0	456,2	39	16336	240,0	554,2

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего	2253	1392010	203673,5	170652,5	2506	1534295	213722,0	166995,2
Источник	2253	1392010	203673,5	170652,5	2506	1532113	213722,0	167015,1
Варшавская	125	113669	23909,2	16973,7	142	119155	23525,2	16872,3
Калишская	90	38147	7974,6	6993,9	94	41412	8880,9	7801,8
Келецкая	42	17985	2563,5	2197,4	43	19295	2779,7	2397,8
Ломжинская	66	20870	2891,0	2372	71	22757	3150,3	2629,2
Люблинская	119	73851	12344,1	10858,4	129	79579	12397,3	10345,5
Петроковская	148	115915	21804,2	16310,2	155	118315	22269,5	16591,9
Плоцкая	17	6314	722,2	625,6	17	6707	797,0	684,2
Радомская	59	36721	5900,2	4999,1	62	39368	6375,6	5408,1
Сувалкская	29	7808	1309,5	986,6	30	8380	1533,7	1071,7
Холмская	51	41330	6970,2	5636,4	51	42649	7166,5	6043,0
Всего	746	472610	86388,5	67953,3	794	497617	88875,7	69845,5
Источник	746	472608	86388,5	67953,2	794	497617	88875,7	69845,5
Батумская	4	700	59,2	55,4	4	848	90,422	80,1
Елисаветпольская	21	4723	282,3	262,1	24	10511	724,999	703,7
Карсская	6	4368	505,8	464,6	7	4393	605,954	206,1
Кубанская	77	61445	11592,0	9738,9	79	62095	13298,534	9956,8
Кутаисская	22	4816	277,6	257,9	24	6912	436,797	371,7
Терская	5	2048	297,0	240,3	6	4825	1238,529	605,8
Тифлисская	33	10135	373,7	341,9	53	25261	1729,782	1037,4
Эриванская	23	11129	1256,3	1038	29	12689	1505,65	1030,6
Бакинская	5	448	269,9	118,4	6	830	455,351	205,3
Сухумский округ	15	2583	216,5	206,6	22	4460	388,262	371,7
Дагестанская	3	1478	150,3	144,7	3	2051	219,702	181,1
Ставропольская	3	1485	109,9	98,4	12	4094	851,276	509,2
Всего	217	105358	15390,6	12967,2	269	138969	21545,258	15259,5
Акмолинская	25	11590	663,5	623,5	31	12506	833,8	644,9
Закаспийская	42	8003	233,0	72,5	60	11601	428,4	154,2
Енисейская	1	538	18,4	10,9	1	714	51,2	23,9
Семипалатинская	5	1633	34,9	31,2	6	3567	140,7	124,3
Сыр-Дарьинская	102	19320	624,7	563,1	160	34808	1491,8	837,4
Тобольская	13	6524	316,3	277,9	13	5687	257,2	201,5
Томская	17	5863	264,2	236,6	18	7899	444,8	309,8
Тургайская	6	2643	163,4	148,4	6	2726	351,0	264,7
Уральская	34	12817	857,9	751,5	35	15217	1484,2	1168,9
Семиреченская	4	907	43,4	38,5	4	954	59,0	54,6
Самаркандская	3	471	10,9	2,7	4	736	20,2	13,1

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ферганская	2	1383	60,0	36,2	116	25937	856,2	622,3
Амурская	1	231	29,4	25,6	2	413	92,5	90,7
Забайкальская	2	417	9,5	8,1	3	946	32,0	23,2
Иркутская	6	3315	132,8	112	10	5372	305,6	217,9
Всего	263	75655	3462,4	2938,7	469	129083	6848,6	4751,4
Источник	271	75655	3462,4	2938,9	469	129083	6848,6	4751,4
Империю	3487	2045631	308915	224650,8	4038	2297782	330991,5	256835,7

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 558–563.

Таблица 4

Кредитные кооперативы на 1 января 1912 г.

Губернии и области	Кредитные товарищества				Ссудо-сберегательные товарищества			
	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	выдано ссуд в течение года (тыс. руб.)	число товари- ществ	число членов	оборотный капитал (тыс. руб.)	выдано ссуд в течение года (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская	28	7050	138,6	252,4	4	382	16,9	20,1
Астраханская	42	19434	1262,8	1671,1	25	7590	794,2	1160,8
Бессарабская	207	193348	14186,8	14987,7	131	96902	9895,2	14411,2
Виленская	24	8169	268,4	392,3	59	24714	2336,9	3901,3
Витебская	20	9795	507,5	550,3	80	42336	3455,4	4100,5
Владимирская	169	110427	4359,1	5573,2	17	7520	659,2	640,1
Вологодская	68	26071	537,5	839,8	3	1030	40,7	57
Волынская	242	106788	3730,8	4721,6	60	42826	3672,9	6284,2
Воронежская	194	201900	9809,8	10503,6	19	17473	1138,4	1593,1
Вятская	324	247860	6653,7	10189,2	11	6307	285,6	442
Гродненская	61	21656	1103,4	1103,5	41	30017	3606,9	4827,8
Донская	193	115427	8688,5	10139,9	78	46094	5360,3	5855,4
Екатеринославская	153	77758	4966,5	5932,4	64	43846	4304,6	5421,6
Казанская	167	114999	2791,1	3770,9	12	5652	290,9	453,4
Калужская	36	18113	534,4	802,1	52	20614	604,3	1012,4
Киевская	101	76860	4535,9	4499,8	135	133201	11327,2	15092,2
Ковенская	6	2216	158,4	191,5	68	33535	5072,3	4692,4
Костромская	110	52725	1359,4	2177,1	13	3352	177	87,2
Курляндская	1	545	167,9	78,1	100	32664	20179,3	23728,7
Курская	182	110017	4672,6	5796,7	4	2403	200,9	300,4
Лифляндская	1	291	69	22,8	135	59908	45039,4	31683
Минская	26	11497	587,2	800,4	101	51412	5460,3	9786,7
Могилевская	81	53491	2123,3	2888,1	48	29901	2153,8	3848,6

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Московская	95	46174	1545,5	2270,9	40	15417	691,3	875
Нижегородская	170	84219	2849,1	3931,9	12	3566	195,5	337,1
Новгородская	75	34026	730,9	1020,4	20	8573	391,9	617,9
Олонецкая	25	5698	88	147,5	0	0	0	0
Оренбургская	210	126696	4134,3	5908,7	3	888	50,8	99,7
Орловская	204	166161	5532,2	7375,2	16	12712	651,6	838,8
Пензенская	157	102100	3121,1	4475,9	10	4854	190,3	307,9
Пермская	308	220093	6897,7	8406,1	36	14701	891,5	1112,5
Подольская	63	39780	1568,7	1679,3	86	62611	4785	6671,2
Полтавская	203	138962	8781,3	9364,1	71	37926	3097,3	5406,5
Псковская	55	26567	538,1	789,5	18	11723	590,3	527,9
Рязанская	161	100082	2837,5	3912,4	16	8460	359,8	427,4
Самарская	266	186895	8048,4	9708,9	7	3090	186,8	223
Петербургская	8	2838	119,1	144,1	62	25800	2506,6	2703,9
Саратовская	168	100324	3958,4	5685,4	33	19632	1670,6	1888,4
Симбирская	101	71672	2085,2	2909,4	3	1627	120,9	154,6
Смоленская	102	54734	1906,6	2478	13	6990	391,8	426,2
Таврическая	84	68758	6937,1	7700,8	56	57007	8078,2	9164,7
Тамбовская	204	123251	4031,8	5799,6	61	34770	1775,6	2275,1
Тверская	57	32048	1072,1	1320,7	18	5216	394,9	481,1
Тульская	188	105845	3294,6	4513,8	21	10903	421,2	564,3
Уфимская	222	169626	4207,4	5665,4	6	2966	167,4	188,2
Харьковская	204	170216	9438,6	12492,9	18	14215	1999	1975,4
Херсонская	314	212781	14035,7	15042,2	63	45492	4300,2	6235,2
Черниговская	131	65419	2571,5	3568	54	31892	2651	3942,6
Эстляндская	0	0	0	0	40	11334	5764,3	4423,5
Ярославская	116	60241	1863,5	3033,4	21	8826	393,8	610,1
Всего	6327	4101643	175407,0	217229,0	2064	1200870	168790,2	191878,3
Источник	6327	4102643	175407,0	217229	2064	1200870	168790,2	191978,3
Варшавская	4	4439	380,9	313,3	107	99576	20090,1	13527,2
Калишская	1	2240	200,2	172,1	72	30293	6100,2	5886,7
Келецкая	22	4876	413,6	439,4	35	14575	1992,5	1698,3
Ломжинская	7	7814	833,9	309,9	45	13682	1881,7	1504,1
Люблинская	19	21111	1970,2	1299,8	84	66365	12080,9	10578,4
Петроковская	1	456	38	28,8	101	100710	18369,1	11157
Плоцкая	27	29320	3081,8	2716,8	13	5390	637,1	605,3
Радомская	3	818	83,8	82,7	55	30245	4802,3	3226,3
Сувалкская		0	0	0	27	6887	1015,9	961
Седлецкая	3	253	16,6	17,2	81	38723	4894,9	4449,8
Всего	87	71327	7019	5380	620	406446	71864,7	53594,1

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Бакинская	35	7380	370	519,8	3	187	123,9	98,5
Батумская	4	678	24,5	41,3	4	520	49,1	102
Дагестанская	5	540	29,2	31,2	3	387	37,6	41,3
Елисаветпольская	11	2733	75,6	117,6	13	3020	145,3	194,6
Карсская	3	846	4,4	27,8	6	3196	373,5	704,8
Кубанская	158	111825	10151	11266	70	57628	10264,9	8520,9
Кутаисская	52	12234	394,5	579,5	9	2207	175,6	292
Сухумский	8	1448	68,1	102,2	10	1294	119,4	177,7
Ставропольская	49	38209	2289	2248,4	0			
Терская	86	37471	2478,8	3534,8	3	1084	158,6	202,2
Тифлисская	60	15562	379,7	667,1	23	4656	193,6	379,3
Закатал. округ	0	0	0	0	0			
Черномор.	11	3074	163,5	239,7	0			
Эриванская	32	10442	149,1	437,7	18	8186	922,7	1931
Всего	514	242442	16577,4	19813,1	162	82365	12564,2	12644,3
Амурская	12	1562	74,6	84,2	1	100	10,2	10,1
Енисейская	77	32123	803,7	1074,6	1	426	11,6	18,9
Забайкальская	44	13084	400,2	524,4	2	247	4,9	5,8
Иркутская	37	13262	343,6	504,7	4	1479	52,7	76,9
Камчатская	0							
Приморская	48	7899	310,6	372,5				
Сахалинская	0							
Тобольская	197	119396	4198	6214,4	12	6090	350	442,1
Томская	286	166894	5139,2	6845,8	13	3664	174,9	277,9
Якутская								
Всего	701	354220	11269,9	15620,6	33	12006	604,3	831,7
Акмолинская	97	34800	1320,5	2186	24	10658	618	999,8
Закаспийская	3	651	31,1	48,7	24	5460	171,2	482,3
Самаркандская	75	15651	332,2	1132,1	3	391	8,6	35,4
Семипалатинская	19	6113	252,3	389,8	4	1115	39,4	63
Семиреченская	15	4652	168,1	221,1	4	790	39,8	47,8
Сыр-Дарьинская	14	2215	43,4	228,9	61	11728	308,1	1147,9
Тургайская	34	11789	309	541,3	6	2337	135,8	206,1
Уральская	14	6752	326,2	504,3	31	9792	469,6	728,6
Ферганская	64	17096	355,6	1076	2	607	14	22,9
Всего	335	99719	3138,4	6328,2	159	42878	1804,5	3733,8
Империя	7964	4870351	213411,7	264371,0	3038	1744565	255627,9	262782,2

Содержание

От автора.....	5
Введение.....	18
1. Проблема «голодного экспорта»	48
1.1. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню?	49
1.1.1. Перевозки хлеба в неурожайные годы	52
1.1.2. И все-таки она недостоверна! — 1: аргументы теоретические и эмпирические	58
1.1.3. И все-таки она недостоверна! — 2: урожайная статистика в годы недородов	67
1.1.4. Урожайная статистика и проблема социального заказа.....	73
1.1.5. И все-таки она недостоверна! — 3: волостные писари как гаранты репрезентативности русской урожайной статистики	81
1.2. Значение экспорта в хлебной торговле России конца XIX — начала XX вв.	97
2. О правительственной продовольственной помощи.....	118
2.1. Как родился миф о голоде	132
2.2. Повседневность неурожайного года	143
3. Статистика против публицистики: платежи и недоимки	151
3.1. Связаны ли размеры наделов и недоимки?	156
3.2. Как возникают недоимки?	182
3.3. Общинный романтизм и действительность: сельские сходы	189
3.4. Общинный романтизм и действительность: организация податного дела	195
3.5. Историографический сюрприз: задолженность состоятельных крестьян	203
3.6. Несколько дополнений	206
3.7. Задолженность Московской губернии.....	216
4. Статистика против публицистики: акцизные платежи и праздники.....	230
5. Легко ли модернизировать Россию?	259
5.1. Два героя российской индустриализации	279
5.2. Нелегкие пути модернизации	308
5.3. С. Ю. Витте и профессиональное образование в России	317
6. Статистика против публицистики: анализ железнодорожных перевозок	322
6.1. Грузовые перевозки и развитие народного хозяйства	322
6.2. Пассажирские перевозки	344
7. Статистика против публицистики: вклады в сберкассы	359
7.1. Пространственный аспект сберегательного дела	376
7.2. Сбережения сельских жителей.....	387
7.3. Сбережения городских ремесленников и кустарей.....	406
7.4. Сбережения промышленных рабочих	410
7.5. Сбережения торговцев	413
7.6. Сбережения общественных и частных служащих	416
7.7. Сберегательное дело в годы Первой мировой войны — контуры будущего	419

8. Столыпинская аграрная реформа	423
8.1. Что было необходимо реформировать?	438
8.1.1. Чересполосица и длинноземелье	447
8.1.2. Сложные (однопланые) общины и внеадельная чересполосица	452
8.1.3. Уравнилельно-передельная община и крестьянская ментальность.....	456
8.2. Аграрная реформа Столыпина: историографические заметки	474
8.3. Начало реформы и коррекция плана преобразований	484
8.4. Землеустройство	497
8.5. Потребление усовершенствованных сельхозмашин и орудий	510
8.6. Агрономическая помощь в ходе аграрной реформы Столыпина.....	519
8.6.1. Земская агрономия до 1906 г.: история бездействия	519
8.6.2. Организация агрономической помощи в годы реформы	530
8.6.3. Основные направления агрономической помощи	539
8.6.4. Агрономическая помощь: информация с мест	547
8.6.5. Агрономическая помощь: краткие выводы	577
8.7. Первые результаты землеустройства: обследование «Землеустроенные хозяйства».....	579
8.8. Бывают ли реформы идеальными?.....	591
8.9. Развитие сельскохозяйственного образования, опытного дела и огнестойкого строительства в годы реформы	601
8.10. Развитие кооперации в годы реформы	610
8.10.1. Сельскохозяйственные общества	610
8.10.2. Сельскохозяйственные товарищества и артели.....	637
8.10.3. Кредитная кооперация	640
8.10.4. Число и географическое распределение учреждений мелкого кредита	644
8.10.5. Динамика роста числа членов кредитных кооперативов	653
8.10.6. Степень охвата населения организацией народного кредита.....	665
8.10.7. Оборолные средства кредитной кооперации, вклады, ссуды.....	668
8.10.8. Назначение ссуд	686
8.10.9. Посреднические операции кредитных кооперативов.....	694
8.10.10. Сословно-общественные кредитные учреждения	697
8.10.11. Проблемы кредитной кооперации	699
8.11. Азиатская Россия и реформа П. А. Столыпина	706
8.11.1. Переселение в Сибирь: о чем молчат критики.....	708
8.11.2. Империя и азиатская Россия — новое видение интеграции	732
8.12. Что скрывают цифры	765
8.13. Когда не знаешь будущего — полтора года предвоенных забот	788
8.14. Столыпинская аграрная реформа — предварительные итоги	802
9. Как нам измерить Россию.....	827
10. Социализм в России: национальная идея или парафраз крепостничества?	841
11. Община как «национальный проект» и цена «народолюбия»	869
12. О настоящем голоде и голодном экспорте.....	882
Выводы	936

Приложение I. К полемике Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова.....	962
Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX вв.	963
Приложение II. О перевозках хлеба в порты Черного и Азовского морей в 1893–1913 гг.	996
Приложение III. Статистика сберегательного дела в 1897 и 1913 гг.	1031
Приложение IV. Данные о землевладении в 1905 г.	1052
Приложение V. Статистика землеустройства в 1907–1915 гг.	1055
Приложение VI. Статистика железнодорожных перевозок сельхозмашин и орудий в 1900–1913 гг.	1058
Приложение VII. Статистика кредитной кооперации на 1 января 1906 г, 1914 г. и 1915 г.	1061